

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 12 (78). №2

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2026

Свидетельство о регистрации - серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Учредитель ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского, протокол № _____ от _____ г.**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки), 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки), 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
Адрес учредителя и издателя: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4, корп. В, ауд. 105

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н., д. и. н., проф. (главный редактор)
Аббасов Гифис Гасан оглы д. ю. н., доц.
Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.
Берг Людмила Николаевна, д. ю. н., проф.
Биляев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н., проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.
Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.
Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.
Козлова Елена Борисовна, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.
Люттов Никита Леонидович, д. ю. н., проф.
Новикова Алевтина Евгеньевна, д. ю. н., доц.
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., д. и. н., проф.
Сонин Олег Евгеньевич, к. ю. н., доц.
Тонков Евгений Евгеньевич, д. ю. н., проф.
Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.
Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.
Нифанов Алексей Николаевич, к. ю. н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4, корп. В, ауд. 105

Подписано в печать _____.2026. Формат 70х100 1/16
усл. п. л. Заказ № НП/3 Тираж 50 экз. Цена «Бесплатно».
Дата выхода в свет «__». _____. 20__ г.

Отпечатано в Издательском доме
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
<http://sn-law.cfuv.ru>

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 3-7.

УДК 340.1; 347.962; 347.168

СУДЕБНАЯ АНАЛИТИКА КАК ЧАСТЬ ПРАВОВОЙ АНАЛИТИКИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ФУНКЦИИ, ВЫЗОВЫ

Адыгезалова Г. Э.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

В статье рассматривается судебная аналитика как наука, вид юридической деятельности и учебная дисциплина. Развитие правовой аналитики и внедрение ее в образовательные программы свидетельствует об актуализации вопросов правового анализа, правовой квалификации и др. Внедрение в судебную систему новых технологий ставит судебную власть перед вызовами, связанными с угрозой распространения механического, машинного судопроизводства, которое может быть удобным в процедурном плане, но способствует возникновению рисков, обусловленных тем, что судья потеряет свою ценность как хранитель правовых традиций и вершитель правосудия, справедливости. С одной стороны, новый инструментарий и открытое его использование будут способствовать реализации принципа гласности, открытости и публичности судопроизводства, с другой – могут привести к дегуманизации правосудия. Задача современной юриспруденции заключается том, чтобы обеспечить аккуратное внедрение технологий искусственного интеллекта, программно-аналитических комплексов в судебную деятельность под контролем профессионального человеческого интеллекта с высоким уровнем мотивации и самосознания. Не менее важна аналитика судебной деятельности извне, которая должна осуществляться для социально-значимых целей, а не для извлечения личной выгоды, в том числе материальной, отдельными лицами и социальными группами.

Ключевые слова: правовой анализ, юридический конфликт, предиктивная аналитика, алгоритмизация права, правоприменение, судебная статистика, принцип права, судопроизводство, правосудие.

Интерес в российской юриспруденции к судебной аналитике обусловлен двумя основными причинами. Во-первых, развитием новых цифровых технологий, позволяющих собирать, хранить, оценивать и анализировать большие данные (Big Data). Помимо того, что новый инструментарий используется не только юристами, но и иными специалистами, участвующими в разрешении юридических споров (конфликтов), аналитические комплексы на основе искусственного интеллекта начинают внедрять непосредственно в судопроизводство. Так, Председатель Верховного Суда РФ Игорь Викторович Краснов в конце 2025 г. на совещании с председателями федеральных судов обозначил такое внедрение в качестве ключевого направления развития правосудия, что обеспечит единообразие судебной практики.

Масштабное использование программно-машинных технологий судьями позволяет не только упростить поиск необходимых документов, но и вырабатывать правовую аргументацию и правовую позицию. Происходит постепенное движение от интуитивного правоприменения в сторону механической юриспруденции. В XX в. механической юриспруденции и формальному подходу противостояла социологическая юриспруденция. В настоящее время дискуссия вышла на новый уровень, так как возникает угроза «бездушного правосудия», когда могут быть не учтены факты и обстоятельства конкретной правовой ситуации и человеческое мышление (даже если оно формально останется обязательным в судебном процессе) будет подменяться машинным, а судьи не будут брать на себя риск формирования своей собственной практики в пределах, допустимых законом и судебским усмотрением.

Второй причиной актуализации вопросов судебной аналитики является тотально низкое доверие населения судебной системе. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) проводит ежемесячные измерения одобрения деятель-

ности общественных институтов, среди которых обозначены Российская армия, Русская православная церковь (РПЦ), правоохранительные органы, средства массовой информации (СМИ), Общественная палата РФ, судебная система, профсоюзы, политические партии и оппозиция. По уровню одобрения указанных институтов в январе 2025 г. судебная система находилась на шестой позиции, а в январе 2026 г. оказалась на пятой строчке, опередив политические партии [4]. Такое положение свидетельствует о негативной оценке работы судов, требует серьёзного анализа работы судей, включая необходимость противодействия коррупции, реализации принципов независимости, гласности и открытости судопроизводства, чему могут способствовать новые технологии. Согласно ведомственной статистике Верховного Суда РФ, остаётся высоким количество жалоб на организацию работы суда (волокита, нарушение сроков, хамство сотрудников судов).

В юридической литературе можно встретить различные формулировки, связанные с судебной аналитикой. Например: судебная социология, правовая аналитика судебной практики [7], аналитика судебных решений [3], аналитика в правосудии, предиктивная судебная аналитика [6].

Судебная аналитика как часть правовой аналитики. Правовая аналитика может рассматриваться, как наука, как вид юридической деятельности, как результат аналитической деятельности, как учебная дисциплина. Аналогичного подхода можно придерживаться в отношении судебной аналитики, рассматривая её как часть правовой аналитики [1; 2].

Судебная аналитика может быть представлена как наука, направленная на изучение особенностей и закономерностей юридической деятельности, основанной на сборе, анализе, обобщении, оценке правовой информации в области судопроизводства с целью эффективного правообразования и правореализации, предупреждения и разрешения юридических конфликтов (споров), прогнозирования правового развития.

Судебная аналитика может рассматриваться как специализированный подвид правоприменительной аналитики, которая, в свою очередь, выступает ключевым компонентом общей системы правовой аналитики. Судебная аналитика также представляет собой особый вид творческой интеллектуальной деятельности, направленной на извлечение актуального знания из массивов собранной правовой информации для подготовки и принятия юридически значимых решений в процессе судопроизводства. В цифровой среде судебная аналитика трансформируется в автоматизированный процесс обработки данных судебных дел, позволяющий систематизировать, моделировать и прогнозировать новые аналитические результаты. При этом важно, что результат автоматизации должен всегда быть осмыслен и доработан в ходе творческой интеллектуальной деятельности профессионала, обладающего профессиональным и доктринальным правосознанием.

Таким образом, судебная аналитика – профессиональная *творческая интеллектуальная деятельность*, связанная с судопроизводством и судоустройством, которая может осуществляться как изнутри самим судом (в том числе специалистами отделов анализа и обобщения судебной практики), так и извне участниками (реальными и потенциальными) судебного процесса.

Кроме того, под судебной аналитикой можно понимать *систему заключений и суждений*, основанных на анализе правовой информации, связанной с организаци-

онной и правоприменительной деятельностью суда (совокупность отчётов, докладов и иных документов, в которых представлены результаты анализа).

Судебную аналитику надо разграничивать с судебной статистикой. Если последняя представляет собой сбор и учёт количественных данных о работе судов (число дел, виды решений), то судебная аналитика — это интерпретация этих данных для поиска закономерностей, факторов, влияющих на решения, и прогнозирования, превращающая цифры в выводы. Статистика фиксирует «что произошло», а аналитика объясняет «почему» и «что это значит». Цель, методология и результаты судебной статистики и судебной аналитики отличаются. Сбор, фиксация и систематизация количественных показателей являются целью статистики, а поиск причинно-следственных связей, выявление тенденций — целью аналитики. В рамках статистики осуществляются сводка, группировка, расчёт абсолютных и относительных величин, выраженные в форме таблиц, графиков, таблиц, баз данных, а в аналитике применяются методы моделирования, корреляционного анализа, сравнительного анализа, построения прогнозных моделей (например, сравнение судебной практики в разных регионах), а результаты оформляются в форме аналитических докладов, рекомендаций по совершенствованию правосудия, отчётов с аналитикой и др. Таким образом, статистика является основой для аналитики. Без статистических данных невозможно проведение глубокого аналитического исследования судебной деятельности. Судебная аналитика как учебная дисциплина — система научных знаний, практических умений и навыков с целью систематизации и обучения, усвоения знаний, накапливаемых наукой судебной аналитики.

Несмотря на то, что выше приведены возможные характеристики судебной аналитики, как самостоятельной науки, необходимо отметить, что ещё рано говорить о сформированности данной науки и о месте её в системе юридических наук. Даже правовая аналитика как наука пока находится в стадии формирования, а толчок этому дало внедрение цифровых технологий в юридическую деятельность, что заставило правоведов погрузиться в проблемы аналитической философии и аналитической юриспруденции, выступающих теоретико-методологической основой правовой аналитики.

Как часть правовой аналитики, судебная аналитика выполняет **следующие основные функции и задачи**: совершенствование законодательства (судебная практика позволяет выявлять пробелы в праве и юридические коллизии); предиктивная (прогнозная) функция (позволяет предсказывать потенциальные исходы дел и финансовые результаты судебных процессов); функция адаптации права к реальным общественным отношениям (в том числе через толкование, через обращение за разъяснениями в высшие судебные инстанции как со стороны нижестоящих судов, так и иных участников судебного процесса).

Наибольший резонанс в юридическом сообществе вызывает «аналитика судей», под которой понимается выявление закономерностей в логике и поведении конкретных судей. Понятие «аналитика судов» охватывает более широкие аспекты, включая анализ статистики по юрисдикциям, материально-технические и организационные проблемы деятельности судов, особенности судебного толкования и судебного усмотрения и др. Публичный характер судебной информации, размещаемой на специальных платформах в сети Интернет, привёл к увеличению числа ана-

литических компаний, предоставляющих услуги судебной аналитики и аналитики судей. Для ограничения подобного рода деятельности, которая может быть направлена не на поддержание и обеспечение законности и правопорядка, а на обеспечение финансового благополучия (получение материальной выгоды, корыстные цели) и минимизацию рисков при злоупотреблении правом недобросовестными субъектами правоотношений, государство вынуждено рассматривать вопрос о пределах публичности и о возможном столкновении принципа гласности судопроизводства с принципом независимости судей и их правом на частную жизнь. В марте 2019 г. в законодательстве Франции появилась норма о возможности сокрытия данных об участниках судебного процесса и запрете анализа, сравнения или прогнозирования профессиональной деятельности судей под угрозой уголовного наказания: «Несмотря на первый абзац, имена физических лиц, упомянутых в решении, будь то стороны или третьи лица, удаляются до того, как становятся доступными для общественности. Если их разглашение может поставить под угрозу безопасность или неприкосновенность частной жизни этих лиц или их партнёров, любой элемент, который может идентифицировать стороны, третьих лиц, судей и сотрудников суда, также удаляется».

«Персональные данные судей и сотрудников суда не могут быть использованы повторно для целей или результатов оценки, анализа, сравнения или прогнозирования их фактической или предполагаемой профессиональной деятельности» [5].

На сегодняшний день предметно и практически полезно можно рассуждать о судебной аналитике как о виде юридической деятельности, инструментарий которой включает в себя как уже ставшие классическими справочно-правовые системы (например, «Консультант Плюс», «Гарант»), так и продвинутые технологии Legal Tech (юридические технологии, служащие общей рамкой для внедрения программных продуктов в аналитическую деятельность), основанные на нейросетях и обработке естественного языка. Это позволяет разделить аналитическую деятельность на два уровня: подготовка и оценка собственных решений судьями и анализ практики, накопленной в различных информационных ресурсах.

Проблемы судебной аналитики обусловлены как техническими, так и этическими вызовами, перед которыми оказались современные общества и государства: смещение алгоритмов, при котором модели, обученные на исторических данных, могут воспроизводить дискриминацию (социальную, расовую и др.); риск «цифровой стигматизации» (при применении машинного подхода, например, люди с судимостью могут получить более жёсткие наказания без учёта контекста и фактических обстоятельств конкретного дела); «черный ящик», т.е. недостаточная объяснимость алгоритмов, что подрывает принцип гласности судопроизводства (многие судьи скептически относятся к рекомендациям ИИ из-за невозможности отследить логику автоматизированных расчётов); технологическая проблема «грязных» наборов данных может приводить к некорректным прогнозам из-за ошибок в разметке информации; риски манипуляции судебными решениями через хакерские атаки (проблема кибербезопасности); чрезмерная алгоритмизация может привести к утрате индивидуального подхода и игнорированию субъективных факторов (например, тяжёлое положение подсудимого и его психологическое состояние); дегуманизация правосудия в результате превращения его в механистический процесс (что может проис-

ходить в том числе и для снижения нагрузки на судей, и для ускорения судебного процесса).

Таким образом, судебная аналитика, формирующаяся сегодня как ответ на вызовы, с которыми столкнулось современное общество, продолжит своё развитие и, опираясь на идеи инструментализма, прагматизма и социальной полезности, станет не только видом юридической деятельности, но и наукой, способствующей эффективному взаимодействию общества и государства в деле достижения баланса между частным, общественным и государственным интересами. Развитие судебной аналитики, как и правовой неизбежно, что требуют установления «правил игры», то есть принципов и, возможно, аксиом судебной аналитики и как науки, и как вида юридической деятельности.

Список литературы:

1. Адыегезалова Г. Э. Правовая аналитика. М.: Директ-Медиа, 2023.
2. Исаков В.Б. Правовая аналитика: учебное пособие для студентов старших курсов и слушателей магистратуры. 4-е издание. М.: НИУ ВШЭ, 2014.
3. Колесник И.В. Аналитика судебных решений // Юридическая техника. 2024. №18.
4. Официальный сайт аналитического центра ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov/page> (дата обращения: 15.02.2026)
5. Официальный сайт правовой информации Франции (Légifrance. Le service public de la diffusion du droit https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/article_jo/JORFARTI000038261761
6. Рустамбеков И.Р., Турдалиев М.П. Искусственный интеллект в правовой предиктивной аналитике: совершенствование судебных стратегий // Universum: экономика и юриспруденция. 2023. №9-10 (108).
7. Хужин А. М., Карпычев М. В. Правовая аналитика судебной практики в современной цифровой среде на основе юридической технологии (Legal tech) // Юридическая техника. 2024. №18.

Adygezalova G. E. Judicial analytics as a part of legal analytics: current state, functions, challenges
// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 3-7.

This article examines forensic analytics as a science, a type of legal activity, and an academic discipline. The development of legal analytics and its integration into educational programs demonstrates the increasing relevance of legal analysis, legal qualifications, and other issues. The introduction of new technologies into the judicial system poses challenges to the judiciary, owing to the threat of the spread of mechanical, machine-based legal proceedings. While these may be procedurally convenient, they also pose risks associated with the loss of judges' value as guardians of legal traditions and dispensers of justice and fairness. While new tools and their open use will promote the principle of transparency, openness, and publicity in legal proceedings, they can also lead to the dehumanization of justice. The challenge for modern jurisprudence is to ensure the careful integration of artificial intelligence technologies and software and analytical systems into judicial practice, under the supervision of highly motivated and self-aware professionals. No less important is the analysis of judicial activity from the outside, which should be carried out for socially significant purposes, and not for the extraction of personal gain, including material, by individuals and social groups.

Key words: legal analysis, legal conflict, predictive analytics, algorithmization of law, law enforcement, judicial statistics, principle of law, legal proceedings, justice.

Spisok literatury:

1. Adygezalova G. E. Pravovaya analitika. M.: Direkt-Media, 2023.
2. Isakov V.B. Pravovaya analitika: uchebnoe posobie dlya studentov starshih kursov i slushatelej magistratury. 4-e izdanie. M.: NIU VShE, 2014.
3. Kolesnik I.V. Analitika sudebnykh reshenij // Yuridicheskaya tekhnika. 2024. №18.
4. Oficial'nyj sayt analiticheskogo centra VCIOM [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-obshchestvennykh-institutov/page> (data obrashcheniya: 15.02.2026)
5. Oficial'nyj sayt pravovoj informacii Francii (Légifrance. Le service public de la diffusion du droit https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/article_jo/JORFARTI000038261761
6. Rustambekov I.R., Turdaliyev M.P. Iskusstvennyj intellekt v pravovoj prediktivnoj analitike: sovershenstvovanie sudebnykh strategij // Universum: ekonomika i yurisprudenciya. 2023. №9-10 (108).
7. Huzhin A. M., Karpychev M. V. Pravovaya analitika sudebnoj praktiki v sovremennoj cifrovoj srede na osnove yuridicheskoy tekhnologii (Legal tech) // Yuridicheskaya tekhnika. 2024. №18.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 8-17.

УДК 316.35

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Апкаев Д. М.

Владимирский юридический институт ВЮИ ФСИН России

В статье исследуется генезис и эволюция пенитенциарной субкультуры в России с середины XVI века до конца 1990-х годов. Анализируется, как под влиянием изменений в государственном устройстве, законодательстве, экономике и общественных отношениях формировались и трансформировались неформальные нормы, иерархии и традиции в местах лишения свободы. Автор показывает, что пенитенциарная субкультура, возникшая как механизм выживания в условиях изоляции, прошла сложный путь от сословной дифференциации в царской России до становления и последующего перерождения криминальной субкультуры в СССР. Особое внимание уделяется ключевым историческим периодам, каждый из которых вносил кардинальные изменения в криминальную идеологию и структуру преступного сообщества. Автор приходит к выводу, что пенитенциарная субкультура является динамичным и адаптивным социальным феноменом, зеркально отражающим процессы в обществе. Ее устойчивость и способность к видоизменению в ответ на карательную политику государства свидетельствуют о необходимости для уголовно-исполнительной системы не только силового противостояния, но и глубокого понимания исторических и социальных корней этого явления для разработки эффективных стратегий ресоциализации осужденных.

Ключевые слова: пенитенциарная субкультура, история уголовно-исполнительной системы, тюремная иерархия, ГУЛАГ, криминальные традиции, места лишения свободы, ресоциализация.

История пенитенциарной культуры представляет собой сложный процесс формирования особого социального мира, возникшего в условиях изоляции. Изучение этого феномена позволяет исследовать не только эволюцию государственной пенитенциарной системы, но и выявить уникальные механизмы самоорганизации, которые стихийно складывались внутри мест лишения свободы. Субкультура, зародившаяся в тюремной среде, развивала собственные нормы поведения, иерархию ценностей и формы коммуникации, что превратило ее в самостоятельный объект исторического анализа, отражающий взаимодействие личности и института в специфических социальных условиях [1].

История пенитенциарной культуры России до Октябрьской революции 1917 г. может показать лишь общее состояние этого деструктивного явления. Следовательно, восстановить традиции, обычаи тюремного мира прошлого довольно сложно.

В сложившейся ситуации данная тема не уменьшает интереса к возникновению и эволюции пенитенциарной субкультуры в различные исторические периоды становления государственности России. Ретроспектива формирования пенитенциарного сообщества поможет выяснить поведение преступников того времени, их внутренний мир и особенности профессиональной преступности.

Исторические артефакты могут являться основой изучения, как формировалась пенитенциарная субкультура в различные исторические периоды России, с учетом состояния экономических и политических отношений в обществе, правосознания, религиозных воззрений и других обстоятельств [2, с. 75].

Исторический анализ пенитенциарных учреждений демонстрирует, как в условиях социальной изоляции у индивидов стихийно вырабатывались специфические модели поведения, определявшие их статус внутри сообщества, формы коммуникации и стратегии адаптации. Такой вид наказания как лишение свободы в России появился не сразу.

«Тюремное заключение на Руси начало распространяться только в середине XVI в. Лишение свободы в виде тюремного заключения встречается и в Соборном Уложении 1649 г., в 41 ст. которого закрепляются положения Судебника 1550 г. С этого периода тюрьма и тюремное заключение как мера наказания начинает наиболее распространяться» [3, с. 309].

«Только во времена правления Екатерины II с 1785 г. из государственной казны стали выделяться средства на содержание арестантов, содержащихся в учреждениях для лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы. Сфера расширения применения наказания в виде тюремного заключения было определено Соборным Уложением 1649 г. Именно в это время в оборот вошло слово «тюрьма» [3, с. 312].

Становление уголовно-исполнительной системы России началось в XVIII в. «В тюремном законодательстве России начали появляться Своды, а также Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» [4, с. 67-70]. Становление в России принудительного содержания в изолированных помещениях в виде тюрьмы началось в конце XIX в. Именно в этот период началось становление неформального тюремного сообщества, чему способствовали условия жесткого содержания. Тюремное сообщество в подобных сложившихся ситуациях стали консолидироваться для выживания и обеспечивать себе безопасность и выживание.

Анфиногенов В.А. указывал, что к концу XIX в. уголовная среда представляла собой четко структурированное сообщество, внутренние связи в котором регулировались жесткими неформальными нормами. Потребность в самоутверждении и выживании в условиях социальной изоляции способствовала формированию замкнутой и своеобразной системы взаимоотношений. Эта система, в свою очередь, оказывала значительное влияние на поведение социально неустойчивых лиц. Неслучайно поэтому в дореволюционной России сложилась и получила широкое распространение особая криминальная субкультура, отличавшаяся наличием множества узкоспециализированных групп и преступных объединений [5, с.11].

В конце XIX в. с введением длительных сроков отбывания наказания в среде осужденных стала формироваться пенитенциарная субкультура с учетом их профессиональных уклонов, а также стали формироваться противостоящие друг другу объединения. На становление неформального свода правил поведения в тюремной среде повлияли тяжелые условия, что приводило к противостоянию между объединениями осужденных за еду, одежду и удовлетворение иных потребностей.

Таким образом, в местах лишения свободы стихийно зарождались основы будущей пенитенциарной субкультуры. Ее формирование шло по нескольким направлениям: осужденные объединялись как по профессиональному криминальному признаку (воры-карманники, грабители, насильники), так и по общности происхождения - религиозного, национального или земляческого. Влияние той или иной группировки напрямую зависело от численности ее сторонников. При этом тюремная среда была крайне неоднородна: вместе с закоренелыми преступниками, чье поведение во многом определялось социальными условиями, отбывали наказание и лица, совершившие незначительные проступки. Подобное социальное различие способствовало кристаллизации особых внутригрупповых ценностей, которые побуждали одни объединения к обособленности, а другие - к доминированию над основной массой осужденных. Криминальный мир России конца XIX в. отличался внут-

ренным разнообразием: в нём существовала сложная иерархия, а социальный состав и преступная специализация его представителей были чрезвычайно многообразны.

Внутри пенитенциарной среды сложилась своя, особая кастовая система. Осужденные группировались по принципам общих убеждений, физического превосходства или криминальной квалификации. Как отмечают исследователи, «лидеры подобных тюремных сообществ формировали и устанавливали правила поведения для осужденных более низких каст» [6, с. 60]. Формированию такой иерархии, основанной на силе, в немалой степени способствовала позиция тюремной администрации. «Безразличное отношение тюремного руководства к защите одних заключенных от посягательств других породило проявление своеобразного культа физической силы» [7, с. 241]. Более того, администрация порой сознательно использовала эти конфликты и внутреннее напряжение в своих целях.

В основе преступного сообщества лежала корыстно-паразитическая психология, которая и порождала специфические воровские традиции. Эти традиции, передаваясь из поколения в поколение, обеспечивали преемственность и развитие профессиональной преступности. Криминальная субкультура была не просто сводом правил, а необходимым механизмом выживания в суровых условиях и средством самооправдания перед лицом общества.

Фундамент пенитенциарной субкультуры России был сформирован к началу XX в. и включал следующие сословия [8, с. 87].

Высший титул среди осужденных занимали «Иваны». Это звание присваивалось лицам с большим криминальным опытом, отличавшимся хитростью, ловкостью и способностью противодействовать суровости тюремных реалий. Их также называли «бродягами». Данное сословие являлось возмутителем спокойствия и порядка в местах изоляции, создавая угрозу как для большинства осужденных, так и для персонала тюремных заведений.

Второе сословие составляли «храпы» - те, кто возмущался по любому поводу и всего добивался нахрапом, неправильным, незаконным и несправедливым образом.

Третье сословие было представлено разрозненной категорией «жиганов». К ним относились осужденные, не признающие и нарушающие неформальные законы, традиции и обычаи криминального мира, с противоправной ориентацией - мошенники, насильники, бандиты и им подобные.

Четвертое, самое низшее сословие, было самым многочисленным. Его составляли выходцы из крестьян, носившие название «шпанка».

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод, что в конце XIX и начале XX в. был заложен фундамент пенитенциарной культуры России. Именно в этот период формируется архитектура криминальной иерархии в местах принудительного содержания. После Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России преступный мир кардинально изменился. На видоизменения сущности пенитенциарной субкультуры России повлияли изменения ценностей в обществе и система политических, а также экономических отношений в стране рабочих и крестьян.

Процесс развития и формирование пенитенциарной субкультуры СССР следует разделить на следующие периоды: 1) ленинский период, переформатирование тюремной системы Российской империи (1917-1924); 2) сталинский период ГУЛАГА (1924-1953); 3) хрущевский период борьбы с «ворами в законе» (1953-1964); 4) брежневский период гуманизации уголовно-исполнительной системы СССР (1964-

1982); 5) горбачевско-ельцинский период переориентации уголовно-исполнительной системы (1985-1999).

1. Ленинский период, переформатирование тюремной системы Российской империи (1917-1924). В этот период в местах принудительного содержания находились различные категории преступников, которые расслаивались на управляемые авторитетными индивидуумами различные преступные группировки.

Одновременно шла борьба за место под солнцем между «авторитетами» дореволюционной формации (хранителями тюремных традиций) и «жиганами» (отказниками сложившихся традиций и обычаев преступного мира старорежимной эпохи). В пенитенциарную субкультуру «жиганы» пытались внести свои «новые» порядки, связанные с отказом любого осужденного от службы от армии, работы и участвовать в общественной деятельности учреждения исполнения наказания.

Инициативы «жиганов» не нашли отклик у тюремного населения. Подобному поведению пенитенциарного сообщества способствовали организованные советской властью частые амнистии, создание льготных условий для осужденных имеющих рабочее и крестьянское происхождение. В местах заключение под стражей оставались только представляющие общественную опасность рецидивисты, являющимися хранителями старорежимных тюремных законов, и осужденные за контрреволюционную деятельность.

Подобные действия советской власти в пенитенциарной сфере закономерно сказывались на поведении лиц, находящихся в местах лишения свободы. Осужденные были вынуждены искать новые формы компромиссов для самосохранения. Это приводило к постоянному противоборству между различными группировками внутри тюремного сообщества. Одни криминальные объединения выдерживали это давление и укреплялись, другие, напротив, распадались и прекращали свое существование. Основная масса осужденных, стремясь выжить в суровых условиях изоляции, присоединялась к более сильным и влиятельным группировкам.

В послереволюционный период Советская Россия столкнулась с глубоким экономическим и финансовым кризисом. Для стабилизации финансов, подавления гиперинфляции и формирования сбалансированного государственного бюджета В. И. Ленин предложил программу новой экономической политики (НЭП). Она предполагала государственное регулирование смешанной экономики с элементами планового и рыночного хозяйства. Эта программа, сменившая политику «военного коммунизма», была принята 14.03.1921 г. на X съезде РКП(б) и продолжалась до 1928 г.

Именно в эпоху НЭПа произошло ключевое разделение в криминальном мире. В местах лишения свободы появилась четкая дифференциация: осужденные за имущественные преступления стали именоваться «ворами», а привлеченные к ответственности за насильственные преступления - «фраерами». В результате «воры» сохранили и укрепили свое руководящее положение в пенитенциарной иерархии, тогда как «фраера» оставались на второстепенных ролях.

2. Сталинский период ГУЛАГА (1924–1953). Сложное экономическое положение, политическое противостояние в рядах РКП (б) в борьбе за центральную власть в Советском Союзе напрямую отразились на бедственном положении народа. В результате в стране наступил жесткий репрессивный режим, который увеличил число осужденных в местах лишения свободы. Однако пенитенциарная система СССР не

смогла перестроиться на раздельное содержание осужденных за различные виды преступлений. Это привело к тому, что стало допускаться совместное содержание социально опасных и случайных преступников, способствующее «заражению» последних уголовной романтикой и еще большему ухудшению обстановки в исправительных учреждениях [9, с. 268].

«Хранители» уголовного наследия переводились в исправительно-трудовые лагеря, где устанавливали свою неформальную власть и начинали вводить неписанные законы тюремного мира в пенитенциарном сообществе. Именно в этот период в пенитенциарном сообществе происходит становление трехуровневой структуры в местах лишения свободы, с возвеличиванием «вора в законе».

После «воров» более низкую ступень в иерархии пенитенциарного сообщества занимали «мужики», включающие в себя «шпанков», «чертей», «бесов», и отверженных авторитетами «жиганов». В этот период каста «мужиков» в основном пополнялась раскулаченными крестьянами, которые не были приняты в пенитенциарное сообщество и были отверженной категорией, не играющей значимую роль в преступном мире. Ниже в иерархии тюремного сообщества находились «фраера». Они, как правило, противостояли «ворам». Их жизненный уклад противоречил «воровским» традициям.

Коренные изменения в пенитенциарную субкультуру Советского Союза внесла начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война. Много осужденных оказались на фронте, среди которых немало было «воров». В местах лишения свободы были оставлены наиболее опасные преступники, к которым ужесточили правила внутреннего распорядка, которые вынуждены были нарушать «воровские законы» работать на благо фронта. Таким образом, в среде «воров в законе» произошел раскол на «вероотступников» и «авторитетов».

Послевоенный период в СССР характеризовался всплеском преступности. Этому способствовало возвращение на криминальный путь «воров», которые после демобилизации с фронта вновь оказались в местах лишения свободы. Однако «сидельцы» - авторитетные осужденные, отбывавшие срок в годы войны, - не приняли эту новую воровскую формацию. Они объявили фронтовиков «вероотступниками», отлучили их от участия в сходках и общих дел, обвинив в грубом нарушении уголовных традиций и обычаев (в частности, «закона» не сотрудничать с государством, которое они «нарушили», служба в армии).

Это привело к масштабному конфликту между «сидельцами» и «фронтовиками», вошедшему в историю под названием «сучья война». «Воры в законе», прошедшие войну, не смогли смириться с попытками «правоверных воров» лишить их статуса («раскороновать»). В ответ к концу 1940-х годов «фронтовики» создали из своих сторонников альтернативный союз, чей «воровской закон» по содержанию существенно отличался от правил, установленных «сидельцами».

На стороне «вероотступников» оказались не только фронтовики, но и бывшие военнопленные, принявшие их новые порядки. Противостояние быстро переросло в жестокое и кровавое столкновение. Начиная с 1949 года, по лагерям ГУЛАГа прокатилась волна насилия, доходившая до массовых убийств в борьбе за власть в преступной среде. Конфликт растянулся на несколько лет.

В ходе этой войны применялись и методы психологического уничтожения противника. Если «военщине» (фронтовикам) попадался «центральной вор» (сторонник

«сидельцев»), его часто не убивали, а «обезвреживали» через акт насильственного мужеложства. Подобные действия привели к формированию в пенитенциарной системе новой касты отверженных, известных под различными названиями: «обиженные», «опущенные», «петухи» или «девки».

3. Хрущевский период борьбы с «ворами в законе» (1953-1964). С приходом к власти Н.С. Хрущева изменилась государственная уголовно-исполнительная политика, которая прекратила практику переводов отдельных категорий, осужденных из одних регионов в другие. Во времена Н.С. Хрущева стала происходить реформа уголовно-исполнительной системы. Кардинально изменился режим содержания осужденных в виде правил внутреннего распорядка, бригады переименовали в отряды, под особый контроль взяли содержание в учреждениях исполнения наказаний «воров в законе».

Для стабилизации обстановки в местах принудительного содержания враждующие тюремные группировки были разъедены и стали содержаться раздельно. Ввели строгий режим содержания в учреждениях исполнения наказаний, за дисциплинарные нарушения авторитетные осужденные помещались в штрафные изоляторы, направлялись в специальные лагерные пункты и тюремные отделения.

Администрация учреждений исполнения наказаний в рамках исправления «воров в законе» и «авторитетов» и их отказа от преступной деятельности заставляли их работать на производстве, участвовать в ремонтно-хозяйственной работе. Подобные действия противоречили кодексу преступного мира. Таким образом, сотрудниками пенитенциарной системы проводилась воспитательная работа, чтобы создать негативное общественное мнение в пенитенциарной среде к лидерам тюремного мира.

В учреждениях исполнения наказаний на пространстве СССР в рамках дискредитации пенитенциарной субкультуры на территории мест принудительного содержания проводились открытые судебные процессы, в которых в роли общественных обвинителей и свидетелей выступали осужденные, чтобы дискредитировать авторитет лидеров пенитенциарного сообщества и их традиций норм и обычаев.

Основная масса тюремного населения перестали опасаться лидеров криминальных сообществ и стали объединяться в свои группы в знак протеста воровским порядкам в учреждениях исполнения наказаний. При поддержке администрации мест принудительного содержания, с учетом интересов осужденных стали формироваться советы актива осужденных, различные секции и товарищеские суды. Многие отбывающие наказание, в местах принудительного содержания поняв бесперспективность порядка и правил пенитенциарной субкультуры по собственной инициативе письменно отрекались от нее и выступали перед осужденными, чтобы они вставали на путь исправления и законопослушания.

Данный подход воспитательной работы был направлен на развенчание «воров в законе» и «авторитетов». Широко использовалась наглядная агитация, и печатные многотиражки, издаваемые для осужденных, где размещались открытые заявления и призывы осужденных с отречениями от преступного образа жизни, заложенного в уклад пенитенциарной субкультуры.

Политика администрации пенитенциарной системы по развенчанию «воровских традиций и законов» принесла свои положительные плоды. «Воры в законе» лишились права безраздельно господствовать в учреждениях исполнения наказаний.

Естественно зрители за уголовным порядком в местах принудительного содержания начали искать новые формы и способы доминирования в пенитенциарном сообществе. Пенитенциарная субкультура стала подвергаться видоизменениям под влиянием многих факторов политического и экономического характера, происходящих в Советском Союзе. Подобные изменения происходили в преступном мире уходили в историю определенные традиции и обычаи пенитенциарной субкультуры и им на смену приходили новые.

В конце пятидесятых – начале шестидесятых годов в СССР была предпринята масштабная правовая реформа. С целью решительной победы над преступностью в уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство были внесены глубокие изменения, ужесточавшие борьбу с криминалом. Эти меры заставили «лидеров преступного мира» пересмотреть принципы пенитенциарной субкультуры, вынужденно приспособившись к усилившемуся противостоянию с правоохранительными органами.

Наиболее непримиримых и стойких приверженцев «воровских традиций», составлявших относительно небольшую, но идеологически важную часть тюремного населения, стали направлять в колонии особого режима и тюрьмы с максимально строгими условиями содержания. Там они попадали под тотальный контроль сотрудников безопасности и оперативных служб. Этот контроль выражался в целом комплексе карательных и ограничительных мер: особый учет, принуждение к тяжелому труду, круглосуточное наблюдение, лишение возможности досрочного освобождения, снижение норм питания за малейшие нарушения, а также помещение в штрафной изолятор.

Несомненно, предпринятые государством жесткие меры сыграли свою положительную роль в сдерживании преступности. Однако полностью искоренить институт «воров в законе» и связанную с ним субкультуру не удалось. Криминальный мир ответил на давление консолидацией и уходом в тень, начав действовать более скрытно и изощренно. «Воры в законе» все чаще стали выступать не как публичные лидеры, а в роли скрытых кураторов и тайных советников для формальных «авторитетов», оставаясь реальной властью в теневой иерархии.

4. Брежневский период гуманизации уголовно-исполнительной системы СССР (1964-1982). Хрущевская оттепель существенно повлияла на изменения в пенитенциарной культуре учреждений исполнения наказаний. По - причине ослабления позиций «воров в законе» в пенитенциарном сообществе произошло сближение интересов с кастой «фраеров», которые также понимали, что «авторитеты хранители старых уголовных законов» без поддержки не смогут удержать власть в своих руках.

Также в это время в тюремной среде возродилась мода на карточные игры, в которых преуспевали «фраеры». Именно в этот период игральные карты стали одним из источников пополнения «воровского общака». «Воры в законе» в сложившейся обстановке закрывали глаза на прошлое «фраеров», которые стали стремиться к престолу преступного мира. Соответственно с изменением качественного состава лидерского состава пенитенциарного сообщества произошли кардинальные демократические изменения в воровских законах.

В «брежневскую эпоху» пенитенциарная субкультура в нравах стала более демократичной в отношении «воров в законе», которая имела следующие послабления:

они уже могли обзаводиться семьей и имуществом; сами совершать преступления; иметь постоянное место проживания; на воровских сходах стали принимать решения о свободном выходе из преступного сообщества; в интересах криминального братства вступать в контакт с администрацией учреждений исполнения наказаний.

При этом сохранились и старые порядки «воровского закона»: наличие «общага» для поддержки индивидуумов находящихся в местах принудительного содержания; авторитетный осужденный никогда не станет «честным вором» если служил в армии; потеряет свой авторитет, если будучи отбывающим в местах принудительного содержания участвовал в общественной работе, добросовестно трудился на производстве и за высокие показатели заслужил условно-досрочное освобождение; не придерживался «кодекса чести честного арестанта». Политика лидеров «воровского мира» имела двойные стандарты во взаимоотношении с администрацией учреждений исполнения наказаний. Прежде всего «воры в законе» призывали пенитенциарный социум не подчиняться правилам внутреннего распорядка, баррикадировать работу на производстве, нарушать ношение специальной одежды, отказываться носить нарукавные повязки во время выполнения отдельных поручений, считать героизмом и мужеством находиться в штрафном изоляторе за дисциплинарные взыскания. Между тем лидеры преступного мира не шли на конфронтацию с администрацией учреждения исполнения наказаний. Как правило, в большинстве лидеры пенитенциарного сообщества 60-х годов пренебрегали накопительством и богатством не придерживались. Хотя некоторые авторитеты пренебрегали таким правилом и занимались материальным накопительством.

Зачатки рыночной экономики, зародившиеся в 70-е годы, моментально были взяты на вооружение воровским активом, коронацию на воровском сходе уже можно было пройти, оплатив определенную сумму. Именно подобные шаги начали разрушать пенитенциарную субкультуру изнутри.

5. Горбачевско-ельцинский период переориентации уголовно-исполнительной системы СССР-России (1985-1999).

В этот период на трансформацию пенитенциарной субкультуры повлияли политические и экономические процессы, которые происходили в этот период в Советском Союзе, а затем и в России. Это тяжелое политическое и экономическое положение в стране, отразилось на увеличении преступности. Следовательно, эти процессы неизбежно отразилась на пенитенциарной субкультуре России.

Раньше любое сотрудничество осуждённого с администрацией тюрьмы считалось в криминальной среде тяжким преступлением, однако к середине восьмидесятых годов это стало обыденным явлением. На воровских сходках перестали карать тех, кто нарушал неписанные тюремные законы, а к концу десятилетия торговля званием «вора в законе» превратилась в распространенную практику. Первыми эту коррупционную модель освоили преступные группировки из южных республик СССР, в первую очередь Грузии. Представителей криминальной элиты из этого региона стали называть «мандарины» или «лаврушники». По данным МВД, в первые годы после распада СССР численность «воров в законе» резко возросла.

В этот период началось глубокое перерождение тюремной субкультуры, которое продолжилось и после исчезновения СССР. Если раньше «вор в законе» был хранителем криминальных традиций, то в эпоху Перестройки и первых лет независимо-

сти России он все чаще превращался в предпринимателя от преступного мира. Отбывая наказание, такие фигуры уже открыто игнорировали прежние «понятия» и шли на прямой контакт с администрацией учреждений, чтобы добиться условно-досрочного освобождения.

В начале 90-х годов в криминальной среде развернулась острая борьба за влияние между представителями старого «блатного» мира и новым поколением «бандитов». Последние в корне не принимали «воровской устав» и действовали методом грубого насилия и «беспредела». «Законники» - носители старой системы правил («понятий»), обязательных как на свободе, так и в тюрьме, - столкнулись с принципиально иной силой. «Бандиты», как криминальный феномен девяностых, часто набирались из бывших спортсменов, военных и сотрудников силовых структур [10, с. 107]. Их подход к преступной деятельности радикально отличался: если «воры» предпочитали решать споры через переговоры, то для «бандитов» типичным ответом было физическое устранение оппонента.

В местах лишения свободы «бандиты», в отличие от «законников», практически не скрывали готовности сотрудничать с администрацией для получения льгот и досрочного освобождения. Они держались обособленно от традиционного тюремного сообщества. К концу девяностых историческая роль «законников» сошла на нет. Инициативу и власть в пенитенциарной среде захватила новая формация «бандитов», которая и стала определяющей силой в последующие годы.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что история пенитенциарной субкультуры служит не просто хроникой криминальных обычаев, а выступает в качестве точного социального барометра. Проведена наглядная демонстрация, как масштабные политические и экономические трансформации в стране (революции, войны, смена экономических моделей) напрямую проецируются на внутреннюю жизнь мест лишения свободы, вызывая расколы, войны за власть и мутацию неформальных норм. Изучение этой эволюции дает ключ к пониманию более широких механизмов адаптации и сопротивления закрытых сообществ в условиях внешнего давления. С практической точки зрения, главный урок этого исторического пути заключается в осознании ограниченности репрессивных мер в исправлении осужденных. Как показала эпоха Н.С. Хрущева, прямое силовое противостояние с криминальными авторитетами не искореняет субкультуру, а лишь заставляет ее уходить в тень и совершенствовать свои механизмы выживания. Следовательно, эффективная современная пенитенциарная политика должна быть комплексной и опираться не только на безопасность и контроль, но и на создание в учреждениях справедливой, прозрачной среды, которая предлагает личности реальную альтернативу криминальной идентичности и жизненные стратегии, основанные на законопослушании.

Список литературы:

1. Апкаев, Д. М. Пенитенциарная субкультура как фактор социальной дестабилизации / Д. М. Апкаев, О. Н. Апкаева // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2025. – № 2(44). – С. 6-10.
2. Апкаев, Д. М. Признаки молодежной криминальной субкультуры / Д. М. Апкаев, Е. Е. Дзюба // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2024. – № 4(42). – С. 74-78.
3. Шапарь, В.Б. От сумы и от тюрьмы не зарекайся. Обычай и психология преступного мира : монография / В. Б. Шапарь. - Ростов-на-Дону : Феникс, 2004. - 491 с.
4. Гернет, М.Н. История царской тюрьмы: : Т. 1-3, 5. - 2-е изд., доп. и пересм. - Москва : Госюриздат, 1951. - 547 с.
5. Анфиногенов, В.А. Субкультура осужденных и её влияние на их поведение в условиях изоляции :

- автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Анфиногенов Василий Анатольевич. - Саратов, 2016. - 30 с.
6. Детков, М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения / М. Г. Детков. - Москва : Информ.-изд. агентство «Интерправо», 1994. - 119 с.
7. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / И.Я. Фойницкий. - Москва, 2000. - 462 с.
8. Анисимков, В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы [Текст] / В.М. Анисимков. - Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. - 202 с.
9. Дмитриев, Ю.А. Пенитенциарная психология : учебник для образовательных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации / Ю. А. Дмитриев, Б. Б. Казак. - Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. - 681 с.
10. Зверев, В. О. История тюремной субкультуры в произведениях русских авторов (середина XIX - начало XX века) / В. О. Зверев // Общество и право. - 2022. - № 1(79). - С. 103-108.

Apkaev D.M. The genesis and evolution of the penitentiary subculture in Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. - 2026. - T. 12 (78). № 2. - S. 8-17.

This article examines the genesis and evolution of the penitentiary subculture in Russia from the mid-16th century to the late 1990s. It analyzes how informal norms, hierarchies, and traditions in prisons were formed and transformed under the influence of changes in government, legislation, economics, and social relations. The author demonstrates that the penitentiary subculture, which emerged as a survival mechanism in conditions of isolation, underwent a complex journey from class differentiation in Tsarist Russia to the formation and subsequent evolution of the criminal subculture in the USSR. Particular attention is given to key historical periods, each of which brought about fundamental changes in criminal ideology and the structure of the criminal community. The author concludes that the penitentiary subculture is a dynamic and adaptive social phenomenon, mirroring processes in society. Its resilience and ability to change in response to the state's punitive policies demonstrate the need for the penal system not only to counteract this phenomenon with force, but also to deeply understand the historical and social roots of this phenomenon in order to develop effective strategies for the resocialization of prisoners.

Key words: penitentiary subculture, history of the penal system, prison hierarchy, Gulag, criminal traditions, places of detention, resocialization.

Spisok literatury:

1. Apkaev, D. M. Penitentsiarnaya subkul'tura kak faktor sotsial'noy destabilizatsii / D. M. Apkaev, O. N. Apkayeva // Penitentsiamoye pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika. - 2025. - № 2(44). - S. 6-10.
2. Apkaev, D. M. Priznaki molodezhnoy kriminal'noy subkul'tury / D. M. Apkaev, Ye. Ye. Dzyuba // Penitentsiamoye pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika. - 2024. - № 4(42). - S. 74-78.
3. Shapar', V.B. Ot sumy i ot tyur'my ne zarekavsya. Obychai i psikhologiya prestupnogo mira : monografiya / V. B. Shapar'. - Rostov-na-Donu : Feniks, 2004. - 491 s.
4. Gernet, M.N. Istoriya tsarskoy tyur'my : T. 1-3, 5. - 2-ye izd., dop. i peresm. - Moskva : Gosyurizdat, 1951. - 547 s.
5. Anfinogenov, V.A. Subkul'tura osuzhdennykh i yeyo vliyaniye na ikh povedeniye v usloviyakh izolyatsii : avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.08 / Anfinogenov Vasilii Anatol'yevich. - Saratov, 2016. - 30 s.
6. Detkov, M.G. Nakazaniye v tsarskoy Rossii. Sistema yego ispolneniya / M. G. Detkov. - Moskva : Inform.-izd. agentstvo «Interpravo», 1994. - 119 s.
7. Foynit'skiy, I.YA. Ucheniye o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniyem / I.YA. Foynit'skiy. - Moskva, 2000. - 462 s.
8. Anisimkov, V.M. Rossiya v zerkale ugolovnykh traditsiy tyur'my [Tekst] / V.M. Anisimkov. - Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press, 2003. - 202 s.
9. Dmitriyev, YU.A. Penitentsiarnaya psikhologiya : uchebnik dlya obrazovatel'nykh uchrezhdeniy Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii / YU. A. Dmitriyev, B. B. Kazak. - Rostov-na-Donu : Feniks, 2007. 681 s.
10. Zverev, V. O. Istoriya tyuremnoy subkul'tury v proizvedeniyakh russkikh avtorov (sredina XIX - nachalo XX veka) / V. O. Zverev // Obshchestvo i pravo. - 2022. - № 1(79). - S. 103-108.

УДК 343.1

ВЕРНУТЬСЯ К НРАВСТВЕННЫМ НАЧАЛАМ ПРАВОСУДИЯ

Арсентьева С. С., Савченко А. Н.

В статье авторы предприняли попытку понять причину распространенного в уголовном судопроизводстве, в том числе и в стадиях судебного разбирательства, настроенности судей не услышать доводы участников уголовного судопроизводства и представить свое видение (представление) в судебных решениях, которое не основано ни на оценке предъявленных стороной обвинения доказательств (по правилам, предусмотренным УПК РФ, ни на правилах логики).

Обозначена проблема «поверхностных» и «обвинительных» подходов в судебной практике, названных авторами «нравственным недугом» судопроизводства. Данное явление искажает основные начала уголовного судопроизводства – не осудить невиновного. Именно возвращение к нравственным началам правосудия в сфере уголовного судопроизводства способно «наполнить закон одушевленностью права посредством судебной практики» и искоренить случаи отправления правосудия «на манер клейма», то есть механически.

Ключевые слова: право, уголовно-процессуальный закон, нравственные начала правосудия, судьи, поверхностный или обвинительный подход, судебная практика, назначение уголовного судопроизводства, юридические категории, правила логики, теория познания.

Владимир Путин, выступая на X Всероссийском съезде судей 29.11.2022 г., отметил, что «В целом вызовы, угрозы, с которыми столкнулась и сталкивается сегодня страна, не могут служить оправданием поверхностного или обвинительного подхода при проведении судебных разбирательств, следственных и других процессуальных действий. Права и свободы наших граждан гарантированы Конституцией: они незыблемы, мы никогда не должны об этом забывать» [1].

Представляется, что это обращение к судьям Президента страны является указанием на существующую «болезнь» в уголовном судопроизводстве – «холодно-безучастное» рассмотрение события без учета самого субъекта, участника этого события – человека, а также рекомендация судьям самим принять меры по «излечению данной болезни».

На это явление в судебной практике, диагностируемое исследователями как «обвинительный уклон в наших судах» [2], флеш-правосудие [3], немотивированное правосудие [4], рассматриваемое через призму судебных ошибок [5], как отход от идеального понимания правосудия [6], как «нарушение элементарных правил логики» [7] обращалось внимание в юридической литературе и до указаний Владимира Путина о недопустимости такого явления.

Поэтому задача настоящей статьи состоит не в том, чтобы обосновать правильность утверждения Президента в части существования в судебной практике таких «подходов». К сожалению, это явление имеет свою историю и примеров для подтверждения этого предостаточно. В настоящее время возникла острая потребность в создании мер противодействия этому явлению, которое опошляет сферу уголовного судопроизводства произволом «при полном отделении», смысла юридических категорий при их применении «от их нравственных принципов» [8].

Причем реализуется это публично в ходе уголовно-процессуальной деятельности, в том числе при осуществлении судебного производства, когда нормы права используются вопреки правилам процесса познания и делается это от имени государства.

Это явление не только представляет реальную угрозу воплощению принципов правового государства: обеспечение верховенства закона, незыблемости основных прав и свобод человека, охраной непротивоправных интересов личности, взаимной

ответственность государства и граждан, защитой общества от произвола властей. Требования исполнения этих постулатов провозглашено не в романе оптимиста-писателя, а в документе, принятом государством - Концепции судебной Реформы, в которой проводится мысль, «что суд как средство разрешения споров о праве и устранения юридических неопределенностей обладает уникальной возможностью применять закон адекватно каждому конкретному случаю», «не механически, на манер клейма, а по правде и совести» [9].

Не поменялся обвинительный вектор и после создания отдельных апелляционных и кассационных судов, с которыми оптимисты связывали надежды на искоренение коррупционных рисков и обвинительного уклона. О нахождении «в полном здравии» этого негатива красноречиво свидетельствует судебная практика.

Так, в приговоре Уссурийского районного суда Приморского края от 6 сентября 2018 года, по которому осужден Р. по п. «б» ч.4 ст. 228.1 УК РФ к 10 годам 6 месяцам лишения свободы, суд указал, что оперативный сотрудник Р. *«используя свое служебное положение, что выразилось в получении разрешения ... на встречу с осужденным Ч. в оперативных целях...»,* прошел на охраняемую территорию..., где с целью получения от Ч., оперативной информации о совершенных... преступлениях..., с применением мер конспирации – при рукопожатии, **незаконно сбыл** наркотическое средство – гашиш (анашу, смолу каннабиса)..., **осужденному Ч., действовавшему в соответствии с Федеральным законом** «Об оперативно-розыскной деятельности» [10].

Законность приговора в отношении Р. подтверждена апелляционной инстанцией [11], а также судьей Девятого кассационного суда общей юрисдикции и судьей Верховного Суда РФ [12].

Всеми судьями, которыми рассматривались жалобы, доводы о необоснованности инкриминирования признака использования *«служебного положения»* и законность утверждения, что *«осужденный Ч., действовал в соответствии с ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»*, при бесспорности факта, что осужденного данный закон не наделяет какими-либо полномочиями вообще, и безусловной сомнительности в части «использования служебного положения», осталось «не замеченным» при подтверждении приговора вышестоящими инстанциями.

Второй пример иллюстрирует ситуацию о принятии процессуального решения по возбуждению уголовного дела при сомнительности оснований для его возбуждения по факту заключения гражданско-правового договора.

Так, следователем возбуждено уголовное дело «по признакам преступления, предусмотренного ч.3 ст. 159 УК РФ, по факту мошенничества, то есть приобретения неустановленным лицом права на имущество М.Д.Ю., совершенного в крупном размере».

«В период времени с 09 часов 00 минут 02.04.2011 года до 20 часов 00 минут 23.10.2017 года, неустановленное лицо, находясь в помещении отдела приема-выдачи документов и информации Управления федеральной службы государственной регистрации кадастра и картографии..., путем обмана приобрело право на имущество гр. М.Д.Ю., причинив тем самым последнему значительный материальный ущерб на сумму не менее 900 000 рублей, в крупном размере» [13].

Вызывает недоумение позиция следователя, **включившего** более чем шестилетний период нахождения «неустановленного лица» в публичном учреждении, которое все же смогло «приобрести право на имущество» по гражданскому договору, оставаясь для следователя невидимкой. Если законность этого документа не вызва-

ло сомнений у судей, то возникает убеждение, что при таком качестве принятия процессуальных решений неизбежность «прав и свобод наших граждан», на что обратил внимание судей Президент на съезде, на практике «незыблемыми» не являются.

Анализ следующего примера может служить иллюстрацией *совокупности* подобного рода «подходов» в судебной практике, которые Президент назвал «поверхностными» и «обвинительными».

Суд посчитал реальной угрозой убийством при следующих обстоятельствах, изложенных потерпевшим: «... он боялся, что если К. применит электрошокер (*пояснение наши – потерпевший предполагал, что в руках К. электрошокер, которого у последнего в действительности не было*), то он упадет на дорогу, и его может переехать автомобиль, поскольку на данном участке дороги автомобили не останавливаются. Угроза его жизни и здоровью заключалась в выражении К. «Я тебе дам», которое было сказано с такой интонацией, что не вызвало сомнений в возможности осуществления угрозы» [14].

Суждение судьи апелляционной инстанции: «... нахождение сторон в момент совершения угрозы убийством рядом с автомобильной дорогой свидетельствуют о наличии у потерпевшего З. оснований опасаться осуществления этой угрозы» [14].

Вл. Соловьев, человек, будучи «завербованным» философией в круг мудрецов, прекрасный знаток логики, привел формулу проверки подлинности взгляда: «Истинность всякого взгляда проверяется тем, можно ли его логически провести до конца, не впадая в противоречия и нелепости» [8 с. 507].

Профессиональным читателям статьи предлагаем самим «логически» довести до конца суждение судьи апелляционного суда об обоснованности реального существования угрозы убийством, только по тому, что рядом расположена автодорога, так как наши попытки сделать это *проваливали нас в «нелепость»*.

Обращаясь к философскому аспекту данной статьи, следует привести высказывание известного искателя не только истины, но и смысла жизни - Моисея Рубинштейна, русского философа и педагога.

Представляя свою точку зрения о необходимости возрождения философии, «*ее подъему к истокам мудрости и жизненного поучения*», он так определил значение философского знания: «Знание философское не может не быть действенным; оно должно твориться ради правды, правды широкой, правды-истины, правды-справедливости и правды – живой полноты смысла» [15 с. 51].

Судья, рассматривающий конкретное уголовное дело, конечно же не может обнять правду в такой широте ее значения как она понимается в науке о мудрости, но потребность в отыскании правды при отправлении правосудия составляет нравственную основу данной деятельности. Для этого необходимо просто добросовестно выполнять свои прямые обязанности, а именно, проводить объективный анализ сведений, содержащихся в материалах уголовного дела, без искажения или умолчания об их наличии.

Умаление идеала судебной практики является свидетельством того, что в правоприменении присутствует «нравственный недуг», избавление от которого возможно только при наличии профессионального судейского корпуса.

Для этого необходимо всего лишь строго соблюдать процессуальные формальности закона и чтобы закон, как верно заметил В.Г. Ярославцев, одушевлялся человеком-судьей: «Итак, там, где закон «одушевляется» человеком-судьей, появляется право. Право есть в широком смысле душа закона, часть его «бессмертия» от пре-

торского права Рима до наших дней, и каждая эпоха наполняет закон одушевленностью права посредством судебной практики...» [16 с.12].

Необходимо всего лишь, чтобы право на обжалование судебного решения не воспринималось вышестоящими судьями в виде суждения, озвученного героем в известной кинокомедии: *«Золотой мой, что-что, а право – то вы имеете»*.

Это к тому, что право обжалования, как и принесение прокурором представления, не гарантирует участникам, что их обращения в суд апелляционной инстанции будут рассмотрены по правилам рассмотрения в суде первой инстанции. Так сложилась практика, что в процессе реформирования инстанционного прохождения дел мы имеем фактически три кассационных инстанции, а если быть более точным, то четыре, так как надзор и все три кассации (мы включаем условно и апелляцию), в процессуальных категориях не являются синонимами, но на самом деле они идентичны по сути.

Первая юридически называется апелляционной инстанцией, но фактически, что подтверждается и судебной практикой данных судов, это все та же кассация по содержанию обозначена как «апелляция».

Вторая кассация – это кассационные суды общей юрисдикции, а третья – Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, четвертая – надзор, а по содержанию и исполняемым задачам та же кассация.

Представляется, что реформирование апелляционного и кассационного производства фактически лишило участников уголовного судопроизводства на возможность повторного полноценного рассмотрения их обращений в вышестоящих судах.

По нашему мнению, это одна из причин сохранения указанного негативного явления в судебной практике.

Решение этой проблемы значимо не только для потерпевшего и обвиняемого, т.е. для отдельных лиц, но и для общества в целом, а также торжества нравственных ценностей и для самого права.

Озвученные Президентом изъяны в уголовном судопроизводстве, а именно бездушные правоприменители при осуществлении уголовного преследования и разбирательстве уголовных дел (что объединяет оба «подхода»), поддаются коррекции, и для этого необходимо обратиться к области знания, которое, очевидно, чуждо служителям фемиды, принимавшим вышеприведенные процессуальные решения – нравственной философии и применения этого знания в практической деятельности.

Взросший запрос общества на гуманность и ее самое яркое проявление – доброту, необходимо реализовать введением оценки судебных и следственных материалов в том числе с этих позиций.

При осуществлении правосудия без нравственного, гуманного подхода выхолащивается весь смысл правосудия как цивилизованной деятельности человека, которую довольно яростно в уголовной и процессуальной науке некоторые сторонники продвижения услуг в уголовном судопроизводстве пытаются заменить механическим правосудием в виде робота-судьи или цифровыми технологиями.

Для устранения недостатков правоприменительной практики необходимо принять ряд пилотных решений Верховным Судом РФ о нравственных началах уголовного судопроизводства в следственной и судебной деятельности.

Гл. же 2 «Принципы уголовного судопроизводства» уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дополнить примечанием, в котором отразить их нравственный вектор и важность соблюдения процессуальной формы.

Именно обращение к нравственным основам правосудия в сфере уголовного судопроизводства, в чем мы убеждены, способно «наполнить закон одушевленностью права посредством судебной практики» и искоренить случаи отправления правосудия «на манер клейма», то есть механически.

Тогда будет и побежден пессимизм, неверие в возможность достижения справедливости в уголовном и гражданском судопроизводстве, которое основано на отрицании правды в такой сфере, в которой в идеале должна торжествовать только правда и представить будет невозможно во сне и наяву, что «адвокату за упоминание им в суде имени Аристотеля в связи со справедливостью объявляют замечание с занесением в протокол судебного заседания» [17].

Список литературы:

1. Выступление Владимира Путина на десятом Всероссийском съезде судей 29 ноября 2022 года – URL: <https://vsrf.ru/files/31797/>
2. Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 455-462.
3. Багаутдинов Ф.Н. Флеш-правосудие // Российский судья. 2021. № 4. С. 62-64.
4. Султанов А.Р. Является ли немотивированное правосудие правосудием // Российский судья. 2017. № 12. С. 29-33.
5. Сумин А.А. Право на судебную ошибку – легализация судейского непрофессионализма и личной ответственности судей // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 223-225
6. С.С. Арсентьева, А.Н. Савченко Системные судейские ошибки или просто система? // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. - 2022. - Т.8 (74). № 3. С. 260-264.
7. С.Б. Поляков Судейская логика // Провинциальные научные записки, 2018. № 2, С. 34-41.
8. Вл. Соловьев Оправдание добра / Владимир Соловьев. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 768 с. – (Азбука-классика. Non- Fiction). С. 507.
9. Концепция судебной реформы 1991 года была обсуждена и принята Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД РСФСР. 1991. № 44. Ст.1435
10. Приговор Уссурийского районного суда Приморского края от 6 сентября 2018 г. в отношении Р., осужденного по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ к 10 годам 6 месяцам лишения свободы. Дело № 1-28/2018 (1-632/2017) Уникальный идентификатор дела 25RS0029-01-2017-000459-68 – URL: https://ussuriysky-prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5330154&delo_id=1540006&new=0&text_number=1
11. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Приморского краевого суда от 7 февраля 2019 г. Дело № 22-422/19. Архив Уссурийского районного суда Приморского края.
12. Карточка производства. 12.10.2020 судьей Верховного Суда РФ отказано в передаче кассационной жалобы. Жалоба 56-УК20-314-К9 – URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/appeals/10753962#10753962>
13. Дело № 1-22/2021 в отношении С. Архив Калининского районного суда г. Челябинска
14. Апелляционное постановление Балаклавского районного суда от 26 октября 2021 г. за №№ 1-32-3/2020, 10-14/2021 в отношении К. Архив Балаклавского районного суда.
15. Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу: Том 1 / Под. Ред. Н.С. Плотникова и К.В. Фараджева – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С. 51.
16. Ярославцев В.Г. Нравственное правосудие и судейское правотворчество. –М.: ЗАО Юстицинформ, 2007. - С. 12.
17. С.Б.Поляков Наше мнение: только искусственный интеллект принудит судью к справедливости // Вестник Московского университета МВД России.2021. № 3. - С. 213-218.

Arsentieva S. S. Savchenko A. N. Return to the moral principles of justice // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 18-23.

In the article, the authors made an attempt to understand the reason for the widespread in criminal proceedings, including at the stages of trial, the mood of judges not to hear the arguments of participants in criminal proceedings and to present their vision (representation) in court decisions, which is not based on an assessment of the evidence presented by the prosecution (according to the rules provided for by the CPC of the Russian Federation) not based on the rules of logic. The problem of "superficial" and "accusatory" approaches in judicial practice, called by the authors a "moral ailment" of judicial proceedings, is outlined. This phenomenon distorts the basic principles of criminal proceedings – not to convict an innocent person. It is precisely the return to the moral principles of justice in the field of criminal justice that can "fill the law with the animation

of law through judicial practice" and eradicate cases of administration of justice "in the manner of a stigma", that is, mechanically.

Keywords: law, criminal procedure law, moral principles of justice, judges, superficial or accusatory approach, judicial practice, purpose of criminal proceedings, legal categories, rules of logic, theory of cognition.

Spisok literatury:

1. Vystuplenie Vladimira Putina na desyatom Vserossijskom s"ezde sudej 29 noyabrya 2022 goda – URL: <https://vsrf.ru/files/31797/>
2. Voskobitova L.A. Obvinenie ili obvinitel'nyj uklon // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2014. № 3. S. 455-462.
3. Bagautdinov F.N. Flesh-pravosudie // Rossijskij sud'ya. 2021. № 4. S. 62-64.
4. Sultanov A.R. Yavlyaetsya li nemotivirovannoe pravosudie pravosudiem // Rossijskij sud'ya. 2017. № 12. S. 29-33.
5. Sumin A.A. Pravo na sudebnuyu oshibku – legalizaciya sudejskogo neprofessionalizma i lichnoj bezotvetstvennosti sudej // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2021. № 2. S. 223-225
6. S.S. Arsent'eva, A.N. Savchenko Sistemnye sudejskie oshibki ili prosto sistema? // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. - 2022. -T.8 (74). № 3. S. 260-264.
7. S.B. Polyakov Sudejskaya logika // Provincial'nye nauchnye zapiski, 2018. № 2, S. 34-41.
8. Vl. Solov'ev Opravdanie dobra / Vladimir Solov'ev. - SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2022. – 768 s. – (Azbuka-klassika. Non- Fiction). S. 507.
9. Koncepciya sudebnoj reformy 1991 goda byla obsuzhdena i prinyata Postanovlenie Verhovnogo Soveta RSFSR ot 24 oktyabrya 1991 g. № 1801-1 //Vedomosti SND RSFSR. 1991. № 44. St.1435
10. Prigovor Ussurijskogo rajonnogo suda Primorskogo kraja ot 6 sentyabrya 2018 g. v otnoshenii R., osuzhdenno po p. «b» ch. 4 st. 228.1 UK RF k 10 godam 6 mesyacam lisheniya svobody. Delo № 1-28/2018 (1-632/2017) Unikal'nyj identifikator dela 25RS0029-01-2017-000459-68 – URL: https://ussuriysky-prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5330154&delo_id=1540006&new=0&text_number=1
11. Apellyacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po ugovnym delam Primorskogo kraevogo suda ot 7 fevralya 2019 g. Delo № 22-422/19. Arhiv Ussurijskogo rajonnogo suda Primorskogo kraja.
12. Kartochka proizvodstva. 12.10.2020 sud'ej Verhovnogo Suda RF otkazano v peredache kassacionnoj zhaloby. Zhaloba 56-UKS20-314-K9 – URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/appeals/10753962#10753962>
13. Delo № 1-22/2021 v otnoshenii S. Arhiv Kalininskogo rajonnogo suda g. Chelyabinska
14. Apellyacionnoe postanovlenie Balaklavskogo rajonnogo suda ot 26 oktyabrya 2021 g. za №№ 1-32-3/2020, 10-14/2021 v otnoshenii K. Arhiv Balaklavskogo rajonnogo suda.
15. Rubinshtejn M.M. O smysle zhizni. Trudy po filosofii cennosti, teorii obrazovaniya i universitetskemu voprosu: Tom 1 / Pod. Red. N.S. Plotnikova i K.V. Faradzheva – M.: Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego», 2008. (Seriya «Universitetskaya biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo»). – S. 51
16. Yaroslavcev V.G. Nравственное правосудие и судейское правотворчество. –М.: ЗАО Yusticinform, 2007. – S. 12.
17. S.B.Polyakov Nashe mnenie: tol'ko iskusstvennyj intellekt prinudit sud'yu k spravedlivosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.2021. № 3. - S. 213-218.

УДК 342.951

ОРГАНЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ГОРОДА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Бойко К. В.

Аппарат полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе

Статья посвящена исследованию правового регулирования деятельности органов исполнительной власти города федерального значения Севастополя в исторической ретроспективе, а также в контексте сложившейся к настоящему моменту времени системы государственного управления. Автором последовательно раскрываются этапы интеграции города, создававшегося как военно-морская база, в правопорядок Российской империи, коренные преобразования, определявшие его статус в период советской государственности, современные нормативные предписания, нуждающиеся в уточнении и дополнении. По итогам анализа развития законодательного регулирования управления городом, автором делаются выводы о цикличности, как исторически обусловленной особенности определения места органов исполнительной власти г. Севастополя в механизме государственного управления, находящейся в корреляции с событиями, характерными для конкретного этапа эволюции российского государственного устройства. Результатом изучения действующих законодательных предписаний стали предложения по их совершенствованию.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, город федерального значения Севастополь, механизм государственного управления, государственное территориальное управление, правовой статус субъекта Российской Федерации, система и структура органов исполнительной власти, полномочия органов исполнительной власти, функции органов исполнительной власти.

Современная система органов исполнительной власти города федерального значения Севастополя является результатом продолжительного исторического процесса, берущего свое начало в 1783 г., когда Манифестом Екатерины II полуостров Крымский, остров Таман и вся Кубанская сторона были приняты под Российскую державу [1]. Указанный акт императрицы послужил отправной точкой для создания Таврической области, заложил основу для основания на берегу Ахтиарской бухты [2, с.190] Севастополя как военного и морского русского порта [3, с.54].

В феврале 1784 г. Екатериной II были подписаны ряд указов, сыгравших важную роль в определении дальнейшей юридической судьбы Севастополя. В этом контексте следует отметить Указ от 2.02.1784 г., положения которого послужили правовой базой для основания Таврической области [4; 5, с.59], формирования ее административно-территориального устройства («разделить на уезды, назначить города»). 10.02.1784 г. издан Указ об устройстве на южных рубежах новых укреплений [6, с.102], в котором появился топоним Севастополь, закрепляемый за крепостью в Ахтиарской бухте [7]. Указом определялся размер крепости – «большая», прописывалось, что там должны быть адмиралтейство, порт, верфь для кораблей первого ранга, военное селение. Таким образом, Севастополь изначально задумывался законодателем как военно-морская база, в силу чего он не подлежал включению в губернскую схему районирования Крымского полуострова и не получил статуса уездного или губернского города. В рассматриваемый период времени в Севастополе существовали городской магистрат и портовая контора. Органы имели равный статус, осуществляя управление разными категориями населения крепости. В частности, к компетенции магистрата относилась работа с гражданским населением; портовая контора выполняла роль военного командования. Городской магистрат подчинялся

Областному магистрату и Областному правлению, портовая контора – военному командованию Черноморского флота [5, с.52-53]. В период правления Павла I Севастополь был переименован в Ахтияр. Однако после смерти императора городу было возвращено его прежнее название [8, с.188].

Окончательно статус главного военного порта закрепился за Севастополем при Александре I, в соответствии с Указом которого от 23 февраля (6 марта) 1804 г. он был закрыт для торгового судоходства [9], становясь исключительно военно-морской базой. 20 марта 1805 г. Николаев и Севастополь были объединены в военное губернаторство под начальством главного командира Черноморского флота и портов. На эту должность был назначен И.И. де Траверсе [8, с.244]. При создании отмеченного военного губернаторства ведущую роль играл критерий связи с флотом и судостроением, а не территориальность. Губернаторство создавалось как особая административная единица. Военный губернатор подчинялся напрямую министру по морским делам и министру внутренних дел по вопросам гражданского управления; ему же, в свою очередь, были подотчетны все органы публичной власти и местного самоуправления [8, с.244-245]. Николаевское и Севастопольское военное губернаторство в качестве особой административно-территориальной единицы просуществовало до 1864 г. [10].

По итогам Крымской войны 1853 – 1856 гг., в соответствии с положениями Парижского договора от 18.03.1856 г., Севастополь подлежал демилитаризации [11, с.23], оставаясь при этом в структуре военного губернаторства. 7.10.1864 г. была упразднена должность севастопольского военного губернатора, что послужило предпосылкой получения городом гражданского статуса, после чего он входил сначала в Симферопольский, позже в Ялтинский уезды Таврической губернии [12, с.14]. 16 июня 1873 г. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета «Об образовании Севастопольского Градоначальства» Севастополь и прилегающая к нему территория подлежали выделению из губернии, в результате чего была образована особая административная единица – градоначальство. Градоначальник совмещал должности командира порта и коменданта города, к его ведению относились полицейский надзор, судебное производство, административный контроль за деятельностью Городской думы и управы [13, с.138]. Таким образом, к концу XIX в. г. Севастополь также подлежал управлению в формате особого режима, реализованного, однако, не в форме военного губернаторства, а градоначальства.

Подытоживая изложенное, отметим, что в период Российской империи организация управления Севастополем имела уникальный характер, предполагавший придание ключевого значения военным структурам. На фоне исторических событий в рассмотренный период времени закладывалась традиция обозначения Севастополя как административно-военного центра, в основе которой лежала необходимость обеспечения эффективного функционирования портовой инфраструктуры с целью защиты Российских рубежей. При этом статус города во многом определялся состоянием Черноморского флота. В частности, в связи с почти полным уничтожением флота в ходе Гражданской войны, Севастополь в ноябре 1920 г. стал обычным уездным центром, с октября 1921 г. – окружным [14]. Положениями Декрета ВЦИК от 18.10.1921 г. «Об автономии Крымской Советской Социалистической Республики» была создана Крымская АССР [15]. Севастополь документом отдельно не выделял-

ся, в качестве самостоятельной административно-территориальной единицы обозначался Севастопольский район (ст.1).

Изменения в статусе Севастополя произошли в 1937 г.: в Конституции Крымской АССР 1937 г. [16, с.8,18,19] он был отмечен в числе городов, находящихся в непосредственном подчинении высшим органам государственной власти Крымской АССР (ст.14). Иными словами, Севастополь стал городом республиканского подчинения. Он не входил в состав какого-либо района, его органы власти подчинялись непосредственно органам власти республиканского уровня (Верховному Совету и Совету Народных Комиссаров Крымской АССР). Конституция 1937 г. устанавливала, что органами государственной власти в городах являлись Советы депутатов трудящихся (ст. 49), исполнительными и распорядительными органами которых выступали избиравшиеся ими исполнительные комитеты (ст.53) и образываемые отделы исполнительных комитетов: коммунального хозяйства, здравоохранения, социального обеспечения и другие (ст. 66).

В 1946 г. Крымская АССР была преобразована в Крымскую область [17]. С этого момента и до 1948 г. Севастополь формально находился в составе Крымской области. Сформированная система органов власти сохранялась, с учетом положений Конституции РСФСР 1937 г. [18] была перестроена вертикаль подчинения – через областной союзно-республиканскому уровню управления. В 1948 г. Севастополь был выделен в число городов республиканского значения [19; 20] с самостоятельным бюджетным финансированием. В 1954 г. Крымская область была передана из состава РСФСР в состав УССР [21]. Следует отметить, что на законодательном уровне упоминалась лишь область и не затрагивался статус Севастополя, что привело к правовой неопределенности, создало предпосылки для возникновения споров. Указанный пробел был устранен с принятием в 1978 г. Конституции УССР [22], ст. 77 которой Киев и Севастополь были определены как города республиканского подчинения в УССР.

Из отмеченных положений советского законодательства вытекает следующее: 1) исторически обусловленной особенностью определения места органов исполнительной власти г. Севастополя в механизме государственного управления является цикличность, находящаяся в корреляции с историческими событиями, имевшими место в тот или иной момент времени, в периоды усиления стратегического значения Черного моря они традиционно находились в прямом подчинении высшим органам государственной власти, в годы относительного снижения напряженности внутри страны или за ее пределами – возвращались на уровень города, как определенного звена в системе управления государством; 2) логика управления через отделы, близкая по смыслу к подходу, нашедшему отражение в нормативных источниках современного Севастополя как самостоятельного субъекта Российской Федерации, предполагающему создание департаментов, управлений, инспекций в качестве органов исполнительной власти, сформировалась и получила развитие в правоприменительной практике рассмотренного периода, в текущий момент времени она была воспринята с учетом накопленного опыта правоприменения и адаптирована под актуальную правовую действительность.

Современный статус Севастополя определен как «субъект РФ - город федерального значения» [23]. Кроме того, Севастополь относится к числу регионов, на территории которых базируется Военно-Морской Флот России, что предполагает нали-

чие дополнительных особенностей во взаимодействии органов исполнительной власти федерального и регионального уровней. На сегодняшний день органы государственного управления г. Севастополя составляют функциональную, устоявшуюся систему, в целом аналогичную созданным в других субъектах РФ, включенную в систему более высокого порядка – вертикаль власти федеративного государства. С точки зрения элементного состава механизма государственного управления, они являются субъектами [24, с.6], осуществляющими непосредственную реализацию управленческих функций государства [25, с.10], направленных на стабилизацию, сохранение качества и обеспечение развития всей системы [26, с.9] в целом. При этом нам видится важным упорядочение положений законодательства в сфере организации деятельности органов государственной власти рассматриваемого субъекта с целью достижения системности в изложении юридического материала, что повлечет за собой формирование качественно иного подхода к образованию регионального госаппарата, повышение уровня его эффективности, улучшение его интеграции в процесс реализации государственной политики, определяющей вектор развития РФ.

Основополагающим документом, содержащим концептуальные основы организации государственного управления на региональном уровне, является ФЗ №414-ФЗ [27]. Анализ норм отмеченного акта позволяет сделать вывод об их дискуссионном характере, что свидетельствует о необходимости их уточнения и дополнения. Проблемы нормативного закрепления особенностей государственно-территориального управления в границах региона могут быть систематизированы, исходя из двух критериев – терминологического и структурного. В контексте первого раскрываются неточности в формулировках ключевых правовых категорий, составляющих основу функционирования органов исполнительной власти региона, допущенные как в нормативных, так и в доктринальных источниках. Второй объединяет неурегулированные аспекты в плоскости организационно-правового устройства исполнительной власти субъекта. Рассмотрим их последовательно с акцентом на специфику интеграции норм ФЗ №414-ФЗ в положения законодательства г. Севастополя.

ФЗ №414-ФЗ оперирует следующей терминологией, содержащей обозначения органов власти субъекта федерации: «органы государственной власти» (ч. 4 ст.1), «иные государственные органы», «органы, входящие в единую систему публичной власти» (ч.3 ст. 1), «органы исполнительной власти» (ч.3 ст.4), «исполнительные органы» (гл.4), «органы публичной власти» (гл. 8). На наш взгляд, использование приведенных формулировок без трактовки их содержания может свидетельствовать о том, что для законодателя их смысл презюмируется как очевидный, что характерно для категорий, устоявшихся в правовой доктрине. Вместе с тем, в целях достижения системности в изложении нормативного материала, полагаем целесообразным раскрыть смыслообразующую конструкцию функционирования исполнительной власти на уровне региона, суть которой сводится к следующему.

Носителями публичных полномочий являются органы публичной власти, включающие в широкое понимание органы государственной власти РФ, субъектов РФ, органы местного самоуправления. Часть органов государственной власти, реализующая исполнительную функцию, относится к категории органов исполнительной власти, именуемых также по тексту ФЗ №414-ФЗ как «исполнительные органы субъекта РФ». Система органов государственной власти едина, что предполагает

непрерывное взаимодействие ее структурных элементов между собой с целью превращения в жизнь политики государства в разных сферах. В единую систему публичной власти субъекта РФ, наряду с отмеченными, входят иные государственные органы, к числу которых относятся избирательная комиссия, контрольно-счетный орган субъекта РФ. В Уставе г. Севастополя [23] (далее также - Устав) региональный законодатель придерживается следующей логики: в качестве органов «исполнительной власти» обозначаются органы федерального уровня, при этом по тексту документа закрепляется правовая конструкция «исполнительные органы г. Севастополя» (ст. 12). Обоснование применения указанной лексики нам видится в главе 4 ФЗ №414-ФЗ, в положениях которой, однако, также применяется словосочетание «органы исполнительной власти субъектов РФ» (ч. 2 ст. 31, ст.32, п.13 ст.33).

Изложенное позволяет сделать выводы: 1) о смысловой равнозначности на уровне ФЗ №414-ФЗ терминов «орган исполнительной власти субъекта РФ» и «исполнительный орган субъекта РФ»; 2) о соответствии в рассмотренном контексте Устава г. Севастополя требованиям федерального законодательства, что, однако, не исключает возможности указания на то, что в нормах Устава, где это целесообразно в целях унификации с федеральным законодательством, фокусировки внимания правоприменителя на реализации государственным органом властных полномочий, более уместным может быть использование словосочетания «орган исполнительной власти субъекта РФ». К примеру, таким путем можно достичь более качественной терминологической унификации ст.12 Устава и ч.1 ст. 46 ФЗ №414-ФЗ.

Ч. 4 ст. 1 ФЗ №414-ФЗ содержит указание на то, в каком порядке осуществляются образование, формирование, деятельность, определяются полномочия органов государственной власти субъектов РФ. Аналогично рассмотренным выше, термины применяются законодателем с позиции их очевидности, устоявшегося смыслового контекста. Вместе с тем юридическая неопределенность отмеченных правовых конструкций может приводить к разночтениям в процессе правоприменительной практики. В частности, возможно смешение процессов «образования» и «формирования» органов исполнительной власти, использование категории «деятельность» как синонима «полномочий» или «функций». Отмеченная терминологическая неопределенность прослеживается в законодательстве Севастополя. 4.1 Устава, отступая от понятийного аппарата ФЗ №414-ФЗ, определяет, что исполнительные органы субъекта «создаются» по функциональному признаку. В то же время Указом Губернатора от 30.10.2023 г. №53-УГ [28] установлены формы, в которых «образуются» исполнительные органы исследуемого субъекта РФ. В совокупности приведенные положения региональных источников права свидетельствуют об их несогласованности и, как следствие, - необходимости унификации. Кроме того, ни Устав, ни отмеченный Указ не содержат норм, раскрывающих признаки того, что управленческая структура, наделенная рядом функций, является «образованным» органом исполнительной власти.

Основной акцент в положениях Устава делается на термин «формирование». В частности, в пп.11.1 п.2 ст. 20 определено, что законом г. Севастополя устанавливаются «состав, порядок формирования и деятельности Контрольно-счетной палаты». Кроме того, отмеченное понятие применяется в отношении Правительства Севастополя. Так, новый состав Правительства формируется Губернатором (п.5 ст.24) в порядке, определенном законом г. Севастополя (п.3 ст.31); в качестве срока дей-

ствия Правительства закреплено – до «сформирования» нового состава (п.2 ст.33). Пунктом 4 ст. 35.1 Устава предусматривается порядок «формирования», определения «правового положения, задач и полномочий» государственных органов г. Севастополя. Изложенные нормативные предписания демонстрируют подход законодателя рассматриваемого региона, в силу которого действующим, направленным на создание государственного органа, является его формирование. Согласно п.5 ст.1 Закона г. Севастополя от 30.12.2022 г. №737-ЗС «О правительстве Севастополя» [29] (далее - Закон г. Севастополя №737-ЗС), Правительство обладает правами юридического лица. При этом указанный законодательный акт не содержит положений, позволяющих определить момент возникновения данной категории прав: с даты создания Правительства, его образования или формирования состава.

Обращает на себя внимание то, как раскрываются законодателем Севастополя правовые основы деятельности исполнительных органов. К примеру, глава 2 Закона г. Севастополя №737-ЗС применительно к Правительству трактует рассматриваемое понятие достаточно широко, включая в него определение состава центрального исполнительного органа, порядок его формирования, принятия правовых актов, полномочия Губернатора и его заместителей, директоров департаментов и иные вопросы. При этом п.2 ст.3 анализируемого закона содержит отсылочную норму, предусматривающую, что порядок деятельности Правительства устанавливается Регламентом [30], сфера действия которого, в свою очередь, сужена до организационно-технических вопросов (п.1.1 ст.1 Регламента).

Деятельность исполнительных органов осуществляется в соответствии с Положениями, разрабатываемыми на основе единых подходов, утвержденных Правительством Севастополя [31]. Приведенное законодательное решение, безусловно, обладает определенными преимуществами, поскольку позволяет достичь единообразия в нормативном оформлении правовой базы функционирования отмеченных органов власти. Вместе с тем, оно не лишено недостатков, ключевым из которых является указание у всех уполномоченных органов одинаковых функций, закрепленных Типовым положением об исполнительном органе государственной власти г. Севастополя, без учета специфики сферы, в которой ими осуществляется реализация политики государства, что существенно утяжеляет нормативный материал.

Изложенное позволяет прийти к выводам: 1) о необходимости унификации законодательства г. Севастополя с нормативными предписаниями федерального уровня; 2) о закреплении в Уставе г. Севастополя рамочных положений, направленных на разграничение понятий образования и формирования государственных органов. Концептуально важным считаем в определениях закрепить связь раскрываемого юридического действия с последствиями его совершения. К примеру, отметить при соблюдении каких условий государственный орган будет считаться образованным, в какой момент он может быть охарактеризован как сформированный, каковы последствия нарушения процедур его образования и формирования в части легитимности принятых впоследствии решений. Наряду с изложенным, предлагается редакционно улучшить гл. 2 Закона г. Севастополя №737-ЗС, дополнив ее положениями, непосредственно затрагивающими характеристики деятельности Правительства, разделив тем самым вопросы организации его эффективного функционирования и реализации им государственной политики в границах рассматриваемого региона.

Структурный критерий раскрывает специфику государственно-территориального управления через совокупность его элементов, исходя из того, что система органов государственной власти субъектов федерации устанавливается ими самостоятельно. В этом контексте следует отметить отсутствие в законодательстве федерального и регионального уровней определения терминов «система» и «структура» исполнительных органов субъекта РФ. Пункт 4 ст. 25, ч. 3 ст. 31 ФЗ №414-ФЗ в числе полномочий высшего должностного лица субъекта РФ указывают «определение системы и структуры» региональных органов исполнительной власти. Аналогичные положения содержатся в Уставе г. Севастополя (п. 5 ст. 34.1, подп. 12 п. 2 ст. 26).

Применяя право по аналогии, обратимся к Закону Республики Крым «Об исполнительных органах РК» [32]. Его нормы содержат принцип, следуя которому происходит разграничение анализируемых понятий между собой: под системой понимается совокупность исполнительных органов, наделенных государственно-властными полномочиями, под структурой – их перечень, включая специальные наименования. Описанная логика прослеживается в Указе Губернатора г. Севастополя от 30.10.2023 г. №53-УГ «О системе и структуре исполнительных органов города Севастополя». В целях устранения правовой неопределенности полагаем целесообразным восполнить допущенный в ФЗ №414-ФЗ пробел, изложив ч. 5 ст. 1 в новой редакции, предполагающей указание на то, что субъектами РФ самостоятельно устанавливаются «система и структура» органов государственной власти; дополнив текст нормы двумя абзацами, раскрывающими смысл «системы» и «структуры» отмеченных органов государственного управления.

Ст. 34.1 Устава устанавливает формы исполнительных органов рассматриваемого региона – департаменты, главные управления, управления и инспекции. Полагаем важным обратить внимание на ряд проблемных аспектов, оказывающих существенное влияние на рациональное распределение управленческих функций между органами власти субъекта, снижая эффективность осуществления ими возложенных на них полномочий. В качестве проблемы, имеющей системный характер, отметим отсутствие единых, закрепленных на уровне федерального законодательства критериев для выбора формы исполнительного органа. Четких различий между отмеченными формами органов исполнительной власти не установлено также в законодательстве г. Севастополя. Кроме того, следует отметить терминологическую неоднозначность в определении наименований исполнительных органов и их структурных подразделений, дублирование применения понятия «управление» при обозначении находящихся на разных уровнях административной иерархии, отличающихся по функциональным обязанностям звеньев государственного аппарата. Так, в структуру исполнительных органов г. Севастополя в числе иных входят управления ветеринарии, по делам молодежи, информационной политики. Вместе с тем управления (административной политики, развития городской среды, административной работы) являются структурными подразделениями Департамента архитектуры и градостроительства города [33], осуществляющими реализацию части его функций.

Нечеткость в разграничении форм исполнительных органов приводит к размытости в распределении их функциональных обязанностей, дублированию полномочий, нелогичному возложению ответственности за какие-то сферы государственного управления. Так в числе полномочий Департамента городского хозяйства Севастополя – обеспечение регулирования численности животных без владельцев путем их

отлова [34]. Нам, в свою очередь, видится уместным возложение подобного рода полномочий на Управление ветеринарии г. Севастополя [35]. Описание основных функций Департамента по имущественным и земельным отношениям г. Севастополя [36] содержит ряд общих формулировок, не отражающих его специфики, в числе которых «осуществление правоприменительных функций в сфере имущественных и земельных отношений», требующих уточнения и конкретики.

В ст. 34.1 Устава предпринята попытка подчеркнуть специфику департамента и главного управления (управления). Ключевым критерием в этом аспекте служит сфера деятельности уполномоченного органа, которая может или не может быть отнесена к категории приоритетных для города. В первом случае принимается решение о создании департамента, во втором – управления. При этом из редакции анализируемой нормы не представляется возможным понять, кем и в каком порядке определяется степень приоритетности той или иной области жизнедеятельности общества, отсутствуют критерии, опираясь на которые может быть обоснована дифференциация статуса главного управления и управления.

С учетом изложенного, нам видится обоснованным внесение следующих предложений по совершенствованию действующего законодательства:

а) дополнить п. 2 ст. 34.1 Устава положением о том, что приоритетные для г. Севастополя сферы деятельности определяются Губернатором г. Севастополя с учетом требований федерального законодательства, решений и поручений Президента, стратегических и программных документов РФ, законодательства г. Севастополя;

б) на концептуальном уровне, в рамках Устава предлагается определить укрупненные, комплексные сферы государственного управления, в целях администрирования которых создаются уполномоченные органы (образование, здравоохранение, сельское хозяйство и иные). Такой подход позволит более качественно структурировать систему государственного управления г. Севастополя, провести анализ его текущей организации с последующей оптимизацией в форме более корректного распределения функций, исключая их дублирование;

в) разработать и принять на федеральном уровне Типовой регламент внутренней организации органов исполнительной власти субъекта РФ по аналогии с документом, лежащим в основе функционирования федеральных органов исполнительной власти [37]. Документу предлагается придать рекомендательный для регионов характер, сформулировать в нем основную логику формирования уполномоченных органов субъектов федерации, устранить изложенные в рамках настоящего исследования пробелы и неточности действующего законодательства.

Подводя итог, отметим, что г. Севастополь исторически сложился как территория, имеющая особое стратегическое значение. Этим во многом определяется место его исполнительных органов в механизме государственного управления, что проявляется в установлении их прямого подчинения центральным органам власти. Периоды прямого подчинения Севастополя органам управления высшего уровня могут быть охарактеризованы как имеющие цикличность, находящуюся в прямой зависимости от внутри и внешнеполитической ситуации. Современная система органов власти г. Севастополя опирается на практику законотворчества и правоприменения СССР. При этом нормы права, устанавливающие на федеральном и региональном уровнях порядок формирования и функционирования органов исполнительной вла-

сти рассматриваемого субъекта федерации, нуждаются в пересмотре с целью разработки качественно иных подходов к организации государственного управления.

Список литературы:

1. Манифест от 19 (8) апреля 1783 г. «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны под российскую державу». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hisdoc.ru/laws/15553/> (дата обращения 30.10.2025).
2. Хозяйственная жизнь города Севастополя на рубеже XVIII-XIX веков / А. Баранов, Е. Гармашова, Т. Лопатина, Д. Пунга // Экономическая политика. – 2024. – Т. 19, № 5. – С. 186-211.
3. Шендрикова С. П. Роль Г. А. Потемкина в исторической судьбе Тавриды / С. П. Шендрикова // Парадигмы истории и общественного развития. – 2016. – № 2-3. – С. 53-56.
4. Указ Екатерины II от 02 февраля 1784 г. «Об учреждении Таврической области». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://historyru.com/docs/rulers/ekaterina-2/ekaterina-2-doc-15-920.html#/overview> (дата обращения 09.11.2025).
5. Кошман В. А. Органы государственной власти в Таврической области (1784 – 1796) / В. А. Кошман. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 238 с.
6. Ивицкая О. Е. Светлейший князь Г. А. Потемкин-Таврический и Черноморский флот / О. Е. Ивицкая // Парадигмы истории и общественного развития. – 2016. – № 2-3. – С. 101-105.
7. Указ Екатерины II от 10 (21) февраля 1784 г. «О устройстве новых укреплений по границам Екатеринославской губернии». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.historyru.com/docs/rulers/ekaterina-2/ekaterina-2-doc-15-929.html#/overview>
8. История Новороссии [Текст] / отв. ред.: В. Н. Захаров; Российское историческое общество; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 864 с.
9. Указ Александра I Правительствующему Сенату от 23 февраля (6 марта) 1804 г. «О бытии в Севастополе главному военному порту, и о снятии находящейся там портовой таможни». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m.bigenc.ru/vault/b76ced83f7049a235a8921771fb23c01.pdf>.
10. Лугачева А. Л. Севастопольский городской статистический комитет: основные направления деятельности (1835-1856) // Научный вестник Крыма. 2022. №1 (36). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sevastopolskiy-gorodskoy-statisticheskiy-komitet-osnovnye-napravleniya-deyatelnosti-1835-1856> (дата обращения: 23.11.2025).
11. Симонян Р. З. История Императорской России (XVIII - начало XX вв.): Учебное пособие для студентов неисторических специальностей / Р. З. Симонян. Москва: Академия Естествознания, 2016. 82 с.
12. Севастопольское Градоначальство 1873–1915 гг.: отчеты градоначальников. Сборник архивных документов: в 3 т. Т. 1 / Составители: А. В. Ефимов (отв. сост.), Е. С. Поплавская, И. А. Дерепаско, Н. Ю. Коробкова, О. А. Безрукова. — М.: Институт наследия, 2022. — 342 с.
13. Региональные особенности, закономерности и опыт хозяйственной жизни города Севастополя во второй половине XIX - начале XX века / А. Г. Баранов, Е. П. Гармашова, Т. А. Лопатина, Д. В. Пунга // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – Т. 14, № 5. – С. 134-162.
14. Юрченко В. С. Структура, функции и деятельность органов советской власти Севастополя в 1921-1925 гг. // ИСОМ. 2016. №6-2.
15. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. Об Автономной Крымской Советской Социалистической Республике. 18 октября 1921 года // Распуб-ликован в № 234 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 19 октября 1921 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350647-dekret-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-i-soveta-narodnyh-komissarov-ob-avtonomnoy-krymskoy-sovetskoj-sotsialisticheskoy-respublike-18-oktyabrya-1921-goda#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 25.11.2025).
16. Конституция (Основной закон) Крымской Автономной Советской Социалистической Республики 1937 г. Государственное издательство Крым. АССР, 1937. — 19 с.
17. Закон «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область» от 25 июля 1946 года, Москва // Архив Верховного Совета РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/298812-zakon-ob-uprazhnenii-checheno-ingushskoy-assr-i-o-preobrazovanii-krymskoy-assr-v-krymskuyu-oblast-25-iyulya-1946-goda-moskva#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 25.11.2025).
18. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rfsfr/1937/red_1937/3959896/ (дата обращения: 26.11.2025).
19. Постановление Совета Министров СССР от 25.10.1948 г. № 403 «О мероприятиях по ускорению восстановления Севастополя». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/sew48god.htm> (дата обращения: 26.11.2025).

20. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29.10.1948 г. №761/2 «О выделении города Севастополя в самостоятельный административно-хозяйственный центр». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9035880> (дата обращения: 25.11.2025).
21. Закон СССР от 26 апреля 1954 г. «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» // Ведомости Верховного Совета СССР, май 1954 г. №10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/3946680/> (дата обращения: 27.11.2025).
22. Конституция (Основной закон) Украинской Советской Социалистической Республики : Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета Украинской ССР девятого созыва 20 апреля 1978 года. - Киев : Изд-во полит. лит. Украины, 1979. – 47, [1] с. – [Электронный ресурс].
23. Устав г. Севастополя от 14 апреля 2014 года № 1-ЗС. Принят Законодательным Собранием города Севастополя 11 апреля 2014 года (в ред. от 30.12.2022 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/413801002> (дата обращения: 28.11.2025).
24. Гайнанов Д.А. Теория и механизмы современного государственного управления : учебное пособие / Д.А. Гайнанов, А.Г. Атаева, И.Д. Закиров. – Москва : ИНФРА – М, 2025. – 288 с.
25. Кожевников С.А. Эффективность государственного управления: проблемы и методы повышения [Текст] : Монография / С.А. Кожевников, Е.Д. Копытова; под науч. рук. чл. – корр. РАН, д.э.н., проф. В.А. Ильина, доц. Т.В. Усковой. – Вологда : ВолНЦ РАН, 2018. – 208 с.
26. Россинский Б.В. Исполнительная власть в системе государственного управления : монография / Б.В. Россинский. – Москва : Норма : ИНФРА-М, - 2023. – 376 с.
27. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. №414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (в ред. от 28.11.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 декабря 2021 г. № 52 (часть I) ст. 8973.
28. Указ Губернатора г. Севастополя от 30.10.2023 г. №53-УГ «О системе и структуре исполнительных органов города Севастополя». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/406917507> (дата обращения: 28.11.2025).
29. Закон г. Севастополя от 30.12.2022 г. №737-ЗС «О правительстве Севастополя». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/406470334> (дата обращения: 28.11.2025).
30. Постановление Правительства Севастополя от 24 ноября 2015 года № 1084-ПП «Об утверждении Регламента Правительства Севастополя» (в ред. от 15.02.2024 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/430678496> (дата обращения: 28.11.2025).
31. Постановление Правительства Севастополя от 01.02.2016 г. № 21-ПП «Об утверждении Типового положения об исполнительном органе государственной власти города Севастополя» (в ред. от 28.09.2022 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/432865887?marker> (дата обращения: 28.11.2025).
32. Закон Республики Крым от 19.07.2022 № 307-ЗРК/2022 «Об исполнительных органах Республики Крым». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mzem.rk.gov.ru/documents/cd0d73db-121e-403a-9008-5d876ab7bb5a> (дата обращения: 28.11.2025).
33. Постановление Правительства Севастополя от 29 декабря 2016 года № 1300-ПП Об утверждении Положения о Департаменте архитектуры и градостроительства города Севастополя (в ред. от 25.08.2025 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/445068764>
34. Постановление Правительства Севастополя от 16 сентября 2016 года № 875-ПП «Об утверждении Положения о Департаменте городского хозяйства города Севастополя» (в ред. от 01.08.2025 г.). – [Электронный ресурс].
35. Постановление Правительства Севастополя от 16 мая 2016 года № 450-ПП «Об утверждении Положения об Управлении ветеринарии города Севастополя» (в ред. от 28.09.2022 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/439047467> (дата обращения: 28.11.2025).
36. Постановление Правительства Севастополя от 22 сентября 2016 года № 883-ПП «Об утверждении Положения о Департаменте по имущественным и земельным отношениям города Севастополя» (в ред. от 29.11.2024 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/453147566>
- Постановление Правительства РФ от 28.07.2005 № 452 (ред. от 24.03.2025) «О Типовом регламенте внутренней организации федеральных органов исполнительной власти». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901942686> (дата обращения: 28.11.2025).

Boyko K.V. The executive authorities of the federal city of Sevastopol within the mechanism of public administration: history and contemporary period // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 24-35.

The article examines the legal regulation of the executive authorities of the federal city of Sevastopol from a historical perspective and within the framework of the contemporary system of public administration. Successively, the author traces the stages of the city's integration - which were originally established as a naval base – into the nomocracy of the Russian Empire, analyses the fundamental transformations that shaped its status during the Soviet period, and evaluates the current regulatory provisions, which require clarification and amendment. Following the performed analysis of legislative regulation of city governance, the author concludes that there is a cyclicity which is a historically conditioned feature in determining the position of the

executive authorities of the city of Sevastopol within the mechanism of public administration, correlating with relevant historical events characteristic of a particular stage in the evolution of the Russian system of state organization. The author's examination of the existing legislative provisions results in proposals to improve and refine the current regulatory framework.

Keywords: executive authorities, the federal city of Sevastopol, the mechanism of public administration, state territorial governance, the legal status of a constituent entity of the Russian Federation, the system and structure of executive authorities, the competence of executive authorities, the functions of executive authorities.

Spisok literatury:

1. Manifest ot 19 (8) aprelya 1783 g. «O prinyatii poluostrova Krymskogo, ostrova Taman' i vsej Kubanskoj storony pod rossijskuyu derzhavu». – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://hisdoc.ru/laws/15553/>.
2. Hozyajstvennaya zhizn' goroda Sevastopolya na rubezhe XVIII-XIX vekov / A. Baranov, E. Garmashova, T. Lopatina, D. Punga // Ekonomicheskaya politika. – 2024. – T. 19, № 5. – S. 186-211.
3. SHendrikova S. P. Rol' G. A. Potemkina v istoricheskoy sud'be Tavridy / S. P. SHendrikova // Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya. – 2016. – № 2-3. – S. 53-56.
4. Ukaz Ekateriny II ot 02 fevralya 1784 g. «Ob uchrezhdenii Tavricheskoy oblasti». – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [http:// historyru.com/docs/rulers/ekaterina-2/ekaterina-2-doc-15-920.html#/overview](http://historyru.com/docs/rulers/ekaterina-2/ekaterina-2-doc-15-920.html#/overview) (data obrashcheniya 09.11.2025).
5. Koshman V. A. Organy gosudarstvennoj vlasti v Tavricheskoy oblasti (1784 – 1796) / V. A. Koshman. – Simferopol': IT «ARIAL», 2018. – 238 s.
6. Ivickaya O. E. Svetlejshij knyaz' G. A. Potemkin-Tavricheskij i Chernomorskij flot / O. E. Ivickaya // Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya. – 2016. – № 2-3. – S. 101-105.
7. Ukaz Ekateriny II ot 10 (21) fevralya 1784 g. «O ustrojstve novyh ukreplenij po granicam Ekaterinoslavskoj gubernii». – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.historyru.com/docs/rulers/ekaterina-2/ekaterina-2-doc-15-929.html#/overview> (data obrashcheniya 22.11.2025).
8. Istoriya Novorossii [Tekst] / otv.red.: V. N. Zaharov; Rossijskoe istoricheskoe obshchestvo ; In-t ros. istorii Ros. akad. nauk. — M. : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017. — 864 s.
9. Ukaz Aleksandra I Pravitel'stvuyushchemu Senatu ot 23 fevralya (6 marta) 1804 g. «O bytii v Sevastopole glavnomu voennomu portu, i o snyatii nahodyashchejsya tam portovoj tamozhni». – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://m.bigenc.ru/vault/b76ced83f7049a235a8921771fb23c01.pdf>
10. Lugacheva A. L. Sevastopol'skij gorodskoj statisticheskij komitet: osnovnye napravleniya deyatel'nosti (1835-1856) // Nauchnyj vestnik Kryma. 2022. №1 (36). – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/sevastopolskij-gorodskoj-statisticheskij-komitet-osnovnye-napravleniya-deyatelnosti-1835-1856> (data obrashcheniya: 23.11.2025).
11. Simonyan, R. Z. Istoriya Imperatorskoj Rossii (XVIII - nachalo XX vv.) : Uchebnoe posobie dlya studentov neistoricheskikh special'nostej / R. Z. Simonyan. – Moskva : Akademiya Estestvoznaniya, 2016. – 82 s.
12. Sevastopol'skoe Gradonachal'stvo 1873–1915 gg. : otchety gradonachal'nikov. Sbornik arhivnyh dokumentov : v 3 t. T. 1 / Sostaviteli: A. V. Efimov (otv. sost.), E. S. Poplavskaya, I. A. Derepasko, N. YU. Korobkova, O. A. Bezrukova. — M. : Institut naslediya, 2022. — 342 s.
13. Regional'nye osobennosti, zakonomernosti i opyt hozyajstvennoj zhizni goroda Sevastopolya vo vtoroj polovine HH - nachale HKH veka / A. G. Baranov, E. P. Garmashova, T. A. Lopatina, D. V. Punga // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. – 2024. – T. 14, № 5. – S. 134-162.
14. YUrchenko V. S. Struktura, funkcii i deyatel'nost' organov sovetskoj vlasti Sevastopolya v 1921-1925 gg. // ISOM. 2016. №6-2. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-funktsii-i-deyatelnost-organov-sovetskoy-vlasti-sevastopolya-v-1921-1925-gg>
15. Dekret Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta i Soveta Narodnyh Komissarov. Ob Avtonomnoj Krymskoj Sovetskoj Socialisticheskoy Respublike. 18 oktyabrya 1921 goda // Raspublikovan v № 234 Izvestij Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov ot 19 oktyabrya 1921 goda. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350647-dekret-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-i-soveta-narodnyh-komissarov-ob-avtonomnoj-krymskoy-sovetskoy-sotsialisticheskoy-respublike-18-oktyabrya-1921-goda#mode/inspect/page/2/zoom/4>
16. Konstituciya (Osnovnoj zakon) Krymskoj Avtonomnoj Sovetskoj Socialisticheskoy Respubliki 1937 g. Gosudarstvennoe izdatel'stvo Krym. ASSR, 1937. — 19 s.
17. Zakon «Ob uprazhnenii Checheno-Ingushskoj ASSR i o preobrazovanii Krymskoj ASSR v Krymskuyu oblast'» ot 25 iyulya 1946 goda, Moskva // Arhiv Verhovnogo Soveta RF. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/298812-zakon-ob-uprazhnenii-checheno-ingushskoy-assr-i-o-preobrazovanii-krymskoy-assr-v-krymskuyu-oblast-25-iyulya-1946-goda-moskva#mode/inspect/page/1/zoom/4> (data obrashcheniya: 25.11.2025).
18. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Sovetskoj Federativnoj Socialisticheskoy Respubliki (utverzhdena postanovleniem CHrezvychajnogo XVII Vserossijskogo S'ezda Sovetov ot 21 yanvarya 1937 g.). – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/ (data obrashcheniya: 26.11.2025).

19. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 25.10.1948 g. № 403 «O meropriyatiyah po uskoreniyu vostanovleniya Sevastopolya». – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/sew48god.htm> (data obrashcheniya: 26.11.2025).
20. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR ot 29.10.1948 g. №761/2 «O vydelenii goroda Sevastopolya v samostoyatel'nyj administrativno-hozyajstvennyj centr». – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/9035880> (data obrashcheniya: 25.11.2025).
21. Zakon SSSR ot 26 aprelya 1954 g. «O peredache Krymskoj oblasti iz sostava RSFSR v sostav Ukrainskoj SSR» // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR, maj 1954 g. №10. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/3946680/> (data obrashcheniya: 27.11.2025).
22. Konstituciya (Osnovnoj zakon) Ukrainskoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki : Prinyata na vneochednoj sed'moj sessii Verhovnogo Soveta Ukrainskoj SSR devyatogo sozyva 20 aprelya 1978 goda. - Kiev : Izd-vo polit. lit. Ukrainy, 1979. – 47, [1] s. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://yurist-online.org/laws/historic_doc/const1978/ru/_1978_doc.pdf (data obrashcheniya: 28.11.2025).
23. Ustav g. Sevastopolya ot 14 aprelya 2014 goda № 1-ZS. Prinyat Zakonodatel'nym Sobraniem goroda Sevastopolya 11 aprelya 2014 goda (v red. ot 30.12.2022 g.). – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/413801002> (data obrashcheniya: 28.11.2025).
24. Gajnanov D.A. Teoriya i mekhanizmy sovremennogo gosudarstvennogo upravleniya : uchebnoe posobie / D.A. Gajnanov, A.G. Ataeva, I.D. Zakirov. – Moskva : INFRA – M, 2025. – 288 s.
25. Kozhevnikov S.A. Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya: problemy i metody povysheniya [Tekst] : Monografiya / S.A. Kozhevnikov, E.D. Kopytova; pod nauch. ruk. chl. – korr. RAN, d.e.n., prof. V.A. Il'ina, doc. T.V. Uskovoj. – Vologda : VolNC RAN, 2018. – 208 s.
26. Rossinskij B.V. Ispolnitel'naya vlast' v sisteme gosudarstvennogo upravleniya : monografiya / B.V. Rossinskij. – Moskva : Norma : INFRA-M, - 2023. – 376 s. S.9.
27. Federal'nyj zakon ot 21 dekabrya 2021 g. №414-FZ «Ob obshchih principah organizacii publicnoj vlasti v sub'ektah Rossijskoj Federacii» (v red. ot 28.11.2025 g.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 27 dekabrya 2021 g. № 52 (chast' I) st. 8973.
28. Ukaz Gubernatora g. Sevastopolya ot 30.10.2023 g. №53-UG «O sisteme i strukture ispolnitel'nyh organov goroda Sevastopolya». – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/406917507> (data obrashcheniya: 28.11.2025).
29. Zakon g. Sevastopolya ot 30.12.2022 g. №737-ZS «O pravitel'stve Sevastopolya». – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/406470334> (data obrashcheniya: 28.11.2025).
30. Postanovlenie Pravitel'stva Sevastopolya ot 24 noyabrya 2015 goda № 1084-PP «Ob utverzhdenii Reglamenta Pravitel'stva Sevastopolya» (v red. ot 15.02.2024 g.). – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/430678496> (data obrashcheniya: 28.11.2025).
31. Postanovlenie Pravitel'stva Sevastopolya ot 01.02.2016 g. № 21-PP «Ob utverzhdenii Tipovogo polozheniya ob ispolnitel'nom organe gosudarstvennoj vlasti goroda Sevastopolya» (v red. ot 28.09.2022 g.). – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/432865887?marker>
32. Zakon Respubliki Krym ot 19.07.2022 № 307-ZRK/2022 «Ob ispolnitel'nyh organah Respubliki Krym». – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://mzem.rk.gov.ru/documents/cd0d73db-121e-403a-9008-5d876ab7bb5a> (data obrashcheniya: 28.11.2025).
33. Postanovlenie Pravitel'stva Sevastopolya ot 29 dekabrya 2016 goda № 1300-PP Ob utverzhdenii Polozheniya o Departamente arhitektury i gradostroitel'stva goroda Sevastopolya (v red. ot 25.08.2025 g.). – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/445068764>.
34. Postanovlenie Pravitel'stva Sevastopolya ot 16 sentyabrya 2016 goda № 875-PP «Ob utverzhdenii Polozheniya o Departamente gorodskogo hozyajstva goroda Sevastopolya» (v red. ot 01.08.2025 g.). – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/453147577>
35. Postanovlenie Pravitel'stva Sevastopolya ot 16 maya 2016 goda № 450-PP «Ob utverzhdenii Polozheniya ob Upravlenii veterinarii goroda Sevastopolya» (v red. ot 28.09.2022 g.). – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/439047467> (data obrashcheniya: 28.11.2025).
36. Postanovlenie Pravitel'stva Sevastopolya ot 22 sentyabrya 2016 goda № 883-PP «Ob utverzhdenii Polozheniya o Departamente po imushchestvennym i zemel'nyim otnosheniyam goroda Sevastopolya» (v red. ot 29.11.2024 g.). – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/453147566>
37. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.07.2005 № 452 (red. ot 24.03.2025) «O Tipovom reglamente vnutrennej organizacii federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti». – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://docs.cntd.ru/document/901942686> (data obrashcheniya: 28.11.2025).

УДК 340.134

РОССИЙСКИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ В НОЯБРЕ-ДЕКАБРЕ 2025 ГОДА

Бондарчук И. В.

В статье представлен систематический эмпирический анализ количественных и качественных показателей российского законодательного процесса. На основании официальных данных Системы обеспечения законодательной деятельности (СОЗД) Государственной Думы проанализирован процесс принятия 172 федеральных законов в ноябре-декабре 2025 года и их качественные характеристики. Определены масштаб и характер участия субъектов права законодательной инициативы в ноябре-декабре 2025 г. в сравнении с аналогичными показателями 2024 г. и в целом за 2025 год. Проведенный качественный анализ выявляет особый законодательный способ сбалансирования интегрированности субъекта Федерации с помощью законодательства и, в частности, установленных законом изъятий, а не судебного контроля, что способствует пониманию прагматичного подхода России к отношениям между принятыми регионами в состав России и федеральным центром.

Ключевые слова: законопроекты, законотворческая деятельность, законодательный процесс, степень прохождения законодательных инициатив, социология законодательства, статистические данные, итоговые показатели, интегрированность субъекта, федеративные отношения, субъект Федерации, эффективность, количественный лидер.

Статистика законодательного процесса имеет большое значение для анализа и улучшения эффективности законотворческой деятельности. Исследование количественных данных позволяет выявить тенденции и закономерности в принятии законов, а также оценить влияние различных факторов на законодательный процесс. Показательный пример проведения первых количественных исследований российского законодательного процесса – анализ итогов работы Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по законопроектам, постановлениям и иным решениям за период с 11.01. по 22.07.1994 г. в статье А.П. Любимова [1].

Изучение материалов интервью непосредственных участников законодательного процесса, выступлений депутатов – авторов законопроектов, членов рабочих групп Государственной Думы, отдельных экспертных мнений по вопросам принятых федеральных законов или разрабатываемых проектов, анализ содержания стенограмм заседаний Государственной Думы и Совета Федерации, а также использование биографического исследования, с одной стороны, может усилить обоснованность выводов и представлений, полученных в ходе количественных исследований, а, с другой, – понять процессы принятия решений и установить их причины. Соответствующие примеры таких качественных исследований – однолетние исследования (1994) И. В. Узловой [2; 3].

Вместе с тем нередко качественные методы включают числовые измерения и, наоборот, по видимости количественные методы анализируют содержательные утверждения [4]. Именно с таких методологических позиций построено наше исследование. Прежде всего обратим внимание на динамику законодательного процесса в течение 2025 г. с разбивкой по месяцам.

Таблица 1. Количественные данные о законодательной деятельности Государственной Думы VIII созыва за 2025 год (Данные собраны на основании мониторинга официального сайта СОЗД) [5].

2025 год	январь – февраль	март – апрель	май – июнь	июль – август	сентябрь – октябрь	ноябрь – декабрь

Внесено законо-проектов	185	239	223	207	241	240
Проведено заседаний	13	15	13	7	15	14
Рассмотрено законо-проектов	111	133	176	189	172	297
Отклонено законопроект-ов	79	63	57	49	111	125
Принято законов	32	70	112	140	61	172

В этой связи законотворческая деятельность в ноябре-декабре 2025 года представляется наиболее продуктивным периодом с точки зрения принятия законов.

Обратим внимание, что такая же тенденция имела место и год назад в 2024 г. [6]. Таким образом, традиционно для законодательной деятельности последних трех лет остается стабильно высокодинамичной. При этом, почти каждая вторая законодательная инициатива становится федеральным законом. В целом цикличность просматривается и по иным количественным параметрам, которые были освещены публикациях за предыдущие периоды мониторинга законотворческого процесса [7; 8].

Собранные данные можно рассмотреть с точки зрения формы и содержания принятых федеральных законов: первичные (новые), производные (поправки к ранее принятым либо признание утратившими силу законов и отдельных положений) и ратифицирующие (международные соглашения, договоры либо их денонсация).

В ноябре-декабре 2025 г. из принятых 172 федеральных закона только 4 имеют самостоятельный предмет правового регулирования, т.е. можно отнести к новым или первичным. Это:

Федеральный закон от 28.11.2025 г. № 435-ФЗ «О предоставлении социальных гарантий женщинам, удостоенным звания «Мать-героиня»;

Федеральный закон от 15.12.2025 г. № 457-ФЗ «Об Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест», которым определено правовое положение Российского Красного Креста, цели и задачи, структуру, организационные и имущественные основы деятельности организации;

Федеральный закон от 15.12.2025 г. № 456-ФЗ «О проведении эксперимента по добровольному вступлению отдельных категорий граждан в правоотношения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности». Заявление об участии в правоотношениях по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности можно будет подать в СФР по 30.09.2027 г. Предусматриваются 2 размера страховой суммы – 35 или 50 тыс. руб. на выбор. Также учитывается страховой стаж и период уплаты взносов;

Федеральный закон от 29.12.2025 г. № 520-ФЗ «О допуске к осуществлению перевозок грузов автомобильным транспортом по территории Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Законом с 1.03.2027 г. предусматривается обязательная регистрация всех компаний и ИП, которые занимаются коммерческими грузоперевозками, в спецреестре. Речь идет об автотранспорте массой свыше 3,5 т. Реестр будет вести Ространснадзор на цифровой платформе «ГосЛог». В него будут включать сведения о перевозчике: наименование и адрес, данные о транспортных средствах, виды перевозимых грузов, размер страхового покрытия и ссылку на сайт.

Кроме того, по официальным данным можно проследить динамику принятия федеральных законов по субъектам внесения законодательной инициативы (см. Рис. 1.1.), а также визуализировать данные по сферам правового регулирования принятых законов (см. Рис. 1.2.).

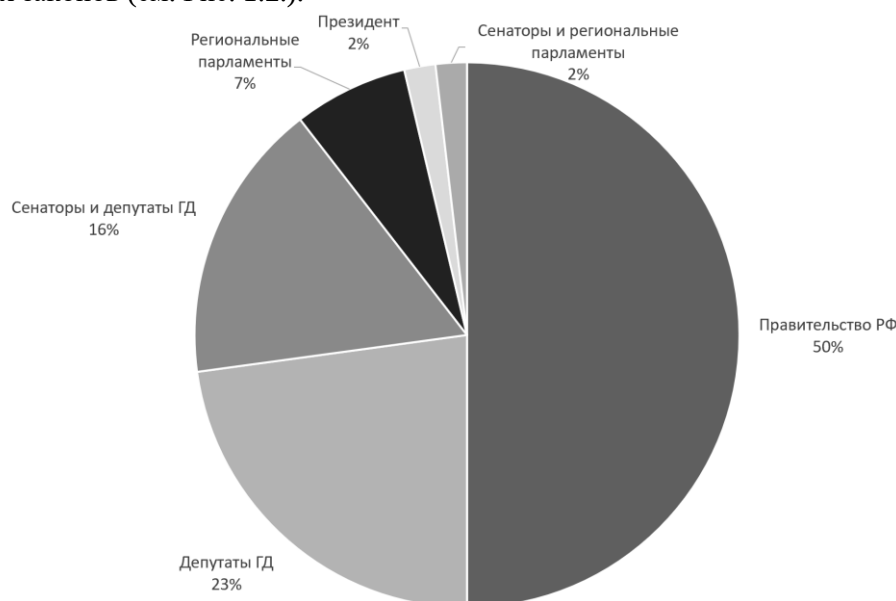

Рис. 1.1. Количество принятых федеральных законов по субъектам внесения законодательной инициативы (ноябрь–декабрь 2025 г.)

Обращает внимание возросшее количество принятых инициатив законодательных органов субъектов Российской Федерации – 11, что составило 7% от общего числа принятых федеральных законов. В числе принятых инициатив законодательных органов субъектов Российской Федерации отметим 2 крымских инициативы: Федеральный закон от 15.12.2025 г. № 473-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 28 декабря 2025 г. № 491-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» и ст. 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

Самым долго рассматриваемым законопроектом (3,5 года) из принятых в ноябре–декабре 2025 г. законопроектов стала инициатива Правительства РФ, которая обязала крупных операторов сотовой связи оказывать услуги на территориях совместного использования радиоэлектронных средств («О внесении изменения в Федеральный закон «О связи»). Вместе с тем в целом масштабы принятия федеральных законов в Государственной Думе показывают сокращение времени рассмотрения их в качестве проектов федеральных законов и ускорения законодательного процесса. Так, обобщение и расчеты статистических данных всей совокупности рассмотренных законопроектов в указанный период (за исключением законопроектов о ратификации международных договоров и соглашений, а также их денонсации) от момента

внесения до их принятия показало, что среднее значение жизненного цикла законопроекта в Государственной Думе в осеннюю сессию составило 6,5 месяцев.

Первенство среди субъектов права законодательной инициативы по числу законопроектов, которые были отклонены Государственной Думой в осеннюю сессию 2025 г., остается за депутатами Государственной Думы.

По тематике федеральные законы в ноябре и декабре распределились следующим образом:

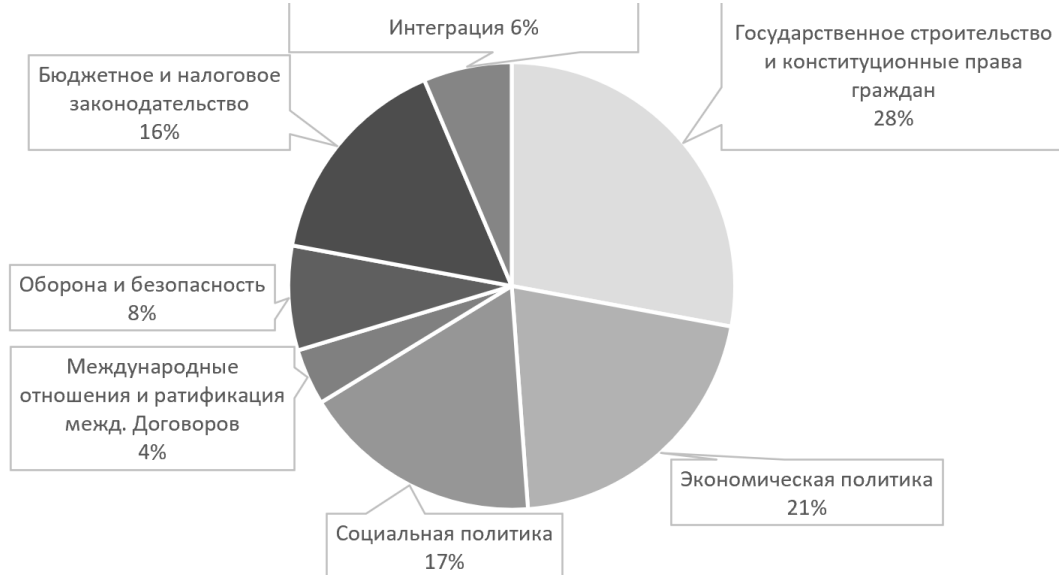

Рис. 1.2. Тематика принятых в ноябре и декабре 2025 г. федеральных законов

«Государственное строительство и конституционные права граждан» и «Экономическая политика» - лидеры среди тематики принимаемых федеральных законов. Отдельным блоком мы выделили сферу «Интеграция», в которую отнесли 3 федеральных конституционных закона и 8 федеральных законов. С помощью этих законов обеспечена интегрированность субъектов Федерации:

- 1) Федеральный конституционный закон от 15.12.2025 № 4-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы»;
- 2) Федеральный конституционный закон от 15.12.2025 № 4-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» (в части продления ряда временных норм, направленных на интеграцию воссоединенных субъектов в экономическую, финансовую и правовую систему Российской Федерации);
- 3) Федеральный конституционный закон от 28.12.2025 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» (о продлении сроков по отдельным полномочиям органов власти в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской области и Херсонской области);
- 4) Федеральный закон от 28.11.2025 № 439-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части совершенствовании мер социального обеспечения граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики);

5) Федеральный закон от 15.12.2025 № 487-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации» (первая принятая законодательная инициатива Народного Совета Донецкой Народной Республики ставшая федеральным законом посвящена установлению количества мировых судей в ДНР и соответствующее им число судебных участков в количестве 114);

6) Федеральный закон от 28.12.2025 № 491-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (по вопросу прекращения реализации исполнительными органами Республики Крым и города федерального значения Севастополя отдельных полномочий органа регистрации прав);

7) Федеральный закон от 28.12.2025 № 492-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 4 Федерального закона «Об особенностях правового регулирования в сфере оборота оружия и в сфере охранной деятельности, а также о мерах по усилению охраны общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в отдельных субъектах Российской Федерации» и статьи 2 и 15 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части продления срока действия разрешительных документов на оружие);

8) Федеральный закон от 28.12.2025 № 493-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (первая принятая законодательная инициатива Законодательного Собрания Запорожской области ставшая федеральным законом продлевает сроки применения особенностей правового регулирования отношений в сфере образования);

9) Федеральный закон от 28.12.2025 № 503-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особенностях правового регулирования отношений в сферах охраны здоровья, обязательного медицинского страхования, обращения лекарственных средств и обращения медицинских изделий в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» (в части продления сроков действия особенностей регулирования отношений в сферах медицинской и фармацевтической деятельности, а также обращения лекарственных средств и медицинских изделий);

10) Федеральный закон от 28.12.2025 № 512-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особенностях правового регулирования отношений в области физической культуры и спорта в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов – Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» (в части продления сроков действия положений Федерального закона);

11) Федеральный закон от 29.12.2025 № 573-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части продления срока действия отдельных документов, выданных гражданам на территории регионов,

принятых в состав России или Украины, а также совершенствования правоотношений в сфере обязательного социального страхования).

Исходя из анализа принятых федеральных законов в сфере «Интеграция» прослеживаются такие тенденции по: продлению сроков переходного периода в разных направлениях регулирования общественных отношений на территориях новых субъектов России; усиление их интегрированности таких новороссийских субъектов как Крым и Севастополь; сбалансированный подход к интегрированности субъекта Федерации с помощью законодательства.

Отдельным направлением российского законодательного процесса является кодификация действующего законодательства. Так, по итогам законотворческой деятельности в ноябре и декабре 2025 г. практически во все кодексы РФ в той или иной степени вносились дополнения и поправки.

В заключение отметим, лидерство среди кодексов РФ по числу вносимых изменений сохраняет КОАП РФ; тематика в сфере которой принималось наибольшее количество федеральных законов Государственной Думой – «Государственное строительство и конституционные права граждан» и «Экономическая политика», половина всех принятых федеральных законов по инициативе Правительства РФ. Отдельное внимание федеральный законодатель уделил вопросам интегрированности субъектов Федерации, при этом в целом данная работа характеризуется установлением законом изъятий, а не судебным контролем, что, на наш взгляд, свидетельствует о прагматичном подходе к отношениям между принятыми регионами в состав России и федеральным центром.

Список литературы:

1. Любимов А. П. Итоги работы Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по законопроектам, постановлениям и иным решениям за период с 11 января по 22 июля 1994 года // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. 1994. № 1. С. 5–11.
2. Узлова И. В. Государственная Дума федерального собрания первого созыва: первый год работы (1994) // Дискурс. 2015. № 1. С. 6–16.
3. Узлова И. В. Федеральное Собрание РФ первого созыва: первый год работы // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Сборник научных статей Международной научной конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 05–06 декабря 2019 года / Под редакцией А.Б. Николаева. Том Часть II. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. – С. 187–196.
4. Bryman A. Social research methods. <https://cdn.bookey.app/files/pdf/book/en/social-research-methods.pdf>.
5. Официальный сайт Государственного Совета Республики Крым. Раздел «Деятельность ГС РК/Законотворчество». – URL: http://crimea.gov.ru/bases-of-activity/zakonotvorchestvo/doklady_o_sost_zak.
6. Бондарчук И. В. Российский законодательный процесс в ноябре-декабре 2024 года: путь от проекта к федеральному закону // Право и современные государства. 2024. № 6. С. 56–61.
7. Бондарчук И. В. Российский законодательный процесс в сентябре-октябре 2024 года: путь от проекта к федеральному закону / И. В. Бондарчук // Право и современные государства. 2024. № 5. С. 64–68.
8. Бондарчук И. В. Российский законодательный процесс в ноябре-декабре 2024 года: путь от проекта к федеральному закону // Право и современные государства. 2024. № 6. С. 56–61.

Bondarchuk I. V. The russian legislative process: an empirical analysis of federal laws in november-december 2025 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 36-42.

The article presents a systematic empirical analysis of the quantitative and qualitative indicators of the Russian legislative process. Based on the official data of the State Duma's Legislative Activity Support System (SOZD), the article analyzes the process of adopting 172 federal laws in November-December 2025 and their qualitative characteristics. The article also identifies the extent and nature of the participation of legislative initiative subjects in November-December 2025, compared to similar indicators in 2024 and overall for 2025. The qualitative analysis reveals a special legislative method of balancing the integration of a constituent entity

of the Federation through legislation and, in particular, legal exemptions rather than judicial control, which contributes to understanding Russia's pragmatic approach to relations between constituent entities of the Federation and the federal state.

Keywords: draft laws, legislative activity, legislative process, degree of passage of legislative initiative, sociology of legislation, statistical data, final indicators, subject integration, federal relations, federal subject, efficiency, quantitative leader.

Spisok literature:

1. Lyubimov A. P. Itogi raboty Gosudarstvennoy Dumy Federalnogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii po zakonoproektam, postanovleniyam i inym resheniyam za period s 11 yanvarya po 22 iyulya 1994 goda // Predstavitel'naya vlast: monitoring, analiz, informatsiya. 1994. № 1. S. 5–11.
2. Uzlova I. V. Gosudarstvennaya Duma federalnogo sobraniya pervogo sozyva: pervyy god raboty (1994) // Diskurs. 2015. № 1. S. 6–16.
3. Uzlova I. V. Federalnoye Sobraniye RF pervogo sozyva: pervyy god raboty // Tavricheskiye chteniya 2019. Aktualnyye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost: Sbornik nauchnykh statey Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. V 2-kh chastyakh. Sankt-Peterburg. 05–06 dekabrya 2019 goda / Pod redaktsiyey A.B. Nikolayeva. Tom Chast II. – Sankt-Peterburg: Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologiy «Asterion». 2020. – S. 187–196.
4. Bryman A. Social research methods. <https://cdn.booekey.app/files/pdf/book/en/social-research-methods.pdf>.
5. Ofitsialnyy sayt Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym. Razdel «Deyatel'nost GS RK/Zakonotvorchestvo». – URL: http://crimea.gov.ru/bases-of-activity/zakonotvorchestvo/doklady_o_sost_zak.
6. Bondarchuk I. V. Rossiyskiy zakonodatel'nyy protsess v noyabre-dekabre 2024 goda: put ot proyekta k federalnomu zakonu // Pravo i sovremennyye gosudarstva. 2024. № 6. S. 56–61.
7. Bondarchuk I. V. Rossiyskiy zakonodatel'nyy protsess v sentyabre-oktyabre 2024 goda: put ot proyekta k federalnomu zakonu / I. V. Bondarchuk // Pravo i sovremennyye gosudarstva. 2024. № 5. S. 64–68.
8. Bondarchuk I. V. Rossiyskiy zakonodatel'nyy protsess v noyabre-dekabre 2024 goda: put ot proyekta k federalnomu zakonu // Pravo i sovremennyye gosudarstva. 2024. № 6. S. 56–61.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 43-48.

УДК 342

**ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ
И ПРАКТИКА: ОБЗОР IV ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Бондарчук И. В., Руденко А. В., Стрельникова И. Ю.

В статье приведен реферативный обзор пленарных выступлений участников IV Всероссийской научно-практической конференции «Вопросы развития государства и права: теория, история и практика», прошедшей 26 ноября 2025 года в Крымском филиале Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева. Проводится анализ докладов, связанных с развитием права в условиях вызовов цифровой эпохи, проблемными аспектами религиозоведческих исследований в рамках борьбы с экстремизмом, правом на доступ к правосудию, обеспечением прав несовершеннолетних в условиях чрезвычайных ситуаций, развитием регионального законодательства и др.

Ключевые слова: конференция; научный обзор; история государства и права; правовая интеграция; Республика Крым; новые регионы; федерализм; новые субъекты Российской Федерации; законодательство; динамика правового регулирования.

В Крымском филиале Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева 26.11.2025 г. состоялась IV Всероссийская научно-практическая конференция «Вопросы развития государства и права: теория, история и практика». Конференция была организована кафедрой теории и истории права и государства Крымского филиала Университета правосудия им. В.М. Лебедева. Конференция проводится уже четвертый год, начиная с 2022 г., и объединяет усилия теоретиков, историков и специалистов в области подготовки кадров для судебной системы. В этот раз ее участники акцентировали в своих выступлениях внимание на актуальных вызовах современного этапа развития государства, включая осмысление государственного суверенитета в политическом контексте, а также изменения в экономической, социальной и общественной сферах в связи с включением в состав России исторических регионов. В работе конференции приняли участие более 100 человек из 30 вузов РФ и Республики Беларусь.

Открывая конференцию, Е. З. Фикс, помощник директора Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева» подробно описал исторический контекст событий 2014 г., включая референдум и отдельные аспекты правовой интеграции Крыма в состав РФ, подчеркнул историческую значимость тех событий участником которых непосредственно был сам, а также остановился на практических проблемах, с которыми сталкивались органы публичной власти Крыма, включая формирование органов мировой юстиции и становление региональной законодательной базы. В своем выступлении докладчик особое внимание уделил вопросам методической помощи новым территориям – Донецкой и Луганской Народным Республикам, Херсонской и Запорожской областям – в выстраивании собственной законодательной базы через деятельность комиссии Совета Федерации под руководством Председателя Государственного Совета Республики Крым В.А. Константинова, и активным участием в этой работе директора Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева», депутата Государственного Совета Республики Крым, д.ю.н., доц. С. А. Трофимова.

Доклад Басова А.В., д.ю.н., проф., зав. каф. государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ был посвящен некоторым аспектам обеспечения прав несовершеннолетних в условиях чрезвычайных ситуаций. Докладчик подчеркнул значимость обсуждаемых тем, связанных с теорией, развитием права, историей и практикой, и обозначил фокус своего доклада на вопросах правоприменения, проблемах в практике органов прокуратуры [1]. Дети и подростки остаются одной из самых уязвимых категорий населения в кризисных обстоятельствах, включая природные катастрофы, техногенные аварии и социальные конфликты, где их права на жизнь, здоровье, образование и психологическую поддержку требуют особого внимания от общества и государства. Вопросы защиты прав ребёнка закреплены как в российском законодательстве, так и в международных конвенциях. Так, А.В. Басов указал на вызовы реализации этих механизмов в чрезвычайных ситуациях. Он призвал анализировать обеспечение безопасности, предотвращение насилия, эксплуатации и дискриминации, гарантию доступа к образованию и социальной поддержке через скоординированные действия правоохранительных органов, социальных служб и научного сообщества, с поиском новых смелых решений. В своем докладе А.В. Басов осветил отдельные аспекты обеспечения прав несовершеннолетних в чрезвычайных ситуациях, отметил рост числа и масштаба чрезвычайных ситуаций в мире и России. По данным ООН, в 2023 г. было опубликовано 43 объявления о чрезвычайных ситуациях в 29 странах, что является максимумом за последние 10 лет, с числом пострадавших свыше 130 миллионов человек. В России уровень опасности остается высоким, несмотря на снижение количества чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их масштаб, убытки и количество пострадавших ежегодно увеличиваются. Государство осознает проблемы, но с 2022 по 2025 гг. возросло количество актов техногенного терроризма, подчеркивая необходимость оптимизации обеспечения прав несовершеннолетних. Растущая сложность чрезвычайных ситуаций требует устойчивых механизмов защиты детей как наиболее уязвимой категории. Обеспечение права на жизнь несовершеннолетних в чрезвычайных ситуациях является приоритетной задачей государства, где организация эвакуации занимает центральное место. При этом механизм эвакуации должен учитывать специфику несовершеннолетних, особенно малолетних, требуя сопровождения квалифицированными специалистами – педагогами, социальными работниками или сотрудниками МЧС. Практика подчеркивает проблемы с обеспечением таких групп. Особое внимание уязвимым группам: детям-инвалидам, сиротам, из многодетных и малообеспеченных семей, с обеспечением доступного транспорта и медицинского сопровождения, несмотря на разрушенную инфраструктуру. Прокуратура играет ключевую роль в надзоре за соблюдением прав детей во время эвакуации. Эвакуация обуславливает размещение в пунктах временного размещения (ПВР), где основные требования включают безопасность от внешних угроз через укрепление инфраструктуры, контроль правоохранительных органов и МЧС, проверку на санитарные и противопожарные нормы, охрану порядка. С 2022 г. в РК появился опыт организации ПВР для эвакуированных, где органы местного самоуправления решали сложности на ходу. Обеспечение базовых потребностей предусматривает запасы продовольствия, воды, гигиены и оперативное реагирование на изменения численности.

Кондратюк Г. Н., д.и.н., доц., проф. кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова предложил обратиться в прошлое и представил сообщение о правовых основах регламентирования межнациональных отношений, актуальных не только с академической, но и практической, сторон. Так, выступающий акцентировал внимание на недавнем заседании Совета по делам межнациональных отношений при Президенте РФ под руководством В. В. Путина, посвященное выработке новой стратегии национальной политики на 2026-2036 гг. [2]. Сохранение межнационального мира, межконфессионального понимания – это очень важное условие успешного социально-экономического развития нашего государства, наших народов, как подчеркнул Г. Н. Кондратюк. Докладчик пояснил, что национальная политика всегда является результатом государственной стратегии и имеет правовую основу в федеральных законах и подзаконных актах. Обратил внимание на формирование основ национальной политики в Крыму как многонациональном регионе после установления советской власти в ноябре 1920 г., а также использование опыта Татаро-Башкирской Советской Республики. Выступающий описал сокращение административных единиц в 1930, 1935 и 1939 гг., создание девяти крымско-татарских, двух еврейских (Фрайдорфский и Лариндорфский), двух немецких (Колайский и Тельмановский) и одного украинского (Ишуньский) национальных районов, где нормативные акты требовали комплектования служащими той же национальности. Как отметил докладчик, в национальном районе советские служащие, государственные служащие должны быть людьми той же национальности, чей этот национальный район. Отмечается роль коренизации в кадровой политике, ведении документации на национальных языках и определении двух государственных языков по Конституции Крымской ССР 1921 г. – русского и крымско-татарского [3]. В заключение выступающий подчеркнул, что установление советской власти изменило правовую ситуацию, приведя к конституированию Крымской ССР на основе Конституции РСФСР 1918 г., интеграции законодательства периода Гражданской войны и созданию наркоматов, включая юстиции, для регламентирования социально-экономических процессов.

Выступление Байниязовой З. С., к.ю.н., доц. к-ры теории г-ва и права . ф-та Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Чернышевского было сфокусировано на влиянии цифровизации на право и траекторию его развития. Выступающая подчеркнула актуальность рассмотрения траектории технологического развития в современных условиях, связывая это с необходимостью определения оценочной системы. Исследование права всегда находилось в центре внимания, но научный интерес к этой проблематике никогда не ослабевает, а, наоборот, только усиливается, учитывая новые потребности времени и социально-правовые трансформации. Сегодня актуальным является вопрос о том вообще, в какой парадигме должно развиваться право в цифровую эпоху. Докладчик подчеркнула диалектичность постановки вопроса, где нельзя поставить одну точку, поскольку существуют разные представления, подходы и видения. В этом плюрализме выделяется важная проблема определения направления дальнейшего развития права, учитывая его адаптацию к цифровой эпохе. С одной стороны, идет цифровой путь развития общества, а, с другой, возникает вопрос о значении роли права в этих процессах. Здесь важно определить несколько составляющих: норма-

тивно-юридическую для дальнейшего развития правового регулирования, и ценностную аксиологическую для поиска ориентиров. С этой точки зрения влияние права на формирование именно такого соответствующего уклада общественного развития в цифровую эпоху, который сегодня объективно необходим. В поисках баланса определяется роль права, его социальная ценность с нормативной, аксиологической и функциональной точек зрения. Задача заключается в объяснении направления развития права, чтобы оно отвечало вызовам времени и обеспечивало сбалансированное соотношение с технологическими процессами. Подводя итог, докладчик отметила диалектическую плоскость вопроса о направлениях развития права, поскольку человечество не стоит на месте, возникают новые потребности, требующие осмысления правотворчества, правоприменения и правовой системы [4].

Особый интерес вызвало выступление Шмелевой Г.Г., кандидата юридических наук, доцента кафедры теории истории права и государства Крымского филиала РГУП имени В.М. Лебедева, заслуженного юриста РК. Тема ее доклада касалась права на доступ к правосудию и юридического механизма его обеспечения в общетеоретическом аспекте. Шмелева Г.Г. отметила, что общетеоретический аспект позволил отстраниться от сугубо практических проблем, связанных с отраслевым, в большей степени процессуальным законодательством. Прежде всего интерес вызывает происхождение и обусловленность существования права на доступ к правосудию. Докладчик исходила из идей юснатуралистической концепции понимания права и пояснила, что в соответствии с последней право состоит из системы естественного права, преимущественно понимаемого как права человека и свободы, и норм, устанавливаемых государством и закрепляемых в законах, то есть юридического права. Это позволило сделать вывод о том, что Конституция РФ основана на идеях юснатурализма. Так, проанализировав гл. 1 и 2 Конституции, Г.Г. Шмелева привела пример ст. 18, которая устанавливает, что права человека являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, обеспечиваются правосудием. По сути, данная статья признает автономность существования прав человека как явлений естественного права и верховенство прав человека над законами государства. Как подчеркнула Г.Г. Шмелева, целый ряд статей свидетельствует о естественно-правовой концепции, включая право на самоопределение народов и наций как естественное право. Далее выступающая отметила, что право на доступ к правосудию в каталоге прав человека, закрепленном в Конституции РФ, текстуально не выражено. Однако это не означает его отсутствия, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 55 Конституции перечисление основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других прав и свобод. Так, в ряде постановлений Конституционного Суда в связи с рассмотрением индивидуальных жалоб, указывается, что конституционное правосудие обеспечивает защитой все права человека, в том числе и те, которые не закреплены в конституционном тексте. При этом обращено внимание на принадлежность права на доступ к правосудию к основным, неотчуждаемым правам.

Далее выступила Коноплева А. А., к.фил.н., доц., заместитель начальника кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России. Тема ее доклада касалась проблем и перспектив религиозных исследований в рамках борьбы с экстремизмом. Она начала с двух стереотипов: 1-й – вопросы религии касаются только верующих и

межконфессиональных отношений; 2-й – в Крыму нет проблем в этой сфере. Первый стереотип заключается в том, что вопросы религии касаются только верующих и межконфессиональных отношений, отметила Коноплева А.А., подчеркивая необходимость работы над реальными вызовами. Докладчик поделилась опытом религиоведческих исследований как специалиста широкого профиля, преподавателя вуза, описала систему образования в МВД с профилизацией, где вуз специализируется на противодействии экстремизму, терроризму и организованной преступности. При этом отсутствие четкого определения религиозного экстремизма в законодательстве заставляет обращаться к различным видам деятельности. Религия играет колоссальную роль: стабилизирует общественные отношения, но может мотивировать террористические акты и экстремистские проявления, религия может стать мотивирующим фактором при совершении различного рода террористических актов, экстремистских проявлений, ссылаясь на кровопролитные войны на религиозной основе, затрагивающие миграцию и экономику. Высокая скорость событий в религиозной сфере приводит к негативной тенденции догонять процессы. Религиоведческие исследования оценивают аспекты, служащие основой для решений, и должны носить перспективный характер. Часто дисциплина сводится к историческому аспекту, но в МВД делается акцент на противодействии религиозному экстремизму [5].

В рамках проведения конференции прозвучал доклад Бондарчука И.В., к.ю.н., доц., заместителя руководителя Севастопольского филиала РФ Федерации, доц.а к-ры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева на тему «Конституционная реформа 2020 г. как основа динамики развития законодательства Республики Крым». Выступающий обратил внимание на текущие тенденции развития законодательства Республики Крым, которая характеризуется сближением количества внесенных и принятых законопроектов. В отличие от сегодняшних реалий в 2014 г. разрыв между внесенными законопроектами и принятыми законами Республики Крым был значительным, что связывается с поиском необходимых регуляторов и формированием первичного законодательства. Современные тенденции динамизма в законодательстве регионов как правило связаны с поправками в Конституцию РФ. Сравнивая два пятилетних периода деятельности Государственного Совета Республики Крым 2014-2019 и 2019-2024, докладчик выделил три особенности: 1) рост вклада Главы Республики Крым в долю принимаемых законопроектов (с 54% до 58%), с прогнозом дальнейшего увеличения роли исполнительной власти; 2) среди общего числа принимаемых законов Республики Крым доля базовых (новых) законов в первом периоде пятилетней деятельности (35%) более чем в два раза выше, чем во втором пятилетнем периоде (13%), соответственно отмечается рост числа законов о внесении изменений (т.н. производных законов) с 65% до 87%; 3) среди лидеров сфер, по которым принимались законы Республики Крым: бюджетное устройство в первый период (106 законов) и государственное устройство во втором периоде (104 закона), что отражает работу законодателя по совершенствованию регионального законодательства в связи с проведенной конституционной реформой 2020 г. [6].

В завершении пленарного заседания конференции прозвучал доклад Бахриевой З.Р., к.ю.н., доц. к-ры гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, который был посвя-

щен проблемам проведения эксперимента по легализации гостевых домов в Крыму. Эксперимент начался в связи с принятием в 2025 г. Федерального закона о проведении эксперимента по предоставлению услуг гостевых домов, охватывая 17 субъектов России и федеральную территорию Сириус [7]. В выступлении докладчик подчеркнула интерес всех в лояльных условиях для вывода из тени нелегального бизнеса и выразила надежду на эффективное правовое регулирование статуса гостевых домов.

Список литературы:

1. Басов А. В. Теоретические и практические аспекты деятельности прокуратуры по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях // Нюрнбергский процесс: история и современность: сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции, Ялта, 16–17 ноября 2023 года. Симферополь: Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 210–216.
2. Заседание Совета по межнациональным отношениям от 5 ноября 2025 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78409> (дата обращения: 23.01.2026).
3. Кондратюк Г. Н. Крымские татары в национально-государственном строительстве Крымской АССР (20–30-е годы XX века) // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 1. С. 87–96.
4. Байниязова З. С. К вопросу о роли правовой системы в условиях социальной цифровизации в Российском государстве // Евразийский юридический журнал. 2020. № 11(150). С. 47–48.
5. Буткевич С. А., Коноплева А. А. Распространение экстремизма в Республике Крым: проблемы противодействия и пути их решения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 1(19). С. 76–83.
6. Бондарчук И. В. Динамика развития регионального законодательства: современные тенденции и перспективы, на примере Республики Крым. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2025. 336 с.
7. Федеральный закон от 07.06.2025 № 127-ФЗ «О проведении эксперимента по предоставлению услуг гостевых домов». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51996> (дата обращения: 24.01.2026).

Bondarchuk I.V., Rudenko A.V., Strelnikova I.Yu. State and law development: theory, history, and practice: a review of the 4th all-russian scientific and practical conference // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 43–48.

The article provides an abstract review of the plenary presentations by the participants of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference «Issues of State and Law Development: Theory, History, and Practice», which was held on November 26, 2025, at the Crimean Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev. The conference will analyze reports related to the development of law in the context of the challenges of the digital era, problematic aspects of religious studies in the fight against extremism, the right to access justice, ensuring the rights of minors in emergency situations, the development of regional legislation, and more.

Keywords: conference; scientific review; history of state and law; legal integration; Republic of Crimea; new regions; federalism; new constituent entities of the Russian Federation; legislation; dynamics of legal regulation.

Spisok literatury:

1. Basov A. V. Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty deyatel'nosti prokuratury po obespecheniyu zakonnosti v chrezvychaynykh situatsiyakh // Nyurnbergskiy protsess: istoriya i sovremennost: sbornik materialov VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Yalta. 16–17 noyabrya 2023 goda. Simferopol: Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. 2024. S. 210–216.
2. Zasedaniye Soveta po mezhnatsionalnym otnosheniyam ot 5 noyabrya 2025 goda. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78409> (data obrashcheniya: 23.01.2026).
3. Kondratyuk G. N. Krymskiye tatory v natsionalno-gosudarstvennom stroitel'stve Krymskoy ASSR (20–30-e gody XX veka) // Krymskoye istoricheskoye obozreniye. 2023. T. 10. № 1. S. 87–96.
4. Bayniyazova Z. S. K voprosu o roli pravovoy sistemy v usloviyakh sotsialnoy tsifrovizatsii v Rossiyskom gosudarstve // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2020. № 11(150). S. 47–48.
5. Butkevich S. A., Konopleva A. A. Rasprostraneniye ekstremizma v Respublike Krym: problemy protivodeystviya i puti ikh resheniya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 1(19). S. 76–83.
6. Bondarchuk I. V. Dinamika razvitiya regionalnogo zakonodatel'stva: sovremennyye tendentsii i perspektivy, na primere Respubliki Krym. Simferopol: ООО Izdatel'stvo Tipografiya «Ariall». 2025. 336 s.
7. Federalnyy zakon ot 07.06.2025 № 127-FZ «O provedenii eksperimenta po predostavleniyu uslug gostevykh domov». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51996> (data obrashcheniya: 24.01.2026).

УДК 340.1

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПЕРВЫХ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ АКТАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Биличенко Б. Е.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)

В статье исследуется становление политики продовольственной безопасности в первые месяцы существования советской власти (1917 г.) через анализ ключевых организационно-правовых актов этого периода. Цель работы – выявить основные подходы и механизмы регулирования продовольственного снабжения, заложенные в ранней советской нормативно-правовой базе, а также проследить их связь с социально-политическими задачами новой власти. Особое внимание уделяется ряду основополагающих актов: декреты СНК о расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле, об оставлении в силе обязательств по поставкам продовольствия для армии, приказы о создании военно-продовольственных структур (в т. ч. северной военно-продовольственной дружины), обращения о формировании продовольственных комиссий при Советах и др. На основе этих источников раскрываются ключевые направления политики большевиков: централизация управления продовольственным снабжением, монополизация распределения, борьба со спекуляцией, милитаризация логистики, вовлечение Советов в регулирование продовольственного вопроса и т. д. В ходе исследования установлено, что уже в 1917 г. были заложены институциональные основы будущей системы продовольственного обеспечения, сочетавшей чрезвычайные меры с формированием жесткой вертикали управления. Показано, как продовольственная политика использовалась не только для решения хозяйственных задач, но и как инструмент политической консолидации и легитимации власти через апелляцию к интересам рабочих, солдат и беднейшего крестьянства. Результаты работы позволяют лучше понять генезис политики военного коммунизма и ее предпосылки, а также демонстрируют взаимосвязь между правовыми решениями первых месяцев советской власти и последующими масштабными преобразованиями в сфере экономики и управления.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, советская власть, Народный комиссариат продовольствия, военный коммунизм, централизованное распределение, национализация, продовольственная политика.

Продовольственный вопрос в первые годы после установления советской власти – одна из наиболее острых и дискуссионных тем в историографии, согласие по которой в научном сообществе не достигнуто и в настоящее время. Эффективность и целесообразность мер, вводимых большевиками, – от внедрения продразверстки до механизмов централизованного распределения продовольствия – порождают диаметрально противоположные оценки среди историков и экономистов. Дискуссионными остаются вопросы о генезисе кризисных явлений: являлись ли они следствием политики военного коммунизма или отражали объективные последствия Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Не менее спорны оценки объемов иностранной помощи, в том числе деятельности АРА (American Relief Administration, или Американская администрация помощи) [1-4], Международного комитета помощи России Ф. Нансена и других организаций [5-7], и ее реального значения в борьбе с голодом.

В рамках настоящего исследования фокус смещается на правовую сторону вопроса, которая при рассмотрении продовольственной политики большевиков часто (и незаслуженно) играет лишь факультативную роль. Между тем именно анализ специфики и динамики ранних советских организационно-правовых актов позволяет реконструировать институциональную логику трансформации продовольственной системы, установить цели и последовательность принимаемых решений, проследить особенности выбранных новой властью механизмов урегулирования в про-

довольственной сфере. Научная значимость такого подхода обусловлена тем, что нормативные акты выступают не просто формальными документами, а операционализируют политические стратегии, фиксируют приоритеты государственной политики и задают рамки для практической реализации мер.

Изучение нормативно-правовой базы дает возможность выявить иерархию целей продовольственной политики – таких как обеспечение армии и промышленных центров, подавление социального сопротивления, формирование новых управленческих структур, – а также проследить эволюцию методов регулирования: от стихийной национализации и реквизиций к созданию централизованных органов управления (Наркомпрод) и внедрению плано-распределительных механизмов. Кроме того, анализ правовых документов позволяет определить механизмы легитимации чрезвычайных мер через правовую систему (декреты СНК, постановления ВЦИК, ведомственные инструкции), установить взаимосвязь правовых норм и социально-экономических практик – то, как формальные предписания трансформировались в реальную политику на местах, включая злоупотребления, сопротивление и адаптацию, – и оценить институциональную устойчивость созданных структур и их способность адаптироваться к меняющимся условиям, в частности при переходе от военного коммунизма к НЭПу.

В контексте вышесказанного особенно важно акцентировать внимание на систематизации организационно-правовых механизмов продовольственной политики как целостной системы. Анализ динамики нормативно-правового регулирования позволяет выделить этапы институционализации продовольственной безопасности (от стихийной реквизиции к централизованному планированию), показать конфликт норм и практик, то есть расхождение между декларируемыми целями и реальными результатами, оценить роль правовой регламентации в формировании новых властных отношений и перераспределении ресурсов, а также выявить долгосрочные последствия раннесоветских решений для развития аграрно-продовольственного сектора СССР. На наш взгляд, исследование правовой стороны продовольственного вопроса позволяет глубже понять механизмы государственного строительства в условиях кризиса, дополняя традиционные социально-экономические интерпретации. Через призму законодательства раскрываются стратегии власти по консолидации контроля над ресурсами, формированию новых управленческих иерархий и легитимации чрезвычайных мер, что имеет принципиальное значение для понимания генезиса советской модели государственного управления в целом.

Для достижения указанных целей и следуя хронологии развития правовой мысли советских органов власти в сфере продовольственной безопасности, обратимся к нормативно-правовым актам 1917 года. Отправной точкой, безусловно, является образование Совета Народных Комиссаров (СНК, или Рабочего и Крестьянского правительства) – высшего исполнительного и распорядительного органа власти, учрежденного II Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 26 октября (8 ноября) 1917 г. [8] Формирование СНК ознаменовало переход к постепенной институционализации новой власти и созданию системы государственного управления, в том числе в критически важной сфере продовольственного обеспечения. Ключевым шагом в этом направлении стало назначение И. А. Теодоровича народным комиссаром по делам продовольствия, что символизиро-

ровало начало выстраивания централизованной вертикали управления продовольственным сектором.

Среди ключевых актов осени 1917 г. также необходимо отметить Декрет СНК «О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле» от 28 октября 1917 г., радикально расширявший полномочия городских самоуправлений в сфере продовольственного снабжения [9]. Документ был принят в условиях острого продовольственного кризиса и ставил целью централизовать управление продовольствием на городском уровне, его действие распространялось на все города с населением от 10 000 человек, а положения вводились в действие по телеграфу, что подчеркивало экстренность мер. Ключевые пункты Декрета предусматривали централизацию продовольственных потоков: все грузы, прибывающие в город, в том числе предназначенные для интендантства, Красного Креста и других организаций, ранее имевших независимое снабжение, отныне поступали в распоряжение городского самоуправления и распределялись его продовольственной организацией. Организации с ранее независимым снабжением были обязаны передать городу свой продовольственный аппарат и подчиняться его указаниям, своевременно информируя о прибывающих грузах и продолжая деятельность по закупке и доставке продовольствия под контролем городских властей. В Петрограде и Москве под городской контроль попадали также транзитная торговля и погрузки для снабжения фронта, хотя для Смольного Института в Петрограде делалось исключение: ему предоставлялось право получать продовольственные грузы для удовлетворения потребностей экстренно прибывающих воинских частей и других чрезвычайных нужд по определению правительства.

Городское самоуправление получало широкие полномочия в сфере торговли и производства: оно могло брать под надзор любые торговые и промышленные предприятия – лавки, рестораны, мельницы и т. д., определять цены на продовольствие, изменять штат и условия труда, превращать заведения общепита в общественные столовые, а также секвестровать предприятия в свою пользу. Город имел право конфисковывать и реквизировать частные помещения и ресурсы (транспортные средства, склады, аппараты и принадлежности), необходимые для организации развозки, хранения, заготовки, переработки и распределения продовольствия. Предусматривалась мобилизация трудовых ресурсов: вводилась трудовая повинность для студентов высших учебных заведений и старшеклассников в сфере продовольственного обеспечения, а все работники отрасли были обязаны продолжать работу под контролем города.

Дополнительно город мог обязать жителей создавать домовые общества для совместного получения и распределения продуктов, реквизировать частные продовольственные запасы, превышающие установленные нормы, а также вводить общую или частичную централизацию кухонного дела – организовывать приготовление горячей пищи только под своим контролем, через общественные столовые или с разноской по квартирам. Нормы декрета распространялись не только на продовольствие, но и на предметы первой необходимости, перечень которых определяло городское самоуправление. При этом постановления городов вступали в силу немедленно, без утверждения комиссаров, – контроль осуществлял лишь Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. За нарушение декрета или противодействие мерам городского са-

моуправления предусматривались серьезные санкции: тюремное заключение до года и имущественное взыскание вплоть до конфискации всего имущества в пользу города.

В контексте политики «военного коммунизма» декрет решал несколько ключевых задач: преодоление продовольственного кризиса в городах, ликвидация стихийной торговли и спекуляции, обеспечение армии и рабочих промышленных центров, создание централизованной системы распределения. Он закреплял чрезвычайные полномочия городских властей – полный контроль над логистикой и распределением продовольствия, право на реквизицию, секвестр и конфискацию ресурсов, мобилизацию трудовых резервов, регламентацию торговли, производства и бытового обслуживания. При этом, несмотря на общую тенденцию к централизации, ключевые решения делегировались городским самоуправлениям, что позволяло оперативно реагировать на ситуацию на местах. Одновременно упразднялась система независимого снабжения для ряда ведомств (с небольшими исключениями), а угроза жестких санкций обеспечивала исполнение предписаний.

Первые послереволюционные месяцы активно сопровождались и пропагандистскими материалами – так, среди армейских организаций, военно-революционных комитетов и солдат на фронте было распространено распоряжение СНК «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира» от 11 ноября 1917 года [10]. В части продовольственного вопроса документ подчеркивал, что запасы в стране есть, но они скрыты у «помещиков, кулаков, торговцев», а чиновники и банкиры саботируют снабжение – высшие государственные служащие, железнодорожники и банковские работники помогают буржуазии и выступают фактически против солдат, рабочих и крестьян. Также СНК заявлял о принятии решительных мер: реквизиции продовольственных запасов силами комиссаров СНК совместно с матросами, солдатами и красногвардейцами; борьбе с саботажем и спекуляцией; арестах и заключении в Кронштадтскую тюрьму лиц, мешающих продовольственной работе. Кроме того, объявлялось о роспуске и аресте армейских комитетов, которые попытаются поддерживать «врагов народа» в их борьбе против Советской власти. Отметим, что приведенный акт в целом можно рассматривать как типичный образец раннесоветской политической пропаганды, демонстрировавший радикализацию политической риторики, использование классового подхода и образа «врага народа» для мобилизации масс, связь продовольственного вопроса с политическими целями (удержание власти, заключение мира), а также формирование практики чрезвычайных мер (реквизиций, арестов) как нормы управления. По форме он действительно представлял собой обращение к армии и народу, по сути же являлся одним из манифестов политической борьбы, в котором продовольственная политика и внешняя политика (перемирие) выступали как взаимосвязанные элементы стратегии выживания новой власти.

В подтверждение вышеизложенного целесообразно привести обращение Народного комиссара по продовольствию «О саботаже чиновников Министерства Продовольствия» от 5 декабря 1917 года [11], которое демонстрирует, что продовольственный вопрос выступал не только как хозяйственно-экономическая проблема, но и как ключевой элемент политической конфронтации. В тексте прямо фиксируется факт организованного саботажа со стороны служащих бывшего Министерства продовольствия, что интерпретируется властью как сознательное противодействие но-

вым органам управления. Очевидно, что продовольственное обеспечение стало своего рода ареной столкновения интересов различных социальных и политических групп: с одной стороны – новой советской администрации, с другой – представителей дореволюционного бюрократического аппарата и связанных с ним экономических кругов. Саботаж в сфере продовольствия использовался как инструмент политического давления на Советскую власть, направленный на подрыв ее легитимности и оперативности в решении насущных задач. При этом проблема снабжения приобрела ярко выраженную идеологическую окраску: борьба с саботажем подавалась как часть классовой борьбы, что позволяло легитимировать чрезвычайные меры и мобилизовать поддержку среди рабочих и солдатских масс.

Возвращаясь к строго правовой стороне вопроса, необходимо отметить Декрет СНК «Об оставлении в силе обязательств, возложенных договором на контрагентов по поставкам и заготовкам продовольствия для армии» 12 декабря 1917 г. [12], содержание которого кратко можно свести к двум ключевым положениям: во-первых, подтверждалась юридическая сила ранее заключенных договоров на поставки и заготовки продовольствия для нужд армии, во-вторых, устанавливались жесткие санкции за неисполнение договорных обязательств – привлечение к суду революционного трибунала. Этим документом власть стремилась обеспечить бесперебойное снабжение вооруженных сил продовольствием в условиях политической и экономической нестабильности и сохранить преемственность договорных отношений с контрагентами (поставщиками, заготовителями), сложившихся еще в дореволюционный период, предотвратить массовый отказ от исполнения ранее взятых обязательств из-за смены власти, а также создать механизм принуждения к исполнению обязательств через угрозу судебного преследования революционным трибуналом – чрезвычайным органом с широкими полномочиями.

Одним из фундаментальных решений СНК в сфере продовольственной безопасности, безусловно, является распоряжение «Об организации продовольственных комиссий при Советах» от 24 декабря 1917 г. [13], в котором фиксировался факт создания Всероссийского продовольственного комитета и провозглашался курс на создание единой государственной продовольственной организации. Всероссийский продовольственный комитет, сформированный в Петрограде, предлагал всем местным Советам немедленно создать продовольственные комиссии, которые возьмут под контроль местные продовольственные организации, направят своих представителей в исполнительные органы этих организаций в качестве полноправных членов и обеспечат переход продовольственного дела в руки Советов с последующей координацией деятельности с центральными органами. Идеологическая основа преобразований сформулирована через ссылки на резолюции ряда съездов – фронтового, флотского, всероссийского съезда эмиссаров военно-продовольственной комиссии. В этих резолюциях были закреплены следующие ключевые принципы: учет и государственная монополизация всех продуктов как промышленного, так и сельскохозяйственного производства, установление правильного обмена между городом и деревней, контроль рабочих над производством, демократизация продовольственного дела и передача его в руки беднейших слоев населения с устранением «цензовых элементов», заинтересованных в повышении цен.

Документ предусматривал конкретные шаги по институционализации продовольственной политики – новые комиссии должны взаимодействовать с уже существующими структурами, губернскими продовольственными комитетами, бюро эмиссаров и «делегатками». После создания комиссий местные Советы обязаны были сообщить в Петроград сведения о составе комиссий, способах их вхождения в действующие продовольственные организации, характере сложившихся отношений и планируемых мерах. Кроме того, Всероссийский продовольственный комитет декларировал планирование созыва всероссийского съезда демократических организаций и работников по продовольствию для выработки дальнейших решений. На наш взгляд, именно через создание продовольственных комиссий при Советах новая власть стремилась не только решить насущные задачи снабжения, но и закрепить новый политический порядок: передать управление продовольствием в руки лояльных, классово ориентированных структур, подчинить их центру и обеспечить жесткий контроль над распределением ресурсов. Эта мера стала одной из симптоматичных ранних предпосылок политики военного коммунизма и последующего введения продразверстки.

Одним из заключительных актов, регламентировавших продовольственную политику большевиков в 1917 году, стал Приказ Народного комиссариата по военным делам «Об организации северной военно-продовольственной дружины» от 31 декабря 1917 г. [14]. Инициатива создания специализированной структуры, северной военно-продовольственной дружины, была продиктована необходимостью организовать сбор и вывоз продовольственных запасов с обширной территории, включавшей Семипалатинскую и Акмолинскую области, Оренбургскую, Енисейскую, Томскую, Тобольскую, Уфимскую, Пермскую, Вятскую, Вологодскую губернии и другие регионы, а также обеспечить их доставку по ряду железных дорог – Северной, Самаро-Златоустовской, Омской, Пермской, Томской, Забайкальской. В задачи дружины входили контроль и охрана железнодорожных составов, пакгаузов и складов, разгрузка и погрузка продовольствия, организация его сбора на местах и подвоза к станциям, борьба с расхищением и спекуляцией, обеспечение приоритетного продвижения военно-продовольственных грузов, а также исполнение указаний военно-продовольственного комиссара по реализации продовольственных планов. Приказ детально прописывал систему управления и территориального деления – общее руководство возлагалось на главного военно-продовольственного комиссара, в каждой губернии, входящей в район действия дружины, назначался губернский военно-продовольственный комиссар для непосредственного наблюдения и координации на местах. Сама дружина разделялась на 13 губернских военно-продовольственных отрядов, каждый из которых подчиняется соответствующему губернскому комиссару.

Документ зафиксировал стремление Советов к централизации и милитаризации снабжения: создание военно-продовольственных формирований позволяло жестко контролировать логистику и распределение в условиях кризиса. Железные дороги становились главным каналом снабжения фронта и тыла, а их работа – объектом особого внимания и регламентации. Борьба с «расхищением и спекуляцией» также подавалась как часть классовой борьбы, при этом дружина сочетала военные методы организации с хозяйственными задачами, обеспечивая приоритет снабжения армии, а масштабная география ее деятельности – от Петрограда до Сибири – свиде-

тельствовала о стремлении выстроить единую систему продовольственного обеспечения на огромной территории. С правовой и управленческой точки зрения документ отличался достаточно высокой степенью детализации – он закреплял единоначалие на всех уровнях – от главного комиссара через губернских комиссаров к отрядам, предусматривает специализацию функций (железнодорожные отряды, помощники по разным направлениям), принцип оперативного реагирования на задержки и простои, а также механизм взаимодействия с железнодорожной инфраструктурой.

Таким образом, анализ первых организационно-правовых актов советской власти 1917 г. в сфере продовольственной безопасности позволяет сделать вывод о целенаправленном и системном формировании новой модели продовольственного обеспечения страны в условиях острого социально-экономического и политического кризиса. Уже в первые месяцы после Октябрьской революции были заложены институциональные и нормативно-правовые основы централизованной системы снабжения. Это проявилось в ряде взаимосвязанных тенденций. Власть последовательно передавала продовольственное дело под контроль Советов и специализированных органов – таких как продовольственные комиссии и военно-продовольственные дружины, – выстраивая вертикаль управления от центра к регионам. Одновременно советское правительство стремилось взять под учет и контроль все продовольственные ресурсы, как промышленные, так и сельскохозяйственные, ограничивая частную торговлю и пресекая спекуляцию, что свидетельствовало о курсе на монополизацию распределения. Для обеспечения армии и голодающих губерний активно внедрялась милитаризация логистики и снабжения: создавались военно-продовольственные формирования, которые задействовали механизмы военного управления и опирались на железнодорожную инфраструктуру как ключевой канал доставки.

Продовольственная политика носила ярко выраженную политико-идеологическую направленность: она использовалась как инструмент политической консолидации и легитимировалась через апелляцию к интересам рабочих, солдат и беднейшего крестьянства, а борьба с «саботажем» и «спекуляцией» подавалась как часть классовой борьбы. При этом ключевую роль в реализации политики на местах играли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов: им передавались полномочия по контролю над местными продовольственными организациями, распределению запасов и организации заготовок. Нормативно-правовые акты того периода предусматривали и применение чрезвычайных мер – жестких санкций за неисполнение обязательств (вплоть до суда революционного трибунала), реквизиций, секвестра, трудовой повинности и других экстраординарных инструментов управления.

Практические решения 1917 г., включая декреты о сохранении обязательств по поставкам продовольствия, приказы о создании военно-продовольственных дружин, обращения о формировании продовольственных комиссий при Советах и т.д., не были лишь временными антикризисными мерами. Они заложили концептуальную и организационную базу для последующих масштабных преобразований, в т.ч. для политики военного коммунизма и введения продразверстки. Таким образом, организационно-правовые акты 1917 г. демонстрируют, что советская власть изначально рассматривала продовольственную безопасность и как хозяйственную задачу, и как

стратегический приоритет, напрямую связанный с удержанием политической власти, обеспечением армии и социальной поддержкой ключевых групп населения. Эти ранние решения стали отправной точкой для формирования принципиально новой модели государственного управления экономикой, основанной на жестком централизованном контроле, плановом распределении и приоритете государственных интересов над частными.

Список литературы:

1. Русинов, А. А. Американская пресса о начале сотрудничества между Американской администрацией помощи и Советской Россией (июль - август 1921 г.) / А. А. Русинов // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2015. – № 2(32). – С. 28-31.
2. Погромский, В. А. Советская историография 20-60-х гг. XX столетия про деятельность ара (Американской администрации помощи) на территории стран Восточной Европы и республик СССР в 20-х гг. XX столетия / В. А. Погромский // Современное общество и власть. – 2016. – № 4(10). – С. 7-16.
3. Усманов, Н. В. Американская администрация помощи в Симбирской губернии (1921-1923 гг.) / Н. В. Усманов // История: факты и символы. – 2024. – № 2(39). – С. 8-21.
4. Герман, А. А. Американская администрация помощи и ее участие в борьбе с голодом в Поволжье (начало 1920-х годов) / А. А. Герман // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 118-129.
5. Федотова, А. Ю. Посылки международных организаций как помощь населению ТАССР в голодные 1921-1923 гг / А. Ю. Федотова // Эхо веков. – 2019. – № 2. – С. 66-74.
6. Бондаренко, Т. Ю. Помощь Фритьофа Нансена учебным заведениям Саратова в период голода 1921-1922 годов / Т. Ю. Бондаренко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2015. – Т. 15, № 2. – С. 110-115.
7. Бондаренко, Т. Ю. ОПЫТНЫЙ ДИЛЕТАНТ (из истории помощи Ф. Нансена голодающим Советской России в 1920-х годах) / Т. Ю. Бондаренко // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2016. – № 4(63). – С. 78-81.
8. 26 октября (8 ноября). Декрет Второго Всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и Крестьянского правительства // «Газета» № 1 и 18, 28 октября и 25 ноября; «Правда» № 171, 28 октября; «Рабочий и Солдат» № 10, 27 октября; «Собрание Узаконений» № 1, ст. 1.
9. Декрет Совета Народных Комиссаров. О расширении прав городских самоуправлений в продовольственном деле // Распублковано в № 1 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 28 октября 1917 года.
10. Всем армейским организациям, Воен.-Революционным комитетам, всем солдатам на фронте. О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира // Распублковано в № 8 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 11 ноября 1917 года.
11. От Народного Комиссара по продовольствию. О саботаже чиновников Министерства Продовольствия // Распублковано в № 25 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 5 декабря 1917 года.
12. Декрет. Об оставлении в силе обязательств, возложенных договором на контрагентов по поставкам и заготовкам продовольствия для армии. 12 декабря 1917 года // Распублковано в № 32 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 14 декабря 1917 года.
13. Об организации продовольственных комиссий при Советах // Распублковано в № 41 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 24 декабря 1917 года.
14. Приказ Народного комиссариата по военным делам. Об организации северной военно-продовольственной дружины. 31 декабря 1917 года // Распублковано в № 4 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 6 января 1918 года.

Bilichenko B.E. Food safety in the first organizational and legal acts of the Soviet Government // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 49-57.

The article examines the formation of food security policy in the first months of the existence of Soviet power (1917) through an analysis of key organizational and legal acts of this period. The purpose of the work is to identify the main approaches and mechanisms for regulating food supply, embedded in the early Soviet regulatory framework, as well as to trace their relationship with the socio-political objectives of the new government. Special attention is paid to a number of fundamental acts: decrees of the Council of People's Com-

missars on the expansion of the rights of city governments in the food business, on the maintenance of obligations to supply food to the army, orders on the creation of military food structures (including the northern military food squad), appeals on the formation of food commissions under the Soviets, etc. Based on these sources, the key directions of Bolshevik policy are revealed: centralization of food supply management, monopolization of distribution, fight against speculation, militarization of logistics, involvement of Soviets in regulating the food issue, etc. The study revealed that as early as 1917, the institutional foundations of the future food supply system were laid, combining emergency measures with the formation of a rigid management vertical. It shows how food policy was used not only to solve economic problems, but also as a tool for political consolidation and legitimization of power through appealing to the interests of workers, soldiers and the poorest peasantry. The results of the work make it possible to better understand the genesis of the policy of war communism and its prerequisites, and also demonstrate the relationship between the legal decisions of the first months of Soviet power and subsequent large-scale transformations in the field of economics and management.

Keywords: food security, Soviet government, People's Commissariat of Food, war communism, centralized distribution, nationalization, food policy.

Spisok literatury:

1. Rusinov, A. A. Amerikanskaya pressa o nachale sotrudnichestva mezhdru Amerikanskoi administratsiei pomoshchi i Sovetskoi Rossiei (iyul' - avgust 1921 g.) / A. A. Rusinov // Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki. – 2015. – № 2(32). – S. 28-31.
2. Pogromskii, V. A. Sovetskaya istoriografiya 20-60-kh gg. KHKH stoletiya pro deyatelnost' ara (Amerikanskoi administratsii pomoshchi) na territorii stran Vostochnoi Evropy i respublik SSSR v 20-kh gg. KHKH stoletiya / V. A. Pogromskii // Sovremennoe obshchestvo i vlast'. – 2016. – № 4(10). – S. 7-16.
3. Usmanov, N. V. Amerikanskaya administratsiya pomoshchi v Simbirskoi gubernii (1921-1923 gg.) / N. V. Usmanov // Istoriya: fakty i simvoly. – 2024. – № 2(39). – S. 8-21.
4. German, A. A. Amerikanskaya administratsiya pomoshchi i ee uchastie v bor'be s golodom v Povolzh'e (nachalo 1920-kh godov) / A. A. German // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2025. – T. 25, № 1. – S. 118-129.
5. Fedotova, A. YU. Posylki mezhdunarodnykh organizatsii kak pomoshch' naseleniyu TASSR v golodnye 1921-1923 gg / A. YU. Fedotova // Ehkho vekov. – 2019. – № 2. – S. 66-74.
6. Bondarenko, T. YU. Pomoshch' Frit'ofa Nansena uchebnym zavedeniyam Saratova v period goloda 1921-1922 godov / T. YU. Bondarenko // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2015. – T. 15, № 2. – S. 110-115.
7. Bondarenko, T. YU. OPYTNYI DILETANT (iz istorii pomoshchi F. Nansena golodayushchim Sovetskoi Rossii v 1920-kh godakh) / T. YU. Bondarenko // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta. – 2016. – № 4(63). – S. 78-81.
8. 26 oktyabrya (8 noyabrya). Dekret Vtorogo Vserossiiskogo s'ezda Sovetov ob obrazovanii Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva // «GazetA» № 1 i 18, 28 oktyabrya i 25 noyabrya; «PravdA» № 171, 28 oktyabrya; «Rabochii i SoldaT» № 10, 27 oktyabrya; «Sobranie UzakoneniI» № 1, st. 1.
9. Dekret Soveta Narodnykh Komissarov. O rasshirenii prav gorodskikh samoupravlenii v prodovol'stvennom dele // Raspublikovano v № 1 Gazety Vremennogo Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva ot 28 oktyabrya 1917 goda.
10. Vsem armeiskim organizatsiyam, Voen.-Revolyutsionnym komitetam, vsem soldatam na fronte. O bor'be s burzhuaiziei i ee agentami, sabotiruyushchimi delo prodovol'stviya armii i prepyatstvuyushchimi zaklyucheniyu mira // Raspublikovano v № 8 Gazety Vremennogo Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva ot 11 noyabrya 1917 goda.
11. Ot Narodnogo Komissara po prodovol'stviyu. O sabotazhe chinovnikov Ministerstva Prodovol'stviya // Raspublikovano v № 25 Gazety Vremennogo Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva ot 5 dekabrya 1917 g.
12. Dekret. Ob ostavlenii v sile obyazatel'stv, vozlozhennykh dogovorom na kontR-agentov po postavkam i zagotovkam prodovol'stviya dlya armii. 12 dekabrya 1917 goda // Raspublikovano v № 32 Gazety Vremennogo Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva ot 14 dekabrya 1917 goda.
13. Ob organizatsii prodovol'stvennykh komissii pri Sovetakh // Raspublikovano v № 41 Gazety Vremennogo Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva ot 24 dekabrya 1917 goda.
14. Prikaz Narodnogo komissariata po voennym delam. Ob organizatsii severnoi voenno-prodovol'stvennoi družiny. 31 dekabrya 1917 goda // Raspublikovano v № 4 Gazety Vremennogo Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva ot 6 yanvarya 1918 goda.

УДК 340

**ИНТЕГРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИНДИКАТОРОВ В
СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ: ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ**

Бутов С. В., Яковлев М. В., Аврамов С. О.

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

В статье представлена концепция социально-правовых индикаторов как интегративного инструментария раннего выявления экстремистской деятельности в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Авторы исследуют институциональную роль войск национальной гвардии как ключевого субъекта противодействия экстремизму и терроризму, подчеркивая их особое положение в системе правоохранительных органов. Показано, что современные проявления экстремизма носят выраженный информационно-психологический характер и конструируются в цифровых средах, что наряду с правовыми, требует выделения социально-информационных и личностно-ориентированных индикаторов и развития медиаграмотности. Одновременно акцентируются риски подмены аналитического мониторинга репрессивным контролем и необходимость поддержания баланса с фундаментальными правами и свободами. Обосновывается интегративный подход, соединяющий социологическое измерение, правовую регламентацию, технологическую экспертизу и этические и правовые гарантии.

Ключевые слова: социально-правовые индикаторы, интегральная модель, национальная безопасность, противодействие экстремизму, войска национальной гвардии.

Современная архитектура международных отношений претерпевает структурные изменения, сопряжённые с формированием и трансформацией геополитических центров влияния на состояние миропорядка, базирующегося на фундаментальных принципах признания суверенности и территориальной целостности государств, а также исключении внешнего вмешательства в их внутренние дела, являющимися закономерным аксиомологическим выводом из уроков мировой истории, в частности историографии военных сражений в силу диалектического отнесения войны к противоестественному состоянию, противоречащему социальной природе человека. При этом, актуализируется приверженность Российской Федерации к обеспечению глобальной и региональной безопасности, строящейся на равноправном конструктивном диалоге государств при соблюдении гармоничного баланса внешнеполитических интересов и условий взаимовыгодного сотрудничества и партнерства.

В указанном контексте не подлежит дополнительной интерпретации и сомнению влияние происходящих геополитических процессов на национальную безопасность России, равно как и состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних посягательств, предопределяющее гражданский мир и согласие, устойчивое функционирование общественных процессов.

Особым смыслом на фоне внешней геополитической турбулентности наделяется функционирование субъектов правоохранительной деятельности по направлению обеспечения государственной и общественной безопасности, защите прав и свобод человека и гражданина. Центральное место в этом процессе занимают войска национальной гвардии РФ, представляющие собой военную организацию с задачами, сопряжёнными с непосредственным контактом с общественностью [1].

Выполнение войсками национальной гвардии РФ своих функций в области обороны и безопасности государства, обеспечения законности и правопорядка

предопределяет обладание военной организацией внутренним единством и социальным единением, высокой правовой культурой, базирующимся на российских традиционных духовно-нравственных ценностях, являющихся нравственным индикатором национальной аутентичности [2; 3].

Безусловно, специфика выполняемых войсками правопорядка задач детерминирует объективную потребность военной организации в исключении негативного влияния на сознание личности военнослужащего деструктивной идеологии, способствующей формированию ложных социальных стереотипов, что в свою очередь косвенно подвигает к созданию условных барьеров между войсками и социумом, препятствующих формированию доверительных отношений как социально-нравственного оплота деятельности войск правопорядка.

Более того, эффективность выполнения войсками задач по борьбе с экстремизмом и терроризмом напрямую зависит от духовно-нравственного состояния личного состава, уровня его идейной убежденности и степени готовности к противодействию вызовам и угрозам [4; 5].

Из смысла обеспечения понимания содержательного компонента деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации в борьбе с экстремизмом и терроризмом, отождествления деструктивного явления на стадии приготовления к его совершению из целей предупреждения и минимизации последствий экстремистского проявления, а также обеспечения своевременного применения в пределах обладаемых полномочий превентивных мер совершения экстремистской деятельности, представляется актуальным обратиться к нормативному толкованию указанной нормативно-теоретической конструкции.

Правовая доктрина и судебная практика выработали систему юридических индикаторов, которые позволяют осуществлять квалификацию экстремистской деятельности в строгом соответствии с нормами действующего законодательства. К числу таких индикаторов относятся нормативные правовые индикаторы. Так в силу воли законодателя, выраженной в ст. 1 Федерального закона от 25.06.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», под экстремистской деятельностью понимаются публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы; использование экстремистской, нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с ними и др.

Помимо указанного закона можно выделить уголовно-правовые индикаторы, соответствующие составам преступлений экстремисткой направленности, административно-правовые индикаторы, содержавшие наличие признаков соответствующих административных правонарушений, а также материально-

правовые индикаторы: соответствие распространяемых материалов критериям включения в Федеральный список экстремистских материалов, утверждаемый Министерством юстиции РФ.

Наряду с нормативно-правовыми индикаторами существуют процессуальные, которые отражают формальные процедуры правовой квалификации. К ним следует отнести процессуальные решения (наличие постановлений правоохранительных органов о возбуждении уголовного дела или дела об административном правонарушении, содержащих юридическую квалификацию деяния); судебные акты (вступившие в законную силу решения судов о признании материалов экстремистскими, о запрете деятельности экстремистских организаций, о привлечении к уголовной или административной ответственности); экспертные заключения (результаты лингвистических, психолого-психиатрических, культурологических и иных экспертиз, проведенных в установленном законом порядке).

Отдельным видом правовых индикаторов выступают доказательственные, касающиеся средств доказывания экстремистской направленности деяний. Они рознятся в зависимости от вида доказательств. Так к вещественным доказательствам относятся листовки, плакаты, символика, печатная продукция, содержащая признаки экстремизма. К электронным – сообщения в мессенджерах, посты в социальных сетях, комментарии на интернет-форумах, электронная переписка. К документальным – уставы организаций, протоколы собраний, финансовые документы, свидетельствующие о финансировании экстремистской деятельности. Личные доказательства включают в себя показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, полученные с соблюдением процессуальных гарантий.

Представляется, что широкое толкование законодателем рассматриваемой деструктивной деятельности асоциальной направленности, при котором в ее содержание заключается не только объективная сторона общественно-опасных деяний, составляющих по совокупности и во взаимосвязи с обязательными признаками соответствующие составы преступлений, в том числе с посягательством на основы конституционного строя и безопасность государства, но и оправданная маргинальными целями идеология насилия, формируемая в большинстве своих случаев в латентных формах посредством использования широких возможностей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Современные экстремистские проявления во многом приобретают информационно-психологический характер, оказывая воздействие не только на общественное сознание в целом, но и на конкретные социальные группы и личности, при этом в указанное социальное программирование заведомо имплантируются информационные механизмы взаимосвязи через создание инцидента.

В этой связи, из смысла предупреждения совершения экстремистских проявлений, равно как и отождествления экстремистской деятельности на латентной стадии её приготовления с учётом отнесения возникновения и развития рассматриваемой деструктивной деятельности к производной от искажённой радикальной идеологии, возникает необходимость определения социально-правовых индикаторов распознавания условий и факторов к совершению этой

деятельности.

В развитие сказанного, при ориентированности на использование эклектического подхода к созданию лексической конструкции обратимся к этимологическому анализу заявленной категории «социальный индикатор». Это термин, который используется для оценки и демонстрации состояния общественной жизни и социальных изменений от уровня бедности и безработицы до уровня образования, и здравоохранения, помогая анализировать социальное благополучие и направления развития общества или социального государства [6].

При этом, подчёркивается зависимость уровня социального благополучия от активности применения субъектами экстремистской деятельности различных форм и методов негативного информационно-психологического воздействия как на сознание отдельной личности, так и сознание социальной группы, что позволяет выделить социально-информационный индикатор, характеризующийся широким диапазоном социальной коммуникации в электронной среде. В свою очередь, отсутствие законодательного закрепления внесудебного порядка доступа к личным аккаунтам пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» предопределяет некоторую сложность организационного и правового характера по обеспечению своевременного определения тождества распространяемой информации с деструктивной идеологией, в частности направленной на формирование ложных социальных стереотипов и далее в их развитие условных социальных барьеров с легитимной государственной властью.

Особую значимость в современных условиях представляет для войск национальной гвардии РФ обеспечение информационной безопасности, охрану прав и свобод человека и гражданина, являющихся высшей конституционной ценностью в нашей стране [7]. Более того, указанное направление деятельности актуализируется из смысла защиты собственной информационной инфраструктуры и обеспечения личной безопасности военнослужащих войск правопорядка, достигаемой посредством установления на нормативном уровне запретов и ограничений, в том числе на размещение в различных аккаунтах социальных сетей сведений, позволяющих идентифицировать принадлежность к войскам национальной гвардии Федерации, равно как и дислокацию соответствующего субъекта войск [8].

Указанные ограничения являются элементами реализации правового положения военнослужащих, и входят в его состав в качестве обязанностей указанных специальных субъектов правоотношений [9]. Они также обладают свойствами идентификаторов правового положения военнослужащих в контексте государственной службы [10].

В развитие вышеприведённой нормативно-теоретической конструкции заключается о прямом признании государством в условиях повышенного уровня террористической опасности при сопряжении на складывающуюся геополитическую обстановку, а также избирательности экстремистской деятельности по отношению к конкретным субъектам объективной необходимости защиты и сохранения жизни и здоровья военнослужащих и членов их семей как высшей ценности продекларированной основным законом государства, а также войсковой инфраструктуры как материальной основы деятельности субъектов войск

в противодействии экстремизму и терроризму.

В указанном контексте отмечается, что при воздействии на конкретного субъекта как носителя соответствующей информации, деструктивными элементами будет использован широкий спектр информационного инструментария, где важно отождествлять злоумышленников на начальных этапах построения коммуникации, в ходе которой обращать внимание на тональность голоса, фоновые звуки, лексические акценты, побуждение к действиям из смысла субъективной целесообразности, вступающей в противоречие с общепринятыми в обществе нормами морали и нормативными установлениями, сопрягающиеся с вознаграждением за её осуществление [11].

Важным направлением государственной и общественной деятельности становится формирование у граждан – включая такие социально значимые группы, как военнослужащие, молодежь, пожилые люди, мигранты – устойчивой цифровой компетентности и критического отношения к потребляемому информационному контенту. Расширение практик медиаграмотности позволяет формировать социально активную позицию, способствующую индивидуальной и коллективной информационной безопасности.

Рассматривая социальные индикаторы в качестве чувствительных «сенсоров» общественного состояния, можно утверждать, что их применение открывает широкие возможности для диагностики психоэмоциональных изменений конкретной личности – например, роста тревожности, агрессии, враждебности по отношению к определённым социальным группам. Это представляется особенно актуальным в поликультурном обществе, где экстремистская риторика часто опирается на эксплуатацию этнических, религиозных и гендерных различий.

В то же время, нельзя не отметить риски, сопряжённые с применением индикаторов в условиях недостаточной институциональной прозрачности. Возможность подмены анализа репрессивным контролем, в особенности по отношению к социальным меньшинствам и носителям маргинальных взглядов, требует соблюдения баланса между защитой общественного порядка и сохранением фундаментальных прав и свобод, включая свободу выражения мнений и критического суждения, памятуя о широкой интерпретации в теории права категории правомерного поведения, включающую и маргинальную деятельность, если по совокупности признаков она не классифицируется как правонарушение.

В связи с чем, представляется уместным выделить в качестве укрупненной группы социальных индикаторов личностно-ориентированные, имеющие важное значение не только из смысла обеспечения защиты отдельной личности от негативного информационно-психологического воздействия на фоне его психологической уязвимости, в частности на фоне социальной неудовлетворённости, но и из смысла своевременного принятия превентивных мер по купированию распространения среди социальной группы информации маргинальной направленности, что особо имеет значение для воинских коллективов, отношения внутри которых априори строятся на принципах законности, социальной справедливости и уважения личного достоинства.

На этом фоне критически объективируется необходимость формирования психолого-педагогических компетенций установленной категории должностных лиц, деятельность которых непосредственно связана с командно-управленческими

функциями, равно как и с ответственностью за подчинённых по службе граждан, в частности военнослужащих войск национальной гвардии, выполняющих служебно-боевые задачи по обеспечению национальной безопасности, в частности борьбе с экстремизмом и терроризмом.

Основываясь на вышеизложенном, принимая во внимание социальную природу экстремистской деятельности как производную от искажённой идейно-ценностной основы, формируемой через внешнее воздействие посредством инструментов социально-психологической инженерии, можно сделать вывод, что в условиях глобализации, роста цифровой зависимости и социальной неоднородности, социальные индикаторы отождествления экстремистской деятельности становятся не просто средством мониторинга, но и важным элементом гуманитарно-ориентированной стратегии обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Эффективность системы противодействия экстремизму достигается через интеграцию социальных и юридических индикаторов, создающую двухуровневую модель отождествления экстремистской деятельности. На первом уровне «социальной диагностики» социальные индикаторы выполняют функцию «сигнальной системы», позволяя выявлять: рост социальной напряженности в определенных группах; изменение психоэмоционального состояния индивидов и коллективов; распространение маргинальных идей и ценностей; формирование предпосылок для радикализации. На втором уровне «юридической квалификации» юридические индикаторы выполняют функцию «правового фильтра», обеспечивая: формальную проверку соответствия деяния законодательным критериям; процессуальную легитимацию принимаемых мер; соблюдение гарантий прав и свобод граждан; судебный контроль за применением ограничительных мер. Взаимодействие уровней осуществляется через механизм «правовой верификации социальных данных», когда информация, полученная с помощью социальных индикаторов, подвергается юридической проверке на соответствие критериям экстремистской деятельности.

Для предотвращения рисков подмены аналитического мониторинга репрессивным контролем необходимо закрепить систему правовых гарантий применения индикаторов, которая должна базироваться на принципах: законности (применение индикаторов только в рамках полномочий, предоставленных законом, и в установленном порядке); соразмерности (соответствие применяемых мер степени общественной опасности выявленных проявлений); презумпции невиновности (до вступления в законную силу решения суда никто не может быть признан виновным в совершении экстремистской деятельности). Не менее важным звеном в процессе идентификации экстремистской деятельности выступают процессуальные гарантии, к которым относятся: судебный контроль (обязательность судебной проверки законности и обоснованности ограничительных мер); право на защиту (обеспечение доступа к защитнику с момента задержания или предъявления обвинения); право на обжалование (возможность обжалования любых действий и решений должностных лиц); гласность судопроизводства (открытость судебных процессов, за исключением случаев, предусмотренных законом).

Таким образом интеграция юридических и социальных индикаторов создает

комплексную систему раннего выявления экстремистских проявлений, где социальные индикаторы выполняют функцию «сигнальной системы», а юридические – функцию «правового фильтра», обеспечивающего соответствие принимаемых мер требованиям законности. Их эффективное использование требует интеграции социологических знаний, правовой регламентации, технологической экспертизы и этического самоконтроля и гарантий обеспечения прав граждан со стороны государства.

Система юридических индикаторов отождествления экстремистской деятельности в сочетании с социальными индикаторами создает целостную концепцию противодействия экстремизму, которая теоретически обоснована, так как базируется на действующем законодательстве, правовой доктрине и достижениях социологической науки. Она практически применима – содержит конкретные критерии, процедуры и механизмы реализации, адаптированные к современным условиям. Системно организована, потому что создает взаимосвязанную и взаимодополняющую систему социальных и юридических индикаторов. Гарантийно обеспечена – включает комплекс механизмов защиты прав и свобод граждан, предотвращающих злоупотребления, а также перспективно ориентирована и следственно предусматривает возможности развития и адаптации к изменяющимся социальным и технологическим условиям.

Предложенная авторами интегральная модель противодействия экстремизму, основанная на сочетании социальных и юридических индикаторов, соответствует современным требованиям к обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и может быть рекомендована для использования в научно-исследовательской и практической деятельности войск национальной гвардии, других правоохранительных органов, а также институтов гражданского общества.

Список литературы:

1. Григонис В. П. Войска национальной гвардии как элемент механизма Российского государства в обеспечении национальной безопасности в современных условиях / В. П. Григонис, Н. В. Зубарев // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 3(308). С. 58-67.
2. Яковлев М. В. Правовая культура как детерминанта эффективного применения правовых стимулов и ограничений / М. В. Яковлев, Д. А. Никонов, С. О. Аврамов // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2(189). С. 100-105.
3. Дерюгин А. А. Традиционные духовно-нравственные ценности и ориентиры – стержень российской государственности на фоне современных вызовов и угроз / А. А. Дерюгин, С. О. Аврамов // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 марта 2025 года. Санкт-Петербург: Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии, 2025. С. 67-72.
4. Бутов С. В. Эволюция нравственного воспитания военнослужащих войск правопорядка (от войск НКВД СССР до войск национальной гвардии Российской Федерации) / С. В. Бутов, Ф. С. Сибгатуллин // Актуальные проблемы науки (ко Дню российской науки) : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 08 февраля 2023 года. Саратов: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования "Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации", 2023. С. 31-39.
5. Аврамов С. О. Мировоззренческая позиция по противодействию экстремизму у военнослужащих и сотрудников Росгвардии как цель профессионального воспитания / С. О. Аврамов, А. М. Бабичев // Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе : сборник научных статей IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 25–26 февраля 2025 года. Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. С. 9-13.
6. Бутов С. В. Социальное государство в современной России: теоретико- и историко-правовой анализ / С. В. Бутов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 10-20.

7. Дерюгин, А. А. Права и свободы человека и гражданина как высшие конституционные ценности в Российской Федерации / А. А. Дерюгин, С. В. Бутов // Традиции и инновации в государственном и муниципальном управлении: ценности, цели и императивы развития Российской государственности: Сборник статей и материалов XVII Международной научно-практической конференции: В 2-х томах, Брянск, 07–09 декабря 2022 года. – Брянск: РАНХиГС, 2023. – С. 207-214.
8. Сибгатуллин Ф. С. Обеспечение собственной безопасности в войсках национальной гвардии / Ф. С. Сибгатуллин, С. В. Бутов, А. В. Мутигуллин // Военное право. 2024. № 3(85). С. 29-34.
9. Бутов С. В. Правовые стимулы и ограничения в правовом регулировании: историко-теоретический анализ / С. В. Бутов // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 4(47). С. 11-15.
10. Бутов С. В. Правовое положение государственных служащих: общее и различное / С. В. Бутов, Г. Н. Крижановская, Д. А. Никонов // Традиции и инновации в государственном и муниципальном управлении: ценности, цели и императивы развития Российской государственности: Сборник статей и материалов XVII Международной научно-практической конференции: В 2-х томах, Брянск, 07–09 декабря 2022 года. Брянск: РАНХиГС, 2023. С. 267-273.
11. Яковлев М. В. Идентификация деструктивной идеологии в контексте актуальных проблем реализации основ государственной политики в области исторического просвещения / М. В. Яковлев, С. О. Аврамов // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 марта 2025 года. Санкт-Петербург: Военная академия Жукова академия войск национальной гвардии, 2025. С. 517-522.

Butov S. V., Yakovlev M. V., Avramov S. O. An integral model of socio-legal indicators in the system of countering extremism: theoretical and methodological foundations // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2026. – T. 12 (78). № 2. – S. 58-66.

The article presents the concept of socio-legal indicators as an integrative tool for early detection of extremist activity in the context of ensuring the national security of the Russian Federation. The authors explore the institutional role of the National Guard troops as a key actor in countering extremism and terrorism, emphasizing their special position in the law enforcement system. It is shown that modern manifestations of extremism are of a pronounced informational and psychological nature and are constructed in digital environments, which, along with legal ones, requires the identification of socio-informational and personality-oriented indicators and the development of media literacy. At the same time, the risks of replacing analytical monitoring with repressive control and the need to maintain a balance with fundamental rights and freedoms are emphasized. An integrative approach combining the sociological dimension, legal regulation, technological expertise, and ethical and legal guarantees is substantiated.

Keywords: socio-legal indicators, integral model, national security, countering extremism, National Guard troops.

Spisok literatury:

1. Grigonis V. P. Vojska nacional'noj gvardii kak element mekhanizma Rossijskogo gosudarstva v obespechenii nacional'noj bezopasnosti v sovremennyh usloviyah / V. P. Grigonis, N. V. Zubarev // Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voenno-pravovoe obozrenie. 2023. № 3(308). S. 58-67.
2. Yakovlev M. V. Pravovaya kul'tura kak determinanta effektivnogo primeneniya pravovyh stimulov i ogranichenij / M. V. Yakovlev, D. A. Nikonov, S. O. Avramov // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2024. № 2(189). S. 100-105.
3. Deryugin A. A. Tradicionnye duhovno-nravstvennye cennosti i orientiry – sterzhen' rossijskoj gosudarstvennosti na fone sovremennyh vyzovov i ugroz / A. A. Deryugin, S. O. Avramov // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoe nasledie i sovremennye vyzovy: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 goda. Sankt-Peterburg: Voennaya ordena Zhukova akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. S. 67-72.
4. Butov S. V. Evolyuciya нравstvennogo vospitaniya voennosluzhashchih vojsk pravoporyadka (ot vojsk NKVD SSSR do vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii) / S. V. Butov, F. S. Sibgatullin // Aktual'nye problemy nauki (ko Dnyu rossijskoj nauki): sbornik nauchnyh statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Saratov, 08 fevralya 2023 goda. Saratov: Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe voennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Saratovskij voennyj ordena Zhukova Krasnoznamennyj institut vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii", 2023. S. 31-39.
5. Avramov S. O. Mirovozzrencheskaya poziciya po protivodejstviyu ekstremizmu u voennosluzhashchih i sotrudnikov Rosgvardii kak cel' professional'nogo vospitaniya / S. O. Avramov, A. M. Babichev // Aktual'nye problemy protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu na sovremenno etape: sbornik nauchnyh statej IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Novosibirsk, 25–26 fevralya 2025 goda. Novosibirsk: Novosibirskij voennyj institut imeni generala armii I.K. Yakovleva vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2025. S. 9-13.
6. Butov S. V. Social'noe gosudarstvo v sovremennoj Rossii: teoretiko- i istoriko-pravovoj analiz / S. V. Butov // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2025. T. 15, № 4. S. 10-20.

7. Deryugin, A. A. Prava i svobody cheloveka i grazhdanina kak vysshie konstitucionnye cennosti v Rossijskoj Federacii / A. A. Deryugin, S. V. Butov // Tradicii i innovacii v gosudarstvennom i municipal'nom upravlenii: cennosti, celi i imperativy razvitiya Rossijskoj gosudarstvennosti: Sbornik statej i materialov XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: V 2-h tomah, Bryansk, 07–09 dekabrya 2022 goda. – Bryansk: RANHiGS, 2023. – S. 207-214.
 8. Sibgatullin F. S. Obespechenie sobstvennoj bezopasnosti v vojskakh nacional'noj gvardii / F. S. Sibgatullin, S. V. Butov, A. V. Mutigullin // Voennoe pravo. 2024. № 3(85). S. 29-34.
 9. Butov S. V. Pravovye stimuly i ogranicheniya v pravovom regulirovanii: istoriko-teoreticheskij analiz / S. V. Butov // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2025. № 4(47). S. 11-15.
 10. Butov S. V. Pravovoe polozhenie gosudarstvennyh sluzhashchih: obshchee i razlichnoe / S. V. Butov, G. N. Krizhanovskaya, D. A. Nikonov // Tradicii i innovacii v gosudarstvennom i municipal'nom upravlenii: cennosti, celi i imperativy razvitiya Rossijskoj gosudarstvennosti: Sbornik statej i materialov XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: V 2-h tomah, Bryansk, 07–09 dekabrya 2022 goda. Bryansk: RANHiGS, 2023. S. 267-273.
 11. Yakovlev M. V. Identifikaciya destruktivnoj ideologii v kontekste aktual'nyh problem realizacii osnov gosudarstvennoj politiki v oblasti istoricheskogo prosveshcheniya / M. V. Yakovlev, S. O. Avramov // Zashchita gosudarstvennosti: istoricheskoe nasledie i sovremennye vyzovy: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 26 marta 2025 goda. Sankt-Peterburg: Voennaya ordena Zhukova akademiya vojsk nacional'noj gvardii, 2025. S. 517-522.
- .

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 67-74.

УДК 343

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДАТСКОЙ НАРОДНОЙ ЦЕРКВИ В ГРЕНЛАНДИИ

Венедиктов А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуется процесс становления гренландской церкви с момента принятия первых организационных норм (закон от 1 апреля 1905 г. о управлении школами и церковью в Гренландии) до закона № 264 от 6 мая 1993 г. о Церкви в Гренландии, и постановления Ландстинга самоуправления от 28 октября 1993 г. указана роль закона о церкви в Гренландии 1950 г., который, с одной стороны был частью процесса реформирования правовых и организационных основ датской государственности в Гренландии, а с другой – в процессе подготовки к включению Гренландии в состав Дании конституцией 1953 г. Отмечено, что к началу XX в. национальная церковь Дании в Гренландии получила особую организационную структуру, отличную от иной территории Дании; контроль за деятельностью религиозных организаций со стороны самоуправления, за исключением собственно религиозных вопросов, стал практически полным. Данный подход также был апробирован на Фарерских островах и отображает роль института церкви в датском обществе, как орган, занимающийся прежде всего местными вопросами.

Ключевые слова: национальная церковь Дании, Гренландия, Самоуправление, закон, реформа, организация.

Как справедливо указывает С. Петерсон «В 1905 г. родилась Церковь в Гренландии. Прежняя миссионерская территория, согласно первому церковному закону в Гренландии, Закону об управлении церковью и школами в Гренландии от 1 апреля 1905 г., стала деканатом в составе Копенгагенского округа, а страна была разделена на приходы. Строительство церквей набрало обороты, и в недавно созданной семинарии в Нууке началась подготовка катехистов» [1].

Вся предшествующая многолетняя и целенаправленная деятельность миссионеров, носившая безусловно важный характер (проповеди, обращения в христианство, переводы на гренландский язык священных текстов, создание общин, миссий и даже семинарий [2]) стала базисом для последующего распространения датской церкви на острове в качестве государственной на несколько десятилетий.

Закон о церкви в Гренландии 1950 г. с одной стороны, был принят вместе с комплексом иных законов, направленных на реформу действовавшего в Гренландии права в ходе трансформации правового статуса острова и ее населения, подготовки конституции 1953 г. [3]. С другой стороны, он все еще нес на себе печать неопределенности статуса Гренландии в ходе обсуждения данного вопроса в том числе и в ООН.

Последующее закрепление правового статуса Гренландии в качестве территории Дании позволило приступить к масштабным реформам в праве острова, которые затронули значительную часть жизни острова (приняты законы о судебной системе, представительских органах, уголовный закон и т.п.), позволил закрепить правовой статус церкви в Гренландии законом 1967 г., который указывал, что, «Церковь в Гренландии является частью Датской Церкви и находится в ведении Копенгагенской епархии» (§ 1).

Декан Гренландии мог назначаться лишь из священников, которые работают или работали священниками в Гренландии, проживать в Годхабе (§ 2, п.1), а инструкции для него издавались министром по делам Церкви. В законе указывалось, что «Может быть определено, среди прочего, что декан обладает большими полномочиями, чем те, которые предоставлены декану в соответствии с общеприменимыми правилами, для принятия решений без согласования с епископом, частично по вопросам чисто церковного характера, частично по вопросам, касающимся условий труда церковных должностных лиц и оплачиваемых помощников. Инструкции могут также предусматривать правила, определяющие полномочия декана в исключительных обстоятельствах принимать решения по всем вопросам, касающимся Церкви Гренландии, в той мере, в какой они не входят в компетенцию церковного совета» (§ 2, п.2).

Для оказания помощи декану, назначались 2 настоятеля на 3 года для северной и южной частей Западной Гренландии соответственно. Церковному совету Гренландии (губернатора и декан) вверялся надзор за церковным управлением (§ 3). В то же время, каждые три года декан должен был созывать всех действующих священников Гренландии на съезд для обсуждения дел церкви. В особых случаях, декан мог созывать съезд, даже если с момента последнего съезда прошло менее 3 лет (§ 4).

Гренландия делилась на приходы, количество и площадь которых определялись местной церковной властью, как обязанности между отдельными священниками (§ 5, п. 1). Также декан устанавливал правила исполнения отдельных священнических обязанностей, включая обязанность священников служить в месте (§ 5, п. 2).

Требования к желающим стать священниками были достаточно высокими (сдача официального богословского экзамена; опыт работы; наличие соответствующего образования в Дании (в том числе в гренландской семинарии в Копенгагене) или Годтхабе и т.д. (§ 6.2), а для гренландцев предусматривались особые условия подготовки (§ 6, пп. 3-4). Деканом же назначались в помощь священникам главные катехисты и чтецы-катехисты (§ 7).

Однако, лишь министр Церкви устанавливал правила формирования представительства от общины в отдельных местах и определял, какие полномочия и обязанности должны быть предоставлены такому представителю (§ 8).

Священники, служащие в Гренландии, подчинялись тем же особым обязанностям в отношении поведения и личных обстоятельств, которые возлагались на священников Датской Церкви в целом по закону, и правила, содержащиеся в Законе № 155 от 7 июня 1958 г. о системе заработной платы Датской Церкви и т. д. § 9, § 10, подпункты 1 и 2, и § 11, касающиеся отстранения от должности, дисциплинарных расследований и рассмотрения служебных дел, также применяются к священникам в Гренландии, так что судья Верховного суда Гренландии заседал в суде присяжных наряду с присяжным. Дела, рассмотренные судом присяжных, обжаловались непосредственно в Верховный суд (§ 9).

Министру церкви поручалось издать необходимые правила о обязанностях священников по отчетам и обязанности граждан о рождении и смерти (§ 10).

Надзор за проектированием и содержанием церковных зданий и кладбищ, а также помещений, используемых для богослужений, возлагался на строительные комитеты (священник, настоятель и специалиста по строительству) (§ 11).

И, наконец, министр церкви назначал преподавателя на 6 лет для руководства преподаванием в Гренландской семинарии в Копенгагене, который также выступал в качестве консультанта министра церкви и епископа по вопросам, касающимся Гренландской церкви (§ 12) [4, с. 597-600].

Как видно из краткого анализа данного акта, установленная система управления и задач датской церкви в Гренландии в основном опиралась на апробированные схемы, лишь несколько видоизменяясь к особым условиям острова.

Однако, в связи с введением самоуправления в Гренландии в 1978 г., в ведение местных органов власти перешли многие вопросы [5, с. 64-79], в том числе и организация деятельности церкви на ее территории. Первым шагом в данном направлении стало предложение по Закону о Церкви в Гренландии. Им предусматривалось, что таковая является частью Датской национальной церкви и находится в ведении Копенгагенской епархии (§ 1). Однако, именно Самоуправлению острова посредством постановлений Ландстинга давалось право устанавливать правила управления Церковью в Гренландии. Также теперь именно Самоуправление учреждало церковный совет (§ 2); правила формирования представительств от общин и их полномочия и обязанности (§ 3). При этом, правила ведения церковных регистров и уведомления о рождениях, именах и смертях в церковных регистрах, а также об обязанности представлять отчеты устанавливались Министерством по делам церкви (§ 4). Однако, исполнительные указы и т. д., изданные в соответствии с Законом 1967 г., остаются в силе до тех пор, пока они не будут изменены или отменены положениями, изданными в соответствии с данным Законом [6, с. 61-62].

Получив права в области организации Церкви в Гренландии, Ландстинг 25.10.1979 г. издал постановление № 15 о организации церкви на острове [7]. Данный документ регулировал три основных блока вопросов: 1) церковный совет и вице-епископ; 2) представительство приходов; 3) пастырские советы.

Задачей Церковного совета (далее - Совет) являлось централизованное управление и администрирование церкви в Гренландии (за исключением территорий, непосредственно находящихся в подчинении вице-епископа (§ 1.1)).

Данный орган состоял из члена Ландстинга, в чьей зоне ответственности находилась церковь, представителя общин и вице-епископа, который управлял делами Совета. Задачей Совета являлось составление бюджета церковной деятельности и отвечал за обеспечение соблюдения выделенных церкви ассигнований (§ 2).

Для обеспечения местного церковного руководства в той части Копенгагенской епархии, которая составляла Гренландию, создавалась должность вице-епископа в Гренландии, а должность провинциального настоятеля в Гренландии упразднялась (§ 3.1.). правила избрания вице-епископа устанавливал Церковный совет (§ 3.2-3.3).

Правительство самоуправления закрепило за собой право назначать и увольнять деканов, священников и главных катехистов, а Церковный совет обязывался оказать помощь в их назначении и иным образом управлять кадровыми делами церкви (§ 4.1.), соблюдать требования к замещению данных должностей (образование, экзамен, знание местного языка и т.п.) (§ 4.2.).

В вопросах дисциплинарных вопросов применялись аналогичные датским правила, а их нарушение могло прилечь к ответственности перед Верховным судом присяжных, а при необходимости – Верховным судом острова (§ 4.3).

Помимо главных катехистов, священникам в их церковной деятельности помогали катехисты и органисты, назначенные вице-епископом. Распределение катехистов и органистов, также работающих в начальной школе, осуществлялось после переговоров между церковным советом и управлением культуры и образования (§ 4.4.).

Совет являлся надзорным органом за церковными зданиями, моргами, кладбищами и резиденциями духовенства во всех приходах (§5.1); надзор за помещениями, используемыми для богослужений (школьные часовни), осуществлялся в сотрудничестве с управлением культуры и образования (§5.2); Совет контролировал соблюдение действующих правил церковной деятельности, если это не возложено на вице-епископа (§5.3). В своей деятельности Церковный совет ежегодно представляет отчет о делах и деятельности церкви в Совет графства (§ 6).

Также предусматривалось проведение съездов священников под руководством вице-епископа (§ 7.1); проведение общенационального собрания с представителями общин для избрания в Церковный совет (§ 7.2).

В церковной работе вице-епископу помогали 3 декана: для Северной, для Южной Гренландии и декан в Годтабе, который выступает в как заместитель вице-епископа (§ 8.1). правила их работы устанавливал вице-епископ (§ 8.2).

Представители прихода избирались любом населенном пункте с населением не менее 30 человек, где имелись помещения (церковь или школьная часовня) для проведения богослужений (§ 10). В меньших населенных пунктах прихожане участвовали в жизни населенном пункте, где была церковь или школьная часовня (§ 11). Особо определялись право голоса на таких выборах (§§ 12-13).

Представители прихода и их заместители избирались на 4 года в связи с выборами в муниципальные советы, и все члены одновременно уходили в отставку (§ 14, п. 1), а подготовка списка избираемых и избирателей возлагалась на представительство прихода. Отдельно оговаривались вопросы выдвижения кандидатов и их обязанностей; правила проведения выборов (§§17-18); состав приходского представительства (§ 19), порядок его работы (§ 20), задачи (§21-24), а вопрос возможных пожертвований представлялся на рассмотрение представителям прихода священником или катехистом (§25).

Также детально регулировался процесс выборов в Пастырский совет (§§ 27-28), задачей которого объявлялось активное содействие участия общин в церковной работе (§29). Именно этот совет составлял годовой бюджет на свою деятельность и нес ответственность за выделенные финансовые ресурсы в соответствии с руководящими указаниями, разработанными Церковным советом.

При этом, приходской совет в соответствии с руководящими указаниями, разработанными Церковным советом, осуществляет надзор за церковными зданиями прихода, моргами, кладбищами и резиденциями духовенства и обеспечивал их надлежащее состояние (§31); нес ответственность за обеспечение наличия необходимой помощи в церквях в виде священнослужителей и уборщиков (§32); определял даты и время проведения конфирмаций в приходе (§33).

Священники, главные катехизаторы, катехизаторы и чтецы-катехизаторы независимы от совета священнического служения и представителей прихода в своих официальных обязанностях, включая частное пастырское попечение (§35).

Данное постановление Совета графства вступало в силу 1.01.1980 г. с одновременной отменой указа от 9 марта 1962 г. о представительстве приходов в Гренландии и поправка к указу, внесенная Министерством по делам церкви [7].

Новые изменения в организации деятельности Церкви Гренландии произошли уже в 1982 г., когда было принято постановление Ландстинга № 2 от 30 марта «о церкви в Гренландии», которым создавался Церковный совет для осуществления централизованного управления и администрирования церкви в Гренландии. Исключение составляли территории, непосредственно находящиеся в подчинении вице-епископа (§ 1).

Данный орган состоял из члена Ландстинга, в чьей юрисдикции находилась церковь, представителя общин и вице-епископа, который становился управляющим делами Церковного совета.

В обязанность Церковного совета входило составление бюджета церковной деятельности в соответствии с ежегодными законами о бюджетных ассигнованиях окружного совета и несет ответственность за обеспечение соблюдения выделенных церкви ассигнований (§ 2).

Для обеспечения местного духовного руководства в той части Копенгагенской епархии, которую составляет Гренландия, создавалась должность вице-епископа Гренландии. Одновременно упраздняется должность провинциального настоятеля (§ 3).

Важным новшеством стало взятие на себя правительством самоуправления права принимать на работу деканов, священников и главных катехизаторов, а церковный совет должен был оказывать помощь в их назначении и заниматься другими кадровыми вопросами церкви (§ 4).

В церковной работе вице-епископу помогали три декана (§ 8) [8].

В ходе развития самоуправления острова появилась возможность и необходимость еще более широкого влияния местных органов власти на деятельность церкви. Данной проблеме был посвящен проект по закону о церкви в Гренландии, согласно положениям которого, Гренландия должна была преобразоваться (в церковном плане) в независимую епархию в составе Датской национальной церкви (§ 1).

Для этого предполагалось с 1.11.1993 г. создать новую епископскую канцелярию, кафедральным собором которой становится Церковь Спасителя в Нууке (§ 2). При этом епископ должен был назначаться и смещаться королевским указом (§ 3, п. 1), а на эту должность могло быть назначен только лицо, которое является или являлось священником в Церкви Гренландии и которое: имело степень магистра богословия, полученную в датском университете; являлось священником или соответствует требованиям для того, чтобы стать священником в Датской национальной церкви; имеет образование, которое по уровню общих знаний может быть приравнено к педагогической подготовке в Дании, включая педагогическую подготовку в семинарии в Нууке; дополнительно получило углубленное образование в области христианских исследований; завершило богословское образование, предписанное правительством самоуправления Гренландии, для трудоустройства в Церкви Гренландии (§ 3, п. 2).

Правительство самоуправления лишь рекомендовало епископа для назначения после предварительного голосования среди представителей приходов и священников (§ 4), т.е. посредством проведения выборов.

Также Самоуправление Гренландии постановлением Ландстирета желало получить право устанавливать дополнительные правила для церкви в Гренландии, в том числе правила формирования представительств от общин и правила, касающиеся прав и обязанностей представителей, а также правила проведения голосования при избрании епископа (§ 5).

Правила ведения церковных регистров и уведомления о рождениях, именах и смертях в церковные регистры, а также об обязанности представлять отчеты устанавливались постановлением правительства самоуправления, соответствующим правилам, установленным министром по делам церкви (§ 6). Ранее принятые нормативные акты, в том числе и королевский указ № 388 от 24 августа 1985 г. о вступлении в силу в Гренландии Закона о назначении епископов и роспуске епископской кафедры предполагались к отмене [9].

Однако, в ходе обсуждения и согласования, а также в связи с принятием закона № 264 от 6.05.1993 г. о Церкви в Гренландии, 28.10.1993 г. принято несколько иное постановление Ландстинга о церкви.

Исполнительному органу самоуправления вверялось центральное управление и администрирование Церкви и право устанавливать соответствующие положения (§ 1, п. 1), хотя за епископом и признавалось право выражать свое мнение по церковным вопросам (§ 1, п. 2).

После каждых новых выборов в приходские советы член Законодательного совета от Церкви должен был назначать консультативный комитет, состоящий из: епископа; одного представителя, назначенного священниками и деканами; одного представителя, назначенного катехистами и органистами; трех представителей, избранных представителями приходов, по одному от каждого деканата (§ 1, п. 1).

Гренландия разделялась на приходы, количество и площадь которых определяются правительством (§ 3), а на епископа Гренландской епархии возлагалась ответственность за духовное руководство деканами, священниками и катехистами епархии (§ 4, п.1.).

При этом, должность епископа стала выборной, а члены конгрегации Гренландской епархии получили право голосовать на его выборах, как и действующие священники, включая рукоположенных священников (§ 5, п. 1).

В его духовной деятельности епископу помогали три декана: один для Северной Гренландии, один для Южной Гренландии и декан для Центральной Гренландии, Туле и Восточной Гренландии (§ 6).

Каждые два года епископ был обязан созывает всех действующих священников на съезд для профессиональной подготовки и консультаций по вопросам Церкви в целом. Однако, съезд не имел полномочий принимать какие-либо решения (§ 7). Также раз в год епископ созывает всех деканов на собрание для обмена информацией и консультаций (§ 8).

В каждом деканате следовало избрать комитет деканов, состоящий из избранных членов и декана соответствующего деканата. Декан выступал членом исполнительного комитета и отвечала за принятие решений комитетом (§ 10, п. 1), а в каждом деканате учреждается должность декана (§ 11). В отношении этих, как иных местных выборов, правила их проведения устанавливало местное самоуправление.

По просьбе декана комитет деканата собирался сразу после выборов и избирал председателя и заместителя председателя на 1 год, уведомление о чем направлялось епископу и Национальному правительству (§ 13).

Комитет настоятеля участвовал соответствии с положениями, установленными в этой связи, в заполнении вакансий священника, катехиста и органиста, а также в приеме на работу помощников в церкви (§ 20); по рекомендации представителей прихода составлялся годовой бюджет деятельности настоятеля (§ 21); осуществлял надзор за церковными зданиями и моргами.

Отдельная роль отводилась представителям прихода, которые состояли из избранных представителей прихода, а также местного катехиста или катехистов и действующего священника или священников, проживающих в данном населенном пункте (§ 23). Главной задачей данного органа было представлять комитету настоятеля предложения по строительству, обустройству, содержанию и декорированию церквей и часовен для отпевания, а также по обустройству и декорированию помещений, используемых для богослужений (школьных часовен) (§ 28); разрешать вопросы о: 1) времени проведения регулярных богослужений и уведомляет об этом главу учреждения, и 2) введению новых утвержденных сборников гимнов и дополнений к ним, и 3) дате проведения конфирмации и другим вопросам, касающимся конфирмации, по рекомендации главы учреждения духовенства (§ 31).

Огромная роль в разрешении важнейших вопросов деятельность местной церкви закреплялась за Национальным советом, который получил право устанавливать положения о церковных службах и церковной деятельности после переговоров с епископом (§ 33); положения об участии в межцерковном сотрудничестве (§ 34); положения о выплате суточных, командировочных и жилищных пособий, а также компенсации за упущенную выгоду избранным членам комитета настоятелей и приходских советов (§ 35) [10].

Подводя итог данного исследования, можно указать, что эволюция организации и управления Церкви в Гренландии прошла 3 основных этапа: 1) колониальный (когда сама административная организация фактически отсутствовала; 2) период централизованного правления (т.е. с Копенгагена); 3) управление деятельностью церкви посредством предоставленных самоуправлению Гренландии прав.

Расширение и детализация правового регулирования деятельности национальной церкви Дании в Гренландии, во второй половине XX в. учитывала не только появление и развитие самоуправления на острове, но и общегосударственную тенденцию передачу значительной части организационно-управленческих полномочий на места, под общим контролем министерства сельской местности и церкви, а также сохранением ее духовно-организационного единства.

Список литературы:

- 1.Grønland, Grundloven og Gejstligheden - Folkekirken i Grønland Af: Biskop Sofie Petersen. – URL: Grønland, Grundloven og Gejstligheden (дата обращения: 25.03.2026).
- 2.DEN GRØNLANDSKE MISSIONS OG KIRKES HISTORIE. AF H. OST ERMANN PRÆST I GRØNLAND. O. LOHSE — RØBE NHAVN 1921. FOR NORGE : LUTHERSTIFTELSENS BOGHANDEL, KRISTIANIA. – URL: Grønland, Grundloven og Gejstligheden titelside (Den grønlandske Missions og Kirkes Historie) (дата обращения: 25.03.2026).
- 3.Lov nr. 273 af 27. maj 1950 om kirken i Grønland. – URL: Grønland, Grundloven og Gejstligheden Dansk lovgivning 1949—50. | Svensk Juristtidning (дата обращения: 25.03.2026).

4. Forslag til -; Lov om kirken i Grønland. (Vedtaget af folketinget ved 3. behandling den 9. maj 1967.*). – F. t. 1. om kirken i Grønland. S. 597-600. – URL: Grønland, Grundloven og Gejstligheden 19662_L132_som_vedtaget.pdf (дата обращения: 25.03.2026).
5. Хрущев Р. С. Становление домашнего самоуправления Гренландии во второй половине XX – начале XX вв. : Историко-парвовое исследование / Под. ред. Б. В. Змерзлого. – Москва : Проблемы-2000, 2024. – 156 с.
6. § 1. Lovforslag nr. L 6. (Vedtaget af folketinget ved 3. behandling den 17. november 1978*). F.t.!. om kirken i Grønland. – S. 61-62. – URL: Grønland, Grundloven og Gejstligheden 19781_L6_som_vedtaget.pdf (дата обращения: 25.03.2026).
7. Landstingsforordning nr. 15 af 25. oktober 1979 om kirken i Grønland.. – URL: Grønland, Grundloven og Gejstligheden ltf nr 15-1979 dk (дата обращения: 25.03.2026).
8. Landstingsforordning nr. 2 af 30. marts 1982 om kirken i Grønland. – URL: Grønland, Grundloven og Gejstligheden ltf_nr_02-1982_dk (дата обращения: 25.03.2026).
9. Forslag til Lov om kirken i Grønland. Til lovforslag nr. L 196. Vedtaget af Folketinget ved 3. behandling den 29. april 1993*) – URL: Grønland, Grundloven og Gejstligheden 19921_L196_som_vedtaget.pdf (дата обращения: 25.03.2026).
10. Landstingsforordning om kirken. – Lovgivning. Nr. 15. 28. oktober 1993. – URL: Grønland, Grundloven og Gejstligheden ltf 15 1993 (дата обращения: 25.03.2026).

Venediktov A. A. The evolution of the legal status and legal regulation of the activities of the Danish people's church in Greenland // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 2. – S. 67-74.

This article examines the development of the Greenlandic church from the adoption of the first organizational norms (the Act of April 1, 1905 on the Governance of Schools and the Church in Greenland) to Act No. 264 of May 6, 1993 on the Church in Greenland and the Home Rule Resolution of October 28, 1993. The article highlights the role of the 1950 Church Act in Greenland, which, on the one hand, was part of the process of reforming the legal and organizational foundations of Danish statehood in Greenland, and, on the other, in preparation for Greenland's incorporation into Denmark under the 1953 constitution. It is noted that by the early 20th century, The National Church of Denmark in Greenland received a unique organizational structure, distinct from the rest of Denmark; self-government exercised almost complete control over the activities of religious organizations, with the exception of religious matters. This approach was also tested in the Faroe Islands and reflects the role of the church in Danish society as a body primarily concerned with local issues.

Keywords: National Church of Denmark, Greenland, Self-Government, law, reform, organization.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 75-.

УДК 347.78

ПРОБЛЕМА ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ К ЮРИДИЧЕСКИМ РЕАЛИЯМ

Воробьёва О. А., Петренко В. В.

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

В настоящее время происходит глобальное развитие цифровых технологий. В жизнь общества активно внедряются технологии искусственного интеллекта. На данный момент почти в каждом приложении есть возможность взаимодействия с искусственным интеллектом: в госуслугах – это помощник Макс, у оператора сотовой связи «Мегафон» – ИИ под названием Ева, нейросеть от Сбера GigaChat, произведший несколько лет назад общественный фурор Chat GPT и другие. При этом несмотря на то, что происходит такое значительное развитие технологий и не менее значительное их внедрение в повседневную жизнь общества, на уровне законодательства ситуация менее положительная. Так, до сих пор стоит вопрос о том, кто является автором произведений, созданных искусственным интеллектом. Институт интеллектуальной собственности и права авторства образовался не так давно, и он всё еще продолжает развиваться, пополняясь новыми правовыми нормами и судебной практикой их применения. Существуют определенные пробелы и происходят коллизии в праве при регулировании данного института. Таким образом, появляется вероятность нарушения авторских прав при установлении автора произведений, созданных посредством использования технологий искусственного интеллекта. Цель проведенного исследования заключается в разрешении проблемы по определению того, кто является автором произведения, созданного с применением искусственного интеллекта. В ходе проведенного исследования проанализировано законодательство Российской Федерации на наличие пробелов в праве, относящихся к выявленной авторами проблеме правового регулирования, изучена судебная практика зарубежных стран, а также точки зрения авторов научных трудов по данному вопросу. В рамках осуществления исследовательской работы также происходило взаимодействие с нейросетевой моделью GigaChat. В результате авторами предложено изменение действующей редакции статьи 1124 Гражданского Кодекса Российской Федерации, в результате которого автором произведений, созданных посредством использования технологий искусственного интеллекта, признается пользователь ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейросеть; право авторства; автор; произведения, созданные искусственным интеллектом; квазисубъект права; субъект права; автономность ИИ; правовая неопределенность статуса ИИ; творчество ИИ.

Двадцать первый век – это век развития цифровых технологий. Они совершенствуются и активно внедряются во все сферы жизнедеятельности человека, в том числе используются в медицине, промышленности, литературе, изобразительном искусстве, музыке и т.д. Наиболее активно развиваются технологии искусственного интеллекта (далее ИИ), и его подмножества – нейросетей. При этом, используются они преимущественно большей частью общества. Однако высоким темпам развития в одной сфере корреспондируют пробелы в других и, прежде всего, это касается законодательства. Если буквально 50 лет назад автором научного исследования или картины мог быть только сам человек, то сейчас всё чаще в разных странах, в том числе в РФ, при их создании людьми используются нейросети. Следовательно, появляется необходимость определения того, кто является автором таких произведений, посредством чего минимизируется вероятность нарушения авторских прав.

М. Смоленский в своей статье указывает, что: «Российская Федерация сегодня выбрала вектор инновационного развития, в рамках реализации которого ключевым объектом рыночных отношений вместе с традиционными товарами, услугами и работами будет ускоренными темпами нарастать интеллектуальная собственность» [1]. Таким образом, видим, что интеллектуальная собственность выходит на первый

план в рыночных отношениях, в которых при этом ключевое место занимает использование искусственного интеллекта. Следовательно, актуальность темы исследования заключается в том, что в законодательстве нашей страны имеются определенные пробелы в праве, связанные с определением того, кто является автором произведений, созданных при помощи искусственного интеллекта: сам искусственный интеллект или как-либо иначе? В данной научной работе будет проведено исследование нормативно-правовой базы и судебной практики не только России, но и других стран, что позволит определить наиболее целесообразный вариант того, кого следует признавать автором произведения, созданного с использованием искусственного интеллекта.

Анализируя положения законодательства, посвящённые авторскому праву, авторы научных работ в основном сходятся во мнении, что нецелесообразно приравнивать искусственный интеллект к субъекту права. Кроме того, исследователи в большинстве своем приходят к выводу о том, что право авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом, следует признавать за пользователем соответствующей нейросетевой модели. Проанализируем следующие точки зрения в качестве иллюстрации ситуации.

Смоленский М.Б. и Абдрахимова В.Р. [1], рассматривая проблему права авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом, пришел к выводу, что в рамках действующего правового режима искусственный интеллект не признается субъектом права и, следовательно, ИИ не может обладать авторскими правами на созданное произведение. В представленной работе также исследовались основные теории права авторства на данные произведения. Кроме того, данные авторы предлагают ввести особый режим правовой охраны для «произведений ИИ», и вместе с тем отмечают, что классический институт авторского права не отвечает действительности.

Понкин И.В. и Редькина А.И. [3], также как и Смоленский М.Б. и Абдрахимова В.Р. [1], приходят к выводу, что на текущем уровне развития, ИИ не является полностью автономным и не может быть субъектом права: за его действиями всегда стоят люди (разработчики, операторы, владельцы). Де Апро С.В. [7] в своем исследовании проводит анализ того, как классическое понимание творчества (как сугубо человеческой деятельности, предполагающей чувственность, оригинальность, душевные порывы) соотносится с возможностями современных систем ИИ. Автор [7] рассматривает международные и национальные практики (в т. ч. позиции ЕС, США, Китая), где предпринимаются попытки урегулировать статус произведений, созданных с помощью ИИ. В итоге, исследователь приходит к выводу, что необходимо создание гибридной системы, учитывающей как технологический, так и человеческий вклад в создание произведений.

Драгунова С.А. и Седашкина Т.И. [8] исследуют, насколько действия ИИ соответствуют классическому пониманию «творческого труда»: наличие субъективного замысла; осознанный выбор средств выражения; оригинальность как результат интеллектуального усилия, и приходят к соответствующему выводу о несопоставимости данных критериев для работ, созданных искусственным интеллектом. Авторы [8] предлагают не закреплять за ИИ статуса субъекта права, а отдельно выделить новую категорию «произведения, созданные с использованием ИИ» и учитывать

степень человеческого вклада в создание такого произведения. Считаем данную точку зрения очень логичной и наиболее отвечающей реальности.

Таким образом, из приведённых выше мнений исследователей видим, что все они приходят к единой точке зрения: искусственный интеллект не обладает признаками, необходимыми для признания его субъектом права, и, следовательно, автором он не может являться. Соответственно, цель нашей работы заключается в разрешении проблемы по определению права авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом, а именно: того, кто будет признаваться автором произведения, созданного искусственным интеллектом. Кроме того, цель исследования составляет внесение предложения по изменению действующей редакции статьи 1124 ГК РФ, в связи с тем, что относительно применения нейросетей в авторском праве отсутствуют какие-либо нормы, что порождает наличие дискуссий в академическом сообществе. Задачей исследования является анализ нормативно-правовых актов научных работ и судебной практики в сфере интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта.

В ходе проведенного исследования по вопросу определения права авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом, основным методом являлся анализ, благодаря которому мы смогли изучить действующие нормы законодательства в данной сфере, а также выявить соответствующие пробелы в праве.

Исследование началось с междисциплинарного анализа, при котором мы изучили подзаконные нормативно-правовые акты, федеральные законы, а также обратились к научным работам, в которых рассматривались понятия и критерии права авторства, не урегулированные законодательством. Далее в ходе исследования был проведен сравнительный анализ, в рамках которого была проанализирована зарубежная судебная практика. Изучению также подверглись ситуации, произошедшие в России, но не нашедшие своего отражения в судебной практике, однако приданные всемирному освящению через средства массовой информации.

В завершение исследования был проведен анализ информации, полученной посредством использования нейросетевой модели от Сбера GigaChat.

Изначально необходимо проанализировать положения российского законодательства, в сфере права авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 N 490 в редакции от 15.02.2024, содержится легальное определение понятия «искусственный интеллект» – это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [2]. То есть, говоря проще, искусственный интеллект – это программа, которая обучается, анализируя множество информации, и при поступлении текстового запроса выдает определенный результат, сравнимый с тем, который мог бы быть создан человеком. Понкин И. и Редькина А. обращают внимание на то, что:

«искусственный интеллект способен создавать как при непосредственном участии человека, так и самостоятельно следующие результаты интеллектуальной деятельности: оригинальное музыкальное произведение или оригинальное исполнение музыкального произведения, произведение изобразительного или скульптурного искусства, оригинальное видео - и фотопроизведение, текстовое произведение, топология интегральной микросхемы, программное обеспечение для ЭВМ, архитектурный проект и др.» [3, с. 37].

При этом в современном мире часто используется не только понятие «искусственный интеллект», но и понятие «нейросеть». И нередко люди отождествляют их. Однако это не синонимы. Так, искусственный интеллект более широкое понятие. Это компьютерная технология в целом, которая имитирует человеческое мышление. Нейросеть – «это подкатегория машинного обучения, которая, в свою очередь, является подмножеством ИИ. Нейронные сети вдохновлены структурой и функционированием человеческого мозга, состоя из слоев искусственных нейронов, которые обрабатывают входные данные, передавая информацию от одного слоя к другому и выявляя сложные закономерности в этих данных» [4].

Далее проанализируем основные правовые нормы, посвященные праву авторства. Так, согласно ст. 1228 ГК РФ: «Автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат» [5]. Также в ст. 1258 ГК РФ, посвященной соавторству, указывается, что соавторами являются граждане, которые совместным творческим трудом создали произведение. Таким образом, в обеих статьях указывается на два важных аспекта. Во-первых, автором или соавтором может быть только гражданин, то есть человек. Во-вторых, результат интеллектуальной деятельности создается исключительно творческим трудом. К такому же мнению приходит в своем исследовании приходит и А.П. Северова, указывающая, что «нормы Гражданского кодекса, говорят о том, что искусственный интеллект может выступать только в качестве механизма, который помогает автору создать новое произведение» [18, с. 104].

Притом, если обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 №10, то также столкнемся с указанием на то, что объектом авторского права может быть только произведение, созданное творческим трудом. В этом же Постановлении Пленума ВС РФ от 23.04.2019 №10 закреплено следующее: «творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств» [6]. Следовательно, далее необходимо разобраться, что такое творческий труд или творчество.

Легального определения творчества/творческого труда в законодательстве РФ не содержится. Обратимся к научным трудам. Так, Сона В. Де Апро приводит собственные определения: «Творчество – это сознательно-созидательная деятельность, выходящая за рамки стандартных исполнительских операций и отражающая внутренний посыл автора (творческий замысел) в виде новшества в определенной форме. Творческий труд – созидательный вклад, вносимый автором в создаваемый объект в процессе творчества» [7, с. 131]. Она же пишет, что творчество основывается на: «творческом порыве, вдохновении, воображении, душевных переживаниях, эмоциональном состоянии, целеполагании, интересе, внутреннем «освобождении», стремлении к самореализации, предложении социально значимых результатов» [7, с. 131]. Наряду с этим заметим, что воля является способностью человека созна-

тельно регулировать поведение и деятельность. Волевой акт же состоит из возникновения побуждения, постановки цели, обсуждения мотивов, принятия и исполнения решения. При этом побуждение основывается на чувствах, которые испытывает субъект творчества. Следовательно, видим, взаимосвязь творчества и воли, так как творческий порыв является началом волевого акта, побуждением к созданию произведения. Таким образом, созданным творческим трудом произведением может быть только то, которое автор создал в душевном порыве, полагаясь на чувства, и вложил в него определенный замысел. Между тем, анализируя данные постулаты при их взаимосвязи с произведениями, созданными искусственным интеллектом, согласимся с мнением исследователей И.А. Велижанина и А.В. Понфилова: «В контексте понимания явления «произведение», ИИ на данный момент уже способен сотворить уникальную форму, но не способен осознать, а потому и сотворить уникальную идею» [19, с. 108].

На вопрос: может ли нейросеть (искусственный интеллект), создавая ответ на запрос человека, действовать умышленно, как-либо мыслить, а уж тем более руководствоваться эмоциями стоит на грани фантастики, ведь даже сами разработчики данных программ не в силах на него ответить. Однако в научном сообществе ведутся активные дискуссии по поводу подразделения искусственного интеллекта на слабый и сильный. Так, Драгунова С.А. по этому поводу пишет: «В настоящее время большинство ИИ приложений являются узкоспециализированными («слабыми»): они способны рационально мыслить (то есть мыслить по установленным правилам) и рационально действовать (то есть обучаться на основе заданных данных в процессе реализации конкретных задач). Сильный ИИ (AGI) способен мыслить, как человек (использует активное обучение и человеческую модель мышления) и действовать как человек (обладает способностью автономного обучения и решения любой интеллектуальной задачи)» [8, с. 118]. Кроме того, мы разделяем мнение судьи Арбитражного суда Московской области П.М. Мархата: «Несмотря на то, что юниты искусственного интеллекта имитируют человеческий интеллект, им не хватает физического существования, и в настоящее время они не считаются субъектами, которые могут обладать правами в привычном понимании» [17, с. 92]. Но сейчас, в 2026 г., сильный искусственный интеллект еще не появился. Мы не можем знать, когда это случится и случится ли. Следовательно, остановимся на следующем. Искусственный интеллект – это программа. Она «мыслит» алгоритмически. При этом творчество и алгоритмы не сопоставимы. Таким образом, на данный момент будет целесообразным согласиться с мнением, предложенным А. Шешуковым: «признать неспособность нейросети к осмысленной деятельности, а следовательно, и отсутствие критерия творческого труда у объектов, созданных ею» [9, с. 97].

Заметим также, что в странах Запада выступают с законодательными инициативами по приданию статуса субъекта права искусственному интеллекту. Однако, проанализировав действующее законодательство РФ, считаем, что наша правовая система пока не готова к появлению нового нетрадиционного субъекта права. Такого же мнения придерживается и исследователь С.Е. Чаннов: «Исходя из философского принципа Оккама не умножать сущности без крайней на то необходимости, мы полагаем, что введение в правовую сферу такого принципиально нового субъекта права, как робот (СИИ), является преждевременным (хотя не исключено, что та-

кая необходимость появится)» [20, с. 105]. Таким образом, исходя из вышесказанного, можем прийти к выводу о том, что в настоящее время еще не появился такой искусственный интеллект, который можно было бы признать «мыслящим», способным к творческой деятельности. Кроме того, в отечественном законодательстве не содержится определения или критериев понятия «творческая деятельность», оно фигурирует лишь в научных работах. Соответственно, в реалиях действующей редакции законодательства наиболее целесообразно признавать искусственный интеллект лишь способом/механизмом, а никак не субъектом права.

Судебная практика в области авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом, и теории авторства на данные объекты.

Для иллюстрации приведенных выводов вспомним нашумевший в 2016 г. проект «The next Rembrandt». Специалисты из Microsoft, Дельфтского технического университета, Королевской галереи Mauritshuis и дома-музея Рембрандта в Амстердаме на протяжении 18 месяцев загружали в систему искусственного интеллекта с помощью 3D-сканирования работы художника Рембрандта Хаарменса ван Рейна. Итогом стал напечатанный на 3D принтере портрет мужчины, созданный на основе предложенного запроса. Среди общественности произошел резонанс, картина будто действительно написана самим художником. Вопрос о признании права авторства на работы ни за ИИ, ни за разработчиками, ни за кем-либо еще из команды проекта не ставился. Однако СМИ указывают: «разработанная для этого проекта технология теперь используется для реставрации поврежденных и частично утраченных шедевров» [10]. Таким образом, в данном случае мы видим лишь работу алгоритмов. ИИ не испытывал никакого душевного волнения, он не преследовал никаких целей при создании картины. Поэтому можно прийти к выводу, что по действующему законодательству РФ, ИИ не может быть признан автором, так как отсутствуют два важных критерия: он не является человеком, и не приравнен к нему, а также не способен к творческой деятельности.

В 2017 го. произошла похожая ситуация. Художник М.Тайк является автором проекта «Портреты воображаемых людей». Он загрузил в нейросеть GAN около тысячи фотографий с различных фотохостингов и скомпилировал из них портреты. В данном случае, как отмечает Петрашкин: «уже можно говорить о творческом характере деятельности и возможности, признания за этим произведением права автора. При этом, необходимо учитывать, что здесь не будет соавторства ИИ и лица, который обратился к нейросети за созданием произведения, так как Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»: «Творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или» [11, с. 62]. Следовательно, в данном случае имеются основания признать автором данного проекта М. Тайка. Однако за признанием данного права за собой художник не обращался.

При этом, следует отметить, что в рамках проведенных исследований, учеными выдвинуты следующие теории о том, кого же следует признать автором произведений, созданных искусственным интеллектом или нейросетью:

1. Право авторства признается за ИИ. Точка зрения основана на том, что нейросеть сама создает произведение на основе алгоритмов, вложенных разработ-

чиком, в процессе самообучения. Таким образом, ИИ приравнивается в правах к человеку.

2. Автором является разработчик ИИ, используемого при создании произведения. В данном случае, ученые уверены, что разработчик является творцом, создателем ИИ. Без его вклада, придуманных им алгоритмов конкретная нейросеть вовсе не будет создана и не сможет работать.

3. ИИ и пользователь программы признаются соавторами при создании такого произведения. Здесь, ИИ, как и в первой теории, также приравнен в своем правовом положении к человеку, однако считается, что между ними происходило взаимодействие. То есть произведение было создано «совместным творческим трудом» [5].

4. Автором произведения признается пользователь ИИ, при помощи которого создано произведение. В данном случае, ИИ-инструмент, техническое средство.

5. ИИ приравнивается в своем правовом положении к наёмному работнику, создающему служебное произведение. То есть нейросеть как бы вступает в трудовые отношения с пользователем. В данной ситуации образуется следующая схема: ИИ-работник, пользователь ИИ-работодатель.

6. Произведение, созданное искусственным интеллектом, вовсе не является объектом авторского права и должно перейти в общественное достояние. По указанной точке зрения, данное произведение является результатом деятельности «программы», «машины», которая сама по себе не может выступать субъектом авторского права и, следовательно, некому выплачивать авторское вознаграждение и обращаться за защитой нарушенных прав. Такое произведение может использоваться свободно любым лицом.

Далее рассмотрим, что происходит в разных странах на практике, за кем признают право авторства в такой ситуации, какими недостатками обладают приведенные выше теории, и какое же решение будет наиболее целесообразным.

Итак, первым наиболее дискуссионным в сфере авторского права делом было «селфи обезьяны». В 2011 г. фотограф Д. Слейтер, находясь в национальном парке Индонезии, настроил и оставил фотоаппарат так, чтобы на него сами могли сфотографироваться обезьяны. В результате задумка удалась, мужчина смог в более чем сотне снимков выбрать удачные для публикации в интернете. Однако в 2014 г. сайт Википедия выгрузил данные фото, с надписью, указывающей на то, что они являются общественным достоянием, так как человека-автора у них нет, а животное таковым считаться не может. Между Слейтером и Википедией возник спор по поводу авторских прав на фото. Решение принималось по законодательству в сфере авторского права США, по которому животное не может являться автором. Однако, даже после окончания судебного процесса дискуссии среди учёных и юристов продолжались. Многие обратили внимание на то, что снимки были сделаны в Индонезии, а сам фотограф – гражданин Великобритании, и, следовательно, данный спор не находился в юрисдикции судов США. По правилам интернет-юрисдикции преимущественную силу имеет Закон об авторском праве Великобритании. И в данном случае при применении норм этой страны, как отметил А.Гуадамус, допускается: «возможность признавать автором лицо, совершившее необходимые приготовления для создания произведения» [12]. То есть в результате автором должен был быть признан фотограф Д.Слейтер. Следовательно, мы видим, что законодательство Ве-

Великобритании в ситуации при создании произведения с использованием ИИ склонно к применению 4-й теории, по которой автором признается пользователь.

Далее, обратимся к еще более шумевшему среди общественности делу. В 2018 г. китайским судом города Шэньчжэнь было рассмотрено дело по конфликту между Tencent и Shanghai Yingxun Technology Company. Последняя опубликовала на своем сайте финансовый отчет сгенерированный нейросетью Dreamwriter, принадлежащей компании Tencent. Решение, принятое судом, вызвало широкий резонанс: «Искусственный Интеллект обладает авторским правом на сгенерированное им произведение, не согласившись с доводами ответчика о том, что оно является общественным достоянием и может быть свободно использовано» [13]. При этом Драгуновва С.А. отмечает: «Обладателем исключительного права на данный финансовый отчет была названа компания Tencent, непосредственно владеющая системой Dreamwriter» [8, с. 119]. Это был первый в мировой практике случай, когда автором произведения был признан ИИ несмотря на то, что право его использовать каким-либо образом осталось за компанией.

В 2021 г. произошел другой случай. С. Талер, разработчик ИИ «Dabus», обратился в патентные ведомства ЕС и других стран, указав в заявке в качестве автора изобретенных контейнера для продуктов и сигнальной лампы саму систему. Однако, как указала Драгунова С. В своей работе: все патентные ведомства отклонили заявки на том основании, что в качестве изобретателя может выступать только человек» [8, с. 118]. Несмотря на это, С. Талер обратился в Федеральный суд Австралии, и судья Дж. Бич принял иное решение: «искусственный интеллект может быть автором изобретения» [14]. Так, в австралийском патенте автором изобретений был указан ИИ. Однако, считаем, что в данной ситуации необходимого творческого характера работы не было, так как мы указали выше, ИИ не способен к творчеству.

Далее рассмотрим случай, произошедший в РФ. В 2023 г. студент РГГУ Александр Жадан написал диплом с помощью нейросети ChatGPT. Он задавал подробные запросы программе на английском языке и потом переводил их на русский. Притом сгенерированный текст студент проверял. И после получения оценки за выпускную работу раскрыл информацию о процессе ее написания. Преподавательский состав и общественность критически отнеслись к полученным сведениям. Однако, в Госдуме заявили: «вряд ли РГГУ стоит аннулировать дипломную работу, которую студент написал с помощью нейросети» [15], а работу, сделанную Александром, оценили как хороший и показательный эксперимент. Таким образом, фактически, автором работы так и остался Александр.

Однако это стало предпосылкой для развития проверки оригинальности научных работ, и усовершенствования системы «Антиплагиат». Теперь, в большинстве случаев программа определяет, что текст написан с помощью нейросети. Это мы видим в исследовании, проведенном в сети Интернет, когда в платную версию «Антиплагиата» было загружено 6 работ, написанных различными версиями ChatGPT, однако: «четыре текста из шести не прошли проверку – «Антиплагиат» определил работу нейросети» [16]. Кроме того, в том же исследовании принял участие А. Жадан, который отправил часть своего диплома, и изначально «Антиплагиат» увидел работу нейросети, вместе с тем, тот задал нейросети запрос с исправлением текста на более читаемый, и повторно, система признала работу оригинальной. Также бывший выпускник посоветовал при использовании нейросети собственноручно редак-

тировать сгенерированный текст, делать его «менее сухим и предсказуемым», и тогда система не распознает использование нейросети при написании работы.

А что думает по этому поводу искусственный интеллект? Зададим ему вопрос: «Напиши: может ли система "Антиплагиат" определить, что текст написан искусственным интеллектом?». Вот что ответила нейросетевая модель от Сбера чат-бот GigaChat: «Система "Антиплагиат" предназначена для проверки уникальности текста, то есть отсутствия совпадений с другими текстами, опубликованными ранее. Она работает путем сравнения проверяемого текста с базой данных уже существующих документов. Однако, определение того, что текст написан искусственным интеллектом, выходит за рамки возможностей стандартных систем антиплагиата. Такие системы могут обнаружить сходство с существующими документами, но они не могут установить источник создания текста. Это связано с тем, что системы антиплагиата работают с формальной стороной текста, анализируя словарный состав, синтаксические конструкции и другие формальные признаки. Они не способны оценивать качество текста, уровень креативности и другие характеристики, которые могли бы указать на авторство искусственного интеллекта. Таким образом, система "Антиплагиат" не способна однозначно определить, что текст написан искусственным интеллектом. Для этого требуется дополнительный анализ, включающий в себя изучение стилистических особенностей текста, использования нейронных сетей и других инструментов машинного обучения». При проверке данного научного исследования через систему Антиплагиат, сгенерированный нейросетью текст был определен. Вероятно, это связано с тем, что он никак не редактировался.

Таким образом, из данного примера мы видим, что хоть на законодательном уровне в РФ искусственный интеллект не признается в качестве автора произведения, однако, фактическая ситуация иная. В системе «Антиплагиат» помимо пунктов «совпадения», «оригинальность», «цитирование» и «самоцитирование» появился пункт «нейросеть». При этом, при проверке, текст выделяется красным и, фактически, приравнивается к совпадениям. Т.е., по сути, возникает двоякая ситуация: с одной стороны, помимо автора-человека признается автором и искусственный интеллект, но с другой, такой текст оригинально написанным не считается.

В завершение исследования, в том числе на основании анализа приведенных выше примеров можем сделать следующие выводы.

Во-первых, по действующему законодательству РФ искусственный интеллект не может быть признан автором произведения, так как им может быть только человек, создавший произведение своим творческим трудом, а ИИ к такому не способен. Кроме того, ИИ не может быть субъектом авторского права и в связи с тем, что сам по себе является объектом, а именно, программой для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ). Во-вторых, автором произведения, созданного ИИ, не может быть и разработчик, так как он уже является автором ЭВМ-ИИ, а также при создании произведения нейросетью вводит данные именно пользователь, разработчик же никакого участия в процессе не принимает. В-третьих, теории соавторства ИИ и пользователя, и служебного произведения, созданного ИИ, как работником, также следует считать нецелесообразными, в связи с тем, что, как уже говорилось выше, ИИ не является субъектом авторского права, и в целом, права, следовательно, выступать и одной из сторон правоотношений он не может. В-четвертых, точка зрения, по которой произ-

ведение, созданное ИИ, должно перейти в общественное достояние, также не совсем целесообразна со стороны справедливости. Пользователь ИИ всё же вкладывает определенные умственные усилия в процессе формирования запроса. И, следовательно, в-пятых, нам кажется наилучшим вариантом, признания права авторства за пользователем ИИ. Однако это будет наиболее правильно только в том случае, если пользователь помимо написания запроса вкладывает творческие усилия по созданию произведения, редактирует его. Например, после написания нейросетью текста.

Такое же мнение предлагает и нейросеть GigaChat: «Искусственный интеллект не наделяется авторскими правами в России и рассматривается только как инструмент при создании объектов авторских прав. Авторские права принадлежат гражданину, который создал произведение своим творческим трудом».

Проведенное исследование демонстрирует в рамках существующих реалий несовершенство действующего законодательства, которое не учитывает происходящую большими рывками глобализацию и цифровизацию мира. На сегодняшний день, при активном внедрении искусственного интеллекта во все сферы жизни общества, с учетом того, что нейросети находятся почти в каждом приложении и даже во многих веб-сайтах, и находят массовое применение, существует острая необходимость в определении правового статуса искусственного интеллекта, а также в изменении действующей редакции как минимум одной статьи Гражданского Кодекса РФ.

Исходя из этого, следует видоизменить ст. 1228 ГК РФ и изложить ее следующим образом: «Автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого, собственноручно или с использованием программ искусственного интеллекта, создан такой результат. При том, гражданин, использовавший искусственный интеллект при создании результата интеллектуальной деятельности, должен доказать свой минимальный творческий вклад (редактирование, частичное видоизменение произведения)».

В результате проведенного исследования выявлено следующее:

- в мировой практике не сложилось окончательного ответа на вопрос, кого следует признавать автором произведения, созданного искусственным интеллектом.
- Российское законодательство не готово к появлению нового субъекта права, а именно: искусственного интеллекта.
- На данный момент следует признавать автором произведений, созданных искусственным интеллектом пользователя соответствующей нейросети, при наличии его творческого вклада в создание данного произведения.
- Необходимо видоизменить статью 1228 ГК РФ, добавив в нее способ создания произведения: с использованием искусственного интеллекта.

Список литературы:

1. Смоленский М.Б., Абдрахимова В.Р. Право авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом: проблемы управления и перспективы развития // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2024. — № 1 (164) — С. 87-90.
2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.10.2019. № 41. ст. 5700
3. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2018. — № 2. — С. 35-44.
4. Тайны ИИ: Разница и отличия Искусственного Интеллекта и Нейронных Сетей – [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vc.ru/u/3081147-neirometafizik/1228042-tainy-ii-raznica-i-otlichiya-iskusstvennogo-intellekta-i-neironnyh-setei> — Дата обращения 11.10.2024г.
5. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ – Дата обращения 11.10.2024г.
7. Де Апро С.В. Критерии творчества для искусственного интеллекта // Труды по интеллектуальной собственности. – 2024. – Т. 50. – № 3 – С. 129-134.
8. Драгунова С.А., Седашкина Т.И. Искусственный интеллект как автор произведения // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – № 7. – С. 117-121.
9. Шешуков А.Ю., Княжева Е.А. Автор мертв. Почему нейросеть не может стать субъектом авторских прав // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). – 2023. –Т. 45 – № 2. – С. 95–102
10. The Next Rembrandt – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vml.com/work/next-rembrandt> – Дата обращения 11.10.2024г.
11. Петрашкин Д.М. Правовое регулирование права авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом // Правовое регулирование экономической деятельности. – 2023. –Т. 45 – № 2. – С. 95–102
12. The monkey selfie: copyright lessons for originality in photographs and internet jurisdiction – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://policyreview.info/articles/analysis/monkey-selfie-copyright-lessons-originality-photographs-and-internet-jurisdiction> – Дата обращения 11.10.2024г.
13. За искусственным интеллектом признали авторские права – [Электронный ресурс]. –Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/10/09/za_iskusstvennym_intellektom_priznali_avtorskie_prava – Дата обращения 11.10.2024г.
14. Бесчеловечный изобретатель: может ли искусственный интеллект быть настоящим автором – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbeslife/447105-beschelovechnyi-izobretatel-mozet-li-iskusstvennyi-intellekt-byt-nastoasim-avtorom> – Дата обращения 11.10.2024г.
15. «Машина выдает все сама». Студент из Москвы получил «тройку» за диплом, написанный нейросетью – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2023/02/01/16181311.shtml?updated> – Дата обращения 11.10.2024г.
16. Правда ли, что «Антиплагиат» распознает сгенерированные нейросетью тексты? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journal.tinkoff.ru/can-you-trick-anitplagiat/> – Дата обращения 11.10.2024г.
17. Морхат П.М. Искусственный интеллект как автор произведения: могут ли роботы творить? // Власть закона. – 2019. – № 1 (37) – С. 82-95.
18. Северова А.П. Искусственный интеллект как автор: проблемы авторского права в эпоху цифровизации // Большая студенческая конференция : сборник статей XIII Международной научно-практической конференции : в 2 ч., Пенза, 05 мая 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 103-106
19. Велижанин И.А., Панфилов А.В. Искусственный интеллект как автор и соавтор архитектурного произведения: вопросы творчества // Системные технологии. – 2023. – № 3(48). – С. 177-182. – DOI 10.55287/22275398_2023_3_177
20. Чаннов, С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 12(145). – С. 94-109. – DOI 10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109.

Vorobyova O.A., Petrenko V.V. The Problem of Artificial Intelligence Legal Capacity: From Theoretical Concepts to Legal Realities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 75-86.

Digital technologies are currently undergoing a global evolution. Artificial intelligence technologies are being actively integrated into society. Currently, almost every app offers the ability to interact with artificial intelligence: the government services app Max, the mobile operator MegaFon has an AI called Eva, Sber's GigaChat neural network, Chat GPT, which caused a public sensation several years ago, and others. However, despite such significant technological development and their equally significant integration into everyday life, the legislative situation is less positive. For example, the question of who is the author of works created by artificial intelligence still remains unresolved. The institution of intellectual property and copyright is relatively new and continues to evolve, expanding with new legal norms and case law. Certain gaps and conflicts of law exist in the regulation of this institution. Therefore, the possibility of copyright infringement arises when identifying the author of works created using artificial intelligence technologies. The purpose of this study is to address the issue of determining the author of a work created using artificial intelligence. This study analyzed Russian legislation for any legal gaps related to the problem of legal regulation identified by the authors, examined judicial practice in foreign countries, and examined the views of authors of scientific papers on this issue. The research also involved interaction with the GigaChat neural network model. As a result, the authors proposed an amendment to the current version of Article 1124 of the Civil Code of the Russian Federation that would recognize the AI user as the author of works created using artificial intelligence technologies.

Keywords: artificial intelligence; neural network; copyright; author; works created by artificial intelligence; quasi-subject of law; subject of law; autonomy of AI; legal uncertainty of the status of AI; creativity of AI.

Spisok literatury:

1. Smolenskij M.B., Abdrahimova V.R. Pravo avtorstva na proizvedeniya, sozdannye iskusstvennym intellektom: problemy upravleniya i perspektivy razvitiya // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. – 2024. – № 1 (164) – S. 87-90.
2. Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 N 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» // Sbornie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 14.10.2019. № 41. st. 5700
3. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Iskusstvennyj intellekt i pravo intellektual'noj sobstvennosti // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. – 2018. – № 2. – S. 35-44.
4. Tajny II: Raznica i otlichiya Iskusstvennogo Intellekta i Nejronnyh Setej – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://vc.ru/u/3081147-neirometafizik/1228042-tainy-ii-raznica-i-otlichiya-iskusstvennogo-intellekta-i-neiromnyh-setei> – Data obrashcheniya 11.10.2024g.
5. Grazhdanskij Kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.11.1994 N 51-FZ // Sbornie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2001. № 49. St. 4552
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23.04.2019 №10 «O primenenii chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ – Data obrashcheniya 11.10.2024g.
7. De Apro S.V. Kriterii tvorchestva dlya iskusstvennogo intellekta // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti. – 2024. – T. 50. – № 3 – S. 129-134.
8. Dragunova S.A., Sedashkina T.I. Iskusstvennyj intellekt kak avtor proizvedeniya // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. – 2021. – T. 14. – № 7. – S. 117-121.
9. SHeshukov A.YU., Knyazheva E.A. Avtor mertv. Pochemu nejroset' ne mozhet stat' sub"ektom avtorskih prav // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). – 2023. –T. 45 – № 2. – S. 95–102
10. The Next Rembrandt – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.vml.com/work/next-rembrandt> – Data obrashcheniya 11.10.2024g.
11. Petrashkin D.M. Pravovoe regulirovanie prava avtorstva na proizvedeniya, sozdannye iskusstvennym intellektom // Pravovoe regulirovanie ekonomicheskoy deyatel'nosti. – 2023. –T. 45 – № 2. – S. 95–102.
12. The monkey selfie: copyright lessons for originality in photographs and internet jurisdiction – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://policyreview.info/articles/analysis/monkey-selfie-copyright-lessons-originality-photographs-and-internet-jurisdiction> – Data obrashcheniya 11.10.2024g.
13. Za iskusstvennym intellektom priznali avtorskie prava – [Elektronnyj resurs]. –Rezhim dostupa: https://zakon.ru/blog/2020/10/09/za_iskusstvennym_intellektom_priznali_avtorskie_prava – Data obrashcheniya 11.10.2024g.
14. Beschelovechnyj izobretatel': mozhet li iskusstvennyj intellekt byt' nastoyashchim avtorom – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.forbes.ru/forbeslife/447105-beschelovechnyj-izobretatel-mozet-li-iskusstvennyj-intellekt-byt-nastoasim-avtorom> – Data obrashcheniya 11.10.2024g.
15. «Mashina vydaet vse sama». Student iz Moskvy poluchil «trojku» za diplom, napisannyj nejroset'yu – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.gazeta.ru/social/2023/02/01/16181311.shtml?updated> – Data obrashcheniya 11.10.2024g.
16. Pravda li, chto «Antiplagiat» raspoznaet sgenerirovannye nejroset'yu teksty? – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://journal.tinkoff.ru/can-you-trick-anitplagiat/> – Data obrashcheniya 11.10.2024g.
17. Morhat P.M. Iskusstvennyj intellekt kak avtor proizvedeniya: mogut li roboty tvorit'? // Vlast' zakona. – 2019. – № 1 (37) – S. 82-95.
18. Severova A.P. Iskusstvennyj intellekt kak avtor: problemy avtorskogo prava v epohu cifrovizacii // Bol'shaya studencheskaya konferenciya : sbornik statej XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii : v 2 ch., Penza, 05 maya 2025 goda. – Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.YU.), 2025. – S. 103-106.
19. Velizhanin I.A., Panfilov A.V. Iskusstvennyj intellekt kak avtor i soavtor arhitekturnogo proizvedeniya: voprosy tvoreniya // Sistemnye tekhnologii. – 2023. – № 3(48). – S. 177-182. – DOI 10.55287/22275398_2023_3_177
20. CHannov, S. E. Robot (sistema iskusstvennogo intellekta) kak sub"ekt (kvazisub"ekt) prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2022. – T. 17, № 12(145). – S. 94-109. – DOI 10.17803/1994-1471.2022.145.12.094-109.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 87-92.

УДК 347.91/.95

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ КАК ГЕНЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ АДВОКАТУРЫ И ЕЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Волченко О. Ю.

*Всероссийская академия внешней торговли Министерства
экономического развития Российской Федерации*

В статье исследуются публично-правовые проблемы организации деятельности адвокатуры в целях обеспечения законности и правопорядка в обществе. Автор доказывает точку зрения, что, в отличие от советской практики, территориальные органы управления юстицией в значительной степени ограничены в публичном администрировании адвокатурой, что сублимируется учреждением на федеральном уровне весьма крупных и конкурирующих с органами публичной власти институциональных образований, включая Федеральную палату адвокатов и ее органы (Всероссийский съезд, Совет, комиссия по этике и стандартам). Происходит это не вследствие волеизъявления адвокатского сообщества по его свободному выбору, но в силу императивных предписаний федерального законодательства. Применительно к гражданам и их объединениям это влечет за собой рост тарифов на юридические услуги и соразмерное этому ограничение доступа к правосудию, снижение эффективности судебной защиты конституционных прав и свобод.

Ключевые слова: доступ к правосудию, адвокатура, квалифицированная юридическая помощь, управление юстицией, защита прав человека, юридическое представительство, равноправие, конституционализм.

Конституционно-правовые принципы и нормы предписывают адвокатуре и адвокатам *генеральную миссию эффективно противостоять противоправности и нарушению законности*. В связи с этим законодательство об адвокатуре и адвокатской деятельности содержит гарантии защиты от чрезмерного государственного вмешательства, построения адвокатской инфраструктуры на началах самоуправления и корпоративности [1, с. 19]. Вступление адвоката в процесс предполагает достаточную степень обремененности участием в производстве, наличием ряда частноправовых и публично-правовых обязательств, от которых адвокат не вправе произвольно отказаться. При этом адвокатура испытывает дифференцированное отношение государства и общества (позитивное, негативное или скептическое), что является важным фактором дальнейшего совершенствования законодательства, необходимости его конституционализации («приближения» к конституционным положениям; «обеспечения соответствия» принципам и нормам конституционного права).

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2] опирается на концепцию статуса адвоката как «независимого профессионального советника по правовым вопросам», в то время как в действительности его «независимость» весьма относительна ввиду связанности нормами права, требованиями профессиональной этики, обязательствами перед доверителем и адвокатским сообществом. Законодатель дифференцирует правовое положение адвоката как «представителя» (конституционный, гражданский, административный судебный процесс) и «защитника» (уголовный процесс и процедуры, установленные законодательством об административных правонарушениях) [3, с. 90]. Данный методологический подход довольно условен, поскольку в конституционном, гражданском и административном судебных процессах адвокат не только представляет интересы доверителя, но также защищает в суде его права, свободы и законные инте-

рессы. Аналогичным образом можно сказать и о том, что в уголовном и административно-деликтном процессах адвокат наряду с защитой «представляет» доверителя в суде.

В соответствии с действующим законодательством, адвокатура представляет собой одновременно «профессиональное сообщество» и «институт гражданского общества». С последней позицией сложно однозначно согласиться, поскольку организационные институты гражданского общества (граждане, их объединения, частный бизнес, общественные институты и др.) – это субъекты конституционных правоотношений, которые нуждаются в юридической защите от государственного вмешательства, требуют значительной автономии и самоуправления. Один лишь факт независимости адвокатского сообщества от правоохранительных органов и органов управления юстицией (что также весьма условно, поскольку органы управления юстицией имеют полномочия в отношении адвокатуры), на наш взгляд, недостаточен, чтобы квалифицировать адвокатуру в качестве института гражданского общества. Адвокатская деятельность *слишком зависима* от судебных и правоохранительных органов *по своему существу* и направлена, главным образом, на *взаимодействие с ними* (при гарантиях процессуальной независимости). Более точно нужно было бы сказать, что адвокатура – *институт негосударственной правозащитной системы* [4, с. 108], который пользуется *гарантиями организационной и процессуальной независимости и автономии* в целях обеспечения состязательности процесса и эффективной защиты конституционных прав и свобод граждан и их объединений в суде.

Заслуживает критического осмысления, на наш взгляд, сохранившийся в действующей правовой системе институт ордера на выполнение поручения, который выдается адвокатским образованием или адвокатской палатой по форме и с учетом требований, устанавливаемых министерством юстиции [5, с. 26] (ордер не является необходимым лишь в арбитражном процессе). Полагаем достаточным для реализации полномочий адвоката предъявление им адвокатского удостоверения, при возникновении сомнений в подлинности и достоверности которого соответствующие данные могут быть сверены с реестром адвокатов.

Кроме осложнения и даже препятствия для вступления адвоката в дело, институт ордера порождает недопустимые с точки зрения конституционных требований правовые ситуации (при организационно-правовой форме адвокатского кабинета адвокат выдает ордер сам себе; невозможность или затруднительность оказания юридической помощи при задержании граждан ночью, вызове адвоката из дома и т. п.). Сохранение в законодательстве института ордера, по видимому, обусловлено стремлением правоохранительной системы ограничить доступ неограниченного круга лиц с адвокатским статусом в места изоляции и для участия в следственных действиях [6, с. 23], рядом иных причин [7, с. 2], однако злоупотребление правами должно пресекаться, на наш взгляд, альтернативными юридическими средствами, включая внутрикорпоративный контроль адвокатского сообщества (при установлении фактов прохода адвокатов в места изоляции не в целях оказания юридической помощи, но под предлогом таковой, перед адвокатской палатой может быть поставлен вопрос о возбуждении в отношении адвоката дисциплинарного производства).

Важное конституционно-правовое значение имеет институционализация прав и обязанностей адвокатов. Права адвокатов в целом имеют два генеральных направления: это гарантии беспрепятственных встреч с доверителем наедине в условиях

конфиденциальности и обеспеченные законом возможности сбора доказательств. Данные права в целом признаются действующим законодательством, однако их реализация в ряде случаев требует дополнительной государственной поддержки и обеспечения. В силу компетенции полиции, следствия и прокуратуры на осуществление мер государственного принуждения, законодатель не может поставить адвокатуру в совершенно равное процессуальное положение (следователь вправе проводить допрос свидетелей, от чего нельзя отказаться и запрещено давать ложные показания; адвокаты могут лишь проводить опросы свидетелей с их согласия; в местах изоляции адвокат и доверитель не могут быть полностью уверенными в том, что их встреча действительно проводится в условиях конфиденциальности [8, с. 104] и т. д.).

В оперативно-розыскной деятельности должны учитываться вероятные угрозы противоправного соучастия адвокатов в преступной деятельности [9, с. 117], поскольку сам по себе статус адвоката не дает оснований (по аналогии с иммунитетом депутатов, ряда иных выборных должностных лиц) для защиты от уголовного преследования. Однако если адвокат действительно выполняет свои профессиональные обязанности на законных основаниях, его встреча с доверителем должна быть полностью конфиденциальной. Разрешение данной проблемы, на наш взгляд, заключается не в изменении действующей законодательной модели, но в более активной судебной практике, направленной на исключение из доказательственной базы сведений, полученных с нарушением федерального закона (доктрина «плодов отравленного дерева», «правило исключения», ничтожность противоправно добытых доказательств).

Законодатель в отношении деятельности адвокатов устанавливает ряд запретов: занимать позицию вопреки воле заявителя; публично заявлять о доказанности вины при ее отрицании; отказываться от принятой защиты; негласно сотрудничать с органами, уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности; нарушать адвокатскую тайну. Конституционная предопределенность указанных гарантий не вызывает каких-либо сомнений, хотя и они нуждаются в дальнейшем углублении и совершенствовании. В частности, концепция запрета на «публичное заявление о доказанности вины при ее отрицании» может быть критически оценена с точки зрения содержания конституционного принципа презумпции невиновности. Даже если доверитель не отрицает свою вину, а лишь хранит молчание и пользуется конституционной привилегией против самоизобличения, этого достаточно, чтобы адвокат также придерживался обязанности воздерживаться от публичных заявлений о доказанности вины.

Несмотря на наименование Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в действительности он направляет регулирующее воздействие, главным образом, на организацию адвокатуры (не на «адвокатскую деятельность»). Обусловлено это, на наш взгляд, не столько отступлением от требований юридической техники (хотя логичнее данный закон было бы назвать «Об адвокатуре и адвокатской деятельности»), сколько конфликтом между конституционно-институциональным и процессуальным регулированием. В значительной степени права и обязанности адвокатов устанавливаются судебнo-процессуальными законами (Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Рос-

сийской Федерации», УПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, КоАП РФ, АПК РФ). Если бы соответствующие нормы располагались одновременно в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», это приводило бы к нежелательному дублированию правовых норм в двух и более нормативных правовых актах [10, с. 61]. При этом многие права и обязанности адвокатов имеют общий характер и применимы ко всем видам судебных процессов. Их институционализация желательна в одном нормативном правовом акте, каковым является Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Организация адвокатуры имеет в своей основе следующие крупные институциональные компоненты – адвокатские образования и адвокатские палаты. В свою очередь, они имеют внутреннюю структурно-организационную градацию: для адвокатских образований это «кабинеты», «коллегии», «бюро» и «консультации»; для адвокатских палат – федеральная и субъектов Федерации с учреждением соответствующих органов – съезда, собраний, конференций, советов, квалификационных комиссий, комиссии по этике и стандартам; должностных лиц – президентов и вице-президентов. Данная структурная композиция выгодно отличается корпоративной самоуправляемостью с наличием федерального координирующего «центра», хотя она и во многом снижает публично-управленческий потенциал в деятельности органов власти Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований (с учетом конституционных императивов о признании основополагающими принципов федерализма и местного самоуправления) [11, с. 8].

Последнее обстоятельство вынуждает адвокатов осуществлять отчисления от своих гонораров в целях финансирования содержания адвокатских образований и адвокатских палат дополнительно к фискальным обязательствам, причем публичные бюджеты не несут каких-либо расходных обязательств, за исключением организации бесплатной юридической помощи (хотя бюджеты пополняются, в том числе, за счет реализации фискальных обязательств практикующими адвокатами) [12, с. 267]. Выражаясь иначе, можно сказать, что самостоятельность в корпоративной организации адвокатуры «дорого обходится» адвокатам и это является следствием «разгосударствления» адвокатуры на постсоветском пространстве с одновременным исключением координирующего потенциала территориальных органов публичной власти в субъектах РФ и муниципалитетах.

В отличие от советской практики, территориальные органы управления юстицией в значительной степени ограничены в публичном администрировании адвокатурой, что сублимируется учреждением на федеральном уровне весьма крупных и конкурирующих с органами публичной власти институциональных образований, включая Федеральную палату адвокатов и ее органы (Всероссийский съезд, Совет, комиссия по этике и стандартам) [13, с. 40]. Происходит это не вследствие волеизъявления адвокатского сообщества по его свободному выбору, но в силу императивных предписаний федерального законодательства. Применительно к гражданам и их объединениям это влечет за собой, в числе прочего, рост тарифов на юридические услуги и соразмерное этому ограничение доступа к правосудию, снижение эффективности судебной защиты конституционных прав и свобод.

Высказывая подобные критические суждения, тем не менее, следует учитывать современное состояние правовой системы России и перспективы ее дальнейшего

генезиса. Федеральный законодатель осуществил обоснованный стратегический выбор в пользу внутрикорпоративной организации адвокатуры, что исключало бы ее прямую зависимость от судов (как в царской России) или от органов исполнительной власти (исходя из советской государственно-правовой практики). В целом, на наш взгляд, – это *теоретически верное и конституционно предопределенное стратегическое законодательное решение*, которое нуждается в принципиальной поддержке [14, с. 155]. С другой стороны, дальнейшее развитие института адвокатуры как многозвенной и «дорогостоящей» корпоративной организации влечет за собой риски излишней централизации (расширение компетенции и функций Федеральной палаты) и, отчасти, бюрократизации (избыточность органов, требующих финансирования за счет адвокатских отчислений «на общие нужды», в том числе, применительно к адвокатским палатам субъектов РФ). Это – не вполне конституционно желательное явление, которое нуждается в противодействии силами и средствами законодательного регулирования и, возможно, Конституционного Суда РФ, а также самого адвокатского сообщества (если этому не препятствуют нормы действующего законодательства и практика конституционного правосудия) [15, с. 103].

Список литературы

1. Яртых И.С. Корпоративное самоуправление и вопросы независимости адвокатуры // Адвокатская практика. 2003. № 1.
2. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» с послед. изм. // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
3. Брюханова А.Д. Соотношение понятий: юрист, защитник, представитель, близкий родственник и иное лицо // Понятийно-категориальный аппарат наук уголовно-правового цикла. – Екатеринбург, 2024.
4. Кравченко И.А. Место способов разрешения споров и урегулирования конфликтов в правозащитной системе России // Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность. – Краснодар, 2023.
5. Груздев В.В. Правовая сущность и назначение ордера адвоката как инструмента защиты прав подозреваемого, обвиняемого в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2008. № 4.
6. Поликарпов Б.А. Незаконные свидания адвокатов с подозреваемыми и обвиняемыми по подложному ордеру: уголовно-правовые средства противодействия // Адвокатская практика. 2012. № 6.
7. Брюховецкий Н. Ордер как основание для сбора информации адвокатом в гражданском процессе // Адвокатская практика. 2007. № 1.
8. Гусятников П.П., Гусятникова П.П. Право адвоката на беспрепятственные встречи и коммуникации со своим доверителем // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 2.
9. Бондаренко А.А. Новые правила производства следственных действия в отношении адвоката в контексте пределов производства по уголовному делу // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1.
10. Артамонов А.Н. Причина искажений и дефектов законодательства в дублировании правовых норм (запрет на дублирование правовых норм как способ обеспечения единства правового пространства государства) // Вестник Российской правовой академии. 2010. № 4.
11. Полякова Н.А. Разграничение предметов ведения и полномочий Российской Федерации и ее субъектов в сфере юстиции (конституционные аспекты). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
12. Меркулова А.Ю. Перспективы совершенствования системы финансирования адвокатской деятельности в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем. – М., 2016.
13. Мурылев И.М. Представительская функция Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации как элемент принципа корпоративного самоуправления // Евразийская адвокатура. 2025. № 1.
14. Мурылев И.М. Реализация принципа корпоративного самоуправления на уровне Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 3.
15. Берсенева Т. У Федеральной палаты адвокатов вменилось руководство. Президентом Федеральной палаты адвокатов стал активный сторонник введения адвокатской монополии Юрий Пилипенко // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2015. № 1.

Volchenko O. Yu. Ensuring lawfulness as the general mission of the lawyer's profession and its organizational and legal support // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 2. – S. 87-92.

This article examines the public-law issues of organizing the legal profession's activities to ensure law and order in society. The author argues that, unlike Soviet practice, territorial justice administration bodies are significantly limited in their public administration of the legal profession. This is sublimated by the establishment at the federal level of very large institutional entities that compete with public authorities, including the Federal Chamber of Advocates and its bodies (the All-Russian Congress, the Council, and the Ethics and Standards Commission). This occurs not through the free will of the legal community, but by virtue of the mandatory provisions of federal law. For individuals and their associations, this entails increased fees for legal services and a commensurate restriction of access to justice, reducing the effectiveness of judicial protection of constitutional rights and freedoms.

Keywords: access to justice, advocacy, qualified legal assistance, justice administration, human rights protection, legal representation, equality, constitutionalism.

Spisok literaturey:

1. Yarty`x I.S. Korporativnoe samoupravlenie i voprosy` nezavisimosti advokatury` // Advokatskaya praktika. 2003. № 1.
2. Federal'ny` zakon ot 31.05.2002 № 63-FZ «Ob advokatskoj deyatel`nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» s posled. izm. // SZ RF. 2002. № 23. St. 2102.
3. Bryuxanova A.D. Sootmoshenie ponyatij: yurist, zashhitnik, predstavitel`, blizkij rodstvennik i inoe liczo // Ponyatijno-kategorial'ny`j apparat nauk ugovolno-pravovogo cikla. – Ekaterinburg, 2024.
4. Kravchenko I.A. Mesto sposobov razresheniya sporov i uregulirovaniya konfliktov v pravozashhitnoj sisteme Rossii // Zhizn` prava: pravovaya teoriya, pravovaya tradiciya i pravovaya real'nost`. – Krasnodar, 2023.
5. Gruzdev V.V. Pravovaya sushhnost` i naznachenie ordera advokata kak instrumenta zashhity` prav podozrevaemogo, obvinyaemogo v ugovolnom processe // Advokatskaya praktika. 2008. № 4.
6. Polikarpov B.A. Nezakonny`e svidaniya advokatov s podozrevaemy`mi i obvinyaemy`mi po podlozhnomu orderu: ugovolno-pravovy`e sredstva protivodejstviya // Advokatskaya praktika. 2012. № 6.
7. Bryuxoveckij N. Order kak osnovanie dlya sbora informacii advokatom v grazhdanskom processe // Advokatskaya praktika. 2007. № 1.
8. Gusyatnikov P.P., Gusyatnikova P.P. Pravo advokata na besprepyatstvenny`e vstrechi i kommunikacii so svoim doveritelem // Ucheny`e trudy` Rossijskoj akademii advokatury` i notariata. 2016. № 2.
9. Bondarenko A.A. Novy`e pravila proizvodstva sledstvenny`x dejstviya v otnoshenii advokata v kontekste predelov proizvodstva po ugovolnomu delu // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2018. № 1.
10. Artamonov A.N. Prichina iskazhenij i defektov zakonodatel'stva v dublirovanii pravovy`x norm (zapret na dublirovanie pravovy`x norm kak sposob obespecheniya edinstva pravovogo prostranstva gosudarstva) // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2010. № 4.
11. Polyakova N.A. Razgranichenie predmetov vedeniya i polnomochij Rossijskoj Federacii i ee sub`ektov v sfere yusticii (konstitucionny`e aspekty`). Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – M., 2005.
12. Merkulova A.Yu. Perspektivy` sovershenstvovaniya sistemy` finansirovaniya advokatskoj deyatel`nosti v ramkax gosudarstvennoj sistemy` besplatnoj yuridicheskoy pomoshhi // Razvitie rossijskogo prava: novy`e konteksty` i poiski resheniya problem. – M., 2016.
13. Mury`lev I.M. Predstavitel'skaya funkciya Federal'noj palaty` advokatov Rossijskoj Federacii kak e`lement principa korporativnogo samoupravleniya // Evrazijskaya advokatura. 2025. № 1.
14. Mury`lev I.M. Realizaciya principa korporativnogo samoupravleniya na urovne Federal'noj palaty` advokatov Rossijskoj Federacii // Obshhestvo: politika, e`konomika, pravo. 2025. № 3.
15. Berseneva T. U Federal'noj palaty` advokatov vmenilos` rukovodstvo. Prezidentom Federal'noj palaty` advokatov stal aktivny`j storonnik vvedeniya advokatskoj monopolii Yuriy Pilipenko // Vestnik Federal'noj palaty` advokatov RF. 2015. № 1.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 93-101.

УДК 34.01+343

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ВЗГЛЯДОВ В.И. ЛЕНИНА НА ТЕРРОР

Голосков Л. В.

Московская академия им. Сухарева Следственного комитета

В статье исследован историко-правовой процесс эволюции взглядов В.И. Ленина на террор как метод революции и создания государства нового типа. Рассматривается период времени с 1899 по 1921 год, когда В.И. Ленин сначала рассматривал террор как нецелесообразное средство борьбы, затем постепенно допускал его применение, а будучи главой государства, требовал в военной обстановке применять массовый террор. Исследуются документы, подписанные В.И. Лениным и обосновывающие необходимость применения террора в рассматриваемый период времени.

Ключевые слова: террор, государство, право, революция, борьба, война, инструмент, метод, институт.

Тема террора актуальна сотни лет. Академик РАН В.Н. Кудрявцев пишет, что «массовый террор, имевший место в Советском Союзе в первой половине XX в., является одной из величайших трагедий нашего времени. Масштабы сталинского террора были исключительно велики, методы его ужасны, последствия неисчислимы» [1, с. 9]. Его последствия Россия ощущает и сегодня, и поэтому важно понять его корни.

Сталинский террор не возник из ниоткуда. Для понимания его истоков рассмотрим, как изменялись взгляды В.И. Ленина на террор, в его сознании революционера, затем в его публикациях, телеграммах, директивах и делах главы советского государства.

В августе 1879 г. в результате раскола тайного общества «Земля и воля» возникла тайная политическая организация народников-террористов «Народная воля», и «народовольцы, не сумев найти дорогу к широким массам, стали на путь политического заговора и индивидуального террора <...> Так, в 1886 году возникла террористическая группа, возглавляемая А.И. Ульяновым (братом В.И. Ленина)» [2, с. 588]. Для В.И. Ленина связь гибели брата с террором было делом личным и сопровождало его всю жизнь.

В.И. Ленин сначала не принял идею индивидуального террора. В 1899 году в проекте программы партии, где обсуждались средства ведения борьбы и идея террора, он писал: «Мы полагаем, что средства должны быть именно те, которые указаны группой "Освобождение труда" (агитация, – революционная организация, – переход "в удобный момент" к решительному нападению, не отказывающемуся, в принципе, и от террора) <...> Чтобы не оставлять места недомолвкам, оговоримся теперь же, что, по нашему лично мнению, террор является в настоящее время нецелесообразным средством борьбы, что партия (как партия) должна отвергнуть его (впредь до изменения условий, которое могло бы вызвать и перемену тактики) и сосредоточить все свои силы на укреплении организации и правильной доставки литературы. Подробнее об этом говорить здесь не место» [3, с. 222-223]. Не место, ибо в 1899 г. Владимир Ильич не был готов развивать эту тему в программе партии.

В работе «С чего начать?», опубликованной в № 4 газеты «Искра» в мае 1901 г., В.И. Ленин пишет: «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это – одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях. Но суть дела именно в том, что террор выдвигается в настоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения. <...> Мы далеки от мысли отрицать всякое значение за отдельными героическими ударами, но наш долг – со всей энергией предостеречь от увлечения террором, от признания его главным и основным средством борьбы, к чему так сильно склоняются в настоящее время очень и очень многие. Террор никогда не может стать заурядным военным действием: в лучшем случае он пригоден лишь как один из приёмов решительного штурма» [4, с. 7-8]. Итак, террор – это пока средство несвоевременное.

В 1902 г. В.И. Ленин настаивал даже на вредности террора и упрекал социалистов-революционеров тем, что «ставя в свою программу террор и проповедуя его как средство политической борьбы в современной его форме, социалисты-революционеры приносят этим самый серьёзный вред движению, разрушая неразрывную связь социалистической работы с массой революционного класса. Никакие словесные уверения и заклатья не могут опровергнуть того несомненного факта, что современный террор, как его применяют и проповедуют социалисты-революционеры, ни в какой связи с работой в массах, для масс и совместно с массами не стоит, что партийная организация террористических актов отвлекает наши крайне немногочисленные организаторские силы от их трудной и далеко ещё не выполненной задачи организации революционной рабочей партии, что на деле террор социалистов-революционеров является не чем иным, как единоборством, всецело осуждённым опытом истории. Даже иностранные социалисты начинают смущаться той крикливой проповедью террора, которую ведут теперь наши социалисты-революционеры» [5, с. 375].

На этом этапе террор был в статусе осуждённого опытом истории, и даже в конце июня – начале июля 1903 г. В.И. Ленин готовит резолюции ко II съезду РСДРП и в одной из них, посвящённой террору, пишет: «Съезд решительно отвергает террор, т.е. систему единичных политических убийств, как способ политической борьбы, в высшей степени нецелесообразный в настоящее время, отвлекающий лучшие силы от насущной и настоятельно необходимой организационной и агитационной работы, разрушающий связь революционеров с массами революционных классов населения, поселяющий и среди самих революционеров и среди населения вообще самые превратные представления о задачах и способах борьбы с самодержавием» [6, с. 251].

Всего через два года, 26 (13) сентября 1905 г., В.И. Ленин в газете «Пролетарий» в статье «От обороны к нападению» пишет: «Индивидуальный террор, это порождение интеллигентской слабости, отходит в область прошлого <...> К счастью, прошли те времена, когда за неимением революционного народа революцию «делали» революционные одиночки-террористы. Бомба перестала быть оружием одиночки-«бомбиста». Она становится необходимой принадлежностью народного вооружения <...> Прогресс в применении взрывчатых веществ внес ряд новинок в артил-

лерийское дело. Японцы оказались сильнее русских отчасти и потому, что они умели во много раз лучше обращаться с взрывчатыми веществами. Широкое применение сильнейших взрывчатых веществ – одна из очень характерных особенностей последней войны. И эти, общепризнанные теперь во всем мире, мастера военного дела, японцы, перешли также к ручной бомбе, которой они великолепно пользовались против Порт-Артура. Давайте же учиться у японцев!» [7, с. 268-270].

Итак, в 1905 г. В.И. Ленин объявил индивидуальный террор интеллигентской слабостью и призвал учиться у японцев делать бомбы.

14 (27) Января 1918 г., выступление В.И. Ленина по вопросу о мерах борьбы с голодом: «Пока мы не применим террора – расстрел на месте – к спекулянтам, ничего не выйдет. Если отряды будут составлены из случайных, не сговорившихся людей, грабежей не может быть. Кроме того, с грабителями надо также поступать решительно – расстреливать на месте» [8, с. 311]. Вместо медленно действующих права, следствия и суда был предложен быстродействующий террор, который здесь выступает уже в качестве системного метода решения самых разных проблем.

8 мая 1918 г. В.И. Ленин в выступлении «Основные положения декрета о продовольственной диктатуре» предложил «...для спасения от голода, вести и провести беспощадную и террористическую борьбу и войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба» [9, с. 316]. А это уже начало возведения террора в статус государственной политики, и через несколько месяцев, 9 августа 1918 г., в один из самых напряжённых моментов истории В.И. Ленин в письме Г.Ф. Федорову писал: «т. Федоров! В Нижнем, явно, готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести *тотчас* массовый террор, *расстрелять и вывезти сотни* проститутток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т.п. Ни минуты промедления <...> Ваш Ленин» [10, с. 142]. В тот же день В.И. Ленин посылает телеграмму пензенскому губисполкому: «Получил Вашу телеграмму. Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надёжных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Экспедицию пустите в ход. Телеграфируйте об исполнении. Предсовнаркома Ленин» [11, с. 143-144].

В.И. Ленин решает проблемы с помощью единственного метода, переходящего здесь фактически в статус государственного института. Лица, к которым применялся террор, предельно разнообразны: спекулянты, крестьяне, буржуазия, проститутки, кулаки, попы, белогвардейцы. Они не приняли новую власть, что порождало разнообразные и сложные проблемы, которые для простоты и скорости все разом решают одним методом – террором.

Мы видим уже три фазы развития террора: инструмент, метод, институт. Террор подмял под себя институты права, вселил страх и навёл ужас, что, собственно, и является его предназначением.

За выбор террора В.И. Лениным как инструмента политики цену заплатил своими жизнями народ. Был ли у В.И. Ленина выбор иного инструмента в борьбе за достижение цели построения нового государства? Сложно представить, что он мог бы решить вопрос об отдаче ему всей власти путём переговоров с царём, правительством или армией. Террор был обусловлен вызовом времени и обстоятельств, и

главное – он имел высшую политическую цель, которая не достигалась никакими другими средствами – слом старого и создание нового государства. Цель террора в его обычном или уголовно-правовом смысле – устрашение. Но террор террору рознь, поэтому дать точное, однозначное и для всех времён верное правовое определение террору вне исторического и политического контекста не получается.

Мы исследуем только ленинский террор и под его названием того времени – «террор», но не современное явление терроризма, что есть нечто другое. Ленинский террор имел глобальную и политическую цель – создание нового государства; современный терроризм имеет цель устрашения, убийства людей, и это всё примитивные цели разрушения, они имеют, как правило, локальный и разрозненный характер. В период гражданской войны 1918 г. террор, в сущности, был одним из видов военных действий. Применение любых норм права в тот момент было невозможно, и поэтому название разных ужасных деяний того времени террором выглядит условным, назвать их можно было как угодно, учитывая, что почти все они кончались убийствами.

20 ноября 1918 г. в статье «Ценные признания Питирима Сорокина» В.И. Ленин пишет: «Революционный пролетарий должен знать, кого надо подавлять, с кем надо – когда и как – уметь заключать соглашение. Было бы смешно и нелепо отказываться от террора и подавления по отношению к помещикам и капиталистам с их прихвостнями, продающим Россию иностранным «союзным» империалистам. Было бы комедией пытаться «убеждать» и вообще «психологически влиять» на них. Но так же, – если не более, – нелепо и смешно было бы настаивать на одной только тактике подавления и террора по отношению к мелкобуржуазной демократии, когда ход вещей заставляет её поворачивать к нам. А с такой демократией пролетариат встречается повсюду. В деревне наша задача – уничтожить помещика, сломить сопротивление эксплуататора и спекулянта-кулака...» [12, с. 194-195].

Борьба против продажи России иностранцам – вот ещё одна из целей ленинского террора. Такой террор в ленинском понимании был оправдан, поскольку имел высокую и благородную цель.

Необходимость уничтожения спекулянта-кулака изменилась со временем в гораздо более позднее советское убеждение в необходимости борьбы со спекулянтом. Покажем к чему привёл этот тезис, прошедший через многие десятилетия – террор против спекулянта и его уничтожение. Эта идея намного позже легла в основу борьбы правоохранительных органов (ОБХСС) против спекулянтов, признанных в ленинскую эпоху классовыми врагами, и которые таковыми оставались вплоть до отмены в УК РСФСР ст. 154 о спекуляции.

Вот как политический ярлык «классовый враг», навязанный какой-то группе лиц и легализованный затем в виде ст. 154 УК РСФСР, повлиял на сознание граждан и к каким привёл экономическим потерям. Ст. 154 УК РСФСР «Спекуляция» действовала с момента ввода в действие УК РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) до момента её исключения Законом РСФСР от 28.02.91 № 752-1 (Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР, 1991, № 9, ст. 204) примерно 30 лет. Согласно диспозиции ст. 154 спекуляцией являлась «скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы».

В 1991 г. статья была отменена и спекулировать стало можно. Возникает вопрос, почему в СССР, где проживало 285 млн чел., за 30 лет действия этой статьи не

нашлось ни одного юриста, финансиста, экономиста, министра, политического деятеля, который предложил бы то, что стало возможно после отмены статьи о спекуляции: всем спекулянтам стать самозанятыми и платить налог 4-6% с дохода от спекуляции. Государство могло бы получать налоги 30 лет, не нужно было бы ловить спекулянтов, вести следствие и суды, содержать осуждённых в местах лишения свободы.

Ответ на этот вопрос лежит в контексте нашего исследования: долгий террор навёл страх на всех, включая высших партийных деятелей. Такому инициатору сказали бы, выражаясь современными терминами (в то время такой термин был не в ходу), что он – экстремист и идёт против линии партии, что влекло потерю партбилета, должности, карьеры, а возможно, и свободы. В рассматриваемый 30-летний период (примерно до 1991 г.) активная фаза террора, связанная с вероятным физическим уничтожением, давно миновала, но страх остался и парализовал волю и рациональное мышление правителей.

Результатом явилось отставание СССР в развитии экономических институтов, как, например, самозанятые, которых в 2025 г. в России стало 13 млн человек. Экономический террор на десятки лет вперёд уничтожил один из простых и эффективных путей развития экономики: он не дал развиваться предпринимательству, не принёс стране налоги, отнял из бюджета деньги на содержание правоохранительных органов, заставив их бороться против своего инициативного населения, вместо того, чтобы обратить внимание на крупного, по-военному организованного в сетевые структуры беспощадного внешнего врага – наркобизнес, который в то же самое время проникал в страну и захватил в ней всё пространство, став подлинным террористом, но без этих громких слов и внешних взрывных эффектов – они ему не нужны. Наркобизнес терроризирует всю страну абсолютно тихо, жёстко, беспощадно, и это другой тип терроризма, о котором мы в таких терминах думать не хотим, и отсюда нам следует извлечь очередной урок по терминологии, праву и самообману: ст. 228 УК РФ называют «народной», и именно в сфере наркобизнеса рождаются гигантские потоки криминальных денег.

Таковы отдалённые и плохо видимые последствия ленинского и сталинского террора, направленного против своего населения.

А что само население, оно лишь невинная жертва? О борьбе против религии и церкви в период революции и позже писал А.А. Зиновьев: «По меньшей мере наивно рассматривать это просто как проявление беспричинной злобности, глупости и прочих отрицательных качеств деятелей революции и строителей нового общества. Причины для этого были, причём самые глубокие и серьёзные с точки зрения хода истории. Это была не криминальная операция группы злодеев, а грандиозный исторический процесс. Указать на эти причины – не значит оправдать историю. История не нуждается ни в каком оправдании. Она проходит, игнорируя всякие морализаторские оценки её событий и результатов. И нам остаётся лишь ломать голову над тем, как и почему это случилось. <...> На религию и церковь действительно были обрушены репрессии «сверху». <...> Дело тут главным образом в том, что массы населения, совершенно незнакомые с марксистской или иной доктриной, сами и с ликованием ринулись в безбожие как в новую религию, сулившую им рай на земле и в ближайшем будущем. Более того, они ринулись в безбожие даже не ради этого

рая, в который они в глубине души никогда не верили, а ради самого безбожия как такового. Это была трагедия для многих людей. <...> Религия действительно давала людям то, на что она претендовала, но она при этом взваливала на людей тяжёлый груз и служила средством порабощения. Подобно тому, как многомиллионные массы населения в революцию и в Гражданскую войну сбросили путы социального гнёта, игнорируя всё их позитивное значение и не имея ни малейшего представления о том социальном закреплении, которое их ожидало в будущем, они в последующий мирный период сбросили путы религиозного духовного гнёта, даже не подозревая о том, какого рода духовное закрепление идёт ему на смену. <...> Массы населения сами шли навстречу насилию и обману сверху. Они стимулировали его, становились его носителями и исполнителями. <...> Репрессии и обман «сверху» означали в тех условиях организацию самих масс на эти репрессии и этот обман» [13, с. 104-106].

Действительно, не сам же Сталин написал миллионы доносов на вредителей и шпионов, это деяния многих лиц из народа, и приведённым объяснением А.А. Зиновьева мы показываем более широкий аспект существования террора – как самоорганизующуюся социальную реальность в лице самого народа, ставшего пособником общего зла в некоторой своей части, пусть и не самой большой, но, измерить которую в процентах и отделить от праведной части народа невозможно. Реальность оказалась слишком сложной, и винить в терроре только Ленина или Сталина будет упрощённым подходом, не позволяющим видеть более полную картину террора. Это пласт, вскрытый социологией, историей, психологией, а уголовно-правовая наука в таком анализе бессильна, это не её сфера и у неё нет методов анализа этого пласта реальности.

Вернёмся в 1918 г. В работе «Собрание партийных работников Москвы» от 27.11.1918 г. В.И. Ленин пишет: «И меньшевики и эсеры в громадном большинстве были на стороне чехословаков, дутовцев и красновцев. Это положение требовало от нас самой ожесточённой борьбы и террористических методов этой войны. Как бы люди с различных точек зрения ни осуждали этого терроризма (а это осуждение мы слышали от всех колеблющихся социал-демократов), для нас ясно, что террор был вызван обострённой гражданской войной. Он был вызван тем, что вся мелкобуржуазная демократия повернула против нас. Они вели с нами войну различными приёмами – путём гражданской войны, подкупом, саботажем. Вот такие условия создали необходимость террора. Поэтому раскаиваться в нём, отрекаться от него мы не должны. Мы должны только ясно понять, какие условия нашей пролетарской революции вызвали остроту борьбы» [14, с. 214-215].

В выступлении под названием «Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта» на I Конгрессе коммунистического интернационала 2-6 марта 1919 г. В.И. Ленин сказал: «История XIX и XX веков показала нам ещё до войны, чем является на деле пресловутая «чистая демократия» при капитализме. Марксисты всегда говорили, что чем развитее, чем «чище» демократия, тем обнажённое, резче, беспощаднее становится классовая борьба, тем «чище» выступает гнёт капитала и диктатура буржуазии. Дело Дрейфуса в республиканской Франции, кровавые расправы наёмных отрядов, вооружённых капиталистами, со стачечниками в свободной и демократической республике Америки, – эти и тысячи подобных фактов показывают ту правду, которую тщетно пытается скрыть буржуазия, имен-

но, что в самых демократических республиках на деле господствуют террор и диктатура буржуазии, проявляющиеся открыто всякий раз, когда эксплуататорам начинает казаться, что власть капитала колеблется» [15, с. 496].

Эти сказанные более века назад слова оказались точными для характеристики нынешних т.н. демократических государств мира – США и Англии в настоящее время, что говорит о силе анализа, основанного на классовом подходе, и здесь понятие террора является адекватным как ситуации вековой давности, так и современности, что для нас является удивительным, но только потому, что мы забыли о классовом подходе. Отсюда следует также то, что понятие террора оказалось многоликим, и это так, потому что оно не было точно определено как правовая дефиниция или же дефиниция какой-то иной науки.

Что такое классовый подход, как он работает в отношении понятия террора, В.И. Ленин показывает в своих работах, в частности, в «Письме к английским рабочим»: «А через два дня после моей беседы с вашей делегацией газеты принесли известие, что в дополнение к аресту Монатта и Лорио во Франции арестована Сильвия Панкхерст в Англии. Вот – лучший ответ английского правительства на тот вопрос, который боялся даже поставить пленённые буржуазными предрассудками некоммунистические «вожди» английских рабочих, именно на вопрос: против какого класса направляется террор? против угнетённых и эксплуатируемых или против угнетателей и эксплуататоров? идёт ли речь о «свободе» для капиталистов грабить, обманывать, одурачивать трудящихся или о «свободе» трудящихся от ига капиталистов, спекулянтов, собственников? Тов. Сильвия Панкхерст – представитель интересов сотен и сотен миллионов людей, которые угнетены английскими и прочими капиталистами, за это она и подвергается белому террору, лишению свободы и прочее. Те же «вожди» рабочих, которые ведут политику некоммунистическую, на девяносто девять сотых являются представителями буржуазии, её обмана, её предрассудков» [16, с. 128].

История и политическая борьба здесь показали, что в политике важно, против какого класса направлен террор и почему он туда направлен. Террор по-ленински, это политически обусловленная категория, и без его применения восставший пролетариат в битве гибнет.

Именно о таком положении в работе «О продовольственном налоге» от 21 апреля 1921 г. В.И. Ленин пишет: «Пускай лакействующие пособники белогвардейского террора восхваляют себя за отрицание ими всякого террора. А мы будем говорить тяжёлую, но несомненную правду: в странах, переживающих неслыханный кризис, распад старых связей, обострение классовой борьбы после империалистской войны 1914-1918 годов, – таковы все страны мира, – без террора обойтись нельзя, вопреки лицемерам и фразёрам. Либо белогвардейский, буржуазный террор американского, английского (Ирландия), итальянского (фашисты), германского, венгерского и других фасонов, либо красный, пролетарский террор. Середины нет, "третьего" нет и быть не может» [17, с. 235]. Террор решал вопрос о сломе старого и создании нового государства.

Законы философии заставляют предположить, что негативы террора могут иметь и какой-то позитив. Позитивом можно считать создание социалистического государства, которого никогда не было в истории мира. Объяснить царю, капиталистам,

церкви, что они в новое государство не вписываются, было невозможно, а с другой стороны, никто просто так не отдаёт власть и капиталы, не меняет веру. Поэтому был террор политического типа, без которого успехов в таком деле быть не могло. Итог был позитивным лишь в том смысле, что новое государство и новый социально-общественный строй были созданы. На другой чаше весов успеха и позитива были многочисленные жертвы террора. Таков был жестокий баланс истории.

Список литературы:

1. Кудрявцев В.Н. Политическая юстиция в СССР // Избранные труды по социальным наукам: в 3 т. / В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 2002. Т. 3: Политология, идеология, этика. 2002. С. 9.
2. Примечания // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 1. 1893–1894. М.: Издательство политической литературы. 1967. С. 588.
3. Ленин В.И. Проект программы нашей партии // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 4. 1898 ~ апрель 1901. М.: Издательство политической литературы. 1967. С. 222–223.
4. Ленин В.И. С чего начать? // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 5. Май ~ декабрь 1901. М.: Издательство политической литературы. 1960. С. 7–8.
5. Ленин В.И. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 6. Январь ~ август 1902. М.: Издательство политической литературы. 1963. С. 375.
6. Ленин В.И. Проекты резолюций ко II съезду РСДРП. Проект резолюции о терроре // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 7. Сентябрь 1902 ~ сентябрь 1903. М.: Издательство политической литературы. 1967. С. 251.
7. Ленин В.И. От обороны к нападению // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 11. Июль ~ октябрь 1905. М.: Издательство политической литературы. 1960. С. 268–270.
8. Ленин В.И. Совещание президиума петроградского совета с представителями продовольственных организаций 14 (27) января 1918 г. // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 35. Октябрь 1917 ~ март 1918. М.: Издательство политической литературы. 1974. С. 311.
9. Ленин В.И. Основные положения декрета о продовольственной диктатуре // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 36. Март ~ июль 1918. М.: Издательство политической литературы. 1969. С. 316.
10. Ленин В.И. Г.Ф. Федорову // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 50. Октябрь 1917 ~ июнь 1919. М.: Издательство политической литературы. 1970. С. 142.
11. Ленин В.И. Телеграмма пензенскому губисполкому // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 50. Октябрь 1917 ~ июнь 1919. М.: Издательство политической литературы. 1970. С. 143–144.
12. Ленин В.И. Ценные признания Питирима Сорокина // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 37. Июль 1918 ~ март 1919. М.: Издательство политической литературы. 1969. С. 194–195.
13. Зиновьев А.А. Русская трагедия. М.: Изд-во Алгоритм, изд-во Эксмо, 2005. С. 104–106.
14. Ленин В.И. Собрание партийных работников Москвы // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 37. Июль 1918 ~ март 1919. М.: Издательство политической литературы. 1969. С. 214–215.
15. Ленин В.И. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 37. Июль 1918 ~ март 1919. М.: Издательство политической литературы. 1969. С. 496.
16. Ленин В.И. Письмо к английским рабочим // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 41. Июль Май ~ ноябрь 1920. М.: Издательство политической литературы. 1981. С. 128.
17. Ленин В.И. О продовольственном налоге // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 43. Март ~ июнь 1921. М.: Издательство политической литературы. 1970. С. 235.

Goloskokov Leonid V. Historical and legal analysis of the evolution of V.I. Lenin's views on terror // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 93–101.

The article examines the historical and legal process of the evolution of V.I. Lenin's views on terror as a method of revolution and the creation of a new type of state. The period from 1899 to 1921 is considered, when V.I. Lenin first considered terror as an inappropriate means of struggle, then gradually allowed its use, and being the head of state, demanded the use of mass terror in a military situation. The documents signed by V.I. Lenin and substantiating the need to use terror in the period under consideration are examined.

Key words: terror, state, law, politics, revolution, economy, struggle, war, instrument, method, institution.

Spisok literatury:

1. Kudryavcev V.N. Politicheskaya yusticiya v SSSR // Izbrannye trudy po social'nym naukam: v 3 t. / V.N. Kudryavcev. M.: Nauka, 2002. T. 3: Politologiya, ideologiya, etika. 2002. S. 9.

2. Primechaniya // V.I. Lenin. Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. Tom 1. 1893~1894. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1967. S. 588.
3. Lenin V.I. Proekt programmy nashej partii // Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. Tom 4. 1898 ~ aprel' 1901. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1967. S. 222-223.
4. Lenin V.I. S chego nachat'? // Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. Tom 5. Maj ~ dekabr' 1901. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1960. S. 7-8.
5. Lenin V.I. Pochemu social-demokratiya dolzhna ob'yavit' reshitel'nuyu i besposhchadnuyu vojnu socialistam-revolucioneram? // Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. Tom 6. Yanvar' ~ avgust 1902. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1963. S. 375.
6. Lenin V.I. Proekty rezolyucij ko II s'ezdu RSDRP. Proekt rezolyucii o terrore // Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. Tom 7. Sentyabr' 1902 ~ sentyabr' 1903. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1967. S. 251.
7. Lenin V.I. Ot oborony k napadeniyu // Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. Tom 11. Iyul' ~ oktyabr' 1905. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1960. S. 268-270.
8. Lenin V.I. Soveshchanie prezidiuma petrogradskogo soveta s predstavitel'yami prodovol'stvennyh organizacij 14 (27) yanvarya 1918 g. // Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. Tom 35. Oktyabr' 1917 ~ mart 1918. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1974. S. 311.
9. Lenin V.I. Osnovnye polozheniya dekreta o prodovol'stvennoj diktature // Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. Tom 36. Mart ~ iyul' 1918. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1969. S. 316.
10. Lenin V.I. G.F. Fedorovu // Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. Tom 50. Oktyabr' 1917 ~ iyun' 1919. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1970. S. 142.
11. Lenin V.I. Telegramma penzenskomu gubispolkomu // Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. Tom 50. Oktyabr' 1917 ~ iyun' 1919. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1970. S. 143-144.
12. Lenin V.I. Cennye priznaniya Pitirima Sorokina // Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. Tom 37. Iyul' 1918 ~ mart 1919. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1969. S. 194-195.
13. Zinov'ev A.A. Russkaya tragediya. M.: Izd-vo Algoritm, izd-vo Eksmo, 2005. S. 104-106.
14. Lenin V.I. Sobranie partijnyh rabotnikov Moskvyy // Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. Tom 37. Iyul' 1918 ~ mart 1919. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1969. S. 214-215.
15. Lenin V.I. Tezisy i doklad o burzhuaaznoj demokratii i diktature proletariata 4 marta // Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. Tom 37. Iyul' 1918 ~ mart 1919. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1969. S. 496.
16. Lenin V.I. Pis'mo k anglijskim rabochim // Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. Tom 41. Iyul' Maj ~ noyabr' 1920. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1981. S. 128.
17. Lenin V.I. O prodovol'stvennom naloge // Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pyatoe. Tom 43. Mart ~ iyun' 1921. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1970. S. 235.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 102-112.

УДК 343.98

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ
ИММЕРСИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
ЗАНЯТИЙ ПО ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ**

Гончаров А. А.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Статья посвящена теоретическому обоснованию применения иммерсивных технологий в контексте организации занятий по дисциплине «оперативно – розыскная деятельность» (Далее – ОРД) для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России и преодоление ограничений традиционных методов обучения для формирования профессиональных компетенций будущих сотрудников оперативных подразделений. Целью исследования является теоретическое обоснование необходимости интеграции иммерсивных технологий в педагогический процесс дисциплин оперативно-розыскного цикла. На основе анализа педагогических подходов современного образования и специфики оперативно-розыскной деятельности раскрывается дидактический потенциал данных технологий. Аргументируются возможности иммерсивных сред моделировать условия, максимально приближенные к реальным, обеспечивая формирование ситуационного мышления, навыков принятия решений в условиях неопределенности и стресса, а также правомерных поведенческих стереотипов. В статье систематизированы ключевые теоретические аргументы в пользу внедрения иммерсивных технологий, выделены потенциальные риски и условия их педагогической эффективности. Научная новизна заключается в синтезе положений педагогики, юридической психологии и теории ОРД применительно к разработке инновационной методики обучения.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, иммерсивные технологии, виртуальная реальность, оперативно-розыскная деятельность, ведомственное образование, педагогический процесс, ситуационное обучение.

Формирование высококвалифицированных кадров для органов внутренних дел, способных эффективно, оперативно и в строгом соответствии с законом решать задачи оперативно-розыскной деятельности (ОРД), является одной из приоритетных задач системы ведомственного образования РФ. Динамичная трансформация социально-правовой реальности, усложнение криминальной среды, цифровизация преступной деятельности и возрастающие общественные ожидания в сфере правопорядка предъявляют новые, более высокие требования к профессиональной компетентности будущих оперативных сотрудников. В этой связи традиционная педагогическая модель, доминирующая в образовательных организациях МВД России и основанная на репродуктивном усвоении нормативных знаний и их апробации в условиях стандартизированных практических занятий, демонстрирует растущую дидактическую ограниченность [2; 11].

Сущность данной ограниченности заключается в фундаментальном противоречии современного педагогического процесса. С одной стороны, профессиональная деятельность оперативного работника постоянно проходит в условиях неопределенности, высокого когнитивного и эмоционального напряжения, и требует мгновенного анализа сложной ситуации, прогнозирования ее развития и принятия юридически взвешенных тактических решений. Ключевые компетенции, такие как ситуационная осведомленность, оперативное мышление, психологическая устойчивость и навык правоприменения в экстремальных условиях, формируются не через пассивное усвоение информации, а через проживание и рефлексию профессионально-смоделированного опыта. С другой стороны, классический арсенал педагогических средств (лекция-объяснение, семинар, разбор письменных задач, тренинг на

полигоне) не способен в полной мере обеспечить необходимое качество иммерсивности – эффекта глубокого психологического и сенсорного погружения в контекст моделируемых профессиональных задач. Как следствие, возникает «когнитивный разрыв» между усвоенной теорией и способностью к ее эффективной реализации в нестандартной, стрессогенной обстановке оперативной работы.

Обозначенное противоречие определяет актуальность поиска и теоретического осмысления инновационных педагогических технологий, способных преодолеть данный разрыв. В контексте глобальных трендов цифровизации образования особый потенциал демонстрируют иммерсивные технологии (ИТ), к которым относятся системы виртуальной (VR), дополненной (AR) и смешанной (MR) реальности. Их интеграция в образовательный процесс гражданских вузов, а также в подготовку военных и аварийно-спасательных специалистов уже доказала свою эффективность в формировании сложных практико-ориентированных навыков в безопасной, но максимально приближенной к реальности контролируемой среде. Однако применительно к специфической области обучения оперативно-розыскной деятельности, где педагогические задачи тесно переплетены с вопросами законности, тактической целесообразности и психологического давления, комплексное теоретическое обоснование необходимости внедрения ИТ остается фрагментарным и требует систематизации [13].

Таким образом, научная проблема, на решение которой направлена данная статья, заключается в отсутствии целостной теоретической модели, обосновывающей педагогическую необходимость и дидактическую целесообразность интеграции иммерсивных технологий в процесс формирования профессиональных компетенций курсантов именно в области ОРД. Восполнение этого пробела является важным шагом на пути модернизации ведомственного образования.

Гипотеза исследования состоит в том, что системное внедрение иммерсивных технологий в педагогический процесс образовательных организаций МВД России способно преодолеть ограничения традиционных методов обучения ОРД за счет создания безопасной, интерактивной и психологически достоверной среды для глубокого, рефлексивного формирования ключевых профессиональных компетенций, требующих опыта действий в условиях, моделирующих реальную оперативно-служебную деятельность.

Целью настоящей статьи является теоретическое обоснование необходимости внедрения иммерсивных технологий как инструмента формирования профессиональных компетенций курсантов на занятиях по оперативно-розыскной деятельности.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи:

Раскрыть дидактическую сущность и классифицировать потенциал иммерсивных технологий (VR, AR, MR) применительно к контексту ведомственного образования.

Провести анализ структуры профессиональных компетенций сотрудника оперативных подразделений МВД России с выделением компонентов, наиболее чувствительных к формированию в иммерсивных средах.

Выявить и систематизировать психолого-педагогические, оперативно-тактические и правовые основания, составляющие теоретический фундамент для интеграции ИТ в обучение ОРД.

Обозначить потенциальные риски, методические ограничения и сформулировать условия, обеспечивающие педагогическую эффективность применения иммерсивных технологий в учебном процессе.

Теоретико-методологическую основу исследования составили: компетентностный подход (как ориентир на результат образования в виде способности решать профессиональные задачи); деятельностный подход (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин), акцентирующий роль предметной деятельности в формировании сознания; контекстный подход (А.А. Вербицкий), обосновывающий необходимость погружения обучения в модели профессионального контекста; а также положения теории стресса и социального научения [6; 7].

Научная новизна статьи заключается в синтетическом рассмотрении проблемы на стыке педагогики, юридической психологии и теории оперативно-розыскной деятельности, результатом которого является комплексное теоретическое обоснование, специфичное для задач обучения ОРД. В работе систематизированы аргументы, проецирующие общий дидактический потенциал ИТ на конкретные потребности формирования оперативно-розыскной компетентности.

Логика изложения материала следует от общего анализа проблемы и потенциала технологий к конкретизации теоретических оснований и завершается критическим обсуждением условий реализации. Последующее изложение структурировано в соответствии с поставленными задачами.

Переход к практико-ориентированной парадигме высшего образования, актуализированный требованиями профессиональных стандартов, закономерно стимулирует поиск педагогических инструментов, способных моделировать целостный контекст будущей профессиональной деятельности. В этом ключе иммерсивные технологии (ИТ) перестают восприниматься как инновация, а все чаще определяются исследователями как закономерный этап эволюции дидактических средств, отвечающий на вызовы формирования сложных, неалгоритмизированных компетенций. В широком педагогическом смысле под иммерсивными технологиями понимается совокупность аппаратно-программных решений, которые посредством интерактивного компьютерного моделирования создают у пользователя эффект присутствия – устойчивое субъективное ощущение нахождения внутри искусственно сгенерированной или существенно дополненной среды [13; 15]. Применительно к задачам образовательного процесса в системе МВД целесообразна следующая типология ключевых видов ИТ:

Технологии виртуальной реальности (VR) предполагают полное замещение восприятия реального физического мира цифровым, погружая пользователя с помощью шлема VR и контроллеров в замкнутое, но интерактивное пространство. Дидактическая сила VR заключается в возможности абсолютного контроля над средой и параметрами тренировки. Это позволяет моделировать ситуации, либо невозможные в реальности (например, масштабная операция с множеством участников), либо связанные с неоправданным риском или высокой стоимостью (задержание вооруженного преступника в многоэтажном здании, преследование на транспорте). VR создает «безопасный контекст для совершения ошибок и их анализа без катастрофических последствий», что является критически важным для отработки действий, связанных с применением силы или принятием юридически значимых решений [15].

Технологии дополненной реальности (AR) накладывают цифровые информационные слои (объекты, данные, инструкции) на восприятие реального мира через экраны смартфонов, планшетов или специальных очков (типа Microsoft HoloLens). Их потенциал для обучения ОРД связан с обогащением реального учебного пространства (полигона, учебного класса) виртуальными элементами. Например, при отработке осмотра места происшествия AR-очки могут «дорисовать» на реальных объектах невидимые невооруженным глазом улики (отпечатки, следы биологических жидкостей), а при проведении тактических учений – отображать в поле зрения оперативные данные о «виртуальных» подозреваемых, перемещающихся по реальной местности. Это позволяет отрабатывать навыки интеграции информационной поддержки в реальные действия, развивая клиповое мышление и способность к многозадачности.

Технологии смешанной реальности (MR) представляют собой более совершенную интеграцию реального и цифрового миров, где виртуальные объекты не просто накладываются, но могут физически взаимодействовать с объектами реального пространства и пользователем. В MR-среде курсант может, к примеру, взять в руки реальный макет пистолета, который в системе отслеживания идентифицируется как конкретное оружие, а на стене реального помещения увидеть и «взаимодействовать» с виртуальной дверью, ведущей в следующую комнату смоделированной квартиры. Это обеспечивает беспрецедентный уровень тактильной и пространственной достоверности при сохранении гибкости сценариев.

Дидактический потенциал иммерсивных технологий в контексте ведомственной подготовки носит комплексный характер и может быть структурирован по нескольким ключевым векторам:

Создание безопасной, но психологически аутентичной среды для отработки критических сценариев. В отличие от условных тренировок на полигоне, где заранее известен «противник» и его действия, VR-сценарий может генерировать непредсказуемые, но педагогически выверенные реакции виртуальных агентов, провоцируя у курсанта подлинный, а не симулированный стресс, необходимый для формирования устойчивости.

Обеспечение управляемой вариативности и нелинейности обучения. Один и тот же базовый сценарий (например, «проверочная закупка») может иметь десятки ветвлений в зависимости от решений курсанта: изменение поведения «контролируемого лица», вмешательство третьих сторон, возникновение правовых коллизий. Это формирует не шаблонное, а адаптивное, ситуационное мышление.

Интеграция объективной психодиагностики и обратной связи. Система может фиксировать не только внешние действия (куда наведено оружие, какой задан вопрос), но и психофизиологические реакции (направление взгляда через eye-tracking, время реакции, вариабельность сердечного ритма). Это предоставляет преподавателю и самому курсанту объективные данные для последующей рефлексии и коррекции поведенческих моделей, что трудноосуществимо в полевых условиях.

Формирование коллективного оперативного опыта в многопользовательских средах. Современные VR-платформы позволяют одновременно подключить к одному сценарию целую учебную группу, где каждый выполняет свою роль (оперативный сотрудник, руководитель, сотрудник наружного наблюдения). Это позволяет

отрабатывать слаженность действий, распределение ролей и коммуникацию в режиме реального времени, что является краеугольным камнем реальной оперативной работы.

Таким образом, иммерсивные технологии представляют собой не просто новый тип наглядности, а качественно иной дидактический инструментарий, который переносит акцент с передачи готовых знаний на конструирование личного профессионального опыта в управляемых, но предельно приближенных к реальности условиях. Этот инструментарий обладает высокой степенью соответствия специфическим требованиям подготовки к деятельности, сопряженной с риском, неопределенностью и необходимостью безупречного правоприменения. Данный вывод служит основанием для последующего детального анализа того, какие конкретные компоненты профессиональной компетентности оперативного сотрудника могут быть сформированы под воздействием данного педагогического инструмента.

Эффективность любого педагогического нововведения должна оцениваться через призму его вклада в формирование конкретных компонентов профессиональной компетентности. Деятельность сотрудника оперативных подразделений МВД России, регламентированная Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», представляет собой сложный синтез правоприменительных, тактических, психологических и управленческих функций. Компетентностный портрет такого специалиста, как отмечают исследователи ведомственного образования, носит интегративный и ситуативно-обусловленный характер. Его структура может быть декомпозирована на ряд взаимосвязанных групп компетенций, каждая из которых в разной степени, но существенно выигрывает от апробации и формирования в условиях иммерсивного моделирования [1; 11].

1. Оперативно-тактические (ситуационные) компетенции. Ядро профессионального мастерства оперативного работника составляет способность к анализу, прогнозу и управлению оперативной обстановкой. Ключевыми компонентами здесь являются:

Ситуационная осведомленность, а именно трехуровневая способность к восприятию значимых элементов среды (улицы, поведение лиц, окружающая обстановка), осмыслению их значения и прогнозированию развития ситуации в ближайшей перспективе. Традиционные кейс-методы развивают лишь когнитивную модель, тогда как иммерсивная среда, с ее аудиовизуальным и пространственным погружением, тренирует непрерывное сканирование и обработку информации в условиях сенсорной нагрузки и временного дефицита, максимально приближая процесс к реальности.

Тактическое (оперативное) мышление: умение быстро генерировать и оценивать альтернативные варианты действий, выбирая наиболее адекватный и законный способ решения оперативной задачи. Нелинейные, ветвящиеся сценарии в VR позволяют наглядно демонстрировать каузальные связи между принятым решением и его последствиями, формируя не просто знание тактических приемов, а глубокое понимание их оперативной логики и возможных рисков.

Навыки проведения конкретных оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ): отработка алгоритмов осмотра места происшествия, опроса, проверочной закупки, оперативного внедрения и т.д. AR и VR позволяют детализировать и повторять до

автоматизма каждый этап, акцентируя внимание на часто упускаемых в полевых условиях элементах.

2. Психологические и коммуникативные компетенции. Работа в ОРД неизбежно сопряжена с высоким уровнем неопределенности и противодействия, что предъявляет особые требования к психике сотрудника.

Эмоциональная саморегуляция и стрессоустойчивость: способность сохранять когнитивную эффективность и действовать в соответствии с законом под давлением обстоятельств. Иммерсивные технологии предоставляют уникальную возможность для дозированного, педагогически управляемого введения стресс-факторов (агрессия виртуального агента, угроза жизни, моральная дилемма) в безопасной среде. Это позволяет формировать и закреплять адаптивные копинг-стратегии, что невозможно при абстрактном обсуждении техник саморегуляции.

Коммуникативная компетентность и верификация лжи: навык установления контакта, управления беседой, распознавания невербальных сигналов и противодействия манипуляциям. Технологии на основе VR с интегрированным отслеживанием зрения и биометрическими датчиками позволяют создавать реалистичные диалоговые сценарии с виртуальными персонажами, запрограммированными на сложные модели поведения. Анализ паттернов взгляда, времени реакции и физиологических показателей курсанта во время такого взаимодействия дает бесценный материал для последующей рефлексии и коррекции коммуникативных ошибок.

Этические и ценностно-смысловые ориентиры: формирование внутренней установки на неукоснительное соблюдение закона и служебной этики. ИТ позволяют моделировать «пограничные» ситуации, связанные с искушением злоупотребить полномочиями, проявить чрезмерную жесткость или пойти на компромисс с законом ради результата. «Проживание» таких ситуаций и их последствий в виртуальной реальности способствует более глубокому, личностному усвоению профессиональных ценностей, чем простое заучивание норм кодекса чести.

3. Правовые и процессуальные компетенции. Законность – неотъемлемая основа ОРД, требующая безупречного знания норм и умения их применять в динамичной обстановке [1; 14].

Навык правоприменения в условиях когнитивной нагрузки: способность мгновенно соотносить действия и наблюдаемые факты с конкретными нормами закона (основания для проведения ОРМ, правила собирания доказательств). В иммерсивном сценарии правовая оценка становится не отдельным учебным заданием, а непрерывным фоновым процессом, интегрированным в тактические решения. Ошибка влечет виртуальные, но наглядные процессуальные последствия (например, «признание судом доказательства недопустимым»).

Процессуальная грамотность и навыки документирования: отработка составления процессуальных документов (рапорты, схемы, протоколы) на основе динамично развивающейся виртуальной ситуации. AR-технологии могут проецировать шаблоны и подсказки в поле зрения, направляя действия курсанта по корректному сценарию, что способствует формированию устойчивых навыков процессуального оформления.

Таким образом, иммерсивные среды обладают широким спектром возможностей по отношению к ключевым компетенциям оперативного сотрудника. Они наиболее

эффективны для формирования тех компонентов, которые связаны с непосредственным опытом, эмоциональным вовлечением, необходимостью интеграции знаний из разных областей в условиях дефицита времени и психологического давления. Выявление и систематизация этих компетенций позволяет перейти от констатации общего потенциала ИТ к конкретному теоретическому обоснованию, раскрывающему, какие психолого-педагогические и оперативно-тактические законы и закономерности лежат в основе эффективности такого формирования. Качественное преобразование педагогического процесса, каковым является внедрение иммерсивных технологий, должно опираться не только на эмпирические ожидания эффективности, но и на прочный фундамент научного знания. Эффективность ИТ при формировании компетенций в области ОРД находит подтверждение в положениях ряда психолого-педагогических теорий и оперативно-тактических концепций, что составляет системное теоретическое обоснование их применения.

В рамках педагогических концепций следует выделить следующие: реализация деятельностного и компетентностного подходов. Ключевой тезис деятельностного подхода (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин) о формировании психики и способностей в процессе предметной деятельности находит в иммерсивных средах свою технологическую реализацию. Обучение перестает быть трансляцией знаний «о деятельности» и становится моделированием самой профессиональной деятельности. Курсант, погруженный в VR-сценарий проведения обыска, совершает не учебные, а целевые профессиональные действия (поиск, фиксация, изъятие), направленные на виртуальный, но психологически значимый результат. Это напрямую отвечает требованиям компетентностного подхода, где единицей измерения результата является способность решать профессиональные задачи. ИТ создают пространство для поэтапного формирования умственных действий (по П.Я. Гальперину) через этап «виртуально-материализованного» исполнения, где ошибка становится не неудачей, а источником обратной связи и основанием для коррекции.

Актуализация контекстного подхода А.А. Вербицкого. Вербицкий обосновал, что подлинное профессиональное обучение происходит лишь тогда, когда усваиваемое содержание включено в контекст будущей работы. Иммерсивные технологии являются мощнейшим инструментом конструирования такого контекста. Они создают «квазипрофессиональную реальность» – модель, которая, не являясь тождественной подлинной оперативной работе, воспроизводит ее ключевые смысловые и стрессогенные характеристики. В этом контексте правовая норма (например, порядок личного досмотра) усваивается не как абстрактный пункт закона, а как необходимое условие для успешного и безопасного завершения смоделированной оперативной комбинации. Происходит семантизация обучения, где знания обретают личностный смысл.

Психология стресса и теория эмоционального научения. Работа в ОРД сопряжена с хроническим и острым стрессом. Исследования в области стресс-менеджмента (В.А. Бодров) показывают, что устойчивость к нему формируется через контролируемую экспозицию к стрессогенным факторам с последующей когнитивной и эмоциональной переработкой опыта. ИТ позволяют дозированно и под педагогическим контролем предъявлять курсанту эмоционально насыщенные стимулы (конфликт, угроза, неопределенность). Более того, сильные эмоции, пережитые в состоянии

присутствия, способствуют консолидации памяти, «закрепляя» как успешные, так и ошибочные модели поведения для последующего анализа [4; 10].

Развитие метакогнитивных навыков и рефлексии. Современные иммерсивные системы с функцией записи и воспроизведения сессии предоставляют уникальную возможность для объективированной рефлексии. Это превращает внутренний, часто неосознаваемый процесс принятия решений во внешний, наблюдаемый объект для анализа, что является ключевым условием развития метакогнитивных способностей – умения управлять собственной познавательной деятельностью.

В рамках оперативно-тактических концепций выделяются следующие:

Формирование паттернов распознавания (pattern recognition) и ситуационной осведомленности. Тактическое мастерство опытного оперативника во многом базируется на богатом репертуаре распознаваемых ситуативных паттернов (шаблонов). Нейрофизиологические исследования указывают, что такие паттерны формируются через многократное столкновение со сходными ситуациями. ИТ позволяют сжать время накопления опыта, предлагая в течение одного учебного занятия пережить десятки вариаций одного тактического сценария (например, задержания в разных условиях). Это ускоряет формирование у курсанта интуитивной, почти мгновенной оценки обстановки, лежащей в основе ситуационной осведомленности.

Принцип трансфера обучения и специфичности. В теории обучения двигательным и когнитивным навыкам принцип специфичности утверждает, что навыки наилучшим образом переносятся в реальную деятельность, если условия тренировки максимально к ней приближены. Высокий уровень реалистичности и сенсорного вовлечения, создаваемый ИТ, обеспечивает высокий коэффициент трансфера формируемых компетенций. Действия, отработанные в виртуальной среде (правильное положение оружия, алгоритм осмотра помещения, техника вербального управления конфликтом), благодаря моторной и когнитивной памяти легче воспроизводятся в реальности.

Моделирование нелинейности и адаптивное противодействие. В отличие от строго линеаризованных учебных задач, реальная ОРД – это поле взаимодействия с активно противодействующей, мыслящей стороной. Современные ИТ на базе искусственного интеллекта позволяют создавать виртуальных агентов с адаптивным поведением, реагирующих на действия курсанта. Это учит оперативному мышлению не как решению задачи по известному алгоритму, а как ведению «диалога с обстановкой», постоянной коррекции плана в ответ на изменяющиеся условия, что является сущностью тактического искусства.

Интеграция и симуляция работы с большими данными (Big Data). Современная ОРД все больше зависит от анализа информационных потоков. AR-технологии могут использоваться для симуляции работы с оперативными базами данных в полевых условиях: наложение на реальное лицо виртуальной «метки» с проверочной информацией, полученной через мобильный терминал. Это позволяет отрабатывать навыки быстрого поиска информации и принятия решений на основе комплексных данных, что является важнейшей компетенцией в эпоху цифровой преступности.

При всей убедительности теоретического обоснования потенциала иммерсивных технологий, их успешная интеграция в образовательный процесс образовательных организаций МВД России невозможна без критического анализа имманентных

ограничений, потенциальных рисков и формулирования четких педагогических условий, минимизирующих негативные эффекты и максимизирующих дидактическую отдачу. Игнорирование данного аспекта может привести к дискредитации технологии как таковой, ее низкой эффективности и бесполезному расходованию ресурсов. Внедрение ИТ требует значительных капитальных вложений не только в закупку оборудования (шлемы VR, графические станции, AR-очки), но и в создание, обновление и техническое сопровождение специализированного программного контента. Разработка качественных, методически выверенных сценариев для ОРД, учитывающих правовые и тактические нюансы, является сложной междисциплинарной задачей и по стоимости может многократно превышать затраты на техническое обслуживание необходимого оборудования. Существует риск быстрого морального устаревания как техники, так и сценариев, что требует создания устойчивой системы их актуализации.

Ключевой риск заключается в подмене педагогической цели технологическим средством. Увлечение «эффектом вау» может привести к тому, что иммерсивный сеанс превратится в развлечение или простую симуляцию действий без глубокой рефлексии. Без методически организованного анализа действий, ошибок и принятых решений под руководством преподавателя-эксперта формирование компетенций будет поверхностным. Технология сама по себе не учит, она создает опыт, осмысление которого является прерогативой педагогического процесса. Также возникает риск гиперреализма, когда излишняя детализация виртуальной среды отвлекает когнитивные ресурсы курсанта от отработки ключевых тактических и правовых алгоритмов.

У части пользователей продолжительное использование VR-шлемов может вызывать симптомы киберболезни, выражающееся в головокружении, тошноте, дезориентации. Это накладывает ограничения на продолжительность непрерывных сеансов и требует индивидуального подхода. Существует и менее изученный риск когнитивного диссонанса или переноса нежелательных моделей поведения: в виртуальной среде, где последствия действий условны, может формироваться установка на излишнюю рискованность или упрощенное восприятие сложных социальных взаимодействий, что затем может проявиться в реальной работе.

Качество иммерсивного обучения напрямую зависит от качества заложенных в него сценариев. Риск заключается в создании контента без глубокого участия действующих сотрудников оперативных подразделений полиции, что приведет к формированию у курсантов искаженных, упрощенных или даже юридически некорректных представлений о тактике и правовых основаниях ОРД. Виртуальная реальность должна моделировать не только внешнюю сторону действий, но и их внутреннюю, процедурную и этическую логику. Преодоление указанных рисков возможно при реализации комплекса взаимосвязанных условий, превращающих ИТ из малоизученного инструмента в органичный элемент образовательной системы.

Иммерсивный модуль должен быть не изолированным «аттракционом», а логическим элементом учебной программы, четко встроенным в систему формирования конкретной компетенции. Его применение должно быть оправдано дидактической задачей, которую другими средствами решить сложнее или опаснее. Необходимо разработать детальные методические конструкторы, определяющие место VR/AR-сессии в структуре занятия (введение в тему, отработка навыка, итоговая оценка),

алгоритмы проведения и, что критически важно, структуру обязательного проведения оценки проведённого занятия.

Ключевая роль в реализации потенциала ИТ переходит от лектора к наставнику-модератору, который управляет процессом погружения, наблюдает за действиями курсантов и проводит качественный разбор. Это требует специальной подготовки преподавателей не только в области использования техники, но и в методике проведения рефлексии на основе данных, психологии поведения в виртуальной среде, навыках фасилитации группового обсуждения сложных тактических и этических дилемм, возникших в сценарии. Внедрение ИТ должно сопровождаться мониторингом психофизиологического состояния обучаемых. Необходимо разработать регламенты, ограничивающие время непрерывного погружения, ввести процедуры адаптации и «возврата» в реальность после сеанса. Важным элементом является психологическая подготовка к работе в иммерсивной среде, разъясняющая природу киберболезни и правила саморегуляции.

Для широкого внедрения необходима разработка и утверждение на ведомственном уровне единых методических рекомендаций и стандартов к иммерсивным учебным средствам: требования к технике, критерии оценки качества контента, типовые структуры сценариев, протоколы безопасности. Это позволит систематизировать разработки, обеспечить их совместимость и задать высокую планку качества.

Проведенное теоретическое исследование позволяет констатировать, что внедрение иммерсивных технологий в педагогический процесс подготовки будущих оперативных сотрудников образовательных организаций МВД России обусловлено не технологическим трендом, а объективной дидактической необходимостью, вытекающей из природы оперативно-розыскной деятельности и ограничений традиционной дидактики. На основе комплексного анализа, синтезирующего положения педагогики, юридической психологии и теории ОРД, удалось выстроить системное теоретическое обоснование данной необходимости.

Перспективы дальнейших исследований реализуются в процессе перехода от теоретического обоснования к опытно-экспериментальной работе. К приоритетным направлениям можно отнести: разработку и валидацию критериев оценки эффективности иммерсивного обучения; сравнительные исследования уровня сформированности компетенций в контрольных и экспериментальных группах; изучение долгосрочного эффекта трансфера навыков из виртуальной среды в реальную практику; а также этико-правовой анализ границ моделирования в обучающих сценариях.

В конечном итоге, иммерсивные технологии открывают путь к созданию в стенах образовательных организаций МВД России «симуляционного полигона профессионального опыта», где цена ошибки измеряется не реальным ущербом, а глубиной последующего педагогического анализа, что соответствует целям подготовки ответственного, законопослушного и эффективного оперативного сотрудника.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. действующая). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. действующая). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Приказ МВД России от 02.09.2013 № 660 «Об утверждении Инструкции по организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Бодров В.А. Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы. М.: Институт психологии РАН, 2006. 623 с.
5. Вербицкий А.А. Контекстное обучение: теория и технологии. М.: Юрайт, 2017. 238 с.
6. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: КДУ, 2018. 336 с.
7. Зеер Э.Ф. Компетентностный подход в профессиональном образовании. М.: Изд-во МПСИ, 2005. 216 с.
8. Зинченко В.П. Психология действия. М.: Институт психологии РАН, 2001. 432 с.
9. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2011. 783 с.
10. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Наука, 2009. 368 с.
11. Кубышко В.Л. Психология служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел. М.: Академия управления МВД России, 2014. 280 с.
12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005. 352 с.
13. Роберт И.В. Современные информационные технологии в образовании. М.: Юрайт, 2020. 459 с.
14. Цветков В.Л. Теория и практика оперативно-розыскной деятельности. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.
15. Кравцов С.С., Соколова Н.И. Иммерсивные технологии в профессиональном обучении: дидактический потенциал и ограничения // Педагогика. 2021. № 9. С. 45–56.

Goncharov A.A. Theoretical substantiation of the possibility of introducing immersive technologies into the pedagogical process of operational investigative activities in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 2. – S. 102-112.

The article is devoted to the theoretical justification of the use of immersive technologies in the context of organizing classes in the discipline «operational investigative activities» (hereinafter referred to as ARD) for cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia and overcoming the limitations of traditional teaching methods for the formation of professional competencies of future employees of operational units. The purpose of the study is to theoretically substantiate the need to integrate immersive technologies into the pedagogical process of the disciplines of the operational investigative cycle. Based on the analysis of pedagogical approaches of modern education and the specifics of operational investigative activities, the didactic potential of these technologies is revealed. The possibilities of immersive environments to simulate conditions as close as possible to real ones are argued, ensuring the formation of situational thinking, decision-making skills in conditions of uncertainty and stress, as well as legitimate behavioral stereotypes. The article systematizes the key theoretical arguments in favor of the introduction of immersive technologies, highlights the potential risks and conditions of their pedagogical effectiveness. The scientific novelty lies in the synthesis of the provisions of pedagogy, legal psychology and the theory of the ORDO in relation to the development of innovative teaching methods.

Keywords: professional competencies, immersive technologies, virtual reality, operational investigative activities, departmental education, pedagogical process, situational learning.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon ot 12.08.1995 № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» (red. deystvuyushchaya). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
2. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» (red. deystvuyushchaya). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
3. Prikaz MVD Rossii ot 02.09.2013 № 660 «Ob utverzhdenii Instrukcii po organizacii psihologicheskoy raboty v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
4. Bodrov V.A. Psihologiya professional'noj deyatel'nosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy. M.: Institut psihologii RAN, 2006. 623 s.
5. Verbitskiy A.A. Kontekstnoe obuchenie: teoriya i tekhnologii. M.: YUrajt, 2017. 238 s.
6. Gal'perin P.YA. Vvedenie v psihologiyu. M.: KDU, 2018. 336 s.
7. Zeer E.F. Kompetentnostnyj podhod v professional'nom obrazovanii. M.: Izd-vo MPSI, 2005. 216 s.
8. Zinchenko V.P. Psihologiya deystviya. M.: Institut psihologii RAN, 2001. 432 s.
9. Il'in E.P. Emocii i chuvstva. SPb.: Piter, 2011. 783 s.
10. Kitaev-Smyk L.A. Psihologiya stressa. M.: Nauka, 2009. 368 s.
11. Kubyshko V.L. Psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2014. 280 s.
12. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M.: Smysl, 2005. 352 s.
13. Robert I.V. Sovremennye informacionnye tekhnologii v obrazovanii. M.: YUrajt, 2020. 459 s.
14. Cvetkov V.L. Teoriya i praktika operativno-rozysknoj deyatel'nosti. M.: YUNITI-DANA, 2016. 399 s.
15. Kravcov S.S., Sokolova N.I. Immersivnye tekhnologii v professional'nom obuchenii: didakticheskij potencial i ogranicheniya // Pedagogika. 2021. № 9. S. 45–56..

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 113-121.

УДК 340.1

ПРАВО, КАК ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ЦЕННОСТНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Дадашов М. М., Ахтаева Э. А., Ахъядов Э. Саид-Мохмадович

Статья посвящена комплексному анализу соотношения права и культуры в современном обществе. Обосновывается тезис о праве как особой форме культурной самоорганизации, возникающей и функционирующей в контексте исторически сложившихся ценностей, символических структур и социальных практик. Исследуется генезис права в рамках культурной эволюции, раскрывается его институциональное, нормативное, символическое и ритуальное измерение. Особое внимание уделяется роли правовой культуры как медиатора между абстрактной нормой и реальной социальной практикой, а также взаимосвязи права, демократии и конституционализма. Анализируются проблемы легитимности правопорядка в условиях социальной трансформации, культурного плюрализма и глобализации. Делается вывод о необходимости включения ценностно-цивилизационного подхода в современную теорию права.

Ключевые слова: право, культура, правовая культура, демократия, правовое государство, ценности, правосознание, культурное наследие, легитимность, конституционализм.

Проблема соотношения права и культуры приобретает в современных условиях не только теоретическое, но и мировоззренческое значение. Рост интереса к понятию культуры, множественность её определений и междисциплинарный характер исследований свидетельствуют о стремлении гуманитарного знания выйти за пределы узких отраслевых интерпретаций человека и общества. «Уже сама констатация того, что культура представляет собой «всеохватывающую среду обитания человека», в которой формируются его сознание и деятельность, задаёт иной масштаб анализа права — не как автономной системы предписаний, а как элемента целостной социокультурной структуры» [1]. В этой перспективе юридическая норма утрачивает иллюзию самодостаточности и обнаруживает свою укоренённость в ценностных, символических и исторически сложившихся основаниях коллективной жизни.

Одновременно современный мир демонстрирует напряжённое сосуществование двух тенденций — глобализации и самоутверждения культурно-исторических общностей. Идея формирования универсального правового пространства сталкивается с реальностью культурного плюрализма, в рамках которого каждая цивилизация воспроизводит собственные представления о справедливости, свободе и легитимности. Концепция множественности культур, утвердившаяся в гуманитарном знании XX в., разрушила однолинейные схемы эволюции и поставила под сомнение европоцентристскую модель правового развития. В результате право оказывается включённым в поле межкультурного диалога и одновременно — в пространство конфликтов интерпретаций, где универсальные стандарты неизбежно проходят через фильтр локальных ценностей и традиций.

В этих условиях исследование права как культурного феномена требует отказа от упрощённых схем и нормативистской изоляции. «Право формируется во взаимодействии с религией, моралью, обычаями и исторической памятью; оно одновременно выражает и трансформирует культурный код общества» [2]. Нормативность, присущая социальному бытию, кристаллизуется в правовых институтах, но её истоки лежат глубже — в повторяющихся практиках, устойчивых

образцах поведения и коллективных представлениях о должном. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить механизмы этого взаимовлияния, показать право, как форму культурной самоорганизации и тем самым расширить традиционные границы теории права, включив в неё ценностно-цивилизационное измерение.

Переход от постановки проблемы к её теоретическому развёртыванию требует уточнения методологических предпосылок исследования. «Если культура понимается как целостная нормативно-ценностная среда, то право не может быть рассмотрено вне этой среды как изолированная система предписаний» [3]. Вместе с тем недопустимо и растворение права в культуре, поскольку это лишает его специфики и институциональной определённости. Соотношение права и культуры носит характер включённости, но не тождества: право является элементом социокультурной системы, однако сохраняет собственные структурные и функциональные характеристики. Подобная двойственность задаёт сложность анализа и требует системного подхода, позволяющего сопоставлять не отдельные явления, а целостные образования и уровни их организации.

Системная перспектива позволяет выявить подвижность границ между правом и культурой. В «широком» понимании культура охватывает совокупность социальных институтов и форм жизнедеятельности, включая государство и правопорядок; в «узком» — концентрируется на духовной сфере, ценностях и символических формах. В зависимости от выбранной оптики право может рассматриваться либо как один из компонентов культуры, либо как самостоятельная нормативная система, регулирующая в том числе культурные процессы. Однако в обоих случаях сохраняется ключевой тезис: право формируется в определённой «системе координат», задаваемой историческим опытом, традициями и господствующими представлениями о должном. Следовательно, исследование права вне культурного контекста неизбежно ведёт к методологическому упрощению.

Особое значение имеет разграничение объективного и субъективного «пластов» как в культуре, так и в праве. С одной стороны, право существует как совокупность объективированных норм, институтов, процедур; с другой — как правосознание, интерпретации, ценностные установки, через которые эти нормы воспринимаются и реализуются. Аналогичная двойственность присуща и культуре, объединяющей материальные формы и внутренние смыслы. На этом пересечении возникает феномен правовой культуры — пространство, в котором юридические конструкции получают культурное наполнение, а культурные ценности — нормативную форму. Именно здесь обнаруживается динамика взаимодействия: право не только отражает культурные установки общества, но и преобразует их, институционализируя новые модели поведения и легитимируя новые ценностные ориентиры.

Продолжая анализ соотношения права и культуры, логично обратиться к их историческому сопряжению — «к правогенезу как особому этапу кристаллизации нормативности» [4]. Исследования показывают, что первоначальные формы регулирования общественных отношений не были дифференцированы: религиозные запреты, моральные предписания, ритуалы и правила распределения благ существовали в едином комплексе, который впоследствии был обозначен как «мономорма». Однако научно некорректно рассматривать эти формы лишь как

«зачатки» права в узком, государственно-позитивном смысле. Уже в доклассических обществах складывались устойчивые процедуры разрешения конфликтов, правила обмена, наследования, брака, ответственности — и они обладали признаком нормативной обязательности. Иными словами, право возникало не как продукт абстрактной законодательной воли, а как результат культурной селекции социально значимых моделей поведения.

Культурная среда определяла не только содержание этих норм, но и способ их легитимации. В традиционных обществах источником обязательности выступала не формальная санкция власти, а признание нормы общностью. Обычай функционировал как «внутренний закон» социальной группы, и его нарушение воспринималось не только как социальная девиация, но и как подрыв коллективной целостности. В этом смысле право традиционного типа было не столько инструментом внешнего принуждения, сколько формой поддержания равновесия и согласия. Его задача состояла в восстановлении нарушенной гармонии, а не в абстрактном наказании. Такая модель демонстрирует, что право первоначально формируется как культурный механизм примирения и стабилизации.

С переходом к государственно организованным обществам происходит институционализация права. Однако и в этот период оно не утрачивает культурной обусловленности. Даже кодифицированные нормы продолжают опираться на исторически сложившиеся представления о справедливости, долге, свободе. Более того, сама идея закона как рационально формулируемого правила возникает в определённой интеллектуальной традиции, связанной с развитием философского и юридического мышления. Рационализация права — это не отказ от культуры, а новая стадия её развития, в которой культурные ценности получают логически оформленное и институционально закреплённое выражение. Таким образом, генезис права следует рассматривать как процесс постепенной дифференциации внутри культуры, а не как внешнее по отношению к ней явление.

Противоречия между правом и культурой особенно отчетливо проявляются в периоды ускоренной социальной трансформации, когда изменяется ценностная матрица общества, а правовая система не успевает адекватно отреагировать на эти изменения. В таких условиях право либо формально закрепляет уже устаревшие модели поведения, либо, напротив, опережает культурную готовность общества к восприятию новых норм. Возникает разрыв между нормативным предписанием и реальным правосознанием, что ведет к снижению легитимности закона. Тем самым обнаруживается важная закономерность: устойчивость правопорядка зависит не только от качества законодательства, но и от степени его укорененности в культурных установках.

Особую роль в преодолении этого разрыва играет правовая идеология как промежуточное звено между абстрактной нормой и культурной практикой. Идеи справедливости, свободы, ответственности, выраженные в юридических концепциях, становятся частью культурного пространства через язык, символы и интерпретации. Правосознание не воспроизводит правовую реальность механически; оно переосмысляет ее, соотнося с историческим опытом и моральными ориентирами общества. В этом смысле правовая культура выступает не пассивным отражением позитивного права, а активным фактором его

функционирования: именно через нее закон обретает социальную жизнь или, напротив, превращается в формальный текст.

Отсюда вытекает и практический вывод: формирование высокой правовой культуры является не дополнительной, а базовой задачей правового развития. Речь идет не только о знании законодательства, но и о внутреннем принятии правовых ценностей, об осознании взаимосвязи свободы и ответственности. Без этого право остается внешним регулятором, воспринимаемым как принуждение, а не как форма коллективного самоограничения. Гармонизация отношений между правом и культурой возможна лишь при условии их взаимной адаптации: право должно учитывать культурную специфику общества, а культура — признавать нормативную значимость правовых принципов. Только в таком взаимодействии обеспечивается подлинная устойчивость социального порядка.

Продолжая анализ взаимосвязи права и культуры в контексте формирования «человеческого капитала», следует подчеркнуть, «что правовая среда выступает не только механизмом внешней регламентации поведения, но и пространством воспроизводства ценностных ориентиров личности» [5]. Качество этой среды во многом предопределяет характер социальной активности индивида, его готовность к ответственному участию в экономической, политической и культурной жизни. Если право организовано таким образом, что реализация субъективных прав сопряжена с чрезмерными издержками, неопределённостью или недоверием к институтам, то формирование устойчивого и продуктивного «человеческого капитала» оказывается затруднённым. Следовательно, правовая система должна рассматриваться как инфраструктурный элемент культурного развития общества.

Особое значение в этом процессе приобретает категория справедливости, выступающая связующим звеном между гуманизмом, культурой и правом. Без внутреннего морального оправдания правовых предписаний невозможно их полноценное восприятие обществом. Формально действующий закон, лишённый ценностной поддержки, превращается в инструмент ситуативного управления, а не в основу стабильного правопорядка. Именно поэтому гуманистическая направленность права должна проявляться не декларативно, а институционально — в доступности правосудия, соразмерности ответственности, реальности механизмов защиты прав личности. Только при таком условии право способствует накоплению социального доверия как важнейшего нематериального ресурса развития.

Вместе с тем недопустимо абсолютизировать роль права как универсального средства решения всех социальных проблем. Право эффективно функционирует лишь во взаимодействии с иными регуляторами — моралью, традициями, профессиональной этикой, образовательными институтами. Формирование культуры права предполагает не столько механическое расширение нормативного массива, сколько выстраивание баланса между юридическими средствами и культурными практиками. В этом контексте развитие общества должно опираться на гармоничное соединение правовой упорядоченности и культурной зрелости, где право становится не внешним ограничителем, а органической частью ценностной структуры социума.

«Применение предложенной В. Гепхартом четырехмерной модели позволяет существенно углубить социокультурный анализ права, поскольку она фиксирует не отдельные элементы правовой системы, а способы её присутствия в социальной

реальности» [6]. Нормативное измерение раскрывает право, как систему должностований, но, следуя веберовской логике, важно различать «должный смысл» нормы и её фактическое бытие. Между текстом закона и практикой его применения неизбежно возникает интерпретационное пространство, в котором действуют профессиональные участники правового сообщества. Именно их ориентация на нормативный идеал обеспечивает воспроизводство правопорядка как особого типа социального бытия. Таким образом, нормативность не сводится к формальной фиксации правил, а предполагает устойчивую веру в их обязательность, без которой право утрачивает свою регулятивную силу.

Организационное измерение права выводит исследование в плоскость институционализации принуждения. Монополизация легитимного насилия государством создает структурную основу правового порядка, однако сама по себе она не гарантирует его легитимности. Право, как организация — это не только аппарат принуждения, но и сложная система процедур, распределения компетенций, специализации судебных и административных органов. Историческое развитие демонстрирует усиление профессионализации «правового штаба» и отделение его от более широкого правового сообщества, что ведет к росту формальной рациональности, но одновременно порождает риск отчуждения права от культурных ожиданий общества. В этой связи вопрос о балансе между институциональной автономией и социальной укоренённостью права приобретает принципиальное значение.

Символическое и ритуальное измерения права позволяют увидеть его культурную глубину. Правовые символы — от государственных атрибутов до процессуальных форм — выполняют функцию визуализации нормативного порядка, превращая абстрактные предписания в осязаемую реальность. Ритуалы же, будь то судебная процедура или процесс нормотворчества, обеспечивают легитимацию через публичное действие. Однако, как справедливо отмечается в социологической традиции, корректность ритуала не равнозначна справедливости результата. В этом проявляется внутренняя напряженность права: оно одновременно символизирует коллективные ценности, институционально их охраняет и через действие воспроизводит социальную солидарность, но не освобождается от необходимости постоянной критической рефлексии. Именно во взаимосвязи всех четырёх измерений право и выступает «ядром» общества, соединяющим культуру, политику, экономику и организационную структуру социальной жизни.

Логика развития правовых механизмов дисциплинарной ответственности и реформирования учреждений культуры позволяет выявить общую проблему — соотношение усмотрения управленца и нормативных гарантий законности. В сфере государственной службы чрезмерная дискреция руководителя при наложении взысканий чревата произволом, если она не ограничена четко установленными критериями тяжести проступка, сроками привлечения к ответственности и процедурами обжалования. Аналогичным образом в культурной политике передача учреждениям большей хозяйственной самостоятельности требует ясных правовых рамок, обеспечивающих баланс между автономией и публичной ответственностью. Следовательно, и в административной, и в культурной сфере ключевым становится

вопрос институционального контроля за реализацией предоставленных полномочий. «Опыт преобразования государственных учреждений культуры в автономные демонстрирует, что формальное изменение организационно-правовой формы само по себе не гарантирует повышения эффективности» [7]. Необходимы согласованность федерального и регионального регулирования, прозрачные правила финансового обеспечения, а также учет специфики культурной деятельности, включая сохранение как материального, так и нематериального наследия. В противном случае возникает риск правовых коллизий и нормативной неопределенности, что затрудняет стратегическое планирование и снижает доверие к реформам. Право в данном контексте выступает не только инструментом модернизации, но и фактором устойчивости, призванным предотвращать деструктивные последствия поспешных преобразований.

Наконец, обращение к проблематике административных реформ и внедрения бизнес-технологий в государственное управление подчеркивает необходимость критической оценки границ их применимости. Экономическая рациональность и управленческая эффективность не могут полностью подменить публично-правовые ценности — законность, справедливость, равный доступ к культурным благам. Государственное управление отличается от корпоративного менеджмента прежде всего своей ответственностью перед обществом как целым. Поэтому заимствование инновационных моделей должно сопровождаться их адаптацией к правовой и культурной среде, иначе реформы рискуют привести не к обновлению, а к утрате социально значимых ориентиров.

Продолжая анализ языка права как культурного феномена, необходимо подчеркнуть, что в российском контексте правовая реальность во многом конституируется через понятийные оппозиции, укоренённые в историческом языковом опыте. Право здесь выступает не просто системой норм, а особым способом символического упорядочивания действительности, где юридическая квалификация события предшествует его институциональным последствиям.» Именно язык задаёт границу между «фактом» и «юридическим фактом», между социальным конфликтом и правонарушением» [8]. В этом смысле правовая конструкция — не отражение реальности, а её переработанная модель, в которой жизненные обстоятельства переводятся в категориальный аппарат, пригодный для нормативной оценки.

Особенность российской правовой культуры заключается также в том, что ключевые категории — «право», «правда», «воля», «свобода» — не являются нейтральными терминами, а несут мощную ценностную нагрузку. Их семантическое поле формирует ожидания общества относительно содержания справедливости и допустимых границ государственного вмешательства. Если «свобода» мыслится как возможность реализации воли в рамках социальной общности, то право оказывается инструментом установления тех внешних условий, при которых такая реализация становится возможной. Однако историческое сближение и расхождение понятий «воля» и «свобода» порождает внутреннее напряжение: право воспринимается либо как гарантия социального порядка, либо как ограничение личного желания. Это амбивалентное отношение во многом объясняет устойчивость феномена правового нигилизма и периодическое недоверие к формально-юридическим механизмам регулирования.

Наконец, язык права определяет не только содержание норм, но и границы самого правового регулирования. Расширение терминологии, усложнение классификаций, появление новых понятийных конструкций увеличивают число «точек входа» в сферу права, создавая дополнительные возможности для юридической интерпретации социальных явлений. Одновременно это открывает пространство для манипуляции значениями, когда борьба за формулировку становится борьбой за распределение власти и ответственности. Таким образом, развитие права в российской культуре следует рассматривать как процесс языкового конструирования нормативной реальности, в котором от точности и согласованности понятий зависит не только юридическая техника, но и легитимность правопорядка в целом.

Продолжая рассмотрение взаимосвязи демократии, права и правовой культуры, следует отметить, что в современных условиях демократическое устройство не может ограничиваться формально закреплёнными процедурами участия народа в осуществлении власти. Демократия, лишённая развитой правовой культуры, неизбежно трансформируется либо в популистскую форму легитимации решений, либо в инструмент давления большинства на меньшинство [9]. Право в этой системе выступает не только техническим средством оформления воли, но и механизмом её рационализации, придания ей общеобязательного и справедливого характера. Именно через правовые процедуры народная воля приобретает институциональную форму и становится фактором устойчивого развития, а не ситуативной реакцией на политическую конъюнктуру.

Особое значение приобретает идея о народе как источнике не только власти, но и права. Если признать, что конституция выражает общественный договор, то правовая культура выступает условием его реального действия. Наличие конституционных положений само по себе не гарантирует демократичности режима; необходимо их внутреннее принятие обществом, готовность субъектов соотносить собственные интересы с общими правилами. Демократия в таком понимании — это не просто способ формирования органов власти, а форма согласования интересов через правовые механизмы, основанные на признании равного достоинства каждого. Следовательно, правовая культура становится медиатором между абстрактными нормами и повседневной практикой их применения. Развитие демократических институтов неизбежно связано с эволюцией представлений о самом праве. Переход от восприятия права как исключительно государственного установления к пониманию его как системы социальных регуляторов расширяет пространство ответственности общества за состояние правопорядка. В этом контексте правовая культура перестаёт быть вторичным явлением и превращается в самостоятельный критерий зрелости демократии. Там, где отсутствует уважение к праву как к ценности, демократические процедуры оказываются формальными; напротив, высокий уровень правосознания обеспечивает способность общества к саморегуляции и осознанному самоограничению, что и составляет сущностную характеристику подлинной демократии.

Обращение к «Декларации прав культуры» позволяет расширить проблематику соотношения права и культуры, переведя её из плоскости абстрактных ценностей в

сферу конкретных юридических обязанностей государства [10]. В данном документе культура рассматривается не как второстепенная сфера общественной жизни, а как фундаментальное основание существования народа и государства. Это означает, что правовое регулирование в культурной сфере должно исходить из презумпции приоритетности сохранения и воспроизводства культурной целостности. Государство в таком контексте выступает не собственником культуры, а её гарантом, ответственным за условия самовозобновления, свободу творчества и недопустимость произвольного вмешательства в духовную жизнь общества.

Особое значение имеет закрепление права культуры на сохранность и доступность. Здесь проявляется важная юридическая коллизия между публичным интересом и частной автономией: культурные ценности могут находиться в частной собственности, но их общественная значимость выводит их за пределы исключительно частного усмотрения. Следовательно, право должно выработать такие механизмы регулирования, которые одновременно уважают право собственности и обеспечивают общественный доступ, научное описание, сохранность ансамблей и исторических ландшафтов. В этой связи международное измерение охраны культуры — через участие ЮНЕСКО и соблюдение конвенций — усиливает универсализацию культурных прав, подчеркивая их наднациональный характер. Идея доступности культуры выводит нас на более широкий вопрос о демократическом измерении культурных прав. Если культура признаётся основой существования общества, то ограничение доступа к ней фактически означает ограничение возможностей личностного развития и гражданского участия. Право в этом случае должно обеспечивать не только формальную защиту объектов наследия, но и реальную включённость граждан в культурное пространство — через образование, открытость фондов, поддержку языкового и этнического многообразия. Тем самым культура приобретает статус не только объекта охраны, но и субъекта прав, а её защита становится элементом правового государства и зрелой правовой культуры общества.

Таким образом, проведённый анализ позволяет утверждать, что право и культура находятся не во внешнем соприкосновении, а в состоянии глубокой структурной взаимозависимости. Право возникает, развивается и функционирует как особая форма культурной самоорганизации общества, в которой ценности, историческая память, языковые конструкции и институциональные механизмы соединяются в нормативный порядок. В свою очередь, культура обретает устойчивость и способность к воспроизводству через правовые гарантии сохранности, доступности и справедливого регулирования общественных отношений.

Список литературы:

1. Лукашева Елена Андреевна Право и культура // Труды Института государства и права РАН. 2012. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-kultura> (дата обращения: 03.03.2026)
2. Гусейнов А. И. Соотношение права и культуры // Социология власти. 2005. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-prava-i-kultury> (дата обращения: 03.03.2026)
3. Балакшин А. С. Культура и право // Научные проблемы водного транспорта. 2013. №36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-i-pravo> (дата обращения: 03.03.2026)
4. Сорокина Юлия Владимировна О взаимодействии права и культуры // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. №4 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vzaimodeystvii-prava-i-kultury>
5. Черных Алексей Викторович "человеческий капитал", культура и культура права // Правовое государство: теория и практика. 2018. №2 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-kultura-i-kultura-prava> (дата обращения: 03.03.2026)

- 6.Вернер Гепхарт Право как культура: к социокультурному анализу права // Социология права в Германии. 2008. №2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-kak-kultura-k-sotsiokulturnomu-analizu-prava> (дата обращения: 03.03.2026)
- 7.Садовников Александр Александрович Право и культура в современной России // Государственная служба. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-kultura-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 03.03.2026)
- 8.Скурко Елена Вячеславовна Язык права в российской культуре // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. №2 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-prava-v-rossiyskoy-kulture> (дата обращения: 03.03.2026);
- 9.Галиев Фарит Хатипович Демократия, право и правовая культура // Правовое государство: теория и практика. 2018. №4 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demokratiya-pravo-i-pravovaya-kultura> (дата обращения: 03.03.2026)
- 10.Лихачев Д. С. Декларация прав культуры // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. 2006. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deklaratsiya-prav-kultury-1> (дата обращения: 03.03.2026).

Dadashov M. M., Akhtaeva E. A., Akhyadov E. Said-Mokhammadovich. Law as a Form of Cultural Self-Organization of Society: A Value-Civilizational Dimension // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 2. – S. 113-121.

The article provides a comprehensive analysis of the relationship between law and culture in contemporary society. It substantiates the thesis that law represents a specific form of cultural self-organization that arises and functions within historically shaped values, symbolic structures, and social practices. The genesis of law is examined within the framework of cultural evolution, highlighting its institutional, normative, symbolic, and ritual dimensions. Particular attention is given to legal culture as a mediator between abstract legal norms and real social practice, as well as to the interconnection between law, democracy, and constitutionalism. The article also addresses issues of legal legitimacy in the context of social transformation, cultural pluralism, and globalization. It concludes by emphasizing the necessity of incorporating a value-civilizational approach into contemporary legal theory.

Keywords: law, culture, legal culture, democracy, rule of law, values, legal consciousness, cultural heritage, legitimacy, constitutionalism.

Spisok literatury:

1. Lukashova Elena Andreevna Law and Culture // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2012. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-kultura> (date of request: 03.03.2026);
2. Huseynov A. I. Correlation of law and culture // Sociology of power. 2005. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-prava-i-kultury> (date of request: 03.03.2026);
3. Balakshin A. S. Culture and law // Scientific problems of water transport. 2013. No.36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-i-pravo> (date of request: 03.03.2026);
4. Sorokina Yulia Vladimirovna On the interaction of law and culture // VSU Bulletin. Series: Law. 2017. No.4 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vzaimodeystvii-prava-i-kultury>
5. Chernykh Alexey Viktorovich "human capital", culture and culture of law // The rule of law: theory and practice. 2018. No. 2 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-kultura-i-kultura-prava> (date of request: 03.03.2026);
6. Werner Gephart Law as culture: towards a socio-cultural analysis of law // Sociology of Law in Germany. 2008. No.2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-kak-kultura-k-sotsiokulturnomu-analizu-prava> (date of request: 03.03.2026);
7. Sadovnikov, Alexander Alexandrovich, Law and Culture in Modern Russia, Civil Service. 2010. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-i-kultura-v-sovremennoy-rossii> (date of request: 03.03.2026);
8. Skurko Elena Vyacheslavovna The language of law in Russian culture // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-prava-v-rossiyskoy-kulture> (date of request: 03.03.2026);
9. Galiev Farit Khatipovich Democracy, law and legal culture // The rule of law: theory and practice. 2018. No.4 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demokratiya-pravo-i-pravovaya-kultura> (date of request: 03.03.2026);
10. Likhachev D. S. Declaration of Cultural Rights // Lifelong learning: continuing education for sustainable development. 2006. no. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deklaratsiya-prav-kultury-1> (date of request: 03.03.2026).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 122-134.

УДК: 342.95

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УЧАСТКОВЫХ ПУНКТОВ ПОЛИЦИИ

Заброда Д. Г.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье выделены основные подходы для систематизации законодательных и подзаконных актов, составляющих правовую основу функционирования участковых пунктов полиции (далее – УПП).

На основе изучения учебных и научных публикаций, анализа правоприменительной практики основными критериям их классификации предлагается признать: место в системе нормативных правовых актов; характер общественных отношений, регулируется (порядок создания, организации работы и материально-техническое обеспечение УПП); содержание требований, предъявляемых к УПП как служебному помещению органа внутренних дел (технических, санитарных, противопожарных, режимных и др.). Рассмотрен свод правил, определяющих требования к проектированию зданий полиции (СП 500.1325800.2018), в котором отражены подходы к месту размещения УПП, обеспечению его техническими средствами охраны, а также доступности для маломобильных групп населения. Обращено внимание на роли законодательных актов субъектов Российской Федерации и нормативных актов органов местного самоуправления, которые служат основанием для принятия решений о предоставлении участковому уполномоченному полиции (далее – УУП) служебного помещения для работы на обслуживаемом административном участке, в том числе строительстве административно-жилых комплексов, а также создания условий для его функционирования. Сделан вывод о целесообразности разработки Типового положения об участковом пункте полиции, а также внесении изменений в ФЗ «О полиции» и другие нормативные правовые акты, которыми установлен порядок их создания, оборудования и использования УУП и другими сотрудниками полиции.

Ключевые слова: правовая основа, законодательные акты, подзаконные акты, участковый пункт полиции, систематизация, функционирование, МВД России.

За более чем столетнюю историю служба участковых уполномоченных полиции является подразделением полиции, которое максимально приближено к населению, и осуществляет свою деятельность фактически во всех населенных пунктах нашей страны: от мегаполисов до Арктики, в отдельных сельских населённых пунктах и труднодоступных местностях – УУП является едва ли ни единственным представителем государственной власти [1]. В своем выступлении, посвященном Дню образования службы участковых уполномоченных полиции, Министр внутренних дел РФ генерал полиции РФ Владимир Колокольцев отметил, что «...именно к ним в первую очередь обращаются граждане, рассчитывая, что помощь будет своевременной и компетентной» [2].

По данным ВНИИ и УОС МВД России в 2023 г. положительно оценили результаты взаимодействия с полицией в лице участкового 48% граждан (в 2020 г. – 43%; в 2021 г. – 48%; в 2022 г. – 65%) [3, с. 17].

Следует отметить, что надлежащее материально-техническое обеспечение деятельности полиции в целом, и службы участковых уполномоченных полиции (далее – УУП), в частности, относится к важным гарантиям выполнения возложенных на них задач по оперативному реагированию и устранению криминогенных угроз, оказанию помощи гражданам, содействию функционированию органов публичной власти и организаций, а также защиту и восстановление их прав, свобод и законных интересов, в случае их нарушения.

Так, ч. 7 ст. 48 Федерального закона «О полиции» установлена обязанность органов местного самоуправления «...предоставлять в пределах границ муниципальных образований сотруднику полиции, замещающему должность

участкового уполномоченного полиции, помещения для работы на обслуживаемом административном участке (далее – АУ)» [4].

По данным МВД России на 01.01.2024 г. в пользовании УУП находился 16 081 УПП (дополнительно требовалось 1 976 УПП); доля УПП, соответствующих требованиям нормативных правовых актов – 65,7% (10 571 из 16 081). В ряде регионов обеспеченность УПП составляла менее 50% (Республика Тыва (49%), Курганская (41,5%) и Тульская области (13,9%).

Отсутствие УПП снижает эффективность работы УУП по борьбе с преступностью и охране общественного порядка на закрепленном за ним АУ, чем нарушает права граждан на защиту жизни, здоровья, собственности, негативно влияет на состояние профилактики правонарушений не только на отдельном взятом АУ, но и в более крупных административно-территориальных образованиях (районе в городе, сельском поселении, поселке и др.).

Комплексный характер общественных отношения, возникающих в процессе создания и функционирования УПП, предусматривает их урегулирование нормативными правовыми актами различных отраслей права и уровней.

Целью данной публикации является систематизация законодательных и подзаконных актов, составляющих правовую основу функционирования участковых пунктов полиции. Достижение этой цели предусматривает: выявление критериев для группировки соответствующего нормативно-правового массива, распределение групп и подгрупп правовых актов в зависимости от основания систематизации и их характеристика, определение основных направлений совершенствования законодательства, регламентирующего функционирование УПП.

Теоретической базой изучения правовой основы деятельности УПП являются научные исследования, в которых рассматривались вопросы правового регламентирования полномочий органов местного самоуправления в области обеспечения общественного порядка и борьбы с преступностью, в том числе и оказания содействия полиции, материально-технического обеспечения полиции, организации работы службы УУП и непосредственно УПП. Среди них можно выделить работы В.В. Абиркина, М.Ю. Аграфонова, А.А. Беженцева, В.П. Билоконя, Ф.Ф. Валиуллина, А.Ш. Гаджиева, А.А. Глухоедова, А.Г. Гришакова, М.И. Давыдова, В.А. Джемелинского, И.А. Зайцева, И.В. Зырянова, А.В. Карагодина, В.В. Кардашевского, Е.В. Кашкиной, В.А. Кудина, Р.Н. Кучмезова, А.Г. Репьева, Д.Е. Петрова, Н.Ю. Папушиной, А.В. Равноюшкина, К.Д. Рыдченко, А.В. Сумина, И.В. Упоров, А.В. Хандогиной, Л.В. Шадринной, А.А. Шакирова, А.В. Шевцовой, В.А. Якушева и др.

В тоже время, актуальность выбранной нами темы не снижается в связи с обновлением законодательства, устанавливающего общие принципы организации местного самоуправления в единой системе публичной власти, нормативных актов, регулирующих работу УУП в целом, а также реализацию его отдельных полномочий (например, по рассмотрению обращений граждан и их приёму), конкретизацией правил проектирования «Здания полиции» (СП 500.1325800.2018) требованиями к проектированию УПП, и необходимостью внедрения в нормотворческую практику предложений, разработанных в процессе реализации

Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020-2023 годы.

На основе изучения учебных и научных публикаций и анализа правоприменительной практики основными критериям систематизации законодательных и подзаконных актов, составляющих правовую основу функционирования УУП, предлагается признать: 1) место в системе нормативных правовых актов; 2) характер общественных отношений, которые ими регулируется (порядок создания, организации работы и материально-техническое обеспечение УПП); 3) содержание требований, предъявляемых к УПП как служебному помещению органа внутренних дел (технических, санитарных, противопожарных, режимных и др.) [5; 6].

Первый критерий основывается на иерархии источников правового регулирования и может быть раскрыт с учётом последовательности их перечисления в ст. 3 ФЗ «О полиции».

Так, рассматривая *конституционный уровень* регулирования, необходимо выделить следующие её общие положения, касающиеся: закрепления понимания человека, его прав и свобод высшей ценностью, а признания, соблюдения и защиты его прав и свобод – обязанностью государства (ст. 2); самостоятельности местного самоуправления (ст. 12), вопросов, отнесённых к его ведению и специфики их реализации (ст. 130-132), а также возможности компенсации дополнительных расходов, возникших в результате выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций (ст. 133); определения обязанности органов государственной власти и органов местного самоуправления соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (ч. 2 ст. 15); гарантированности государственной защиты прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 45) [7].

К *федеральным законам, устанавливающим основы функционирования УПП*, относятся ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» п. 3 ч. 2 ст. 32 которого устанавливает, что «...предоставление помещения для работы на обслуживаемом административном участке муниципального образования сотруднику, замещающему должность участкового уполномоченного полиции» относится к полномочиям органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» [8], а также ФЗ «О полиции», ч. 7 ст. 48 которого мы цитировали ранее.

Анализируя *нормативные правовые акты Президента России и Правительства Российской Федерации*, отметим их роль в определении полномочий МВД России в целом и отдельных направлений развития УПП.

В частности, в Положении о МВД РФ (утверждено Указом Президента РФ от 21.12.2016 № 699) определено, что МВД России: осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, иными государственными органами, с органами исполнительной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления (п. 6); является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в сфере управления и распоряжения имуществом ОВД (п. 9); организует укрепление и развитие материально-технической базы ОВД (пп. 86 п.11); разрабатывает и устанавливает обязательные требования к продукции (товарам, работам, услугам), поставляемой для органов внутренних дел по государственному оборон-

ному заказу, а также к процессам проектирования (включая инженерные изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, указанной продукции (пп. 89 п.11) и др. В свою очередь, в Типовом положении о территориальном органе МВД РФ по субъекту РФ утвержденном тем же Указом, установлено, что: здания (строения, сооружения), помещения, оборудование, техника, инвентарь и другое имущество закрепляются за территориальным органом на праве оперативного управления (п. 23); земельные участки предоставляются территориальному органу в постоянное (бессрочное) пользование в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 25) [9].

Несмотря на то, что приведенные выше положения непосредственно не касаются УПП, они влияют на определения объёма полномочий МВД России и его территориальных подразделений при решении вопроса об их создании, а также материально-техническом и финансовом обеспечении функционирования.

Вопросы развития УПП рассмотрены и в ряде Распоряжений Правительства РФ. Например, в рамках реализации национальной цели «Цифровая трансформация» Единого плана по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г. как фактор обеспечения удаленных территорий инфраструктурой рассматривалось подключение пунктов полиции к сети передачи данных, обеспечивающей доступ к единой сети передачи данных и (или) к сети «Интернет» (п.п. «д» раздела 6.2.1 Плана (2021 г.) [10], а п. 1 раздела 6.2 этого плана в редакции 2019 г. – участковых пунктов полиции.

Кроме этого, повышение безопасности среды для жизнедеятельности населения, включая создание условий по обеспечению правопорядка, в том числе посредством организации функционирования УПП в населенных пунктах в соответствии с законодательством и нормативными правовыми актами, отнесено к основным задачам пространственного развития РФ (раздел VII) [11], а подготовка предложений по расширению (созданию) на территории Арктической зоны УПП и их надлежащему материально-техническому обеспечению включена в «Единый план мероприятий по реализации Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г. и Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [12].

Большинство *подзаконных актов*, регулирующих правовое положение УПП, приняты центральными органами исполнительной власти. Так, Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке установлено, УПП является местом: несения службы УУП, а персональную ответственность за его состояние несёт начальник территориального органа (п. 21); приёма граждан УУП (п. 31). Нею установлены общие требования к материально-техническому обеспечению УПП, касающиеся создания условий для: защиты здания (помещений) от несанкционированного проникновения, комфортного пребывания в нём сотрудников полиции и граждан, информирования граждан о режиме работы УУП, данных о нём, руководстве территориального ОВД, прокуратуры и суда, а также необходимой информации о правовых актах, регулирующих рассмотрение обращений граждан, заявлений или сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, о лицах, находящихся в

розыске, в том числе пропавших без вести, из числа зарегистрированных на территории, обслуживаемой территориальным органом; пользования автоматизированными рабочими местами УУП с удаленным доступом к модулю «Участковый» СООП ИСОД МВД России и подключением к электронным банкам правовой информации и статистическим данным и др. [13]

Оснащение УПП средствами связи, вычислительной, электронной организационной техникой, мебелью, противопожарным и хозяйственным имуществом осуществляется в соответствии с Инструкцией по организации материально-технического обеспечения в системе МВД России и другими нормативными актами, регулирующими тыловое обеспечение в органах внутренних дел [14].

Принадлежность УПП к объектам ОВД опосредует необходимость обеспечения их безопасности от преступных посягательств и антитеррористической защищенности. Комплекс соответствующих инженерно-технических мероприятий предусмотрен приказом МВД России от 31.12.2014 № 1152 [15]. В частности, в нём содержатся толкование ряда категорий, которые могут быть применены и к требованиям для УПП («пункт централизованной охраны», «система охранной сигнализации», «система тревожной сигнализации»), раскрывается содержание требований к инженерно-технической укреплённости объектов ОВД, которые следует учитывать при проектировании и строительстве УПП (к дверным и оконным конструкциям, стенам, перекрытиям, перегородкам, запирающим устройствам), особенно размещаемым в сельской, труднодоступной местности, или в отдельно стоящих зданиях (в том числе, и административно-жилых и многофункциональных комплексах) и др.

Нельзя не отметить и роль *ведомственных целевых программ* ((например, Ведомственная целевая программа «Сельский участковый» (2014-2015 гг.)) и *концепций* (например, Концепция развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020-2023 годы), а также планов по их реализации, которые позволили сосредоточить организационные и финансовые ресурсы МВД России, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления и обеспечить увеличение количества выделенных служебных помещений (УПП), ремонт действующих и строительство новых, в том числе и административно-жилых комплексов, их оснащение вычислительной и оргтехникой, создать и обеспечить функционирование автоматизированных рабочих мест УУП на административном участке [17].

К документам федерального уровня, содержащим положения, непосредственно касающиеся УПП относится Свод правил «Здания полиции» (СП 500.1325800.2018), введённый 18.07.2018 г. (с изменениями, внесёнными в 2023, 2024), в котором: даётся определения термина «участковый пункт полиции» (в градостроительном аспекте), закреплены требования к проектированию УПП, учитывающие возможность размещения в нём не только УУП, но и инспектора по делам несовершеннолетних и сотрудника УР, содержится рекомендация о возможности в сельских населённых пунктах блокирования УПП с квартирой УУП, а также расположения на участке гаража для служебного автомобиля; компоновка и площади помещений УПП в городских и сельских населённых пунктах ((с учётом разного количества УУП (3-х, 4-х, 5-ти)), в том числе и административно-жилого комплекса (с указанием нормативных документов, определяющих требования к внутренним помещениям [18].

Этот документ позволяет обеспечить использование единых подходов к проектированию УПП, а также других стандартизированных правил к оснащению его внутренних помещений (например, санитарно-гигиенических, санитарных, связанных с доступностью УПП для маломобильных групп населения и др.), учитывать соответствующие нормы при принятии решения о выделении органами местного самоуправления помещений для выполнения УУП служебных обязанностей.

Обращаясь к *правовым актам органов власти субъектов Российской Федерации*, следует отметить, что в них: при планировании мероприятий в рамках государственных программ (комплексных программ) по профилактике правонарушений и укреплении общественного порядка и общественной безопасности учитывается необходимость выделения средств на развитие УПП, а также констатируются проблемы, связанные с обеспечением УУП служебными помещениями, при анализе состояния правопорядка в субъекте [19-22]. Среди них отдельное место занимают нормативы градостроительного проектирования, в которых определены расчетные показатели для создания УПП (например, показывающие зависимость обеспеченности населения УУП и радиуса доступности обслуживания населения), а в отдельных регионах – и административно-жилого комплекса для УУП (например, в Республике Татарстан) [23-26].

Непосредственно вопросы развития УПП, процедура выделения помещений для выполнения УУП возложенных на него служебных обязанностей и особенности их финансирования в конкретном муниципальном образовании, определяются нормативными актами органов местного самоуправления. Например, ними приобретение нежилых помещений под размещение участковых пунктов полиции отнесено к основным мероприятиям, реализуемым в рамках муниципальных программ профилактики правонарушений, а также мер по обеспечению надлежащих условий для работы участковых уполномоченных полиции [27-29]; определяются критерии оценки работы УПП при проведении среди них смотра-конкурса [30]; устанавливаются общий порядок предоставления в безвозмездное пользование имущества, находящегося в муниципальной собственности [31], порядок предоставления помещения для работы УУП на обслуживаемом АУ [32]; закрепляется передача в безвозмездное пользование территориальному ОВД помещений для УПП и компьютерной техники [33-35]. В отдельных из них в качестве приложений содержатся договора безвозмездного пользования нежилым помещением, акт приема-передачи имущества в безвозмездное пользование [36].

Второй критерий связан с анализом *правовых актов в зависимости от характера общественных отношений, которые ими регулируются*. Например, в структуре рассматриваемого нами нормативного массива можно выделить источники, которые относятся к следующим отраслям права: конституционному и муниципальному, регулируют отношения, возникающие в процессе реализации органами местного самоуправления, полномочий по распоряжению имеющимся у них имуществом, а также содействию полиции в обеспечении общественного порядка и общественной безопасности в муниципальных образованиях, распределению сфер ведения между государственными органами и органами местного самоуправления в этой сфере; порядка подготовки необходимых муниципальных правовых актов и др.; гражданского – отношения, формирующиеся в процессе реализации собственником – органом местного

самоуправления, права по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества (нежилого помещения) любые действия, не противоречащие закону, том числе передавать его в безвозмездное пользование территориальному органу МВД России в качестве служебного помещения для УУП, а также касающиеся применения договора о безвозмездном пользовании нежилым помещением; административного и административно-процессуального – отношения, связанные с планированием и реализацией государственных, ведомственных и муниципальных программ, в которых содержатся меры по созданию условий для работы УУП на АУ, рассмотрением административных дел о возложении на орган местного самоуправления обязанности предоставить УУП помещение для выполнения служебных обязанностей и отвечающего требованиям, установленным нормативными актами для УПП; непосредственно организацией работы УПП руководителями территориальных органов МВД России, а также УУП, которые несут в них службу (обоснованием потребности в УПП, закреплении за ним УУП, контроле за выполнением УУП обязанностей в УПП, учётом и анализом результатов использования УПП и др.); финансового (бюджетного) – отношения, опосредованные использованием бюджетных средств для строительства, ремонта УУП и оснащения и их мебелью, оргтехниккой и средствами связи и обеспечение технической эксплуатации этих помещений (водоснабжение, отопление, освещение, уборка, ремонт); порядка использования межбюджетных трансфертов, предоставляемых из бюджета более крупных муниципальных образований в бюджеты более мелких и др.

Что касается *технических, санитарных, противопожарных, режимных и других требований, предъявляемых к УПП как служебному помещению ОВД*, то они содержатся сводах правил. Например, общие – изложены в своде правил «Здания полиции» (СП 500.1325800.2018); требования к санитарному узлу УПП, коридору, тамбуру, холлу – в Своде правил общественных здания и сооружения» (СП 118.13330.2022); к доступности УПП для маломобильных групп населения – СП 59.13330.2020, санитарно-эпидемиологические требования к организации питания УУП (при наличии комната отдыха (для подогрева и приема пищи), кухни-столовой) – в СанПиН 2.3/2.4.3590-20; противопожарные требования – в СП 1.13130.2020, СП 3.13130.2009, СП 6.13130.2021 и др. [37].

Изучение правовой основы функционирования УПП позволило к её особенностям относить: неопределённость его статуса, в связи с отсутствием в ФЗ «О полиции» упоминания о том, что служебные помещения для работы на обслуживаемом административном участке должны предоставляться именно в виде УПП; многоуровневый и многоотраслевой характер; сочетание правовых норм, определяющих порядок создания и основные требования к УПП, и технических нормативов к ним, как служебным помещениям органов внутренних дел, общественным (публичным) объектам, к которым предъявляются повышенные требования к их доступности, укреплённости и антитеррористической защищённости; отсутствие единых подходов к содержанию решений органов местного самоуправления о предоставлении помещений для УУП.

С учетом выявленных особенностей, результатов обобщения проблем, связанных с закреплением и реализацией правового статуса УПП, предлагается: обеспечить в нормативных правовых актах единство использования терминологии, касающейся УПП (например, его понятия, предназначения, видов), а также требований к его ма-

териально-техническому обеспечению; в 7 ч. 7 ст. 48 ФЗ «О полиции» уточнить обязанность органов местного самоуправления предоставлять в пределах границ муниципальных образований сотруднику полиции, замещающему должность УУП, помещения для работы на обслуживаемом участке, «...в виде участкового пункта полиции или административно-жилого комплекса»; разработать «Типовое положение об участковом пункте полиции», в котором закрепить его понятие и виды, правовую основу деятельности, принципы, цель и задачи функционирования, порядок клинингового обслуживания, ремонта и оснащения необходимыми техническими средствами, особенности руководства УПП, требования к материально-техническому обеспечению УПП, критерии оценивания результатов деятельности УПП; документацию УПП; в нормативах градостроительного проектирования, утверждаемых органами власти субъектов Российской Федерации, закрепить критерии, определяющие число служебных помещений для УУП, а также обязательность их учёта соответствующими организациями при проектировании и строительстве зданий; уточнить порядок предоставления жилья УУП, который несет службу в УПП, созданном в форме административно-хозяйственного комплекса; разработать образцы соглашений, договоров, актов-приёма, которые составляются органами местного самоуправления и территориальными органами МВД России в процессе предоставления служебных помещений для УУП.

Список литературы:

1. Участковый пункт полиции открыли на «краю света» [Электронный ресурс] // <https://360.ru/news/vlast/uchastkovyj-punkt-politsii-otkryli-na-kraju-sveta/> (дата обращения: 10.01.2026).
2. Поздравление Владимира Колокольцева многотысячному коллективу участковых уполномоченных полиции с Днем образования Службы [Электронный ресурс] // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/73823554> (дата обращения: 10.01.2026).
3. Справка об исполнении Плана мероприятий по реализации Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020-2023 годы. – М., ГУОООП МВД России, 2024. 36с.
4. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Заброда, Д. Г. Совершенствование организации деятельности участковых пунктов полиции / Д. Г. Заброда, Г. Б. Шеховцова // Актуальные вопросы применения норм административного права (Корневские чтения): Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции, Москва, 31 марта 2023 года / Сост. Г.Н. Василенко. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2023. – С. 161-165.
6. Заброда, Д. Г. Служебные помещения для работы участковых уполномоченных полиции: современное состояние и перспективы совершенствования / Д. Г. Заброда, А. Н. Осяк, В. В. Осяк // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 449-457.

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
8. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
9. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.12.2016 №699 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
10. «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года» (утв. Распоряжением Правительством РФ 01.10.2021 № 4043п-П13) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
11. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
12. «Единый план мероприятий по реализации Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года и Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (утв. Правительством РФ 07.05.2019 № 4043п-П13) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
13. Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке: приложение № 1 к Приказу МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
14. Об организации материально-технического обеспечения в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 05.03.2014 № 135 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
15. Об обеспечении безопасности объектов органов внутренних дел российской федерации от преступных посягательств: приказ МВД России от 31.12.20 14 № 1152 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
16. Ведомственная целевая программа «Сельский участковый» (утв. приказом МВД России от 19.11.2013 г. № 919) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»/
17. Об утверждении Концепции развития службы участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на 2020-2023 годы: приказ МВД России от 30.03.2020 № 191 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
18. Свод правил СП 500.1325800.2018 «Здания полиции. Правила проектирования» (утв. приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 17.01.2018 №19/пр) (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
19. О государственной программе Саратовской области «Профилактика правонарушений, терроризма, экстремизма и противодействие незаконному обороту наркотических средств: постановление Правительства Саратовской области от 20.11.2013 № 646-П [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
20. О государственной программе Еврейской автономной области «Профилактика правонарушений и преступлений в Еврейской автономной области» на 2024 - 2029 годы (с изменениями на 6 ноября 2025 года): Постановление Правительства Еврейской автономной области от 26 декабря 2023 г. № 598-пп [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
21. О распределении бюджетных ассигнований бюджета Московской области в внесении изменений в государственную программу «Безопасность Подмосковья» на 2023-2027 годы: Постановление Правительства Московской области от 17.07.2025 № 851-ПП [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

22. О Республиканской целевой программе профилактики правонарушений и противодействия преступности в Чувашской Республике на 2013-2020 годы: Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 27.03.2013 № 104 (утратил силу) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
23. Об утверждении республиканских нормативов градостроительного проектирования: приказ Министерства строительства и архитектуры Республики Башкортостан от 16.06.2021 № 232 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
24. О дополнительных мерах по усилению охраны общественного порядка в Республике Татарстан (с изменениями на 29.07.2021): Указ Равса Республ26и Татарстан от 24.05.2000 № УП-369 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
25. Республиканские нормативы градостроительного проектирования Республики Татарстан: Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 27.12.2013 № 1071 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
26. О внесении изменений в постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 27.12.2013 № 1071 «Об утверждении республиканских нормативов градостроительного проектирования Республики Татарстан»: Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 03.06.2022 № 519 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
27. Об утверждении муниципальной программы города Нефтеюганска «Профилактика правонарушений в сфере общественного порядка, профилактика незаконного оборота и потребления наркотических средств и психотропных веществ в городе Нефтеюганске: постановление администрации г. Нефтеюганска от 15.11.2018 № 596-п [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
28. Об утверждении муниципальной программы «Профилактика правонарушений, преступлений и обеспечение общественной безопасности на территории муниципального образования Раздольненский район Республики Крым на 2025-2027 годы»: постановление администрации Раздольненского района Республики Крым от 24.01.2025 № 59 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
29. О принимаемых мерах по обеспечению надлежащих условий для работы участковых уполномоченных полиции, в том числе по улучшению материально-технического состояния участковых пунктов полиции: Решение Областной межведомственная комиссия по профилактике правонарушений Еврейской автономной области от 11.03.2024 № 3 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
30. Положение о смотре-конкурсе среди участковых пунктов полиции города Омска: Постановлению Мэра города Омска от 26.09.2006 № 275-п [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
31. Положение о порядке предоставления в безвозмездное пользование имущества, находящегося в муниципальной собственности Коноваловского муниципального образования: решение Думы Коноваловского МО от 30.03.2018 №2/5 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
32. Положение о порядке предоставления помещения для работы на обслуживаемом административном участке Яковлевского муниципального округа сотруднику, замещающему должность участкового уполномоченного полиции: решением Думы Яковлевского муниципального округа от 26.03.2024 № 271 – НПА [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
33. О предоставлении в безвозмездное пользование нежилого помещения с кадастровым номером: 41:05:0101006:2618, ОМВД России по Елизовскому району: постановление администрации Елизовского городского поселения от 16.08.2019 г. № 857-п [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
34. О передаче в безвозмездное пользование нежилого помещения, для размещения участкового пункта полиции: решение Петровского сельского совета Красногвардейского района Республики Крым от 18.10.2016 № 5/241-XXXXVI [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
35. О передаче муниципального движимого имущества (в количестве 8 единиц), расположенного в помещении участковых уполномоченных полиции по адресу г. Хабаровск, ул. Профессора Даниловского М.П. д.30а, по договору безвозмездного пользования Управлению Министерства внутренних дел Российской Федерации по городу Хабаровску для работы на обслуживаемых административных участках городского округа «Город Хабаровск» сотрудникам, замещающим должность участковых уполномоченных полиции: решение Хабаровской городской Думы от 22.06.2021 №534 XXXXVI [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
36. О предоставлении МО МВД России «Усть-Илимский» помещения для работы на обслуживаемом административном участке сотруднику полиции, замещающему должность участкового уполномоченного полиции: постановление администрации Тубинского муниципального образования от 29.10.2018 № 104 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

37. Своды правил [Электронный ресурс] // <https://docs.cntd.ru/techstandards> (дата обращения: 10.01.2026).

Zabroda D.G. Legal basis for the functioning of police stations // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 122-134.

This article highlights key approaches to systematizing the legislative and bylaws that form the legal basis for the operation of district police stations (hereinafter referred to as DPS). Based on a review of academic and scientific publications and an analysis of law enforcement practice, the following are proposed as the key classification criteria: their place within the system of regulatory legal acts; the nature of the social relations they regulate (the procedure for establishing, organizing the work, and providing logistical support for the DPS); and the requirements for the DPS as the service premises of an internal affairs agency (technical, sanitary, fire safety, security, etc.). A set of rules defining the design requirements for police buildings (SR 500.1325800.2018) is reviewed, reflecting approaches to the location of the DPS, the provision of technical security equipment, and accessibility for people with disabilities. The article highlights the role of legislative acts of constituent entities of the Russian Federation and regulations of local governments, which serve as the basis for decisions on the provision of office space to district police officers (hereinafter referred to as DPOs) for work in the administrative area they serve, including the construction of administrative and residential complexes, as well as the creation of conditions for their functioning. A conclusion was made on the advisability of developing a Model Regulation on a District Police Station, as well as amending the Federal Law "On Police" and other regulatory legal acts that establish the procedure for their creation, equipment and use by district police stations and other police officers.

Keywords: legal framework, legislative acts, bylaws, district police stations, systematization, functioning, Ministry of Internal Affairs of Russia.

Spisok literaturey:

1. Uchastkovyj punkt policii otkryli na «krayu sveta» [Elektronnyj resurs] // <https://360.ru/news/vlast/uchastkovyj-punkt-politsii-otkryli-na-kraju-sveta/> (data obrashcheniya: 10.01.2026).
2. Pozdravlenie Vladimira Kolokol'ceva mnogotysyachnomu kollektivu uchastkovyh upolnomochennyh policii s Dnem obrazovaniya Sluzhby [Elektronnyj resurs] // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/73823554> (data obrashcheniya: 10.01.2026).
3. Spravka ob ispolnenii Plana meropriyatij po realizacii Konceptii razvitiya sluzhby uchastkovyh upolnomochennyh policii territorial'nyh organov MVD Rossii na 2020-2023 gody. – M., GUOOOP MVD Rossii, 2024. 36s.
4. O policii: Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
5. Zabroda, D. G. Sovershenstvovanie organizacii deyatel'nosti uchastkovyh punktov policii / D. G. Zabroda, G. B. Shekhovcova // Aktual'nye voprosy primeneniya norm administrativnogo prava (Korenevskie chteniya): Sbornik nauchnyh trudov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 31 marta 2023 goda / Sost. G.N. Vasilenko. – Moskva: Moskovskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii im. V.Ya. Kikotya, 2023. – S. 161-165.
6. Zabroda, D. G. Sluzhebnye pomeshcheniya dlya raboty uchastkovyh upolnomochennyh policii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy sovershenstvovaniya / D. G. Zabroda, A. N. Osyak, V. V. Osyak // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2024. – T. 10, № 3. – S. 449-457.
7. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
8. Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v edinoj sisteme publichnoj vlasti: Federal'nyj zakon ot 20.03.2025 № 33-FZ [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
9. Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve vnutrennih del Rossijskoj Federacii i Tipovogo polozheniya o territorial'nom organe Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii po sub'ektu Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta RF ot 21.12.2016 №699 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
10. «Edinyj plan po dostizheniyu nacional'nyh celej razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda i na planovyj period do 2030 goda» (utv. Rasporyazheniem Pravitel'stvom RF 01.10.2021 № 4043p-P13) [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
11. Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28.12.2024 № 4146-r [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
12. «Edinyj plan meropriyatij po realizacii Osnov gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v Arktike na period do 2035 goda i Strategii razvitiya Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii i obespecheniya nacional'noj bezopasnosti na period do 2035 goda» (utv. Pravitel'stvom RF 07.05.2019 № 4043p-P13) [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».

13. Instrukcii po ispolneniyu uchastkovym upolnomochennym policii sluzhebnyh obyazannostej na obsluzhivaemom administrativnom uchastke: prilozhenie № 1 k Prikazu MVD Rossii ot 29 marta 2019 g. № 205 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant-Plyus».
14. Ob organizacii material'no-tehnicheskogo obespecheniya v sisteme Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii: prikaz MVD Rossii ot 05.03.2014 № 135 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
15. Ob obespechenii bezopasnosti ob"ektov organov vnutrennih del rossijskoj federacii ot prestupnyh posyagatel'stv: prikaz MVD Rossii ot 31.12.20 14 № 1152 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
16. Vedomstvennaya celevaya programma «Sel'skij uchastkovyj» (utv. prikazom MVD Rossii ot 19.11.2013 g. № 919) [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus»/
17. Ob utverzhdenii koncepcii razvitiya sluzhby uchastkovykh upolnomochennykh policii territorial'nykh organov MVD Rossii na 2020-2023 gody: prikaz MVD Rossii ot 30.03.2020 № 191 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
18. Svod pravil SP 500.1325800.2018 «Zdaniya policii. Pravila proektirovaniya» (utv. prikazom Ministerstva stroitel'stva i zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva RF ot 17.01.2018 №19/pr) (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
19. O gosudarstvennoj programme Saratovskoj oblasti «Profilaktika pravonarushenij, terrorizma, ekstremizma i protivodejstvie nezakonnomu oborotu narkoticheskikh sredstv: postanovlenie Pravitel'stva Saratovskoj oblasti ot 20.11.2013 № 646-P [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
20. O gosudarstvennoj programme Evrejskoj avtonomnoj oblasti «Profilaktika pravonarushenij i prestuplenij v Evrejskoj avtonomnoj oblasti» na 2024 - 2029 gody (s izmeneniyami na 6 noyabrya 2025 goda): Postanovlenie Pravitel'stva Evrejskoj avtonomnoj oblasti ot 26 dekabrya 2023 g. № 598-pp [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
21. O raspredelenii byudzhetykh assignovanij byudzheta Moskovskoj oblasti v vnesenii izmenenij v gosudarstvennyy programmu «Bezopasnost' Podmoskov'ya» na 2023-2027 gody: Postanovlenie Pravitel'stva Moskovskoj oblasti ot 17.07.2025 № 851-PP [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
22. O Respublikanskoj celevoj programme profilaktiki pravonarushenij i protivodejstviya prestupnosti v CHuvashskoj Respublike na 2013-2020 gody: Postanovlenie Kabineta Ministrov CHuvashskoj Respubliki ot 27.03.2013 N 104 (utratil silu) [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
23. Ob utverzhdenii respublikanskih normativov gradostroitel'nogo proektirovaniya: prikaz Ministerstva stroitel'stva i arhitektury Respubliki Bashkortostan ot 16.06.2021 № 232 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
24. O dopolnitel'nykh merah po usileniyu ohrany obshchestvennogo poryadka v Respublike Tatarstan (s izmeneniyami na 29.07.2021): Ukaz Raisa Respublik26i Tatarstan ot 24.05.2000 № UP-369 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
25. Respublikanskije normativy gradostroitel'nogo proektirovaniya Respubliki Tatarstan: Postanovleniem Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 27.12.2013 № 1071 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant-Plyus».
26. O vnesenii izmenenij v postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 27.12.2013 № 1071 «Ob utverzhdenii respublikanskih normativov gradostroitel'nogo proektirovaniya Respubliki Tatarstan» : Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 03.06.2022 № 519 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
27. Ob utverzhdenii municipal'noj programmy goroda Nefteyuganska «Profilaktika pravonarushenij v sfere obshchestvennogo poryadka, profilaktika nezakonnogo oborota i potrebleniya narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshchestv v gorode Nefteyuganske: postanovlenie administracii g. Nefteyuganska ot 15.11.2018 № 596-p [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
28. Ob utverzhdenii municipal'noj programmy «Profilaktika pravonarushenij, prestuplenij i obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti na territorii municipal'nogo obrazovaniya Razdol'enskij rajon Respubliki Krym na 2025-2027 gody»: postanovlenie administracii Razdol'nenskogo rajona Respubliki Krym ot 24.01.2025 № 59 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
29. O prinimaemykh merah po obespecheniyu nadležashchih uslovij dlya raboty uchastkovykh upolnomochennykh policii, v tom chisle po uluchsheniyu material'no-tehnicheskogo sostoyaniya uchastkovykh punktov policii: Reshenie Oblastnoj mezhdomejstvennaya komissiya po profilaktike pravonarushenij Evrejskoj avtonomnoj oblasti ot 11.03.2024 № 3 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
30. Polozhenie o smotre-konkurse sredi uchastkovykh punktov policii goroda Omska: Postanovleniyu Mera goroda Omska ot 26.09.2006 № 275-p [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».
31. Polozhenie o poryadke predostavleniya v bezvozmezhnoe pol'zovanie imushchestva, nahodyashchegosya v municipal'noj sobstvennosti Kononovskogo municipal'nogo obrazovaniya: reshenie Dumy

Konovalovskogo MO ot 30.03.2018 №2/5 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».

32. Polozhenie o poryadke predostavleniya pomeshcheniya dlya raboty na obsluzhivaemom administrativnom uchastke YAkovlevskogo municipal'nogo okruga sotrudniku, zameshchayushchemu dolzhnost' uchastkovogo upolnomochennogo policii: resheniem Dumi YAkovlevskogo municipal'nogo okruga ot 26.03.2024 № 271 – NPA [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».

33. O predostavlenii v bezvozmezdnoe pol'zovanie nezhilogo pomeshcheniya s kadastrnym nomerom: 41:05:0101006:2618, OMVD Rossii po Elizovskomu rajonu: postanovlenie administracii Elizovskogo gorodskogo poseleniya ot 16.08.2019 g. № 857-p [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».

34. O peredache v bezvozmezdnoe pol'zovanie nezhilogo pomeshcheniya, dlya razmeshcheniya uchastkovogo punkta policii: reshenie Petrovskogo sel'skogo soveta Krasnogvardejskogo rajona Respubliki Krym ot 18.10.2016 № 5/241-HKHKHKHVI [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».

35. O peredache municipal'nogo dvizhimogo imushchestva (v kolichestve 8 edinic), raspolozhennogo v pomeshchenii uchastkovyh upolnomochennyh policii po adresu g. Habarovsk, ul. Professora Danilovskogo M.P, d.30a, po dogovoru bezvozmezdnogo pol'zovaniya Upravleniyu Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii po gorodu Habarovsku dlya raboty na obsluzhivaemyh administrativnyh uchastkah gorodskogo okruga «Gorod Habarovsk» sotrudnikam, zameshchayushchim dolzhnost' uchastkovyh upolnomochennyh policii: reshenie Habarovskoj gorodskoj Dumi ot 22.06.2021 №534 HKHKHKHVI [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».

36. O predostavlenii MO MVD Rossii «Ust'-Ilimskij» pomeshcheniya dlya raboty na obsluzhivaemom administrativnom uchastke sotrudniku policii, zameshchayushchemu dolzhnost' uchastkovogo upolnomochennogo policii: postanovlenie administracii Tubinskogo municipal'nogo obrazovaniya ot 29.10.2018 № 104 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Plyus».

37. Svody pravil [Elektronnyj resurs] // <https://docs.cntd.ru/techstandards> (data obrashcheniya: 10.01.2026).

.

УДК 340.11

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВОВОЙ НОРМЫ И СПОСОБОВ ЕЕ ИЗЛОЖЕНИЯ В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ

Иванов А. И.

Институт права ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»

Проводя научное исследование, направленное на изучение применения правовой нормы и способов ее изложения в нормативно-правовых актах, в работе систематизированы ключевые концепции, а именно, сущность и структура правовой нормы, условия ее действительности и применимости в рамках правоприменения, соотношение текстуального формулирования нормы и ее смыслово-правового содержания, механизмы интерпретации и разъяснения норм в законах, подзаконных актах и юридических документах. Анализируются теоретические подходы к разграничению содержания нормы (объект, субъект) и формам ее выведения из законодательной конструкции, включая диспозицию, гипотезу и санкцию. Особое внимание уделяется проблемам текста нормативно-правового акта: толкование, единообразие применения, предвидимость юридических последствий и риск двусмысленности формулировок.

Ключевые слова: норма права, способы изложения, теория права, нормативные акты, уголовное право, гражданское право, административное право, применение нормы права, нормативно-правовые акты.

В юридической науке эволюция понятия правовой нормы отражает разнообразие методологических подходов, начиная от императивно-властной природы до современных критических концепций. Данные подходы отражают эволюцию понимания нормы права – от императивных предписаний до сложных системных конструкций. Актуальность проводимого исследования обусловлена тем, что правовые нормы являются основой правовой системы, обеспечивая справедливое регулирование общественных отношений. Современные вызовы, такие как необходимость гуманизации права и адаптации законодательства к меняющимся социальным условиям требуют глубокого анализа структуры и классификации правовых норм. Проблемы правового регулирования, связанные с дублированием критериев классификации, усложняют как теоретический анализ, так и практическое применение права, что делает тему особенно значимой.

В юридической науке эволюция понятия правовой нормы отражает прежде всего разнообразие методологических подходов. Ретроспективный анализ позволяет выделить ключевые интерпретации, сформированные в различные периоды.

Дореволюционные исследователи акцентировали императивно-властную природу норм. Так, например, Н.М. Коркунов определял их как «правила должного», выражающие веления [1, с. 120]. С.А. Муромцев в свою очередь подчеркивал, что юридические нормы устанавливаются властными институтами – от общественного сознания (обычай) до законодательных органов [2, с. 375]. Г.Ф. Шершеневич связывал закон с прямым волеизъявлением государства [3, с. 15], а Л.И. Петражицкий рассматривал нормы как продукт этико-психических переживаний, фиксирующих взаимосвязь правомочий и обязанностей [4, с. 76]. Объединяющим тезисом приведенных концепций стало признание нормативности как системы санкционированных государством правил, закрепляющих корреспондирующие права и обязанности.

Современная дискуссия о понятии юридических норм характеризуется критикой позитивизма. В последние годы некоторые авторы, критикуя традиционное понимание правовой нормы призывают к «социализации» норм и интеграции теоретиче-

ских исследований с реальной жизнью. Так, В.С. Нерсисянц актуализировал структуру нормы через триаду «гипотеза-диспозиция-санкция» [5, с. 391]. А.В. Поляков и Е.В. Тимошина дифференцировали социальные (практически реализуемые) и государственно-правовые (текстуально закрепленные) нормы [6, с. 334]. Наиболее радикальную позицию занял И.Л. Честнов, интерпретировавший норму как «диалог», опосредующий взаимодействие субъектов через знаковые системы [7, с. 443]. Хотя в каждой из этих дефиниций есть рациональное зерно, однако критический анализ выявляет ограниченность крайних подходов.

Право, как специфический регулятор, вступает в действие в тех случаях, когда другие механизмы регулирования не могут эффективно управлять определенными социальными взаимодействиями. Право охватывает свою собственную сферу регулирования, создавая юридические понятия, институты и определения. Основой правовых норм служат моральные, религиозные и этические принципы.

Проведя анализ приведенных суждений и мнений исследователей, отметим, что норма права обладает ключевыми признаками, среди которых: нормативность, обязательность, системность, формальная определенность.

Нормативность права выражается в его способности устанавливать общеобязательные правила поведения, обладающие свойствами абстрактности и универсальности. Эти предписания не привязаны к конкретным субъектам, временным рамкам или ситуациям, а действуют как общий стандарт, регулирующие потенциально неограниченное число случаев. Ключевым аспектом нормативности выступает временная неопределенность. Правовые нормы, как правило, не имеют заранее установленного срока действия и сохраняют силу до их официальной отмены. Исключения составляют акты с ограниченным периодом применения, такие как, ежегодный бюджет (ст. 104 Конституции РФ), чья краткосрочность обусловлена спецификой регулируемых отношений. Частная отмена норм, изначально рассчитанных на длительную перспективу, подрывает стабильность правовой системы и деформирует правосознание граждан. Отличительной особенностью нормативности является количественная неограниченность применения. Юридическая сила предписания не зависит от частоты его использования: норма остается действующей даже при отсутствии практического применения. Это отличает ее от индивидуальных правовых актов (например, судебных решений), которые утрачивают силу после однократной реализации. Независимость от конкретных правоотношений также подчеркивает регулятивную природу норм. Они формируются путем абстрагирования от единичных случаев.

Обязательность же, в свою очередь связана со взаимосвязью с государственной властью. Нормы, принятые государственными органами или утвержденные на референдумах, обладают общеобязательным характером и защищены законом. Государственная воля, отражающая интересы народа придает нормам права легитимность и законность. Принудительная сила государства гарантирует соблюдение норм права и включает санкции, которые накладываются на правонарушителей.

Системность правовой нормы подразумевает внутреннее строение и взаимодействие с нормами различных правовых институтов. Для эффективного применения одной нормы может потребоваться анализ ее связи с другими нормами как внутри своего института, так и в рамках различных отраслей права.

Формальная определенность норм права требует, чтобы они были изложены в соответствии с юридической техникой, что обеспечивает их точность и понятность, это и отличает правовые нормы от других социальных норм, которые могут быть менее конкретными и более образными. Нормы права представляют собой формально определенные правила поведения, которые обеспечивают равенство всех участников правовых отношений. Они предписывают допустимые способы поведения, определяют круг лиц, на которых действуют, а также временные и пространственные рамки их применения. В теории права различают разновидность формальной определенности: внутренние и внешние. Внутренняя в свою очередь выражается в структуре правовой нормы и представляет собой совокупность ее элементов. Кроме того, они обладают логической структурой, реконструируемой посредством формулы: «При условии... (гипотеза), следует... (диспозиция), иначе... (санкция)». Эта модель отражает системную связь между предписаниями, раскрывая их регулятивную и государственно-властную природу. Для ее корректного применения требуется анализ законодательства, юридической техники и механизмов применения. Так, например, ст. 460 ГК РФ можно представить как: «Неисполнение продавцом обязанности передать покупателю товар свободным от любых прав третьих лиц (диспозиция) дает покупателю право требовать уменьшения цены товара либо расторжения договора купли-продажи (санкция), если не будет доказано, что покупатель знал или должен был знать о правах третьих лиц на этот товар (гипотеза)». Логическая структура норм, устанавливающие правила поведения включает три ключевых элемента: гипотезу, диспозицию и санкцию.

Правовые нормы обладают представительско-обязывающим характером, что означает, что они одновременно предоставляют участникам определенные права и накладывают на них обязанности. Обычно содержание правовой нормы охватывает интересы нескольких субъектов, даже если в тексте описываются действия только одного лица. Это взаимодействие между правомочными и обязанными субъектами является основой для эффективного правового регулирования.

Исторически мораль предшествует праву, возникая как продукт догосударственных форм социальности. В отличие от нее, право институционализируется одновременно с формированием государственности, приобретая черты формальной определенности и принудительности. Однако обе категории обладают нормативной природой, базируются на культурных традициях и отражают доминирующие социально-экономические интересы. Их взаимовлияние носит синергетический характер. Право легитимизирует моральные максимы, придавая им статус общеобязательности, тогда как мораль наполняет юридические нормы ценностным содержанием. Этот симбиоз порождает феномен морально-правового воздействия, где право выступает «каркасом», а морально – «смысловым наполнением». Например, семейное и гражданское законодательство закрепляют этические обязательства по содержанию иждивенцев, а уголовное право криминализует нарушения нравственных устоев (клевету, насилие, корысть).

Понимание сущности правовых норм требует анализа их внутренней формальной определенности, то есть, структуры, суть которой приведено ранее, однако вопрос о структурных элементах традиционно остается предметом научных споров. Так, А.Ф. Черданцев отмечал, что в «трехчленной конструкции не отражает реаль-

ное разнообразие норм», поскольку «санкция не является обязательным элементом каждой из них» [8, с. 44]. В качестве альтернативы он предлагал двучленную структуру: условия применения и юридические последствия, включая возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Данная идея подчеркивает функциональную специализацию норм. Некоторые исследователи расширяют классическую модель, например, выделяют четырехэлементарную структуру, включая, помимо гипотезы и диспозиции, субъектов правоотношений и комплекс санкций (например, в уголовном праве – наказание и иные правовые последствия). Касаемо логико-семантического аспекта структуры нормы права, правоведы оспаривают саму идею поиска структуры в рамках традиционной триады. По их мнению, норма представляет собой «нормативно-правовое суждение» с тремя аспектами: адресат (субъект), мера поведения (действие или бездействие), и побудительный мотив [9, с. 41]. Приведенная логическая формула выражается как «адресату предписывается определенное поведение», что формирует целостную смысловую единицу без обязательного включения гипотезы или санкции. Поэтому структурность нормы определяется не внешними элементами, а внутренней логической связью между ее компонентами.

Разнообразие подходов демонстрирует эволюцию методологии в изучении структуры норм. Критический анализ существующих концепций позволяет выделить рациональные тенденции: признание вариативности структуры нормы права в зависимости от ее типа, акцент на функциональной, а не количественной характеристике элементов, интеграция логико-семантических критериев в традиционную формулу структуры нормы права.

Как отмечают правоведы, «поиск универсальной модели осложняется многообразием правовых явлений» [10, с. 13], однако дискуссии стимулируют разработку новых аналитических инструментов, приближающих теорию к практике правового регулирования.

Определение состава структурных элементов правовых нормы также требует учета их дуалистической природы – необходимо разграничивать идеальную и реальную модели.

Определение состава структурных элементов правовых норм также требует учёта их дуалистической природы – необходимо разграничивать идеальную и реальную модели.

Идеальная модель, исторически выраженная в формуле «если – то – иначе», представляет собой теоретический конструкт, отражающий стремление к универсализации правового регулирования. И как указывалось ранее, современная наука находится в поиске новых структурных парадигм.

Реальная же структура, закреплённая в нормативных актах, формируется под влиянием объективных факторов – характера регулируемых отношений, воли законодателя и правовых традиций. Как подчёркивают некоторые авторы, «законодатель может изменять нормы, но не в силах трансформировать язык права и юридическое мышление» [11, с. 290].

Ключевым критерием структурного разнообразия выступает специфика общественных отношений. Например, цивилистические нормы, регулирующие, как правило, двусторонние взаимодействия, часто включают гипотезу, диспозицию, санкцию, а также элементы поощрения. Уголовно-правовые предписания, напротив, тяготеют к двучленной схеме (условие – следствие), тогда как конституционные

нормы могут ограничиваться одним декларативным элементом. Это демонстрирует, что структурная сложность нормы коррелирует с уровнем детализации регулируемого отношения.

Еще одним дискуссионным вопросом в доктрине является отграничение правовых норм от смежных с ними понятий. Некоторые исследователи, наряду с «первичными» нормами, выделяют также «вторичные нормы» [12, с. 88].

Решение проблемы, видится в доктринальной интерпретации, учитывающей не только букву закона, но и системные свойства права. Важно избегать сведения норм исключительно к правилам поведения — их сущность шире.

К вопросу о способах формулирования и изложения правовых норм в правовых актах. Значение способа изложения правовой нормы в нормативно-правовых актах невозможно переоценить. Четкое и доступное изложение норм обеспечивает их правильное понимание и применение. В случае медиации важно, чтобы правовые нормы включали четкие процедуры, параметры соглашений и критерии для оценки успешности медиации [13, с. 64].

Нормы права не содержатся в нормативных актах в готовом виде — их требуется реконструировать из текста законов посредством юридической интерпретации. Статьи законодательных документов, подчиняясь правилам языка и логики, «не дублируют структуру нормы, а лишь описывают модели поведения» [14, с. 36]. Элементы нормы права часто распределены между разными разделами одного акта или даже между несколькими правовыми источниками. Например, «гипотеза и диспозиция могут быть закреплены в одной статье, а санкция — в отдельном законе» [15, с. 54], что обусловлено логикой построения правовых предписаний.

Что касается методов изложения норм, то законодательная техника использует два подхода: прямой и непрямой, который еще включает отсылочный и бланкетный способы. Во-первых, прямой подход предполагает полное изложение всех элементов нормы в одной статье. Такие случаи редки, но удобны для правоприменения. Например, ст. 460 ГК РФ прямо устанавливает последствия неисполнения продавцом обязанности передать покупателю товар свободным от любых прав третьих лиц, объединяя условия, правила и санкции.

Во-вторых, непрямой метод характерен частичным представлением элементов. Отсылочный метод предполагает точные ссылки на другие статьи того же акта. Например, ст. 170.2 УК РФ, определяя в примечании к ней крупный размер или крупный ущерб, как общественно опасное последствие для экономических преступлений, используется в качестве отсылки большинством статей Главы 22 УК РФ для определения крупного размера или крупного ущерба. Это исключает дублирование положений, оптимизируя текст закона. В УК РФ и ГК РФ часты внутрисклаевые отсылки и ссылки между частями кодекса.

Бланкетный подход вводит неопределённые отсылки к группам актов или правилам. Например, ст. 158 УК РФ отсылает к «имуществу», а ст. 264 УК РФ отсылает к «ПДД РФ», оставляя содержание диспозиции на усмотрение иных источников. В трудовом праве, например, санкции за нарушения часто бланкетны: ст. 192 ТК РФ допускает введение дополнительных взысканий, детализируя через отсылки в федеральные законы.

Крайним проявлением бланкетности являются формулы типа «ответственность установлена законодательством», расширяющие поиск норм до всего правового массива. Так, например, согласно ст. 17 федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», указано, что «нарушение требований влечет за собой ... ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Таким образом, выбор метода изложения зависит от задач законодателя: прямое формулирование обеспечивает ясность, а не прямое — гибкость, но требует системного толкования. Сочетание этих подходов отражает баланс между детализацией и адаптивностью правового регулирования.

Рассмотрим значение нормы права в нормативно-правовых актах. С точки зрения публичного права, Д.А. Исмаилов проводя анализ правоохранительной службы как ее разновидности считает, что: «...ввиду отсутствия закона, закрепляющего систему правоохранительных органов, складывается достаточно много толкований, среди которых существует ошибочное представление о том, какие органы должны относиться к правоохранительным» [16, с. 44]. Приведя данное суждение в оценочный пример полагаем, что оно имеет отношение в том числе к рассматриваемой тематике, поскольку в данном случае роль и значение нормы права велика — нормы права играют критически важную роль в формирующемся контексте анализа и эффективного функционирования правоохранительных органов. Они не только создают правовую определенность, но и способствуют устранению неоднозначности и множества толкований, что ведет к более эффективному и прозрачному правоприменению. Без четкой нормы права, регулирующей права и обязанности правоохранительных органов, будет продолжаться существование ошибочных представлений и правовых пробелов, что в конечном итоге негативно отразится на безопасности и благополучии общества.

Следующим наглядным примером является не отсутствие законодательного закрепления, а его противоречие нормам действующего законодательства и трудности применения, о чем свидетельствует принцип состязательности и равноправия сторон, закрепленный в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Так, группа авторов, в частности, Д.А. Исмаилов, А.В. Мурузиди и Г.А. Ожегова аргументируют это тем, что несмотря на закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве указанной нормы, законодатель в статье 123 Конституции РФ четко указал на осуществление судопроизводства на основе состязательности сторон и равноправия сторон, при этом адвокат как сторона защиты не имеет право собирать доказательства, а лишь приобщать определенные справки и документы с согласия следователя [17, с. 305]. Правовой норме в системе нормативно-правовых актов также свойственно ее изменение, как минимум, путем законодательных предложений. Для решения многих вопросов авторы научных работ констатируют необходимость внесения поправок в нормы, а некоторые государственные органы власти наделены полномочиями по рассмотрению указанных предложений. Д.А. Исмаилов, уделяя максимально вопрос принципу состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве приводит множество аргументов, необходимых для рассмотрения изменений в уголовно-процессуальное законодательство [18, с. 317-319], [19, с. 99].

Следующим примером применения нормы права в уголовном законодательстве с точки зрения теоретического аспекта принято считать функцию законодательного

закрепления. Так, например, Уголовный кодекс РФ 1996 года закрепляет преступления против общественной безопасности и общественного порядка, в частности, преступления «...террористической направленности...статьи 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 205.6...» [20, с. 47], [21, с. 345]. Кроме закрепления уголовной ответственности, норма также закрепляет и иные элементы. Например, по преступлениям террористической направленности, законодатель закрепил хулиганские и экстремистские мотивы [22, с. 425]. Помимо указанной категории преступлений, законодатель закрепил и другие, в частности, ответственность за истязания, предусмотренные ст. 117 УК РФ [23, с. 27].

Кроме того, ранее при исследовании теоретического вопроса отсылочных норм, важно отметить также взаимодействие норм нескольких отраслей права между собой. Так, например, трудовое законодательство закрепляет, в частности, порядок трудоустройства и увольнения, однако, когда ведомственное законодательство, на примере, органов внутренних дел предусматривает расторжение служебного контракта [24, с. 22], однако, когда на примере органов прокуратуры – расторжение трудового договора [25, с. 73].

Уголовно-процессуальное законодательство, как обширная система нормы права закрепляет множество институтов, которым посвящены многие научные работы авторов-исследователей: принцип тайны совещательной комнаты [26, с. 143-150], формы предварительного расследования – дознание и предварительное следствие [27, с. 228-234], [28, с. 48-57], [29, с. 39-47], [30, с. 86-90], [31, с. 333-341], систему органов дознания [32, с. 67-75], общие аспекты уголовно-процессуального права [33, с. 314-321], осуществление прокурорского надзора [34, с. 87-95], деятельность органов судебной власти при осуществлении правосудия [35, с. 12-16].

Уголовное законодательство, по аналогии с уголовно-процессуальным законодательством закрепляет такие институты, как: малозначительность [36, с. 49-55], [37, с. 251-256], понятие преступления [38, с. 163-169]. С точки зрения теории уголовного права, криминология в данном случае имеет неразрывное отношение с рассматриваемой отраслью права, ввиду предмета ее изучения – причин возникновения преступлений [39, с. 33-37], в частности, миграционных преступлений, играющих важную роль в настоящее время [40, с. 688-693].

Учитывая вышеизложенное, правовые нормы являются основной правовой системы, обеспечивающей справедливое регулирование общественных отношений. Дублирование критериев (например, отраслевой принадлежности и публичного характера) обусловлено многомерностью права, но преодолеваются через приоритетность первичных критериев. Терминологическая четкость (разграничение «императивности» и «запрета») минимизирует смысловые пересечения, что подтверждается примерами из Гражданского кодекса РФ (ст. 421 ГК РФ) и Уголовного кодекса РФ (ст. 158 УК РФ). Практическая значимость модели нормы права проявляется в упрощении правоприменения. Бланкетные нормы (ст. 264 УК РФ) и отсылочные конструкции (ст. 486 ГК РФ) требуют системного толкования, которое облегчается иерархическим подходом. Перспективы исследования связаны с адаптацией модели к динамике социальных отношений. Как отмечал В.С. Нерсисянц, «живая систематизация» права возможна лишь через диалог между теорией и практикой. Проведенное исследование подтверждает, что баланс между теоретической строгостью и

практической гибкостью – ключ к эффективной классификации, отвечающей вызовам современного правового регулирования.

Список литературы:

1. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 352 с.
2. Муромцев С.А. Избранное / Муромцев С.А., Крашенинников П.В. Москва: Статут, 2015. 446 с.
3. Шершеневич Г.Ф. Избранные труды по общей теории права, гражданскому и торговому праву в 2 т. Том 2 / Г.Ф. Шершеневич; составитель В.А. Белов. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 329 с.
4. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд. СПб.: Тип. М. Меркушева, тип. т-ва «Екатерингофское печ. дело», 1909. Т. 1. 318 с.
5. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник для вузов. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. 560 с.
6. Поляков А.В. Общая теория права: учебник / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина, 3-е изд. - СПб: СПбГУ, 2017. 468 с.
7. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012. 649 с.
8. Черданцев А.Ф. Специализация и структура норм права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1970. № 1. С. 44.
9. Чернобель Г. Т. Структура норм права и механизм их действия (логические аспекты) // Правоведение. 1983. № 6. С. 40-47.
10. Перевалов В.Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5(101). С. 10-19.
11. Давид Р. Основные правовые системы современности / Рене Давид, Камилла Жоффре-Спинози; [Пер. с фр. В.А. Туманова]. М.: Междунар. отношения, 1999. 398 с.
12. Харт, Герберт Лайонел Адольф (1907-1992). Понятие права / Г. Л. А. Харт ; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева; [пер. с англ. Е. В. Афонасина и др.]. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. 300 с.
13. Исмаилов, Д. А. Применение медиации в деятельности участковых уполномоченных полиции / Д. А. Исмаилов, А. В. Мурузиди // Теология. Философия. Право. 2021. № 2(16). С. 61-69. EDN ZRIGYD.
14. Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М.: Юридическая литература, 1981. 144 с.
15. Бошно С.В. Норма права: понятия, свойства, классификация и структура // Право и современные государства. 2014. № 4. С. 49-60.
16. Исмаилов, Д. А. Правоохранительная служба: ретроспективный анализ, проблемы и решения / Д. А. Исмаилов, А. В. Мурузиди, Г. А. Ожегова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2022. – № 4(93). – С. 40-48. – EDN DGLXVT.
17. Исмаилов, Д. А. Проблема обеспечения равноправия и состязательности сторон в уголовном процессе / Д. А. Исмаилов, А. В. Мурузиди, Г. А. Ожегова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 3. – С. 301-308. – EDN PIEDDH.
18. Исмаилов, Д. А. Процессуальные проблемы реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве и пути их решения / Д. А. Исмаилов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 312-320. – EDN OKIYLQ.
19. Исмаилов, Д. А. Исторический аспект развития и становления принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве России / Д. А. Исмаилов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2025. – № 2(108). – С. 94-102. – EDN VPKSMV.
20. Исмаилов, Д. А. Терроризм как угроза национальной безопасности Российской Федерации / Д. А. Исмаилов // Академия права. – 2023. – № 3(3). – С. 43-49. – EDN UBNFHE.
21. Исмаилов, Д. А. Терминологический анализ терроризма как криминального явления: криминологический и исторический аспект / Д. А. Исмаилов // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел : сборник материалов Международной научно-практической конференции курсантов, слушателей, студентов и адъюнктов, Екатеринбург, 24 апреля 2024 года. – Екатеринбург: Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – С. 358-359. – EDN MWDGFJ.
22. Ситникова, М. П. Экстремистский и хулиганский мотивы преступлений: проблемные аспекты квалификации / М. П. Ситникова, Д. А. Исмаилов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 425-434. – EDN IVMQHT.
23. Исмаилов, Д. А. Особенности квалификации преступления, предусмотренного Ч. 1 ст. 117 УК РФ (истязание): теоретико-практический анализ / Д. А. Исмаилов, О. Ю. Савельева // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2024. – № 2(18). – С. 25-32. – EDN DQTXPH.
24. Исмаилов, Д. А. Роль и значение дисциплинарной ответственности в уголовно-процессуальной деятельности сотрудников органов внутренних дел / Д. А. Исмаилов, О. Е. Репетева // Юридический

- вестник Самарского университета. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 18-25. – DOI 10.18287/2542-047X-2023-9-2-18-25. – EDN ANTEVE.
25. Исмаилов, Д. А. Актуальные вопросы дисциплинарной ответственности работников органов прокуратуры РФ: понятие, основания, Обзор статистических данных, типичные ситуации / Д. А. Исмаилов, О. Е. Репетева // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2024. – № 3(100). – С. 65-74. – EDN KMRPMV.
26. Исмаилов, Д. А. К вопросу о нарушении принципа тайны уголовного судопроизводства в совещательной комнате / Д. А. Исмаилов, К. И. Курбачевская // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2024. – Т. 1, № 2(107). – С. 143-150. – DOI 10.51965/2076-7919_2024_1_2_143. – EDN NBVBNR.
27. Исмаилов, Д. А. Становление и развитие предварительного расследования в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмаилов, А. В. Мурузиди // Социальное управление. – 2023. – Т. 5, № S2. – С. 228-234. – EDN UOBFWQ.
28. Исмаилов, Д. А. К вопросу об актуальных проблемах предварительного следствия и дознания в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмаилов, К. И. Курбачевская // Теология. Философия. Право. – 2023. – № 2(20). – С. 48-57. – EDN GAABCE.
29. Исмаилов, Д. А. Дознание как форма предварительного расследования в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмаилов, К. И. Курбачевская // Теология. Философия. Право. – 2023. – № 2(20). – С. 39-47. – EDN WBGKCSJ.
30. Исмаилов, Д. А. Перспективы отечественного законодательства в части правового регулирования предварительного расследования / Д. А. Исмаилов, К. И. Курбачевская // Экономика. Социология. Право. – 2023. – № 4(32). – С. 86-90. – DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-04-86-90. – EDN CHLXUL.
31. Исмаилов, Д. А. Особенности предварительного следствия как формы предварительного расследования в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмаилов // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 28. – С. 333-341. – EDN ICQYCD.
32. Исмаилов, Д. А. К вопросу об определении места участковых уполномоченных полиции в системе органов дознания / Д. А. Исмаилов // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2024. – № 4(20). – С. 67-75. – EDN FESLHF.
33. Исмаилов, Д. А. Понятие и значение уголовно-процессуального права в современном государстве / Д. А. Исмаилов // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 29. – С. 314-321. – EDN EIAPAY.
34. Исмаилов, Д. А. К вопросу об актуальных аспектах прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью участкового уполномоченного полиции / Д. А. Исмаилов // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – Т. 4, № 79(123). – С. 87-95. – EDN NBYKMX.
35. Исмаилов, Д. А. К вопросу об основных направлениях деятельности, проблемах и перспективах развития судебной системы / Д. А. Исмаилов // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – Т. 2, № 77(121). – С. 12-16. – EDN KTJOIZ.
36. Кабанов, П. А. К вопросу о понятии, историческом развитии и становлении института малозначительности деяния по делам о хищении / П. А. Кабанов, Д. А. Исмаилов // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2024. – № 1(17). – С. 49-55. – EDN QRKYFI.
37. Кабанов, П. А. К вопросу о проблемных аспектах уголовно-правовой квалификации малозначительности деяния по делам о хищении / П. А. Кабанов, Д. А. Исмаилов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 251-256. – EDN IDRGCВ.
38. Ретроспективный взгляд на эволюцию понятия "преступление" в России / Д. А. Исмаилов, Д. В. Иванчук, А. А. Мишунина, А. О. Мамина // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 10(86). – С. 163-169. – EDN ANXFQZ.
39. Исмаилов, Д. А. К вопросу о понятии криминологии и предмета ее изучения / Д. А. Исмаилов // Вестник права. – 2023. – № 2(2). – С. 33-37. – EDN NJKJVU.
40. Исмаилов, Д. А. Миграция как фактор преступности / Д. А. Исмаилов // Молодежь. Наука. Общество - 2023 : Сборник студенческих работ всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции, Тольятти, 18–22 декабря 2023 года. – Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2024. – С. 688-693. – EDN RTEEEW.

Ivanov A. I. Theoretical and legal aspect of the application of a legal norma and the ways of its presentation in regulatory and legal acts // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 135-145.

Conducting a scientific study aimed at examining the application of legal norms and the methods of their expression in regulatory legal acts, this work systematizes key concepts, namely, the essence and structure of a legal norm, the conditions of its validity and applicability within the framework of law enforcement, the relationship between the textual formulation of a norm and its semantic and legal content, and the mechanisms for interpreting and clarifying norms in laws, regulations, and legal documents. Theoretical approaches to distinguishing the content of a norm (object, subject) and the forms of its derivation from the legislative structure

are analyzed, including disposition, hypothesis, and sanction. Particular attention is paid to issues related to the text of a regulatory legal act: interpretation, uniformity of application, foreseeability of legal consequences, and the risk of ambiguous wording.

Key words: legal norm, methods of presentation, legal theory, regulatory acts, criminal law, civil law, administrative law, application of legal norms, regulatory legal acts.

Spisok literatury:

1. Korkunov N.M. Lekcii po obshhej teorii prava. Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2025. 352 s.
2. Muromcev S.A. Izbrannoe / Muromcev S.A., Krashenninnikov P.V. Moskva: Statut, 2015. 446 s.
3. Shershenevich G.F. Izbranny'e trudy po obshhej teorii prava, grazhdanskomu i torgovomu pravu v 2 t. Tom 2 / G.F. Shershenevich; sostavitel' V.A. Belov. Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2025. 329 s.
4. Petrazhiczkiy L.I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej pravstvonnosti. 2-e izd. SPb.: Tip. M. Merkusheva, tip. t-va «Ekateringofskoe pech. delo», 1909. T. 1. 318 s.
5. Nersesyancz V.S. Obshhaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik dlya vuzov. Moskva: Norma: INFRA-M, 2026. 560 s.
6. Polyakov A.V. Obshhaya teoriya prava: uchebnik / A.V. Polyakov, E.V. Timoshina, 3-e izd. - SPb: SPbGU, 2017. 468 s.
7. Chestnov I.L. Postklassicheskaya teoriya prava. SPb.: Izd. dom «Alef-Press», 2012. 649 s.
8. Cherdancev A.F. Specializatsiya i struktura norm prava // Izvestiya vysshix uchebnyx zavedenij. Pravovedenie. 1970. № 1. S. 44.
9. Chernobel' G. T. Struktura norm prava i mexanizm ix dejstviya (logicheskie aspekty) // Pravovedenie. 1983. № 6. S. 40-47.
10. Perevalov V.D. Normy prava: problemy ponimaniya i opredeleniya // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2017. № 5(101). S. 10-19.
11. David R. Osnovny'e pravovy'e sistemy sovremennosti / Rene David, Kamilla Zhoffre-Spinozi; [Per. s fr. V.A. Tumanova]. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1999. 398 s.
12. Xart, Gerbert Lajonel Adol'f (1907-1992). Ponyatie prava / G. L. A. Xart ; pod obshh. red. E. V. Afonasi-na, S. V. Moiseeva; [per. s angl. E. V. Afonasi-na i dr.]. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2007. 300 s.
13. Ismajlov, D. A. Primenenie mediacii v deyatel'nosti uchastkovyx upolnomochennyx policii / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi // Teologiya. Filosofiya. Pravo. 2021. № 2(16). S. 61-69. EDN ZRIGYD.
14. Kudryavcev Yu.V. Normy prava kak social'naya informatsiya. M.: Yuridicheskaya literatura, 1981. 144 s.
15. Boshno S.V. Norma prava: ponyatiya, svoystva, klassifikatsiya i struktura // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2014. № 4. S. 49-60.
16. Ismajlov, D. A. Pravoohranitel'naya sluzhba: retrospektivnyy analiz, problemy i resheniya / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi, G. A. Ozhegova // Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. – 2022. – № 4(93). – S. 40-48. – EDN DGLXVT.
17. Ismajlov, D. A. Problema obespecheniya ravnopraviya i sostyazatel'nosti storon v ugolovnom processe / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi, G. A. Ozhegova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2022. – T. 8 (74), № 3. – S. 301-308. – EDN PIEDDH.
18. Ismajlov, D. A. Processual'ny'e problemy realizatsii principa sostyazatel'nosti storon v ugolovnom sudoproizvodstve i puti ix resheniya / D. A. Ismajlov // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2025. – T. 11, № 2. – S. 312-320. – EDN OKIYLQ.
19. Ismajlov, D. A. Istoricheskij aspekt razvitiya i stanovleniya principa sostyazatel'nosti storon v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii / D. A. Ismajlov // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2025. – № 2(108). – S. 94-102. – EDN VPKSMV.
20. Ismajlov, D. A. Terrorizm kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii / D. A. Ismajlov // Akademiya prava. – 2023. – № 3(3). – S. 43-49. – EDN UBNFHE.
21. Ismajlov, D. A. Terminologicheskij analiz terrorizma kak kriminal'nogo yavleniya: kriminologicheskij i istoricheskij aspekt / D. A. Ismajlov // Aktual'ny'e problemy pravooxranitel'noj deyatel'nosti organov vnutrennix del : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii kursantov, slushatelej, studentov i ad'yunktov, Ekaterinburg, 24 aprelya 2024 goda. – Ekaterinburg: Ural'skij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2024. – S. 358-359. – EDN MWDGFJ.
22. Sitnikova, M. P. E'kstremistskij i xuliganskij motivy prestuplenij: problemny'e aspekty kvalifikatsii / M. P. Sitnikova, D. A. Ismajlov // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10, № 4. – S. 425-434. – EDN IVMQHT.
23. Ismajlov, D. A. Osobennosti kvalifikatsii prestupleniya, predusmotrennogo Ch. 1 st. 117 uk RF (istyezanie): teoretiko-prakticheskij analiz / D. A. Ismajlov, O. Yu. Savel'eva // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva. – 2024. – № 2(18). – S. 25-32. – EDN DQTXPH.
24. Ismajlov, D. A. Rol' i znachenie disciplinarnoj otvetstvennosti v ugolovno-processual'noj deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennix del / D. A. Ismajlov, O. E. Repeteva // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. – 2023. – T. 9, № 2. – S. 18-25. – DOI 10.18287/2542-047X-2023-9-2-18-25. – EDN ANTEVE.

25. Ismajlov, D. A. Aktual'ny'e voprosy` disciplinarnoj otvetstvennosti rabotnikov organov prokuratury` RF: ponyatie, osnovaniya, Obzor statisticheskix dannyx, tipichny'e situacii / D. A. Ismajlov, O. E. Repeteva // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. – 2024. – № 3(100). – S. 65-74. – EDN KMRPMV.
26. Ismajlov, D. A. K voprosu o narushenii principa tajny` ugovnogo sudoproizvodstva v soveshchatel'noj komnate / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva. – 2024. – T. 1, № 2(107). – S. 143-150. – DOI 10.51965/2076-7919_2024_1_2_143. – EDN NBVBNR.
27. Ismajlov, D. A. Stanovlenie i razvitie predvaritel'nogo rassledovaniya v ugovnom sudoproizvodstve / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi // Social'noe upravlenie. – 2023. – T. 5, № S2. – S. 228-234. – EDN UOBFWQ.
28. Ismajlov, D. A. K voprosu ob aktual'nyx problemax predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya v ugovnom sudoproizvodstve / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // Teologiya. Filosofiya. Pravo. – 2023. – № 2(20). – S. 48-57. – EDN GAABCE.
29. Ismajlov, D. A. Doznanie kak forma predvaritel'nogo rassledovaniya v ugovnom sudoproizvodstve / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // Teologiya. Filosofiya. Pravo. – 2023. – № 2(20). – S. 39-47. – EDN WBGKJ.
30. Ismajlov, D. A. Perspektivy` otechestvennogo zakonodatel'stva v chasti pravovogo regulirovaniya predvaritel'nogo rassledovaniya / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // Ekonomika. Sociologiya. Pravo. – 2023. – № 4(32). – S. 86-90. – DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-04-86-90. – EDN CHLXUL.
31. Ismajlov, D. A. Osobennosti predvaritel'nogo sledstviya kak formy` predvaritel'nogo rassledovaniya v ugovnom sudoproizvodstve / D. A. Ismajlov // Voprosy` rossijskoj yusticii. – 2023. – № 28. – S. 333-341. – EDN ICQYCD.
32. Ismajlov, D. A. K voprosu ob opredelenii mesta uchastkovyx upolnomochennyx policii v sisteme organov doznaniya / D. A. Ismajlov // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva. – 2024. – № 4(20). – S. 67-75. – EDN FESLHF.
33. Ismajlov, D. A. Ponyatie i znachenie ugovno-processual'nogo prava v sovremenном gosudarstve / D. A. Ismajlov // Voprosy` rossijskoj yusticii. – 2024. – № 29. – S. 314-321. – EDN EIAPAY.
34. Ismajlov, D. A. K voprosu ob aktual'nyx aspektax prokurorskogo nadzora za ugovno-processual'noj deyatel'nost'yu uchastkovogo upolnomochennogo policii / D. A. Ismajlov // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – T. 4, № 79(123). – S. 87-95. – EDN NBYKMX.
35. Ismajlov, D. A. K voprosu ob osnovnyx napravleniyax deyatel'nosti, problemax i perspektivax razvitiya sudebnoj sistemy` / D. A. Ismajlov // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – T. 2, № 77(121). – S. 12-16. – EDN KTJOIZ.
36. Kabanov, P. A. K voprosu o ponyatii, istoricheskom razvitii i stanovlenii instituta maloznachitel'nosti deyaniya po delam o xishhenii / P. A. Kabanov, D. A. Ismajlov // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva. – 2024. – № 1(17). – S. 49-55. – EDN QRKYFI.
37. Kabanov, P. A. K voprosu o problemnyx aspektax ugovno-pravovoj kvalifikacii maloznachitel'nosti deyaniya po delam o xishhenii / P. A. Kabanov, D. A. Ismajlov // Uchenye zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10, № 2. – S. 251-256. – EDN IDRGC.
38. Retrospektivnyj vzglyad na e`volyciyu ponyatiya prestuplenie v Rossii / D. A. Ismajlov, D. V. Ivanchuk, A. A. Mishunina, A. O. Mamina // Skif. Voprosy` studencheskoj nauki. – 2023. – № 10(86). – S. 163-169. – EDN ANXFQZ.
39. Ismajlov, D. A. K voprosu o ponyatii kriminologii i predmeta ee izuchenii / D. A. Ismajlov // Vestnik prava. – 2023. – № 2(2). – S. 33-37. – EDN NJKJVU.
40. Ismajlov, D. A. Migraciya kak faktor prestupnosti / D. A. Ismajlov // Molodezh`. Nauka. Obshhestvo - 2023 : Sbornik studencheskix rabot vsrossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy mezhdisciplinarnoj konferencii, Tol'yatti, 18–22 dekabrya 2023 goda. – Tol'yatti: Tol'yattinskij gosudarstvennyj universitet, 2024. – S. 688-693. – EDN RTEEEW.

УДК 342.9

СЛУЖБА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СОБЫТИЯ, ФАКТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ)

Каляшин А. В., Бубнова Ю. Г.

В работе в обобщенной форме проведено исследование отдельных событий, которые могли оказать или непосредственно положительное, или отрицательное влияние на формирование действующей сегодня в УИС модели профессионально-служебной деятельности. В ходе целенаправленного изучения, во взаимосвязи с рядом изменений и процессом развития, проведен анализ нормативных предписаний, позиций ученых и судебной практики, касающихся становления профессионально-служебной деятельности в УИС в качестве отдельной разновидности федеральной государственной службы в составе государственной службы иных видов системы отечественной государственной службы. В заключение, авторы, исходя из результатов исследования, обозначили необходимость дальнейшего теоретического осмысления вопросов и перспективных тенденций совершенствования модели профессионально-служебной деятельности в УИС в неотрывной взаимной связи с происходящими последовательными изменениями в публичной власти, а также в едином комплексе видов публичной и государственной службы.

Ключевые слова: публичная власть, публичная служба, государственная служба, муниципальная служба, модель, развитие, учреждения, органы, уголовно-исполнительная система, развитие, тенденции.

Юридически закреплённое в настоящий момент положение государственной службы в учреждениях и органах отечественной уголовно-исполнительной системы (далее – служба в УИС) всё ещё продолжает относиться к одному из незавершённых правовых институтов в административно-правовой науке и неразрывно связано с реализуемыми в Российской Федерации общественными преобразованиями, в числе которых переустройство в единой системе государственной службы, повлекшее за собой обновление традиционного комплекса административно-правовых норм.

На сегодняшний день профессионально-служебная деятельность в УИС, представляя собой самостоятельный вид федеральной государственной службы, не может развиваться вне процессов, происходящих в российском обществе. Она требует совершенствования и связана прежде всего с интенсивным развитием отечественной профессиональной деятельности на государственных штатных единицах и должностях государственной и муниципальной службы. Следует отметить, что изложенная выше мысль нашла свое отражение в итогах научной работы Р.В. Нагорного, который, исследовав нерешенные вопросы становления и развития службы в УИС в качестве отдельной разновидности и субинститута отечественной государственной службы, аргументировал позицию о ее специфическом состоянии, заключающемся в межотраслевом правовом регулировании [1, с. 111–118].

Далее в лаконичной форме рассмотрим некоторые ключевые моменты, которые могли непосредственно оказать позитивное или негативное воздействие на развитие действующей модели профессионально-служебной деятельности в УИС, сложившейся в ходе закономерной эволюции отечественной государственной службы, а также законодательного регулирования государственно-служебных отношений. Среди множества различных обстоятельств, повлиявших на становление службы в УИС, прежде всего необходимо отметить произошедшие в России в XX в. административные преобразования 1991–1999 гг., в XXI в. административную реформу 2003–2010

гг., включая совершенствование целостной системы российской государственной службы 2003–2016 гг., которые привели к переосмыслению института государственной службы и поставили вопросы о необходимости введения в его границы новой совокупности правовых норм, регулирующих узкую разновидность служебных отношений, от правильного решения которых зависит её будущая видовая структура.

Значительное воздействие на развитие службы в УИС могло оказать введение в действие следующих предлагаемых к принятию юридических документов, направленных на установление, изменение или отмену норм права в сфере профессионально-служебной деятельности, а именно: систематизированного свода законов о государственной службе, общегосударственных законодательных актов о федеральной государственной и правоохранительной службе, а также иные предварительные тексты законов, предлагаемые для рассмотрения и принятия. Относительно кодификации российского законодательства о государственной службе и необходимости подготовки служебного кодекса приведем мнение А. Б. Иванова, исследовавшего в своей научной работе указанные вопросы с позиции исторических событий 1990-х годов и сделавшего заключение о неполной сформированности в данный период времени кодификационных предпосылок, а также поспешном решении о подготовке проекта Кодекса о государственной гражданской службе [2, с. 132–141].

В полной взаимосвязи с вышеизложенным тезисом сосредоточимся на нормативном предписании формирования в сфере правоохранительной деятельности, в качестве разновидности профессионально-служебной деятельности, правоохранительной службы как целостной системы, имеющей общие черты с такими видами государственной службы, как гражданская и военная. В рамках федерального законодательства нормативно было определено понятие, содержащее наиболее существенные признаки категории «правоохранительная служба», с оговоркой о применении, связанной с датой вступления в силу федерального закона о данном виде профессиональной служебной деятельности, а также основополагающие начала единства организационно-правовых основ государственной службы посредством установления в Федеральном законе от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [3] (далее – Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ). При этом работа над текстом проекта федерального закона о правоохранительной службе велась около 10 лет, но, к большому сожалению, так и не была доведена до логического завершения. В итоге, работы – в условиях отсутствия планомерной системы понимания совершенствования правоохранительной сферы в нашей стране и нормативного установления понятия «правоохранительная служба» – Федеральный закон «О государственной правоохранительной службе Российской Федерации» так и не был принят, а изучаемый тип профессионально-служебной деятельности в 2016 г. был исключен законодателем из перечня видов государственной службы.

Со своей стороны, действие законодателя, направленное на прекращение применения юридического понятия «правоохранительная служба» при изложении содержания текста Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ, подверглось конструктивной критике в среде ученых-юристов. В частности, С.Е. Чаннов, объективно оценивая и анализируя исключение понятия и определение категории «правоохранительная служба» из перечня видов государственной службы и вопроса о ее существовании, высказал критические суждения по причине характеристики профессионально-

служебной деятельности на конкретных штатных единицах в правоохранительных органах определенным внутренним единством, а также обладания ею совокупностью специфических признаков по сравнению со службой гражданской и военной [4, с. 64–71]. В данном контексте объективно отметить исследователей, в числе которых Т. В. Буракова, увидевшая в обстоятельствах законодательных изменений, ориентированных на уточнение системы государственной службы, перспективные направления в развитии службы в УИС в качестве правового института, включая появление юридических условий для подготовки федерального законодательного акта, его регламентирующего ее прохождение [5, с. 2–4].

Вследствие фактического исключения из перечня видов государственной службы правоохранительной службы, замены её понятием иных видов государственной службы без определения его юридического понятия и конкретного перечня её типов, а также доктринального использования категорий «правоохранительная деятельность», «органы» и «служба», в научных кругах возникла идея о принятии на федеральном уровне законодательного акта о правоохранительной деятельности. В предлагаемом юридическом документе рекомендуется закрепить определение понятия рассматриваемого вида деятельности с отражением в его содержании существенных признаков, а также утвердить список с перечислением конкретных видов федеральной государственной службы, связанных с правоохранительной деятельностью.

В совокупности рассматриваемых нерешенных вопросов значимо привести суждения А.В. Ольшевского и Е.Д. Заяева, полагающих, что сегодня положено начало созданию юридической базы в целях подготовки единого законодательного акта о правоохранительной службе, полученного в результате проведенного анализа правовой основы профессионально-служебной деятельности и социальных гарантий в органах исполнительной власти федерального уровня, в которых осуществляется федеральная государственная служба, непосредственно связанная с правоохранительной деятельностью [6, с. 59–62]. Наряду с этим исследованием в своей научной работе В.А. Козбаненко, рассмотрев иные виды государственной службы со стороны закона и системы научных взглядов, полагает, что принятие федерального законодательного акта о правоохранительной деятельности в замещение признанного неперспективным законодательного акта федерального уровня о правоохранительной службе не добавит необходимой незыблемости в структуру нормативно установленной дефиниции [7, с. 92–101].

Нельзя не остановиться на явлении, отрицательно сказавшемся на процессе своевременного развития профессионально-служебной деятельности в УИС, сопряжённом с долгим временным отсутствием законодательной регламентации вопросов прохождения службы сотрудниками УИС, нормативного закрепления профессионально-служебной деятельности в ФСИН России, в её учреждениях и органах в качестве отдельного вида государственной службы федерального уровня. Это предполагало внесение изменений и дополнений в нормативные правовые акты и требовало серьёзного научного обоснования. Ситуация длительного отсутствия целенаправленного воздействия служебных норм права, в отличие от некоторых других государственных органов правоохранительного блока, создала значительное отставание в регламентации правовых отношений, связанных со службой в УИС, и практического претворения в жизнь профессионально-служебной деятельности в ФСИН России, её учреждениях и органах, прежде чем она была осмыслена в теоретической системе взглядов и упоря-

дочена отношениями с помощью юридических правил и иных средств. В связи с этим, в тот период времени они представляли собой не результат обдумываний и обсуждений, а реальный юридический факт-событие.

Долгожданный и с нетерпением ожидаемый Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [8] (далее – Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ) вступил в юридическую силу 1 августа 2018 года. Рассматриваемый юридический документ начал действовать по истечении более двух десятков лет с момента определения в 1998 году в рамках реформирования системы исполнения наказаний в законодательном акте нормативного требования о его принятии. В Федеральном законе от 19.07.2018 № 197-ФЗ определена совокупность организационных норм, комплекс нормативных правовых актов, которые регулируют правовые отношения, связанные с прохождением службы в УИС, включая вопросы юридического закрепления статуса ее сотрудников, а также гарантии их социальной защиты. Придание юридической силы Федеральному закону от 19.07.2018 № 197-ФЗ окончательно завершило период времени, связанный с проблематикой использования различных юридических категорий в отношениях, связанных с профессионально-служебной деятельностью в ФСИН России, ее учреждениях и органах, с закреплением правового понятия службы в УИС РФ и определением ее в качестве самостоятельной разновидности федеральной государственной службы. Развивая ход осмысления выдвинутого тезиса, приведем точку зрения А.М. Боброва, указывающего на принятие Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ с заметной задержкой во времени, в соответствии с законодательным предписанием, а также его введение вместо Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, которое устарело и давно не отвечало существующей правовой действительности [9].

Следующее по порядку явление, естественно оказывающее воздействие на эволюцию службы в УИС, выступающей в положении самостоятельного вида федеральной государственной службы, неразрывно соединено с преобразованиями, которые произошли в видовой структуре российской государственной службы, а именно с введением в её состав автономным элементом иных видов государственной службы. Действительно, в первый день 2016 г. вступил в силу и начал свое действие Федеральный закон от 13.07.2015 № 262-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения видов государственной службы и признании утратившей силу части 19 статьи 323 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [10]. В основной части, устанавливающей правовую норму рассматриваемого Закона (статья 2), была осуществлена уточняющая поправка в составе единой системы государственной службы, заключающаяся в закреплении ранее не существовавшего вида профессионально-служебной деятельности. До внесения поправок видовая структура государственной службы включала в себя три автономных элемента: гражданскую, военную и правоохранительную службы. Спектр исследуемых вопросов системы государственной службы отличается разнообразием и получил освещение в ряде научных работ. Так, М.А. Вашаева и В.Н. Закопырин, подробно изучив видовую структуру государственной службы со стороны системообразующих критериев, обосновали необходимость законодательного

установления характерных ей признаков, в числе которых применение мер специального принуждения [11, с. 62–66].

После внесения изменений вместо правоохранительного вида профессиональной служебной деятельности введен новый тип службы с неопределенным количеством разновидностей, а именно иных видов государственной службы, устанавливаемых федеральными законами. При этом в тексте Закона, при закреплении нормативно-правового предписания законодателем, не была определена легальная дефиниция юридического термина-категории «иные виды государственной службы», отражающая существенные качественные признаки, и не перечислены конкретные ее разновидности, что, в свою очередь, не позволяет четко определить, в каких органах государства она осуществляется. В обозначенной проблематике приведем результаты работы О. А. Короткова, И. С. Соколовой, К. И. Белова, изучивших ситуацию с не установлением в законодательстве на федеральном уровне официального определения понятия «государственная служба иных видов» и отмечающих возникновение трудностей с определением списка органов государственной власти, в которых возможно прохождение подобного рода профессионально-служебной деятельности, а также указывающих на нормативное закрепление связи с правоохранительной деятельностью [12, с. 90–95].

С нашей позиции, в данный период времени, на основе детального осмысления содержания отдельных общеобязательных норм законодательства, обзора судебной практики, научной литературы [11, с. 24–30] и выделяемых критериев [13, с. 6–12], служба в УИС как самостоятельный вид государственной службы федерального уровня может быть включена в объединяющее понятие термина «государственная служба иных видов» и в перечень её типов в качестве отдельного составного элемента.

В подтверждение изложенной позиции в рамках норм права в первую очередь следует указать на то, что иные виды государственной службы представляют собой самостоятельную разновидность федеральной государственной службы, в связи с чем организация и установление правил прохождения различных типов профессионально-служебной деятельности находятся в общероссийской сфере компетенции. Во-вторых, приведем положение, определяющее установление иных видов государственной службы исключительно федеральными законами, что, в свою очередь, предполагает регламентацию государственно-служебных отношений в данной сфере на общегосударственном уровне и осуществление профессионально-служебной деятельности российскими гражданами для обеспечения исполнения полномочий России и федеральных органов государственной власти. Подобный подход, основанный на оценке фактической реальности и системе аргументов по поводу норм и правового регулирования о включении в перечень видов федеральной государственной службы анализируемого типа профессионально-служебной деятельности в УИС, выражен в тематическом обзоре судебной практики, посвященном рассмотрению споров, непосредственно связанных с прохождением службы в органах исполнительной власти федерального уровня, осуществляющих правоохранительную деятельность, в числе которых органы внутренних дел, ФСИН России, федеральная противопожарная служба, Следственный комитет РФ [14].

В связи со сказанным, на наш взгляд, в настоящее время нет никаких препятствий для подготовки и введения в действие на общегосударственном уровне законодатель-

ного акта, в тексте которого можно определить основные свойства соответствующей нормативной дефиниции и отдельного вида профессионально-служебной деятельности в качестве единой системы, связанной с правоохранительной деятельностью федеральной государственной службы, с обязательным объединением и перечислением всех её типов. В сложившейся ситуации представляется верным установление прохождения изучаемой профессионально-служебной деятельности в федеральных органах государственной власти, которые ведают вопросами безопасности государства, внутренних дел, исполнения наказаний, таможенного дела, пожарной безопасности, а также в других структурах, осуществляющих правоохранительные функции [15, с. 72–81].

В обоснование значимости высказанной идеи, отметим результаты научной работы И.Н. Дехтярь, отмечающего незакреплённость в действующем законодательстве, в противоречие единства подхода к организации государственной службы, легального определения понятия государственной службы иных видов, присущей ей признаков, а также полного списка включенный в ее состав типов. В исследовании автором предложено принять основополагающий акт, устанавливающий собственные основные начала исследуемого типа службы, списка видов правоохранительных органов, относящиеся ко всем видам ограничения и запреты для государственных служащих, дисциплинарные взыскания, меры поощрения, а также перечень социальных гарантий [16, с. 30–38].

Крайнее событие, повлиявшее на развитие службы в УИС, связано с 1.07.2020 г., а точнее с итогами конституционно-правового закрепления в рамках российской общегосударственной модели публичной власти как единой системы, объединившей в организационной форме все уровни органов власти государственной и местного самоуправления, действующих на территории страны и находящихся во взаимоотношениях между собой [17]. В свою очередь, эти концептуальные изменения в отечественной публичной власти обусловили и привели к модификации действующих в сфере государственного управления самостоятельных типов государственной и муниципальной службы, отличающихся масштабом реализуемых задач и правовым статусом, с объединением их в единую систему публичной службы. Обозначенный круг вопросов привлек внимание А.Н. Митина, проанализировавшего факторы, объединяющие публичную власть и службу. По результатам научной работы автор сделал вывод об интеграции государственной и муниципальной службы единой конституционно-правовой природой, состоящей, в том числе, в реализации публичной власти. По мнению специалиста, указанное положение исходит из характерного основного начала публичности современного управления государством. Специалист полагает, что публичная власть не может быть только государственной, и отмечает наличие различных ее организационных форм [18, с. 127–140].

При этом юридическая категория «государственная служба», не получив в данный момент правового закрепления в законодательстве, стала предметом интенсивных исследований в работах отечественных ученых. Для изложенного суждения весьма полезным является справедливое высказывание С.Ю. Адонина о закономерном продвижении, направленном на изменение государственной власти в качестве юридического института, закрепленного в конституционно-правовых положениях. По мнению автора, в данный период времени представляется возможным удостове-

рить становление комплекса руководящих положений и норм, определяющих государственную службу в системе управления государством. Выражая свою точку зрения, автор, опираясь на системно-целостный подход, определил круг вопросов, касающихся правовых основ изучаемого института и юридической регламентации деятельности государственных служащих [19, с. 19–23].

В заключении, основываясь на результатах исследования произошедших событий, выявленных проблем, позиции ученых и нормативные предписания, представляется верным сделать промежуточные выводы и обозначить перспективные тенденции в развитии службы в УИС.

Действующая сегодня в УИС собственная модель профессионально-служебной деятельности нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении в неотрывной взаимосвязи с происходящими процессами в развитии публичной власти, а также системами публичной и государственной службы. Рассматриваемая познавательная процедура подразумевает под собой проведение значительного количества качественных научных исследований по указанной проблематике, которая в полной мере позволит претворить в жизнь комплексный подход в исследовании действующего в УИС типа профессионально-служебной деятельности в видовой совокупности публичной и государственной службы, взаимодействующих между собой с целью достижения определенных результатов в рамках государственного управления. Формирование самостоятельной модели службы в УИС осуществляется под воздействием событий, происходящих в российском обществе, предопределяя несколько вариантов развития и реализуется в соответствии с исходными положениями построения и функционирования единой системы отечественной государственной службы, представляющей собой подвид публичной службы, и относится к непосредственной разновидности федеральной профессионально-служебной деятельности.

При условии подготовки, принятия и вступления в силу на общегосударственном уровне законодательного акта, регламентирующего отношения, связанные с прохождением публичной службы, представляющего собой форму рамочного юридического документа, будут установлены общие правила для прохождения всех разновидностей профессиональной деятельности, осуществляемой на государственных штатных единицах, а также должностях государственной и муниципальной службы. Зафиксированные в тексте закона определения (дефиниции) базовых понятий, система, включающая видовую совокупность публичной службы, и вопросы обеспечения взаимосвязи всех ее типов будут распространяться, в том числе на специальную профессионально-служебную деятельность сотрудников, федеральных государственных гражданских служащих и служащих УИС. В системе публичной службы в единой взаимосвязанной и взаимодействующей совокупности элементов необходимо объединить весь видовой комплекс государственной службы, входящий в ее систему, а также не включенную в ее состав муниципальную профессиональную деятельность. Система государственной службы будет представлять собой подсистему публично-профессиональной деятельности, объединяющую в себе единую совокупность трех ее видов, имеющих юридическое оформление в форме комплекса нормативных правовых актов, регулирующих отношения в связи с прохождением службы, характерные отличительные черты и специальное юридическое положение.

Непосредственно службу в УИС, представляющую собой автономную разновидность федеральной профессионально-служебной деятельности, по причине отсутствия в позитивном праве дефиниции понятия и списка, в котором перечисляются типы государственной службы иных видов, допустимо включить самостоятельной частью в состав последней. В данный период времени профессионально-служебная деятельность в УИС осуществляется на общегосударственном уровне, прохождение службы установлено специальным федеральным законодательным актом исключительно в ФСИН России, ее учреждениях и органах, непосредственно связана с назначением в сфере управления государством и юридическим положением, заключающимся в реализации правоохранительных функций.

Список литературы:

1. Нагорных Р.В. Служба в уголовно-исполнительной системе как разновидность государственной службы российской федерации и ее принципы // Журнал прикладных исследований. – 2025. – № 2. – С. 111–118.
2. Иванов А.Б. Из истории кодификации законодательства Российской Федерации о государственной службе (1990-е годы) // Демидовский юридический журнал. – 2023. – Т. 13. – № 2. – С. 132–141.
3. О системе государственной службы Российской Федерации: федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // Российская газета. – 2003. – № 104. – 31 мая.
4. Чаннов С.Е. Государственная правоохранительная служба: быть или не быть? // Журнал российского права. – 2016. – № 11. – С. 64–71.
5. Бураков Т.В. Новое в законодательстве о службе в уголовно-исполнительной системе // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2016. – № 1 (164). – С. 2–4.
6. Ольшевский А.В., Заяев Е.Д. Законодательные предпосылки для возвращения на современном этапе к вопросу о правоохранительной службе // Административное право и процесс. – 2019. – № 10. – С. 59–62.
7. Козбаненко В.А. Иные виды государственной службы - правоохранительная служба: закон и доктрина // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 9. – С. 92–101.
8. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ // Российская газета – 2018. – № 160. – 25 июля.
9. Вашаев М.А., Закопырин В.Н. Система государственной службы и применение специальных мер принуждения как ее системообразующий критерий // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 62–66.
10. Короткова О.А., Соколов И.С., Белова К.И. Государственная служба иных видов: терминологическая неопределенность, субъекты осуществления // International Law Journal. – 2021. – Т. 4. № 3. – С. 90–95.
11. Бобров А.М. Комментарий к Федеральному закону от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"» (постатейный). Пермь: ПГНИУ, 2019. – 260 с.
12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения видов государственной службы и признании утратившей силу части 19 статьи 323 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации: федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 262-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29 (часть I), ст. 4388.
13. Завитова С.В., Перов С.В. Служба в уголовно-исполнительной системе как вид государственной службы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2018. – № 3 (43). – С. 24–30.
14. Гуринович А.Г. О критериях определения понятия и состоянии правового регулирования государственной службы Российской Федерации иных видов // Государственная служба. – 2021. – №3 (131). – С. 6–12.
15. Дехтярь И.Н. Некоторые вопросы правового регулирования государственной службы иных видов в аспекте соответствия принципу единства организационных и правовых основ государственной службы // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 4. – С. 30–38.
16. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс.

17. Карпов Э.С. К вопросу о правовом регулировании государственной службы иных видов в системе государственной службы Российской Федерации // Пенитенциарная наука. – 2023. – Т. 17. – № 1 (61). – С. 72–81.
18. Митин А.Н. Интегрирующие факторы взаимодействия публичной власти и публичной службы // Публичная служба: правовой и управленческий аспекты: материалы по итогам научно-практической конференции с международным участием, 15–16 апреля 2021 г. / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет». – Екатеринбург, – 2021. – С. 127–140.
19. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «о» // Рос. газ. – 2020. – № 55. – 16 марта.
20. Адонина С.Ю. Правовые основы публичной службы в Российской Федерации: отдельные проблемы законодательства // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2023. – № 4. – С. 19–23.

Kalyashin A.V., Bubnova Yu.G. Service in the criminal-executive system of the Russian Federation (events, actual situation and main development trends) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 146–155.

This paper presents a comprehensive study of individual events that may have directly positively or negatively influenced the development of the current professional service model in the Penal System. Through a targeted study, in conjunction with a number of changes and developments, we analyzed regulatory provisions, scholarly positions, and judicial practice related to the development of professional service in the Penal System as a distinct type of federal civil service within the civil service of other types within the domestic civil service system. In conclusion, the authors, based on the results of the study, identified the need for further theoretical understanding of the issues and prospective trends in improving the professional service model in the Penal System, in close connection with ongoing, consistent changes in public administration, as well as within the unified complex of types of public and civil service.

Key words: public authority, public service, civil service, municipal service, model, development, institutions, bodies, penal system, development, trends.

Spisok literatury:

1. Nagornikh R.V. Sluzhba v ugolovno-ispolnitelnoy sisteme kak raznovidnost gosudarstvennoy sluzhby rossijskoj federatsii i ee printsipy // Zhurnal prikladnykh issledovaniy. – 2025. – № 2. – С. 111–118.
2. Ivanov A.B. Iz istorii kodifikatsii zakonodatelstva Rossijskoj Federatsii o gosudarstvennoy sluzhbe (1990-e gody) // Demidovskij yuridicheskij zhurnal. – 2023. – Т. 13. – № 2. – С. 132–141.
3. O sisteme gosudarstvennoy sluzhby Rossijskoj Federatsii: feder. zakon ot 27 maya 2003 g. № 58-FZ // Rossijskaya gazeta. – 2003. – № 104. – 31 maya.
4. Channov S.E. Gosudarstvennaya pravookhranitel'naya sluzhba: byt ili ne byt? // Zhurnal rossijskogo prava. – 2016. – № 11. – С. 64–71.
5. Burakov T.V. Novoe v zakonodatel'stve o sluzhbe v ugolovno-ispolnitelnoy sisteme // Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoy sistemy. – 2016. – № 1 (164). – С. 2–4.
6. Olshevskij A.V., Zayaev E.D. Zakonodatelnye predposylki dlya vozvrashcheniya na sovremennoy etape k voprosu o pravookhranitelnoy sluzhbe // Administrativnoe pravo i protsess. – 2019. – № 10. – С. 59–62.
7. Kozbanenko V.A. Inye vidy gosudarstvennoy sluzhby - pravookhranitel'naya sluzhba: zakon i doktrina // Aktualnye problemy rossijskogo prava. – 2018. – № 9. – С. 92–101.
8. O sluzhbe v ugolovno-ispolnitelnoy sisteme Rossijskoj Federatsii i o vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federatsii «Ob uchrezhdeniyakh i organakh, ispolnyayushchikh ugolovnye nakazaniya v vide lisheniya svobody: federalnyy zakon ot 19 iyulya 2018 g. № 197-FZ // Rossijskaya gazeta – 2018. – № 160. – 25 iyulya.
9. Vashaev M.A., Zakopyrin V.N. Sistema gosudarstvennoy sluzhby i primeneniye spetsialnykh mer prinuzhdeniya kak ee sistemoobrazuyushchij kriterij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2023. – № 1. – С. 62–66.
10. Korotkova O.A., Sokolov I.S., Belova K.I. Gosudarstvennaya sluzhba inyykh vidov: terminologicheskaya neopredelennost, sub"ekty osushchestvleniya // International Law Journal. – 2021. – Т. 4. № 3. – С. 90–95.
11. Bobrov A.M. Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 19 iyulya 2018 g. № 197-FZ «O sluzhbe v ugolovno-ispolnitelnoy sisteme Rossijskoj Federatsii i o vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federatsii "Ob uchrezhdeniyakh i organakh, ispolnyayushchikh ugolovnye nakazaniya v vide lisheniya svobody"» (postatejnyy). Perm: PGNIU, 2019. – 260 s.
12. O vnesenii izmenenij v otdelnye zakonodatelnye akty Rossijskoj Federatsii v chasti utochneniya vidov gosudarstvennoy sluzhby i priznaniy utrativshey silu chasti 19 stati 323 Federalnogo zakona «O tamozhennoy regulirovaniy v Rossijskoj Federatsii: federalnyy zakon ot 13 iyulya 2015 g. № 262-FZ // Sobranie zakonodatelstva Rossijskoj Federatsii. – 2015. – № 29 (chast I), st. 4388.
13. Zavitova S.V., Perov S.V. Sluzhba v ugolovno-ispolnitelnoy sisteme kak vid gosudarstvennoy sluzhby // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. – 2018. – № 3 (43). – С. 24–30.

14. Gurinovich A.G. O kriteriyakh opredeleniya ponyatiya i sostoyanii pravovogo regulirovaniya gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federatsii inyx vidov // Gosudarstvennaya sluzhba. – 2021. – №3 (131). – S. 6–12.
15. Dekhtyar I.N. Nekotorye voprosy pravovogo regulirovaniya gosudarstvennoj sluzhby inyx vidov v aspekte sootvetstviya printsipu edinstva organizatsionnykh i pravovykh osnov gosudarstvennoj sluzhby // Pravovaya politika i pravovaya zhizn. – 2023. – № 4. – S. 30–38.
16. Obzor praktiki rassmotreniya sudami del po sporam, svyazannym s prokhozhdeniem sluzhby federalnymi gosudarstvennymi sluzhashchimi (sotrudnikami organov vnutrennikh del, sotrudnikami organov ugolovno-ispolnitelnoj sistemy, sotrudnikami Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federatsii, sotrudnikami inyx organov, v kotorykh predusmotrena federalnaya gosudarstvennaya sluzhba), utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 15.11.2017 // Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsultant Plyus.
17. Karpov E.S. K voprosu o pravom regulirovanii gosudarstvennoj sluzhby inyx vidov v sisteme gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federatsii // Penitentsiarnaya nauka. – 2023. – T. 17. – № 1 (61). – S. 72–81.
18. Mitin A.N. Integriruyushchie faktory vzaimodejstviya publichnoj vlasti i publichnoj sluzhby // Publichnaya sluzhba: pravovoj i upravlencheskij aspekty: materialy po itogam nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 15–16 aprelya 2021 g. / Federalnoe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatelnoe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Uralskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet». – Ekaterinburg, – 2021. – S. 127–140.
19. O sovershenstvovanii regulirovaniya otdelnykh voprosov organizatsii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti: Zakon Rossijskoj Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossijskoj Federatsii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ «» // Ros. gaz. – 2020. – № 55. – 16 marta.
20. Adonina S.YU. Pravovye osnovy publichnoj sluzhby v Rossijskoj Federatsii: otdelnye problemy zakonodatelstva // Munitsipalnaya sluzhba: pravovye voprosy. – 2023. – № 4. – S. 19–23..

УДК 34:1(091):343.8(438)

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЙ ГЕНЕЗИСА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО

Карая А. В., Чередниченко С. Р.

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Статья посвящена комплексному анализу эволюции философско-правовых концепций наказания и их практической реализации в контексте социальных трансформаций Нового времени. В центре исследования находится переход от умозрительных теоретических построений эпохи Просвещения к практическому внедрению пенитенциарных реформ, который рассматривается на фоне общеевропейских правовых процессов, с особым акцентом на специфику Царства Польского. В работе подробно исследуются две фундаментальные парадигмы наказания: ретрибутивная (воздаятельная), базирующаяся на идеях справедливости и пропорциональности вины и кары, и утилитарная (превентивная), рассматривающая наказание как инструмент социальной пользы и устрашения. Автор прослеживает генезис этих подходов от сенсуализма Дж. Локка и теорий общественного договора до работ ключевых мыслителей Ч. Беккариа, И. Бентама, Ф. фон Листа, а также анализирует классификацию теорий наказания Н. С. Таганцева. Особое внимание уделяется критическому осмыслению утилитарного подхода. Опираясь на труды современных исследователей (А. Гжесковяк, М. Фуко), статья демонстрирует внутреннюю противоречивость утилитаризма, декларируя гуманизацию карательной системы, что ведет к подчинению личности интересам государства и общества, превращая наказание в инструмент социального контроля и манипуляции. Также рассматривается эволюция форм наказания, а именно переход от публичных физических кар к «наказанию души» через тюремное заключение, что знаменовало собой изменение не только юридической, но и социальной технологии власти. На примере Царства Польского автор выявляет правовые особенности реформ, где прогрессивные европейские веяния сталкивались с консервативной политикой самодержавия. Анализируются проекты польских реформаторов (Ф. Скарбек, Р. Губе, С. Сташиц), отражающие эклектичный подход к целям наказания, а также специфика имплементации общеевропейских тенденций в условиях имперской периферии. Статья завершается выводом о том, что базовые основания пенитенциарных институтов, сформировавшиеся в рассматриваемый период, демонстрируют устойчивую преемственность и продолжают оказывать влияние на современную уголовно-правовую доктрину, несмотря на последующие социально-экономические трансформации. Научная новизна работы заключается в междисциплинарном синтезе философского, историко-правового и политологического подходов к анализу пенитенциарных практик, а также в детальном рассмотрении польского материала как уникального примера взаимодействия либеральных и консервативных тенденций в процессе модернизации уголовного права.

Ключевые слова: теории наказания, утилитаризм, ретрибутивизм, пенитенциарная система, Царство Польское, эпоха Просвещения.

Вопросы реформирования пенитенциарной системы сохраняют актуальность в современных дискуссиях о пределах государственного принуждения, особенно в контексте вопроса моратория на смертную казнь, поскольку полемика о его пересмотре воспроизводит классическое противостояние ретрибутивной и утилитарной парадигм наказания. Особого внимания заслуживает аргументация, связывающая мораторий с геополитическими изменениями, однако при этом отказ от смертной казни стал результатом внутренней эволюции конституционного правосудия, получив закрепление в правовых позициях высших судебных инстанций, что исключает возможность его простого политического пересмотра.

Сам характер дискуссии показывает концептуальные противоречия, выявленные еще в классических учениях о наказании, таких как столкновение логики общественной пользы с идеей возмездия и позицией, усматривающей в смертной казни отрицание достоинства личности. При этом эмпирические исследования не подтверждают корреляции между применением смертной казни и состоянием преступности, что лишает утилитарную аргументацию ее основания.

Особый интерес данной темы представляет с точки зрения опыта Царства Польского, где столкнулись европейская правовая мысль, имперская политика России и стремление к сохранению национальной правовой самобытности. Изучение этого взаимодействия позволяет понять механизмы трансформации философских построений в правовые.

Актуальность данной проблемы продиктована необходимостью переосмысления прагматичного взгляда на институт наказания. Принципы подчинения личности абстрактной общественной пользе, допустимость любых методов ради достижения выгоды, а также смещение фокуса с ретроспективной оценки вины на прогнозирование потенциальной угрозы от правонарушителя, именно эти тенденции, характерные для XX в., берут свое начало в дискуссиях именно этого временного промежутка. Таким образом, современная дискуссия о пределах применения смертной казни подтверждает непреходящую актуальность проблематики, поставленной мыслителями XVIII–XIX вв. Вопрос о том, может ли наказание, уничтожающее человека физически и не оставляющее возможности для искупления, служить целям правосудия, остается открытым. Ответ зависит от ценностных оснований уголовной политики, понимание наказания как инструмента социальной инженерии или как акта правосудия, неразрывно связанного с уважением к достоинству личности. Исторический опыт свидетельствует, что отказ от моральных оснований права ведет к трансформации наказания в легализованное насилие.

В интеллектуальном дискурсе Нового времени, начиная с XVII в., прослеживается устойчивая тенденция к теоретическому конструированию идеальных моделей социального устройства. Итог этих исканий приходится на конец XVIII в., когда философская мысль переходит от умозрительных построений к практической имплементации концепций. В фокусе общественно-философской рефлексии находились антропологические основания, принципы организации социума и закономерности миропорядка. В рамках данной проблематики существенное место отводилось вопросам юрисдикции и, в частности, институту наказания, который анализировался как на уровне теории, так и в контексте прикладной юридической практики. Предметом пристального внимания мыслителей эпохи являлись вопросы генезиса карательных санкций, оценки их эффективности, а также целеполагания законодателя при их инкорпорации в структуру уголовного права. Становление нового миропорядка неразрывно связано с реформированием образовательных стандартов и модернизацией административно-управленческих механизмов, при этом трансформация пенитенциарной системы осознавалась как органическая составляющая обоих этих векторов социально-правовой эволюции.

Мировоззренческим фундаментом пенитенциарных преобразований рассматриваемого периода выступала убежденность реформаторов в созидательной силе рационально организованных социальных институтов и научно обоснованных методов воспитания. Господствовавшая эпистемологическая парадигма, восходящая к сенсуализму Дж. Локка, трактовала сознание новорожденного как «*tabula rasa*», тем самым решающее значение в формировании личности придавалось факторам внешней среды и, в первую очередь, воспитательному воздействию [1]. В данной системе законодателю отводилась prerogativa «социального наставника», который посредством различных механизмов (включая и пенитенциарные учреждения) осуществлял целенаправленное конструирование новой, исправленной личности.

XVIII в. знаменовало собой начало интенсивных кодификационных процессов, достигших своей кульминации в большинстве европейских государств к середине XIX в. В этой связи уместно привести оценку С. Сальмоновича, данную им австрийскому уголовному законодательству, произошедшие трансформации в инсти-

туте наказания он характеризует как наиболее глубокие и плодотворные во всей истории общего уголовного права. Данный тезис обладает универсальностью и может быть экстраполирован в анализ законотворческих процессов, синхронно протекавших и в иных европейских юрисдикциях [2, с.159].

Генезис карательной системы и пенитенциарной практики в Царстве Польском связан с процессом формирования современной модели тюремного дела, который, в свою очередь, являлся составной частью общеевропейской трансформации социального-правового порядка. При этом категория «современность» (modernity) наделяется не столько хронологическим, сколько концептуальным содержанием. Речь идет о фундаментальных представлениях о вине и наказании, а также о ключевых институтах их реализации, сложившихся в ту эпоху в Европе и Америке. Несмотря на последующие модификации, обусловленные сменой социально-экономических формаций и классовой интерпретацией принципов справедливости, базисные основания этих институтов демонстрируют устойчивую преемственность и сохраняют свое влияние на современную уголовно-правовую доктрину.

Развернутую и системную критику пенитенциарной системы и буржуазных теорий наказания предложили Ф. Энгельс и К. Марксом работе «Святое семейство, или Критика критической критики» [3] он подвергает резкой критике умозрительные построения младогегельянцев, в том числе то, что можно обозначить как идеалистическую («католическую») апологию наказания, чуждую материалистическому пониманию истории. В рамках формирующейся марксистской парадигмы утверждается, что классовые противоречия опосредуют взаимосвязь между преступлением и наказанием, рассматривая формально-правовые нормы, которые, по мнению ученых, в классовом обществе неизбежно отражают интересы экономически господствующего класса. Фокус критики смещается с абстрактных законодательных конструкций на анализ репрессивной практики государства как инструмента классового контроля и дисциплинирования пролетариата.

Данный теоретический подход получил свое развитие во второй половине XX в. Современная критика устоявшихся теорий наказания и вины, во многом базирующаяся на сходных эпистемологических позициях, связана с развитием радикальной криминологии. Ключевым трудом здесь выступает работа Й. Тейлора, П. Уолтона и Дж. Янга «Новая криминология» (1973), в которой авторы обосновывают необходимость «полностью социальной теории девиантности» [4], заключающейся в критике политической экономии капитализма.

Объяснение истории судебных наказаний и практик внеправового принуждения в Царстве Польском, основанное сугубо на постулатах экономического детерминизма и классовой теории, представляется методологически несостоятельным. Пенитенциарная система складывалась в силовом поле двух противоборствующих тенденций: влияния прогрессивной европейской правовой мысли и внешнего общественного мнения, с одной стороны, и консервативного сопротивления самодержавия, стремившегося законсервировать репрессивные методы управления – с другой. Решающим элементом преобразований и глубинные причины противоречивости политики коренились именно в политической сфере. Экономические же и социальные аргументы выполняли преимущественно апологетическую функцию, обосновывая тезис о «неготовности» общества к реформам. В Царстве Польском внутренняя противоречивость имперской политики проявлялась более явно, так как политическая необходимость нередко вынуждала власти к решениям, демонстративно расходившимся с устоявшимися в цивилизованном мире правовыми и пенитенциарными стандартами.

Отдельно отметим, что уголовные реформы в Западной Европе явились логическим завершением интеллектуального развития философии Просвещения. Их гене-

зис неразрывно связан с теорией общественного договора и утверждением гуманистического подхода к наказанию, пришедшего на смену прежней репрессивности. Помимо философского фундамента, данные преобразования служили отражением расстановки политических сил, прежде всего конфликта между либералами и консерваторами, который, при более строгом анализе, предстает как противостояние законодательной и исполнительной ветвей власти. Либеральная правовая мысль последовательно отстаивала ограничение полномочий исполнительной власти и незыблемость судебной независимости. Основопологающим принципом здесь выступало классическое разделение властей с приоритетом законодательной власти и автономией судебной и исполнительной.

Взаимосвязь либерального движения, филантропической мысли и пенитенциарных реформ XVIII – XIX вв. характеризовалась высокой степенью интеграции. Филантропия, обратившая свое внимание на маргинальные и уязвимые слои населения, интенсифицировала общественный интерес к тюремному быту, который изначально инициированный философской рефлексией о вине и воздаянии. С конца XVIII в. доминантой общественного дискурса становятся практические вопросы, такие как оценка результативности карательных мер и анализ бюджетных затрат на содержание пенитенциарных учреждений. Этот период отмечен тесным сближением тюремной реформы с процессами создания новых институтов в сферах образования, социального обеспечения и городского благоустройства, что в совокупности представляло собой ответ на структурные вызовы модернизации. О сущности и цели наказания писал, в частности Л. Лернелл [5]. Принципиальным сдвигом явилась секуляризация концепта наказания, т.к. утратив сакральное обоснование, оно приобрело легитимацию в социальном измерении. Назначение наказания начинает трактоваться как исполнение общественного долга, что окончательно закрепило разрыв с теологической традицией и переход к светской модели правосудия [2, с. 67].

В истории уголовно-правовой мысли значительное место занимает классификация теорий наказания, разработанная Н. С. Таганцевым. Предложенная им систематика базируется на выделении нескольких категорий. Формальные теории, составляющие первую категорию, дифференцируются на две группы в зависимости от источника обоснования карательного права: теологические концепции, возводящие наказание к божественной воле, и доктрины, опирающиеся на парадигму общественного договора. Вторую категорию, так называемые материальные теории, формируют три концептуальных направления – учения, рассматривающие наказание сквозь призму необходимой самозащиты общества; теории, акцентирующие идею справедливости как основание карательной деятельности; и концепции, детерминированные представлением о правовом законе. Отдельного внимания в классификации удостоиваются эклектические (или переходные) построения, к числу которых Н. С. Таганцев относит и воззрения И. Фейербаха [6].

Исходный тезис рассматриваемого подхода к наказанию заключается в его социальной полезности и это отображается в том, что кара, применяемая к виновному, должна выполнять функцию общего предупреждения, то есть удерживать иных лиц от противоправных действий. Эта классическая для XVIII–XIX вв. идея генеральной превенции нередко вуалируется гуманистической фразеологией о благе заключенного и его ресоциализации, однако, по существу, речь идет о подчинении индивида господствующим социальным установкам и принуждении к усвоению навязываемой системы ценностей. Критический анализ данной парадигмы, предпринятый А. Гжесковяк, указывает на то, что в рамках подобной логики ключевым фактором судебного решения выступает не столько вина правонарушителя, сколько оценка его потенциальной опасности для правопорядка. Следствием этого становится, как спра-

ведливо указывает исследователь, утрата главного условия уголовной ответственности – вины, что фиксирует разрыв с моральными основаниями уголовного права. Наказание, утрачивая связь с виной, трансформируется в инструмент социального контроля, детерминированный не прошлым деянием, а будущей потенциальной угрозой [7, с. 5]. Подобное понимание сущности наказания как инструмента социальной самозащиты получило наиболее полное и последовательное воплощение в XX в., в особенности в практике социалистических государств. В рамках теорий наказания, базирующихся на идее справедливости, наблюдается существенное разнообразие подходов — от концепций талиона (требующих адекватного воздаяния «злом» за «зло») до доктрин, фокусирующихся на восстановлении нарушенных прав жертвы и устранении ущерба, нанесенного общественному правосознанию. Объединяющим началом для этих теоретических построений выступает императив пропорциональности, т.е. неукоснительное требование соответствия меры наказания степени тяжести совершенного деяния.

А. Гжесковяк, обращаясь к теоретическому наследию Д. Беттиоля, актуализирует данную проблему в контексте современной правовой мысли. Квинтэссенция подхода итальянского юриста заключается в том, что моральная сила наказания и его ответственность как регулятора общественных отношений коренятся в его справедливости. Утрата этой неразрывной связи наказания с правосудием лишает его этического фундамента. Следствием подобной деформации становится преобразование государственной репрессии в легализованное насилие, которое по своей сути представляет собой отрицание прав человека и может быть квалифицировано как разновидность карательного терроризма [7, с. 5].

Оригинальную концепцию пенитенциарной системы, трактующую уголовное наказание как форму гуманизированного возмездия, предложили польские исследователи М. Поровский и А. Реплинский в работе «О границах тюремной реформы». Авторы развивают идею о том, что, несмотря на декларируемые цели исправления (ресоциализации), тюремное заключение в своей сущности сохраняет карательный характер, который, однако, должен быть ограничен правовыми и этическими нормами во избежание приобретения облика архаичной мести [8]. Что касается теорий, базирующихся на идеях закона, то, на наш взгляд, они находят свое концентрированное выражение в известных юридических формулах, таких как «ubi lex – ibi poena» (где закон, там и наказание), а также в понятиях *Rechtswille* (воля права), правового состояния, охраняемых законом интересов, правовой защиты и им подобных. Так классические учения о наказании в процессе исторического развития подверглись значительной трансформации, вследствие чего их современная систематизация неизбежно несет на себе печать условности и плюрализма интерпретаций. В актуальном теоретико-правовом пространстве, согласно наблюдению А. Гжесковяк, противостоят друг другу две фундаментальные парадигмы: 1) ретрибутивная (воздаятельная) концепция – наказание имплицитно следует за преступлением как его морально необходимое последствие; 2) утилитарная (превентивная) концепция – наказание инструментально необходимо для предотвращения будущих правонарушений.

Ретрибутивная модель, корреспондирующая с теорией справедливости Н. С. Таганцева, в современной интерпретации обогащается антропологическим измерением и уголовное право рассматривается в неразрывной связи с нравственностью, фундаментальными правами и самоценностью личности. Неслучайно А. Гжесковяк воспроизводит формулу Г. Беттиоля, определяющую уголовное право, как «*magna charta libertatum civium*». В такой перспективе наказание обретает имманентное оправдание и самостоятельное содержание, что сближает данную позицию с теориями, базирующимися на идее закона (по Таганцеву). Также, наказанию приписыва-

ется реабилитационно-катарсическая функция в отношении самого преступника, открывая перед ним горизонт искупления, возможность экспрессии сожаления и достижения раскаяния [7, с. 5].

Становление карательного утилитаризма было неразрывно связано с обострением так называемого «социального вопроса», формулировки, получившей широкое распространение в дискурсе XIX в., а также с превращением общего блага в доминирующую и фундаментальную ценность в рамках влиятельных политических течений того времени. В такой системе наказание утрачивало самодостаточность и функционально подчинялось интересам общества, будучи призвано выполнять определенную социальную роль. Целью наказания не могло оставаться простое воздаяние, которое теперь трактовалось как примитивная месть и, следовательно, явление, противоречащее морали. На первый план выдвигалась задача предотвращения преступлений. Эта позиция не была абсолютно новой (ее истоки восходят к античности), однако именно в позапрошлом столетии она обрела поистине широкие масштабы и завоевала огромную популярность.

В современной польской учебной и научной литературе юридический утилитаризм, как правило, излагается с явной долей одобрения, в связи с этим заслуживает особого внимания критика утилитаризма А. Гжесковяк, указывая на то, что при всех его несомненных заслугах в деле пенитенциарных преобразований это потенциальный источник тоталитарных тенденций. Как подчеркивает автор, утилитаризм с его сугубо прагматической ориентацией права неизбежно ведет к подчинению последнего политической конъюнктуре и сиюминутным задачам. Подобный подход чреват деформацией закона и нарушению прав индивида, интересы которого поступаются интересам общества, т.к. благо отдельного человека оказывается ничтожным в сравнении с благом социума, а последнее в конечном итоге персонифицируется в государстве. Отсюда остается лишь шаг до оправдания подавления личности во имя общественного блага. «Человек, к которому применяется наказание, - пишет А. Гжесковяк, - не может служить средством для достижения каких бы то ни было социальных целей, не может быть низведен до уровня простого инструмента. Утилитарная целесообразность наказания превратила бы человека, под предлогом социальной необходимости, в объект манипуляции со стороны группы, общества и государства, что неизбежно нарушило бы его достоинство как личности. Идея воздаяния, включенная в структуру наказания, не позволяет оправдывать его даже самыми высокими государственными соображениями, когда нарушена связь закона с моралью и справедливостью» [7, с. 5].

Тем не менее, начиная с конца XVIII в. и на протяжении XIX в. утилитарные теории и представления о прагматических целях наказания находились, образно выражаясь, «в наступлении» и, судя по содержанию историко-правовой литературы, уделяющей им преимущественное внимание, занимали доминирующие позиции. Это вовсе не означает, что проблемы, подобные балансу между виной и наказанием, вовсе игнорировались; скорее, они нередко переосмысливались, а нарушение этого равновесия зачастую оправдывалось соображениями пользы для общества. Одновременно утверждалось, что наказание должно быть реальным, наглядным и равным, то есть одинаковым для всех, кто совершил тождественные преступления в следствии чего, знаменовало собой решительный разрыв с практикой привилегий, которыми пользовались отдельные лица или группы [9]. Принцип публичности наказания также служил этой цели, одновременно выполняя и воспитательную функцию. Само наказание, по мысли реформаторов, должно было стать более мягким по сравнению с прежними, непомерно суровыми карами, но при этом неотвратимым и скорым. Данный постулат является следствием того, что наказание не

должно быть выражением инстинкта мести, с которым теперь устойчиво ассоциировалась идея возмездия. Кара призвана была приносить пользу в первую очередь обществу, а не удовлетворять чувства потерпевшего. Таким образом, утилитаристы, отступая от требования соразмерности вины и наказания, фактически солидаризировались с теми, кто допускал возможность подрыва этой пропорциональности. Ситуация осложнялась еще и тем, что в дискуссиях нередко стирались различия между целью наказания, его сущностью и теми функциями, которые оно призвано выполнять [10, с. 15].

Не углубляясь в детальное рассмотрение этого вопроса, можно констатировать, что в XIX в. в рамках утилитарного подхода выделяли следующие индивидуальные функции наказания: 1) покаяние, которое рассматривалось как необходимое условие спасения души и искупления вины; 2) удовлетворение чувства обиды у того, кто пострадал от преступления, что, как уже отмечалось, нередко отождествлялось с местью; 3) исправление самого преступника.

С XVIII в. в трудах пенитенциарных реформаторов наказание утрачивает неразрывную связь с идеей экспиации (искупления вины), хотя законодательная практика и сопутствующий ей дискурс ещё длительное время сохраняют приверженность традиционной риторике. Возвращение в интеллектуальное поле концепции спасения души преступника происходит благодаря романтизму с его обострённым вниманием к внутренним коллизиям личности. Как следствие, в литературе середины XIX в. наблюдается актуализация идей покаяния (метанойи), обретающих новое теоретическое обоснование. Особой критике подверглась вторая из упомянутых функций наказания – удовлетворение чувства обиды потерпевшего, которая, впрочем, отвергалась чаще в теории, нежели в реальной правоприменительной практике. Акцент же делался на задаче исправления преступника, которую сегодня принято обозначать термином «реабилитация» или «ресоциализация». Данная установка связана с убеждением в социальной предназначенности наказания исправить осужденного, а значит принести пользу не только ему самому, но и всему обществу. Однако и общество, в свою очередь, обязано сыграть определенную роль в этом процессе. Логика рассуждений заключалась в том, что если человек уже понес наказание, необходимо сделать его полезным членом социума, в противном случае бремя его вины ляжет не на него, а на само общество. Наиболее эффективным способом достижения такой пользы происходило через труд заключенных, поскольку работа лиц, лишенных свободы, в ту эпоху рассматривалась не столько как средство сохранения их человечности или форма поощрения, сколько как благо для общества в целом. Осужденный не должен был оставаться туеядцем, содержание которого ложится бременем на социум [10, с. 16 -17].

Несмотря на очевидное влияние гуманной риторики в критике архаичных форм наказания, ключевым аргументом реформаторов являлась утилитарная несостоятельность как самой карательной системы, так и социального статуса осужденных, из чего логически вытекала необходимость организации принудительного труда заключенных. Примечательно, что в современном пенитенциарном дискурсе именно реабилитация официально декларируется в качестве приоритетной цели уголовного наказания. И вновь мы можем обратиться к подобной позиции, развернутой в упоминавшейся статье А. Гжесковяк [7]. Наказание, с этой точки зрения, должно быть одномерным и не может быть инструментом для достижения каких-либо целей, прямо не касающихся самого виновного. Реабилитация же, понимаемая как «возвращение в общество», основывается на презумпции ущербности преступника, нуждающегося в улучшении со стороны социума. Причем улучшении не в его собственных интересах, а в интересах общества, или, если говорить о практике, в интересах той социальной системы, в которой он существует. Таким образом, ресоциа-

лизация чаще всего оказывается реализуемой в интересах господствующего слоя, а не самой личности осужденного. Из вышесказанного следует, что указанное явление в большинстве случаев реализуется в интересах господствующего слоя.

Показательна в этом отношении позиция выдающегося правоведа Франца фон Листа [11], который, апеллируя к функции возмещения, полагал, что наказание должно выступать выражением правового уравнивания, но при этом осуществляться на почве государственной целесообразности. Объектом воздействия должно стать усвоение индивидом господствующих правил и стандартов, тогда как внутренний мир его ощущений и убеждений остается за рамками правового регулирования. Государство заботится о том, чтобы вектор ресоциализации неуклонно соответствовал тому, что оно признает коллективным интересом. Т.к. политический режим способен изменяться, направление ресоциализации также подлежит трансформации, что неизбежно придает самому понятию релятивистский характер. Подобный подход посягает на свободу и достоинство личности, принуждая к подчинению не только поступков, но и внутренних отношений и чувств. Очевидно также, что ресоциализация не может рассматриваться в качестве универсальной и единственной цели наказания.

Тем не менее, наиболее известными и влиятельными в истории правовой мысли остаются представители утилитарного направления. Чезаре Беккариа решительно выступал против применения смертной казни, а также квалифицировал как варварские и неразумные такие наказания, как порка, клеймение и членовредительство. По его убеждению, существование самой кары было то, чтобы наказание служило действенным средством предотвращения дальнейших преступлений. Цель его заключалась в устрашении тех, кто еще не ступил на нежелательный путь. Практика свидетельствовала, что смертная казнь не достигала превентивного эффекта, к тому же судебная ошибка в случае ее применения становилась неисправимой. В связи с этим Беккариа обосновывал необходимость более широкого применения тюремного заключения при условии кардинального реформирования пенитенциарной системы. Тюремное наказание, не уничтожая человека физически, делает его безопасным для общества, минимизирует причиняемый им вред и одновременно устрашает потенциальных правонарушителей. Само наказание, согласно Беккариа, должно быть публичным, оперативным, неотвратимым, наименее суровым из возможных при данных обстоятельствах, пропорциональным преступлению и строго определенным в законе [12, с. 217]. Таким образом, при всей очевидной утилитарности взглядов Беккариа, они сохраняли значимость и с точки зрения защиты интересов отдельной личности.

Наиболее полное и законченное выражение утилитаризм получил в работах Иеремии Бентама, для которого основополагающим критерием любого человеческого действия должна выступать полезность, понимаемая как максимизация счастья и минимизация страдания. Руководствоваться в принятии решений необходимо не симпатиями или антипатиями, ибо они противоречат полезности, а принципом, согласно которому «ценность наказания ни в коем случае не должна быть меньше той, которой достаточно, чтобы перевесить ценность выгоды от преступления», причем выгода понимается отнюдь не только материально [13, с. 78]. С данной позиции человек предстает своего рода вычислительным механизмом, калькулятором удовольствий и страданий. Соответственно, и сама пенитенциарная система мыслилась как тщательно выверенный механизм, где каждое наказание должно быть строго рассчитано и сбалансировано таким образом, чтобы, воздействуя на этот «вычислительный аппарат», достигать целей превенции и социальной пользы.

Оформление утилитарной парадигмы сопровождалось укреплением позитивистской установки, согласно которой любой феномен объективной реальности потенциально поддается измерению, исчислению или оценке, при условии разработки соответствующих методов и накопления необходимого объема эмпирических данных. Предполагалось, что тогда откроется возможность познать истоки зла, установить точную меру вины и наказания, равно как и соотношение удовольствия и страдания, проистекающих из каждого человеческого действия. Оставался лишь незначительный шаг до того, чтобы рассматривать кару как своего рода химический препарат, чьи последствия и свойства строго детерминированы дозировкой и восприимчивостью субъекта воздействия.

В русле либеральных концепций и бентамовского утилитаризма усматривалась возможность создания совершенной правовой системы, однако необходимым условием ее функционирования выступала безупречная административная организация. Понятия государство, способы осуществления власти, суд и наказания оказались, таким образом, во взаимосвязи, что имело огромное значение для формирования демократических процессов, совершенствования механизмов власти, подчинения государства обществу и обеспечения прав человека. При этом стали возможны положительные эффекты именно потому, что утилитарные концепции не были реализованы буквально, но неизбежно корректировались иными теоретическими построениями и убеждениями, а консервативная мысль выступила необходимым противовесом, предохраняющим либерализм от патологической гипертрофии его собственных принципов.

Немногие соглашались с тем, что либерализм, воспринимаемый сегодня как прямое наследие периода Просвещения, существенно отличается от либерализма конца XVIII – первой половины XIX в. Между тем последний, подобно любой фундаментальной идеологии или универсальной политической доктрине, не был свободен от внутренних противоречий и, в известном смысле, сам прокладывал путь к будущим ограничениям той самой свободы, во имя которой выступал. Парадокс либеральной доктрины заключался в том, что, декларируя освобождение личности от уз сословной иерархии и традиционных нормативных предписаний, она одновременно формировала механизмы не менее жесткого подчинения индивида, помещая его в иную систему зависимостей. Утилитарно ориентированные либеральные концепции вели к мифологизации понятия общества и возведению его на высший пьедестал, что, в свою очередь, способствовало формированию таких концепций, которые превращали государство в верховный авторитет, ибо только оно в условиях массового общества могло заботиться об интересах социума. Некоторые историки политической и правовой мысли усматривают в либерализме истоки тоталитаризма, т.к. он стремился всецело охватить человека, регламентировать его существование нормами, правилами и предписаниями. Отдельные представители либеральной мысли полагали, что совокупности соглашений, нормативных актов и правильно действующих институтов достаточно для создания гармоничного общества, функционирующего наподобие безотказного механизма. Это была утопия, при всем декларируемом рационализме подобных построений [9].

За просветительскими идеями, по существу, скрывалось социальное принуждение, поскольку во имя рационализма предполагалось унифицировать людей. Особая позиция Жан-Жака Руссо объясняется тем, что он остро реагировал на те аспекты просветительских концепций, которые вели к порабощению человека. По наблюдению Германа Бьянки, воззрения Беккариа и Бентама составляли аналог классицистического искусства – регулярного, упорядоченного, холодного, пропорционального, начиная от беккарианской системы пропорционального возмездия и заканчивая Паноптикумом как идеальной моделью карательного учреждения [14, с. 225-231].

Это закономерно спровоцировало реакцию, сопоставимую по своему характеру с романтической критикой классицизма и начиная с 1830-х годов все настойчивее стали звучать требования индивидуализации наказания, его соотнесения с личностью преступника. Данная тенденция, то ослабевая, то вновь усиливаясь и вплоть до настоящего времени прослеживается в теоретических дискуссиях. Необходимость индивидуализации наказания обосновывалась различным образом: либо особенностями, присущими человеку (его способностями, умственными и физическими характеристиками), либо его социальными качествами (достатком, образованием, социальным происхождением). Констатации факта преступления и установления его субъекта оказалось недостаточно. Эволюция судебной системы двинулась в направлении выяснения обстоятельств, постановки социальных и медицинских диагнозов. Границы между нормальным и аномальным размывались, аномалия приобретала градуальный характер. М. Фуко полагал в этой связи, что следующим этапом эволюции судебной системы стало то, что судьи фактически занимались всем, кроме собственно совершенного преступления [15, с. 90].

В польской правовой мысли утилитарные идеи нашли свое отражение в проекте тюремной реорганизации 1819 г., а также в постулатах о необходимости неукоснительного исполнения наказаний [16, с. 11]. Станислав Сташиц полагал, что кара должна устрашать потенциальных правонарушителей, тогда как Гуго Коллонтай акцентировал ее исправительную функцию, данную позицию также разделял Юлиан Урсын Немцевич, имевшим возможность ознакомиться с устройством американских пенитенциарных учреждений. В целом преобладал эклектичный подход к наказанию, которое трактовалось одновременно как возмещение вреда потерпевшему, мера воздействия на виновного и средство предостережения для окружающих. Общей тенденцией выступало подчеркивание преимуществ мягких наказаний перед суровыми, а также осуждение унижительного характера телесных кар [10, с. 19].

Фредерик Скарбек, предпринявший попытку практической реализации указанных идей, исходил из того, что наказание должно внушать страх и удерживать человека от пути порока. Тюремное заключение, сопряженное с бесчестием, призвано быть устрашающим, но пропорциональным степени вины. Нищета и жестокость, на которые обрекаются заключенные, - это суть не наказания, а мести. По оценке Скарбека, реально существовавшие тюрьмы представляли собой либо образец «вопиющей бесчеловечности и несправедливости», либо результат «превратно понятой филантропии и беззаботности» [17]. Исправительная задача тюрьмы, утверждал он, до сих пор реализовывалась лишь в незначительной степени, в связи с чем предлагал дифференцировать заключенных в зависимости от того, совершены ли преступления случайно или по убеждению, а также исходя из перспектив их исправления. Намечалось также раздельное содержание взрослых и молодых осужденных. Основной аргумент Ф. Скарбека против позорящего характера наказания заключался в том, что бесчестие не достигает ни одной из поставленных целей. Оно не действует на самих наказуемых, если речь идет о лицах, примитивных и не поддающихся исправлению, и утрачивает силу в глазах общества, которое привыкает к позору, превращающемуся в заурядное явление и перестающему вызывать моральное осуждение. Труд способен исправлять заключенных при условии, что не рассматривается как нечто постыдное, работа должна служить наградой, так как она рычаг человечности. Потому труд в сочетании с моральным наставлением необходимо предоставлять лишь тем, кто подает надежды на исправление, тогда как неисправимые должны содержаться в изоляции. Автор также указывал на противоречие между утилитарным подходом к труду заключенных и соображениями безопасности и общественной морали.

Сходную позицию занимал Ромуальд Губе, полагавший, что отбывающий наказание должен быть свободен от инфамии (бесчестья). Срок заключения не должен быть чрезмерно кратким, иначе исправление не достигается, однако подлежит сокращению для хорошо себя зарекомендовавших осужденных по отбытии двух третей наказания [10, с. 20; 16, с. 58].

Представляется возможным выделить четыре основных способа наказания: физическое страдание в широком смысле, социальную деградацию, материальный ущерб и, наконец, удаление из социальной группы (изгнание, тюремное заключение, лишение жизни) [18, с. 333]. Конкретные наказания, предусмотренные кодексами, могут аккумулировать несколько или все указанные виды одновременно. Тюремное заключение выступает наказанием материальным, ибо лишает осужденного возможности обогащения; оно же, как правило, является и физическим страданием, а также социальной деградацией, поскольку влечет исключение из сообщества. М. Фуко акцентировал дополнительное измерение в виде душевного страдания. По мнению Фуко, эволюция карательной системы состояла в переходе от причинения физических мук к причинению страданий психологических. Однако тюрьмы, каторжные работы и иные наказания продолжали и продолжают причинять недомогания чисто физические, но они утратили прежнюю первостепенность. Скорее всего они сделались инструментом морального угнетения. Соотношение физических наказаний с иными видами радикально изменилось, и первые перестали быть конститутивным (по выражению Фуко) элементом карательной практики. Страдание отныне требовало особого искусства, ибо его целью более не являлось тело. Наказание должно было стать менее зрелищным и публичным, превратившись в наиболее скрытую от общества часть уголовного процесса. Воздействие его теперь должно было достигаться не непосредственным ужасом, внушаемым отталкивающим театром казни, но посредством более абстрактных факторов, таких как убеждения в неотвратимости наказания, уверенности в невозможности избежать последствий содеянного.

Эволюция карательной системы привела к тому, что наказание превратилось в технологию достижения превентивного результата, но цена этой трансформации выразилась в его двойственном статусе, при этом сохраняя моральное осуждение (постыдность), оно лишалось публичной зрелищности, уходя в сферу закрытых пенитенциарных учреждений. Фуко приводит слова Габриэля Бенно де Мабли, во многом вдохновившего его размышления: «Наказывать следовало бы, если можно так выразиться, скорее душу, нежели тело...». Французский журналист Эмиль де Жирарден, создатель современной газеты, призывал прекратить «наказывать тела», квалифицируя это как злоупотребление тиранией. Наказание, по его мнению, должно быть светским, своего рода гражданским отлучением [19, с. 145].

Реформы, проведенные в различных странах в период между 1780 и 1850 годами, были направлены на уменьшение либо устранение физических страданий, прежде широко распространенных и социально легитимированных в качестве неотъемлемого элемента карательной практики. Об этом свидетельствует не только уголовная система, но и повседневная нравственность, а также взгляды на воспитание. Последние, впрочем, изменялись медленнее, нежели система судебных наказаний, и в них по-прежнему доминировали убеждения в необходимости сурового воспитания детей, при котором не жалели розги, утешая себя мыслью, что боль закаляет. Приучение к физическим страданиям именовалось «прививкой твердости». В циркулирующих в народной среде повествованиях о Страстях Христовых и мученической кончине святых отчетливо прослеживался элемент своеобразного эстетического переживания, граничащего с упоением от созерцания сильных, драматических впечатлений. Так обстояло дело и на Западе, и в Польше, хотя Збигнев Кухович утвержда-

ет, что законные пытки, применявшиеся от имени закона, не отличались здесь такой изощренностью, как в иных европейских странах [20, с. 34].

Историческая эволюция сопровождалась неуклонным усилением гуманитарных тенденций, которые, преодолевая сопротивление архаичных форм, утверждались в качестве доминирующего вектора общественного развития. Уже в 1702 г. в Речи Посполитой было запрещено пытать подозреваемых, а в 1776 г. Сейм вообще отменил пытки, что явилось одним из наиболее ранних актов подобного рода в Европе (в Нижней Австрии, для сравнения, в 1757 г. они были лишь ограничены). Со второй половины XVIII в. по всей Европе ликвидируется применение порки к подозреваемым (а со временем и в качестве наказания), упраздняются кандалы для заключенных, выводимых на каторжные работы, отменяется клеймение. Исчезают и унижающие наказания такие как выставление у позорного столба и тому подобное. Другая тенденция заключалась в противодействии смертной казни, которая должна была применяться реже и одинаково для всех. Особенно резким нападкам подвергалась публичная зрелищность казни, высказывались даже мнения за полную отмену смертной казни [21; 22]. Аболиционистское движение со временем набирало силу и в 1838 г. подписаны первые петиции об отмене смертной казни.

В данный период наблюдается существенное возрастание интереса к лишению свободы как виду наказания, призванному, по мнению большинства реформаторов, заменить смертную казнь. На практике в XIX в. именно тюрьма становится основным пенитенциарным учреждением в странах Западной Европы и в Царстве Польском. Однако относительно России подобного утверждения сделать нельзя. Для реализации провозглашенных рациональных целей наказания необходимым являлось соблюдение определенных условий. Движение за реформу тюрем, развернувшееся к середине XIX в. во многих государствах, в равной мере питалось как утилитарными, так и гуманитарными побуждениями. Во Франции в 1818 г. учреждается первая ассоциация, ставившая целью улучшение положения заключенных. В Польше проекты тюремного преобразования разрабатывает Фредерик Скарбек. В ряде стран приступают к возведению образцовых тюремных зданий. Основные дискуссии разворачивались вокруг проблемы изоляции заключенных в аспектах эффективности и гуманности тюремного заключения, а также относительно принципов использования труда арестантов. Внутренние преобразования в пенитенциарных учреждениях сводились к попыткам наладить безупречный надзор и поддержание воинской дисциплины (такие же меры ранее рекомендовавшихся также для школ и мануфактур). В Польше идея продуктивного использования труда осужденных разрабатывалась еще в XVIII в. [22, с.182].

Настроения сторонников реформ точно передают слова Алексиса де Токвиля, который, ознакомившись с американской системой правосудия, оценил ее весьма высоко. Он утверждал, что карательная система США имеет союзников во всем обществе, поскольку наказания там не внушают страха и «не оскорбляют человечность». В Европе, напротив, «преступник – это несчастный, борющийся с агентами полиции за спасение собственной головы, и население в известной степени сопутствует ему в этой борьбе. В Америке же он враг рода человеческого, и все против него». Мягкость наказания, по убеждению Токвиля, выступает необходимым условием одобрения кары обществом [23, с. 90, 104].

Тем не менее тюремная реформа и смягчение наказаний отнюдь не встречали единодушно положительной оценки, как могло бы показаться. Можно привести множество критических высказываний в адрес того, что противники реформ именovali чрезмерной снисходительностью пенитенциарной системы. Показательна позиция польского автора Р. Бучинского, полагавшего, что именно вследствие недо-

статочной репрессивности повсеместно в Европе наблюдается рост рецидивной преступности. Отмена телесных наказаний в Швеции, по его наблюдениям, не привела к сокращению числа правонарушений, которое в 1850–1870-х годах неуклонно возрастало. Р. Бучинский высказывал также суждение, что увеличение доли рецидивистов в общем числе осужденных явление положительное, ибо свидетельствует о локализации порока в определенном круге лиц, профессионалов преступного ремесла. Гуманизм в устройстве тюрем представлялся ему вредоносной филантропией, т.к. «главная задача общества – сохранение собственной целостности, упрочение скрепляющих его уз неукоснительным правосудием, поддержание серьезности закона и власти. Ныне слишком много говорят о достоинстве и уважении к каждому человеку, о равенстве всех членов общества, слишком много сентиментальных деклараций о человечестве и о преступнике как о несчастной жертве некорректно устроенного общества (бедности, нищеты и отсутствия образования). Милосердие – это лишь результат чувства неадекватности. Справедливость выше благотворительности; благотворительность имеет право на существование лишь в обществе экономически дефицитном» [24, с. 43].

Представляется, что приведенные формулировки достаточно ярко определяют тоталитарные интенции сторонников сугубо социальной функции наказания, социальная самооборона становится важнее даже евангельских принципов. Впрочем, и некоторые современные оценки пенитенциарных реформ XIX в. отнюдь не бесспорны. Значительную сенсацию вызвал тезис М. Фуко, предположившего, что переход от «наказания тела» к «наказанию души» ознаменовал собой еще большее зло. Наказание, по его мысли, сделалось более глубоким и коварным. В былые времена пламя костра и орудия пыток восстанавливали честь и очищали человека от вины, умели вызывать жалость и прощение к преступнику. Истязание тела и смерть становились факторами вторичными по отношению к спасению, которого удаивался умирающий после такого высшего покаяния, обретавшего, таким образом, божественное измерение. Театральность обряда имела целью приобщить к суду и акту искупления всю общину, обряд становился не репрессией власти, а делом общим, осужденный же чувствовал себя героем и сознавал, что исполняет некую роль, делается полезным [19, с. 15].

Изложенные положения, вне всякого сомнения, обладают значительной эвристической ценностью, способствуя постижению внутренней логики функционирования пенитенциарной системы предшествующих эпох, сколь бы неприемлемой с позиций современной этики она ни представлялась. Отдельные убеждения о назначении наказания и способах его применения сохранялись в некоторых сообществах до XX в.

Изложенные соображения, при всей их значимости, не могут служить основанием для негативной оценки эволюции карательной системы либо апологетики архаичных форм наказания в противовес современным, которые ученые характеризуют как «сдержанные» и «изолированные». Необходимо учитывать ряд принципиальных обстоятельств: 1) значительная часть прежних наказаний носила выраженный позорящий характер, что само по себе ставит под сомнение их гуманную приемлемость; 2) эмпирическая база выводов Фуко представляется недостаточно репрезентативной, т.к. его заключения базируются на реакциях рассказчиков, поведении и признаниях ограниченного числа осужденных, что не позволяет экстраполировать их на всю совокупность пенитенциарных практик; 3) дихотомия «тела» и «души» как способ концептуализации человеческого бытия не является универсальной и единственно возможной. Такой способ может иметь религиозные и мистические истоки, однако характерно, что он дольше всего сохранялся в системах, где люди были порабощены, а их «тела» принадлежали старшему, командиру, царю, партии. В иной

культурной модели телесная неприкосновенность является одним из важнейших проявлений уважения к душе, к человеческому существу как таковому. Кроме того, в более поздних правовых доктринах, опирающихся на христианское наследие, подчеркивается, что наказание должно быть сформировано таким образом, чтобы, несмотря на причиняемое недомогание, оно не унижало человеческое достоинство, которое органически включает в себя и телесную неприкосновенность.

Исследование эволюции философско-правовых концепций наказания в Царстве Польском в указанный период подтверждает, что эта эпоха стала поворотной для генезиса современной пенитенциарной модели. Переход от публичных экзекуций к тюремному заключению как основной мере обусловлен не только просветительским гуманизмом, но и взаимодействием идей ретрибуции (воздаяния) и утилитаризма (общественной пользы). Как демонстрирует анализ, именно утилитарная парадигма, маскируясь под человечность, заложила основы для превращения наказания в рычаг тотального социального контроля. Идеи подчинения личности государственным интересам и оценки потенциальной угрозы преступника вместо его вины, разработанные Беккариа и Бентамом, стали теоретическим фундаментом для манипулятивных технологий XX в. Научная ценность работы заключается в фокусе на польском материале, представляющем собой уникальный гибрид европейского либерализма и имперского консерватизма. Проекты реформаторов отразили эклектичный характер преобразований. Принципиальным выводом статьи является доказательство устойчивой преемственности базовых оснований пенитенциарных институтов, сформировавшихся в рассматриваемый период. Современные дискуссии о пределах государственного принуждения, в том числе полемика о смертной казни, воспроизводят классическое противостояние утилитарной и ретрибутивной логики. Исторический опыт Царства Польского убедительно свидетельствует, что отказ от моральных оснований права и подмена идеи справедливого воздаяния абстрактной общественной пользой неизбежно ведет к деформации закона и превращению наказания в легализованное насилие, отрицающее достоинство личности.

Список литературы:

1. Локк, Д. Избранные философские произведения [Текст] : В 2 т. / Д. Локк. - Москва : Соцэкгиз, 1960. - 2 т.; Т. 1: [Опыт о человеческом разуме]. Т. 1 / [Примеч. И. С. Нарского и А. Л. Субботина] ; [Под ред. И. С. Нарского]. - 1960. - 734 с.
2. Salmonowicz, S. Prawo karne oświeconego absolutyzmu : z dziejów kodyfikacji karnych przełomu XVIII/XIX w. / Stanisław Salmonowicz. - Toruń : Uniwersytet Mikołaja Kopernika [или: Towarzystwo Naukowe], 1966. - 293 s.
3. Маркс, К. Святое семейство, или Критика критической критики [Текст] : Против Бруно Бауэра и компании / К. Маркс, Ф. Энгельс ; [подгот. к печати В. К. Брушлинским] ; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. - Москва : Госполитиздат, 1956. - 239 с.
4. Taylor, I. The new criminology: for a social theory of deviance / Ian Taylor, Paul Walton, Jock Young. - 3. impr. - London; Boston : Routledge & Kegan Paul, 1975. - XIV, 325 p.
5. Lernell, L. Współczesne zagadnienia polityki kryminalnej Problemy kryminologiczne i penologiczne / Leszek Lernell. - Warszawa : Wyd-wo praw., 1978. - 374 s.
6. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право [Электронный ресурс] : лекции : часть общая : [в 2 т.] / Н. С. Казанцев ; [сост. и отв. ред. Н. И. Загородников]. - Москва : Наука, 1994. Т. 1. - 1994. - 419 с.
7. Grześkowiak, A. Chrześcijańska wizja kary Giuseppe Bettiola [Электронный ресурс] / A. Grześkowiak // Tygodnik Powszechny. - 1985. - nr 42. - S. 5. - Режим доступа: <https://katalogi.bn.org.pl>.
8. Porowski, M. Granice reformy więziennictwa [Электронный ресурс] / Michał Porowski, Andrzej Rzepliński // Archiwum Kryminologii. - 1986. - T. XIII. - S. 141-172.
9. Roth, R. Pratiques pénitentiaires et théorie sociale : l'exemple de la prison de Genève (1825-1862) [Электронный ресурс] / Robert Roth. - Genève : Librairie Droz, 1981. - 304 p.
10. Kaczyńska, E. Ludzie ukarani : więzienia i system kar w Królestwie Polskim, 1815-1914 / Elżbieta Kaczyńska. - Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. - 588 s.
11. Лист, Ф. фон. Задачи уголовной политики ; Преступление как социально-патологическое явление / Франц фон Лист. - Москва : Инфра-М, 2004. - 103 с.

12. Beccaria, C. O przestępstwach y karach wykład : z francuskiego na język polski [Электронный ресурс] / Cesare Beccaria ; [tłumacz Teodor Waga]. – Brzeg : [Michał Gröll], 1772. – [6], 3-256 s.
13. Bentham, J. Wprowadzenie do zasad moralności i prawodawstwa [Электронный ресурс] / Jeremi Bentham ; przełożył Bogdan Nawroczyński ; Polska Akademia Nauk. Komitet Filozoficzny. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958. – XI, [1], 471, [5] s.
14. Bianchi, H. L'imagination prisonnière. L'agonie romantique de Gianbattista Piranesi: une des clefs pour mieux comprendre le surgissement de la Grande Incarcération [Текст] / H. Bianchi // *Déviance et Société*. – 1984. – Vol. VIII. – P. 225–231.
15. Фуко, Мишель. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / Мишель Фуко ; [перевод: Владимир Наумов]. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2016. – 383 с.
16. Senkowska, M. Kara więzienia w Królestwie Polskim w pierwszej połowie XIX wieku [Электронный ресурс] / Monika Senkowska ; Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk. Zakład Historii Państwa i Prawa. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1961. – 225 s.
17. Skarbek, F. O poprawie moralnej winowajców w więzieniach [Текст] / F. Skarbek // *Pamiętnik Warszawski*. – 1822. – T. 2, nr 2. – S. 170–199.
18. Sutherland, E. H. Principles of criminology / Edwin Hardin Sutherland ; revised by Donald R. Cressey. – 5th ed. – Chicago [etc.] : Lippincott, [1955]. – VIII, 646 p.
19. Foucault, M. Surveiller et punir : naissance de la prison / Michel Foucault. – [Fact. reproduit.]. – Paris : Gallimard, 2004. – 318 p.
20. Kuchowicz, Z. Obyczaje staropolskie XVII-XVIII wieku / Zbigniew Kuchowicz. – [Łódź] : Wydawnictwo Łódzkie, 1975. – 481 s.
21. Koczyński, M. Rzut oka na dzisiejszy stan prawa i prawodawstwa karnego / M. Koczyński // *Czasopismo Poświęcone Prawu i Umiejętnościom Politycznym*. – Kraków, 1863. – Z. 12. – S. 653–668.
22. Michalski, J. Problem ius agratiandi i kary śmierci w Polsce w latach siedemdziesiątych XVIII w. / J. Michalski // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. – 1958. – T. 10, z. 2. – S. 175–196.
23. Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке / Алексис де Токвиль ; [Пер. В. Т. Олейника и др.]. – Москва : Весь мир, 2000. – 559 с.
24. Buczyński, R. Zarysy stanu moralnego naszego społeczeństwa. Cz. 1, Czarna księga czynów, wypadków i zjawisk społecznych [Текст] / Roman Buczyński. – Warszawa : Redakcja Biblioteki Umiejętności Prawnych, 1885. – 182 s.

Karaia A.V., Cherednichenko S.R. The evolution of philosophical and legal concepts of the genesis of the penal system of the Kingdom of Poland // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 2. – S. 156-171.

This article is devoted to a comprehensive analysis of the evolution of philosophical and legal concepts of punishment and their practical implementation in the context of the social transformations of Modern times. The research focuses on the transition from the speculative theoretical constructions of the Enlightenment era to the practical implementation of penitentiary reforms, which is considered against the background of pan-European legal processes, with a special emphasis on the specifics of the Kingdom of Poland. The paper examines in detail two fundamental paradigms of punishment: the retributive (retributive), based on the ideas of justice and proportionality of guilt and punishment, and the utilitarian (preventive), which considers punishment as an instrument of social benefit and intimidation. The author traces the genesis of these approaches from the sensationalism of J. Locke and the theories of the social contract before the works of key thinkers C. Beccaria, I. Bentham, F. von List, and also analyzes the classification of theories of punishment by N. S. Tagantsev. Special attention is paid to the critical understanding of the utilitarian approach. Based on the works of modern researchers (A. Grzeskowiak, M. Foucault), the article demonstrates the internal inconsistency of utilitarianism, declaring the humanization of the punitive system, which leads to the subordination of the individual to the interests of the state and society, turning punishment into an instrument of social control and manipulation. The evolution of forms of punishment is also considered, namely the transition from public physical punishment to "soul punishment" through imprisonment, which marked a change not only in the legal, but also in the social technology of power. Using the example of the Kingdom of Poland, the author identifies the legal features of the reforms, where progressive European trends collided with the conservative policy of the autocracy. The projects of the Polish reformers are analyzed. Skarbek, R. Gube, S. Stashits), reflecting an eclectic approach to the goals of punishment, as well as the specifics of the implementation of pan-European trends in the conditions of the imperial periphery. The article concludes with the conclusion that the basic foundations of penitentiary institutions, which were formed during the period under review, demonstrate stable continuity and continue to influence modern criminal law doctrine, despite subsequent socio-economic transformations. The scientific novelty of the work lies in the interdisciplinary synthesis of philosophical, historical, legal and political approaches to the analysis of penitentiary practices, as well as in a detailed examination of the Polish material as a unique example of the interaction of liberal and conservative trends in the process of modernization of criminal law.

Keywords: theories of punishment, utilitarianism, retributionism, penitentiary system, Kingdom of Poland, Age of Enlightenment.

Spisok literatury:

1. Lokk, D. Izbranny'e filosofskie proizvedeniya [Tekst] : V 2 t. / D. Lokk. - Moskva : Socze`kgiz, 1960. - 2 t.; T. 1: [Opy't o chelovecheskom razume]. T. 1 / [Primech. I. S. Narskogo i A. L. Subbotina] ; [Pod red. I. S. Narskogo]. - 1960. - 734 s.
2. Salmonowicz, S. Prawo karne oświeconego absolutyzmu : z dziejów kodyfikacji karnych przełomu XVIII/XIX w. / Stanisław Salmonowicz. - Toruń : Uniwersytet Mikołaja Kopernika [ili: Towarzystwo Naukowe], 1966. - 293 s.
3. Marks, K. Svyatoe semeystvo, ili Kritika kriticheskoy kritiki [Tekst] : Protiv Bruno Baue`ra i kompanii / K. Marks, F. E`ngel`s ; [podgot. k pechati V. K. Brushlinskim] ; In-t marksizma-leninizma pri CzK KPSS. - Moskva : Gospolitizdat, 1956. - 239 s.
4. Taylor, I. The new criminology: for a social theory of deviance / Ian Taylor, Paul Walton, Jock Young. - 3. impr. - London; Boston : Routledge & Kegan Paul, 1975. - XIV, 325 r.
5. Lernell, L. Współczesne zagadnienia polityki kryminalnej Problemy kryminologiczne i penologiczne / Leszek Lernell. - Warszawa : Wyd-wo praw., 1978. - 374 s.
6. Tagancev, N. S. Russkoe ugovnoe pravo [E`lektronny`j resurs] : lekci : chast` obshhaya : [v 2 t.] / N. S. Kazancev ; [sost. i otv. red. N. I. Zagorodnikov]. - Moskva : Nauka, 1994. T. 1. - 1994. - 419 s.
7. Grześkowiak, A. Chrześcijańska wizja kary Giuseppe Bettiola [E`lektronny`j resurs] / A. Grześkowiak // Tygodnik Powszechny. - 1985. - nr 42. - S. 5.
8. Porowski, M. Granice reformy więziennictwa [E`lektronny`j resurs] / Michał Porowski, Andrzej Rzepliński // Archiwum Kryminologii. - 1986. - T. XIII. - S. 141-172.
9. Roth, R. Pratiques pénitentiaires et théorie sociale : lexemple de la prison de Genève (1825-1862) [E`lektronny`j resurs] / Robert Roth. - Genève : Librairie Droz, 1981. - 304 p.
10. Kaczyńska, E. Ludzie ukarani : więzienia i system kar w Królestwie Polskim, 1815-1914 / Elżbieta Kaczyńska. - Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. - 588 s.
11. List, F. fon. Zadachi ugovnoy politiki ; Prestuplenie kak social'no-patologicheskoe yavlenie / Francz fon List. - Moskva : Infra-M, 2004. - 103 s.
12. Beccaria, C. O przestępstwach y karach wykład : z francuskiego na język polski [E`lektronny`j resurs] / Cesare Beccaria ; [tłumacz Teodor Waga]. - Brzeg : [Michał Gröll], 1772. - [6], 3-256 s.
13. Bentham, J. Wprowadzenie do zasad moralności i prawodawstwa [E`lektronny`j resurs] / Jeremi Bentham ; przełożył Bogdan Nawroczyński ; Polska Akademia Nauk. Komitet Filozoficzny. - Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958. - XI, [1], 471, [5] s.
14. Bianchi, H. L'imagination prisonnière. L'agonie romantique de Gianbattista Piranesi: une des clefs pour mieux comprendre le surgissement de la Grande Incarcération [Tekst] / H. Bianchi // Déviance et Société. - 1984. - Vol. VIII. - P. 225-231.
15. Fuko, Mishel`. Nadzirat` i nakazy`vat`. Rozhdenie tyur`my` [Tekst] / Mishel` Fuko ; [perevod: Vladimir Naumov]. - Moskva : Ad Marginem Press, cop. 2016. - 383 s.
16. Senkowska, M. Kara więzienia w Królestwie Polskim w pierwszej połowie XIX wieku [E`lektronny`j resurs] / Monika Senkowska ; Instytut Historii Polskiej Akademii Nauk. Zakład Historii Państwa i Prawa. - Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1961. - 225 s.
17. Skarbek, F. O poprawie moralnej winowajców w więzieniach [Tekst] / F. Skarbek // Pamiętnik Warszawski. - 1822. - T. 2, nr 2. - S. 170-199.
18. Sutherland, E. H. Principles of criminology / Edwin Hardin Sutherland ; revised by Donald R. Cressey. - 5th ed. - Chicago [etc.] : Lippincott, [1955]. - VIII, 646 p.
19. Foucault, M. Surveiller et punir : naissance de la prison / Michel Foucault. - [Fact. reprodu.]. - Paris : Gallimard, 2004. - 318 p.
20. Kuchowicz, Z. Obyczaje staropolskie XVII-XVIII wieku / Zbigniew Kuchowicz. - [Łódź] : Wydawnictwo Łódzkie, 1975. - 481 s.
21. Koczyński, M. Rzut oka na dzisiejszy stan prawa i prawodawstwa karnego [E`lektronny`j resurs] / M. Koczyński // Czasopismo Poświęcone Prawu i Umiejętnościom Politycznym. - Kraków, 1863. - Z. 12. - S. 653-668.
22. Michalski, J. Problem ius agratiandi i kary śmierci w Polsce w latach siedemdziesiątych XVIII w. / J. Michalski // Czasopismo Prawno-Historyczne. - 1958. - T. 10, z. 2. - S. 175-196.
23. Tokvil`, Aleksis de. Demokratiya v Amerike / Aleksis de Tokvil` ; [Per. V. T. Olejnika i dr.]. - Moskva : Ves` mir, 2000. - 559 s.
24. Buczyński, R. Zarysy stanu moralnego naszego społeczeństwa. Cz. 1, Czarna księga czynów, wypadków i zjawisk społecznych [Tekst] / Roman Buczyński. - Warszawa : Redakcja Biblioteki Umiejętności Prawnych, 1885. - 182 s.

УДК 342.565.5

СУДЬЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИКО - ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА (1917 - 1953 гг.)

Киян М. Ш., Хутько Т. В.

КрФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»

В статье представлен комплексный анализ эволюции законодательства о формировании корпуса судей в Советской России в период зарождения нового типа Советского государства в условиях Гражданской войны, судебных преобразований 20 - 30 - х годов, Великой Отечественной войны и послевоенного времени. Охарактеризованы условия и исторические предпосылки развития правового статуса судьи в период становления и функционирования модели советской юстиции. Сделаны выводы, что формирование судейского корпуса и статуса советских судей - сложный процесс, отражающий изменения в политическом и идеологическом ландшафте государства, обусловленный как субъективными, так и объективными факторами трансформации всего исторического периода существования Советского государства. Главной особенностью генезиса судейского корпуса в период 1917-1953 гг. выступило неразрешимое системное противоречие между нормативно декларируемыми принципами выборности и независимости судей и фактической практикой их административного назначения и политической подконтрольности. Судебная власть рассматривалась государством не как самостоятельная ветвь власти, а как инструмент проведения репрессивной политики и обеспечения государственной безопасности. В рассматриваемый период произошел окончательный переход от революционно-романтической модели «народного судьи» к модели «советского чиновника юстиции», чей правовой статус был полностью детерминирован потребностями политического режима. Правовой статус представлял собой модель «судьи-чиновника» и «судьи-идеолога», чья деятельность была жестко регламентирована интересами защиты социалистического государства и социалистической собственности. Исследование позволило проследить как советская власть, провозгласив полный отказ от «буржуазного» права, со временем была вынуждена вернуться к профессионализации судейских кадров и элементам классического судостроительства.

Ключевые слова: Советское государство, народный суд, правовой статус судьи, народный заседатель, судебная система, судейский корпус, правосудие.

Поиск путей совершенствования национальной судебной системы, повышения эффективности деятельности судебных органов в условиях цифровой глобализации обуславливают необходимость изучения эволюции формирования судейского корпуса в Советской России, обращая особое внимание на становление правового статуса лиц, осуществляющих правосудие, а также анализ факторов, повлиявших на состояние правового положения судей.

Ряд элементов правовой культуры и правосознания, сформировавшийся в советский период, продолжает оказывать влияние на современное общество и правовую систему России. Многие проблемы и вызовы, с которыми сталкивается современная российская судебная система, включая вопросы независимости, законности, справедливости, состязательности, доверия к суду, имели место в советском прошлом. Изучение актуальных вопросов формирования статуса судей создает возможность понять истоки этих явлений. Анализируя роль российских судей, современные юристы - практики отмечают, что они представляют «срез нашего общества, и задача формирования судейского корпуса заключается в том, чтобы отобрать лучших из лучших... она требует также серьезного и глубокого научного обеспечения» [1, с.16]. В связи с этим ретроспективный анализ становления и эволюции законодательства о формировании судейского корпуса в советский период представляется актуальным, поскольку изучение советского опыта позволяет глубже понять эволюцию судебной системы в России и ее исторические особенности, а также выявить

преемственность и отличия в развитии правовых институтов. В советском законодательстве были закреплены базовые принципы регулирования правового статуса судьи, которые нашли свое отражение в действующих нормативных правовых актах.

Понимание того, как создавался и от каких факторов зависел процесс формирования судейского корпуса и правовой статус судей в условиях доминирования политической концепции над правовой, позволяет извлечь уроки для укрепления независимости судебной власти и обеспечения верховенства права в современной России.

Следует отметить, что процессу становления и развития судебной системы советского периода уделяли внимание, как ученые правоведы, так и практики. Среди них М.В. Кожевников, Н.В. Крыленко, Д.С. Карева, Ю.П. Титова, И.В. Архипкин, Т.Н. Ильина, Р.С. Абдулин, А. И. Казакова, Д.С. Лагутина, В. М. Пашина, О.И. Филонова, Н.И. Биюшкина и другие авторы. В большей степени исследования были направлены на изучение истории советского правосудия, общих принципов организации судоустройства и отдельных периодов формирования корпуса судей. Полагая, что комплексное исследование, характеризующее процесс, особенности и принципы формирования судейского корпуса в 1917-1953 гг., требует дальнейшего рассмотрения.

Как известно, зарождение судейского корпуса в России началось в XVIII в. в следствие судебной реформы Петра I, результатом которой стало обособление в структуре государственного аппарата судебных органов от органов управления [2, с. 11]. Впервые статус судей в России был оформлен Судебной реформой 1864 г., когда законодатель перестал рассматривать судей как общих государственных служащих, юридически закрепил их правовой статус, в том числе и их правовой иммунитет [2, с. 13-14].

В результате Октябрьской революции 1917 г. в стране был установлен новый тип государства и права - Советское государство и право, классовую сущность которого составляла диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства. Политический режим нового государства predetermined зависимость суда от законодательной и исполнительной власти, то есть ликвидацию принципа независимости судей. В связи с этим М. В. Кожевников отмечал, что «молодому советскому государству нужно было создавать ... свои революционные суды, поставить судьями людей, преданных Советской власти» [3, с. 51]. Следует указать, что идейно-теоретические аспекты формирования судейского корпуса нового государства были сформулированы в трудах главы государства В.И. Ленина, первого председателя Верховного Суда РСФСР П.И. Стучки, наркома юстиции РСФСР и СССР Н.В. Крыленко, прокурора РСФСР и СССР А.Я. Вышинского, в декретах советской власти.

Декрет «О суде № 1» упразднял все ранее существовавшие судебные учреждения царской России, и провозглашал создание судов, которые образовывались «на основе прямых демократических выборов» [4]. Важно отметить, что принцип выборности судей, установленный большевиками как способ комплектования судейского корпуса, закреплялся в качестве базового принципа построения советской судебной системы. Однако порядок выборов и требования, необходимые для занятий должности судьи, не получили законодательного оформления. Декрет «О суде № 2» уста-

новил порядок выборов судей местными Советами [5]. Институт прямых демократических выборов судей, установленный в Декрете № 1 заменялся избранием органами советской власти. Процедура выборов судей в Декретах о суде не детализировалась [6], законодатель также не предъявлял требований к уровню профессионализма и квалификации для кандидатов в судьи. В вышеперечисленных нормативных правовых актах устанавливались лишь сведения о Советах разных уровней, избравших судей. Юридическое образование и практический опыт не были обязательными условиями для работы судей в первых народных судах. Отсутствие образовательного и практического цензов для занятия должности судьи объяснялось тем, что суд в этот период «отражал собой дух переживаемой эпохи... само судебное дело в партийных и советских кругах в те времена считалось не очень серьезным делом, и лучших сил на эту работу не мобилизовали» [7, с.16-17]. Известно, что лица, имеющие профессиональные юридические знания, не выражали особого желания служить в советской юстиции [8, с.159].

Анализ нормативных правовых актов Советского государства в период 1917-1920 гг. свидетельствует, что правовой статус судьи не получил систематизированного закрепления в едином правовом источнике. В законодательстве нашли отражение только отдельные его правовые аспекты. Так, Постановление Наркомюста от 23.07.1918 г. сформулировало такие требования к будущим судьям, как обладание избирательным правом и политическим опытом работы либо наличие теоретической или практической подготовки [9]. Кандидаты должны были соответствовать первому и обязательно одному из двух последних требований. Как следствие, к будущим судьям предъявлялись идеологические цензы, в первую очередь, пролетарская принадлежность и преданность политической линии ВКП(б). Условия соответствия должности народного судьи Декрет ВЦИК от 21 октября 1920 г. оставил без изменений [10]. Требования к уровню образования судей по-прежнему не устанавливались.

В состав местного суда наряду с должностью постоянного судьи входили два очередных народных заседателя, списки которых и очередность явки определялась местными Советами.

Таким образом, первые нормативные правовые акты о суде Советской республики идейно-теоретически обосновали и законодательно оформили принципы выборности советских судей и личного участия граждан в отправлении правосудия. Избрание судей не стало независимым и объективным процессом в связи с тем, что основным критерием занятия должности судьи выступали приверженность к коммунистической партии и ее идеалам, классовая природа судей. Это была часть общей политики советской власти, что подтверждает высказывание видного советского государственного деятеля Н. В. Крыленко о том, что в эпоху диктатуры пролетариата подчинение судов Советам рассматривается как «необходимая гарантия проведения судами классовой политики, а также основное достоинство советского правосудия» [11, с.17]. Для укрепления социалистических идеалов и устранения влияния «классовых врагов» советской власти необходим был суд лояльный к действующей власти, а не квалифицированный судейский корпус из профессиональных юристов.

Отметим, что в первые годы становления советской власти правовой статус судьи не получил единого кодифицированного закрепления и определялся совокуп-

ностью декретов, директив партийных органов, инструкций Народного комиссариата юстиции. Основным вектором развития законодательства в этот период был полный отказ от принципов буржуазного права, таких как несменяемость судей и их независимость от исполнительной власти. Судьи избирались местными Советами и могли быть отозваны в любой момент, что ставило их в прямую зависимость от органов государственной власти. Статус судьи был неразрывно связан с институтом народных заседателей. В большинстве дел профессиональный судья (председательствующий) обладал равным голосом с народными заседателями, что подчеркивало «народный» характер правосудия.

Дальнейшие изменения в процедуре формирования судейского корпуса непосредственно связаны с проведением судебной реформы 1922 г. В Положении о судостроительстве РСФСР 1922 г. и Положении о судостроительстве РСФСР 1926 г. (далее - Положение 1922 г., Положение 1926 г.) были закреплены единые цензы на должность судьи: гражданство РСФСР, обладание избирательным правом, наличие 2-х летнего стажа политической работы или наличие 3-х летнего стажа практической деятельности [12]. Нормативно-правовое закрепление получили принципы выборности (губернскими исполнительными комитетами), срочности (избрание на 1 год), сменяемости и ответственности судей. По мнению авторов, установленный законодателем минимальный срок избрания судей в должности обеспечивал возможность контроля за судейским корпусом со стороны партийных и государственных органов. Такая политика приводила к нестабильности кадрового состава. Укажем, что на законодательном уровне состоялось оформление требований к моральным качествам будущих судей. Согласно ст. 11 Положения 1922 г. и ст. 15 Положения 1926 г. не могли претендовать на должность советского судьи граждане, «осужденные за корыстные или порочащие преступления, или исключенные из общественных организаций за порочащие поступки» [12].

В соответствии с Основами судостроительства СССР и союзных республик 1924 г. (ст. 3) базовым принципом формирования судейского корпуса оставался партийно - классовый [13]. Заявленное требование отражало социальный состав судейского корпуса. Так, по данным Наркомата юстиции РСФСР на 01.10 1925 г. в составе народных судей было крестьян - 53,6%, рабочих - 33% [14, с. 64].

Обращаем внимание, что политика эмансипации женщин, проводимая советской властью, допустила право на занятие судейской должности гражданам республики обоего пола.

Подчеркнем, что такой важный ценз для судьи, как наличие высшего юридического образования законодательно не был закреплен. Более того, никаких требований к уровню образования народных судей не предъявлялось. Низкий уровень юридической подготовки судебных кадров обуславливал снижение качества судебной деятельности, что потребовало от руководства страны принятия срочных мер для профессиональной подготовки судей. В 1923 г. открылись Высшие юридические курсы для подготовки высшего кадрового состава органов юстиции и 10 областных юридических курсов для подготовки народных судей (срок обучения 1 год) [15]. В результате к 1925 г. в РСФСР 3,7% народных судей имели высшее юридическое образование, к 1931 г. их количество увеличилось до 33% [16, с. 80, 81]. В рамках региональных особенностей показательны статистические данные образовательного

состава судей Главного суда Крымской АССР, в котором в 1929 г. из 13 членов суда - 1 имел высшее образование, 5 - среднее, 7 - начальное [17, с. 314].

Важной отличительной особенностью формирования судейского корпуса в рассматриваемый период, как справедливо отмечает О.И. Филонова, являлось не закрепленное на законодательном уровне, но доминирующее в практике участие партийных комитетов в формировании кадрового состава судей [14, с. 63]. В период НЭПа наблюдается стремительная динамика роста численности членов коммунистической партии среди народных судей: в 1925 г. - 74,4%, а в 1928 г. - 85,9% [14, с. 64-65].

Правовое закрепление получил принцип юридической ответственности судей. В случае вынесения неправосудного приговора предусматривалась уголовная ответственность в виде лишения свободы, а при отягчающих обстоятельствах - высшая мера наказания (ст. 111 УК РСФСР 1922 г.) [18]. Устанавливались основания для привлечения судей к дисциплинарной ответственности (ст. 73 Положения 1922 г.) [12]. Важно указать, что смещение с должности народного судьи допускалось «исключительно по суду или в порядке дисциплинарного производства» (ст. 13 Положения 1922 г.) [12]. В свою очередь, законодатель предусмотрел возможность установления правовых гарантий народным судьям, посредством введения особого порядка их ареста. Задержание судей допускалось только с согласия губернского прокурора или Прокурора РСФСР [19].

Конституция СССР 1936 г. и Закон СССР от 16.08.1938 г. [20] (далее - Закон СССР 1938 г.) внесли концептуальные изменения в процесс формирования судейского корпуса и оформление правового статуса судей. Впервые в истории Советского государства на конституционном уровне был закреплен принцип независимости судей: «Судьи независимы и подчиняются только закону» (ст.112 Конституция СССР 1936 г.) [21].

В соответствии с Основным законом государства были установлены единые сроки пребывания судей разных уровней в должности, будучи увеличенными до пяти лет, народных заседателей - до двух лет. В связи с этим Н.И. Биюшкина отмечала, что увеличение срока пребывания судьи в должности свидетельствует о заинтересованности государства в стабилизации кадрового состава судебной системы [22, с. 60]. Следует акцентировать внимание на изменения в порядке избрания, при котором судей высшего звена избирали депутаты соответствующего уровня Советов, а народных судей районных (городских) судов впервые избирали на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании [21]. Народных заседателей районных (городских) судов избирали на общих собраниях трудовых коллективов по месту работы или жительства. Таким образом сохранялись принципы срочности и сменяемости судей. В отношении народных судей законодательно закреплялся демократический принцип прямых выборов.

Общие требования к кандидатам на должность судьи устанавливал Закон СССР 1938 г.: гражданство СССР, избирательный ценз, ценз судимости, возрастной ценз (впервые) - возраст 23 года на день выборов (ст. 11) [20]. Важно подчеркнуть, что законодатель наделял народных заседателей, на период исполнения своих обязанностей, правами судьи (в случае отсутствия народного судьи, на народных заседателей возлагалось прямое исполнение обязанностей судьи) [20].

Закон СССР 1938 г. не предъявлял к кандидатам на должность судьи ранее установленных требований в виде стажа политической или практической работы, а также не содержал требования к уровню образования. Авторы поддерживают точку зрения Т.Н. Ильиной, которая объясняет этот пробел кадровым дефицитом: «на 1 октября 1937 г. Верховный Суд РСФСР был укомплектован на 68 % (46 человек вместо необходимых 67). Наблюдался некомплект председателей краевых и областных судов, Верховных судов автономных республик, областных судов, автономных областей на уровне 54%. Из членов судов второй инстанции только 470 или 40,5% были в составе. Народных судей на 1 мая 1938 г. не хватало 243 человек или 5,4%. При таком кадровом дефиците законодатель не стал ограничивать дополнительными цензами ...должность судьи.... К тому же, конец 1930-х годов - это время массовых репрессий, когда судебная власть по сути представляла собой придаток власти исполнительной» [23, с. 246].

Тем не менее, правительство постоянно уделяло внимание вопросу подготовки профессиональных специалистов для органов юстиции. Даже в годы Великой Отечественной войны открывались ВУЗы для подготовки будущих судей, в частности, в марте 1942 г. был открыт юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. В тяжелых условиях военного времени юридические институты выпустили в 1941-1942 учебном году 426 специалистов [3, с. 356]. Осенью 1944 г. количество студентов в юридических ВУЗах достигло довоенного уровня, а в некоторых - значительно превышено. Так, в Московском юридическом институте в 1940-1941 учебном году обучалось 840 студентов, а в 1944-1945 учебном году - 1800 [3, с. 356].

Анализируя нормативные правовые акты 1930-х гг. обратим внимание, что законодатель предусмотрел особый порядок привлечения судей к уголовной ответственности (ст. 18 Закона СССР 1938 г.), установил принцип подотчетности судей в своей работе перед избирателями (ст. 29 Закона СССР 1938 г.) [20] и определил механизм реализации принципа независимости судей (ст. 17 Закона СССР 1938 г.) [20].

Однако, закрепленные на законодательном уровне демократические принципы формирования корпуса судей, их независимость и подчинение только закону, на практике оказались, в большей степени, нереализованными, носили декларативный характер. В 1930-е гг., как мы знаем, усиливается влияние коммунистической партии в стране, происходит сращивание партийных и государственных органов, устанавливается командно-административная система управления. Деятельность судебных учреждений контролируется государственными и партийными органами, что значительно ограничивает возможность судьям осуществлять справедливое правосудие. К судьям применялись суровые наказания, если было установлено, что при рассмотрении дел особой категории (ст. 58 УК РСФСР) ими были допущены «политические ошибки». Жертвами политических репрессий стали видные деятели советской юстиции, члены и работники аппарата Верховного Суда РСФСР, впоследствии реабилитированные посмертно. Так, Председатель Верховного Суда РСФСР И.Л. Булат был арестован в 1937 г. по обвинению в создании антисоветской подпольной организации внутри суда и проведении контрреволюционной деятельности, направленной на развал советской судебной системы в республике [24]. Судьбу И.Л. Булата разделили его заместители Я.Л. Берман, Я.Я. Кронберг, В.Н. Манцев (последние

являлись и председателями Спецколлегий), А.Е. Минкин, а также члены Верховного Суда РСФСР П.Я. Пурэ, Н.А. Торская и др. Таким образом, правовой статус судьи представлял собой сложное сочетание формальных деклараций о независимости и законности с фактическим политическим контролем и идеологическим давлением.

В условиях Великой Отечественной войны проблема судейских кадров приобрела огромное значение. Мобилизация, объявленная в первые дни войны, привела к нехватке судейских кадров. На должность судьи получили право избираться народные заседатели, доказавшие в довоенный период свою компетентность выполнять обязанности судьи. В местностях, объявленных на осадном положении, суды преобразовывались в военные трибуналы. Для работы в военных трибуналах потребовалось значительное количество квалифицированных, проверенных в работе кадров, что объяснялось расширением сети военных трибуналов. При назначении на должность судьи военного трибунала, в первую очередь, принимался во внимание принцип патриотизма и преданности идеалам Советского государства и ВКП(б). Необходимо отметить, что в условиях военного положения статус судей приобрел военизированный характер. Судьи состояли на действительной военной службе, подчинялись воинской дисциплине, а их полномочия включали право на применение упрощенного судопроизводства в условиях военного времени.

В послевоенный период в формировании судейского корпуса и правового статуса судьи произошла определенная модернизация. Указом Президиума ВС СССР от 15.07. 1948 г. (далее Указ 1948 г.) устанавливался моральный ценз, который трактовался законодателем как «дорожить доверием народа, являть образец честного служения Родине», а также регламентировалась процедура дисциплинарной ответственности судей [25]. Указом Президиума ВС РСФСР от 25.09.1948 г. [26] впервые на законодательном уровне устанавливался четкий регламент выборов судей, подтверждались ранее установленные требования, которым должен был соответствовать народный судья, восстановлен принцип прямых выборов народных судей.

Несмотря на заявленный демократический принцип формирования судейского корпуса, партийные органы принимали непосредственное участие в подборе судейских кадров, осуществляли организационно-партийную деятельность по формированию корпуса судей. Заслуживает внимание позиция Т.Н. Ильиной о том, что сложился номенклатурный принцип формирования кадрового состава органов советской юстиции с учетом партийно-государственной политики [27, с. 269]. Отделы кадров судебных органов ЦК занимались подбором кандидатур на должности судей, рекомендацией для согласования их с вышестоящими партийными органами, с целью прохождения кандидатами дальнейшей процедуры «выборов» [23, с. 249-250]. При этом, образовательный уровень будущих судей, их профессиональные знания не являлись основным критерием партийной оценки. В наибольшей степени предпочтение отдавали кандидатам с устойчивой политической и идеологической позицией, отвечающей требованиям советского строя и правопорядка. Вследствие чего выборы судей населением или Советами стали «ширмой фактического порядка утверждения и согласования через партийные органы» [27, с. 273].

Подводя итоги вышеизложенному, приходим к выводу, что процесс формирования корпуса судей в 1917-1953 гг. прошел путь от революционной целесообразности к созданию жестко централизованной номенклатурной системы, полностью ин-

тегрированной в партийно-государственный аппарат. Правовой статус судьи в Советском государстве в период 1917-1953 гг. определялся исторически сложившейся совокупностью законодательно закреплённых прав, обязанностей, квалификационных требований и политико-идеологических установок, определявших положение судьи как представителя государственной власти, ответственного за осуществление правосудия на классовых принципах. Судья рассматривался не как независимый арбитр, а как «политический боец», проводящий в жизнь волю пролетариата и решения правящей коммунистической партии.

Обратим внимание, что анализ законодательства, регулирующего процесс формирования судейского корпуса в Советском государстве рассматриваемого периода, свидетельствует о необходимости соблюдать базовые принципы при его формировании. Авторы убеждены, что без качественного и реально независимого судейского корпуса нельзя говорить о правовом государстве и демократии.

Список литературы:

1. Судебная власть и правосудие в Российской Федерации: Курс лекций / Под ред. В. В. Ершова. - М.: РАП, 2011. - 902 с.
2. Балагура, О. В. Исторические особенности и правовые основы становления судейского корпуса в Российской империи / О. В. Балагура, М. Ш. Киян, Т. В. Хутько // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11, № 3. – С. 10-19. – DOI 10.29039/2413-1733-2025-11-3-10-19. – EDN FANAQM.
3. Кожевников, М.В. История советского суда / проф. М. В. Кожевников; Под ред. И. Т. Голякова. - М.: Юрид. изд-во, 1948 (Образцовая тип. им. Жданова). - 376 с.
4. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4029#kz3aVBVeIABnqOBd1> (дата обращения 12.02.2026).
5. Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» - URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9898> (дата обращения 12.02.2026).
6. Декрет СНК РСФСР от 13.07.1918 № 3 «О суде». - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9237#1fabVBVW1XdKouvp> (дата обращения 12.02.2026).
7. Ростовский И. Как работал народный суд в 1918 г. Ежедневник советской юстиции. [1922]. № 44/45. Электронная библиотека БЕЛИНКИ - URL: <https://elib.uraic.ru/handle/123456789/3341> (дата обращения 12.02.2026).
8. История суда и правосудия в России в 9 т. / отв. В.В. Ершов, В.М. Сырых. М.: Норма, 2021. Т.6: Судостроительство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917-1920 годы): монография / В.М. Сырых; отв. Ред. С.А. Колунтаев. 664 с.
9. Постановление Народного Комиссариата Юстиции. Об организации и действии Местных Народных Судов (Инструкция). 23 июля 1918 года. Официальный сайт «Электронная библиотека исторических документов». - URL: <https://docs.historyrussia.org/nodes/348503> (дата обращения 12.02.2026).
10. Декрет ВЦИК от 21.10.1920 «Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18782#6fweVBVAWkwLq23m> (дата обращения 12.02.2026).
11. Архипкин. И.В. Правовой статус судей как независимых оснований правосудия: теоретико-исторические аспекты // Юридический вестник Самарского университета. 2024. №2. Т. 10. № 2. С. 15–20.
12. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Положения о судостроительстве Р.С.Ф.С.Р.» - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8322#11HeVBVubahVLfTq> (дата обращения 12.02.2026); Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «Об утверждении Положения о Судостроительстве Р.С.Ф.С.Р.». - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=7686#ZxodVBV6pRRvNEfK1> (дата обращения 12.02.2026). «Основы судостроительства Союза ССР и союзных республик» (утв. Постановлением ЦИК СССР от 29.10.1924). - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3067#9RJfVBVzjjwykUPA> (дата обращения 12.02.2026).

13. Филонова, О.И. Статус судьи и кадровая политика формирования судейского корпуса в период нэпа // *Genesis: исторические исследования*. 2018. № 1. С. 60-66. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.1.23773 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23773 (дата обращения 28.01.2026).
14. Постановление СНК РСФСР от 22.12.1922 «Об открытии юридических курсов». - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17062#xkofVBV08NNfotJm> (дата обращения 12.02.2026).
15. Серов, Д.О. Российские судьи и высшее юридическое образование // *Высшее образование в России*. 2013. №10. С. 80-81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-sudi-i-vysshee-yuridicheskoe-obrazovanie> (дата обращения: 12.02.2026).
16. Пуховская, А. С. Главный суд Крымской АССР и его деятельность в период нэпа // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2012. №1. С. 305-318. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glavnyy-sud-krymskoy-assri-ego-deyatelnost-v-period-nepa> (дата обращения: 12.02.2026).
17. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#9XJ0d9VG0c85FfeE1> (дата обращения 25.01.2026).
18. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 16.11.1922 г. «О порядке ареста прокуроров, их помощников, председателей и членов революционных трибуналов и Советов народных судей, народных судей и следователей». - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8233#5W0hVBVSNRNLEW9B1> (дата обращения 17.02.2026).
19. Закон СССР от 16.08.1938 «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16079#okGBS7VHri8no4mU> (дата обращения 12.02.2026).
20. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик" (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3007#SzNhS7VqQrUuTfv31> (дата обращения 15.02.2026).
21. Биюшкина Н.И. Анализ эволюции статуса советских судей (октябрь 1917–1991 гг.) // *Юридическая техника*. 2024. № 18. С. 57-62. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-evolyutsii-statusa-sovetskih-sudey-oktyabr-1917-1991-gg> (дата обращения: 12.02.2026).
22. Ильина, Т. Н. Формирование судейского корпуса в РСФСР в 1920-1950-е годы: заявленные принципы и механизмы реализации // *Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллективная монография*. - Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. - С. 239-251.
23. Верховный трибунал при ВЦИК: 1918–1922 гг. – Верховный Суд РСФСР: 1923–1990 гг. // URL: <https://www.vsrfr.ru/files/26316/> (дата обращения 03.01. 2026).
24. Указ Президиума ВС СССР от 15.07.1948 «О дисциплинарной ответственности судей» (вместе с «Положением о дисциплинарной ответственности судей»). - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16011#OvPjVBViE86hITup> (дата обращения 17.02.2026).
25. Указ Президиума ВС РСФСР от 25.09.1948 «Об утверждении «Положения о выборах народных судов РСФСР» - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=49708#rz1kVBVOKBztTZcH1> (дата обращения 17.02.2026).
26. Ильина, Т. Н. Номенклатурный принцип формирования судейского корпуса в РСФСР: понятие, содержание, итоги // *Образование и право*. 2021. № 9. С. 266-274. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nomenklaturnyy-printsip-formirovaniya-sudeyskogo-korpusa-v-rsfsr-ponyatie-soderzhanie-itogi> (дата обращения: 14.02.2026).

Kiyan M. S., Khut'ko T. V. Judge in Soviet Russia: Historical and Legal Analysis of the Formation of the Judicial Corps (1917 - 1953) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 172-182.

The article provides a comprehensive analysis of the evolution of legislation on the formation of the judiciary in Soviet Russia during the emergence of a new type of Soviet state, during the Civil War, judicial reforms during the New Economic Policy, the Great Patriotic War, and the post-war period. The article examines the conditions and historical background of the development of the legal status of judges during the formation and operation of the Soviet justice system. It is concluded that the formation of the judiciary and the status of Soviet judges is a complex process that reflects changes in the political and ideological landscape of the state, which is influenced by both subjective and objective factors that have transformed the entire historical period of the Soviet state. The main feature of the genesis of the judiciary in the period from 1917 to 1953

was the unsolvable systemic contradiction between the normatively declared principles of the judges' election and independence and the actual practice of their administrative appointment and political control. The judiciary was viewed by the state not as an independent branch of government, but as an instrument for pursuing repressive policies and ensuring state security. During the period under review, there was a final transition from the revolutionary-romantic model of the "people's judge" to the model of the "Soviet justice official," whose legal status was fully determined by the needs of the political regime. The legal status was based on the model of the "judge-official" and the "judge-ideologist," whose activities were strictly regulated by the interests of protecting the socialist state and socialist property. The study revealed how the Soviet government, having declared a complete rejection of "bourgeois" law, eventually returned to the professionalization of judicial personnel and the elements of classical judicial systems.

Keywords: Soviet state, people's court, legal status of a judge, people's assessor, judicial system, judicial corps, justice.

Spisok literatury:

1. Sudebnaya vlast' i pravosudie v Rossijskoj Federacii: Kurs lekcij / Pod red. V. V. Ershova. - M.: RAP, 2011. - 902 s.
2. Balagura, O. V. Istoricheskie osobennosti i pravovye osnovy stanovleniya sudejskogo korpusa v Rossijskoj imperii / O. V. Balagura, M. SH. Kiyani, T. V. Khut'ko // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. - 2025. - T. 11, № 3. - S. 10-19. - DOI 10.29039/2413-1733-2025-11-3-10-19. - EDN FANAQM.
3. Kozhevnikov, M.V. Istoriya sovetskogo suda / prof. M. V. Kozhevnikov; Pod red. I. T. Golyakova. - M.: Yurid. izd-vo, 1948 (Obrazcovaya tip. im. Zhdanova). - 376 s.
4. Dekret SNK RSFSR ot 24.11.1917 «O sudE» - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4029#kz3aVBVeIABnqOBd1> (data obrashcheniya 12.02.2026).
5. Dekret VCIK ot 07.03.1918 № 2 «O sudE» - URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9898> (data obrashcheniya 12.02.2026).
6. Dekret SNK RSFSR ot 13.07.1918 № 3 «O sudE». - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9237#1fabVBVW1XdKouvp> (data obrashcheniya 12.02.2026).
7. Rostovskij I. Kak rabotal narodnyj sud v 1918 g. Ezhenedel'nik sovetskoj yusticii. [1922]. № 44/45. Elektronnaya biblioteka BELINKI - URL: <https://elib.uraic.ru/handle/123456789/3341> (data obrashcheniya 12.02.2026).
8. Istoriya suda i pravosudiya v Rossii v 9 t. / otv. V.V. Ershov, V.M. Syrykh. M.: Norma, 2021. T.6: Sudoustrojstvo i sudoproizvodstvo RSFSR perioda stanovleniya sovetskoj vlasti (1917-1920 gody): monografiya / V.M. Syrykh; otv. Red. S.A. Koluntaev. 664 s.
9. Postanovlenie Narodnogo Komissariata Yusticii. Ob organizacii i dejstvii Mestnykh Narodnykh Sudov (Instrukciya). 23 iyulya 1918 goda. Oficial'nyj sajт «Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov». - URL: <https://docs.historyrussia.org/nodes/348503> (data obrashcheniya 12.02.2026).
10. Dekret VCIK ot 21.10.1920 «Polozhenie o Narodnom Sude Rossijskoj Socialisticheskoy Federativnoj Sovetskoy Respubliki». - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18782#6fwcVBVAWkwLq23m> (data obrashcheniya 12.02.2026).
11. Arkhipkin, I.V. Pravovoj status sudej kak nezavisimyx osnovanij pravosudiya: teoretiko-istoricheskie aspekty // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2024. №2. T. 10. № 2. S. 15–20.
12. Postanovlenie VCIK ot 11.11.1922 «O vvedenii v dejstvie Polozheniya o sudoustrojstve R.S.F.S.R.» - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8322#11HeVBVubahVLfTq> (data obrashcheniya 12.02.2026); Postanovlenie VCIK ot 19.11.1926 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Sudoustrojstve R.S.F.S.R.». - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=7686#ZxodVBV6pRRvNEfK1> (data obrashcheniya 12.02.2026). (Zdes' pod odnim nomerom idut dva dokumenta??? Naverno tak nel'zya)
13. «Osnovy sudoustrojstva Soyuza SSR i soyuznykh respublik» (utv. Postanovleniem CIK SSSR ot 29.10.1924). - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3067#9RJfVBVzjjwykUPA> (data obrashcheniya 12.02.2026).
14. Filonova, O.I. Status sud'i i kadrovaya politika formirovaniya sudejskogo korpusa v period nehpa // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2018. № 1. S. 60-66. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.1.23773 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23773 (data obrashcheniya 28.01.2026).
15. Postanovlenie SNK RSFSR ot 22.12.1922 «Ob otkrytii yuridicheskikh kursov». - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17062#xkofVBV08NNfotJm> (data obrashcheniya 12.02.2026).

16. Serov, D.O. Rossijskie sud'i i vysshee yuridicheskoe obrazovanie // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2013. №10. S. 80-81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossijskie-sudi-i-vysshee-yuridicheskoe-obrazovanie> (data obrashcheniya: 12.02.2026).
17. Pukhovskaya, A. S. Glavnyy sud Krymskoj ASSR i ego deyatel'nost' v period nehpa // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2012. №1. S. 305-318. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glavnyy-sud-krymskoj-assri-ego-deyatelnost-v-period-nepa> (data obrashcheniya: 12.02.2026).
18. Postanovlenie VCIK ot 01.06.1922 «O vvedenii v dejstvie Ugolovnogogo Kodeksa R.S.F.S.R.» (vmeste s «Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.») // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#9XJ0d9VG0c85FfeE1> (data obrashcheniya 25.01.2026).
19. Dekret VCIK, SNK RSFSR ot 16.11.1922 g. «O poryadke aresta prokurorov, ikh pomoshchnikov, predsedatelej i chlenov revolyucionnykh tribunyalov i Sovetov narodnykh sudej, narodnykh sudej i sledovatelej». - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8233#5W0hVBVSNRNLEW9B1> (data obrashcheniya 17.02.2026).
20. Zakon SSSR ot 16.08.1938 «O sudoustrojstve SSSR, soyuznykh i avtonomnykh respublik» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16079#okGBS7VHri8no4mU> (data obrashcheniya 12.02.2026).
21. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik" (utv. Postanovleniem Chrezvychajnogo VIII S"ezda Sovetov SSSR ot 05.12.1936) // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3007#SzNhS7VqQrUuTfv31> (data obrashcheniya 15.02.2026).
22. Biyushkina N.I. Analiz ehvolucii statusa sovetskikh sudej (oktyabr' 1917–1991 gg.) // Yuridicheskaya tekhnika. 2024. № 18. S. 57-62. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-evolyutsii-statusa-sovetskikh-sudej-oktyabr-1917-1991-gg> (data obrashcheniya: 12.02.2026).
23. Il'ina, T. N. Formirovanie sudejskogo korpusa v RSFSR v 1920-1950-e gody: zayavlennye principy i mekhanizmy realizacii // Yuridicheskie formy perezhivaniya istorii: praktiki i predely: kollektivnaya monografiya. - Sankt-Peterburg: Centr nauchno-informacionnykh tekhnologij «AsterioN», 2020. - S. 239-251.
24. Verkhovnyj tribunal pri VCIK: 1918–1922 gg. – Verkhovnyj Sud RSFSR: 1923–1990 gg. // URL: <https://www.vsrfr.ru/files/26316/> (data obrashcheniya 03.01. 2026).
25. Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 15.07.1948 «O disciplinarnoj otvetstvennosti sudej» (vmeste s «Polozheniem o disciplinarnoj otvetstvennosti sudej»). - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16011#OvPjVBViE86hITup> (data obrashcheniya 17.02.2026).
26. Ukaz Prezidiuma VS RSFSR ot 25.09.1948 «Ob utverzhdenii «Polozheniya o vyborakh narodnykh sudov RSFSR» - URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=49708#rz1kVBVOKBztTZCh1> (data obrashcheniya 17.02.2026).
27. Il'ina, T. N. Nomenklaturnyj princip formirovaniya sudejskogo korpusa v RSFSR: ponyatie, sodержание, itogi // Obrazovanie i pravo. 2021. № 9. S. 266-274. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nomenklaturnyy-printcip-formirovaniya-sudeyskogo-korpusa-v-rsfsr-ponyatie-soderzhanie-itogi> (data obrashcheniya: 14.02.2026).

УДК 340

ОЦЕНКА СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА В ТРУДАХ ДЮГИ Л.

Коваленко Н. Е.

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Данная статья посвящена анализу фундаментальных правовых категорий- субъективного и объективного права, в контексте цифровой трансформации общества и государства. В качестве методологической основы приводится сравнительный анализ двух классических концепций: теории Дюги Л., утверждающего первичность объективного права, социальной функции, и подхода Палиенко Н.И., определяющего субъективное право, как важнейшее условие существования объективного права. Автор настоящей статьи отмечает, что современные законодательные инициативы, направленные на урегулирование отношений, сопряженных с цифровыми технологиями и виртуальной средой, подтверждают динамическую природу права. Эти процессы анализируются через призму идей Дюги Л. об институционализации публичных обязанностей. Одновременно обосновывается тезис о трансформации субъективного права из «власти над вещью» в «власть над цифрой идентичностью», что коррелирует с позицией Палиенко Н.И. на первичности правосознания.

Ключевые слова право, субъективное право, личность, общество, норма права, воля, правосознание, субъект права, объективное право.

Жизнь общества динамична, меняется характер отношений между личностями, внедряются новые стандарты, ставится под вопрос существование ряда профессий в связи с новыми возможностями информационно-коммуникационных технологий. Новшества подвергаются юридическому регламентированию со стороны норм права, что затрудняет их практическое применение. Технологический прогресс опережает возможности правового регулирования, в результате чего оно носит «догоняющий» характер [1]. В этой связи актуальным представляется оценка модернизации классического феномена субъективного права в условиях развития общественных отношений, что позволит рассмотреть *особенности права* с новых ракурсов. Для этого стоит обратиться к концепции Дюги Л. (далее - Дюги) и его последователей [2].

Прежде всего, субъективное право следует представить не как совокупность индивидуальных притязаний, а как инструмент для обеспечения социальных функций, в условиях цифровизации и перевода отношений в виртуальную среду. Так, возникает ряд вопросов, прежде всего это установление специфики субъектов права, для чего следует рассмотреть субъективное право, раскрывающее социальную функцию, которую выполняет деятельность субъекта. Следует обратить внимание также на размывание границ позитивного права, новые стандарты в действительности устанавливаются различными технологическими корпорациями через пользовательские соглашения, коды общения и иные платформенные сервисы. Считаем, что описанная выше ситуация может рассматриваться с позиции и объективного права Дюги, которое основывается на социальной реальности, не только из норм права. В данной ситуации идеи Палиенко Н.И. позволяют с помощью правосознания, «правового чувства» спрогнозировать изменения в правовом регулировании и выборе подходящей модели.

Понятие субъективного права выступает необходимым связующим элементом между субъектом и правовой системой, его отрицание нельзя рассматривать как истину [3]. Дюги не признавал существование субъективного права, считая его «пеежитком естественно-правовых теорий», в связи с чем у человека не могло быть

прав, в отличие от обязанностей. В юридической литературе существует несколько подходов к пониманию субъективного права, отмечается, что в правоотношениях субъективное право получает конкретизацию [3]. Кечекьян С.Ф. не согласен с позицией Дюги, он отмечал, что дискуссии ведут относительно наименования понятия, а не содержания. Алексеева С.С. же считал, что субъективное право обладает некой «социальной ценностью», которая раскрывается вместе с интересами личности [3][4]. Субъективное право принято считать ключевым механизмом перевода абстрактных предписаний правовой нормы в конкретную модель поведения в реальных общественных отношениях. Так, Халфина Р.О., основываясь на данном тезисе предлагает выделять «общие», «регулятивные» правоотношения, где происходит реализация субъективных прав [5, с.122]. История концепций о субъекте права демонстрирует социальную эволюцию права, наблюдаем её изменчивость от условий абсолютной свободы, до установления социальных ограничений. Считаем, что исследование субъективного права позволит определить границы должного поведения, правовой статус субъектов в современных условиях, в последующем определить, как избежать произвола управомоченных лиц. В этой связи, представляется продуктивным обратиться к историко-правовому анализу научных концепций, сформировавшихся в период генезиса правоотношений новой формации общества.

Согласно концепции Дюги, право не статичный идеал, а динамичный факт, его изменчивость отражает характер общественных отношений [2, с.7-8,]. Поскольку право возникает и формируется внутри отношений, зависит от конкретных форм проявления социальной жизни и постоянно меняющейся структуры [2]. Предложенный подход Дюги отражает особенность права, как социального регулятора, для которого характерно ценностное восприятие окружающей действительности, что отражается в правовых предписаниях. Право проявляется в регулировании социального уклада общества, в том числе через формирования субъективного и объективного права, дискуссии о которых велись учеными (Дюги, Палиенко, Конт и др.) в начале XX столетия. В 1900-х годах выдвигалась идея о том, что концепция субъективного права должна постепенно уйти на второй план, уступив место объективному праву. Связанно данное с тем, что субъективное право относилось к метафизической идеи, от которой общество должно было отказаться [2]. Объективное право содержит в себе социальную обязанность каждого выполнить определенную функцию, для этого субъект наделяется определенным объемом власти. Дюги подчеркивал, что субъективное право следует рассматривать, как власть лица «утверждать свою индивидуальность, противопоставляя себя другим» [2, с.8-9]. Соответственно, предлагается определять активного субъекта-носителя прав, пассивного субъекта-против кого направлены права первого субъекта [2]. Предложенное виденье определения природы субъективных прав является не характерной для своего времени. В концепции Дюги наблюдаем переход от индивидуалистической и конфликтной модели права к коллективистке. Вероятно, дальнейшее развитие данной теории могло привести к переосмыслению права, как инструмента социальной инженерии, где ценность действий субъектов в обществе определяется его полезностью в целом для социума, а не для личностных потребностей, мотивов. Для полного исследования феномена субъективного права Дюги предлагал рассмотреть концепции других ученых (Гегель, Иеринг, Мишу). Его подход к определению сущности субъективного права схож с доктриной Гегеля, который определял данное право, как власть

коллективной или индивидуальной воли, противопоставляемая другой воле [2, с.9-10]. Другого мнения придерживался Иеринг, согласно которому право рассматривается, как интересы, гарантированные силой общества [2, с.9] [6]. Считаем ключевым аспектом в определении субъективного права следует рассматривать волю, как активное проявление когнитивно-эмоциональной составляющей правосознания личности. Воля выступает той детерминантой, которой позволяет личности сформировать свою модель поведения, исходя из заданных правовых рамок, её можно считать первичной по сравнению с потребностями. Биологическая и социальная сущность личности выстраивается на системе потребностей, однако, не всегда их возможно удовлетворить, что позволяет отметить неоднозначный характер первопричинности деяний человека. Когда как воля, имеющая целеустремленный, созидательный характер, способствует реализации какой-либо потребности. Не все представители научного сообщества согласны с важной ролью воли в субъективном праве, так Мишу Г. сформировал теорию, согласно которой существование субъективного права возможно без воли, однако, Дюги не поддерживает данный подход [2, с.9-10] [7]. Он отмечал, что интерес выступает основной для возникновения субъективного права в том случае, когда он «осознан и желаем» лицом, поэтому сущность субъективного права остаётся властью воли [7]. Право, в соответствии с подходом Дюги, закономерно реагирует на возникающие новые формы социальной жизни, расширяя сферу регулирования, что наблюдается на современном этапе законодательных инициатив, описанных выше [2]. Считаем, что это способствует формированию новой правовой реальности, парадигмы, обусловленной технологическим укладом. Расширение сфер правового регулирования в виртуальной среде подтверждает позицию Дюги о первопричинной роли социальной обязанности и коллективного интереса. Регулирование финансовых технологий и оборота персональных данных, их защиту представляют собой возложение на субъектов права новых социальных функций. Среди которых обеспечение безопасности, суверенитета, доступности и прозрачности новых технологий в сфере оказания государственных услуг и др. Поэтому виртуальная реальность, созданные цифровые платформы можно рассматривать, как институционализацию идей, представляющих социальные гарантии и как публичную обязанность, а не услугу. В настоящее время, в условиях развития виртуальной среды, где возникают новые форматы отношений, виртуальные личности или субъекты, все перечисленное подтверждает актуальность в преобразовании и усилении субъективных прав. Потребность в обеспечении безопасности реальной личности в виртуальной среде в большей степени реализуется через защиту личных данных, цифровых прав, а также заключается в предоставлении соответствующих гарантий. Субъективное право трансформировалось из классической «властью над вещью» во власть над цифровой идентичностью и автономией. Следовательно, наиболее верным решением будет отыскание нового баланса на основе переосмысления правовых категорий, а вопрос о выборе приоритетов в отношении субъективного или объективного права не должен возникать. Объективное право позволяет определить границы социальной солидарности и безопасности в цифровом обществе, возлагая на всех участников функциональные обязанности. Субъективное право неразрывно связано с его носителем, субъектом, в связи с чем волевое содержание будет изменяться, становясь инструментом защиты идентичности личности, самоопределения

в цифровом пространстве. Поэтому следует больше внимания уделить исследованию категории субъект права, которая не только динамична, но и выступает индикатором изменчивости общества, его потребности в правовой регламентации новых форм социальной объективности.

Французская школа права в лице Дюги предложила интересное видение проблемы соотношения субъективного и объективного права, однако, для формирования полного представления о подходе ученых к данному вопросу обратимся к трудам его современников [2]. Рассмотрим концепцию российского правоведа Палиенко Н.И. в вопросе определения названных правовых феноменов. Он считал, что деление прав на субъективные и объективные возникло в результате исторического развития подходов к пониманию самого права в целом, так как оно рассматривалось через субъективные полномочия, притязания и обязанности субъектов, а также находили свое закрепление в таких формах как правовые нормы, сформированные обычаями, законодателем [8, с.215]. Палиенко Н.И. отмечал тот факт, что в доктрине не сложилось единого подхода к соотношению субъективного и объективного права, а также особенностей их происхождения. Рассматривая мнения представителей эмпирического приоритета субъективного права, он отмечал, что ключевую роль отводили правовому сознанию [8, с.215-216]. Так как оно возникало в конкретных правоотношениях, закрепленных в нормах права, что позволяет определить данную ситуацию как субъективные притязания и обязанности. При этом ученый отмечал, что не каждое правоотношение осознавалось субъектом, как урегулированное нормами права, что предопределялось в сознании личности суждением о должном поведении т.е. то, которое соответствует обычаю поведения в социуме [8, с.216]. Подобный подход близок позиции Еллинека, который считал, что субъективное право позволяет осознать существование объективной нормы, которая выступает его основой, однако, сама она не может логически предшествовать правопорядку, так как является его частью и им же устанавливается [9, с.7]. В итоге Палиенко Н.И. приходит к выводу, что субъективно право производно от правовых норм, которые определяют обязанности лиц по отношению к другим, тем самым создавая юридическую связь обязанностей и полномочий. Объективное же право следует рассматривать как «абстрактное выражение субъективных прав» [8, с.215-217]. Концепция Палиенко Н.И. в отношении определения субъективного и объективного права представляется логичной и выверенной, рассматриваются различные точки зрения, при этом ни одна из разновидностей права не умаляется, что положительно сказалось на развитии общей теории права. Его позиция относительно важности субъективного права, как начала объективного выстраивается на основе правосознания личности, которое формирует тот образ поведения, который оценивается как должный. Схожая позиция отмечается у Дюги, только он рассматривал не правосознание, а волю [2]. Поэтому Дюги понимал субъективное право, как делегированную власть, производную от социальной функции, а Палиенко Н.И. рассматривал его как осознанное притязание, первичный элемент, на основе которого строится объективное право [2] [8]. Французский правовед предлагал коллективистскую модель права, которая отвечала бы новациям в обществе, когда как Палиенко Н.И. больше акцентировал важность индивидуального правосознания как источника правовой динамики. Подобный ретроспективный анализ позволит выявить закономер-

ности и специфику эволюции соответствующих правовых категорий, а также экстраполировать выявленные тенденции на современные условия.

Современные законодательные инициативы направлены на техническое усовершенствование общественных отношений, а также на создание предпосылок для социально-правовых экспериментов, которые приводят к рассмотрению вопросов соблюдения баланса индивидуальной свободы и коллективной эффективности. Рассмотрим ряд законодательных изменений, направленных на урегулирование отношений в новых цифровых условиях. К примеру, недавно был принят законопроект № 811008-8, целью которого внедрение цифрового рубля, универсального платежного кода [10]. Кроме того, Правительство РФ утвердило положение о создании «Единой централизованной цифровой платформы в социальной сфере», данную платформу следует рассматривать как важный этап в процессе цифровизации социальной сферы, который предназначен как для автоматизации процессов по предоставлению мер социальной защиты и для информирования граждан [11]. Изменения в праве следует рассматривать как объективную реакцию на новые формы социальной солидарности, технологических укладов. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость формирования комплексного подхода к регулированию правового статуса субъектов, заключающийся в усилении защиты персональных данных и установлении дополнительных гарантий на случай нарушения прав в виртуальном пространстве. Данная задача требует тщательной проверки содержания субъективных и объективных прав с учетом трансформирующейся социальной реальности.

Таким образом, проведенный анализ концептуальных подходов ученых-правоведов, живших в одно время, позволил провести исследование субъективного и объективного права, их соотношение и взаимосвязь. Считаем, что рассмотренные точки зрения Дюги Л., Палиенко Н.И. следует рассматривать в синтезе, что позволит по-новому оценить существующее положение по данному вопросу в условиях внедрения цифровых технологий и развития виртуальной среды, что порождает новый вид субъекта – виртуальный, у которого должен быть набор субъективных прав и обязанностей. Обобщив позиции ученых, пришли к выводу, что следует начать разработку новых подходов в исследовании тех правовых категорий, которые непосредственно связаны с личностью, которая выступает источником всех изменений в обществе. Поэтому важно принимать во внимание тот факт, что коллективную безопасность не должна подавлять личную автономию, а личные права не могут игнорировать общественные интересы.

Список литературы:

1. Право цифровой среды = Digital Environment Law : монография / Д.В. Абдрахманов, Н. Ападхай, И.З. Аюшеева; ред.: Т.П. Подшивалов [и др.] .— Москва : Проспект, 2022.- 896 с.
2. Дюги Л. Общество, личность и государство: Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства; Сущность конституции // СПб.: Издательство «Вестника знания» (В.В. Битнера), 1914. - 77с.
3. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. – М.: Издательство АН СССР, 1958. - 187с.
4. Алексеев С.С.-Проблемы теории права: Курс лекций в 2 Т. /Свердловский юридический институт.- Свердловск : Свердловский юридический институт, 1972 -. 1/2.- 396с.
5. Халфин Р.О. Общее учение о правоотношении// Издательство «Юридическая литература», 1974. - 352с.
6. Иеринг Р. фон Дух римского права на различных ступенях его развития Пер. с 3-го испр. нем. изд. Ч. 1- / Соч. Рудольфа Иеринга, орд. проф. прав. в Геттингене. - Санкт-Петербург : тип. В. Безобразова и К°, 1875. -22 с.

7. Léon Michoud La Théorie de la Personnalité Morale et Son Application au Droit Français// Lib. Générale de Droit et de Jurisprudence, . 2 volumes in French. Paris: 1906-1909. 498 p.
8. Палиенко Н.И. Учение о существе права и правовой связанности государства / Проф. Н.И. Палиенко. - Харьков: тип. и лит. М. Зильберберг и с-вья, 1908. -[4], IV, 342 с.
9. Еллинек Г. Система субъективных публичных прав / Георг Еллинек; Пер. со 2-го нем. изд. под ред. прив.-доц. Моск. ун-та А.А. Рождественского. Вып. 1-й. Вып. 1 / 26. Санкт-Петербург; Москва : Освобождение, 1913 - Санкт-Петербург, Москва, 1913.- 16 с.
10. Законопроект № 811008-8 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/811008-8>. (Дата обращения: 05.01.2026)
11. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2023 г. N 2386 «О государственной информационной системе "Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере»// Собрание законодательства Российской Федерации, 1 января 2024 г. N 1 (часть III) ст. 250.

Kovalenko N.E. Assessment of subjective right in the works of I. Duguy // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 183-188.

This article analyzes the fundamental legal categories of subjective and objective law in the context of the digital transformation of society and the state. A comparative analysis of two classical concepts is provided as a methodological basis: L. Duguit's theory, which asserts the primacy of objective law and its social function, and N.I. Palienko's approach, which defines subjective law as the most important condition for the existence of objective law. The author of this article notes that modern legislative initiatives aimed at regulating relations associated with digital technologies and the virtual environment confirm the dynamic nature of law. These processes are analyzed through the prism of L. Duguit's ideas on the institutionalization of public duties. Simultaneously, the thesis of the transformation of subjective law from "power over a thing" to "power over a digital identity" is substantiated, which correlates with N.I. Palienko's position on the primacy of legal consciousness.

Keywords: law, subjective right, personality, society, legal norm, will, legal consciousness, legal entity, objective law.

Spisok literatury:

1. Pravo cifrovoy sredy = Digital Environment Law : monografiya / D.V. Abdrahmanov, N. Apadhaj, I.Z. Ayusheeva; red.: T.P. Podshivalov [i dr.]. — Moskva : Prospekt, 2022.- 896 s.
2. Dyugi L. Obshchestvo, lichnost' i gosudarstvo: Social'noe pravo, individual'noe pravo i preobrazovanie gosudarstva; Sushchnost' konstitucii // SPb.: Izdatel'stvo «Vestnika znaniya» (V.V. Bitnera), 1914. - 77s.
3. Kechek'yan S.F. Pravootnosheniya v socialisticheskom obshchestve. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958. - 187s.
4. Alekseev S.S.-Problemy teorii prava: Kurs lekcij v 2 t. /Sverdlovskij yuridicheskij institut.- Sverdlovsk : Sverdlovskij yuridicheskij institut, 1972 -. 1/2.- 396s.
5. Halpin R.O. Obshchee uchenie o pravootnoshenii// Izdatel'stvo «Yuridicheskaya literatura», 1974. -352s.
6. Iering R. fon Duh rimskogo prava na razlichnyh stupenyah ego razvitiya Per. s 3-go ispr. nem. izd. CH. 1- / Soch. Rudol'fa Ieringa, ord. prof. prav. v Gettingene. - Sankt-Peterburg : tip. V. Bezobrazova i K°, 1875. -22 c.
7. Léon Michoud La Théorie de la Personnalité Morale et Son Application au Droit Français// Lib. Générale de Droit et de Jurisprudence, . 2 volumes in French. Paris: 1906-1909. 498 p.
8. Palienko N.I. Uchenie o sushchestve prava i pravovoj svyazannosti gosudarstva / Prof. N.I. Palienko. - Har'kov: tip. i lit. M. Zil'berberg i s-v'ya, 1908. -[4], IV, 342 s.
9. Ellinek G. Sistema sub"ektivnyh publicznyh prav / Georg Ellinek; Per. so 2-go nem. izd. pod red. priv.-doc. Mosk. un-ta A.A. Rozhdestvenskogo. Vyp. 1-й. Vyp. 1 / 26. Sankt-Peterburg; Moskva : Osvobozhdenie, 1913 - Sankt-Peterburg, Moskva, 1913. 16 c.
10. Zakonoproekt № 811008-8 O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii // SOZD GAS «Zakonotvorchestvo». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/811008-8>. (Data obrashcheniya: 05.01.2026)
11. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29 dekabrya 2023 g. N 2386 «O gosudarstvennoj informacionnoj sisteme "Edinaya centralizovannaya cifrovaya platforma v social'noj sfere»// Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, 1 yanvarya 2024 g. N 1 (chast' III) st. 250.

УДК 342

ИСТОЧНИКИ ПРАВА И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Козырева А. Б.

Московский государственный юридический университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Статья посвящена исследованию тенденций и закономерностей развития источников права в эпоху активного распространения инновационных технологий, особенно искусственного интеллекта. Рассматриваются основные аспекты влияния инноваций на правовую систему, демонстрируя сложность и разнообразие реакций юридического сообщества на технологический прогресс. Автор обращает внимание на необходимость быстрой реакции права на инновации, рост специализированного законодательства, возрастание роли судебной практики, повышение роли нормативно-правовых актов высшего уровня, увеличивающуюся скорость принятия нормативно-правовых актов, глобальные тенденции интеграции правовых систем. Кроме того, автор подчеркивает, что современная эпоха характеризуется переходом от традиционного понимания источников права к новой парадигме, где доминируют динамично меняющиеся нормативно-правовые акты и формируемые на их основе судебные прецеденты. Приводятся примеры из российского и зарубежного опыта, подчеркивая универсальность обозначенных тенденций.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие, источники права, правовые системы, судебный прецедент, нормативный правовой акт, искусственный интеллект, тенденции.

Инновации должны приводить к позитивным изменениям, так как по своей природе представляют собой внедрение новшества для обеспечения повышения эффективности в какой-либо сфере деятельности. Так происходит и в науке, и в практике. Нередко инновации в одной сфере науки порождают инновации в других ее сферах. Такое часто происходит в юриспруденции, которая должна достаточно скоро реагировать на инновации в других науках. Между ними не должно быть расхождений, так как инновационное пространство всех наук едино и взаимосвязано. Однако в отличие от остальных сфер научной деятельности, юриспруденция имеет обыкновение реагировать на инновации с некоторым запозданием. С одной стороны, это нормально, так как право само по себе является реакцией на реалии общества, с другой – данная реакция должна быть своевременной. Иначе юриспруденция будет оторвана от инновационных реалий этого мира.

Современная наука переживает период бурного развития инновационных технологий, что значительно ускоряет темпы научно-технического прогресса. Данный процесс оказывает непосредственное влияние на правовые системы, поскольку появление новых технологий требует разработки соответствующих правовых норм и механизмов правового регулирования. В результате возникает необходимость адаптации существующих источников права и формирования новых форм правового регулирования.

Безусловно, подобные кардинальные изменения влияют на уже сложившиеся подходы к источникам права правовых систем мира, которые стремятся адаптироваться к современным реалиям и обеспечить эффективное регулирование общественных отношений в условиях быстрого научного прогресса. Проанализировав сложившуюся адаптацию источников права к современным реалиям инновационного развития, можно выделить несколько ключевых тенденций в развитии источников права:

I. Развитие специализированного законодательства и рост значимости технических регламентов и стандартов.

С огромной скоростью появляются все новые и новые отрасли науки и техники, требующие создание специализированных законов и нормативных актов. Данное обстоятельство связано с необходимостью регулирования инновационных технологий, защиты интеллектуальной собственности, обеспечения информационной безопасности и соблюдения цифровых этических норм. Например, развитие биотехнологий требует разработки законодательных мер для предотвращения злоупотреблений генетической информацией, а внедрение искусственного интеллекта ставит перед обществом вопросы ответственности разработчиков и пользователей. В условиях быстрого развития технологий важно своевременно реагировать на возникающие вызовы и обеспечивать баланс между инновациями и безопасностью. Например, только с 1.01.2026 г. в законную силу вступили следующие нормативные правовые акты в сфере правового регулирования искусственного интеллекта: 1) ГОСТ Р 71657-2024 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения»; 2) ГОСТ Р 71675-2024 «Системы дистанционного мониторинга на основе искусственного интеллекта в здравоохранении. Общие требования»; 3) ГОСТ Р ИСО/МЭК 20547-3-2024 «Информационные технологии. Эталонная архитектура больших данных. Часть 3. Эталонная архитектура»; 4) ГОСТ Р ИСО/МЭК 24029-2-2024 «Искусственный интеллект. Оценка робастности нейронных сетей. Часть 2. Методология использования формальных методов»; 5) ГОСТ Р 71476-2024 «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта». Кроме того, в августе 2025 г. Министерство цифрового развития представило проект концепции регулирования искусственного интеллекта до 2030 года. В документе описаны ключевые факторы, влияющие на развитие и внедрение искусственного интеллекта в различных отраслях, а также принципы, на которых должно основываться будущее регулирование сферы. Как видно из представленных примеров нормативно-правового регулирования только одного из многочисленных вопросов сферы развития технологий искусственного интеллекта, специализированное законодательство развивается со страшной силой, и, безусловно, это серьезное заявление для дальнейшего развития источников права во всех странах без исключения.

II. Активное использование судебной практики в качестве прецедента даже в правовых системах, где это не практиковалось ранее.

Судебные решения приобретают большее значение в качестве источника права даже там, где судебный прецедент не является официально источником права, поскольку суды часто сталкиваются с новыми юридическими вопросами, возникающими в связи с внедрением инноваций. В качестве примера можно привести свежее решение Верховного Суда РФ, который признал незаконным использование искусственного интеллекта для создания образа людей в предвыборной агитации кандидатов. Данное решение стало ориентиром для всей последующей судебной практики в части использования искусственного интеллекта в создании образа людей [1].

Официально в России отсутствует нормативное закрепление судебного прецедента, однако практикующие юристы нередко отмечают прецедентное значение определений коллегий Верховного Суда РФ. Не все теоретики права согласны с данной позицией и выделяют судебный прецедент в России в качестве источника права, но со временем сторонников данной позиции все больше. Возможно, на наших глазах зарождается инновация в российском праве, и когда-нибудь законода-

тель сформулирует единый инновационный подход к судебному прецеденту, в котором не будет места так уже привычному нам - *de facto* и *de jure*. Однако данный вопрос дискуссионный, ответ на который даст только время. Одно лишь можно сказать с уверенностью. С течением времени положение и правоприменительный статус источников права в российской правовой системе постепенно меняется с уско-ряющейся прогрессией. Законодатель вынужденно находится в состоянии отставания. Задача юридической науки работать на опережение и формулировать инновационные решения для законодателя, которые он сможет легитимизировать, когда к этому будет готово российское общество.

Похожую ситуацию можно увидеть и в Китае, где в последнее время в качестве неформального источника права выделяются так называемые *руководящие судебные дела*, которыми руководствуются судьи в осуществлении своей профессиональной деятельности в сфере правового регулирования технологий искусственного интеллекта. В китайской правовой доктрине встречается мнение, что данные руководящие судебные дела в последующем могут быть трансформированы в формальный и обязательный источник права, так как правовая система Китая нуждается в единообразии судебной практики. Более того, судебные решения по спорам в области искусственного интеллекта все чаще становятся в Китае ориентиром для последующих практик. Например, знаменитое дело *Tencent против Yingxun* [2], в котором «китайский суд установил, что статья, созданная с помощью искусственного интеллекта, обладает оригинальностью и подлежит защите авторского права» [3], обрело в последующем прецедентный характер.

III. Высокая скорость принятия нормативных правовых актов и повышающаяся роль единоличных нормативно-правовых актов глав государств.

Законодательный процесс требует времени, которым в эпоху развития технологий искусственного интеллекта законодатель не располагает. Тем самым координация деятельности органов государственной политики на президентском уровне в силу его процессуальной простоты практически необходимое и эффективное решение. Скорость принятия президентских актов заметно увеличивается. Так, проект Указа Президента РФ от 26.02.2026 г. № 116 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта» Минцифры России разместило для проведения независимой антикоррупционной экспертизы в срок до 25 февраля, общественного обсуждения – в срок до 26 февраля. Данный указ был подписан в день окончания срока общественного обсуждения, что ранее не практиковалось. *Правотворческий процесс разгоняется с космической скоростью и процедуры согласования вынуждены упрощаться*. Так, по заявлению аппарата Правительства РФ Д. Григоренко, среднее согласование документов сократилось до 1, 4 дня [4], а это только начало правового регулирования технологий искусственного интеллекта. Подобный тренд встречается и в других странах.

IV. Усиливающееся значение нормативно-правовых актов даже в странах англо-саксонской правовой семьи.

Не секрет, что право англо-саксонской правовой семьи отличается особой казуистичностью и сложностью. Однако следует отметить, что в странах данной правовой семьи со временем возрастает роль *регламентных норм* и *правовых статуттов*. Исключительное преимущество прецедентных норм со временем отходит на второй

план. В данном случае традиционный прецедентный подход к источникам англосаксонского права начинает конкурировать с инновационным курсом на усиление значения нормативно-правовых актов. В странах англо-саксонской правовой семьи нормативных правовых актов становится все больше. Причина тому – общественные отношения в быстро развивающихся областях требуют жесткого и быстрого регулирования со стороны государства (например, кибер-преступность, усиление контроля над банками и защитой персональных данных, защита прав собственности и др.). Действительность такова, что у общества нет времени на формирование судебной практики. Также требуется соблюдать интересы национальной безопасности. *В сухом остатке все инновации регулирует государство. Судебный прецедент – традиции* (например, в Великобритании традиционными вопросами для прецедентной практики и практики общего права являются: действительность договоров, небрежность, вина и др.).

V. Стремление к интеграции в вопросах инновационного развития стран.

Одно время в юридической и политической литературе было модно обсуждать вопросы глобализации мира и сближении правовых систем по единому стандарту. Сейчас же, из-за сложившейся геополитической ситуации всем стало понятно, что единый сценарий развития правовых систем и их постепенный отказ от национальных особенностей развития права – это утопия. В настоящий момент представляется более актуальным говорить об интеграции правовых систем, а не глобализации.

Интеграция и глобализация — два тесно взаимосвязанных, но разных процесса, происходящих в современном мире. Несмотря на схожесть, они отличаются своими масштабами, целью и характером взаимодействия государств и обществ. Мир права всегда развивается и стремится соответствовать духу своего времени. На это влияют многие факторы – политические, экономические, социальные, экологические и другие. На протяжении всей истории человечества в зависимости либо от сложившихся обстоятельств (войн, экономических и политических целей и др.), либо с помощью международно-правовых средств с целью достижения единообразия правового регулирования страны объединялись друг с другом в различные интеграции, что, безусловно, отражалось на их правовых системах. Такие процессы принято называть *интеграцией правовых систем*. П. Круз считает, что одной из важнейших причин интеграции явилось стремление юристов-теоретиков и практиков *«обеспечить если не полную, то по крайней мере, хотя бы частичную, но основную, наиболее существенную часть процесса унификации всех цивилизованных правовых систем»* [5, с. 225].

На процесс интеграции влияют многие факторы, какие-то данный процесс ускоряют, какие-то, наоборот - тормозят. Так, *ускоряют правовую интеграцию* упорядочение отношений между государствами с помощью заключения международных договоров, экономического сотрудничества, закрепления нормативных рамок (например, заключение рамочных соглашений) и единых принципов для сближения национальных правовых систем (например, регламенты и директивы ЕС) и преодоление коллизий в толковании норм национальных правовых систем. *Тормозят правовую интеграцию* такие факторы, как: несовпадение политических интересов между правовыми системами, опасения государств-членов международных организаций в вопросе передачи полномочий на наднациональный уровень, конкуренция систем права (в процессе унификации и гармонизации правовых систем могут возникнуть

противоречия), неравномерность экономической интеграции, коллизии норм права интегрируемых правовых систем, различие национальных правовых традиций и обычаев интегрируемых правовых систем, проблемы реализации правовых новелл в жизнь общества, проблемы в адаптации национальных систем законодательства к международным стандартам.

Необходимо отметить, что на развитие правовых систем могут отрицательно повлиять не только факторы торможения правовой интеграции. *Факторы сближения правовых систем могут навредить развитию правовых систем*, и чтобы такого не было, сближение правовых систем должно происходить эволюционно – без насилия и механического подхода. Следует учитывать цивилизационные особенности и уникальность каждой национальной правовой системы. Буквальное и «слепое» копирование чуждых для государства правовых традиций может привести к негативным последствиям. Инновации по своей сути должны приносить обществу исключительно позитивные изменения для национального права правовых систем. А торможение правовой интеграции, в свою очередь, не всегда вредит правовым системам, наоборот, во многих случаях позволяет *сохранить баланс между традициями и инновациями в праве*.

На данный момент прослеживается тенденция – *переинтеграции правовых семей по новому критерию классификации правовых семей – инновационный (технологический) критерий*. В соответствии с данным критерием переконфигурацию правовых семей можно представить следующим образом: 1) **евразийская интеграция** (входят *страны БРИКС* (членами объединения являются: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика, Иран, Египет, Эфиопия, Объединенные Арабские Эмираты, Индонезия) и *страны ШОС* (членами Шанхайской организации сотрудничества являются: Беларусь, Индия, Иран, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Пакистан, Россия, Таджикистан, Узбекистан); 2) **европейская интеграция** (страны Европейского союза: члены Европейского союза были перечислены выше); 3) **американская технологическая экспансия** (страны НАТО: члены Североатлантического альянса перечислены выше). Безусловно, вызванная буйством инноваций переинтеграция правовых семей приведет к изменениям в области источников права.

Например, в 2024 г. Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) создал Альянс по развитию искусственного интеллекта стран БРИКС (БРИКС+AI), который призван развивать следующие направления сотрудничества: совместные НИОКР в области искусственного интеллекта и обработки больших данных; обмен технологиями и совместная разработка IT-инфраструктуры; формирование единых технологических стандартов и суверенных цифровых платформ, взаимодействие в области регулирования, безопасности и этики применения искусственного интеллекта. На первом этапе к альянсу присоединились более 20 компаний из шести стран объединения — России, Бразилии, Индии, Китая, Ирана и ОАЭ [6]. Данный альянс предлагает странам-участницам особую модель взаимодействия – *учет культурных различий и равенство*, что *соответствует социокультурной политике России*. Таким образом, Российская Федерация является для стран БРИКС и ШОС *поставщиком технологического суверенитета и экспортирует не только технологии, но технологические стандарты*, что само по себе является серьезной заявкой на лидерство в евразийском технологическом альянсе. Остальные альянсы также пытаются норма-

тивно скрепить страны-участницы. В том же 2024 г. Европейский союз принял *Регламент об искусственном интеллекте (Закон об искусственном интеллекте, EU AI Act [7])*, который определяет допустимые и недопустимые сферы применения искусственного интеллекта. НАТО в 2024 г. пересмотрела и обновила свою стратегию развития искусственного интеллекта от 2021 г. Новая *Концепция развития искусственного интеллекта от 2024 г.* направлена в первую очередь на ускорение использования технологий искусственного интеллекта в странах НАТО и защиту от враждебного использования технологий искусственного интеллекта [7].

Как мы видим, технологические альянсы уже начали создавать *нормативно-правовую* и *организационно-правовую* основы для внутреннего взаимодействия, что будет способствовать сближению правовых систем стран-участниц альянсов. *Усиливающим фактором* такого сближения будет служить обостряющаяся обстановка на геополитической карте мира. В связи с тем, что технологии искусственного интеллекта развиваются с огромной скоростью (по данным отчета BOND Capital за 2025 г. развитие технологии искусственного интеллекта развиваются быстрее всех технологий в истории и опережает всё, что было раньше: интернет, мобильные технологии, облачные сервисы [8]), данное сближение будет проходить достаточно интенсивно и приведет к очередной интеграции правовых систем под эгидой уже новых мировых лидеров. Тем самым, *интеграционным сближением стран в обозримом будущем будут управлять инновации в области технологий*. Безусловно, данная тенденция влечет серьезные риски и для экономики (только время покажет, насколько успешными с точки зрения финансов окажутся IT-компании и выгодными для бизнеса их разработки в долгосрочной перспективе), и для социокультурной составляющей каждого государства и для всего человечества в целом. Однако основанный на инновациях интеграционный процесс уже запущен и его не остановить. Остается только надеяться, что он приведет к позитивным изменениям нашей будущей правовой и не только действительности.

Проведенный выше краткий компаративный анализ современной юридической практики указывает на *единый уклад тенденций развития источников права во всем юридическом мире*. Все инновации в обществе нуждаются в жестком государственном регулировании в силу ускоренного научно-технологического прогресса и необходимости обеспечения национальной безопасности. В этой связи приоритетным источником для правовых систем государств и по количеству, и по качеству становятся нормативные правовые акты даже там, где они таковыми никогда не были. Базовые правовые вопросы, в особенности юридические процессы и процедуры, наоборот, тяготеют к регулированию судебной практикой и традициями права. В эпоху развития технологий искусственного интеллекта скорость принятия нормативных правовых актов становится почти космической. Сложившуюся тенденцию усугубляют начавшиеся интеграционные процессы, которые из-за сложных геополитических процессов начали развиваться по новым сценариям.

Список литературы:

1. ВС признал незаконным использование ИИ для создания образа людей в агитации. Ведомости. 05.02.26 г. // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/02/05/1174142-vs-priznal-nezakonnim-ispolzovanie-ii-v-agitatsii> (последнее посещение - 16.03.2026 г.).
2. Tencent v. Yingxun Tech
深圳市腾讯计算机系统有限公司与上海盈讯科技有限公司著作权权属、侵权纠纷、商业贿赂不正当竞争

- 争纠纷一审民事判决书 // <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/2019-yue-0305-min-chu-14010> (последнее посещение - 24.02.2026 г.).
3. Азиатский опыт защиты авторских прав на работы, созданные с помощью ИИ — разбор от REVERA // <https://app2top.ru/pravo/aziatskij-opyt-zashchity-avtorskih-prav-na-raboty-sozdanny-e-s-pomoshh-yu-ii-razbor-ot-revera-218065.html> (последнее посещение - 24.02.2026 г.).
4. Доля электронного документооборота аппарата правительства превысила 90%. // <https://tass.ru/ekonomika/26398285> (последнее посещение - 24.02.2026 г.).
5. Cruz P.A. Modern Approach to Comparative Law. Boston, 1993. P. 28. (Цит. по: Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. С. 225.
6. РФПИ совместно с шестью странами БРИКС создаст альянс по развитию ИИ // <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2024/12/11/1080717-rfpi-sozdast-alyans> (последнее обращение - 25.09.2025 г.).
7. Обновленная стратегия НАТО по развитию ИИ от 2024 года // https://ai.gov.ru/knowledgebase/strategicheskie-dokumenty-po-ii-v-drugikh-stranakh/iyuly_2024_obnovlennaya_strategiya_nato_po_ii/ (последнее посещение от 20.10.2025 г.).
8. ИИ развивается быстрее всех технологий в истории и подешевел на 99% за 2 года // <https://hightech.plus/2025/06/04/ii-razvivaetsya-bystree-vseh-tehnologii-v-istorii-i-podeshevel-na-99-za-2-goda> (последнее посещение - 20.09.2025 г.).

Kozyreva A. B. Sources of law and innovative development // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 189-195.

This article examines trends and patterns in the development of legal sources in an era of the active spread of innovative technologies, particularly artificial intelligence. It examines the key aspects of innovation's impact on the legal system, demonstrating the complexity and diversity of the legal community's responses to technological progress. The author draws attention to the need for a rapid legal response to innovation, the growth of specialized legislation, the increasing role of judicial practice, the increasing role of higher-level regulatory legal acts, the increasing speed of adoption of regulatory legal acts, and global trends in the integration of legal systems. Furthermore, the author emphasizes that the modern era is characterized by a transition from the traditional understanding of legal sources to a new paradigm dominated by dynamically changing regulatory legal acts and the judicial precedents formed on their basis. Examples from Russian and international experience are provided, emphasizing the universality of these trends.

Keywords: innovation, innovative development, sources of law, legal systems, judicial precedent, regulatory legal act, artificial intelligence, trends.

Spisok literatury:

1. VS priznal nezakonnym ispol'zovanie II dlya sozdaniya obraza lyudej v agitacii. Vedomosti. 05.02.26 g. // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/02/05/1174142-vs-priznal-nezakonnim-ispolzovanie-ii-v-agitatsii> (poslednee poseshchenie - 16.03.2026 g.).
2. Tencent v. Yingxun Tech
深圳市腾讯计算机系统有限公司与上海盈讯科技有限公司著作权权属、侵权纠纷、商业贿赂不正当竞争纠纷一审民事判决书 // <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/2019-yue-0305-min-chu-14010> (poslednee poseshchenie - 24.02.2026 g.).
3. Aziatskij opyt zashchity avtorskih prav na raboty, sozdannye s pomoshch'yu II — razbor ot REVERA // <https://app2top.ru/pravo/aziatskij-opyt-zashchity-avtorskih-prav-na-raboty-sozdanny-e-s-pomoshh-yu-ii-razbor-ot-revera-218065.html> (poslednee poseshchenie - 24.02.2026 g.).
4. Dolya elektronnoho dokumentooborota apparata pravitel'stva prevysila 90%. // <https://tass.ru/ekonomika/26398285> (poslednee poseshchenie - 24.02.2026 g.).
5. Cruz P.A. Modern Approach to Comparative Law. Boston, 1993. P. 28. (Cit. po: Marchenko M.N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. S. 225.
6. RFPI sovместно s shest'yu stranami BRIKS sozdast al'yans po razvitiyu II // <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2024/12/11/1080717-rfpi-sozdast-alyans> (poslednee obrashchenie - 25.09.2025 g.).
7. Obnovlennaya strategiya NATO po razvitiyu II ot 2024 goda // https://ai.gov.ru/knowledgebase/strategicheskie-dokumenty-po-ii-v-drugikh-stranakh/iyuly_2024_obnovlennaya_strategiya_nato_po_ii/ (poslednee poseshchenie ot 20.10.2025 g.).
8. II razvivaetsya bystree vseh tekhnologij v istorii i podeshevel na 99% za 2 goda // <https://hightech.plus/2025/06/04/ii-razvivaetsya-bystree-vseh-tehnologii-v-istorii-i-podeshevel-na-99-za-2-goda> (poslednee poseshchenie - 20.09.2025 g.).

УДК

ПРАВОВОЙ ИНЖИНИРИНГ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМЫ¹

Корнев А. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В статье рассматривается относительно новое направление юридической деятельности. Оно связано с курсом Российской Федерации на технологическое лидерство, которое в настоящий момент является ключевым фактором конкурентоспособности государства, гарантией его суверенитета. Четвертая промышленная революция и переход к шестому технологическому укладу ставит перед юридической наукой и практикой новые задачи. Юристам предстоит осваивать техносферу, создавать правовую среду для новых рынков и технологий. В этой связи очевидна неизбежная трансформация всех видов юридической деятельности. Она перестает быть строго гуманитарной. Отставание правового регулирования от развития технологий является общей проблемой, которую обсуждают практически во всех странах, которые так или иначе включены в новую реальность. Её можно с полным основанием квалифицировать *технореальностью*. В статье в этой связи предложены некоторые дефиниции.

Ключевые слова: государство, инновации, инжиниринг, искусственный интеллект, право, правотворчество, техника, технологии, юриспруденция.

Несколько предварительных рассуждений. Примерно век тому назад гениальный А. Эйнштейн предложил рассматривать бытие через призму пространственно-временного континуума. До него люди пребывали в иллюзии о том, что время может существовать вне пространства. Создается впечатление, что современное человечество медленно подходит, но все же подходит к несколько иному пониманию реальности. Трудно предугадать, каким оно будет. Человечество недооценило открытие древними греками... точки. Между тем, именно с этого момента начинают формироваться представления людей о развитии, совершенствовании. Со временем люди начнут свято верить в прогресс, в неумолимый, а самое главное прямолинейный путь эволюции, который сулит людям сплошные победы, сделает их жизнь еще более комфортной и безопасной. Надежда на лучшее вообще свойственно природе человека. Одновременно с этим он не всегда трезво оценивает перемены, не видит скрытых и откровенно явных угроз для собственного бытия. Последним наиболее отрезвляющим фактором для массового общественного сознания был ковид, который показал иллюзорность безопасного и комфортного существования современного человека с гарантированно высоким уровнем потребления.

Хотелось бы выдвинуть в качестве гипотезы следующую мысль: *эпохи возможно классифицировать по господствующей идее (идеологии) и тем технологиям, которые ее «обслуживают»*. Точнее так: идея (идеи) делают запрос на те или иные технологии. Идеи, как показывает история, мало чем отличаются друг от друга. Все они в том или ином виде подразумевают достижение положительных социальных целей. В этом их схожесть. Дискредитируют идеи методы их реализации. На это мало кто обращает внимание. Между тем как раз средства реализации идей, достижения целей онтологически раскрывают суть любых концепций.

Современная эпоха, как всякая иная, имеет особенности. Однако она имеет очень любопытную деталь. Ранее идеи и технологии в любом случае подразумевали человека, удовлетворение его все более растущих потребностей. Современность же все

¹ Статья подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

настойчивее говорит нам о человеке, который уже более не является венцом природы и конечной целью любого прогрессивного развития. Все чаще звучит мысль о «необязательности» человека. В технологический век он становится практически лишним. Уже никого не пугает термин «постчеловек», поскольку мы вступаем в такую эпоху. Крис Скиннер предельно откровенно заявляет: «Человеческий фактор – эвфемизм для менее благозвучного сочетания «человеческие ошибки». Беспилотный автомобиль может проехать миллион километров без единого ДТП, человек же попадает в аварии в среднем три-четыре раза в жизни. Я предпочел бы чтобы меня оперировал робот-хирург, ошибающийся с вероятностью 1:10 000. Автоматизированные трейдеры, безошибочно заключающие сделки вызывают больше доверия, чем трейдер-человек, которым может двигать злой умысел; приходится тратить миллионы, чтобы проверить, кто какие сделки заключал, когда и где» [1, с. 103]. И еще: «Люди – самое слабое звено, и от них нужно избавиться. Без людей мы получим неприступные банки, операции без ошибок и гарантированный успех» [1, с. 104].

Мы видим, что развитие технологий, которые направлены на удовлетворение потребностей человека, могут стать одной из самых страшных опасностей для него самого. Машина, появившаяся в процессе промышленной революции, создала иную реальность. Она не только облегчила труд человека, но стала представлять для него опасность. Общество стало утрачивать способности влиять на эту новую техническую реальность. Об этом написали еще классики во все еще актуальном Манифесте коммунистической партии: «... общество создавшее как бы по волшебству столь могущественные средства производства и обмена, походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванные его заклинаниями» [2, с. 33].

По оценкам известного современного западного историка Джона Херста, эта небольшая брошюра стала самым влиятельным политическим сочинением XIX – XX в. [3, с. 246]. Я не беру на себя смелость оспаривать степень влиятельности Манифеста коммунистической партии. Это дело личных вкусов, политических предпочтений. Политическая экономия, именно на этой версии я настаиваю, всегда была ареной столкновения мнения. Это своего рода борьба за умы и настроения людей. Одни экономисты обслуживают интересы власть имущих, другие защищают интересы людей труда. И ничего в этом смысле не поменяется. Давно подмечена одна деталь. Нобелевские лауреаты по физике в основном с уважением относятся друг к другу, даже если они нередко не согласны со своими коллегами. Ничего подобного мы не увидим в экономической среде. Каждый новый лауреат считает прежних чуть ли не шарлатанами. Во всяком случае, такие примеры имеют место. Припоминаю, что с началом всемирного экономического кризиса 2008 г. немецкий журнал «Шпигель» опубликовал экспертные мнения нескольких лауреатов Нобелевской премии по экономике по сути происходящего. По итогам редколлегия язвительно констатировала «Все эти господа стали лауреатами. Они якобы доказали невозможность того, что мы наблюдаем сейчас». Кстати, лидером продаж 2008-2010 гг. в Европе стал «Капитал» К. Маркса, который был доработан Ф. Энгельсом. В нашей стране последнего видели в тени Маркса. Между тем, он несколько не уступает своему другу, а в чем-то даже превосходит. Во всяком случае, К. Марк был всего лишь теорети-

ком, а Ф. Энгельс, не получивший систематического образования, был вполне успешным предпринимателем. А уж в области знания иностранных языков он намного превосходил Маркса.

Итак, предвидение «власти» машин и неизбежной трансформации способов производства было предсказано уже давно. В этой связи нам очень важно понимать суть перемен, выявлять те опасности, которые уже обозначились. В свое время футуролог Элвин Тоффлер провозгласил приход «Третьей волны», что означало, по его мнению, смерть всех идеологий и победу технократии. Данное течение (технократизм) сформировало определенные общественные настроения. «Технократы всегда нуждались в инвесторах, - констатирует И. Шнуренко, - таким образом уже давно родился запрос на технооптимизм. В разные времена его мировоззренческое обоснование принимало разные формы, а в наше время пошло по самому простому пути. Этот путь – отрицать существование сознания или так его переопределить, чтобы проблема исчезла с глаз долой» [4, с. 239].

Одним из таких технооптимистов является К. Шваб. Некогда его цитировали абсолютно все, кто так или иначе писал (говорил) о технологиях и четвертой промышленной революции. Конечно, он не так циничен, как К. Скиннер, которому явно «мешает» человек в формирующемся мире технологий. К. Шваб во всяком случае осознает угрозы, которые несет с собой технологическая цивилизация. Тем не менее, позитивные настроения свойственны и ему. Он, в частности, констатирует: «Формирование четвертой промышленной революции как имеющей творческое начало, ориентированное на человека, а не как дегуманизирующей и обезличивающей силы, - это задача, которая не подвластна одному человеку, отрасли, региону или культуре. Фундаментальный и глобальный характер данной революции означает, что она станет неотъемлемой частью всех стран, экономических систем, отраслей и людей. Поэтому принципиальное значение приобретают внимание и силы, которые мы обращаем на многостороннее сотрудничество, не имеющее научных, социальных, политических, национальных и промышленных границ. Такое взаимодействие и сотрудничество необходимо для создания позитивной, единой и многообещающей концепции, благодаря которой отдельные люди и сообщество из всех стран мира смогут принять участие в текущих преобразованиях и воспользоваться их преимуществами» [5, с. 12].

Основатель и Президент Всемирного экономического форума в Женеве в целом рассуждает в позитивном ключе. Однако этот позитив проистекает из его глобалистских воззрений. Ему, как никому другому хорошо известно, что в области технологий идет серьезнейшая война. Никто просто так не будет делиться технологическими достижениями, особенно со своими геополитическими противниками. Технологии могут и продавать, если они приносят прибыли и не усиливают вашего конкурента. Конечно, мы не можем отрицать тех позитивных изменений, которые приносят технологии, в том числе цифровые. Предположим, российские «Госуслуги» - система, практически безупречная. Правда, и в ней случаются сбои, ошибки, неоправданные сроки для оказания услуг в электронной форме. Сужу об этом из личного опыта. Тем не менее, она очень удобная и существенно экономит время. Ничего подобного в других странах, вполне технологичных, нет. Но мы все должны понимать, что технологии, предназначенные для удовлетворения «бытовых, личных

потребностей» и технологии, обеспечивающие развитие индустрий, обороноспособность, совсем другое дело.

В другой своей работе К. Шваб рассуждает как адепт глобализма: «Ограничения, связанные с правами на интеллектуальную собственность, затрудняют обмен информацией, позволяющей лучше понимать, что происходит в этой области. Отсутствие точной информации о том, что уже достигнуто, затрудняет также создание эффективной политики для снижения рисков и обеспечения безопасности. Уменьшение количества юридических препятствий для обмена знаниями поможет ускорить инновационную деятельность» [6, с. 164].

Данная позиция хорошо знакома всем авторам, ученым из России безотносительно к той отрасли науки, которую они представляют. Чтобы пройти очередной конкурс, претендент на должность научного сотрудника или профессорско-преподавательского состава должен иметь публикации в изданиях, входящих в международную базу данных. Все они находятся в юрисдикции государств, которые проводят по меньшей мере недружелюбную политику в отношении нашей страны. «Фокус» в том, что данное требование было закреплено в российских документах нормативного и организационно-управленческого характера. Буквально в точном соответствии с тем, о чем пишет К. Шваб. Совершенно очевидно желание иметь в распоряжении перспективные идеи ученых из разных стран и отраслей научного знания. Особое значение имеют разработки в области ИИ и алгоритмических систем. Это самое перспективное и пугающее направление технологического развития. Призывы к осторожности, «красным линиям» никого не останавливают, поскольку это сулит настоящее господство буквально над всем и вся. Велико искушение. Тем не менее, данная сфера представляется гораздо более опасной, чем оружие массового поражения. Мы должны это понимать. Технологии фактически отменили то, что мы называем частной жизнью. Они же лишают людей работы. В политической области во многих странах созданы алгоритмические системы и ИИ-модели, которые «помогают» определиться избирателям с партиями и кандидатами на предмет их политической перспективности. Причем, верить нейтральности этих систем может только наивный человек. Уже одно то, что к их помощи прибегают десятки миллионов человек, говорит о многом. *Интегрально-цифровая власть* фактически управляет политическими интересами и желаниями избирателей. У нас же поют оды «электронному государству» и «цифровой демократии». Юристы и представители иных социальных наук преимущественно скользят по поверхности современного социума и тех отношений, которые в нем происходят. Использование «машинной информации» грозит нам всем, а особенно ученым тем, что вместо восприятия реальности мы будем иметь дело с синтетическими симулякрами. Между тем настала потребность обратить внимание на *онтологию* современной социотехносреды, которая постепенно превращается в техносociосреду.

Теперь, собственно говоря, о правовом инжиниринге. Речь пойдет, прежде всего, о терминологическом аппарате. Техносреда предполагает свой категориальный аппарат. Он должен помочь осваивать новую технологическую реальность под юридическим углом зрения. Если врач для здоровья, инженер для машины, то юрист для всех и всего. Никаких значимых результатов нельзя добиться, если не понимать, о чем идет речь. Прежде всего, необходимо понять то, что можно и нужно понимать

под правовым инжинирингом. Это авторская позиция, и только. Она не может претендовать на истину в последней инстанции, как принято говорить в этих случаях. Формулировать определения – задача не из легких вообще, и в юриспруденции, в частности. Тем более, когда речь идет о строго технической стороне дела. Тем не менее, нам, юристам, нужно этим заниматься. Никто другой за нас эту задачу не выполнит. Позволю себе привести несколько ключевых понятий.

Правовой инжиниринг – система юридино-технических услуг, которые направлены на создание сложных технологических решений, включая их разработку, проектирование, сопровождение и внедрение. Правовой инжиниринг обеспечивает все циклы создания сложных технологических решений: проектно-конструкторский, исследовательский, производственный, аналитическо-расчетный посредством их правового сопровождения.

Правовой инжиниринг – разновидность подрядных работ, суть которых состоит в правовом сопровождении сложных технологических решений.

Правовой инжиниринг – способ организации командной юридической деятельности по юридическому сопровождению создания сложных технологических решений. Правовой инжиниринг в этом контексте предполагает четкую организацию работы временного или постоянного коллектива юристов, объединенного общими целями и задачами, а также индивидуальными функциями каждого члена команды.

По меньшей мере, правовой инжиниринг следует квалифицировать в трех значениях. Во-первых, как разновидность юридической деятельности, которая состоит в правовом регулировании (сопровождении) сложных технологических решений или вообще технологий. Технологические решения (технологии) создаются поэтапно: начиная от идеи и заканчивая их внедрением. Все эти этапы нуждаются в правовом сопровождении. Хотелось бы отметить, что выдающийся ученый и мыслитель Д.И. Менделеев как никто другой понимал назначение права в деле промышленного развития страны. Юристов его поры эта тема практически не интересовала, что очень удивительно. Они были заняты преимущественно пониманием права, соотношением права и морали, спорами о государстве и т.д. Если юристы толковали разделение властей как способ организации власти и только, то Д.И. Менделеев на это смотрел следующим образом: суд имеет дело с прошлым, правительство с настоящим, а законодательная власть формирует будущее. В понимании Менделеева – это промышленное, технологическое, инновационное развитие. Мы пришли к этому только недавно, а Д.И. Менделеев понимал юриспруденцию в инновационном ключе более 130 лет тому назад. И более всего его заботила юридическая защита результатов интеллектуального труда. Он искренне переживал, что открытия русских ученых часто просто крадут или присваивают себе первенство иностранцы. В этом он обвинял правительство и юристов, которые не занимаются таким важным для страны делом. В целом следует согласиться с тем, что «...стратегические идеи Менделеева об экономическом суверенитете получили широчайшее практическое применение и выдержали проверку временем... Менделеев первый автор стратегии экономической независимости России» [7, с. 301].

Во-вторых, правовой инжиниринг представляет собой разновидность подрядных работ по правовому сопровождению разработки и внедрению сложных технологических решений. Опыт участия в программе стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030» показывает, что разработчики технологических реше-

ний (технологий) зачастую даже не понимают, каким юридическим рискам они подвергаются, вплоть до уголовной ответственности. Технологическая деятельность как в высшей степени сложная и творческая, объективно нуждается в соответствующем правовом регулировании.

Среди охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации названы (ст. 1225 ГК РФ): произведения науки, литературы и искусства; программы для электронных вычислительных машин; изобретения; полезные модели, промышленные образцы, секреты производства (ноу-хау) [7, с. 487].

В-третьих, правовой инжиниринг – это еще и способ командной юридической деятельности с четким распределением задач временного или постоянного коллектива. Команда может создаваться под определенную технологию или это может быть юридическая фирма, специально созданная для этих целей. Конечно, следует учитывать степень подготовки и квалификацию привлекаемых специалистов. Нужно прямо сказать, что юристам недостает технических знаний. Все знать невозможно, особенно в настоящее время. Но и довольствоваться исключительно юридическим багажом бесперспективно. Лучше всего, конечно, браться за работу «под ключ»: от проектно-конструкторской стадии до юридического оформления технологического решения и его масштабирования. Можно смело сказать, что правовой инжиниринг представляет собой очень перспективное направление юридической деятельности.

В юридических вузах нужно создавать магистерскую программу «Правовой инжиниринг». Предполагаю, что она будет очень востребована в настоящее время. Она должна содержать как юридические, так и «технологические» дисциплины.

На юристов сегодня возлагается особая миссия. В целях технологического лидерства необходимо создавать правовую (юридическую) инфраструктуру. Именно так ставит задачу в настоящий период высшее политическое руководство страны. Данная инфраструктура необходима не только для технологического лидерства, но и для правового обеспечения национальных проектов, документов стратегического планирования.

Юридическая инфраструктура – в узком смысле слова совокупность нормативных правовых актов, регулирующих конкретные общественные отношения (право новых технологий или искусственный интеллект). В широком смысле юридическая инфраструктура представляет собой систему правовых средств, институтов, технологий, которые в своей совокупности образуют юридическое сопровождение какой-либо технологии, процесса, услуги.

Представляется, что правовой инжиниринг является составной частью права технологического лидерства. Понятно, что это условное, во многом синтетическое образование. В новых реалиях оно имеет право на существование.

Право для научно-технологического лидерства – правовая общность (комплекс отраслей права и законодательства, отдельных институтов права), регулирующих все циклы создания сложных технологических решений: проектно-конструкторский, исследовательский, производственный, аналитическо-расчетный, а также обеспечивающих юридическую защиту результатов интеллектуальной деятельности в сфере российской и иностранной юрисдикции.

Право для лидерства имеет стратегическую цель, а именно – достижения технологического лидерства. Опыт других стран позволяет судить о приоритетном создании правовой основы для любых преобразований (реформ).

Технологическое лидерство – расценивается как способность страны, компании или региона занимать ведущие позиции в разработке и внедрении передовых технологий, которые помогают повышать уровень жизни населения, укреплять национальную безопасность и осуществлять стабильное развитие экономики в условиях технологических вызовов.

Сейчас много говорят о преобразовании юридической функции. В ряде случаев не совсем понятно, о чем идет речь. Современный язык, в том числе язык права, содержит в себе неоправданно много слов с неявным содержанием. Применительно к правовому инжинирингу можно предложить следующую дефиницию.

Юридическая функция – создание правовой инфраструктуры в целях разработки, проектирования, сопровождения и внедрения сложных технологических решений, а также юридическая защита результатов интеллектуальной деятельности.

Время требует нового юриста. Он должен быть не только членом команды², аналитиком, но, прежде всего, стратегом. Умение анализировать и стратегически выстраивать развитие компании, региона, фирмы, отрасли есть критически важная компетенция.

Юрист-стратег – носитель междисциплинарных инновационных знаний (управленческих, социальных, экономических, технических, цифровых), понимающий закономерности общественного развития, владеющий методикой и методологией позитивных изменений в деятельности организации, корпорации, государственного учреждения или государственного органа, эффективно использующий средства правового инжиниринга.

Конечно же, нужны новые, инновационные юридические продукты. Инновационное развитие предполагает их создание. Предложим свое определение данного явления.

Инновационный правовой продукт – это видоизмененный или новый материализованный результат, созданный в процессе научной, образовательной, правотворческой, правоприменительной, профессиональной юридической деятельности, направленный на позитивные качественные и количественные изменения той среды, в которой его реализуют.

В качестве инновационного правового продукта могут быть новые идеи, правовые доктрины и концепции, правовые стратегии, законопроекты, экспериментальные правовые режимы, правовые политики в той или иной области. Все это в конечном счете должно привести фирму, регион, страну к переходу на новый технологический уровень.

Вопрос о формах правового инжиниринга представляет определенную сложность. В юридической литературе нередко формы, виды, способы подаются в тождественном значении.

Любая форма, как и содержание в философском смысле упорядочивают какую-либо часть нашего бытия. Бытие общественное означает объективность историче-

² Юридическая деятельность этого вовсе не требует. В сложных проектах, как правило, существует специализация функций.

ских форм общения и деятельности людей по отношению к их сознанию [9, с. 43]. Строго говоря, форма превращает любую деятельность в предметную. Благодаря форме она приобретает логически обоснованный характер. Это в полной мере относится и к правовому инжинирингу. Если несколько сблизить «вид» и «форму», то правовым инжинирингом можно назвать юридическое консультирование, экспертные оценки, одним словом, оказание юридических услуг на всех стадиях разработки технологического решения (технологии).

Однако юридическая деятельность может осуществляться в правовых (официальных) и неправовых формах (неофициальных). Юристы могут давать частные консультации. Когда речь идет о подготовке сложного технологического решения, лучше прибегать к его правовым (официальным) формам. Юриспруденция становится все более технологичной не только потому, что она использует современные, в том числе цифровые правовые технологии, но и сама опосредует технологическую деятельность.

Список литературы:

1. Скиннер К. Цифровой человек. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М., «МАНН, ИВАНОВ и ФЕРБЕР», 2019.
2. Цит. по Варуфакис Я. Технофеодализм. М., Ад Маргинем Пресс, 2025, С. 33.
3. Херст Дж. Краткая история Европы. М., Эксмо, 2020, С. 246.
4. Шнуренко И. Человек взломанный. М., «Наше время», 2021, С. 239.
5. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., Эксмо, 2019, С. 12.
6. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. М., Эксмо, 2018, С. 164.
7. Менделеев. Экономическая независимость России. Авторы- составители: Таранков В.И., Сахарова М.О. М., Русская речь; Бослен, 2024, С. 301.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации. М., «Проспект», 2020, С. 487.
9. Философский словарь. Под редакцией И.Т. Фролова М., Издательство политической литературы, 1981, С. 43.

A. V. Kornev. Legal engineering: concept, content, forms // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 196-203.

This article examines a relatively new area of legal practice. It is linked to the Russian Federation's commitment to technological leadership, which is currently a key factor in the state's competitiveness and a guarantee of its sovereignty. The fourth industrial revolution and the transition to the sixth technological paradigm pose new challenges for legal scholarship and practice. Lawyers must master the technosphere and create a legal environment for new markets and technologies. In this regard, the inevitable transformation of all types of legal practice is evident. It is no longer strictly a humanitarian matter. The lag of legal regulation behind technological developments is a common problem discussed in virtually all countries that are, in one way or another, engaged in the new reality. It can rightfully be described as a technoreality. In this regard, the article offers some definitions.

Key words: state, innovation, engineering, artificial intelligence, law, lawmaking, technology, jurisprudence.

Spisok literatury:

1. Lafitskij V.I. Miry prava v teorii i praktike sravnitel'nogo pravovedeniya: v 2 tomah. М., «Prospekt», 2021, Т. 1, С. 495.
2. Iglton T. Pochemu Marks byl prav. М., Kar'era-Press, 2017, С. 45.
3. Hajek F. Sobranie sochinenij: v 19 tomah. Moskva – Chelyabinsk, Socium, 2020, Т. 15, С. 565.
4. Stiglic Dz. Globalizaciya: trevozhnye tendencii. М., «Mysl'», 2003, С.193.
5. Shvab K. Tekhnologii chetvertoj promyshlennoj revoljucii. М., Eksmo, 2018, С. 262.
6. Varufakis Ya. Tekhnofeodalizm. М., Ad Marginem Press, 2025.
7. Konstituciya Rossijskoj Federacii. М., «Prospekt», 2024, С. 4.
8. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. М., «Prospekt», 2020, С. 487.
9. Filosofskij slovar'. Pod redakciej I.T. Frolova М., Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1981, С. 43.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 204-212.
УДК 343.2/7

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ ДЛЯ СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА — ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Крайнова Н. А., Радошнова Н. В.

В преддверии празднования годовщины Великой Победы СССР в Великой Отечественной войне необходимо акцентировать внимание на победе нашей страны в войне с милитаристской Японией, которая закончилась 02.09.1945 г. Эти события стали основанием для организации Международного Военного Трибунала для стран Дальнего Востока, именуемого как Токийский Трибунал. В этом процессе рассматривались связанные с агрессией Японии против СССР и ее населения вопросы о привлечении к уголовной ответственности совершивших преступления против мира и безопасности лиц. В статье авторы в уголовно-правовом и историческом аспекте с использованием сравнительно-правового, аналитического и исторического методов анализируют обозначенные события и предлагают их современную оценку. В работе делается вывод о том, что говорить об объективном расследовании, проведенным Токийским Трибуналом, и наказании всех японских военных преступников, не представляется возможным. Однако необходимо помнить героические страницы истории нашей страны, чтобы не дать возможности недоброжелателям их переписать.

Ключевые слова: Великая Отечественная Война, военные действия, японские агрессоры, капитуляция, захват территории, пограничный инцидент, нейтралитет, сотрудничество.

В преддверии празднования годовщины Победы СССР в Великой Отечественной Войне полагаем необходимым отметить еще одну великую дату — 81 годовщину со дня Победы СССР в войне с Японией, поставившей окончательную точку во Второй мировой войне актом о капитуляции Японии, подписанным 2 сентября 1945 г. Это стало основанием для проведения Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока (далее по тексту — Токийский Трибунал) [5. С. 17].

Мы кратко рассмотрим основания для привлечения к уголовной ответственности японских военных преступников за преступления, совершенные против СССР и их оценку со стороны стран-участниц Токийского Трибунала.

Еще на Тегеранской конференции (28 ноября 43 г.- 01 декабря 43г.) глав союзных держав, СССР, США и Великобритании, Советский Союз заявил о готовности вступить в войну против Японии [14, с. 125]. Это стало финальной точкой констатации того факта, что несмотря на заключенный СССР с Японией 13 апреля 1941 г. Пакт о нейтралитете, японская военщина активно поддерживала гитлеровскую германию, сосредоточив на границе с СССР миллионную Квантунскую армию, постоянно угрожая нападением. Советская сторона 05 мая 1945 г. денонсировала этот пакт, как потерявший смысл [6, с. 18]. Но после завершения военных действий назрела необходимость в наказании главных японских военных преступников. Поэтому в основу Токийского Трибунала были положены принципы Международного Военного Трибунала, проходившего в Нюрнберге с 20 ноября 1945 по 1.10.1946 гг. (далее по тексту — Нюрнбергский Трибунал).

Поскольку милитаристские планы Японии распространялись практически на всю Юго-Восточную Азию, то из представителей одиннадцати стран (СССР, США, Великобритании, Китая, Франции, Австралии, Канады, Новой Зеландии, Индии и Филиппин) и был создан военный трибунал. Позже в него вошли представители Бирмы и Пакистана. Однако Монгольской Народной Республике (далее по тексту -

МНР) в этом праве было отказано. Главным обвинителем от СССР стал д.ю.н., член-корреспондент АН СССР С.А. Голунский [6, с. 32-33]. Международный военный трибунал для Дальнего Востока был образован в целях реализации п. 10 Потсдамской декларации, согласно которому «все военные преступники, включая тех, которые совершили зверства над пленными, должны понести суровое наказание» [1, с.122].

Представляет несомненный научный и практический интерес сопоставительный анализ правовой и содержательной компонент двух международных уголовных процессов. «Нюрнбергский процесс проводился раньше Токийского, поэтому первый возымел на второй большое влияние, особенно в сфере применения права», отмечает Сун Чжиюн [9, с. 193]. Так, Нюрнбергский Трибунал был основан на соглашении между четырьмя союзными державами, а Токийский Трибунал создан приказом Главнокомандующего союзных держав генерала армии США Д. Макартура в силу предоставленных ему полномочий. В Нюрнберге расходы по содержанию Трибунала покрывались подписавшими соглашение странами-союзницами, в Токио — за счет правительства США. В Токийском Трибунале члены трибунала, председатель (австралийский судья У. Уэбб), главный обвинитель и секретариат назначались единоличным приказом Д. Макартура. Очевидны различия, которые не могли не повлиять на результаты анализируемых судебных процессов. Как отмечают специалисты, «поскольку Устав (авт. - Токийского трибунала) разрабатывался американскими юристами в соответствии с англосаксонской процедурой, вопросы в ходе судебного рассмотрения дела решались так, будто дело рассматривалось в американском или английском суде» [7, с. 33].

Судебные заседания в Токио проводились на английском и японском (для подсудимых) языках, в то время как судопроизводство в ходе Нюрнбергского Трибунала проводилось на русском, английском, французском и немецком языках [6, с. 36]. В процессе в Токио лично допрашивались только свидетели, владевшие английским языком. В тоже время предпочтение отдавалось письменным показаниям обвиняемых («аффидевитам»), которые заменяли устный допрос.

В Нюрнбергском Трибунале обвинитель от каждой страны выступал с самостоятельной заключительной речью, на Токийском Трибунале подготавливалась одна заключительная речь, которую произносили по частям главный обвинитель, дополнительные обвинители и их помощники [6, с. 294; 15, с. 144]. Под юрисдикцию Токийского Трибунала подпадали преступления, направленные против мира, военные преступления и преступления против человечности. Перед Токийским Трибуналом предстали 25 представителей японских политических и военных кругов. Однако, в отличие от Нюрнберга, а позже и трех процессов по делу Ф. Флика, И.Г. Фарбенидустри и А. Круппа [12, с. 30-31], к разбирательству в Токио не были привлечены представители бизнеса милитаристской Японии: хозяева монополий «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда», «Аюкава» [6, с. 78]. Предложение С.А. Голунского о предании суду владельцев предприятий военного комплекса были отклонены [4, с. 9].

В процессуальном порядке Токийского Трибунала не было предусмотрено последнее слово подсудимого, в отличие от Нюрнбергского Трибунала. Также в Токийском трибунале отсутствовали нормы Нюрнбергского Трибунала,

предусматривающие конфискацию имущества у преступников.

Интересно, что в отличие от процесса в Нюрнберге сотрудники средств массовой информации и переводчики обязывались к принесению присяги или подписке по указанным формам, в которых декларировалось обязательство добросовестного исполнения своих обязанностей.

Таким образом, судебная процедура Токийского Трибунала складывалась по правилам англо-американского судопроизводства. Обвинение представляет в суд обвинительный акт, к которому приложены определенные документы, а сами доказательства предъявляются в ходе судебного разбирательства [4, с. 96].

Далее эти особенности окажут существенное влияние на результаты решений, вынесенных Токийским Трибуналом в части наказания японских военных преступников, с учетом того, что он начал свою работу после речи У. Черчилля в Фултоне, произнесенной 5 марта 1946 г. и ставшей точкой отсчета начала «холодной войны». Токийский Трибунал являлся самым продолжительным в истории, поскольку начался 3 мая 1946 г. и закончился 12.11.1948 г., и длился более 2,5 лет [4, с. 3]. Токийским Трибуналом был принят и оглашен обвинительный акт, к которому были приобщены пять приложений «А»-«Е», вошедших в третью часть обвинительного акта — «Описание обстоятельств преступления» [8, с. 375].

В разделе VIII «Агрессия против Советского Союза» в приложении «А» содержался раздел, касавшийся СССР. Здесь приведены многочисленные факты подготовки и осуществления Японией актов агрессии против СССР, таких, как вооруженные столкновения на границе, организация саботажа и диверсий на КВЖД. Указывалось на нападения японцев у озера Хасан и в районе реки Халхин-Гол. Был приведен тайный план разработки нападения на СССР, которому помешали успехи Красной Армии в войне против Германии.

В приложении «В» приведен список международных договоров, заключенных с Японией и ею же нарушенных, как, например, Пекинская конвенция, заключенная между СССР и Японией 20 января 1925 г., на основании которой Япония обязалась не допускать существования на ее территории организаций, враждебных СССР.

Приложение «Д» перечисляет нарушения Японией законов и обычаев ведения войны.

Далее Токийскому Трибуналу были предоставлены материалы обвинения и допросы свидетелей по разделам, определенным с учетом обвинительного заключения. Нас интересует восьмой - «Агрессия Японии против Советского Союза», разделенная на 4 периода: с 1928 г. и до захвата Маньчжурии; с 1931 по 1936 гг.; с 1936 г. до начала войны в Европе в 1939 г.; последний период — вплоть до капитуляции Японии [4, с. 160].

Говоря о первом периоде, обвинитель отметил, что согласно Портсмутскому договору 1905 г. Япония не должна проводить военные действия против Кореи, Маньчжурии и России, и не использовать КВЖД для военных перевозок. Однако эти обязательства были грубо нарушены.

По второму периоду было указано, что в 1931 г. Японией была захвачена Маньчжурия, на территории которой было сформировано марионеточное государство Маньчжоу-Го в качестве буферной территории. Помимо этого, на его территории находилась Квантунская армия, основная ударная сила против СССР, численность которой с 1931 по 1936 гг. возросла с 50 до 270 тыс. человек [4, с.161].

На территории Маньчжурии были созданы такие общества, как «Кио Ва Кай» (Содружество наций), созданное в 1932 г. японцами [11, с. 195]. Для работы в среде эмигрантов был создан особый отдел с русскими сотрудниками. Основной целью общества провозглашалась борьба с коммунистами и англо-саксонским миром. «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи», созданное в декабре 1934 г. под руководством японской военной миссии в Харбине, предназначалось для организации диверсионных отрядов и провокаций на КВЖД, находившейся в совместной собственности СССР и Китая [11, с. 198-199].

В содружестве с «Кио Ва Тай» действовал белоэмигрантский «Российский фашистский союз», созданный в мае 1931 г. и возглавляемый К.В. Родзаевским. Основой его идеологии стали антикоммунизм, антисоветизм и антисемитизм. Его руководители уделяли огромное внимание работе среди всех слоев и возрастов эмиграции. По различным источникам количество членов русской фашистской партии составляло около 20 тыс. человек [11, с. 201-203].

Рассматривая третий период, С.А. Голунский указал, что именно в тот период времени посол Японии Сигэмицу потребовал передать Маньчжоу-Го высоту Заозерную, имеющую огромное стратегическое значение на пути к г. Владивостоку, но получил решительный отказ. После этого произошло нападение на советскую территорию в районе озера Хасан. Отметим, что это не было приграничным инцидентом, так как с японской стороны непосредственно там участвовали, по показаниям свидетелей Трибунала, японские войска в количестве примерно 10 тыс. человек, а по территории СССР японская артиллерия выпустила более 12 тыс. снарядов [6, с. 312].

В 1939 г. японские войска напали на территорию МНР в районе реки Халхин-Гол. Японцам было известно о договоре о взаимопомощи, заключенном между СССР и МНР в 1936 г., они заведомо стремились к военному столкновению с Красной Армией. Само вторжение имело целью не только устроить плацдарм на территорию СССР, но и отрезать территорию Дальнего Востока от Сибири путем блокировки работы Сибирской железной дороги. Это была полноценная попытка развязывания войны. Вспомним, что вокруг горы Баин-Цаган развернулось крупнейшее на тот момент танковое сражение в мире, в котором японцы потеряли более 10000 тыс. человек убитыми [10]. Заметим, что в районе Халхин-Гола в боевых действиях принимал участие отряд русских казаков-кавалеристов примерно в количестве 250 человек во главе с японским полковником Асано, набранных из эмигрантов в Харбине. Их японцы задействовали в разведке, а после окончания конфликта, отряды казаков были отправлены японцами на борьбу с корейскими партизанами [11, с. 194-195]. Также необходимо сказать о том, что раненные красноармейцы добивались японцами с особой жестокостью, глумились и над телами погибших.

В последний период представители Японии, подписывая 13 апреля 1941 г. Пакт о нейтралитете, уже знали о готовящемся нападении на СССР и потребовали продлить антикоминтерновский пакт с Германией [6, с. 163]. Также Япония на протяжении всей войны предоставляла и передавала Германии всю информацию об СССР, а также всячески препятствовала судоходству на Дальнем Востоке. Например, советские торговые суда «Кречет», «Свирьстрой», «Перекоп» и «Майкоп», стоявшие в Гонконге в 1941 г. подверглись артиллерийскому обстрелу, и одно из них

было потоплено. Команда судна «Перекоп» при спасении с разбомбленного судна расстреливалась из пулеметов, а далее на протяжении полутора лет содержалась в японском плену [6, с. 171-172].

Предоставление доказательств советской стороной Токийскому Трибуналу также представляло особые трудности, так как значительная часть сохранившихся документов, которые не успели уничтожить японцы, находилась в распоряжении американских властей, которые отказывали советской стороне в их предоставлении. Тем не менее, Токийскому Трибуналу было предоставлено 174 документа, в том числе 24 affidavits [6, с. 166]. Одним из свидетелей агрессии Японии против СССР на процессе стал бывший император Маньчжоу Го — Генри Пу И. Марионеточное государство Маньчжоу Го было создано японцами путем отторжения от Китая трех северных провинций для проведения в дальнейшем военных действий, в том числе и против СССР.

В основу военного плана Японии была положена оккупация Квантунской армией советских городов Ворошилова (современный г. Уссурийск), Владивостока, Имана (современный г. Дальнереченск), Хабаровска и Благовещенска, затем — оккупация Северного Сахалина, Петропавловска-на Камчатке, Николаевска-на Амуре, Комсомольска и Советской Гавани [6, с. 201].

9 августа 1946 г. Пу И был доставлен в Токийский Трибунал. Восемь дней он давал показания Трибуналу. Считается, что это были самые длинные свидетельские показания во время всего процесса [11, с. 288]. Он свидетельствовал о том, что «согласно своему плану, японцы сначала хотели поработить Маньчжурию, потом собственно Китай, потом Восточную Азию и затем весь мир» [11, с. 227]. Отвечая на вопросы о событиях на Халхин-Голе, Пу И сообщил, что Япония первая напала на МНР, а СССР, являясь союзником, поспешил к ней на помощь и не имел притязаний на Маньчжурию, так как эти инциденты были спровоцированы японцами.

Сама Маньчжурия представляла огромный полигон, где проходил подготовку, не обученный контингент войск, расположенный в Японии. И отсюда они отправлялись в район Южных морей, а вместо них пребывали новые.

Также Токийскому Трибуналу были предоставлены affidavits, свидетельствующие об агрессивной политике Японии против СССР. На двух из них остановимся подробнее: affidavits атамана Г.М.Семенова и лидера русской фашистской партии К.В. Родзаевского. Атаман Семенов являлся руководителем русских белогвардейцев в Маньчжурии и активным союзником японцев в агрессии против СССР на протяжении практически 25 лет. Американские защитники возражали против включения этого документа в перечень доказательств на основании того, что Семенов через неделю после проведения допроса и записи его показаний, 30 августа 1946 г., был повешен в Бутырской тюрьме. Только после долгих прений affidavit был, все-таки, приобщен к доказательствам агрессивной политики Японии против СССР.

Атаман Семенов сообщил, что «план Японии сводится к тому, чтобы добиться военным путем отторжения Восточной Сибири и Приморья от СССР и создать на этой территории буферное государство» [11, с. 168]. Он также утверждал, что, «в Маньчжурии поговаривают о создании государства Сибирь-Го. поголовно мобилизуются белогвардейцы-семеновцы.... На совещаниях с белогвардейскими

лидерами самураи открыто говорят о предстоящей войне против СССР и создании буферного государства Сибирь-Го» [2, с. 65-66]. «Прежде всего, Япония захватит только Приморье, но это не будет означать прекращения дальнейшего продвижения вглубь СССР... Целью Японии остается на все время территория от Байкала на Восток» [11, с. 173].

В аффидевите К.В. Родзаевского указывалось, что «в период войны с СССР белоэмигрантов предполагалось использовать в качестве вооруженной силы, а после успешного для Японии завершения войны они должны были проводить японскую политику в отторгнутых от СССР областях» [6, с. 173]. К.В. Родзаевский был осужден и повешен на территории Бутырской тюрьмы 30 августа 1946 г.

На стадии опровержения доказательств от СССР помимо других документов Токийским Трибуналом не были приняты тексты аффидевитов Семенова и Родзаевского на основании того, что их не доставили в Трибунал [6, с. 288]. В Приговоре Токийского Трибунала имеется глава, установившая факты японской агрессии против СССР с такими разделами: «Политика Японии в отношении СССР»; «Планирование и подготовка войны против СССР»; «Пакт о нейтралитете» и «Наступательные операции Японии против СССР в 1938-1939 гг.».

По первому разделу Токийский Трибунал признал, что «Агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась в течение рассматриваемого периода, что она была одним из основных элементов японской национальной политики, и что ее целью был захват советских территорий на Дальнем Востоке» [6, с. 366]. Во втором разделе Токийский Трибунал подтверждает, что в планах японского Генерального штаба Маньчжоу-Го рассматривалось как плацдарм для военных действий против СССР. Однако японское командование ждало поворотного момента в военных действиях между СССР и Германией. К январю 1942 г. численность Квантунской армии составила 1 млн. человек, число танков по сравнению с 1937 г. увеличилось вдвое, а самолетов — втрое [6, с.368-369]. Касательно Пакта о нейтралитете Трибунал установил, что Япония заключила его неискренне и в качестве средства, которое помогло бы ей осуществлять свои агрессивные намерения против СССР [6, с. 371].

В отношении наступательных операций Японии против СССР в 1938-1939 гг. Трибунал установил, что японская армия начала военные действия против СССР сначала в районе озера Хасан, а потом в районе реки Халхин-Гол. Причем эти действия носили явно агрессивный характер, и при успешном развитии событий в пользу Японии, были бы достаточны, чтобы быть признанными войной [6, с. 372]. Хотя защита приводила ссылки на то, что данные действия были уже урегулированы соглашениями Сигэмицу — Молотов в 1938 г. и Того — Молотов в 1940 г., а также Пактом о нейтралитете, ее возражения об амнистии были отвергнуты.

В приговоре было указано, что японские потери на Халхин-Голе составили более 50 тыс. человек, а потери монголо-советских войск — более 9 тыс. человек. Военные действия проводились по фронту от 50 до 60 км и в глубину от 20 до 25 км [6, с. 373].

Однако в отношении статуса Монгольской Народной Республики и ее границ Токийский Трибунал принял достаточно лукавое решение. В своем приговоре он указал, что вопрос о статусе МНР не входит в сферу его юрисдикции, так как он

рассматривает уголовные преступления, но он не опровергает письменные обязательства японского правительства, в которых официально признан статус Монгольской Народной Республики [6, с. 374-375].

Приговор Токийского Трибунала имеет важное международное значение. Однако не все его страны-участники, такие как Индия, Франция, Голландия и Филиппины, согласились с Приговором в той или иной его части и представили свои особые мнения.

Тем не менее, Токийский Трибунал раскрыл все стороны подготовки Японской военщины к войне, характер и цели японского милитаризма, планы порабощения других народов и бесчисленные людские жертвы.

В Нюрнберге из 24 главных военных преступников были осуждены к смертной казни через повешение 12 человек, в Токио из 25 — 7 человек. Говорит ли это о мягкости приговора Токийского Трибунала? Сказать трудно, но на протяжении Токийского процесса США приложили много усилий, чтобы и в дальнейшем не привлекать лиц, виновных в совершении страшных преступлений к уголовной ответственности. Так, в первую очередь, это касается военного преступника С. Исии, являвшегося руководителем Отряда 731, находившегося около Харбина на станции Пиньфань и его филиала в местечке Могатон около Чаньчуня, расположенных на территории Маньчжоу-Го. Там проводились бесчеловечные опыты над живыми людьми по заражению их чумой, тифом, сибирской язвой, паратифом, дизентерией, холерой. В отряде культивировались смертоносные микробы и бактерии для их использования в качестве бактериологического оружия. Также проводились опыты по резкому изменению давления, обморожению и моделированию экстремальных ситуаций, которые могли произойти с летчиками и моряками для того, чтобы найти наиболее эффективные средства для их устранения. Ставились эксперименты по поражению ядовитыми газами. Эксперименты проводились над китайцами, русскими, другими иностранцами, женщинами, детьми, мужчинами. Это не были преступники, или политические оппоненты. Людей просто отлавливали на улицах и привозили в Отряд 731, где имелаась и собственная тюрьма. Как показал один из подсудимых на Хабаровском процессе: «В оккупированной Маньчжурии мы не испытывали недостатка в людях, предназначенных для экспериментов. Ежегодно в отряд поступало около 600 человек» [4, с. 11]. Живыми оттуда не выходил никто, тела сжигались, и после капитуляции Японии помещения Отряда были взорваны, а документы сожжены. С. Исии переправил в США результаты своих бесчеловечных опытов и получил гарантии неприкосновенности своей личности и сотрудников Отряда 731. По мнению специалистов, «Генерал Макартур также, вопреки протестам представителей СССР, Китая и др. стран, выбил иммунитет для руководителя программы разработки биологического оружия Сиро Исии и его подчиненных в обмен на их сотрудничество и передачу всех данных в руки Пентагона» [13].

Поскольку в период разгрома японцев в Маньчжурии в плен попало множество японцев, служивших в этих отрядах, то это и стало основой для проведения в г. Хабаровск Трибунала над японскими военными преступниками в 1949 г. Однако, описание Хабаровского процесса над японскими военными преступниками не входит в рамки нашей статьи.

Подводя итоги проведенному анализу Токийского процесса, можно с

определенной долей уверенности сделать вывод о том, что, несмотря на обвинительный приговор, вынесенный мировым сообществом японским военным преступникам, говорить об объективном расследовании, проведенном Токийским Трибуналом, и наказании всех японских военных преступников, не представляется возможным. «Парадоксальная мягкость к главным военным преступникам» [3, с. 94] проявилась как в мягкости наказания для некоторых из них, а также в том, что не все преступники были привлечены к ответственности. Так, был полностью освобожден от уголовной ответственности император Хирохито и члены императорской семьи. В первую очередь это обусловлено сложившейся после окончания Второй мировой войны политической обстановкой, началом «холодной войны» и стремлением правящих кругов США лоббировать свои практические и финансовые интересы, вопреки принципам справедливости и гуманизма. Как отмечается в научной литературе, «это было необходимо американцам в обмен на лояльность японского населения» [3, с. 95]. Тем не менее, нам нельзя забывать об итогах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., Второй мировой войны с тем, чтобы не позволять современникам переписывать страницы истории нашей страны, победившей германский фашизм и японский милитаризм.

Список литературы:

- 1.Бородко, Н.П. Значение Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов для последующего развития международного права / Н.П. Бородко // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. — 2020. — С. 121–124.
- 2.Владимиров, П.П. Особый район Китая (1942-1945) / П.П. Владимиров. — М.: Политиздат, 1973. — 151 с.
- 3.Демчук, Д.А. Роль Токийского трибунала в развитии международного трибунала / Д.А. Демчук // История Великой Победы. сборник материалов межвузовской научно-практической конференции курсантов, студентов и слушателей. Новокузнецк. — 2021. — С. 92-96.
- 4.Звягинцев, А.Г. Палачи ада / А.Г. Звягинцев. — М.: Рипол классик, 2021. — 400 с.
- 5.Крайнова, Н.А. Международный военный трибунал для Дальнего Востока как одно из оснований криминализации преступлений против мира и безопасности человечества в действующем УК РФ / Н.А.Крайнова, Н.В.Радошнова // Актуальные проблемы противодействия преступности. Сборник научных трудов. — СПб, 2022. — С. 15-23.
- 6.Николаев, А.Н. Токио: суд народов. По воспоминаниям участника процесса / А.Н. Николаев. — М.: Юридическая литература, 1990. — 416 с.
- 7.Петухов, Н.А. Нюрнберг в Токио: судебные процессы над японскими военными преступниками / Н.А. Петухов, Е.В. Рябцева // Правосудие. — 2024. Т. 6. — № 4. — С. 30-32.
- 8.Смирнов, Л.Н. Суд в Токио /Л.Н. Смирнов, Е.Б. Зайцев. — Москва: Воениздат, 1980. — 544 с
- 9.Сун, Ч. От Нюрнбергского трибунала к Токийскому трибуналу / Ч. Сун // Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во второй мировой войне. Тезисы докладов российско-китайской научной конференции. — 2015. — С. 190-196.
- 10.Тростин, Е. Боевой прорыв Халхин-Гола / Е. Тростин // Наша история. — 2022. - № 12. - С. 10-11.
- 11.Усов, В.Н. Последний император Китая. ПУ И (1906-1967) / В.Н. Усов. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 415 с.
- 12.Федотов, О. Расплата «бизнес-олигархов» / О. Федотов // Дилетант. — 2020. — № 052. — С. 30-31.
- 13.Чиби́ряев, С.А. Суд над военными преступниками Японии. / С.А. Чиби́ряев // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. — 2018. — № 10 (177). С. 35-39
- 14.Штеменко, С.М. Генеральный штаб в годы войны / С.М. Штеменко. Кн. 1. — М.: Воениздат, 1981. — 480 с.
- 15.Пудовочкин, Ю.Е. Документы Нюрнбергского и Токийского трибуналов в контексте учения об источниках уголовного права: природа, значение, применение / Ю.Е.Пудовочкин // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина. Сборник материалов междун. науч.-практ. конф. — Краснодар, 2024. — С. 143-153.

Krainova N.A. International military tribunal for far-eastern countries: a look back // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 2. – S. 204-212.

On the eve of the celebration of the anniversary of the Great Victory of the USSR in the Great Patriotic War, it is necessary to focus on the victory of our country in the war against militaristic Japan, which ended on September 2, 1945. These events served as the basis for the establishment of the International Military Tribunal for the Far East, known as the Tokyo Tribunal. This process addressed the issues of prosecuting individuals who committed crimes against peace and security in connection with Japan's aggression against the USSR and its people. In the article, the authors analyze the events in question from a criminal law and historical perspective using comparative legal, analytical, and historical methods, and offer a modern assessment of them. The article concludes that it is not possible to speak about an objective investigation conducted by the Tokyo Tribunal and the punishment of all Japanese war criminals. However, it is important to remember the heroic pages of our country's history to prevent our enemies from rewriting them.

Key words. The Great Patriotic War, military operations, Japanese aggressors, surrender, territorial seizure, border incident, neutrality, and cooperation.

Spisok literatury:

1. Borodko, N.P. The Significance of the Nuremberg and Tokyo Military Tribunals for the Subsequent Development of International Law / N.P. Borodko // Proceedings of BSTU. Series 6: History, Philosophy. — 2020. — Pp. 121–124.
2. Vladimirov, P.P. The Special Region of China (1942-1945) / P.P. Vladimirov. — Moscow: Politizdat, 1973. — 151 p.
3. Demchuk, D.A. The Role of the Tokyo Tribunal in the Development of the International Tribunal / D.A. Demchuk // History of the Great Victory. Collection of materials of the interuniversity scientific and practical conference of cadets, students, and listeners. Novokuznetsk. — 2021. — Pp. 92-96.
4. Zvyagintsev, A.G. Executioners of Hell / A.G. Zvyagintsev. — Moscow: Ripol Classic, 2021. — 400 p.
5. Krainova, N.A. The International Military Tribunal for the Far East as One of the Foundations for the Criminalization of Crimes Against Peace and Human Security in the Current Criminal Code of the Russian Federation / N.A. Krainova, N.V. Radoshnova // Actual Problems of Combating Crime. Collection of Scientific Papers. — SPb, 2022. — P. 15-23.
6. Nikolaev, A.N. Tokyo: The Court of Nations. According to the memoirs of a participant in the trial / A.N. Nikolaev. — Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1990. — 416 p.
7. Petukhov, N.A. Nuremberg in Tokyo: Trials of Japanese War Criminals / N.A. Petukhov, E.V. Ryabtseva // Pravosudie. — 2024. Vol. 6. — No. 4. — Pp. 30-32.
8. Smirnov, L.N. The Tokyo Trial / L.N. Smirnov, E.B. Zaitsev. — Moscow: Voenizdat, 1980. — 544 p.
9. Sun, Ch. From the Nuremberg Tribunal to the Tokyo Tribunal / Ch. Sun // The Role of the USSR and China in Achieving Victory over Fascism and Japanese Militarism in the Second World War. Abstracts of the Russian-Chinese Scientific Conference. — 2015. — Pp. 190-196.
10. Trostin, E. The Battle of Khalkhin Gol / E. Trostin // Our History. — 2022. — No. 12. — Pp. 10-11.
11. Usov, V.N. The Last Emperor of China. PU I (1906-1967) / V.N. Usov. — Moscow: OLMA-PRESS, 2003. — 415 p.
12. Fedotov, O. The Reckoning of the Business Oligarchs / O. Fedotov // Dilettante. — 2020. — No. 052. — Pp. 30-31.
13. Chibiryayev, S.A. The Trial of Japanese War Criminals / S.A. Chibiryayev // Land Management, Cadastre, and Land Monitoring. — 2018. — No. 10 (177). Pp. 35-39
14. Shtemenko, S.M. The General Staff during the War / S.M. Shtemenko. Book 1. — M.: Voenizdat, 1981. — 480 p.
15. Pudovochkin, Yu.E. documents of the Nuremberg and Tokyo Tribunals in the context of the doctrine of sources of criminal law: nature, meaning, application / Y.E. Pudovochkin // Institutional foundations of criminal law of the Russian Federation: on the 70th anniversary of Professor V.P. Konyakhin. Collection of materials from the International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2024, pp. 143-153.

УДК 343.985:004

**КОНСПИРАЦИЯ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ, ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ**

Лагуточкин А. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Статья посвящена комплексному ретроспективному и историко-психологическому анализу института конспирации в оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Автор раскрывает двойственную природу конспирации, сочетающую строгую научно-правовую регламентацию с высоким профессиональным искусством импровизации и психологического воздействия. В работе детально исследуются структурные элементы конспирации, прослеживается эволюция методов легендирования и оперативной игры от политического сыска Российской империи до современной цифровой эпохи. Особое внимание уделяется трансформации конспирации в условиях цифровизации: обосновывается концепция «цифровой двойничности», анализируются новые уязвимости «человеческого фактора», а также правовые и этические дилеммы, возникающие при использовании технологий искусственного интеллекта, глубокофейков и синтетических личностей. Делается вывод о необходимости формирования новой научно-правовой теории цифровой конспирации, обеспечивающей баланс между оперативной эффективностью, безопасностью субъектов ОРД и соблюдением конституционных прав граждан. Работа основана на анализе научных позиций ведущих отечественных исследователей в области теории ОРД, криминологии и юридической психологии.

Ключевые слова: конспирация, оперативно-розыскная деятельность, легендирование, оперативная игра, цифровая трансформация, цифровая двойничность, человеческий фактор, цифровая гигиена, кибербезопасность, искусственный интеллект.

Конспирация, происходящая от латинского *conspiratio* (согласие, единодушие), в контексте оперативно-розыскной деятельности представляет собой комплекс действий субъектов и участников оперативно-розыскного процесса по сокрытию фактов, источников, каналов получения информации, физических лиц, при проведении конкретных оперативно-розыскных мероприятий и их комбинаций в алгоритме построения оперативной игры от лиц, причастных к совершению преступлений, а также от иных субъектов, не допущенных к сведениям, составляющим государственную или иную охраняемую законом тайну.

Традиционно конспирация воспринимается как необходимый несущий каркас, обеспечивающий безопасность и эффективность деятельности субъектов оперативно-розыскной деятельности и иных лиц, оказывающих содействие. Система политического сыска, появившаяся при Петре I с созданием Тайной канцелярии в 1718 году, уже включала базовые элементы конспирации: деятельность велась в обстановке строгой секретности, а сам орган располагался в Петропавловской крепости, что физически изолировало его работу от посторонних глаз. Основным методом тогда было пассивное выслеживание «слов и дел государевых» и допросы с пристрастием, но уже тогда понимали необходимость скрывать самих осведомителей и методы получения информации [1, с. 84].

Развитие сыскных институтов и совершенствование методов конспирации было продолжено при царствовании Императрицы Анны Ивановны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Александра I, Николая I, Александра II, Александра III, которые предпринимали неоднократные попытки совершенствования полицейских функций в связи с непрекращающимся ростом преступности, угрожавшим безопасности всей

империи. В последней же четверти XIX века к данной проблеме присоединилась проблема борьбы с терроризмом и политическим сепаратизмом [2, с. 6].

К концу XIX – началу XX вв., в условиях роста революционного движения и активизации военного шпионажа, конспирация приобретает более сложные и системные формы. В 1903 г. в Главном штабе было создано глубоко законспирированное Разведочное отделение для борьбы со шпионажем. Уровень секретности был настолько высок, что это подразделение даже не было внесено в официальную структуру штаба, а его сотрудники числились под вымышленными должностями, создавая для посторонних полную иллюзию отсутствия самого факта существования этой структуры. Конспирация распространялась и на агентуру: для агентов использовались строгие псевдонимы, их набор вёлся в обстановке строжайшей тайны, а самих агентов делили на категории – «наружных» (ведущих наблюдение с улицы) и «внутренних» (вербуемых из обслуживающего персонала – официантов, извозчиков, дворников), которые имели непосредственный и при этом незаметный для окружающих доступ к объектам слежки. Это деление позволяло минимизировать риски: провал «наружного» агента не раскрывал «внутренних», и наоборот [3].

В советский период конспирация превратилась в фундаментальный принцип работы органов государственной безопасности, особенно во внешней разведке и контрразведке. Она развивалась в нескольких ключевых направлениях, каждое из которых вносило свой вклад в теорию и практику обеспечения конспирации оперативно-розыскной деятельности. Активные мероприятия и дезинформация стали важнейшей составляющей этой работы. Спецслужбы – сначала ОГПУ, затем НКВД и КГБ – не просто скрывали свою деятельность, но и активно формировали ложную реальность для противника, навязывая ему выгодную для себя картину мира.

Ярчайшим примером такого подхода является операция «Трест» 1920-х годов, о которой подробно писали многие историки [4], когда за границей была создана легендированная мощная подпольная монархическая организация. Через неё ОГПУ не только поставляло дезинформацию иностранным разведкам и выявляло реальных эмигрантских агентов, но и активно управляло поведением противника, склоняя его к бездействию или к действиям по ложному сценарию. Эта же техника «легендирования» позже, в искаженном и трагическом контексте, была использована и против собственных военных кадров: в деле маршала Тухачевского в 1937 г. фигурировали сфабрикованные документы, часть из которых, по мнению исследователей, могла быть основана на более ранней дезинформации, некогда распространённой советской же разведкой за рубежом для других целей [5, с. 568]. В годы Холодной войны активные мероприятия стали уже не просто тактическим приемом, а системой глобального масштаба. Целями были не только спецслужбы противника, но и общественное мнение стран Запада, политические элиты, международные организации.

Однако к концу XX – началу XXI в. контекст оперативной деятельности вновь радикально изменился, что потребовало не просто адаптации, а глубокого переосмысления классических методов конспирации. Наступила эпоха технологической революции и цифрового контроля. С появлением и повсеместным распространением Интернета, развитием криптографии и одновременным наступлением эры тотальной цифровизации, классические методы конспирации, ориентированные на физический мир, стали стремительно терять эффективность и даже становиться опасными. Возможности массового перехвата данных, о которых миру стало широ-

ко известно благодаря утечкам Эдварда Сноудена, поставили перед спецслужбами принципиально новую задачу: защиту цифрового следа не только агентов, но и собственных сотрудников, а также всей инфраструктуры связи. Стало ясно, что противодействующие силы теперь могут видеть не только то, что происходит на поверхности, но и глубоко проникать в информационные потоки.

Суть конспирации остается неизменной: обеспечить достижение оперативной цели, оставаясь полностью невидимым для противоборствующей стороны. Но если раньше эта невидимость была преимущественно физической – скрыть факт встречи, передачу предмета, личность конфиденнта, – то сегодня она всё больше становится невидимостью информационной и цифровой, задачей скрыть сам факт существования информации или сделать её неотличимой от бесконечного информационного шума. Успех операции теперь зависит не только от дисциплины, легенды и ее жизнеспособности, но и от способности лица противостоять сложнейшим техническим средствам наблюдения и анализа данных, и, что не менее важно, от способности обеспечения безопасности (кибербезопасности) оперативных подразделений.

В настоящее время произошел переход активности в информационную сферу как в новую арену противоборства. Принципы и технологии активных, в том числе, оперативно-розыскных мероприятий, отработанные десятилетиями, оказались легко переносимы и даже обрели новую силу в киберпространстве.

Однако перенос классических методов конспирации в цифровую среду не является механическим действием: цифровая трансформация оперативно-розыскной деятельности породила феномен «цифровой двойничности», когда легендирование личности или факта существования оперативного подразделения требует не просто создания фиктивной биографии (легенды), но и построения устойчивой, верифицируемой из внешней среды цифровой экосистемы [6, с. 112]. Если традиционное легендирование оперировало документальными легендами (паспорт, место работы, биография) и тактикой поведения, то в условиях осуществления оперативной игры с преступниками, действующими в киберпространстве, легенда превращается в многослойную IT-архитектуру, которая должна выдерживать «цифровой допрос»: проверку глубинных ссылок, анализ хеш-сумм файлов, историю создания учетных записей, географию IP-адресов, временные данные активности и даже семантический анализ стиля общения нейросетевыми алгоритмами противника [7, с. 45]. Оперативный сотрудник сегодня выступает не только как актер, но и как DevOps-инженер, управляющий пулом «цифровых масок» (синтетических личностей), причем конспирация здесь достигается путем распределения цифрового следа легитимного пользователя и конфиденнта таким образом, чтобы они никогда не пересекались на уровне криптографических идентификаторов (MAC-адресов, IMEI, cookie-файлов, цифровых маркеров браузера) [8, с. 203].

Современная преступность (особенно в сфере организованных преступных групп, наркотрафика через даркнет и кибермошенничества) характеризуется высокой степенью цифровой гигиены и паранойи: преступные сообщества внедряют собственные системы оперативного контроля, используя технологии распределенного реестра (блокчейн) для верификации участников без раскрытия личности или применяя методы изоляции коммуникации на уровне отдельных устройств [9, с. 67]. В ответ на это цифровая конспирация в оперативной игре трансформируется из пассивного сокрытия в активное управление сетевыми взаимодействиями, что предпо-

лагает внедрение программных средств не только в физические ячейки, но и в закрытые коммуникационные каналы с использованием методов криптоанализа и стеганографии [10, с. 134].

Несмотря на технологизацию, центральным элементом уязвимости остается психология: цифровая трансформация конспирации порождает новые формы профессиональной деформации и рисков, поскольку уход от физического контакта к виртуальному взаимодействию создает у оперативного состава иллюзию безопасности («экран защищает»), что приводит к ослаблению классических навыков контрнадзора и снижению бдительности в отношении средств технической разведки [11, с. 156]. Более того, цифровая оперативная игра требует от сотрудника принципиально иного уровня психологической устойчивости: если в физическом мире легенда поддерживалась в момент непосредственного контакта, то в цифровом мире сотрудник вынужден жить в легенде 24/7, что ведет к размытию границ между профессиональной ролью и личностью, росту уровня тревожности и риску эмоционального выгорания. Паранойя, которая в разумных пределах является профессиональным качеством оперативника, в цифровую эпоху может приобретать иррациональные формы, когда сотрудник начинает видеть угрозу в каждом алгоритме больших данных или в каждой аномалии сетевого трафика.

Цифровая конспирация неизбежно сталкивается с дилеммой баланса между эффективностью оперативно-розыскной деятельности и правом граждан на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных, что закреплено в ст. 23 Конституции Российской Федерации и конкретизировано в Федеральном законе от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [12]. Использование методов дезинформации в киберпространстве, применение средств негласного получения информации с использованием программно-аппаратных закладок, а также создание глубокофейковых (deepfake) образов для легендирования находятся на грани правового поля и требуют дополнительной регламентации на уровне ведомственных нормативных актов [13, с. 58]. Современный этап развития требует пересмотра доктринальных подходов к институту конспирации: недостаточно просто закрепить в ведомственных инструкциях требования о защите государственной тайны, необходимо формирование новой научно-правовой теории «цифровой конспирации», которая включала бы в себя регламентацию порядка создания, использования и ликвидации синтетических личностей (цифровых двойников), тактико-технических требований к каналам связи, обеспечивающим криптографическую защиту взаимодействия с конфиденентами, а также методик проведения оперативных игр в условиях использования искусственного интеллекта противником и т.д.

Особого внимания в контексте цифровой трансформации заслуживает феномен так называемой «асимметрии восприятия». Если оперативные подразделения вынуждены действовать в строго очерченном правовом поле, руководствуясь принципами гласности и соблюдения прав граждан в той мере, в какой это допускает законодательство, то противоборствующая сторона – транснациональные преступные сети, хакерские группировки, организации, использующие запрещенные средства ведения информационной войны – подобными ограничениями себя не связывают. Это создает ситуацию, при которой преступники зачастую обладают большей технической свободой, быстрее адаптируются к новым цифровым инструментам и активнее внедряют элементы искусственного интеллекта для автоматизации процес-

сов вербовки, сбора данных и ухода от идентификации. В связи с этим цифровая конспирация в оперативно-розыскной деятельности должна развиваться не по пути тотального заимствования технологий противника, что может привести к правовому и этическому разрыву, а по пути формирования опережающих компетенций, позволяющих оставаться в рамках закона, но при этом эффективно деконструировать криминальные коммуникационные сети.

Кроме того, в научный оборот необходимо ввести понятие «оперативно-розыскная криптоэкология» – совокупности защищенных цифровых сред, в которых осуществляется взаимодействие между оперативными сотрудниками, конфиденцантами и иными лицами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе. Такая среда должна обеспечивать не только криптографическую защиту передаваемой информации, но и возможность быстрой смены цифровых идентичностей, имитацию естественной пользовательской активности, а также автоматизированное уничтожение компрометирующих цифровых следов при возникновении угрозы рассекречивания. Формирование подобных экосистем требует междисциплинарного взаимодействия специалистов в области оперативно-розыскного права, компьютерной инженерии, психологии и социологии, что выводит проблематику конспирации на качественно новый уровень системной организации [14, с. 112].

Таким образом, конспирация в оперативно-розыскной деятельности в условиях цифровой трансформации переживает этап глубинной метаморфозы: сохраняя свою сущность как синтез науки и искусства, она обретает новое качество — технологическую управляемость. Если классическая конспирация стремилась скрыть факт воздействия, то цифровая конспирация в оперативной игре стремится сделать это воздействие неотличимым от естественного поведения среды, и успех противодействия преступности сегодня определяется способностью оперативных подразделений не просто соблюдать режим секретности, но и генерировать управляемый цифровой хаос, внутри которого каждое действие остается легитимным, безопасным и незаметным для аппонентов.

Список литературы:

1. Ефремова Т.Н. Становление и развитие органов политического сыска в России (1695–1801). Вестник пермского университета. 2009. Выпуск 2 (9). С 83–91.
2. Павличенко Н.В. Конспирация в оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории: препринт. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2008. 47 с.
3. Разведочное отделение, строго секретно. Из истории спецслужб Российской империи. URL: <https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/razvedochnoe-otdelenie-strogo-sekretno-iz-istorii-spetssluzhbg-rossiyskoy-imperii/> дата обращения (дата обращения: 10.01.2026).
4. Никитенко Е.В. Деятельность организации «Трест» в истории евразийства. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-organizatsii-trest-v-istorii-evraziystva> (дата обращения: 10.01.2026).
5. Тереняк А.М. Сталинские репрессии против военных 30-х годов. Дело маршала Тухачевского. Вопросы студенческой науки. Выпуск № 11 (39). 2019. С 567–571.
6. Овчинский А.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистров. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 352 с.
7. Вехов В.Б. Основы оперативно-розыскной деятельности в цифровой среде: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2021. 210 с.
8. Смирнов М.П. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». М.: Эксмо, 2020. 416 с.
9. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная деятельность в условиях цифровизации: проблемы теории и практики // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3. С. 63–71.
10. Зинченко Е.С. Технико-криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности в киберпространстве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 1. С. 130–136.
11. Еникеев М.И. Юридическая психология: учебник. М.: Норма, 2020. 512 с.

12. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
13. Гаврилин Ю.В. Правовые и тактические проблемы использования искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5. С. 55–62.
14. Родионов А.В. Цифровые экосистемы в оперативно-розыскной деятельности: проблемы формирования и перспективы развития // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4. С. 112–119.

Lagutochkin A.V. Conspiracy in operational-investigative activities: retrospective analysis, digital transformation and new challenges // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 213–218.

The article is devoted to a comprehensive retrospective and historical-psychological analysis of the institution of conspiracy in operational-investigative activities. The author reveals the dual nature of conspiracy, combining strict scientific and legal regulation with the high professional art of improvisation and psychological influence. The work examines in detail the structural elements of conspiracy, traces the evolution of leg- endation methods and operational games from the political detective system of the Russian Empire to the modern digital era. Special attention is paid to the transformation of conspiracy in the context of digitalization: the concept of «digital duality» is substantiated, new vulnerabilities of the «human factor» are analyzed, as well as legal and ethical dilemmas arising from the use of artificial intelligence technologies, deepfakes, and synthetic identities. It is concluded that it is necessary to form a new scientific and legal theory of digital conspiracy, ensuring a balance between operational efficiency, the security of operational-investigative subjects, and the observance of constitutional rights of citizens. The work is based on an analysis of the scientific positions of leading Russian researchers in the field of operational-investigative activity theory, criminology, and legal psychology.

Keywords conspiracy, operational-investigative activity, legendation, operational game, digital transformation, digital duality, human factor, digital hygiene, cybersecurity, artificial intelligence

Spisok literatury:

1. Efremova T.N. Stanovlenie i razvitie organov politicheskogo syska v Rossii (1695–1801). Vestnik permskogo universiteta. 2009. Vypusk 2 (9). S 83–91.
2. Pavlichenko N.V. Konspiraciya v operativno-rozysknoj deyatel'nosti: voprosy teorii: preprint. M.: Izdatel'skij dom SHumilovoj I.I., 2008. 47 s.
3. Razvedochnoe otделение, strogo sekretno. Iz istorii spetsluzhb Rossijskoj imperii. URL: <https://spbvedomosti.ru/news/nasledie/razvedochnoe-otdelenie-strogo-sekretno-iz-istorii-spetssluzhb-rossijskoj-imperii/> (data obrashcheniya: 10.01.2026).
4. Nikitenko E.V. Deyatel'nost' organizatsii «Trest» v istorii evraziystva. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-organizatsii-trest-v-istorii-evraziystva> (data obrashcheniya: 10.01.2026).
5. Terenyak A.M. Stalinskie repressii protiv voennyh 30-h godov. Delo marshala Tuhachevskogo. Vo-prosy studencheskoj nauki. Vypusk № 11 (39). 2019. S 567–571.
6. Ovchinskij A.S. Kriminologiya cifrovogo mira: uchebnik dlya magistrrov. M.: Norma: INFRA-M, 2019. 352 s.
7. Vekhov V.B. Osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti v cifrovoj srede: monografiya. Volgograd: VA MVD Rossii, 2021. 210 s.
8. Smirnov M.P. Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti». M.: Eksmo, 2020. 416 s.
9. SHumilov A.YU. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v usloviyah cifrovizatsii: problemy teorii i praktiki // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2022. № 3. S. 63–71.
10. Zinchenko E.S. Tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie operativno-rozysknoj deyatel'nosti v kiber-prostranstve // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 1. S. 130–136.
11. Enikeev M.I. YUridicheskaya psihologiya: uchebnik. M.: Norma, 2020. 512 s.
12. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 152-FZ «O personal'nyh dannyh» // Sbranie zakonoda-tel'stva RF. 2006. № 31 (ch. 1). St. 3451.
13. Gavrilin YU.V. Pravovye i takticheskie problemy ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 5. S. 55–62.
14. Rodionov A.V. Cifrovye ekosistemy v operativno-rozysknoj deyatel'nosti: problemy formirovaniya i perspektivy razvitiya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2023. № 4. S. 112–119.

УДК 342.5

**НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ
ОБЩЕСТВЕ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

Мутигуллин А. В., Карчевская Н. И.

В статье проведен анализ структуры нормативного регулирования демократической практики как сложного социально-политического явления. Рассматриваются теоретико-правовые основы формирования нормативной базы демократического общества, включая соотношение международных и национальных правовых стандартов. Особое внимание уделяется анализу источников права (конституция, законы, подзаконные акты) и их роль в закреплении механизмов народовластия, прав и свобод человека и гражданина. В статье представлен историко-правовой путь становления, развития демократии. Выделяются ключевые закономерности и факторы, определяющие модели демократии.

Ключевые слова: право, закон, нормативное регулирование, демократическое общество, правовое государство, источники права, правовая система, права человека, законодательство, социальные нормы.

Проблема нормативного регулирования общественных отношений является центральной для юридической науки и политической практики на протяжении всей истории существования государственности. Вопрос о том, как согласовать императивность правовых предписаний со свободой личности и легитимностью власти, приобретает особую остроту в условиях демократического устройства. Демократия, понимаемая не просто как форма правления, но как режим народовластия и гарантированных прав, предъявляет качественно иные требования к системе социальных норм, нежели авторитарные или традиционные общества.

В данной статье предпринимается попытка историко-правового анализа становления и развития нормативного регулирования в демократических обществах. Рассматривая ключевые этапы – от античных полисов с их идеей верховенства закона до формирования современных конституционных государств. Происходит стремление выявить закономерности и противоречия в процессе поиска баланса между публичными интересами и частной автономией. Актуальность исследования обусловлена современными вызовами демократии, когда размывание правовых процедур и кризис доверия к нормативным актам требуют глубокого осмысления исторического опыта.

Феномен демократии неразрывно связан с правом, однако характер этой связи исторически изменчив и полон внутренних противоречий. С одной стороны, демократия немыслима без права, которое структурирует политический процесс, защищает меньшинство и ограничивает всевластие большинства. С другой стороны, само право в демократическом обществе постоянно испытывает давление со стороны политической конъюнктуры, общественного мнения и социальных конфликтов. Это противоречие порождает главный вопрос историко-правового исследования: как нормативная система сохраняет свою устойчивость, легитимность и регулятивный потенциал в условиях плюрализма и смены политических элит?

Настоящая работа посвящена ретроспективному анализу механизмов нормативного регулирования, сложившихся в демократических обществах различных исторических эпох. Особое внимание уделяется не только эволюции

источников права (от обычая к конституции), но и трансформации представлений о справедливости, равенстве и пределах государственного вмешательства. Изучение генезиса этих механизмов позволяет глубже понять природу современных проблем правотворчества и правоприменения в государствах, декларирующих приверженность демократическим ценностям.

Введение в категориальный аппарат юридической науки понятия «демократическое общество» предполагает не только политическую, но и глубокую нормативную характеристику такого социума. Демократия невозможна без развитой, внутренне непротиворечивой и социально признанной системы нормативного регулирования. Исторический опыт показывает, что становление демократических институтов всегда сопровождалось эволюцией права: от сакрализации обычая к рационализации закона и признанию верховенства прав человека.

Необходимо отметить, что анализ античных истоков правовой свободы, роли римского права в формализации отношений власти и индивида, а также концептуальные сдвиги эпохи Просвещения и Нового времени, заложившие фундамент современного правопонимания имеют особое значение при изучении данной проблематики. В фокусе исследования находится поиск универсальных принципов (верховенство права, разделение властей, гарантии прав личности), которые, видоизменяясь, остаются ядром нормативного порядка в условиях демократии.

Всякая норма есть, прежде всего, правило должного и возможного поведения. Она рассчитана на неопределенное число типичных проявлений общественного поведения и носит общий характер. Социальные нормы не безличны, в них всегда содержится устанавливаемая или признаваемая социальная ценность, мера, критерий оценки действий людей. Нормы служат средством социального контроля за деятельностью людей со стороны общества, государства, органов и организаций, трудовых коллективов [1].

Интересна трактовка природы социальных норм в информационном аспекте. Они выступают как наиболее надежное для общества средство выражения государственной и общественной информации (государственной и общественной воли) и закрепления ее в виде правил, принципов поведения. Социальные нормы служат также удобными средствами для передачи этой информации в рамках единой управляемой системы социалистического общества. Содержание норм в широком смысле охватывает не только информацию, но и решения общественного значения [2, с. 855].

Социальные нормы, являющиеся условием и средством нормативного регулирования, весьма многообразны по содержанию и видам. На ранних этапах развития человечества, в до государственный период, потребность в упорядочении совместной жизни привела к появлению первых правил поведения. В эту эпоху социальные нормы существовали в форме мононорм – единых, нерасчлененных правил, в которых были слиты зачатки будущих обычаев, религии, морали и права. К числу первых регуляторов относились: мифы – сказания, объяснявшие устройство мира и место человека в нем, задававшие модели восприятия действительности; ритуалы и обряды – символические действия, строго регламентировавшие поведение в значимых ситуациях; обычаи – правила, вошедшие в привычку в

результате многократного повторения, передававшиеся из поколения в поколение и регулировавшие труд, быт и семейные отношения; религиозные нормы (включая систему запретов – табу) – правила, основанные на вере в сверхъестественное и освященные авторитетом духовных сил.

Эти нормы выражались через запреты (табу на кровосмешение, убийство), дозволения (определение времени охоты или сбора плодов) и обязывания (правила приготовления пищи или поддержания огня). Они опирались на авторитет старейшин, силу общественного мнения и коллективные представления о должном, обеспечивая целостность и выживание рода.

С переходом к производящему хозяйству, возникновением государства и социального расслоения система социальных норм усложняется. Аграрное общество обогатило регулятивную систему традициями (устойчивыми культурными моделями поведения) и деловыми обыкновениями (правилами, складывавшимися в хозяйственной деятельности). Религиозные нормы оформляются в развитые системы, которые нередко выполняют и функцию писаного права (Законы Ману, Ветхий Завет). На смену моонормам приходит дифференциация правил.

Ключевой момент – появление права как нового мощного социального регулятора. Право возникает одновременно с государством. Первые писанные законы (Законы Хаммурапи, законы Солона, Законы XII таблиц) фиксировали волю государства, защищали частную собственность и устанавливали санкции, обеспеченные принудительной силой. В отличие от обычаев, право приобретает формальную определенность (закрепляется в официальных источниках) и общеобязательность.

Индустриальное общество с его урбанизацией и усложнением социальных связей выводит на первый план правовые и политические нормы [3, с. 73]. Право становится главным инструментом регулирования, формализуя отношения в усложнившемся мире, где неформальные механизмы (обычай, родовая мораль) уже не могут обеспечить порядок.

В современном постиндустриальном (информационном) обществе система социальных норм становится еще более многогранной. При сохраняющейся ведущей роли права возрастает значение норм этикета, эстетических и, особенно, моральных норм. Развитие информационных технологий ставит новые вопросы регулирования, где технические и этические аспекты тесно переплетаются с правовыми.

Стоит отметить, что взаимодействие различных видов норм проявляется в нескольких плоскостях: единство – все нормы направлены на упорядочение общественной жизни; различие – они формируются разными субъектами (государство, общество), обеспечиваются разными средствами (госпринуждение, общественное мнение, внутренние убеждения) и существуют в разных формах; взаимодействие – право часто опирается на моральные установки (например, принципы справедливости), а государство может придавать правовое значение обычаям или религиозным нормам; противоречия – возможны коллизии, когда закон требует одного, а общественная мораль или религиозные предписания – другого [4, с. 85-87].

Важное место в системе социальных норм занимает право. Правовые нормы

представляют собой наиболее структурированную подсистему и в яркой форме выражают политическую ориентацию всей системы социально-нормативного регулирования. Право, непосредственным образом связанное с политической властью и ее институтами, является «опорной конструкцией» всей системы социальных норм, так как на него приходится основная часть нормативного регулирования современных процессов и общественных отношений.

Одна из разновидностей права — это закон. В рабовладельческом обществе наряду с обычаем, религиозными правилами закон приобретает особое значение. Совершенствуются его юридическая форма и элементы юридического действия. Проводится кодификация римского права. Это позволило создать своего рода классический юридический инструментарий в условиях эксплуататорского общества. Уже в этот период закон облекается в ту социальную оболочку общественного института, в которой он продолжает все свое последующее существование.

В феодальном обществе с присущими ему натуральным хозяйством, сословными перегородками, разобщенностью связей, закон не играл существенной роли. Первенствующее положение среди источников права занимали обычаи, нормы канонического права, судебная практика. Некоторое возрастание роли закона как орудия централизованной власти связано с усилением абсолютной монархии.

Трактовка буржуазного закона как выражение идей свободы, равенства и братства оказалась окончательно дискредитированной в период империализма и общего кризиса капитализма. Закон в большей мере связывается с институтами, нежели с личностью. Обострение классовых антагонистов и противоречий между монополиями, капиталистическими странами, которые привели к ослаблению роли парламентских учреждений и усилению функций аппарата управления. Удельный вес закона в общественной жизни уменьшается при возрастании роли активностей исполнительной власти. Вместе с тем трансформацию роли закона в капиталистических странах нельзя понять без учета борьбы рабочего класса и прогрессивных сил за демократию и упрочение законности. Закон оказался в центре политических столкновений классов капиталистического общества. Результаты этих столкновений — расширение демократии или усиление реакционных тенденций в ряде стран, выражающихся в законодательной форме.

В демократическом государстве природа и назначение закона коренным образом меняются. Полновластие означало одновременно принципиальное единство законодательства и управления. Решительный разрыв с традициями и формами буржуазного парламентаризма привел к созданию принципиально новой государственной власти и обусловленной ею системы нормативных актов.

Первая Конституция РСФСР закрепляла диктатуру городского и сельского пролетариата в форме Советской власти. Классовая природа этой власти и ее институтов предопределила новую для того времени социальную направленность всех правовых актов издаваемых в СССР.

Всероссийский съезд Советов был учрежден в качестве высшего органа власти в РСФСР. ВЦИК согласно ст. 31-32 Конституции РСФСР 1918 г. был высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом, объединявшим и согласовывавшим работы по законодательству и управлению, контролировавшим внедрение требований Конституции, иных нормативных правовых актов.

Совнаркому РСФСР принадлежало общее управление делами страны. В ст. 41 Конституции устанавливалось, что все постановления и решения Совнаркома, имеющие крупное общеполитическое значение, представляются на рассмотрение и утверждение ВЦИК. Мероприятия, требовавшие неотложного выполнения, могли быть осуществлены Совнаркомом непосредственно [5, с. 410].

Целевая ориентация пролетарской власти и функционально-структурное сближение разных видов органов власти во многом определили особенности правотворческой деятельности и системы нормативных актов того времени. Следует также отметить следующие особенности: все издаваемые в стране правовые акты являлись выражением воли трудящихся и были направлены на достижение целей диктатуры пролетариата; важнейшие вопросы государственной жизни были отнесены к ведению представительных органов власти. Всероссийский съезд Советов и ВЦИК утверждали, изменяли и дополняли Конституцию РСФСР, осуществляли общее руководство всей внешней и внутренней политикой РСФСР, устанавливали и изменяли государственные границы и т. д.

В ст. 50 Конституции РСФСР 1918 г. устанавливалось, что сверх перечисленных вопросов ведению съезда Советов и ВЦИК подлежат все вопросы, которые они признают подлежащими их разрешению [6, с. 100]. Этот принцип презумпции компетенции высших органов власти получил затем дальнейшее развитие.

Стоит отметить, что существовало несколько законодательных органов. Это объяснялось не только поисками новых организационно-структурных форм соединения законодательства с управлением, но и сложными условиями классовой борьбы. Примечательно, что первые года Советской власти некоторые правоведы преувеличивали значение множественности субъектов законодательной деятельности, видя в этом явлении главное отличие советского типа государственной организации от буржуазного парламентаризма.

По мнению К.А. Архипова, представление власти о нормотворчестве как важнейшей государственной функции и представление о законе как акте суверенной воли являются ложными даже в применении к буржуазному государству [7, с. 15-17]. Таким образом, следует отметить, что в данный период существовало не равное значение всех норм, а принцип иерархии в правовом режиме, подчинение не одному виду актов, а всем нормативным актам вышестоящих органов в деятельности нижестоящих.

Внимания заслуживает мнение А.И. Елистратова, исследовавшего вопрос об актах государственного управления, который сделал вывод о том, что, с функциональной точки зрения, акты разделяются по способам нормативного воздействия на нормативные, индивидуальные и юрисдикционные. Правовая упорядоченность человеческих взаимоотношений обеспечивается взаимодействием этих актов. Возможна также классификация государственных учреждений. Создание руководящих норм – задача законодательных учреждений, административных актов – административных учреждений, отправление правосудия – задача судебных учреждений.

Л. Успенский в своем научном труде «Очерки по юридической технике» дал характеристику законов, их видов и действия среди других источников права: обычая, прецедента и договора-соглашения.

Изучению эволюции понятия «закон» помогают и другие работы того времени. Период существования нескольких законодательных органов, следует отмечать в известной мере преувеличенную трактовку этого положения в конкретно исторических условиях. Подчеркивается своеобразные уровни размежевания законодательной компетенции, в частности преимущественная законодательная деятельность Совнаркома совместно с ВЦИК и самостоятельное издание правительством законов в случаях принятия мер, требующих неотложного выполнения.

Понятие закона как всякого нормативного акта всецело объяснялись присущим тому времени устройством государственной власти и подходом к выработке новых правовых форм ее опосредования.

Понятие «закон», «законодательство» в тот период не получили четкой юридической регламентации. В Конституции РСФСР общегосударственное законодательство выделено как один из предметов ведения высших органов власти. Термин «закон», однако, отсутствует среди актов, издаваемых Всероссийским съездом Советов, ВЦИК и Совнаркомом.

В принятой в 1922 г. Конституции Грузии, ст. 15 гл. IV «Экономическая и финансовая политика», содержится упоминание о развитии товарного обращения на твердых основаниях законов. Примечательно, что понятие Конституции чаще всего отождествлялось с понятием «основной закон». Иногда данный акт обозначается уже в тот период как Основной Закон (Конституция). Но в тоже время среди актов высших органов Советского государства, изданных в 1917-1935 гг., термином «закон» обозначена сравнительно небольшая их часть [8, с. 9-10].

Специфические формы соединения высших органов власти и управления и обусловленные этим виды издаваемых ими правовых актов неоднократно отмечались в высших законодательствах зарубежных стран того времени. Так, в Конституции Чехословацкой Республики 1948 года в главе 5 «Словацкие национальные органы» предусматривалось более полное структурное объединение Словацкого национального совета и коллегии уполномоченных, что сближало издаваемые законы и иные правовые акты. Данное положение было изменено в Конституции ЧССР только в 1968 году, где проведено строгое отделение закона как акта Национального собрания от актов, издаваемых другими органами.

После победы социалистической революции на Кубе в силу политической, экономической и международной обстановки представительные органы сформировались не сразу. В соответствии с Основным Законом Кубы 1959 г. Совет Министров выступал как коллегиальный законодательный орган, который мог принимать кодексы и законы общего характера. Введение в действие Конституции Кубы 1976 г. привело к отделению закона как акта, принимаемого Национальной ассамблеей народной власти, от декретов-законов Государственного совета.

По мере развития советского государственного устройства все более утверждался принцип верховенства представительных органов власти, к ведению которых относилась выработка общих направлений деятельности исполнительных органов, разрешение основных вопросов государственной жизни, определение важных аспектов работы исполнительных органов, отмена их решений. На съездах Советов регулярно заслушивались доклады и отчеты Совнаркома, народных комиссариатов. Необходимостью того времени следует считать расширение сферы деятельности

Советов с тем, чтобы они не ограничивались общими директивами, а решали и конкретные вопросы. Менялось содержание и законодательных актов; оставаясь средством общего регулирования, они становились все более конкретными и оперативными. Закон часто рассматривался как важнейшее средство управления.

На основе Конституции СССР 1936 г. и принятых в последующие годы Конституций союзных и автономных республик оформляется система высших и местных органов государственной власти. Организационное выделение исполнительных советских органов завершается оформлением их в систему органов государственного управления [9, с. 10-12].

В этот период происходит четкая дифференциация правовых актов, издаваемых органами власти; в основу ее положен принцип верховенства законов. Это выражалось, во-первых, в том, что лишь Верховные Советы как высшие органы государственной власти стали носителями законодательной власти; во-вторых, дана характеристика закона и процедуры его принятия; в-третьих, определена компетенция Верховного Совета СССР в области законодательства. Ст. 31 Конституции СССР и аналогичные статьи Конституции союзных, автономных республик предоставляли Верховным Советам все права, присвоенные СССР или республике, поскольку эти права не входят в компетенцию подотчетных Верховному Совету органов. Компетенция Верховного Совета СССР была определена шире, чем в Конституции СССР 1924 г., но все же осталась «связанность» ее объемом деятельности подотчетных органов; в-четвертых, деятельность исполнительно-распорядительных органов приобрела устойчивую юридическую базу: на основе и во исполнение законов [10]. Все это дало импульс развитию научных исследований, посвященных закону.

Проведенный историко-правовой анализ позволяет заключить, что нормативное регулирование в демократическом обществе прошло сложный путь от сакрализованных запретов к рациональному законотворчеству. Эволюция регуляции демонстрирует не просто смену форм права (от обычая к закону и прецеденту), но и фундаментальное изменение самой сути нормы: из инструмента внешнего принуждения она превращается в признанный обществом механизм согласования интересов.

Можно констатировать наличие неразрешимого, но продуктивного противоречия, лежащего в основе демократии. С одной стороны, норма призвана упорядочивать, унифицировать и стабилизировать общественные отношения, создавая предсказуемость. С другой стороны, демократия немыслима без динамики, свободы выбора и правового плюрализма.

Историко-правовой анализ показывает, что демократическое общество находит выход из этого противоречия не в отказе от нормативности, а в усложнении ее структуры. Иерархическая вертикаль «закон – подзаконный акт» дополняется горизонтальными связями договорного права, саморегулирования и судебного прецедента. По сути, демократия представляет собой «рамочное» нормативное регулирование: она задает правила игры (конституционные принципы, процедуры), но оставляет бесконечное пространство для социального творчества внутри этих рамок. Таким образом, история нормативного регулирования в демократическом

контексте – это история поиска компромисса между властью и свободой, найденного в верховенстве права.

Рассмотрение эволюции нормативного регулирования в демократических странах позволяет сформулировать ряд выводов, значимых для современной правовой действительности. Историческая ретроспектива наглядно демонстрирует, что демократия не является синонимом вседозволенности или отсутствия регулирования; напротив, она требует более сложной и гибкой системы нормативных координат, чем авторитарные режимы.

Уроки истории свидетельствуют: любое упрощение нормативной системы (попытки решать сложные социальные вопросы простыми запретами или, наоборот, отказ от регулирования в угоду «естественной свободе») вели к кризисам. Современная демократическая модель нормативного регулирования представляет собой синтез исторически апробированных механизмов: приоритет прав человека, жесткость процедуры принятия норм и гибкость их применения. Можно сделать вывод, что нормативное регулирование служит демократии только тогда, когда оно само ограничено правом, а его историческое развитие неуклонно движется в сторону расширения сферы личного усмотрения при одновременном повышении ответственности за его осуществление.

Список литературы:

1. Хлытина, О. М. Формирование ценностного отношения к прошлому (на материале пропедевтического курса истории Отечества) : специальность 13.00.02 "Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Хлытина Ольга Михайловна. – Санкт-Петербург, 1997. – 241 с.
2. Мелибоева, Д. Э. Возрождение национальных ценностей является важным условием построения демократического общества / Д. Э. Мелибоева // Экономика и социум. – 2023. – № 2(105). – С. 853-856.
3. Ларина, Л. А. Теоретические аспекты избирательного права, как один из элементов государственного строительства / Л. А. Ларина, А. А. Харитонов // Социально-гуманитарное обозрение. – 2021. – № 2. – С. 73-75.
4. Лысак, В. В. Правосознание как базис построения демократического общества / В. В. Лысак // Система ценностей современного общества. – 2016. – № 44. – С. 85-89.
5. Чемоданов, И. В. Социалистическая демократия в СССР: теория и практика / И. В. Чемоданов // Актуальные вопросы современной науки и образования : Сборник научных статей по материалам XXIV международной научно-практической конференции, Киров, 22–25 апреля 2025 года. – Киров: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2025. – С. 406-411.
6. Баженова, К. Н. Вызовы и перспективы развития демократии в Российской Федерации / К. Н. Баженова // Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики : Сборник научных статей и докладов XVII Международной научно-практической конференции, Орёл, 22 мая 2025 года. – Орёл: Издательство Среднерусского института управления - филиала РАНХиГС, 2025. – С. 99-100.
7. Жуков, В. Н. Ж.-ж. Руссо: утопия тоталитарной демократии / В. Н. Жуков // Государство и право. – 2025. – № 8. – С. 7-18.
8. Ковальчук, В. А. Демократическая модернизационная модель в контексте обеспечения национальной безопасности России / В. А. Ковальчук // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2025. – № 1(140). – С. 7-13.
9. Большаков, С. Н. Внешняя политика России в оценках общественного мнения: восприятие, амбиции и прагматизм / С. Н. Большаков // Постсоветский материк. – 2025. – № 2(46). – С. 18-38.
10. Серавин, А. И. Цифровизация и процессы демократизации общества: возможность выбора или выбор возможностей? / А. И. Серавин // Власть. – 2025. – Т. 33, № 3. – С. 68-77.

Mutigullin A.V., Karchevskaya N.I. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 219-227.

The article analyzes the structure of the regulatory regulation of democratic practice as a complex socio-political phenomenon. The theoretical and legal foundations of the formation of the regulatory framework of a democratic society, including the relationship between international and national legal standards, are considered. Special attention is paid to the analysis of the sources of law (the constitution, laws, by-laws) and their role in consolidating the mechanisms of democracy, human and civil rights and freedoms. The article

presents the historical and legal path of the formation and development of democracy. The key patterns and factors determining the models of democracy are highlighted.

Keywords: law, law, regulatory regulation, democratic society, rule of law, sources of law, legal system, human rights, legislation, social norms.

Spisok literature:

1. Khlytina, O. M. The formation of a value attitude to the past (based on the material of the propaedeutic course of the history of the Fatherland) : specialty 13.00.02 "Theory and methodology of teaching and upbringing (by fields and levels of education)" Dissertation for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences / Olga Mikhailovna Khlytina. – St. Petersburg, 1997. – 241 p.
2. Meliboeva, D. E. The revival of national values is an important condition for building a democratic society / D. E. Meliboeva // Economics and society. – 2023. – № 2(105). – Pp. 853-856.
3. Larina, L. A. Theoretical aspects of electoral law as one of the elements of state building / L. A. Larina, A. A. Kharitonov // Socio-humanitarian review. – 2021. – No. 2. – pp. 73-75.
4. Lysak, V. V. Legal awareness as the basis for building a democratic society / V. V. Lysak // Value system of modern society. - 2016. – No. 44. – pp. 85-89.
5. Suitcases, I. V. Socialist democracy in the USSR: theory and practice / I. V. Suitcases // Actual issues of modern science and education : A collection of scientific articles based on the materials of the XV International scientific and practical conference, Kirov, April 22-25, 2025. Kirov: Moscow University of Finance and Law, MFUA, 2025, pp. 406-411.
6. Bazhenova, K. N. Challenges and prospects for the development of democracy in the Russian Federation / K. N. Bazhenova // Human and civil rights and freedoms: actual problems of science and practice : Collection of scientific articles and reports of the XVII International Scientific and Practical Conference, Orel, May 22, 2025. Orel: Publishing House of the Central Russian Institute of Management, a branch of the RANEPa, 2025. pp. 99-100.
7. Zhukov, V. N. J.-J. Rousseau: Utopia of totalitarian democracy / V. N. Zhukov // State and Law. – 2025. – No. 8. – pp. 7-18.
8. Kovalchuk, V. A. The democratic modernization model in the context of ensuring Russia's national security / V. A. Kovalchuk // Humanities and socio-economic sciences. – 2025. – № 1(140). – Pp. 7-13.
9. Bolshakov, S. N. Russia's foreign policy in public opinion assessments: perception, ambitions and pragmatism / S. N. Bolshakov // The Post-Soviet Continent. – 2025. – № 2(46). – Pp. 18-38.
10. Seravin, A. I. Digitalization and the processes of democratization of society: the possibility of choice or the choice of opportunities? / A. I. Seravin // Power. – 2025. – Vol. 33, No. 3. – pp. 68-77.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 228-236.

УДК 343.2(091):343.8(438)

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ В УГОЛОВНЫХ КОДЕКСАХ ЕВРОПЫ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА И РАННИХ БУРЖУАЗНЫХ РЕФОРМ НА ПОЛЬШУ

Пасечник О. С., Чередниченко С. Р.

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

В статье исследуется проблема трансформации уголовно-правовых санкций, связанных с физическим воздействием на осужденного, в период активной модернизации законодательства (1780–1850 годы). Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления перехода от архаичной практики устрашения к пенитенциарным моделям, основанным на принципах исправления и изоляции. Проводится анализ законодательных памятников эпохи судебных реформ демонстрируя, как менялось отношение к телесным страданиям и публичному позору. В работе показано, что для правосознания того времени экзекуция являлась не только причинением физической боли, но и инструментом тотальной моральной деградации личности, что нашло отражение в классификации преступных деяний на категории, влекущие «основные» (лишавшие прав) либо «исправительные» наказания. На основе сравнительно-правового метода рассматривается эволюция европейского законодательства: от казуистической «Терезианы» (1768), сохранявшей квалифицированные виды казни и пытки, через радикальную гуманизацию «Йозефины» (1787), впервые упразднившей смертную казнь, к кодексам XIX в. Особое внимание уделяется процессу замещения членовредительских и позорящих кар системой дифференцированного тюремного заключения, а также роли порки как переходной санкции, применявшейся преимущественно к социальным низам. Автор приходит к выводу, что исследуемый период характеризуется нелинейным движением к гуманизму, т.к. либеральные тенденции (отмена пыток, ограничение смертной казни, введение условно-досрочного освобождения) сочетались с возвратными мерами ужесточения (восстановление казни за политические преступления) и сохранением публичности экзекуций как элемента устрашения. Научная новизна статьи заключается в анализе пенитенциарной системы Польши через призму формирования в правовых системах Австрии, Пруссии, Франции и других стран, включая уникальный случай Англии с ее прецедентным правом и Японии, воспринявшей европейский опыт кодификации.

Ключевые слова: судебные реформы, история уголовного права, Терезиана, Йозефина, Прусское земское уложение, исправительные наказания, гуманизация уголовного права.

Период судебных преобразований, приходящийся на эпоху просвещенного абсолютизма и ранних буржуазных реформ знаменует собой решительный раздел в истории европейского права, поскольку именно в это время происходит последовательный отказ от средневековой доктрины устрашения, опиравшейся на физическое насилие и публичное унижение, и закладываются фундаментальные принципы современной пенитенциарной системы, базирующейся на изоляции и исправлении правонарушителя. Актуальность изучения данного переходного этапа продиктована неизменной проблемой легитимных границ государственного принуждения и необходимостью поиска компромисса между карательной функцией права и охраной человеческого достоинства. Ретроспективный анализ позволяет проследить эволюцию представлений о справедливом возмездии и осознание обществом тонкой грани между необходимым наказанием и истязанием, что приобретает особую значимость в свете современных дебатов о смертной казни в уголовной политике.

Особый научный интерес для компаративистики представляет правовая ситуация на польских территориях, оказавшихся в исследуемый период под властью трех империй (Австрии, Пруссии и России). Именно это историческое обстоятельство сформировало уникальный феномен правового плюрализма, заключающегося в том, что на ограниченном пространстве сосуществовали различные уголовно-правовые системы с собственными традициями применения телесных наказаний. Польский опыт позволяющий выявить, как общеевропейские гуманные тенденции трансфор-

мировались под воздействием локальных политических реалий и административных практик. Заметим, что если в австрийском секторе реформы Иосифа II последовательно внедряли систему дифференцированного тюремного заключения с поэтапным ограничением телесных кар, а в прусском секторе Земское уложение 1794 года сохраняло порку преимущественно для низших сословий, то в Царстве Польском действовал Кодекс основных и дополнительных наказаний 1847 года [1]. Данный акт, при сохранении обширного арсенала телесных наказаний, вводил четкие сословные ограничения, запрещающие их применение в отношении дворянства, духовенства, чиновничества и владельцев недвижимости.

Таким образом, сословная дифференциация наказаний, отражавшая общеевропейскую тенденцию, в польских условиях приобретала дополнительную политическую регламентацию, накладываясь на национальные и социальные размежевания, а хронологические рамки исследования (1780–1850 гг.) позволяют проследить эволюцию законодательства в динамике. Также компаративный анализ трансформации телесных наказаний в законодательстве Австрии, Пруссии, Франции и на польских землях дает возможность не только реконструировать историческую картину модернизации уголовно-правовых систем, но и выявить универсальные закономерности этого процесса, его движущие силы и сдерживающие факторы. Изучение того, как различные правовые культуры решали проблему пределов физического принуждения, как в них сочетались архаичные традиции устрашения и новаторские идеи исправления, какие социальные слои в первую очередь подвергались телесным наказаниям и как это соотносилось с сословной структурой, вносит существенный вклад в понимание механизмов правового взаимовлияния и диффузии юридических институтов.

Восприятие телесных наказаний в массовом сознании и их отражение в законодательстве эпохи судебных реформ (приблизительно 1780–1850 гг.) представляют собой сложный и многогранный предмет историко-правового исследования. Для значительной части людей физическое воздействие на тело, будь то удар, насилие или принудительное обнажение, является прежде всего актом глубокого унижения, поражающим в большей степени душу, нежели плоть. Архаичные пытки и практика публичного выставления осужденного, обнаженного либо облаченного в позорящую одежду, служили кульминацией как физических страданий, так и моральной деградации. Пытка превращала человека в обезумевшее от боли, утратившее человеческий облик, но еще живое существо. Можно допустить, что смерть на костре в определенных случаях возвращала преступнику человеческое достоинство, однако предварительно его человечность у него отнималась.

Законодательные памятники указанной эпохи отражают изменчивое отношение к наказаниям. Кодексы этого времени проводят различие между наказаниями, именуемыми (в польской терминологии) основными и исправительными. В основе дифференциации лежала классификация деяний: к совершившим преступления относились молчаливо как к неисправимым, тогда как те, кто совершил проступки или правонарушения, рассматривались иначе. Иногда деление предусматривало две, а иногда три категории противоправных действий. Основные наказания определяли всю последующую судьбу осужденного, даже если ему не выносился смертный приговор или таковой отсутствовал, он всё равно лишался прав и свобод либо пожизненно, либо на срок столь длительный, что на практике это равнялось проведению всей жизни в заключении или на каторге. Исправительные же санкции оставляли осужденному шанс на возвращение в общество после отбытия наказания.

Первыми документами эпохи судебных реформ стали уголовные кодексы просвещенного абсолютизма. 31.12.1768 г. в Австрии обнародована так называемая

«Терезиана» (*Constitutio Criminalis Theresiana*), казуистический кодекс, основанный на теории устрашения и предусматривавший применение пыток в процессе доказывания, а также назначение жестоких и квалифицированных видов смертной казни (сожжение заживо, четвертование, вырывание языка, выставление обезглавленной головы на всеобщее обозрение и иные подобные экзекуции) и существовало параллельно с обычной смертной казнью через повешение или обезглавливание. Кодекс также допускал телесные увечья и отягчение обычных наказаний, например, отсечение руки, но тем не менее, «Терезиана» была шагом вперед в эволюции системы наказаний, поскольку упразднила ранее разрешенные способы причинения смерти в виде удушения, сдираания кожи, закапывания живьем, сажания на кол, сожжения живого человека, раскалывания и колесования женщин. Однако уже в 1776 г. предусмотренные пытки (и фактически не применявшиеся в Галиции), были отменены [2].

В 1787 г. последовала очередная реформа уголовной системы с введением «Йозефины» (Кодекса Иосифа II). Это был знаменательный акт, т.к. он вовсе упразднил смертную казнь, столь обширно и разнообразно представленную ранее. Данный факт свидетельствует о стремительной эволюции взглядов в последние три десятилетия XVIII в. Кодекс также отменил членовредительские и позорящие наказания, сохранив лишь порку как самостоятельную и дополнительную санкцию. Подобный тип законодательства получил распространение и в последующих актах. В «Йозефине» был принят принцип некумуляции наказаний за различные деяния, но предписывалось избирать для исполнения высшее наказание. Отмечалось, что наказание применяется исключительно в отношении виновного деяния и назначается только судом. Телесные наказания заменялись широко развитой системой лишения свободы, причем выделялось множество категорий заключения в зависимости от длительности срока или условий содержания. Таким образом, виновного в преступлении можно было подвергнуть простому тюремному заключению либо заключению, сопряженному с приковыванием, принудительным трудом, усиленным режимом (например, с худшим питанием) или ослабленным режимом (например, с возможностью контакта с внешним миром). Позорящее наказание заключалось в приковывании к позорному столбу в течение трех дней, а также в захоронении трупа палачом, если преступник умирал, не проявив раскаяния. Максимальное число ударов порки было определено в 50 ударов (за один раз) палкой для мужчин и 30 ударов жезлом или плетью для женщин [3].

Кодекс Иосифа II имел огромное значение благодаря радикальному ограничению жестоких наказаний и представлял собой систематизированный свод, точно определявший систему санкций. Уже в 1790 г. преемник Иосифа II, Леопольд II, пошел еще дальше, отменив публичное приковывание к позорному столбу, стигматизацию и смягчив дисциплинарные наказания в тюрьмах. Однако напряженная политическая ситуация в Европе побудила его сына Франца (германского императора в 1792–1806 гг. под именем Франца II, императора Австрии в 1806–1835 гг.) восстановить смертную казнь за государственную измену. «Леопольдина» вступила в действие в Западной Галиции в 1797 г. В 1803 г. в Австрии был принят новый УК, распространявший свое действие и на Галицию. В отношении системы наказаний изменения заключались в сокращении применения каторжных работ, от которых были освобождены женщины. Основным наказанием оставалось тюремное заключение, а его отягчающими элементами могли выступать принудительные работы (если срок превышал 10 лет, тогда они выполнялись на галерах), порка, пост, изгнание (для иностранцев). Суд мог постановить, что принятие порки сократит срок тюремного заключения. Заключение подразделялось на три категории: тяжкое, легкое и арест. Тяжкое заключение предполагало содержание в темной камере, приковывание к

железному обручу, питание хлебом и водой (через день подавалось постное горячее блюдо), сон на досках, запрет на общение с кем-либо, кроме тюремной службы, и запрет разговоров. При легком заключении у осужденного были скованы ноги, он спал на досках, но ему разрешалось разговаривать с посетителями в присутствии надзирателя и ежедневно предоставлялась горячая пища. Арест означал лишение свободы на срок от 24 ч. до 6 мес., который мог быть так называемым строгим арестом, при котором осужденного заковывали в наручники, а режим напоминал тяжелое заключение. Ужесточением наказания могли служить порка, пост, выставление на всеобщее обозрение и общественные работы. Привилегированные лица могли подвергаться домашнему аресту, и порка к ним фактически не применялась. Последняя назначалась преимущественно подмастерьям или ремесленникам, но ее применение сокращало срок содержания под стражей [4, с. 24-25].

В 1833 г. Франц I упразднил самую тяжкую категорию тюремного заключения, что было доведено до сведения судов, и практика постепенно адаптировалась к этому изменению. В 1844 г. были разрешены контакты с внешним миром, а в 1848 г. упразднены филантропические общества, отменена стигматизация, в 1850 г. сокращены принудительные общественные работы и порка. Тяжкие полицейские преступления, выделенные в кодексе, карались штрафом, частичной конфискацией имущества, лишением части прав, поркой и изгнанием. 27 мая 1852 г. принят всеобщий австрийский уголовный закон, вступивший в силу с 1 сентября того же года во всех землях, входивших в состав Австрии. Он, однако, не завершил процесса преобразования пенитенциарной системы, так как в 1866 г. последовал закон о защите свободы, в 1867 г. – об отмене оков и порки, в 1868 г. – об отмене ареста за долги, в 1870 г. – о тюремном заключении и отмене штрафов за забастовки, в 1875 г. – об исправительных учреждениях и принудительном труде, в 1885 г. – о принудительном труде для бродяг и о смертной казни за террористические акты с применением динамита. Последний представлял собой так называемый «динамитный закон», знаменовавший ужесточение репрессий в связи с активизацией анархистско-террористических движений. Смертная казнь, таким образом, осталась неустраненной, несмотря на предшествовавшие признаки возможной ее отмены. Однако на практике она применялась редко. Тюремное заключение могло быть пожизненным либо назначаться на срок до 20 лет. Отягчающими элементами выступали пост, жесткое ложе, одиночное или темное заключение, изгнание из страны после отбытия наказания и, реже, полицейский надзор [4, с. 24-26].

В Пруссии активная кодификационная деятельность связана с именем Фридриха II Великого, который уже в 1740 г., хотя и не без исключений, упразднил применение пыток в судебном процессе. В период его правления произошло смягчение наказаний и постепенная ликвидация наиболее жестоких санкций, включая утопление детоубийц в мешке (замененное обезглавливанием) и многие другие виды квалифицированной смертной казни. Смертные приговоры, как правило, отменялись монархом, и на практике высшая мера назначалась лишь за разбой и убийство. Согласно секретной инструкции для палачей 1749 г., перед сожжением на костре или колесованием осужденного надлежало тайно умерщвлять. В 1794 г. большая часть законодательства Фридриха II была систематизирована в так называемом Земском уложении (*Allgemeine Landrecht für die Königlich Preussischen Staaten*), действовавшем также на захваченных Пруссией территориях. В нем доминировали тюремные сроки, однако квалифицированные виды смертной казни (колесование и сожжение) сохранялись наряду с обычными (обезглавливание или повешение). Квалифицированные наказания приобретали значение позорящих, поскольку исполнялись над

трупами каторжников. Тюремное заключение было дифференцированным и различались три его типа: собственно тюрьма, крепость, а также рабочий и исправительный дом. Порка выступала либо самостоятельным, либо дополнительным наказанием, одним из отягчающих обстоятельств являлось привлечение осужденного к месту казни [5, с. 363].

С 1811 г. смертная казнь была ликвидирована, а дискуссии о телесных наказаниях активно велись в период с 1794 по 1848 г., отличаясь значительной изменчивостью, поскольку крестьянские волнения побуждали власти расширять применение телесных кар, особенно порки, однако вслед за злоупотреблениями со стороны землевладельцев и местной администрации издавались постановления, ограничивавшие возможность ее назначения. Прусское земское уложение применялось в Варшавском княжестве, но с многочисленными ограничениями и изъятиями. Так колесование и сожжение не вводились, вместо этого практиковалось облачение заключенных в позорящую одежду и выбривание головы крестообразно в знак бесчестия. Осужденные привлекались к общественным работам, иногда с приковыванием к тачке, что должно было замещать прусскую крепость. Порка назначалась исключительно преступникам из беднейших слоев населения, а вскоре было отменено и облачение в позорящую одежду [6].

Либеральные тенденции усилились в Пруссии около 1848 г., отменена конфискация имущества, а в 1851 г. введен новый Уголовный кодекс (*Strafgesetzbuch für die Preussischen Staaten*), новеллизированный в 1853, 1856 и 1859 годах. Достоинством этого кодекса являлись краткость и ясность. Показательна его сопоставительная характеристика с российским уложением 1845 г. (последнее насчитывало 2224 ст., тогда как прусское лишь 349). Кодекс 1851 г. ввел множество обстоятельств, смягчающих наказание. Предусматривая смертную казнь, кодекс вместе с тем существенно ограничивал сферу ее применения, предлагая вместо нее разветвленную систему наказаний от пожизненного и длительного тюремного заключения (*Zuchthaus*) до ареста, штрафов и судебных выговоров, а также заключение в крепости и обычную тюрьму. В качестве дополнительных мер устанавливались утрата либо ограничение прав, полицейский надзор, изгнание, оглашение приговора, помещение в рабочий дом на срок до трех лет. Смертная казнь не могла приводиться в исполнение публично, а тела казненных всегда выдавались родственникам для скромного погребения [6].

Германские государства в XIX в. вводили кодексы, ориентируясь либо на баварское уложение 1813 г. (суровое, но более мягкое, чем Ландрехт), либо (во второй половине столетия) на прусский кодекс 1851 года. В 1871 г. в Германской империи вступил в силу усовершенствованный прусский кодекс. Улучшения заключались, в частности, во введении правила об условно-досрочном освобождении по отбытии трех четвертей срока наказания при условии примерного поведения осужденного. Максимальный срок лишения свободы отныне составлял не двадцать, а пятнадцать лет (однако сохранялась возможность назначения пожизненного заключения). Смертная казнь предусматривалась исключительно за убийство (и покушение на убийство) правящего лица [7].

Французский Уголовный кодекс 1810 г. отличался ясностью и прозрачностью, благодаря чему оказал значительное влияние на характер кодификации во многих европейских странах и государствах Латинской Америки, хотя и не был ни мягче, ни либеральнее современных ему прусских законов. Он не предусматривал порки, однако до пятидесяти пяти составов карались смертной казнью, что уже в середине XIX века оценивалось как «расточительство в применении смертной казни» [8, с. 667]. Выделялись три категории деяний: преступления, наказывавшиеся мучитель-

ными и позорящими санкциями (смерть, каторжные работы, депортация, строгое заключение на срок от пяти до десяти лет, что могло сопровождаться стигматизацией и конфискацией имущества); проступки, влекшие позорящие наказания, лишение прав, изгнание либо лишение свободы; полицейские правонарушения, каравшиеся штрафами, исправительным заключением до пяти лет и временным лишением прав. Наказание в виде каторжных работ могло назначаться как пожизненно, так и на срок от пяти до десяти лет, а режим содержания предусматривал приковывание осужденных к ядру или попарное сковывание. Дополнительным последствием осуждения за преступление выступала гражданская смерть, которая лишала человека всех титулов, прав и привилегий [9]. Последующие новеллы и пересмотры (1824, 1832, 1854 гг.) смягчили кодекс, сократив сферу применения смертной казни и заменив галеры депортацией. Тем не менее, во французской системе наказаний по-прежнему доминировал принцип устрашения.

Кодификационные работы продолжались практически во всех европейских странах в период между 1834 (Греция) и 1881 (Нидерланды) годами. К числу наиболее совершенных и мягких уголовных систем относили тосканскую (1853), шведскую (1864), датскую (1866) и венгерскую (1878). За пределами Европы заслуживает внимания Японский кодекс 1882 г., который был либеральным и предусматривал многочисленные денежные штрафы и редко прибегал к более тяжким наказаниям, включая смертную казнь. Данный кодекс включал также срочные и пожизненные каторжные работы, депортацию, заключение в крепости, обычные тюрьмы и двухступенчатое наказание в виде башен. Исправительными карами выступали денежные штрафы, а дополнительными (подобно европейским) лишение либо приостановление прав, полицейский надзор, конфискация. Для принудительных каторжных работ предназначались два небольших острова, а третий служил убежищем для депортированных. К лицам, достигшим шестидесятилетнего возраста, применялись значительные льготы при исполнении наказаний. Кодекс содержал также статьи о реабилитации осужденных [4, с. 26-27].

Отдельно следует отметить, что исключительная правовая ситуация сложилась в Англии, где суды руководствовались не уголовным кодексом, а отдельными статутами и нормами общего права. Каждый такой статут носил достаточно традиционный характер, выражавшийся в суровости наказания, призванного устрашать потенциальных преступников. Смертная казнь угрожала даже за такие деяния, которые на континенте влекли лишь исправительные наказания. Однако суды все реже применяли высшую меру, а в период с 1819 по 1861 г. появилось множество новых актов, радикально реформировавших систему наказаний.

Прежде всего, анализ законодательных памятников Австрии, Пруссии, Франции и Англии убедительно демонстрирует нелинейный характер движения европейского уголовного права к гуманизации. Процесс отказа от архаичных форм устрашения не был однонаправленным поступательным движением, радикальные реформы Иосифа II, впервые в европейской истории упразднившие смертную казнь, сменялись периодами консервативной реакции, когда под влиянием политической нестабильности и социальных потрясений власти возвращались к уже отмененным жестоким санкциям. Восстановление смертной казни за государственные преступления в Австрии при императоре Франце, расширение применения порки в Пруссии в периоды крестьянских волнений, ужесточение репрессий в связи с активизацией анархистских движений в последней трети XIX в. – все это свидетельствует о том, что правовая политика адаптировалась к текущей общественно-политической конъюнктуре, и либеральные тенденции отнюдь не отменяли возможности возврата к устрашению как инструменту социального контроля.

Принципиальное значение для понимания сущности исследуемых преобразований имеет выявленная в ходе исследования дихотомия между наказаниями основными и исправительными, которая проводилась во всех рассматриваемых кодексах независимо от их национальной принадлежности. В основе этого разграничения лежала глубинная антропологическая установка, разделявшая преступников на две категории: тех, кто рассматривался как неисправимый и потому подлежал полному исключению из общества (путем казни либо пожизненного лишения прав и свобод), и тех, кто совершил менее тяжкие деяния и сохранял шанс на возвращение после отбытия наказания. Данная классификация отражала не столько степень общественной опасности деяния, сколько представление о самой природе преступника, о возможности или невозможности его исправления. Телесные наказания в этой системе занимали пограничное положение, поскольку будучи формально отнесены к исправительным санкциям, они на практике закрепляли сословное неравенство, применяясь преимущественно к представителям низших слоев населения и тем самым выполняя функцию символической маргинализации.

Исключительную эвристическую ценность для сравнительно-правового анализа представляет ситуация на польских землях, оказавшихся в исследуемый период под юрисдикцией трех империй с различными правовыми традициями. Уникальность польского опыта заключается в возможности наблюдать трансформацию общеевропейских уголовно-правовых тенденций сквозь призму локальных политических условий. Сравнительный анализ трех секторов разделенной Польши выявляет существенные различия, так в австрийской части последовательно реализовывалась система дифференцированного тюремного заключения с тенденцией к ограничению телесных кар, прусской была присуща порка и иные физические наказания, которые сохранялись преимущественно для низших сословий в соответствии с сословной логикой Земского уложения, а в Царстве Польском под российской юрисдикцией при сохранении широкого арсенала телесных наказаний, вводились сословные ограничения (запрет для дворянства, духовенства, чиновничества), что придавало характерной для Европы сословной дифференциации дополнительное политическое измерение.

При этом компаративный анализ позволяет выявить общую для всех рассматриваемых правовых систем тенденцию, которая заключается в том, что телесные и членовредительские наказания заменяются лишением свободы. Тюремное заключение начинало дифференцироваться по степени тяжести, то есть от простого ареста до заключения в темной камере с приковыванием и скудным питанием. От новой системы ожидали не только изоляции преступника, но и его исправления, хотя сама идея исправления трактовалась преимущественно как дисциплинирование через труд и суровый режим. Показательно, что порка сохранялась в большинстве кодексов в качестве переходной санкции, позволявшей либо сокращать срок тюремного заключения, либо применять физическое воздействие к категориям осужденных, которые по социальному положению не могли быть подвергнуты иным видам наказания.

Особого внимания заслуживает проблема публичности экзекуций как элемента устрашения, поскольку несмотря на общую тенденцию к отказу от наиболее жестоких форм публичной казни, позорящие наказания (приковывание к позорному столбу, облачение в позорящую одежду, выставление на всеобщее обозрение) сохранялись в законодательстве на протяжении всего исследуемого периода и это свидетельствует о том, что даже в наиболее либеральных кодексах сохранялось представление о наказании как о ритуале, призванном не только причинять страдание, но и символически исключить преступника из полноправного общества, лишить его чести и достоинства. Как отмечалось выше, смерть на костре в определенных случаях

могла возвращать осужденному человеческое достоинство, но предварительно его человечность у него отнималась через публичное унижение.

Таким образом, влияние европейских уголовных кодексов эпохи просвещенного абсолютизма и ранних буржуазных реформ на польские земли не сводилось к простому заимствованию или копированию иностранных образцов. Польский опыт демонстрирует сложное взаимодействие нескольких правовых традиций, каждая из которых имела собственную логику развития и собственное отношение к проблеме телесных наказаний, что порождало уникальные правовые конфигурации, в которых общеевропейские тенденции гуманизации уголовного права сочетались с локальными особенностями сословной структуры и политическими условиями. Исследование этого вопроса вносит существенный вклад в понимание механизмов правовой аккультурации и распространении юридических институтов, позволяя проследить, как абстрактные законодательные модели преломляются в конкретных исторических обстоятельствах.

Список литературы:

1. Россия. Законы и постановления. Собрание гражданских законов губерний Царства Польского / Россия. Законы и постановления. – Санкт-Петербург : Типография Ф. Сушинского, 1877. – 641, XVIII с. – Текст рус., пол. – На тит. л. также: Издание второе.
2. Россия. Законы и постановления. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: [утверждено 15 августа 1845 г.] / [II Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии]. – Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845. – [4], IV, 898, XVII с. ; 8°. – Текст рус. – На тит. л.: Издание первое.
3. Австрия. Законы и постановления. Allgemeines Gesetz über Verbrechen und derselben Bestrafung = Всеобщее уложение о преступлениях и наказаниях оных : [подписано императором Иосифом II 13 января 1787 г.] [Электронный ресурс] // Österreichische Gesetze und Verfassungen. – [Wien] : [Kaiserliche Druckerei], 1787. – S. 7-38. – URL: <https://www.koeblergerhard.de/Fontes/Strafgesetz1787.pdf>.
4. Kaczyńska, E. Ludzie ukarani : więzienia i system kar w Królestwie Polskim, 1815-1914 / Elżbieta Kaczyńska. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. – 588 s.
5. Орловская, Е. А. Прусское земское уложение 1794 / Е. А. Орловская // Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – Т. 3 : П–С. – С. 363.
6. Kutrzeba, S. Historia ustroju Polski w zarysie = История политического строя Польши в очерках : w 4 t. [Электронный ресурс] / Stanisław Kutrzeba. – Lwów ; Warszawa : Nakładem Księgarni Polskiej Bernarda Połonieckiego : Gebethner i Wolff, 1908–1920. T. 4 : Po rozbiorach. Cz. 2. – 1920. – 286 s. – URL: https://archive.org/details/historyaustrojup04kutrz/page/6/mode/2up?ref=ol&_autoReadAloud=show.
7. Lueder, C. C. Das Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich vom 15. Mai 1871 nach der Novelle vom 26. Februar 1876 nebst Einführungs- und Abänderungs-Gesetz... / Carl Christoph Johann Friedrich Ludwig Lueder. – Leipzig : Deichert, 1876. – 199 S.
8. Koczyński, M. Rzut oka na dzisiejszy stan prawa i prawodawstwa karnego [Электронный ресурс] / M. Koczyński // Czasopismo Poświęcone Prawu i Umiejętnościom Politycznym. – Kraków, 1863. – Z. 12. – S. 653–668. – URL: https://archive.org/details/jbc.bj.uj.edu.pl/NDIGCZAS002320_1863_012
9. Французский уголовный кодекс 1810 года [Текст] : С изм. и доп. по 1 июня 1940 г. / Пер. Н. С. Лапшиной ; Под ред. и со вступ. статьей проф. М. М. Исаева ; Всесоюз. ин-т юрид. наук МЮ СССР. – Москва : изд. и тип. Юрид. изд., 1947. – 372 с.

Pasechnik O.S., Cherednichenko S.R. The influence of the penal system in the criminal codes of Europe during the era of enlightened absolutism and early bourgeois reforms on Poland // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 2. – S. 228-236.

This article examines the problem of the transformation of criminal law sanctions related to physical impact on a convicted person during the period of active modernization of legislation (1780-1850 years). The relevance of the topic is due to the need to understand the transition from archaic intimidation practices to penitentiary models based on the principles of correction and isolation. An analysis of the legislative monuments of the era of judicial reforms is carried out, demonstrating how attitudes towards bodily suffering and public shame have changed. The work shows that for the legal consciousness of that time, execution was not only the infliction of physical pain, but also an instrument of total moral degradation of the individual, which was reflected in the classification of criminal acts into categories that entailed "basic" (depriving rights) or "correctional" punishments. Based on the comparative legal method, the evolution of European legislation is considered: from the casuistic "Theresiana" (1768), which preserved qualified types of execution and torture, through the radical humanization of "Josephine" (1787), which abolished the death penalty for the first time,

to the codes of the XIX century. Special attention is paid to the process of replacing self-harming and shameful punishments with a system of differentiated imprisonment, as well as the role of flogging as a transitional sanction applied mainly to the social lower classes. The author concludes that the period under study is characterized by a non-linear movement towards humanism, since liberal tendencies (the abolition of torture, the restriction of the death penalty, the introduction of parole) were combined with retroactive tightening measures (the restoration of executions for political crimes) and the preservation of the publicity of executions as an element of intimidation. The scientific novelty of the article lies in the analysis of the Polish penitentiary system through the prism of its formation in the legal systems of Austria, Prussia, France and other countries, including the unique case of England with its case law and Japan, which adopted the European experience of codification.

Keywords: judicial reforms, history of criminal law, Theresiana, Josephine, Prussian Zemstvo Code, correctional punishments, humanization of criminal law.

Spisok literatury:

1. Rossiya. Zakony` i postanovleniya. Sobranie grazhdanskix zakonov gubernij Czarstva Pol'skogo / Rossiya. Zakony` i postanovleniya. – Sankt-Peterburg : Tipografiya F. Sushhinskogo, 1877. – 641, XVIII s. – Tekst rus., pol. – Na tit. l. takzhe: Izdanie vtoroje.
2. Rossiya. Zakony` i postanovleniya. Ulozhenie o nakazaniyax ugovolny`x i ispravitel'ny`x: [utverzhdno 15 avgusta 1845 g.] / [II Otdelenie Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii]. – Sankt-Peterburg : Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii, 1845. – [4], IV, 898, XVII s. ; 8°. – Tekst rus. – Na tit. l.: Izdanie pervoe.
3. Avstriya. Zakony` i postanovleniya. Allgemeines Gesetz über Verbrechen und derselben Bestrafung = Vseobshhee ulozhenie o prestupleniyax i nakazaniyax ony`x : [podpisano imperatorom Iosifom II 13 yanvarya 1787 g.] [E`lektronny`j resurs] // Österreichische Gesetze und Verfassungen. – [Wien] : [Kaiserliche Druckerei], 1787. – S. 7-38. – URL: <https://www.koeblergerhard.de/Fontes/Strafgesetz1787.pdf>.
4. Kaczyńska, E. Ludzie ukarani : więzienia i system kar w Królestwie Polskim, 1815-1914 / Elżbieta Kaczyńska. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. – 588 s.
5. Orlovskaya, E. A. Prusskoe zemskoe ulozhenie 1794 / E. A. Orlovskaya // Belorusskaya yuridicheskaya e`nciklopediya : v 4 t. – Minsk : GIUST BGU, 2010. – T. 3 : P–S. – S. 363.
6. Kutrzeba, S. Historia ustroju Polski w zarysie = Istoriya politicheskogo stroya Pol'shi v ocherkax : w 4 t. [E`lektronny`j resurs] / Stanisław Kutrzeba. – Lwów ; Warszawa : Nakładem Księgarni Polskiej Bernarda Połonieckiego : Gebethner i Wolff, 1908–1920. T. 4 : Po rozbiorach. Cz. 2. – 1920. – 286 s. – URL: https://archive.org/details/historyaustrojup04kutrp/page/6/mode/2up?ref=ol&_autoReadAloud=show.
7. Lueder, C. C. Das Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich vom 15. Mai 1871 nach der Novelle vom 26. Februar 1876 nebst Einführungs- und Abänderungs-Gesetz... / Carl Christoph Johann Friedrich Ludwig Lueder. – Leipzig : Deichert, 1876. – 199 S.
8. Koczyński, M. Rzut oka na dzisiejszy stan prawa i prawodawstwa karnego [E`lektronny`j resurs] / M. Koczyński // Czasopismo Poświęcone Prawu i Umiejętnościom Politycznym. – Kraków, 1863. – Z. 12. – S. 653–668. – URL: https://archive.org/details/jbc.bj.uj.edu.pl.NDIGCZAS002320_1863_012.
9. Francuzskij ugovolny`j kodeks 1810 goda [Tekst] : S izm. i dop. po 1 iyunya 1940 g. / Per. N. S. Lapshinoy ; Pod red. i so vstup. stat'ej prof. M. M. Isaeva ; Vsesoyuz. in-t yurid. nauk MYu SSSR. – Moskva : izd. i tip. Yurid. izd., 1947. – 372 s.

УДК 343.9

КЛАССИФИКАЦИЯ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Позднякова Е. В.

Юго-Западный государственный университет

В работе рассматриваются критерии, а также теоретическая и практическая значимость применения метода классификации при познании сущности и многообразия угроз национальной безопасности. Позволяя абстрагироваться от случайных и второстепенных признаков и сосредоточить внимание на сущностных характеристиках угроз национальной безопасности, их научно обоснованная классификация создает предпосылки для выявления причинно-следственных связей между социальными, экономическими, политическими, криминогенными и иными процессами и состоянием национальной безопасности. Обосновано, что классификация угроз национальной безопасности обеспечивает методологическую связь между нормативно-политическим целеполаганием и управленческой деятельностью, позволяя формировать индикаторы, матрицы рисков, модели и оптимальные меры противодействия угрозам национальной безопасности. Осуществлена классификация угроз национальной безопасности на основании комплекса теоретически и практически значимых критериев: источник, национальные интересы, на которые направлены угрозы, сфера жизнедеятельности, субъектный или бессубъектный характер, характеристики акторов (субъектов), механизм реализации, характер возможности причинения ущерба, степень актуальности, локализация проявления. Раскрыта сущность выделяемых видов угроз национальной безопасности в соответствии с каждым из данных критериев.

Ключевые слова: метод классификации, критерии группировки, системный подход, национальная безопасность, национальные ценности, национальные интересы, угроза, противодействие, обеспечение национальной безопасности, государственное управление.

Классификация как метод научного познания традиционно занимает одно из ключевых мест в системе общенаучных и специальных методов исследования, поскольку она позволяет упорядочить сложные, многомерные и динамичные социально-правовые явления, выявить их внутреннюю структуру, соотношение элементов и закономерности развития. В сфере исследования угроз национальной безопасности значение классификации существенно возрастает, что обусловлено как высокой степенью сложности самого объекта исследования, так и практической потребностью государства в поиске эффективных управленческих решений и выработке дифференцированных, адресных и адекватных мер реагирования.

Познавательный потенциал классификации угроз национальной безопасности проявляется, прежде всего, в возможности перехода от эмпирически фиксируемого многообразия негативных факторов и процессов к теоретически осмысленной системе знаний о природе, структуре и динамике угроз. Классификация позволяет абстрагироваться от случайных и второстепенных признаков, сосредоточив внимание на сущностных характеристиках угроз, что, в свою очередь, создает предпосылки для выявления причинно-следственных связей между социальными, экономическими, политическими, криминогенными и иными процессами и состоянием национальной безопасности. С методологической точки зрения классификация выступает не просто способом упорядочивания информации, но и инструментом теоретиче-

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности». Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1.

ского моделирования, позволяющим прогнозировать трансформацию угроз, выявлять новые их разновидности и оценивать потенциальные риски.

Выступая методологическим инструментом исследования угроз национальной безопасности, классификация позволяет преобразовать многообразие разнородных опасностей и рисков в упорядоченную систему, пригодную для научного анализа и управленческого воздействия. В сфере национальной безопасности объект исследования принципиально сложен, а угрозы национальной безопасности определены как «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации» (пп. 5 п. 5 Стратегии национальной безопасности РФ) [1]. При этом сегодня речь идет не только о традиционных военных опасностях и угрозах, но и о социальных, экономических, информационных, технологических, экологических, биологических и ценностно-культурных угрозах. С учетом указанного классификация выступает не просто «вспомогательной» процедурой описания, а способом конструирования предмета исследования - выявляя устойчивые основания систематизации угроз, она задает границы интерпретации причинности существования данных угроз, механизмов их реализации, а также выработки и реализации институциональных и иных мер устранения угроз и предотвращения вреда (ущерба) человеку, обществу и государству.

Практическая значимость классификации угроз определяется тем, что стратегическое планирование и государственное управление в сфере обеспечения национальной безопасности неизбежно требуют определения важности угроз, соответственно, направлений управленческой деятельности и распределения ресурсов для их реализации. В п. 104 Стратегии национальной безопасности РФ прямо закреплено, что «задачи, предусмотренные в рамках стратегических национальных приоритетов, решаются путем разработки, корректировки и исполнения документов стратегического планирования, программ и проектов в области обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации, а также их необходимого ресурсного обеспечения» [1]. При этом подчеркивается, что «контроль за реализацией настоящей Стратегии осуществляется в рамках государственного мониторинга состояния национальной безопасности на основе показателей состояния национальной безопасности» [1]. Классификация угроз национальной безопасности является связующим звеном между нормативно-политическим целеполаганием и управленческой деятельностью, позволяя формировать индикаторы, матрицы рисков, модели и комплекс мер (политических, правовых, военных, социально-экономических, информационных и иных), направленных на противодействие угрозам (их нейтрализацию). Именно научно обоснованная классификация угроз национальной безопасности способствует практическому решению стратегической задачи «совершенствования системы государственного управления и стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития Российской Федерации» (п. 106 Стратегии национальной безопасности РФ) [1].

Отсутствие научно обоснованной классификации ведет к фрагментарности управленческих решений, подмене стратегического подхода ситуационным реагированием и снижению эффективности деятельности субъектов обеспечения национальной безопасности. Как справедливо указывает М.Ю. Кийко, «в современных

условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений формируются новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, одновременно происходит трансформация существующих на протяжении длительных исторических периодов угроз национальной безопасности. Поэтому требуется постоянная актуализация сформировавшихся представлений по проблематике угроз национальной безопасности, совмещение традиционных и новационных представлений о сущности угроз и их последствиях с учетом динамичных процессов в развитии общества и экономики, а также достижений современной науки» [2, с. 32]. Таким образом, угрозы национальной безопасности не являются однородным феноменом - они различаются по источникам, характеру воздействия, масштабам, временным параметрам, вероятности реализации, степени тяжести последствий и прочим характеристикам. Без их систематизации и научно обоснованного разграничения невозможно ни корректное стратегическое планирование, ни эффективная реализация государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности.

В научной литературе исследование категории «угрозы национальным интересам» осуществляется путем их классификации на основании различных критериев: место нахождения источника (внутренние и внешние), характер (природные - сейсмические, наводнения, другие стихийные явления; антропогенные - экологические, техногенные; социальные - военные, информационные, политические), степень сформированности (реальные и потенциальные), сфера и область человеческой деятельности (в оборонной, экономической, социальной, политической, информационной и международной сферах), степень субъективного восприятия (завышенные, заниженные, неосознанные, адекватные и мнимые) [3]; степень осознанности (осознанные и неосознанные), характер воздействия (активные и пассивные) [4]; источник воздействия (внутренние и внешние), способ воздействия (открытые, скрытые и электронные), субъект реализации (публичные и частные) [5; 6]; источник генезиса (эндогенные и экзогенные) [7]; отношение к человеческой деятельности (объективные и субъективные) [8]; природа возникновения (объективные, субъективные, умышленные) [9]; пространственный масштаб (глобальные, региональные, локальные и местные) [10]; локализация источника (внешние, внутренние и глобальные), форма реализации (традиционные и нетрадиционные, связанные с применением по отношению превосходящего противника нетрадиционных методов), объект безопасности (личности, обществу и государству) [2]; характер вреда (материальные и моральные), степень вероятности (весьма вероятные и маловероятные), величина (предельные, значительные и незначительные), объект угроз (личности, обществу или государству) [4]; защищаемые объекты (в соответствии с разделом IV Стратегии национальной безопасности РФ) [1] и пр.

Как верно отмечает А.В. Николаенко, «эволюция классификационных моделей угроз национальной безопасности отражает объективно значимые потребности личности, общества и государства, группируется по сходству определенных признаков, к которым могут быть отнесены интересы, объект, источник, вид, степень локализации, реализации, форма, новизна, приоритеты и др.» [12, с. 104]. Однако из приведенного многообразия классификационных моделей угроз национальной безопасности можем видеть плюрализм научных подходов как к самому построению такого

рода моделей, так и к определению и формулированию непосредственно критериев классификации данных угроз. Кроме того, нередко имеет место нарушение законов формальной логики при выделении различных видов угроз национальной безопасности на основании одного критерия, либо выделении угроз одного и того же вида на основании различных критериев. С методологической точки зрения классификация угроз национальной безопасности должна отвечать следующим требованиям.

Во-первых, она должна быть нормативно соотнесена с национальными интересами и стратегическими национальными приоритетами, поскольку именно они задают легитимные цели обеспечения национальной безопасности. Таким образом, концептуальной и нормативной основой научного анализа угроз национальной безопасности выступает Стратегия национальной безопасности РФ и иные документы стратегического планирования, включая доктрины, отраслевые стратегии.

Во-вторых, данная классификация должна способствовать установлению природы и содержания исследуемого объекта, то есть включать критерии, отражающие характер и источник, механизм реализации угрозы, что обеспечивает переход от описания к прогнозу, выработке и реализации мер устранения угроз.

В-третьих, данная классификация должна быть управленчески применима. Поскольку Стратегия национальной безопасности РФ опирается на государственный мониторинг состояния национальной безопасности на основе показателей состояния национальной безопасности, а также на разработку и корректировку документов стратегического планирования, классификация должна позволять соотносить классы угроз с индикаторами мониторинга, режимами противодействия и компетенциями субъектов обеспечения безопасности.

Исходя из того, что национальная безопасность предполагает безопасность как личности и общества, так и государства, выступающего субъектом внешнеполитических отношений, а угрозы, исходящие от иных субъектов этих отношений, приобретают все более системный характер, в качестве одного из базовых критериев классификации угроз национальной безопасности должен выступать источник угроз [13], в соответствии с которым необходима дифференциация угроз на внешние и внутренние. Значимость данного классификационного критерия определяется и тем, что концептуальное определение национальной безопасности содержит прямое указание на деление угроз национальным интересам на внешние и внутренние (пп. 1 п. 5 Стратегии национальной безопасности РФ) [1].

Внешние угрозы связаны с деятельностью иностранных государств, международных организаций, транснациональных корпораций, экстремистских и террористических структур, а также с глобальными процессами, оказывающими негативное воздействие на суверенитет и безопасность Российской Федерации. К числу таких угроз в Стратегии национальной безопасности РФ отнесены, в частности, политика сдерживания РФ, попытки подрыва ее суверенитета и территориальной целостности, расширение военной инфраструктуры недружественных государств вблизи российских границ, использование санкционного давления и информационных кампаний в качестве инструментов политического и экономического воздействия, идейно-ценностная экспансия и пр.

Внутренние угрозы, в свою очередь, обусловлены состоянием и динамикой демографических, социальных, экономических, политических и правовых процессов внутри страны. К ним можно отнести: негативные демографические тенденции (со-

крашение численности населения, изменение его возрастной структуры, негативные миграционные процессы и утрата человеческого потенциала), бедность и расслоение общества по уровню доходов, системные проблемы в области здравоохранения, ухудшение состояния окружающей среды, проблемы качества и доступности образования и иных социальных благ, снижение уровня доверия к институтам государственной власти, коррупция и нецелевое использование бюджетных средств и государственного имущества, а также криминализация общественных отношений, проявления радикализма, распространение экстремизма и терроризма и пр. Необходимо учитывать, что внутренние угрозы нередко носят латентный характер, развиваются постепенно и проявляются в виде совокупности негативных тенденций, которые при отсутствии своевременного реагирования могут привести к системным кризисам.

Методологически важным является то, что деление угроз национальной безопасности на внешние и внутренние не является дихотомическим. Как верно отмечает Ф.Р. Шарифзода, поскольку «в социальных системах причинная связь между явлениями и процессами редко бывает линейной, поэтому принятое в науке деление угроз национальной безопасности на внутренние и внешние является условным» [14, с. 75]. Так, в частности, в п. 20 Стратегии национальной безопасности РФ подчеркивается, что «недружественные страны пытаются использовать имеющиеся в Российской Федерации социально-экономические проблемы для разрушения ее внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества. Все более активно применяются не прямые методы, направленные на провоцирование долговременной нестабильности внутри Российской Федерации» [1].

Концептуальное определение национальной безопасности основано на ее понимании как состояния защищенности национальных интересов (пп. 1 п. 5 Стратегии национальной безопасности РФ) [1].

Национальные интересы выступают инструментом реализации национальных ценностей во внутренней и внешней политике государства. Национальные интересы, закрепленные в Стратегии национальной безопасности РФ, определяют стратегические направления развития российского общества и конкретные приоритеты, цели и задачи деятельности органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества по их обеспечению и защите [15]. Соответственно одним из базовых критериев классификации угроз национальной безопасности должны выступать конкретные национальные интересы, на которые направлены угрозы.

Стратегия национальной безопасности РФ в п. 25 содержит следующий перечень актуальных (на современном этапе) с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в РФ и в мире ее национальных интересов: «1) сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан; 2) защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности РФ, укрепление обороны страны; 3) поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; 4) развитие безопасного информационного пространства, защита россий-

ского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; 5) устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе; 6) охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата; 7) укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России; 8) поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений» [1].

Наиболее утилитарной с точки зрения практического обеспечения национальной безопасности является классификация угроз национальным интересам в зависимости от сферы их проявления (сферы реализации национальных интересов), определяющей соответствующую область обеспечения национальной безопасности и соответствующие стратегические национальные приоритеты России [13]. Таким образом, классификация угроз национальной безопасности должна осуществляться в соответствии с конкретной сферой жизнедеятельности (военной (оборонной), экономической, социальной, духовной, информационной, научно-технологической, экологической, международной и пр.).

Классификация угроз национальной безопасности в соответствии с указанным критерием обеспечивает согласованность научного анализа данных угроз с архитектурой стратегического планирования, а также возможности сопоставлять различные угрозы, выявлять их взаимосвязи (общие источники и факторы детерминации, закономерности возникновения и проявления) и строить комплексные модели нейтрализации. В качестве критерия классификации угроз национальной безопасности необходимо учитывать субъектный или бессубъектный характер угроз, выделяя: 1) акторные (субъектные) угрозы и 2) угрозы без прямой субъектной инициации (природные и техногенные процессы, эпидемиологические и климатические факторы и т.п.).

При этом на основании критерия акторов (субъектов) угроз необходимо выделять угрозы: 1) исходящие (инициируемые) от государственных акторов (в том числе с использованием военных, экономических, политико-дипломатических и информационных инструментов); 2) исходящие (инициируемые) от негосударственных акторов (корпораций, террористических и экстремистских структур, транснациональных/международных криминальных структур).

Характер акторов (субъектов) угроз определяет возможности и специфику деятельности по их нейтрализации: противодействие государственным акторным угрозам естественно опирается на оборонное планирование, внешнеполитические инструменты и контрразведывательные меры, а противодействие «негосударственным» угрозам на правоохранительную деятельность, антитеррористическую защищенность и т.д. В основе нейтрализация «неакторных» угроз лежит риск-менеджмент, устойчивость критической инфраструктуры, функционирование государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и системы гражданской обороны.

Одним из основных критериев классификации угроз национальной безопасности выступает механизм реализации угрозы, определяемый типом воздействия, направленного на ее реализацию. В соответствии с данным критерием необходимо выделять следующие механизмы реализации угроз: 1) физические (военные действия, насилие, диверсии, террористические акты); 2) экономические (рецессия мировой

экономики, неустойчивость международной финансовой системы, рыночная нестабильность, ограничительное (санкционное) воздействие, финансовая дестабилизация); 3) информационные (тотальное доминирование в глобальном информационном пространстве, кибератаки, вмешательство в функционирование сетей и критической информационной инфраструктуры, распространение недостоверной и деструктивной информации); 4) психологические (манипулирование индивидуальным, групповым и общественным сознанием, деморализация, радикализация, подрыв доверия к государству, внедрение культа насилия, потребления и наслаждения, пропаганда расовой и религиозной нетерпимости, межнациональной розни); 5) политические (ослабление влияния международных институтов, использование политики двойных стандартов, провоцирование и стимулирование межгосударственных противоречий, политическое давление, политически ангажированные решения иностранных и международных (межгосударственных) судов, подрыв внутривнутриполитической стабильности, вмешательство во внешнюю и внутреннюю политику); 6) институциональные (делегитимация власти, блокирование управленческих решений, коррупция, правовой нигилизм); 7) демографические (негативные демографические и миграционные процессы); 8) природные (изменение климата, природные катастрофы и иные чрезвычайные ситуации, нерациональное использование природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, эпидемии и прочие биологические угрозы); 9) техногенные (техногенные процессы, катастрофы и аварии, износ инженерно-технической и транспортной инфраструктуры).

Следует учитывать, что механизмы реализации угроз национальной безопасности могут иметь комплексный характер, что определяется совмещением нескольких типов воздействия при их реализации.

С учетом современных реалий гибридные угрозы, сочетающие в себе элементы военного, политического, экономического, информационного и иного воздействия, заслуживают особого внимания. В документах стратегического планирования Российской Федерации подчеркивается, что такие угрозы отличаются высокой адаптивностью, латентностью и сложностью идентификации, что существенно затрудняет традиционные формы реагирования на них.

Рассматривая угрозы национальной безопасности с точки зрения механизмов их реализации, необходимо принимать во внимание, что именно механизм реализации определяет характер причиняемого в результате реализации угрозы ущерба (вреда), соответственно понимание механизма реализации угрозы дает представление о том, как именно угроза трансформируется в ущерб. Тесно связанным с дифференциацией угроз в зависимости от механизма их реализации является критерий классификации угроз в соответствии с возможностью причинения вреда.

Концептуальное определение угрозы национальной безопасности содержит указание на прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам страны (пп. 5 п. 5 Стратегии национальной безопасности РФ) [1]. Как можем видеть, ключевое значение при определении угрозы национальной безопасности имеет не сам факт ущерба, а возможность его причинения (т.е. наличие потенциала, предпосылок, механизма реализации). Исходя из указанного, в соответствии с критерием характера возможности причинения ущерба необходимо выде-

лять: 1) прямые угрозы национальной безопасности и 2) косвенные угрозы национальной безопасности.

Угрозы, создающие прямую возможность причинения ущерба национальным интересам (прямые угрозы или угрозы непосредственного действия), характеризуются: высокой степенью определенности, наличием конкретного механизма воздействия (реализации), высокой вероятностью реализации и кратким временным интервалом между возникновением угрозы и наступлением негативных последствий (ущерба) без обязательных промежуточных условий.

Таким образом, прямые угрозы — это то, что может нанести или наносит ущерб непосредственно, через понятный механизм. Примером прямых угроз могут служить: вооруженная агрессия или непосредственная военная опасность, террористические акты и диверсии, кибератаки на критическую информационную инфраструктуру, экстремистская деятельность, направленная на подрыв конституционного строя, массовые беспорядки, попытки силового захвата власти.

Угрозы, создающие косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам (косвенные угрозы или угрозы опосредованного действия), носят латентный и накопительный, кумулятивный характер, развиваются постепенно, воздействуют опосредованно и проявляются через промежуточные механизмы и многофакторные причинные связи в виде отсроченных (средне- или долгосрочно) последствий (ослабление устойчивости государства и общества). Часто косвенные угрозы имеют вид различных социально-экономических процессов или проблем развития, но по сути являются угрозами безопасности, потому что уменьшают стратегическую устойчивость страны.

Таким образом, косвенные угрозы — это то, что ослабляет государство, снижает его стратегическую устойчивость и делает государство и общество уязвимым, создает «слабые места» и кризисные состояния, чем повышает вероятность формирования и реализации других угроз. Примером косвенных угроз могут служить: санкционное давление (как фактор ослабления экономики и обороноспособности), технологическая зависимость и отставание, экологические кризисы, ухудшающие качество жизни и ресурсы развития, демографический спад, деградация человеческого капитала, рост социального неравенства и снижение доверия к государственным институтам, коррупция как фактор снижения эффективности системы государственного управления, снижение качества образования и науки и пр.

Так, например, как подчеркивают специалисты, «в составе демографических угроз содержится достаточно много компонентов, которые приобретают форму опасностей для государства не сразу, а только по прошествии определенного и иногда достаточно длительного периода времени (предположим, сокращение удельного веса детей в общей численности жителей). По этой причине текущая статистическая оценка факта наличия или реальной степени угрозы часто носит завуалированный характер, так как последняя попадает в поле зрения органов управления не в момент своего возникновения, а по мере негативного проявления и воздействия на развитие общества» [4].

Классифицируя угрозы в зависимости от возможности причинения ущерба, необходимо учитывать следующие важные, с методологической точки зрения, для практического обеспечения национальной безопасности особенности. Во-первых, прямые угрозы могут иметь вторичный эффект, формируя (выступая источником)

косвенные угрозы, такие как: социальная фрустрация, рост преступности, миграционные и инфраструктурные перегрузки и т.п. Во-вторых, косвенные угрозы создают основу для формирования и реализации прямых угроз. Так, например, процессы маргинализации и социальной исключенности формируют благоприятную среду для роста преступности, радикализации отдельных групп населения и проявлений экстремизма и терроризма. В-третьих, следует учитывать, что в зависимости от геополитической и национальной ситуации и условий косвенные угрозы могут трансформироваться в прямые, что подтверждает динамический характер системы национальной безопасности. Одна и та же угроза в различных ситуациях может быть косвенной или прямой. Так, например, информационное воздействие может быть косвенным (формирование недоверия), а может стать прямым (мобилизация массовых протестов или беспорядков). Санкционное воздействие может быть косвенным (снижение темпов экономического развития), а может стать прямым (разрушение критических цепочек поставок).

Указанное определяет необходимость динамической классификации угроз национальной безопасности, позволяющей отражать причинно-следственные связи и выделять угрозы-детерминанты и угрозы-следствия. Это позволяет направлять управленческие решения и превентивные меры на первичные условия возникновения угроз, а не только на предотвращение ущерба и ликвидацию последствий их реализации.

Одним из основных критериев классификации угроз национальной безопасности выступает также степень актуальности угрозы. В соответствии с данным критерием необходимо выделять: 1) потенциальные угрозы (условия и факторы сформированы, но не перешли в активную фазу); 2) актуализированные угрозы (наблюдаются признаки подготовки и наращивания воздействия, признаки процессов объективно порядка); 3) реализуемые угрозы (воздействие происходит).

Данная классификация имеет непосредственное практическое значение для организации деятельности по противодействию угрозам национальной безопасности. Относительно потенциальных и актуализированных угроз предпочтительны меры предупреждения и снижения уязвимостей, в активной фазе реализации угроз необходимо применение мер пресечения и нейтрализации, минимизация ущерба и предотвращение рецидивов угрозы в иных формах. Нормативную основу такой логики организации противодействия угрозам составляет содержащаяся в Стратегии национальной безопасности установка на развитие мониторинга, прогнозирования, выявления и предупреждения угроз, определение их источников, минимизацию и ликвидацию последствий их реализации.

При классификации угроз национальной безопасности необходимо учитывать такой критерий, как локализация их проявления. В соответствии с критерием необходимо выделять: 1) глобальные угрозы (затрагивающими архитектуру международной безопасности, мировые рынки, а также интересы России на международной арене); 2) государственные угрозы (в масштабе государства); 3) региональные угрозы (в пределах субъектов РФ); 3) локальные угрозы (затрагивающие объекты системы государственного управления или объекты критической инфраструктуры).

Региональный уровень локализации проявления угроз национальной безопасности необходимо рассматривать с учетом специфики федеративного и территориаль-

ного устройства РФ. Региональный аспект угроз национальной безопасности, как отмечают специалисты, связан как с самыми различными внутренними процессами (существенными различиями регионов в демографическом, экономическом потенциале и пр.), так и интенсификацией влияния внешних угроз, порожаемых процессами глобализации и их негативными последствиями [2, с. 38].

Необходимо учитывать, что масштаб локализации проявления угрозы не всегда коррелирует с ее опасностью. Так, локальная диверсия на критическом объекте может иметь диспропорционально значительные последствия (ущерб) для всей страны. Поэтому классификация угроз должна учитывать не только географию, но и структуру социальной и инфраструктурной системы, относительно которой незначительное воздействие может вызвать системные последствия.

Таким образом, классификация угроз национальной безопасности выступает неотъемлемым элементом научного и практического осмысления проблем безопасности человека, общества и государства. Она позволяет систематизировать знания об угрозах, выявить их многоуровневую и межотраслевую природу, способствует формированию целостного и научно обоснованного представления о современном состоянии и перспективах обеспечения национальной безопасности, что имеет принципиальное значение как для теории, так и для практики государственного управления.

Отвечающая таким методологическим требованиям, как корреляция с национальными интересами и стратегическими национальными приоритетами, объяснительный потенциал и практическая (управленческая) применимость, классификация угроз национальной безопасности на основании комплекса теоретически и практически значимых критериев (источник, национальные интересы, на которые направлены угрозы, сфера жизнедеятельности, субъектный или бессубъектный характер, характеристики акторов (субъектов), механизм реализации, характер возможности причинения ущерба, степень актуальности, локализация проявления) способствует формированию методологической основы для разработки и корректировки документов стратегического планирования, устранению фрагментарности в системе мер обеспечения национальной безопасности, разработке эффективных управленческих решений, определению приоритетов деятельности и эффективному распределению полномочий между субъектами обеспечения национальной безопасности, оптимизации использования ресурсов в условиях усложняющейся среды безопасности.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
2. Кийко М.Ю. Угрозы национальной безопасности, их классификация и характеристики // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 2. – С. 31-39.
3. Прохожев А.А. Общая теория национальной безопасности. – М.: РАГС, 2005. – 344 с.
4. Бережнова Л.Н., Перов В.В. Актуальные направления классификации источников демографических угроз национальной безопасности // Войска национальной гвардии Российской Федерации в системе органов обеспечения безопасности: Сборник научных статей Межвузовской научно-практической конференции, Новосибирск, 06 февраля 2017 года. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2017. – С. 59-65.
5. Кузьмин Е.О., Кузьмина И.В. Классификация угроз национальной безопасности: правовой аспект // Вестник Национального института бизнеса. 2022. – Выпуск № 2 (46). – С. 116-123.
6. Кийко М.Ю. Современные аспекты научных трактовок угроз национальной безопасности // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2013. – № 1 (35). – С. 390-400.

7. Прокопьев А.В. Сущность и классификация опасностей и угроз в контексте стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Экономика в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты : сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 октября 2020 года. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 119-122.
8. Лутовинов В.И., Мотин Ю.Н. Военная политика Российской Федерации в условиях глобализации: учебное пособие. – М.: РАГС, 2009. – 161 с.
9. Зеленков М.Ю. Опасность, угроза – базовые категории теории национальной безопасности // Национальная безопасность / nota bene. – 2015. – № 1. – С. 32-47.
10. Чаевич А., Павлов С. Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности России // Ориентир. – 2013. – № 10.
11. Евстратова Ю.А., Попков Д.В., Фереро А.А. Национальная безопасность на современном этапе: понятие, виды, основные угрозы // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 6. – С. 236-240.
12. Николаенко А.В. Влияние угроз национальной и экономической безопасности на обеспечение эффективности функционирования атомного энергопромышленного комплекса: Классификация и детерминанты угроз // Журнал прикладных исследований. – 2022. – Т. 2, № 10. – С. 102-109.
13. Позднякова Е.В. Системный подход в исследовании угроз национальной безопасности // Криминологическая политика и практика противодействия преступности (памяти профессора кафедры В.А. Уткина) : Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 марта 2025 года. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025. – С. 332-337.
14. Шарифзода Ф.Р. Угрозы национальной безопасности Республики Таджикистан: понятие, классификация // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 4(58). – С. 71-78.
15. Позднякова Е.В. Ценности и интересы как фундаментальные категории в сфере национальной безопасности. Часть 2. Национальные интересы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 58-69.

Pozdnyakova E.V. Classification of threats to national security // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 237-248.

The paper discusses the criteria, as well as the theoretical and practical significance of using the classification method to understand the essence and diversity of threats to national security. By allowing us to abstract from random and secondary features and focus on the essential characteristics of national security threats, their scientifically grounded classification creates the preconditions for identifying cause-and-effect relationships between social, economic, political, criminogenic, and other processes and the state of national security. It is substantiated that the classification of national security threats provides a methodological link between normative and political goal-setting and managerial operationalization, allowing for the formation of indicators, risk matrices, scenario models, and optimal measures to counter national security threats. The article classifies threats to national security based on a set of theoretically and practically significant criteria: the source, the national interests that the threats are directed at, the sphere of activity, and the subjective or non-subjective nature of the threats. The article also describes the characteristics of the actors (subjects), the mechanism of implementation, the nature of the potential damage, the degree of relevance, and the localization of the threats. The article reveals the essence of the different types of threats to national security based on each of these criteria.

Key words: classification method, grouping criteria, systematic approach, national security, national values, national interests, threat, counteraction, national security management.

Spisok literatury:

1. Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 g. № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Sbornik zakonodatel'stva RF. – 2021. – № 27 (chast' II). – St. 5351.
2. Kijko M.YU. Ugrozy nacional'noj bezopasnosti, ih klassifikaciya i harakteristiki // Problemy teorii i praktiki upravleniya. – 2013. – № 2. – С. 31-39.
3. Prohozhev A.A. Obshchaya teoriya nacional'noj bezopasnosti. – М.: RAGS, 2005. – 344 s.
4. Berezhnova L.N., Perov V.V. Aktual'nye napravleniya klassifikacii istochnikov demograficheskikh ugroz nacional'noj bezopasnosti // Vojska nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii v sisteme organov obespecheniya bezopasnosti: Sbornik nauchnykh statej Mezhevuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Novosibirsk, 06 fevralya 2017 goda. – Novosibirsk: Novosibirskij voennyj institut imeni generala armii I.K. YAKovleva vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2017. – С. 59-65.
5. Kuz'min E.O., Kuz'mina I.V. Klassifikaciya ugroz nacional'noj bezopasnosti: pravovoj aspekt // Vestnik Nacional'nogo instituta biznesa. 2022. – Vypusk № 2 (46). – С. 116-123.
6. Kijko M.YU. Sovremennye aspekty nauchnykh traktovok ugroz nacional'noj bezopasnosti // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki. – 2013. – № 1 (35). – С. 390-400.
7. Prokop'ev A.V. Sushchnost' i klassifikaciya opasnostej i ugroz v kontekste strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Ekonomika v teorii i na praktike: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty :

- sbornik statej VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Penza, 05 oktyabrya 2020 goda. – Penza: "Nauka i Prosveshchenie" (IP Gulyaev G.YU.), 2020. – S. 119-122.
8. Lutovinov V.I., Motin YU.N. Voennaya politika Rossijskoj Federacii v usloviyah globalizacii: uchebnoe posobie. – M.: RAGS, 2009. – 161 s.
9. Zelenkov M.YU. Opasnost', ugroza – bazovye kategorii teorii nacional'noj bezopasnosti // Nacional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2015. – № 1. – S. 32-47.
10. CHaevich A., Pavlov S. Aktual'nye voprosy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossii // Orientir. – 2013. – № 10.
11. Evstratova YU.A., Popkov D.V., Ferero A.A. Nacional'naya bezopasnost' na sovremennom etape: ponyatie, vidy, osnovnye ugrozy // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2025. – № 6. – S. 236-240.
12. Nikolaenko A.V. Vliyanie ugroz nacional'noj i ekonomicheskoy bezopasnosti na obespechenie effektivnosti funkcionirovaniya atomnogo energopromyshlennogo kompleksa: Klassifikaciya i determinanty ugroz // Zhurnal prikladnyh issledovaniy. – 2022. – T. 2, № 10. – S. 102-109.
13. Pozdnyakova E.V. Sistemnyj podhod v issledovanii ugroz nacional'noj bezopasnosti // Kriminologicheskaya politika i praktika protivodejstviya prestupnosti (pamyati professora kafedry V.A. Utkina) : Sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 27 marta 2025 goda. – Moskva: Moskovskij universitet MVD RF im. V.YA. Kikotya, 2025. – S. 332-337.
14. SHarifzoda F.R. Ugrozy nacional'noj bezopasnosti Respubliki Tadzhiqistan: ponyatie, klassifikaciya // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2021. – № 4(58). – S. 71-78.
15. Pozdnyakova E.V. Cennosti i interesy kak fundamental'nye kategorii v sfere nacional'noj bezopasnosti. CHast' 2. Nacional'nye interesy // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. – 2025. – T. 15, № 3. – S. 58-69.
- .

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 249-257.

УДК 342

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО ПОНИМАНИЯ «ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ»: ОТ КЛАССИЧЕСКИХ УГРОЗ К ГИБРИДНЫМ ВОЙНАМ И СПЕЦИАЛЬНЫМ ВОЕННЫМ ОПЕРАЦИЯМ

Римский А. В., Яловенко Т. В.

В статье проведен комплексный анализ трансформации правовой категории «чрезвычайная ситуация» в контексте эволюции угроз национальной и международной безопасности. Опираясь на длительное исследование правовых режимов чрезвычайного положения, автор прослеживает переход от классического понимания чрезвычайной ситуации (природных катастроф, эпидемий, военных агрессий) к современным вызовам гибридных войн и специальных военных операций. Доказывается, что традиционные правовые конструкции, закрепленные в национальном и международном праве (в частности, в ФКЗ «О чрезвычайном положении» и Европейской конвенции о защите прав человека), оказываются недостаточными для регулирования асимметричных ситуаций, связанных с киберпространством, информационным воздействием и действиями негосударственных акторов. Анализируются дефинитивные пробелы, проблемы разграничения режимов чрезвычайного, военного и особого положения, а также возникающие правовые коллизии. Автор делает вывод о необходимости адаптации правовых механизмов и выработки гибких концепций, обеспечивающих баланс между безопасностью и защитой прав человека.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, чрезвычайное положение, гибридная война, специальная военная операция, национальная безопасность, правовой режим, ограничение прав и свобод, международное гуманитарное право, правовая квалификация, эволюция угроз.

Правовой институт чрезвычайного положения является одним из древнейших в юридической науке, уходя корнями в римскую концепцию «*justitium*» – прекращения действия права перед лицом неминуемой опасности. На протяжении столетий его сущность и содержание адаптировались к вызовам времени, однако на рубеже XX-XXI веков мы столкнулись с качественным скачком в характере угроз, который поставил под сомнение адекватность существующих правовых моделей. Классическая парадигма, в рамках которой чрезвычайная ситуация (ЧС) понималась как внезапное, объективно идентифицируемое событие (стихийное бедствие, эпидемия, массовые беспорядки или прямая военная агрессия), сегодня демонстрирует свою ограниченность.

Современный мир характеризуется возникновением гибридных угроз, которые стирают границы между миром и войной, внутренними и внешними вызовами, государственными и негосударственными акторами. Гибридные войны, сочетающие в себе методы информационной пропаганды, кибератаки, экономическое давление, использование нерегулярных войсковых подразделений, ограниченное применение вооруженных сил, создают принципиально иную реальность для правового регулирования [1, с. 45]. В этих условиях традиционное объявление чрезвычайного или военного положения зачастую оказывается либо запоздалым, либо неадекватным, либо политически нецелесообразным.

Ответом на эту дилемму стало появление таких концептов, как «специальная военная операция» (СВО), которая, не будучи формально объявленной войной в смысле Гаагских и Женевских конвенций, де факто влечет за собой мобилизацию ресурсов, серьезные ограничения прав граждан и ведение широкомасштабных боевых действий. Данный феномен порождает комплекс сложнейших правовых вопросов: какой правовой режим регулирует такие операции? Как соотно-

ся с ними нормы международного гуманитарного права? Каковы пределы ограничения прав человека в условиях СВО, не подпадающей под формальное объявление чрезвычайного положения?

Истоки института чрезвычайного положения можно обнаружить в Римской республике, где в условиях внешней или внутренней угрозы сенат мог ввести режим «*senatus consultum ultimum*» (окончательное постановление сената), приостанавливающее действие законов и передающее консулам диктаторские полномочия для спасения Республики [2, с. 112]. Более известной формой был «*justitium*» – правовой вакуум, объявляемый магистратом, когда нормальный порядок управления становился невозможен. Уже в античности проявилась ключевая дилемма этого института: необходимость наделения исполнительной власти экстраординарными полномочиями для спасения государства и одновременная угроза злоупотребления этими полномочиями, способная привести к установлению тирании.

В Новое время, с формированием концепции правового государства и разделения властей, вопрос о чрезвычайных полномочиях стал еще острее. Классиком теоретического осмысления этой проблемы стал Карл Шмитт с его учением о «суверене», который «решает о чрезвычайном положении» [3, с. 15]. По Шмитту, именно способность приостановить действие правового порядка в экстренной ситуации и есть атрибут настоящего суверенитета. Однако эта концепция, будучи реализованной на практике в XX веке, показала свою опасность для демократических институтов.

В ответ на это в западной правовой традиции сформировалась иная модель, представленная, в частности, в работах А. Дайси и развитая в практике стран общего права: концепция «чрезвычайных полномочий в рамках закона» [4, с. 67]. Согласно этому подходу, даже в самой критической ситуации государство должно действовать на основе заранее установленных правовых норм, а не произвольных решений суверена.

В РФ базовыми актами, регулирующими данную сферу, являются Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» и Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Закон о ЧС природного и техногенного характера дает классическое определение: это «обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей» [10]. Данное определение ориентировано на событийный, локализованный и, как правило, атрибутивный характер угрозы. Более серьезный режим – чрезвычайное положение (ЧП) – вводится в соответствии с ФКЗ «О чрезвычайном положении» в случаях, когда обстоятельства представляют «непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю Российской Федерации». К таким обстоятельствам закон относит: а) попытки насильственного изменения конституционного строя, захвата власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, блокиро-

вание органов власти; б) природные и техногенные катастрофы, эпидемии, требующие масштабных аварийно-спасательных работ [11].

Отдельно существует институт военного положения, вводимого в случае агрессии против РФ или непосредственной угрозы агрессии (ФКЗ «О военном положении»).

Таким образом, российское законодательство, как и законодательство многих других стран, исходит из достаточно четкой, но в значительной степени устаревшей типологии угроз. Оно предполагает, что угроза является: идентифицируемой (можно точно указать ее источник – мятежников, эпицентр землетрясения, агрессора); локализованной в пространстве и времени; имеющей ясный правовой статус (внутренний преступник, внешний агрессор, сила природы).

Как будет показано далее, гибридные войны и СВО бросают вызов всем этим базовым предположениям.

На международном уровне право государств на отступление от некоторых обязательств по правам человека в условиях чрезвычайной ситуации закреплено в ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) [12] и ст. 15 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) [13]. Ключевые условия правомерности такого отступления, сформированные в практике Комитета ООН по правам человека и Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), таковы: 1) наличие реальной и неминуемой угрозы жизни нации; 2) официальное объявление чрезвычайного положения; 3) соразмерность принимаемых мер степени угрозы; 4) неприкосновенность определенных абсолютных прав (право на жизнь, запрет пыток, рабства и др.); недискриминационный характер мер; 6) соответствие другим обязательствам по международному праву [5, с. 78].

Практика ЕСПЧ, в частности, по делам «Ирландия против Соединенного Королевства» («Ireland v. the United Kingdom» (1978)) и «А. и другие против Соединенного Королевства» («A. and Others v. the United Kingdom» (2009)), выработала так называемую «доктрину свободного усмотрения» (margin of appreciation), предоставляя государствам определенную свободу в оценке наличия и масштаба угрозы [6, с. 326]. Однако Суд оставил за собой право окончательной оценки того, является ли угроза настолько серьезной, чтобы оправдать отступление от Конвенции [14]. Эта сложившаяся система контроля также была рассчитана на классические, поддающиеся юридической квалификации ситуации.

В конце XX – начале XXI века стратегия ведения конфликтов претерпела радикальные изменения. На смену симметричным противостояниям регулярных армий пришли асимметричные и гибридные войны [7, с. 56].

Гибридная война – это комплексное стратегическое действие, которое синхронно и целенаправленно комбинирует широкий спектр военных и невоенных инструментов для достижения политических целей. Ее ключевые характеристики, с правовой точки зрения, заключаются в следующем:

- стирание граней между миром и войной. Гибридные действия часто ведутся ниже формального порога объявления войны, что позволяет агрессору отрицать свою причастность и избегать правовых последствий, предусмотренных международным правом для состояния войны.

- Использование негосударственных акторов. ЧВК, прокси-силы, «народные ополчения», киберхакеры – все это позволяет государству-инициатору сохранять «правдоподобное отрицание».

- Информационно-психологическое воздействие как ключевой инструмент. Цель – подрыв легитимности власти, раскол общества, манипуляция общественным мнением, что не подпадает под традиционные составы преступлений против государства.

- Кибератаки на критическую инфраструктуру. Эти действия могут быть приравнены по последствиям к актам саботажа или даже военным ударам, но их правовая квалификация крайне затруднена из-за проблем с атрибуцией и отсутствия единого международного договора, регулирующего киберконфликты.

- Экономическое давление и инструменты «мягкой силы» [8, с. 286].

В контексте гибридной войны классическая правовая модель ЧС дает сбой по нескольким направлениям:

1. *проблема идентификации и атрибуции*. Закон о ЧП требует указать обстоятельства, послужившие основанием для его введения. Как юридически корректно описать в декрете о ЧП «скоординированную кампанию по дезинформации в социальных сетях, сочетающуюся с кибератаками на объекты энергетики и действиями вооруженных групп без знаков различия»? Атрибуция таких действий требует сложнейших разведанных и часто не может быть представлена в виде неопровержимых юридических доказательств.

2. *проблема «нижепороговости»*. Гибридные действия часто носят «ползучий» характер. Отдельно взятая кибератака или публикация пропагандистского материала не представляют угрозы жизни нации. Однако их совокупный кумулятивный эффект может быть разрушительным. В какой именно момент эта кумуляция достигает порога «непосредственной угрозы конституционному строю», требуемого для введения ЧП? Законодательство не дает ответа.

3. *проблема пространственной неопределенности*. Гибридная война ведется одновременно в физическом пространстве (действия диверсантов), в киберпространстве (атаки из-за рубежа) и в информационном поле (воздействие на население всей страны). К какой «определенной территории» применять режим ЧП? Ко всей стране? Это политически и экономически крайне тяжелое решение.

4. *проблема неадекватности инструментов*. Ограничения, допустимые при ЧП (комендантский час, запрет митингов, цензура), могут быть малоэффективны против скоординированных кибератак или тонкой пропаганды, ведущейся из-за пределов юрисдикции [9, с. 153].

Таким образом, государство оказывается перед дилеммой: либо ждать, пока гибридная угроза материализуется в виде открытого мятежа или теракта, достигнув недвусмысленного «порога» для введения ЧП, либо действовать превентивно, рискуя нарушить принцип правовой определенности и получить обвинения в необоснованном ограничении прав.

С правовой точки зрения, СВО представляет собой уникальный феномен. С одной стороны, она предполагает масштабное применение вооруженной силы за пределами государства, что по своим характеристикам соответствует вооруженному конфликту. С другой стороны, она не сопровождается формальным объявлением войны или введением военного положения на всей территории страны-

инициатора (изначально). Ее правовое обоснование в российском случае было сформулировано как «защита граждан ДНР и ЛНР», «демилитаризация и денацификация» и осуществление права на самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН [15].

Отметим следующие ключевые правовые характеристики СВО:

- отсутствие формального объявления состояния войны. Это позволяет избежать целого ряда международно-правовых последствий (разрыв дипотношений, автоматическое применение законов военного времени в полном объеме внутри страны и т.д.).

- применение норм международного гуманитарного права (МГП). Несмотря на отсутствие объявления войны, государство-инициатор заявляет о применении МГП (законов и обычаев войны) к участникам конфликта. Это создает правовой гибрид: де-юре войны нет, де-факто ее нормы применяются.

- создание специального внутреннего правового режима. Для регулирования последствий СВО внутри страны принимается пакет законов, не укладывающихся полностью в рамки ни одного из классических режимов (ЧП, военное положение). Примеры: законы о цензуре («фейки» об армии), об уголовной ответственности за мародерство и сдачу в плен, об экономической поддержке участников и т.д. [16].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что СВО *de facto* выполняет функции чрезвычайного режима, но в обход установленных для него законодательных процедур и гарантий.

Ограничения прав и свобод. В условиях СВО были введены серьезные ограничения свободы слова (запрет на «дискредитацию» армии), свободы собраний, права на доступ к информации. Эти ограничения по своему масштабу сопоставимы с теми, что возможны при ЧП. Однако они были введены не указом Президента о ЧП, утвержденным Советом Федерации, как того требует ФКЗ, а отдельными федеральными законами, принятыми в ускоренном порядке. Это создает прецедент установления чрезвычайных по сути мер в рамках обычного законодательного процесса, что минимизирует парламентский и судебный контроль.

Мобилизация экономики и ресурсов. СВО повлекла за собой переориентацию экономики на военные нужды, введение специальных мер в сфере труда, транспорта, поставок. Эти меры аналогичны тем, что предусмотрены законодательством о военном положении, но, опять же, вводятся точечными законами и подзаконными актами.

Проблема правовой определенности. Режим ЧП и военного положения детально регламентирован: четко прописаны основания, процедура введения, исчерпывающий перечень возможных ограничений, срок действия, механизм контроля. Режим СВО формируется стихийно, через принятие разрозненных правовых актов, что создает правовую неопределенность и затрудняет для граждан понимание границ дозволенного.

На международной арене СВО порождает не менее сложные вопросы.

Прежде всего это квалификация конфликта. Является ли СВО международным или немеждународным вооруженным конфликтом? От ответа на этот вопрос зависит применение конкретных норм МГП. Участие негосударственных

образований (ДНР, ЛНР) и их последующая инкорпорация еще более запутывают правовую картину.

Ответственность за нарушения МГП. Если официально война не объявлена, то как привлекать к ответственности за военные преступления? Действуют ли обычные механизмы? Практика показывает, что они действуют (дело Международного уголовного суда), но их легитимность оспаривается государством-инициатором СВО.

Позиция международных органов по правам человека. ЕСПЧ и Комитет ООН по правам человека сталкиваются с проблемой: могут ли они применять ст. 15 ЕКПЧ и ст. 4 МПГПП об отступлениях в условиях ЧП, если формально ЧП не объявлено, но де-факто имеет место ситуация, угрожающая жизни нации? Скорее всего, в будущей практике эти органы будут оценивать фактическое положение дел, а не формальные ярлыки.

Современные вызовы требуют модернизации правового инструментария. Эта модернизация не должна приводить к отказу от правовых стандартов, но, напротив, к их укреплению через создание более гибких и точных механизмов.

Необходимо признать, что кибератаки на критическую инфраструктуру (энергетика, финансы, здравоохранение) могут по своим последствиям быть приравнены к традиционным актам агрессии. Целесообразно разработать и закрепить в законодательстве четкие критерии для идентификации масштабной кибератаки как основания для введения специального правового режима; градуированную систему реагирования, позволяющую применять ограничительные меры пропорционально уровню киберугрозы, не доводя до полномасштабного ЧП, а также механизмы международно-правовой атрибуции кибератак и привлечения к ответственности государств-агрессоров.

Следует отказаться от бинарной модели «норма – чрезвычайное положение». Необходимо создать в законодательстве шкалу режимов, например,

1. Режим повышенной готовности – для ситуаций потенциальной гибридной угрозы (усиление киберзащиты, мониторинг информационного поля).

2. Режим контргибридных операций – для ситуаций активного гибридного воздействия, с санкционированными точечными ограничительными мерами (блокировка деструктивных ресурсов, санкции против вовлеченных лиц и организаций).

3. Чрезвычайное положение гибридного типа – для случаев, когда гибридная угроза материализовалась в виде прямых актов насилия или паралича критической инфраструктуры. Для этого режима должен быть разработан собственный, более гибкий перечень допустимых ограничений, ориентированных именно на нейтрализацию гибридных тактик.

Главная опасность новых угроз – это соблазн исполнительной власти действовать в обход установленных демократических процедур. Поэтому любые новые законы о гибридных угрозах и специальных операциях должны содержать в себе усиленные механизмы контроля, такие как:

1. Обязательное последующее одобрение парламентом любых экстраординарных мер, введенных исполнительной властью в ответ на гибридную атаку, в кратчайшие сроки.

2. Создание специализированных судебных палат или процедур для оперативного рассмотрения жалоб на действия властей в условиях таких режимов.

3. Повышение роли Уполномоченного по правам человека и иных органов независимого контроля за соблюдением прав в условиях специальных правовых режимов.

Эволюция характера угроз от классических к гибридным привела к глубокому кризису традиционного правового понимания «чрезвычайной ситуации». Классическая модель, основанная на идентифицируемых, локализованных и событийных угрозах, оказалась неадекватной для реагирования на диффузные, многоуровневые и нижепороговые действия, характерные для гибридных войн.

Ответом на этот кризис стало появление таких феноменов, как «специальная военная операция», которая «де факто» представляет собой новый, квази-чрезвычайный правовой режим. Этот режим позволяет государству мобилизовать ресурсы и ограничивать права для противодействия гибридной угрозе, но при этом осуществляется в обход строгих процедур и гарантий, предусмотренных законодательством о чрезвычайном и военном положении. Это создает серьезные риски для правовой определенности, верховенства права и системы сдержек и противовесов.

Сложившаяся ситуация требует не отказа от права в угоду сиюминутной безопасности, а, напротив, творческого развития правового инструментария. Необходимо разработка новых, более гибких и точных правовых концепций, таких как «кибер-чрезвычайное положение» или «режим контргибридных операций», которые были бы встроены в существующую правовую систему и снабжены усиленными механизмами парламентского и судебного контроля.

В конечном счете, вызов гибридных войн и специальных операций – это вызов на прочность самим основам конституционного строя и международного правопорядка. Способность права эволюционировать, не предавая своих фундаментальных принципов – уважения к человеческому достоинству, верховенства закона и разделения властей, – станет ключевым критерием его жизнеспособности в XXI в.

Список литературы:

1. Hoffman F.G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Arlington, VA, 2007. 64 p.
2. Агамбен Дж. Homo Sacer. Чрезвычайное положение; пер. с итал. О.В. Аронсона, И.А. Окуневой. М., 2011. 256 с.
3. Шмитт К. Политическая теология; пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. М., 2000. 336 с.
4. Дэйси А. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции. М., 1907. 695 с.
5. Микеле де Сальвиа. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб., 2004. 1071 с.
6. Степанова Е.А. Основные направления трансформации вооруженного насилия в современных конфликтах (начало XXI века). Текст электронный: imeto.ru (дата обращения: 10.11.2025).
7. Бартош А.А. Применение гибридных методов в современных конфликтах // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 6. С. 158–170.
8. Российское право в условиях чрезвычайных ситуаций: монография / под ред. А.Г. Чернявского. М., 2020. 312 с.
9. Хартия глобального информационного общества и проблемы гибридных войн: сб. статей / отв. ред. В.П. Талимончик. СПб., 2019. 198 с.

Нормативные правовые акты и международные договоры:

10. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 1.
11. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 3.
12. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. 1993. № 1. С. 3–28.
13. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
14. European Court of Human Rights. Guide on Article 15 of the European Convention on Human Rights. Strasbourg, 2022. 23 p.
15. Официальный интернет-портал правовой информации. Заявление Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202240001> (дата обращения: 11.11.2025).
16. Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 10 (ч. I). Ст. 1315.

Rimskiy A.V., Yalovenko T.V. Evolution of the legal understating of «Emergitation»: from classical threats to hybrid wars and special military operations» // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 249-257.

This article provides a comprehensive analysis of the transformation of the legal category "emergency situation" in the context of evolving threats to national and international security. Drawing on extensive research into legal regimes governing states of emergency, the author traces the transition from the classical understanding of an emergency (such as natural disasters, epidemics, and military aggression) to the contemporary challenges of hybrid warfare and special military operations. It is demonstrated that traditional legal frameworks enshrined in national and international law (in particular, the Federal Constitutional Law "On States of Emergency" and the European Convention on Human Rights) are insufficient to regulate asymmetric situations related to cyberspace, information warfare, and the actions of non-state actors. Definitional gaps, the challenges of distinguishing between states of emergency, martial law, and special situations, and the resulting legal conflicts are analyzed. The author concludes that it is necessary to adapt legal mechanisms and develop flexible concepts that ensure a balance between security and the protection of human rights.

Keywords: emergency situation, state of emergency, hybrid war, special military operation, national security, legal regime, restriction of rights and freedoms, international humanitarian law, legal qualification, evolution of threats.

Spisok literaturey:

1. Hoffman F.G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Arlington, VA, 2007. 64 p.
2. Agamben Dzh. Homo Sacer. Chrezvychajnoe polozhenie; per. s ital. O.V. Aronsona, I.A. Okunevoj. M., 2011. 256 s.
3. SHmitt K. Politicheskaya teologiya; per. s nem. YU.YU. Korinca. M., 2000. 336 s.
4. Dajsi A. Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii. Vvedenie v izuchenie anglijskoj konstitucii. M., 1907. 695 s.
5. Mikele de Sal'via Precedenty Evropejskogo Suda po pravam cheloveka. Rukovodyashchie principy sudebnoj praktiki, otnosyashcheysya k Evropejskoj konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod. Sudebnaya praktika s 1960 po 2002 g. Spb., 2004. 1071 s.
6. Stepanova E.A. Osnovnye napravleniya transformacii vooruzhennogo nasiliya v sovremennyh konfliktah (nachalo XXI veka). Tekst elektronnyj: imemo.ru (data obrashcheniya: 10.11.2025)
7. Bartosh A.A. Primenenie gibridnyh metodov v sovremennyh konfliktah // Problemy nacional'noj strategii. 2016. №6. S. 158–170.
8. Rossijskoe pravo v usloviyah chrezvychajnyh situacij: monografiya / pod red. A.G. CHernyavskogo. M., 2020. 312 s.
9. Hartiya global'nogo informacionnogo obshchestva i problemy gibridnyh vojn: sb. statej / otv. red. V.P. Talimonchik. SPb., 2019. 198 s.

Normative legal acts and international treaties:

10. Federal Law of 21.12.1994 No. 68-FZ (as amended on 14.07.2022) "On the Protection of Population and Territories from Natural and Man-Made Emergency Situations" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 35. Art. 1.
11. Federal Constitutional Law of 30.05.2001 No. 3-FKZ (as amended on 01.07.2021) "On the State of Emergency" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 23. Art. 3.

12. International Covenant on Civil and Political Rights (adopted on 16.12.1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly) // Bulletin of International Treaties. 1993. No. 1. Pp. 3–28.
 13. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome on 04.11.1950) (as amended on 13.05.2004) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 2. Art. 163.
 14. European Court of Human Rights. Guide on Article 15 of the European Convention on Human Rights. Strasbourg, 2022. 23 p.
 15. Official Internet Portal of Legal Information. Statement by the President of the Russian Federation of 24 February 2022 [Electronic resource]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202240001> (accessed 11.11.2025).
 16. Federal Law of 04.03.2022 No. 32-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 10 (Part I). Art. 1315.
- .

УДК. 342.7

**ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕДАЧИ КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ В
СОСТАВ УССР 1954 ГОДА И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРАВА НАРОДОВ
ПОЛУОСТРОВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ XXI ВЕКА**

Семенуха Т. Б.

Статья посвящена историко-правовому исследованию административной передачи Крымской области из состава РСФСР в состав УССР в 1954 г. Автор анализирует юридические основания и процедурные нарушения данного акта с позиций советского и формирующегося международного права, рассматривает его долгосрочные демографические, культурные и политические последствия для народов Крыма. Особое внимание уделяется трансформации государственной политики в сфере образования и культуры в советский, украинский (1991–2014 гг.) и российский (после 2014 г.) периоды. На основе сравнительно-правового подхода делается вывод о том, что решение 1954 г., принятое без учёта воли местного населения, создало системные предпосылки для последующих этнополитических конфликтов, разрешение которых стало возможным лишь после воссоединения Крыма с Российской Федерацией, обеспечившей правовые гарантии сохранения культурной идентичности всех народов полуострова.

Ключевые слова: Крымская область, Автономная республика Крым, Республика Крым, передача Крымской области в состав УССР, 1954 г., права национальных меньшинств, культурные и социальные права народов Крыма, украинизация, дискриминация по языковому принципу, воссоединение Крыма с Россией.

Актуальность историко-правового исследования передачи Крымской области из состава РСФСР в состав УССР в 1954 г. выходит далеко за рамки сугубо академического интереса к административным реорганизациям середины XX в. Это событие, на первый взгляд сугубо техническое и продиктованное соображениями экономической целесообразности, в долгосрочной исторической перспективе оказалось судьбоносным для этнической, культурной и политической самобытности народов Крыма. Современный анализ данного акта позволяет увидеть, как непродуманное политическое решение, принятое в логике авторитарного государства, стало в изменившихся исторических условиях катализатором глубоких трансформаций, последствия которых ощущаются по сей день.

Официальной риторикой передачи, как указывает в своем историческом исследовании И. Е. Татаринов, были «общность экономики, территориальная близость и тесные хозяйственные и культурные связи» [1, с. 32], что безусловно только маскировало истинную сложность вопроса. Однако, как показывают последующие события, этот административный акт стоял в цепочке властных решений, кардинально изменивших демографический ландшафт полуострова. Передаче Крымской области предшествовала депортация коренных народов (крымских татар, армян, болгар, греков) в 1944 г. и последующая политика заселения, решение о строительстве Северо-Крымского канала, для которого привлекались рабочие со всей огромной страны. Таким образом, решение 1954 г. не было изолированным; оно стало логическим продолжением политики, направленной на радикальное изменение этнокультурного лица всей страны и Крымского региона, в частности.

Юридический анализ давался многими как российскими и украинскими исследователями, так и западноевропейскими авторами, совокупность мнений которых оценивалась группой крымских исследователей, пришедших к выводу о фундаментальной незаконности этого акта с точки зрения как советского, так и формирующегося междуна-

родного права. Было предложено дать юридическую оценку данного административного решения Конституционному суду РФ [2, с. 9]. Последнего пока не произошло. Однако думается, можно с уверенностью сказать, что отсутствие на момент принятия решения о передаче Крыма в состав УССР какого-либо публичного обсуждения или референдума сделало народы Крыма заложниками воли центральной власти.

Именно административное переподчинение создало предпосылки для последующих проблем. Нахождение Крыма в составе Украины на протяжении шести десятилетий, особенно после 1991 года, привело к систематическому изменению его культурно-языковой среды. Политика украинизации, хоть и с разной степенью интенсивности, оказывала постоянное давление на русскоязычное большинство и другие сообщества, ставя под вопрос сохранение их этнической идентичности. Политическая судьба полуострова оказалась в прямой зависимости от внутриукраинских процессов, политические элиты которого видели свое будущее во взаимодействии с Европейским союзом, для чего, как им казалось, необходимо как можно скорее перековать свое общество из многонационального (преимущественно русского) в украинское.

К середине XX в. вечная проблема засушливого Крыма и юга Украинской ССР требовала масштабного решения. Послевоенное восстановление и развитие сельского хозяйства упиралось в острую нехватку водных ресурсов. Возникло решение осуществить еще дореволюционную идею перенаправления части речных вод Днепра в степные районы. 20.09.1950 г. было принято Постановление Совета министров СССР «О строительстве Каховской гидроэлектростанции на реке Днепре, Южно-Украинского канала, Северо-Крымского канала и об орошении земель южных районов Украины и северных районов Крыма, целью которых определялось обеспечение «высоких и устойчивых урожаев» и «обводнение одного миллиона семисот тысяч гектаров земель» [1, с. 29]. Осуществить столь грандиозный инфраструктурный проект, связывающий две административные единицы, было организационно и экономически целесообразнее в рамках одной союзной республики. Как заключает И. Е. Татаринов: «Москва вновь прибегла к экономической целесообразности, посчитав возможным реализовывать запланированные в Крыму и на юге УССР масштабные гидротехнические работы в рамках одной союзной республики» [1, с. 36]. Таким образом, ключевой предпосылкой передачи стала не политическая воля или «желание сделать красивый подарок», а суровая хозяйственная логика. Безусловно, это решение обрастало и другими мотивами, включая символическую привязку к 300-летию Переяславской рады и личные симпатии Н.С. Хрущева, длительное время работавшего на Украине [1, с. 35-36]. Допущенные конституционные нарушения: от принятия решения неправомочными органами (Президиумами Верховных Советов) в обход Конституций СССР и РСФСР до отсутствия обязательного согласия самой РСФСР, выраженного через референдум или решение её Верховного Совета, в конечном счете получили надлежащее конституционно-правовое закрепление в конституциях СССР, РСФСР и УССР 1970-х годов, что сняло правовые споры внутри советской системы [2, с. 5].

Оставив в стороне юридические коллизии, обратимся к главному – как это административное решение повлияло на жизнь народов Крыма в правовом и этнокультурном понимании такого многослойного события.

Культурная политика в отношении народов Крыма в советский послевоенный период (1941-1991 г.г.). Великая Отечественная война нанесла Крыму колоссальный

урон. Помимо человеческих потерь в ходе оккупации и боевых действий, ключевым фактором, радикально изменившим демографическую и культурную ситуацию, стала депортация народов Крыма. Так, в 1941 г. были депортированы крымские немцы, а в 1942 г. — крымские итальянцы. В мае – июне 1944 г. по обвинениям в массовом коллаборационизме были принудительно выселены с территории Крыма крымские татары, армяне, болгары и греки. Это привело к катастрофическому сокращению трудоспособного населения и ликвидации традиционного этнокультурного ландшафта полуострова. После окончания боевых действий и подавления коллаборационистских сил в тылу со всей остротой встал вопрос восстановления разрушенного хозяйства и освоения опустевших земель. Власти инициировали кампанию по переселению в Крым населения из других регионов СССР [3, с. 146-147], в частности Дона, Ставрополя и Кубани [4, с. 62]. В результате, к началу 1950-х годов этнический состав Крыма кардинально изменился: доля русского населения стала преобладающей. Согласно данным переписей, доля украинцев на полуострове росла медленно (с 22,3% в 1959 г. до примерно 25,75% к концу 1980-х гг.), русское население хотя и немного снижалось, но продолжало составлять устойчивое большинство (около 67%), при этом русское население в основном концентрировалось в городах [5, С.126]. Русский язык являлся доминирующим языком общения, образования, науки и культуры. При этом нельзя сказать, что в этот период в советском Крыму преобладала культура одного народа. Культурное строительство велось в русле общесоюзной политики «советизации» и «интернационализма». В Крыму активно развивалась сеть дворцов культуры, библиотек и музеев, пропагандирующих достижения социализма, формировалась культура «соцкультбыта». Новые традиции и советско-революционные праздники, формировали новую единую советскую нацию, пропагандировали дружбу народов и советский патриотизм в рамках создаваемого в Крыму центра всесоюзного детского отдыха [6, с. 155-156]. Монументальное искусство, топонимика, праздничный календарь – всё это укрепляло советско-русскую идентичность. Кроме того, надо понимать, что город Севастополь – самый крупный город Крыма, всегда оставался в союзном подчинении (административно не входил в состав УССР), в нем усилено развивалась советско-русская культура. Крупный приборостроительный институт в городе Севастополе вовлекал молодое поколение крымчан в свою орбиту, очаровывал ореолом города русской воинской славы, а потому влияние украинской либо иной культуры не могло преодолеть мощного русского культурного влияния.

Несмотря на вышесказанное, надо учитывать, что с передачей Крымской области в состав УССР переподчинению подверглись органы управления культурой и образованием. Это не могло не оказывать влияния на систему образования, хотя назвать его значительным нельзя. Система образования в тот период характеризовалась формальным двуязычием при фактическом доминировании русского языка. Украинский язык, как государственный язык УССР, был обязателен к преподаванию в школах [7, с. 61]. Во многих русскоязычных школах Крыма украинский язык изучался как предмет, однако объем его преподавания и реальное использование были минимальными. Сеть школ с украинским языком обучения была незначительной и сосредотачивалась преимущественно в сельских районах с относительно высокой долей украинского населения. При этом никакой целенаправленной политики по развитию крымско-татарского, армянского, греческого или болгарского языков и культур, несмотря на частичную реабилитацию этих народов [8] в 1960-70-е годы, не проводилось. Культурная жизнь де-

портированных народов оставалась маргинализированной, а их возвращение в Крым вплоть до конца 1980-х годов блокировалось.

К концу 1980-х годов в жизни общества появился новый компонент. С началом политики «перестройки» и «гласности», в Крыму, как и по всему СССР, активизировалось национальное движение. На первый план вышла борьба крымских татар за право на возвращение на историческую родину. Их массовое движение, сопровождавшееся митингами и требованиями восстановления автономии, впервые за десятилетия поставило вопрос о незаконности депортации и правах коренного народа [9, С.41]. Этот процесс, столкнувшийся с серьезными социально-экономическими и политическими проблемами (жилищный вопрос, трудоустройство, отношения с местным населением), стал одним из ключевых факторов обострения межнациональной ситуации в Крыму на рубеже 1980-1990-х годов. Это создало мощный очаг этнополитической напряженности, который наслوился на уже существовавший культурно-языковой дисбаланс между русскоязычным большинством Крыма и его административной принадлежностью к украинской советской республике.

Политика украинского государства в сфере культуры и образования в отношении крымских народов (1991–2014 гг.). С распадом Советского Союза в 1991 г. административная передача Крыма УССР, осуществленная в 1954 г., приобрела качественно новое значение. Проведенная в рамках единого государства и ничего не меняющая с политической точки зрения на тот момент, после распада большой страны – для народов Крыма поменяло все. И самое главное, кардинально (на противоположный) был изменен вектор государственной политики – с формирования общенациональной советской нации на формирование мононациональной украинской нации. Все другие народы, в начале по умолчанию, а потом и официально на законодательном уровне, получили статус национального меньшинства. В Крыму, где большинство населения на 1991 г. (67%) [5, с. 126] составляли русские и русскоязычные, такая ситуация заложила фундамент системного противоречия, которое стало определяющим для культурной и образовательной политики на протяжении всего украинского периода.

Власти Крыма в первые годы нахождения в составе украинского государства пытались утвердить особый статус крымских территорий и особые права, учитывающие национальные особенности проживающего на этих территориях населения [10, с. 18], что противоречило идее унитарного государства, коим провозгласила себя Украина. Противостояние между местными крымскими властями и центральными украинскими привело к существенному сужению полномочий местных органов власти при принятии в 1996 г. Конституции Украины и в 1998 г. Конституции Автономной республики Крым, что с сожалением отмечалось исследователями [10, с. 18], [11, с. 83-84]. Так крымские власти утратили полномочия по нормативному регулированию образования и культуры. В части культурной политики они только имели полномочия по разработке и реализации программ по вопросам культурного развития, обеспечении функционирования и развития государственного и национальных языков и культур в Автономной Республике Крым [12]. Парадигма построения унитарного мононационального государства требовала неуклонного сужения полномочий иных народов кроме украинского, с главной целью их постепенной ассимиляции и украинизации, а потому центральные власти Украины проводили последовательную политику, направленную на огра-

ничение реальной автономии Крыма и усиление украинского культурно-языкового вектора.

Изначально сложившаяся в системе образования формальная двуязычная система (официально два языка, но при фактическом доминировании русского языка) начала подвергаться давлению. В школьном образовании делался акцент на увеличение учебных часов на изучение украинского языка и соответственно уменьшения изучения русского языка. Молодому поколению крымчан пытались сформировать новое историческое мировосприятие, в котором не находилось места для положительной оценки многовековой связи Крыма с Россией.

Получение высшего образования все больше и больше переводилось на украинский язык, учебная литература, издаваемая в столице Украины, была написана украинским языком, делопроизводство переводилось на государственный (украинский) язык. Сложилась ситуация, при которой образование, карьерные перспективы без знания украинского государственного языка были сомнительны. Это вынуждало экономически активное население изучать украинский язык и использовать его в своей трудовой и публичной деятельности. Средства массовой информации все больше ограничивались в возможности использования русского языка при производстве информационного контента, что фактически все больше погружало крымское население в украиноязычную среду [10, С.18].

Таким образом, на протяжении всего украинского периода государственная политика в области культуры и образования в Крыму была направлена на нивелирование его русской культурно-языковой идентичности и интеграцию в единое украинское политическое и культурное пространство, несмотря на явное доминирование русского языка и пророссийские ориентации большинства населения. Это противоречие, усугубляемое нежеланием центральных властей заботиться об экономическом благополучии региона [13, С.195], привело к перманентному политическому кризису. Кульминацией этого кризиса, как известно, стали события 2014 года, когда, народ Крыма, на основании прямого волеизъявления восстановил историческую и политическую справедливость, вернувшись в состав Российской Федерации.

Российская государственная политика в области образования и культуры на территории Крыма и Севастополя (2014 г. – по настоящее время). Воссоединение Крыма и Севастополя с Россией в 2014 г., кардинальным образом изменило парадигму государственной политики в гуманитарной сфере. Если в украинский период, доминировал курс на ассимиляцию и сужение культурно-языковых прав русскоязычного большинства и коренных народов, то с 2014 г. политика Российской Федерации была направлена на интеграцию полуострова в общероссийское правовое, образовательное и культурное пространство при гарантировании сохранения и развития культурной самобытности всех проживающих там народов.

С правовой точки зрения, ключевым основанием для преобразований стал сам факт вхождения Республики Крым и города Севастополя в состав РФ в качестве новых субъектов. Это автоматически распространило на территорию полуострова действие Конституции РФ, гарантирующей «права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права» (ст. 69), а также «право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» (ст.68) [14]. Данные конституционные нормы стали фундаментом для системных изменений. При принятии Конституции Республики Крым в апреле 2014 г. госу-

дарственными языками на ее территории были провозглашены русский, украинский и крымско-татарский, а также утвержден принцип многообразия культур, обеспечения их равноправного развития и взаимообогащения (ст.10) [15]. Поддержка национально-многообразия культур Крыма не ограничилась только региональными решениями, на федеральном уровне уже 21.04.2014 г. был подписан президентский указ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» [16].

В сфере образования естественным образом был снят вопрос системного конфликта между языковыми предпочтениями большинства населения и административным давлением, характерным для украинского периода. Русский язык, являющийся родным для абсолютного большинства граждан Крыма (по данным исследований, в 2012-2013 гг. его выбрали для обучения 92% населения) [17, с. 63], естественным образом занял место государственного языка и основного языка обучения. При этом создаются условия для преподавания в крымских школах на крымско-татарском языке или изучении его факультативно [17, с. 63], поддерживается религиозный выбор крымско-татарского народа, с 2015 г. началось строительство роскошной Симферопольской соборной мечети, в которой в декабре 2023 г. было проведено первое богослужение.

Таким образом, государственная политика РФ в Крыму с 2014 г. характеризуется комплексным подходом. С одной стороны, она обеспечила безусловное доминирование русского языка и культуры как основы для интеграции полуострова в правовое и общественное поле страны. С другой – создала законодательные и институциональные рамки для поддержки и развития культурной самобытности коренных народов Крыма. Эта двуединая задача – укрепление общероссийской гражданской идентичности при сохранении этнокультурного многообразия – остается стержнем государственной политики в регионе на современном этапе.

Выводы: проведенное нами небольшое правовое исследование административного решения по передаче Крыма в состав украинской советской республики в рамках одного государства, хоть и продиктовано объективными экономическими причинами, является наглядным примером того, какую огромную тень может оно бросить в будущее и на многие десятилетия повлиять на судьбы народов. Любые территориальные и демографические вопросы требуют всесторонней правовой экспертизы, глубокого демографического прогноза и учета долгосрочных политических рисков. В противном случае, скоропостижные решения в этой области способны превратиться из внутригосударственного акта в источник международного конфликта и проблему национальной безопасности.

Список литературы:

1. Татаринов И.Е. К вопросу о передаче Крымской области в состав Украинской ССР в 1954 году // Россия XXI. – 2022. – № 1. – С. 24–43.
2. Трофимов С.А., Бондарчук И.В., Руденко А.В., Стрельникова И.Ю. О событиях 1954 года: юридический обзор и оценка передачи Крыма // Представительная власть – XXI век. – 2023. – № 7-8. – С.1–11.
3. Сеитова Э.И. Переселение в Крым: начало новой страницы в послевоенной истории региона // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2016. – Т. 2 (68), № 3. – С. 146–152.
4. Шишова Н.В., Бондарев В.А. Депортации и компенсаторные миграции в Азово-Черноморском регионе в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дона, Кубани и Ставрополя) // Научный альманах стран Причерноморья. – 2025. – Т. 11, № 1. – С.59-67.

5. Манаков А.Г., Вампилова Л.Б., Лисецкий Ф.Н., Буряк Ж.А. Картографический анализ сдвигов в расселении основных народов Крыма с 1926 по 2014 гг. // *ИнтерКарто. ИнтерГИС*. – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 121–136.
6. Костромицкая А.В. Городская культура Крыма советского периода: символические доминанты культурного пространства // *Урбанистика*. – 2021. – № 1. – С. 150–161.
7. Титаренко Е.Я., Гусейнова Р.Н. Исторический вектор развития языков в полилингвокультурном сообществе (крымский опыт) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. – 2017. – № 5. – С. 58–66.
8. Указ Президиума Верховного Совета СССР № 493 от 5 сентября 1967 г. «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму» // *Электронная библиотека исторических документов Российского исторического общества*. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/276162> (дата обращения 16.01.2026).
9. Мякшев А.П. Национальные движения депортированных народов как один из факторов распада Союза ССР // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. – 2014. – № 4. – С. 40–46.
10. Вельяминов Г.М., Вознесенская Н.Н., Курбанов Р.А. Воссоединение Крыма с Россией // *Закон и право*. – 2019. – № 1. – С. 15–24.
11. Шармойц А.Н. Становление Республики Крым как субъекта нормотворческой деятельности в начале 90-х гг. // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. – 2015. – Т. 1 (67), № 2. – С. 82–88.
12. Конституция Украины от 28 июня 1996 г. № 254/96-ВР // *Официальный веб-портал Верховной Рады Украины*. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua> (дата обращения 16.01.2026).
13. Галкина М.А., Королева Л.И. Северо-Крымский канал: общее наследие советской эпохи // *Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры*. – 2020. – № 9. – С. 190–197.
14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями от 1 июля 2020 г.) // СПС «Гарант». (дата обращения: 16.01.2026).
15. Конституция Республики Крым (принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 г.) // СПС «Гарант». (дата обращения: 16.01.2026).
16. Указ Президента РФ от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» // СПС «Гарант». (дата обращения: 16.01.2026).
17. Титаренко Е.Я. Русский язык и языковая ситуация в Республике Крым // *Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей*. Т. 1. – Симферополь, 2017. – С. 58–66.

Semenukha T.B. Legal consequences of the 1954 transfer of the Crimean region to the jurisdiction of the Ukrainian SSR and the socio-cultural rights of the peoples of the peninsula: a historical analysis and their implementation in the state policy of the 21st century // *Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science*. – 2026. – Т. 12 (78), № 2. – С. 258–265.

This article is dedicated to a historical-legal study of the administrative transfer of the Crimean region from the jurisdiction of the RSFSR to that of the Ukrainian SSR in 1954. The author analyzes the legal grounds and procedural violations of this act from the standpoint of Soviet and emerging international law, examines its long-term demographic, cultural, and political consequences for the peoples of Crimea. Particular attention is paid to the transformation of state policy in the spheres of education and culture during the Soviet, Ukrainian (1991–2014), and Russian (post-2014) periods. Based on a comparative legal approach, the conclusion is drawn that the 1954 decision, made without considering the will of the local population, created systemic preconditions for subsequent ethno-political conflicts. Their resolution became possible only after the reunification of Crimea with the Russian Federation, which provided legal guarantees for the preservation of the cultural identity of all peoples of the peninsula.

Keywords: Crimean region, Autonomous Republic of Crimea, Republic of Crimea, transfer of the Crimean region to the Ukrainian SSR, 1954, rights of national minorities, cultural and social rights of the peoples of Crimea, Ukrainization, language-based discrimination, reunification of Crimea with Russia.

Spisok literatury`:

1. Tatarinov I.E. K voprosu o peredache Krymskoj oblasti v sostav Ukrainskoj SSR v 1954 godu // *Rossiia XXI*. – 2022. – № 1. – С. 24–43.
2. Trofimov S.A., Bondarchuk I.V., Rudenko A.V., Strel'nikova I.YU. O sobyitiyah 1954 goda: yuridicheskij obzor i ocenka peredachi Kryma // *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek*. – 2023. – № 7-8. – С. 1–11.
3. Seitova E.I. Pereselenie v Krym: nachalo novoj stranicy v poslevoennoj istorii regiona // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. – 2016. – Т. 2 (68), № 3. – С. 146–152.
4. SHishova N.V., Bondarev V.A. Deportacii i kompensatornye migracii v Azovo-CHernomorskom regione v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Dona, Kubani i Stavropol'ya) // *Nauchnyj al'manah stran Prichernomor'ya*. – 2025. – Т. 11, № 1. – С. 59–67.
5. Manakov A.G., Vampilova L.B., Liseckij F.N., Buryak ZH.A. Kartograficheskij analiz sdvigo v rasselenii osnovnyh narodov Kryma s 1926 po 2014 gg. // *InterKarto. InterGIS*. – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 121–136.

6. Kostromickaya A.V. Gorodskaya kul'tura Kryma sovetskogo perioda: simvolicheskie dominanty kul'turnogo prostranstva // *Urbanistika*. – 2021. – № 1. – S. 150–161.
7. Titarenko E.YA., Gusejnova R.N. Istoricheskij vektor razvitiya yazykov v polilingvokul'turnom soobshchestve (krymskij opyt) // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. – 2017. – № 5. – S. 58–66.
8. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR № 493 ot 5 sentyabrya 1967 g. «O grazhdanah tatarskoj nacional'nosti, prozhivavshih v Krymu» // *Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov Rossijskogo istoricheskogo obshchestva*. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/276162> (data obrashcheniya 16.01.2026).
9. Myakshev A.P. Nacional'nye dvizheniya deportirovannyh narodov kak odin iz faktorov raspada Soyuza SSR // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2014. – № 4. – S. 40–46.
10. Vel'yaminov G.M., Voznesenskaya N.N., Kurbanov R.A. Vossoedinenie Kryma s Rossiej // *Zakon i pravo*. – 2019. – № 1. – S. 15–24.
11. SHarmoyanc A.N. Stanovlenie Respubliki Krym kak sub"ekta normotvorcheskoj deyatel'nosti v nachale 90-h gg. // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki*. – 2015. – T. 1 (67), № 2. – S. 82–88.
12. Konstituciya Ukrainy ot 28 iyunya 1996 g. № 254/96-VR // *Oficial'nyj veb-portal Verhovnoj Rady Ukrainy*. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua> (data obrashcheniya 16.01.2026).
13. Galkina M.A., Koroleva L.I. Severo-Krymskij kanal: obshchee nasledie sovetskoj epohi // *Voprosy krymsko-tatarskoj filologii, istorii i kul'tury*. – 2020. – № 9. – S. 190–197.
14. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami ot 1 iyulya 2020 g.) // *SPS «Garant»*. (data obrashcheniya: 16.01.2026).
15. Konstituciya Respubliki Krym (prinyata Gosudarstvennym Sovetom Respubliki Krym 11 aprelya 2014 g.) // *SPS «Garant»*. (data obrashcheniya: 16.01.2026).
16. Ukaz Prezidenta RF ot 21 aprelya 2014 g. № 268 «O merah po rehabilitacii armyanskogo, bolgarskogo, grecheskogo, ital'janskogo, krymsko-tatarskogo i nemeckogo narodov i gosudarstvennoj podderzhke ih vozrozhdeniya i razvitiya» // *SPS «Garant»*. (data obrashcheniya: 16.01.2026).
17. Titarenko E.YA. Russkij yazyk i yazykovaya situaciya v Respublike Krym // *Russkij yazyk v polikul'turnom mire: sbornik nauchnyh statej*. T. 1. – Simferopol', 2017. – S. 58–66.

УДК 340.1

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СТАНОВЛЕНИЯ
САНАТОРНО-КУРОРТНОГО ДЕЛА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ (1917-1919 ГГ.)**

Филонова А. А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье осуществляется комплексный историко-правовой анализ организационно-правовых механизмов становления санаторно-курортного дела в первые годы советской власти (1917–1919 гг.), что представляется особенно актуальным в контексте необходимости научного осмысления исторического опыта формирования государственной системы оздоровления и реабилитации, заложившей институциональные основы советской санаторно-курортной политики. Цель исследования заключается в выявлении ключевых нормативно-правовых актов и организационных решений, определивших вектор развития санаторно-курортной сферы на начальном этапе существования советского государства, а также в реконструкции механизмов их практической реализации в условиях революционных преобразований и Гражданской войны. На основе анализа содержания декретов Совета народных комиссаров РСФСР, постановлений Народного комиссариата здравоохранения, ведомственных инструкций и отчётной документации в рамках статьи реконструируется процесс трансформации курортно-санаторной сферы: прослеживается динамика национализации курортных учреждений, формирования централизованной системы управления санаториями, определения приоритетных категорий граждан для санаторно-курортного лечения, а также разработки первых нормативных требований к организации курортного дела. Результаты исследования демонстрируют, что в период 1917–1919 гг. были концептуально закреплены базовые принципы советской санаторно-курортной политики, включающие общедоступность оздоровительных услуг, профилактическую направленность системы, её интеграцию в структуру социального обеспечения и здравоохранения.

Ключевые слова: советское право, санаторно-курортное дело, социальное обеспечение, советское государство, национализация, здравоохранение.

После революционных событий 1917 г. и установления новой политической власти коренная трансформация правовой системы стала не просто логичным, но необходимым шагом институционального оформления революционных преобразований. Формирование советского права в ранний период (1917-1920-е гг.) характеризовалось не только известной степенью организационной и нормативной хаотичности, обусловленной условиями Гражданской войны и отсутствием устоявшихся юридических процедур, но и – что принципиально важно – чёткой идеологической детерминированностью. Для советских правовых актов раннего периода, несмотря на фрагментарность нормативного массива и отсутствие развитой кодификации, характерно наличие твёрдой идеологической основы, задававшей вектор правотворчества и правоприменения. Базовые принципы марксистско-ленинской доктрины – классовая борьба, диктатура пролетариата, общественная собственность, социальная справедливость – выступали системообразующими элементами формирующейся правовой системы.

В этой связи при анализе первых официальных документов советской власти необходимо обращаться к советской доктрине и идеологии как к своего рода «объяснительной» модели. Игнорирование идеологического контекста приводит к искажённому пониманию природы и функций раннего советского законодательства, которое не столько фиксировало сложившиеся общественные отношения, сколько целенаправленно конструировало новые. Данный принцип должен быть последовательно применён и в рамках настоящего исследования. В частности, ключевой идеологический постулат эгалитаризма – провозглашение равенства всех трудящих-

ся в доступе к социальным благам – должен был найти устойчивое закрепление в актах, регулировавших предоставление равных прав на отдых и лечение. Эгалитаризм в данном контексте выступал, на наш взгляд, не просто обобщенным лозунгом, а выступал в качестве полноценного правового принципа, реализуемого через конкретные механизмы: национализацию лечебных местностей и санаториев, установление приоритетного права на лечение для рабочих и крестьян, включение санаторно-курортного лечения в систему социального обеспечения, централизацию управления курортным делом в руках государства.

Контраст с дореволюционным периодом здесь оказывается принципиальным и демонстративным. В Российской империи использование и управление лечебными местностями носило исключительно элитарный характер: курорты были доступны преимущественно привилегированным классам (дворянству, буржуазии, чиновничеству), финансирование и организация лечения опирались на частную инициативу и благотворительность, отсутствовала единая государственная политика в сфере курортного дела, а доступ к лечению зависел от имущественного положения и социального статуса [1]. Советская власть, напротив, институционализировала публично-правовой подход: лечебные местности объявлялись собственностью Республики (Декрет от 20.03.1919 г.) [2], санаторно-курортное лечение закреплялось как вид врачебной помощи в системе социального обеспечения (Положение СНК от 31.10.1918 г.) [3], вводились принципы централизованного управления и планового распределения путёвок, а приоритет отдавался рабочим и крестьянам как социальной базе нового строя.

Т.е., отметим, что идеологический постулат эгалитаризма воплощался через систему организационно-правовых актов и управленческих решений, что детерминирует рассмотрение становления санаторно-курортного дела в раннесоветский период в качестве примера реализации идеологических принципов в правовой сфере: через национализацию, централизацию и социальную селекцию формировалась новая система доступа к оздоровительным ресурсам, принципиально отличная от дореволюционной практики. В исследованиях, посвящённых вопросам формирования советского санаторно-курортного комплекса на раннем этапе, в качестве генеральной идеологической линии неизменно упоминается лозунг «Курорты – для трудящихся» [4-6]. При этом доподлинно неизвестно, в каком году и кем из партийных руководителей он был провозглашён, а также в каком программном документе зафиксирован. Данный факт отражает характерную черту ранней советской пропаганды: широкое распространение лозунгов, формирующих новые ценностные ориентиры, при отсутствии их формальной фиксации.

Вероятно, позиция «Курорты – для трудящихся» оформилась именно как элемент пропагандистской кампании, сопровождавшей коренные преобразования в системе здравоохранения – она не была зафиксирована в виде отдельной директивы, но органично вытекала из программных документов и выступлений лидеров. Лозунг воплощал три ключевых идеологических принципа советской власти: эгалитаризм – отказ от классовых привилегий в доступе к оздоровлению, прагматизм – курортное лечение рассматривалось как способ восстановления трудоспособности рабочих, и государственный контроль – курорты становились инструментом социальной политики государства. Механизмы трансляции лозунга включали публикации в партий-

ной прессе («Правда», «Известия»), агитационные плакаты и листовки, выступления представителей Наркомздрава (в т.ч. Н.А. Семашко), а также резолюции профсоюзных съездов, курировавших распределение путёвок.

Отсутствие точной атрибуции авторства объясняется несколькими факторами. Во-первых, пропаганда того периода носила коллективный характер: лозунги часто формулировались на уровне партийных ячеек и агитационных отделов, а не отдельными лидерами. Во-вторых, в условиях Гражданской войны приоритет отдавался оперативным решениям, а не доктринальному оформлению идей. В-третьих, наблюдалась эволюция формулировок: первоначально использовались близкие по смыслу фразы («курорты – народу», «лечение – рабочим»), которые позже унифицировались в единый лозунг.

Косвенные свидетельства позволяют связать популяризацию лозунга с деятельностью Н. А. Семашко, первого наркома здравоохранения РСФСР. В своих выступлениях он подчёркивал: «Владимир Ильич из мест разгула и разврата превратил курорты в места лечения. Придал курортам характер ремонтных мастерских здоровья трудящихся» [7]. Эта метафора отражает суть лозунга – курорты как «ремонтные мастерские» для восстановления рабочей силы. Анализ архивных материалов и периодической печати 1917-1921 гг. также позволяет предположить, что лозунг сформировался как реакция на трансформацию социальной функции курортов – переход от элитарного отдыха привилегированных классов к массовому оздоровлению трудящихся. Его появление хронологически соотносится с рядом ключевых событий.

Так, Декрет о бесплатной передаче больничным кассам лечебных учреждений предприятий от 14 (27) ноября 1917 г. представляет собой один из первых нормативно-правовых актов советской власти в сфере охраны здоровья трудящихся. Он закрепляет переход ответственности за медицинскую помощь от предпринимателей к больничным кассам – органам социального страхования – и устанавливает чёткие обязательства работодателей в переходный период. Принятый в ноябре 1917 г., т.е. в первые недели после Октябрьской революции, декрет отражает стремление новой власти оперативно сформировать правовую базу для реализации своих социальных программ. В тот период ключевыми задачами являлись защита интересов рабочего класса, создание системы социального обеспечения и перераспределение ресурсов в пользу трудящихся. В рамках документа предприниматели обязывались бесплатно передавать больничным кассам лечебные учреждения предприятий, если те соответствовали установленным нормам. В случаях, когда учреждения не отвечали необходимым требованиям, работодатели должны были выделять средства на их модернизацию и приведение в надлежащий вид. Если же предприятия вовсе не располагали лечебными учреждениями либо имеющиеся объекты не выполняли свои функции, предприниматели обязаны были финансировать оборудование новых больниц, амбулаторий, родильных приютов, санаториев и пунктов первой помощи. При этом устанавливались конкретные нормативы: одна общая больничная койка на 100 рабочих и одна родильная койка на 200 работниц. Кроме того, декрет прямо запрещал закрывать, передавать или сокращать лечебные учреждения, существовавшие на момент издания документа [8].

Идеологическая основа акта отражала ключевые принципы советской власти (классовый подход, принцип социального обеспечения, коллективная ответственность), с нормативно-правовой же точки зрения документ отличался императивным

характером предписаний, адресованных предпринимателям, и содержал чёткую конкретизацию обязательств через количественные нормативы, что минимизировало риски произвольной трактовки положений. Запрет на ликвидацию действующих лечебных учреждений служил механизмом защиты существующей медицинской инфраструктуры, а передача функций больничным кассам выстраивала промежуточное звено между государством и предприятиями в организации медицинской помощи.

Далее обратимся к поручению «О борьбе с заболеваемостью, смертностью и антисанитарными условиями жизни широких масс населения» Коллегии по заведыванию медицинскими отделами Народных Комиссариатов Внутренних Дел, Путей Сообщения и Государственного Призрения (Распубликовано в № 23 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 2 декабря 1917 г.), в котором отмечается, что война и экономический кризис привели к недоеданию, истощению и ухудшению санитарно-гигиенических условий жизни широких масс, что потребовало от Правительства принятия масштабных мер в сфере здравоохранения. Документ содержал следующие предложения для решения сложившихся проблем: разработать исчерпывающее санитарное законодательство; создать выборную санитарную инспекцию; организовать борьбу с заболеваемостью и смертностью, в том числе с детской смертностью, туберкулёзом, сифилисом и заразными болезнями; обеспечить население народными санаториями и целебными местами; национализировать аптеки и передать их общественным самоуправлениям и пр. Для реализации намеченной программы предлагалось привлечь широкие слои населения, в полной мере задействовав губернские, уездные и центральный врачебно-санитарные советы. При этом подчёркивалась необходимость демократизации данных медико-санитарных организаций – расширения представительства в них местного населения, рабочих и крестьянских организаций, выдвигалась идея созыва Съезда представителей медицинского персонала, поддерживающего советскую власть, для окончательной разработки актуальных медицинских вопросов [9].

Анализируя вышеобозначенные документы в историческом контексте, отметим, что политика в сфере здравоохранения уже в 1917 г. характеризуется постепенными централизацией и огосударствлением (через национализацию аптек и создание государственного санитарного законодательства), профилактической направленностью (упор на улучшение санитарных условий и борьбу с эпидемиями), а также массовостью и доступностью медицинских услуг для населения (обеспечение санаториями, расширение представительства рабочих и крестьян в медико-санитарных органах). Указанные положения находят свое отражение и в последующих актах.

Одиннадцатого июля 1918 г. Декретом об учреждении Народного комиссариата здравоохранения был образован ключевой орган советской системы здравоохранения, к ведению которого в последующем будут отнесены и вопросы организации санаторно-курортного комплекса [10]. В соответствии с Декретом, Народный Комиссариат Здравоохранения (Наркомздрав) провозглашался центральным медицинским органом, руководящим всем медико-санитарным делом РСФСР. На него возлагались обширные функции – от разработки норм в области медико-санитарного дела и контроля за их исполнением до финансового содействия учреждениям и объединению деятельности местных органов. Структура Наркомздрава была детально

прописана и отражала комплексный подход к организации медицинской помощи, в его состав вошли следующие специализированные отделы: Военно-Санитарный – для обеспечения медико-санитарного обслуживания армии и флота; Отдел Гражданской медицины (земской и городской) – для координации работы гражданских лечебных учреждений; Отдел Страховой медицины – для развития системы социального страхования; Школьно-Санитарный отдел – для охраны здоровья учащихся и персонала учебных заведений; Отдел Путей Сообщения с подотделами (железнодорожным, водных путей, ветеринарным) – для медицинского обслуживания транспортных магистралей и прилегающих территорий.

Для научно-методического сопровождения деятельности Наркомздрава создавался Учёный Медицинский Совет, а в качестве совещательного органа – Центральный Медико-Санитарный Совет с участием представителей рабочих организаций. Это обеспечивало сочетание научной экспертизы и социального представительства в принятии решений. Важным аспектом декрета также стала и централизация ресурсов: имущество, дела и кредиты медицинских управлений других комиссариатов передавались Наркомздраву. На местах при Советах Рабочих и Крестьянских Депутатов создавались Медико-Санитарные Отделы, которые объединяли всё медицинское дело и действовали на основе инструкций центрального органа. Для установления тесной связи с местными структурами Наркомздрав созывал периодические съезды Медико-Санитарных Отделов, что способствовало координации и обмену опытом между регионами.

Учреждение Наркомздрава оформило начало создания единой государственной системы здравоохранения РСФСР, заложив основы централизованного управления медико-санитарным делом, обеспечив интеграцию ведомственных медицинских служб в общую структуру и создав предпосылки для стандартизации медицинской помощи и внедрения единых норм. Кроме того, документ стал правовой базой для последующих реформ, включая организацию санитарно-эпидемиологической службы и развитие профилактической медицины (в первую очередь, в сфере санаторно-курортного лечения).

В 1919 г. Декрет СНК РСФСР «О лечебных местностях общегосударственного значения» (20 марта 1919 г.) систематизировал подход к организации и управлению лечебными местностями (курортами), закрепив принципы их охраны и использования в интересах общественного здравоохранения. В содержании декрета даётся чёткое определение лечебных местностей (курортов), к которым отнесены места с источниками минеральных вод, лечебными грязями, зоны солёно-озёрных, лиманных и морских купаний, климатические и горные станции, а также места для кумысолечения. Все курорты, независимо от прежнего статуса и владельца, объявляются собственностью Республики и используются исключительно в лечебных целях. Документ вводит классификацию курортов по значимости – общегосударственные, общественные и местные – и закрепляет приоритет научного подхода: признание общегосударственного статуса возможно только на основании заключения Наркомздрава о целебных свойствах и заключения Горного отдела ВСНХ о достаточном обеспечении ресурсами (водой, грязями и т.д.).

Для охраны природных лечебных ресурсов предусматривалось создание округов горной и санитарной охраны, границы которых устанавливались и изменялись постановлениями Наркомздрава. Ведомству также предоставлялось право издавать

обязательные постановления о мерах содержания источников и благоустройства лечебных заведений в пределах охранных зон.

Управление курортами также централизуется: высшее руководство возлагалось на Наркомздрав, а местное управление курортами общегосударственного значения подчинялось непосредственно ему и не зависело от местных властей. Лечебные местности, не получившие статуса общегосударственных, но обладающие ценными свойствами, могли быть объявлены имеющими общественное значение, с установлением для них охранных округов по согласованию с заинтересованными комиссариатами. Курорты местного значения, оставаясь под общим руководством Наркомздрава, передавались в ведение медико-санитарных отделов местных органов. Снабжение учреждений Наркомздрава в лечебных местностях приравнялось к снабжению больниц (продовольствие, жильё, топливо), а порядок отвода новых земель для развития курортов регламентировался положением о социалистическом землеустройстве. Леса в пределах охранных округов также были объявлены защитными, их использование регулировалось Лесным ведомством по согласованию с Наркомздравом.

На наш взгляд, именно Декрет 1919 г. послужил своего рода фундаментом советской санаторно-курортной системы, юридически оформив переход курортов в государственную собственность, создав механизмы их охраны и рационального использования и заложив основы централизованного управления курортным делом.

Таким образом, в период с 1917 по 1919 г., несмотря на беспрецедентную экономическую, социальную и политическую турбулентность, советской власти удалось заложить фундаментальные основы для последующего развития советского санаторно-курортного комплекса. Этот процесс носил ясно прослеживаемый целенаправленный характер и опирался на чёткую идеологическую доктрину, сочетавшую принципы социальной справедливости, государственного регулирования и научно обоснованного подхода к организации здравоохранения. На наш взгляд, 1917-1919 гг. стали временем институционального рождения советского санаторно-курортного комплекса – несмотря на острейшие вызовы эпохи, были решены три взаимосвязанные задачи: юридическая – оформление государственной собственности на курорты и создание нормативной базы; организационная – построение системы управления и координации; идеологическая – встраивание курортного дела в общую концепцию социалистического здравоохранения. Эти достижения заложили фундамент для последующего расцвета санаторно-курортной системы в 1920-1930-е гг., когда она превратилась в важнейший элемент государственной политики охраны здоровья. Созданная модель продемонстрировала высокую устойчивость и способность адаптироваться к меняющимся условиям, став неотъемлемой частью советской системы здравоохранения.

Список литературы:

1. Самарина, Т. В. История и правовое регулирование отечественного курортного дела (первая половина XVIII - начало XXI вв.) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Самарина Татьяна Викторовна. – Москва, 2009. – 184 с.
2. Декрет Совета Народных Комиссаров. О лечебных местностях общегосударственного значения. 20 марта 1919 г. // Собр. Узак. 1919 г., № 19, ст. 231. Опубликовано в № 103 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 15 мая 1919 г.

3. 31 октября. Положение о социальном обеспечении трудящихся / Подлинник, 8 лл. Архив, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 7356. «Собрание Указаний» № 89, ст. 906.
4. Кузнецова, Л. А. Дискуссии о форме и содержании советского курортного отдыха (1920-е - 1930-е гг.) / Л. А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. История. – 2018. – № 4(43). – С. 98-106.
5. Владимирова, С. Н. Организация санаторно-курортного лечения на Кавказских Минеральных Водах в начале XX века / С. Н. Владимирова // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2013. – № 6(39). – С. 122-126.
6. Глухов, А.Н. Семашко Николай Александрович – основоположник курортного дела в советском союзе (к 150-летию со дня рождения) // Курортная медицина. – 2025. – №1. – С. 115-129.
7. Тихомиров, В. Азбука быта: 100 лет с «Огоньком» // ИД «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2299062#comments> (дата обращения 25.02.2026).
8. 14 (27) ноября. Декрет о бесплатной передаче больничным кассам лечебных учреждений предприятий / Подлинник, 1 л. Архив, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 4727. «Газета» №№ 12 и 20, 16 и 28 ноября; «Известия» № 227, 16 ноября; «Правда» (вечерний выпуск) № 13, 16 ноября; «Собрание Указаний» № 3, ст. 34. // Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М.: Политиздат, 1957.
9. От Коллегии по заведыванию медицинскими отделами Народных Комиссариатов Внутренних Дел, Путей Сообщения и Государственного Призрения. О борьбе с заболеваемостью, смертностью и антисанитарными условиями жизни широких масс населения / Опубликовано в № 23 Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства от 2 декабря 1917 года // Собрание указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917-1918 гг. – М., 1942.
10. 11 июля. Декрет об учреждении Народного комиссариата здравоохранения / Подлинник, 1 л., с поправкой В. И. Ленина; пометка Н. П. Горбунова: К протоколу 179. П. 1. Архив, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 6549 (печатается под литерой а). «Известия» № 173, 14 августа (печатается под литерой б) // Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. – М.: Политиздат, 1964.

Filonova A.A. Organizational and legal mechanisms of sanatorium development-spa business in the early years of soviet rule (1917-1919) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 266-273.

The article provides a comprehensive historical and legal analysis of the organizational and legal mechanisms of the establishment of the sanatorium business in the early years of Soviet power (1917-1919), which is particularly relevant in the context of the need for a scientific understanding of the historical experience of the formation of the state system of health and rehabilitation, which laid the institutional foundations of the Soviet sanatorium policy. The purpose of the study is to identify the key normative legal acts and organizational decisions that determined the vector of development of the sanatorium-resort sector at the initial stage of the existence of the Soviet state, as well as to reconstruct the mechanisms of their practical implementation in the context of revolutionary transformations and Civil War. Based on the analysis of the content of the decrees of the Council of People's Commissars of the RSFSR, resolutions of the People's Commissariat of Health, departmental instructions and accounting documentation, the article reconstructs the process of transformation of the resort and sanatorium sector: the dynamics of the nationalization of resort facilities, the formation of a centralized management system for sanatoriums, the identification of priority categories of citizens for sanatorium treatment, as well as the development of the first regulatory requirements for organization of the resort business. The results of the study demonstrate that in the period 1917-1919, the basic principles of the Soviet sanatorium and resort policy were conceptually fixed, including the accessibility of health services, the preventive orientation of the system, and its integration into the structure of social security and healthcare.

Keywords: Soviet law, sanatorium business, social security, Soviet state, nationalization, healthcare.

Spisok literatury:

1. Samarina, T. V. Istoriya i pravovoe regulirovanie otechestvennogo kurortnogo dela (pervaya polovina XVIII - nachalo XXI vv.) : spetsial'nost' 12.00.01 «Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenii o prave i gosudarstvE» : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk / Samarina Tat'yana Viktorovna. – Moskva, 2009. – 184 s.
2. Dekret Soveta Narodnykh Komissarov. O lechebnykh mestnostyakh obshchegosudarstvennogo znacheniya. 20 marta 1919 g. // Sobr. Uzak. 1919 g., № 19, st. 231. Raspublikovano v № 103 Izvestii Vserossiiskogo Tsentral'nogo Iсполnitel'nogo Komiteta Sovetov ot 15 maya 1919 g.
3. 31 oktyabrya. Polozhenie o sotsial'nom obespechenii trudyashchikhsya / Podlinnik, 8 ll. Arkhiv, f. 2, op. 1, ed. khr. 7356. «Sobranie UzakoneniI» № 89, st. 906.
4. Kuznetsova, L. A. Diskussii o forme i soderzhanii sovetskogo kurortnogo otdykh (1920-e - 1930-e gg.) / L. A. Kuznetsova // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. – 2018. – № 4(43). – S. 98-106.
5. Vladimirova, S. N. Organizatsiya sanatorno-kurortnogo lecheniya na Kavkazskikh Mineral'nykh Vodakh v nachale XX veka / S. N. Vladimirova // Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby. – 2013. – № 6(39). – S. 122-126.
6. Glukhov, A.N. Semashko Nikolai Aleksandrovich – osnovopolozhnik kurortnogo dela v sovetskom soyuze (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya) // Kurortnaya meditsina. – 2025. – №1. – S. 115-129.

7. Tikhomirov, V. Azbuka byta: 100 let s «Ogon'koM» // ID «Kommersant». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2299062#comments> (data obrashcheniya 25.02.2026).
8. 14 (27) noyabrya. Dekret o besplatnoi peredache bol'shnym kassam lechebnykh uchrezhdenii predpriyatii / Podlinnik, 1 l. Arkhiv, f. 2, op. 1, ed. khr. 4727. «GazetA» №№ 12 i 20, 16 i 28 noyabrya; «IzvestiYA» № 227, 16 noyabrya; «PravdA» (vechernii vypusk) № 13, 16 noyabrya; «Sobranie Uzakonenii» № 3, st. 34. // Dekrety Sovetskoi vlasti. T. I. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g. – M.: Politizdat, 1957.
9. Ot Kollegii po zavedyvaniyu meditsinskimi otdelami Narodnykh Komissariatov Vnutrennikh Del, Putei Soobshcheniya i Gosudarstvennogo Prizreniya. O bor'be s zaboлеваemost'yu, smertnost'yu i antisanitarnymi usloviyami zhizni shirokikh mass naseleniya / Raspublikovano v № 23 Gazety Vremennogo Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva ot 2 dekabrya 1917 goda // Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva za 1917-1918 gg. – M., 1942.
10. 11 iyulya. Dekret ob uchrezhdenii Narodnogo komissariata zdravookhraneniya / Podlinnik, 1 l., s pravkoi V. I. Lenina; pometka H. P. Gorbunova: K protokolu 179. P. 1. Arkhiv, f. 2, op. 1, ed. khr. 6549 (pechataetsya pod literoi a). «IzvestiYA» № 173, 14 avgusta (pechataetsya pod literoi b) // Dekrety Sovetskoi vlasti. T. III. 11 iyulya – 9 noyabrya 1918 g. – M.: Politizdat, 1964.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 274-289.

УДК 343.195

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРАВОВОМ ПОЛЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Филонов А. В., Заброда Д. Г.

В статье авторы проводят глубокий и разноплановый анализ исторической ретроспективы и современной ситуации в области развития гражданского общества в правовом поле. На основе изучения большого массива научных источников уточняются сущностные характеристики категории «гражданское общество». Опытным путем установлено, что общество нуждается в перечне конкретных рекомендаций по повышению уровня гражданской активности. Установлено, что в современной России вопрос о диалоге государства и молодежи имеет большое практическое значение. Обращается внимание на необходимость со стороны властных структур учитывать, как политическую историю страны, так и социокультурные традиции, российский менталитет. Подтверждено, что право выступает основным связующим элементом гражданского общества и государства. Гражданское общество проходит определенные этапы и для каждого этапа должны быть сформированы конкретные условия во всех общественных сферах. Посредством научных методик изучены запросы современного общества и установлена необходимость в разработке стройной системы, которая основываясь на современных фундаментальных исследованиях, и с учетом предыдущего положительного опыта включала бы в себя комплекс мероприятий по разработке программ по стимулированию гражданской активности у молодежи.

Ключевые слова: гражданское общество; правовое государство; гражданская активность; демократическое государство; саморазвитие; правовая культура.

Российская Федерация с 90-х годов XX в. утвердила демократический строй, зафиксированный в Конституции 1993 г. [1]. Для демократического политического режима характерно построение и функционирование правового государства, для которого в свою очередь характерно активное гражданское общество [2, с. 1]. Стратегия на построение гражданского общества была сформулирована в Послании Президента Федеральному Собранию РФ в феврале 1994 г., где содержался специальный раздел «Государственная поддержка института гражданского общества» [3].

Стоит отметить, что в демократическом государстве существует широкое поле действий для гражданского общества. Гражданское общество, в лице различных объединений, граждан может открыто выражать свою позицию относительно действий государственных структур. При этом само государство обеспечивает возможность, способы и методы для этого выражения, государство обеспечивает защиту гражданского общества и его функционирование не только на бумаге, но и в реальной жизни [2, с. 1].

Если рассматривать гражданское общество в правовом аспекте, то можно отметить, что это сфера для реализации права объединяться, выражать свободно свое мнение и активно участвовать в жизни общества. Поэтому большое значение имеет поднятие на соответствующий уровень развития общеправовой культуры населения. Заметим, что институты гражданского общества и демократия связаны на прямую: чем выше уровень развития гражданского общества, тем более демократическим является государство.

Правовая культура является компонентом духовной культуры и для России это имеет огромное значение. Именно духовность всегда была определяющей в российском менталитете, в силу особого исторического пути развития России. Российский характер и политическая культура носят идеологический отпечаток и специфические элементы: духовность, соборность, коллективизм, всечеловечность. Соответственно и гражданское общество в России существенно отличается от западного

понимания этого феномена. Сегодняшняя сложная ситуация в мире актуализировала необходимость практических исследований в следующих областях: уникальных особенностей российского гражданского общества, взаимодействию государства в лице его органов и должностных лиц с гражданским обществом, правовой культуре молодого поколения, соответственно, пристальное внимание уделяется обновленной образовательной парадигме. От институционального выбора и морально-нравственных ценностей молодого поколения зависит будущее России.

На основании этого можно констатировать, что современные реалии диктуют осознанную необходимость в разработке стройной системы, которая основываясь на современных фундаментальных исследованиях, и с учетом предыдущего положительного опыта включала бы в себя комплекс мероприятий по переустройству институтов гражданского общества в России, их места и роли в механизмах реализации прав и свобод граждан.

Увеличение количества научных публикаций (монографий, научных докладов, диссертационных исследований, научных статей в специализированных изданиях по юриспруденции, философии, политологии, социологии и других) говорит о том, что научное сообщество достаточно часто обращается к теме гражданского общества. Заметим, что идея объединения граждан и общества берет свое начало еще со времен Античности в трудах Платона и Аристотеля продолжается Цицероном. В эпоху Средних веков можно выделить взгляды на государство и отношения власти с обществом Томы Аквинского, Марсилия Падуанского, Августина Блаженного. Понятие гражданского общества приобретает особый смысл в трудах Никколо Макиавелли (акцентирует свое внимание на такой вновь актуализировавшийся ценности эпохи Возрождения как свобода).

В дальнейшем понятие гражданского общества можно наблюдать в самых разнообразных трактовках в трудах Г.В.Ф. Гегеля, Т. Гоббса, Дж. Локка, К. Маркса, А. Смита, А. де Токвиля, А. Фергюсона и так далее. К проблеме гражданства и гражданского общества в разное время обращались: А. Арато, Д. Коэн, Ю. Хабермас, М. Ховард и многие другие. История становления гражданского общества и этапы его концептуального оформления нашли отражение в работах Т.А. Видовой, А.Ю. Сунгурова, А.С. Тумановой, С.А. Углова, А.Н. Фадеевой, И. Л. Честнова и иных. Гражданское общество выступает в российских общественных науках последних десятилетий методологическим концептом не только для определения содержания публичной политики, но и для развития правовой сферы и формирования правовой политики [4, с. 30].

Несмотря на обширный опыт и многочисленные научные исследования существует на наш взгляд некоторая неуточненность и многозначность широко используемого понятия гражданского общества, недостаточной проработанностью в современных правовых теориях идеи гражданского общества. Вопрос о сущности гражданского общества, его происхождении, исторических судьбах остается дискуссионным. Постоянное изменение ситуации в мире добавляет проблеме гражданского общества динамичности, поэтому необходимы дальнейшие исследования, чтобы уточнить содержание, цели и задачи, роль гражданского общества в изменившихся современных реалиях, а также выработать ряд эффективных мер по развитию гражданской культуры: уровень правосознания,

степень доверия к институтам власти, активность участия граждан в общественной жизни.

Цель исследования - проанализировать особенности развития гражданского общества в правовом поле, исследовать современные представления о гражданском обществе у молодого поколения. При проведении исследования использовались такие общенаучные методы, как анализ, систематизация, прогнозирование, а также сравнительно-исторический метод и специальные методы (опрос). В начале определим понятия, на которые будем опираться в нашем исследовании, проследим исторический путь развития феноменов, категорий, сущностных характеристик. Отметим, что формирование именно концепций гражданского общества начинается в период буржуазных революций в Европе. Термин «гражданское общество» является продуктом интеллектуальных усилий (зачастую противоречивых) основных представителей западной политической традиции. При этом заметим, что уже в греко-римской философской мысли звучат ранние попытки проблематизации темы гражданства.

Платон относил «гражданское общество» к самостоятельной субстанции и рассматривал идеальное государство как иерархическую структуру, где каждый класс выполняет свою роль в достижении общего блага. Выделяет важность образования, закона, порядка и добродетелей для поддержания гармонии, и справедливости в государстве [5, с. 748-970]. Аристотель называл «гражданское общество» политической общностью (сообществом). Калькой этого термина в латинском языке и явилось выражение гражданское общество.

В учении Аристотеля человек – часть государства, личные интересы строго подчинены общественному благу. Он считал, что государство возникает естественно, как продолжение человеческой природы, и его целью является не просто выживание, а обеспечение благой жизни для своих граждан. Аристотель говорил о важности участия граждан в управлении государством, в принятии законов и выборе должностных лиц [6, с. 376-644]. Заметим, что рассуждения Аристотеля актуальны и для современного общества. Особенно мысль о важной роли государства в обеспечении благосостояния граждан, включая физическое благополучие, образование и воспитание, а также нравственное развитие.

Античную традицию подхватывает и развивает Римская республика. Именно в этот период вводится римское право (система правовых норм и регуляция общественной жизнедеятельности). Древнеримский философ, политик, оратор Марк Туллий Цицерон в своем учении акцентирует, что государство есть достояние народа, а народ соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов. Связующим звеном гражданского общества он считает закон, а право, установленное законом, должно быть одинаково для всех. Общий правопорядок рассматривается также в качестве сущностной характеристики государства [7, с. 24].

В учениях Цицерона присутствуют идеи правового государства (государства, в основе которого лежит справедливость, а не сила), суверенитета народа, выделяется, что гражданин и гражданство правовые категории и понятия, на основании которых формируется понятие об обществе как о общности граждан. Он употребляет словосочетание «гражданское общество» (*societas civilis*) для пояснения всей общности граждан, которые взаимодействуют в политическом пространстве государ-

ства. Таким образом, Древнеримское государство стало источником развития основ гражданского общества. Базовые лексические термины прочно вошли в мировую практику (право, вето, сенат, форум, конституция и т.д.). Видные средневековые философы, богословы такие как Марсилиус Падуанский, Тома Аквинский, Августин Блаженный уделяли пристальное внимание вопросам государства и права, власти и общества.

Для периода Средних веков характерным является феодальный способ производства, главенствующая роль церкви в общественно-политической и духовной сферах общества. Политико-правовые взгляды группируются около проблемы обоснования христианской теологии, которая рассматривала существующий миропорядок, как выражение Божьей воли. Соответственно их взгляды на общество и государство выступали лишь как элементы религиозных представлений о неизбежности и вечности божественного порядка в природе и обществе [8, с. 359-360].

Некоторые изменения в понимании гражданского общества происходит в эпоху Возрождения, когда внимание все более акцентируется на личности человек, его свободах и правах, а также утверждении права в жизни суверенного государства. Но и здесь и личность, и общество еще растворены в государстве [9, с. 81].

Никколо Макиавелли, отдавая дань времени, считал, что высшим проявлением человеческого духа является государство, а смыслом и счастьем жизни – служение ему. Одновременно он полагал, что государь, имеющий возможность и право управлять подданными с помощью страха и насилия, не будет этим злоупотреблять, не будет нарушать имущественных и личных прав подданных, чтобы не возбуждать ненависть. Речь таким образом, идет о сфере, отличной от подданнических функций человека, по существу о признаках гражданского общества. Макиавелли также пишет о стремлении государства обессилить и подорвать всякую деятельность общества, чтобы самому возвыситься. Здесь уже очевидно различие автором государства и гражданского общества, политической и гражданской сфер [9, с. 81]. Если обобщить представления о гражданском обществе от Античности до эпохи Ренессанса (включительно) можно заметить, хотя гражданское общество четко не называлось, но звучит мысль о существовании образовании отдельного и не в полной мере подчиненного государству.

Что касается зарождения элементов гражданского общества в России, то следует начать с начала становления Руси. В течении XI – XV веков появляются разные объединения на разных уровнях власти, существуют городские и сельские общины.

С XII в. активно функционирует «русское вече», оно предполагало политическое равенство, демократию, плюрализм мнений, личную свободу и независимость участников. Однако вече как политический институт прекратил свое существование после включения территорий Новгорода (1478 г.) и Пскова (1510 г.) в состав Московского централизованного государства. В период XVI – XVII вв. сложились для Руси специфические исторические условия и все население оказалось разделено на сословия, которые находились в подчиненном, «подданническом» состоянии и ни одно из них не могло стать тем социальным слоем, который мог бы дать толчок к развитию института гражданского общества [10, с. 16].

В России, по объективным причинам, на протяжении длительного этапа не присутствовали общественные организации в достаточном объеме, которые смогли бы стать основой формирования гражданского общества и его ценностей. Представителями классического понимания сущности гражданского общества в истории социально-политической и правовой мысли можем считать правоведов, философов Нового времени и эпохи Просвещения.

Томас Гоббс рассматривает гражданское общество как результат общественного договора, заключенного людьми для выхода из естественного состояния, которое он охарактеризовал как «войну всех против всех». В рамках гражданского общества люди передают часть своих прав и свобод суверенной власти, таким образом обеспечивая мир и безопасность, то есть цель гражданского общества – это обеспечение защиты граждан от насилия и хаоса, которые царят в естественном состоянии [11, с. 270-506]. Заметим, что Гоббс был сторонником правового позитивизма или юридического позитивизма, которое определяет право, как совокупность норм, установленных и обеспеченных государством, независимо от их моральной или иной оценки. В рамках этой концепции, право рассматривается как позитивное, то есть существующее в реальности, в отличие от естественного права, которое существует независимо от человеческой воли.

В дальнейшем идея гражданского общества развивается в трудах Джона Локка, который утверждал, что все люди от природы равны и обладают одинаковыми правами и свободами. И нет естественного превосходства или права господствовать над другими. По его убеждению, люди переходят к гражданскому обществу для лучшей защиты своих прав и свобод, а именно собственности. Правительство, созданное в гражданском обществе, не должно иметь произвольной власти над жизнью и имуществом граждан [12, с. 310-337].

Таким образом, Локк первый из мыслителей своего времени, который признал первенство общества над государством, именно общество, он считал «природным» образованием, а государство – искусственным образованием, инструментом общества. Главная цель государства – защита общества. Теории Гоббса и Локка имеют существенные различия. Гоббс отстаивал идею, что люди должны использовать свой разум, чтобы выйти из естественного состояния и подчиниться абсолютной власти монарха. Локк считал, что люди используют свой разум для того чтобы осуществить основные свои права (жизнь, свобода, собственность). Хотя оба мыслителя придерживались теории договорного происхождения государства, но естественное право было иным. Для Гоббса это «война всех против всех», а для Локка это «состояние мира разумных людей» граждан [13, с. 84].

Адам Фергюсон в 1767 г. в своей главной книге «Опыт истории гражданского общества» отмечает, что добровольные объединения имеют возможности для проявления активности в государственной и бизнес сферах. Фергюсон рассматривает гражданское общество как результат процесса деятельности цивилизации. По его мнению, институт частной собственности опора для существования гражданского общества [14, с. 106-107, 386]. Таким образом, лишь в XVIII в. происходит формирование условий для полноценного взаимодействия - общественного договора в отношениях государства и гражданского общества.

Либеральный классик Адам Смит считал, что построить гражданское общество возможно лишь исключительно на основании принципа невмешательства. Свобода,

которая обеспечивается конкуренцией на свободном рынке, состоит, по Смиту, в равных для всех субъектов рыночных отношений возможностях личностной реализации. Государственное регулирование политической и экономической сфер должно быть минимальным, но эффективным по сути. Правительство призвано защищать государство как территориальное объединение, любыми способами отстаивать институт частной собственности, честное правосудие, поддерживать гражданский порядок, развивать и обеспечивать социально-экономическую инфраструктуру и общественное образование. Решение всех остальных вопросов, по Смиту, ложится на свободных граждан, образующих гражданское общество, исходя из собственных предпочтений и стремлений [15, с. 277-278].

Алексис де Токвиль еще в XIX в. отмечает сильное влияние местного самоуправления в США. Он подчеркивал особое значение объединения граждан для удовлетворения индивидуальных интересов каждого гражданина и посредством этого эффективное развитие государства и общества [16, с. 381]. По мнению Г.В.Ф. Гегеля «гражданское общество есть дифференция, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства; ибо в качестве дифференции оно предполагает государство, которое оно чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное. Гражданское общество создано, впрочем, лишь в современном мире, который всем определениям идеи предоставляет их право. Если государство представляют как единство различных лиц, как единство, которое есть лишь общность, то имеют ввиду лишь определение гражданского общества...» [17, с. 227-228].

Заметим, что одной из основ гражданского общества Гегель считал частную собственность, рассматривал гражданское общество как совокупность индивидов, удовлетворяющих с помощью труда свои повседневные потребности [18, с. 98].

Для России характерна другая ситуация. С конца XVII до конца XIX в. формируется и развивается российское самодержавие. Происходит жесткая централизация власти, которая опирается на крепостное право. Также в этот период наблюдаются некоторые действия расширения самоуправления как «сверху», так и «снизу», что подтверждается народными выступлениями того периода времени против крепостничества ради получения личных и экономических гарантий.

В России со второй половины XIX в. начинает активизироваться формирование гражданского общества: расширяется сеть предпринимательских ассоциаций, множатся благотворительные и медицинские организации, идет активное образование органов местного самоуправления. Судебная реформа 1864 г. открыла новую эпоху в развитии правосудия, внедрив принципы юридического равноправия, публичности, состязательности, а также предоставив судьям гарантии несменяемости и независимости от влияния администрации. Ключевыми новшествами стали учреждение суда присяжных и адвокатуры, а в уголовном процессе – выделение должности следователя из структуры полиции [19, с. 57].

Важными в этот период стали: Реформа высшего образования 1863 г., Земская реформа 1864 г., Цензурная реформа 1865 г., Реформа городского самоуправления 1870 г., и Реформа среднего образования 1871 г. В конце XIX – начале XX вв. значительно активизировалась и политическая жизнь российского общества.

С 1905 г. начинается следующий важный этап в становлении российского гражданского общества. На данном этапе происходит непосредственное оформление гражданского общества: происходит легитимация общественно политических объединений, появляются средства печати и массовой информации, которые способствуют формированию общественного мнения, возникает парламентская система, вводится избирательное право [20, с. 64].

Большое влияние на процессы, происходящие в Российской империи оказали работы К. Маркса. Маркс мыслит гражданское общество как материальные отношения индивидов: «...Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена [commerce] и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, - словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества...» [21, с. 402].

Поэтому развивая свои мысли в предисловии к работе «К критике политической экономии» он говорит: «...Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомии гражданского общества следует искать в политической экономии...» [22, с. 6-7].

Надежды К. Маркса на то, что пролетарское государство создаст условия для развития ассоциаций свободных граждан, не осуществились. В реальности социалистическое государство лишило гражданское общество его экономической основы путем подчинения себе общественной собственности. На основе государственной собственности возникает партийная номенклатура, которая не была заинтересована в формировании автономной, свободной личности и соответственно зрелого гражданского общества [15, с. 280]. Поэтому в общественной науке советского периода практически отсутствуют исследования, посвященные гражданскому обществу. Понятие «гражданское общество» не употреблялось в научном обороте и публикациях.

Растущее внимание к проблематике гражданского общества характерно для западных ученых и исследователей в XX веке. Итальянский философ, журналист, политический деятель А. Грамши анализируя общественные процессы использовал концепцию гражданского общества.

А. Грамши ищет оптимальные формы соотношения государства и гражданского общества: «...можно было бы сказать, что государство = политическое общество + гражданское общество, иначе говоря, государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения», считая при этом, что: «государству суждено исчерпать себя и раствориться в упорядоченном обществе... Можно представить себе, как принудительная сторона государства постепенно исчерпывает себя в результате того, что утверждается все более значительные элементы упорядоченного общества (то есть этического государства или гражданского общества)» [23, с. 247].

Немецкий философ и социолог Юрген Хабермас развивает идею публичной сферы, где рациональная коммуникация между гражданами (через СМИ, ассоциации) формирует легитимные нормы и оказывает влияние на право. Для Хабермаса связь между гражданским обществом и правом принципиальна - правовая система и общественное взаимодействие взаимно обусловлены [24, с. 128-129].

В своей работе «Гражданское общество и политическая теория» Джин Л. Коэн и Эндрю Арато под «гражданским обществом» понимают «сферу социальной интеракции между экономикой и государством, состоящую, в первую очередь, из сфер наиболее близкого общения (в частности, семью), объединений (в частности, добровольных), социальных движений и различных форм публичной коммуникации. Современное гражданское общество создается с помощью определенных форм самоконституирования и самомобилизации. Оно институционализируется и генерализируется посредством законов и, в особенности, субъективных прав, стабилизирующих социальную дифференциацию. Самосозидание (независимая деятельность) и институционализация не обязательно подразумевают друг друга, они могут осуществляться независимо друг от друга, но в долгосрочной перспективе оба этих процесса составляют неотъемлемое условие воспроизводства гражданского общества» [25, с. 3]. Не коррелирует гражданское общество с социальной жизнью в целом, исследователи противопоставляют его «политическому сообществу», то есть партиям и парламенту, а также «экономическому сообществу», то есть организациям производства и сбыта. Поэтому основой гражданского общества являются добровольные ассоциации неполитического плана. «Соответственно, под гражданским обществом понимаются такие структуры, как социализация, ассоциация и организованные формы в той мере, в какой они институционализированы или находятся в процессе институционализации» [25, с. 4].

Марк М. Ховард являясь сторонником институционализма при определении модели взаимодействия власти и гражданского общества убежден, «что, чем больше люди участвуют в организациях гражданского общества, тем «успешнее они осваивают нормы, ценности и навыки партисипаторной (непосредственной) демократии, которые могут укрепить институты и способствовать функционированию демократического правительства». Он определяет гражданское общество, как важнейшую часть общественного сектора, занимающего место между государством и семьей, воплощенного в различных добровольных организациях граждан (организации по защите мира и гражданских прав, спортивные и рекреационные клубы, экологические группы, молодежные, женские, ветеранские, инвалидные общества, организации пожилых людей, защиты животных, группы самопомощи и другое» [26, с. 56].

По мнению С. Н. Кожевникова «в настоящее время, в период демократических преобразований в России, осуществления экономических реформ раскрылся творческий потенциал концепции гражданского общества. В российском правоведении гражданское общество как социальное явление и как правовая категория стали предметом исследования в начале 90-х гг. В этот период произошли значительные изменения в сфере социально-экономических и политических отношений» [27, с. 39].

Современные изыскания научного сообщества по гражданскому обществу все больше смещаются в сферу права. Так, профессор И. Л. Честнов считает, «что граж-

данское общество является идейным метаоснованием права в эпоху новейшего времени, так как социально активная общественность сама формулирует социально-политический проект своего настоящего и будущего, облекаемый в правовую форму» [28, с. 7-8]. Заметим, что в работах ученых и исследователей прошлого и настоящего времени гражданское общество рассматривается всесторонне и описывается достоверно, тщательно анализируется. Соответственно понятие «гражданское общество», интегрируя в себе разные общечеловеческие ценности («Дух времени» в соответствии с определенной эпохой), приобретает все больше смысловой многовариантности.

Понятие «гражданское общество» значительно старше, чем нам иногда кажется. Некоторая нестройность в его определениях связана с тем, что исторически это словосочетание означало порой противоположные вещи. Обращая внимание на многообразие трактовок, в нашем исследовании, исходя из реалий для современной России, мы больше тяготеем к «пониманию гражданского общества, как совокупность негосударственных, неполитических структур и отношений, формальных и неформальных организаций и правил, которые складываются в частной и общественной жизни, в экономическом, социальном и культурном пространстве, в ходе взаимодействия свободных индивидов, реализующих в процессе свободного выбора частные интересы» [29, с. 26].

Справедливо мнение Д. А. Смирнова, что «благодаря усилиям в России созданы и функционируют институты гражданского общества: Совет при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, Общественная палата РФ, институт Уполномоченного по правам человека, институт развития гражданского общества и местного самоуправления. В бюджете Российской Федерации ежегодно предусматриваются значительные средства на финансирование институтов гражданского общества. Государством обеспечивается финансирование затрат, победивших на выборах партий, что повышает их роль в политической системе страны» [30, с. 239].

Ряд современных исследователей признают, что «правовая активность личности – одна из важнейших составных частей (форм) социальной активности, включающая в себя все многообразие ее проявлений, играющая важнейшую роль в процессе становления российского государства как правового» [31, с. 4].

Современное российское общество демонстрирует повышенный запрос на общественную деятельность, она становится фокусом внимания государства и приобретает новый конструктивно значимый смысл. Что подтверждается словами В. В. Путина: «Гражданское общество России показывает сейчас свою зрелость, патриотизм, умение сплотиться вокруг общих ценностей и целей. Нужно всемерно поощрять участие людей в деятельности некоммерческих организаций. Волонтерские, благотворительные, гуманитарные, правозащитные НКО заботит не собственная выгода и прибыль, а общее благо. Они зарекомендовали себя с самой лучшей стороны и в период пандемии, и сейчас, в ходе специальной военной операции, поэтому пользуются заслуженным доверием людей. У нас в стране есть колоссальный потенциал для вовлечения граждан, жителей разных регионов к участию в работе некоммерческих организаций. Поэтому предлагаю вместе подумать, как сделать регулирование деятельности некоммерческого сектора ещё более современным, понятным и удобным, повысить его эффективность и, главное, дать больше возможностей

для граждан реализовать себя в общественной жизни... Мы действуем для людей и ради людей, и, конечно, люди должны знать об этом – не только знать, но и иметь возможность пользоваться тем, что некоммерческие организации формулируют, предлагают для того, чтобы оказать людям поддержку» [32].

Молодое поколение является реальной силой общества, способной достичь реальных изменений в улучшении качества жизни для всего российского общества. В теоретическом плане обширные научные исследования подтверждают хорошую разработанность проблематики. Научное сообщество уделяет большое внимание теоретическим аспектам (то есть академическим изысканиям), но актуализируется закономерный вопрос какова ситуация на данном этапе в повседневной реальной жизни: что вкладывают в понятие «гражданское общество» молодые люди; их отношение к правовым явлениям; каковы ценностные ориентиры у современной молодежи; чувства и умонастроения в отношении реализации своих прав и свобод.

С целью изучения выше обозначенных проблем было проведено исследование (опрос). Исследование проводилось в ноябре 2025 г. на базе студентов магистратуры первого курса Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского института «Таврическая академия» юридического факультета. В нем приняли участие 50 респондентов (средний возраст 20 лет).

Большинство респондентов (87%) отметило важность правовой компоненты в современном образовании. Связали свободу с обладанием знаний и ответственностью - 70% опрошенных. Быть свободным для 77% - это открыто выражать свои мысли и мнение, но при этом акцентируется, что свобода – это не вседозволенность и поэтому уважение чужих прав и свобод должно присутствовать всегда. Особенно важно для 89% быть услышанными и найти аудиторию, которая разделяет их взгляды. Соответственно умения выстраивать горизонтальные связи с помощью Интернета является важным навыком для 93% молодых людей. Стоит отметить, что способность выстраивать горизонтальные связи – это важная особенность гражданского общества и ведет к консолидации общества в определенных обстоятельствах.

Абсолютное большинство (95%) респондентов акцентировали внимание на важности прозрачной государственной политики, а также доступности достоверной информации в средствах массовых информаций и ведущих интернет платформах, что свидетельствует о высоком уровне правовой культуры. Для 93 % опрошенных при объяснении понятия «гражданское общество» так или иначе, но связывалось с понятием правового государства и демократией. Примечательно, что 95 % считают Россию правовым государством, признающим права человека высшей ценностью (продемонстрировав знание ст. 2 Конституции РФ, где говорится, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью государства [1]). Знание своих прав отметили 91%, а желание их активно отстаивать высказали 88%.

Весьма показательной была позиция 76% молодых людей, которые отмечали важность партнерских отношениях между гражданским обществом и государством, что говорит о внутренней свободе и прогрессивных убеждениях. Вовлеченными в регулярную волонтерскую деятельность (благотворительные акции, концертные программы и прочее) оказались 52% опрошенных и 79% отметили свое участие от 3 до 5 раз. Что свидетельствует об активной гражданской позиции. Распространение

своего опыта участия в волонтерской деятельности, посредством фотоотчетов и видеороликов считают важным и способствующим саморазвитию 74% опрошенных.

На вопрос об отношении к студенческому самоуправлению подавляющее большинство (90 %) высказали позитивное мнение, отмечая несомненную пользу в процессе обучения в Вузе. 92 % молодых людей считают, что от них зависит стабильность в российском обществе.

Исходя из всего выше изложенного можно сделать следующие выводы.

Своеобразное представление о гражданском обществе существует уже во времена Античности. На протяжении всей истории развития правовой и социально-философской мысли взгляды и представления о гражданском обществе видоизменялись. Содержание каждой эпохи по-своему отражалось на взглядах видных мыслителей, соответственно они по-разному представляли себе содержание термина «гражданское общество». Несмотря на разность подходов относительно содержания «гражданского общества», практически все мыслители отмечали, что с точки зрения права важнейшими компонентами гражданского общества являются - свобода объединений/ассоциаций, свобода мирных собраний, свобода выражения мнения и правовая защита некоммерческих публичных организаций как субъектов публичного взаимодействия.

По мнению современных западных исследователей, в идеале институты гражданского общества должны осуществлять контроль над государственной властью. Институты гражданского общества укрепляют свою позицию через механизм реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. Наряду с этим институты гражданского общества не должны полностью поглотить государство, подменяя выполнение его основных функций негосударственными структурами.

Процесс становления гражданского общества сложен и противоречив, отличается длительностью. Можно сказать, что этот процесс не завершен ни в одной из существующих стран. Формирование гражданского общества - одно из необходимых условий продвижения России по пути проведения экономических, политических и правовых реформ, становления правового государства [27, с. 39].

Гражданское общество формируется и существует только при эффективной реализации государством своих основных функций. При этом гражданское общество является источником легитимности политических сил, находящихся при власти. Кооперация с организациями гражданского общества дает государству информацию о состоянии общества в целом, его взглядах и отношении к правящей политической власти. Развитое гражданское общество, как свидетельствует мировой опыт является источником и следствием политической активности масс, образуя прочный фундамент демократии. Современная информационная эпоха характеризуется быстрой и кардинальной сменой политических, экономических и социальных обстоятельств как в мире, так и в России. В таких условиях демократическое, правовое, социальное существование и развитие Российского государства напрямую связано с дальнейшим развитием гражданского общества. В сложные исторические периоды гражданское общество, в основном становится мощной силой, которая поддерживает государство и консолидируется с ним.

На сегодняшний день гражданское общество в России бесспорно существует и это признанный факт. Оно несколько отличается от западного гражданского общества в силу определенных исторических причин. Студенческая молодежь демон-

стрирует склонность к самоорганизации и самоуправлению, что говорит о дальнейшей необходимости политической социализации. В процессе исследования было установлено, что существует объективная необходимость по разработке программ по стимулированию гражданской активности у молодежи. Программы должны вырабатывать осознанное добровольное участие молодых людей в мероприятиях, направленных на улучшение жизни страны, соблюдении прав и свобод в обществе. Программы должны опираться на ценностные константы традиционного российского общества, учитывать культурный код. Разработка таких программ и является перспективой дальнейших научных изысканий в данной области.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Текст Конституции опубликован в «Российской газете» от 25 декабря 1993 г. N 237. – Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 16.09.2025). – Текст : электронный.
2. Головач А. А. Гражданское общество в Российской Федерации: природа и особенности // StudArctic forum. № 4 (12), 2018. С. 1. <https://saf.petsu.ru/journal/article.php?id=3342> (дата обращения: 16.09.2025). – Текст : электронный.
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации «Об укреплении российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики)» от 24 февраля 1994 года. – URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/12590/> (дата обращения: 16.09.2025). – Текст : электронный.
4. Туманова, А. С. Исторический опыт развития гражданского общества в поздней имперской и советской России и современные тенденции гражданской самоорганизации / А. С. Туманова. – Текст : электронный // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2013. – № 2. – С. 26-30. – URL: <https://www.hse.ru/data/2014/01/24/1325479086/GO-2-2013%20Туманова.pdf> (дата обращения: 17.09.2025).
5. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе / Платон. – Москва : «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. – 1311 с. : ил. – ISBN: 978-5-9922-0990-7. – Текст : непосредственный.
6. Аристотель. Политика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. – Москва : Мысль, 1983. – 830 с. – (Филос. наследие. Т. 90). – В надзаг.: АН СССР. Ин-т философии. – Текст : непосредственный.
7. Цицерон, Марк Туллий. Диалоги : О государстве. О законах / Марк Туллий Цицерон ; отв. ред. С. Л. Утченко ; изд. подгот. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейн, С. Л. Утченко. – Москва : Наука, 1966. – 225 с. – (Литературные памятники). – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=256401> (дата обращения: 15.09.2025).
8. Азнагулова, Г. М. Генезис идеи гражданского общества в античном мире и средневековье / Г. М. Азнагулова. – Текст : электронный // Вестник Башкирского университета. – 2015. Т. 20. – № 1. Правоведение. – С. 358 - 361. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-idei-grazhdanskogo-obschestva-v-antichnom-mire-i-srednevekovie> (дата обращения: 16.09.2025).
9. Иноземцева, Е. А. Гражданское общество: основные социально-философские идеи / Е. А. Иноземцева. – Текст : электронный // Вестник Воронежского государственного технического университета. Область наук Политологические науки. – 2012. – №6(8). – С. 81-84. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-osnovnye-sotsialno-filosofskie-idei/viewer> (дата обращения: 18.09.2025).
10. Видова, Т. А. Формирование элементов гражданского общества в России в результате реформ 1860-х годов / Т. А. Видова. – Текст : электронный // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2024. – № 3(43). – С. 15 - 22. – URL: <https://vestnik-muiiv.ru/upload/iblock/73f/62og9vf688slk9e03j2xyairiz1wejng.pdf> (дата обращения: 18.09.2025).
11. Гоббс, Т. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Пер. с лат. и англ.; Сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. – Москва : Мысль, 1989. – 622, [2] с., 1 л. портр. – (Филос. Наследие; Т. 107). – ISBN 5-244-00020-9, ISBN 5-244-00021-7. – URL: <https://www.philosophy.ru/upload/iblock/518/518bd85392bdfef4b3daf7a27883ba678.pdf> (дата обращения: 15.09.2025). – Текст : электронный.
12. Локк, Дж. Сочинения: В 3 т./Пер. с англ. и лат. Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. – Москва : Мысль, 1988. – 668[1] с: ил., 1 л. портр. – (Филос. наследие). ISBN 5-244-00084- 5 ISBN 5-244-

- 00085- 3. - URL: <https://azbyka.ru/deti/wp-content/uploads/2016/09/Lokk-Dzh.-Sochineniya-v-3-h-tomah-t.3-Filosof-ilovepdf-compressed.pdf> (дата обращения: 15.09.2025). - Текст : электронный.
13. Бектанова, А. К. Понятие гражданского общества в трудах англо-американских просветителей / А. К. Бектанова. - Текст : электронный // Вестник Челябинского государственного университета. -2017. - № 4 (400). Философские науки. Вып. 44. - С. 83 - 88. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-grazhdanskogo-obschestva-v-trudah-anglo-amerikanskih-prosvetiteley/viewer> (дата обращения: 16.09.2025).
14. Фергюсон, А. Опыт истории гражданского общества = An Essay on the History of Civil Society / А. Фергюсон; пер. с англ. И. И. Мюрберг; под ред. М. А. Абрамова. Москва : РОССПЭН, 2000. - 389, [2] с. - (Университетская библиотека политологии). - ISBN 5-8243-0124-7. - Текст : непосредственный.
15. Мухаев, Р. Т. Политология: учеб. // Р. Т. Мухаев. - Москва : Проспект, 2010. - 640 с. - URL: <https://www.klex.ru/rz5> (дата обращения: 17.09.2025).
16. Токвиль, А. Демократия в Америке / А. Токвиль. - Москва : Прогресс, 1992. - 580 с. - ISBN 5-01-002-688-0. - Текст : непосредственный.
17. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Пер. с нем.: Ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц. - Москва : Мысль, 1990. - 524 [2] с., 1 л. портр. - (Филос. наследие). - ISBN 5-244-00384-4. - URL: <https://www.philosophy.ru/upload/iblock/abd/abde5e76ff12cba88a366b99cc0466084.pdf> (дата обращения: 15.09.2025). - Текст : электронный.
18. Баранов, Н. А. Трансформации современной демократии: Учебное пособие / Н. А. Баранов; Балт. гос. техн. ун-т. - Санкт-Петербург, 2006. - 215 с. - URL: <https://viperson.ru/articles/baranov-n-a-transformatsii-sovremennoy-demokratii-uchebnoe-posobie> (дата обращения: 15.09.2025). - Текст : электронный.
19. Огарь, Ю. А., Павленко, П. И. Судебная власть в России: история становления / Ю. А. Огарь, П. И. Павленко. - Текст : электронный // European and Asian Law Review. -2025. № 2. - Т. 8. - С. 50 - 64. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_2_50. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-vlast-v-rossii-istoriya-stanovleniya/viewer> (дата обращения: 10.01.2026).
20. Углов, С. А. Становление и развитие института гражданского общества в современной России / С. А. Углов. - Текст : электронный // Вопросы российской юстиции. Серия: право. - 2021. - № 15. - С. 56 - 71. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-instituta-grazhdanskogo-obschestva-v-sovremennoy-rossii/viewer> (дата обращения: 18.09.2025).
21. Маркс, К., Энгельс, Ф. Маркс – Павлу Васильевичу Анненкову, 28 декабря 1847 год. / Сочинения. Издание 2. Том 27 // Карл Маркс, Фридрих Энгельс. - Москва : ПОЛИТИЗДАТ, 1962. - 695 с. - URL: <http://www.uaio.ru/marx/27.htm> с (дата обращения: 15.09.2025). - Текст : электронный.
22. Маркс, К., Энгельс, Ф. К критике политической экономии. Предисловие. / Сочинения. Издание 2. Том 13 // Карл Маркс, Фридрих Энгельс. - Москва : ПОЛИТИЗДАТ, 1959. - 771 с. - URL: <http://www.uaio.ru/marx/13.htm> с (дата обращения: 15.09.2025). - Текст : электронный.
23. Грамши, А. Тюремные тетради. Государство. / Избранные произведения в 3 т. Том 3 // Антонио Грамши. - Москва : ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, 1959. - 565 с. - URL: https://www.phantastike.com/philosophy/gramsci_works_volume_3/djvu/view/ с (дата обращения: 15.09.2025). - Текст : электронный.
24. Флиивберг, Б. Хабермас и Фуко - теоретики гражданского общества // Б. Флиивберг. - Текст : электронный // Социологические исследования. - 2000. - № 2. - С. 127-136. - URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/02-2000/015.FLYVBERG.pdf> (дата обращения: 18.09.2025).
25. Козн, Д. Л. Гражданское общество и политическая теория / Джин Л. Козн, Эндрю Арато ; пер. с англ. [Мюрберг И. И. и др.]. - Москва : Весь мир, 2003. - 784 с. - ISBN 5-7777-0176-0. - Текст : непосредственный.
26. Ховард, Марк К. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе = The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe / Марк М. Ховард ; пер. с англ. И. Е. Кокарева. - Москва : Аспект Пресс, 2009. - 190, [1] с. : ил., табл. ; 22 см. - Загл. и авт. ориг.: The weakness of civil society in post-communist Europe / Marc Morje. - Библиогр.: с. 177-189 и в примеч. - ISBN 978-5-7567-0549-2 (в пер.). - Текст : непосредственный.
27. Кожевников, С. Н. Гражданское общество: понятие, основные признаки, предпосылки формирования в России / С. Н. Кожевников. - Текст : электронный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: право. - 2002. - № 1. - С. 37 - 46. - URL: [http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990195_West_pravo_2002_1\(5\)/B_4.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990195_West_pravo_2002_1(5)/B_4.pdf) (дата обращения: 18.09.2025).
28. Честнов, И. Л. Проблема доверия как принципа гражданского общества и права / И. Л. Честнов. - Текст : непосредственный // Гражданское общество в России и за рубежом. - 2011. - № 1. - С. 7-10.
29. Региональное гражданское общество: динамика развития: монография / под науч. рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина; кол. авт.: д.э.н. А.А. Шабунова (координатор), к.социол.н. Д.В. Афанасьев, к.филос.н. Т.А. Гужавина; сотрудники ИСЭРТ РАН Т.П. Кожина, И.Н. Дементьева, Д.А. Ластовкина. - Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. - 170 с. (Проблемы эффективности государственного управления). - ISBN 978-5-93299-304-0. - Текст : непосредственный.

30. Смирнов, Д. А. Конституция гражданского общества: от теории к практике / Д. А. Смирнов, К. А. Струсь. – Текст : электронный // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2013. – №6 (39). – С. 238-243. – URL: <https://vestnikskfu.elpub.ru/jour/article/view/2145> (дата обращения: 17.09.2025).
31. Волкова, Н. В. Гражданская активность как зеркало политических, духовных и культурных ценностей общества / Н. В. Волкова, Л. А. Гусева. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2013/5/654.pdf> (дата обращения: 14.09.2025).
32. Выступление В. Путина на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека. – официальный сайт: Президент России. – Москва. – 10 декабря 2024 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75816> (дата обращения: 14.09.2025). – Текст : электронный.

Filonov A.V. On the question of the genesis of civil society in the legal field: history and modernity // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 274-289.

In this article, the author conducts a deep and diverse analysis of the historical retrospective and the current situation in the field of development of civil society in the legal field. Based on the study of a large array of scientific sources, the essential characteristics of the category of "civil society" are clarified. It has been empirically established that society needs a list of specific recommendations to increase the level of civic activity. It is established that in modern Russia the issue of dialogue between the state and youth is of great practical importance. Attention is drawn to the need on the part of the authorities to take into account both the political history of the country and socio-cultural traditions, the Russian mentality. It has been confirmed that law serves as the fundamental connecting element between civil society and the state. Civil society goes through certain stages, and for each stage, specific conditions must be established in all spheres of society. By means of scientific methods, the needs of modern society have been studied and the need for the development of a harmonious system has been established, which, based on modern fundamental research, and taking into account previous positive experience, would include a set of measures to develop programs to stimulate civic activity among young people.

Keywords: civil society; rule of law; civic activity; civic culture; democratic state; self-development

Spisok literatury:

1. Konstitutsiya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 01.07.2020 N 11-FKZ) // Tekst Konstitucii opublikovan v «Rossijskoj gazete» ot 25 dekabrja 1993 g. N 237. – Konsul'tant Plyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya: 16.09.2025). – Tekst : elektronnyj.
2. Golovach A. A. Grazhdanskoe obshchestvo v Rossijskoj Federacii: priroda i osobennosti // StudArctic forum. № 4 (12). 2018. S. 1. <https://saf.petsru.ru/journal/article.php?id=3342> (data obrashcheniya: 16.09.2025). – Tekst : elektronnyj.
3. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii «Ob ukreplenii rossijskogo gosudarstva (Osnovnye napravleniya vnutrennej i vneshnej politiki)» ot 24 fevralja 1994 goda. – URL: <https://veltsin.ru/archive/paperwork/12590/> (data obrashcheniya: 16.09.2025). – Tekst : elektronnyj.
4. Tumanova, A. S. Istoricheskij opyt razvitiya grazhdanskogo obshchestva v pozdneimperskoj i sovetskoj Rossii i sovremennye tendencii grazhdanskoj samoorganizacii / A. S. Tumanova. – Tekst : elektronnyj // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. – 2013. – № 2. – S. 26-30. – URL: <https://www.hse.ru/data/2014/01/24/1325479086/GO-2-2013%20Tumanova.pdf> (data obrashcheniya: 17.09.2025).
5. Platon. Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome / Platon. – Moskva : «Izdatel'stvo AL'FA-KNIGA», 2013. – 1311 s. : il. – ISBN: 978-5-9922-0990-7. – Tekst : neposredstvennyj.
6. Aristotel'. Politika // Sochineniya: V 4-h t. T. 4 / Per. s drevnegrech.; Obshch. red. A. I. Dovatura. – Moskva : Mysl', 1983. – 830 s. – (Filos. nasledie. T, 90). – V nadzag.: AN SSSR. In-t filosofii. – Tekst : neposredstvennyj.
7. Ciceron, Mark Tullij. Dialogi : O gosudarstve. O zakonah / Mark Tullij Ciceron ; otv. red. S. L. Utchenko ; izd. podgot. I. N. Veselovskogo, V. O. Gorenshstein, S. L. Utchenko. – Moskva : Nauka, 1966. – 225 s. – (Literaturnye pamyatniki). – Rezhim dostupa: po podpiske. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=256401> (data obrashcheniya: 15.09.2025).
8. Aznagulova, G. M. Genezis idei grazhdanskogo obshchestva v antichnom mire i srednevekov'e / G. M. Aznagulova. – Tekst : elektronnyj // Vestnik Bashkirskogo universiteta. – 2015. T. 20. – № 1. Pravovedenie. – S. 358 – 361. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-idei-grazhdanskogo-obshchestva-v-antichnom-mire-i-srednevekovie> (data obrashcheniya: 16.09.2025).

9. Inozemceva, E. A. Grazhdanskoe obshchestvo: osnovnye social'no-filosofskie idei / E. A. Inozemceva. – Tekst : elektronnyi // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Oblast' nauk Politologicheskie nauki. – 2012. – №6(8). – S. 81-84. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obshchestvo-osnovnye-sotsialno-filosofskie-idei/viewer> (data obrashcheniya: 18.09.2025).
10. Vidova, T. A. Formirovanie elementov grazhdanskogo obshchestva v Rossii v rezul'tate reform 1860-h godov / T. A. Vidova. – Tekst : elektronnyi // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 2. Yuridicheskie nauki. – 2024. – № 3(43). – S. 15 – 22. – URL: <https://vestnik-muiv.ru/upload/iblock/73f/62og9vf688slk9e03i2xvairiz1weing.pdf> (data obrashcheniya: 18.09.2025).
11. Gobbs, T. Sochineniya v 2 t. T. 1 / Per. s lat. i angl.; Sost., red. izd., avt. vstup. st. i primech. V.V. Sokolov. – Moskva : Mysl', 1989. – 622, [2] s., 1 l. portr. – (Filos. Nasledie; T. 107). – ISBN 5-244-00020-9, ISBN5-244-00021-7. – URL: <https://www.philosophy.ru/upload/iblock/518/518bd85392bdfef4b3daf7a27883ba678.pdf> (data obrashcheniya: 15.09.2025). – Tekst : elektronnyi.
12. Lokk, Dzh. Sochineniya: V 3 t./Per. s angl. i lat. T. 3 / Red. i sost., avt. primech. A. L. Subbotin. – Moskva : Mysl', 1988. – 668[1] s.: il., 1 l. portr. – (Filos. nasledie). ISBN 5-244-00084- 5 ISBN 5-244-00085- 3. – URL: <https://azbyka.ru/deti/wp-content/uploads/2016/09/Lokk-Dzh.-Sochineniya-v-3-h-tomah-t.3-Filosof-ilovepdf-compressed.pdf> (data obrashcheniya: 15.09.2025). – Tekst : elektronnyi.
13. Bektanova, A. K. Ponyatie grazhdanskogo obshchestva v trudah anglo-amerikanskih prosvetiteley / A. K. Bektanova. – Tekst : elektronnyi // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. –2017. – № 4 (400). Filosofskie nauki. Vyp. 44. – S. 83 – 88. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-grazhdanskogo-obshchestva-v-trudah-anglo-amerikanskih-prosvetiteley/viewer> (data obrashcheniya: 16.09.2025).
14. Fergvuson, A. Opyt istorii grazhdanskogo obshchestva = An Essay on the History of Civil Society / A. Fergvuson; per. s angl. I. I. Myurberg; pod red. M. A. Abramova. Moskva : ROSSPEN, 2000. – 389, [2] s. – (Universitetskaya biblioteka politologii). – ISBN 5-8243-0124-7. – Tekst : neposredstvennyi.
15. Muhaev, R. T. Politologiya: ucheb. // R. T. Muhaev. – Moskva : Prospekt, 2010. – 640 s. – URL: <https://www.klex.ru/rz5> (data obrashcheniya: 17.09.2025).
16. Tokvil', A. Demokratiya v Amerike / A. Tokvil'. – Moskva : Progress, 1992. – 580 s. – ISBN 5-01-002-688-0. – Tekst : neposredstvennyi.
17. Gegel' G. V. F. Filosofiya prava / Per. s nem.; Red. i sost. D. A. Kerimov i V. S. Nersesyan; Avt. vstup. st. i primech. V. S. Nersesyan. – Moskva : Mysl', 1990. – 524 [2] s., 1 l. portr. – (Filos. nasledie). – ISBN 5-244-00384-4. – URL: <https://www.philosophy.ru/upload/iblock/abd/abde5e76ff2cba88a366b99cc0466084.pdf> (data obrashcheniya: 15.09.2025). – Tekst : elektronnyi.
18. Baranov, N. A. Transformacii sovremennoj demokratii: Uchebnoe posobie / N. A. Baranov; Balt. gos. tekhn. un-t. – Sankt-Peterburg, 2006. – 215 s. – URL: <https://viperson.ru/articles/baranov-n-a-transformatsii-sovremennoy-demokratii-uchebnoe-posobie> (data obrashcheniya: 15.09.2025). – Tekst : elektronnyi.
19. Ogar', Yu. A., Pavlenko, P. I. Sudebnaya vlast' v Rossii: istoriya stanovleniya / Yu. A. Ogar', P. I. Pavlenko. – Tekst : elektronnyi // European and Asian Law Review. –2025. № 2. – T. 8. – S. 50 – 64. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_2_50. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-vlast-v-rossii-istoriya-stanovleniya/viewer> (data obrashcheniya: 10.01.2026).
20. Uglov, S. A. Stanovlenie i razvitie instituta grazhdanskogo obshchestva v sovremennoj Rossii / S. A. Uglov. – Tekst : elektronnyi // Voprosy rossijskoj yusticii. Seriya: pravo. – 2021. – № 15. – S. 56 – 71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-instituta-grazhdanskogo-obshchestva-v-sovremennoj-rossii/viewer> (data obrashcheniya: 18.09.2025).
21. Marks, K., Engel's, F. Marks – Pavlu Vasil'evichu Annenkovu, 28 dekabrya 1847 god. / Sochineniya. Izdanie 2. Tom 27 // Karl Marks, Fridrih Engel's. – Moskva : POLITIZDAT, 1962. – 695 s. – URL: <http://www.uaio.ru/marx/27.htm> s (data obrashcheniya: 15.09.2025). – Tekst : elektronnyi.
22. Marks, K., Engel's, F. K kritike politicheskoy ekonomii. Predislovie. / Sochineniya. Izdanie 2. Tom 13 // Karl Marks, Fridrih Engel's. – Moskva : POLITIZDAT, 1959. – 771 s. – URL: <http://www.uaio.ru/marx/13.htm> s (data obrashcheniya: 15.09.2025). – Tekst : elektronnyi.
23. Gramshi, A. Tvoremnye tetradi. Gosudarstvo. / Izbrannye proizvedeniya v 3 t. Tom 3 // Antonio Gramshi. – Moskva : IZDATEL'STVO INOSTRANNOJ LITERATURY, 1959. – 565 s. – URL: https://www.phantastike.com/philosophy/gramsci_works_volume_3/djvu/view/ s (data obrashcheniya: 15.09.2025). – Tekst : elektronnyi.
24. Flivberg, B. Habermas i Fuko - teoretiki grazhdanskogo obshchestva // B. Flivberg. – Tekst : elektronnyi // Sociologicheskie issledovaniya. – 2000. – № 2. – S. 127-136. – URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/02-2000/015.FLYVBJERG.pdf> (data obrashcheniya: 18.09.2025).
25. Koen, D. L. Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya / Dzhin L. Koen, Endryu Arato ; per. s angl. [Myurberg I. I. i dr.]. – Moskva : Ves' mir, 2003. – 784 s. – ISBN 5-7777-0176-0. – Tekst : neposredstvennyi.
26. Hovard, Mark K. Slabost' grazhdanskogo obshchestva v postkommunisticheskoy Evrope = The Weakness of Civil Society in Post-Communist Europe / Mark M. Hovard ; per. s angl. I. E. Kokareva. – Moskva : Aspekt Press, 2009. – 190, [1] s. : il., tabl. ; 22 sm. – Zagl. i avt. orig.: The weakness of civil society in post-

- communist Europe / Marc Morje. - Bibliogr.: s. 177-189 i v primech. - ISBN 978-5-7567-0549-2 (v per.). – Tekst : neposredstvennyj.
27. Kozhevnikov, S. N. Grazhdanskoe obshchestvo: ponyatie, osnovnye priznaki, predposylki formirovaniya v Rossii / S. N. Kozhevnikov. – Tekst : elektronnyj // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: pravo. - 2002. - № 1. - S. 37 - 46. - URL: [http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990195_West_pravo_2002_1\(5\)/B_4.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/99990195_West_pravo_2002_1(5)/B_4.pdf) (data obrashcheniya: 18.09.2025).
28. Chestnov, I. L. Problema doveriya kak principa grazhdanskogo obshchestva i prava / I. L. Chestnov. – Tekst : neposredstvennyj // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom. - 2011. - № 1. – S. 7-10.
29. Regional'noe grazhdanskoe obshchestvo: dinamika razvitiya: monografiya / pod nauch. ruk. d.e.n., prof. V.A. Il'ina; kol. avt.: d.e.n. A.A. Shabunova (koordinator), k.sociol.n. D.V. Afanas'ev, k.filos.n. T.A. Guzhavina; sotrudniki ISERT RAN T.P. Kozhina, I.N. Dement'eva, D.A. Lastovkina. – Vologda: ISERT RAN, 2015. – 170 s. (Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya). - ISBN 978-5-93299-304-0. – Tekst : neposredstvennyj.
30. Smirnov, D. A. Konstituciya grazhdanskogo obshchestva: ot teorii k praktike / D. A. Smirnov, K. A. Strus'. – Tekst : elektronnyj // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. – 2013. – №6 (39). – S. 238-243. – URL: <https://vestnikskfu.elpub.ru/jour/article/view/2145> (data obrashcheniya: 17.09.2025).
31. Volkova, N. V. Grazhdanskaya aktivnost' kak zerkalo politicheskikh, duhovnykh i kul'turnykh cennostey obshchestva / N. V. Volkova, L. A. Guseva. - Tekst : elektronnyj // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013. № 5. ; URL: <https://science-education.ru/pdf/2013/5/654.pdf> (data obrashcheniya: 14.09.2025).
32. Vystuplenie V. Putina na zasedanii Soveta po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka. - oficial'nyj sait: Prezident Rossii. – Moskva. - 10 dekabrya 2024 g. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75816> (data obrashcheniya: 14.09.2025). - Tekst : elektronnyj.
- .

УДК 342

ФОРМАЛИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В КОНСТИТУЦИЯХ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО РЕГИОНА

Цеплина Т. Д.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье с учетом научных подходов к трактовкам и сопряжениям термина «самостоятельность» осуществлен анализ конституционных текстов всех зарубежных государств постсоветского региона на предмет формализации в них указанного и связанных с ним по смыслу понятий в целях раскрытия общего и особенного для обогащения конституционно-правовой науки. Выявлено, что в слово «самостоятельность» (с учетом однокоренных и производных) конституировано во всех странах постсоветского региона, в различных ее проявлениях и адресована разным – публичным и социальным – субъектам конституционных правоотношений. Установлено, что самостоятельность выступает атрибутом суверенитета государства, является элементом конституционно-правового статуса органов государственной власти (как трех функциональных ветвей власти, так и органов, обладающих особым статусом), представляет собой главный принцип автономии местного самоуправления и формализована как качество коллективных и индивидуальных социальных субъектов конституционных правоотношений. Самостоятельность органов публичной власти в качестве принципа на территориях государств постсоветского пространства проявляет себя на общегосударственном и муниципальном уровнях власти, а также на территориях автономных образований. Сделан вывод, что есть все основания определить самостоятельность в качестве конституционного универсума.

Ключевые слова: конституция, конституционные правоотношения, суверенитет, самостоятельность, независимость, публичная власть, органы публичной власти, принцип самостоятельности, государственные органы, муниципальные органы.

Для Российской Федерации государства, входившие в состав бывшего СССР, являются не просто «географическими соседями», но при всех возникающих сложностях не могут не восприниматься стратегически значимыми. На постсоветском пространстве пересекаются геополитические интересы наших стран, прежде всего, в сфере национально-государственной безопасности. В идеале формирование системы равноправных межгосударственных отношений, взаимодополняемость экономик послужит сохранению для будущих поколений общего для наших народов культурного и цивилизационного кода. В большей степени это касается стран, объединившихся в СНГ. При этом в так называемых Прибалтийских республиках – Эстонии, Латвии и Литве – проживает значительно количество наших соотечественников. С учетом этого в русле задачи поддержки соотечественников, получившей закрепление в ч. 3 ст. 69 Конституции России в ходе поправочного процесса 2020 г., данные страны наряду со странами СНГ попали в фокусную группу для рассмотрения конституирования самостоятельности органов публичной власти.

Несмотря на разные формы государственного правления и политико-территориального устройства, совместное историческое прошлое накладывает отпечаток на структуру и содержание текстов современных основных законов государств указанного региона. Определенная схожесть базовых ценностей и приоритетов, сформировавшихся под влиянием как универсальных принципов конституционализма, так и совместного опыта союзного прошлого, обуславливает общие конституционные параметры, дефиниции и понятия, среди которых наличествует такая категория, как «самостоятельность». Компаративистский анализ в целях выявления аспектов конституционного контекста термина «самостоятельность» способствует, на наш взгляд, раскрытию многогранности сопряжений и смыслов, заложенных

в характеристике этого понятия. Это, в свою очередь, позволит дополнить концептуальный аппарат конституционной теории.

Анализ текстов конституций указанной группы стран показал, что термин «самостоятельность» использован применительно к разным субъектам конституционных правоотношений.

Особое значение имеет свойство самостоятельности при определении признаков суверенной власти государства. В юридической науке под «действительной суверенностью государства» понимают «независимость, самостоятельность и самодостаточность в принятии решений, что способствует и обеспечивает существование и развитие страны» [1, с. 16]. Единого доктринального определения суверенитета государства в теории права не сложилось, но большинство учёных сходятся во мнении, что он представляет собой «юридическое выражение самостоятельности государства, верховенства и неограниченности власти внутри страны, а также независимости и равноправия во взаимоотношениях с другими государствами» [2, с. 100].

Являясь одним из краеугольных «камней» суверенитета государства, самостоятельность при осуществлении внутренней и внешней политики закреплена в фундаментальных и системообразующих нормах конституций стран СНГ, определяющих важнейшие качественные характеристики, свойственные организации данного государства и общества, в главе или разделе «Основы конституционного строя» («Общие положения»). Так, ч. 2 ст. 1 Конституции Республики Беларусь устанавливает, что «Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику» [3]. Похожие формулировки содержатся в ч. 3 ст. 1 Конституции Кыргызской Республики [4], ч. 2 ст. 1 Конституции Туркменистана [5] и ст. 1 Конституции (Основного закона) Эстонской Республики [6].

Отсутствие в конституционных текстах прямого упоминания термина «самостоятельность» при характеристике государственного суверенитета актуализирует обращение к интерпретационному способу его формулирования. Суть статуса самостоятельного субъекта осуществления внутренней и внешней политики прослеживается, к примеру, в формулировках следующих конституционных норм: «Республика Узбекистан определяет национально-государственное и административно-территориальное устройство, систему органов государственной власти, проводит свою внутреннюю и внешнюю политику (ч. 1 ст. 3 Конституции Узбекистана [7]) или «Государство обеспечивает суверенитет, независимость и территориальную целостность республики...» (ч. 2 ст. 7 Конституции Таджикистана [8]).

Полагаем, что конституционный термин «самостоятельный», интерпретируемый как «свободный от посторонних внешних влияний», наиболее точно характеризует атрибут/признак самой сущности суверенитета государства [9, с. 246]. Поддерживаем точку зрения С.И. Носова, формулирующего государственный суверенитет как «самостоятельность и независимость государства на международной арене и в решении внутренних вопросов» и считающего, что несмотря на происходящие в мире глобализационные и интеграционные процессы, суверенитет продолжает оставаться «важнейшим компонентом существующего миропорядка, залогом стабильности сложившейся системы межгосударственных отношений» [10, с. 110].

В конституционной практике анализируемой группы стран представлена формализация самостоятельности как элемента конституционно-правового статуса органов государственной власти. Так, ст. 6 Конституции Республики Беларусь устанавливает, что «Государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Государственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравнивают друг друга», а ст. 6 Конституции Туркменистана закрепляет, что «Государственная власть в Туркменистане делится на законодательную, исполнительную и судебную власти, они действуют самостоятельно, уравнивая друг друга».

В связи с приведенными формулировками отметим, что в варианте ст. 10 Конституции России [11] установлена самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти без каких-либо контекстов.

Концепция разделения властей является базовым принципом конституционного законодательства государств фокусной группы (ч. III. ст. 7 Конституции Азербайджана [12], ст. 4 Конституции Армении [13], ч. 3 ст. 4 Конституции Грузии [14], ч. 4 ст. 3 Конституции Казахстана [15], ст. 6 Конституции Молдовы [16], ст. 9 Конституции Таджикистана; ст. 4 Конституции Эстонии, ст. 6 Конституции Украины [17]). Отсутствие литерального закрепления принципа разделения властей не исключает его практической реализации как основы конституционного строя при указании компетенции органов государственной власти как, например, в ст. 5 Конституции Литвы [18].

Следует также отметить, что наиболее часто используется конституционная формула о взаимодействии ветвей власти (например, «взаимодействуют в соответствии с положениями Конституции», «взаимодействуют между собой, сдерживают и уравнивают друг друга», «взаимодействуют между собой с использованием системы сдержек и противовесов» и др.). Взаимодействие напрямую связано как с «системой сдержек и противовесов», создающей баланс между органами публичной власти, так и с функционалом современных органов, который не позволяет им действовать изолированно друг от друга, т.к. «сама государственная власть едина и осуществляется благодаря кооперации трех ее самостоятельных ветвей» [19, с. 119].

Применительно к России отметим, что согласно ч. 2 ст. 80 ее Конституции взаимодействие касается не только органов указанных функциональных ветвей власти, но всех органов, «входящих в единую систему публичной власти».

Рассматривая самостоятельность как «способность принимать решения в пределах своих полномочий и без вмешательства других государственных структур или частных лиц [20], адресованную органам государственной власти, необходимо проанализировать такие ее аспекты, как компетенционная специализация, организационно-кадровая независимость, связанная с решением вопросов внутреннего порядка работы органов и избираемых должностных лиц и финансовая автономия [21, с. 245].

Весь спектр конституционной самостоятельности органов государственной власти можно охарактеризовать как особую специализацию. Например, компетенционная самостоятельность закреплена за Президентом Республики Казахстан, который «самостоятельно назначает на должности министров иностранных дел, обороны и внутренних дел» (ч. 3 ст. 44 Конституции Казахстана); за палатами высшего пред-

ставительного органа власти: «Каждая из Палат Парламента самостоятельно, без участия другой Палаты: назначает на должности трех судей Конституционного Суда; назначает на пятилетний срок на должности двух членов Центральной избирательной комиссии, трех членов Высшей аудиторской палаты; проводит по вопросам своей компетенции Парламентские слушания; вправе по инициативе не менее одной трети от общего числа депутатов Палаты заслушивать отчеты членов Правительства Республики по вопросам их деятельности. По итогам заслушивания отчета большинством не менее чем двумя третями голосов от общего числа депутатов Палаты вправе принимать обращение к Президенту Республики об освобождении от должности члена Правительства в случае неисполнения им законов Республики. В этом случае Президент Республики освобождает от должности члена Правительства (ч. 1 и ч. 6 ст. 57); за членами Правительства Республики Казахстан, которые «самостоятельны в принятии решений в пределах своей компетенции...» (ч. 1 ст. 68).

Организационно-кадровая самостоятельность конституционно легализована в зарубежных странах постсоветского региона для общенационального парламента (или его палат). Так, Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Республики Таджикистан «самостоятельно формируют свои координационные и рабочие органы, а также образуют соответствующие комитеты и комиссии, проводят парламентские слушания по вопросам, относящимся к ведению Маджлисов» (ч. 5 ст. 53 Конституции Таджикистана); Сенат и Мажилис Республики Казахстан самостоятельно «делегируют половину членов комиссии, образуемой Парламентом при решении вопроса о досрочном освобождении Президента Республики от должности; формируют координационные и рабочие органы Палат; принимают регламент своей деятельности и иные решения по вопросам, связанным с организацией и внутренним распорядком Палаты» (ч. 1 и ч. 6 ст. 57 Конституции Казахстана); «Меджлис Туркменистана определяет полномочия депутатов самостоятельно, избирает из их числа Председателя Меджлиса Туркменистана, его заместителя, формирует комитеты и комиссии» (ст. 80 Конституции Туркменистана).

При конституционной характеристике третьей – судебной – функциональной ветви власти, отметим, что в дополнение к организационной самостоятельности данной ветви власти к самим ее носителям – судьям – применен термин «независимость». К примеру, в интересующем нас аспекте в конституциях используется выражение: «судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону» (например, ст. 110 Конституции Беларусь, ч. 1 ст. 77 Конституции Казахстана, ч. 1 ст. 95 Конституции Кыргызстана, ст. 83 Конституции Латвии [22]). Такого рода независимости служит одна из важнейших гарантий, а именно бюджетное финансирование судов, что позволяет обеспечивать беспристрастность и независимость судейского корпуса. К примеру, Конституция Кыргызстана содержит ст. 99, иллюстрирующую финансовую автономию судебной власти: «Финансирование судов производится за счет средств республиканского бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия. Бюджет судебной системы формируется судебной властью самостоятельно и включается в республиканский бюджет».

Помимо самостоятельности органов традиционной функциональной принадлежности в конституционных текстах проявляет себя специализация самостоятельности

государственных органов, обладающих особым статусом. Прежде всего в конституционном законодательстве отдельное внимание уделяется органам прокуратуры. В тех странах, где прокуратура не входит в структуру судебной власти, упор делается на ее независимости и самостоятельности через отдельные главы/разделы, характеризующие конституционно-правовой статус этого органа (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан).

В государствах, где прокуратура входит в судебную ветвь власти, в целях повышения эффективности деятельности по осуществлению полномочий прокуратуры независимо от внешнего давления и вмешательства предусмотрительно формализована ее самостоятельность. Например, ст. 124 Конституции Молдовы гласит, что «Прокуратура является самостоятельным публичным учреждением в системе судебной власти, содействующим осуществлению правосудия, защите прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства посредством уголовного производства и иных предусмотренных законом производств».

Помимо государственного уровня публичной власти самостоятельность адресована также автономным образованиям в составе государства. Тем самым конституционно обеспечивается возможность автономных образований независимо и под свою ответственность перед населением и государством (в пределах, установленных конституцией и законами страны) регламентировать и осуществлять деятельность публичных органов власти в соответствующих территориальных образованиях. Примером тому служит ст. 135 Конституции Азербайджана, формализующая принцип самостоятельности в решении вопросов, отнесенных к ведению органов государственной власти Нахчыванской/Нахичеванской Автономной Республики (Али Меджлиса, Кабинета Министров и судов) и ст. 111 Конституции Молдовы устанавливающая, что автономно-территориальное образование Гагаузия «самостоятельно, в пределах своей компетенции, в соответствии с положениями Конституции Республики Молдова, решает вопросы политического, экономического и культурного характера в интересах всего населения».

Особо интересна в рассматриваемом ракурсе формулировка ст. 88 Конституции Узбекистана, предоставляющая входящей в ее состав Республике Каракалпакстан право «самостоятельно решать вопросы своего административно-территориального устройства». Развивая это право в ст. 3 Конституции Республики Каракалпакстан, закреплено, что Каракалпакстан «самостоятельно решает вопросы своего административно-территориального устройства, определяет систему органов государственной власти и управления, проводит политику, согласованную с политикой Республики Узбекистан». Таким образом, самостоятельность автономных образований распространяется на организационно-институциональную, территориальную и предметную сферы, установленные общегосударственной конституцией.

Ориентируясь при составлении конституционных текстов (в части организации местного самоуправления) на Европейскую хартию местного самоуправления 1985 г. и Модельный закон стран-участниц СНГ «Об общих принципах организации местного самоуправления» [23], почти все постсоветские государства включили в их содержание принцип самостоятельности органов местного самоуправления. Демонстрирует целый перечень принципов, гарантирующих самостоятельность муниципалитетов, ст. 146 Конституции Азербайджана, включающая компетенционную независимость при осуществлении полномочий (абсолютизировать которую невер-

но, т.к. органы местного самоуправления самостоятельны лишь в пределах своих полномочий, находясь в системе публично-властных отношений, они действуют целях осуществления единой государственной политики), ответственность как перед гражданами, проживающими на территории муниципального образования, так и перед органами государственной власти Азербайджана (возможен даже отчет перед Милли Меджлисом Азербайджанской Республики (ч. IV), «судебную защиту муниципалитетов и возмещение дополнительных расходов, возникших в результате решений государственных органов»).

Доказывают компетенционную самостоятельность органов местного самоуправления: ст. 120 Конституции Литвы, определяющая, что территориально-административные единицы действуют свободно и самостоятельно пределах компетенции, установленной Конституцией и законами; ч. 4 ст. 89 Конституции Казахстана, гарантирующая «самостоятельность органов местного самоуправления в пределах их полномочий, установленных законом»; ч. 2 ст. 112 Конституции Молдовы, в соответствии с которой «местные советы и примары действуют как самостоятельные управляющие власти и решают общественные дела сел и городов»; ч. 2 ст. 127 Конституции Узбекистан, гласящая, что «органы самоуправления граждан ... вправе самостоятельно решать вопросы местного значения исходя из интересов граждан, исторических особенностей развития, а также национальных ценностей, местных обычаев и традиций».

Акцент на финансовую и экономическую самостоятельность органов публичной власти на местном уровне сделан в тексте ст. 157 Конституции Эстонии, согласно которой «самоуправление имеет самостоятельный бюджет, основы и порядок формирования которого устанавливаются законом».

Самостоятельность органов местного самоуправления в кадрово-организационной сфере установлена ст. 76 Конституции Грузии, определяющей, что «самоуправляющая единица самостоятельно устанавливает свое организационное устройство в соответствии с органическим законом, самостоятельно принимает кадровые решения в соответствии с органическим законом и законодательством, регулирующим публичную службу».

Таким образом, несмотря на разные модели закрепления конституционного принципа самостоятельности органов местного самоуправления, он подчеркивает важность и значимость участия муниципальных образований в решении вопросов местного значения как наиболее приближенных к населению органов публичной власти.

Упоминается термин самостоятельность в конституциях государств постсоветского региона также применительно и к социальным субъектам. Так, гражданам рассматриваемых государств предоставлено право: «бастовать самостоятельно или совместно с другими» (ч. I ст. 36 Конституции Азербайджана); «самостоятельно оказывать сопротивление мятежу против государства или государственному перевороту...» (ч. II ст. 54 Конституции Азербайджана); «самостоятельно определять свое отношение к религии» (ст. 36 Конституции Беларуси, ст. 41 Конституции Туркменистана); «самостоятельно реагировать законными способами на нарушение своих прав и свобод» (ч. 2 ст. 26 Конституции Молдовы); на помощь в создании условий для социально уязвимых граждан в целях полноценного участия в обще-

ственной и государственной жизни, на расширение их возможностей самостоятельно обеспечивать свои базовые жизненные потребности (ч. 1 ст. 57 Конституции Узбекистана); на самостоятельный выбор предпринимательской деятельности в соответствии с законодательством (ч. 2 ст. 67 Конституции Узбекистана).

Кроме граждан качеством самостоятельности конституционно наделены коллективные социальные субъекты, например, различные формы самоорганизации граждан. Демонстрирует данное положение ст. 45 Конституции Литвы, установившая, что «национальные общины граждан самостоятельно занимаются делами своей национальной культуры, просвещением, благотворительностью, взаимопомощью» и ст. 50 Конституции Литвы, которая наделившая свободой образования и самостоятельного действия профессиональные союзы, защищающие «профессиональные, социально-экономические права и интересы работников».

В Республике Кыргызстан самостоятельностью наделен народ, являющийся субъектом конституционного нормотворчества: «Самостоятельное определение основ конституционного строя является суверенным правом народа Кыргызской Республики» (ч. 1 ст. 2).

Следовательно, в конституциях стран, входивших в состав бывшего Советского Союза, самостоятельность формализована в различных ее проявлениях, что дает основания определять ее в качестве универсума. Самостоятельность выступает атрибутом суверенитета государства, является элементом конституционно-правового статуса органов государственной власти (как трех функциональных ветвей власти, так и органов, обладающих особым статусом), представляет собой главный принцип автономии местного самоуправления и формализована как качество коллективных и индивидуальных социальных субъектов конституционных правоотношений. Самостоятельность органов публичной власти в качестве принципа на территориях государств постсоветского пространства проявляет себя на общегосударственном и муниципальном уровнях власти, а также на территориях автономных образований.

Список литературы:

1. Кокурина О.Ю. Структура факторов государственности и суверенитет в свете системно-органического подхода // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2022. № 4.
2. Бирюков П.Н. Международное право: учебник для вузов. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/589446> (дата обращения: 03.02.2026).
3. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь; <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (Дата обращения 10.01.2026)
4. Конституция Кыргызской Республики от 11 апреля 2021 г. / Официальный сайт Кабинета министров Кыргызской Республики; <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (Дата обращения 10.01.2026)
5. Конституция Туркменистана от 18 мая 1992 г. / Официальный сайт Меджлиса Туркменистана; <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya>
6. Конституция Эстонской Республики от 28 июня 1992 г. / <http://www.parliament.am/library/sahmanadrutyunner/ESTONIA.pdf>
7. Конституция Республики Узбекистан от 8 декабря 1992 г. / Официальный сайт; <https://constitution.uz/ru/clause/inde>
8. Конституция Республики Таджикистан 6 ноября 1994 г. / Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан; <https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya>
9. Цеплина Т.Д. Самостоятельность публичных органов: понятийные трактовки и сопряжения // Конституционализм: симбиоз науки и практики: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, д.ю.н., проф. Н.В. Витрука (Белгород, 14 ноября 2025 г.). – Белгород: ООО «ГиК», 2025.

10. Носов С.И. Суверенитет государства в условиях глобализации: новые угрозы и вызовы // Право и образование. 2015. № 3.
11. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // <http://www.kremlin.ru/acts/constitution?ysclid=mlj4vdgnhd9863989>
12. Конституция Азербайджанской Республики 27 ноября 1995 г. (с дополнениями и изменениями, принятыми на всенародном голосовании (референдуме) 24 августа 2002 г., 8 марта 2009 г., 26 сентября 2016 г. / Официальный сайт Президента Азербайджанской республики; <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution>
13. Конституция Республики Армения от 27 ноября 2005 г. / Официальный сайт Президента Республики Армения; <https://www.president.am/ru/constitution-2015>
14. Конституция Грузии от 24 августа 1995 г. / Законодательный Вестник Грузии; <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36>
15. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. / Официальный сайт Президента Республики Казахстан; https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution
16. Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 г. / Официальный сайт Президента Республики Молдова; https://presedinte.md/app/webroot/Constitutia_RM/Constitutia_2024_ru.pdf
17. Конституция Украины Принята украинским референдумом 7 мая 2021 года с изменениями, одобренными в ходе народного голосования 31 января 2023 года // <https://konstitutsiya.ua/ru/konstitutsiya-ua-ru-rus.pdf?ysclid=mlj52xg3v4643952500>
18. Конституция Литовской Республики от 25 октября 1992 г.; <http://www.parliament.am/library/sahmanadrutyunner2019/litva.pdf>
19. Сажина В.В. Реализация принципа разделения властей в зарубежном конституционном праве // Конституционный дискурс в условиях трансформационных процессов: сборник научных статей Международного круглого стола, посвященного 25-летию Конституции Республики Беларусь / [редакционная коллегия: В.В. Лосев, Н.О. Мороз, А.С. Бакун]. – Минск: МИТСО, 2019.
20. Петров В.В., Кузнецова И.Н. Публичные институты и их конституционные основы. – М.: Проспект, 2020. С. 95-97.
21. Цеплина Т.Д. Принцип самостоятельности публичных органов: конституционные основы понимания // Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития : Материалы международной научно-теоретической конференции– XII Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Белгород, 25 апреля 2025 г.). – Белгород, 2025.
22. Конституция Латвийской Республики от 15 февраля 1922 г. / Официальный сайт Президента Латвийской Республики; // <https://www.president.lv/ru/latviiskaya-respublika/konstitucija-latvii>
23. Модельный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления» (принят постановлением на десятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 6 декабря 1997 г. № 10-17 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1998. № 16.

Tseplina T. D. Formalization of independence in the constitutions of post-soviet states // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 2. – S. 290-298.

In the article, taking into account scientific approaches to the interpretation and juxtaposition of the term “independence,” the constitutional texts of all foreign states in the post-Soviet region were analyzed to determine whether they formalize the concept of “independence” and related concepts in order to reveal the general and specific aspects for the enrichment of constitutional law science. It was revealed that the word “independence” (including its synonyms and derivatives) is constituted in all countries of the post-Soviet region, in various forms, and is addressed to various public and social subjects of constitutional legal relations. It has been established that independence is an attribute of the state's sovereignty, an element of the constitutional and legal status of state authorities (both the three functional branches of government and bodies with special status), a fundamental principle of local self-government autonomy, and a formalized quality of collective and individual social entities subjects of constitutional legal relations. The independence of public authorities as a principle in the territories of the post-Soviet states manifests itself at the national and municipal levels of government, as well as in the territories of autonomous entities. It is concluded that there is every reason to define independence as a constitutional universal.

Keywords: constitution, constitutional legal relations, sovereignty, independence, public authority, public authorities, principle of independence, state bodies, municipal bodies

Spisok literaturey:

1. Kokurina O.Yu. Struktura faktorov gosudarstvennosti i suverenitet v svete sistemno-organicheskogo podxoda // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2022. № 4.

2. Biryukov P.N. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik dlya vuzov. – 11-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2026. – Tekst: e'lektronny'j // Obrazovatel'naya platforma Yurajt [sajt]. – URL: <https://urait.ru/bcode/589446> (data obrashheniya: 03.02.2026).
3. Konstituciya Respubliki Belarus' ot 15 marta 1994 g. / Nacional'ny'j pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus'; <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (Data obrashheniya 10.01.2026)
4. Konstituciya Ky'rgy'zskoj Respubliki ot 11 aprelya 2021 g. / Oficial'ny'j sayt Kabineta ministrov Ky'rgy'zskoj Respubliki; <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (Data obrashheniya 10.01.2026)
5. Konstituciya Turkmenistana ot 18 maya 1992 g. / Oficial'ny'j sayt Medzhhlisa Turkmenistana; <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya>
6. Konstituciya E'stonskoj Respubliki ot 28 iyunya 1992 g. / <http://www.parliament.am/library/sahmanadrutyunner/ESTONIA.pdf>
7. Konstituciya Respubliki Uzbekistan ot 8 dekabrya 1992 g. / Oficial'ny'j sayt; <https://constitution.uz/ru/clause/inde>
8. Konstituciya Respubliki Tadjhikistan 6 noyabrya 1994 g. / Oficial'ny'j sayt Ministerstva inostranny'x del Respubliki Tadjhikistan; <https://www.mfa.tj/ru/main/tadjhikistan/konstitutsiya>
9. Ceplina T.D. Samostoyatel'nost' publichny'x organov: ponyatijny'e traktovki i sopryazheniya // Konstitucionalizm: simbioz nauki i praktiki: Materialy' Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj pamyati zasluzhennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii, zasluzhennogo yurista Rossii, d.yu.n., prof. N.V. Vitruka (Belgorod, 14 noyabrya 2025 g.). – Belgorod: OOO «GiK», 2025.
10. Nosov S.I. Suverenitet gosudarstva v usloviyax globalizacii: novy'e ugrozy' i vy'zovy' // Pravo i obrazovanie. 2015. № 3.
11. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 goda // <http://www.kremlin.ru/acts/constitution?ysclid=mlj4vldgnhd9863989>
12. Konstituciya Azerbajdzhanskoj Respubliki 27 noyabrya 1995 g. (s dopolneniyami i izmeneniyami, prinyaty'mi na vsenarodnom golosovanii (referendume) 24 avgusta 2002 g., 8 marta 2009 g., 26 sentyabrya 2016 g./ Oficial'ny'j sayt Prezidenta Azerbajdzhanskoj respubliki; <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution>
13. Konstituciya Respubliki Armeniya ot 27 noyabrya 2005 g. / Oficial'ny'j sayt Prezidenta Respubliki Armeniya; <https://www.president.am/ru/constitution-2015>
14. Konstituciya Gruzii ot 24 avgusta 1995 g. / Zakonodatel'ny'j Vestnik Gruzii; <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36>
15. Konstituciya Respubliki Kazaxstan ot 30 avgusta 1995 g. / Oficial'ny'j Prezidenta Respubliki Kazaxstan; https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution
16. Konstituciya Respubliki Moldova ot 29 iyulya 1994 g. / Oficial'ny'j sayt Prezidenta Respubliki Moldova; https://presedinte.md/app/webroot/Constitutia_RM/Constitutia_2024_ru.pdf
17. Konstituciya Ukrainy' Prinyata ukrainskim referendumom 7 maya 2021 goda s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode narodnogo golosovaniya 31 yanvarya 2023 goda // <https://konstitutsiyaua.ru/konstitutsiyaua-ru-rus.pdf?ysclid=mlj52xg3v4643952500>
18. Konstituciya Litovskoj Respubliki ot 25 oktyabrya 1992 g.; <http://www.parliament.am/library/sahmanadrutyunner2019/litva.pdf>
19. Sazhina V.V. Realizaciya principa razdeleniya vlastej v zarubezhnom konstitucionnom prave// Konstitucionny'j diskurs v usloviyax transformacionny'x processov: sbornik nauchny'x statej Mezhdunarodnogo kruglogo stola, posvyashhenного 25-letiyu Konstitucii Respubliki Belarus' / [redakcionnaya kollegiya: V.V. Losev, N.O. Moroz, A.S. Bakun]. – Minsk: MITSO, 2019.
20. Petrov V.V., Kuznecova I.N. Publichny'e instituty' i ix konstitucionny'e osnovy'. – M.: Prospekt, 2020. S. 95-97.
21. Ceplina T.D. Princip samostoyatel'nosti publichny'x organov: konstitucionny'e osnovy' ponimaniya // Pravo i gosudarstvo v sovremennom mire: sostoyanie, problemy', tendencii razvitiya : Materialy' mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii– XII Mezhdunarodny'e «Mal'cevskie chteniya» – pamyati zasluzhennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii, chlena-korrespondenta RAN, doktora yuridicheskix nauk, professora Mal'ceva Gennadiya Vasil'evicha (Belgorod, 25 aprelya 2025 g.). – Belgorod, 2025.
22. Konstituciya Latvijskoj Respubliki ot 15 fevralya 1922 g. / Oficial'ny'j sayt Prezidenta Latvijskoj Respubliki; // <https://www.president.lv/ru/latviiskaya-respublika/konstituciya-latvii>
23. Model'ny'j zakon «Ob obshhix principax organizacii mestnogo samoupravleniya» (prinyat postanovleniem na desyatom plenarnom zasedanii Mezhparlamentskoj Assamblei gosudarstv – uchastnikov SNG ot 6 dekabrya 1997 g. № 10-17 // Informacionny'j byulleten' Mezhparlamentskoj Assamblei gosudarstv – uchastnikov SNG. 1998. № 16.

УДК: 342.55

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОКУРАТУРЫ КРЫМА В ПЕРИОД С 1991 Г. ПО 2021 Г.

Абасов Г. Г.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ

В статье рассматривается конституционно-правовой статус прокуратуры Крыма в период с 1991 г. по 2021 г. Подчеркивается, что конституционно-правовой статус прокуратуры Крыма в указанный период во многом определялся конституционно-правовым статусом самой Республики и в своей эволюции прошла несколько этапов. Дается авторская периодизация развития конституционно-правового статуса прокуратуры Крыма в период с 1991 г. по 2021 г. Утверждается, что конституционно-правовой статус прокуратуры Республики Крым соответствует конституционно-правовому статусу прокуратуры Российской Федерации, начиная с марта 2014 г. Поэтому, также рассматриваются отдельные аспекты конституционно-правового статуса прокуратуры Российской Федерации в рамках поправок, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г.

Ключевые слова: правовой статус Республики Крым, Конституция Республики Крым, конституционно-правовой статус прокуратуры Крыма, прокуратура Российской Федерации.

Проблемы конституционно-правового регулирования деятельности прокуратуры России рассмотрены в большом количестве работ ведущими отечественными учеными. Однако вопрос о конституционно-правовом статусе и определении места прокуратуры в современной системе органов государственной власти РФ вызывает серьезные дискуссии. Не останавливаясь на дискуссии о понятии конституционно-правового статуса и о теоретико-методологических подходах к данному определению [1, с.4], рассмотрим конституционно-правовой статус прокуратуры Крыма в период с 1991 г. по 2021 г.

Формирование органов прокуратуры на территории Крыма началось в конце XVIII в. История становления и развития прокуратуры Крыма в большей части неразрывно связана с прокуратурой России [4]. Конституционно-правовой статус Крыма, в разные этапы его развития, во многом определял и конституционно-правовой статус прокуратуры Крыма в период с 1991 г. по 2021 г. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что прокуратура Республики Крым также прошла несколько этапов развития в указанный период. Первый, можно выделить с 1991 г. до мая 1992 г., второй этап - с мая 1992 г. до марта 1995 г., третий этап с марта 1995 г. до марта 2014 г. и четвертый этап с марта 2014 г. по н.в.

В соответствии с Законом Украины от 01.12.1991 г. «О прокуратуре», принятом Верховным Советом УССР, прокуратура Республики Крым входила в систему прокуратуры Украины, которую возглавлял Генеральный прокурор Украины. Генеральный прокурор Украины назначался Верховным Советом УССР и был подотчетен только ему. Такой статус прокуратуры Крыма сохранила до принятия Конституции Республики Крым 6 мая 1992 г.

Согласно Конституции Республики Крым, прокуратура Крыма не входила в систему прокуратуры Украины и была подотчетна только Верховному Совету Крыма. В соответствии со ст. 147 высший надзор за соблюдением законности на территории Республики, осуществлялся Прокурором Республики и подчиненными ему прокурорами. На прокуратуру также возлагалась обязанность осуществления уголовного преследования в случаях посягательства на права и законные интересы

граждан, общества и государства, а также поддержание государственного обвинения в суде.

Ст. 148 Конституции закрепила порядок назначения прокурора Республики Верховным Советом Крыма по представлению Президента (после изменений, внесенных Законом Республики Крым от 7.09.1994 г. № 160-1, слова «по представлению Президента» были исключены), его ответственность перед Верховным Советом Крыма. В соответствии со ст. 149 Конституции, Прокуроры осуществляли свои полномочия независимо и подчинялись только Конституции и законам. Отмена Верховной Радой Украины 17.03.1995 г. Конституции Крыма от 6.05.1992 г., ликвидация поста президента Крыма, отмена Закона Украины «О разграничении полномочий между органами государственной власти Украины и Крыма», то есть демонтаж признаков внутреннего и внешнего суверенитета государственности Республики Крым Киевом, существенно изменили правовой статус прокуратуры Крыма.

Конституция Украины 1996 г. определила прокуратуру Украины как независимый централизованный государственный орган. Однако, прокуратура Украины не входила в систему органов государственной власти.

В 1998 г. принята Конституция Автономной Республики Крым (далее - АРК). Ст. 41 закрепила организацию и деятельность органов прокуратуры в АРК в соответствии с Конституцией Украины 1996 г. и законами Украины, прежде всего, Законом Украины «О прокуратуре» от 5.11.1991 г. Отныне органы прокуратуры Республики входили в систему органов прокуратуры Украины. Прокурор АРК назначался Генеральным прокурором Украины по согласованию с Верховным Советом АРК. Генеральный прокурор Украины также назначал заместителей прокурора АРК, городских, районных, межрайонных, а также приравненных к ним других прокуроров. В полномочия Верховной Рады АРК входило право заслушивать информацию Прокурора АРК и поднимать вопрос о его освобождении от должности перед Генеральным прокурором Украины.

После принятия Республики Крым в состав России и, образования в РФ двух новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополь (Федеральным конституционным законом от 21.03.2014 г. № 6-ФКЗ в часть первую статьи 65 Конституции РФ включены новые субъекты РФ Республика Крым и город Федерального значения Севастополь), соответственно, изменился и статус прокуратуры Республики Крым. Отныне прокуратура Республики Крым входит в систему прокуратуры РФ

Учитывая вышеизложенное, можем утверждать, что конституционно-правовой статус прокуратуры Республики РФ Федерации, начиная с марта 2014 г.

Ст. 87 Конституции Республики Крым от 11.04.2014 г. была посвящена статусу органов прокуратуры. Согласно данной норме, Прокуратура Республики Крым осуществляла надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Республики Крым, выполняла иные функции, установленные федеральными законами.

Прокурор Республики Крым назначался на должность Президентом РФ по представлению Генерального прокурора РФ, согласованному с Главой Республики Крым и Государственным Советом Республики Крым. Прокурор Республики Крым освобождался от должности Президентом РФ. Прокуроры районов, городов и

приравненные к ним прокуроры назначались на должность и освобождались от должности Генеральным прокурором РФ. Однако, в соответствии с новой редакцией Конституции РФ, внесены изменения в Конституцию Республики Крым законом Республики Крым от 20 мая 2022 г., согласно которому ст. 87 исключена.

Поправки в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. внесли некоторые изменения в конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации, а конституционно-правовой статус прокуратуры Республики Крым, как и статус прокуратур других субъектов РФ, является элементом конституционно-правового статуса прокуратуры РФ в целом [5, с. 340]. Поэтому, необходимо осветит некоторые аспекты конституционно-правового статуса прокуратуры РФ.

Научные дискуссии о понятии и содержании конституционно-правового статуса прокуратуры РФ продолжают оставаться актуальными и сегодня. Винокуров А. Ю. считает, что новая редакция ст. 129 Конституции РФ, к сожалению, не смогла четко определить конституционно-правовой статус прокуратуры, хотя был такой шанс [3].

Вопрос места прокуратуры в системе органов государственной власти остается дискуссионным, поскольку в Конституции России отсутствует однозначный ответ на данный вопрос. Векшин В.П. считает, что прокуратура на нормативном уровне выведена из системы разделения властей и не относится ни к одной из трех ветвей власти [2, с. 8]. Хотя и данное утверждение остается спорным, но многие ученые солидарны с ним.

Поэтому, напомним, что в научной литературе встречаются разные понимания места прокуратуры в системе органов государственной власти России. Кроме законодательной, исполнительной, судебной власти, иногда выделяют президентскую и контрольно-надзорную ветвь власти, куда может входить прокуратура.

Не углубляясь в дискуссию о конституционно-правовом статусе прокуратуры РФ, в том числе прокуратуры Республики Крым, выделим один аспект, отметив особый характер связи института президентства и исполнительной власти в России, который позволяет нам говорить об исполнительном характере деятельности прокуратуры. В этом контексте немаловажное значение имеет порядок формирования руководства прокуратуры РФ и правовая позиция Конституционного Суда РФ.

Согласно п. е.1 ст. 83 Конституции РФ, порядок формирования руководства прокуратуры РФ такой же, как порядок назначения руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), руководство деятельностью которых осуществляет Президент РФ. Исходя из этой нормы, можно сделать вывод, что Прокуратура РФ подконтрольна Президенту РФ.

А Президент РФ, как свидетельствует анализ ряда статей Конституции РФ, является руководителем исполнительной власти. Достаточно рассмотреть п. б ст. 83 и ч.1 ст.110 Конституции РФ. П. б ст. 83 гласит о том, что Президент осуществляет общее руководство Правительством РФ и вправе председательствовать на заседаниях Правительства РФ, а ч.1 ст.110 прямо указывает что, исполнительную власть РФ осуществляет Правительство РФ под общим руководством Президента РФ.

Ч.3 ст.129 новой редакции Конституции РФ определяет порядок формирования руководящего состава Генеральной прокуратуры, а ч.4 ст.129 прокуратур субъектов РФ. Согласно данной конституционной норме, Генеральный прокурор РФ, заместители Генерального прокурора РФ, прокуроры субъектов РФ назначаются на

должность после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от должности Президентом РФ. Соответственно, при назначении прокурора Республики Крым, согласие Главы Республики Крым и Государственного Совета Республики Крым, как прежде, не требуется.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в заключении Конституционного суда РФ от 16.03.2020 N 1-3 о соответствии внесенных поправок к Конституции положениям Глав 1, 2 и 9, в п. 5.4 Заключения гласит, что «...данные изменения не могут расцениваться как несовместимые с принципами федеративного устройства, поскольку эти принципы не предполагают обязательного непосредственного участия субъектов Российской Федерации в формировании федеральных органов государственной власти, к которым относится прокуратура Российской Федерации ...».

Исходя из изложенного можно было бы сделать вывод о том, что, прокуратура РФ, сохраняя свою независимость от других государственных органов и будучи отдельным ведомством как федеральный орган государственной власти, относится к федеральным органам исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент РФ. Однако, согласно Указу Президента РФ от 09.03.2004 N 314 (ред. от 27.03.2023) "О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти", где установлено, что в систему федеральных органов исполнительной власти входят федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства. В этом перечне отсутствует прокуратура РФ. Поэтому, такое утверждение вряд ли можно считать корректным. Таким образом, конституционно-правовой статус прокуратуры Крыма менялся в зависимости от изменения конституционно-правового статуса самой Республики Крым в период с 1991 г. по 2021 г. и соответствует конституционно-правовому статусу прокуратуры РФ, начиная с марта 2014 г.

Список литературы:

1. Абасов Г.Г. Сравнительный анализ конституционно-правового статуса Верховной Рады Автономной Республики Крым и Государственного Совета Республики Крым // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 4. С. 3-8.
2. Векшин В.П. Конституционно-правовой статус прокуратуры // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 1. С. 3-9
3. Винокуров А.Ю. К вопросу о конституционно-правовом статусе прокуратуры России // Крымские юридические чтения. Развитие конституционализма в России: сб. материалов науч.- практ. конф.(г. Симферополь, 10-11 июня 2020г.). В 2т. / Под общ.ред. Н.Н.Колюки; сост. Т.Л.Козлов, Е.А.Осадчук, Н.В.Мамченко. – Симферополь: ООО «Амирит», 2020. – Т.1. – 408 с.
4. История прокуратуры Крыма / Р. И. Хаяли, И. П. Задерейчук; под общ. ред.: Н. Н. Колюки. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. 208 с.
5. Кудряшова А. В. О правовом статусе прокуратуры субъекта Российской Федерации // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2011. – № 3. С. 340-343.

Abasov G. G. Constitutional and legal status of the prosecutor's office of Crimea from 1991 to 2021
// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 299-303.

The article examines the constitutional and legal status of the Prosecutor's Office of Crimea from 1991 to 2021. It emphasizes that the constitutional and legal status of the Prosecutor's Office of Crimea during this period was largely determined by the constitutional and legal status of the Republic itself, and it went through several stages in its evolution. The article provides an author's periodization of the development of the constitutional and legal status of the Prosecutor's Office of Crimea from 1991 to 2021. It is argued that the constitutional and legal status of the Prosecutor's Office of the Republic of Crimea corresponds to the constitutional and legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation since March 2014. Therefore, certain aspects of the constitutional and legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation are also considered within the framework of the amendments made to the Constitution of the

Russian Federation in 2020.

Keywords: legal status of the Republic of Crimea, Constitution of the Republic of Crimea, constitutional and legal status of the Prosecutor's Office of Crimea, Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1. Abasov G.G. Sravnitel'nyj analiz konstitucionno-pravovogo statusa Verhovnoj Rady Avtonomnoj Respubliki Krym i Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2015. – № 4. S. 3-8.
 2. Vekshin V.P. Konstitucionno-pravovoj status prokuratury // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2015. – № 1. C. 3-9
 3. Vinokurov A.Yu. K voprosu o konstitucionno-pravovom statute prokuratury Rossii // Krymskie yuridicheskie chteniya. Razvitie konstitucionalizma v Rossii: sb. materialov nauch.- prakt. konf.(g. Simferopol', 10-11 iyunya 2020g.). V 2t. / Pod obshch.red. N.N.Kolyuki; sost. T.L.Kozlov, E.A.Osadchuk, N.V.Mamchenko. – Simferopol': OOO «Amirit», 2020. – T.1. – 408 s.
 4. Istoriya prokuratury Kryma / R. I. Hayali, I. P. Zaderejchuk; pod obshch. red.: N. N. Kolyuki. Simferopol' : IT «ARIAL», 2016. 208 s.
 5. Kudryashova A. V. O pravovom statute prokuratury sub'ekta Rossijskoj Federacii // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. – 2011. – № 3. S. 340-343.
- .

УДК 796:351.749

**ОСОБЕННОСТИ ВЕДОМСТВЕННОГО НОРМАТИВНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОВД К ДЕЙСТВИЯМ,
СВЯЗАННЫМ С ОБЕЗОРУЖИВАНИЕМ ПРИ УГРОЗЕ ОГНЕСТРЕЛЬНЫМ
ОРУЖИЕМ**

Бокий А. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье анализируются особенности ведомственного регулирования процесса специальной физической подготовки в органах внутренних дел. Представлена описательная часть приемов защиты от угрозы оружием в ведомственных нормативных документах прошлых лет и в действующем Порядке подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации. Автор указывает на существующие недостатки процесса подготовки сотрудников полиции и предлагает основные направления совершенствования научно-методического и нормативного обеспечения исследуемой сферы специальной подготовки.

Ключевые слова: ведомственное нормативное регулирование, Порядок подготовки кадров, специальная подготовка, сотрудник органов внутренних дел, боевые приемы борьбы, приемы обезоруживания.

Способность сотрудника полиции эффективно действовать в нестандартных и экстремальных ситуациях напрямую зависит от уровня его специальной подготовки. При этом приоритетом для должностного лица является сохранение собственной жизни и здоровья, а также обеспечение безопасности граждан. Организация процесса подготовки личного состава органов внутренних дел в последние годы претерпела значительные изменения, которые связаны с необходимостью выполнения оперативно-служебных и служебно-боевых задач в особых условиях.

Порядок организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел РФ, утвержденный приказом МВД России от 2.02.2024 г. № 44 (далее – Порядок), вносит определенные изменения и в процесс физической подготовки сотрудников ведомства. Документ дифференцирует раздел общей физической подготовки, служебно-прикладной раздел, а также раздел тактики применения боевых приемов борьбы [1]. Отдельные аспекты двух последних указанных разделов, связанные с техническими и тактическими особенностями обезоруживания правонарушителя, являются предметом нашего исследования.

Проводимое нами исследование затрагивает важное направление подготовки сотрудников органов внутренних дел, а также курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России. Специфика формирования технико-тактических навыков обезоруживания правонарушителя при угрозе короткоствольным и длинноствольным оружием, на наш взгляд, пока недостаточно освещена. Учитывая недавние изменения ведомственной регламентации процесса профессиональной служебной и физической подготовки в органах внутренних дел, научная и методическая разработка указанного раздела является крайне актуальной.

На сегодняшний день в научной и учебно-методической литературе не уделено должного внимания специальным методикам формирования у сотрудников полиции навыков обезоруживания. В свою очередь ведомственные документы и немногочисленные грифованные пособия содержат достаточно ограниченный перечень защитных технических и тактических действий при угрозе огнестрельным оружием с

близкой дистанции. Считаем, что указанные действия представляют собой важный компонент служебно-прикладной физической и тактико-специальной подготовок. Первоначальный этап нашей работы включает анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих оперативно-служебную деятельность сотрудников органов внутренних дел МВД России, научной и методической литературы, посвященной проблеме обучения личного состава защитным действиям при угрозе оружием.

Целью исследования является совершенствование процесса подготовки сотрудников органов внутренних дел к ситуациям, связанных с угрозой короткоствольным и длинноствольным оружием. Практической значимостью работы будет конкретизация и систематизация исследуемых приемов обезоруживания, представление их описательной части и визуализация в соответствии с последними требованиями ведомственных нормативных документов. Основные результаты исследования могут быть внедрены в учебный процесс ведомственных образовательных организаций, а также использоваться с процессе подготовки кадров территориальными органами на местах.

Организация эффективной физической подготовки в органах внутренних дел носит приоритетный характер. Наличие определенных проблем и недостатков в данной сфере, а также необходимость подготовки сотрудников полиции к действиям в особых условиях привело в последние годы к изменению ведомственного нормативного регулирования всей системы профессиональной служебной и физической подготовки [2]. К сожалению, на сегодняшний день во многих практических подразделениях можно отметить невысокий уровень физической подготовки и уровень подготовки по другим профессионально значимым направлениям (тактическая, огневая подготовка и пр.).

В соответствии с действующими нормативными документами, физическая подготовка в органах внутренних дел осуществляется посредством проведения практических занятий и имеет следующее разделение: 1) раздел общей физической подготовки, в ходе изучения которого рассматриваются и отрабатываются упражнения по общей физической подготовке (упражнения прикладной гимнастики, атлетической подготовки и легкой атлетики, ускоренное передвижение, преодоление препятствий, лыжная подготовка, плавание, спортивные игры); 2) служебно-прикладной раздел, в ходе изучения которого рассматриваются и отрабатываются специальные физические упражнения (боевые приемы борьбы); 3) раздел тактики применения боевых приемов борьбы, в ходе изучения которого решаются тактические задачи и выполняются задания по применению боевых приемов борьбы [1].

Последний раздел является инновационным в содержании действующего Порядка, он предусматривает широкое использование метода решения ситуационных задач, а также вариативного метода при выборе применяемых сотрудником полиции принудительных мер воздействия. Необходимо отметить, что указанный раздел требует конкретизации, так как в нем не определен порядок действий сотрудника в той или иной ситуации, их описание имеет общий характер [3].

Интересующие нас тактико-технические действия по защите от угрозы огнестрельным оружием относятся к боевым приемам борьбы, которые в свою очередь являются частью служебно-прикладного раздела физической подготовки.

Анализ ведомственных документов, позволяет определить боевые приемы борьбы как синтез защитных и атакующих технических действий из различных видов единоборств (бокс, рукопашный бой, самбо и пр.), которые сочетают в себе разные по содержанию и структуре элементы (удары и приемы борьбы, динамические и статические действия) [4, с. 3].

К данному разделу относится довольно большое количество технических и тактических действий от упражнений специальной акробатики и самостраховки до различных вариантов защиты от невооруженного и вооруженного противника. До недавнего времени к боевым приемам борьбы относились действия по применению специальных средств и осуществление наружного досмотра. Сейчас данные действия в соответствии с п.160 Порядка относятся и изучаются в рамках раздела «Тактическая подготовка» [1].

В рамках нашего исследования наибольший интерес вызывает анализ приемов обезоруживания. В структуре боевых приемов борьбы эти действия занимают особое место в связи с максимальной степенью угрозы от противоправного применения огнестрельного оружия. От эффективного выполнения приемов обезоруживания зависит не только здоровье, но и жизнь сотрудника и других лиц. Некоторые специалисты в области специальной подготовки и особенно сотрудники-практики скептически относятся к эффективности приемов обезоруживания с учетом больших рисков при их выполнении. Считаем такой подход не совсем оправданным, так как полное бездействие сотрудника в данной ситуации недопустимо, а попытки убедить преступника отказаться от своих намерений выглядят еще более нереальными.

Однако, следует отметить, что неумелые и нерешительные действия при угрозе огнестрельным оружием, неправильное оценивание окружающей обстановки и условий могут привести к самым тяжелым нежелательным последствиям. Основной задачей при обучении приемам обезоруживания является доведение действий до автоматизма, умение оценить ситуацию и условия выполнения защитных действий, воспитание психологической готовности к быстрому и эффективному применению соответствующих боевых приемов борьбы.

Далее проведем анализ особенностей, основных проблем и недостатков ведомственного нормативного регулирования подготовки сотрудников полиции к действиям, связанным с обезоруживанием при угрозе огнестрельным оружием.

В действующем Порядке, а также предыдущих нормативных документах приемы защиты от угрозы оружием выделены отдельными подразделами. Однако нельзя сказать, что рассматриваемым действиям уделялось должное внимание. Первые попытки упорядочить и каким-то образом систематизировать приемы защиты от угрозы оружием наблюдались в Наставлении по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел (НФП-96) [5]. Отметим сразу, что в данном документе отсутствовало закрепленное понятие о структуре приема, давались общие рекомендации и примерные алгоритмы выполнения технических действий. Основной упор делался на схематичном изображении боевых приемов борьбы. Указывалось, что защита от угрозы оружием спереди или сзади выполняется на близком расстоянии несколькими способами (отбив предплечья, выбиванием оружия, рычагом руки наружу либо внутрь). При угрозе длинноствольным оружием вблизи – отбивом ладонью предплечья, а также вырыванием ружья (автомата) одновременно с ударом

стойкой в колено противнику. Подробное описание действий отсутствовало, а схематичное изображение не давало полного понимания способа выполнения отдельных элементов приема.

Определенная эволюция в описательной части приемов обезоруживания произошла в Наставлении по организации физической подготовки в органах внутренних дел РФ, утвержденной приказом МВД России от 1.07.2017 г. № 450. Документ, прежде всего, указывал на схему выполнения защиты при угрозе пистолетом, которая заключалась в: 1) уходе с линии направления ствола оружия одновременно со сближением; 2) захвате вооруженной руки, исключая возможность свободного движения кисти с оружием, и отведение ее от себя; 3) обозначении расслабляющего удара; 4) обезоруживании; 5) ограничении свободы передвижения ассистента [6].

Таким образом, в указанном документе конкретизировался способ ухода с линии огня, предусматривающий сближение, что позволяет выполнить прием более безопасно. Также исключилась возможность выбивания оружия и акцентировалось внимание на выполнении расслабляющего удара. Определяется понятие «обезоруживание» как действия по непосредственному извлечению оружия из рук противника. Дальнейшее сопровождение правонарушителя с болевым контролем также указано как обязательный элемент технического действия.

Еще одной отличительной особенностью описательной части защитных действий при угрозе оружием в рассматриваемом Наставлении от 2017 года является изменение при указании предварительного положения и расстояния, с которого выполняется угроза. При описании приемов исключили словосочетания «близкое расстояние» и «вблизи». Обязательным предварительным условием выполнения защитных действий является положение оружия на расстоянии «в упор». Вероятнее всего такое изменение вызвано стремлением обеспечить большую безопасность для сотрудника, однако вероятность подобного способа угрозы оружием все-таки небольшая, и на наш взгляд эффективные защитные действия возможны и при некоторой отдаленности от корпуса либо головы защищаемого.

Однако при более четкой регламентации действий в указанном описании рассматриваются и существенные ограничения, не позволяющие при подготовке сотрудников использовать ряд эффективных элементов. Так, например, выбивание оружия может произойти и неумышленно при выполнении предварительных действий, а в отдельных случаях целесообразным может быть отбор или вырывание оружия из рук противника. Указанная выше схема приводит к тому, что практически единственными вариантами обезоруживания при угрозе короткоствольным оружием становятся рычаги наружу и внутрь. И действительно, пункты 61.2. и 61.3 документа содержат четкие предписания способов выполнения защиты при угрозе пистолетом спереди в упор и сзади в упор – «...целесообразно выполнять уходом с линии направления ствола огнестрельного оружия наружу и проведением скручивания руки наружу или внутрь» и «...целесообразно выполнять с поворотом кругом и проведением скручивания руки наружу или внутрь» [6].

В описательной части защитных действий при угрозе длинноствольным оружием в упор помимо «вырывания» оружия появляется способ его «выкручивания» из рук. При этом предварительный уход с линии атаки также выполняется со сближением с последующим захватом оружия и нанесением расслабляющего удара.

В следующем нормативном документе [7] и действующем Порядке не нашли отражения существенные изменения порядка выполнения защитных действий при угрозе короткоствольным и длинноствольным оружием. Разработанные в 2017 г. пункты с описательной частью приемов обезоруживания с небольшими изменениями переместились в последующий и ныне действующий ведомственный приказ. Так, в п. 311.8.1 при описании общей схемы защиты при угрозе пистолетом появилась вариативная часть – «поднятие оружия в случае его падения при обезоруживании» [1]. Можно считать это дополнение позитивным моментом, однако выпадение оружия возможно и на начальной стадии выполнения приема, нельзя также исключать и целенаправленные действия по его выбиванию из рук правонарушителя. Положительными можно считать и дополнение к описанию приемов защит при угрозе пистолетом спереди, сзади, а также при описании схемы выполнения защиты при угрозе длинноствольным оружием (пункты 311.8.2. – 311.8.4.). В указанных случаях предписано выполнять уход с линии огня с отведением ствола огнестрельного оружия в сторону, в случае угрозы сзади уход с линии огня дополняется поворотом кругом [1].

Учитывая вышесказанное можно сделать следующие выводы. Ключевой особенностью организации профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников органов внутренних дел является четкая ведомственная регламентация указанного процесса. Иметь достаточный или даже высокий уровень физической подготовленности – обязанность каждого сотрудника полиции. В структуре изучаемых боевых приемов борьбы действия, связанные с защитой при угрозе оружия, занимают особое место. От эффективного выполнения приемов обезоруживания зависит не только здоровье, но и жизнь сотрудника и других лиц.

Анализ развития и состояния ведомственного нормативного регулирования подготовки сотрудников ОВД к защитным действиям при угрозе огнестрельным оружием показывает с одной стороны постепенное развитие и совершенствование указанного направления подготовки, с другой – наличие определенных недостатков, требующих научно-методической разработки и дальнейшего изменения нормативной базы. В действующем Порядке, а также в предыдущих нормативных документах приемы защиты от угрозы оружием представлены довольно ограниченным арсеналом технических действий, который требует на сегодняшний день расширения за счет включения дополнительных эффективных элементов. Считаем, что нормативно установленная описательная часть приемов обезоруживания должна быть более вариативной и допускать использования широкого спектра технических действий, позволяющих относительно безопасно обезвредить злоумышленника.

В изложенном выше материале указывается актуальность и проблематика исследования, а также содержатся промежуточные выводы. Определение путей совершенствования ведомственного нормативного регулирования подготовки сотрудников полиции к выполнению приемов обезоруживания возможно за счет анализа отечественного и зарубежного опыта в исследуемой сфере. Определение наиболее эффективных приемов на основе изучения научных, учебно-методических источников, а также правоприменительной практики правоохранительных органов будет являться следующей задачей нашего исследования.

Список литературы:

1. Приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» (в действ. редакции) // ИПП «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru>
2. Бокий А.Н. Основные изменения и инновации в организации профессиональной, служебной и физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации / А.Н. Бокий // Противодействие преступности: актуальные проблемы теории и практики. Материалы XXVIII Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2025. – с. 126-130.
3. Бокий А.Н. Актуальные проблемы реализации в учебном процессе норм и положений Приказа МВД России от 2 февраля 2024 г. № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» / А.Н. Бокий // Физическое воспитание и спорт : Актуальные вопросы теории и практики. Сборник научных трудов X Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2025. – с. 19-24.
4. Бокий А.Н. Ускоренная методика обучения сотрудников полиции боевым приемам борьбы : учебно-методическое пособие / А.Н. Бокий. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2023. 80 с.
5. Наставление по физической подготовке (НФП-96) сотрудников органов внутренних дел. М.: ГУК МВД России. 1996. – 203 с.
6. Приказ МВД России от 01.07.2017 № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» (утратил силу) // ИПП «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru>
7. Приказ МВД России от 05.05.2018 № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: О квалификационных требованиях к должностям рядового состава, младшего, среднего и старшего начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации». (утратил силу) // ИПП «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://base.garant.ru>.

Bokiy A.N. Features of domestic regulatory regiment of preparation of police officers for disarming at threat of firearm use // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 2. – S. 304-309.

The article analyzes the features of departmental regulation of the process of special physical training in the internal affairs bodies. It presents a descriptive part of the methods of protection against the threat of weapons in the departmental regulatory documents of previous years and in the current Procedure for training personnel. The author points out the existing shortcomings of the process of training police officers and suggests the main directions for improving the scientific, methodological, and regulatory support of the studied area of special training.

Keywords: departmental regulatory regulation, Procedure for training personnel, special training, internal affairs officer, combat techniques, disarming techniques.

Spisok literatury:

1. Prikaz MVD Rossii ot 02.02.2024 № 44 «Ob utverzhenii Poryadka organizatsii podgotovki kadrov dlya zameshcheniya dolzhnostej v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii» (v dejstv. redakcii) // IPP «Garant.ru» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://base.garant.ru>
2. Bokij A.N. Osnovnye izmeneniya i innovacii v organizatsii professional'noj, sluzhebnoj i fizicheskoy podgotovki v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii / A.N. Bokij // Protivodejstvie prestupnosti: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Materialy XXVIII Mezhduнародной nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnodar, 2025. – s. 126-130.
3. Bokij A.N. Aktual'nye problemy realizatsii v uchebnom processe norm i polozhenij Prikaza MVD Rossii ot 2 fevralya 2024 g. № 44 «Ob utverzhenii Poryadka organizatsii podgotovki kadrov dlya zameshcheniya dolzhnostej v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii» / A.N. Bokij // Fizicheskoe vospitanie i sport : Aktual'nye voprosy teorii i praktiki. Sbornik nauchnyh trudov H Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rostov-na-Donu, 2025. – s. 19-24.
4. Bokij A.N. Uskorennaya metodika obucheniya sotrudnikov policii boevym priemam bor'by : uchebno-metodicheskoe posobie / A.N. Bokij. – Krasnodar : Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2023. – 80 s.
5. Nastavlenie po fizicheskoy podgotovke (NFP-96) sotrudnikov organov vnutrennih del. M.: GUK MVD Rossii. 1996. – 203 s.
6. Prikaz MVD Rossii ot 01.07.2017 № 450 «Ob utverzhenii Nastavleniya po organizatsii fizicheskoy podgotovki v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii» (utratil silu) // IPP «Garant.ru» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://base.garant.ru>
- 1.7. Prikaz MVD Rossii ot 05.05.2018 № 275 «Ob utverzhenii Poryadka organizatsii podgotovki kadrov dlya zameshcheniya dolzhnostej v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii: O kvalifikacionnyh trebovaniyah k dolzhnostyam ryadovogo sostava, mladshogo, srednego i starshego nachal'stvuyushchego sostava organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii». (utratil silu) // IPP «Garant.ru» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://base.garant.ru>.

УДК 342.5

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Вичева А. А.

Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

В статье установлено, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации могут с учетом региональных особенностей осуществлять правовое регулирование в области профилактики правонарушений и преступлений. Определено, что эффективность реализации профилактических мероприятий напрямую влияет на социально-экономическую ситуацию региона и его привлекательность. Обосновывается позиция, что при осуществлении правового регулирования исследуемой области общественных отношений необходимо предусматривать возможность использования современных цифровых инструментов в деятельности субъектов профилактики. Автор приходит к выводу о целесообразности отхода от унифицированного подхода в перечислении мер профилактики правонарушений и предусмотреть конкретные меры, сроки, цифровые инструменты и критерии эффективности реализации Государственной программы «Профилактика преступности и правонарушений в Республике Крым».

Ключевые слова: стратегическое планирование, органы публичной власти, профилактика правонарушений, государственные программы, цифровизация, цифровые инструменты.

Прошедшее десятилетие для Республики Крым в составе Российской Федерации характеризуется значительным развитием во многих сферах жизнедеятельности населения и различных сферах экономики. Привлекательность региона для сельскохозяйственной, туристической, рекреационной и гостиничной деятельности, обусловлена не только географическим расположением, но историческим и культурным наследием. Включение Республики Крым в перечень геостратегических территорий Российской Федерации [1] подтверждает существующий подход, что эффективность использования потенциала и ресурсов полуострова является одним из приоритетных направлений национального развития.

Современные геополитические, экономические вызовы и внутренние проблемы региона создают предпосылки для формирования самостоятельной политики [2, с. 115] стратегического планирования. Понимание необходимости развития человеческого потенциала, повышения уровня жизни населения субъекта, модернизации экономики, повышение ее конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности, обусловило принятие Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 г. [3]. Инструментами реализации указанной Стратегии являются государственные программы Республики Крым, одно из которых является Государственная программа Республики Крым «Профилактика преступности и правонарушений в Республике Крым» утвержденная Постановлением Совета Министров Республики Крым от 8.11.2016 г. № 533 [4] (далее – Программа профилактики). Отметим, что кроме прочих нормативных правовых актов, частью 1 ст. 7 Федерального закона от 23.07.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [5] полномочие по разработке указанной программы закреплено за органами государственной власти Республики Крым.

Представляется, что система профилактики правонарушений на уровне субъекта РФ представляет собой идею общего уровня общественной безопасности [6, с. 61], реализуемую всеми органами публичной власти, которых федеральное законодательство относит к субъектам профилактики. При этом, органы государственной

власти субъекта РФ при разработке программ профилактики правонарушений [7, с. 121], должны учитывать социально-экономический потенциал, уровень и состав преступности региона. Профилактика правонарушений и преступлений, на наш взгляд, напрямую влияет на социально-экономическую ситуацию региона. Эффективное осуществление профилактических мероприятий влияет не только на формирование законопослушного правосознания и правомерного поведения граждан, способствует уменьшению факторов, влияющих на рост противоправных действий. Профилактика правонарушений и преступлений, в отдельных случаях, оказывает прямое воздействие на формирование активной гражданской позиции личности. В результате такая личность не только будет пропагандировать идеи общественной безопасности, но и лично участвовать в мероприятиях по ее обеспечению, например, через общественные объединения правоохранительной направленности.

Проведенный анализ Программы профилактики показал, что приоритетами государственной политики в исследуемой области общественных отношений являются «повышение качества и результативности противодействия преступности, эффективность охраны общественного порядка, обеспечение общественной безопасности; снижение количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними и при их соучастии» [4]. При этом «снижение количества зарегистрированных преступлений, совершенных в общественных местах» и «снижение доли несовершеннолетних, совершивших преступления, в общем количестве лиц, совершивших преступления» являются целями анализируемой программы. Контент-анализ статистических данных, размещенных на официальном сайте МВД по Республике Крым позволил выявить тенденцию к снижению количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними: в 2021 г. – на 5,6 %, в 2022 г. – на 3,7 %, в 2023 г. – на 10,8 %, в 2024 г. – на 8,7 %. Также снижается количество преступлений, совершенных в общественных местах: в 2023 г. – на 13 %, в 2024 г. – на 19,6 %, за 9 месяцев 2025 г. – на 8,4 % [8; 9].

Примечательно, что Программа профилактики в редакции от 27.03.2025 г. [10] достаточно обтекаемо называет задачи государственного управления в сфере профилактики правонарушений, используя формулировки «создание инфраструктуры», «обеспечение выполнения задач», «повышение эффективности», «усиление социальной профилактики» и др., не называя конкретных способов их решения и целевых индикаторов эффективности ее реализации. При этом редакция Программы профилактики от 21.02.2022 г. [11] содержала индикаторы реализации программы, конкретные меры по ее реализации, критерии оценки эффективности ее реализации, потенциальные риски и др. Выявленная унификация задач государственной политики в сфере профилактики правонарушений порождает неопределенности при интерпретации и реализации правовых положений указанной программы.

На 2026 г. в Республике Крым запланирована реализация 28 государственных программ. На Программу профилактики в 2026 году запланировано 708 939, 74 тыс. руб. бюджетных ассигнований, в 2027 г. – 412 002,46 тыс. руб., в 2028 г. – 344 042,63 тыс. руб. [12]. При этом на 2021 год планировалось – 173 625,479 тыс. руб.; на 2022 г. – 158 919,094 тыс. руб.; на 2023 г. – 134 940,619 тыс. руб.; на 2024 г. – 135 732,284 тыс. руб.; на 2025 г. – 135 937,012 тыс. руб. [13]. Анализ финансирования рассматриваемой программы позволяет сделать вывод, что в 2026 г. предусмотрено

в 5 раз больше бюджетных ассигнований регионального уровня на сферу профилактики правонарушений и преступлений. Возможно предположить, что часть средств, обозначенных выше, может быть использована для деятельности функциональных информационных систем, обеспечивающих построение аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» Республики Крым [14].

Современные тенденции внедрения цифровых технологий в процессы жизнеобеспечения граждан способствует интеграции различного программного обеспечения в повседневную деятельность. Отметим, что в цивилизационном срезе, человечество переходит к модели корреляции обыденной инфраструктуры и цифрового пространства. Представляется, что сфера профилактики правонарушений и преступлений также подлежит цифровым преобразованиям. Не вызывает сомнения тезис, что для эффективной реализации всего комплекса мероприятий по профилактике правонарушений и преступлений органы публичной власти, выступающие субъектами профилактики, должны осуществлять взаимодействие с использованием цифровых инструментов [15; 16]. При этом сам факт обязательности использования указанных инструментов при осуществлении профилактической деятельности закрепляется в ст.31 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [5]. В указанной статье использование цифровых средств сводится лишь к возможности публикации материалов о деятельности в сфере профилактики правонарушений, а также создание сайтов или использование официальных сайтов органов публичной власти. Указанное, на наш взгляд, не в полном объеме отражает современные возможности профилактики правонарушений и преступлений в цифровом пространстве. Пинкевич Т.В. и Конев Д.А. отмечают, что «цифровые технологии ... оказывают значительную помощь в выявлении и раскрытии преступлений» [17, с. 131]. Уже сегодня в РФ с целью профилактики правонарушений и преступлений используются аппаратно-программный комплекс «Безопасный город», сканеры объемно-пространственной формы лица человека [6, с. 62], система видео аналитики потокового видео, различные цифровые платформы с внедренными алгоритмами искусственного интеллекта и интегрированной блокчейн-системой [17, с. 131] и иные цифровые инструменты.

Примечательно, что отдельные субъекты РФ в рамках своих государственных программ профилактики правонарушений и преступлений прописывают внедрение различных цифровых инструментов. Например, В Краснодарском крае [18] предусмотрено развитие и обеспечение функционирования системы комплексного обеспечения безопасности жизнедеятельности на основе внедрения информационно-коммуникационных технологий, а также развитие и обеспечение функционирования АПК «Безопасный город». В Тюменской области также предусмотрен комплекс процессных мероприятий «Функционирование аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» [19]. В Республике Башкортостан [20] предусмотрено проведение мероприятий по организации информирования населения через средства массовой информации о способах предупреждения и пресечения преступных деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В Ростовской области осуществляются меры по размещению в средствах массовой информации информационных материалов [21]. В Челябинской области [22], по линии профилактики безнадзорности, предусматриваются меры по обеспечению контент-фильмами. Проведенный анализ нормативных актов отдельных субъектов Рос-

сийской Федерации по вопросам профилактики правонарушений и преступлений показал тенденцию к унификации и обобщающему изложению положений Государственных программ профилактики правонарушений и преступлений, а в отдельных субъектах включение профилактики правонарушений в общую деятельность по обеспечению безопасности населения.

В завершение отметим, что для развития системы профилактики правонарушений и преступлений в Республике Крым целесообразно уйти от унифицированного подхода в перечислении мер профилактики правонарушений в Государственной программе «Профилактика преступности и правонарушений в Республике Крым» и вернуть конкретные меры, сроки, цифровые инструменты и критерии эффективности реализации этой программы. Указанное, как представляется, будет способствовать эффективному исполнению указанной государственной программы, компетенционной определенности, цифровой трансформации системы профилактики правонарушений.

Список литературы:

1. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 4146-р // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 06.01.2025, № 0001202501060001.
2. Литвинова Ю.И., Кисс С.В. Государственно-правовое обеспечение общественной безопасности: содержание, система и принципы // Юрист-Правовед. 2022. № 4 (103). С. 115-118.
3. О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года: Закон Республики Крым от 9 января 2017 года № 352-ЗРК/2017 // Крымские известия. № 6 (6155). 17.01.2017.
4. Об утверждении Государственной программы Республики Крым «Профилактика преступности и правонарушений в Республике Крым»: Постановление Совета министров Республики Крым от 8 ноября 2016 года № 533 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 14.11.2016.
5. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, № 26 (ч. I), 27.06.2016, ст.3851.
6. Мишин В.А. Цифровые технологии, применяемые в области предупреждения правонарушений (на примере аппаратно-программного комплекса «Безопасный город») // Проблемы правоохранительной деятельности. 2021. № 3. С. 60–64.
7. Буткевич С.А. Профилактика правонарушений в Республике Крым (теоретико-правовые аспекты) // Актуальные вопросы обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности в Крымском федеральном округе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2016. С. 117-122.
8. Результаты деятельности (информационно-аналитические справки). URL: https://82.мвд.рф/Dejatelnost/Rezultati_dejatelnosti.
9. Почти 11 тысяч преступлений совершено в Крыму за полгода. URL: <https://gazetacrimea.ru/news/pochti-11-tysyach-prestupleniy-soversheno-v-krymu-za-polgoda/>.
10. О внесении изменений в постановление Совета министров Республики Крым от 8 ноября 2016 года № 533: Постановление Совета министров Республики Крым от 27 марта 2025 года № 193 // Правовой портал исполнительных органов Республики Крым www.rknra.ru, 27.03.2025.
11. О внесении изменений в постановление Совета министров Республики Крым от 8 ноября 2016 года № 533: Постановление Совета министров Республики Крым от 21 февраля 2022 года № 72 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.02.2022.
12. Об одобрении прогноза социально-экономического развития Республики Крым на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов: Распоряжение Совета министров Республики Крым от 30 октября 2025 года № 1813-р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
13. О внесении изменений в постановление Совета министров Республики Крым от 8 ноября 2016 года № 533: Постановление Совета министров Республики Крым от 29 декабря 2023 года № 986. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
14. Об утверждении Региональной концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» Республики Крым и Перечня функциональных информационных систем, существующих и разрабатываемых в рамках построения аппаратно-программного комплекса «Без-

опасный город» Республики Крым: Постановление Совета министров Республики Крым от 15 апреля 2024 года № 201. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

15. Вичева А.А. Взаимодействие органов публичной власти в сфере профилактики правонарушений в условиях цифровизации // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией С.А. Буткевича. Краснодар, 2023. С. 69-74.

16. Вичева А.А., Зырянов А.И. Некоторые вопросы взаимодействия органов публичной власти в профилактике правонарушений и преступлений в условиях цифровизации общественных отношений // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2025. Т. 11. № 3. С. 153-159.

17. Пинкевич Т.В., Конев Д.А. Предупреждение преступлений, совершаемых с использованием цифровых платформ // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 4 (47). С. 129–135.

18. Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Обеспечение безопасности населения»: Постановление Губернатора Краснодарского края от 16 ноября 2015 года № 1039. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

19. Об утверждении государственной программы Тюменской области «Профилактика правонарушений»: Постановление Правительства Тюменской области от 21 декабря 2018 года № 516-п. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

20. Об утверждении государственной программы «Обеспечение общественной безопасности в Республике Башкортостан» и о признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Республики Башкортостан: Постановление Правительства Республики Башкортостан от 05 февраля 2024 года № 28. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

21. Об утверждении государственной программы Ростовской области «Обеспечение общественного порядка и профилактика правонарушений»: Постановление Правительства Ростовской области от 26 октября 2018 года № 678. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

22. О государственной программе Челябинской области «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Челябинской области»: Постановление Правительства Челябинской области от 30 апреля 2020 № 183-П. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Vicheva A. A. Current trends in the legal regulation of crime prevention in the republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 310-315.

The article establishes that the state authorities of the subjects of the Russian Federation can, taking into account regional peculiarities, carry out legal regulation in the field of prevention of offenses and crimes. It is determined that the effectiveness of the implementation of preventive measures directly affects the socio-economic situation of the region and its attractiveness. The position is substantiated that when implementing the legal regulation of the field of public relations under study, it is necessary to provide for the possibility of using modern digital tools in the activities of prevention subjects. The author comes to the conclusion that it is advisable to move away from a unified approach in listing crime prevention measures and provide for specific measures, deadlines, digital tools and criteria for the effectiveness of the implementation of the State Program "Prevention of Crime and Delinquency in the Republic of Crimea."

Keywords: strategic planning, public authorities, crime prevention, government programs, digitalization, digital tools.

Spisok literatury:

1. Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 dekabrya 2024 goda № 4146-r // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [www.pravo.gov.ru](http://pravo.gov.ru), 06.01.2025, № 0001202501060001

2. Litvinova Yu.I., Kiss S.V. Gosudarstvenno-pravovoe obespechenie obshhestvennoj bezopasnosti: soderzhanie, sistema i principy // Yurist'-Pravoved`. 2022. № 4 (103). С. 115-118.

3. O strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Kry'm do 2030 goda: Zakon Respubliki Kry'm ot 9 yanvarya 2017 goda № 352-ZRK/2017 // Kry'mskie izvestiya. № 6 (6155). 17.01.2017.

4. Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy Respubliki Kry'm «Profilaktika prestupnosti i pravonarushenij v Respublike Kry'm»: Postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Kry'm ot 8 noyabrya 2016 goda № 533 // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>, 14.11.2016.

5. Ob osnovax sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 23 iyunya 2016 goda № 182-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, № 26 (ch. I), 27.06.2016, st.3851.

6. Mishin V.A. Cifrovye tehnologii, primenyaemye v oblasti preduprezhdeniya pravonarushenij (na primere apparatno-programmnogo kompleksa «Bezopasnyj gorod») // Problemy pravookranitel'noj deyatel'nosti. 2021. № 3. С. 60–64.

7. Butkevich S.A. Profilaktika pravonarushenij v Respublike Kry'm (teoretiko-pravovye aspekty) // Aktual'nye voprosy obespecheniya obshhestvennoj bezopasnosti i protivodejstviya prestupnosti v Kry'mskom

- federal'nom okruge. Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnodarskiy universitet MVD Rossii. 2016. S. 117-122.
8. Rezul'taty` deyatel'nosti (informacionno-analiticheskie spravki). URL: https://82.mvd.rf/Dejatelnost/Rezultati_dejatelnosti.
9. Pochti 11 ty'svach prestuplenij soversheno v Kry'mu za polgoda. URL: <https://gazetacrimea.ru/news/pochti-11-tysvach-prestupleniy-soversheno-v-krvmu-za-dolgoda/>.
10. O vnesenii izmenenij v postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Kry'm ot 8 noyabrya 2016 goda № 533: Postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Kry'm ot 27 marta 2025 goda № 193 // Pravovoj portal ispolnitel'ny'x organov Respubliki Kry'm www.rknpa.ru, 27.03.2025.
11. O vnesenii izmenenij v postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Kry'm ot 8 noyabrya 2016 goda № 533: Postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Kry'm ot 21 fevralya 2022 goda № 72 // Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>, 24.02.2022.
12. Ob odobrenii prognoza social'no-e'konomicheskogo razvitiya Respubliki Kry'm na 2026 god i na planovyy'j period 2027 i 2028 godov: Rasporvazhenie Soveta ministrov Respubliki Kry'm ot 30 oktyabrya 2025 goda № 1813-r. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Garant».
13. O vnesenii izmenenij v postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Kry'm ot 8 noyabrya 2016 goda № 533: Postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Kry'm ot 29 dekabrya 2023 goda № 986. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Garant».
14. Ob utverzhdenii Regional'noj koncepcii postroeniya i razvitiya apparatno-programmnogo kompleksa «Bezopasny'j gorod» Respubliki Kry'm i Perechnya funkcional'ny'x informacionny'x sistem, sushhestvuyushhix i razrabatyvaemy'x v ramkax postroeniya apparatno-programmnogo kompleksa «Bezopasny'j gorod» Respubliki Kry'm: Postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Kry'm ot 15 aprelya 2024 goda № 201. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Garant».
15. Vicheva A.A. Vzaimodejstvie organov publichnoy vlasti v sfere profilaktiki pravonarushenij v usloviyax cifrovizacii // Obespechenie obshhestvennoj bezopasnosti i protivodejstvie prestupnosti: zadachi, problemy` i perspektivy`. Materialy` V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Pod obshhej redakciej S.A. Butkevicha. Krasnodar, 2023. S. 69-74.
16. Vicheva A.A., Zyryanov A.I. Nekotory'e voprosy` vzaimodejstviya organov publichnoy vlasti v profilaktike pravonarushenij i prestuplenij v usloviyax cifrovizacii obshhestvenny'x otnoshenij // Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2025. T. 11. № 3. S. 153-159.
17. Pinkevich T.V., Konev D.A. Preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemy'x s ispol'zovaniem cifrovyy'x platform // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2025. №4 (47). S. 129–135.
18. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy` Krasnodarskogo kraja «Obespechenie bezopasnosti naseleeniya»: Postanovlenie Gubernatora Krasnodarskogo kraja ot 16 noyabrya 2015 goda № 1039. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Garant».
19. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy` Tyumenskoj oblasti «Profilaktika pravonarushenij»: Postanovlenie Pravitel'stva Tyumenskoj oblasti ot 21 dekabrya 2018 goda № 516-p. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Garant».
20. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy` «Obespechenie obshhestvennoj bezopasnosti v Respublike Bashkortostan» i o priznanii utrativshimi silu nekotory'x postanovlenij Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan: Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan ot 05 fevralya 2024 goda № 28. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Garant».
21. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy` Rostovskoj oblasti «Obespechenie obshhestvennogo porvyadka i profilaktika pravonarushenij»: Postanovlenie Pravitel'stva Rostovskoj oblasti ot 26 oktyabrya 2018 goda № 678. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Garant».
22. O gosudarstvennoj programme Chelyabinskoj oblasti «Profilaktika beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnix v Chelyabinskoj oblasti»: Postanovlenie Pravitel'stva Chelyabinskoj oblasti ot 30 aprelya 2020 № 183-P. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Garant».
- .

УДК 342.72/.73

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЛИЧНОСТИ

Гатиятуллина Э. М.

Статья посвящена исследованию правовой природы цифровых представлений личности как нового феномена, порождающего угрозы для прав человека в условиях развития технологий искусственного интеллекта. Автор анализирует понятие и классификацию цифровых представлений личности (статические и динамические цифровые аватары, посмертные аватары, deepfake-технологии), выявляет их способность к автономному существованию независимо от субъекта персональных данных. В работе обосновывается двойственная правовая природа цифровых представлений, сочетающая элементы персональных данных и цифровых прав. Исследуются основные угрозы личным нематериальным правам граждан, связанные с несанкционированным созданием и использованием deepfake. Анализируются пробелы действующего гражданского законодательства и Федерального закона «О персональных данных», не учитывающих специфику синтетических объектов, созданных искусственным интеллектом. Автор предлагает концепцию трёхуровневой структуры персональных данных: базовые персональные данные как нематериальные блага, производные персональные данные как квазиимущественные объекты, цифровые представления личности как разновидность цифровых прав. Разработаны конкретные предложения по совершенствованию Гражданского кодекса РФ. Сформулированы принципы регулирования цифровых представлений личности и специальные способы гражданско-правовой защиты.

Ключевые слова: цифровые представления личности, персональные данные, deepfake, цифровые аватары, нематериальные блага, права человека, гражданско-правовая защита, искусственный интеллект, цифровые права, защита достоинства личности.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта в последние годы привело к появлению феномена цифровых представлений личности – синтетических объектов, способных имитировать внешность, голос, манеру поведения и даже принятие решений конкретного физического лица. Технологии deepfake, цифровых аватаров и цифровых двойников стали повседневной реальностью, создавая принципиально новые угрозы для прав человека.

Согласно данным исследований, количество случаев злоупотребления технологиями deepfake возросло на 900% за последние четыре года, причем большинство инцидентов связано с нарушением личных нематериальных прав граждан [1]. В России проблема приобретает особую актуальность в контексте цифровизации государственных услуг и активного внедрения биометрических систем идентификации [2]. Существующее гражданско-правовое регулирование, основанное на традиционном понимании персональных данных как информации о физическом лице, оказывается неспособным обеспечить адекватную защиту от новых вызовов. Статья 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации регулирует охрану изображения гражданина, однако не учитывает специфику синтетических изображений, созданных искусственным интеллектом без фактического участия субъекта. Федеральный закон «О персональных данных» также не содержит норм, применимых к производным цифровым объектам, обладающим способностью к автономному функционированию [3].

Цифровым представлением личности следует считать созданный на основе персональных данных с применением технологий искусственного интеллекта цифровой объект, способный имитировать характеристики, поведение или иные атрибуты фи-

зического лица [4]. Принципиальное отличие цифровых представлений от персональных данных в классическом понимании заключается в их способности к автономному существованию и функционированию независимо от текущего состояния субъекта персональных данных.

С технологической точки зрения создание цифровых представлений личности основывается на обработке больших массивов персональных данных с использованием алгоритмов машинного обучения, нейронных сетей и генеративного искусственного интеллекта. Обработка множественных персональных данных и их перевод в цифровой формат приводят к созданию цифрового двойника субъекта персональных данных, обладающего синергетическим характером [4].

Правовая природа цифровых представлений личности носит двойственный характер. С одной стороны, персонифицирующие элементы таких объектов (изображение, голос, биометрические характеристики) неразрывно связаны с конкретным физическим лицом и подпадают под режим персональных данных, требующий особой правовой защиты как нематериальных благ [5]. С другой стороны, сам цифровой объект как автономная сущность, способная функционировать независимо от субъекта и даже после его смерти, приобретает характеристики объекта гражданских прав.

Представляется целесообразным выделить следующие основные формы цифровых представлений личности, различающиеся по степени автономности и характеру правового режима:

1. **Статические цифровые аватары** представляют собой фиксированные цифровые изображения личности, включая фотореалистичные трехмерные модели, созданные на основе фотографий или сканирования. Данная форма обладает минимальной степенью автономности и наиболее тесно связана с правом на изображение, закрепленным в статье 152.1 ГК РФ.

2. **Динамические цифровые аватары** – цифровые объекты, способные к автономным действиям на основе алгоритмов искусственного интеллекта, включая имитацию речи, мимики, жестов и поведенческих паттернов физического лица. Такие аватары могут использоваться для автоматизированного взаимодействия с пользователями, создания видеоконтента, участия в виртуальных мероприятиях без непосредственного присутствия субъекта.

3. **Посмертные цифровые аватары** создаются после смерти физического лица на основе его цифрового следа – совокупности персональных данных, сохранившихся в информационных системах. Данная форма порождает наиболее сложные правовые вопросы, связанные с защитой памяти умершего, правами наследников и пределами коммерческого использования.

4. **Технологии deepfake** как особая категория цифровых представлений, созданных путем манипулирования изображениями или видео с использованием искусственного интеллекта для замены лица одного человека лицом другого либо создания синтетических изображений несуществующих событий.

Каждая из указанных форм требует дифференцированного правового подхода с учетом степени автономности объекта, характера связи с субъектом персональных данных и потенциальных рисков для прав человека.

Принципиальным признаком, отличающим цифровые представления личности от классических персональных данных, является их способность к автономному существованию вне непосредственной связи с субъектом персональных данных. Персональные данные в традиционном понимании утрачивают смысл при разрыве связи с субъектом – паспортные данные без привязки к конкретному лицу становятся бессмысленным набором символов. Напротив, цифровые представления личности способны функционировать полностью автономно, в том числе после смерти субъекта, сохраняя при этом его цифровое воплощение.

Цифровые представления личности создают множественные угрозы для личных неимущественных прав граждан, закрепленных в статье 150 ГК РФ. Наиболее очевидным является нарушение права на изображение – несанкционированное создание и использование deepfake позволяет создавать реалистичные изображения и видеозаписи лица в ситуациях, в которых оно никогда не находилось, без получения какого-либо согласия.

Достоинство личности как охраняемое нематериальное благо подвергается особым рискам в связи с возможностью создания компрометирующего цифрового контента. Технологии deepfake активно используются для создания ложных порнографических материалов, фейковых высказываний, дискредитирующих действий. По данным исследований, 96% всех deepfake-видео в интернете являются материалами порнографического характера, создающими непосредственную угрозу достоинству изображенных лиц [6]. Как справедливо отмечается в литературе, достоинство человека в современном информационном обществе требует особой философско-правовой защиты [7]. Честь и деловая репутация граждан также становятся объектом посягательств через создание цифровых представлений, демонстрирующих якобы реальное поведение лица в компрометирующих ситуациях. В условиях, когда большинство пользователей не обладают техническими знаниями для распознавания deepfake, такой контент воспринимается как подлинный и может причинить существенный вред репутации субъекта.

Право на частную жизнь нарушается не только при использовании созданных цифровых представлений, но уже на стадии их создания, поскольку для формирования реалистичного цифрового двойника требуется сбор и обработка значительного объема персональных данных, включая биометрические характеристики, речевые паттерны, особенности поведения и мимики [8].

Развитие технологий создания цифровых представлений личности приводит к фундаментальной проблеме невозможности достоверного различения подлинного изображения от синтетического. Современные генеративные нейронные сети создают настолько реалистичные изображения и видеозаписи, что даже эксперты испытывают затруднения при их распознавании без применения специализированного программного обеспечения [6].

Размывание границы между реальным и виртуальным создает серьезные угрозы для правовой определенности и защиты прав человека. Если любое изображение может быть поставлено под сомнение как потенциально синтетическое, подрывается доказательственная сила визуальной информации, что имеет критическое значение для судопроизводства, журналистики, документирования нарушений прав человека. Риски для безопасности личности многократно возрастают в условиях, когда цифровые представления могут использоваться для мошенничества, включая ими-

тацию голоса для обмана родственников, создание фейковых видеообращений от имени руководителей организаций, манипулирование биометрическими системами идентификации [9].

Ст. 152.1 ГК РФ, регулирующая охрану изображения гражданина, не учитывает специфику синтетических изображений, созданных технологиями искусственного интеллекта. Буквальное толкование нормы создает правовую неопределенность: требуется ли согласие на создание deepfake, если физическое лицо не позировало для создания изображения, а его цифровая копия была синтезирована алгоритмами на основе общедоступных фотографий [3].

Ст. 150 ГК РФ содержит открытый перечень нематериальных благ, защищаемых гражданским законодательством, однако не упоминает цифровые представления личности как особую категорию [5]. Ст. 128 ГК РФ не содержит четкой квалификации правового статуса цифровых аватаров. Не ясно, следует ли рассматривать их как информацию, нематериальные блага, результаты интеллектуальной деятельности или как особую разновидность цифровых прав, введенных в 2019 г.?

Федеральный закон «О персональных данных» определяет персональные данные как любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу, однако не учитывает производный характер данных, созданных искусственным интеллектом. Остается неясным, являются ли цифровые аватары, созданные на основе обработки больших массивов персональных данных, сами по себе персональными данными или представляют собой новую категорию объектов [3].

Опыт Европейского союза демонстрирует попытку комплексного подхода к регулированию цифровых технологий через Общий регламент о защите данных (GDPR) и Акт об искусственном интеллекте [10]. Ст. 22 GDPR предоставляет субъекту право не подвергаться автоматизированному принятию решений, однако не содержит специальных норм о цифровых представлениях личности.

В США регулирование технологий deepfake осуществляется на уровне отдельных штатов. Калифорния приняла закон, запрещающий создание порнографических материалов с использованием deepfake без согласия изображенного лица и предусматривающий право на гражданско-правовой иск о возмещении убытков [8].

Китай продемонстрировал активный подход к регулированию, приняв в 2022 г. Правила о глубокосинтезированном интернет-контенте, которые устанавливают обязательную маркировку синтетического контента и запрет на создание материалов, нарушающих права граждан [8]. Представляется необходимым законодательное закрепление трёхуровневой модели правовой квалификации персональных данных, основанной на степени их обработки и трансформации:

Первый уровень составляют базовые персональные данные – сведения о физическом лице в их первоначальном или минимально обработанном виде [5]. На данном уровне персональные данные обладают всеми признаками нематериальных благ: они неотделимы от личности субъекта, характеризуются ограниченной оборотоспособностью и подлежат особой правовой защите в соответствии со статьей 150 ГК РФ. К этой категории относятся документированные персональные данные, биометрические данные, сведения о частной жизни гражданина.

Второй уровень образуют производные персональные данные – результаты аналитической обработки базовых данных, приобретающие квазиимущественные характеристики. Это цифровые профили пользователей, агрегированные поведенческие модели, персонализированные рекомендации, созданные на основе анализа действий субъекта. Такие объекты сочетают личностный компонент, сохраняющий связь с конкретным лицом, с экономической ценностью, делающей их объектом коммерческого интереса [12].

Третий уровень представляют цифровые представления личности как разновидность цифровых прав – автономные цифровые объекты, созданные с применением технологий искусственного интеллекта и способные к самостоятельному функционированию [4]. Ключевым признаком данной категории является способность существовать независимо от текущего состояния субъекта, включая продолжение функционирования после его смерти.

Для реализации предложенной концепции представляется необходимым внесение комплексных изменений в ГК РФ:

1. Изложить ст. 128 ГК РФ в новой редакции с включением персональных данных в перечень объектов гражданских прав, закрепив трёхуровневую структуру.

2. Дополнить ГК РФ ст. 128.1 «Персональные данные» с правовой дифференциацией категорий.

3. Дополнить ст. 141.1 ГК РФ пунктом о цифровых представлениях личности как разновидности цифровых прав.

4. Ввести ст. 152.2 ГК РФ «Охрана персональных данных» с дифференцированным правовым режимом для каждой категории.

5. Ввести ст. 141.2 ГК РФ «Цифровые представления личности» с определением форм: статические, динамические и посмертные аватары.

6. Дополнить ст. 152.1 ГК РФ положениями о применении её норм к цифровым представлениям личности.

Система гражданско-правовой защиты прав субъектов цифровых представлений личности должна включать как традиционные, так и специализированные способы защиты:

Компенсация морального вреда должна применяться с учетом особой тяжести нарушений, связанных с созданием и использованием цифровых представлений без согласия субъекта. Судебная практика показывает значительный разброс в размерах присуждаемых компенсаций, что свидетельствует об отсутствии единых критериев оценки [13]. Представляется необходимым законодательное установление повышенного размера компенсации для случаев использования deepfake и других технологий манипулирования цифровыми представлениями.

Право на удаление незаконно созданных цифровых представлений должно быть закреплено как самостоятельное правомочие субъекта персональных данных и распространяться не только на оператора, но и на всех лиц, у которых находятся копии такого представления [12].

Запрет на создание без специального согласия должен стать обязательным требованием для всех форм цифровых представлений личности [14]. Специальное согласие должно содержать информацию о целях создания, предполагаемых способах использования, сроке существования цифрового представления.

Особый режим для посмертных аватаров предполагает переход контроля над цифровым представлением к наследникам умершего или лицам, указанным в завещании [12].

Система правового регулирования цифровых представлений личности должна базироваться на следующих фундаментальных принципах:

Принцип специального согласия означает, что создание цифрового двойника требует отдельного явного согласия субъекта персональных данных, которое не может быть получено путем включения соответствующего условия в общие пользовательские соглашения или политики конфиденциальности. Согласие должно быть информированным, конкретным и предоставляться для каждого случая создания цифрового представления [3].

Принцип прозрачности предполагает обязательную маркировку синтетического контента, созданного с использованием технологий искусственного интеллекта [8]. Любое изображение, видео или аудиозапись, содержащие цифровое представление личности, должны сопровождаться видимым обозначением их синтетической природы.

Принцип контроля субъекта закрепляет право физического лица требовать удаления, изменения или прекращения использования своего цифрового представления в любое время без объяснения причин. Данное право носит абсолютный характер и не может быть ограничено договорными условиями или коммерческими интересами создателей технологий [15].

Принцип защиты после смерти устанавливает механизм перехода контроля над цифровым представлением к наследникам или доверенным лицам, указанным субъектом при жизни [3].

Принцип баланса интересов требует учета не только прав субъекта персональных данных, но и свободы творчества, права на информацию, научных и образовательных целей [15]. Использование цифровых представлений в произведениях искусства, сатире, общественно значимых публикациях может осуществляться с определенными ограничениями при условии, что не наносится ущерб достоинству личности и не создается ложное впечатление о реальности изображаемых событий.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Цифровые представления личности представляют собой принципиально новую правовую категорию, требующую специального регулирования в системе защиты прав человека. Их способность к автономному существованию, независимому от текущего состояния субъекта персональных данных, не позволяет применять к ним правовой режим классических персональных данных без существенных модификаций. Существующее гражданское законодательство не обеспечивает адекватную защиту от угроз, связанных с технологиями deepfake и цифровых аватаров. Предложенная трёхуровневая структура персональных данных позволяет дифференцировать правовые режимы различных форм существования персональных данных в цифровой среде.

Законодательное закрепление предложенных изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации создаст правовую основу для регулирования цифровых представлений личности, обеспечит защиту достоинства личности в цифровой среде и позволит сохранить необходимый баланс между технологическими инновациями

и правами человека. Перспективы дальнейших исследований включают детализацию правового режима отдельных категорий цифровых представлений личности, разработку международных стандартов регулирования deepfake-технологий, исследование влияния нейроинтерфейсов и биометрических имплантов на концепцию персональных данных, а также формирование доктрины цифровых прав человека как комплексной системы защиты личности в условиях всеобъемлющей цифровизации общественных отношений.

Список литературы:

1. Спиридонова Г. В. Ресурсы искусственного интеллекта в защите российского бизнеса от киберугроз / Г. В. Спиридонова, В. Л. Мрочко, М. Д. Тарасов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2024. – № 3 (43). – С. 28-39. doi:10.24151/2409-1073-2024-3-28-39
2. Артамонова Я. В. Биометрические технологии: отношение населения и преодоление рисков / Я. В. Артамонова, С. С. Барсуков, А. А. Суханова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 1. – С. 231-236. doi:10.22394/2079-1690-2024-1-1-231-236
3. Егорова М. А. Проблема цифровой идентификации личности в Российской Федерации и Европейском Союзе / М. А. Егорова // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 5. – С. 17-29. doi:10.17803/2311-5998.2022.89.1.017-029
4. Архиреев Н. В. Проблемы правового статуса цифрового двойника (суррогата) физического лица / Н. В. Архиреев // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2024. – № 166 (6). – С. 97-108. doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.97-108
5. Болотин В. С. Механизм защиты права на неприкосновенность частной жизни при обработке персональных данных в информационных системах / Болотин В. С., Маслеха М. А. // Вестник государственного и муниципального управления. – 2012. – № 3. – С. 99-103.
6. Фаллетти Э. Алгоритмическая дискриминация и защита неприкосновенности частной жизни / Э. Фаллетти // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 1 (2). – С. 387-420. doi:10.21202/jdtl.2023.16
7. Степаненко Р. Ф. Достоинство человека в современном информационном обществе: философско-правовые проблемы / Р. Ф. Степаненко // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 3 ч. – Часть 1. – Москва: РГ-Пресс, 2019. – С. 345-349.
8. Болатбеккызы Г. Правовые проблемы трансграничной передачи данных в эпоху цифровизации государственного управления / Г. Болатбеккызы // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – № 2(2). – С. 286-307. doi: 10.21202/jdtl.2024.15
9. Маслова И. А. Цифровая безопасность в современном мире / И. А. Маслова // Научный результат. Экономические исследования. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 85-93. doi: 10.18413/2409-1634-2024-10-3-0-8
10. Талапина Э. В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в Европейском контексте / Э. В. Талапина // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13, № 5. – С. 117-150.
11. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование / А. И. Савельев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2016. – 640 с.
12. Шелухин К. Ю. О компенсации морального вреда по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации: теоретический и правоприменительный аспекты. / К. Ю. Шелухин, А. Н. Сурков, О. А. Коротких // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2023. – № 13(2). – С. 83-96. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-83-96>
13. Рассолов И. М. Право и Интернет. Теория кибернетического права / И. М. Рассолов. – 3-е изд., доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 304 с.
14. Петрыкина Н. И. Правовое регулирование оборота персональных данных. Теория и практика / Н. И. Петрыкина. – Москва: Статут, 2011. – 134 с. ISBN 978-5-8354-0771-2.
15. Терещенко Л. К. Правовой режим информации / Л. К. Терещенко. // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – 2011. – 55 с.
16. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы / П. М. Морхат. – Москва: Юнити-Дана. – 2018. – 408 с.

Gatiyatullina E. M. Protecting human rights in the digital age: features of legal regulation of digital representations of personality // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 316-323.

This article examines the legal nature of digital representations of personality as a new phenomenon that poses threats to human rights in the context of the development of artificial intelligence technologies. The author analyzes the concept and classification of digital representations of personality (static and dynamic digital avatars, posthumous avatars, deepfake technologies), identifying their ability to exist autonomously,

independent of the subject of personal data. The paper substantiates the dual legal nature of digital representations, combining elements of personal data and digital rights. The main threats to the personal non-property rights of citizens associated with the unauthorized creation and use of deepfakes are examined. The article also examines the gaps in current civil legislation and the Federal Law "On Personal Data," which fail to take into account the specifics of synthetic objects created by artificial intelligence. The author proposes a three-tiered structure for personal data: basic personal data as intangible assets, derived personal data as quasi-property assets, and digital representations of individuals as a type of digital rights. Specific proposals for improving the Civil Code of the Russian Federation are developed. Principles for regulating digital representations of individuals and specific methods of civil protection are formulated.

Keywords: digital representations of individuals, personal data, deepfake, digital avatars, intangible assets, human rights, civil protection, artificial intelligence, digital rights, protection of individual dignity.

Spisok literary:

1. Spiridonova G. V. Resursy iskusstvennogo intellekta v zashchite rossijskogo biznesa ot kiberugroz / G. V. Spiridonova, V. L. Mrochko, M. D. Tarasov // *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya*. – 2024. – № 3 (43). – S. 28-39. doi:10.24151/2409-1073-2024-3-28-39
2. Artamonova YA. V. Biometricheskie tekhnologii: otnoshenie naseleniya i preodolenie riskov / YA. V. Artamonova, S. S. Barsukov, A. A. Suhanova // *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. – 2024. – № 1. – S. 231-236. doi:10.22394/2079-1690-2024-1-1-231-236
3. Egorova M. A. Problema cifrovoj identifikacii lichnosti v Rossijskoj Federacii i Evropejskom Soyuze / M. A. Egorova // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. – 2021. – T. 16, № 5. – S. 17-29. doi:10.17803/2311-5998.2022.89.1.017-029
4. Arhiereev N. V. Problemy pravovogo statusa cifrovogo dvojnika (surrogata) fizicheskogo lica / N. V. Arhiereev // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. – 2024. – № 166 (6). – S. 97-108. doi: 10.26907/2541-7738.2024.6.97-108
5. Bolotin V. S. Mekhanizm zashchity prava na neprikosnovennost' chastnoj zhizni pri obrabotke personal'nyh dannyh v informacionnyh sistemah/ Bolotin V.S., Maslyoha M.A. // *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. – 2012. – № 3. – S. 99-103.
6. Falletti E. Algoritmicheskaya diskriminaciya i zashchita neprikosnovennosti chastnoj zhizni/ E. Falletti // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2023. – № 1 (2). – S. 387-420. doi:10.21202/jdtl.2023.16
7. Stepanenko R. F. Dostoinstvo cheloveka v sovremennom informacionnom obshchestve: filosofsko-pravovye problemy / R. F. Stepanenko // *Rossiyskaya pravovaya sistema v usloviyah chetvertoj promyshlennoj revolyucii. XVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya (Kutafinskie chteniya): materialy konferencii: v 3 ch. – CHast' 1.* – Moskva: RG-Press, 2019. – S. 345-349.
8. Bolatbekkyzy G. Pravovye problemy transgranichnoj peredachi dannyh v epohu cifrovizacii gosudarstvennogo upravleniya / G. Bolatbekkyzy // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2024. – № 2(2). – S. 286-307. doi: 10.21202/jdtl.2024.15
9. Maslova I. A. Cifrovaya bezopasnost' v sovremennom mire / I. A. Maslova // *Nauchnyj rezul'tat. Ekonomicheskie issledovaniya*. – 2024. – T. 10, № 3. – S. 85-93. doi: 10.18413/2409-1634-2024-10-3-0-8
10. Talapina E. V. Zashchita personal'nyh dannyh v cifrovuyu epohu: rossijskoe pravo v Evropejskom kontekste / E. V. Talapina // *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*. – 2018. – T. 13, № 5. – S. 117-150.
11. Savel'ev A. I. Elektronnaya kommerciya v Rossii i za rubezhom: pravovoe regulirovanie / A. I. Savel'ev. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Statut, 2016. – 640 s.
12. Sheluhin K.YU. O kompensacii moral'nogo vreda po delam o zashchite chesti, dostoinstva i delovoj reputacii: teoreticheskij i pravoprimeritel'nyj aspekty. / K. YU. Sheluhin, A. N. Surkov, O. A. Korotkih // *Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija i pravo*. – 2023. – №13(2). – S.83-96. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-2-83-96>
13. Rassolov I. M. Pravo i Internet. Teoriya kiberneticheskogo prava / I. M. Rassolov. – 3-e izd., dop. – Moskva : Norma : INFRA-M, 2021. – 304 s.
14. Petrykina N. I. Pravovoe regulirovanie oborota personal'nyh dannyh. Teoriya i praktika / N. I. Petrykina. – Moskva : Statut, 2011. – 134 s. ISBN 978-5-8354-0771-2.
15. Tereshchenko L. K. Pravovoj rezhim informacii / L. K. Tereshchenko. // *Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii*. – 2011. – 55 s.
16. Morhat P. M. Pravosub'ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noj sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy / P. M. Morhat. – Moskva : YUniti-Dana. – 2018. – 408 s.

УДК 342.729

**МИТИНГ И ЗАБАСТОВКА КАК ФОРМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ
НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ**

Грищенко Т. А.

Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье автор, на примере обеспечения гарантий иностранных граждан на защиту трудовых прав, сопоставляет такие формы публичных мероприятий, как митинг и забастовка. Анализирует основные тенденции, сформировавшие современные международные и конституционные гарантии защиты трудовых прав посредством публичных мероприятий. Выделяет глобальные и национальные факторы, оказавшие значительное влияние на трансформацию концепции публичных мероприятий. Формулирует основные проблемы обеспечения механизмов проведения публичных мероприятий с участием иностранных граждан, в том числе, в контексте административной практики. Проводит анализ нормативного регулирования и правоприменительной практики в таких аспектах, как: разграничение митинга и забастовки как форм публичных мероприятий; размывание субъектов публичного мероприятия организатор/участник; обеспечение конституционных гарантий для иностранных граждан в сфере трудовых отношений. Обосновывает необходимость централизации (кодификации) законодательства о публичных мероприятиях.

Ключевые слова: Концепция публичных мероприятий, митинг, забастовка, участник и организатор публичного мероприятия, иностранный гражданин, трудовая миграция, запрет дискриминации, конституционный контроль, законность.

Принцип равноправия получил широкое распространение в различных сферах общественных отношений. Особое значение данный принцип имеет в сфере трудовых отношений. Запрет дискриминации, в том числе, по признаку гражданской принадлежности, обеспечил стабильный экономический рост РФ, несмотря на сложную демографическую ситуацию. Иностранный гражданин в сфере трудовых отношений обладает полным комплексом конституционных гарантий. Формулировка «каждый», используемая в ст. 37 Конституции РФ, неоднократно получала расширенное толкование в Конституционном Суде РФ.

Право на забастовку и иные организованные коллективные формы защиты своих трудовых прав гарантированы каждому работнику вне зависимости от гражданской принадлежности. В связи с этим в правоприменительной практике до 2022 г. сложилось устойчивое разделение таких форм публичных мероприятий как: митинг/пикет, с одной стороны, и стачка/забастовка – с другой.

Поскольку статья 5 Федерального закона № 54 «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее по тексту ФЗ №54) прямо исключает из организаторов публичного мероприятия иностранных граждан, любая стачка, организованная с участием иностранных граждан, должна быть пресечена как незаконная. Однако практика показывает, что пресечение протестных публичных акций иностранных граждан, направленных на защиту своих трудовых прав, носит крайне эпизодический характер [1, с. 131].

С ужесточением миграционной политики на федеральном и региональном уровнях вопрос о толковании п. 4 ст. 37 Конституции РФ и необходимости четкого разграничения таких форм публичных мероприятий, как митинг и забастовка, приобре-

тают острую актуальность. Поскольку без единого толкования данной дилеммы в различных субъектах РФ может сложиться противоречивая практика.

Принцип, согласно которому все люди, независимо от миграционного статуса, имеют право на основные права человека и трудовые права, закреплён не только в Конституции РФ, но и во многих международных актах. На международном уровне Всеобщая декларация прав человека устанавливает, что все люди имеют право на равную защиту закона и на справедливые и благоприятные условия труда (принципы, которые в равной степени применимы к мигрантам).

Прежде чем дать доктринальное толкование национальным нормам права, рассмотрим международную практику. Конвенция Международной организации труда (далее – МОТ) № 97 о трудовой миграции от 1949 г. и Конвенция № 143 о трудящихся-мигрантах от 1975 г. являются основными документами, гарантирующими равенство обращения между мигрантами и гражданами страны в области занятости, вознаграждения, условий труда и профсоюзных прав. Основопологающие принципы и права МОТ в сфере труда ещё больше укрепляют права на свободу ассоциации, ведение коллективных переговоров, право на публичные методы защиты своих прав и ликвидацию дискриминации, в том числе, по признаку гражданской принадлежности.

Следует отметить, что данные принципы международного права в сфере труда были приняты под влиянием антиколониальной политики и под давлением стран советского блока. Принятая в более поздний период концепция уже прямо говорит о необходимости предоставления трудовым мигрантам минимальных политических прав «платит налоги – имеет голос» [2, с. 21].

Конвенция Организации Объединённых Наций о защите прав всех трудовых мигрантов и членов их семей от 1990 г. подтверждает распространение действия прав человека на всех мигрантов, как находящихся на законных основаниях, так и не имеющих такого статуса. В ней предусматривается, что к трудящимся-мигрантам и членам их семей гарантируется широкий спектр гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав. В европейском контексте, Хартия основных прав Европейского союза подтверждает, что каждый работник имеет право на условия труда, обеспечивающие уважение здоровья, безопасности и человеческого достоинства, а также на справедливое вознаграждение и защиту от несправедливого увольнения. Агентство Европейского союза по основным правам (FRA) подчеркнуло необходимость усиления инспекций на рабочих местах и защиты трудящихся-мигрантов от эксплуатации во всех государствах-членах [3, с. 141].

Таким образом, в сложившейся международной практике именно право на мирные собрания является фундаментальным правом человека, которое играет важнейшую роль в предоставлении трудовым мигрантам возможности защищать свои права и участвовать в демократических процессах.

Право на свободу слова и свободу собраний, являясь основополагающим гарантом свободного развития гражданского общества, обеспечено широкими международными и конституционными нормами.

На международном уровне право на свободу мирных собраний общепризнано в основных правовых документах. Ст. 20 Всеобщей декларации прав человека подтверждает это право, которое далее кодифицировано в ст. 21 Международного пакта

о гражданских и политических правах. При этом данные права распространяются на каждого, вне зависимости от гражданской принадлежности.

Международный билль о правах мигрантов, хотя и не является обязательным международным договором, четко гласит, что «каждый мигрант имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций», включая свободу создавать профессиональные союзы.

Следовательно, можно делать вывод, что международное право в своих основополагающих актах не делает различий между формами публичных мероприятий [4, с. 110], фактически ставя «знак равенства» между митингом и забастовкой.

Такой подход можно считать традиционным для стран англосаксонской правовой семьи, избегающих кодифицированного подхода и воспринимающих публичные мероприятия как форму реализации права на петицию.

Советская доктрина – не допускавшая развития гражданские институтов вне государственного регулирования – также не считала нужным различать правовую природу публичных мероприятий.

Континентальная доктрина, оставаясь в меньшинстве, вынужденно восприняла приложенную международную концепцию.

Важно отметить, что описанная международная концепция сложилась до европейского миграционного кризиса, выделение особой концепции публичных прав на уровне ЕС стало заметно только в последние годы.

В ЕС Хартия основных прав гарантирует право на свободу собраний и ассоциаций (ст. 12), и в политике ЕС все больше признается важность этих прав для сезонных работников и мигрантов, включая их право на забастовку. Европейский комитет по социальным правам также подтвердил право трудящихся-мигрантов на равное обращение по закону и на практике, что является принципом, поддерживаемым в таких странах, как, например, Франция, Италия и Германия.

На национальном уровне международные стандарты получают особое толкование. Так, в Италии право на мирные собрания закреплено в ст. 17 Конституции, а право на забастовку защищено Конституцией в соответствии со статьей 40 и должно осуществляться в соответствии с законом.

Итальянская судебная практика и общественные движения продемонстрировали активную роль трудящихся-мигрантов в трудовых протестах.

Аналогичным образом, в Германии ст. 8 (1) Основного закона гарантирует право всех немцев собираться мирно и без оружия, без предварительного разрешения. Хотя эта формулировка относится к именно гражданам, Федеральный Конституционный суд и международные обязательства в области прав человека предоставляют значительную защиту негражданам, включая трудящихся-мигрантов, особенно в контексте трудовых прав и профсоюзной деятельности [5, с. 65].

Во Франции, хотя свобода собраний прямо и не указана в Конституции, защищена судебной практикой и международными обязательствами. Французское трудовое законодательство признает право каждого человека на забастовку, и нелегальные мигранты исторически использовали забастовки как форму протеста с требованием легализации и улучшения условий труда, демонстрируя неразрывную связь между собраниями, протестами и защитой трудовых прав. Французская правовая система, на которую влияют стандарты МОТ и судебная практика ЕСПЧ, в целом придерживается принципа, согласно которому в трудовых правах, включая коллективные

действия, не следует отказывать исключительно на основании иммиграционного статуса. В России ст. 31 Конституции прямо устанавливает: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование». Однако данная норма распространяется на граждан РФ. Это создает правовую неопределенность в отношении иностранцев и лиц без гражданства, что делает их уязвимыми в плане реализации права на мирные собрания.

Таким образом, иностранцы в России не обладают равными политическими правами с гражданами. Согласно Федеральному закону № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», мигранты обязаны соблюдать законодательство РФ, включая правила проведения публичных мероприятий. Однако закон не предоставляет им права на инициативу в организации митингов или шествий. При этом, если мигранты участвуют в акциях, организованных гражданами РФ или международными организациями, их присутствие не является само по себе нарушением, если они не нарушают общественный порядок. Однако на практике участие мигрантов в протестах часто расценивается как «нарушение режима пребывания» и полиция применяет административное выдворение (ст. 18.8 КоАП РФ) под предлогом нарушения порядка пребывания, даже если сама акция была мирной [1, с. 130].

Ст. 6 ФЗ № 54 закладывает основу для исключения из перечня иностранных граждан. Ст. 2 ФЗ № 10, напротив, прямо указывает иностранных граждан – как лиц, имеющих право участвовать в профсоюзах на равных правах с гражданами РФ. Таким образом, можно говорить, что в РФ постепенно происходит трансформация советской доктрины публичных мероприятий в континентальную. Защита иностранными гражданами трудовых прав в публичной сфере – лишь один из наглядных примеров данной тенденции. Несмотря на правовую неопределенность в России, в последнее время, имели место случаи публичной защиты трудовых прав мигрантами. Так, в Москве в феврале 2023 г. протестовало более тысячи работников строительной компании «Крокус Групп», в том числе, выходцы из Таджикистана и Узбекистана, которым уже четыре месяца не платят зарплату [6].

Часть таких мероприятий были пресечены как незаконные. Анализ практики позволил выделить несколько условий для признания таких публичных мероприятий законными: 1) требования работников относятся исключительно к сфере трудовых отношений (условия труда, выплаты задолженности, незаконные сокращения и т. д.); 2) участники – исключительно лица, связанные трудовыми обязательствами, вовлечение третьих лиц не допускается. При нарушении данных условий правоприменитель склонен расценивать происходящее как незаконный митинг.

В анализе роли мирных собраний для защиты мигрантами своих политических прав необходимо исходить из базового принципа, закрепленного в ст. 11 ФЗ № 54, который прямо устанавливает, что организатором публичного мероприятия не может быть иностранное лицо, лицо без гражданства, а также организация, в уставном капитале которой есть доля иностранного участия. Данная норма является императивной и не содержит исключений. Ее цель заключается в защите государственного суверенитета, не допускающего вмешательства иностранных граждан во внутриполитические процессы, а также противодействие экстремизму.

Однако это положение вступает в видимое противоречие с общепризнанными принципами международного права, которые являются частью правовой системы РФ (ст. 15, ч. 4 Конституции РФ). В частности, речь идет о праве на свободу мирных собраний (статья 21 Международного пакта о гражданских и политических правах) и о праве на коллективную защиту своих интересов. Ключевым моментом здесь является разграничение понятий «организация» мероприятия и «участие» в нем.

Законодательство не дает четкого определения организатора публичного мероприятия. Формально к организаторам относят: лицо, информирующее о проведении публичного мероприятия; осуществляющее съемку или онлайн-освещение мероприятия без аккредитации представителя СМИ; содействующее распространению информации о публичном мероприятии; участвовавшее в сборе средств на проведение; приглашенный участник (спикер); распространяющее в рамках публичного мероприятия наглядную агитацию; иные лица, активно содействующие публичному мероприятию [7, с. 112]. В судебной практике есть прецеденты, когда к организаторам многодневных несанкционированных публичных акций относили лиц, принимавших неоднократное участие [8, с. 93]. Фактически можно говорить о качественном размывании таких субъектов, как организатор и участник публичного мероприятия. Детализация понятия «организатор публичного мероприятия» представляет существенное значение и при пресечении несанкционированных массовых акций, поскольку в отсутствие четкого определения судебная власть вынуждена давать оценку противоправным действиям, «презюмируя виновность». Отсутствие нормативного понятия «организатор» вынуждает правоприменителя воспринимать любую активность лица как доказательство принадлежности к организаторам публичной акции. Если в рамках применения ФЗ № 54 такое размывание субъектов приводит к отягчению ответственности при несанкционированном публичном мероприятии, то в рамках реализации ФЗ № 10 – ставит под сомнение проведение самого мероприятия.

Российское законодательство не лишает иностранных граждан, законно находящихся на территории РФ, права на участие в мирных собраниях, согласованных российскими организаторами. Таким образом, формально право на коллективную защиту своих прав через участие в публичных мероприятиях за иностранцами не отрицается. Они могут быть не организаторами, но участниками легитимного выражения коллективной воли. Однако проблема обостряется в ситуации, когда интересы группы иностранных граждан, находящихся в России (например, трудовых мигрантов, студентов) требуют коллективной защиты, а потенциальных российских организаторов, готовых взять на себя эту функцию и выступить от их имени, не находится. В этом случае возникает правовой вакуум: субъективное право существует (право на коллективную защиту), но механизм его реализации в форме публичного мероприятия для данной категории лиц заблокирован в силу их правового статуса.

С юридической точки зрения это противоречие разрешается через призму теории ограничения прав для достижения законных конституционных целей. Государство, руководствуясь принципами национальной безопасности и суверенитета, вводит дифференцированный правовой режим для разных категорий лиц. Права иностранных граждан, в соответствии с общепринятой мировой практикой, могут быть огра-

ничены в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц (ст. 55, ч. 3 Конституции РФ). Законодатель, устанавливая такой запрет, исходит из презумпции повышенных рисков, связанных с организацией собраний иностранными агентами.

Минимизация ограничений трудовых прав иностранных граждан может быть преодолена посредством расширения общественной значимости профсоюзных движений, способных выступить посредниками между иностранными гражданами и органами публичной власти, в том числе и в рамках реализации права на забастовку, а также развития единой концепции публичных мероприятий.

Список литературы:

- 1.Ляшенко Т. Т. Право на мирные собрания как инструмент защиты трудовых прав мигрантов: международные стандарты и национальные ограничения / Ляшенко, Т. Т. // Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 31 октября 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2026. – С. 129-136.
- 2.Гаглов Д. В. Конституционно-правовое регулирование института публичных мероприятий в Российской Федерации и странах Европы на современном этапе: сравнительно-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 26 с.
- 3.Риззкин М. А. О понятии «мирный протест» в практике Европейского суда по правам человека // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 139–142.
- 4.Ляшенко, Т. Т. Сравнительный анализ реализации права на свободу слова и свободу мирных собраний в романо-германской и англосаксонской правовых семьях (теория общественного и частного интересов) / Т. Т. Ляшенко, Т. А. Грищенко. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2025. – 305 с.
- 5.Саленко А. В. Свобода мирных собраний в России и Германии: сравнительный анализ процедуры уведомления // Электронное приложение к российскому юридическому журналу. 2018. № 5. С. 63–72.
- 6.Россия: Более 1000 строителей-мигрантов вышли на протест в Москве из-за невыплаченных зарплат. —URL: <https://www.business-humanrights.org/ru/свежие-новости/россия-более-тысячи-рабочих-строительной-компании-в-том-числе-мигранты-из-таджикистана-и-узбекистана-вышли-на-протест-в-москве-требуя-выплаты-зарплаты-компания-пообещала-выплаты/>.
- 7.Грищенко, Т. А. Федеральные и региональные основы обеспечения концепции публичных мероприятий в Российской Федерации / Т. А. Грищенко // Образование и право. – 2025. – № 12. – С. 110-115. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-12-110-115. – EDN QDDXIT.
- 8.Грищенко Т.А. Перспективы правового регулирования права граждан на проведение публичных мероприятий: монография. Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2022. С. 162

Grishchenko T. A. A rally and a strike as forms of ensuring the constitutional rights of migrant workers, in the context of the new concept of public events // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 324-330.

In the article, the author, on the example of ensuring guarantees for foreign citizens to protect their labor rights, compares such forms of public events as a demonstration and a strike. Analyzes the main trends that have formed modern international and constitutional guarantees for the protection of labor rights through public events. Highlights global and national factors that have had a significant impact on the transformation of the entire concept of public events. Formulates the main problems of ensuring mechanisms for holding public events with the participation of foreign citizens, including in the context of administrative practice. He analyzes the regulatory framework and law enforcement practices in the following areas: distinguishing between rallies and strikes as forms of public events; blurring the boundaries between organizers and participants in public events; and ensuring constitutional guarantees for foreign citizens in the field of labor relations. It substantiates the need for centralization (codification) of legislation on public events.

Keywords: Public events concept, rally, strike, participant and organizer of public event, foreign citizen, labor migration, prohibition of discrimination, constitutional control.

1.Lyashenko T. T. Pravo na mirnye sobraniya kak instrument zashchity trudovyh prav migrantov: mezhdu-narodnye standarty i nacional'nye ogranicheniya / Lyashenko, T. T. // Aktual'nye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya migracionnyh processov: Sbornik statej po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 31 oktyabrya 2025 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD RF, 2026. – S. 129-136.

2. Gagloev D. V. Konstitucionno-pravovoe regulirovanie instituta publichnyh meropriyatij v Rossijskoj Federacii i stranah Evropy na sovremennom etape: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2015. 26 s.
3. Riekkinen M. A. O ponyatii «mirnyj protest» v praktike Evropejskogo suda po pravam cheloveka // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2017. № 12. S. 139–142.
4. Lyashenko, T. T. Sravnitel'nyj analiz realizacii prava na svobodu slova i svobodu mirnyh sobranij v romano-germanskoj i anglosaksonskoj pravovyh sem'yah (teoriya obshchestvennogo i chastnogo interesov) / T. T. Lyashenko, T. A. Grishchenko. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet tekhnologij upravleniya i ekonomiki, 2025. – 305 s.
5. Salenko A. V. Svoboda mirnyh sobranij v Rossii i Germanii: sravnitel'nyj analiz procedury uvedomleniya // *Elektronnoe prilozhenie k rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu*. 2018. № 5. S. 63–72.
6. Rossiya: Bolee 1000 stroitelej-migrantov vyshli na protest v Moskve iz-za nevyplachennyh zarplat. —URL: <https://www.business-humanrights.org/ru/svezhie-novosti/rossiya-bolee-tysyachi-rabochih-stroitel'noj-kompanii-v-tom-chisle-migranty-iz-tadzhikistana-i-uzbekistana-vyshli-na-protest-v-moskve-trebuya-vyplaty-zarplaty-kompaniya-poobeshchala-vyplaty/>.
7. Grishchenko, T. A. Federal'nye i regional'nye osnovy obespecheniya koncepcii publichnyh meropriyatij v Rossijskoj Federacii / T. A. Grishchenko // *Obrazovanie i pravo*. – 2025. – № 12. – S. 110-115. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-12-110-115. – EDN QDDXIT.
8. Grishchenko T.A. Perspektivy pravovogo regulirovaniya prava grazhdan na provedenie publichnyh meropriyatij: monografiya. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2022. S. 162.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 331-335.

УДК 349+004

ЗАЩИЩЕННОСТЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ

Гундериц Г. А., Латышева Е. В.

В статье рассмотрены правовые и организационные аспекты защиты информационных ресурсов в органах прокуратуры. Внедрение информационных систем, переход на электронный документооборот и межведомственное взаимодействие повышают риски утечек информации, что требует совершенствования механизмов защиты информационных ресурсов в условиях развития цифровых технологий, включая искусственный интеллект. Особое внимание уделяется формированию и дальнейшему совершенствованию цифровых компетенций. Анализ практики показывает, что значительная часть работников не обладает достаточными навыками и знаниями в области информационных технологий и защиты данных, что создаёт предпосылки для нарушений. Таким образом, важно формировать и непрерывно совершенствовать цифровые компетенции работников прокуратуры.

Ключевые слова: информационная безопасность, цифровые технологии, цифровизация, прокуратура, цифровая трансформация, внедрение цифровых технологий, защищенность информационных ресурсов, цифровое пространство, обеспечение защищенности систем, цифровая грамотность, цифровые компетенции.

На сегодняшний день невозможно представить жизнь без информационных технологий, которые приобрели массовый, даже глобальный характер. Следует отметить, что информационные технологии проникли практически во все сферы общественной жизни, выводя общественные отношения в цифровое пространство, в том числе и отношения в сфере государственного управления. Например, в настоящее время одной из задач прокуратуры Российской Федерации является постепенное и систематическое внедрение цифровых технологий в деятельность прокурорских работников.

Однако, как следствие, цифровизация общества предопределила новые угрозы и опасности, негативно влияющие не только на интересы общества и человека, но и на устойчивость информационной инфраструктуры, являющейся элементом национальной безопасности государства. Таким образом, особо актуальным является вопрос защищенности информационных ресурсов и систем, в особенности информационной безопасности органов прокуратуры, ежедневно обрабатывающих информацию из разных источников, включая персональные данные, сведения, полученные из материалов уголовных дел, и т.д. В соответствии с подп. «г» п. 2 Доктрины информационной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646, под обеспечением информационной безопасности следует понимать осуществление взаимосвязанных правовых, организационных, оперативно-разыскных, разведывательных, контрразведывательных, научно-технических, информационно-аналитических, кадровых, экономических и иных мер по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационных угроз и ликвидации последствий их проявления [1].

Для создания правовой базы, регламентирующей деятельность по обеспечению защиты информационных систем и ресурсов, в органах прокуратуры принят ряд организационно-распорядительных документов, среди которых основным является приказ Генерального прокурора РФ от 11.09.2025 № 621 «Об утверждении Концеп-

ции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года» [2], а также «о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации», устанавливающий основные цели и приоритеты по внедрению информационных технологий и искусственного интеллекта в прокурорскую деятельность.

Также следует акцентировать внимание на приказе Генерального прокурора РФ от 24.11.2021 № 701 «Об утверждении Инструкции по эксплуатации средств вычислительной техники, информационных систем и информационных ресурсов органов прокуратуры Российской Федерации», закрепляющем правила использования средств вычислительной техники, информационных систем и информационных ресурсов, обязанности при осуществлении указанной работы и ответственность за несоблюдение правил [3].

Так, в соответствии с Концепцией цифровой трансформации, обеспечение информационной безопасности является одним из приоритетных направлений, ключевыми задачами которого являются выявление, анализ и оценка актуальных угроз; обнаружение внешних вторжений, их нейтрализация, а также ликвидация последствий; контроль за действиями пользователей, в том числе неправомерного доступа к информации и др. [2].

Концепция безопасности прокуратуры РФ определяет ряд специальных субъектов, обеспечивающих безопасность в Генеральной прокуратуре: управление физической защиты, два главных управления (правовой статистики и информационных технологий, кадров), Главное управление обеспечения деятельности, а также Первый отдел (на правах управления). Важно отметить: поддержание внутриведомственной информационной безопасности — задача, которая в разной степени касается всех структурных подразделений Генпрокуратуры. [4]

В Концепции закреплены ключевые направления защиты информации: от оценки текущего состояния безопасности до планирования и оценки эффективности защитных мер. Особое внимание уделяется обеспечению конфиденциальности, целостности и доступности данных — базовых принципов информационной безопасности.

Современные реалии демонстрируют рост рисков кибератак и несанкционированного доступа к информации. Утечки служебных данных могут привести к двум серьёзным последствиям [5]: репутационным потерям для органов прокуратуры; нарушению прав граждан, чьи персональные сведения могут быть раскрыты. Для минимизации этих рисков защита информации реализуется на четырёх взаимосвязанных уровнях: законодательном (нормативно-правовая база); административном (управленческие решения); процедурном (работа с персоналом и процессами); программно-техническом (технологические решения).

Лишь комплексный подход, объединяющий все эти элементы, способен обеспечить надёжную защиту информационного контента. Политика безопасности в этом контексте выступает как основополагающий документ, регламентирующий управление, охрану и распространение важной информации в системе. К сожалению, несмотря на многолетнюю и трудоёмкую работу по созданию цифрового пространства для системы органов прокуратуры, нередко возникают проблемы, вызванные не только внешними угрозами и кибератаками, но и в связи с эксплуатацией информационных систем непосредственно прокурорскими работниками.

Так, анализируя практику выявления инцидентов с нарушениями норм информа-

ционной безопасности в органах прокуратуры, можно сделать вывод об их типовом характере.

Например, по результатам исследования обзоров за 2023 и 2024 гг. основным нарушением среди работников прокуратуры является несанкционированное подключение к автоматизированным рабочим местам технических средств личного пользования, в частности, мобильных телефонов, а также дополнительных устройств, например, Wi-Fi роутеров, для последующего выхода в сеть Интернет, что напрямую запрещено ведомственными приказами [6].

Также актуальной остается проблема, связанная с использованием машинных носителей информации, а именно – флеш-накопителей. Таким образом, в 2024 г. в нескольких субъектах РФ были выявлены случаи подключения неучтенных флешек к защищенной сети передачи данных, а также флешек, зараженных вредоносными программами, что определенно повышало риск утечки данных, хранимых на служебных компьютерах. Также на практике выявляются и другие случаи нарушения правил эксплуатации средств вычислительной техники. Например, хранение паролей от служебных компьютеров в доступном месте или использование одной учетной записи несколькими работниками [7].

Несмотря на то, что с каждым годом выявляется все меньше и меньше нарушений и осуществляется кропотливая и долгосрочная работа по обеспечению информационной безопасности, представляется, что ситуация на некоторое время останется нерешенной по причине большого количества прокурорских работников, не освоивших в полной мере цифровые компетенции. Однако следует акцентировать внимание, что органами прокуратуры РФ для решения данной проблемы проводятся плановые мероприятия, направленные на освоение и развитие цифровых компетенций [8].

Так, уполномоченным подразделением Генеральной прокуратуры РФ регулярно проводятся учебные мероприятия с демонстрацией в формате видео-конференц-связи возможностей эксплуатируемых информационных ресурсов, а также создаются информационно-аналитические материалы, направляемые в прокуратуры субъектов РФ.

В прокуратурах субъектов РФ для повышения навыков в цифровой среде систематически обсуждаются на заседаниях коллегий вопросы возможности освоения эксплуатируемых информационных ресурсов, в том числе ведомственных и внешних информационных систем по типу Надзор-WEB, ИС МЭВ, СПАРК и др. Также во многих прокуратурах субъектов РФ инициировано проведение курсов лекций и учебно-методических семинаров в целях повышения уровня квалификации и навыков работников по вопросу информационной безопасности и эксплуатации средств вычислительной техники.

Отдельное внимание следует акцентировать и на опыте одной из прокуратур субъекта РФ, на базе которой для получения знаний в сфере информационных технологий и возможности их практического закрепления при работе с информационными системами и комплексами был сформирован компьютерный учебный класс.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод, что информационная безопасность органов прокуратуры имеет приоритетное значение в силу самой деятельности прокурорских работников, той информации, которая ежедневно

обрабатывается и хранится в ведомственных информационных системах и утечка которой определенно повлечет за собой негативные последствия не только для данной системы государственных органов, но и для человека и государства. Вследствие данного фактора обеспечение информационной безопасности должно подразумевать под собой не только нормативное закрепление свода норм и правил и защиту от внешних компьютерных атак, но и образовательную политику. Иными словами, сегодня, ввиду развития информационных технологий и внедрения искусственного интеллекта в работу прокуратуры РФ, возникла необходимость в наличии у каждого прокурорского работника не только юридических, но еще и цифровых знаний, что в данном случае может быть эффективно реализовано только с помощью систематичной и многоаспектной работы в долгосрочной перспективе по обучению и развитию знаний и навыков в цифровой среде.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
2. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 11 сентября 2025 г. № 621 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/412687943/paragraph/1/doclist/7360/1/0/0/Приказ%20Генеральной%20прокуратуры%20Российской%20Федерации%20от%2011%20сентября%202025%20г.%20N%20621:2>.
3. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 24 ноября 2021 г. № 701 «Об утверждении Инструкции по эксплуатации средств вычислительной техники, информационных систем и информационных ресурсов органов прокуратуры Российской Федерации» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/403130163/paragraph/1/doclist/7536/1/0/0/ИНСТРУКЦИЯ%20ПО%20ЭКСПЛУАТАЦИИ%20СРЕДСТВ%20ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ%20ТЕХНИКИ.%20ИНФОРМАЦИОННЫХ%20СИСТЕМ%20И%20ИНФОРМАЦИОННЫХ%20РЕСУРСОВ%20ОРГАНОВ%20ПРОКУРАТУРЫ%20РОССИЙСКОЙ%20ФЕДЕРАЦИИ>.
4. Соколов, И. А. Информационная безопасность органов прокуратуры Российской Федерации: сущность, содержание, основные понятия / И. А. Соколов // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 12(175). – С. 342-344..
5. Колесов, М. В. Проблемы и перспективы обеспечения информационной безопасности в органах прокуратуры Российской Федерации / М. В. Колесов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 5(79). – С. 92-95
6. Информационное письмо от 25 апреля 2024 г. № 11-04-2024/Ип11377-24 «Обзор анализа эксплуатации средств вычислительной техники, информационных систем и информационных ресурсов органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в 2023 году».
7. Информационное письмо от 29 апреля 2025 г. № 11-04-2025/Ип16341 «Обзор анализа эксплуатации средств вычислительной техники, информационных систем и информационных ресурсов органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в 2024 году». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411677629/>.
8. Павленко, А. Д. Совершенствование механизма организационного обеспечения информационной безопасности в органах прокуратуры / А. Д. Павленко // Научный Лидер. – 2024. – № 23(173). – С. 118-121.

Gunderich G. A., Latysheva E. V. Protection of Information Resources as a Component of Information Security in Prosecutor's Offices // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 331-335.

The article examines the legal and organizational aspects of protecting information resources within prosecutorial bodies. The implementation of information systems, the transition to electronic document management, and interagency cooperation increase the risks of information leaks, which necessitates improving protection mechanisms for information resources in the context of advancing digital technologies, including artificial intelligence. Special attention is paid to the development and further enhancement of digital competencies. Analysis of practice shows that a significant part of employees lacks sufficient skills and knowledge in the field of information technology and data protection, which creates conditions for violations. Therefore, it is essential to develop and continuously improve the digital competencies of prosecutorial staff.

Keywords: information security, digital technologies, digitalization, prosecutor's office, digital transformation, implementation of digital technologies, security of information resources, digital space, ensuring system security, digital literacy, digital competencies.

Spisok literatury:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated December 5, 2016 No. 646 "On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation". – [Electronic resource]. – Access mode:
2. Order No. 621 of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated September 11, 2025 "On Approval of the Concept of Digital Transformation of Bodies and Organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation until 2030, as well as on Amendments to Certain organizational and administrative documents of the Prosecutor General of the Russian Federation". – [Electronic resource]. – Access mode: [https://internet.garant.ru/#/document/412687943/paragraph/1/doclist/7360/1/0/0/Order of the %20general%20Prosecutor's Office%20 of the the Rus-sian%20federation%20ot%2011%20September%202025%20G.%20N%20621:2](https://internet.garant.ru/#/document/412687943/paragraph/1/doclist/7360/1/0/0/Order%20of%20the%20Prosecutor's%20Office%20of%20the%20Russian%20Federation%20ot%2011%20September%202025%20G.%20N%20621:2).
3. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated November 24, 2021 No. 701 "On approval of Instructions for the Operation of computer Equipment, Information systems and Information Resources of the Prosecutor's Office of the Russian Federation" – [Electronic resource]. – Access mode: <https://internet.garant.ru/#/document/403130163/paragraph/1/doclist/7536/1/0/0/ИНСТРУКЦИЯ%20ПО%20ЭКСПЛУАТАЦИИ%20СРЕДСТВ%20ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ%20ТЕХНИКИ,%20ИНФОРМАЦИОННЫХ%20СИСТЕМ%20И%20ИНФОРМАЦИОННЫХ%20РЕСУРСОВ%20ОРГАНОВ%20ПРОКУРАТУРЫ%20РОССИЙСКОЙ%20ФЕДЕРАЦИИ>:
4. Sokolov, I. A. Information security of the Prosecutor's office of the Russian Federation: essence, content, basic concepts / I. A. Sokolov // Eurasian Law Journal. – 2022. – № 12(175). – Pp. 342-344..
5. Kolesov, M. V. Problems and prospects of ensuring information security in the Prosecutor's office of the Russian Federation / M. V. Kolesov // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. – 2020. – № 5(79). – Pp. 92-95
6. Information letter dated April 25, 2024 No. 11-04-2024/Ip11377-24 "Review of the analysis of the operation of computer equipment, information systems and information resources of bodies and organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in 2023".
7. Information letter dated April 29, 2025 No. 11-04-2025/Ip16341 "Review of the analysis of the operation of computer equipment, information systems and information resources of bodies and organizations of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in 2024". – [Electronic resource]. – Access mode: [https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411677629 /](https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411677629/).
8. Pavlenko, A.D. Improving the mechanism of organizational information security in the prosecutor's office / A.D. Pavlenko // Scientific Leader. – 2024. – № 23(173). – Pp. 118-121.

УДК 342

**ПРЕЗЮМИРОВАННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ КАК ЭЛЕМЕНТ
МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В
АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ**

Зубкова И. А.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,

Статья посвящена комплексному исследованию правовой природы и функциональной роли презюмированного юридического факта в системе механизма административно-правового регулирования. Выделяются и обосновываются конститутивные признаки презюмированного факта: нормативная закреплённость, обусловленность исходным фактом, вероятностный характер, опровержимость и включённость в структуру презумпции. Автор проводит анализ места презюмируемого факта в классификации юридических фактов, выявляет его конститутивные признаки, исследует доказательственные функции и значение для оптимизации распределения доказательственного бремени в административном производстве. На основе анализа действующего законодательства и научной доктрины выделены проблемы теоретического осмысления и практического применения презюмируемых фактов.

Ключевые слова: юридический факт, правовая презумпция, механизм правового регулирования, административное право, доказывание, предмет доказывания, исходный факт, презюмируемый факт, опровержение презумпции, административное производство.

Развитие правового государства требует постоянного уточнения и конкретизации основных категорий, составляющих ее концептуальный аппарат. В частности, в современной административно-правовой науке особую актуальность приобретает изучение «презюмируемого юридического факта» [1, с. 52] как самостоятельного явления, обладающего собственной спецификой в системе методов и средств административно-правового воздействия.

Классическое представление о юридических фактах как об объективно существующих обстоятельствах, подлежащих установлению путем прямого доказывания, демонстрирует определенные ограничения при анализе сложных конструкций, встречающихся в нормативной литературе административного права. Практика административного производства обнаруживает применение презумпций – нормативно закреплённых предположений о наличии или отсутствии определенных юридически значимых обстоятельств, связанных с исходными фактами. Эти конструкции существенно влияют на динамику административных правоотношений, механизм распределения доказательственного бремени и процедуру установления юридических фактов в административном производстве.

Юридические факты представляют собой один из центральных институтов в системе теоретико-правовых учений и практического применения правовых норм. Механизм правового регулирования характеризуется как согласованная «система методов» [2, с. 15], средств и способов, посредством которых право оказывает воздействие на общественные отношения, стимулируется поведение субъектов в направлении, соответствующем государственной воле, выраженной в нормативных предписаниях.

В рамках этой системы юридические факты выполняют роль связующего звена между абстрактными нормативными предписаниями и конкретными правоотношениями. Классическое определение, согласно которому юридические факты – это жизненные обстоятельства, с наступлением или отсутствием которых норма

права связывает возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей субъектов, содержит в себе лишь общеправовые характеристики этого явления. Специфика юридических фактов в административном праве проявляется в характере их связи с административными правоотношениями. Административные правоотношения возникают, развиваются и прекращаются в результате действия множества юридических фактов, которые образуют сложные фактические составы. Эти факты обладают следующими особенностями: служат основанием для возникновения административных обязанностей, определяют границы осуществления административных прав, создают предмет доказывания в административном производстве, формируют фактическую основу для издания административных актов органов публичной власти.

В административном процессе «(процедура рассмотрения дел об административном правонарушении) юридические факты приобретают особое значение, установление является необходимым для выяснения наличия события административного правонарушения и виновности лица в его совершении. Эти требования прямо находят отражение в нормах действующего КоАП РФ» [9].

В административно-правовой науке презумпция определяется как закрепленное в норме права предположение о наличии или отсутствии определенного юридически значимого обстоятельства, которое выводится из устойчивых, повторяющихся и эмпирические подтверждаемых связей между явлениями в административной действительности и признано законодателем достаточным для нормативного регулирования.

Важнейшей структурной характеристикой любой правовой презумпции является её двучленность: каждая презумпция состоит из двух связанных между собой элементов — исходного (базисного) факта и презюмируемого факта. Исходный факт — это обстоятельство, которое относительно легко доказывается, типично встречается в практике административного правоприменения и объективно связано с презюмируемым фактом. Презюмируемый факт, в свою очередь, характеризуется повышенной сложностью прямого доказывания, в силу чего законодатель предусмотрел возможность его установления через презумпцию.

Презюмированный юридический факт характеризуется совокупностью отличительных признаков, которые отделяют его от юридических фактов, устанавливаемых в общем порядке. Выделение этих признаков имеет существенное значение для понимания природы данного явления.

Первый признак — нормативная закреплённость. Презюмируемый факт существует не как результат логического вывода, который правоприменитель делает в конкретном деле, а как заранее сформулированное и закреплённое в источниках административного права правило. Это правило действует на всей территории действия соответствующего нормативного акта и подлежит обязательному применению всеми органами административной юрисдикции без исключения.

Второй признак — кондиционность (условный характер). Презюмируемый факт обладает статусом существующего исключительно при наличии другого, исходного факта. Его существование обусловлено, зависимо от доказывания базисного факта. Без установления исходного факта презюмируемый факт не может быть признан существующим, даже если есть иные указания на его наличие.

Третий признак — вероятностная природа. Презюмируемый факт опирается не на безусловное, достоверное знание о наличии обстоятельства, а на предположение, вытекающее из типичных, часто наблюдаемых в практике связей между явлениями. Уровень вероятности такого предположения может значительно варьироваться в зависимости от характера конкретной презумпции и той эмпирической базы, на которой она основана.

Четвёртый признак — опровержимость. Большинство презумпций в административном праве (за исключением легальных фикций и абсолютных презумпций) являются опровержимыми. Это означает, что презюмируемый факт не обладает непреодолимой юридической силой и может быть оспорен путём представления доказательств, свидетельствующих об отсутствии этого факта или его качественном отличии от того, что предполагает презумпция. Опровержимость прямо корреспондирует с «конституционным принципом презумпции невиновности» [10].

Пятый признак — включенность в структуру презумпции. Презюмируемый факт никогда не существует в изолированном виде. Он всегда является органической частью более широкой структуры — правовой презумпции, в которой находится в неразрывной связи с исходным фактом. Эта структурная взаимосвязь определяет «функциональное назначение презюмируемого факта в механизме правового регулирования».

Традиционная теоретико-правовая классификация юридических фактов строится на основании различных критериев, в числе которых: характер юридических последствий (правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие); источник происхождения (события и действия); отношение к воле субъектов (волевые и безвольные); степень сложности (простые и сложные, образующие фактические составы).

Презюмируемый юридический факт не выпадает из этой «классификационной системы» [4, с. 77], однако занимает в ней специфическое место. Его можно охарактеризовать как надклассификационную категорию, которая может содержать в себе элементы различных традиционных видов юридических фактов. Так, презюмируемый факт может выполнять функцию правообразующего факта (например, при наличии определённых условий презюмируется возникновение административного правоотношения), правоизменяющего факта (презумпция об изменении содержания прав и обязанностей при наступлении определённых обстоятельств) или правопрекращающего факта (презумпция о прекращении административного правоотношения).

Аналогично, презюмируемый факт может быть событием (например, презумпция о наличии события в том случае, когда доказано обстоятельство, из которого презумпция выводит наличие события) или действием. По отношению к воле субъектов презюмируемый факт может быть, как волевым «(действием лица), так и безвольным (событием, не зависящим от воли людей)» [5, с. 78]. Эта универсальность презюмируемого факта, его способность материализоваться в различных формах юридических фактов свидетельствует о том, что презюмирование — это не столько особый вид юридических фактов, сколько особый способ их нормативного закрепления и процессуального установления в производстве по делам об административных правонарушениях.

Взаимоотношение исходного и презюмируемого фактов формирует специфическую «логику-правовую конструкцию» [6, с. 119], которая функционирует в механизме правового регулирования определённым образом. Исходный факт выступает в качестве рациональной, достаточной основы для нормативного и процессуального признания существования презюмируемого факта.

Данная конструкция воплощает то, что в теории доказательственного права называется «сокращённым» доказательственным переходом. При использовании презумпции участник административного производства, которому благоприятна презумпция, освобождается от необходимости проведения полного, исчерпывающего доказывания презюмируемого факта. Ему достаточно представить доказательства наличия исходного факта, и презюмируемый факт автоматически признаётся существующим при отсутствии опровергающих его доказательств.

Эффективность всей презумпционной конструкции зависит от того, насколько исходный факт обладает определёнными качествами. Исходный факт должен быть: относительно простым в доказывании; типичным, часто встречающимся в практике административного правоприменения; объективно и материально связанным с презюмируемым фактом; достаточным основанием для логического и нормативного вывода о существовании презюмируемого факта.

Одной из центральных функций, которые выполняет презюмируемый юридический факт, является его доказательственная функция. Эта функция заключается в том, что презумпция создаёт упрощённый, оптимизированный режим установления определённых юридически значимых обстоятельств в административном производстве.

В условиях использования презумпции один из участников производства избавляется от необходимости проведения полного и развёрнутого доказывания презюмируемого факта путём представления всего спектра возможных доказательств. Вместо этого ему достаточно доказать наличие исходного (базисного) факта, и презюмируемый факт тотчас же признаётся существующим. Это позволяет значительно сократить объём проводимых доказательственных действий, ускорить процесс административного разбирательства и снизить нагрузку на правоприменительные органы.

Особо важна эта функция в тех ситуациях, когда полное прямое доказывание презюмируемого факта было бы практически затруднено или практически невозможно. Классический пример — установление «субъективных элементов» [1, с. 95] состава административного правонарушения (вины, умысла, цели, мотива). Непосредственное доказывание внутреннего психического состояния лица, совершившего правонарушение, зачастую представляет объективные трудности. Поэтому законодатель, стремясь к оптимизации производства, предусмотрел ряд презумпций, влияющих на распределение обязанности доказывания вины и обстоятельств дела. Эти подходы отражены в нормах КоАП РФ о презумпции невиновности и распределении бремени доказывания.

Вторая функция, тесно связанная с первой, но имеющая самостоятельное значение, — это функция перераспределения доказательственного бремени между сторонами административного производства. При применении презумпции бремя доказывания презюмируемого факта переносится с одной стороны на другую.

Когда одна из сторон доказала исходный факт, презумпция предполагает наличие презюмируемого факта. Обязанность опровергнуть это предположение путём предоставления контрдоказательств ложится на противоположную сторону. Такая сторона вынуждена представить доказательства, свидетельствующие об отсутствии или неправильности презюмируемого факта, чтобы преодолеть действие презумпции. Эта функция имеет принципиальное значение для реализации таких «фундаментальных принципов административного производства» [7, с. 294], как справедливость разбирательства, процессуальное равенство сторон и равная защита их прав. Перемещение доказательственного бремени обеспечивает более сбалансированное распределение процессуальных обязанностей и предоставляет сторонам, на которую переложено бремя опровержения, реальную, практически осуществимую возможность защиты своих прав и законных интересов. Соответствующие гарантии вытекают из конституционного принципа презумпции невиновности и права на судебную защиту.

Третья функция — это оптимизационная функция в широком смысле. Включение презюмируемых фактов в нормативную базу административного права способствует совершенствованию механизма правового регулирования административных отношений несколькими способами одновременно.

По мнению ряда исследователей механизма правового регулирования, использование презумпций позволяет опосредованно снижать информационный и нормативный объём законодательных текстов. Законодатель в таких случаях не перечисляет во всех ситуациях полный набор юридических фактов, необходимых для возникновения конкретного административного правоотношения, а ограничивается закреплением презумпции о наличии некоторых из них.

Как справедливо подчёркивает В. К. Бабаев, презумпции способствуют «обеспечению единообразия, согласованности и предсказуемости применения норм права различными органами власти, поскольку задают устойчивые модели вывода одного факта из другого» [1, с. 130]. С данной позицией в значительной мере солидарен Н. Н. Цуканов, который, анализируя административно-правовые презумпции, указывает, что «их нормативная формализация обеспечивает стабильность правоприменительной практики органов внутренних дел и позволяет устранить произвольные расхождения в подходах к оценке однотипных ситуаций» [2, с. 137]. Представляется обоснованным согласиться с этими выводами и применительно к административному праву в целом, где нормативное закрепление презумпций гарантирует их общеобязательность и одинаковое применение независимо от субъекта правоприменения и конкретных обстоятельств дела.

В доктрине обоснованно отмечается, что презумпции выполняют функцию юридического инструмента защиты социально значимых интересов и прав участников правоотношений. Показательным примером, с которым трудно не согласиться, является презумпция невиновности лица, привлекаемого к административной ответственности, закреплённая в нормах законодательства и на конституционном уровне и выступающая гарантией защиты прав и достоинства граждан от необоснованного и незаконного привлечения к ответственности.

Вопрос о месте и статусе презюмируемого факта в структуре предмета доказывания по делам об административных правонарушениях остаётся одним из

дискуссионных в административной науке и вызывает различные толкования у практикующих юристов.

Презюмируемый факт полностью не исключается из предмета доказывания, однако его процессуальный статус и процедура установления принципиально отличаются от статуса и процедуры установления иных юридически значимых. С одной стороны, «презюмируемый факт обладает юридическим значением для разрешения дела об административном правонарушении и оказывает существенное влияние на исход административного разбирательства» [8, с. 28]. С другой стороны, благодаря действию презумпции этот факт освобождается от необходимости полного, развёрнутого доказывания традиционным способом.

Надлежащий подход состоит в том, что презюмируемый факт остаётся в составе предмета доказывания, однако он подчиняется особому, специальному процессуальному режиму. Этот режим предусматривает следующее: орган, ведущий производство, должен установить исходный (базисный) факт на основе представленных доказательств; при наличии исходного факта презюмируемый факт автоматически признаётся существующим; противоположная сторона получает право опровергнуть презюмируемый факт путём представления надлежащих доказательств обратного. Такая модель корреспондирует общим положениям КоАП РФ о предмете и объёме доказывания.

Фундаментальной характеристикой и одновременно ограничением презюмированного юридического факта является его. Презумпция не является абсолютным, непреодолимым нормативным предположением. Она подлежит опровержению путём представления надлежащих доказательств, которые свидетельствуют об отсутствии презюмируемого факта или о его несоответствии тому, что предполагает презумпция.

Процесс опровержения презюмируемого факта в административном производстве предполагает следующую логическую и процессуальную последовательность действий: орган, ведущий производство, устанавливает исходный факт путём анализа и оценки представленных доказательств; на основе презумпции орган автоматически признаёт существование презюмируемого факта; лицо, заинтересованное в опровержении презюмируемого факта, представляет соответствующие доказательства его отсутствия или отличия от предполагаемого; орган, ведущий производство, проводит оценку представленных контрдоказательств в соответствии с критериями надлежащести, допустимости, достаточности и достоверности; орган выносит мотивированное решение, основанное на результатах проведённой оценки доказательств.

Специфика опровержения презюмируемого факта состоит в том, что доказывающему его отсутствие лицу не требуется достигать абсолютной, полной достоверности в отношении этого факта. Достаточно создать разумное, обоснованное сомнение в наличии презюмируемого факта или показать, что представленные доказательства создают существенную неопределённость в этом вопросе, чтобы орган, ведущий производство, был обязан пересмотреть своё первоначальное предположение и принять решение в соответствии с принципом справедливости и презумпцией невиновности.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что презюмируемый юридический факт представляет собой многоаспектное явление в системе юридических фактов, обладающее рядом специфических признаков, функций и особенностей применения. Его нормативное закрепление, кондиционность, вероятностная природа, опровержимость и органическая включённость в структуру правовой презумпции являются конститутивными характеристиками, отличающими его от юридических фактов, устанавливаемых в общем порядке посредством прямого доказывания.

В механизме административно-правового регулирования презюмируемый факт выполняет несколько взаимосвязанных, но самостоятельных функций: доказательственную (упрощение установления фактических обстоятельств и ускорение производства); функцию перераспределения доказательственного бремени (перемещение обязанности по опровержению на противоположную сторону); оптимизационную в широком смысле (совершенствование всей системы правового регулирования).

В административном производстве презюмируемый факт занимает особое место в предмете доказывания: он остаётся юридически значимым обстоятельством, но функционирует в специальном процессуальном режиме, предусматривающем установление исходного факта, автоматическое признание презюмируемого факта и возможность его опровержения путём представления контрдоказательств. Такой режим соответствует принципу презумпции невиновности, отражённому в Конституции РФ и процессуальном законодательстве.

Современное состояние административной практики демонстрирует необходимость комплексного совершенствования правовой регламентации презюмированного юридического факта. Требуется: законодательное определение презумпций; систематизация действующих презумпций; разработка критериев оценки доказательств; уточнение взаимодействия презумпций с конституционными принципами и правовыми позициями высших судебных инстанций.

Дальнейшее развитие учения о презюмированном юридическом факте должно осуществляться с учётом как классических доктринальных достижений теории юридических фактов, так и современных требований к обеспечению справедливости, защиты прав участников административных правоотношений и процессуального равенства сторон в административном производстве. Этот комплексный подход позволит повысить качество и обоснованность решений, выносимых органами административной юрисдикции и обеспечит более результативное и эффективное функционирование всего механизма административно-правового регулирования в целом.

Список литературы:

1. Бабаев, В. К. Презумпции в советском праве / В. К. Бабаев. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1974. — 187 с.
2. Цуканов, Н. Н. Правовые презумпции в административной деятельности органов внутренних дел : дис. канд. юрид. наук : 12.00.14 / Н. Н. Цуканов. — Омск, 2001. — 205 с.
3. Малько, А. В. Механизм правового регулирования / А. В. Малько // Правоведение. — 1996. — № 1. — С. 10–21.
4. Лейст, О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст. — М.: Зерцало-М, 2002. — 416 с.
5. Исаков, В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования / В. Б. Исаков. — М.: Юридическая литература, 1980. — 156 с.

- 6.Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. — М. : Юридическая литература, 1974. — 312 с.
- 7.Матузов, Н. И. Юридические факты и их роль в механизме правового регулирования / Н. И. Матузов, А. В. Малько // Юридический мир. — 2005. — № 2. — С. 15–28.
- 8.Лейст, О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст. — М. : Зерцало-М, 2002. — 416 с.
- 9.Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации: сайт. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17704> (дата обращения: 27.02.2026).
10. Конституция Российской от 12.12. 1993 г. (в ред. от 14 марта 2020 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации: сайт. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17704> (дата обращения: 20.02.2026).

Zubkova I.A. Presumed legal fast as an element of the legal regulation mechanism in administrative law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. — 2026. — Т. 12 (78). № 2. — С. 336-343.

The article is devoted to a comprehensive study of the legal nature and functional role of the presumed legal fact within the system of the administrative-legal regulation mechanism. The constitutive features of the presumed fact are identified and substantiated: normative consolidation, dependence on an initial fact, probabilistic nature, rebuttability, and inclusion within the structure of a presumption. The author analyzes the place of the presumed fact within the classification of legal facts, reveals its constitutive features, and examines its evidentiary functions and significance for optimizing the distribution of the burden of proof in administrative proceedings. Based on an analysis of current legislation and legal doctrine, the article identifies problems in the theoretical understanding and practical application of presumed facts.

Keywords: emergency situation, state of emergency, hybrid war, special military operation, national security, legal regime, restriction of rights and freedoms, international humanitarian law, legal qualification, evolution of threats.

Spisok literatury:

- 1.Babaev, V. K. Prezumpcii v sovetskom prave / V. K. Babaev. — L.: Izdatel'stvo Leningradskogo niversiteta, 1974. — 187 s.
- 2.Cukanov, N. N. Pravovye prezumpcii v administrativnoj deyatel'nosti organov vnutrennih del : dis. kand. jurid. nauk : 12.00.14 / N. N. Cukanov. — Omsk, 2001. — 205 s.
- 3.Mal'ko, A. V. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya / A. V. Mal'ko // Pravovedenie. — 1996. — № 1. — С. 10–21.
- 4.Lejst, O. E. Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava / O. E. Lejst. — М. : Zercalo-M, 2002. — 416 s.
- 5.Isakov, V. B. Fakticheskij sostav v mekhanizme pravovogo regulirovaniya / V. B. Isakov. — М. : Yuridicheskaya literatura, 1980. — 156 s.
- 6.Halfina, R. O. Obshchee uchenie o pravootnoshenii / R. O. Halfina. — М. : Yuridicheskaya literatura, 1974. — 312 s.
- 7.Matuzov, N. I. Yuridicheskie fakty i ih rol' v mekhanizme pravovogo regulirovaniya / N. I. Matuzov, A. V. Mal'ko // Yuridicheskij mir. — 2005. — № 2. — С. 15–28.
- 8.Lejst, O. E. Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava / O. E. Lejst. — М. : Zercalo-M, 2002. — 416 s.
- 9.Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 29.12.2025) [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajт Prezidenta Rossijskoj Federacii: sajт. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17704> (data obrashcheniya: 27.02.2026).
10. Konstituciya Rossijskoj ot 12.12. 1993 g. (v red. ot 14 marta 2020 g.) [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajт Prezidenta Rossijskoj Federacii: sajт. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17704> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

УДК 342.76

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Климова Д. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье исследуется эволюция конституционно-правового статуса иностранных граждан под влиянием процессов цифровизации миграционного контроля в Российской Федерации. Анализируется изменение содержания традиционных правовых гарантий в условиях внедрения цифровых технологий, выявляются новые риски и возможности для защиты прав мигрантов. Особое внимание уделяется проблеме сохранения баланса между интересами государственного контроля и конституционными правами личности. В статье рассмотрена комплексная система цифрового миграционного контроля, исследуется зарубежный опыт внедрения искусственного интеллекта для повышения эффективности миграционного контроля. Анализируется, как внедрение цифровых технологий и биометрических данных предопределяет баланс между государственным суверенитетом, обеспечением национальной безопасности и гарантией личных прав и свобод данной категории лиц. Автор приходит к выводу о формировании нового, «цифрового» измерения правового статуса, характеризующегося повышенным уровнем административного контроля, возрастанием роли превентивных мер и появлением новых правовых гарантий, связанных с защитой персональных данных и обеспечением цифровой справедливости. Отмечено, что вводимые цифровые новации миграционного контроля приводят к фундаментальной трансформации конституционно-правового статуса иностранных граждан. Традиционные правовые гарантии наполняются новым содержанием, возникают определенные правовые риски.

Ключевые слова: биометрия, конституционно-правовой статус, иностранные граждане, миграционный контроль, национальная безопасность, персональные данные, реестр контролируемых лиц, цифровизация, цифровой профиль мигранта.

Современный мир характеризуется интенсификацией миграционных потоков и геополитической нестабильностью, государства все чаще испытывают растущее давление в сферах национальной безопасности, социальной стабильности и устойчивого развития. Сами миграционные процессы становятся комплексными, включая не только трудовую мобильность, но и вынужденные переселения. Сталкиваясь с этими вызовами, традиционные системы управления миграцией демонстрируют свою ограниченность, что заставляет государства активнее обращаться к цифровым решениям для анализа, регулирования и прогнозирования миграционных процессов.

Использование современных цифровых технологий и информационно-технических средств для повышения эффективности административных процедур в сфере миграции, профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства, а также применения мер административного воздействия определены ключевым направлением новой Концепции государственной миграционной политики РФ на 2026 - 2030 гг. [4].

Согласно Концепции, информатизация должна привести к сокращению сроков оказания миграционных услуг в несколько раз; снижению коррупционных рисков за счёт минимизации личных контактов и человеческого фактора; повышению точности и обоснованности решений о въезде, пребывании и депортации; улучшению качества статистики и аналитики для управления миграционными процессами, повышению уровня безопасности за счёт эффективного выявления нелегальной миграции и лиц, представляющих угрозу.

Современная миграционная политика характеризуется активным внедрением цифровых технологий, что кардинальным образом меняет традиционные подходы к регулированию правового положения иностранных граждан. Цифровизация государственного управления, включая сферу миграционной политики, является глобальным трендом, кардинально меняющим традиционные правовые конструкции.

Конституционно-правовой статус иностранных граждан, традиционно определяемый через совокупность прав, обязанностей и гарантий в рамках разграничения «национальный - иностранный», подвергается в этих условиях существенной трансформации.

С одной стороны, цифровизация миграционного контроля выступает инструментом оптимизации административных процедур и повышает эффективность управления миграционными процессами, а с другой - создает новые вызовы для реализации конституционных прав и свобод. В данной связи актуальным представляется комплексный анализ направлений и правовых последствий эволюции конституционно-правового статуса иностранных граждан в Российской Федерации в контексте внедрения передовых цифровых технологий.

Конституционно-правовой статус иностранных граждан в РФ традиционно определяется через принцип национального режима, закрепленный в Конституции РФ [1, ч.2 ст. 62]. Данный принцип предполагает, что иностранные граждане пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами России, за исключением случаев, установленных федеральным законом или международным договором.

Уровень конституционно-правового регулирования защиты прав и свобод иностранных граждан в РФ выступает значимым фактором, определяющим характер миграционных процессов. От эффективности данного регулирования напрямую зависят ключевые аспекты общественно-государственной стабильности [7, с. 252].

Ядро конституционно-правового статуса составляют права и свободы человека, гарантируемые в соответствии с общепризнанными принципами международного права, ограничение которых возможно лишь в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности государства. Ключевыми элементами данного статуса являются: право на свободу передвижения, право на неприкосновенность частной жизни, право на судебную защиту, право на осуществление трудовой деятельности. Государственный суверенитет проявляется в праве определять условия въезда, пребывания и выезда (ст. 27, 62 Конституции РФ). Миграционный контроль исторически носил преимущественно разрешительный характер, активизируясь на этапе пересечения границы или при выявлении факта нарушения миграционного законодательства [8]. Современный этап характеризуется переходом к превентивной, непрерывной модели контроля. В последние годы в Российской Федерации сформировалась комплексная система цифрового миграционного контроля [6, с.84], включающая:

1. Создание единых информационных систем: формирование Единой государственной информационной системы миграционного учета и ее интеграция с другими базами; автоматизированные системы пограничного контроля - использование технологий для проверки документов и идентификации личности, что создает

«цифровой двойник» мигранта, сопровождающий его на всех этапах миграционного перемещения.

2. Биометрические системы идентификации: обязательный сбор и обработка отпечатков пальцев (дактилоскопия), данных распознавания лиц (фотографий лица), а в перспективе — и иных биометрических параметров, что существенно трансформирует правовую связь индивида и государства. Идентичность становится биометрически верифицируемой, а статус — жестко привязанным к цифровому профилю.

3. Удаленное взаимодействие: возможность подачи уведомлений, получения патентов и разрешений через портал «Госуслуги», что формально упрощает процедуры, но одновременно делает статус иностранца полностью зависимым от его цифровой доступности и корректности работы алгоритмов.

Цифровизация миграционных услуг демонстрирует рекордные темпы: за 9 месяцев 2025 года через портал «Госуслуги» было оказано 9,1 млн услуг — на 104% больше, чем годом ранее. Это составило значительную долю от общего объема в 49 млн. госуслуг, предоставленных МВД России. Рост наблюдается в ключевых операциях: учет иностранных граждан через ЕПГУ вырос на 135,7% (до 5,5 млн.), запросы адресных данных — на 89,9% (1,8 млн.). Устойчивая тенденция к онлайн-обслуживанию подтверждается и ростом на 50% электронных заявлений на регистрацию по месту жительства (1,7 млн.). Данная динамика является прямым следствием успешного перевода массовых социальных сервисов в удобный электронный формат [12].

4. Реестр контролируемых лиц — единая база данных, позволяющая отслеживать пребывание иностранных граждан на территории РФ в режиме реального времени. С момента внесения сведений в Реестр в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства применяется режим высылки. Данная мера подразумевает ограничение ряда прав и свобод указанных лиц, а также их включение в специальный реестр для последующего контроля [6, с.84].

5. Для информирования российских граждан и прибывающих иностранцев организовано освещение в государственных информационных ресурсах мер по регулированию въезда, пребывания, а также по предотвращению правонарушений, включая действия, направленные на разжигание межнациональных и социальных конфликтов.

Анализируя внедрение цифровых технологий в регулирование миграционных процессов, М.Б. Сафарова рассматривает его в качестве основополагающего тренда. По мнению автора, цифровизация способствует минимизации бюрократических барьеров, что, в свою очередь, снижает возможности для коррупции в миграционной сфере. Кроме того, цифровизация повышает уровень прозрачности, упорядоченности и безопасности всей миграционной системы для всех вовлеченных сторон [10, с.327].

Отдельно стоит остановиться на международном опыте внедрения искусственного интеллекта (далее — ИИ) в миграционный контроль. ИИ быстро развивается, смещая акцент с рутинной автоматизации к прогнозной аналитике, биометрии и автоматизированному принятию решений.

Внедрение алгоритмов ИИ для анализа данных позволяет прогнозировать «миграционные риски», автоматически определять «нежелательных» лиц, формировать

«профили риска». Решения о запрете въезда или аннулировании разрешений все чаще принимаются на основе предполагаемого (прогнозного) поведения, а не совершенного правонарушения (США). При отказе во въезде или аннулировании статуса по данным системы необходимо обеспечить возможность понять логику ИИ и эффективно оспорить автоматизированное решение. Это требует адаптации административного и судебного процесса.

При этом, М.И. Талтынов отмечает, что такие технологии, как компьютерное зрение и обработка естественного языка (NLP) способны анализировать скрытые паттерны: определять маркеры стресса или неискренности в поведении и речи заявителя, интерпретировать культурный контекст в документах, а также выявлять в социальном окружении мигранта связи, представляющие потенциальную опасность. Таким образом, ИИ не просто ускоряет обработку тысяч обращений в режиме реального времени, но и повышает достоверность прогнозов, позволяя органам власти оценить интеграционный потенциал, возможный экономический вклад или уровень риска, исходящий от мигранта [11, с. 38].

Проекты ЕС используют ИИ для анализа данных из открытых источников (соцсети, новости, погода, экономические индикаторы) в странах происхождения мигрантов, чтобы предсказать потенциальные кризисы и потоки беженцев. Международный опыт демонстрирует определенную двойственность: с одной стороны, ИИ дает беспрецедентные возможности для повышения эффективности и безопасности; с другой - создает серьезные риски для прав человека и фундаментальных свобод. Баланс между этими аспектами остается главным вызовом для государств.

Как отмечает М.А. Бурда, наряду с ростом операционной эффективности и аналитических возможностей, повсеместное внедрение ИИ порождает серьезные этические и социокультурные угрозы. К ним относятся заложенная в алгоритмы дискриминация, отсутствие объяснимости принимаемых решений («эффект чёрного ящика»), углубление «цифрового разрыва» и обезличивание миграционных процедур [11, с. 39].

Необходимо отметить, что в 2025 г. (с 1 сентября) на территории Москвы и Московской области проводится эксперимент по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан, пребывающих в РФ [2]. Эксперимент предполагает обязательную регистрацию в мобильном приложении для мигрантов (типа ruID), требующего предоставления данных о местоположении и регулярного подтверждения их статуса.

Система цифровых профилей мигрантов станет постоянной после 30 июня 2026 года [3], когда в системе миграционного учета будет функционировать государственный информационный ресурс «Цифровой профиль иностранного гражданина».

Безусловно, цифровизация оказывает влияние на отдельные элементы конституционно-правового статуса. В частности, трансформации подвергается право на свободу передвижения. Цифровизация приводит к переходу от физического к электронному контролю за передвижением. Автоматическое исчисление сроков пребывания, электронные уведомления о нарушениях создают новую правовую реальность, где право на передвижение становится технически обусловленным.

Изменяется содержание права на неприкосновенность частной жизни. Сбор биометрических данных, информации о местоположении, социальных связях формиру-

ет комплексный цифровой профиль мигранта. Это создает риски нарушения статьи 23 Конституции Российской Федерации [1], гарантирующей право на неприкосновенность частной жизни.

Эволюционирует право на судебную защиту. Появление автоматически принимаемых решений (например, о запрете въезда) требует развития специальных механизмов обжалования действий алгоритмов и ИИ.

В сфере реализации права на труд иностранцами О. В. Чумакова и П. С. Мурин справедливо отмечают, что процесс цифровизации кардинально меняет структуру рынка труда, открывая новые возможности занятости для мигрантов и одновременно формируя повышенные требования к их профессиональной подготовке. Современные условия требуют от трудовых мигрантов владения цифровыми компетенциями и способности осваивать новые профессии в рамках цифровой экономики [9, с. 256]. В этой связи актуальной задачей становится организация государственной поддержки, направленной на цифровое образование и профессиональную переподготовку иностранных работников.

В свою очередь, М.А. Бурда [5, с.37] подчеркивает, что современные цифровые технологии - от социальных сетей и мессенджеров до специализированных интернет-приложений - превращаются в значимый ресурс социальной адаптации мигрантов. Они выполняют разноплановые функции: обеспечивают коммуникацию с диаспорой и семьей, предоставляют доступ к правовой информации и новостям, упрощают получение сведений о правилах пребывания и трудовой деятельности в Российской Федерации.

Усиление публично-правового компонента приводит к расширению обязанностей иностранных граждан. Помимо традиционных обязанностей (соблюдение законов, постановка на миграционный учет и другие), возникает обязанность по предоставлению биометрических данных, как условие легальности правового статуса. Формируется обязанность по поддержанию актуальности цифрового профиля.

При этом появляются новые гарантии в цифровой среде: так, для мигранта право на защиту персональных данных [1, ст.24] становится ключевой процессуальной гарантией. Возникают новые аспекты: право на информацию о том, какие данные собираются, как используются алгоритмы, на обеспечение безопасности биометрических баз от утечек.

Расширяются возможности цифрового взаимодействия с государством - гарантированный доступ к порталам и сервисам на недискриминационной основе, включая лингвистическую и техническую доступность. При этом могут возникать определенные риски «цифрового исключения». Интенсивный сбор данных и профилирование создают риск сведения личности иностранца к набору параметров в базе данных («датафикация»). Группы лиц, не имеющих устойчивого цифрового следа или доступа к технологиям (например, беженцы, пожилые люди), могут столкнуться с системным цифровым исключением, лишаящим их возможности реализовать формально предоставленные права.

Таким образом, вводимые цифровые новации миграционного контроля приводят к фундаментальной трансформации конституционно-правового статуса иностранных граждан. Традиционные правовые гарантии наполняются новым содержанием, возникают определенные правовые риски. Для сохранения баланса между интере-

сами государства и правами личности необходимо развитие адекватных правовых механизмов, способных эффективно работать в условиях цифровой реальности.

Цифровизация миграционного контроля ведет не к простой модернизации процедур, а к качественной эволюции конституционно-правового статуса иностранных граждан. Формируется его новое, «цифровое» измерение, где традиционные права и обязанности тесно переплетены с цифровой идентичностью, доступом к данным и защитой от алгоритмической дискриминации.

Ключевой задачей современного конституционализма становится поиск оптимального баланса, при котором технологические возможности повышения эффективности контроля и безопасности не подрывают фундаментальные гарантии человеческого достоинства, справедливости и верховенства права в отношении каждого лица, находящегося под юрисдикцией Российской Федерации. Дальнейшая эволюция конституционно-правового статуса иностранных граждан должна происходить с учетом сохранения фундаментальных прав и свобод человека в цифровую эпоху и обеспечения национальных интересов Российской Федерации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в действующей редакции) // ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/10103000/>
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан: Федеральный закон от 23.05.2025 № 121-ФЗ (в действующей редакции) // ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/412059740/>
3. О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина»: Указ Президента Российской Федерации от 09.07.2025 № 467 (в действующей редакции) // ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412204934/>
4. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 (в действующей редакции) // ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412750335/>
5. Бурда М. А. Миграционная политика России: предпосылки к цифровизации управления миграцией / М. А. Бурда // Возможности и угрозы цифрового общества : Материалы конференции, Ярославль, 18–19 апреля 2024 года. – Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2024. – С. 34-38.
6. Климова Д. В. Режим пребывания иностранных граждан в Российской Федерации: проблемные аспекты правового регулирования / Д. В. Климова // Теория и практика административного права и процесса : Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 03 октября 2024 года. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2025. – С. 83-85.
7. Климова Д. В. Конституционно-правовое регулирование обеспечения прав и свобод иностранных граждан в Российской Федерации / Д. В. Климова // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: Сборник статей по результатам II международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией, Симферополь, 15 марта 2024 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2024. – С. 252-257.
8. Климова Д. В. Правовой механизм осуществления государственного контроля за временным пребыванием и проживанием иностранных граждан в Российской Федерации / Д. В. Климова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 246-253.
9. Мурин П. С. Влияние цифровизации на регулирование миграционных процессов / П. С. Мурин, О. В. Чумакова // Молодежь и наука: шаг к успеху : сборник научных статей 8-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых, в 4 томах, Курск, 20–21 марта 2025 года. – Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2025. – С. 254-257.
10. Сафарова М. Б. Внедрение цифровых технологий в регулирование миграционных процессов / М. Б. Сафарова // Цивилизационная стратегия лидерства в XXI веке : МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, Душанбе, 20 февраля 2024 года. – Душанбе: Таджикский национальный университет, 2024. – С. 326-332.

11. Талтынов М.И., Бурда М.А. Искусственный интеллект как инструмент селективной миграционной политики: методология, эффективность и социокультурные последствия // Политика и Общество. 2025. № 4. – С. 35-45.

12. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь - сентябрь 2025 года: официальный сайт МВД России. URL: [Электронный ресурс]. <https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/72315437/>

Klimova D. V. Evolution of the constitutional and legal status of foreign citizens in the conditions of digitalization of migration control // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2025. – Т. 12 (78). № 1. – С. 344-351.

The article examines the transformation of the constitutional and legal status of foreign citizens under the influence of the digitalization of migration control in the Russian Federation. It analyzes the changes in the content of traditional legal guarantees in the context of the introduction of digital technologies, and identifies new risks and opportunities for protecting the rights of foreigners. Special attention is paid to the issue of maintaining a balance between the interests of state control and the constitutional rights of individuals. The article examines a comprehensive system of digital migration control and explores the foreign experience of implementing artificial intelligence to improve the efficiency of migration control. The article analyzes how the introduction of digital technologies and biometric data determines the balance between state sovereignty, national security, and the guarantee of personal rights and freedoms for this category of individuals. The author concludes that a new, "digital" dimension of legal status is emerging, characterized by increased administrative control, an increased role for preventive measures, and the emergence of new legal guarantees related to the protection of personal data and ensuring digital justice. It is noted that the introduction of digital innovations in migration control is leading to a fundamental transformation of the constitutional and legal status of foreign citizens. Traditional legal guarantees are being filled with new content, and certain legal risks are emerging.

Keywords: constitutional and legal status, foreign citizens, digitalization, migration control, national security, personal data, biometrics, register of controlling persons, digital profile of a migrant

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (v dejstvuyushchej redakcii) // IPO «Garant.rU» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://base.garant.ru/10103000/>

2. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii i o provedenii ehksperimenta po vnedreniyu dopolnitel'nykh mekhanizmov ucheta inostrannykh grazhdan: Federal'nyj zakon ot 23.05.2025 № 121-FZ (v dejstvuyushchej redakcii) // IPO «Garant.rU» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://base.garant.ru/412059740/>

3. O gosudarstvennom informacionnom resurse «Cifrovoy profil' inostrannogo grazhdaninA»: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.07.2025 № 467 (v dejstvuyushchej redakcii) // IPO «Garant.rU» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412204934/>

4. O Konceptii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2026 - 2030 gody: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 15 oktyabrya 2025 g. № 738 (v dejstvuyushchej redakcii) // IPO «Garant.rU» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412750335/>

5. Burda M. A. Migracionnaya politika Rossii: predposylki k cifrovizacii upravleniya migracij / M. A. Burda // Vozmozhnosti i ugrozy cifrovogo obshchestva : Materialy konferencii, Yaroslavl', 18–19 aprelya 2024 goda. – Yaroslavl': Yaroslavskij gosudarstvennyj universitet im. P.G. Demidova, 2024. – S. 34-38.

6. Klimova D. V. Rezhim prebyvaniya inostrannykh grazhdan v Rossijskoj Federacii: problemnye aspekty pravovogo regulirovaniya / D. V. Klimova // Teoriya i praktika administrativnogo prava i processa : Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnodar, 03 oktyabrya 2024 goda. – Krasnodar: Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya "Krasnodarskij universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossijskoj Federacii", 2025. – S. 83-85.

7. Klimova D. V. Konstitucionno-pravovoe regulirovanie obespecheniya prav i svobod inostrannykh grazhdan v Rossijskoj Federacii / D. V. Klimova // Voprosy sudebnoj deyatel'nosti i pravoprimeneniya v sovremennykh usloviyakh: Sbornik statej po rezul'tatam II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj prazdnovaniyu 10-letnej godovshchiny vossoedineniya Kryma s Rossijskoj Federaciej, Simferopol', 15 marta 2024 goda. – Simferopol': Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya «AriaL», 2024. – S. 252-257.

8. Klimova D. V. Pravovoj mekhanizm osushchestvleniya gosudarstvennogo kontrolya za vremennym prebyvaniem i prozhivaniem inostrannykh grazhdan v Rossijskoj Federacii / D. V. Klimova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – Т. 10, № 3. – S. 246-253.

9. Murin P. S. Vliyanie cifrovizatsii na regulirovanie migratsionnykh processov / P. S. Murin, O. V. Chumakova // *Molodezh' i nauka: shag k uspekhu : sbornik nauchnykh statej 8-j Vserossijskoj nauchnoj konferencii perspektivnykh razrabotok molodykh uchenykh, v 4 tomakh, Kursk, 20–21 marta 2025 goda.* – Kursk: Zakrytoe akcionernoe obshchestvo "Universitetskaya kniga", 2025. – S. 254-257.
10. Safarova M. B. Vnedrenie cifrovyykh tekhnologij v regulirovanie migratsionnykh processov / M. B. Safarova // *Civilizacionnaya strategiya liderstva v KHKHI veke : MATERIALY MEZHDUNARODNOJ NAUCHNO-PRAKTICHESKOJ KONFERENCII*, Dushanbe, 20 fevralya 2024 goda. – Dushanbe: Tadzhijskij nacional'nyj universitet, 2024. – S. 326-332.
11. Taltynov M.I., Burda M.A. Iskusstvennyj intellekt kak instrument selektivnoj migratsionnoj politiki: metodologiya, ehffektivnost' i sociokul'turnye posledstviya // *Politika i Obshchestvo*. 2025. № 4. - S. 35-45.
12. Analiticheskaya spravka o rezul'tatakh deyatel'nosti podrazdelenij po voprosam migratsii territorial'nykh organov MVD Rossii za yanvar' - sentyabr' 2025 goda: oficial'nyj sayt MVD Rossii. URL: [Elektronnyj resurs]. <https://mvd.rf/deyatelnost/statistics/migratsionnaya/item/72315437/>

УДК 342

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: СТАТИКА И ДИНАМИКА КОНЦЕПТА

Кокина М. Н

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина»

В статье рассмотрен концепт конституционализма с позиций его статике и динамики. В эволюции конституционализма выделены два этапа: первый моноцивилизационный (XVIII – XIX вв.), когда развивался буржуазный конституционализм с соответствующими формой и содержанием. Второй этап, полицивилизационный (XX – начало XXI вв.), когда конституционализм распространился во множестве стран мира разных цивилизаций и социально-культурных миров. Разноплановое взаимодействие форм конституционализма «по горизонтали» приводит к появлению новых гибридных, а также манипулятивных типов. «По вертикали» социально-правовое взаимодействие приводит к новым системно-организационным типам конституционализма – разнотипному государственному, международному (общему и специфическому цивилизационному), глобальному (с различной сущностью для однополярного и многополярного мира). Таким образом, для первого эволюционного этапа характерна относительная статика, а для второго этапа – высокая динамика концепта конституционализма, которая требует более глубокого политико-правового и философско-правового исследования.

Ключевые слова: конституционализм, этапы эволюции, типология современного периода: гибридный, государственный, международный, глобальный типы.

В современных условиях развития права на глобальном уровне и специфике российской государственности проблему конституционализма изучают не только в рамках конституционного права, а также в рамках истории и теории государства и права, все чаще обращаясь именно к историко-теоретическим основам в поисках новых смыслов развития современного конституционализма. Переходя к исследованию концепта современного конституционализма, стоит отметить, что мир состоит из разных социальных систем, которые объединены в государства, страны мира и всё более тесно взаимодействуют между собой. Практически все современные страны имеют свою правовую систему. При этом число государств, в которых приняты писанные конституции, увеличивается. На начало 2000 г. в современном мире действует около 200 конституций различных государств, 300 основных законов (конституций, уставов) субъектов федерации [1]. В связи с этим актуализируется проблема изучения конституционализма в теоретическом ключе: широким, интегративным, с учетом не только национально-государственных, но и глобальных процессов [2; 3; 4].

Внутри государства находится его политико-правовое ядро как центр его власти и управления, или политико-правовая сфера общества. Здесь сосредоточена центральная, властная «писаная» структурная часть данной сферы, ее право, а также центральная динамическая, функциональная часть – политика как государственное политическое управление. В свою очередь, право делится на главную «ядерную» часть (конституционное право) и периферийную часть (остальные отрасли права). Концептуальное обобщение смыслов конституционного права представлено в конституционализме. Таким образом, конституционализм, во-первых, представляет собой основной смысл и ядро права в политико-правовой сфере, а во-вторых, смысловое ядро всего государства (страны). Поэтому исследование конституционализма в теории и истории права имеет важнейшее, ключевое значение.

Изучение конституционализма имеет свою специфику в зависимости от исторического времени, от той эпохи, в которой находится исследуемое общество. В самом общем виде, в истории развития общества можно выделить следующие эпохи, которые в историческом развитии циклически сменяют друг друга [5, с. 77, 211, 214]. Это: 1) Эпохи относительно стабильной международной жизни. В это время государства также могут существовать относительно стабильно, спокойно и самостоятельно. 2) Эпохи переходных процессов (эпохи перемен). В это время усиливается роль внешнего социально-экологического фактора, когда общая международная дестабилизация нарушает стабильную жизнь государств, их систему политико-правовой организации. В это время, кроме анализа внутригосударственных факторов жизни общества также встает необходимость постоянного мониторинга внешних социальных отношений – международных, глобальных, т.е. внешней (экологической) политико-правовой среды.

По мнению И.А. Умновой-Конюховой, после тридцатилетия действующей Конституции РФ отмечается «период серьезной конституционно-правовой трансформации общемирового и национальных публичных правопорядков» [6, с. 39], когда может возникать даже «хаос неопределенности» [7, с. 12]. В процессе изучения нарастающей динамики конституционных преобразований раскрываются новые смыслы в эволюции права и его конституционного ядра [8]. Соответственно, возникает необходимость целостного, разностороннего изучения современного конституционализма, во взаимосвязи внутренних и внешних социально-правовых отношений.

Основная часть. В нашей стране на рубеже XX – XXI вв. общими теоретическими проблемами конституционализма занимался ряд ученых, рассматривающий его с разных позиций: С.А. Авакьян, Н.А. Боброва, Н.А. Богданова, Н.С. Бондарь, Н.В. Витрук, И.А. Кравец, В.И. Крусс, О.Е. Кутафин, В.А. Лихобабин, В.С. Нерсесянц, А.Г. Пархоменко, Ю.В. Пуздрач, Р.А. Ромашов, Л.В. Сони́на, И.М. Степанов, М.А. Супатаев, В.Е. Чиркин и другие специалисты [9, с. 2-12].

Учеными дан ряд определений конституционализма, от наиболее лаконичных до развернутых, отражающих его основные свойства в разных аспектах. Комплексное понимание конституционализма (на примере российского), в частности, дано Н.А. Бобровой. Конституционализм «есть взаимозависимое сочетание (система) конституционной идеологии, конституционной теории, конституционного законодательства и конституционной практики, подразделяемой на практику политического конституционного процесса и практику действия, реализации, гарантирования и охраны конституционных норм, принципов и институтов» [10, с. 24-25]. Далее используем определение из электронного энциклопедического словаря «Конституционное право России», его общую часть: «Конституционализм – 1) правление, ограниченное конституцией, или общественно-политическая система, опирающаяся на конституционные методы правления; 2) конституционная доктрина, в основу которой положена идея конституционализма... составными частями конституционализма как системы правления являются: а) демократические институты власти; б) соответствующий конституционный (государственный) режим (основой которого является демократическая конституция страны); в) конституционная система защиты ценностей демократии...» [11]. Более лаконичное определение может рассматривать кон-

ституционализм «как теорию и практику организации государственной и общественной жизни в соответствии с конституцией» [12, с. 54]. Последнее определение нам видится наиболее абстрактным и наиболее верным.

При этом чтобы детальнее понять смысл и сущность конституционализма, рассмотрим его с помощью категорий формы и содержания.

Форма общественно-политической системы общества – это внешне определяемое, относительно константное, устойчивое существование системы на базе основных принципов организации ее права, определяющих довольно длительное, устойчивое состояние этой системы.

Форма конституционализма общественно-политической системы общества – это организация устойчивого состояния самого центра или ядра правовой сферы – конституционализма и конституционного права – на базе разработанных идей (концептов) и принципов, что в целом обеспечивает устойчивость всей общественно-политической системы общества в течение определенного исторического времени.

Но любая форма ядра правовой сферы общественно-политической системы общества связана с основным содержанием данной системы, а концептуально – с содержанием ее ядра: конституционализма.

Содержание общественно-политической системы общества – это общая структурно-динамическая организация системы и характер ее экологических связей с окружающими ее такими же системами.

Содержание конституционализма – это концептуально-правовое отражение содержания той общественно-политической системы общества, в которой сложился определенный тип конституционализма.

Конституционно-правовая сфера государства включает в себя ряд компонентов, соподчиненных между собой: конституционализм, конституцию и конституционное законодательство – это ядро всего законодательства общественно-политической системы общества, а также ядро всей политико-правовой организации системы общества.

Известно, что конституционализм как правовой концепт и наиболее оптимальный алгоритм правотворчества и правоприменения в том варианте, который существует до настоящего времени, был разработан и внедрен в западной цивилизации в XVIII – XIX вв., в период развития буржуазных отношений (хотя историками права отмечаются еще публично-правовые акты в Древнем Риме, выполняющие роль конституции; основные законы правопорядка в Средние века; Билль о правах 1689 г.; в дореволюционной России не было конституции в западном смысле, но существовал Свод законов Российской империи 1832 г.). Преобладающая же точка зрения сводится к тому, что первой государственной конституцией явилась конституция США 1787 г. [13]. В Советской России и в СССР была конституция, но проблема конституционализма не рассматривалась вплоть до 1980-х годов XX века. И лишь с постсоветского периода данная проблема стала активно и всесторонне исследоваться [14].

Практика правоприменения в разных странах мира показывает, что конституционализм как обобщающий правовой концепт и алгоритм действия на уровне государства оказался наиболее лаконичной, оптимальной и удобной формой применения относительно стабильных, ясных писаных законов, по которым существует общество в течение определенного исторического времени. В результате конституци-

онализм, начавшийся с западной цивилизации, довольно быстро в XX – начале XXI вв. распространился на другие цивилизации и социально-культурные миры.

В целом, по признаку проявления *статистики или динамики* концепта конституционализма, нами предложено выделить следующие исторические этапы эволюции конституционализма.

1 этап, XVIII – XIX вв.: моноцивилизационный конституционализм – когда существует исходный монолитный западный буржуазный конституционализм, с соответствующими, адекватными друг другу, формой и содержанием. На данном этапе развитие конституционализма происходит внутри одной цивилизации, как одноцивилизационного.

2 этап, XX – начало XXI вв.: полицивилизационный конституционализм – здесь распространяется разнотипный, разноцивилизационный, поликультурный конституционализм, с разными переходными видами социальных систем общества и их политико-правовых сфер. Он образуется в процессе взаимодействия правовых основ разных общественных-политических систем государств, международных сообществ и глобальных объединений однополярного и многополярного мира.

На втором эволюционном этапе в современном разноцивилизационном конституционализме наблюдается следующая ситуация. С одной стороны, изначально имеет место исходная смысловая однородность либеральной формы конституционализма, которая была изначально разработана в моноцивилизационном буржуазном конституционализме первого этапа – как жизненно важная потребность в исторически устойчивом состоянии общества при соответствующем социально-правовом управлении. Но с другой стороны, содержание в организации общественно-политических систем современных государств становится все более разнообразным.

С середины XX в., при разрушении мировой колониальной системы, стали освобождаться от зависимости бывшие страны-колонии, изменяющие свою внутреннюю социальную организацию и переходящие на путь самостоятельного развития. Часть государств выбрала преимущественно религиозную социальную организацию, например, страны мусульманского мира.

В результате, за исключением большинства стран западной цивилизации, где в конституционализме совпадают его исходные форма и содержание, у стран, принадлежащих к иным цивилизациям и культурно-историческим мирам, в их конституционализме происходит рассогласование между транслируемой западной либеральной формой конституционализма и собственным содержанием общественно-политической системы общества, а также ее политико-правовой сферы.

Иными словами, во многих случаях в праве стран незападных цивилизаций происходит взаимодействие инокультурной (исходно западной) формы и иного – аутентичного для общественно-политической системы общества – содержания. Возникает, так называемый, гибридный конституционализм или конституционализм разных видов [15-18].

В результате проявляются ситуации конфликта формы и содержания и актуальная проблема – необходимости приведения в баланс разных типов соотношения аутентичных форм и содержаний разноцивилизационных общественно-политической системы общества. В связи с указанным социально-правовым разно-

образом общественных систем, по-видимому, содержание конституционализма следует приводить в соответствие с его собственной цивилизационной формой, например, исламские страны и исламский конституционализм и т.д. (что отмечалось ранее в трудах О.Е. Кутафина, М.А. Супатаева, В.Е. Чиркина и ряда других ученых-правоведов) [14; 19; 20, с. 22-27].

Происходит дальнейшая дифференциация конституционализма. Формируются его разные типы. Это приводит к тому, что между разными типами конституционализма стали осуществляться разнообразные взаимодействия – адекватные, неадекватные, согласованные, несогласованные, конструктивные, конфликтные, взаимодополнительные и т.д., которые требуют специального научно-правового теоретического анализа.

Кроме того, на втором этапе эволюции конституционализма появляются и развиваются новые, более сложные виды конституционно-правовых отношений. В эпоху перемен XXI века следует учитывать не только горизонтальные, но и вертикальные конституционные взаимодействия в политико-правовой сфере. Здесь формируется особый характер социально-правовых взаимодействий на разных уровнях организации правовых систем. При взаимодействии этих уровней формируются более сложные, в том числе гибридные, структурно-организационные типы конституционализма: 1) государственный, 2) международный – как разноплановый цивилизационно-культурный и интегративный; 3) глобальный (с формирующимися полярными цивилизациями и их правовыми кодами: конструктивным в рамках многополярного мира и конфликтным в однополярном мире. Иными словами, проявляются два основных направления социально-правовых отношений в конституционализме – внутригосударственное (внутри отдельных государств) и надгосударственное (международно-глобальное) с двумя главными уровнями – международным и глобальным.

Заключение. Таким образом, при исследовании конституционализма выявляется относительная статика его исходного концепта на первом этапе эволюции (в XVIII – XIX веках) и нарастающая динамика концептов дифференцирующегося конституционализма как важной части социально-правовой реальности на втором эволюционном этапе (в XX веке и в первой четверти XXI века) – в современную эпоху перемен. Эта динамика может изучаться в разных аспектах – национально-государственном, международном, культурном, глобальном (однополярного и многополярного мира), а также в процессах взаимодействия разных типов современного конституционализма.

В целом можно заключить, что относительно стабильное существование конституционализма в его западной цивилизационной форме, как моноцивилизационного, на первом этапе его эволюции переросло в высокую динамику конституционализма на втором этапе эволюции – как полицивилизационного: разнотипного и разноуровневого. Иными словами, концепт конституционализма в процессе своей эволюции претерпел значительные изменения – от статичности на первом эволюционном этапе до высокой динамики на втором этапе эволюции. Этот современный этап еще очень слабо изучен и требует дальнейших разноплановых теоретико-правовых и философско-правовых исследований.

Список литературы:

1. Умнова-Конюхова И. А. Тенденции и перспективы конституционного развития Российской Федерации. К 30-летию Конституции РФ: монография. – М: ИНИОН РАН; отдел правоповедения, 2024. – 174 с.
2. Гончаров В. В. Глобальный конституционализм: социально-философский анализ. Дис. ... д.ф.н. Краснодар, 2017. – 405 с.
3. Минько Н. С. Концептуально-правовые основы развития интеграционного конституционализма в русле идей конституционализма: российский и белорусский опыт // Российско-азиатский правовой журнал. – 2025. Том 2. – С. 47-56.
4. Федеративные аспекты развития конституционализма (к 100-летию Конституции СССР 1924 г.): коллект. монография / Под общ. ред. А. А. Дорской. СПб.: Астерион, 2024. – 168 с.
5. Халев В. В. Переходность в системе социально-природного существования: философско-методологический анализ / Халев В. В., Паршиков В. И., Ушакова Е. В.: монография. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014.
6. Умнова-Конюхова И. А. Тенденции и перспективы конституционного развития Российской Федерации. К 30-летию Конституции РФ: монография. – М: ИНИОН РАН; отдел правоповедения, 2024. – С. 9.
7. Умнова-Конюхова И. А. Тенденции и перспективы конституционного развития Российской Федерации. К 30-летию Конституции РФ: монография. – М: ИНИОН РАН; отдел правоповедения, 2024. – С. 12.
8. Гончаров В. В. Глобальный конституционализм: социально-философский анализ. Дис. ... д.ф.н. Краснодар, 2017. – 405 с.
9. Авакьян, Сурен Адиекович. Российский конституционализм: размышления о юбилейных итогах и перспективах / С. А. Авакьян. – (Юбилей Конституции Российской Федерации). – Текст : непосредственный // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 1. – С. 2-12.
10. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2003. – С. 24-25.
11. Конституционализм / Энциклопедический словарь «Конституционное право России». Составители: В. И. Червонюк, И. В. Калинин, Г. И. Иванец, 2002. URL : <https://law.niv.ru/doc/dictionary/constitutional-law-of-russia/fc/slovar-202-1.htm#zag-197>
12. Цит. по Гончаров В. В. Глобальный конституционализм: социально-философский анализ. Дис. ... д.ф.н. Краснодар, 2017. – С. 54.
13. История буржуазного конституционализма XVII – XVIII вв. : монография / Отв. ред. В. С. Нерсесянц. М.: Наука, 1983. – 296 с.
14. Кутафин О. Е. Российский конституционализм: монография / Избранные труды: в 7 томах. Том 7. М.: Проспект, 2011. – 541 с.
15. Гончаров В. В. Глобальный конституционализм: социально-философский анализ. Дис. ... д.ф.н. Краснодар, 2017. – 405 с.
16. Минько Н. С. Концептуально-правовые основы развития интеграционного конституционализма в русле идей конституционализма: российский и белорусский опыт // Российско-азиатский правовой журнал. – 2025. – Том 2. – С. 47-56.
17. Умнова-Конюхова И. А. Тенденции и перспективы конституционного развития Российской Федерации. К 30-летию Конституции РФ: монография. – М: ИНИОН РАН; отдел правоповедения, 2024. – 174 с.
18. Федеративные аспекты развития конституционализма (к 100-летию Конституции СССР 1924 г.): коллект. монография / Под общ. ред. А. А. Дорской. СПб.: Астерион, 2024. – 168 с.
19. Супатаев М. А. К проблематике цивилизационного подхода к праву (очерки общей теории и практики): монография. М.: Юрлитинформ, 2012. – 144 с.
20. Чиркин В. Е. Формационно-цивилизационный подход в сравнительном правоповедении // Государство и право. – 2015. – № 4. – С. – 22-27.

Kokina M.N. Constitutionalism: The Static and Dynamics of the Concept // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 352-358.

This article examines the concept of constitutionalism from the perspective of its static and dynamic aspects. Two stages are distinguished in the evolution of constitutionalism: the first, mono-civilizational (18th-19th centuries), when bourgeois constitutionalism developed with its corresponding form and content. The second, multi-civilizational (20th-early 21st centuries), when constitutionalism spread to numerous countries of different civilizations and socio-cultural worlds. The diverse interaction of forms of constitutionalism "horizontally" leads to the emergence of new hybrid and manipulative types. "Vertically," socio-legal interaction leads to new systemic and organizational types of constitutionalism—various types of state, international

(general and civilization-specific), and global (with different essences for unipolar and multipolar worlds). Thus, the first evolutionary stage is characterized by relative staticity, while the second stage is characterized by a highly dynamic concept of constitutionalism, which requires deeper political-legal and philosophical-legal research.

Keywords: constitutionalism, stages of evolution, typology of the modern period: hybrid, state, international, global types.

Spisok literatury:

1. Umnova-Konyuhova I. A. Tendencii i perspektivy konstitucionnogo razvitiya Rossijskoj Federacii. K 30-letiyu Konstitucii RF: monografiya. – M: INION RAN; otdel pravovedeniya, 2024. – 174 s.
2. Goncharov V. V. Global'nyj konstitucionalizm: social'no-filosofskij analiz. Dis. ... d.f.n. Krasnodar, 2017. – 405 s.
3. Min'ko N. S. Konceptual'no-pravovye osnovy razvitiya integracionnogo konstitucionalizma v rusle idej konstitucionalizma: rossijskij i belorusskij opyt // Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal. – 2025. Tom 2. – S. 47-56.
4. Federativnye aspekty razvitiya konstitucionalizma (k 100-letiyu Konstitucii SSSR 1924 g.): kollekt. monografiya / Pod obshch. red. A. A. Dorskoj. SPb.: Asterion, 2024. – 168 s.
5. Halev V. V. Perekhodnost' v sisteme social'no-prirodnogo sushchestvovaniya: filosofsko-metodologicheskij analiz / Halev V. V., Parshikov V. I., Ushakova E. V.: monografiya. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2014.
6. Umnova-Konyuhova I. A. Tendencii i perspektivy konstitucionnogo razvitiya Rossijskoj Federacii. K 30-letiyu Konstitucii RF: monografiya. – M: INION RAN; otdel pravovedeniya, 2024. – S. 9.
7. Umnova-Konyuhova I. A. Tendencii i perspektivy konstitucionnogo razvitiya Rossijskoj Federacii. K 30-letiyu Konstitucii RF: monografiya. – M: INION RAN; otdel pravovedeniya, 2024. – S. 12.
8. Goncharov V. V. Global'nyj konstitucionalizm: social'no-filosofskij analiz. Dis. ... d.f.n. Krasnodar, 2017. – 405 s.
9. Avak'yan, Sureh Adibekovich. Rossijskij konstitucionalizm: razmyshleniya o yubilejnyh itogah i perspektivah / S. A. Avak'yan. – (Yubilej Konstitucii Rossijskoj Federacii). – Tekst : neposredstvennyj // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2024. – № 1. – S. 2-12.
10. Bobrova N.A. Konstitucionnyj stroj i konstitucionalizm v Rossii. – M.: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2003. – S. 24-25.
11. Konstitucionalizm / Enciklopedicheskij slovar' «Konstitucionnoe pravo Rossii». Sostaviteli: V. I. Chervonyuk, I. V. Kalinskij, G. I. Ivanec, 2002. URL : <https://law.niv.ru/doc/dictionary/constitutional-law-of-russia/fc/slovar-202-1.htm#zag-197>
12. Cit. po Goncharov V. V. Global'nyj konstitucionalizm: social'no-filosofskij analiz. Dis. ... d.f.n. Krasnodar, 2017. – S. 54.
13. Istoriya burzhuaznogo konstitucionalizma XVII – XVIII vv. : monografiya / Otv. red. V. S. Nersesyanc. M.: Nauka, 1983. – 296 s.
14. Kutafin O. E. Rossijskij konstitucionalizm: monografiya / Izbrannye trudy: v 7 tomah. Tom 7. M.: Prospekt, 2011. – 541 s.
15. Goncharov V. V. Global'nyj konstitucionalizm: social'no-filosofskij analiz. Dis. ... d.f.n. Krasnodar, 2017. – 405 s.
16. Min'ko N. S. Konceptual'no-pravovye osnovy razvitiya integracionnogo konstitucionalizma v rusle idej konstitucionalizma: rossijskij i belorusskij opyt // Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal. – 2025. – Tom 2. – S. 47-56.
17. Umnova-Konyuhova I. A. Tendencii i perspektivy konstitucionnogo razvitiya Rossijskoj Federacii. K 30-letiyu Konstitucii RF: monografiya. – M: INION RAN; otdel pravovedeniya, 2024. – 174 s.
18. Federativnye aspekty razvitiya konstitucionalizma (k 100-letiyu Konstitucii SSSR 1924 g.): kollekt. monografiya / Pod obshch. red. A. A. Dorskoj. SPb.: Asterion, 2024. – 168 s.
19. Supataev M. A. K problematike civilizacionnogo podhoda k pravu (očerki obshchej teorii i praktiki): monografiya. M.: Yurlitinform, 2012. – 144 s.
20. Chirkin V. E. Formacionno-civilizacionnyj podhod v sravnitel'nom pravovedenii // Gosudarstvo i pravo. – 2015. – № 4. – S. – 22-27.

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА МИРНЫЕ СОБРАНИЯ: ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ляшенко Т. Т.

Санкт-Петербургский университет МВД России

Статья посвящена комплексному анализу глубокой трансформации классического права на мирные собрания под влиянием цифровизации общественных отношений. Исследуются возникновение гибридных и сетевых форм коллективного действия в социальных сетях и мессенджерах, которые не укладываются в традиционные правовые конструкции, ориентированные на физическое пространство. Ключевое внимание уделяется проблеме правового статуса и ответственности цифровых платформ, выполняющих квазипубличные функции модерации, что создает риски подмены публичного регулирования частными правилами. В контексте российского законодательства подробно анализируется концептуальный разрыв между нормами закона о публичных мероприятиях и реалиями онлайн-среды, что приводит к правовой неопределенности и непредсказуемому правоприменению. В заключении обосновывается необходимость разработки специальной адаптированной правовой модели, ядром которой должно стать законодательное закрепление цифрового публичного мероприятия и создание сбалансированного правового режима, обеспечивающего как гарантии прав граждан, так и правопорядок в цифровой сфере.

Ключевые слова: право на мирные собрания, цифровизация, гибридные собрания, онлайн-акции, цифровые платформы, информационные посредники, правовые пробелы, цифровой суверенитет, свобода выражения мнения, виртуальное публичное мероприятие.

Введение. В условиях стремительной цифровизации общественных отношений происходит глубокая трансформация классических правовых институтов, сформированных ранее в контексте физического пространства. Право на мирные собрания, традиционно понимаемое как гарантированная возможность коллективного физического присутствия в публичных местах, сегодня сталкивается с вызовами гибридной реальности, где границы между онлайн- и офлайн-средой размываются. Цифровые платформы, такие как социальные сети и мессенджеры, радикально снизили издержки организации коллективных действий, обеспечив мгновенную координацию и мобилизацию. Это, безусловно, усилило потенциал гражданского участия, но одновременно породило новые, сложные для правовой квалификации формы — от гибридных акций, сочетающих физическое ядро с виртуальной аудиторией, до киберпикетирования и хактивизма. Действующее законодательство зачастую не учитывает подобные гибкие и составные форматы, что создает значительные пробелы в правовом регулировании.

Параллельно государства активно внедряют цифровые технологии в практику контроля за публичными мероприятиями, что порождает острые правовые коллизии. Применение систем распознавания лиц, предиктивной аналитики на основе больших данных, а также точечное ограничение доступа к интернет-ресурсам ставят сложные вопросы о балансе между обеспечением публичного порядка и защитой неприкосновенности частной жизни, свободы выражения и принципа состязательности. Эти практики, повышая оперативность правоохранительной деятельности, могут вести к ограничению прав на основании вероятностных моделей, а не реальных действий, что требует глубокого научного осмысления и выработки новых юридических доктрин.

Изложение основного материала. Международно-правовые подходы, в частности, выработанные Комитетом ООН по правам человека, движутся в сторону расширительного толкования соответствующих гарантий права на публичные мероприятия. Как отражено в Комментарий общего порядка № 37, защита права на мирные собрания распространяется не только на физические встречи, но и на их организацию и участие в онлайн-формате [1]. Это свидетельствует о признании необходимости адаптации правовых стандартов к цифровой эпохе. При этом научный дискурс, как в России, так и за рубежом, активно исследует возникающие проблемы, которые носят во многом универсальный характер — от обеспечения безопасности и приватности в цифровом пространстве до защиты от дискриминационных алгоритмов. Таким образом, ключевой задачей современной юридической науки и практики становится переосмысление традиционных правовых конструкций при безусловном сохранении сущностного содержания конституционных прав граждан [2, с. 86].

В научной дискуссии зарубежные исследователи предлагают различные подходы к осмыслению цифровой трансформации права на мирные собрания. Так, Элла МакФерсон отмечает, что онлайн-собрания представляют собой не усечённую, а опосредованную форму коллективного действия, основанную на медиации информации. Однако в общественном сознании они нередко дискредитируются как «слактивизм» — поверхностная имитация активности, что отражает историческую традицию подчинять свободу собраний иным коммуникативным правам, рассматривая её как публичную, эмоциональную и позитивную свободу [3, р. 2].

Важный аспект проблемы поднимают Марта Марони и Эльда Броги, акцентируя внимание на диалектике свободы выражения и противодействия вредоносному контенту. Они указывают на объективную неспособность традиционных судебных институтов оперативно реагировать на масштабные информационные угрозы. В то же время передача полномочий по модерации частным цифровым платформам создаёт риск эрозии верховенства права и ослабления процессуальных гарантий свободы слова. Разрешение этой коллизии, по их мнению, лежит в плоскости выработки дифференцированного правового статуса цифровых посредников и механизмов обеспечения транспарентности их действий [4].

Эмми Хайн и соавторы обосновывают доктрину, согласно которой интернет-платформы, выполняющие функции публичной власти, должны нести ответственность за соблюдение прав человека, включая право на публичные мероприятия. Это может помочь преодолеть разрыв между международными стандартами и правоприменительной практикой. Однако эффективный надзор за деятельностью платформ, как полагают исследователи, требует международно-правовой координации, без которой компании столкнутся с усугублением юрисдикционных конфликтов и политизацией [5, р. 80].

Анализируя регулирование права на свободу слова и мирных собраний в интернете в Европейском союзе, Маття Дамьян констатирует формирование особой правовой категории в отношении социальных сетей, что отражает их доминирующую роль. Учитывая их глобальное влияние и коммерческую выгоду, к ним справедливо предъявлять повышенные требования. Ключевым, однако, является то, чтобы эти требования были направлены не только на удаление противоправного контента, но

и на активную защиту и содействие свободе слова и собраний в цифровой среде [6, р. 58]. Проблему информационного качества и автономии пользователя исследует Джером Дюббери. Он приходит к выводу, что алгоритмическая подача информации, сочетающаяся с низким уровнем медиаграмотности граждан, подрывает способность к принятию обоснованных политических решений. Ограниченные возможности для верификации информации приводят к усилению влияния заинтересованных групп и росту уязвимости общества перед дезинформацией, что создаёт серьёзные риски для демократических институтов и может вести к политической поляризации и апатии [7].

Кверим Кверими, подводя итог анализу правовых основ онлайн-протеста, оценивает их состояние как неудовлетворительное. В качестве одного из первоочередных шагов он видит необходимость выработки универсальных международных рамок, например, через принятие специальной декларации Генеральной Ассамблеи ООН, подтверждающей право на цифровой протест. При этом ключевую роль в признании и реализации этого права, по его мнению, традиционно должны сыграть судебные органы [8].

Позиция Барри Сандера, подчеркивает ключевой парадокс современной цифровой публичной сферы. Граждане зачастую вынуждены осуществлять свое право на собрания в рамках онлайн-платформ, чей технический дизайн, политика модерации и алгоритмическая логика предопределяют саму возможность, допустимость и видимость коллективных действий. В этой связи обеспечение соответствия управления онлайн-контентом публичным интересам становится одной из центральных задач в области прав человека. Защита свобод в интернете, как справедливо отмечается, требует учета обязанностей широкого круга субъектов — от государств и политических партий до поставщиков данных и рекламодателей. При этом разнообразие технологий, таких как зашифрованные мессенджеры, формирующие замкнутые групповые пространства, требует разработки специфических политических мер, отличных от подходов к открытым платформам [9, р. 939].

Обобщая зарубежные доктринальные подходы, можно констатировать, что сложился международно-правовой консенсус относительно распространения защиты права на мирные собрания на цифровую среду, что закреплено, в том числе, и в актах ООН. Это создает основу для признания легитимности форм онлайн-активности, однако порождает системные вызовы. Главный из них — правовой статус и ответственность цифровых посредников, которые, выполняя квазипубличные функции, определяют архитектуру коммуникации. Делегирование им властных полномочий по модерации, будучи практически неизбежным, сопряжено с риском подмены публичного правового регулирования частными, непрозрачными правилами, что ведет к эрозии гарантий прав граждан. Данная проблема усугубляется конфликтом юрисдикций и стремлением государств к цифровому суверенитету, что фрагментирует глобальное информационное пространство и требует усиления международно-правовой координации. Кроме того, фундаментальную угрозу представляет деградация качества публичной дискуссии под влиянием алгоритмической персонализации и дезинформации, что подрывает саму рациональную основу коллективного действия.

В российской правовой науке осмысление цифровой трансформации свободы собраний также приводит к выявлению серьезных системных противоречий. Как справедливо отмечают исследователи [10, с. 198, 202; 11, с. 168; 12, с. 162; 13, с. 186], действующее законодательство, в первую очередь Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 N 54-ФЗ, не всегда адекватно регулирует возникающие в интернете формы коллективного действия. Центральная проблема заключается в концептуальной нестыковке: традиционное российское понятие публичного мероприятия жестко привязано к физическому пространству и конкретным формам (митинг, пикет), в то время как онлайн-среда обладает принципиально иной природой.

Этот концептуальный разрыв порождает целый ряд правовых пробелов и сложностей в правоприменении. Во-первых, отсутствует определенность в квалификации виртуального пространства как «места» проведения акции. Во-вторых, размываются правовые статусы: непонятно, кого считать организатором или участником собрания в условиях, когда призыв может выражаться в репосте или комментарии. Это приводит к абсурдным, с точки зрения соразмерности, ситуациям, когда за выражение мнения в соцсети граждане привлекаются к ответственности за «организацию» несанкционированного мероприятия. В-третьих, теряют актуальность традиционные процедурные элементы, такие как уведомительный порядок и территориальная привязка, а также критерии оценки допустимых ограничений, основанные на физических помехах. В этой связи ученые едины во мнении о необходимости концептуального обновления правового регулирования. Механическое перенесение норм, созданных для офлайн-среды, признается неприемлемым и опасным, равно как и два других крайних сценария: тотальный уход государства из сферы регулирования в пользу частных платформ или использование грубых силовых мер вроде блокировок. В качестве альтернативы предлагается разработка специальной модели, которая учитывала бы гибридную природу цифровых собраний, специфическую роль платформ как информационных посредников и необходимость поиска нового баланса между свободой выражения, правом на анонимность, ответственностью распространителей информации и обеспечением нормального функционирования публичных институтов.

Продолжая анализировать российскую правовую мысль, можно увидеть, что она последовательно фиксирует глубокую несбалансированность и методологическую несостоятельность действующего подхода к регулированию цифровых собраний. Проблема усугубляется тем, что законодательный вакуум на практике заполняется непредсказуемым и внесудебным правоприменением. Это создает серьезную угрозу гарантиям прав граждан, поскольку ограничение доступа к протестному контенту часто осуществляется в административном порядке через Роскомнадзор, что минимизирует возможность судебной защиты и противоречит международным стандартам, требующим предварительного исчерпания менее жестких мер. Т.е. складывается ситуация превентивного ограничения выражения мнения на основе оценочных суждений, а не прямых призывов к противоправным действиям [14, с. 41].

Ученые справедливо характеризуют существующую модель как построенную по «остаточному принципу» с доминированием запретительной логики. Это полностью игнорирует потенциал интернета как пространства для конструктивной гражданской активности и диалога. Как отмечает, в частности, А.А. Максимов, правоохрани-

менители, сталкиваясь с правовой неопределенностью, зачастую пытаются механически приравнять онлайн-акции к традиционным митингам, требуя их согласования, хотя закон этого прямо не предусматривает [15, с. 33-34]. Это рождает абсурдные коллизии: как можно обеспечить общественный порядок или подсчитать точное число участников в виртуальном пространстве? При этом объективная цифровизация общественных отношений требует адекватного ответа, а не игнорирования.

В поисках выхода исследователи предлагают схожие векторы для законодательной модернизации [16, с. 334]. Ключевым первым шагом признается закрепление на уровне закона самого понятия «цифровое (или виртуальное) публичное мероприятие», что позволит вывести его из правовой тени. Далее требуется создать специальный, адаптированный к онлайн-среде процедурный режим, который должен четко разграничивать, например, политические и неполитические акции, устанавливая для них дифференцированные требования. Важнейшим элементом новой модели, как нам видится, является использование государственных цифровых платформ (таких как «Госуслуги») для легитимации и организации таких мероприятий, что могло бы решить проблемы идентификации участников и придать процессу контролируемость. Однако, любое новое регулирование должно быть нацелено не на тотальный запрет, а на создание сбалансированного режима, включающего прозрачные процедуры, судебный контроль и четкое определение ответственности как платформ, так и пользователей, что в итоге способствовало бы развитию диалога между обществом, государством и технологическими компаниями.

Также можно отметить и консолидированную позицию российских правоведов, которые констатируют, что переход публичной активности в цифровое пространство, ускоренный пандемией и иными социальными факторами, выявил системное несоответствие традиционного законодательства новым реалиям. Исследователи единодушно отмечают, что Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в его нынешней редакции не предусматривает проведение мероприятий в онлайн-режиме, что порождает фундаментальный правовой вакуум [17, с. 21; 18, с. 335]. Этот вакуум проявляется в комплексе взаимосвязанных проблем. Во-первых, отсутствуют какие-либо четкие требования к организации цифровых акций: к выбору платформы, регистрации участников, контролю за их поведением. Это делает такие мероприятия уязвимыми для злоупотреблений, таких как размещение провокационных материалов, при этом эффективно предотвратить нарушения в реальном времени практически невозможно. Во-вторых, и это логичное следствие, не установлена административная ответственность за нарушение порядка проведения цифровых собраний, что лишает регулятора действенных инструментов правового контроля и оставляет нарушения безнаказанными.

Парадокс современной ситуации заключается и в возникающей «гонке вооружений»: с одной стороны, государство обладает мощными технологическими возможностями для контроля и блокировки контента, а с другой — динамичность цифровой среды, появление новых инструментов шифрования и платформ постоянно создает новые, слабо регулируемые пространства для мобилизации [19, с. 1339].

В этой связи российские ученые сходятся в необходимости системного законодательного ответа. Ключевыми предложениями являются закрепление на уровне фе-

дерального закона понятия «цифровое публичное мероприятие», установление адаптированных к онлайн-среде требований к его проведению (включая, возможно, использование авторизованных государственных платформ), а также введение соответствующей административной ответственности. Целью такой реформы, как подчеркивается, должно стать обеспечение правовой определенности и баланса между конституционным правом на собрания и защитой правопорядка в цифровой сфере, а не простое расширение запретительного аппарата.

Заключение. Обобщая исследование, можно констатировать, что современная юридическая наука пришла к консенсусу по поводу фундаментального несоответствия традиционных правовых конструкций, ориентированных на физическое пространство, реалиям цифровой эпохи. Классическое право на мирные собрания, будучи краеугольным камнем демократического процесса, переживает глубокую трансформацию под влиянием гибридных и сетевых форм коллективного действия, порожденных социальными сетями и мессенджерами. Международно-правовой подход, отраженный в документах ООН, эволюционно расширяет толкование этого права, распространяя его защиту на дистанционное участие и онлайн-организацию.

Однако это концептуальное признание обнажило системные правовые пробелы как на международном, так и на национальном уровнях. Доминирующим вызовом стала неопределенность правовой природы и ответственности цифровых платформ, которые, выполняя квазипубличные функции, определяют архитектуру публичной сферы посредством алгоритмов и политик модерации. Их регулирование балансирует между необходимостью противодействия масштабным угрозам и риском эрозии верховенства права. Параллельно возникают сложные вопросы юрисдикционного конфликта, цифрового суверенитета и качества публичной дискуссии, которая деградирует под влиянием алгоритмической персонализации и дезинформации.

Выход из сложившегося кризиса легитимности и эффективности видится не в механическом переносе офлайн-регламента в онлайн или в полном отказе от регулирования, а в выработке специальной, адаптированной правовой модели. Её ядром должно стать законодательное закрепление понятия цифрового публичного мероприятия и создание безопасной, верифицированной государственной инфраструктуры для его проведения. Это преобразовало бы онлайн-собрание из потенциально маргинальной формы протеста в полноценный институт публичного диалога и волеизъявления.

Список литературы:

1. Организация Объединенных Наций. Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 34. Статья 19: Свобода мнений и их выражения // <https://docs.un.org/ru/CCPR/C/GC/34> (дата обращения 24.12.2025).
2. Гоглева К. Ю. Конституционализм и правовые ограничения: импликация смыслов и юридических практик / К. Ю. Гоглева // Юридическая орбита : Ежегодник. Материалы V Нижегородских юридических чтений: Международной научно-практической конференции, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, юридический факультет, 24 мая 2024 года. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2024. – С. 86-88.
3. McPherson E. The Digitally Mediated Freedom of Assembly. In Oxford Handbook of Peaceful Assembly, edited by Tabatha Abu El-Haj, Michael Hamilton, Christof Heyns, Thomas Probert & Sharath Srinivasan. Oxford: Oxford University Press, 2023.
4. Maroni M., Brogi E. Freedom of expression and the rule of law: the debate in the context of online platform regulation // University of Helsinki - Faculty of Law; Maastricht University. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5046309 (дата обращения 25.12.2025).
5. Hine E., Cowls J., Floridi L. Assembly and Expression in Extended Reality: Transposing Human Rights Across Realities // Interactive Entertainment Law Review, volume 8, issue 1, 2025. Pp. 60-80.

6. Damjan M. Freedom of Expression Online: The Redefined Role of Social Networks // ONDROVÁ, J. – PÍRY, M. – ÚRADNÍK, M. (zost. / ed.). Právne rozpravy on-screen III. : sekcia súkromného práva : zborník z online vedeckej konferencie konanej dňa 7. 5. 2021 na Právnickej fakulte Univerzity Mateja B, 2022. Pp. 47-59.
7. Duberry J. Freedom to Think and to Hold a Political Opinion: Digital Threats to Political Participation in Liberal Democracies. Oxford, UK: Harts Publishing, 2022. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3961516 (дата обращения 25.12.2025).
8. Qerimi Q. The Shapes and Shades of Global Legal Dissent: An International Human Right to Protest Online? // Harvard International Law Journal Online, Vol. 63, 2022. — URL: <https://journals.law.harvard.edu/ilj/2022/05/the-shapes-and-shades-of-global-legal-dissent-an-international-human-right-to-protest-online/> (дата обращения 25.12.2025).
9. Sander B. Freedom of Expression in the Age of Online Platforms: The Promise and Pitfalls of a Human Rights-Based Approach to Content Moderation // Fordham International Law Journal, Vol. 43, No. 4, 2020. Pp. 939-1006.
10. Тхабисимова Л. А., Камилов М. А. Конституционно правовое регулирование публичных мероприятий в сети и Интернет // Социально-гуманитарные знания, №6, 2021. С. 196-203.
11. Куандыкова К. Р. Актуальные проблемы реализации права на распространение информации о публичных мероприятиях в сети "интернет" // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, №3-1, 2021. С. 167-170.
12. Симонова С. В. Митинги онлайн: каков правовой режим их организации и проведения? // Государство и право, № 12, 2020. С. 160-164.
13. Симонова С. В., Соколов А. В. Протестная активность в сети интернет: особенности правового режима и тенденции юридической практики // PolitBook. №3, 2021. С. 182-194.
14. Астафичев П. А. Ограничения конституционных прав граждан в контексте современных научных исследований / П. А. Астафичев, Т. А. Грищенко, А. В. Тарасов. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024.
15. Максимов А. А. Онлайн-митинг как способ реализации политических прав человека. // Актуальные проблемы российского права, №2, 2021. С. 30-38.
16. Бадюл О. С., Григорьев Е. Н. Цифровые публичные мероприятия в конституционной парадигме прав и свобод личности // Baikal Research Journal, №1, 2023. С. 330-337.
17. Малявкина Н. В., Ястребов А. Е., Мосина Е. И., Алексикова О. Е. Формат проведения публичных мероприятий в современной России // Право и политика, №5, 2024. С. 17-26.
18. Панкратов С. А., Макаренко К. М., Панкратова Л. С. Протестный медиа-активизм в современной России и перспективы его развития // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология, № 3, 2022. С. 331-337.
19. Грищенко Т. А. Отдельные вопросы административного регулирования права граждан на проведение публичных мероприятий / Т. А. Грищенко // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Сорокина Валентина Дмитриевича в связи со 100-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 29 марта 2024 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. — С. 1338-1343.

Lyashenko T. T. The constitutional right to peaceful assembly: legal content and problems of improvement in the context of digitalization of public space // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. — 2026. — Т. 12 (78). № 2. — С. 359-366.

The article is devoted to a comprehensive analysis of the profound transformation of the classical right to peaceful assembly under the influence of digitalization of public relations. The article examines the emergence of hybrid and networked forms of collective action in social networks and messengers that do not fit into traditional legal structures focused on physical space. The key attention is paid to the problem of the legal status and responsibility of digital platforms performing quasi-public functions of moderation, which creates risks of substitution of public regulation by private rules. In the context of Russian legislation, the conceptual gap between the norms of the law on public events and the realities of the online environment is analyzed in detail, which leads to legal uncertainty and unpredictable enforcement. In conclusion, the author substantiates the need to develop a special adapted legal model, the core of which should be the legislative consolidation of a digital public event and the creation of a balanced legal regime that ensures both guarantees of citizens' rights and law and order in the digital sphere.

Keywords: the right to peaceful assembly, digitalization, hybrid assemblies, online actions, digital platforms, information intermediaries, legal gaps, digital sovereignty, freedom of expression, virtual public event.

Spisok literatury:

1. Organizatsiia Ob"edinennykh Natsii. Komitet po pravam cheloveka. Zamechanie obshchego poriadka № 34. Stat'ia 19: Svoboda mnenii i ikh vyrazheniia // <https://docs.un.org/ru/CCPR/C/GC/34> (data obrashcheniia 24.12.2025).
2. Gogleva, K. Yu. Konstitutsionalizm i pravovye ogranicheniia: implikatsiia smyslov i iuridicheskikh praktik / K. Iu. Gogleva // *Iuridicheskaiia orbita : Ezhegodnik. Materialy V Nizhegorodskikh iuridicheskikh chtenii: Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo, iuridicheskii fakul'tet, 24 maia 2024 goda. – Nizhnii Novgorod: Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo, 2024. – S. 86-88.*
3. McPherson E. The Digitally Mediated Freedom of Assembly. In *Oxford Handbook of Peaceful Assembly*, edited by Tabatha Abu El-Haj, Michael Hamilton, Christof Heyns, Thomas Probert & Sharath Srinivasan. Oxford: Oxford University Press, 2023.
4. Maroni M., Brogi E. Freedom of expression and the rule of law: the debate in the context of online platform regulation // University of Helsinki - Faculty of Law; Maastricht University. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=5046309 (data obrashcheniia 25.12.2025).
5. Hine E., Cowls J., Floridi L. Assembly and Expression in Extended Reality: Transposing Human Rights Across Realities // *Interactive Entertainment Law Review*, volume 8, issue 1, 2025. Pp. 60-80.
6. Damjan M. Freedom of Expression Online: The Redefined Role of Social Networks // ONDROVÁ, J. – PÍRY, M. – ÚRADNÍK, M. (zost. / ed.). *Právne rozpravy on-screen III. : sekcia súkromného práva : zborník z online vedeckej konferencie konanej dňa 7. 5. 2021 na Právnickej fakulte Univerzity Mateja B, 2022. Pp. 47-59.*
7. Duberry J. Freedom to Think and to Hold a Political Opinion: Digital Threats to Political Participation in Liberal Democracies. Oxford, UK: Harts Publishing, 2022. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3961516 (data obrashcheniia 25.12.2025).
8. Qerimi Q. The Shapes and Shades of Global Legal Dissent: An International Human Right to Protest Online? // *Harvard International Law Journal Online*, Vol. 63, 2022. — URL: <https://journals.law.harvard.edu/ilj/2022/05/the-shapes-and-shades-of-global-legal-dissent-an-international-human-right-to-protest-online/> (data obrashcheniia 25.12.2025).
9. Sander B. Freedom of Expression in the Age of Online Platforms: The Promise and Pitfalls of a Human Rights-Based Approach to Content Moderation // *Fordham International Law Journal*, Vol. 43, No. 4, 2020. Pp. 939-1006.
10. Tkhabisimova L. A., Kamilov M. A. Konstitutsionno pravovoe regulirovanie publichnykh meropriiati v seti i Internet // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, №6, 2021. S. 196-203.
11. Kuandykova K. R. Aktual'nye problemy realizatsii prava na rasprostranenie informatsii o publichnykh meropriiatiakh v seti "internet" // *Mezhdunarodnyi zhurnal humanitarnykh i estestvennykh nauk*, №3-1, 2021. S. 167-170.
12. Simonova S. V. Mitingi onlain: kakov pravovoi rezhim ikh organizatsii i provedeniia? // *Gosudarstvo i pravo*, № 12, 2020. S. 160-164.
13. Simonova S. V., Sokolov A. V. Protestnaia aktivnost' v seti internet: osobennosti pravovogo rezhima i tendentsii iuridicheskoi praktiki // *PolitBook*. №3, 2021. S. 182-194.
14. Astafichev P. A. Ogranicheniia konstitutsionnykh prav grazhdan v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovani / P. A. Astafichev, T. A. Grishchenko, A. V. Tarasov. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennykh del Rossiiskoi Federatsii, 2024.
15. Maksimov A. A. Onlain-miting kak sposob realizatsii politicheskikh prav cheloveka. // *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, №2, 2021. S. 30-38.
16. Badiul O. S., Grigor'ev E. N. Tsifrovye publichnye meropriiatiia v konstitutsionnoi paradigme prav i svobod lichnosti // *Baikal Research Journal*, №1, 2023. S. 330-337.
17. Maliavkina N. V., Iastrebov A. E., Mosina E. I., Aleksikova O. E. Format provedeniia publichnykh meropriiati v sovremennoi Rossii // *Pravo i politika*, №5, 2024. S. 17-26.
18. Pankratov S. A., Makarenko K. M., Pankratova L. S. Protestnyi media-aktivizm v sovremennoi Rossii i perspektivy ego razvitiia // *Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Sotsiologiya. Politologiya*, № 3, 2022. S. 331-337.
19. Grishchenko T. A. Otdel'nye voprosy administrativnogo regulirovaniia prav grazhdan na provedenie publichnykh meropriiati / T. A. Grishchenko // *Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokinskie chteniia) : Sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchonnoi pamiati doktora iuridicheskikh nauk, professora, zaslužennogo deiatelia nauki Rossiiskoi Federatsii Sorokina Valentina Dmitrievicha v sviazi so 100-letiem so dnia rozhdeniia, Sankt-Peterburg, 29 marta 2024 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD RF, 2024. – S. 1338-1343.*

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 367-371.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОИСК ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ: АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Омелина О. С.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

Статья посвящена комплексному анализу одного из наиболее дискуссионных нововведений в административном законодательстве Российской Федерации - ответственности за Поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним, в том числе с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен. Стремительная цифровизация экстремистской деятельности обуславливает поиск государством адекватных правовых механизмов противодействия обходу блокировок запрещённого контента в сети Интернет. В работе проводится юридический анализ состава правонарушения, предусмотренного статьей 13.53 КоАП РФ. Основное внимание в статье сосредоточено на критическом анализе проблем правоприменения указанной нормы.

Ключевые слова: административная ответственность, экстремизм, поиск экстремистских материалов, заведомость, проблемы правоприменения, цифровая среда, юридическая практика, сеть Интернет, распространение, правовой механизм.

В настоящее время на государственном уровне ведется политика, направленная на противодействие распространению экстремистских идей среди населения. Осуществляется издание и совершенствование правовой основы, регулирующей деятельность по противодействию экстремизму. С периодичностью разрабатываются Стратегии противодействия экстремизму (в настоящее время актуальным является Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [1]. Если рассматривать противодействие экстремистской деятельности с точки зрения отраслей права, то можно выделить уголовное и административное право.

В юридической науке особое внимание уделяется исследованиям, связанным с административной ответственностью за экстремистскую деятельность. Ряд авторов проводили диссертационное исследование по рассматриваемой теме, среди которых хотелось бы отметить следующие: Э.В. Чаплин «Административная ответственность за правонарушения экстремистской направленности: проблемы теории и практики» 2020 г.; С.А. Попов «Административная ответственность за правонарушения посягающие на общественный порядок и общественную нравственность, связанные с проявлением экстремизма» 2018 г.; К.Е. Коваленко «Противодействие экстремизму в сети Интернет: административно-правовой аспект» 2018 г.

Активное исследование административной ответственности, а также административно-правовых мер противодействия экстремизму обусловлено рядом факторов. Во-первых, с развитием цифрового пространства распространение экстремистских материалов в большом объеме переместилось в виртуальную среду и многократно умножалось. Во-вторых, распространению экстремистских материалов в сети Интернет способствует высокая степень анонимности правонарушителей.

Юридическая практика переполнена фактами привлечения к административной ответственности за распространение экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП РФ) [2], что показывает эффективность ее применения.

Распространение экстремистских материалов не всегда подразумевает и создание этого материала. Соответственно правонарушитель осуществляет поиск указанного материала, а потом его распространяет. В соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [3] в КоАП РФ введена статья 13.53 об ответственности за «Поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним, в том числе с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен».

Существующая практика противодействия экстремизму в сети Интернет, основанная на блокировке интернет-ресурсов, демонстрирует свою ограниченность. Это связано с лавинообразным ростом числа новых сайтов, особенно на зарубежных хостингах, что делает механизм блокировки неэффективным. В этой логике введение статьи 13.53 КоАП РФ представляет собой смену парадигмы: правовое воздействие теперь направлено не столько на блокировку платформы, сколько на пресечение самого акта распространения запрещенной информации, что позволяет обойти проблему технического «догоняния».

Однако далеко не все усмотрели во вновь принятом законе инструмент решения выше указанной проблемы. Закон подвергся жёсткой критике со стороны парламентских политиков. Вице-спикер Госдумы Владислав Даванков («Новые люди») указал на его потенциально широкий репрессивный эффект. По его словам, под удар с 1 сентября попадут журналисты, правоохранители, юристы, историки и борцы с экстремизмом в сети, которые рискуют быть оштрафованными. Ключевая проблема, по мнению Даванкова, - отсутствие в законе чётких критериев для суда, которому предстоит разграничивать случайный и умышленный поиск запрещённой информации [4]. Это создаёт поле для произвольных трактовок, где даже использование VPN для доступа к материалам из официального списка может быть расценено как умысел.

Для выявления реальных проблем в рамках реализации статьи 13.53 КоАП РФ, необходимо провести анализ отдельных элементов состава правонарушения, установление которых может привести к проблемам в рамках правоприменительной практики.

Объективная сторона любого правонарушения подразумевает выраженность противоправного деяния во внешней действительности. Исходя из содержания статьи 13.53 КоАП РФ в качестве объективной стороны будет выступать «поиск экстремистских материалов». Исходя из того, что в законодательной базе отсутствуют иные составы, связанные с поиском запрещенной информации, следовательно и нет выработанной правоприменительной практики по привлечению к ответственности за смежный состав [5, с. 18]. Как уже было отмечено ранее, привлечение к ответственности по статье 20.29 КоАП РФ за производство и распространение экстремистских материалов не подразумевает их поиск. Для единообразия привлечения к ответственности, а именно установления такого элемента состава рассматриваемого правонарушения, как поиск экстремистских материалов, необходимо установить, что подразумевается под указанной категорией.

Также относительно рассматриваемого элемента состава административного правонарушения важно определить в какой момент деяние будет считаться оконченным. Достаточно ввести в поисковую строку соответствующий запрос, или необходимо перейти по этому запросу, или необходимо сохранить этот запрос в закладках.

Субъектом правонарушения выступает физическое лицо, которое обладает деликтоспособностью, достигшее возраста 16 лет. В целом, на первый взгляд проблем с определением рассматриваемого элемента возникнуть не должно. Однако, первый вопрос, который возникает в рамках установления субъекта правонарушения: каким образом определить лицо, которое осуществляло непосредственный поиск экстремистских материалов. Как определить какое лицо с конкретного устройства, имеющего доступ к информационно-телекоммуникационным сетям, производило поиск экстремистских материалов, если указанному устройству имеют доступ круг лиц.

Также хотелось бы отметить, что на сегодняшний день, активными пользователями сети Интернет выступают и несовершеннолетние, которые не достигли возраста административной ответственности. При этом, указанная категория лиц активно вовлекается в распространение экстремистских материалов, а соответственно осуществляет их поиск. В случае установления факта поиска экстремистских материалов лицом, который не достиг возраста административной ответственности, будут ли привлекаться родители или законные представители по статье 5.35 КоАП РФ.

Субъективная сторона правонарушения показывает отношение лица к совершенному противоправному деянию. Непосредственно в статье 13.53 КоАП РФ закреплена умышленная форма поиска экстремистских материалов. Также законодателем закреплено, что правонарушитель должен заведомо понимать, что он осуществляет поиск экстремистского материала.

Министр цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации М.И. Шадеев в своем публичном выступлении отметил: «...правонарушение будет фиксироваться в случае умышленного доступа к материалам, внесенным в список экстремистских: пользователь должен знать, что материал заблокирован, и иметь умысел на его поиск. Правоохранители должны доказать наличие умысла» [6]. Если обратиться к практике привлечения к административной ответственности за распространение экстремистских материалов по статье 20.29 КоАП РФ, то стоит отметить, что незнание перечня экстремистских материалов не освобождает от ответственности.

«Судей Верховного суда Республики Саха (Якутия) Протодияконовым В.С. рассматривалась жалоба Осипова Э.И. Гражданин Осипов Э.И. 19 июня 2020 в 11 час. 30 мин на своей страничке в социальной сети «ВКонтакте» разместил для общего доступа аудиозапись, которая входит в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, за что был привлечен к административной ответственности по ст. 20.29 КоАП РФ. Свою жалобу на неправомерность действий сотрудников полиции Осипов Э.И. обосновал тем, что он на момент опубликования записи не знал, что она находится в списке экстремистских материалов» [7].

В результате, жалоба гражданина не была удовлетворена. Как гласит основополагающий юридический принцип: «Незнание закона не освобождает от ответствен-

ности». Федеральный список экстремистских материалов официально опубликован и находится в открытом доступе для всех граждан. Нежелание гражданина повышать уровень правовой культуры и правосознания привело к негативному последствию, а именно привлечению к административной ответственности.

В рамках рассматриваемой статьи не раскрыт такой элемент субъективной стороны правонарушения, как цель поиска экстремистского материала. Необходимо учитывать, что поиск экстремистского материала может осуществляться не с целью дальнейшей реализации противоправной деятельности. Например, проведение исследования на тему, связанную с противодействием распространению экстремизма, также подразумевает раскрытие понятия и сущности экстремизма в том числе с ретроспективным анализом и приведением конкретных примеров из истории и практики. Поэтому считаем целесообразным, дополнительно закрепить в рамках ст. 13.53 КоАП РФ цель поиска экстремистского материала. В таком случае в рамках производства по делу об административном правонарушении для привлечения к административной ответственности необходимо будет доказать противоправный контекст поиска экстремистского материала.

В целом, за период действия введенной в правоприменительную практику статьи 13.53 КоАП РФ сложилось мнение, что норма изложена не четко, отсутствует ясность в понимании действий, которые запрещены рассматриваемой статьей. Это может привести к различиям решениям, принимаемым при рассмотрении аналогичных дел.

Введение данной нормы стало закономерной реакцией законодателя на новые технологические вызовы, связанные с распространением экстремизма в цифровой среде, в частности, на массовое использование средств обхода блокировок. Её формальная цель - создание дополнительного правового барьера на пути распространения запрещённой информации - является социально оправданной и соответствует государственным интересам в сфере обеспечения безопасности. Однако практическая реализация этой цели через анализируемый правовой механизм выявила глубокие системные противоречия. Норма, сконструированная вокруг ключевого признака «заведомости», оказалась нежизнеспособной в условиях реального правоприменения. Перспективным направлением совершенствования законодательства видится не отмена ответственности, а её качественная переориентация. Необходимо чёткое смещение акцента с наказания за факт ознакомления (поиска) на преследование целенаправленных действий по распространению и публичной пропаганде экстремистских материалов, совершённых с использованием средств обхода блокировок. Только такая корректировка, сопровождаемая введением процессуальных гарантий и исключений для добросовестных профессиональных целей, позволит сохранить баланс между безопасностью общества и защитой прав и свобод личности в цифровую эпоху.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2026. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495013/?ysclid=mm85424r9x151046475 (дата обращения 28.02.2026). – Текст : электронный.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2026. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=mm85bz4d27703025143 (дата обращения 28.02.2026). – Текст : электронный.

3. Федеральный закон от 31.07.2025 № 281-ФЗ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // КонсультантПлюс: [сайт]. – 2026. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511068/?ysclid=mm85ee0o29831081951 (дата обращения 28.02.2026). – Текст : электронный.
4. Вице-спикер Госдумы раскритиковал новые штрафы за поиск запрещенных материалов [Электронный ресурс]. URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/130722-vice-spiker-gosdumy-raskritikovalnovye-shtrafy-za-poisk-zapreshennyh-materialov/> (дата обращения: 20.02.2026). – Текст : электронный.
5. Бадалянц Э.Ю. Правовая природа ответственности за поиск экстремистских материалов и получения доступа к ним // Вестник Самарского юридического института. 2025. №3 (64). С. 16-20. – Текст : непосредственный.
6. Шадаев объяснил, кого коснутся штрафы за поиск экстремизма в интернете [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/07/2025/687f6dee9a79475f2c91ac51?ysclid=mm820s4z6612835692> (дата обращения: 20.02.2026).
7. Решение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 27 августа 2020 г. по делу № 7/1-202/2020 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9gEw4PCnNpIB> (дата обращения: 27.02.2026).

Omelina O. S. Administrative responsibility for searching for extremist materials: law enforcement analysis // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 367-371.

The article is devoted to a comprehensive analysis of one of the most controversial innovations in the administrative legislation of the Russian Federation - responsibility for searching for knowingly extremist materials and gaining access to them, including using software and hardware to access information resources, information and telecommunication networks, access to which is limited. The rapid digitalization of extremist activity leads to the search by the state for adequate legal mechanisms to counter the bypass of blocking prohibited content on the Internet. The work carries out a legal analysis of the corpus delicti provided for in Article 13.53 of the Administrative Code of the Russian Federation. The main focus of the article is on a critical analysis of the problems of law enforcement of this norm.

Keywords. Administrative responsibility, extremism, search for extremist materials, knowledge, law enforcement problems, digital environment, legal practice, Internet, distribution, legal mechanism.

Spisok literatury:

1. Ukaz Prezidenta RF от 28.12.2024 № 1124 «Ob utverzhdenii Strategii protivodejstviya ekstremizmu v Rossijskoj Federacii» // Konsul'tantPlyus: [sajt]. – 2026. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495013/?ysclid=mm85424r9x151046475 (data obrashcheniya 28.02.2026). – Tekst : elektronnyj.
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ // Konsul'tantPlyus: [sajt]. – 2026. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=mm85bz4d27703025143 (data obrashcheniya 28.02.2026). – Tekst : elektronnyj.
3. Federal'nyj zakon ot 31.07.2025 № 281-FZ O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah i Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah» // Konsul'tantPlyus: [sajt]. – 2026. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511068/?ysclid=mm85ee0o29831081951 (data obrashcheniya 28.02.2026). – Tekst : elektronnyj.
4. Vice-spiker Gosdumy raskritikoval novye shtrafy za poisk zapreshchennyh materialov [Elektronnyj resurs]. URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/130722-vice-spiker-gosdumy-raskritikovalnovye-shtrafy-za-poisk-zapreshennyh-materialov/> (data obrashcheniya: 20.02.2026). – Tekst : elektronnyj.
5. Badal'yanc E.Yu. Pravovaya priroda otvetstvennosti za poisk ekstremistskih materialov i polucheniya dostupa k nim // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2025. №3 (64). S. 16-20. – Tekst : neposredstvennyj.
6. Shadaev ob"yasnil, kogo kosnutsya shtrafy za poisk ekstremizma v internete [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/07/2025/687f6dee9a79475f2c91ac51?ysclid=mm820s4z6612835692> (data obrashcheniya: 20.02.2026).
7. Reshenie Verhovnogo suda Respubliki Saha (Yakutiya) ot 27 avgusta 2020 g. po delu № 7/1-202/2020 [Elektronnyj resurs] // Sudebnye i normativnye akty RF. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9gEw4PCnNpIB> (data obrashcheniya: 27.02.2026).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 372-381.

УДК 342.9

К ДИСКУССИИ О МЕСТЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Руденко А. В.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»

Административное судопроизводство существует в Российской Федерации не один десяток лет. С момента принятия Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации оно получило свое самостоятельное нормативное закрепление. Однако и до сих пор не утихают споры о его содержании и месте в правовой системе государства. Высказываются разнообразные, часто диаметрально противоположные, точки зрения. В статье анализируется эволюция взглядов на понятие «административное судопроизводство» и его место среди процессуальных институций Российской Федерации, приводятся позиции как сторонников частно-правового, так и публично-правового подхода. По итогу проведенного исследования сделан вывод, что с целью эффективного развития административного судопроизводства, формирования его идентичности оно должно стать частью публично-правового кластера права.

Ключевые слова: административное судопроизводство, административное право, гражданский процесс, административная юстиция, судопроизводство, процесс, предмет, содержание, административный процесс.

Понятие «административное судопроизводство» появилось в российском нормативном поле более тридцати лет назад. Несмотря на столь долгий срок в отечественной юридической науке отсутствует устойчивая парадигма, определяющая его материальное содержание и системное место в правовой архитектуре государства. Дискуссионность сохраняется в вопросах соотношения административного судопроизводства с гражданским, арбитражным и уголовным процессом, а также в оценке его роли как контрольного механизма в системе публичной власти.

Ключевая проблема заключается в концептуальной неопределенности: одни исследователи трактуют его как специализированную форму гражданского процесса, другие выделяют в обособленную ветвь правосудия. Отсутствие доктринального единства затрудняет кодификационное совершенствование и порождает коллизии в правоприменении, особенно в условиях дуалистического регулирования публично-правовых процедур через КАС РФ, КоАП РФ и АПК РФ. Эта проблема уже не раз становилась предметом научного исследования [1].

Формирование содержания понятия административное судопроизводство началось задолго до принятия КАС РФ и совершенно логично, что в то время подходы к его пониманию отличались разнообразием. В 2001 г. И.В. Панова провела разграничение понятий «административная юстиция» и «административное судопроизводство», определив последнее как деятельность судей, осуществляемую в порядке, установленном нормами административного процессуального права, и направленную на привлечение к ответственности с применением мер административного принуждения [2]. В административное судопроизводство она включает судебное привлечение к административной ответственности, и рассмотрение исков об уклонении от добровольного исполнения постановлений о взыскании штрафов.

Н.Г. Салищева и Н.Ю. Хаманева в 2002 г., анализируя проекты институционализации административного судопроизводства в России, концептуализировали его

содержание преимущественно через призму административно-правовых споров, исключая из его сферы дела об административных правонарушениях [3].

Ю.А. Попова в своих научных работах последовательно отстаивала близкую доктринальную позицию, трактуя административное судопроизводство как особую форму процессуальной деятельности административного суда, направленную на разрешение публично-правовых споров, возникающих в сфере осуществления публичной власти между органами и должностными лицами публичного управления, с одной стороны, и гражданами либо иными участниками властных правоотношений — с другой, по поводу законности правовых актов, управленческих решений, а также действий или бездействия. Подобная интерпретация смещает акцент с карательного-санкционного воздействия на обеспечение судебного контроля за соблюдением принципа законности в системе публичного управления [4].

Идею о возможности объединения административных правовых споров и дел об административных правонарушениях в едином процессуальном кодексе в то время высказывал А.Б. Зеленцов. По его мнению, это могло обеспечить более полное и системное регулирование административного судопроизводства [5].

Д.Н. Бахрах в работе 2005 г. указывал, что «административный процесс – это урегулированная правом деятельность публичной исполнительной (административной) власти. А административное судопроизводство (и административная юстиция) – форма правосудия» [6, с. 20]. А.В. Ильин, отрицая связь административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях, утверждает, что процессуальный порядок, закрепленный в разделе IV КоАП РФ, может признаваться формой правосудия лишь при наличии комплекса процессуальных гарантий. Каждая из этих гарантий должна быть необходима, а их совокупность – достаточна для реализации конституционного права на судебную защиту при рассмотрении судами дел данной категории. Таким образом, автор связывает легитимность административного судопроизводства с системной обеспеченностью механизмов защиты прав и законных интересов участников процесса [7, с. 125].

В 2015 г. КАС РФ закрепил понятие административного судопроизводства, однако это не разрешило научные дискуссии о содержании административного судопроизводства. В целом, существовавшие до принятия КАС РФ научные позиции, остались и после его принятия.

О.В. Панкова, говорит о существовании двух видов административного процесса: судебного и несудебного. При этом в состав судебного административного процесса она включает дела о спорах и юрисдикционную деятельность. Она подчеркивает, что в административной правовой сфере существует два вида процесса, связанных с понятием «правосудие». К ним она относит судебный контроль за органами публичной власти и рассмотрение дел об административных правонарушениях [8]. И хотя далее автор делает вывод о том, что эта деятельность должна именоваться судебной административно-процессуальной формой, анализируя представленные автором характеристики, в виде наличия нормативно установленного порядка, системы официальных документов, можно сделать вывод, что речь идет об административном судопроизводстве, включаемым автором в структуру административного процесса. Ю.Н. Стариков в своей работе утверждает, что «правосудие по делам

об административных правонарушениях невозможно приравнять к административному судопроизводству; оно — отдельный вид судопроизводства» [9, с. 115].

Схожую позицию высказывает Кононов П. И., говоря об административном судопроизводстве как о «деятельности судов по рассмотрению дел, возникающих из материальных административных правоотношений, которые либо уже были первоначально рассмотрены административными органами, либо были ими возбуждены и переданы в суды для принятия окончательных решений по этим делам» [10, с. 15], относит к ним и дела об административных правонарушениях.

Идею об объединении административно-правового спора и дел об административных правонарушениях в административном судопроизводстве [11] поддерживают и другие авторы. Однако не все разделяют такой подход. Л.А. Терехова крайне отрицательно относится к объединению процедуры, предусмотренной КАС РФ и КоАП РФ, в случаях участия в деле суда, в единое понятие административного судопроизводства. По ее мнению, риски конвергенции КАС РФ и КоАП РФ, обусловленные трансформацией содержания категории «административное судопроизводство», могут привести к системной утрате обществом институционального механизма контроля за законностью решений, действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц. Исторически данный контроль осуществлялся в рамках гражданского процессуального производства, что обеспечивало реализацию принципа разделения властей и эффективную защиту прав граждан от произвольного вмешательства со стороны государственных структур. Интеграция институтов административного принуждения и публично-правового спора в единую процессуальную модель, по ее оценке, снижает гарантии судебной защиты, нивелируя доктринальные различия между санкционированием правонарушений и контролем за законностью управления [12, с. 45].

А.И. Каплунов также исключает объединение в понятии административного судопроизводства процессуальных порядков, описанных в КАС РФ и КоАП РФ [13]. В тоже время в другой своей работе, говоря об АПК РФ, он указывает, что процедура, регулируемая Разделом III АПК РФ, включая рассмотрение дел об административных правонарушениях, относится к административному судопроизводству [14]. Аналогичной позиции придерживается Ю.Н. Стариков. По его мнению, «производство по делам об административных правонарушениях (осуществляемое судами) является еще одной формой осуществления судебной власти» [15, с. 8], отличной от административного судопроизводства.

Придерживаясь концептуальной идеи дифференциации административного судопроизводства, А.Б. Новиков и В.А. Новикова в своих научных исследованиях обосновывают необходимость его разграничения на два автономных процессуальных института: административно-деликтное и административно-конфликтное судопроизводство [16, с. 50]. Данная модель позволяет избежать смешения процессуальных целей и сохранить специфику защитных инструментов в каждом сегменте административного судопроизводства. З.С. Лусегенова видит в принятом КАС РФ «схему смешанного процесса, включающего правосудие и судебный контроль за законностью и обоснованностью осуществления государственных полномочий органами законодательной и исполнительной властей» [17, с. 18].

Существуют и более широкие подходы к пониманию административного судопроизводства. А.И. Стахов, видит в современном административном судопроизвод-

стве несколько видов, урегулированных КАС РФ, АПК РФ, КоАП РФ [18, с. 629]. По его мнению, «уместно говорить об отдельных видах административного судопроизводства, которые урегулированы не в полной мере, так как осуществляются судами общей юрисдикции и арбитражными судами по общим правилам искового производства, не учитывающих специфику материального содержания судебных административных дел» [18, с. 631]. В.В. Головкин и Ю.А. Селиверстова в ходе анализа норм КАС РФ и АПК РФ выделяют три процессуальные формы административного судопроизводства, закрепленные в главах 22, 23, 24, 25 и 26 АПК РФ. Авторы интерпретируют такое законодательное оформление как свидетельство позиции законодателя, включающего производство по делам об административных правонарушениях в систему административного судопроизводства [19, с. 115].

П.Е. Спиридонов последовательно развивает доктринально расширительную модель административного судопроизводства, предполагающую включение в его структуру разнородных по своей правовой природе процессуальных институтов. В состав данной модели он относит «дела в порядке Раздела III АПК РФ судебный контроль за ограничением конституционных прав при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, производство по делам об административных правонарушениях, а также разрешение служебных споров в системе государственной гражданской службы» [20]. Таким образом, представляется обоснованным вывод о том, что научная дискуссия относительно содержания понятия «административное судопроизводство» после принятия КАС РФ не только не утратила актуальности, но, напротив, приобрела дополнительную теоретическую глубину и масштабность. В современных доктринальных подходах можно выделить по меньшей мере четыре вида процессуальной деятельности, рассматриваемых в качестве структурных элементов административного судопроизводства.

Как следует из проанализированных научных позиций, ряд исследователей склонен к дальнейшему расширению данного перечня, усматривая элементы публично-правовой природы и в иных видах процессуальной деятельности. В этой связи проблема определения содержания административного судопроизводства органически сопрягается с вопросом о его месте и роли в системе российского права, что обуславливает необходимость комплексного теоретического осмысления соответствующего правового феномена. В этом вопросе доминирует две точки зрения. Сторонники первой придерживаются позиции, что КАС РФ не создал новой процессуальной формы, следовательно, наследует форму цивилистического процесса.

А.В. Ильин, исследуя проекты КАС РФ, обосновал доктринальную позицию, согласно которой процессуальные нормы, регулирующие рассмотрение дел, возникающих из публичных правоотношений, по своей юридической природе относятся к институтам гражданского судопроизводства. Автор подчеркивает, что такая классификация детерминирована не институциональной спецификой судебного органа, уполномоченного на разрешение спора, а сущностными характеристиками процессуальных гарантий и материально-правовых оснований защиты субъективных прав. По его мнению, проект КАС РФ, несмотря на название, де-факто инкорпорирует гражданско-процессуальные нормы [7, с. 129]. Ю.Е. Аврутин, оппонируя данной концепции, подчеркивает, что указанная позиция была частично обоснованной лишь до вступления в силу КАС РФ, который установил специфические процессу-

альные правила, не совпадающие с положениями гражданского процессуального законодательства [21, с. 95].

Л.А. Терехова отмечает, что принятие КАС РФ в 2015 году не устранило, а, напротив, актуализировало и обострило проблему доктринального определения термина «административное судопроизводство». По мнению автора, указанное понятие не может быть корректно распространено ни на процедуры, регламентированные КоАП РФ, несмотря на их судебно-административную природу в широком смысле, ни на производство по делам, возникающим из публичных правоотношений и рассматриваемых арбитражными судами в порядке Раздела III АПК РФ [12, с. 24]. Другие авторы на основе сходства задач гражданского, административного и арбитражного судопроизводства приходят к выводу об отнесении административного судопроизводства к цивилистическому типу процесса [22, с. 203]. Такая точка зрения учитывает только самое узкое понимание административного судопроизводства, к тому же данные задачи близки к общему содержанию задач правосудия, не связанных с целями наказания. Еще одно мнение, оперирующее только общими вопросами, сводится к тому, что раз «общие положения, что имеются в КАС, скопированы из ГПК, следовательно, это гражданская процессуальная форма, а не какая-то иная» [12, с. 35].

По мнению А.И. Каплунова, «термин «административное» указывает не на процессуальную природу данного судопроизводства, он обусловлен отраслевой принадлежностью материальных норм, закрепляющих дозволения, ставшие предметом спора» [13, с. 265]. Далее он указывает, что «так называемое административное судопроизводство является разновидностью процессуальной деятельности, являющейся каналом реализации гражданско-правового типа регулирования общественных отношений, именно это обстоятельство определяет его процессуальную природу» [13, с. 266]. По его мнению, у «представителей гражданско-процессуального права и науки гражданского процесса есть достаточные и веские основания рассматривать данный вид судопроизводства в качестве составной части гражданского процесса» [13]. Схожих позиций придерживаются Т.А. Боннер и другие авторы, указывающие, что «административное судопроизводство в РФ, в полной мере использует гражданско-процессуальную форму рассмотрения дел» [23, с. 50; 24].

Оппоненты данной точки зрения настаивают на том, что административное судопроизводство является частью публичного права. При этом их взгляды расходятся: одни видят в нём самостоятельную отрасль, другие — компонент более широкого административного процесса. Еще до принятия КАС РФ некоторые авторы высказывались о месте административного судопроизводства в правовой системе и его соотношении с гражданским процессом. Дела, вытекающие из административных и иных публичных правоотношений, по их мнению, обладают специфической правовой природой, обуславливающей дифференциацию процессуальных механизмов их рассмотрения. Данная специфика проявляется в особенностях организации судебного разбирательства, дисбалансе правового статуса участников процесса и специальных сроках для обращения в суд, установленных с учетом интересов публичной власти. Конституционно значимые принципы гражданского судопроизводства — диспозитивность, состязательность и процессуальное равенство сторон — в административном процессе трансформируются под влиянием публично-правового контекста [25, с. 6].

В.В. Головки и Ю.А. Селиверстова концептуализируют административное судопроизводство как интегральный компонент более широкой категории – административного процесса. Вместе с тем авторы отстаивают позицию, согласно которой административный процесс в РФ обладает исключительно судебной природой, что предопределяет исключение из его структуры процедур, реализуемых квазисудебными органами при разрешении споров, связанных с оспариванием гражданами и юридическими лицами действий (бездействия) органов исполнительной власти, их должностных лиц, а также принимаемых ими решений [19, с. 116].

П.Е. Спиридонов поддерживает точку зрения, что административное судопроизводство относится к административному процессу [26]. А.И. Стахов утверждает, что интегрированная совокупность отдельных видов административного судопроизводства и административного производства представляют собой административный процесс. Идея интегративной концепции административного процесса поддерживается и другими учеными [27]. Д.В. Леонов относит рассмотрение административно-правовых споров к нормам административного, а не гражданского процессуального права. Он обосновывает это спецификой рассматриваемых правоотношений, особенностями судебного порядка рассмотрения дел и основополагающими процессуальными принципами, на которых строится процедура рассмотрения дела [28]. Разделяя гражданское и административное судопроизводство, некоторые авторы указывают на различия, состоящие в характере рассматриваемых материальных отношений и необходимости устанавливать юридический факт обращения граждан к властным субъектам [29].

Обосновывая отличие административного и гражданского судопроизводства И.В. Горбунова (Коршунова) обоснованно указывает на то, что «административное судопроизводство как вид публичного процесса отличает наличие публичного интереса и правильность положенных в основу дела обстоятельств. Поэтому его отличают не принципы равенства и состязательности сторон, выступающие базовой основой для гражданского (цивилистического) процесса, а провозглашение и установление принципов достижения объективной истины, вытекающего из принципа верховенства закона, который включает в себя принцип уважения человеческого достоинства и прав, порождает обязательства публичных органов использовать соразмерные административные меры при принятии управленческого решения, законность которых проверяет суд» [30].

Как видно из представленных позиций сторонники двух точек зрения концентрируют свое внимание на разных аспектах административного судопроизводства. Сторонники публично-правового подхода обосновывают свою позицию посредством обращения к специфике материальных правоотношений, являющихся предметом рассмотрения в административном судопроизводстве, а также к принципиальным отличиям соответствующих процессуальных процедур от цивилистических форм судебного разбирательства. Представители частно-процессуальной концепции, напротив, акцентируют внимание на сходстве и универсальных характеристиках порядка разрешения административно-правовых споров, реализуемого в рамках административного судопроизводства. Поводов для продолжения дискуссии добавила и Высшая аттестационная комиссия, утвердившая в 2020 г. новые паспорта научных специальностей. Несмотря на все аргументы административистов, админи-

судопроизводство оказалось в паспорте научной специальности «Частно-правовые (цивилистические) науки». На ошибочность такого решения не раз обращали внимание ученые [31], обоснованно указывая на возникающую проблему в подготовке кадров высшей квалификации, отрыв материально-правового спора от порядка его судебного рассмотрения. Административное судопроизводство на данный момент уже сформировало достаточное количество уникальных процессуальных механизмов, которые не раз рассматривались учеными, что бы можно было говорить о его уникальности как самостоятельного вида судопроизводства.

Административное судопроизводство должно занять свое самостоятельное место в правовой системе РФ. Без этого оно не сможет развиваться и дальше, постепенно, формировать свои специфические черты, присущие ему как самостоятельному виду судопроизводства. Сохраняясь в качестве разновидности цивилистического судопроизводства, административное судопроизводство неизбежно будет испытывать нормативное и доктринальное влияние соответствующей отрасли, а также сложившейся практики ее применения, что, в свою очередь, ограничит возможности формирования специализированных процессуальных механизмов, адекватно учитывающих специфику разрешения публично-правовых споров.

Теоретическая аргументация в пользу рассмотрения административного судопроизводства как части административного права является убедительной, однако на практике данный вопрос до сих пор порождает научные дискуссии и не получил общепризнанного разрешения.

Список литературы:

1. Попова, Ю. А. Административное судопроизводство в системе судов общей юрисдикции Российской Федерации: историко-правовое исследование / Ю. А. Попова // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 2(67). – С. 56-60. – DOI 10.24158/per.2019.2.8.
2. Панова И.В. Административное судопроизводство в Российской Федерации / И.В. Панова // Государство и право. – 2001. – № 10. – С. 13-20.
3. Салищева, Н. Г. Административная юстиция, административное судопроизводство / Н. Г. Салищева, Н. Ю. Хаманева // Государство и право. – 2002. – № 1. – С. 5-11.
4. Попова Ю.А. Проблемы административного судопроизводства. Административное судопроизводство в системе судов общей юрисдикции / Ю. А. Попова // Государство и право. 2002. № 5. С. 30-34.
5. Зеленцов, А. Административное судопроизводство в России: проблемы правового регулирования / А. Зеленцов // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2003. – № 2(43). – С. 85-95.
6. Бахрах, Д. Н. Административное судопроизводство, административная юстиция и административный процесс / Д. Н. Бахрах // Государство и право. – 2005. – № 2. – С. 19-25.
7. Ильин, А. В. К вопросу о возможности существования административного судопроизводства как отдельной процессуальной формы / А. В. Ильин // Закон. – 2013. – № 4. – С. 119-130.
8. Pankova, O. V. Administrative procedural form: approaches to concept definition and its types / O. V. Pankova // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. – 2019. – No. 4. – P. 145-153.
9. Старилов, Ю. Н. Административное судопроизводство и КАС РФ: к прекращению дискуссии о его отраслевой процессуальной принадлежности, уникальности, самостоятельности, избыточности или несостоятельности / Ю. Н. Старилов // Судебные и несудебные формы защиты гражданских прав : Сборник статей к юбилею Е.И. Носыревой / Отв. редактор Д.Г. Фильченко. – Москва : Инфотропик Медиа, 2020. – С. 96-124.
10. Кононов, П. И. Конституционно-правовые основы административного процесса в России / П. И. Кононов // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2009. – № 1(6). – С. 13-17.
11. Рахматова, З. М. Некоторые вопросы предмета административного судопроизводства (теоретико-правовой анализ) / З. М. Рахматова, Д. Р. Бобоев // Государственное управление. – 2025. – № 1(72). – С. 274-281.
12. Терехова, Л. А. Дрейф административного судопроизводства / Л. А. Терехова // Вестник гражданского процесса. – 2020. – Т. 10, № 3. – С. 30-50. – DOI 10.24031/2226-0781-2020-10-3-30-50.
13. Каплунов, А. И. Современные подходы к пониманию административного процесса как результат и основа развития отечественного административно-процессуального законодательства / А. И. Каплунов // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 261-276. – DOI 10.19073/2658-7602-2021-18-3-261-276.

14. Каплунов, А. И. О процессуальной природе и содержании "административного" судопроизводства / А. И. Каплунов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № S3-1. – С. 57-65. – DOI 10.24412/1608-8794-2021-3-57-65.
15. Стариков, Ю. Н. Появление Кодекса административного судопроизводства - новый этап в развитии процессуального законодательства / Ю. Н. Стариков // Судья. – 2017. – № 3(35). – С. 4-10.
16. Новиков, А. Б. Концепция управленческого процесса в контексте Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации / А. Б. Новиков, В. А. Новикова // Журнал правовых и экономических исследований. – 2015. – № 3. – С. 48-54.
17. Лусегенова З.С. Современная модель административного правосудия / З. С. Лусегенова // Судья. – 2025. – № 6. – С. 17 – 20.
18. Стахов, А. И. Административное судопроизводство и административное производство как ключевые категории административного процесса в Российской Федерации / А. И. Стахов // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 марта 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. С. 625-636.
19. Головкин, В. В. Административный процесс и административное судопроизводство: проблемы и перспективы / В. В. Головкин, Ю. А. Селиверстова // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 112-119. – DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(2).112-119.
20. Спиридонов, П. Е. Административное судопроизводство и его соотношение с иными видами судебных производств / П. Е. Спиридонов // Журнал административного судопроизводства. – 2019. – № 2. – С. 15-19.
21. Аврутин, Ю. Е. Место института административного судопроизводства в правовой системе современной России в контексте обеспечения надлежащего государственного управления или размышления на тему: "меняется ли сумма при перемене мест слагаемых?" / Ю. Е. Аврутин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – № 3(22). – С. 77-96.
22. Самсонов Н. В. 2.27 Завершена ли дискуссия о правовой природе административного судопроизводства? / Н. В. Самсонов // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 201-203.
23. Боннер Т.А. административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или спор процессуалиста с административистом / Т.А. Боннер // Закон. – 2016. – № 7. – С. 24-51.
24. Миташова, А. А. О правовой природе административного судопроизводства / А. А. Миташова, И. Н. Иваненко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 11-3(74). – С. 177-179. – DOI 10.24412/2500-1000-2022-11-3-177-179.
25. Ламонов Е.В. Кодекс административного судопроизводства - процессуальная форма деятельности административных судов / Е. В. Ламонов // Российская юстиция. – 2007. – № 9. – С. 6-8.
26. Спиридонов, П. Е. Административное судопроизводство и гражданский процесс: проблемы соотношения / П. Е. Спиридонов // Журнал административного судопроизводства. – 2017. – № 2. – С. 51-56.
27. Белякович, Е. В. Об интегративном понимании административного процесса и административного процессуального права / Е. В. Белякович, О. А. Ястребов // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2024. – Т. 19, № 5. – С. 176-200. – DOI 10.35427/2073-4522-2024-19-5-beliakovich-yastrebov.
28. Леонов, Д. В. Административное судопроизводство - это не гражданский процесс / Д. В. Леонов // Научные труды. Российская академия юридических наук : Труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXIII Международной научно-практической конференции, Москва, 23-25 ноября 2022 года. – Москва: Издательская группа "Юрист", 2023. – С. 244-247.
29. Китаева, А. В. Гражданское и административное судопроизводство: проблемы соотношения и их разграничения / А. В. Китаева, В. И. Банаев // Вестник Самарского юридического института. – 2018. – № 4(30). – С. 131-134.
30. Горбунова Коршунова, И. В. Базовые правовые категории административного судопроизводства как самостоятельной формы публичного процесса / И. В. Горбунова Коршунова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 210-212. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_2_210.
31. Стариков, Ю. Н. Дискуссия об административном судопроизводстве и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации: год 2020-й / Ю. Н. Стариков // Журнал административного судопроизводства. – 2020. – № 3. – С. 5-23.

Rudenko A.V. On the discussion of the place of administrative proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 372-381.

Administrative proceedings have existed in the Russian Federation for decades. Since the adoption of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, they have received their own independent legal codification. However, debates about their content and place in the state's legal system continue unabated. Various, often diametrically opposed, points of view are expressed. This article analyzes the evolution of views on the concept of "administrative proceedings" and its place among the procedural institutions of the

Russian Federation, presenting the positions of both proponents of the private law and public law approaches. The study concludes that, in order to effectively develop administrative proceedings and shape their identity, they must become part of the public law cluster of law.

Key words: administrative proceedings, administrative law, civil process, administrative justice, legal proceedings, process, subject, content, administrative process.

Spisok literaturey:

1. Popova, YU. A. Administrativnoe sudoproizvodstvo v sisteme sudov obshchej yurisdikcii Rossijskoj Federacii: istoriko-pravovoe issledovanie / YU. A. Popova // *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. – 2019. – № 2(67). – S. 56-60. – DOI 10.24158/pep.2019.2.8.
2. Panova I.V. Administrativnoe sudoproizvodstvo v Rossijskoj Federacii / I.V. Panova // *Gosudarstvo i pravo*. – 2001. – № 10. – S. 13-20.
3. Salishcheva, N. G. Administrativnaya yusticiya, administrativnoe sudoproizvodstvo / N. G. Salishcheva, N. YU. Hamaneva // *Gosudarstvo i pravo*. – 2002. – № 1. – S. 5-11.
4. Popova YU.A. Problemy administrativnogo sudoproizvodstva. Administrativnoe sudoproizvodstvo v sisteme sudov obshchej yurisdikcii / YU. A. Popova // *Gosudarstvo i pravo*. – 2002. – № 5. – S. 30-34.
5. Zelencov, A. Administrativnoe sudoproizvodstvo v Rossii: problemy pravovogo regulirovaniya / A. Zelencov // *Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropejskoe obozrenie*. – 2003. – № 2(43). – S. 85-95.
6. Bahrah, D. N. Administrativnoe sudoproizvodstvo, administrativnaya yusticiya i administrativnyj process / D. N. Bahrah // *Gosudarstvo i pravo*. – 2005. – № 2. – S. 19-25.
7. Il'in, A. V. K voprosu o vozmozhnosti sushchestvovaniya administrativnogo sudoproizvodstva kak otdel'noj processual'noj formy / A. V. Il'in // *Zakon*. – 2013. – № 4. – S. 119-130.
8. Pankova, O. V. Administrative procedural form: approaches to concept definition and its types / O. V. Pankova // *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. – 2019. – No. 4. – P. 145-153.
9. Starilov, YU. N. Administrativnoe sudoproizvodstvo i KAS RF: k prekrashcheniyu diskussii o ego otraslevoj processual'noj prinalozhnosti, unikal'nosti, samostoyatel'nosti, izbytochnosti ili nesostoyatel'nosti / YU. N. Starilov // *Sudebnye i nesudebnye formy zashchity grazhdanskih prav : Sbornik statej k yubileyu E.I. Nosyrevoj / Otv. redaktor D.G. Fil'chenko*. – Moskva : Infotropik Media, 2020. – S. 96-124.
10. Kononov, P. I. Konstitucionno-pravovye osnovy administrativnogo processa v Rossii / P. I. Kononov // *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*. – 2009. – № 1(6). – S. 13-17.
11. Rahmatova, Z. M. Nekotorye voprosy predmeta administrativnogo sudoproizvodstva (teoretiko-pravovoj analiz) / Z. M. Rahmatova, D. R. Boboev // *Gosudarstvennoe upravlenie*. – 2025. – № 1(72). – S. 274-281.
12. Terekhova, L. A. Drejf administrativnogo sudoproizvodstva / L. A. Terekhova // *Vestnik grazhdanskogo processa*. – 2020. – T. 10, № 3. – S. 30-50. – DOI 10.24031/2226-0781-2020-10-3-30-50.
13. Kaplunov, A. I. Sovremennye podhody k ponimaniyu administrativnogo processa kak rezul'tat i osnova razvitiya otechestvennogo administrativno-processual'nogo zakonodatel'stva / A. I. Kaplunov // *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*. – 2021. – T. 18, № 3. – S. 261-276. – DOI 10.19073/2658-7602-2021-18-3-261-276.
14. Kaplunov, A. I. O processual'noj prirode i soderzhanii "administrativnogo" sudoproizvodstva / A. I. Kaplunov // *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. – 2021. – № S3-1. – S. 57-65. – DOI 10.24412/1608-8794-2021-3-57-65.
15. Starilov, YU. N. Poyavlenie Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva - novyj etap v razvitii processual'nogo zakonodatel'stva / YU. N. Starilov // *Sud'ya*. – 2017. – № 3(35). – S. 4-10.
16. Novikov, A. B. Konceptiya upravlencheskogo processa v kontekste Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii / A. B. Novikov, V. A. Novikova // *Zhurnal pravovyh i ekonomicheskikh issledovanij*. – 2015. – № 3. – S. 48-54.
17. Lusegenova Z.S. Sovremennaya model' administrativnogo pravosudiya / Z. S. Lusegenova // *Sud'ya*. – 2025. – № 6. – S. 17 – 20.
18. Stahov, A. I. Administrativnoe sudoproizvodstvo i administrativnoe proizvodstvo kak klyuchevye kategorii administrativnogo processa v Rossijskoj Federacii / A. I. Stahov // *Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava (Sorokinskie chteniya) : Sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 21 marta 2025 goda*. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD RF, 2025. – S. 625-636.
19. Golovko, V. V. Administrativnyj process i administrativnoe sudoproizvodstvo: problemy i perspektivy / V. V. Golovko, YU. A. Seliverstova // *Pravoprimerenie*. – 2024. – T. 8, № 2. – S. 112-119. – DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(2).112-119.
20. Spiridonov, P. E. Administrativnoe sudoproizvodstvo i ego sootnoshenie s inymi vidami sudebnyh proizvodstv / P. E. Spiridonov // *Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva*. – 2019. – № 2. – S. 15-19.
21. Avrutin, YU. E. Mesto instituta administrativnogo sudoproizvodstva v pravovoj sisteme sovremennoj Rossii v kontekste obespecheniya nadlezhashchego gosudarstvennogo upravleniya ili razmyshleniya na temu: "menyaetsya li summa pri peremene mest slagaemyh?" / YU. E. Avrutin // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. – 2015. – № 3(22). – S. 77-96.
22. Samsonov N. V. 2.27 Zavershena li diskussiya o pravovoj prirode administrativnogo sudoproizvodstva? / N. V. Samsonov // *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*. – 2017. – № 3. – S. 201-203.

23. Bonner T.A. administrativnoe sudoproizvodstvo v Rossijskoj Federacii: mif ili real'nost', ili spor processu-
alista s administrativistom / T.A. Bonner // *Zakon*. – 2016. – № 7. – С. 24-51.
24. Mitashova, A. A. O pravovoj prirode administrativnogo sudoproizvodstva / A. A. Mitashova, I. N.
Ivanenko // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. – 2022. – № 11-3(74). – С. 177-179.
– DOI 10.24412/2500-1000-2022-11-3-177-179.
25. Lamonov E.V. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva - processual'naya forma deyatel'nosti adminis-
trativnyh sudov / E. V. Lamonov // *Rossijskaya yusticiya*. – 2007. – № 9. – С. 6-8.
26. Spiridonov, P. E. Administrativnoe sudoproizvodstvo i grazhdanskij process: problemy sootnosheniya / P.
E. Spiridonov // *ZHurnal administrativnogo sudoproizvodstva*. – 2017. – № 2. – С. 51-56.
27. Belyakovich, E. V. Ob integrativnom ponimanii administrativnogo processa i administrativnogo processu-
al'nogo prava / E. V. Belyakovich, O. A. Yastrebov // *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii
nauk*. – 2024. – Т. 19, № 5. – С. 176-200. – DOI 10.35427/2073-4522-2024-19-5-beliakovich-yastrebov.
28. Leonov, D. V. Administrativnoe sudoproizvodstvo - eto ne grazhdanskij process / D. V. Leonov // *Nauch-
nye trudy. Rossijskaya akademiya yuridicheskikh nauk : Trudy chlenov Rossijskoj akademii yuridicheskikh
nauk (RAYUN) i materialy XXIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 23–25 noy-
abrya 2022 goda*. – Moskva: Izdatel'skaya gruppa "YUrist", 2023. – С. 244-247.
29. Kitaeva, A. V. Grazhdanskoe i administrativnoe sudoproizvodstvo: problemy sootnosheniya i ih razgrani-
cheniya / A. V. Kitaeva, V. I. Banaev // *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. – 2018. – № 4(30). – С.
131-134.
30. Gorbunova Korshunova, I. V. Bazovye pravovye kategorii administrativnogo sudoproizvodstva kak sa-
mostoyatel'noj formy publichnogo processa / I. V. Gorbunova Korshunova // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i
praktika*. – 2025. – № 2. – С. 210-212. – DOI 10.47643/1815-1337_2025_2_210.
31. Starilov, YU. N. Diskussiya ob administrativnom sudoproizvodstve i Kodekse administrativnogo sudopro-
izvodstva Rossijskoj Federacii: god 2020-j / YU. N. Starilov // *ZHurnal administrativnogo sudoproizvodstva*.
– 2020. – № 3. – С. 5-23.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 382-390.

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПОПРАВКИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОМ ОБРАЩЕНИИ С ЖИВОТНЫМИ: О ПОСЛЕДСТВИЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ПРОВОДИМЫХ РЕФОРМ

Сильванович Ю. Н.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Данная статья посвящена анализу правовой природы конституционной новеллы, связанной с введением в 2020 году в ст.114 Конституции Российской Федерации поправки, закрепляющей обязанность государства создавать условия для ответственного обращения с животными (п. «е.5» ч. 1 ст. 114), ставшей важным событием в истории отечественного конституционализма. Рассматриваются ее непосредственные юридические последствия и оцениваются долгосрочные перспективы формирования в России целостной системы гуманного и ответственного отношения к животным. Исследование базируется на анализе конституционных норм, развивающегося федерального и регионального законодательства, а также первых результатов правоприменительной практики. Формируется вывод о том, что конституционная поправка выступила катализатором системных изменений, однако ее полноценная реализация требует преодоления ряда институциональных и социокультурных барьеров. Особое внимание уделяется анализу изменений, коснувшихся Федерального закона от 27.12.2018 № 498 «Об ответственном обращении с животными...», включая расширение полномочий органов власти субъектов РФ и уточнение критериев гуманного обращения. Отмечаются такие недостатки, как оценочный характер используемых категорий и недостаточная проработанность дефинитивной составляющей, в особенности, в части толкования смыслового содержания понятия «немотивированная агрессия животных».

Ключевые слова: антропоцентризм, Конституция РФ, конституционные поправки, ответственное обращение с животными, защита животных, конституционные обязанности государства, немотивированная агрессия животных, полномочия Правительства РФ, домашние животные, экстраординарная ситуация.

В современных отечественных реалиях в условиях происходящих социально-экономических и политических изменений правовое развитие в РФ характеризуется, в том числе, расширением предмета конституционного регулирования за счет включения в Конституцию РФ и иные нормативные правовые акты норм, отражающих новые социальные и этические вызовы в стране. Одним из подобных вызовов видится возможным считать появившееся осознание необходимости пересмотра устоявшейся антропоцентрической модели взаимодействия человека с иными живыми существами (основное положение антропоцентризма: «высшую ценность представляет человек. Все остальное в природе ценно лишь постольку, поскольку оно может быть полезно человеку. Природа - собственность человека» [1, с. 1]). Разделяя точку зрения о нецелесообразности и рудиментном характере антропоцентрической модели, считаем в должной степени актуальным оценить долгосрочные перспективы формирования в России целостной системы гуманного и ответственного отношения к животным в контексте принятых фундаментальных изменений: речь идет о введенных в 2020 г. в Конституцию РФ поправках, закрепляющих обязанность государства создавать условия для ответственного обращения с животными (п. «е.5» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ: Правительство РФ последовательно реализует комплекс стратегических инициатив, нацеленных на всестороннее улучшение качества жизни граждан, где внимание уделяется минимизации экологических рисков, связанных с хозяйственной и иной деятельностью человека, сохранению природного наследия страны, а также трансформации общественного сознания в части формирования от-

ветственного и гуманного отношения к животным [2]). Поскольку настоящее исследование проводится по состоянию на начало 2026 года, наблюдается возможность оценки реализованной конституционной реформы не сугубо с точки зрения ее теоретической значимости и видимых предпосылок, а в совокупности с прикладным значением, выразившемся в первичных достигнутых результатах.

Среди предпосылок внесения анализируемой поправки в Основной закон страны особое место занимают преимущественно объективные потребности развития государства и общества: к 2020 г., как видится, стало очевидным, что Конституция РФ 1993 г. в ряде аспектов не в полной мере отражала современные вызовы и приоритеты проводимой государственной политики. В контексте необходимости и важности соотношения юридической и фактической конституций видимый интерес представили тенденции к систематизации подхода к экологическим проблемам и укреплению социальной ориентированности государства. При том, если в отношении первой из них реализовывалась политика снижения антропогенного воздействия на природу и сохранения биоразнообразия, то вторая отстаивала позицию, что Конституция должна более явно отражать принципы социального государства, включая заботу о качестве жизни граждан, и пункт «е.5» связал т.н. «экологические задачи» с созданием благоприятных условий жизнедеятельности населения, что соответствовало растущему общественному запросу на безопасность.

Поскольку внедрение анализируемого положения в Конституцию РФ имеет принципиальное значение в конституционно-правовой парадигме, переводя анализируемую проблематику в ранг конституционной ценности и, одновременно, публичной обязанности государства, новелла нашла свое закрепление в виде прямой обязанности Правительства РФ осуществлять соответствующие меры по воспитанию ответственного отношения к животным. Отметим, что возложенная обязанность имеет комплексную правовую природу, что выражается в ее следующих фундаментальных началах:

- отраслевой характер: данная норма представляет собой конституционную основу для развития отраслевого законодательства. Она служит высшим нормативным обоснованием для существования и дальнейшего совершенствования Федерального закона от 27.12.2018 № 498 «Об ответственном обращении с животными...». Соответственно, любое последующее законодательное регулирование в анализируемой области должно соответствовать сформированной конституционной позиции, что призвано предотвратить возможность его произвольного толкования и субъективного использования;

- программно-целевой характер: формирование нового вектора долгосрочной государственной политики. Фактически представляется возможным констатировать наличие возложенной на государство обязанности активного поведения – формирование социальной и инфраструктурной среды, способствующей воссозданию условий для гуманного отношения к животным. Подобная инициатива реализуется не обособленно, а в совокупности с осуществлением широкого спектра мер, предполагающих как реализацию образовательных программ, так и развитие ветеринарных служб и нормативное регулирование деятельности приютов, о чем еще будет упомянуто далее;

- этико-правовой характер: во исполнение положения о праве каждого на благоприятную окружающую среду ответственное обращение с животными в конституционном понимании становится фактором обеспечения экологической безопасности, а также индикатором уровня нравственного здоровья общества.

До 2020 г. в отношении животных на конституционном уровне присутствовало лишь их косвенное упоминание в рамках ст. 58 Конституции РФ, в соответствии с которой «каждый обязан сохранять природу и окружающую среду» [2], а правовое положение животных в отечественном правовом поле характеризовалось как фрагментарное. При том закономерным оставался вопрос касательно разграничения правового статуса не диких и диких животных: анализ указанной нормы позволяет сделать вывод о ее относимости именно в отношении последних, как являющихся составной частью природы. В отношении же не диких животных (находящихся вне естественной среды обитания либо рожденных в неволе) данная конституционная обязанность формально не применялась. Законодательное регулирование обеспечивалось преимущественно отраслевыми актами, где животные воспринимались преимущественно как ресурсный объект или же источник эпидемиологической угрозы (пример – Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов ...» от 24.07.2009 № 209). Соответственно, первым, в сущности, и основным правовым источником стал Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными ...» (далее – Федеральный закон № 498). Последний в рамках п.2 и п.3 ст. 3 закрепил дефиниции, определяющие разницу между дикими животными в неволе и домашними животными (как «животные, которые находятся на содержании владельца - физического лица, под его временным или постоянным надзором» [3]). По большей части сформировавшуюся позицию правоприменителей и общества в связи с принятием данного закона можно охарактеризовать как положительную, поскольку сложившаяся ситуация, связанная с отсутствием нормативных актов, устанавливающих правовой режим обращения с животными, закономерно усложняла механизм и основания применения уже регламентированных законодателем ранее положений, в частности – ключевых вопросов назначения уголовной ответственности за жестокое обращение с животными, поскольку ст. 245 УК РФ включала в себя сразу две оценочные категории: обращение с животными и его жестокий характер. Однако, хотя Федеральный закон № 498 впервые системно закрепил принципы гуманного обращения с животными, правоприменение, тем не менее, все еще оставалось затруднительным ввиду имеющейся пробельности.

Таким образом видится, что Федеральный закон № 498 послужил весомым основанием расширения перечня обязанностей Правительства РФ в 2020 г. Конституционная новелла закрепила соответствующий принцип для разработки иных законов, подзаконных актов и бюджетных программ. Однако отметим, что на этапе принятия конституционных поправок пункту «е.5» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ не было уделено достаточно внимания, что выразилось в наблюдаемом нами значительном дефиците актов и доктринальных трудов разъяснительного и оценочного характера. Отчасти данная ситуация объяснима обширностью и разнообразием тех сфер конституционного регулирования, которые были затронуты проводимыми реформами. Тем интереснее отметить, что указанная конституционная поправка в конечном итоге активизировала нормотворческий процесс как на федеральном, так и региональном уровнях.

Среди положительных нововведений нами выделяются следующие. Прежде всего, за прошедший «апробационный» период были внесены изменения в ст. 245 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за жестокое обращение с животными. Так, с 20 января 2026 г. вступают в силу изменения, регламентированные Федеральным законом от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации...» и коснувшиеся, в том числе, ч. 1 ст. 245 УК РФ: абз. 2 ч. 1 ст. 245 УК РФ был дополнен такой разновидностью ответственности, как «принудительные работы на срок до трех лет» [4]. Оценивая данную новеллу, считаем, что поправка позволит дополнительно дифференцировать наказание в зависимости от обстоятельств преступления и личности виновного. Подобное введение альтернативных мероприятий, предусматривающих возможность назначения принудительных работ, отражает тенденцию к определенной гуманизации уголовного законодательства при сохранении категоричной позиции в отношении противоправных деяний, совершаемых в отношении животных. С точки зрения правоприменения, нововведение формирует баланс между карательной функцией закона и возможностью исправления осужденного посредством выполнения общественно полезного труда, поскольку, помимо материального воздействия, реализуется и воспитательный эффект, что, как видится, способно снизить риск возможного рецидива.

Значительные изменения коснулись КоАП РФ. Так несмотря на то, что административная ответственность за жестокое обращение с животными в нашем государстве впервые была введена в 1988 г. в виде поправок в КоАП РСФСР (ст. 102 – «Нарушение правил содержания кошек и собак» и ст. 102.1 – «Жестокое обращение с животными» [5]), после распада СССР данные нормы не были автоматически интегрированы в новое законодательство страны-правопреемницы. В переходный период правовая защита животных характеризовалась излишне фрагментарной: хотя отдельные региональные акты предпринимали попытки по восполнению имеющегося пробела, общедоверального механизма административной ответственности долгое время не существовало. И, наконец, в 2023 г. Федеральным законом от 13.06.2023 г. № 230-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» были введены новые административно-правовые составы: ст. 8.52 КоАП РФ, статья 8.53 КоАП РФ и статья 8.54 КоАП РФ, предусматривающие ответственность за несоблюдение общеустановленных требований к содержанию животных; нарушение норм использования животных в культурно-зрелищных мероприятиях, а также правил их содержания при осуществлении подобной деятельности, и нарушение правил работы приютов для животных и порядка обращения с безнадзорными животными [6] соответственно.

Помимо УК РФ и КоАП РФ, нововведения коснулись также и самого Федерального закона от 27.12.2018 № 498. Среди очевидно положительных изменений – разработка норм-дефиниций, в том числе в отношении таких важных законодательных категорий, как «деятельность по обращению с животными без владельцев» (что позволило структурировать комплекс мероприятий: от отлова и транспортировки до иных действий, предусмотренных законом, в отсутствие возможности субъективной трактовки границ допустимых мер, применимых в отношении бездомных животных) и «собака-проводник» (подчеркнувшей особый статус данной категории жи-

вотных и создавшей предпосылки для выработки специальных правил их содержания и обеспечения беспрепятственного доступа в общественные места).

Тем не менее, несмотря на все вышеперечисленные положительные нормотворческие последствия принятой конституционной поправки, видится возможным обратить внимание на имеющиеся пробелы, а также в достаточной степени спорные новеллы, требующие дополнительного анализа и реформирования. Об их наличии представляется возможным судить исходя из содержания вынесенного еще в 2021 г. Поручения Президента РФ (от 15 мая 2021 г. № Пр-808) [7]. Несмотря на срочный характер поручений, некоторые из них так и не были реализованы должным образом. Среди наиболее актуальных, но недостигнутых, отмечается, в частности, создание механизмов стимулирования добровольной стерилизации, вакцинации, маркирования домашних питомцев: По сведениям, предоставленным первым заместителем председателя Комитета Государственной Думы РФ по экологии, природным ресурсам и охране окружающей среды, «вопросы и разведения, и регистрации животных, и системы реагирования крайне болезненные для общества и должны бы быть решены уже давно ...» [8]. К этой же категории нереализованных инициатив относится создание Единого федерального реестра домашних животных. Хотя данная идея на протяжении всего анализируемого периода неоднократно обсуждалась, по состоянию на начало 2026 г. она так и не была внедрена на федеральном уровне. Что показательно, такой реестр, тем не менее, приобрел статус реализованного в отдельных регионах России, а именно – в Московской и Ленинградской областях. В данных субъектах РФ реестр позволяет фиксировать данные о владельцах, идентификационные метки, сведения о перемещениях животных, что значительно упрощает как поиск потерявшихся питомцев, так и контроль за соблюдением ветеринарных требований. Однако отсутствие единой методологии и технических стандартов делает невозможным интеграцию региональных баз в общенациональную систему, а также порождает правовую неопределенность при перемещении животных между субъектами.

В том числе в вышеизложенном аспекте наиболее спорным положением является еще одно нововведение, коснувшееся Федерального закона от 27.12.2018 № 498: предоставление региональным законодателям возможности принятия собственных законов и реализации программ, которые, как показывает практика, не всегда соответствуют осуществляемой федеральной политике. Так, введенной в 2023 г. ч. 4 ст. 7, региональным органам государственной власти в рамках их полномочий допускается посредством принятия законодательных актов субъектового уровня регламентировать процедуру работы с безнадзорными животными: как устанавливать общий порядок осуществления соответствующей деятельности, так и утверждать конкретный перечень мероприятий, реализуемых в ходе ее выполнения [3]. Приведем примеры из практики. В 2023 г. Законом Республики Бурятия № 185-VII, а именно – ст. 8 был закреплен порядок и основания для умерщвления животных без владельцев. Помимо обстоятельств, связанных с очевидно объективными причинами применения подобных радикальных мер, как, например, прекращение невыносимых страданий самого животного, а также обеспечение защиты права граждан на охрану здоровья, законодателем данного региона был выделен такой аспект, как возможность признания животного не востребовавшимся в случае, если на протяжении тридцати календарных дней с момента его размещения в пункте временного содержания не

было выражено намерения со стороны физического либо юридического лица взять животное под свою опеку. В такой ситуации процедура умерщвления осуществляется на тридцать первый день, отсчитываемый от даты первоначального отлова животного [9].

Еще более радикальным и, в нашем понимании, антигуманным стало утверждение принятого Приказом Комитета ветеринарии с Госветинспекцией Республики Алтай от 26.01.2024 № 61-П п. 29, определяющего, что в случае размещения в пункте временного содержания крупных животных (чей размер определяется их высотой в холке – свыше 35 см) применяется особый порядок: если по прошествии десятидневного срока с момента поступления ни одно физическое или юридическое лицо не заявило о намерении забрать животное, на одиннадцатый день осуществляется процедура его умерщвления [10]. Подобная децентрализация нередко приводит к расхождению между региональными инициативами и общефедеральной политикой, создавая столь фрагментарную правовую среду. Отметим, что несмотря на достаточно острую реакцию общественности на вышеприведенные положения, а также обращение Верховного Суда Республики Бурятия в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке на конституционность анализируемых положений, последний вынес крайне неоднозначное Постановление от 18.07.2024 г. N 38-П. Данное Постановление, с одной стороны, определяет, что законодатель «должен учитывать, что животные могут нуждаться в защите как существа, которые способны испытывать эмоции» [11], что субъекты не могут наделяться неограниченными полномочиями, поскольку свобода их нормотворчества должна быть ограничена целями деятельности по обращению с животными без владельцев, а, с другой стороны, устанавливает «допустимый» временной период, в течение которого такая мера, как умерщвление, может применяться законно, что на практике закономерно может быть использовано посредством продления неограниченное количество раз по решению региональных органов власти. Таким образом, формируемый баланс между необходимостью регулирования численности безнадзорных животных и требованиями гуманного обращения с ними соотносится с т.н. препятствием системы «бессрочного временного режима». В сущности, вышеприведенные примеры Республики Бурятия и Республики Алтай на текущий момент не применяются в изначально приведенном виде лишь благодаря имеющемуся общественному резонансу: несмотря на критерий неостребованности, региональные органы власти в качестве определяющих факторов по заданной категории выделяют представление угрозы для жизни и здоровья человека, т.н. «немотивированная агрессия» и наличие экстраординарной ситуации (что, по нашему мнению, также является сугубо оценочными категориями, в отсутствие единой устоявшейся позиции определяемыми субъектами РФ самостоятельно).

Исходя из всего вышеизложенного, видится актуальным обратить внимание законодателя на отсутствие легального определения понятия «немотивированная агрессия» применительно к животным, столь активно используемого как правоприменителями, так и самим Конституционным Судом РФ. Поскольку подобная терминологическая неопределенность создает серьезные препятствия по выстраиванию единообразной правовой оценки инцидентов, связанных с нападением животных на людей или других животных, а также в значительной степени осложняет и разгра-

ничество ответственности владельцев таких животных, очевидна необходимость в выработке научно обоснованного определения, которое учитывало бы как поведенческие особенности животных, так и правовые критерии виновности их владельцев. Так, с учетом вышеизложенного видится возможным предложить внести изменения в ст. 3 Федерального закона от 27.12.2018 № 498, дополнив ее п. 14 следующего содержания: «немотивированная агрессия животных – это устойчивое поведенческое проявление враждебности со стороны животного, которое не обусловлено непосредственным воздействием внешних раздражителей (угрозой жизни, здоровью, потомству, ресурсной базе животного и т.д.), не является реакцией на провоцирующие действия и не соответствует биологически обусловленным формам защитного, территориального или иного поведения, типичного для данного вида, которое возникает без предшествующих сигналов предупреждения и несет реальную опасность причинения вреда жизни, здоровью и/или имуществу».

Таким образом можно сделать вывод, что принятые конституционные поправки, закрепившие принцип ответственного обращения с животными, а также связанные с ними реформы доктринального и прикладного характера ознаменовали качественную трансформацию правового статуса животных в отечественной правовой системе. Видится, что на текущий момент уже закладываются основы преодоления важного рубежа: переход животных от безальтернативной категории объекта вещных прав в категорию особых субъектов правовой охраны, обладающих самостоятельной значимостью и способных испытывать боль, чувства и эмоции. Тем не менее, несмотря на конституционализацию соответствующего принципа, выполняющего функционал катализатора законотворческого процесса в области защиты прав животных, реальные последствия реформ, к сожалению, проявляются, в том числе, в имеющихся пробелах и противоречиях. Лишь формирование новых правовых представлений в обществе, определяемых восприятием защиты животных как гарантированного конституционного требования, обеспечит эффективность реализации мер, направленных на пресечение жестокого обращения с ними.

Список литературы:

1. Вершков А.В. Антропоцентризм и современность / А.В. Вершков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – №5-1. – С. 1-7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentrizm-i-sovremennost>
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
3. Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/
4. Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – URL: https://base.garant.ru/412377024/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#block_125
5. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях в ред. Указа Президиума ВС РСФСР от 11.08.88. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=43687&ysclid=mkqrxcofu9359797696>
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
7. Поручение Президента РФ от 15 мая 2021 г. N Пр-808 «Перечень поручений по результатам проверки исполнения законодательства и решений Президента по вопросам формирования в обществе ответственного отношения к животным». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400670959/?ysclid=mkv1gjqjvt101089898>

8. В России появится система реагирования на агрессивных собак: контроль над ними планируют возложить на МЧС и МВД. – URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-poyavitsya-sistema-reagirovaniya-na-agressivnykh-sobak.html>
9. Закон Республики Бурятия от 22.11.2023 № 185-VII «Об установлении порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев и определении перечня мероприятий при осуществлении такой деятельности на территории Республики Бурятия». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0300202311240003?ysclid=mkv6crr9z1138940547&index=7>
10. Приказ Комитета ветеринарии с Госветинспекцией Республики Алтай от 26.01.2024 № 61-П «Об утверждении Порядка содержания отловленных животных без владельцев в местах и пунктах временного содержания животных, не являющихся приютами для животных на территории Республики Алтай». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0401202401290001?ysclid=mkv6udark339529002&index=9>
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 N 38-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_481021/?ysclid=mkv5uit4bs439983588

Silvanovich Yu.N. Constitutional amendments on responsible treatment of animals: consequences and prospects of the reforms // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 382-390.

This article analyzes the legal nature of the constitutional amendment introduced in 2020 to the Article 114 Constitution of the Russian Federation, enshrining the state's obligation to create conditions for the responsible treatment of animals (clause "e.5" of Part 1 of Article 114), which has become an important event in the history of Russian constitutionalism. The article considers its immediate legal consequences and assesses the long-term prospects for the formation of a holistic system of humane and responsible treatment of animals in Russia. The study is based on an analysis of constitutional norms, developing federal and regional legislation, as well as the initial results of law enforcement practice. The conclusion is that the constitutional amendment acted as a catalyst for systemic change, but its full implementation requires overcoming a number of institutional and sociocultural barriers. Particular attention is given to the analysis of the amendments to Federal Law No. 498 of December 27, 2018, "On the Responsible Treatment of Animals," including the expansion of the powers of regional authorities and the clarification of criteria for humane treatment. Shortcomings such as the evaluative nature of the categories used and the insufficient development of the definitional component, particularly with regard to the interpretation of the semantic content of the concept of "unmotivated animal aggression," are noted.

Keywords: anthropocentrism, Constitution of the Russian Federation, constitutional amendments, responsible treatment of animals, animal protection, constitutional duties of the state, unmotivated animal aggression, powers of the Government of the Russian Federation, pets, extraordinary situation.

Spisok literatury:

1. Vershkov A.V. Antropocentrizm i sovremennost' / A.V. Vershkov // Aktual'ny'e problemy` gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. – 2014. – №5-1. – С. 1-7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentrizm-i-sovremennost>
2. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
3. Federal'ny`j zakon ot 27.12.2018 № 498-FZ (red. ot 08.08.2024) «Ob otvetstvennom obrashhenii s zhivotny`mi i o vnesenii izmenenij v otdel'ny`e zakonodatel'ny`e akty` Rossijskoj Federacii». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/
4. Federal'ny`j zakon ot 23 iyulya 2025 g. № 218-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshim silu punkta 7.1 chasti pervoj stat'i 299 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii». – URL: https://base.garant.ru/412377024/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/#block_125
5. Kodeks RSFSR ob administrativny`x pravonarusheniyax v red. Ukaza Prezidiuma VS RSFSR ot 11.08.88. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=43687&ysclid=mkqrxcofu9359797696>
6. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 29.12.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 09.01.2026). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
7. Poruchenie Prezidenta RF ot 15 maya 2021 g. N Pr-808 «Perechen` poruchenij po rezul'tatam proverki ispolneniya zakonodatel'stva i reshenij Prezidenta po voprosam formirovaniya v obshhestve otvetstvennogo

- otnosheniya k zhivotny'm». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400670959/?ysclid=mkv1gjqt101089898>
8. V Rossii poyavitsya sistema reagirovaniya na agressivny`x sobak: kontrol` nad nimi planiruyut vozlozhit` na MChS i MVD. – URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-poyavitsya-sistema-reagirovaniya-na-agressivnykh-sobak.html>
9. Zakon Respubliki Buryatiya ot 22.11.2023 № 185-VII «Ob ustanovlenii poryadka osushhestvleniya deyatel`nosti po obrashheniyu s zhivotny`mi bez vladel`cev i opredelenii perechnya meropriyatij pri osushhestvlenii takoj deyatel`nosti na territorii Respubliki Buryatiya». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0300202311240003?ysclid=mkv6crr9z1138940547&index=7>
10. Prikaz Komiteta veterinarii s Gosvetinspekcij Respubliki Altaj ot 26.01.2024 № 61-P «Ob utverzhdenii Poryadka sodержaniya otlovlenny`x zhivotny`x bez vladel`cev v mestax i punktax vremennogo sodержaniya zhivotny`x, ne yavlyayushhixsya priyutami dlya zhivotny`x na territorii Respubliki Altaj». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0401202401290001?ysclid=mkv6udartk339529002&index=9>
11. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 18.07.2024 N 38-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 4 stat`i 7, abzacza pervogo chasti 1 i chasti 7 stat`i 18 Federal`nogo zakona «Ob otvetstvennom obrashhenii s zhivotny`mi i o vnesenii izmenenij v otdel`ny`e zakonodatel`ny`e akty` Rossijskoj Federacii» v svyazi s zaprosom Verhovnogo Suda Respubliki Buryatiya». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_481021/?ysclid=mkv5uit4bs439983588
- .

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 391-400.

УДК 347.51

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Старов Д. А., Бахриева З. Р.

*Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия
им. В.М. Лебедева»*

Статья посвящена проблеме привлечения к ответственности за причинение вреда в сфере оказания услуг общественного питания. Авторами проанализирован большой массив материалов судебной практики по рассмотрению случаев обращения потребителями за судебной защитой вследствие оказания им некачественных услуг заведениями общественного питания, в том числе, расположенными за пределами Российской Федерации. Сформулирован вывод о том, что самым проблемным вопросом в этой сфере является доказывание факта причинения вреда в конкретном объекте общественного питания. При этом выведены обстоятельства, которые могут свидетельствовать о том, что вред здоровью причинен в конкретном заведении. Также подчеркивается необходимость доказывания наличия причинно-следственной связи между наступившим вредом (ухудшением состояния здоровья истца) и действиями ответчика, и приводятся обстоятельства, которые принимаются судами в качестве доказательства ее отсутствия.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, защита прав потребителей, материальный вред, моральный вред, причинно-следственная связь, услуги общественного питания, пищевое отравление.

В настоящее время все более востребованными становятся услуги общественного питания, которые, по своей сути, представляют собой «форму удовлетворения потребностей людей по организации питания во внедомашних условиях» [1, с. 186]. Данный факт совершенно не удивителен, ведь люди для своего выживания и развития должны удовлетворять все свои потребности, в том числе и физиологические. Тем не менее, если еще несколько десятилетий назад общество удовлетворяло свою потребность в пище, справляясь собственными усилиями, то в эпоху потребления и в условиях цифровой трансформации, когда люди проводят почти все свое время за работой, а в свободное время отдают предпочтение удобству и экономии времени, возможностей для самостоятельного утоления своих потребностей становится все меньше. В этой связи рынок общественного питания (общепита) в России только увеличивается, открываются новые кафе, рестораны, кофейни и заведения, специализирующиеся на более конкретном направлении кулинарии (например, пиццерии, пельменные и т.п.). Продемонстрируем данное утверждение, приведя свежую статистику. Так, например, за первый квартал 2025 г. рынок общественного питания в России вырос более чем на 7%. При этом доля трат населения на общепит с 2020 г.а выросла на 2,2 п.п до 7% [2].

Популярность заведений данного типа предсказуема, ведь на самом деле их функционал не только удобен, комфортен и быстр, но и подходит для всех случаев жизни: можно перекусить на обеденном перерыве либо отпраздновать какое-либо важное событие. Кроме того, в последнее время довольно популярным стал способ заказа еды в заведениях общественного питания с помощью ее доставки непосредственно к местонахождению потребителя (к месту проживания, к месту работы и т.д.), что также обуславливается комфортом, доступностью и индивидуальным подходом к выбору пищи и оформлению заказа.

Тем не менее, как известно, любая экономическая деятельность, в том числе в сфере общественного питания, должна быть безопасна для потребителей, то есть

оказываться с соблюдением всех установленных норм, ведь такие заведения представляет собой объекты с повышенной потенциальной опасностью при эксплуатации, что обязывает владельца обеспечить безопасное функционирование.

Однако далеко не все заведения общественного питания придерживаются установленных законодательством требований, что может повлечь за собой вред здоровью потребителей. К примеру, неправильное хранение продуктов может повлечь за собой серьезные последствия в виде пищевого отравления. Вывод о том, что в данной сфере деятельности распространены многочисленные нарушения прав потребителей можно проиллюстрировать одним из множества случаев, когда в Пермском крае в январе 2025 г. шаурмой из местного кафе было отравлено более 70 человек, среди которых 25 детей [3].

Специфика договора об оказании услуг общественного питания заключается в том, что оказание услуги не влечет за собой немедленного достижения окончательного результата, так как ее завершение осуществляется заказчиком самостоятельно – путем потребления результата услуги (пищи). При этом, как правило, в большинстве случаев оказание услуги завершается на территории исполнителя, в частности — в помещениях кафе, ресторанов и аналогичных заведений [4, с. 324].

Заведениями общепита должны соблюдаться требования не только в рамках оказания услуг по приготовлению и подаче пищи, но и поддержанию чистоты в помещениях, их общего состояния, в том числе по проведению дезинсекции, а также гарантии безопасности остальных дополнительно оказываемых услуг (развлекательных аттракционов и т.д.). Совокупность данных факторов требует большого количества денежных средств, но владельцы заведений общественного питания не готовы их вкладывать, не заботясь о состоянии своих посетителей.

В связи с этим в данной работе на основании анализа судебной практики будут рассмотрены различные ситуации, связанные с причинением вреда потребителям в заведениях общественного питания, в том числе, с возмещением причиненного вреда. Но перед тем, как перейти к основной части настоящего исследования, обратимся к общим положениям, затрагивающим деятельность заведений общественного питания. И для начала отметим, что их деятельность регулируется большим количеством нормативных актов: различными законами, государственными стандартами и санитарно-эпидемиологическими правилами и нормами. В частности, в ГОСТе 30389-2013 [5] устанавливаются общие требования и классификация предприятий общественного питания. Данный государственный стандарт относит к объектам общественного питания рестораны, кафе, бары, предприятия быстрого обслуживания, буфеты, кафетерии, столовые, закусочные, отдел кулинарии в магазине (п. 3). Наряду с этим ГОСТ 31984-2012 [6] к услугам общественного питания относит доставку продукции общественного питания (п. 4.4). Дополнительно данная деятельность регулируется Федеральным законом «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [7], в котором определено, что осуществление услуг должно производиться в соответствии с санитарно-эпидемиологическими требованиями (п. 1 ст. 17 данного Федерального закона). Кроме того, деятельность заведений общепита регулируется и гражданским законодательством, где определены общие положения о договоре возмездного оказания услуг в сфере общественного питания, его особенности, порядок заключения и ответственность сторон. Переходя к основной части работы, отметим, что можно выделить несколько категорий споров, связан-

ных с некачественным оказанием услуг заведениями общественного питания: во-первых, это дела, связанные с некачественной пищей; во-вторых, непрофессиональные и халатные действия обслуживающего персонала; в-третьих, это ситуации, связанные с предметами интерьера, не отвечающими правилам безопасности.

В частности к первой категории дел, связанной с некачественной едой, можно отнести следующие случаи: пищевое отравление (в том числе заражение инфекционным заболеванием пищеварительной системы) вследствие некачественных продуктов или нарушения технологии приготовления [8], которое может сопровождаться и иными симптомами (диарея, рвота, повышенная температура и т.п.); если последствием отравления некачественной пищей стало диагностирование врачами другого хронического заболевания (например, хронической индуцированной крапивницы [9]); повреждение зубов (к примеру, вишневой косточкой, наличие которой в блюде в меню не предусмотрено [10] или камнем, по какой-то неизвестной причине, находящимся в блюде [11]).

Ко второй категории дел относятся непрофессиональные и халатные действия обслуживающего персонала: к примеру, если сотрудник не до конца закрыл крышку стакана с кипятком, вследствие чего посетителем был получен ожог [12]; если во время приготовления напитка бармен не соблюдал технику безопасности, в результате чего по барной стойке разлилась горячая жидкость, и пламя перекинулось на посетителя [13]; если официантка уронила чайник с кипятком на посетителя [14]; если сотрудниками не были обеспечены безопасные условия нахождения посетителя вследствие допущения мокрого пола в заведении [15].

К третьей категории дел относятся споры, возникающие из-за интерьерных и инфраструктурных особенностей самого помещения, где оказываются услуги общественного питания. Например, если в помещении установлена скользкая плитка, в результате чего происходит падение посетителей [16]; если в заведении используются предметы мебели, не отвечающие правилам безопасности [17]; если посетитель был ранен вследствие падения на него оконной рамы [18] или кабинки в туалетной комнате [19]; перелом руки вследствие содержания батута на территории заведения без соблюдения правил безопасности [20]; перелом ноги вследствие ее попадания в яму, расположенную перед входом в кафе [21]; если посетителем были выявлены нарушения санитарно-гигиенических норм (в том числе, если в кафе присутствовали тараканы и надлежащим образом не были организованы мероприятия по дезинсекции), что повлекло его нравственные страдания [22].

Во всех случаях ответственность вследствие причинения вреда в рамках услуг, оказываемых заведениями общественного питания, наступает по гл. 59 ГК РФ [23], а также по Закону РФ «О защите прав потребителей» (далее – Закон) [24].

Рассмотрев общие положения, касающиеся споров в сфере общественного питания, перейдем к анализу некоторых проблемных вопросов, возникающих при рассмотрении дел данной категории. Так, из проанализированных материалов судебной практики выявлено, что самым проблемным вопросом является доказывание факта, что вред был причинен в конкретном объекте общественного питания.

В частности, в одном из споров в качестве предмета доказывания по делу об отравлении истца продукцией ненадлежащего качества судом были определены следующие обстоятельства: факт употребления пищи в конкретном заведении об-

щепита (щеки, свидетельские показания и т.д.); факт несоответствия пищевого продукта требованиям ГОСТ и СанПиН; факт наступления негативных последствий ввиду употребления пищевого продукта ненадлежащего качества [25].

Отметим, что при недоказанности причинно-следственной связи между наступившим вредом и действиями ответчика суд откажет в удовлетворении исковых требований. К примеру, в судебной практике встречаются случаи, когда только факт отравления истцов, без предоставления иных доказательств, не может рассматриваться в качестве достоверного доказательства, подтверждающего как факт получения вреда именно в заведении ответчика, так и наличие причинно-следственной связи между наступившими последствиями и возможными противоправными действиями ответчика [26]. Ввиду этого, исходя из анализа судебной практики, были выведены обстоятельства, которые могут свидетельствовать о том, что вред здоровью был причинен в конкретном заведении.

Для примера обратимся к определению Воронежского областного суда [27], в котором поочередно указана совокупность факторов, исходя из анализа которых, судебный орган пришел к выводу о доказанности того, что вред был причинен конкретным заведением общественного питания. В рассматриваемом деле факт посещения истцом кофейни и получения услуги у ответчика был подтвержден выписным эпикризом из истории болезни, листка нетрудоспособности, свидетельских показаний С., которой был поставлен аналогичный с истцом диагноз, а также пояснений специалиста. Рассматриваемый спор также примечателен тем, что у истца отсутствовал чек о покупке еды у истца. Суд указал, что данное обстоятельство не может являться основанием для отказа в удовлетворении исковых требований. В другом деле доводы ответчика о том, что истцом не представлен чек также не были приняты судебной коллегией [28].

Кроме того, при отсутствии чека факт нахождения потребителя в заведении общественного питания может быть подтвержден, в том числе, осмотром его телефона, в котором представлена спутниковая онлайн карта, отражающая перемещения потребителя, в том числе в области, где находится спорное заведение [29].

Дополнительно судами обращается внимание и на следующие обстоятельства: если факт ненадлежащего оказания услуг подтвердился материалами эпидемиологического расследования очага (результатами лабораторных исследований) [30]; если ответчиком в письменном ответе принесены извинения пострадавшему посетителю (иными словами, признан факт оказания услуг) [30]; если после принятия пищи произошло отравление у нескольких посетителей [31], в том числе возбуждено уголовное дело по факту массового отравления [29]; если процесс получения вреда здоровью был заснят на видео (например, видео с мобильного телефона, которое объективно подтверждает пояснения о наличии в пирожном инородного тела, похожего на камень, а также наличие осколка зуба, после его употребления [11]); если ухудшение состояния здоровья истцов наступило через несколько часов после употребления пищевой продукции [32]; если будет выяснено, что поваром медосмотр проходил всего единожды, а последующий датирован лишь после произошедшего пищевого отравления [33].

Тем не менее, также выделим обстоятельства, которые суды принимали во внимание в качестве доказательства отсутствия причинно-следственной связи между действиями ответчика и ухудшением состояния здоровья истца: если посетитель

обратился за медицинской помощью по факту отравления, но сведений о наличии у него признаков отравления врачами не было обнаружено [34] или обратился за ней через длительный срок. К примеру, в одном судебном решении «длительным» сроком было определено 12 часов с момента посещения кафе (так как в указанный период истец мог употребить в пищу просроченную продукцию где угодно, в том числе и дома) [35], а в другом деле в иске было отказано, так как истец в день отравления за медицинской помощью не обратился, оно последовало лишь по истечении 8 дней [36]; если пострадавший обращался в медицинское учреждение, но за первичный прием не было возможным определить диагноз, ввиду этого ему было рекомендовано обратиться позже, чего им сделано не было (то есть доказательства прохождения медицинского лечения отсутствуют) [37]; если будет установлено, что в определенный день отравление произошло только у истца. В частности, в одном из споров было установлено, что в кафе за день было реализовано около 6 кг шашлыка, который также был употреблен истцом, однако других обращений по поводу отравления не поступало [35].

Наряду с этим, в другом судебном деле указано, что если иные посетители кафе, которым оказывались услуги по организации питания, в этот же день не заболели, не может свидетельствовать об отсутствии причинно-следственной связи между предоставленной пищей и отравлением, так как, к примеру, бактерии могли быть обнаружены не во всех блюдах, а только в определённых [32].

Далее рассмотрим перечень требований, которые, при их заявлении, могут быть удовлетворены судом. Так, суд может взыскать в пользу пострадавшей стороны материальный ущерб, например, в виде утраченного заработка или расходов на лечение, а также компенсацию морального вреда [33]. В частности, в одном из дел к расходам на лечение были отнесены траты на приемы врача, проведения лечения лазером (вследствие получения ожогов) и расходы на приобретение лекарственных препаратов [13]. К ним также могут быть отнесены убытки в виде оплаты услуг общественного питания [38]; расходы на проезд к месту лечения и обратно; приобретению ортеза на голеностопный сустав [16] и т.д.

Дополнительно с ответчика может быть взыскан штраф за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя в размере 50% от суммы, присужденной судом, в пользу потребителя (п. 6 ст. 13 Закона) [16].

Если говорить о размере компенсации морального вреда, то он разнится в зависимости от внутреннего убеждения судьи, а также самих обстоятельств дела. Тем не менее, можно вывести некую статистику размера компенсируемого морального вреда на основании проанализированных ранее в настоящем исследовании судебных дел, разрешенных в разных субъектах РФ, но принятых только с 2020 г. (включительно) для выведения более актуальных результатов. Так, общая база для анализа состоит из 17 дел, разрешенных с 2020 г. в пользу потребителя. В частности, минимально возможный размер компенсации морального вреда составил от 10 до 50 тысяч руб. (в 12 из 17 судебных дел). Сумма в 10-15 тысяч рублей назначалась, например, тогда, когда истцы отравились после принятия пищи в кафе, что повлекло дискомфорт, болезненные ощущения и их дальнейшую госпитализацию в больницу [30]; в случае, когда потребители были заражены инфекцией «сальмонеллез»,

сопровождается рвотой, поднятием температуры тела, диареей [32]; вследствие получения истцом ожогов из-за неаккуратных действий официантки [14].

Страдания Е. в форме телесного повреждения в виде рваной раны ногтевой фаланги, полученной в кафе из-за использования предметов мебели, не отвечающим технике безопасности, в решении Железногорского городского суда Красноярского края было оценено в размере 50 тыс. руб. [17]. Равным образом 50 тыс. руб. было присуждено истце С., у которой, вследствие нахождения камня в пирожном, был сломан зуб, держащий зубной протез [11].

В свою очередь вследствие заражения потребителей инфекционной болезнью «сальмонеллез», сопровождающееся сильным недомоганием, повышенной температурой, болями, слабостью, тошнотой, диареей, рвотой им была присуждена компенсация морального вреда в размере 80-100 тысяч рублей [9], что в разы больше, чем в схожем деле, описанном ранее [32]. Сумма в 250 тыс. руб. в качестве компенсации морального вреда была присуждена вследствие отравления Ч., последствия которого привели к появлению и диагностированию хронического заболевания – индуцированной крапивницы [9]. Обстоятельства в виде ожогов лица, полученных К. по причине того, что бармен во время приготовления напитков пренебрег техникой безопасности, вследствие чего по барной стойке разлилась горящая жидкость, и пламя потекло в сторону К., перекинувшись на правый рукав кофты и на ее волосы, были оценены судом в размере 300 тыс. руб. [13].

В определении Вологодского областного суда по причине падения М. из-за скользкого пола во время его нахождения в кофейне, что повлекло для него последствия в виде получения серьезной травмы и установления второй группы инвалидности, ему был возмещен моральный вред в размере 500 тыс. руб. [16].

Исходя из анализа материалов судебной практики, можно сделать вывод о том, что размер компенсации морального вреда довольно сильно разнится и по схожим делам может сильно отличаться, что может свидетельствовать о несовершенстве правового регулирования данного института. Кроме того, рассмотрим случаи получения вреда в заведениях общепита, находящихся за пределами РФ. Подчеркнем, что анализ будет произведен на основании дел, где между потребителем и исполнителем заключен договор о реализации туристского продукта (в том числе услуги по подбору и бронированию тура).

В частности, в соответствии со ст. 17 ФЗ «Об основах туристской деятельности в РФ» [39] между туроператором и туристом во исполнение договора реализации туристского продукта может быть заключен договор добровольного страхования. В случае отказа от заключения договора расходы на оказание медицинской помощи в экстренной и неотложной формах в стране временного пребывания несет сам турист. В свою очередь, при заключении договора добровольного страхования возмещать траты на лечение будет туроператор либо страховщик. Так, например, в одном из судебных дел указано, что «ответственность перед туристом за действия (бездействие) всех третьих лиц, привлеченных к исполнению услуг, входящих в состав туристского продукта, несет туроператор» [40].

Далее рассмотрим еще несколько примеров из судебной практики в этой сфере:

1. Гражданка З. обратилась с иском к туроператору, мотивируя его, в том числе тем, что во время отдыха в Египте отравилась вследствие некачественного оказания услуг по питанию в столовой отеля. Суд указал, что вышеуказанные недостатки

свидетельствуют о некачественном оказании туристических услуг, в связи с чем удовлетворил исковые требования и взыскал с ответчика денежные средства, уплаченные по договору туристского продукта, неустойку, компенсацию морального вреда, а также штраф [41];

2. Суд взыскал с туроператора компенсацию морального вреда вследствие причинения истцам определенных неудобств, связанных с непредоставлением услуги, предусмотренной прайс-листом отеля – по вызову врача. Поводом для вызова врача, по мнению истца, стал факт отравления от питания в отеле [42].

Кроме того, существуют ситуации, когда истец напрямую обращается к страховой компании, с которой у него заключен договор страхования медицинских и иных расходов при выезде за границу. Так, С. обратилась с иском к страховой компании о взыскании страхового возмещения, так как она в результате пищевого отравления обратилась в местную клинику Шри Ланки, где ей были оказаны медицинские услуги. По прибытию на территорию России страховой компанией в выплате страхового возмещения было отказано. Суд, удовлетворяя исковые требования, признал факт наступления страхового случая, опираясь на предоставленными истцом документы – счет на медицинские услуги, анамнез, которые подписаны и заверены врачом [43].

Таким образом, актуальность проблемы качественного оказания услуг, предоставляемых заведениями общественного питания, в настоящее время не подвергается сомнениям. С появлением новых заведений общепита, а также по мере повышения популярности данных услуг растет и количество негативных обращений по поводу некачественного их оказания, в связи с чем защита и восстановление нарушенных прав происходит в судебном порядке. Об эффективности данного порядка разрешения споров свидетельствуют многочисленные примеры судебной практики, приведенные в настоящем исследовании. В целом, исходя из проведенного анализа судебной практики, следует сделать вывод о том, что в большинстве случаев споры данной категории разрешаются в пользу потребителей. Тем не менее, существуют и такие случаи, когда в удовлетворении требований отказывается. Для исключения таких ситуаций необходимо убедить судебный орган в наличии причинно-следственной связи между причиненным вредом и тем, что он причинен конкретным заведением общественного питания, то есть необходимо правильно определить, какие именно факты входят в предмет доказывания и какие средства могут помочь в его формировании (о чем излагалось выше в настоящем исследовании).

Список литературы:

1. Пшецукова, К. Х. Правовое обеспечение предприятий общественного питания в РФ / К. Х. Пшецукова // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. - 2015. - № 23. - С. 186-190.
2. Что происходит на рынке общественного питания [Электронный ресурс] // URL: <https://milknews.ru/longridy/Chto-proishodit-na-rynke-obshhestvennogo-pitaniya.html>.
3. Число отравившихся шаурмой в пермском Кунгуре выросло до 73 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vesti.ru/article/4340770> (дата обращения: 20.02.2026).
4. Петрова А. Ю. Договор возмездного оказания услуг в сфере общественного питания / А.Ю. Петрова // Экономика и социум. - 2017. - № 1-2. - С. 321-324.
5. Межгосударственный стандарт ГОСТ 30389-2013 «Услуги общественного питания. Предприятия общественного питания. Классификация и общие требования» (с поправкой) // Официальное издание. - М.: Стандартинформ, 2019.
6. Межгосударственный стандарт ГОСТ 31984-2012 «Услуги общественного питания. Общие требования» // Официальное издание. - М.: Стандартинформ, 2019.
7. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1999. - № 14. - Ст. 1650.

8. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 7.11.2024 г. по делу № 8Г-25398/2024 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1310423062>.
9. Решение Вологодского городского суда Вологодской области от 10.09.2024 г. по делу № 2-9562/2024 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3NXN2Q> (дата обращения: 20.02.2026).
10. Решение Пушкинского районного суда Московской области от 10.12.2019 г. по делу № 2-5183/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3NUgvU> (дата обращения: 20.02.2026).
11. Решение Центрального районного суда г. Оренбурга от 16.04.2024 г. по делу № 2-86/2024 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3NXN6P> (дата обращения: 20.02.2026).
12. Определение Московского городского суда от 16.05.2018 г. по делу № 33-21308/2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/547927142> (дата обращения: 20.02.2026).
13. Решение Пролетарского районного суда г. Твери от 28.09.2020 г. по делу № 2-1037/2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3NUh8T> (дата обращения: 20.02.2026).
14. Решение Урицкого районного суда Орловской области от 26.03.2020 г. по делу № 2-2-26/2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3NUhGB> (дата обращения: 20.02.2026).
15. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.12.2019 г. по делу № 8Г-2189/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3NUhcs> (дата обращения: 20.02.2026).
16. Определение Вологодского областного суда от 03.04.2024 г. по делу № 33-1763/2024 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3NVAIM> (дата обращения: 20.02.2026).
17. Решение Железнодорожного городского суда Красноярского края от 11.07.2023 г. по делу № 2-1282/2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3NUhnT> (дата обращения: 20.02.2026).
18. Определение Челябинского областного суда от 14.03.2024 г. по делу № 11-3531/2024 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3NVB4e> (дата обращения: 20.02.2026).
19. Решение Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону от 13.05.2020 г. по делу № 2-370/2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3NUhxe> (дата обращения: 20.02.2026).
20. Определение суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 05.09.2017 г. по делу № 33-6327/17 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3NXNAw> (дата обращения: 20.02.2026).
21. Определение Московского областного суда от 02.09.2020 г. по делу № 33-21957/2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3NVAy4> (дата обращения: 20.02.2026).
22. Решение Центрального районного суда г. Читы от 26.06.2024 г. по делу № 2-3680/2024 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3NXNG3> (дата обращения: 20.02.2026).
23. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон № 14-ФЗ от 26.01.1996 г. (с изм. и доп.). // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
24. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. - 1992. - № 15. - Ст. 766.
25. Определение Верховного Суда Республики Крым от 21.03.2019 г. по делу № 33-2550/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/554490164> (дата обращения: 20.02.2026).
26. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.09.2019 г. по делу № 33-19489/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/563612874> (дата обращения: 20.02.2026).
27. Определение Воронежского областного суда от 11.07.2013 г. по делу № 33-3724/2013 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3Np4vt> (дата обращения: 20.02.2026).
28. Определение Амурского областного суда от 24.05.2021 г. по делу № 33АП-1760/2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3Np53H> (дата обращения: 20.02.2026).
29. Решение Братского городского суда Иркутской области от 30.01.2025 г. по делу № 2-17/2025 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3NXNMW> (дата обращения: 20.02.2026).
30. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.06.2021 г. по делу № 8Г-8948/2021 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/607383315>.
31. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.09.2022 г. по делу № 8Г-12434/2022 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/351782041>.
32. Определение Верховного Суда Республики Мордовия от 07.07.2020 г. по делу № 33-1008/2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/565759982> (дата обращения: 20.02.2026).
33. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 08.06.2022 г. по делу № 8Г-7000/2022 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/351324557>.
34. Определение Оренбургского областного суда от 04.04.2018 г. по делу № 33-2739/2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/557287123> (дата обращения: 20.02.2026).
35. Определение Краснодарского краевого суда от 25.06.2020 г. по делу № 33-14024/2020 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/565758428> (дата обращения: 20.02.2026).
36. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.11.2024 г. по делу № 8Г-21837/2024 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1310421665>.
37. Определение Саратовского областного суда от 05.12.2023 г. по делу № 33-10387/2023 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3NXNV5> (дата обращения: 20.02.2026).
38. Определение Московского городского суда от 02.06.2025 г. по делу № 33-10212/2025 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3Np5Go> (дата обращения: 20.02.2026).

39. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 49. - Ст. 5491.
40. Определение Ставропольского краевого суда от 27.05.2014 г. по делу № 33-3040/2014 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3Nt4CA> (дата обращения: 20.02.2026).
41. Определение Тюменского областного суда от 05.09.2022 г. по делу № 33-4463/2022 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3Nt4HM> (дата обращения: 20.02.2026).
42. Определение Самарского областного суда от 10.04.2025 г. по делу № 33-3052/2025 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3Nt4Rp> (дата обращения: 20.02.2026).
43. Определение Ростовского областного суда от 16.10.2019 г. по делу № 33-17846/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://clck.ru/3Nt4Wg> (дата обращения: 20.02.2026).

Starov D.A., Bakhrieva Z.R. Liability for causing harm in the sphere of providing public catering services: analysis of judicial practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 2. – S. 391-400.

This article examines the issue of liability for harm caused in the food service industry. The authors analyzed a large body of case law on consumer claims for legal protection following poor service from food service establishments, including those located outside the Russian Federation. They conclude that the most challenging issue in this area is proving harm caused at a specific food service establishment. They also identified circumstances that may indicate that harm to health occurred at a specific establishment. The need to prove the existence of a causal relationship between the resulting harm (deterioration of the plaintiff's health) and the actions of the defendant is also emphasized, and circumstances are given that are accepted by the courts as evidence of its absence.

Keywords: civil liability, consumer rights protection, material harm, moral harm, cause-and-effect relationship, catering services, food poisoning.

Spisok literatury:

1. Pshechukova, K. H. Pravovoe obespechenie predpriyatij obshchestvennogo pitaniya v RF / K. H. Pshechukova // *Ekonomika i upravlenie: analiz tendencij i perspektiv razvitiya*. - 2015. - № 23. - S. 186-190.
2. Chto proiskhodit na rynke obshchestvennogo pitaniya [Elektronnyj resurs] // URL: <https://milknews.ru/longridy/Chto-proishodit-na-rynke-obshchestvennogo-pitaniya.html>.
3. CHislo otravivshih'sya shaurnoj v permskom Kungure vyroslo do 73 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://www.vesti.ru/article/4340770> (data obrashcheniya: 20.02.2026).
4. Petrova A. YU. Dogovor vozmezdno go okazaniya uslug v sfere obshchestvennogo pitaniya / A.YU. Petrova // *Ekonomika i socium*. - 2017. - № 1-2. - S. 321-324.
5. Mezhhgosudarstvennyj standart GOST 30389-2013 «Uslugi obshchestvennogo pitaniya. Predpriyatiya obshchestvennogo pitaniya. Klassifikaciya i obshchie trebovaniya» (s popravkoj) // *Oficial'noe izdanie*. - M.: Standartinform, 2019.
6. Mezhhgosudarstvennyj standart GOST 31984-2012 «Uslugi obshchestvennogo pitaniya. Obshchie trebovaniya» // *Oficial'noe izdanie*. - M.: Standartinform, 2019.
7. O sanitarno-epidemiologicheskom blagopoluchii naseleniya: Federal'nyj zakon ot 30.03.1999 g. № 52-FZ // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. - 1999. - № 14. - St. 1650.
8. Opredelenie Shestogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 7.11.2024 g. po delu № 8G-25398/2024 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1310423062> (data obrashcheniya: 20.02.2026).
9. Reshenie Vologodskogo gorodskogo suda Vologodskoj oblasti ot 10.09.2024 g. po delu № 2-9562/2024 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3NXN2Q> (data obrashcheniya: 20.02.2026).
10. Reshenie Pushkinskogo rajonnogo suda Moskovskoj oblasti ot 10.12.2019 g. po delu № 2-5183/2019 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3NUgvU> (data obrashcheniya: 20.02.2026).
11. Reshenie Central'nogo rajonnogo suda g. Orenburga ot 16.04.2024 g. po delu № 2-86/2024 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3NXN6P> (data obrashcheniya: 20.02.2026).
12. Opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 16.05.2018 g. po delu № 33-21308/2018 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/547927142> (data obrashcheniya: 20.02.2026).
13. Reshenie Proletarskogo rajonnogo suda g. Tveri ot 28.09.2020 g. po delu № 2-1037/2020 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3NUh8T> (data obrashcheniya: 20.02.2026).
14. Reshenie Urickogo rajonnogo suda Orlovskoj oblasti ot 26.03.2020 g. po delu № 2-2-26/2020 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3NUhGB> (data obrashcheniya: 20.02.2026).
15. Opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 18.12.2019 g. po delu № 8G-2189/2019 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3NUhcs> (data obrashcheniya: 20.02.2026).
16. Opredelenie Vologodskogo oblastnogo suda ot 03.04.2024 g. po delu № 33-1763/2024 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3NVaim> (data obrashcheniya: 20.02.2026).
17. Reshenie Zheleznogorskogo gorodskogo suda Krasnoyarskogo kraya ot 11.07.2023 g. po delu № 2-1282/2023 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3NUhNT> (data obrashcheniya: 20.02.2026).
18. Opredelenie CHelyabinskogo oblastnogo suda ot 14.03.2024 g. po delu № 11-3531/2024 [Elektronnyj resurs]

resurs] // URL: <https://clck.ru/3NVB4e> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

19. Reshenie Kirovskogo rajonnogo suda g. Rostova-na-Donu ot 13.05.2020 g. po delu № 2-370/2020 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3NUhxe> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

20. Opredelenie suda Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga-Yugry ot 05.09.2017 g. po delu № 33-6327/17 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3NXNAw> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

21. Opredelenie Moskovskogo oblastnogo suda ot 02.09.2020 g. po delu № 33-21957/2020 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3NVAy4> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

22. Reshenie Central'nogo rajonnogo suda g. Chity ot 26.06.2024 g. po delu № 2-3680/2024 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3NXNG3> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

23. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya): Federal'nyj zakon № 14-FZ ot 26.01.1996 g. (s izm. i dop.). // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. - 1996. - № 5. - St. 410.

24. O zashchite prav potrebitel'ev: Zakon Rossijskoj Federacii ot 07.02.1992 g. № 2300-I // Vedomosti S"ezda narodnyh deputatov Rossijskoj Federacii i Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federacii. - 1992. - № 15. - St. 766.

25. Opredelenie Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 21.03.2019 g. po delu № 33-2550/2019 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/554490164> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

26. Opredelenie Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda ot 10.09.2019 g. po delu № 33-19489/2019 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/563612874> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

27. Opredelenie Voronezhskogo oblastnogo suda ot 11.07.2013 g. po delu № 33-3724/2013 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3Np4vt> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

28. Opredelenie Amurskogo oblastnogo suda ot 24.05.2021 g. po delu № 33AP-1760/2021 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3Np53H> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

29. Reshenie Bratskogo gorodskogo suda Irkutskoj oblasti ot 30.01.2025 g. po delu № 2-17/2025 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3NXNMW> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

30. Opredelenie Vos'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 18.06.2021 g. po delu № 8G-8948/2021 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/607383315>.

31. Opredelenie Sed'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 08.09.2022 g. po delu № 8G-12434/2022 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/351782041>.

32. Opredelenie Verhovnogo Suda Respubliki Mordoviya ot 07.07.2020 g. po delu № 33-1008/2020 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/565759982> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

33. Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 08.06.2022 g. po delu № 8G-7000/2022 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/351324557> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

34. Opredelenie Orenburgskogo oblastnogo suda ot 04.04.2018 g. po delu № 33-2739/2018 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/557287123> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

35. Opredelenie Krasnodarskogo kraevogo suda ot 25.06.2020 g. po delu № 33-14024/2020 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/565758428> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

36. Opredelenie Tret'ego kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 06.11.2024 g. po delu № 8G-21837/2024 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1310421665> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

37. Opredelenie Saratovskogo oblastnogo suda ot 05.12.2023 g. po delu № 33-10387/2023 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3NXNV5> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

38. Opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 02.06.2025 g. po delu № 33-10212/2025 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3Np5Go> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

39. Ob osnovah turistskoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 24.11.1996 g. № 132-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. - 1996. - № 49. - St. 5491.

40. Opredelenie Stavropol'skogo kraevogo suda ot 27.05.2014 g. po delu № 33-3040/2014 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3Nt4CA> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

41. Opredelenie Tyumenskogo oblastnogo suda ot 05.09.2022 g. po delu № 33-4463/2022 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3Nt4HM> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

42. Opredelenie Samarskogo oblastnogo suda ot 10.04.2025 g. po delu № 33-3052/2025 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3Nt4Rp> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

43. Opredelenie Rostovskogo oblastnogo suda ot 16.10.2019 g. po delu № 33-17846/2019 [Elektronnyj resurs] // URL: <https://clck.ru/3Nt4Wg> (data obrashcheniya: 20.02.2026).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 401-405.

УДК: 343.3.7

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ ПРИМЕНЕНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ В РАСПРЕДЕЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ БЛАГ

Ходусов А. А.

ОЧУ ВО "Международный юридический институт"

Статья посвящена углубленному исследованию уголовно-правовых рисков, возникающих вследствие внедрения автоматизированных систем принятия решений в области социального обеспечения населения. Основное внимание уделяется проблемам алгоритмической предвзятости и дискриминации, нарушению конституционного права граждан на социальную защиту, вопросам идентификации субъектов потенциальной уголовной ответственности, включая ответственность разработчиков программного обеспечения и операторов автоматизированных платформ. Изучается международно-правовой опыт и проводится сравнительный анализ российского законодательства, выявляются пробелы и коллизии правовых норм, препятствующие эффективному регулированию указанных процессов. Обосновываются конкретные меры законодательного характера, направленные на минимизацию юридических рисков и повышение уровня правовой защищенности граждан в условиях цифровизации социальной сферы. Результаты исследования представляют теоретический интерес для ученых-юристов и практическое значение для законодателей и сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: автоматизированные системы принятия решений, искусственный интеллект, уголовно-правовые риски, алгоритмическая дискриминация, социальные льготы, цифровизация, уголовная ответственность, государственное управление, цифровизация.

Цифровая трансформация государственного управления приводит к широкому внедрению автоматизированных систем принятия решений (далее - АСПР) в сферу распределения социальных благ - назначения пенсий, пособий, субсидий и иных форм социальной поддержки. По данным Министерства цифрового развития РФ, к 2024 году более 70% государственных услуг в социальной сфере предоставляются с использованием элементов автоматизации [1, с. 264-265].

Вместе с тем внедрение АСПР порождает серьезные правовые риски, в том числе в уголовно-правовой сфере. Алгоритмы могут воспроизводить социальные предубеждения, приводить к необоснованным отказам в социальной помощи, создавать условия для злоупотреблений. Целью настоящего исследования является выявление и систематизация уголовно-правовых рисков применения АСПР и разработка предложений по совершенствованию законодательства.

Под автоматизированными системами принятия решений понимаются программно-технические комплексы, осуществляющие сбор, обработку и анализ данных с целью формирования решений о предоставлении либо отказе в предоставлении социальных благ.

В зависимости от степени автономности выделяют: системы полной автоматизации (решение принимается алгоритмом без участия человека); системы частичной автоматизации (алгоритм формирует рекомендацию, окончательное решение принимает должностное лицо); системы поддержки принятия решений (алгоритм обрабатывает информацию без формулирования рекомендаций) [2, с. 63-75].

В России наиболее значимыми АСПР являются Единая государственная информационная система социального обеспечения (ЕГИССО), автоматизированные под-

системы Социального фонда России, региональные информационные системы социальной защиты.

Международный опыт свидетельствует о рисках таких систем. В Нидерландах система SyRI для выявления мошенничества при получении выплат была признана незаконной в 2020 году. В Австралии система Robodebt, автоматически формирующая требования о возврате пособий, привела к масштабному скандалу и выплате компенсаций на сумму более 1,8 миллиарда долларов [3, с. 45-49].

Характеризуя уголовно-правовые риски, возникающие при применении автоматизированных систем, в первую очередь следует говорить об алгоритмической дискриминации, представляющей - систематическое неравное обращение с лицами, обусловленное особенностями функционирования алгоритмов. Она проявляется в следующих формах:

Прямая дискриминация возникает при непосредственном использовании алгоритмом защищенных признаков (раса, пол, возраст, инвалидность). Такие действия могут квалифицироваться по ст. 136 УК РФ как нарушение равенства прав и свобод человека.

Косвенная дискриминация имеет место при использовании нейтральных признаков (почтовый индекс, история занятости), коррелирующих с защищенными характеристиками. Исследования показывают, что такие системы воспроизводят историческое неравенство [4, с. 82-89].

С точки зрения уголовного права дискриминационные решения АСПР могут влечь ответственность по статьям - 136 (нарушение равенства прав), 285 (злоупотребление должностными полномочиями), 293 (халатность) УК РФ.

Также имеют место риски нарушения права на социальное обеспечение.

Конституция РФ гарантирует каждому социальное обеспечение (статья 39). Ошибочное функционирование АСПР может приводить к необоснованным отказам в реализации данного права.

Незаконный отказ в назначении выплат, обусловленный некорректной работой алгоритма, может квалифицироваться как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), если должностное лицо осознавало дефекты системы; халатность (ст. 293 УК РФ) при ненадлежащем контроле за работой системы.

Особую проблему представляет «автоматизированный отказ» - отклонение заявления без мотивированного обоснования, что нарушает право на обжалование и создает условия для произвола.

Особое место занимают риски в сфере персональных данных [4, с. 82-89].

Функционирование АСПР предполагает обработку значительных массивов персональных данных. Нарушения могут влечь ответственность по статьям - 137 (нарушение неприкосновенности частной жизни), 272 (неправомерный доступ к компьютерной информации), 274 (нарушение правил эксплуатации средств хранения информации) УК РФ.

Федеральный закон «О персональных данных» требует получения согласия субъекта на принятие решений, основанных исключительно на автоматизированной обработке его данных (статья 16).

Отметим и коррупционные риски. Внедрение АСПР трансформирует, но не устраняет коррупционные риски. Выделяют: коррупцию при разработке систем

(взятка за включение выгодных правил в алгоритм); манипулирование входными данными; злоупотребление административным доступом [5, с. 12-19].

Автоматизация перемещает коррупцию на этап формирования правил и алгоритмов, делая ее менее заметной, но потенциально более масштабной.

Определение субъекта ответственности за вред, причиненный АСПР, - одна из сложнейших проблем. Уголовное право основано на принципе личной виновной ответственности физического лица, что создает затруднения при квалификации деяний, связанных с алгоритмическими решениями.

Разработчики АСПР могут нести ответственность за умышленное создание системы с противоправными функциями или сокрытие известных дефектов. Однако привлечение к ответственности затруднено коллективным характером разработки, использованием открытого кода и непредсказуемостью систем машинного обучения. Операторы (государственные органы) отвечают за надлежащее функционирование систем. Должностные лица могут привлекаться за внедрение заведомо дефектной системы, ненадлежащий контроль, игнорирование сигналов о сбоях [6, с. 351-357]. Пользователи (сотрудники) несут ответственность за умышленное введение недостоверных данных, игнорирование очевидных ошибок системы, злоупотребление административными правами. Практика показывает склонность сотрудников к «автоматизационной предвзятости» - чрезмерному доверию к компьютерным решениям.

В современных АСПР решение формируется взаимодействием множества факторов, что создает проблему «распределенной» ответственности, когда невозможно установить конкретное лицо, действия которого привели к противоправному результату [7, с. 175-181].

Обратим внимание на зарубежный опыт правового регулирования.

Европейский союз. Регламент ЕС об искусственном интеллекте (AI Act, 2024) вводит риск-ориентированный подход. Системы в сфере социального обеспечения отнесены к категории «высокого риска» и подлежат обязательной сертификации и аудиту. Штрафы достигают 35 миллионов евро.

Нидерланды. Решение Гаагского суда 2020 г. по делу SyRI признало применение системы нарушением ст. 8 Европейской конвенции о правах человека. Суд установил чрезмерный объем обрабатываемых данных, недостаточную прозрачность алгоритма, риски дискриминации.

Австралия. Королевская комиссия по делу Robodebt (2023) установила, что должностные лица знали о дефектах системы, но продолжали эксплуатацию. Комиссия рекомендовала рассмотреть уголовное преследование за мошенничество и злоупотребление служебным положением [8, с. 5-17].

Что касается российской правовой базы, то следует подчеркнуть, что правовую основу регулирования АСПР составляют: Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон «О персональных данных», Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта декларирует необходимость формирования комплексной системы регулирования, включая определе-

ние правовых и этических норм. Однако специальное законодательство об ответственности за вред от АСПР отсутствует [9, с. 85-102].

Квалификация деяний осуществляется по общим статьям УК РФ: статья 136 (нарушение равенства прав) - при умышленной дискриминации; статья 159.2 (мошенничество при получении выплат) - при манипулировании системой; статья 272 (неправомерный доступ к компьютерной информации); статья 285 (злоупотребление должностными полномочиями); статья 293 (халатность).

Анализ судебной практики показывает практическое отсутствие уголовных дел, связанных с неправомерным функционированием АСПР. Это объясняется новизной применения систем, сложностью доказывания, недостаточной технической подготовкой правоохранительных органов.

Обобщая результаты проведенного исследования, можно предложить следующие меры для совершенствования отечественного законодательства.

1. Введение специальных норм. Целесообразно дополнить УК РФ статьей об ответственности за алгоритмическую дискриминацию - разработку, внедрение или использование АСПР, заведомо содержащей дискриминационные алгоритмы, с квалифицирующим признаком использования служебного положения.

2. Уточнение существующих норм: в примечании к ст. 285 УК РФ разъяснить, что злоупотребление включает умышленное использование заведомо дефектных систем; в статье 293 УК РФ конкретизировать, что халатность может выражаться в ненадлежащем контроле за АСПР.

3. Процессуальные меры: развитие судебной компьютерно-технической экспертизы алгоритмов; создание специализированных подразделений в правоохранительных органах; разработка методических рекомендаций по расследованию; обеспечение сохранения протоколов работы систем.

4. Превентивные меры: обязательная сертификация АСПР в социальной сфере; регулярный аудит алгоритмов на предмет дискриминации; создание механизмов обжалования автоматизированных решений; обеспечение объяснимости алгоритмов.

Таким образом, автоматизированные системы принятия решений все шире применяются в распределении социальных благ, создавая как возможности для повышения эффективности, так и существенные правовые риски.

Уголовно-правовые риски включают алгоритмическую дискриминацию, нарушение права на социальное обеспечение, незаконную обработку персональных данных, коррупционные злоупотребления. Ключевой проблемой является определение субъекта ответственности в условиях распределенного принятия решений.

Зарубежный опыт свидетельствует о необходимости комплексного подхода, включающего превентивные меры и механизмы ответственности. Российское законодательство нуждается в совершенствовании: введении специальных норм, уточнении существующих составов, развитии процессуальных механизмов.

Дальнейшее развитие технологий искусственного интеллекта будет усиливать актуальность рассмотренных проблем, что требует опережающего реагирования законодателя.

Список литературы:

1. Бегишев И.Р. Уголовно-правовые проблемы робототехники и искусственного интеллекта. М.: Проспект, 2022. 264-265 с.

2. Грачева Ю.В. Уголовно-правовое регулирование в сфере компьютерной информации // Lex Russica. 2020. № 7. С. 63-75.
3. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2020. - 45-49 с.
4. Незнамов А.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 82-89 с.
5. Номоконов В.А. Преступность в сфере высоких технологий // Криминологический журнал. 2021. № 2. С. 12-19.
6. Рарог А.И. Уголовное право России. М.: Проспект, 2023. 351-357 с.
7. Соломонович И.Г. Уголовная ответственность за вред, причиненный ИИ // Пробелы в российском законодательстве. 2021. № 4. С. 175-181.
8. Талапина Э.В. Право и цифровизация // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5-17.
9. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85-102.

Khodusov A. A. Criminal and legal risks of using automated systems in the distribution of social benefits // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 401-405.

This article is devoted to an in-depth study of the criminal law risks arising from the introduction of automated decision-making systems in the field of social security. The main focus is on the problems of algorithmic bias and discrimination, the violation of citizens' constitutional right to social protection, and the identification of potential criminal liability, including the liability of software developers and operators of automated platforms. The article examines international legal experience and conducts a comparative analysis of Russian legislation, identifying gaps and conflicts in legal norms that hinder the effective regulation of these processes. The article substantiates specific legislative measures aimed at minimizing legal risks and increasing the level of legal protection for citizens in the context of digitalization of the social sphere. The results of the study are of theoretical interest to legal scholars.

Keywords: automated decision-making systems, artificial intelligence, criminal risks, algorithmic discrimination, social benefits, digitalization, criminal liability, public administration, digitalization.

Spisok literatury:

1. Begishev I.R. Uголовно-pravovye problemy robototekhniki i iskusstvennogo intellekta. M.: Prospekt, 2022. 264-265 s.
2. Gracheva YU.V. Uголовно-pravovoe regulirovanie v sfere komp'yuternoj informacii // Lex Russica. 2020. № 7. S. 63-75.
3. Morhat P.M. Iskusstvennyj intellekt: pravovoj vzglyad. M.: Buki Vedi, 2020. 45-49 s.
4. Neznamov A.V. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta. M.: Infotropik Media, 2021. 82-89 s.
5. Nomokonov V.A. Prestupnost' v sfere vysokih tekhnologij // Kriminologicheskij zhurnal. 2021. № 2. S. 12-19.
6. Rarog A.I. Uголовное право Rossii. M.: Prospekt, 2023. 351-357 s.
7. Solomonenko I.G. Uголовnaya otvetstvennost' za vred, prichinennyj II // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2021. № 4. S. 175-181.
8. Talapina E.V. Pravo i cifrovizaciya // ZHurnal rossijskogo prava. 2018. № 2. S. 5-17.
9. Habrieva T.YA., CHernogor N.N. Pravo v usloviyah cifrovoj real'nosti // ZHurnal rossijskogo prava. 2018. № 1. S. 85-102.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 406-413.

УДК: 342.95

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ИСПОЛНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цындра В. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье актуализируется и обосновывается необходимость исследования проблематики теории и практики формирования и реализации государственной политики в области исполнения административных наказаний в Российской Федерации.

Проанализированы статистические данные, отражающие результаты исполнения административных наказаний в Российской Федерации. Обращено внимание на проблемах недостаточной эффективности исполнения отдельных видов административных наказаний, а также назначаемых за административные правонарушения, совершаемые в определённых областях. Систематизированы факторы, влияющие на реформирование материального и процессуального законодательства, регулирующего исполнение административных наказаний, и, в первую очередь, отсутствие концептуальных основ административно-наказательной политики в Российской Федерации в целом, и такой её составляющей как государственная политика в области исполнения административных наказаний, в частности. Высказано предположение о том, что проведение комплексного исследования содержания государственной политики в области исполнения административных наказаний, позволит сформировать её концептуальные основы, научно обосновать предложения для совершенствования соответствующих норм права об административной ответственности и повышения эффективности их применения (в том числе, и для обоснования новелл в проектах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального Кодекса об административных правонарушениях). Раскрыто состояние научной разработки этой темы, цели, задачи, методология нормативная и эмпирическая основа данного исследования. Для повышения объективности выводов и рекомендаций признано целесообразным использование аналитических методов для изучения правоприменительной практики, отечественных и зарубежных моделей государственной политики в области исполнения административных наказаний. Определены основные направления внедрения результатов, полученных в результате исследования, в образовательную, правотворческую деятельность и правоприменительную практику.

Ключевые слова: актуализация проблематики, административно-правовое исследование, административные наказания, государственная политика Российской Федерации в области исполнения административных наказаний, кодификация

Обеспечение прав и свобод человека в Российской Федерации выступает целью функционирования государственных институций и основным ориентиром для проводимых в нашей стране системных реформ. При этом, сложность процессов, сопровождающих развитие РФ на современном этапе, определяет содержание этих реформ в экономике, политике, государственном управлении, детерминируя необходимость разработки и внедрения в практику правовых механизмов, обеспечивающих защиту личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз.

К внутренним угрозам, которые, по нашему мнению, существенно влияют на состояние правопорядка, относятся административные правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, экстремистскими действиями, противоправным использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также совершаемых в области безопасности дорожного движения, в сфере миграции, против общественного порядка и общественной безопасности.

Так, данные статистики свидетельствуют о том, что только органами внутренних дел в 2024 г. выявлено 255,1 млн. административных правонарушений (+6,3% по сравнению с 2023 г.) из них 236,8 млн. возбуждено в отношении собственников транспортных средств (по сравнению с 2019 годом их число выросло на 109 млн. правонарушений (+175,6%); за нарушение миграционного законодательства долж-

ностными лицами полиции в отношении иностранцев и лиц без гражданства составлено 3,36 млн. протоколов об административных правонарушениях (в 2023 г. – 2,34 (+43%); в 2022-2024 гг. из общего числа административных правонарушений, рассмотренных судами, более 40 % составляли правонарушения, ответственность за которые предусмотрена Главой 20 КоАП РФ [1, с. 6; 2; 3].

Подобная ситуация обусловлена не только внедрением современных технологий фиксации нарушений правил дорожного движения, но и необходимостью стабилизации миграционных процессов, противодействия экстремизму и терроризму, усилением защиты интересов государства в области национальной безопасности и суверенитета.

К числу реформ в правовой сфере, основанных на обновлении идеологии взаимодействия государства и общества, приоритетности права человека и усиления государственных гарантий их защиты, следует относить и системную трансформацию законодательства РФ об административной ответственности.

Важнейшими результатами реформирования административно-деликтного законодательства следует признать разработку Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (2019 г.), подготовку на его основе проектов Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП) и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – ПКоАП) (2020-2021 гг.), а также внедрение ряда ключевых идей, отраженных в этих документах, в действующий КоАП (2019-2025 гг.) [4-7].

В части исполнения административных наказаний они касались: применения отсрочки или рассрочки исполнения административного штрафа иностранным гражданами и лицами без гражданства, которым он назначен одновременно с административным выдворением за пределы РФ (ч. 3 ст. 31.5 КоАП РФ); определение последствий принесения протеста на постановление о назначении ряда административных наказаний (ч. 2 и ч. 3 ст. 31.6 КоАП РФ), порядка обращения с различными вещами, предметами, которые конфискованы по решению суда (ч. 1.1-6 ст. 32.4 КоАП РФ); уплаты административного штрафа иностранным гражданином, введении «дисконта» и особого его уплаты за отдельные административные правонарушения (например, предусмотренные Главами 5, 7, 12-15, 19, 20 КоАП РФ) (ст. 32.2 КоАП РФ); исполнения постановления о лишении права управления транспортным средством соответствующего вида или другими видами техники в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (ст. 32.6.1, ч. 1.2 и ч.1.3 ст. 37.2 КоАП РФ); уточнения процедуры и перечня субъектов исполнения постановления об административном выдворении за пределы Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства (п. 2 ч.1 ст. 32.9, ч. 1.1 и ч. 1.2 ст. 32.10 КоАП РФ); реализации субъектами административной юрисдикции административного приостановления (ч. 3 ст. 32.12 КоАП РФ); дополнения перечня обстоятельств, при наличии которых лицо, которому назначено административное наказание в виде обязательных работ, вправе обратиться в суд с ходатайством об освобождении от дальнейшего отбывания обязательных работ (ч. 7 ст. 32.13 КоАП РФ) и др.

Несмотря на значительную работу по подготовке новых КоАП и ПКоАП (проведение комплекса организационных мероприятий по консолидации усилий субъектов правотворчества, правоведов, представителей гражданского сообщества, бизнес-структур по разработке и обсуждению текстов этих законопроектов, широкой кампании по освещению основных его положений в средствах массовой информации,

формулирования их окончательных редакций, учитывающих результаты общественных обсуждения, в том числе и в условиях ограничений, установленных в связи с распространением коронавирусной инфекции), эти документы не стали предметом рассмотрения в парламенте, и, по сути, являются моделями соответствующих нормативных правовых актов.

Считаем, что одним из факторов, которые замедляют завершение кодификации законодательства РФ, является отсутствие научно-обоснованной и нормативно закрепленной модели административно-деликтной политики и её составляющей – государственной политики в области административных наказаний (административно-наказательной политики).

Длительное отсутствие единого понимания основ регулирования административно-деликтных отношений, корреспондированных с другими видами государственных, в первую очередь, деликтных политик (в области контрольно-надзорной деятельности, сфере национальной безопасности, уголовно-правовой, уголовно-исполнительной), механизмов реализации целей административной ответственности и административных наказаний, а также повышения их эффективности в современных условиях, приводит не только к нестабильности административного законодательства в этой сфере, но и восприятию обществом административно-наказательной политики как исключительно репрессивно-фискального инструмента государства, с помощью которого не удастся в полной мере реализовывать предупредительную, воспитательную и восстановительную функции административного наказания.

В контексте достижения целей административного наказания важное место занимает своевременное и правильное (в установленных законодательством форме и объемах) исполнение постановлений об их назначении. По справедливому утверждению А.В. Семенистого по результату «реализации», «осуществления» административного наказания «...можно судить об эффективности правоприменительной деятельности», а неисполнение соответствующих постановлений «...делает бессмысленным их вынесение юрисдикционными органами, приводит к незащищенности участников административных правоотношений, обесценивает усилия по выявлению и пресечению правонарушений, подрыву авторитета юрисдикционных органов», а также может приводить к «...безнаказанности правонарушителей, поощряя их к совершению новых правонарушений и создавая негативный пример другим лицам» [8, с. 7-8].

Характер общественных отношений, которые формируются в процессе исполнения административных наказаний (состав их участников, сущность действий и мер по исполнению принятых уполномоченными органами постановлений (процессуальных и организационно-технических), наличие признаков, присущих самостоятельному виду правоохранительной деятельности, связь с другими фазами развития производства по делам об административных правонарушениях и этапами реализации санкций норм права об административной ответственности, позволяет предположить, что дальнейшее развитие данного института целесообразно осуществлять с учетом концептуальных положений государственной политики в области назначения административных наказания ((в качестве отдельной части государственной политики в области реализации административных наказаний (раздела в соответствующем правовом документе (акте)).

Потребность в оптимизации механизма реализации административных наказаний в России обуславливается также и необходимостью повышения исполнимости их отдельных видов или назначаемых за административные правонарушения, совершае-

мые в определённых областях.

Например, по данным Федеральной службы судебных приставов из 38 364 725 исполнительных производств о взыскании административных штрафов, возбужденных в 2024 г. (общая сумма – 157 178 845), на конец отчетного периода неисполненными остались 8 696 344 производств (сумма – 48 437 621) (22,6%); сумма, перечисленная в бюджетную систему РФ в результате деятельности судебных приставов-исполнителей, составила 33 834 996 или 21,5% [9].

Наименьшая доля оплаченных штрафов наблюдается за нарушения требований по обеспечению безопасности дорожного движения при содержании дорог (33,1%), управление транспортными средствами водителями, не имеющими либо лишенными права управления и при этом управлявшими ними в состоянии опьянения (32,7%) или отказавшимися от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (25,3%), а исполнения постановлений о лишении права управления транспортным средством – по делам об административных правонарушениях, связанных с причинением легкого или средней тяжести вреда здоровью вследствие нарушения ПДД (ст. 12.24 КоАП РФ) – 44,6%, а также движение во встречном направлении по дороге с односторонним движением (ч. 3 и 3.1 ст. 12.16 КоАП РФ) – 48,4% [10, с. 34-35]. Кроме этого, в 2023-2024 году сумма административного штрафа, взысканная с юридических лиц в добровольном порядке за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.28 КоАП «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица», составила 39,1% и 55,1%, в численном выражении Государственный бюджет России недополучил более 292 млн. руб. [11]

Снижение предупредительного эффекта административных наказаний отразилось и на увеличении случаев криминализации неоднократного (повторного) совершения административных правонарушений (например, побоев (ст. 116.1 УК РФ, мелкого хищения (ст. 151.1 УК РФ), незаконного оборота янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга (ст. 191 УК РФ), самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведения их в негодность (ст. 215.3 УК РФ), нарушения требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) (ст. 217.3 УК РФ), нарушение правил охраны и использования недр (ч. 2 ст. 255 УК РФ), управления транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264.1 УК РФ) и др.) [12].

Интерпретация приведенных выше данных демонстрирует наличие негативных тенденций, устранение которых требует разработки научно обоснованных предложений, учитывающих отечественный и зарубежный опыт государственной политики в области исполнения административных наказаний, современное состояние и перспективы развития общественных отношений, соответствующих институциональных, организационных, информационных и технологических механизмов её формирования и реализации. Думается, что проведение комплексного исследования государственной политики в области исполнения административных наказаний в РФ, может быть признано актуальным и своевременным.

Теоретической базой исследования являются работы теоретиков права, административистов, криминологов, политологов, специалистов в области государственного управления, в которых сформулированы ключевые подходы к формированию нормативных основ исполнения административных наказаний,

раскрывается взаимозависимость с процессами исполнения уголовных наказаний, реализации финансовых и других санкций, разработаны механизмы претворения общественного запроса в государственно-правовые решения и конструирования соответствующих правовых норм. Среди них можно выделить работы Д.Н. Бахраха, Э.Е. Гензюка, В.В. Денисенка, А.Н. Дерюги, А.С. Дерюги, А.С. Дугенца, И.Ш. Киясханова, А.Н. Жеребцова, А.А. Захарова, О.А. Заярного, С.М. Зырянова, В.В. Игнатенко, Е.В. Ивневой, А.В. Кирина, В.К. Колпакова, И.В. Максимова, Е.А. Мамаева, И.Н. Марины, Д.Н. Мышляева, Е.Н. Николенко, М.И. Никулина, В.М. Паламарчука, А.В. Погодина, Ю.И. Попугаева, Е.А. Прошина, О.С. Рогачовой, Н.Г. Салищевой, В.Е. Севрюгина, И.Е. Сенникова, П.П. Серкова, Ю.П. Соловья, Ю.Н. Старилова, А.С. Родионовой, Т.Ю. Фалькиной, А.П. Шергина и др.

Непосредственно проблематика исполнения административных наказаний как части административно-наказательной политики, реализации их целей в целом и в контексте их разновидностей, отражена в научных изысканиях А.А. Беженцева, С.Н. Бочарова, А.В. Буткова, Д.А. Газизова, А.А. Гришковца, О.С. Захаровой, Р.В. Зелепукина, А.В. Корепиной, Н.А. Корсиковой, С.И. Корыца, В.А. Круглова, Н.Ю. Куприной, А.В. Куракина, В.К. Ладутько, В.И. Мельниковой, А.В. Равнюшкина, А.Г. Репьева, Н.П. Парыгина, Л.Л. Попова, В.А. Селезнёва, А.П. Солдатова, А.Ю. Соколова, В.Г. Татаряна, С.Н. Шаклеина и др.

Изучение значительного массива учебных и научных материалов позволяет к целям такого исследования относить: характеристику теоретических, правовых и организационных основ формирования и реализации государственной политики в области исполнения административных наказаний, а также разработку научно-обоснованных предложения для совершенствования правового регулирования в этой сфере.

Достижение указанной выше цели предусматривает решение следующих задач: формулирование основных понятий, отражающих сущность государственной политики в области исполнения административных наказаний (её дефиниции, целей, задач, функций, принципов), а также раскрытие её содержания; характеристика основных элементов механизма правового регулирования государственной политики в области исполнения административных наказаний; выявление проблем, возникающих в процессе конструирования материальных и процессуальных норм, регламентирующих исполнение административных наказаний; характеристика позитивного зарубежного опыта нормативного закрепления и реализации данного административно-деликтного института; разработка предложений, направленных на совершенствование нормопроектной работы по устранению пробелов и недостатков в законодательстве об административной ответственности, а также правоприменительной практике субъектов административной юрисдикции и других участников процесса исполнения административных наказаний.

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с обоснованием, нормативным закреплением и организационным обеспечением процесса исполнения административных наказаний.

Предмет исследования – закономерности формирования и реализации государственной политики РФ в области исполнения административных наказаний.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что проведение комплексного анализа содержания государственной политики в области исполнения административных наказаний, позволит сформировать её концептуальные основы, научно обосновать предложения для совершенствования соответствующих норм права об административной ответственности и повышения эффективности их при-

менения (в том числе, и для обоснования новелл в проектах Кодекса РФ об административных правонарушениях и Процессуального Кодекса об административных правонарушениях).

Методологическую основу исследования составляют современные общие и частнонаучные методы познания, базирующиеся на диалектическом и системном подходе к изучению социально-правовых явлений. Они позволят определить место политики в области исполнения административных наказаний как части административно-наказательной политики, а также изучить её проявления как элемента государственно-политической деятельности (в первую очередь, политики в области национальной безопасности и охраны общественного порядка и т.п.).

Среди общенаучных методов в работе применялись: анализ и синтез – для детализации правовых явлений и их описания на основе описания связей и зависимостей между ними; методы обобщения, группировки – для систематизации и классификации функций, принципов, а также субъектов государственной политики в области административных наказаний; функциональный метод – для конкретизации её основных направлений, задач и полномочий субъектов её формирования и реализации; статистический метод – для обобщения и интерпретации результатов правоприменительной практики, отражающих результаты исполнения административных наказаний и др.

Частнонаучные методы позволят: проследить особенности становления государственной политики в области исполнения административных наказаний в различные периоды российской государственности (историко-правовой); рассмотреть зарубежный опыт её формирования и реализации, а также оценить возможность его имплементации в России (сравнительно-правовой); определить перспективы развития административного законодательства, регулирующего основы исполнения административного наказания, при изменении соответствующей концепции (метод правового прогнозирования и правового моделирования) и др.

Кроме этого, планируется использоваться методы социологических исследований – анкетирование, опрос и интервьюирование должностных лиц органов административной юрисдикции по проблемам оценивания эффективности административных наказаний, разработки предложений для оптимизации особенностей их исполнения и др.

Нормативная основа исследования включает Конституцию России, Кодекс РФ об административных правонарушениях, решения Конституционного Суда России, нормативные акты органов государственной власти, касающиеся нормативного закрепления, назначения и исполнения административных наказаний, политико-правовые документы (послания Президента России, программы политических партий и т.п.) др.

Эмпирическая база будет представлена результатами обобщения судебной статистики, правоприменительной практики субъектов административно-юрисдикционной деятельности (органов внутренних дел и других государственных органов) за 2021-2025 гг., материалов законопроектной деятельности, а также публикации в открытых источниках, в том числе размещенных в сети Интернет.

Кроме этого, предусмотрено проведение анализа законодательных и подзаконных актов зарубежных государств (Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Молдовы, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, Туркменистана и др.), регулирующие исполнение административных наказаний.

Результаты исследования предполагается внедрить в учебный процесс Краснодарского университета МВД России, практику МВД по Республике Крым и нормотворческую деятельность субъектов законодательной инициативы (МВД России).

Приведенные выше положения, актуализирующие необходимость изучения проблем формирования и реализации государственной политики в области исполнения административных наказаний, отражают механизм и инструменты решения соответствующей исследовательской задачи, формируют методологический каркас исследования, а также определяют его место в системе знаний об особенностях отечественной административно-наказательной политики.

Список литературы:

1. Баканов К.С., Ляхов П.В., Исаев М.М. и др. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году: информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. 108 с.
2. Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2024 года // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223/> (дата обращения: 10.12.2025).
3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2022 г., 2023, 2024 гг.: Форма № 1-АП. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 10.12.2025).
4. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. URL: <http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBIwIAY7khO7NAt9EL.pdf> (дата обращения: 10.12.2025).
5. Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.05.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
6. Проект «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099061) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.05.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант»; Минюст переработал все части КоАП. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1137559/2021-03-16/minjust-pererabotal-vse-chasti-koap> (дата обращения: 10 декабря 2025 г.).
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изменениями на 04 ноября 2025 г.) // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант»/
8. Семенистый, А.В. Правовые и организационные основы исполнения органами внутренних дел постановлений о назначении административных наказаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. – М., 2004. – 25 с.
9. Сведения о взыскании ФССП России денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации за январь-декабрь 2024 г. // https://fssp.gov.ru/storage/77cd70cd-ba78-4085-83e9-f8d447fb3b6e/02025/vso_2024_12.zip. (дата обращения: 10.12.2025).
10. Баканов К.С., Ляхов П.В., Исаев М.М. и др. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году: информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. – 120 с.
11. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2024 г.: Форма № 1-АП. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 10.12.2025).
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».

Tsyndrya V.N. Update of the research on state policy in the field of execution of administrative punishments in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 406-413.

This article highlights and substantiates the need to study the theory and practice of formulating and implementing state policy on the enforcement of administrative penalties in the Russian Federation. Statistical data reflecting the results of administrative penalty enforcement in the Russian Federation are analyzed. Attention is drawn to the problems of insufficient enforcement of certain types of administrative penalties, as well as those imposed for administrative offenses committed in certain areas. The factors influencing the reform of substantive and procedural legislation governing the enforcement of administrative penalties are systematized, primarily the lack of a conceptual framework for administrative penalties policy in the Russian Federation in general, and for such a component as state policy on the enforcement of administrative penalties in particular. It is suggested that a comprehensive study of the content of state policy in the area of administrative penalty enforcement will help formulate its conceptual foundations, provide scientific substantiation for proposals to

improve relevant legal norms on administrative liability, and enhance the effectiveness of their application (including substantiating amendments to the draft Code of the Russian Federation on Administrative Offenses and the Procedural Code on Administrative Offenses). The article discusses the state of scientific research on this topic, the goals, objectives, methodology, and the normative and empirical basis of this study. To enhance the objectivity of the conclusions and recommendations, it is deemed appropriate to use analytical methods to study law enforcement practice and domestic and foreign models of state policy in the area of administrative penalty enforcement. The article identifies key areas for implementing the research findings in educational, lawmaking, and law enforcement practice.

Keywords: updating the topic, administrative and legal research, administrative penalties, state policy of the Russian Federation in the area of administrative penalty enforcement, codification.

Spisok literatury:

1. Bakanov K.S., Lyaxov P.V., Isaev M.M. i dr. Pravoprimenitel'naya devatel'nost' v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v 2024 godu: informacionno-analiticheskij obzor. M.: FKU «NCz BDD MVD Rossii», 2025. 108 s.
2. Analiticheskaya spravka o rezul'tatax devatel'nosti podrazdelenij po voprosam migracii territorial'nyx organov MVD Rossii za yanvar' – dekabr' 2024 goda // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223/> (data obrashheniya: 10.12.2025).
3. Otchet o rabote sudov obshhej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyx pravonarusheniyax za 12 mesyacev 2022 g., 2023, 2024 gg: Forma № 1-AP. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (data obrashheniya: 10.12.2025).
4. Konceptiva novogo Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyx pravonarusheniyax. URL: <http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBIwLAY7khO7NAt9EL.pdf> (data obrashheniya: 10.12.2025).
5. Proekt «Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyx pravonarusheniyax» (podgotovlen Minyustom Rossii, ID proekta 02/04/01-20/00099059) (ne vnesen v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 25.05.2020) [E'lektronnyj resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy «Garant».
6. Proekt «Processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyx pravonarusheniyax» (podgotovlen Minyustom Rossii, ID proekta 02/04/01-20/00099061) (ne vnesen v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 26.05.2020) [E'lektronnyj resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy «Garant»; Minyust pererabotal vse chasti KoAP. [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://iz.ru/1137559/2021-03-16/miniust-pererabotal-vse-chasti-koap> (data obrashheniya: 10 dekabrya 2025 g.).
7. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyx pravonarusheniyax ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ (s izmeneniyami na 04 novabrya 2025 g.) // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy «Garant».
8. Semenistyj, A.V. Pravovy'e i organizacionny'e osnovy ispolneniya organami vnutrennix del postanovlenij o naznachenii administrativnyx nakazanii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.14. – M., 2004. – 25 s.
9. Svedeniya o vzyv'skanii FSSP Rossii denezhnyx sredstv v byudzhetnuyu sistemu Rossijskoj Federacii za yanvar'-dekabr' 2024 g. // https://fssp.gov.ru/storage/77cd70cd-ba78-4085-83e9-f8d447fb3b6e/02025/vso_2024_12.zip. (data obrashheniya: 10.12.2025).
10. Bakanov K.S., Lyaxov P.V., Isaev M.M. i dr. Pravoprimenitel'naya devatel'nost' v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v 2023 godu: informacionno-analiticheskij obzor. M.: FKU «NCz BDD MVD Rossii», 2024. – 120 s.
11. Otchet o rabote sudov obshhej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyx pravonarusheniyax za 12 mesyacev 2024 g: Forma № 1-AP. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (data obrashheniya: 10.12.2025).
12. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy «Garant».

УДК 342

МОЖНО ЛИ ЗАЩИТИТЬ ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В МИРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Шахрай С. М.

*Российский государственный гуманитарный университет
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук*

Статья посвящена рассмотрению политико-правовых последствиям расширения использования новых цифровых технологий, и в первую очередь технологий искусственного интеллекта. При этом особое внимание в статье уделяется проблеме цифрового здоровья общества, в частности отмечается, что человек в современном цифровом обществе нуждается в эффективной защите, в том числе и прежде всего в правовой защите. Потенциальная угроза выхода искусственного интеллекта из-под контроля человека по своим последствиям может быть более разрушительна, чем самое мощное современное оружие. Наиболее уязвимы сферы мировых финансов, космического и биологического оружия, медицины. Отмечается, что только КНР, Россия и США обладают цифровым суверенитетом, независимыми глобальными цифровыми экосистемами.

Ключевые слова: государство, конституция, цифровые технологии, правовая система, цифровой суверенитет, цифровое общество, искусственный интеллект, цифровая конституция, цифровое здоровье общества.

В последние годы в западной общественной науке развернулась дискуссия по поводу проблемы так называемого кризиса демократии, поиска новых, более легитимных и справедливых управленческих процедур, новых механизмов защиты прав личности в тотально цифровом обществе [1].

Пандемия Covid-19 наглядно показала, что национально ориентированные, суверенные не западные модели организации общества и публичной власти, прежде всего в КНР и в России, оказались более эффективными. Избранность западной модели политической организации общества и ее будто бы незаменимость и исключительность, оказалась мифом. Этот навязывавшийся западной политической мыслью общественный концепт не выдержал проверку на достоверность.

В такой ситуации выработка учеными Китая и России модели реализации и эффективной защиты прав, и свобод личности в тотально цифровом обществе позволит продемонстрировать лидирующую роль нашей общественной науки и способность политических систем решить эту злободневную и нетривиальную проблему.

Мы должны предпринять все усилия, чтобы не оставить человека один на один с компьютерными технологиями. Это нужно для обеспечения цифрового здоровья общества. Важным фактором становится четко осознаваемое человеком чувство справедливой защищенности (в том числе и прежде всего правовой) в мире цифровых технологий.

Искусственный интеллект, современные цифровые технологии раскрывают перед человеком огромные творческие, созидательные возможности. Но все мы вместе и каждый по отдельности видим, что цифровые технологии так глубоко вошли в повседневную жизнь, что наши личные конституционные права в цифровом мире подвергаются очень серьезным ограничениям. И эта проблема требует безотлагательного решения. Как известно, права и свободы человека могут быть ограничены. Но только в интересах защиты безопасности государства и общества, защиты прав других людей. И только в строго установленной конституцией форме – в форме закона. Относительно протяженная, многоэтапная законодательная процедура позволяет в значительно большей мере учесть и согласовать разные интересы, позиции как государства и корпораций, так и отдельных граждан, и таким образом защитить

права личности. Именно особая процедура принятия парламентом нормативных правовых актов высшей юридической силы позволит эффективнее гарантировать права и свободы человека.

Конституции России и Китая прямо предусматривают необходимость принятия именно законов в случаях, когда требуется то или иное ограничение прав и свобод личности. Это статья 55 в Основном законе РФ. Это статья 33 и статья 51 Конституции КНР. Они имеют аналогичный смысл с нормой российской конституции. А статья 8 Закона КНР о законодательстве прямо предусматривает, что такие вопросы, как ограничение или лишение граждан политических прав, принудительные меры и наказания, связанные с личной свободой, могут регулироваться только законом.

Из этого следует очень важный вывод. Деятельность цифровых корпораций и компаний, деятельность государственных органов при применении цифровых технологий (больших данных, искусственного интеллекта), затрагивающая наши личные, и прежде всего конституционные права и свободы должна в обязательном порядке регулироваться законами! Она не может осуществляться подзаконными актами и инструкциями, не должна выходить за рамки правового поля Закона.

Такой очевидный с точки зрения конституции подход к реализации и защите наших прав и свобод в цифровом обществе еще предстоит осуществить. Сделано в этом отношении крайне мало.

Осмелюсь предложить свой подход решения этой чрезвычайно актуальной и чрезвычайно сложной проблемы.

В привычном нам мире, в традиционных государстве и обществе давно сложились институты, поставленные следить за соблюдением наших прав и свобод. Общий надзор за соблюдением законов и защитой прав граждан осуществляет прокуратура. Финансовый контроль за эффективным и законным использованием правительствами наших налогов осуществляют счетные палаты. Очень важная роль отведена судебным органам, структурам медиации, органам адвокатуры и нотариата. Особая миссия возлагается на институты гражданского общества: общественные организации, профсоюзы, партии, а также средства массовой информации.

Пришло время все эти институты, структуры и органы создать (или качественно трансформировать) в цифровом мире. Речь идет, например, о цифровой прокуратуре и цифровом суде, о цифровых счетной палате, адвокатуре, цифровых приемных во всех органах государственной власти, особенно в законодательных. Давно предпринимаются усилия по реализации контура цифрового правительства. В Китае уже накоплен очень важный и ценный опыт создания цифрового прокурора в Шанхае, крайне интересен опыт реализации модели цифрового судьи.

Давно должна была быть создана цифровая система оповещения о доступе к персональным данным лица в любых базах данных. По аналогии с системой оперативного поступления информации о всех наших финансовых операциях и платежах, моментально отображающейся на наших мобильных телефонах и гаджетах.

Пришло также время подумать и о создании цифрового двойника человека - аватара. Цифровой аватар будет виртуально представлять реального человека в цифровом пространстве (компьютерная модель, используемая для отображения конкретного лица в онлайн-пространстве, в цифровых средах и социальных сетях). Цифровые аватары должны стать важным инструментом в современном цифровом обществе, они обеспечивают чувство принадлежности и участия человека в сообществе. Цифровой аватар будет без сна, пищи и отдыха постоянно (как часовой) стоять на страже наших прав и интересов в цифровом мире! Именно наши цифровые аватары будут постоянно «взаимодействовать» с цифровыми прокурорами, цифровыми су-

дами, цифровыми счетными палатами, цифровыми институтами гражданского общества.

Юристам в содружестве с IT-специалистами, психологами и социологами, и лингвистами предстоит в кратчайшие сроки разработать правовые модели наших цифровых аватаров и предложить законодательное регулирование их функционирования как в цифровом, так и в офлайн обществах. Урегулировать вопросы их взаимоотношений с другими цифровыми институтами, решить вопросы ответственности за их «действия», минимизировать возможные социальные риски.

Потенциальная угроза выхода ИИ из-под контроля человека по своим последствиям может быть более разрушительна, чем самое мощное современное оружие. Наиболее уязвимы сферы мировых финансов, космического и биологического оружия, медицины. Для защиты от таких угроз надо воспользоваться методикой, применяемой в случаях возможного выхода из-под контроля баллистических ракет и ядерных реакторов. Это механизмы запуска их экстренного уничтожения или остановки. Речь идет об использовании системы самоуничтожения (self-destruction), а также «внешней кнопки» экстренного уничтожения сверх опасных объектов. По аналогии с этим надо законодательно обязать разработчиков платформ ИИ закладывать программно и технически в эти платформы механизм self-destruction, а также «кнопку внешнего уничтожения» вышедшей из-под контроля человека системы ИИ. Как отмечалось, прежде всего в таких областях, как вооружение, мировые финансы и медицина (в том числе и в первую очередь прежде био- и ядерная медицина).

На мой взгляд, только таким путем можно будет реально защитить наши права и свободы в тотально цифровом обществе.

Глубина трансформации общественных отношений в цифровом мире уже такова, что пришло время подумать и о Цифровой Конституции.

При этом, я убежден, что эта осознанная необходимость станет предпосылкой и одновременно триггером для конвергенции мировых правовых систем. Конвергенция мировых правовых систем важна, и сама по себе, и как способ глобально решать такие глобальные проблемы, как защита прав и свобод личности.

Ближе всего к решению данной проблемы находится правовая система Китая. Китай обладает особой гибридной правовой системой, где уникальным образом соединены нормы традиционного (древнекитайского) права, современное законодательство, основанное на идеях «социализма с китайской спецификой», базовые принципы континентального (романо-германского) права, пришедшие в середине XX в. с марксистско-ленинской теорией государства и права, а также элементы права международного. Кроме того, уже более 40 лет – экономическая, финансовая, рыночная и прочая практика в КНР фактически развивается в парадигме англосаксонской системы. Причем, не только в силу фактора особых экономических зон и Гонконга, но и по причине важнейшей роли Китая в глобальной системе мирохозяйственных связей, его колоссальной роли в мировой экономике, ориентировавшейся в значительной мере на экспорт своих товаров.

Все эти процессы многократно ускорились на современных цифровых платформах в КНР с их уже почти 200 суперкомпьютерами, эффективно организованными Big Data и мощнейшей поддержкой со стороны государства. Таким образом Китай – это особая экосистема, в которой объективно и достаточно быстро происходит конвергенция мировых правовых систем.

На наших глазах рушится один из последних, долгое время казавшийся почти непреодолимым, барьеров на пути конвергенции мировых правовых систем – языковой барьер! Современные системы перевода с использованием искусственного интеллекта и цифровые архитектуры (типа W4 Pro) обеспечивают высоко качественный диалог профессиональных юристов и пользователей из разных правовых

систем в режиме реального времени. Результатом конвергенции мировых правовых систем должен стать новый мировой правопорядок в цифровом мире.

В заключение. Сегодня вопрос стоит так: на одной чаше весов «старые» права человека (в парадигме Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г.), а на другой — новые конституционные ценности: цифровой государственный суверенитет и национальная информационная безопасность как фундаментальные основы системы личной безопасности каждого гражданина ответственного государства — защищающего человека и его естественные интересы в глобально трансформирующемся цифровом обществе. В полном соответствии с концепцией, выдвинутой председателем КНР Си Цзиньпином о глобальном управлении [2].

Я уже неоднократно писал и говорил, что только три государства обладают независимыми глобальными цифровыми экосистемами на своих государственных языках — КНР (Baidu), Россия (Yandex) и США (Google, Bing, Yahoo). Только у них есть инфраструктурные возможности в будущем обеспечивать свой полный цифровой суверенитет. Поэтому фундаментальные решения по организации нового мирового правопорядка в цифровую эпоху придется определить на Международной конференции трех главных цифровых держав [3].

Может быть, это будет новая Ялтинская конференция. А может быть, Шэньчжэньский глобальный цифровой саммит глав КНР, России и США.

Список литературы:

1. Матве Б. Кризис ценностей, кризис демократии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1(80). С. 7-9.
2. Юаньцзе Ю. Концепция глобального управления как часть внешнеполитических идей си Цзиньпина: становление и содержание // Вопросы политологии. 2024. Т. 14, № 4(104). С. 1484-1495.
3. Шахрай С. М., Тедеев А. А. Цифровой конституционализм, социальная безопасность и конституционные права человека в стремительно меняющемся цифровом мире // Проблемы экономики и юридической практики. 2025. Т. 21, № 6. С. 224-227.

Shakhrai S. M. Is it possible to protect the natural rights and freedoms of the individual in the world of artificial intelligence // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. — 2026. — Т. 12 (78). № 2. — С. 414-417.

The article is devoted to the consideration of the political and legal consequences of the expansion of the use of new digital technologies, and primarily artificial intelligence technologies. At the same time, special attention is paid in the article to the problem of digital health of society, in particular, it is noted that a person in a modern digital society needs effective protection, including, above all, legal protection. The potential threat of artificial intelligence getting out of human control can be more devastating in its consequences than the most powerful modern weapons. The most vulnerable areas are global finance, space and biological weapons, and medicine. It is noted that only China, Russia and the United States have independent global digital ecosystems.

Keywords: state, constitution, digital technologies, legal system, digital sovereignty, digital society, artificial intelligence, digital constitution, digital health of society.

Spisok literatury:

1. Mat'e B. Krizis cennostej, krizis demokracji // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2020. № 1(80). S. 7-9.
2. Yuan'cze Yu. Koncepciya global'nogo upravleniya kak chast' vneshnepoliticheskikh idej si Czin'pina: stanovlenie i sodержanie // Voprosy politologii. 2024. T. 14, № 4(104). S. 1484-1495.
3. Shakhrai S. M., Tedeev A. A. Cifrovoy konstitucionalizm, social'naya bezopasnost' i konstitucionnye prava cheloveka v stremitel'no menyayushchemsya cifrovom mire // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2025. T. 21, № 6. S. 224-227.

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шипунов А. И.

ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет им В.И. Вернадского»

В статье рассматриваются конституционно-правовые гарантии обеспечения территориальной целостности государства в условиях современных геополитических вызовов. Анализируются положения Конституции Российской Федерации и практика их реализации в сфере защиты суверенитета и территориального единства страны. Материалы и методы исследования. В работе использовались формально-юридический, системный методы, а также методы анализа и обобщения. Результаты исследования. Сделан вывод о том, что действующая система конституционно-правовых гарантий обеспечивает правовую защиту территориальной целостности Российской Федерации и была усилена в результате конституционной реформы 2020 года.

Ключевые слова: территориальная целостность, суверенитет, Конституция Российской Федерации, конституционно-правовые гарантии, федерализм, Конституционный Суд Российской Федерации, территориальное устройство, конституционно-правовой принцип, реформа, публичная власть.

Территориальная целостность государства является одним из ключевых принципов конституционного строя и необходимым условием сохранения суверенитета и устойчивости публичной власти. В Российской Федерации данный принцип закреплён в Конституции Российской Федерации и определяет пределы допустимого в сфере государственного и территориального устройства.

Актуальность обращения к проблеме конституционно-правовых гарантий территориальной целостности обусловлена современными геополитическими процессами, сопровождающимися усилением внешнеполитического давления и трансформацией международных правовых механизмов. В этих условиях возрастает значение национальных правовых средств защиты территориального единства как внутреннего конституционного ресурса обеспечения суверенитета государства.

Конституция России формирует правовую основу защиты территориальной целостности, закрепляя суверенитет на всей территории страны, единство системы публичной власти и недопустимость действий, направленных на отчуждение части территории. Существенное значение для развития данных положений имела конституционная реформа 2020 г., усилившая нормативную защиту территориального единства и уточнившая пределы взаимодействия национального и международного правопорядков [1]. Важную роль в реализации конституционно-правовых гарантий территориальной целостности играет практика Конституционного Суда РФ, правовые позиции которого формируют устойчивое понимание содержания данного принципа и его соотношения с федеративным устройством и международными обязательствами государства. Целью статьи является анализ конституционно-правовых гарантий обеспечения территориальной целостности РФ с учётом современных геополитических условий и изменений конституционного регулирования.

1. Территориальная целостность как конституционно-правовой принцип

Территориальная целостность РФ закреплена в Конституции РФ в качестве одного из фундаментальных принципов конституционного строя и напрямую связана с осуществлением государственного суверенитета. Согласно ст. 4 Конституции РФ суверенитет государства распространяется на всю его территорию, а сама территория находится под защитой государства [1]. Данное положение задаёт жёсткие кон-

ституционные рамки территориального устройства и исключает возможность его изменения вне предусмотренных основным законом процедур.

В рамках федеративного устройства территориальная целостность не утрачивает своего системообразующего значения, а, напротив, выступает необходимым условием реализации принципа федерализма. В научной литературе подчёркивается, что автономия субъектов Федерации носит производный характер и не может реализовываться в ущерб единству государственной территории и суверенитету государства [2, с. 6; 3, с. 13-16]. Именно в этом проявляется конституционно-правовая природа территориальной целостности как ценности, определяющей пределы допустимого в сфере государственного и территориального устройства. В условиях федеративного устройства территориальная целостность рассматривается как правовой предел реализации автономии субъектов Федерации и фактор сохранения единства государственного пространства [4, с. 17-19]. Принцип территориальной целостности включается в систему конституционных ценностей и подлежит защите наряду с иными основами конституционного строя. Территориальная целостность РФ представляет собой не декларативное конституционное положение, а правовой ориентир, определяющий содержание федеративных отношений и обеспечивающий устойчивость всей системы публичной власти.

2. Конституционно-правовые гарантии обеспечения территориальной целостности Российской Федерации. Обеспечение территориальной целостности РФ осуществляется посредством совокупности конституционно-правовых гарантий, направленных на защиту суверенитета и единства государственной территории. Эти гарантии формируются на уровне Конституции РФ и конкретизируются в деятельности органов публичной власти и практике конституционного контроля.

Нормативную основу системы гарантий образуют положения Конституции РФ, закрепляющие суверенитет государства на всей его территории, единство системы публичной власти и недопустимость отчуждения части территории. Данные конституционные предписания носят императивный характер и задают пределы допустимого в сфере территориального и федеративного устройства, исключая возможность их произвольного толкования в правоприменительной практике. Реализация указанных гарантий обеспечивается через деятельность органов государственной власти, уполномоченных поддерживать единство правового пространства и стабильность федеративных отношений. В этом контексте конституционно-правовые гарантии функционируют не изолированно, а в рамках согласованного механизма публичной власти, направленного на предотвращение правовых и институциональных предпосылок дестабилизации территориального устройства. Ключевым элементом указанного механизма выступает конституционный контроль, осуществляемый Конституционным Судом РФ. Полномочия Конституционного Суда РФ по защите основ конституционного строя и суверенитета государства прямо закреплены в федеральном конституционном законодательстве [5]. В своей практике Суд формирует обязательные правовые позиции, определяющие содержание принципа территориальной целостности и пределы автономии субъектов Российской Федерации. Конституционный Суд последовательно исходит из того, что федеративное устройство не предполагает наличия у субъектов Федерации права на одностороннее изменение своего статуса либо пересмотр территориальной принадлежности [6].

Отдельное значение в системе конституционно-правовых гарантий имеет деятельность Конституционного Суда по оценке допустимости исполнения решений межгосударственных органов. В соответствующих правовых позициях закреплено, что такие решения не подлежат применению в случае их противоречия Конституции РФ, основам конституционного строя или суверенитету государства. Данный подход используется как правовой инструмент предотвращения внешнего воздействия на вопросы территориального устройства через международно-правовые механизмы [7; 8]. В доктрине конституционного права отмечается, что приоритет Конституции РФ выступает элементом конституционной идентичности государства и служит механизмом защиты его суверенитета [9, с. 6-10].

Посредством рассмотрения споров о разграничении полномочий между РФ и её субъектами Конституционный Суд также устраняет правовые неопределённости, способные привести к фрагментации публичной власти. Формируемые Судом критерии обязательны для законодателя и правоприменительных органов и направлены на сохранение единства правового пространства и устойчивости федеративных отношений [10, с. 4-7]. Совокупность нормативных конституционных предписаний и правовых позиций Конституционного Суда РФ обеспечивает функционирование конституционно-правовых гарантий территориальной целостности как целостной и устойчивой системы, ориентированной на защиту суверенитета и предотвращение правовых рисков нарушения территориального единства государства.

3. Конституционная реформа 2020 г. и усиление правовых механизмов защиты территориальной целостности. Конституционная реформа 2020 г. изменила правовую конфигурацию обеспечения территориальной целостности РФ за счёт прямого закрепления дополнительных конституционных ограничений и механизмов защиты суверенитета. Введение ст. 67.1 Конституции РФ установило прямой запрет на действия, направленные на отчуждение части территории государства, включая призывы и иные формы оспаривания территориальной принадлежности. Данная норма исключает возможность правового маневрирования в вопросах территориального устройства и ориентирована на предупреждение соответствующих угроз на конституционном уровне [11].

Изменения, внесённые в ст. 79 Конституции РФ, зафиксировали пределы участия РФв международных объединениях и исполнения решений межгосударственных органов. Конституционно закреплено, что такие решения не подлежат исполнению, если их толкование противоречит Конституции, основам конституционного строя или суверенитету государства. Это положение используется как правовой фильтр, препятствующий внешнему воздействию на вопросы территориального устройства через международно-правовые механизмы [12, с. 3-6; 13, с. 7-10]. Реформа 2020 г. также усилила роль национального конституционного правопорядка как самостоятельной системы правового регулирования. Закрепление приоритета Конституции позволило придать обязательный характер ранее сформированным правовым позициям Конституционного Суда, касающимся соотношения национального и международного права. Это обеспечило их прямое применение при оценке допустимости решений и обязательств, затрагивающих территориальную целостность страны.

В условиях современных геополитических процессов указанные изменения функционируют не как декларативные положения, а как инструменты правового реагирования на внешние и внутренние вызовы. Они используются при формирова-

нии законодательства, правоприменительной практики и конституционного контроля, ограничивая возможность принятия решений, способных привести к подрыву суверенитета и территориального единства РФ [14, с. 27-31]. В действующих стратегических документах РФ территориальная целостность рассматривается в качестве одного из ключевых элементов национальной безопасности государства [15].

Закреплённые в Конституции РФ изменения сформировали устойчивую правовую основу, в рамках которой вопросы территориальной целостности выведены за пределы текущей политической конъюнктуры и подчинены прямому действию конституционных норм. Проведённый анализ показывает, что территориальная целостность РФ в современном конституционно-правовом регулировании рассматривается не как абстрактный принцип, а как конкретный правовой ориентир, определяющий пределы государственного и территориального устройства. Конституция РФ закрепляет данный принцип в качестве основы суверенитета и единства публичной власти, исключая возможность его произвольного ограничения или пересмотра вне установленных конституционных процедур.

Система конституционно-правовых гарантий обеспечения территориальной целостности носит комплексный характер и включает нормативные предписания, институциональные механизмы и правоприменительную практику. Особое значение в данной системе имеет деятельность Конституционного Суда РФ, который посредством формирования обязательных правовых позиций устраняет правовые неопределённости в сфере федеративных отношений и предотвращает интерпретации, способные привести к подрыву территориального единства государства.

Конституционная реформа 2020 г. усилила правовые механизмы защиты территориальной целостности, закрепив прямые конституционные ограничения на отчуждение территории и установив пределы исполнения решений межгосударственных органов. Эти изменения придали системный характер ранее сформированной практике конституционного контроля и обеспечили её прямое действие в условиях современных геополитических вызовов. В совокупности действующие конституционно-правовые гарантии формируют устойчивую правовую модель защиты территориального единства Российской Федерации, ориентированную на сохранение суверенитета, стабильность публичной власти и недопущение правовых рисков дестабилизации государственного устройства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята 12.12.1993, с изм. 01.07.2020). - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (по подписке).
2. Авакьян С. А. Конституционные ценности и государственный суверенитет // Государство и право. — 2021. — № 9. — С. 5–18.
3. Лапаева В. В. Принцип территориальной целостности в системе конституционных ценностей // Право и политика. — 2020. — № 10. — С. 12–20.
4. Крусс В. И. Федерализм и территориальная целостность: конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — № 4. — С. 15–23.
5. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (по подписке).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (по подписке).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (по подписке).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (по подписке).

9. Хабриева Т. Я. Конституционная идентичность и приоритет национального правопорядка // Журнал российского права. — 2020. — № 12. — С. 3–15.
10. Бондарь Н. С. Конституционный Суд Российской Федерации и защита основ конституционного строя // Журнал конституционного правосудия. — 2020. — № 6. — С. 3–14.
11. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-З. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (по подписке).
12. Зорькин В. Д. Конституция Российской Федерации и вызовы современности // Российская юстиция. — 2022. — № 1. — С. 2–9.
13. Чиркин В. Е. Государственный суверенитет в условиях трансформации международного права // Журнал российского права. — 2021. — № 7. — С. 5–16.
14. Морозова Л. А. Конституционно-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Государство и право. — 2024. — № 2. — С. 25–37.
15. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (по подписке).

Shipunov A.I. Constitutional and legal guarantees of the territorial integrity of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 418-422.

This article examines constitutional and legal guarantees for ensuring the territorial integrity of the state in the face of modern geopolitical challenges. It analyzes the provisions of the Constitution of the Russian Federation and the practice of their implementation in protecting the country's sovereignty and territorial unity. Research Materials and Methods. Formal legal, systemic, analytical, and generalization methods were used. Research Results. It is concluded that the current system of constitutional and legal guarantees ensures legal protection of the territorial integrity of the Russian Federation and was strengthened as a result of the 2020 constitutional reform.

Keywords: territorial integrity, sovereignty, Constitution of the Russian Federation, constitutional and legal guarantees, federalism, Constitutional Court of the Russian Federation, territorial structure, constitutional and legal principle, reform, public authority.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata 12.12.1993, s izm. 01.07.2020). - Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus» (po podpiske).
2. Avak'yan S. A. Konstitucionnye cennosti i gosudarstvennyj suverenitet // Gosudarstvo i pravo. — 2021. — № 9. — S. 5–18.
3. Lapaeva V. V. Princip territorial'noj celostnosti v sisteme konstitucionnyh cennostej // Pravo i politika. — 2020. — № 10. — S. 12–20.
4. Kruss V. I. Federalizm i territorial'naya celostnost': konstitucionno-pravovye aspekty // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. — 2023. — № 4. — S. 15–23.
5. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21.07.1994 № 1-FKZ «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii». - Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus» (po podpiske).
6. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 07.06.2000 № 10-P. - Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus» (po podpiske).
7. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.07.2015 № 21-P. - Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus» (po podpiske).
8. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19.04.2016 № 12-P. - Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus» (po podpiske).
9. Habrieva T. YA. Konstitucionnaya identichnost' i prioritet nacional'nogo pravoporyadka // ZHurnal rossijskogo prava. — 2020. — № 12. — S. 3–15.
10. Bondar' N. S. Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii i zashchita osnov konstitucionnogo stroja // ZHurnal konstitucionnogo pravosudiya. — 2020. — № 6. — S. 3–14.
11. Zaklyuchenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.03.2020 № 1-Z. - Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus» (po podpiske).
12. Zor'kin V. D. Konstituciya Rossijskoj Federacii i vyzovy sovremennosti // Rossijskaya yusticiya. — 2022. — № 1. — S. 2–9.
13. Chirkin V. E. Gosudarstvennyj suverenitet v usloviyah transformacii mezhdunarodnogo prava // ZHurnal rossijskogo prava. — 2021. — № 7. — S. 5–16.
14. Morozova L. A. Konstitucionno-pravovye mekhanizmy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. — 2024. — № 2. — S. 25–37.
15. Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400. - Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus» (po podpiske).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 423-428.

УДК 343.98

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С КРЕДИТНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ И
СУБЪЕКТАМИ СТ. 7 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 07.08.2001 № 115-ФЗ
ПРИ ДОКУМЕНТИРОВАНИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ ОТ ТОРГОВЛИ
ЛЮДЬМИ**

Анаев И. Х., Потапов И. Н.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

В статье рассматриваются правовые и организационные аспекты взаимодействия подразделений органов внутренних дел, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, с кредитными организациями и иными субъектами, выполняющими обязанности по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, при документировании легализации доходов от торговли людьми. На основе анализа законодательства о противодействии легализации и о банковской тайне выделяются ключевые правовые ограничения и допустимые формы получения сведений, а также обозначаются направления повышения доказательственной ценности результатов оперативно-розыскной деятельности при последующем переходе в уголовно-процессуальную форму.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; торговля людьми; легализация (отмывание) доходов; 115-ФЗ; банковская тайна; кредитные организации; финансовая разведка; документирование.

Торговля людьми относится к числу преступлений, для которых характерно устойчивое извлечение дохода, последующее «расслоение» финансовых потоков и стремление придать им вид легального происхождения. С криминалистической точки зрения такие доходы нередко сопровождаются конвертацией наличных, использованием подставных лиц, дроблением переводов и оформлением фиктивных гражданско-правовых оснований платежей, что усложняет их выявление и требует раннего выявления финансовых следов. В нормативном правовом плане задача усложняется тем, что противодействие торговле людьми по УК РФ (ст. 127.1) должно быть сопряжено с самостоятельным доказыванием признаков легализации по УК РФ (ст. 174, ст. 174.1), а финансовая информация защищена режимом частной жизни и профессиональных тайн, включая банковскую тайну. Конституционные гарантии неприкосновенности частной жизни (ст. 23, ст. 24) объективно задают требование к точному выбору оснований и процедуры получения сведений, иначе собранные оперативно-розыскным путём доказательства в дальнейшем будут признаны судом недопустимыми [1].

Оперативно-значимым является то, что сокрытие торговли людьми и использования рабского труда включает действия как на стадии подготовки и вербовки, так и на стадии эксплуатации и после её фактического осуществления. В исследованиях, посвящённых способам сокрытия, подчёркивается роль завуалированной рекламы и искажения содержания «услуг» (например, объявления под видом «эскорта», «массажа», «досуга»), что повышает латентность и одновременно формирует специфические организационные и финансовые следы, фиксируемые в гражданском обороте. Для целей оперативно-розыскной проверки это усиливает значение анализа не только «подозрительности» операций как таковой, но и их смысловой привязки к признакам эксплуатации, включая устойчивые расчёты по объектам, через которые обеспечивается оказание скрываемых услуг и удержание потерпевших.

Для целей оперативно-розыскной проверки и последующего документирования легализации по ст. 174 и ст. 174.1 УК РФ существенна структура деяния, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ: вербовка, перевозка, передача, укрывательство либо получение человека совершаются не изолированно, а как элементы организованной деятельности, ориентированной на извлечение выгоды [2]. Поэтому при анализе финансовых операций подлежат установлению не «общие признаки сомнительности», а юридически значимые связи между конкретными транзакциями и действиями, обеспечивающими эксплуатацию: расходы на перемещение и размещение, платежи лицам, выполняющим функции контроля и сопровождения, расчёты по помещению и сервисам, используемым для удержания и эксплуатации, а также перечисления, отражающие распределение вознаграждения между участниками [2]. Такая привязка позволяет предметно подтверждать, что денежный поток обусловлен именно торговлей людьми, а не иным противоправным источником. В научных работах отмечается сопряжённость торговли людьми с похищением человека и незаконным лишением свободы, использованием рабского труда, вовлечением и организацией занятия проституцией, преступлениями против половой неприкосновенности, а также организацией незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ), в отдельных ситуациях – с коррупционными проявлениями и последующей частичной легализацией накопленного криминального капитала. В прикладном плане это означает, что финансовые операции, подлежащие выявлению и закреплению по линии легализации (ст. 174, ст. 174.1 УК РФ), целесообразно анализировать с учётом «обеспечивающей» инфраструктуры: оплаты перевозок и размещения, расходов на функционирование помещений, используемых для эксплуатации, платежей, связанных с незаконным миграционным сопровождением, а также транзакций, отражающих распределение дохода между участниками и его последующее инвестирование.

Указанная специфика отражается и в подходах финансового анализа: в материалах FATF/APG подчёркивается, что финансовые потоки от торговли людьми зависят от вида эксплуатации и организационной схемы, а практическую значимость имеют данные, позволяющие выявлять роль посредников, каналы вывода средств и распределение выгодоприобретателей внутри схемы [11]. Для настоящей статьи это важно как методологическое основание: взаимодействие с субъектами ст. 7 115-ФЗ ориентируется на выявление финансовой архитектуры эксплуатации, а не на абстрактное выявление подозрительных операций [5].

Ключевая практическая особенность состоит в том, что в системе противодействия легализации значимая часть первичных сигналов о преступной деятельности формируется не в правоохранительной сфере, а у субъектов финансового рынка, обязанных выявлять и фиксировать «подозрительные» операции. Именно поэтому взаимодействие с кредитными организациями и иными субъектами ст. 7 115-ФЗ следует рассматривать не как формальную выемку документов, а как управляемый процесс обмена юридически-значимой (оперативно-значимой) информацией в пределах компетенции [5]. При этом важно учитывать, что режим банковской тайны по Закону о банках и банковской деятельности (ст. 26) предполагает предоставление сведений уполномоченным органам в случаях и порядке, установленных законом, а не по усмотрению сторон [6].

В рамках оперативно-розыскной деятельности исходные возможности обусловлены перечнем оперативно-розыскных мероприятий (ст. 6), основаниями их прове-

дения (ст. 7) и условиями осуществления мероприятий, затрагивающих конституционные права (ст. 8) по Закону об ОРД [4]. Это принципиально по двум причинам. Во-первых, при работе с банковской информацией неизбежно возникают вопросы соразмерности вмешательства в частную жизнь и правомерности ограничения прав, что требует строгого соблюдения установленного законом порядка (ст. 8) [4]. Во-вторых, даже при получении значимых сведений оперативно-розыскным путём необходимым становится планирование их дальнейшего преобразования в уголовно-процессуальные доказательства, поскольку сами по себе результаты ОРД не подменяют процессуальную форму доказывания и требуют надлежащего закрепления [3].

С точки зрения общей теории доказывания фундаментальным выступает положение о том, что результаты ОРД могут использоваться в уголовном судопроизводстве лишь при соблюдении требований закона и при последующем процессуальном оформлении (ст. 89) [3]. В научной литературе данная позиция раскрывается через разграничение оперативных сведений и доказательств: Г.А. Печников, С.Д. Назаров, В.М. Шинкарук подчёркивают, что результаты ОРД не тождественны доказательствам и приобретают процессуальное значение только после закрепления в предусмотренном УПК порядке, иначе возникают риски недопустимости [7]. Для оперативно-розыскной практики это означает, что взаимодействие с кредитной организацией должно планироваться с учётом того, какие сведения могут стать основанием для возбуждения уголовного дела, какие – для последующих следственных действий, и какие – для построения версий о легализации [2].

Г.Б. Романовский, анализируя соотношение банковской тайны и полномочий правоохранительных органов, указывает на необходимость строгого соблюдения законных оснований и процедур доступа к сведениям, составляющим банковскую тайну, а также на практическую значимость корректного выбора правового механизма запроса в зависимости от стадии и формы деятельности (оперативной либо процессуальной) [10].

Следует отметить, что взаимодействие с субъектами ст. 7 115-ФЗ (ст. 7) целесообразно рассматривать как работу с тремя типами информации. Первый тип – сведения «сигнального» характера, позволяющие заподозрить легализацию: признаки несоответствия операций профилю клиента, нетипичные объёмы, частота и назначение переводов, использование множества контрагентов, операции с повышенной степенью риска. Второй тип – сведения «связующего» характера, которые позволяют установить роль участников схемы: связь между счетами, повторяемость реквизитов, транзитные контуры движения средств, аффилированность юридических лиц и выгодоприобретателей. Третий тип – сведения «закрепляющего» характера, необходимые для последующего процессуального доказывания: первичные банковские документы, сведения об идентификации, договорные основания, подтверждающие материалы и журналы операций [5].

Применительно к торговле людьми (ст. 127.1 УК РФ) «сигнальные» сведения по линии ст. 7 115-ФЗ имеют прикладное значение тогда, когда они позволяют выделить финансовую связанность с эксплуатационной деятельностью, а именно – операции, корреспондирующие перемещению и размещению лиц, функционированию помещений, обеспечивающих удержание и эксплуатацию, а также устойчивым расчётам с лицами, выполняющими «обеспечивающие» функции [2], [5]. «Связующие»

сведения в таких делах направлены на установление распределения ролей: кто аккумулирует поступления, кто осуществляет транзитное перераспределение, кто выступает формальным получателем и кто является фактическим выгодоприобретателем, что имеет значение для оценки субъективной стороны по ст. 174 и ст. 174.1 УК РФ [2]. «Закрепляющие» сведения приобретают повышенную значимость, поскольку позволяют процессуально подтверждать происхождение средств и их дальнейшую трансформацию при соблюдении требований допустимости использования результатов ОРД в доказывании (ст. 89 УПК РФ) [3].

Специфика торговли людьми как предикатного преступления (Предикатное преступление – это преступление, совершение которого является обязательным признаком объективной стороны другого преступления, по отношению к которому оно и является предикатным) состоит в том, что финансовые потоки нередко «распределены» между различными соучастниками противоправной деятельности, а сами доходы могут формироваться как из наличных расчётов, так и из безналичных платежей (в том числе через сервисы переводов и счета третьих лиц). В научной литературе М.Л. Родичев обращает внимание на необходимость связывать оперативное выявление финансовых следов с последующим установлением происхождения имущества и доказуемой трансформации преступного дохода в легальный оборот, поскольку без такой связи противодействие легализации теряет предметность [8]. В практическом плане это означает, что выявление подозрительной операции ещё не равнозначно доказанности легализации: требуется установить осведомлённость лица о преступном происхождении средств и действия, направленные на придание правомерного вида владению/пользованию/распоряжению, что корреспондирует составам УК РФ (ст. 174, ст. 174.1) [2].

Отдельного внимания заслуживает отмечаемая в научной литературе вариативность расчётов при торговле людьми: конспирация оплаты, преобладание наличного оборота на стадии непосредственной эксплуатации и использование безналичных каналов при «купле-продаже» и выводе средств, включая трансграничные переводы, в том числе с применением криптовалюты. В условиях действия 115-ФЗ (ст. 7) это позволяет конкретизировать запросы к субъектам финансового мониторинга и кредитным организациям не абстрактно («дать сведения по счету»), а через юридически значимые параметры, способные подтвердить происхождение и трансформацию дохода: характер поступлений, повторяемость контрагентов, транзитность движения средств, назначение платежей и сведения, позволяющие идентифицировать фактического выгодоприобретателя при соблюдении режима банковской тайны (ст. 26 Закона № 395-1).

При документировании легализации доходов от торговли людьми необходимо устанавливать не только факт совершения финансовых операций, но и предикатное происхождение дохода: каким образом извлечена выгода из действий, предусмотренных ст. 127.1 УК РФ, и каким образом конкретное лицо связано с извлечением и последующим распоряжением средствами [2]. В доказательственном плане это предполагает установление юридически значимой связки «действия по торговле людьми → получение выгод (денег/имущества) → операции, направленные на придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению», что образует предмет проверочной деятельности по ст. 174–174.1 УК РФ [2]. Соответственно, взаимодействие с кредитными организациями и иными субъектами ст. 7 115-ФЗ

должно обеспечивать получение сведений, позволяющих идентифицировать выгодоприобретателя и проследить трансформацию средств при соблюдении режима банковской тайны (ст. 26 Закона № 395-1) [6] и требований к законности и оформлению материалов (ст. 6–8, 11 144-ФЗ; ст. 89 УПК РФ) [4], [3].

Системный аспект взаимодействия отражён и в зарубежных материалах, где подчёркивается важность партнёрства между государственными органами и финансовым сектором для выявления отмывания доходов от торговли людьми. В отчёте FATF/APG отмечается, что различным видам эксплуатации соответствуют разные механизмы извлечения прибыли и способы её легализации, а повышение эффективности достигается за счёт обмена индикаторами риска и использования отчётности о подозрительных операциях в качестве отправной точки для расследований [11]. Данное положение не подменяет национальное регулирование, однако методологически поддерживает тезис о том, что взаимодействие с субъектами ст. 7 115-ФЗ (ст. 7) является не вспомогательным, а ключевым элементом выявления финансовых следов торговли людьми на ранней стадии [5].

В результате можно заключить, что документирование легализации доходов от торговли людьми наиболее результативно при сочетании правовых механизмов ОРД по Закону об ОРД (ст. 6, ст. 7, ст. 8, ст. 11) с возможностями, которые предоставляет система противодействия отмыванию денег по 115-ФЗ (ст. 7), при строгом соблюдении конституционных гарантий (ст. 23, ст. 24) и режима банковской тайны (ст. 26) [1,4-6] Прикладной эффект достигается тогда, когда оперативные сведения целенаправленно готовятся к процессуальному закреплению (ст. 89), что снижает риск потери доказательственной ценности и повышает устойчивость обвинительной версии по связке «предикатное преступление – легализация» [3; 7].

Таким образом, взаимодействие с кредитными организациями и иными субъектами ст. 7 115-ФЗ при документировании легализации доходов от торговли людьми следует рассматривать как правомерно организованный обмен информацией в пределах компетенции и режимов конфиденциальности, обеспечивающий раннее выявление финансовых следов и их последующее превращение в допустимые доказательства. Решающее значение имеют корректный выбор правового основания, соблюдение условий проведения ОРМ, учет банковской тайны и ориентация на процессуальное закрепление результатов ОРД, без чего доказуемая связь между торговлей людьми и легализацией по ст. 174–174.1 УК РФ остается уязвимой.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».

7. Печников Г.А., Назаров С.Д., Шинкарук В.М. Значение результатов ОРД для объективно-истинного и состязательного типов уголовного процесса // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. 8 с.
8. Родичев М.Л. Оперативно-розыскное противодействие легализации имущества, приобретенного преступным путем: на примере Северо-Западного федерального округа Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Санкт-Петербург, 2015. 23 с.
9. Романовский Г.Б. Банковская тайна и оперативно-розыскная деятельность правоохранительных органов // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2016. Т. 4. № 1 (13). 6 с.
10. Рusanov Г.А. Противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов: учебное пособие. М.: Юрайт, 2023. 157 с.
11. FATF–APG. Financial Flows from Human Trafficking. Paris: FATF/OECD, 2018. 74 p.

Apaeв I.H., Potapov I.N. Interaction with credit organizations and subjects of Article 7 of Federal Law No. 115-FZ dated 08/07/2001 on documenting the legalization of proceeds from human trafficking // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 423-428.

The article discusses the legal and organizational aspects of the interaction of internal affairs units engaged in operational investigative activities with credit organizations and other entities responsible for countering the legalization (laundering) of proceeds from crime while documenting the legalization of proceeds from human trafficking. Based on the analysis of legislation on countering legalization and on bank secrecy, key legal restrictions and acceptable forms of obtaining information are identified, as well as areas for increasing the evidentiary value of the results of operational investigative activities during the subsequent transition to a criminal procedural form.

Keywords: operational investigative activities; human trafficking; legalization (laundering) of income; 115-FZ; banking secrecy; credit organizations; financial intelligence; documentation.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (red. ot 29.12.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 20.01.2026) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
3. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ (red. ot 29.12.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 20.01.2026) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
4. Federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
5. Federal'nyj zakon ot 7 avgusta 2001 g. № 115-FZ (red. ot 29.12.2025) «O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma» (s izm. i dop., vstup. v silu s 09.01.2026) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
6. Federal'nyj zakon ot 2 dekabrya 1990 g. № 395-1 «O bankah i bankovskoj deyatel'nosti» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
7. Pechnikov G.A., Nazarov S.D., SHinkaruk V.M. Znachenie rezul'tatov ORD dlya ob'ektivno-istinnogo i sostyazatel'nogo tipov ugovnogo processa // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013. № 6. 8 s.
8. Rodichev M.L. Operativno-rozysknoe protivodejstvie legalizacii imushchestva, priobretennogo prestupnym putem: na primere Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.12. Sankt-Peterburg, 2015. 23 s.
9. Romanovskij G.B. Bankovskaya tajna i operativno-rozysknaya deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov // Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo». 2016. Т. 4. № 1 (13). 6 s.
10. Rusanov G.A. Protivodejstvie legalizacii (otmyvaniyu) prestupnyh dohodov: uchebnoe posobie. M.: YUrajt, 2023. 157 s.
11. FATF–APG. Financial Flows from Human Trafficking. Paris: FATF/OECD, 2018. 74 p..

УДК 343.98

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 243.2 УК РФ**

Баграмян С. Л.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются и анализируются криминалистическая характеристика, тактическая целесообразность и некоторые особенности назначения отдельных видов судебных экспертиз на первоначальном этапе расследования преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ, изучаются способы их практической реализации. Автор выделяет роль судебной экспертизы – как одного из основополагающих процессуальных действий, определяющих как наличие самого состава противоправной деятельности в области археологии, так и его квалифицирующих признаков. В основной части статьи автор, методом научного анализа, определяет практические цели, задачи и возможности таких видов судебных экспертиз как: искусствоведческая, почвоведческая и трасологическая, в рамках расследования преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ. Подробно оценивается роль каждой из указанных экспертиз в процессе установления обстоятельств совершённого деликта, обосновывается перечень объектов и предметов исследования, а также анализируются решаемые в ходе их проведения задачи. С учётом формирования основных целей организации расследования преступлений рассматриваемого вида на первоначальном этапе, автором формулируются примерные перечни вопросов, подлежащих разрешению экспертом, направленные на оптимизацию и повышению эффективности деятельности по установлению всех обстоятельств события, связанного с незаконным поиском и(или) изъятием археологических предметов из мест залегания. Статья имеет практико-ориентированную направленность, может быть полезной при организации расследования по преступлениям, предусмотренным ст. 243.2 УК РФ, а также для теоретического изучения при подготовке специалистов в области юриспруденции и правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: искусствоведческая экспертиза, почвоведческая экспертиза, трасологическая экспертиза, первоначальный этап расследования, судебная экспертиза, культурный слой, археологический предмет, диагностическая задача, идентификация, ситуационная задача.

В общей теории криминалистики расследование преступлений, в качестве конечной цели, предусматривает определение всех значимых обстоятельств преступления, установление лиц причастных к его совершению, а также степени их вины [1, с. 59-64]. Достижение этих целей не представляется возможным без накопления субъектом расследования определённого объёма доказательств, обеспечивающих объективное и достаточное обоснование виновной роли лица подозреваемого в совершении преступления. Именно объективность и обоснованность доказательств являются краеугольными принципами формирования обвинения в уголовном судопроизводстве. Логично, что процесс генерирования таких обвинений требует определённого процессуального, теоретического, методического и методологического обеспечения. Одним из источников такого обеспечения, является судебная экспертиза, цели и задачи которой определяются субъектом расследования индивидуально по каждому конкретному факту.

Заключение и показания эксперта и специалиста будучи, в соответствии со ст. 74 УПК РФ, доказательствами по уголовному делу [2], в то же время, нередко выступают в качестве маркера наличия или отсутствия состава противоправного деяния, а также одного из путей достижения истины в уголовном разбирательстве, в том числе по уголовным делам, связанным с незаконной деятельностью в области археологии. Наиболее широкое применение при расследовании преступлений общекриминальной направленности получили так называемые «традиционные» криминалистиче-

ские экспертизы, позволяющие обеспечить объективный и достаточный уровень количества и качества доказательств [3, с. 411-425]. Теории и практике экспертно-криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства посвятили свои работы такие учёные как: Т.В. Аверьянова, Л.Е. Ароцкер, Р.С. Белкин, А.И. Винберг, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин, Е. П. Ищенко, В.Я. Колдин, Ю.Г. Корухов, Лазарева, Н.П. Майлис, Ю.К. Орлов, Е.Р. Россинская, Т.В. Сахнова, В.Ф. Статкус, Р.Р. Хаснутдинов, Н.П. Яблоков и многие другие исследователи в области экспертно-криминалистической деятельности и уголовного процесса.

Обобщая мнения многих исследователей относительно определения основных целей традиционных криминалистических экспертиз, позволим себе соединить их в несколько групп, в зависимости от вида разрешаемого вопроса. К таким целям можно отнести: 1) решение идентификационных задач; 2) определение состава вещества; 3) определение относимости части к целому; 4) определение возможности события и фактов; 5) проверка доказательств; 6) установление юридически значимых состояний и фактов.

При расследовании преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ, перечень необходимых для расследования судебных экспертиз, определяются криминалистической характеристикой деликта и его квалифицирующими признаками. В частности, как нами уже было определено ранее, при установлении наличия состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 243.2 УК РФ, необходимо обоснованное экспертное заключение о повреждении или уничтожении культурного слоя в земле или иной среде. Также, при определении относимости предметов посягательства к «археологическим», требуется заключение сведущего лица, обладающего достаточными знаниями в области истории, археологии, материаловедения [4, с. 263-271]. Таким образом, мы видим, что экспертно-криминалистическое обеспечение расследования преступлений рассматриваемого вида предусматривает реализацию двух из обобщённых нами выше групп целей. Первая – это проверка доказательств наличия события преступления (выявление и фиксацию вырытых ям, шурфов, колодцев, их размеров и дислокации на месте происшествия), а вторая – установление юридически значимых состояний и фактов (повреждение или уничтожение культурного слоя земли, относимости предметов посягательства к «археологическим предметам» и т.п.). Вид, целесообразность и количество судебных экспертиз, перечень вопросов, выставляемых для разрешения перед специалистом определяются криминалистической характеристикой преступления, спецификой предмета посягательства, а также материальными следами преступления, полученными в результате проведённого осмотра места происшествия и иных мероприятий

Учитывая места расположения следов преступлений рассматриваемого вида (открытая местность, свободный доступ посторонних лиц, отдалённость от поселений), а также возможное разрушающее воздействие окружающей среды (осадки, ветра, постороннее вмешательство в обстановку места происшествия и т.п.), по нашему мнению, судебные экспертизы должны назначаться незамедлительно после обнаружения признаков преступления, с целью обеспечения возможности полного, точного и эффективного изучения обстоятельств следственной ситуации и своевременного принятия процессуального решения.

В статье мы проанализируем криминалистическую значимость, следственную целесообразность и некоторые особенности назначения отдельных видов судебных экспертиз при расследовании преступлений рассматриваемой категории.

Искусствоведческая экспертиза, является основополагающей для решения проверочных задач на первоначальном этапе расследования при выявлении признаков преступления, связанного с незаконным поиском или изъятием археологических предметов из мест залегания. Её результаты позволяют установить наличие или отсутствие состава диспозиции ч.1 ст. 243.2 УК РФ, а также, общественно опасные последствия противоправной деятельности.

Так, обязательные общественно опасные последствия противоправной деятельности субъекта преступления могут отображаться в виде повреждения или уничтожения культурного слоя земли (ч.1 ст. 243.2 УК РФ). В примечании к данной статье культурным слоем определяется слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические предметы [5]. Также, требует установления и доказывания сам факт относимости предметов, изъятых в ходе расследования и имеющих признаки старины, к «археологическим предметам». Данное обстоятельство является определяющим в оценке противоправности действий подозреваемого. Согласно ст. 3 Федерального закона от 25.06.2008 года № 73 – ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», под археологическими предметами понимаются движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых, независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки, в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок или находок [6].

Однако, специфичность объекта посягательства, а также квалифицирующие признаки преступлений рассматриваемого вида, требуют наличия знаний, значительно выходящих за пределы обязательных компетенций субъекта расследования, что, в свою очередь, затрудняет принятие решения о наличии или отсутствии состава преступления в действиях подозреваемых лиц, непосредственно после выявления каких-либо следов незаконной деятельности в области археологии. Для преодоления указанных сложностей целесообразно и необходимо привлечение специалистов из различных отраслей науки. В частности, в целях определения факта повреждения или уничтожения культурного слоя, а также относимости обнаруженных или изъятых предметов посягательства к археологическим, становятся востребованными знания лиц сведущих в области археологии, истории, искусства, антропологии, материаловедения. Результаты участия специалистов в расследовании преступлений могут быть отображены в рамках заключений эксперта, либо в процессуальных документах, фиксирующих ход отдельных следственных действий, таких как осмотр места происшествия, исследование документов.

Среди судебных экспертиз, относящихся к конститутивным в рамках расследования преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ, особое значение имеет искусствоведческая экспертиза. Данный вид исследования формирует весь последующий ход расследования, следующий после первоначального этапа обнаружения признаков преступлений рассматриваемого вида.

Искусствоведческая экспертиза – это относительно новый вид экспертиз, находящийся на стадии развития и получивший широкое распространение лишь в начале XXI в. К сожалению, в настоящее время, в экспертно – криминалистических подразделениях МВД РФ не предусмотрена аттестация экспертов – искусствоведов по культурным или археологическим ценностям, в связи с чем, к экспертизам указанного вида привлекаются специалисты Министерства культуры РФ [7, с. 151-155]. Однако, ни одно расследование уголовного дела, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ, невозможно без её проведения, так как именно её результаты являются основанием для возбуждения уголовного дела, определения общественно опасных последствий противоправной деятельности. Судебная искусствоведческая экспертиза, является одной из процессуальных форм получения новой доказательственной информации, которая не может быть получена в результате применения иных процессуальных средств. Результаты такой экспертизы формируются за счёт применения специальных познаний в области археологии, истории, антропологии и архитектуры, субъектами, осуществляющими исследование представленных материалов [8, с. 109].

Материальными объектами экспертиз данного вида, по преступлениям рассматриваемой категории, являются: предметы, добытые в результате незаконной деятельности в области археологии и имеющие признаки старины; памятники культурного и исторического наследия; места залегания указанных предметов (на поверхности земли, в земле или под водой).

Соответственно, содержание судебной искусствоведческой экспертизы заключается в проводимом сведущим лицом, по заданию субъекта расследования, исследования предоставленных в его распоряжение материальных объектов, с целью: определение исторической, археологической и культурной значимости объектов, представленных на исследование; установления относимости их к археологическим предметам; определение их возраста; определение относимости выявленных движимых предметов, имеющих признаки старины, к памятникам культурного или археологического наследия, выявленным объектам культурного наследия; относимости мест залегания археологических предметов к объектам культурного наследия народов России или выявленного объекта культурного наследия [9, с. 17-22].

В качестве типичных вопросов, разрешаемых судебной искусствоведческой экспертизой, по делам данной категории, рассматривается следующий ряд: 1) относится ли объект к археологическим предметам? Является ли объект предметом старины, если да, то каков его возраст, к какому историческому периоду он относится? Представляет ли объект особую культурную, историческую или археологическую ценность? Является ли объект памятником истории и культуры народов России? Относится ли он к выявленным объектам культурного наследия? Относится ли объект исследования к культурному слою, если да, то имеются ли в наличии его повреждение или уничтожение, в чём они выражены?

Немаловажно отметить, что полученные результаты искусствоведческой экспертизы, формируют внутреннюю убеждённость субъекта расследования о наличии состава преступления в исследуемом деянии, а также дают возможность вести дальнейшую целенаправленную деятельность по расследованию деликта, в том числе и назначать иные виды экспертиз.

Как показывает практика расследования уголовных дел, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ, наиболее полно отвечает задачам исследования, комплексная экспер-

тиза культурных ценностей, содержащая заключения специалистов естественных и гуманитарных наук: историков, археологов, физиков, химиков, антропологов, искусствоведов и т. п.) [10, с. 55-59].

Другим классом судебных экспертиз, имеющих существенную доказательственную значимость, при расследовании преступлений рассматриваемой категории, является *почвоведческая экспертиза*. Имея значительную следственную целесообразность, в то же время, данный вид экспертиз, по нашему мнению, остаётся незаслуженно обойдённым вниманием субъектов расследования хотя, по нашему мнению, криминалистическая характеристика преступлений данного вида, высвечивает широкий круг вопросов, имеющих доказательственное значение на которые могли бы ответить результаты такой экспертизы.

В частности, диспозиция ч.1 ст. 243.2 УК РФ, определяет место изъятия археологических предметов – поверхность земли или в земле, а квалифицирующим признаком по пункту «а» 3-ей части рассматриваемой статьи, является использование специальных технических средств поиска или землеройных машин. Логично предположить, что применение таких средств и механизмов поиска предусматривает их непосредственный контакт с почвой.

Кроме этого, поиск или изъятие археологических предметов из мест залегания предусматривают значительные по объёму действия подозреваемых, связанных с рытьём шурфов, ям, колодцев, что не может не найти своего отображения в виде почвенных наслоений на их одежде или обуви, орудиях совершения преступления или используемой специальной землеройной техники, транспортных средствах. По мнению В.Н. Хрусталёва «...вещества почвенного происхождения являются своего рода следами пребывания или контакта человека, предмета или животного с территорией, связанной с событием преступления» [11, с. 14]. Соответственно, выявление таких следов на объектах посягательства, орудиях и инструментах совершения преступления, а также на одежде, обуви или теле подозреваемого – одно из превалирующих задач субъекта расследования при осмотре места происшествия и иных процессуальных и поисковых действий.

Результаты почвоведческой экспертизы, могут с высокой вероятностью определить относимость археологических предметов к месту залегания, факт пребывания подозреваемого на месте преступления, а также доказать использование орудий преступления, землеройных машин и транспортных средств, при незаконном поиске или изъятии археологических предметов из мест залегания, что выступает в качестве квалифицирующего признака, по ст. 243.2 УК РФ. Таким образом следы почвы позволяют процессуально «привязать» какие-либо предметы или даже подозреваемых к месту совершения преступления.

Предметом указанной экспертизы является выявление фактических доказательств, указывающих на пребывание подозреваемого, орудия совершения преступления, техники, транспортных средства или предметов на локальном участке местности, а также, определение возможного источника происхождения почвы, то есть территории связанной с событием преступления. По преступлениям рассматриваемой категории, это территория, в пределах которой осуществлялся непосредственный поиск или изъятие археологических предметов из мест залегания на поверхности или в земле, а также прилегающие участки.

В качестве *объектов* почвоведческой экспертизы, выступают: непосредственно почво-растительный состав на месте осуществления незаконного поиска или изъятия археологических предметов и прилегающие к нему участки; почвенные наслоения, изъятые с различных объектов-носителей. Основной задачей судебной почвоведческой экспертизы, при расследовании преступлений рассматриваемого вида, является отождествление веществ почвенного происхождения изъятых с различных предметов с сравнительными образцами почвы, отобранными на месте преступления. При назначении почвоведческой экспертизы, по уголовным делам рассматриваемого вида, перед экспертом ставится ряд типичных вопросов [11, с. 437-439]: имеются ли на представленных объектах (обувь, одежда, орудия совершения преступления, археологические предметы и т.п.) наслоения веществ почвенно-растительного или почвенно-техногенного характера? Где именно на исследуемом объекте локализованы почвенные наслоения? Имеют ли почвенные наслоения, изъятые с предоставленных объектов, общую родовую и групповую принадлежность? Являются ли предоставленные на исследование образцы почвы, пригодными для идентификации по ним конкретного участка местности? Относятся ли изъятые с объектов, а также при осмотре места происшествия, почвенные наслоения к указанному участку местности? Имеются ли в предоставленных для исследования почвенных наслоениях характерные примеси, если да, то какие именно?

Следует отметить, что помимо решения основной задачи, немаловажным является возможность рассмотрения ряда диагностических, идентификационных и ситуационных задач. В качестве диагностических задач рассматриваются: непосредственное выявление почвенных наслоений и установление её локализации на объектах-носителях; определение пригодности обнаруженных почвенных наслоений для проведения соответствующей экспертизы и решения её вопросов.

Идентификационные задачи включают в себя: установление совокупности признаков, являющихся общими для исследуемых образцов почвенных наслоений, изъятых с различных объектов; отождествление исследуемых почвенных наслоений с локальным участком местности. К ситуационным задачам относятся: установление факта непосредственного взаимодействия объектов; установление механизма образования почвенных наслоений, на объекте-носителе, их давность; определение возможного пути перемещения человека, транспортных средств или предмета. Т.е., результаты почвоведческой экспертизы позволяют установить обстоятельства, указывающие на взаимосвязь исследуемых объектов, к месту совершения преступления, что особенно важно при определении механизма совершения преступления и сборе доказательств вины подозреваемых, по преступлениям рассматриваемой категории.

Особенностью почвоведческой экспертизы является её тесная взаимосвязь с другими видами экспертиз среди которых следует выделить *трассологическую*, входящую в состав традиционных криминалистических экспертиз. Такая ситуация обуславливается тем, что трассология, как один из центральных разделов криминалистической техники, изучает теоретические основы и закономерности возникновения материальных следов преступления, отражающих механизм его совершения, разрабатывающая методы и приёмы их фиксации, изъятия и исследования [3, с. 101].

Предметом трассологической экспертизы по делам рассматриваемой категории, является определение причинно-следственной связи между выявленными повреждениями или уничтожением культурного слоя земли и действиями подозреваемых на

месте происшествия. В рамках расследования преступлений рассматриваемого вида, трасологическая экспертиза решает следующие задачи: идентификационные, диагностические, установление факта контактного взаимодействия, реконструктивные, ситуалогические и классификационные [12, с. 13-14].

Следует отметить, что при решении ситуалогических задач на основе комплексного изучения вещной обстановки на месте происшествия, устанавливаются время события, участвовавшие в нём лица, связь между их действиями и выявленными материальными следами, отобразившимися в исследуемой обстановке. При этом необходимо обозначить, что по преступлениям расследуемой категории, каждый из исследуемых объектов может быть одновременно как следообразующим так и следовоспринимающим, как идентифицирующим так и идентифицируемым. Например, лопата, используемая для рытья шурфов на месте преступления, относительно оставляемых её объемных динамических и статических следов является следообразующим объектом. В то же время, относительно наслоений почвы, оставшихся на штыковой части лопаты, она выступает следовоспринимающим объектом.

Обобщая следственную практику, можно отметить, что для преступлений рассматриваемой категории, характерны следующие виды экспертиз в зависимости от объекта, оставившего их: 1) гомеоскопическая экспертиза (исследование следов человека); механоскопическая экспертиза (исследование следов орудий, инструментов и механизмов); 3) транспортно-трасологическая экспертиза (исследование следов транспортных средств, землеройных машин и механизмов).

Рассмотрение гомеоскопических экспертиз целесообразно начать с наиболее распространенных следов человека на месте преступления, а именно – следов рук.

Объектами *дактилоскопической экспертизы*, по преступлениям рассматриваемой категории, являются предметы со следами рук, выявленные при осмотре места происшествия, а также иных следственных действиях (обыск, выемка).

При выявлении отпечатков пальцев рук на месте происшествия, связанного с незаконным поиском либо изъятием археологических предметов из мест залегания, субъекту расследования, следует обратить особое внимание на предметы, с которыми возможно контактировали подозреваемые лица. Это могут быть: поверхности специальных технических средств поиска (металлоискатели, георадары, щупы и т.п.), рукоятки орудий используемых при рытье ям и шурфов (древко лопаты, топора, лом); внутренне пространство кабины землеройной техники или транспортных средств, используемых при совершении преступления; поверхности изъятых предметов посягательства (археологические предметы) и др. Идентификация выявленных следов рук с отпечатками пальцев конкретных лиц, осуществляется в рамках дактилоскопической экспертизы, результаты которой позволяют не только прояснить механизм совершения преступления, но и значительно сузить круг подозреваемых. В качестве образцов для сравнительного исследования предоставляются дактилоскопические карты на лиц, полученные ранее, или составленные на месте происшествия.

Трасологическая экспертиза *следов ног и обуви*, по уголовным делам рассматриваемой категории, позволяет решать диагностические, идентификационные и ситуалогические задачи. Идентификационные и диагностические задачи схожи с аналогичными задачами других видов экспертиз, из класса трасологических. Особенно-

стью же решения ситуалогической задачи является возможность определения элементов механизма совершения преступления: количества преступников, их примерные физические данные (рост, размер ноги), направление и темп движения, а также действия подозреваемых непосредственно на месте происшествия.

Как показывает следственная практика, при выявлении следов ног на месте происшествия, связанного с незаконным поиском или изъятием археологических предметов из мест залегания, следует обращать особое внимание на дно вырытых преступниками ям, колодцев и шурфов, а также, пространству вокруг них. Чаще всего, именно там локализуются отчётливые следы обуви и ног. Связано это с тем, что почва на определённой глубине под поверхностью земли является влажной, в связи с чем её консистенция позволяет легко принимать формы нижней части подошвы обуви или стопы ног и сохранять её длительное время.

Трасологическому исследованию могут быть подвергнуты как одиночные следы, так и совокупность последовательно отпечатавшихся следов ног – дорожка следов.

Исследование одиночных следов, позволяет установить особенности строения ног человека, определить фасон (модель), вид и размер обуви, оценить примерно рост человека. Дорожка же следов, позволяет определить не только физические особенности, но и функциональные признаки человека, связанные с его походкой (хромота, длина шага, угол поворота стопы и т.д.), количество лиц, находившихся на месте происшествия, выявить некоторые характеристики их поведения, пути подхода и отхода с места происшествия, а также возможные места сокрытия незаконно добытых археологических предметов или орудий совершения преступления.

В качестве сравнительных образцов обуви, предоставляемых на экспертизу, выступает изъятая обувь подозреваемых, задержанных на месте происшествия или при проведении последующих следственных действий (обыск, выемка), а также сравнительные отпечатки подошвы обуви или босых ног человека. При осмотре обуви, следует обращать особое внимание на углубления подошв, ранты и каблуки, где вероятны следы почвенных наслоений. При наличии таких следов обувь направляется на комплексное исследование, включающее трасологическую и почвоведческую экспертизы. Изъятую обувь следует бережно упаковать, для обеспечения сохранности следов почвы на её подошве.

Обнаруженные на месте происшествия, следы обуви и ног, подлежат фотографированию (по правилам криминалистической фотографии), отображению в описательной части протокола осмотра места происшествия, изъятию вместе со следоносителем, а при невозможности - копированием: поверхностные следы наслоения – на специальную липкую плёнку; объёмные следы – изготовлением слепков, с помощью различных слепочных масс.

Трасологические экспертизы иных следов человека (зубов, ногтей, крови, пота и т.д.), также решают диагностические и идентификационные задачи. Такие следы могут быть выявлены на месте происшествия, по делам рассматриваемой категории, при изучении различных предметов, оставленных преступниками на месте преступления или в районе его совершения. К ним относятся: остатки пищи, консервные банки, оставленные в своём «лагере» подозреваемыми; брошенные на землю окурки; оставленные личные вещи (перчатки, шапки, листы бумаги) и т.п. Все выявленные предметы подлежат обязательной фиксации, упаковке и изъятию, с соблюдением условий, обеспечивающих сохранность выявленных следов.

Трасологическая экспертиза следов орудий и инструментов, предусматривает исследование обнаруженных на месте происшествия, следов воздействия на участок местности и находящихся на нём объектов, с целью идентификации орудий, инструментов, и приспособлений, а также, реконструирования механизма совершения преступления.

Как было отмечено выше, предмет посягательства, по преступлениям рассматриваемого вида, чаще всего находится в земле, что, в свою очередь, принуждает преступников осуществлять его поиск и изъятие, с применением различных орудий, инструментов, приспособлений или механизмов. Следы этих орудий и инструментов, могут отображаться как непосредственно на почве, так и на самих предметах посягательства. Так, например, на дне вырытых шурфов, колодцев или на их стенах могут отображаться объёмные следы внешних поверхностей орудий и инструментов, которые использовали преступники. Такие следы важны при решении диагностических задач по определению способы совершения преступления, и идентификационных задач при розыске непосредственно использованного предмета или инструмента.

Орудия и инструменты, предоставляемые для исследования, могут быть получены в ходе осмотра места происшествия, а также при производстве обыска или выемки по месту жительства (работы, обучения) подозреваемых(обвиняемых).

Транспортно-трасологическая экспертиза, при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ, проводится в случаях, когда установлено, что незаконный поиск или изъятие археологических предметов, осуществлялся с применение специальной землеройной техники, транспортных средств или иных самоходных механизмов. Предметом такой экспертизы является идентификация транспортных средств или землеройной техники, отдельных частей и деталей указанных механизмов, на основе выявления и анализа следов от этих объектов, имеющих отношение к месту происшествия и механизму совершения преступления.

Объектами транспортно-трасологической экспертизы являются: объёмные следы от поверхности ходовой части транспортных средств, землеройной и иной самоходной техники (протектор шин, звенья гусеницы) или их частей и агрегатов (ковш, грейдер, бур и т.д.); транспортные средства, землеройная и иная техника, их части и детали; следы горюче-смазочных материалов, осколки стекла, частицы лакокрасочных покрытий и иных частей и механизмов транспортных средств; предметы посягательства, на которых оставлены следы специальной техники или транспортных средств, при их непосредственном контакте.

В качестве образцов для сравнительного исследования могут быть представлены предметы в натурном виде (шины, колёса) или экспериментальные образцы, изъятые при обследовании транспортных средств и механизмов. Выявление и идентификация транспортных средств и механизмов, использовавшихся при совершении преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ, позволяют расширить криминалистическую характеристику личности подозреваемого, обозначить его индивидуальные признаки, что положительно влияет на версионный процесс и решение розыскных задач расследования.

При расследовании преступлений рассматриваемой категории, также могут назначаться иные классы, роды и виды экспертиз: биологическая; судебно-медицинская; геномная; судебно-ботаническая и др. Однако, данные экспертизы не

являются характерными для типичных следственных ситуаций по преступлениям рассматриваемого вида. Частота их назначения и значимость зависит от обстоятельств конкретного преступления.

В заключении отметим, что практика расследования преступлений, связанных с незаконной деятельностью в области археологии, до настоящего времени не имеет такого же широкого объема исследований как более «традиционные» виды преступлений (кражи, грабежи, мошенничества и т.д.), и соответственно, не имеет такого же глубокого методологического обеспечения. Однако, смеем предположить, что исследованные в нашей статье теоретические, методические и методологические особенности назначения некоторых видов судебных экспертиз, а также выработанные на их основе рекомендации, по формулированию перечня примерных вопросов подлежащих установлению при их производстве, способствуют установлению всех обстоятельств события, связанного с незаконным поиском или изъятием археологических предметов из мест залегания, обеспечат эффективный сбор доказательственной базы и послужат источником составных элементов методологического обеспечения расследований преступлений данного вида.

Список литературы:

1. Антонов И. А. К вопросу о целях и задачах стадии предварительного расследования / И. А. Антонов, А. М. Алексеенко // Мир юридической науки. – 2017. – № 3. – С. 59-64. – EDN YMEXDD.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ – Текст: электронный // Доступ из справочной правовой системы «Гарант» / <https://base.garant.ru/12125178/a293b837c00eadeaea9c90c1f7b4f466/> (дата обращения: 20.02.2026).
3. Ищенко Е.П. Криминалистика для следователей и дознавателей: Научно-практическое пособие. – 2-е изд., доп. и перераб. / Ищенко Е.П., Егоров Н.Н. – М.: Юридическая фирма «Контракт». ИНФРА-М. 2016. – 699 с. Текст : непосредственный.
4. Баграмян С. Л. К вопросу об уголовно-правовых аспектах неотложных следственных действий по уголовным делам, связанным с незаконными поиском и (или) изъятии археологических предметов из мест залегания / С. Л. Баграмян // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 263-271. – EDN POBOUE.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) – Текст: электронный // Доступ из справочной правовой системы «Гарант» / <https://base.garant.ru/10108000/>
6. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. N 73-ФЗ "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) ФЗ – Текст: электронный // Доступ из справочной правовой системы «Гарант» / <https://base.garant.ru/12127232/>
7. Семионкина Н. Г. Культурные ценности и предметы культурного назначения как объекты искусствоведческих экспертиз / Н. Г. Семионкина, М. А. Комова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2018. – № 3(76). – С. 151-155. – EDN YNQZWH.
8. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории : Курс общей теории : для использования в учебном процессе по специальности "Судебная экспертиза" / Т. В. Аверьянова. - Москва : Изд-во Норма, 2009. - 479 с. Текст : непосредственный.
9. Бондаренко Л. К. Доказательственное содержание судебной искусствоведческой экспертизы / Л. К. Бондаренко // Теория и практика судебной экспертизы. – 2015. – № 3(39). – С. 17-22. – EDN UKWTKX.
10. Янин С. А. Расследование преступлений, предусмотренных статьями 243.2 и 243.3 Уголовного кодекса Российской Федерации / С. А. Янин, Т. Н. Янина, М. Г. Горелов. – Волгоград : Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – 92 с. – ISBN 978-5-7899-1410-6. – EDN RRCTBJ.
11. Митричев В. С. Основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий из них : Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 350600 - "Судебная экспертиза" / В. С. Митричев, В. Н. Хрусталева ; В. С. Митричев, В. Н. Хрусталева. – СПб. и др. : Питер, 2003. – 590 с. – (Учебное пособие / Сарат. юрид. ин-т МВД России). – ISBN 5-314-00137-3. – EDN QVQJLV.
12. Майлис Н. П. Судебная трасология : Учебник для студентов юридических вузов / Н. П. Майлис. – Москва : Издательство "Экзамен", 2003. – 272 с. – EDN TXBZHT.

Bagramyan S. L. Some features of expert criminalistics support for the organization of the investigation of crimes provided for in article 243.2 of the criminal code of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 429-439.

The article examines and analyzes the criminalistic characteristics, tactical expediency and some features of the appointment of certain types of forensic examinations at the initial stage of the investigation of crimes provided for in Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, and examines the ways of their practical implementation. The author highlights the role of forensic examination as one of the fundamental procedural actions that determine both the existence of the very composition of illegal activity in the field of archeology and its qualifying features. In the main part of the article, the author, using the method of scientific analysis, defines the practical goals, objectives and possibilities of such types of forensic examinations as: art history, soil science and tracology, as part of the investigation of crimes provided for in art. 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The role of each of these examinations in the process of establishing the circumstances of a committed tort is assessed in detail, the list of objects and subjects of research is substantiated, and the tasks solved during their conduct are analyzed. Taking into account the formation of the main objectives of the organization of the investigation of crimes of the type in question at the initial stage, the author formulates approximate lists of issues to be resolved by the expert, aimed at optimizing and improving the effectiveness of activities to establish all the circumstances of the event related to the illegal search and (or) seizure of archaeological objects from their sites. The article has a practice-oriented orientation and may be useful in organizing investigations of crimes under Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as for theoretical study in the training of specialists in the field of jurisprudence and law enforcement.

Key words: art history examination, soil science examination, tracological examination, initial stage of investigation, forensic examination, cultural layer, archaeological object, diagnostic task, identification, situational task.

Spisok literaturi:

1. Antonov I. A. K voprosu o tselyakh i zadachakh stadii predvaritelnogo rassledovaniya / I. A. Antonov, A. M. Alekseenko // *Mir yuridicheskoi nauki*. – 2017. – № 3. – S. 59-64. – EDN YMEXDD.
2. Uголовно-протссуалний кодекс Россиіскоі Федератсії ot 18.12.2001 N 174-FZ – Tekst: elektronnii // Dostup iz spravochnoi pravovoi sistemi «Garant» / <https://base.garant.ru/12125178/a293b837c00eadeaea9c90c1f7b4f466/> (data obrashcheniya: 20.02.2026).
3. Ishchenko Ye.P. Kriminalistika dlya sledovatelei i doznavatelei: Nauchno-prakticheskoe posobie. – 2-e izd., dop. i pererab. / Ishchenko Ye.P., Yegorov N.N. – M.: Yuridicheskaya firma «Kontrakt». INFRA-M. 2016. – 699 s. Tekst : neposredstvennii.
4. Bagramyan S. L. K voprosu ob uголовно-правовіх аспектах неотлозніх слідствених деістві по uголовнім делам, svyazannim s nezakonnimi poiskom i (ili) izyatiі arkheologicheskikh predmetov iz mest zaleganiya / S. L. Bagramyan // *Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskіe nauki*. – 2025. – T. 11, № 2. – S. 263-271. – EDN POBOUE.
5. Uголовний кодекс Россиіскоі Федератсії" ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 20.02.2026) – Tekst: elektronnii // Dostup iz spravochnoi pravovoi sistemi «Garant» / <https://base.garant.ru/10108000/>
6. Federalnii zakon ot 25 iyunya 2002 g. N 73-FZ "Ob obektakh kulturnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kulturi) narodov Россиіскоі Федератсії" (s izmeneniyami i dopolneniyami) FZ – Tekst: elektronnii // Dostup iz spravochnoi pravovoi sistemi «Garant» / <https://base.garant.ru/12127232/> (data obrashcheniya: 20.02.2026).
7. Semionkina N. G. Kulturnie tsennosti i predmeti kulturnogo naznacheniya kak obekti iskusstvovedcheskikh ekspertiz / N. G. Semionkina, M. A. Komova // *Nauchnii vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Lukyanova*. – 2018. – № 3(76). – S. 151-155. – EDN YNQZWH.
8. Averyanova T. V. Sudebnaya ekspertiza. Kurs obshchei teorii : dlya ispolzovaniya v uchebno-m protsesse po spetsialnosti "Sudebnaya ekspertiza" / T. V. Averyanova. - Moskva : Izd-vo Norma, 2009. - 479 s. Tekst : neposredstvennii.
9. Bondarenko L. K. Dokazatelstvennoe sodержanie sudebnoi iskusstvovedcheskoi ekspertizi / L. K. Bondarenko // *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizi*. – 2015. – № 3(39). – S. 17-22. – EDN UKWTKX.
10. Yanin S. A. Rassledovanie prestuplenii, predusmotrennikh statyami 243.2 i 243.3 Uголовnogo kodeksa Россиіскоі Федератсії / S. A. Yanin, T. N. Yanina, M. G. Gorelov. – Volgograd : Volgogradskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Россиіскоі Федератсії, 2022. – 92 s. – ISBN 978-5-7899-1410-6.
11. Mitrichev V. S. Osnovi kriminalisticheskogo issledovaniya materialov, veshchestv i izdelii iz nikh : Ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsialnosti 350600 - "Sudebnaya ekspertiza" / V. S. Mitrichev, V. N. Khrustalev ; V. S. Mitrichev, V. N. Khrustalev. – SPb. i dr. : Piter, 2003. – 590 s. – (Uchebnoe posobie / Sarat. yurid. in-t MVD Rossii). – ISBN 5-314-00137-3. – EDN QVQJLV.
12. Mailis N. P. Sudebnaya trasologiya : Uchebnik dlya studentov yuridicheskikh vuzov / N. P. Mailis. – Moskva : Izdatelstvo "Ekzamen", 2003. – 272 s. – EDN TXBZHT.

УДК 343.3/.7

**О СОДЕРЖАНИИ МОТИВОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ,
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЛИ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ В
ОТНОШЕНИИ КАКОЙ ЛИБО СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ КАК ПРИЗНАКА
СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ**

Деревянская Т. П., Шаганова О. М.

Статья посвящена исследованию содержания мотивов политической, идеологической, национальной или религиозной ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы как квалифицирующих признаков составов преступлений против личности, а также проблем, возникающих при квалификации. Авторами подчеркивается, что несмотря на законодательное закрепление мотивов политической, идеологической, национальной, религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, содержание данных мотивов остается дискуссионным в теории уголовного права, а их установление на практике сопряжено со значительными трудностями. В работе анализируются ключевые проблемы содержания мотивов политической, идеологической, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы: дифференциации мотивов ненависти или вражды, специфической характеристике рассматриваемых мотивов, определяющих их уголовно-правовое значение. Особое внимание уделяется содержательному наполнению мотивов ненависти или вражды и некоторым проблемам квалификации таких преступлений. Авторы приходят к выводу о необходимости системного подхода, неукоснительного соблюдения принципа вины, тщательного анализа структуры мотивации и активного использования специальных познаний.

Ключевые слова: ненависть, вражда, мотивы, политические, идеологические, национальные, религиозные, преступления против личности, экстремистские мотивы, квалификация преступлений.

Преступления, совершаемые по мотивам политической, идеологической, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, обладают признаком повышенной общественной опасности. Это обусловлено двойственной направленностью их противоправного посягательства. С одной стороны, как и все преступления против личности, они непосредственно посягают на важнейшие нематериальные блага человека – жизнь и здоровье. С другой стороны, их имманентным свойством является посягательство на гарантированные Конституцией РФ основы конституционного строя и общественной безопасности, в частности, на принцип равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от социальных, расовых, национальных, религиозных и иных признаков (ст. 19 Конституции РФ). Таким образом, виктимизация потерпевшего происходит не в силу личных качеств или действий, а исключительно из-за реальной или предполагаемой принадлежности к определенной группе, что порождает нетерпимость и социальную напряженность.

Кроме того, как отмечает А.В. Лагуточкин «актуальность изучения данного вопроса вызвана и тем, что сегодня развития высоких технологий и технических средств, значимая доля преступлений совершается на просторах сети «Интернет», что в свою очередь усложняет процесс пресечения национальной и религиозной ненависти, избличения виновных. Динамичное распространение радикальных национальных и религиозных настроений, а также отсутствие выработанной методики и тактики эффективного расследования данных преступлений, требует всестороннего изучения вопроса мотивов национальной и религиозной ненависти» [1, с. 519-520].

Несмотря на законодательное закрепление мотивов политической, идеологической, национальной, религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо

социальной группы, содержание данных мотивов остается дискуссионным в теории уголовного права, а их установление на практике сопряжено со значительными трудностями. В системе признаков состава преступления мотив ненависти или вражды относится к субъективной стороне, характеризуя внутренние побуждения виновного, которые обусловили совершение общественно опасного деяния. В юридической литературе справедливо подчеркивается, что ненависть и вражда, хотя и взаимосвязаны, не являются тождественными понятиями [2, с. 45].

Законодатель дифференцирует мотивы ненависти и вражды, используя разделительный союз «либо», что указывает на их самостоятельный характер.

В доктрине уголовного права существуют различные подходы к соотношению ненависти и вражды: 1) идентичность понятий на основании их общей эмоциональной основы [3, с. 25]; 2) рассмотрение вражды как следствия ненависти, что ставит под сомнение необходимость самостоятельного выделения мотива вражды [4, с. 39]; 3) взаимодополняемость понятий, при которой они рассматриваются как единый комплекс [5, с. 96]. Представляется, что ненависть и вражда, будучи взаимосвязанными, являются самостоятельными мотивами, способными порождать преступное поведение как самостоятельно, так и в сочетании с иными побуждениями. Проведенный анализ доктринальных источников позволил установить, что содержательное различие между ними заключается в следующем:

Ненависть – это интенсивное негативное чувство (неприязнь, отвращение), носящее характер устойчивой эмоциональной установки по отношению к определенной социальной группе или ее представителю. Вражда – это активная форма проявления неприязни, выражающаяся в действиях, направленных на противостояние, унижение или причинение вреда «чужим».

Исходя из этого, ненависть характеризует внутреннее психоэмоциональное состояние личности, в то время как вражда представляет собой внешне выраженную форму социального взаимодействия, проникнутую неприязнью.

В судебно-следственной практике сохраняется тенденция к отождествлению данных мотивов, что приводит к их некорректной квалификации. Например, убийство адвоката М. квалифицировано как преступление, совершенное по мотивам идеологической ненависти и вражды. Однако, фактически же мотивы были связаны с негативными чувствами к действиям потерпевшего, что свидетельствует скорее о ненависти, нежели о вражде [6].

В этой связи правоприменительным органам необходимо проводить тщательный анализ мотивационной сферы виновного для точной квалификации содеянного. Отсутствие легальных дефиниций и единообразных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ порождает противоречивую практику. Мотивы ненависти и вражды как элемент субъективной стороны преступления обладают комплексом специфических характеристик, определяющих их уголовно-правовое значение: 1) антисоциальная природа, проявляющаяся в устойчивых деформациях ценностно-нормативной системы личности, ориентированных на отрицание социального равенства; 2) эмоционально-эгоистическая основа, отражающая доминирование аффективно-личностных компонентов в генезисе преступного поведения; 3) низменный характер, детерминирующий повышенную степень общественной опасности как самого деяния, так и личности виновного, что объективно требует усиления уголовно-правовой репрес-

сии; 4) логнитивная осознаваемость, поскольку их формирование осуществляется через рациональное восприятие и интерпретацию социальных различий, что исключает возможность их случайного возникновения.

Следовательно, мотивы ненависти и вражды представляют собой системное образование, сочетающее устойчивые антисоциальные установки, эмоционально-эгоистическую детерминацию поведения, низменную морально-нравственную оценку и осознанный характер формирования. Данная совокупность характеристик не только подтверждает их качественное отличие от иных видов мотивации, но и объективно обосновывает необходимость их специального уголовно-правового регулирования в качестве конструктивного или квалифицирующего признака соответствующих составов преступлений.

Содержательное наполнение мотивов ненависти и вражды детерминировано их направленностью на социальные группы, идентифицируемые по специфическим дискретным признакам. В системе уголовно-правовой квалификации данные признаки структурируются следующим образом: 1) политический признак – характеризует принадлежность лица к определенной политической партии, движению, идеологическому течению, а также к сторонникам или оппонентам существующего государственного строя; 2) идеологический признак – отражает приверженность или неприятие определенной системы мировоззренческих установок, концепций и воззрений, которые не всегда коррелируют с политическими убеждениями; 3) национальный признак – определяется принадлежностью к конкретной этнической общности или национальности, что формирует специфический объект криминальной мотивации; 4) религиозный признак – включает исповедание либо отрицание определенной религии, принадлежность к религиозной конфессии, а также атеистические убеждения как объект противоправной направленности.

Вследствие этого, содержательная специфика мотивов ненависти и вражды раскрывается через систему дискретных социально-демографических, политических и мировоззренческих характеристик, образующих комплексный критерий для идентификации объекта преступного посягательства. Легальное закрепление указанных признаков создает необходимые предпосылки для точной квалификации преступлений экстремистской направленности и их отграничения от смежных составов.

Совершаемые по данным мотивам преступления не ограничиваются экстремистской направленностью, а посягают на различные охраняемые уголовным законом блага [7, с. 26]. Ключевой проблемой является установление доминирующего мотива в случаях их возможного сочетания с иными побуждениями (ревностью, завистью, местью). Неверное установление мотивативной структуры препятствует индивидуализации наказания и выбору адекватных мер исправительного воздействия.

Правоприменительная практика сталкивается с рядом проблем при установлении и доказывании исследуемых мотивов.

Во-первых, сложность представляет отграничение мотивов ненависти или вражды от иных побуждений, таких как хулиганские мотивы (п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Ключевым критерием разграничения выступает направленность умысла: при хулиганстве виновный демонстративно противопоставляет себя обществу в целом, его действиями движет неуважение к общепринятым нормам. Мотив же ненависти всегда целенаправлен против конкретной социальной группы, даже если потерпевшим является один ее представитель [8, с. 112].

Во-вторых, на практике зачастую происходит смешение мотива и цели преступления. Мотив отвечает на вопрос «почему?», а цель – «для чего?». Так, целью разжигания ненависти (ст. 282 УК РФ) является возбуждение ненависти или вражды у третьих лиц, в то время как мотивом самого преступника может быть личная неприязнь к конкретной группе, фанатизм или карьерные соображения. Установление именно мотивативной составляющей является обязательным для квалификации.

В-третьих, острой проблемой остается отсутствие легального определения социальной группы, что приводит к расширительному или, напротив, излишне ограничительному толкованию этого понятия судами. В этой связи актуальным представляется закрепление в постановлении Пленума Верховного Суда РФ примерного перечня характеристик, позволяющих идентифицировать социальную группу (например, профессия, имущественное положение, возраст, субкультурная принадлежность).

Для единообразного понимания и применения исследуемого признака состава преступления необходимы следующие меры: 1) детализация понятийного аппарата. Целесообразно принятие Пленумом ВС РФ нового постановления, в котором были бы разграничены понятия ненависти и вражды, приведены критерии их установления, а также даны разъяснения по содержанию признака «социальная группа»; 2) формирование системы доказывания. Следственной и судебной практике необходимо ориентироваться на установление не только самих обстоятельств деяния, но и контекста, в котором оно совершено (высказывания виновного до и после преступления, его принадлежность к экстремистским группам, характер используемых высказываний и символики, направленность против определенного круга лиц); 3) повышение квалификации правоприменителей. Необходимо углубленное изучение судьями и следователями психологических и социологических аспектов межгрупповых конфликтов и проявлений нетерпимости для точной квалификации мотивационной сферы преступления.

В рамках конкретных составов преступлений против личности, предусмотренных Особенной частью УК РФ, анализируемый мотив приобретает статус обязательного квалифицирующего признака. К ним относятся: 1) п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство»; 2) п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; 3) п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»; 4) п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью»; 5) п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ «Истязание»; 6) ч. 2 ст. 119 УК РФ «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»).

Ключевой проблемой квалификации преступлений с рассматриваемым мотивом выступает установление и процессуальное доказывание субъективной стороны состава преступления. Поскольку мотив ненависти или вражды относится к сфере внутренних, субъективных психических процессов виновного, его установление невозможно путем простого логического вывода из внешних обстоятельств совершения насильственного акта.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов остается квалификация преступлений, совершенных из мести за конкретные действия потерпевшего, которые виновный ошибочно или предвзято связывает с его принадлежностью к определенной группе. Типичный пример: бытовой конфликт между соседями, один из которых

является мигрантом, перерастает в насилие, в ходе которого виновный высказывает оскорбления на национальной почве.

В подобных случаях необходим тщательный анализ структуры мотивации. Если основным, доминирующим побуждением была личная обида, месть за конкретные действия (например, порчу имущества, оскорбление), а национальная принадлежность была лишь случайным фоном или использовалась как удобный инструмент для оскорбления, квалификация по признаку национальной ненависти не обоснована. Если же личный конфликт был лишь поводом, а подлинной причиной стала глубинная ненависть к группе, которую «олицетворял» потерпевший, и умысел виновного был направлен именно на причинение вреда по групповому признаку, то состав преступления с мотивом ненависти или вражды имеет место.

Анализ современной судебной практики показывает, что судебные инстанции демонстрируют тенденцию к ужесточению стандартов доказывания мотива ненависти или вражды. Так, в приговоре Октябрьского районного суда г. Красноярск указано, что одних лишь предположений и умозаключений о наличии межнациональной неприязни недостаточно для квалификации по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если высказывания виновного не были зафиксированы и не свидетельствуют о его мотивах однозначно и недвусмысленно [9].

Для достоверного установления мотива требуется формирование совокупности прямых и косвенных доказательств, образующих устойчивую систему. Сложившаяся правоприменительная практика, включая разъяснения Пленума ВС РФ [10], к числу таких доказательств относит: 1) высказывания виновного, содержащие унижительные характеристики, оскорбления, угрозы или призывы, основанные на расовой, национальной, религиозной и иной групповой принадлежности потерпевшего. Такие высказывания могут иметь место до, во время или после совершения преступления; 2) атрибуты и деятельность, свидетельствующие о причастности виновного к экстремистским объединениям. К ним относится наличие соответствующей символики (на одежде, теле в виде татуировок), распространение литературы, участие в деятельности запрещенных организаций, членство в неформальных группах, пропагандирующих идеи превосходства; 3) характер предшествующих взаимоотношений виновного и потерпевшего, если они были знакомы ранее; 4) обстоятельства совершения преступления. Например, нападение во время религиозного или национального праздника, целенаправленный выбор жертвы в месте компактного проживания определенной группы, совершение преступления в знаковом историческом или культурном контексте.

Несмотря на наличие данных ориентиров, на практике нередки случаи ошибочной квалификации, как в сторону завышения, так и в сторону занижения.

В качестве примера завышения квалификации служит казус, отраженный в одном из апелляционных определений. Так, суд первой инстанции квалифицировал убийство, совершенное П., по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, исходя лишь из того факта, что потерпевший И. был нерусской национальности. Защита настаивала на том, что убийство было совершено на почве бытовой ссоры, П. не знал национальности И., не высказывал националистических лозунгов и не был связан с экстремистскими организациями. Тем не менее, ВС РФ оставил квалификацию без изменения, что было подвергнуто обоснованной критике в научной литературе как пример формального подхода, противоречащего принципу вины [11].

Подобная практика создает подход, при котором сама по себе межгрупповая разница между виновным и потерпевшим рассматривается как достаточное доказательство мотива ненависти, что недопустимо. С другой стороны, существует проблема занижения квалификации, когда следственные органы и суды, сталкиваясь с наличием длительных личных отношений между виновным и потерпевшим, автоматически исключают возможность наличия экстремистского мотива, списывая все на личную неприязнь. Как справедливо отмечает Ф.З. Велиев, критерий «длительности отношений», указанный в постановлении Пленума ВС РФ [10], является расплывчатым и неконкретным [12, с. 1282]. Наличие длительных отношений не исключает, что именно групповая принадлежность стала катализатором и доминирующей причиной конфликта. Равно как и кратковременность знакомства сама по себе не является безусловным индикатором мотива ненависти или вражды.

Исходя из указанного, решающее значение для квалификации приобретает не столько длительность отношений, сколько доминирующий мотив и направленность умысла. Ключевым вопросом является было ли враждебное отношение обращено на конкретного человека как личность или же потерпевший воспринимался как безликий «символ» враждебной группы, против которой направлена агрессия. Если личность потерпевшего не имеет самостоятельного значения для виновного, а он выступает лишь персонифицированным объектом ненависти к целой группе, наличие мотив ненависти или вражды.

Сложной задачей является отграничение преступлений против личности, квалифицированных по мотиву ненависти или вражды (например, п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), от преступлений экстремистской направленности, посягающих на общественную безопасность, в частности, от ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства).

Ключевое отличие заключается в основном непосредственном объекте посягательства. В убийстве по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ основным непосредственным объектом является жизнь конкретного человека. Мотив ненависти или вражды выступает квалифицирующим признаком, отягчающим ответственность за посягательство на этот основной объект. В преступлении, предусмотренном ст. 282 УК РФ, основным непосредственным объектом выступают общественная безопасность и основы конституционного строя. Действия виновного направлены не на причинение вреда конкретному лицу, а на возбуждение ненависти или вражды к неопределенно широкому кругу лиц, объединенных по определенным признакам.

На практике возможна идеальная совокупность преступлений. Например, если виновный совершает убийство представителя определенной национальности, мотивированное национальной ненавистью, и при этом в публичном выступлении или в социальных сетях призывает к насилию против всей данной национальной группы, его действия следует квалифицировать по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ст. 282 УК РФ, поскольку причиняется вред двум разным объектам уголовно-правовой охраны.

Еще одной проблемой является конкуренция квалифицирующих признаков при совершении преступления в отношении представителя власти. Если убийство или причинение вреда здоровью совершено в связи с осуществлением потерпевшим своей служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ), и при этом установлен мотив ненависти или вражды к

социальной группе, к которой принадлежит потерпевший (например, к сотрудникам правоохранительных органов), возникает конкуренция между специальным признаком (связь с деятельностью) и мотивом. В такой ситуации, согласно правилам квалификации при конкуренции норм, приоритет имеет специальный квалифицирующий признак «в связи с осуществлением служебной деятельности». Это объясняется тем, что данный признак более точно отражает направленность умысла виновного и характер причиненного вреда, который в первую очередь связан с пресечением общественно полезной деятельности, а не с групповой принадлежностью как таковой.

Для преодоления выявленных проблем и совершенствования правоприменительной деятельности представляется целесообразной реализация следующих мер: 1) унификация понятийного аппарата. Необходимо продолжить работу по формированию единообразного доктринального и судебного толкования понятия «социальная группа». Целесообразно закрепить на уровне постановления Пленума ВС РФ примерный перечень признаков, которые могут характеризовать социальную группу; 2) неукоснительное соблюдение принципа субъективного вменения. Квалификация по мотиву ненависти или вражды недопустима лишь на основании принадлежности потерпевшего к определенной группе и субъективных предположений следователя или судьи. Бремя доказывания наличия конкретного мотива лежит на стороне обвинения и должно быть исполнено с помощью всей совокупности собранных по делу доказательств.

Таким образом, квалификация преступлений против личности, совершаемых по мотивам ненависти или вражды, сопряжена с комплексом проблем, ключевой из которых является доказывание субъективной стороны состава. Внутренняя природа мотива требует формирования устойчивой системы доказательств (высказывания, атрибутика, обстоятельства деяния), исключающей квалификацию на основе лишь предположений или формальной групповой принадлежности потерпевшего. Правоприменительные проблемы включают терминологическую неопределенность, трудности разграничения со смежными мотивами, смешение мотива и цели преступления, а также отсутствие легальной дефиниции социальной группы. Это приводит к противоречивой судебной практике и некорректной квалификации деяний.

Перспективные направления совершенствования предполагают системную модернизацию правового регулирования через: унификацию понятийного аппарата в актах высшей судебной инстанции; разработку методики доказывания мотивационной сферы с учетом контекстуальных факторов; специализированную подготовку правоприменителей в области психологии и социологии межгрупповых отношений.

Реализация предложенных мер будет способствовать формированию единообразной судебной практики и повышению эффективности уголовно-правового противодействия преступлениям, совершаемым по мотивам ненависти и вражды.

Список литературы:

1. Лагуточкин, А. В. Предпосылки возникновения национальной или религиозной вражды как мотива совершения преступлений экстремистского или террористического характера / А. В. Лагуточкин, В. Н. Чаплыгина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 519-525. – DOI 10.29039/2413-1733-2024-10-3-519-525. – EDN LBIFOR.
2. Кроз М.В., Ратинов А.Р., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти: психолого-правовая характеристика / под ред. А.Р. Ратинова. М.: Юрлитинформ, 2005. – 253 с. – Текст : непосредственный.
3. Кунашев А.А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. – 27 с. – Текст : непосредственный.

4. Соловьева С.В. Преступления, совершаемые по мотивам ненависти или вражды: вопросы квалификации, пенализации и назначения наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. – 195 с. – Текст : непосредственный.
5. Ревина В.В. Экстремизм в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. – 195 с. – Текст : непосредственный.
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 января 2022 г. № 5-О21-1СП // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27012022-n-5-o21-1sp/> (дата обращения: 28.01.2026).
7. Малинина Я.В. Преступления, совершаемые по мотивам ненависти или вражды: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2024. – 256 с. – Текст : непосредственный.
8. Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография / отв. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2007. – 159 с. – Текст : непосредственный.
9. Приговор Октябрьского районного суда города Красноярска от 08.07.2025 г. по делу № 1-488/2025 // СПС Консультант Плюс / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online-prom.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=3E5181A4537CC6FCE7107DD8B1DAFC3B&mode=searchcard&base=AOSB&n=11027212&BASENODE=IliMiwyMTQsQVNPSiliLCliMiwyMTksU09KIiIsIiYLDIsQVJCiIi&rnd=0UZu8Q#eN0e32VVJAF3NdbU> (дата обращения: 18.01.2026).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 23.12.2025) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС Консультант Плюс / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 18.01.2026).
11. Велиев Ф.З. Мотив ненависти или вражды в уголовном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 10. – С. 1277-1282. – Текст : непосредственный.

Derevyanskaya T.P., Shaganova O.M. On the content of motives of political, ideological, national or religious hatred or enmity against any social group as a sign of crimes against a person // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 440-448.

The article is devoted to the study of the content of motives of political, ideological, national or regional hatred and hostility towards any social group as qualifying signs of crimes against a person, as well as problems that arise during qualification. The authors emphasize that despite the legislative consolidation of motives of political, ideological, national, religious hatred or hostility towards any social group, the content of these motives remains controversial in the theory of criminal law, and their establishment in practice is fraught with considerable difficulties. The paper analyzes the key problems of the content of motives of political, ideological, national or religious hatred or enmity against any social group: differentiation of motives of hatred or enmity, specific characteristics of the motives under consideration, determining their criminal and legal significance. Special attention is paid to the content of hate or enmity motives and some problems of qualification of such crimes. The authors conclude that there is a need for a systematic approach, strict observance of the principle of guilt, a thorough analysis of the structure of motivation and the active use of special knowledge.

Keywords: hatred, enmity, motives, political, ideological, national, religious, crimes against personality, extremist motives, qualification of crimes.

Spisok literatury:

1. Lagutochkin. A. V. Predposylki vozniknoveniya natsionalnoy ili religioznoy vrazhdy kak motiva soversheniya prestupleniy ekstremistskogo ili terroristicheskogo kharaktera / A. V. La-gutochkin. V. N. Chaplygina // Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2024. – Т. 10. № 3. – С. 519-525. – DOI 10.29039/2413-1733-2024-10-3-519-525. – EDN LBIFOR.
2. Kroz M.V., Ratinov A.R., Ratnova N.A. Otvetstvennost za razzhiganiye vrazhdy i nenavisti: psikhologo-pravovaya kharakteristika / pod red. A.R. Ratnova. M.: YurLitinform. 2005. – 253 s.
3. Kunashev A.A. Motivy nenavisti ili vrazhdy v ugovnom prave Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2012. – 27 s.
4. Solovyeva S.V. Prestupleniya, sovershayemye po motivam nenavisti ili vrazhdy: voprosy kvalifikatsii, penalizatsii i naznacheniya nakazaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar. 2014. – 195 s.
5. Revina V.V. Ekstremizm v rossiyskom ugovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2010. – 195 s.
6. Kassatsionnoye opredeleniye Sudebnoy kollegii po ugovnym delam Ver-khovnogo Suda RF ot 27 yanvarya 2022 g. № 5-О21-1СП // [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27012022-n-5-o21-1sp/> (data obrashcheniya: 28.01.2026).

7. Malinina Ya.V. Prestupleniya, sovershayemye po motivam nenavisti ili vrazhdy: ugovno-pravovyye i kriminologicheskiye aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov. 2024. – 256 s.
 8. Khlebushkin A.G. Ekstremizm: ugovno-pravovoy i ugovno-politicheskiy analiz: monografiya / otv. red. N.A Lopashenko. Saratov: Saratovskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii. 2007. – 159 s.
 9. Prigovor Oktyabrskogo rayonnogo suda goroda Krasnoyarska ot 08.07.2025 g. po delu № 1-488/2025 // SPS Konsultant Plyus / [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://online-prom.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=3E5181A4537CC6FCE7107DD8B1DAFC3B&mode=searchcard&base=AOSB&n=11027212&BASENODE=IiLiMiwyMTQsQVNPSiLiLCiMiwyMTksU09KIiIsIilyLDIsQVJCiLi&rnd=0UZu8Q#eN0e32VVJAF3NdbU> (data obrashcheniya: 18.01.2026).
 10. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 28.06.2011 № 11 (red. ot 23.12.2025) «O sudeb-noy praktike po ugovnym delam o prestupleniyakh ekstremistskoy napravlenosti» // SPS Konsultant Plyus / [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (data obrashcheniya: 18.01.2026).
 11. Veliyev F.Z. Motiv nenavisti ili vrazhdy v ugovnom zakonodatelstve Rossii // Aktual'-nyye problemy rossiyskogo prava. – 2013. – № 10. – S. 1277-1282.
- .

УДК 343.9

СОВЕРШАЕМЫЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИЙ НЕЗАКОННЫЙ СБЫТ НАРКОТИКОВ, ТРАДИЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, КАК ВИД ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ: АНАЛИЗ ДОКТРИНЫ, НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ

Зинченко Д. С.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

В статье анализируется незаконный сбыт наркотиков, совершаемый с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), как вид преступной деятельности и как элемент системы незаконного оборота наркотиков. На основе сопоставления доктринальных подходов, российского законодательства и международных конвенций ООН конкретизируется содержание понятий «незаконный оборот наркотиков» и «сбыт наркотиков» применительно к цифровой среде. Обосновывается системный характер незаконного оборота наркотиков, представляющего собой сложную, организованную многоуровневую, экономически ориентированную преступную систему, в которой сбыт выполняет функцию ключевого элемента, обеспечивающего воспроизводство криминального цикла. Особое внимание уделяется роли ИКТ, трансформирующих способы сбыта, масштабы и географию наркорынка. Формулируется авторская дефиниция незаконного сбыта наркотиков с использованием ИКТ. На основе анализа положений Конвенции ООН 1988 г. делается вывод о том, что международно-правовое регулирование фактически осуществляется с позиции модели системы незаконного оборота, а не совокупности отдельных составов преступлений и правонарушений. Обосновывается вывод о том, что сбыт наркотиков, осуществляемый с использованием ИКТ обеспечивает оптимальный баланс криминального предложения и потребительского спроса, что позволяет системе незаконного оборота наркотиков интенсивно развиваться и совершенствоваться.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков; сбыт наркотиков; информационно-коммуникационные технологии; информационное пространство; наркобизнес; система преступной деятельности; преступность в сети Интернет; дистанционный сбыт наркотиков; криминологическая характеристика; противодействие незаконному обороту наркотиков; конвенциональные преступления.

В условиях глобализации и цифровизации незаконный оборот наркотиков переживает качественные изменения и трансформируется от «традиционных» форм (уличная торговля и т.п.) к современным высокотехнологичным способам и моделям преступной деятельности, основанным на использовании информационного пространства и ИКТ. Одной из наиболее актуальных проблем, связанных с незаконным оборотом наркотиков, является возникновение новых форм незаконного сбыта наркотиков, технологизация данной деятельности, значительное увеличение ее масштабов и вовлечение все новых категорий участников.

В юридической литературе встречаются разнообразные точки зрения относительно понимания содержания такого вида преступной деятельности, как сбыта наркотиков и его определения.

Так, например, Е.Н. Шевченко под сбытом наркотического средств понимает «его отчуждение с целью передачи другому лицу безусловных возможностей по его использованию и распоряжению» [1, с. 13]. Автор подчеркивает, что «сбыт наркотических средств от их технической передачи другому лицу с субъективной стороны отличается в достижении цели передачи с наркотиком безраздельных возможностей по его потреблению, хранению или последующему сбыту; передачу наркотика без цели отчуждения, в том числе для перевозки, хранения, в залог, между участниками группы и т.д., нельзя расценивать как сбыт, поскольку таковая не влечет смену

субъекта владения, порождая лишь фактическое совладение наркотиком двух субъектов» [1, с. 13]. Указанный подход к пониманию сбыта наркотиков вызывает, на наш взгляд, критику, прежде всего с позиции соотношения заложенных в данном определении признаков («отчуждение с целью передачи безусловных возможностей», «безраздельные возможности», «фактическое совладение» и др.) с используемыми в гражданском законодательстве и устоявшими в цивилистической доктрине категориями, при том, что наркотические средства не являются объектами гражданских прав, поскольку исключены из гражданского оборота.

Незаконный сбыт наркотических средств, совершаемый с использованием ИКТ, по мнению О.Ю. Введенской, «представляет собой не единичный факт преступного сбыта наркотических средств, а совокупность взаимосвязанных, но осуществляемых асинхронно транзакций, направленных на совершение множественных актов незаконного сбыта наркотиков как в материальном, так и в информационно-телекоммуникационном пространстве» [2, с. 16]. По нашему мнению, определение незаконного сбыта наркотиков через транзакции с целью совершения множественных актов незаконного сбыта, также не позволяет определить криминологическую сущность и уголовно-правовое содержание данной преступной деятельности, лежащие в основе деятельности по противодействию ей.

Полагаем, что при определении содержания преступной деятельности по сбыту наркотиков, необходимо исходить из официальной позиции судебных органов по данному вопросу.

Так, Верховный Суд РФ в своем постановлении «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» указал, что «под незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, следует понимать незаконную деятельность лица, направленную на их возмездную либо безвозмездную реализацию (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и т.д.) другому лицу (далее – приобретателю). При этом сама передача лицом реализуемых средств, веществ, растений приобретателю может быть осуществлена любыми способами, в том числе непосредственно, путем сообщения о месте их хранения приобретателю, проведения закладки в обусловленном с ним месте, введения инъекции» (п. 13) [3].

При этом в п. 13.2 данного Постановления указано, что «если лицо в целях осуществления умысла на незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает, перерабатывает эти средства, вещества, растения, тем самым совершает действия, направленные на их последующую реализацию и составляющие часть объективной стороны сбыта, однако по не зависящим от него обстоятельствам не передает указанные средства, вещества, растения приобретателю, то такое лицо несет уголовную ответственность за покушение на незаконный сбыт этих средств, веществ, растений» [3].

Таким образом, анализ позиции Верховного Суда РФ позволяет констатировать понимание незаконного сбыта наркотиков в узком и широком смысле. В узком смысле — это «незаконная деятельность лица, направленная на их возмездную либо безвозмездную реализацию (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и т.д.) другому лицу (далее – приобретателю)» [3]. При этом указание как на возмездный, так и безвозмездный характер реализации соответствующих

предметов, при перечислении типичных способов реализации (имеющих как возмездный, так и безвозмездный характер) на наш взгляд, является излишним. В широком смысле незаконный сбыт наркотиков необходимо рассматривать как непосредственно реализацию, так и приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков, направленные на их последующую реализацию.

На основании изложенного, с учетом предложенного нами понятия использования ИКТ как способа совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков [4], можем сформулировать следующее определение незаконного сбыта наркотиков, совершаемым с использованием ИКТ - это незаконная деятельность, направленная непосредственно на реализацию, а также на приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотиков с целью их последующей реализации, осуществляемая с помощью операций по использованию процессов и методов (а также способов их осуществления) поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации, обеспечивающих взаимодействие людей посредством информационного обмена.

Как при узком, так и при широком подходе к определению незаконного сбыта наркотиков, данная деятельность является элементом преступной деятельности более высокого порядка, составляющей незаконный оборот наркотиков.

Следует отметить, что в различных нормативно-правовых документах содержание понятия незаконного оборота наркотиков определяется по-разному.

Так, в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 8.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», оборот наркотических средств, психотропных веществ определяется как «разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование, ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ, разрешенные и контролируемые в соответствии с законодательством Российской Федерации [5], а незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров как «оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, осуществляемый в нарушение законодательства Российской Федерации» [5].

Как можем видеть, в соответствии с данной нормой понятие «оборот» охватывает довольно широкий круг действий от разработки до уничтожения наркотических средств и психотропных веществ. При этом понятие «незаконный оборот» относится к обороту (с нарушением законодательства РФ) наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Кодексом об административных правонарушениях в ст. 6.8 предусмотрена ответственность за такие деяния, как: «незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» [6]. Таким образом, понятие «незаконный оборот» относится к обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов и охватывает такие действия, как приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка данных предметов.

В юридической доктрине также отсутствует единообразный подход к определению содержания понятия незаконного оборота наркотиков, что

объясняется сложным и многогранным характером данной преступной деятельности, а также различиями в методологических подходах к ее изучению.

С криминалистической точки зрения, преступная деятельность в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ рассматривается как «самостоятельная деятельность, начинающаяся со стадии незаконного введения в оборот наркотических средств и психотропных веществ, направленная на систематическое получение прибыли, с использованием виновными лицами различных способов противодействия правоохранительным органам, в т.ч. и коррумпированные связи в целях уклонения от уголовной ответственности» [7, с. 15]. При этом выделяют следующие стадии незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: введение в незаконный оборот (незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, изготовление, переработка, производство, контрабанда, хищение наркотических средств и психотропных веществ); незаконное хранение, перевозка, пересылка данных средств и веществ; распространение наркотических средств и веществ (сбыт, в т.ч. через Интернет, организация и содержание притонов для их потребления наркотических, склонение к их потреблению) [7, с. 18]. Под незаконным оборотом наркотиков в криминологическом значении понимается «в различной степени законспирированная деятельность всех его участников (нередко объединенных в организованные преступные группы), направленная на создание и функционирование источников и каналов поступления наркотиков на нелегальный рынок и сбыт» [8]. По мнению А.С. Щуровой, преступность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств в сети Интернет, представляет собой «общественно опасное, социальное, относительно массовое уголовно-правовое явление, существующее в конкретный временной период на определенной территории и состоящее из наркопреступлений, образующих совместную преступную деятельность лиц, их совершивших с использованием компьютерных технологий (сети Интернет)» [9, с. 22]. Таким образом, использование компьютерных технологий понимается ограничено и фактически сводится к использованию сети Интернет. Р.А. Александров предлагает ввести в гл. 24 УК РФ ст. 209.1 следующего содержания: «наркобизнес – незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ в сверхкрупных размерах, совершенный организованной преступной группой с целью извлечения доходов...» [10, с. 9]. По мнению В.В. Измайлова, «преступность, связанная с незаконным оборотом наркотиков, является более широким криминологическим понятием, чем наркопреступность, и включает в себя: собственно наркопреступления (криминальные сделки с наркотиками); преступления, совершаемые вследствие употребления наркотиков; преступления с целью добывания средств на наркотики; преступления, связанные с функционированием наркорынка; преступления, связанные с противодействием институтам социального контроля» [11, с. 12-13].

А.С. Киреев, под системой незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов понимает «сложную, структурированную взаимосвязь общественно опасных деяний (преступлений и правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов) и повлеченных ими социальных, правовых, политических, медицинских и экономических последствий, которые негативным образом влияют на все сферы жизнедеятельности общества и государства» [12, с. 12].

Определение содержания понятия незаконного оборота наркотиков сквозь призму системного подхода соответствует его определению в международных

документах. Однако в различных международных документах содержание понятия незаконного оборота наркотиков также определяется по-разному.

Так, в Конвенции о психотропных веществах 1971 г. под незаконным оборотом понимается «изготовление психотропных веществ или их сбыт или приобретение в нарушение положений настоящей Конвенции» [13]. В Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. в понятие незаконного оборота вкладывается понимание деятельности по культивированию и сбыту наркотических средств [14].

Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. отражает более широкий подход, интегрирующий ранее отмеченные подходы, к определению незаконного оборота. В п. (m) ст. 1 данной Конвенции под незаконным оборотом понимаются «правонарушения, указанные в пунктах 1 и 2 статьи 3 настоящей Конвенции» [15]. В свою очередь п. 1 ст. 3 данной Конвенции указывает на возможность признавать на национальном уровне преступлениями такие преднамеренные действия, как:

«(a) (i) производство, изготовление, экстрагирование, приготовление, предложение, предложение с целью продажи, распространение, продажу, поставку на любых условиях, посредничество, переправку, транзитную переправку, транспортировку, импорт или экспорт любого наркотического средства или любого психотропного вещества в нарушение положений Конвенции 1961 года, этой Конвенции с поправками или Конвенции 1971 года;

(ii) культивирование опийного мака, кокаинового куста или растения каннабис в целях производства наркотических средств в нарушение положений Конвенции 1961 года и этой Конвенции с поправками;

(iii) хранение или покупку любого наркотического средства или психотропного вещества для целей любого из видов деятельности, перечисленных в подпункте (i) выше;

(iv) изготовление, транспортировку или распространение оборудования, материалов или веществ, указанных в Таблице I и Таблице II, если известно, что они предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ;

(v) организацию, руководство или финансирование любых правонарушений, перечисленных в подпунктах (i), (ii), (iii) или (iv) выше;

(b) (i) конверсию или перевод собственности, если известно, что такая собственность получена в результате любого правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом (a) настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях, в целях сокрытия или утаивания незаконного источника собственности или в целях оказания помощи любому лицу, участвующему в совершении такого правонарушения или правонарушений, с тем чтобы он мог уклониться от ответственности за свои действия;

(ii) сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, подлинных прав в отношении собственности или ее принадлежности, если известно, что такая собственность получена в результате правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом (a) настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях;

(c) с учетом своих конституционных положений и основных принципов своей правовой системы:

(i) приобретение, владение или использование собственности, если в момент ее получения было известно, что такая собственность получена в результате правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с подпунктом

(а) настоящего пункта, или в результате участия в таком правонарушении или правонарушениях;

(ii) владение оборудованием или материалами или веществами, указанными в Таблице I и Таблице II, если известно, что они используются или предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления каких-либо наркотических средств или психотропных веществ;

(iii) публичное подстрекательство или побуждение других любыми средствами к совершению любого из правонарушений, признанных таковыми в соответствии с настоящей статьей, или к незаконному использованию наркотических средств или психотропных веществ;

(iv) участие, причастность или вступление в преступный сговор с целью совершения любого правонарушения или правонарушений, признанных таковыми в соответствии с настоящей статьей, попытки совершить такое правонарушение или правонарушения, а также пособничество, подстрекательство, содействие или дача советов при их совершении» [15]. Пункт 2 ст. 3 данной Конвенции предусматривает возможность на национальном уровне признавать правонарушениями совершаемые преднамеренно: «хранение, приобретение или культивирование любого наркотического средства или психотропного вещества для личного потребления в нарушение положений Конвенции 1961 года, Конвенции 1961 года с поправками или Конвенции 1971 года» [15].

Как можем видеть из приведенного определения, ООН исходит из того, что понятие незаконного оборота охватывает самый широкий круг деяний: непосредственно связанных с наркотиками (производство, изготовление, экстрагирование, приготовление, предложение, предложение с целью продажи, распространение, продажу, поставку на любых условиях, посредничество, переправку, транзитную переправку, транспортировку, импорт или экспорт, культивирование в целях производства, хранение или покупку); связанных с доходами, а также иной собственностью, полученными в результате манипуляций с наркотиками (конверсия или перевод собственности, приобретение, владение или использование собственности, сокрытие или утаивание информации о собственности); иных деяний, связанных с наркотиками (владение оборудованием или материалами или веществами, используемых или предназначенных для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления наркотиков, публичное подстрекательство или побуждение других любыми средствами к совершению любого из указанных деяний или к незаконному использованию наркотиков, участие, причастность или вступление в преступный сговор с целью совершения данных деяний, попытки их совершить, подстрекательство, пособничество, содействие или дача советов при их совершении).

Исходя из содержания ст. 3 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., незаконный оборот наркотиков обладает всеми ключевыми признаками системы, как с точки зрения общей теории систем [16; 17; 18], так в криминологическом понимании преступности как системы [19; 20; 21; 22], в частности такими, как: множество взаимосвязанных элементов, структура и управление, общая целевая функция, замкнутый цикл и собственная инфраструктура, обеспечивающая устойчивое воспроизводство.

Содержание данных признаков определяется следующим. Во-первых, указанная норма описывает не изолированные акты, а функционально взаимосвязанные звенья единого процесса: от культивирования и производства до сбыта (п. 1(a)(i)–(iv) Конвенции). Т.е. незаконный оборот рассматривается как последовательные звенья единого процесса движения наркотика «от поля» (лаборатории) до наркорынка, включая: культивирование сырья; производство, изготовление, использование обо-

рудования и прекурсоров; хранение; транспортировка и транзит; предложение; посредничество; продажа. Каждое из этих деяний функционально связано с другими, поскольку бессмысленно производить наркотики, не имея каналов сбыта, хранить – без последующей транспортировки и т.д. Как известно, именно функциональная взаимозависимость элементов является ключевым признаком любой системы.

Во-вторых, выделение организации, руководства и финансирования этих действий (п. 1(а)(v) Конвенции) свидетельствует о наличии структурированного уровня управления и распределения ролей (организаторы, финансисты, логисты, исполнители и пр.), что указывает на иерархичность и организованность (управляемость) незаконного оборота наркотиков. Такие виды преступной деятельности, как публичное подстрекательство, участие, сговор (п. 3(1)(с)(iii)–(iv) Конвенции) обеспечивают устойчивость и расширение сети субъектов (участников) незаконного оборота наркотиков.

В-третьих, включение отмыывания преступных доходов (п. 1(b) Конвенции), владения имуществом и оборудованием (п. 1(с) Конвенции), а также культивирования, хранения и приобретения для личного потребления (п. 2 Конвенции), т.е. сферы спроса, как конечного звена функционирования всей системы, формирует замкнутый производственно-сбытовой и финансовый цикл (получение преступных доходов, конверсия и перевод преступных доходов, их сокрытие), обеспечивающий самовоспроизводство незаконного оборота. Таким образом, процессу незаконного оборота наркотиков присущи замкнутый цикл и единая цель. Все действия, указанные в п. (а), (b), (с) Конвенции объединены общей целью, которой является незаконное производство, доведение наркотика до потребителя и легализация полученных доходов.

В-четвертых, включение в состав незаконного оборота деяний, связанных с оборудованием, материалами, прекурсорами (п. 3(1)(а)(iv), п. 3(1)(с)(ii) Конвенции), а также с владением имуществом преступного происхождения (п. 3(1)(с)(i) Конвенции), указывает на то, что объектом регулирования являются не только «готовые» наркотики, но и инфраструктура их производства и обращения. Конвенция тем самым указывает на целостный комплекс взаимосвязанных элементов, который обладает устойчивостью, способностью к адаптации (смена каналов, прекурсоров, схем отмыывания) и воспроизводству.

В-пятых, охват столь разнообразных деяний единым понятием «незаконный оборот» отражает его нормативную и социальную целостность, что позволяет характеризовать данный феномен как сложную, устойчивую, самоорганизующуюся, многоуровневую и экономически ориентированную криминальную систему.

Анализ структуры, характеристик основных элементов системы незаконного оборота наркотиков и их взаимосвязей, позволяет, с учетом цели функционирования данной системы, сделать вывод, что центральным элементом системы незаконного оборота наркотиков выступает сбыт наркотиков.

Непосредственно со сбытом связаны такие, предусмотренные на конвенциональном уровне, виды преступной деятельности по незаконному обороту наркотиков, как: предложение, распространение, продажа, поставка на любых условиях, посредничество, переправка, транзит, транспортировка, импорт, экспорт, покупка, а также получение собственности в результате соответствующих правонарушений и преступлений. Развитие ИКТ и глобальная цифровизация общественных отношений, распространение социальных сетей и мессенджеров, а также сервисов анонимизации и криптовалют существенно изменяют содержание сбыта наркотиков, его масштаб и качественные характеристики.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Анализ доктринальных подходов, российского законодательства и международных конвенций указывает на сформировавшийся системный подход к феномену незаконного оборота наркотиков. При этом незаконный сбыт наркотиков, осуществляемый с использованием ИКТ, следует рассматривать не только как частный способ совершения преступления, но и как структурный элемент системы незаконного оборота наркотиков, обеспечивающий ее устойчивое функционирование и воспроизводство. Предлагаемое авторское определение незаконного сбыта наркотиков, совершаемого с использованием ИКТ, предполагает охват не только деятельности, направленной непосредственно на реализацию наркотиков, но иной преступной деятельности, осуществляемой с целью последующей реализации наркотиков с использованием технологий, обеспечивающих взаимодействие людей посредством информационного обмена, интегрированной в единую криминальную деятельность.

Незаконный оборот наркотиков в современных условиях представляет собой сложную, устойчивую, самоорганизующуюся, многоуровневую и экономически ориентированную криминальную систему, включающую производство, транспортировку, хранение, сбыт, отмывание доходов и иные действия, функционально связанные с обеспечением наркорынка. Незаконный сбыт наркотиков является системообразующим элементом указанной системы, поскольку именно через сбыт реализуется экономическое содержание преступной деятельности, обеспечивается связь между производством и потреблением и воспроизводятся криминальные отношения в сфере незаконного оборота наркотиков.

Незаконный сбыт наркотиков, совершаемый с использованием ИКТ, обладает повышенной общественной опасностью, так как цифровая среда обеспечивает расширение географии наркорынка и создание устойчивых трансграничных каналов реализации наркотических средств. Осуществляемый с использованием ИКТ незаконный сбыт наркотиков обеспечивает оптимальный баланс криминального предложения и потребительского спроса, что позволяет системе незаконного оборота наркотиков интенсивно развиваться и совершенствоваться. Указанное с учетом системного характера незаконного оборота наркотиков определяет приоритеты правоприменительной деятельности в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, которая должна быть направлена, в том числе, на всю инфраструктуру незаконного сбыта наркотиков, осуществляемого с использованием ИКТ.

Список литературы:

1. Шевченко Е.Н. Соучастие в преступлениях, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков: проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шевченко Евгений Николаевич. – Москва, 2021. – 27 с.
2. Введенская О.Ю. Особенности предварительного и первоначального этапов расследования незаконного сбыта наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. / Введенская Ольга Юрьевна. – Краснодар, 2022. – 26 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (с изменениями и дополнениями) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 8.
4. Зинченко Д.С. Использование информационно-коммуникационных технологий как способ совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Уголовная политика и культура противодействия преступности: Материалы Международной научно-практической конференции памяти профессора В.Е. Квашиса, Краснодар, 20 сентября 2024 года. – Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2024. – С. 136-142.
5. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. – 1998. – № 2. – Ст. 219.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. № 1 (часть I). – Ст. 1.

7. Чистова Л.Е. Теория и практика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4 / Чистова Любовь Евгеньевна. – Москва, 2024. – 57 с.
8. Зазулин Г.В. К вопросу о понятии незаконного оборота наркотиков // Проблемы борьбы с наркопреступностью на современном этапе: Материалы междунар. науч-практ. конф. (Санкт-Петербург, 15-16 мая 1996 г.). – Санкт-Петербург, 1996. – С. 60-61.
9. Щурова А.С. Незаконный оборот наркотических средств и их аналогов с использованием компьютерных технологий (сети Интернет): уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Щурова Анна Сергеевна. – Санкт-Петербург, 2017. – 256 с.
10. Александров Р.А. Уголовно-правовые проблемы противодействия наркобизнесу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Александров Роман Алексеевич. – Санкт-Петербург, 2003. – 20 с.
11. Измайлов В.В. Виктимологические аспекты преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков (по материалам Республики Карелия): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Измайлов Вадим Валерьевич. – Москва, 2015. – 18 с.
12. Киреев А.С. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: криминологический анализ и социальные последствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Киреев Азат Салаватович. – Москва, 2013. – 23 с.
13. Конвенция о психотропных веществах (Вена, 21 февраля 1971 г.) // СПС «КонсультантПлюс»
14. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года со списками наркотиков, заключительными актами и резолюциями; тексты утверждены соответственно Конференцией Организации Объединенных Наций для принятия Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года и Конференцией Организации Объединенных Наций 1972 года для рассмотрения поправок к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года // https://www.unodc.org/pdf/convention_1961_ru.pdf
15. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года включая Заключительный акт и резолюции, согласованные Конференцией Организации Объединенных Наций для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf
16. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. – М.: Наука, 1974. – 280 с.
17. Урсул А.Д. Общенаучный статус и функции системного подхода // Системные исследования: ежегодник. – М.: Наука, 1977.
18. Горохов А.В. Основы системного анализа: учебное пособие для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 140 с.
19. Иванцов С.В. Теоретические предпосылки развития системного подхода в криминологических исследованиях преступности // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 11. – С. 125-128.
20. Игнатов А.Н., Кашкаров А.А. Коррупция в органах публичной власти как системное явление // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы, Москва, 27–28 января 2015 года / Российская криминологическая ассоциация. – Москва: Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», 2015. – С. 161-164.
21. Игнатов А.Н. О понятии преступности // Основные направления государственной политики России в сфере обеспечения национальной безопасности: Материалы международной научно-практической конференции, Иркутск, 27 апреля 2018 года / Отв. ред. Е.М. Якимова. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2018. – С. 73-77.
22. Игнатов А.Н. Преступность как система // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 9. – С. 97-104.

Zinchenko D. S. Illicit Drug Distribution Carried Out Through the Use of Information and Communication Technologies as a Type of Criminal Activity and an Element of the System of Illicit Drug Trafficking: Analysis of Doctrine, National Legislation and International Standards // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 449-459.

The article examines illicit drug distribution carried out through the use of information and communication technologies (ICT) as a type of criminal activity and as an element of the system of illicit drug trafficking. By comparing doctrinal approaches, Russian legislation and UN international conventions, the content of the concepts of “illicit drug trafficking” and “drug distribution” is specified in relation to the digital environment. The systemic nature of illicit drug trafficking is substantiated: it is presented as a complex, organized, multi-level, economically oriented criminal system in which distribution performs the function of a key element ensuring the reproduction of the criminal cycle. Particular attention is paid to the role of ICT, which transform the methods of distribution as well as the scale and geography of the drug market. The author’s own definition of illicit drug distribution using ICT is proposed. On the basis of an analysis of the provisions of the 1988 UN

Convention, it is concluded that international legal regulation in fact describes a model of the system of illicit trafficking rather than merely a set of individual criminal offences and administrative violations. It is further argued that drug distribution carried out through the use of ICT ensures an optimal balance between criminal supply and consumer demand, which allows the system of illicit drug trafficking to develop and improve intensively.

Keywords: illicit drug trafficking; drug distribution; information and communication technologies; information space; drug business; system of criminal activity; crime on the Internet; remote drug distribution; criminological characteristics; countering illicit drug trafficking; convention-based offences.

Spisok literatury:

1. Shevchenko E.N. Souchastie v prestupleniyah, sovershaemykh v sfere nezakonnogo oborota narkotikov: problemy kvalifikatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08 / Shevchenko Evgenij Nikolaevich. – Moskva, 2021. – 27 s.
2. Vvedenskaya O.YU. Osobennosti predvaritel'nogo i pervonachal'nogo etapov rassledovaniya nezakonnogo sbyta narkoticheskikh sredstv s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikatsionnykh tekhnologiy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 5.1.4. / Vvedenskaya Ol'ga YU'evna. – Krasnodar, 2022. – 26 s.
3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15 iyunya 2006 g. № 14 «O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyah, svyazannykh s narkoticheskimi sredstvami, psihotropnymi, sil'nodel'stvuyushchimi i yadovitymi veshchestvami» (s izmeneniyami i dopolneniyami) // Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federatsii. – 2006. – № 8.
4. Zinchenko D.S. Ispol'zovanie informacionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy kak sposob soversheniya prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota narkotikov // Ugolovnaya politika i kul'tura protivodejstviya prestupnosti: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii pamyati professora V.E. Kvashisa, Krasnodar, 20 sentyabrya 2024 goda. – Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD RF, 2024. – S. 136-142.
5. Federal'nyj zakon ot 8 yanvarya 1998 g. № 3-FZ «O narkoticheskikh sredstvakh i psihotropnykh veshchestvakh» (s izmeneniyami i dopolneniyami) // SZ RF. – 1998. – № 2. – St. 219.
6. Kodeks Rossijskoj Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyah ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ // SZ RF. – 2002. № 1 (chast' I). – St. 1.
7. CHistova L.E. Teoriya i praktika rassledovaniya prestuplenij, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshchestv: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 5.1.4 / CHistova Lyubov' Evgen'evna. – Moskva, 2024. – 57 s.
8. Zazulin G.V. K voprosu o ponyatii nezakonnogo oborota narkotikov // Problemy bor'by s narkoprestupnost'yu na sovremennom etape: Materialy mezhdunar. nauch-prakt. konf. (Sankt-Peterburg, 15-16 maya 1996 g.). – Sankt-Peterburg, 1996. – S. 60-61.
9. SHCHurova A.S. Nezakonnnyj oborot narkoticheskikh sredstv i ih analogov s ispol'zovaniem komp'yuternykh tekhnologiy (seti Internet): ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08 / SHCHurova Anna Sergeevna. – Sankt-Peterburg, 2017. – 256 s.
10. Aleksandrov R.A. Ugolovno-pravovye problemy protivodejstviya narkobiznesu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08 / Aleksandrov Roman Alekseevich. – Sankt-Peterburg, 2003. – 20 s.
11. Izmajlov V.V. Viktimologicheskie aspekty prestupnosti, svyazannoj s nezakonnym oborotom narkotikov (po materialam Respubliki Kareliya): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08 / Izmajlov Vadim Valer'evich. – Moskva, 2015. – 18 s.
12. Kireev A.S. Nezakonnnyj oborot narkoticheskikh sredstv, psihotropnykh veshchestv i ih analogov: kriminologicheskij analiz i social'nye posledstviya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08 / Kireev Azat Salavutovich. – Moskva, 2013. – 23 s.
13. Konvenciya o psihotropnykh veshchestvakh (Vena, 21 fevralya 1971 g.) // SPS «Konsul'tantPlyus»
14. Edinaya konvenciya o narkoticheskikh sredstvakh 1961 goda s popravkami, vnesennymi v nee v sootvetstvii s Protokolom 1972 goda o popravkah k Edinoj konvencii o narkoticheskikh sredstvakh 1961 goda so spiskami narkotikov, zaklyuchitel'nymi aktami i rezolyuciyami; teksty utverzhdeny sootvetstvenno Konferenciej Organizatsii Ob"edinennykh Nacij dlya prinyatiya Edinoj konvencii o narkoticheskikh sredstvakh 1961 goda i Konferenciej Organizatsii Ob"edinennykh Nacij 1972 goda dlya rassmotreniya popravok k Edinoj konvencii o narkoticheskikh sredstvakh 1961 goda // https://www.unodc.org/pdf/convention_1961_ru.pdf
15. Konvenciya Organizatsii Ob"edinennykh Nacij o bor'be protiv nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshchestv 1988 goda vklyuchaya Zaklyuchitel'nyj akt i rezolyucii, soglasovannye Konferenciej Organizatsii Ob"edinennykh Nacij dlya prinyatiya Konvencii o bor'be protiv nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshchestv // https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf
16. Sadovskij V.N. Osnovaniya obshchej teorii sistem. – M.: Nauka, 1974. – 280 s.
17. Ursul A. D. Obshchenauchnyj status i funktsii sistemnogo podhoda // Sistemnye issledovaniya: ezhegodnik. – M.: Nauka, 1977.
18. Gorohov A.V. Osnovy sistemnogo analiza: uchebnoe posobie dlya vuzov. – M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2019. – 140 s.
19. Ivancov S.V. Teoreticheskie predposylki razvitiya sistemnogo podhoda v kriminologicheskikh issledovani-

yah prestupnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2014. – № 11. – S. 125-128.

20. Ignatov A.N., Kashkarov A.A. Korrupciya v organah publichnoj vlasti kak sistemnoe yavlenie // Korrupciya: sostoyanie protivodejstviya i napravleniya optimizacii bor'by, Moskva, 27–28 yanvarya 2015 goda / Rossijskaya kriminologicheskaya asociaciya. – Moskva: Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizaciya «Rossijskaya kriminologicheskaya asociaciya», 2015. – S. 161-164.

21. Ignatov A.N. O ponyatii prestupnosti // Osnovnye napravleniya gosudarstvennoj politiki Rossii v sfere obespecheniya nacional'noj bezopasnosti: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Irkutsk, 27 aprelya 2018 goda / Otv. red. E.M. YAkimova. – Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet, 2018. – S. 73-77.

22. Ignatov A.N. Prestupnost' kak sistema // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2024. – № 9. – S. 97-104.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 460-463.

УДК 343.98

КРИТЕРИИ ПУБЛИЧНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ КАК ОБЪЕКТ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ПРОВЕРКИ ПО СТАТЬЕ 282 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Зоз В. А., Куксов В. А.

В статье рассматривается признак публичности как юридически значимый элемент объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, и как самостоятельный объект оперативно-розыскной проверки при поступлении первичной информации о возможном противоправном распространении материалов в цифровой среде. На основе анализа конституционных гарантий свободы выражения мнений и неприкосновенности частной жизни, положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», уголовно-процессуальных требований к использованию результатов ОРД, а также разъяснений Верховного Суда РФ предлагаются подходы к разграничению публичного и непубличного распространения в сети Интернет. Показано, что установление публичности в цифровой среде требует оценки доступности контента неопределённому кругу лиц, параметров распространения и коммуникационных настроек, а также фиксации цифровых следов, обеспечивающих последующую процессуальную проверяемость полученных сведений.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскная проверка; цифровая среда; публичность; Интернет; цифровые следы; документирование; экстремистские преступления; ст. 282 УК РФ.

Публичность как признак деяния по ст. 282 УК РФ выступает тем юридически значимым признаком, который отделяет уголовно наказуемое распространение от выражения мнений в ограниченной, непубличной коммуникации. Для органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, это означает, что уже на стадии первичной проверки сообщения о преступлении (проиществе) ключевое значение приобретает установление факта: имело ли место обращение информации к неопределённому кругу лиц либо создание условий для такого восприятия, а не только оценка содержания материалов. Одновременно проверка публичности должна осуществляться с учётом конституционных гарантий свободы мысли и слова и права на свободное распространение информации (ст. 29), а также ограничений, связанных с неприкосновенностью частной жизни и тайной сообщений (ст. 23) и запретом сбора и распространения сведений о частной жизни без согласия лица (ст. 24). Допустимые пределы ограничений прав и свобод определяются федеральным законом и должны отвечать критериям необходимости и соразмерности (ст. 55) [1].

В оперативно-розыском аспекте предмет проверки публичности тесно связан с основаниями и условиями проведения ОРМ. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепляет перечень мероприятий (ст. 6), основания их проведения (ст. 7), требования к отдельным мероприятиям, затрагивающим конституционные права, включая судебный порядок в предусмотренных законом случаях (ст. 8), а также правила представления и использования результатов ОРД (ст. 11) [4]. С процессуальной точки зрения использование результатов ОРД в доказывании допустимо лишь при соответствии требованиям уголовно-процессуального закона (ст. 89 УПК РФ) [3]. Следовательно, вывод о наличии публичности должен опираться не на оценочные формулировки, а на проверяемые сведения и корректно закреплённые цифровые следы.

Разъяснения Верховного Суда РФ задают ориентиры для понимания публичности именно в «сетевом» измерении. В постановлении Пленума ВС РФ от 28.06.2011 № 11 указывается, что публичные действия предполагают обращённость к неопре-

делённому кругу лиц и могут выражаться, в частности, в распространении информации через общедоступные информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет; при оценке публичности учитываются способ, место, обстановка и иные обстоятельства распространения (также выраженные в признаках объективной стороны преступного посягательства), а также направленность действий на доведение информации до иных лиц [9]. Для оперативно-розыскной проверки это означает необходимость установить не только факт размещения материала, но и параметры его доступности: является ли ресурс общедоступным, допускает ли публикация просмотр без специальных разрешений, ограничен ли круг участников (например, закрытой группой или приватной перепиской), имелись ли признаки целенаправленного «расширения аудитории» (репосты, публичные каналы распространения, открытые ссылки). При этом сама цифровая среда усложняет границы публичности: в одних случаях сообщение адресовано ограниченному кругу, но технически может быть легко транслировано вовне; в других – опубликовано в пространстве, рассчитанном на восприятие неопределённым кругом лиц, даже если фактический охват на момент выявления невелик.

Правовые режимы оборота информации в сети Интернет также важны для корректной квалификации «публичного» и выбора средств проверки. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепляет общие принципы обращения информации и обязанности отдельных субъектов цифровой инфраструктуры в предусмотренных законом случаях (например, ст. 10.1) [6]. Законодательная связка между нормами об информации и нормами об ОРД проявляется в том, что значительная часть цифровых следов, имеющих значение для подтверждения публичности (технические сведения о размещении, маршрутизации, доступности, идентификаторы ресурса и аккаунта), формируется и сохраняется в информационных системах операторов и сервисов. При этом практическая применимость таких сведений определяется не только наличием их «в природе», но и тем, возможно ли их получение и закрепление в пределах полномочий и процедурных требований, вытекающих из закона об ОРД и из требований судебного контроля там, где он необходим (ст. 8 Федерального закона № 144-ФЗ) [4]. Дополнительно следует учитывать и нормы Закона РФ «О средствах массовой информации» при оценке ситуации, когда распространение осуществляется через зарегистрированное СМИ либо через ресурсы, действующие в схожих коммуникационных режимах (ст. 2) [7], поскольку правовой статус канала распространения может влиять на набор подлежащих фиксации обстоятельств.

Научные подходы к цифровизации ОРД поддерживают вывод о том, что для установления юридически значимых признаков (включая публичность) требуется перенос акцента с «наблюдения за контентом» на документирование цифровых следов и условий доступности. В учебной литературе по правовым основам ОРД последовательно подчёркивается, что результаты ОРМ должны быть получены и оформлены так, чтобы сохранялась их проверяемость и допустимость при последующем процессуальном использовании [10]. В специальных исследованиях, посвящённых ОРД в сети Интернет, обращается внимание на техническую и юридическую неоднородность онлайн-коммуникаций и на риск подмены юридического анализа публичности бытовым представлением о «популярности» публикации; пра-

вовая оценка должна исходить из доступности неопределённому кругу лиц и способа доведения информации до аудитории, а не только из субъективного восприятия распространителя [11]. В современных работах о цифровой трансформации ОРД подчеркивается, что развитие цифровых методов не отменяет базовых принципов законности и проверяемости, а напротив, усиливает требования к корректной фиксации данных и к разграничению открытых источников и вмешательства в охраняемые законом коммуникации [12].

С учётом изложенного публичность в цифровой среде целесообразно рассматривать как комплекс юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению в ходе оперативно-розыскной проверки: характер доступа к материалу, параметры настройки коммуникации, способ распространения и признаки ориентированности на восприятие неопределённым кругом лиц. Такой подход позволяет одновременно обеспечить достижение задач выявления и пресечения преступлений экстремистской направленности (в системной связи с целями противодействия экстремистской деятельности по Федеральному закону № 114-ФЗ, ст. 1) [5] и соблюсти конституционные гарантии и процессуальные ограничения при сборе и использовании сведений.

Таким образом, публичность в сети Интернет при проверке сообщений о возможном совершении деяния по ст. 282 УК РФ должна устанавливаться как совокупность объективных обстоятельств доступности информации неопределённому кругу лиц и направленности действий на доведение материалов до аудитории, с опорой на разъяснения ВС РФ и на требования законности и проверяемости результатов ОРД. Практическая ценность такого подхода состоит в снижении рисков ошибочного отнесения непубличной коммуникации к публичному распространению, а также в обеспечении процессуальной пригодности зафиксированных цифровых следов при последующей оценке по ст. 89 УПК РФ.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
7. Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 23.07.2025) «О средствах массовой информации» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
10. Алферов В.Ю., Гришин А.И., Ильин Н.И. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / под общ. ред. В.В. Степанова. 3-е изд., испр. и доп. Саратов: ССЭИ РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. 296 с.

11. Кутузов А.В. Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в сети Интернет в условиях противодействия экстремизму // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3. С. 5–15.
12. Шаров В.И. «Цифровая оперативно-розыскная деятельность» и цифровизация противодействия преступлениям // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 171–178.

Zoz V.A., Kuksov V.A. Criteria of publicity in the digital environment as an object of operational investigative verification under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 2. – S. 460-463.

The article considers the sign of publicity as a legally significant element of the objective side of the crime provided for in Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, and as an independent object of operational investigative verification upon receipt of primary information about the possible illegal distribution of materials in the digital environment. Based on the analysis of the constitutional guarantees of freedom of expression and privacy, the provisions of the Federal Law «On Operational Investigative Activities», the criminal procedural requirements for the use of the results of the ARD, as well as the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, approaches are proposed to distinguish between public and non-public dissemination on the Internet. It is shown that the establishment of publicity in the digital environment requires an assessment of the accessibility of content to an indefinite circle of people, distribution parameters and communication settings, as well as the fixation of digital traces, ensuring the subsequent procedural verifiability of the information received.

Keywords: operational search activity; operational search check; digital environment; publicity; Internet; digital traces; documentation; extremist crimes; Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennyimi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (red. ot 29.12.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 20.01.2026) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
3. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ (red. ot 29.12.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 20.01.2026) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
4. Federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
5. Federal'nyj zakon ot 25 iyulya 2002 g. № 114-FZ «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
6. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ «Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
7. Zakon RF ot 27 dekabrya 1991 g. № 2124-1 (red. ot 23.07.2025) «O sredstvakh massovoj informacii» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
8. Federal'nyj zakon ot 7 iyulya 2003 g. № 126-FZ «O svyazi» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
9. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28 iyunya 2011 g. № 11 «O sudebnoj praktike po ugolovnym delam o prestupleniyah ekstremistskoj napravlenosti» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
10. Alferov V.YU., Grishin A.I., Il'in N.I. Pravovye osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti : uchebnoe posobie / pod obshch. red. V.V. Stepanova. 3-e izd., ispr. i dop. Saratov: SSEI REU im. G.V. Plekhanova, 2016. 296 s.
11. Kutuzov A.V. Pravovoe regulirovanie operativno-rozysknoj deyatel'nosti v seti Internet v usloviyah protivodejstviya ekstremizmu // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2020. № 3. S. 5–15.
12. SHarov V.I. «Cifrovaya operativno-rozysknaya deyatel'nost'» i cifrovizaciya protivodejstviya prestupleniyam // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 3 (107). S. 171–178.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 464-468.
УДК 343.98

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО УТОЧНЕНИЮ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПОНЯТИЯ «ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО»

Каишаров А. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Статья посвящена анализу уголовно-правового понятия «должностное лицо» в российском уголовном законодательстве. Автор выявляет системные противоречия в его трактовке, связанные с дифференциацией уголовной ответственности лиц, выполняющих аналогичные организационно-распорядительные функции в государственных и негосударственных организациях. На примере преподавателей и врачей показано, что действующая нормативная база приводит к различной квалификации коррупционных действий в зависимости от формы собственности учреждения, что противоречит принципу равенства перед законом. В качестве решения предлагается расширить примечание к ст. 285 УК РФ, включив в круг должностных лиц работников частных организаций, осуществляющих публично значимые функции на основании государственной лицензии или аккредитации и наделённых правом выдавать официальные документы, влекущие юридические последствия, реализация которых обеспечивается государством. Предлагаемая редакция примечания направлена на унификацию правоприменения и усиление защиты интересов государственной службы в социально значимых сферах.

Ключевые слова: должностное лицо, уголовная ответственность, организационно-распорядительные функции, должностные преступления, частные организации, публичные функции, квалификация преступлений, ст. 285 УК РФ, преподаватели, врачи, равенство перед законом.

Понятие «должное лицо» – является одним из ключевых в отечественной теории должностных преступлений, как известно, его суть и содержание законодательно раскрывается в примечании к ст. 285 УК РФ и детализируется законодателем в примечании к ст. 318 УК РФ. Кроме того, Верховный Суд РФ в Постановлениях Пленума № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (от 16 октября 2009 г.) и № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (от 9.07.2013) конкретизирует его. Суть и содержанию данного понятия посвящены исследования В.Н. Боркова, А.В. Бриллиантова, Б.В. Волженкина, Н.Л. Денисова, Б.В. Здравомыслова, П.С. Яни. Что в первом приближении может свидетельствовать о том, что проблем с установлением содержания данного понятия нет.

Однако, детальный анализ законодательного и судебного толкования уголовно-правового понятия «должностное лицо», свидетельствует, что оно содержит системные противоречия, а именно необоснованной дифференциации уголовной ответственности лиц, выполняющих по сути идентичные организационно-распорядительные функции.

Организационно-распорядительные функции, исходя из содержания, п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» не ограничиваются руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т. п.

К ним также относятся функции по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии).

Приведенное дает основание утверждать, что организационно-распорядительные функции являются двухкомпонентными, первый – распоряжение вверенным имуществом, осуществление руководства трудовым коллективом, второй – принятие юридически важных решений. Характеризуя содержание юридически важных решений А.В. Бриллиантов и П.С. Яни отмечают, что они порождают, изменяют либо прекращают правовые отношения, т. е. наделяют иных лиц, включая юридические, правами и обязанностями, изменяют объём этих прав и обязанностей или прекращают их [1, с. 10], [2, с. 72]. Аналогичное мнение, относительно сути и содержания организационно-распорядительных функций разделяет и В.Н. Борков [3, с. 41].

Такого рода функции, исходя из примечания к ст. 285 УК РФ могут исполняться постоянно, временно либо по специальному полномочию. Согласно п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» исполнение организационно-распорядительных функций по специальному полномочию означает, что лицо осуществляет эти функции, возложенные на него законом, иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом. Функции должностного лица по специальному полномочию могут осуществляться в течение определенного времени или однократно, а также могут совмещаться с основной работой.

Иными словами, государство делегирует вышеуказанным лицам право принятия юридически значимых решений в соответствующей сфере государственного управления. Выдавая советующую лицензию и аккредитируя хозяйствующего субъекта в сфере образования или медицины, государство наделяет отдельных работников этих организаций или учреждений специальными полномочиями по реализации распорядительных функций от имени государства. Государство гарантирует, что засвидетельствованные специально уполномоченным лицом факты, подтверждаются советующим документом государственного образца, который в свою очередь наделяет обладателя данного документа определенными правами и (или) освобождает от определенных обязанностей.

К такого рода лицам, теория уголовного права и правоприменительная практика, относят преподавателей и врачей, которые относятся к должностным лицам [4, с. 105], однако эта позиция системно критикуется представителями адвокатского сообщества [5, с. 14].

В специальной литературе отмечается, что правоприменитель рассматривает как имеющие юридическое значение не только итоговые решения в сфере образования, например приказ об отчислении из вуза, но и промежуточную аттестацию обучающихся. Локальные нормативные акты вузов конкретизируют юридические последствия несдачи экзамена, зачета, письменной работы, которые наступают непосред-

ственно, в силу решения преподавателя, а администрация следит за соблюдением процедур и определяет порядок пересдачи, если она еще возможна. Часто в вузах условием допуска к экзамену по отдельным дисциплинам является выполнение письменной работы [6, с. 5]. Кроме этого, к организационно-распорядительным функциям, которыми наделены представители профессорско-преподавательского состава следует также относить и деятельность, связанную с зачислением на обучение, в том числе и на специальные программы подготовки личного состава для Министерства обороны РФ, так называемые «военные кафедры».

Предоставление образовательных и медицинских услуг, в соответствии с действующим законодательством РФ, может осуществляться как государственными и муниципальными организациями (учреждениями), так и частными.

Как представляется такого рода положения закладывают проблему несоответствия уголовно-правового статуса педагогических и медицинских работников государственных и негосударственных учреждений. Так, например, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» гарантирует единый правовой статус педагогических работников независимо от организационно-правовой формы образовательной организации (государственная, муниципальная, частная). Они выполняют одинаковые профессиональные функции и обязанности, в том числе и те, которые носят распорядительный характер: прием экзаменов, выставление оценок, заполнение экзаменационных ведомостей и зачетных книжек – то есть совершают юридически значимые действия, влекущие юридические последствия (предоставление права на получение документа государственного об образовании, который наделяет его обладателя академическими правами, а в некоторых случаях и профессиональными).

С другой стороны, уголовный закон проводит жесткое разграничение. Согласно сложившейся судебной практике, преподаватель государственного или муниципального вуза, принимающий взятку за выставление оценки, привлекается по ст. 290 УК РФ (получение взятки). Его коллега из частного вуза за аналогичное действие будет нести ответственность по ст. 204 УК РФ (коммерческий подкуп).

Аналогичная проблема существует и в сфере здравоохранения. Врач государственной клиники, выдающий за взятку листок нетрудоспособности (официальный документ, влекущий юридические последствия), является должностным лицом и его действия должны квалифицироваться по советуемой статье главы 30 УК РФ. Врач частной клиники, имеющей лицензию и также выдающей такие листки, формально таковым не признается, хотя его действия наносят аналогичный ущерб.

Такой подход, является ошибочным по следующим причинам:

Единый функционал: Педагоги и врачи частных учреждений выполняют те же юридически значимые действия, что и их коллеги в государственном секторе.

Публичный характер деятельности: частные образовательные и медицинские организации действуют на основании государственных лицензий и аккредитации. Выдаваемые ими документы государственного образца (документы об образовании, больничные листы) имеют такую же юридическую силу, как и выданные государственными учреждениями. Тем самым они реализуют делегированные им государством функции, а именно распорядительные функции, засвидетельствуя юридически значимые факты, обеспечивая реализацию государственной политики в социально значимых сферах.

Единый объект посягательства: В случае получения незаконного вознаграждения за свои действия и преподаватель государственного, и преподаватель частного вуза посягают на один и тот же родовый объект – авторитет органов публичной власти и интересы государственной службы, обеспечивающие государственную политику в сфере высшего образования, аналогично и в сфере здравоохранения. Таким образом, что действия преподавателей, что и действия медиков, не зависимо от формы собственности, подрывают доверие граждан к институтам образования и здравоохранения как к сферам, регулируемым и контролируемым государством.

Вышеприведенное дает основание сделать выводы и предложения по совершенствованию и оптимизации действующего уголовного законодательства.

Сложившаяся правоприменительная практика, дифференцирующая уголовную ответственность за аналогичные по характеру и степени общественной опасности коррупционные преступления в зависимости от формы собственности учреждения, не соответствует принципу равенства всех перед законом и не позволяет адекватно защищать интересы государственной службы в соответствующей сфере.

Для устранения этого системного противоречия необходимо изменить примечание 1 к ст. 285 УК РФ. Целесообразно дополнить круг организаций, в которых лица могут быть признаны должностными, за счет включения в него частных организаций, осуществляющих публично значимые функции на основании специального разрешения (лицензии, аккредитации) и наделенных правом выдавать официальные документы, влекущие юридические последствия.

Предлагая изменение в указанное выше примечание к ст. 285 УК РФ мы не претендуем на исключительность ее редакции, но все же, ее формулировка может выглядеть следующим образом:

«...в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в негосударственных организациях, наделенных в установленном законом порядке правом осуществлять публично значимые функции и (или) выдавать официальные документы, влекущие юридические последствия, подтверждаемые официальным документом государственного образца...».

Такого рода изменения позволят устранить существующие системные и структурные противоречия понятия «должностное лицо», обеспечить унифицировать применение уголовного законодательства в исследуемой сфере, распространить уголовную ответственность за должностные преступления на тех субъектов преступлений, чьи действия, хотя и совершаются в рамках негосударственной структуры, но по своему характеру и последствиям непосредственно затрагивают интересы государственной власти, подрывают ее авторитет в социально важных сферах жизни общества. В целом, такого рода предложение логически вытекает из системного анализа закона, оно не создает новой нормы, а лишь уточняет существующее примечание к ст. 285 УК РФ, это соответствует как духу, так и логике современной антикоррупционной политики.

Список литературы:

1. Бриллиантов А.В., Яни П.С. Должностное лицо: организационно-распорядительные функции // Законность. – 2010. – № 6 (908). – С. 10–15.
2. Яни П.С. Курс избранных лекций: в 3 т. Том 2. Проблемы квалификации должностных преступлений. – М.: Проспект, 2025. – 624 с.

3. Борков В.Н. Квалификация должностных преступлений: монография. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 288 с.
4. Яни П.С. Разграничение служебных функций и профессиональных обязанностей должностного лица при квалификации взяточничества // Российское правосудие. – 2009. – № 1 (33). – С. 96–108.
5. Сидоров А.С. К вопросу о судебной практике по привлечению преподавателей учебных заведений к уголовной ответственности за получение взятки // Евразийская адвокатура. – 2015. – № 4 (17). – С. 12–17.
6. Борков В.Н. Получение взятки руководителем выпускной квалификационной работы // Уголовное право. – 2024. – № 1 (161). – С. 3–12.

Kashkarov A. A. Proposals for Clarifying the Criminal Law Concept of "Official" // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 464–468.

This article analyzes the criminal-legal concept of "official" in Russian criminal law. The author identifies systemic contradictions in its interpretation related to the differentiation of criminal liability between individuals performing similar organizational and administrative functions in state and non-state organizations. Using the example of teachers and doctors, it is shown that the current regulatory framework leads to different classifications of corrupt acts depending on the institution's form of ownership, which contradicts the principle of equality before the law. As a solution, the author proposes expanding the note to Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation to include employees of private organizations performing publicly significant functions based on a state license or accreditation and empowered to issue official documents entailing legal consequences, the implementation of which is ensured by the state. The proposed version of the note is aimed at unifying law enforcement and strengthening the protection of the interests of the civil service in socially significant areas.

Keywords: official, criminal liability, organizational and administrative functions, official crimes, private organizations, public functions, classification of crimes, Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation, teachers, doctors, equality before the law.

Spisok literatury:

1. Brilliantov A.V., Yani P.S. Dolzhnostnoe liczo: organizacionno-rasporyaditel'ny'e funkcii // Zakonnost'. – 2010. – № 6 (908). – С. 10–15.
2. Yani P.S. Kurs izbranny'x lekcij: v 3 t. Tom 2. Problemy` kvalifikacii dolzhnostny'x prestuplenij. – М.: Prospekt, 2025. – 624 с.
3. Borkov V.N. Kvalifikaciya dolzhnostny'x prestuplenij: monografiya. – М.: Yurлитинформ, 2018. – 288 с.
4. Yani P.S. Razgranichenie sluzhebny'x funkcij i professional'ny'x obyazannostej dolzhnostnogo licza pri kvalifikacii vzyatochnichestva // Rossijskoe pravosudie. – 2009. – № 1 (33). – С. 96–108.
5. Sidorov A.S. K voprosu o sudebnoj praktike po privlecheniyu prepodavatelej uchebny'x zavedenij k ugolovnoj otvetstvennosti za poluchenie vzyatki // Evrazijskaya advokatura. – 2015. – № 4 (17). – С. 12–17.
6. Borkov V.N. Poluchenie vzyatki rukovoditelem vy`pusknoj kvalifikacionnoj raboty` // Ugolovnoe pravo. – 2024. – № 1 (161). – С. 3–12.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 469-476.

УДК 2:343:172.3: 343.98

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: НОВЫЕ ГРАНИ СТАРОЙ ПРОБЛЕМЫ

Коноплева А. А., Еремеев И. И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье поднимается проблема развития экстремизма в современном российском обществе. Реалии современного мира привели к появлению новых граней проблемы, обусловленные открытием границ, усложнением социальных структур, а также поликонфессиональностью как неотъемлемой частью современной цивилизации. Произошедшие трансформации отразились на религиозном экстремизме как феномене, предопределив его истоки, заключающиеся в оскорблении религиозных чувств, а также случаи разжигания ненависти и вражды по признакам отношения к религии. Учитывая природы формирования религиозных чувств как неотъемлемой части мировоззрения, отдельного внимания заслуживают атеистичные настроения, которые по принципу своего развития формируются в таком же ключе. В этой связи авторы предлагают серию изменений, требующих внесения в законодательство, ряд методических приемов выявления экстремистского контекста в религиозных идеях, а также направления профилактической работы, способных облегчить процесс квалификации деяния, а также обеспечить своевременную идентификацию радикальных настроений, зарождающихся в религиозной сфере.

Ключевые слова: религия, атеизм, религиозные чувства верующих, разжигание ненависти и вражды, экстремизм, религиозный экстремизм, профилактика, религиоведческая экспертиза, государственная защита экспертов, правоохранительные органы.

Религиозный экстремизм является сложным феноменом, детерминированным целым комплексом прямых и косвенных причин и предпосылок, как уходящих в далекое прошлое, так и берущих начало из современности. Ввиду этого само понятие «экстремизм» вряд ли можно считать новым. Его история уходит в первобытно-общинный строй и связана с ранним этапом становления социума [1], чего не скажешь, например, о различных формах экстремизма. Одним из наиболее опасных проявлений экстремизма является религиозный экстремизм, который, несмотря на светские основы современного общества (в том числе, и Российского), продолжает представлять угрозу территориальной целостности, стабильному социально-политическому развитию и духовной безопасности общества. Кроме этого, несмотря на устанавливаемые запреты, а также комплекс правовых мер по недопущению негативных проявлений в духовной сфере, на территории нашего государства продолжают свою преступную деятельность экстремистские и террористические организации, нередко маскирующиеся под видом религиозных. В условиях роста экстремистских преступлений и высокой латентности данного вида противоправной деятельности, выявление и нейтрализация факторов их порождающих становится приоритетной государственной задачей. Таким образом, компетентность и прогрессивность в данной сфере представляет стратегический интерес, что придает теме актуальность в разрезе решения проблем не только юриспруденции, но и правоохранительного толка.

Отсутствие в федеральном законодательстве определения понятия «религиозный экстремизм», а также недостаточное осмысление факторов, способных его спровоцировать, создает серьезные проблемы для правоприменительной практики, порождая неоднозначность в квалификации действий, фактически делая невозможной профилактическую работу. Ключевыми факторами, способными спровоцировать

неприязнь по признаку отношения к религии, переросшую в религиозный экстремизм, могут стать оскорбление религиозных чувств, а также действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. При этом понятия «оскорбление», «религиозные чувства», предусмотренные ст. 148 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) [2], законодательно не разъяснены, то же самое касается и действий, направленных на возбуждение ненависти по признакам отношения к религии (предусмотренные ст. 282 УК РФ и 20.3.1 КоАП РФ) [3], что приводит к терминологической путанице, субъективизму, и нередко спекуляции по данной теме, с одной стороны, а с другой – увеличивает риск упущения из виду сотрудников ОВД социально опасных явлений, способных спровоцировать экстремизм и терроризм. К тому же широкий и неконкретный состав статей позволяет привлекать к ответственности за действия, существенно различающиеся по степени общественной опасности: от провокационных актов вблизи храмов до дискуссионных высказываний в интернете. Несправедливые решения в отношении отдельных категорий верующих вновь становятся почвой для разжигания конфликтов.

Целью исследования является анализ религиозного экстремизма как явления и факторов, выступающих социально-правовой и религиоведческой основой для его формирования с позиции актуальных проблем развития современного российского общества. Достижение цели предполагает решение задач по изучению религиозного компонента экстремизма, проведение коннотации между экстремизмом и факторами, провоцирующими его вспышки, рассмотрение актуальных проблемы правоприменительной практики в области борьбы с религиозным экстремизмом, а также осуществление анализа путей совершенствования деятельности ОВД в области предупреждения экстремистских проявлений, возникающих на религиозной почве.

Религиозный экстремизм одним из первых исследовал американский социолог М. Липсет. Его работы были направлены больше на нерелигиозные формы экстремизма, к которым исследователь отнес коммунизм и фашизм. Тем не менее, термин «религиозный экстремизм» рассматривался учёным и был соотнесен с религиозными сектами. Исследователь полагает, что основная функция религиозного экстремизма – альтернатива политическому. При этом отметим его ещё большую социальную опасность ввиду фанатичности взглядов приверженцев и нередкое сращивание как раз с политическими воззрениями [4, с. 24].

На сегодняшний день существуют различные мнения по поводу определения религиозного экстремизма в силу того, что на законодательном уровне закрепления данного понятия нет [5]. Кроме абстрактности и очевидности терминологической путаницы данный факт усложняет работу правоохранительным органам в квалификации преступлений и правонарушений.

В современной науке выделяется три подхода к толкованию религиозного экстремизма как явления. В соответствии с первым, под экстремизмом понимается применение насилия для достижения религиозно значимых целей или, по крайней мере, целей, которые представляются в качестве религиозных. Вторым подходом определяется экстремизм как осуществление противоправной деятельности, которая направлена на изменение существующего политического режима, государственного строя при помощи инструментов, которые считаются недопустимыми. При рассмотрении религиозного экстремизма в соответствии с третьим подходом, акцент

делается на непосредственной практической деятельности, что в итоге приводит к отрицанию права человека на выбор религиозной идентичности (т.е. внушается стереотип, согласно которому человек не вправе выбирать свою религию, не вправе следовать религиозным убеждениям, которые он считает истинными, сохранять ту религиозную идентичность, которую он унаследовал), в противном случае происходит дискриминация по религиозному признаку. Такое давление провоцирует экстремизм, где религия становится мощным мотивирующим фактором.

В результате анализа существующих мнений и подходов, исторических аспектов его развития и проявлений предлагается понимать под религиозным экстремизмом резкое отрицание системы определенных религиозных ценностей, норм и правовых принципов, связанных с пониманием равенства реализации принципов уважения к представителям другой религии, а также агрессивную пропаганду «идей», действующую под видом религии.

Вместе с тем, отдельного внимания в данном аспекте заслуживают сразу две закоснелые проблемы: отношение к деструктивным религиозным организациям и их идеологии, а также действия и идеи, продиктованные атеистическими убеждениями или в отношении таковых, которые не могут квалифицироваться как религиозный экстремизм. В отношении первого вопроса отметим важность недопустимости распространения идей и защиты прав организаций, чьи действия признаны общественно опасными [6]. Поэтому негативное отношение общества и государства к таковым не может относиться к проявлениям религиозного экстремизма. Применительно к атеистическим убеждениям отметим их необходимость приравнивания к религиозным воззрениям, что обусловлено природой появления религии как формы мировоззрения. Кроме того, атеистическое мировоззрение схоже с религиозным по диапазону испытываемых чувств, исключая представление о существовании сверхъестественного. Но, если верующий человек скован рамками религиозной морали, что применительно, к примеру, к мировым религиям предполагает терпимое отношение к инакомыслию, то атеизм ориентируется на принципы светской морали, современное положение которой не всегда связано с принятием иного мнения.

В отличие от иных деяний, экстремизм как феномен в большинстве своем связан с мощным мотивирующим компонентом. Это, в свою очередь, говорит о широком потенциале религии, которая способна, как побудить человека совершить общественно опасное деяние, так и остановить его от этого. Таким образом, мы вынуждены констатировать факт влияния религиозных чувств.

Процесс борьбы с религиозным экстремизмом усложняет тот факт, что в законодательстве отсутствует нормативно-правовой акт, который дает точное определение понятию религиозных чувств верующих, а также перечень ориентиров, которые дают четкую оценку оскорбительному контенту. И если в случае с оскорблением личности большое значение отводится лингвистической экспертизе, различным смыслам, связанным с восприятием оскорбления, то в религиозном аспекте на уровне священных писаний ключевые принципы конкретно закреплены и разъяснены. В этой связи возникают сложности при принятии процессуальных решений, случаи отмены обвинительного приговора, а многие случаи носят резонансный характер, вызывая дискуссию в обществе. Сложность добавляет и тот факт, что оценивание деяния нередко происходит сквозь призму субъективных представлений и актуали-

зирует потребность в привлечении экспертов. Это делает темы чувств верующих и разжигания ненависти и вражды достаточно деликатной и, в определённом смысле, субъективной.

Таким образом, под религиозными чувствами верующих как фактором, оскорбление которого способно спровоцировать религиозный экстремизм, предлагается понимать высший процесс переживания человеком эмоций в отношении той или иной разновидности сверхъестественного, связанный с соблюдением предписанных религиозными догмами норм, традиций, сакрализацией религиозных атрибутов и символов, иных объектов почитания, соответствующих системе ценностей, определённой конкретной религией и закреплённых в священных текстах.

Интерес в этом ключе представляют воззрения атеистов, чья мировоззренческая позиция не даёт возможности считать их чувства религиозными, а их самих – верующими. Кроме того, практика защиты чувств атеистов по ст. 148 УК РФ фактически отсутствует (возможно, как раз в силу абсурдности привлечения к ответственности по данной статье). Поэтому проблема дискриминации атеистов все чаще поднимается в современном обществе. При этом процессы ментального толка в сознании атеистов чрезвычайно схожи с теми, которые происходят у верующих. Как и категоричное отношение к определённым социальным формированиям. Отсюда логично утверждать, что в случае с экстремизмом интерес представляют, в принципе, факты отношения к религии. Таким образом, благодатную почву для зарождения религиозного экстремизма формируют случаи разжигания ненависти и вражды по признакам отношения к религии, в основе которых, по нашему мнению, лежат случаи, использующие, как религиозные чувства верующих, так и убеждения атеистического толка. При этом, религиозные чувства (атеистические убеждения) становятся и причиной, и мотивом формирования экстремистских воззрений.

При этом анализ материалов, предоставляемых на исследование, даёт основание отмечать шаблонность мотивов, способных оскорбить религиозные чувства верующих. Среди таковых: пренебрежение религиозными нормами, традициями или же их абсолютизация за счёт принижения традиций других социальных групп; деяния, связанные с уничтожением (осквернением) религиозных атрибутов и символов; некорректная интерпретация религиозных идей, объектов почитания образов, их примитивизация; обращение к религиозным образам, в контексте, пропагандирующем сексуальное влечение; осуществление опошления святынь, подмена религиозных понятий и ценностей; оскорбление в отношении основателей религии, духовенства. Иными словами, проявлений, которые подрывают основы религии, а также ее аксиологических оснований. Вопрос маркеров, оскорбляющих атеистов, требует дополнительной проработки и представляет научный интерес в рамках дальнейших исследований.

Важнейшей мерой в профилактике религиозного экстремизма остается законодательное закрепление понятий, в смысловом плане обеспечивающих корректную квалификацию таких деяний. В ходе подготовки работы установлено, что ключевым побудителем развития религиозного экстремизма является оскорбление чувств верующих, которое способно разжечь ненависть, проявляющуюся в экстремистских настроениях, возникающих на почве отношения к религии. В этой связи важность приобретает дополнение ФЗ от 25.07.2002 №114 «О противодействии экстремистской деятельности» [7] в части ст. 1, перечисляющей деяния, причисляемые к экс-

тримистской деятельности, деяниями, способными оскорбить чувства верующих и разжечь межконфессиональную ненависть и вражду, поскольку их перечень, как показывает практика, можно считать вполне определенным. Кроме этого, закрепление в ФЗ от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [8] определения религиозных чувств верующих, а также понятия атеистических убеждений станет ориентиром для своевременного распознавания особенностей религиозного экстремизма и пресечения таких проявлений.

Отдельное внимание следует уделить работе с экспертами. Проблема обеспечения безопасности эксперта требует системного подхода, включающего материальное стимулирование, подготовку соответствующих специалистов, психологическую поддержку экспертов, наделения их особым статусом. Учитывая тот факт, что преступления и правонарушения, связанные с мотивами религиозной ненависти и вражды, часто совершаются фанатично настроенными лицами, а личность эксперта не имеет конфиденциальный статус, опасение вызывает его личная безопасность. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119 отмечает, что для применения мер государственной защиты к экспертам, в первую очередь, должны возникнуть опасения со стороны лица и его желание, а во вторую – присутствовать реальная угроза жизни, здоровью эксперта или его родственникам за непосредственную деятельность. Как правило, перед проведением экспертизы у эксперта еще нет реальной угрозы, в силу его компетентности и осведомленности у него может быть только опасения относительно типового настроения и поведения представителей той или иной конфессии, адепта предполагаемого течения, однако в таком случае эксперту в мерах государственной защиты будет отказано [9]. Это нарушает важнейший принцип реализации экспертной деятельности, связанный с созданием условий, позволяющих специалисту сохранять профессиональную объективность вне зависимости от личных убеждений и страхов. Это также приводит к отказу от проведения некоторых экспертиз или же попыткам привлечения экспертов из максимально удаленных субъектов России, что не позволяет учитывать региональную специфику. Таким образом, считаем необходимы пересмотреть Федеральный закон №119-ФЗ на предмет предоставления экспертам мер государственной защиты, проводящим исследование материалов, связанных с проявлениями экстремизма и терроризма на почве религиозных убеждений.

Учитывая факт наличия специальных знаний и практического опыта сотрудников ОВД, высокую стоимость экспертиз и нехватку соответствующих специалистов в государственных учреждениях, также необходимо дополнить ст.34 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10] на предмет совместительства службы сотрудников органов внутренних дел с экспертной деятельностью. Поскольку на законодательном уровне экспертная деятельность не относится ни к педагогической, ни к научной, ни к творческой, это исключает факт выполнения научно-педагогическими кадрами ВУЗов МВД России деятельности, связанной с религиозоведческой экспертизой.

Немаловажное значение имеет проблема стоимости религиозно-экспертной, так как в некоторых субъектах РФ она достигает суммы, превышающей выделяемую государством для ее проведения, в десяти-, а иногда и пятидесятикратном значении (от 40 тыс. руб. до 200 тыс. руб., вместо отводимых 12 тыс. в Республике Крым, где тема религиозного экстремизма представляет особую актуальность). Основная сложность заключается в том, что реальные рыночные цены на такие сложные исследования значительно превышают суммы, которые государственные органы могут выделить на их проведение. Оптимизация подходов к ценообразованию поспособствовала бы решению проблемы.

Кроме внесения изменений в законодательство, следует реализовать следующие направления профилактической работы:

1. ОВД необходимо активно вести разъяснительную работу с населением о сущности экстремизма, его общественной опасности и правовых последствиях участия в его проявлениях. Зачастую совершение деяний, способных оскорбить религиозные чувства верующих, по мнению их инициаторов, носят юмористический характер. А размещение символики запрещенных организаций происходит не всегда с целью популяризации той или иной экстремистски окрашенной идеи.

2. ОВД должны выстраивать системную работу с лидерами и активистами религиозных объединений. Такое сотрудничество способно не только обеспечить разъяснение в области отдельных религиозных тенденций, но и поспособствовать раннему выявлению предпосылок экстремизма.

3. Учитывая уязвимость молодежи, профилактику экстремизма необходимо начинать со школьной скамьи. Легкомысленное отношение молодежи к духовным ценностям способно не только сформировать зыбкий аксиологический фундамент, но и стать преградой для развития контрэкстремистского мировоззрения в поликонфессиональном регионе.

4. Существующий миф, что религиозный экстремизм – удел молодежи также должен быть развенчан. В соответствии с актуальными данными, нередко к ответственности привлекаются также лица преклонного возраста, которые в своей деятельности проявляют фанатичный настрой. Поэтому пропаганда должна иметь адаптивный характер, затрагивая и особенности мировоззрения упомянутых слоев.

5. Основной платформой для оскорбления религиозных чувств верующих и разжигания ненависти и вражды на сегодняшний день является информационно-коммуникационное пространство. Также именно там информация приобретает публичный характер. Важно обеспечить техническую возможность своевременного выявления и блокировки такого контента.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что религиозный экстремизм является давней проблемой, не обошедшей стороной и российское общество. Анализируя процесс формирования и становления религии, следует сказать, что радикальные убеждения, способные перерасти в экстремизм, свойственны всем религиям, находящимся на ранней стадии своего развития. Вместе с тем, реалии современного мира привели к появлению новых граней проблемы, обусловленные открытием границ, усложнением социальных структур, а также поликонфессиональностью как неотъемлемой частью современной цивилизации. Произошедшие трансформации отразились на религиозном экстремизме как феномене, предопределив его истоки, заключающиеся в оскорблении религиозных чувств, а также случаи разжигания

ненависти и вражды по признакам отношения к религии (в том числе и лиц, настроенных атеистично). Это подчеркивает необходимость пересмотра старых моделей организации общественных отношений, включая правовой и религиоведческий аспекты. Изменения, предложенные авторами, следует воспринимать как следствие закономерного развития общества и меру, основанную на выработанном опыте деятельности правоохранительных органов. На фоне интереса к традиционным духовно-нравственным ценностям отдельного внимания в современном мире заслуживают проблемы обеспечения прав атеистов, потребность в законодательном осмыслении которых продолжает представлять актуальность для современного мира.

Учитывая сложность рассматриваемого феномена религиозного экстремизма, предложенные поправки к законодательству, методические приемы выявления экстремистского контекста в религиозных идеях, а также выделенные направления профилактической работы вряд ли способны искоренить все негативных проявления в религиозной сфере, но они смогут заложить фундамент для предупреждения совершения деяний, способных спровоцировать экстремизм, а также обеспечить своевременную идентификацию радикальных настроений.

Таким образом, для предотвращения возникновения религиозного экстремизма в обществе необходимо не только совершенствование законодательства, следует обеспечить просвещение граждан, представителей органов государственной власти, правоохранительных органов, проводить борьбу с существующими радикальными религиозными объединениями, но главное – стимулировать стремление к просвещению граждан, а также укреплению атмосферы межконфессиональной толерантности и взаимного уважения представителей различных религий.

Список литературы:

1. Чудина-Шмидт Н.В. Экстремальный мир как источник радикальности, экстремистских взглядов и террористической деятельности / Н.В. Чудина-Шмидт. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы противодействия экстремизму, русофобии и украинскому неонацизму. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар. – 2025. – С. 228-231.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/3f061fb01a04145dc7e07fe39a97509bd2da705f/ (дата обращения: 09.03.2026).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 09.03.2026).
4. Айтжанова Д.А. Опыт европейских стран в противодействии религиозному экстремизму / Д.А. Айтжанова. – Текст : непосредственный // Диссертация на соискание ученой степени доктора по профилю. – 2021. – 280 с.
5. Симонова М. А., Мелькунов И.С. Проблема религиозного экстремизма: причины возникновения и пути решения / М.А. Симонова // АВБсП. – 2023. – №5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema>
6. Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 09.03.2026)
7. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 15.05.2024). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 04.03.2026).
8. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 09.03.2026).

9. Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20.08.2004 № 119-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48959/ (дата обращения: 01.03.2026).

10. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) от 30.11.2011 N 342-ФЗ (ред. от 28.12.2024). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 01.03.2026).

Konopleva A.A., Ereemeev I.I. Religious Extremism in Contemporary Russian Society: New Facets of an Old Problem // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 469-476.

This article addresses the development of extremism in contemporary Russian society. The realities of the modern world have given rise to new facets of the problem, driven by the opening of borders, the increasing complexity of social structures, and the emergence of multi-confessionalism as an integral part of modern civilization. These transformations have impacted religious extremism as a phenomenon, predetermining its origins, which lie in the insult to religious feelings, as well as instances of incitement to hatred and hostility based on religious affiliation. Given the nature of religious sentiment as an integral part of a worldview, atheistic sentiments, which develop along similar lines, deserve special attention. In this regard, the authors propose a series of legislative amendments, a number of methodological approaches for identifying extremist contexts in religious ideas, and areas of preventive work that could facilitate the process of qualifying acts and ensure the timely identification of radical sentiments emerging in the religious sphere.

Keywords: religion, atheism, religious feelings of believers, incitement to hatred and enmity, extremism, religious extremism, prevention, religious studies expertise, state protection of experts, law enforcement agencies.

Spisok literatury:

1. CHudina-SHmidt N.V. Ekstremal'nyj mir kak istochnik radikal'nosti, ekstremistskih vzglyadov i terroristicheskoy deyatel'nosti / N.V. CHudina-SHmidt. – Tekst : neposredstvennyj // Aktual'nye problemy protivodeystviya ekstremizmu, rusofobii i ukrainskomu neonacizmu. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnodar. – 2025. – С. 228-231.

2. Uголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/3f061fb01a04145dc7e07fe39a97509bd2da705f/ (дата обращения: 09.03.2026).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 09.03.2026).

4. Ajtzhanova D.A. Opyt evropejskih stran v protivodeystvii religioznomu ekstremizmu / D.A. Ajtzhanova. – Tekst : neposredstvennyj // Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora po profilyu. – 2021. – 280 s.

5. Simonova M. A., Mel'kunov I.S. Problema religioznogo ekstremizma: prichiny vozniknoveniya i puti resheniya / M.A. Simonova // AVBsP. – 2023. – №5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema>

6. Perechen' obshchestvennyh ob"edinenij i religioznyh organizacij, v otnoshenii kotoryh sudom prinyato vstupivshee v zakonnyuyu silu reshenie o likvidacii ili zaprete deyatel'nosti po osnovaniyam, predusmotrennym Federal'nym zakonom ot 25.07.2002 № 114-ФЗ «O protivodeystvii ekstremistskoj deyatel'nosti». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 09.03.2026)

7. Federal'nyj zakon «O protivodeystvii ekstremistskoj deyatel'nosti» ot 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. ot 15.05.2024). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 04.03.2026).

8. Federal'nyj zakon «O svobode sovesti i o religioznyh ob"edineniyah» ot 26.09.1997 N 125-ФЗ (poslednyaya redakciya). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 09.03.2026).

9. Federal'nyj zakon «O gosudarstvennoj zashchite poterpevshih, svidetelej i inyh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva» ot 20.08.2004 № 119-ФЗ (poslednyaya redakciya). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48959/ (дата обращения: 01.03.2026).

10. Federal'nyj zakon «O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otidel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 05.02.2025) ot 30.11.2011 N 342-ФЗ (ред. ot 28.12.2024). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 01.03.2026).

УДК 343.2/7

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИЗАЦИИ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ

Мурадян Р. П.

Севастопольский государственный университет

В работе анализируется практика привлечения к уголовной ответственности за угрозу убийством. Отмечается, что основная масса уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 119 УК РФ, прекращается в связи с ходатайством потерпевших о примирении с подсудимыми. Это обусловлено не только реальными фактами примирения, но и конструкцией санкции ст. 119 УК РФ. Предлагается внести изменения в санкцию ч. 1 ст. 119 УК РФ, увеличить срок наказания в виде лишения свободы до 6 лет, что в свою очередь изменит категорию данного преступления и сделает невозможным прекращение дел в связи с примирением с потерпевшим.

Ключевые слова: уголовная ответственность, наказуемость, лишение свободы, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Угроза убийством отнесена законодателем к преступлениям небольшой тяжести. Анализируя состав данного преступления, мы видим, что его субъективная сторона характеризуется исключительно прямым умыслом, то есть, виновный осознает общественную опасность своих действий и желает выразить вовне намерение лишить жизни или причинить тяжкий вред здоровью конкретного лица.

Из содержания ст. 119 УК РФ следует, что ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью наступает лишь при таком обязательном условии, как наличие у потерпевшего оснований опасаться осуществления этой угрозы. С учетом сложившейся судебной практики основополагающим для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 119 УК РФ, является внутреннее убеждение потерпевшего о реальности осуществления высказываемых угроз.

В результате проведенного анализа уголовных дел установлено, что действия подсудимых потерпевшими воспринимаются как реально осуществляемая угроза для жизни с учетом агрессивного характера подсудимого и внезапности его действий, а также обстоятельств, при которых указанные угрожающие действия были выполнены. То есть, потерпевшее лицо считает, что имеются все основания осуществления данной угрозы. В контексте анализируемой проблемы необходимо акцентировать внимание на том, что именно субъективное восприятие потерпевшим угрозы для его жизни и здоровья должно быть реальным, чтобы можно было говорить о наличии в действиях лица состава преступления.

Как отмечают специалисты, данный критерий носит оценочный характер, исходя из ряда фактических обстоятельств дела, личности виновного и личности потерпевшего лица, поведения самого потерпевшего, условий при которых была высказана угроза убийством и т.д. [3]. Показательным в этой связи представляется пример из реального уголовного дела. Так, К., 31.01.2024 г. в период времени 8 ч. 30 мин. до 9 ч. 00 мин., пребывая в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, находился на законных основаниях по адресу: (адрес), где на почве личных неприязненных отношений, действуя умышленно, реализуя свой прямой умысел, направленный на выражение угрозы убийством потерпевшей, не имея намерения лишить жизни последнюю, нарушая общественные отношения, обеспечивающие безопас-

ность жизни и здоровья человека, осознавая общественную опасность и противоправный характер своих действий, предвидя наступление общественно опасных последствий и желая этого, с целью создания тревожной обстановки и страха за жизнь, желая оказать психологическое воздействие и запугать потерпевшую, для придания реальности осуществления данной угрозы, удерживая в правой руке металлическую крестовую отвертку за рукоять, приблизился к последней на расстояние не более метра и, замахнувшись сверху вниз металлическим основанием указанной отвертки над головой потерпевшей, высказал в её адрес угрозу убийством, а именно: «Я тебя убью!». Действия К. были восприняты потерпевшей как реально осуществляемая угроза для её жизни и, учитывая агрессивный характер и внезапность действий К., а также обстоятельства, при которых указанные угрожающие действия были выполнены, потерпевшая считала, что у неё имелись все основания опасаться осуществления данной угрозы. Постановлением мирового судьи от 8.04.2024 г. указанное уголовное дело в отношении К. прекращено в связи с примирением с потерпевшей. В судебном заседании последняя заявила об этом ходатайство и сообщила суду, что причиненный преступлением вред ей возмещён в полном объеме, каких-либо претензий к подсудимому она не имеет, её волеизъявление о прекращении дела является добровольным. Наверное, перестала опасаться осуществления угрозы со стороны подсудимого [9].

Основная масса уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 119 УК РФ, как отмечают специалисты, прекращается в связи с ходатайством потерпевших о примирении с подсудимыми [5; 14, с. 154-155]. В основном, это члены одной семьи либо близкие друзья, конфликт между которыми зачастую начинается одинаково: вследствие употребления спиртных напитков. При выяснении в судебном заседании у подсудимых вопроса о том, повлияло ли на совершение ими преступления состояние опьянения, вызванного употреблением алкоголя, каждый без исключения, пояснял, что в случае пребывания в трезвом виде, на такой проступок никогда бы не пошёл.

Конечно, побывав на скамье подсудимого, никто не хочет обратно, и такие дела «не возвращаются», подсудимые используют так называемый «второй шанс». Однако бывают и исключения. Так, постановлением мирового судьи от 3.05.2024 г. прекращено уголовное дело в отношении Т., который 18.02.2024 г., пребывая в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, дома, угрожал убийством своему родному брату. В судебном заседании потерпевший, заявив соответствующее ходатайство, указал, что они уже примирились, никаких претензий к подсудимому он не имеет [10]. Между тем, спустя непродолжительное время аналогичное дело вновь потупило в суд, события по этому делу имели место в августе 2024 г., и вновь на скамье подсудимых тот же Т., а потерпевшим опять выступил его родной брат. В этот раз в удовлетворении ходатайства потерпевшего о прекращении уголовного дела за примирением сторон было отказано, и в отношении Т. постановлен обвинительный приговор с назначением наказания в виде обязательных работ [11].

Такое решение представляется справедливым, поскольку через небольшой промежуток времени подсудимый совершил аналогичное преступление в отношении одного и того же потерпевшего, поскольку виновное лицо укоренилось в стойкости своих преступных намерений, проигнорировало возможность исправления без

назначения наказания, что исключало повторное прекращение в отношении него уголовного преследования.

Описывая указанную ситуацию, следует обратиться к работам одного из ведущих российских учёных, Б.В. Волженкина, который в своих трудах последовательно раскрывал вопросы о различии между общественно опасным деянием и общественно опасной личностью. Общественно опасное деяние, он характеризовал как конкретный акт поведения, а общественно опасную личность, как устойчивое интегративное свойство личности, отражающее ее антисоциальную направленность и потенциальную способность к совершению новых преступлений [2]. Общественная опасность является определяющим свойством личности преступника, что отмечают и другие специалисты [1; 4; 12, с. 57; 13, с. 354].

Говоря о свойстве личности, которая склонна к совершению новых преступлений, следует обратить внимание на тот факт, что более половины изученных нами преступлений совершены лицами, ранее совершавшими противоправные деяния. По мнению автора, на данные обстоятельства влияет ряд факторов, одним из которых является недостаточная эффективность наказания, поскольку не были достигнуты его цели: восстановление социальной справедливости, исправление лица и предупреждение совершения им новых преступлений.

При этом следует отметить, что уголовное законодательство, предусматривает освобождение от уголовной ответственности и от наказания. Однако, законодателем произведена четкая градация категорий преступлений, а также предусмотрены определенные условия, при соблюдении которых возможно освобождение лица от уголовной ответственности и наказания.

Анализ уголовных дел за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119 УК РФ показал, что «львиная» доля дел прекращается в связи с примирением сторон. Имеют место и неоднократные прекращения уголовных дел по указанным основаниям в отношении одного и того же лица. Данное обстоятельство, по мнению автора, является недопустимым, поскольку возникает значительная угроза повторения, а также совершения более тяжкого преступления, в результате которого могут наступить необратимые последствия. Так, например, О., находясь в состоянии алкогольного опьянения в комнате своей квартиры, в ходе ссоры с супругой Е. высказал в адрес последней угрозу убийством из-за того, что Е. во время уборки выключила телевизор, в то время как он смотрел футбольный матч. При этом, О., со словами «Я тебя сейчас задавлю», бросил в Е. пустую бутылку из-под водки, однако Е. увернулась. Опасаясь угрозы и воспринимая ее реальной к исполнению, зная, что О. в состоянии алкогольного опьянения агрессивен и опасен, Е. выбежала из комнаты в кухню. Однако О. со словами «Убью» выбежал следом за ней в кухню, где, схватил со стола нож, нанес Е. три удара ножом в живот, причинив телесные повреждения, от которых Е. скончалась. Органом предварительного расследования действия О. были квалифицированы по части 1 ст. 119 и части 1 ст. 105 УК РФ, однако суд исключил из обвинения часть 1 ст. 119 УК РФ, указав, что действия были одномоментными, он действовал с единым умыслом на убийство Е., который охватывает и угрозу убийством [8].

В постановлении № 77-4229/2023 от 5 декабря 2023 года Четвертый кассационный суд общей юрисдикции указал, что при угрозе убийством виновным соверша-

ются действия с целью запугать, оказать устрашающее воздействие на потерпевшего, виновный не имеет цели подобными действиями осуществить высказанную им угрозу, либо угрожающий намерен привести угрозу в исполнение позже, не этими действиями. При покушении на убийство выполняются действия, способные по своим объективным свойствам лишить потерпевшего жизни. При этом согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», если убийство может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом, то покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, то есть когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по не зависящим от него обстоятельствам (ввиду активного сопротивления жертвы, вмешательства других лиц, своевременного оказания потерпевшему медицинской помощи и др.) [7]. Для того чтобы таких ситуаций не было, представляется необходимым усилить наказуемость деяния, тем самым изменить категорию преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ.

Так, в настоящее время за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, законодателем определены наказания в виде обязательных работ на срок до четырехсот восьмидесяти часов, ограничения свободы на срок до двух лет, принудительных работ на срок до двух лет, ареста на срок до шести месяцев, лишения свободы на срок до двух лет. С учетом положения ч. 4 ст. 15 УК РФ, тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает десяти лет лишения свободы. Учитывая названные обстоятельства, предлагается внести изменения в санкцию ч. 1 ст. 119 УК РФ, увеличить её размер в части лишения свободы до 6 лет, что в свою очередь изменит категорию данного преступления и сделает невозможным в силу закона, прекращение дел в связи с примирением с потерпевшим.

Список литературы:

1. Krainova, N. // La conducta delictiva individual en el contexto de la resocialización del individuo interacción y perspectiva. / N. Krainova, I. Gaag, S. Zaporozhets, G. Dyatlov, E. Galimov - 2024. - Т. 14. - № 3. - С. 716-727.
2. Волженкин, Б. В. Вопросы личности преступника в первом советском Уголовном кодексе / Б. В. Волженкин // Вопросы совершенствования предварительного следствия: сборник статей / Ин-т усовершенствования следств. работников органов прокуратуры и МВД. — Ленинград: Ин-т усовершенствования следств. работников органов прокуратуры и МВД, 1974. — Вып. 2. — С. 164—176.
3. Караева, З.В. Квалифицированный вид угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью / З.В. Караева, А.А. Кадзаев // Юридический факт. – 2018. - № 27. – С. 7-10.
4. Крайнова, Н.А. Личность преступника в фокусе ресоциализации: некоторые проблемные вопросы / Н.А. Крайнова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. материалы XIX Международной научно-практической конференции. - Москва, 2022. - С. 704-709.
5. Крайнова, Н.А. Особенности освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам, сопряженным с причинением смерти / Н.А. Крайнова // Крымские юридические чтения. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. - Симферополь, 2024. - С. 166-171.
6. Крайнова, Н.А. Противодействие преступности в контексте ресоциализации: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. А.И. Коробеева. / Н.А. Крайнова - М.: Юрлитинформ, 2023. - С. 76.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». - URL: Консультант Плюс - <http://www.consultant.ru/>.
8. Приговор Кузьминского районного суда города Москвы от 21 декабря 2017 года по уголовному делу № 1-153/2017 г. - URL: <http://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij>.

9. Уголовное дело № 1-0024/3/2024 – судебный участок № 3 Балаклавского судебного района город Севастополя, судья Грицай А.А. - URL: <https://mirsud.sev.gov.ru/>.
10. Уголовное дело № 1-0026/3/2024 – судебный участок № 3 Балаклавского судебного района город Севастополя, судья Грицай А.А. - URL: <https://mirsud.sev.gov.ru/>.
11. Уголовное дело № 1-0033/3/2024 – судебный участок № 3 Балаклавского судебного района город Севастополя, судья Грицай А.А. - URL: <https://mirsud.sev.gov.ru/>.
12. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Н.А.Крайнова, Н.В.Радоснова. – СПб, 2021. – 275 с.
13. Уголовное право. Особенная часть. Курс лекций. – СПб, 2010 – 632 с.
14. Уголовный процесс (досудебное производство) / Н.А.Крайнова, И.В.Мезенцев, В.В.Петров, О.А.Чабукиани. – СПб, 2021. – 177 с.

Muradyan R.P. On the categorization of threats of homicide // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 477-481.

The paper analyzes the practice of bringing to criminal liability for the threat of murder. It is noted that the majority of criminal cases on crimes under Part 1 of Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation are terminated due to the victims' requests for reconciliation with the defendants. This is due not only to the actual facts of reconciliation, but also to the structure of the sanction in Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is proposed to amend Part 1 of Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation and increase the sentence to 6 years in prison, which will change the category of this crime and make it impossible to dismiss cases due to reconciliation with the victim.

Keywords: crime, punishment, sanction, threat of murder, convicts.

Spisok literatury:

1. Krainova, N. // La conducta delictiva individual en el contexto de la resocialización del individuo interacción y perspectiva. / N. Krainova, I. Gaag, S. Zaporozhets, G. Dyatlov, E. Galimov - 2024. - Т. 14. - № 3. - С. 716-727.
2. Volzhenkin, B. V. Questions of the criminal's identity in the first Soviet Criminal Code / B. V. Volzhenkin // Issues of improving the preliminary investigation: collection of articles / In-t improvement of investigations. employees of the Prosecutor's Office and the Ministry of Internal Affairs. Leningrad: Institute of Investigation Improvement. Employees of the Prosecutor's Office and the Ministry of Internal Affairs, 1974. — Issue 2. — Pp. 164-176.
3. Karaeva, Z.V. A Qualified Form of Threatening to Kill or Inflict Serious Bodily Harm / Z.V. Karaeva, A.A. Kadzaev // Legal Fact. – 2018. - No. 27. – Pp. 7-10.
4. Krainova, N.A. The Criminal's Personality in the Focus of Resocialization: Some Problematic Issues / N.A. Krainova // Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century. Materials of the 19th International Scientific and Practical Conference. - Moscow, 2022. - Pp. 704-709.
5. Krainova, N.A. Features of Release from Criminal Liability in Connection with Reconciliation with the Victim in Cases Involving Causing Death / N.A. Krainova // Crimean Legal Readings. Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. - Simferopol, 2024. - Pp. 166-171.
6. Krainova, N.A. Countering crime in the context of re-socialization: a monograph / ed. by Dr. jurid. A.I. Korobeeva / N.A. Krainova, Moscow: Yurlitinform, 2023, p. 76.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 1999 No. 1 "On judicial practice in cases of murder (art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)". - URL: Consultant Plus - <http://www.consultant.ru/>.
8. Sentence of the Kuzminsky District Court of Moscow dated December 21, 2017, in criminal case No. 1-153/2017 - URL: <http://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij>.
9. Criminal case no. 1-0024/3/2024 – judicial district No. 3 of the Balaklavsky judicial district of Sevastopol, judge A.A. Gritsai - URL: <https://mirsud.sev.gov.ru/>.
10. Criminal case no. 1-0026/3/2024 – judicial district No. 3 of the Balaklavsky judicial district of Sevastopol, judge A.A. Gritsai - URL: <https://mirsud.sev.gov.ru/>.
11. Criminal case no. 1-0033/3/2024 – judicial district No. 3 of the Balaklavsky judicial district of Sevastopol, judge A.A. Gritsai - URL: <https://mirsud.sev.gov.ru/>.
12. Criminal Law of the Russian Federation. General Part / N.A. Krainova, N.V. Radoshnova. – St. Petersburg, 2021. – 275 p.
13. Criminal Law. Special Part. Course of Lectures. – St. Petersburg, 2010. – 632 p.
14. Criminal Procedure (Pre-Trial Proceedings) / N.A. Krainova, I.V. Mezentshev, V.V. Petrov, O.A. Chabukiani. – St. Petersburg, 2021. – 177 p.

УДК 343.2

НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Новокишинов Д. В.

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

В статье рассматривается уголовная политика государства с началом проведения специальной военной операции. Анализируются изменения и дополнения, внесенные в Уголовный кодекс РФ с 2022 года. Автор выделяет две основные группы поправок адаптирующие уголовное законодательства к условиям военного времени и криминализирующие новые формы общественно опасного поведения. Рассматриваются ключевые законодательные новации, включая введение новых составов преступлений, ужесточение санкций, введение квалифицирующих признаков, связанных с периодом мобилизации и военного положения, а также специальные пенитенциарные нормы. Особое внимание уделяется вопросам систематизации нововведений, дискуссионным аспектам отнесения отдельных составов к главам УК РФ, а также трансформации уголовно-правовой политики в сторону усиления защиты государственной безопасности и обороноспособности. Делается вывод о формировании в российском праве комплексного законодательства военного времени, отражающего повышенную значимость охраны государственного суверенитета в особых условиях.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовное законодательство, специальная военная операция, военное время, криминализация, преступления против военной службы, мобилизация.

Формирование уголовной политики представляет собой сложный детерминированный процесс, обусловленный совокупностью внешних и внутренних факторов. В отечественной доктрине на современном этапе развития, отсутствует направленность относительно перечня, иерархии и удельного веса в правотворческой деятельности. К числу ключевых детерминант, представляющий вектор развития уголовно-правового регулирования, относится военно-политическая обстановка, в рамках которой реализуется законодательная инициатива.

В периоды стабильного развития государства, мирного времени, уголовная политика характеризуется тенденцией к гуманизации и либерализации. Это выражается в процессах декриминализации отдельных деяний, сужении сферы уголовной репрессии, а также в поиске альтернативных мер воздействия. Наглядной иллюстрацией служит российская правовая реформа последних двух десятилетий, инициированная ВС РФ, результатом которой стала декриминализация ряда составов, в частности в экономической сфере, что привело к значительному снижению числа лиц, привлекаемых к уголовной ответственности.

Продолжением данного курса является разработка концепции уголовного проступка, направленной на дальнейшую дифференциацию юридической ответственности. Напротив, в эпохи социальных потрясений, вооруженных конфликтов или военного положения наблюдается противоположная динамика. Законодатель обращается к политике криминализации новых форм общественно опасного поведения и усиление ответственности за уже существующие преступления. Данная закономерность убедительно подтверждается историческим опытом.

Так, уголовное законодательство СССР в предвоенный период и годы Великой Отечественной войны подверглось существенной трансформации, направленной на тотальный контроль над ключевыми сферами общественных отношений, включая трудовые. Принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учрежде-

ний» ввело уголовную ответственность за нарушение трудовой дисциплины, а в дальнейшем судебная практика, следуя разъяснениям Пленума Верховного Суда СССР, ужесточила квалификацию подобных деяний, переквалифицируя их на более тяжкие составы (например, по ст. 59.3в УК РСФСР). Депенализация этих правонарушений произошла лишь в 1956 г., что вновь свидетельствует о прямой зависимости характера уголовного закона от экстраординарных условий.

Известный криминолог профессор В. В. Лунеев, подчеркивает, что «эффективность предупредительной деятельности в сфере преступности детерминирована ее надлежащим нормативно-правовым обеспечением, то есть законодательным закреплением требований и механизмов, направленных на реализацию данной государственной функции» [6, с. 71].

Как установлено действующим законодательством, система уголовного права Российской Федерации регламентирована в Уголовном кодексе Российской Федерации (ст. 1 УК РФ). Начиная с 2022 г. в данный законодательный акт было внесено свыше пятидесяти федеральных законов, вносящих в него изменения и дополнения.

Проведенный анализ изменений и дополнений в УК РФ позволяет их разбить на две группы. Первую группу составляют поправки, которые приспособливают уголовное законодательство к условиям военного времени. Вторую группу образуют так называемые традиционные поправки, систематически вносимые в мирный период в связи с криминализацией новых форм общественно опасного поведения. Данный процесс находит выражение в качественной трансформации и эскалации общественной опасности традиционных видов преступных деяний. Применение современных информационно-телекоммуникационных средств придает им новую, повышенную деструктивность, что проявляется, в частности, при совершении таких преступлений против личности, как убийство или причинение вреда здоровью, осуществляемых с использованием цифровых технологий.

Проведенный анализ выявляет, что начало проведения специальной военной операции послужило катализатором для примерно трети всех рассмотренных изменений в уголовном законодательстве. Эта военно-ориентированная модернизация Уголовного кодекса представляет собой закономерный этап его эволюции. Нужно учитывать, что УК РФ 1996 года был концептуально ориентирован на регулирование общественных отношений в условиях мирного времени, а его архитектура изначально предполагала существование параллельного уголовно-правового режима на период войны. Ярким свидетельством этого является диспозиция ч. 3 ст. 331 УК РФ в ее первоначальном виде, которая, регламентируя ответственность за преступления в боевой обстановке, делала прямую отсылку к самостоятельному законодательству Российской Федерации военного времени.

Безусловно, разработчики УК РФ 1996 г. не могли прогнозировать начала проведения специальной военной операции, введение военного положения на некоторых территориях, частичной мобилизации. Вместе с тем, уже на ранних этапах действия Кодекса в доктрине звучала критика, указывающая на недостаточную, по сравнению с УК РСФСР, степень охраны национальной безопасности и интересов военной службы, выразившаяся, в том числе, в смягчении санкций ряда соответствующих статей [8, с. 169].

Стоит констатировать, что многолетняя научная дискуссия [10; 11] о необходимости кодификации военно-уголовных норм для условий военного положения не привела к конкретным законодательным решениям. На протяжении десятилетий проблема существовала лишь в теоретическом измерении, где центральным предметом споров выступал вопрос о самостоятельности военно-уголовного права как подотрасли, при этом обсуждение оставалось жестко ограниченным концептуальными рамками главы 33 УК РФ [3].

Ответ на вопрос о причинах подобного нормативного пробела представляется очевидным. Уголовный закон, по своей природе, способен реагировать лишь на те виды преступных деяний, общественная опасность которых стала социально значимой в конкретный исторический период времени, для охраняемых правом интересов личности, общества и государства. Данная закономерность четко прослеживается при анализе изменений и дополнений, вносимых законодателем в УК РФ за последние три года. Начало СВО актуализировало и активизировало научные дискуссии о возможности и необходимости разработки комплексного военно-уголовного законодательства военного времени [1, с. 39].

По поводу усовершенствования военно-уголовного законодательства В.П. Бодаевский отметил: «все они сводятся к модернизации действующего уголовного кодекса в основе которой лежит преобладающая в доктрине уголовного права классификация уголовно-правовых предписаний, применяемых в военное время или боевой обстановке» [2, с. 263].

Следует также согласиться с мнением Р.В. Закомолдина и др., в том, что «в условиях проведения специальной военной операции произошло своего рода мобилизация и милитаризация государственного управления всеми сферами общества и государства, в том числе и уголовного законодательства» [4, с. 4].

Представляется необходимым провести терминологическое разграничение между понятиями «военно-уголовное законодательство» и «законодательство военного времени». Первое традиционно охватывает нормы, регламентирующие ответственность специальных субъектов (военнослужащих) за преступления против установленного порядка прохождения военной службы (глава 33 УК РФ). Второе понятие обладает более широким нормативным содержанием, оно включает не только преступления против военной службы, но и иные деяния, посягающие на безопасность и обороноспособность государства, субъектом которых может выступать как общее, так и специальное лицо. Правовой режим такого законодательства реализуется исключительно в периоды мобилизации, военного положения, военного времени либо в условиях вооруженного конфликта.

Объявленная Президентом РФ в феврале 2022 г., начало проведения специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины, обусловила кардинальную трансформацию уголовно-правовой политики государства. Общественно опасные свойства ряда деяний, остававшиеся латентными на протяжении почти тридцати лет действия УК РФ, приобрели в новых условиях высокую степень социальной вредности, создавая угрозу интересам не только личности, но и государственной безопасности. Если в 1996 году разработчики Кодекса декларировали в качестве приоритета защиту личности, ее прав и свобод (что, в частности, отразилось в ограничении применения исключительных мер наказания лишь преступлениями против жизни), то после начала СВО в правосознании произошла ценностная

переориентация, уравнивающая по значимости охрану интересов государства и личности.

Данная трансформация повлекла за собой криминализацию новых видов общественно опасных деяний и защиту ранее не охранявшихся уголовным законом общественных отношений. Уже в марте 2022 г. в УК РФ была введена специальная норма – ст. 207.3, предусматривающая ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании ВС РФ. Законодатель определил родовым объектом данного состава общественную безопасность, отнеся преступления по ч. 1 к категории средней тяжести, а по ч. 2 – к тяжким.

Примечателен в данном контексте сравнительный анализ специальной нормы (ст. 207.3) и общей нормы о клевете (ст. 128.1 УК РФ), последняя относится к преступлениям небольшой и средней тяжести. Как справедливо отмечается в своих работах В.Н. Кудрявцев, существование специального состава наряду с общим оправдано лишь в случае дифференциации уголовной ответственности, например, установления более строгой санкции [5, с. 249–250]. Законодатель, очевидно, исходил из тезиса о возрастании общественной опасности распространения дезинформации о деятельности армии в условиях СВО, что и потребовало создания отдельного, более строгого состава.

Наиболее же значимое изменение было внесено Федеральным законом от 24.09.2022 г. № 365-ФЗ, который исключил из ч. 3 ст. 331 УК РФ отсылочную норму, предписывавшую регулирование ответственности за преступления против военной службы в военное время специальным законодательством. Этим законодательным решением был преодолен раздвоение правового регулирования и осуществлен переход к применению единого уголовного закона независимо от временного режима, что фактически означает адаптацию Уголовного кодекса «мирного времени» к реалиям военного периода. В действующую редакцию Уголовного кодекса Российской Федерации был введен новый квалифицирующий признак (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ) – совершение преступления в период мобилизации или военного положения, в военное время, в условиях вооруженного конфликта либо ведения боевых действий.

Параллельно указанным законом была осуществлена нормативная инновация в виде введения четырех новых составов преступлений, связанных с нарушениями при заключении или исполнении государственного контракта по государственному оборонному заказу (ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 УК РФ). Принцип их систематизации в структуре Кодекса был основан на признаках специального субъекта, статьи 201.2 и 201.3 размещены в главе 23 («Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях»), регламентирующей ответственность лиц, выполняющих управленческие функции, а статьи 285.5 и 285.6 – в главе 30 («Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»), относящейся к должностным преступлениям [9, с. 8].

Однако вызывает научную дискуссию вопрос о корректности избранной законодателем родовой принадлежности последних двух составов. Учитывая, что нарушения в сфере государственного оборонного заказа в условиях специальной военной операции способны причинить ущерб национальной безопасности и обороноспособности, представляется более обоснованным отнесение статей 285.5 и 285.6 УК

РФ к главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Подобная классификация позволила бы более точно отразить характер и степень общественной опасности данных деяний, а также обеспечила бы их нормативную консолидацию в рамках одного правового института. В этом случае существование параллельных составов (ст. 201.2 и 201.3), диспозиции которых практически дублируют указанные нормы, стало бы избыточным.

Наибольшей трансформации подверглась гл. 33 УК РФ, посвященная преступлениям против военной службы. Ключевой новацией стало введение унифицированного квалифицирующего признака, а именно совершения деяния «в период мобилизации, военного положения, военного времени или в боевой обстановке» (ст. 333, 334 УК РФ и др.). Данная законодательная техника позволяет осуществить дифференциацию ответственности, адекватную повышенной общественной опасности посягательств на обороноспособность в условиях специальных правовых режимов [7, с. 75].

Параллельно в главу 34 УК РФ («Преступления против мира и безопасности человечества») инкорпорирован новый специальный состав – ст. 356.1 «Мародерство», объективная сторона которого предполагает совершение деяния исключительно в обстановке вооруженного конфликта. Отдельный комплекс поправок, детерминированный потребностью в комплектовании воинских формирований, составили специальные пенитенциарные нормы поощрительного характера – статьи 78.1 и 80.2 УК РФ, предусматривающие освобождение от ответственности и наказания в связи с прохождением службы в особый период. Действие этих норм не распространяется на 49 составов преступлений, разнородных по объекту посягательства, категории тяжести и форме вины. Объединяющим критерием их исключения является повышение общественной опасности в контексте проведения СВО, что делает неприемлемым применение льготного режима ответственности.

Данный законодательный подход имеет исторический прецедент. В годы Великой Отечественной войны Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 7.01.1943 г. № 1/М/1/у также предусматривал возможность снятия судимости для лиц, призываемых на фронт, за преступления, «не представляющие исключительной общественной опасности». Однако современный законодатель, вводя указанные основания освобождения, оставил нерешенной проблему компенсации вреда потерпевшему, что требует отдельного нормативного регулирования [8, с. 169].

Глава 29 УК РФ, регламентирующая ответственность за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, претерпела наиболее существенную модернизацию. С 2022 г. в ее структуру внесены ряд новых норм (ст. 276.1, 280.3, 280.4, 281.1, 282.4, 283.2, 284.1–284.3). Установленная санкционная строгость по некоторым из них (например, ст. 275 УК РФ) достигла либо превысила уровень ответственности за умышленное убийство. Данный факт свидетельствует о пересмотре традиционной для УК РФ иерархии охраняемых ценностей по принципу «личность – общество – государство» в пользу приоритетной защиты государственного суверенитета. Дополнительными элементами реформы стали: включение отдельных новых составов в перечень конфискационных (ст. 104.1 УК РФ), введение дифференцированных правовых последствий (в частности, запрет направления на СВО осужденных по данной главе), а также расширение круга деяний, за недонесение о которых предусмотрена уголовная ответственность по ст. 205.6 УК РФ.

Таким образом, произошедшие изменения свидетельствуют о качественной переориентации уголовно-правовой политики в условиях СВО. Приоритетом становится защита основ государственности и безопасности, что реализуется через ужесточение санкций за существующие составы, криминализацию новых видов общественно опасного поведения и создание специальных процедурных механизмов. Совокупность рассмотренных новаций позволяет констатировать активное формирование законодательства военного времени. Его отличительными чертами являются не только расширенный, по сравнению с военно-уголовным законодательством, круг субъектов, но и принципиально иной спектр охраняемых объектов, отражающий повышенную значимость защиты государственного суверенитета и обороноспособности в экстремальный период.

Список литературы:

1. Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности / А. И. Александров, В. Н. Кудрявцев. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2024. – 448 с. – EDN NLVMVX.
2. Бодаевский В. П. Уголовная политика и отрасли криминального цикла как внешние факторы, влияющие на систему военно-уголовных норм / В. П. Бодаевский // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 2. – С. 262-274. – EDN WVENMS.
3. Ермолович Я. Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации : монография / Я. Н. Ермолович ; Я. Н. Ермолович. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – EDN QSPZDH.
4. Закомолдин Р. В. Милитаризация и мобилизация Уголовного кодекса Российской Федерации: 2022-2024 гг / Р. В. Закомолдин, П. В. Агапов, П. С. Данилов [и др.]. – Самара : Самарама, 2024. – 260 с. – ISBN 978-5-605-26589-4. – EDN CPGOXL.
5. Кудрявцев, В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Госюриздат, 1963. – 324 с. – EDN ZGTQCL.
6. Лунеев В. В. О проблемах уголовной политики и криминальных реалий в России / В. В. Лунеев // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2015. – № 3(5). – С. 71-83. – EDN WNSBUP.
7. Мартыненко Н. Э. Реализация уголовно-правовой политики России в условиях специальной военной операции / Н. Э. Мартыненко, Э. В. Мартыненко // Труды Академии управления МВД России. – 2025. – № 2(74). – С. 74-79. – DOI 10.24412/2072-9391-2025-274-74-79. – EDN CYVWFQ.
8. Милюков С. Ф. Военно-полевая уголовная политика: основные контуры / С. Ф. Милюков // Вестник Владимирского юридического института. – 2025. – № 2(75). – С. 169-173. – EDN SJYZKO.
9. Петухов Н. А. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования / Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 7-12. – EDN VHCQQH.
10. Сальников В. П. Уголовная политика: некоторые итоговые размышления о понимании, сущности и генезисе развития / В. П. Сальников, И. Л. Третьяков // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 30-42. – EDN XBOQSH.
11. Сальников В. П. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России / В. П. Сальников, С. И. Захарцев, М. В. Сальников // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 70-97. – EDN XINZEV.

Novokshonov D. V. Directions and features of criminal policy during a special military operation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 482-488.

The article examines the state's criminal policy since the start of the special military operation. It analyzes the changes and additions made to the Criminal Code of the Russian Federation since 2022. The author identifies two main groups of amendments that adapt criminal legislation to wartime conditions and criminalize new forms of socially dangerous behavior. The article examines key legislative innovations, including the introduction of new criminal offenses, the tightening of sanctions, the introduction of qualifying features related to the period of mobilization and martial law, and special penal norms. Special attention is paid to the systematization of innovations, the controversial aspects of assigning certain crimes to chapters of the Criminal Code of the Russian Federation, and the transformation of criminal law policy towards strengthening the protection of state security and defense capabilities. The article concludes that Russian law

is developing a comprehensive wartime legislation that reflects the increased importance of protecting state sovereignty in special circumstances.

Keywords: criminal policy, criminal legislation, special military operation, wartime, criminalization, crimes against military service, mobilization.

Spisok literatury:

1. Aleksandrov A. I. Ugolovnaya politika i ugolovnyj process v rossijskoj gosudarstvennosti / A. I. Aleksandrov, V. N. Kudryavcev. – 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. – Moskva : Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Prospekt", 2024. – 448 s. – EDN NLVMVX.
2. Bodaevskij V. P. Ugolovnaya politika i otrasli kriminal'nogo cikla kak vneshnie faktory, vliyayushchie na sistemu voenno-ugolovnykh norm / V. P. Bodaevskij // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2022. – T. 8 (74), № 2. – S. 262-274. – EDN WVENMS.
3. Ermolovich YA. N. Teoretiko-pravovye osnovy voenno-ugolovnoj politiki v Rossijskoj Federacii : monografiya / YA. N. Ermolovich ; YA. N. Ermolovich. – Moskva : Yurlitinform, 2012. – EDN QSPZDH.
4. Zakomoldin R. V. Militarizaciya i mobilizaciya Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: 2022-2024 gg / R. V. Zakomoldin, P. V. Agapov, P. S. Danilov [i dr.]. – Samara : Samarama, 2024. – 260 s. – ISBN 978-5-605-26589-4. – EDN CPGOXL.
5. Kudryavcev, V. N. Teoreticheskie osnovy kvalifikacii prestuplenij / V. N. Kudryavcev. – Moskva : Gosyurizdat, 1963. – 324 s. – EDN ZGTQCL.
6. Luneev V. V. O problemakh ugolovnoj politiki i kriminal'nykh realij v Rossii / V. V. Luneev // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. – 2015. – № 3(5). – S. 71-83. – EDN WNSBUP.
7. Martynenko N. EH. Realizaciya ugolovno-pravovoj politiki Rossii v usloviyakh special'noj voennoj operacii / N. EH. Martynenko, EH. V. Martynenko // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2025. – № 2(74). – S. 74-79. – DOI 10.24412/2072-9391-2025-274-74-79. – EDN CYVWFQ.
8. Milyukov S. F. Voennno-polevaya ugolovnaya politika: osnovnye kontury / S. F. Milyukov // Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta. – 2025. – № 2(75). – S. 169-173. – EDN SJYZKO.
9. Petukhov N. A. Primenenie ugolovnoj politiki Rossii na voenno-sluzhebnykh otnosheniyakh: puti vykhoda i dal'nejshie napravleniya normativno-pravovogo regulirovaniya / N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // Voennno-yuridicheskij zhurnal. – 2016. – № 1. – S. 7-12. – EDN VHCQQH.
10. Sal'nikov V. P. Ugolovnaya politika: nekotorye itogovy razmyshleniya o ponimanii, sushchnosti i genezise razvitiya / V. P. Sal'nikov, I. L. Tret'yakov // Mir politiki i sociologii. – 2016. – № 6. – S. 30-42. – EDN XBOQSH.
11. Sal'nikov V. P. Ugolovno-processual'naya politika kak ehlement ugolovnoj politiki sovremennoj Rossii / V. P. Sal'nikov, S. I. Zakharcev, M. V. Sal'nikov // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. – 2016. – № 9. – S. 70-97. – EDN XINZEV.

УДК 343.352+366.1

ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК ПИТАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КОРРУПЦИИ

Орлов П. П.

*Межмуниципальное отделение МВД России Моршанский
(г. Моршанск, Тамбовская обл.)*

Потребление в сегодняшнем обществе захватило умы людей, проникая во сферы деятельности под воздействием современного инструментария наук. В нашем государстве стало общепринятым относить человека к определенному классу по приобретенным им вещам. Данные обстоятельства подталкивают людей не к развитию гражданина для своей страны, способного принести общественную пользу, а к созданию мышления, которое будет направлено лишь на получение материальных средств для покупки вещей. В этой связи научному осмыслению подвергнута наиболее питательная среда обитания коррупции – современное потребление. Автор солидарен с мнением ученых, считающих, что в настоящее время потребление возведено в культ. В тексте подтверждена гипотеза о том, что потребление является питательной средой коррупции. Установлены основные факторы, влияющие на развитие культа потребления. Проанализирован инструментарий достижения культа потребления в современном обществе. Приведены примеры личностей, совершивших наиболее громкие коррупционные преступления, в отношении которых было конфисковано имущество. Сформулирован вывод о том, что при предупреждении коррупции необходимо уделять внимание мерам по снижению культа потребления.

Ключевые слова: коррупция, потребление, культ потребления, мотивы, одиночество в современном обществе, коммуникации, питательная среда коррупции.

Представим игру в баскетбол на открытой площадке. Спортсмен пытается забросить мяч в корзину, для результативного броска он должен сделать поправку на ветер или выбрать точку броска, находящуюся на приемлемом расстоянии от корзины. Этот прием помогает игроку точно попасть в баскетбольное кольцо. Проецируя данное действие на общество, возможно сформулировать следующую аналогию: результативный бросок – это объективный результат, а точка с поправкой на ветер, удаленная от кольца (с поправкой на факторы), – это субъективно то, чего может добиться общество. Приведенный тезис опирается на мнение, высказанное В. Франклом в 1972 г., смысл которого заключается в том, что, ставя перед человеком субъективные цели, мы стимулируем достижение его объективных, более высоких целей и возможностей. Превращение российского общества в общество потребления, сопровождаемое представлением о престижности потребления, погоней за модой и гламурным миром, создаваемыми рекламой, СМИ и иными источниками пропаганды, а также желанием любой ценой попасть в этот мир, подтачивает мораль совместного проживания и общения людей, создавая благоприятную почву для распространения коррупции и иных девиантных проявлений. Постараемся спроецировать данную идею на предупреждение коррупции. В этой связи обратимся к наиболее питательной среде коррупции – потреблению в обществе, понижая степень развития, которого, мы лишаем коррупцию ее ареала обитания [2, с. 35].

Современный мир материальных вещей является привлекательным для человека, однако степень его заманчивости зависит от развития мотивации. С момента рождения нам прививают любовь ко всему материальному: сначала это игрушки, затем более сложные предметы, вплоть до особо дорогих, в том числе относящихся к роскоши. Настоящую жизнь уже невозможно представить без материальных вещей, будь то одежда, посуда, предметы связи и т. д. Однако, гипертрофируя потребность

в вещах, в том числе имеющих стоимость выше средней заработной платы в нашем государстве (в качестве примера средняя номинальная заработная плата в РФ в 2024 г. составила 87 952 руб., а стартовая цена смартфона iPhone 16 в сентябре 2024 г. составила 114 000 руб.), рекламой и иными стимулирующими средствами развития потребления, можно заметить, как люди становятся более зависимыми в стремлении получить материальные блага дорогих и модных брендов [3; 4]. В этой связи уместно привести мысль Э. Фромма: защита от одиночества и неумения общаться скрыта в погоне потребления за новыми вещами, а само потребление есть не что иное, как удовлетворение искусственно созданных прихотей [5].

Современный динамичный мир создает все условия для направления человека к одиночеству; согласимся с В.В. Коркиной и В.В. Рыбинской, считающими, что одиночество – проблема не только современного человека, но и общества в целом [6, с. 26]. Е.Е. Рогова утверждает, что одиночество является одной из актуальных проблем в социальной и духовной жизни современного общества [7, с. 3]. Данные обстоятельства позволяют отметить зарождение и развитие духовного кризиса. В этой связи согласимся с мнением ученых, считающих, что современное общество не направляется к нравственному совершенствованию и созидательной деятельности [8, с. 32], а стремится свести свой жизненный смысл к удовлетворению материальных интересов.

Переходя к следующему фактору, направленному на развитие потребления, – неумению общаться, отметим текущую тенденцию к его обострению. В качестве основной причины данного фактора выделим появление в нашей жизни информационно-телекоммуникационных технологий, которые минимизируют практику личного общения, поскольку она поглощается современным телевидением и интернет-ресурсами, не позволяющими развивать личные коммуникативные навыки.

Приведенное обстоятельство также свидетельствует об увеличении числа людей, испытывающих одиночество. Данный вывод можно подтвердить, приведя соображения исследователей. В частности, важным представляется мнение И.Ф. Шилиевой, считающей телевидение и интернет средствами формирования ухода от действительности в виртуальный и вымышленный мир, формирующий одиночество [9].

Другим немаловажным моментом, усиливающим неспособность общаться, являются умственные способности человека. В настоящее время они имеют тенденцию к снижению [10]. Здесь уместно привести пример мнение Вице-президента РАН М.А. Пирадова, который пояснил, что исследование на 34 000 европейцах показали следующий результат: уровень IQ у рожденных после 1981 г. на 20 % ниже, чем у поколений, рожденных с 1930 по 1980 г.

Здесь будет уместно упомянуть русскую пословицу «встречают по одежке, провожают по уму»: потребители на фоне снижения умственных способностей пытаются компенсировать вторую часть поговорки модными брендами, акцентируя внимание на материальной достаточности и не сосредотачиваясь на образовании и развитии. В этой связи следует привести мнение В.Е. Чунаковой, считающей, что корни следования моде лежат во внутреннем конфликте неудовлетворенности своим статусом в современном обществе [11]. Необходимо добавить, что данное неудовлетворение спровоцировано испорченными ориентирами современного подрастающего поколения, которое, если говорить проще, хочет всего и сразу. Данное за-

ключение базируется на мнении известных предпринимателей, в частности генерального директора «Аптечной сети 36,6» А. Уразманова [12].

Таким образом, в качестве основных факторов, влияющих на развитие культа потребления, можно выделить одиночество и неумение поддерживать коммуникацию на фоне снижения умственных способностей человека.

Рассмотрим другой важный момент в рамках исследования – мотивирующую сторону потребления. Мотивы в настоящее время формируются не только под воздействием экономических методов и приемов, но и с использованием достижений наук, предмет исследования которых располагается в области психологии человека и общества, что свидетельствует о следующем: извлечение прибыли осуществляется не только за счет законов экономики, но и с помощью эмоциональной сферы человека (экономическая психология – наука, исследующая психологические основы экономического поведения) [13, с. 8], позволяя вознести потребление в обществе в ранг культа. В этой связи можно констатировать наличие зависимости от необходимости потреблять [14]. В качестве примера стоит привести пропаганду красивой фигуры, транслируемую из всех социальных источников информации. Покупая инструменты достижения целей, привитых рекламой, в том числе определенное питание, которое некоторые маркетологи называли «здоровым», а также биологически активные добавки, доказательства эффективности которых в спорте существует лишь небольшой перечень [15], на фоне постоянной демонстрации тематически соответствующего видео- и фотоматериала, несозревшие умы поглощают фантазию, которая далека от того, что фактически попадает к ним в пищеварительную систему.

Уместно привести высказывание К.Э. Циолковского («только люди, люди труда и крепкой воли создают новую жизнь» [16]), показывающее, насколько человек способен реализовывать идеи, позволяющие создавать фундаментальные открытия. Однако складывающаяся картина современной жизни разительно отличается от такого представления. Ее раскрывает мнение Р. Брэдли, считавшего, что человечеству дали возможность бороздить космос, а оно хочет заниматься потреблением [17]. Писатель выделял негативную тенденцию развития потребительства, а не фундаментальных научных исследований, позволяющих реализовать идеи, выраженные в его книгах. Таким образом, вектор развития материальных потребностей направляется вверх под воздействием научного инструментария психологии и экономики, что смещает ценностные ориентиры от развития разумного, доброго, вечного («Сейте разумное, доброе, вечное» – под этими строками стихотворения «Сеятелям» 1877 г. Н.А. Некрасов понимал распространение того, что разумно и приносит добро людям, т. е. вечных ценностей) в сторону гипертрофированного потребления [18].

Обозначенная среда материального потребления является плодородной почвой для коррупционных преступлений, так как в погоне за модным миром вещей уже испорченная личность меняет ценностные ориентиры в пользу потребления и движется в сторону скорейшего материального обогащения. Такая разновидность поведения особенно проявилась в нашем государстве с момента распада Советского Союза. Обратимся к мнению М.И. Мамедова, утверждающего, что общественное

сознание в начале 1990-х гг. восприняло культ денег, который продолжает свое существование в настоящее время [19].

Об устойчивости влияния такой среды на развитие коррупции свидетельствуют наиболее резонансные коррупционные преступления. Особый интерес вызывает обращенное в доход государства имущество за 2024 г., добытое преступным путем: правоохранными органами была конфискована сумма криптовалюты, оцененная в 24 млн долларов, у бывшего начальника следственного отдела по Тверскому району г. Москвы Следственного комитета Российской Федерации Марата Тамбиева. У бизнесмена Олега Кана были изъяты активы, оцениваемые в 358 млрд руб.; для сравнения: это почти 5 доходных частей бюджета Тамбовской области за 2024 г. Еще более резонансным событием стало одно из самых больших обращений коррупционного имущества в доход государства на сумму 100 трлн руб. у бывшего губернатора Челябинской области Михаила Юревича и депутата Государственной Думы Вадима Белоусова. Данная сумма превышает доходы нашего государства за 2024 г. почти в 3 раза [20; 21; 22, с. 74]. Отметим, что в Китае существует минимальный порог взятки (около 34 млн руб.), за который возможно получить высшую меру наказания в виде расстрела («Согласно новому постановлению, совместно опубликованному... Верховным народным судом и Верховной народной прокуратурой КНР, максимальным наказанием для преступников, уличенных в расхищении средств или получении взяток на сумму от 3 млн юаней... является смертная казнь») [23]. В представленных выше сведениях о резонансных коррупционных фактах данный порог превышен в разы.

Согласимся с М.В. Ивановой, считающей, что коррупционеры находятся в постоянном стремлении увеличить собственный достаток, а меры профилактики данного явления должны включать борьбу с потребительством [24, с. 159]. Представленные примеры наглядно демонстрируют целеполагание – занятие должностей, которое выразилось в наличии большого количества материальных средств, собственности, предметов роскоши. В этой связи согласимся с мнением исследователей, считающих, что избыточное потребление несет риски для общества, а за свои социально-психологические характеристики личность оценивается наличием вещей и аксессуаров, которыми она обладает [25, с. 23], т. е. должность используется как инструмент получения дорогой еды, элитных квартир, загородных и зарубежных домов [26].

Уделяя внимание выстраиванию барьеров на пути совершения коррупционных преступлений, не стоит забывать о том, что данные барьеры являются лишь препятствием для личности, имеющей деформированные ценностные ориентиры [27]. Из-за этого основные усилия по предупреждению коррупции необходимо направить на создание ценностных ориентиров, способных иммунизировать личность от социальной патологии в виде коррупции.

В данной статье автор попытался развить мысль о том, что суждение о непобедимости коррупции возможно подвергнуть сомнению постановкой субъективной цели в виде полного искоренения рассмотренного социального порока. По этой причине было необходимо обратиться к такой проблеме, как потребление в современном обществе, которое, по мнению автора, является питательной средой коррупции. Подобное обращение в конечном счете позволит приблизиться к цели ис-

коренения коррупции как субъективной точки планируемого результата, где субъективное помогает в реализации объективного.

Таким образом, можно констатировать о важности и актуальности поднятой автором темы, которую в дальнейшем необходимо подвергать более широкому научному осмыслению. Тем не менее уже сейчас возможно сформулировать некоторые предварительные выводы:

1. Современное общество использует инструменты достижения наук для возведения потребления в ранг культа, при этом смещая в сторону потребления ценностные ориентиры.

2. В качестве основных факторов, влияющих на развитие культа потребления, можно выделить одиночество и неумение поддерживать коммуникацию на фоне снижения умственных способностей человека.

3. К мерам предупреждения коррупции необходимо отнести деятельность по снижению культа потребления, которую необходимо реализовывать в документах стратегического планирования.

Список литературы:

1. Знаменитая речь Виктора Франкла, 1972 г.: видеоролик // Институт педагогики СПбГУ: Rutube-канал. URL: <https://rutube.ru/video/362bac766e3ec4354470079b625f09fd> (дата обращения: 27.08.2025).
2. Коррупция = Corruption: природа, проявления, противодействие: монография / О.А. Александрова и др. ; отв. ред. Т.Я. Хабриева. – Москва: Юриспруденция, 2012. – 670 с.
3. Рынок труда, занятость и заработная плата // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 27.08.2025)
4. Стали известны цены в России на iPhone 16 // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/10/09/2024/66df74769a794720989ca718 (дата обращения: 27.08.2025).
5. «Человек одинок»: Эрих Фромм о мире потребления и подлинном бытии // Моноклер. URL: <https://monocler.ru/chelovek-odinok-erih-fromm/> (дата обращения: 27.08.2025).
6. Коркина В.В., Рыбинская В.В. Одиночество как способ отчуждения со-временного человека // Система ценностей современного общества. – 2016. – № 46. – С. 26–30.
7. Рогова Е.Е. Одиночество в условиях современного общества: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Краснодар, 2012. – 48 с.
8. Лугуценко Т.В., Шевченко О.М. Динамика развития современного духовного кризиса в условиях трансформирующегося общества // Гуманитарий Юга России. – 2024. – № 2 (66). – С. 26–35.
9. Шиляева И.Ф. Особенности культуры общения в современном коммуникативном пространстве // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 3. – С. 21–26.
10. Здоровье и образование детей, подростков и молодежи: открытое заседание Координационного совета РАН и РАО // Научная Россия. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/otkrytoe-zasedanie-koordinacionnogo-soveta-ran-i-rao-zdorove-i-obrazovanie-detej-podrostkov-i-molodezi-pramaa-translaciama-rossia-segodna-2> (дата обращения: 27.08.2025).
11. Чунакова В.Е. Стратегии идентичности общества потребления: по образу и подобию модных брендов // Дискуссия. – 2014. – № 1 (42). – С. 40–44.
12. «Они грамотнее, чем были мы, но, к сожалению, явно просматривается желание урвать...» // Бизнес Online. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/135414> (дата обращения: 27.08.2025).
13. Хасанова И.И. Экономическая психология: учебное пособие. – Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2010. – 119 с.
14. Сошников А.Е. Феномен потребительства в современном обществе // Культура и цивилизация. – 2023. – Т. 13. – № 8А. – С. 130–134.
15. Мирошникова Ю.В. Актуальные вопросы противодействия допингу в спорте в практике врача. Биологически активные добавки в спорте: руководство для врачей по спортивной медицине / под ред. В.В. Уйба // Российская ассоциация аллергологов и клинических иммунологов. URL: <https://raaci.ru/dat/pdf/news/BAD0.pdf> (дата обращения: 27.08.2025).
16. Желнина Т.Н. Прощание с К.Э. Циолковским в материалах советской прессы (сентябрь 1935 г.) // Научные чтения памяти К.Э. Циолковского. URL: <https://readings.gmik.ru/lecture/2010-PROSCHANIE-SKE-TSIOLKOVSKIM-V-MATERIALAH-SOVETSKOY-PRESSI-SENTYABR-1935-G> (дата обращения: 27.08.2025).

17. Зотов Г. Рэй Брэдбери: «Есть ощущение, что книги умирают» // Аргументы и факты: газета. – 2010. – № 33 (18 авг.). URL: <https://aif.ru/culture/person/19971> (дата обращения: 27.08.2025).
18. Коркина В.В., Рыбинская В.В. Одиночество как способ отчуждения современного человека // Система ценностей современного общества. – 2016. – № 46. – С. 26–30.
19. Мамедов Н.М. Коррупционное мышление как естественно-научный феномен // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/science/2024-04-09/9_8990_phenomenon.htm (дата обращения: 27.08.2025).
20. В казну, нельзя помиловать // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7403600> (дата обращения: 30.08.2025).
21. Цифру надзору в помощь // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7167935> (дата обращения: 27.08.2025).
22. Орлов П.П. Предупреждение коррупционных преступлений в сфере земельных отношений : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Москва, 2020. – 303 с.
23. В Китае установлены критерии для вынесения высшей меры наказания в отношении коррупционеров // Xinhua News Agency. URL: https://russian.news.cn/2016-04/18/c_135289347.htm (дата обращения: 30.08.2025).
24. Иванова М.В. Противодействие идеологии потребительства в системе антикоррупционных мер как функция государственной власти // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2024. – № 1. – С. 154–161.
25. Бандурин А.П., Щербакова Л.И., Самыгин С.И. Избыточное потребление: социальные риски и угрозы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 9. – С. 22–26.
26. Подсчитаны взятки чиновников в России: треть бюджета страны // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/economics/2021/12/20/podschitany-vzyatki-chinovnikov-v-rossii-tret-byudzheta-strany.html> (дата обращения: 30.08.2025).
27. Орлов П.П. Предупреждение коррупции в сфере земельно-строительных отношений, криминологический аспект // Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – Т. 6. – № 4 (24). – С. 584–590.

Orlov P.P. Consumption as a Breeding Ground for Corruption // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 489–495.

Consumption in today's society has taken over people's minds, permeating various fields of activity through the influence of modern scientific tools. In our country, it has become commonplace to categorize individuals based on the items they possess. This mindset encourages people to focus not on developing themselves as citizens who can contribute to their country, but rather on creating a mindset that prioritizes obtaining material possessions. As a result, modern consumption has become the most fertile breeding ground for corruption. The author agrees with the opinion of scientists who believe that consumption has now become a cult. The text confirms the hypothesis that consumption is a breeding ground for corruption. The main factors influencing the development of the consumption cult have been identified. The article analyzes the tools for achieving the cult of consumption in modern society. It provides examples of individuals who committed the most notorious corruption crimes and had their property confiscated. The article concludes that when preventing corruption, it is necessary to focus on measures to reduce the cult of consumption.

Keywords: corruption, consumption, the cult of consumption, motives, loneliness in modern society, communication, the breeding ground for corruption.

Spisok literatury:

1. Znamenitaya rech` Viktora Frankla, 1972 g.: videorolik // Institut pedagogiki SPbGU: Rutube-kanal. URL: <https://rutube.ru/video/362bac766e3ec4354470079b625f09fd> (data obrashheniya: 27.08.2025).
2. Korrupciya = Corruption: priroda, proyavleniya, protivodejstvie: monografiya / O.A. Aleksandrova i dr. ; otv. red. T.Ya. Xabrieva. – Moskva: Yurisprudenciya, 2012. – 670 s.
3. Ry`nok truda, zanyatost` i zarabotnaya plata // Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (data obrashheniya: 27.08.2025).
4. Stali izvestny` ceny` v Rossii na iPhone 16 // RBK. URL: https://www.rbk.ru/technology_and_media/10/09/2024/66df74769a794720989ca718 (data obrashheniya: 27.08.2025).
5. «Chelovek odinok»: E`rix Fromm o mire potrebleniya i podlinnom by`tii // Monokler. URL: <https://monocler.ru/chelovek-odinok-erih-fromm/> (data obrashheniya: 27.08.2025).
6. Korkina V.V., Ry`binskaya V.V. Odinochestvo kak sposob otchuzhdeniya so-vremennogo cheloveka // Sistema cennostej sovremennogo obshhestva. – 2016. – № 46. – С. 26–30.
7. Rogova E.E. Odinochestvo v usloviyax sovremennogo obshhestva: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.11. Krasnodar, 2012. – 48 s.
8. Lugucenko T.V., Shevchenko O.M. Dinamika razvitiya sovremennogo duxovnogo krizisa v usloviyax transformiruyushhegosya obshhestva // Gumanitarnij Yuga Rossii. – 2024. – № 2 (66). – С. 26–35.
9. Shilyaeva I.F. Osobennosti kul`tury` obshheniya v sovremennom kommunikativnom prostranstve // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. – 2014. – № 3. – С. 21–26.

10. Zdorov'e i obrazovanie detej, podrostkov i molodezhi: otkry'toe zasedanie Koordinacion-nogo soveta RAN i RAO // Nauchnaya Rossiya. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/otkrytoe-zasedanie-koordinacionnogo-soveta-ran-i-rao-zdorove-i-obrazovanie-detej-podrostkov-i-molodezi-pramaa-translacia-mia-rossia-segodna-2> (data obrashheniya: 27.08.2025).
11. Chunakova V.E. Strategii identichnosti obshhestva potrebleniya: po obrazu i podobiyu modny'x brendov // Diskussiya. – 2014. – № 1 (42). – S. 40–44.
12. «Oni gramotnee, chem by'li my', no, k sozhaleniyu, yavno prosmatrivaetsya zhelanie urvat'...» // Biznes Online. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/135414> (data obrashheniya: 27.08.2025).
13. Xasanova I.I. E'konomicheskaya psixologiya: uchebnoe posobie. – Ekaterinburg: Rossijskij gosudarstvenny'j professional'no-pedagogicheskij universitet, 2010. – 119 s.
14. Soshnikov A.E. Fenomen potrebitel'stva v sovremennom obshhestve // Kul'tura i civilizaciya. – 2023. – T. 13. – № 8A. – S. 130–134.
15. Miroshnikova Yu.V. Aktual'ny'e voprosy` protivodejstviya dopingu v sporte v praktike vracha. Biologicheski aktivny'e dobavki v sporte: rukovodstvo dlya vrachej po sportivnoj medicine / pod red. V.V. Ujba // Rossijskaya asociaciya allergologov i klinicheskix immunologov. URL: <https://raaci.ru/dat/pdf/news/BAD0.pdf> (data obrashheniya: 27.08.2025).
16. Zhelnina T.N. Proshhanie s K.E`. Ciolkovskim v materialax sovetskoj pressy` (sentyabr` 1935 g.) // Nauchny'e chteniya pamyati K.E`. Ciolkovskogo. URL: <https://readings.gmik.ru/lecture/2010-PROSCHANIE-S-KE-TSIOLKOVSKIM-V-MATERIALAH-SOVETSKOY-PRESSI-SENTYABR-1935-G> (data obrashheniya: 27.08.2025).
17. Zotov G. Re`j Bre`dberi: «Est` oshhushhenie, chto knigi umirayut» // Argumenty` i fakty`: gazeta. – 2010. – № 33 (18 avg.). URL: <https://aif.ru/culture/person/19971> (data obrashheniya: 27.08.2025).
18. Korkina V.V., Ry`binskaya V.V. Odinochestvo kak sposob otchuzhdeniya sovremennogo cheloveka // Sistema cennostej sovremennogo obshhestva. – 2016. – № 46. – S. 26–30.
19. Mamedov N.M. Korрупционnoe my`shlenie kak estestvenno-nauchny'j fenomen // Nezavisimaya gazeta. URL: https://www.ng.ru/science/2024-04-09/9_8990_phenomenon.htm (data obrashheniya: 27.08.2025).
20. V kaznu, nel'zya pomilovat` // Kommersant`. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7403600> (data obrashheniya: 30.08.2025).
21. Cifru nadzoru v pomoshh` // Kommersant`. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7167935> (data obrashheniya: 27.08.2025).
22. Orlov P.P. Preduprezhdenie korрупционny'x prestuplenij v sfere zemel'ny'x ot-noshenij : dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Moskva, 2020. – 303 s.
23. V Kitae ustanovleny` kriterii dlya vy`neseniya vy'sshej mery` nakazaniya v otnoshenii korрупционерov // Xinhua News Agency. URL: https://russian.news.cn/2016-04/18/c_135289347.htm (data obrashheniya: 30.08.2025).
24. Ivanova M.V. Protivodejstvie ideologii potrebitel'stva v sisteme antikorрупционny'x mer kak funkciya gosudarstvennoj vlasti // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2024. – № 1. – S. 154–161.
25. Bandurin A.P., Shherbakova L.I., Samy`gin S.I. Izby'tochnoe potreblenie: social'ny'e riski i ugrozy` // Gumanitarny'e, social'no-e'konomicheskie i obshhestvenny'e nauki. – 2023. – № 9. – S. 22–26.
26. Podschitany` vzyatki chinovnikov v Rossii: tret` byudzheta strany` // Moskovskij komsomolecz. URL: <https://www.mk.ru/economics/2021/12/20/podschitany-vzyatki-chinovnikov-v-rossii-tret-byudzheta-strany.html> (data obrashheniya: 30.08.2025).
27. Orlov P.P. Preduprezhdenie korрупcii v sfere zemel'no-stroitel'ny'x otnoshenij, kriminologicheskij aspekt // Aktual'ny'e problemy` gosudarstva i prava. – 2022. – T. 6. – № 4 (24). – S. 584–590.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 496-500.

УДК 343.98; 004.8; 343.7

**ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ
В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ**

Пестрецов М. А.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

В статье рассматриваются направления применения интеллектуальных систем (включая технологии машинного обучения¹, аналитические платформы и системы поддержки принятия решений) в оперативно-розыском обеспечении противодействия преступлениям против собственности. На основе анализа Конституции Российской Федерации, Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, законодательства об информации и персональных данных определяются правовые условия допустимости цифровой аналитики в ОРД, а также ключевые ограничения, связанные с охраной конституционных прав, конфиденциальностью данных и требованиями к документированию результатов. С опорой на позиции отечественных исследователей оперативно-розыскной деятельности и современных работ по цифровизации криминалистики обосновывается вывод о приоритетности «человеко-центричной» модели: интеллектуальные системы должны применяться как инструмент информационного обеспечения и поддержки решений при обязательном ведомственном контроле, прокурорском надзоре и судебной проверке в случаях ограничения конституционных прав.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное обеспечение, преступления против собственности, интеллектуальные системы, аналитика данных, искусственный интеллект, доказательства, персональные данные.

Преступления против собственности сохраняют высокий удельный вес в структуре преступности и всё чаще сопряжены с цифровыми следами (транзакции, телекоммуникационные данные, следы в сетевых сервисах). Оперативно-значимая информация становится массивной, разнородной и распределённой, что повышает требования к скорости её обработки и качеству аналитических выводов. В этих условиях интеллектуальные системы способны повысить результативность выявления и документирования преступной деятельности, однако их применение должно соответствовать правовым условиям ОРД и процессуальным требованиям допустимости результатов в доказывании.

Правовые пределы цифровой аналитики в оперативно-розыском обеспечении формируются, прежде всего, конституционными гарантиями неприкосновенности частной жизни и тайны сообщений (ст. 23), а также запретом на сбор, хранение, использование и распространение сведений о частной жизни без согласия лица, если иное не вытекает из закона (ст. 24) [1].

Содержательные основания ОРД закреплены Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение ОРД (ст. 1), задачи (ст. 2), принципы (ст. 3), правовая основа (ст. 4), гарантии соблюдения прав и свобод при проведении ОРМ (ст. 5) [4]. Перечень оперативно-розыскных мероприятий закреплён в законе (ст. 6) [4], основания их проведения – также прямо определены (ст. 7) [4], а условия проведения ОРМ, затрагивающих конституционные права, предполагают судебный порядок и специальные правила неотложности (ст. 8–9) [4]. Для цифровой трансформации ОРД принципиальны нормы об инфор-

¹ Технологии машинного обучения (machine learning, ML) — это направление искусственного интеллекта, которое позволяет компьютерам находить закономерности в данных и принимать решения без явного программирования.

мационном обеспечении и документировании (ст. 10) и об использовании результатов ОРД (ст. 11) [4]. Их значение усиливается процессуальным ограничением: результаты ОРД могут использоваться в доказывании лишь при соблюдении требований, выдвигаемых УПК РФ (ст. 89) [3].

Отдельный блок условий связан с обработкой данных. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» закрепляет принципы обработки (ст. 5), условия законности обработки (ст. 6), требование конфиденциальности (ст. 7), обязанности оператора по организационному обеспечению выполнения требований (ст. 18.1) и обязанности по принятию правовых, организационных и технических мер безопасности (ст. 19) [7]. Для информационной безопасности в целом актуальны и значимы меры защиты информации (ФЗ № 149-ФЗ, ст. 16) [6].

Современные исследователи часто не рассматривают Федеральный закон «О полиции», однако именно он прямо ориентирует полицию на использование современных технологий и информационных систем (ст. 11) и определяет направления деятельности (ст. 2), обязанности (ст. 12) и права (ст. 13) [5]. Это создаёт нормативную основу внедрения интеллектуальных систем, но при этом не отменяет требований 144-ФЗ и конституционных гарантий [1; 4; 5].

В теории ОРД подчёркивается, что оперативно-розыскная деятельность имеет самостоятельную правовую природу, а её результаты требуют корректного документирования и последующей процессуальной допустимости; в учебной и научной литературе это связывают с обеспечением законности, проверяемости и целевого использования информации [8]. По мнению авторского коллектива, в составе Горяинова К.К., Овчинского В.С., Сенилова Г.К., Шумилова А.Ю. оперативно-розыскное обеспечение рассматривается как комплекс организационно-управленческих и информационных действий, направленных на выявление и пресечение преступной деятельности, при этом информационная составляющая выступает системообразующим звеном [8]. Шумилов А.Ю. последовательно развивает представление об ОРД как о специальной юридической деятельности, где принципиальны правовые основания применения методов и процедур фиксации результатов [9].

Современные исследователи процессов цифровизации криминалистики фиксируют рост значения цифровых следов и необходимость не только теоретических, но и технологических решений для их обнаружения и интерпретации. Смушкин А.Б. связывает развитие криминалистики с цифровой трансформацией преступности и обновлением методического инструментария анализа цифровой информации [10]. Никулин Д.В. выделяет перспективы использования ИИ в следственной, оперативно-розыскной и экспертной деятельности при условии регламентации и контроля качества аналитических выводов [12]. Тюнис И.О. акцентирует потенциал интеллектуальных технологий в экспертной сфере и необходимость корректного методического сопровождения, особенно при применении машинного обучения [11]. Концептуализация ИИ как системы поддержки принятия решений в расследовании (Себякин А.Г.) подчёркивает, что речь должна идти не о «замене» субъекта решения, а о повышении обоснованности и скорости аналитики [13]. Исходя из этого можно выдвинуть следующую гипотезу, что для ОРД наиболее обоснованной моделью выступают «интеллектуальные системы как инструмент информационного обеспече-

ния», где решения остаются за должностным лицом, а алгоритмические результаты имеют статус ориентирующей аналитики и подлежат проверке, документированию и правовой оценке [8–13]. С учётом задач ОРД (ст. 2 144-ФЗ) [4] и структуры ОРМ (ст. 6 144-ФЗ) [4] целесообразно выделить следующие направления, где интеллектуальные системы дают наибольший практический эффект:

1. Интеллектуальная аналитика связей и событий. Построение графов связей (лица—события—счета—устройства—локации), выявление «узлов» и скрытых сообществ для установления преступной иерархии (архитектуры) в мошеннических схемах (ст. 159 УК РФ) [2] и кражах (ст. 158 УК РФ) [2]. Такие инструменты повышают качество планирования ОРМ и адресности проверочных действий при соблюдении законных оснований (ст. 7 144-ФЗ) [4].

2. NLP-анализ текстов² и коммуникаций в пределах допустимых процедур. Автоматизированная обработка массивов заявлений, объяснений, протокольных материалов, открытых источников (OSINT³) для выявления повторяющихся механизмов и реквизитов. Следует отметить следующее ограничение действий в части касающееся процедур затрагивающих тайну сообщений, допустимы только при соблюдении условий 144-ФЗ (ст. 8–9) [4] и конституционных гарантий (ст. 23 Конституции РФ) [1].

3. Мультимодальная идентификация⁴ и сравнение объектов. Использование алгоритмов сопоставления изображений/видео (например, при сериях хищений из магазинов или складов), распознавание объектов, отслеживание маршрутизации лица (или объекта) по видеопотокам. При внедрении должны обеспечиваться требования защиты информации (ст. 16 149-ФЗ) [6] и соблюдение прав граждан при ОРД (ст. 5 144-ФЗ) [4].

4. Системы поддержки принятия решений. Отдельно перспективны инструменты, которые не «предсказывают виновность», а контролируют юридическую корректность действий: оснований, автоматизированная проверка наличия процессуальных и ведомственных условий, напоминание о необходимости судебного решения в случаях ограничения прав (ст. 8–9 144-ФЗ) [4], формирование комплекса документирования (ст. 10–11 144-ФЗ) [4] с учётом запрета использования «непроцессуализированных» результатов в доказывании (ст. 89 УПК РФ) [3]. Ключевые риски применения интеллектуальных систем в ОРД концентрируются в трёх зонах:

1. Риск нарушения конституционных прав и расширительного толкования оснований вмешательства. Предиктивные модели и «подозрительности» не должны подменять легитимные основания проведения ОРМ (ст. 7 144-ФЗ) [4]. Алгоритмический результат допустим лишь как ориентир, требующий последующей правовой оценки должностным лицом и соблюдения условий проведения соответствующих мероприятий (ст. 8–9 144-ФЗ; ст. 23 Конституции РФ) [1; 4].

2. Риск утраты конфиденциальности и безопасности данных. ОРД по своей природе опирается на чувствительные сведения, включая персональные данные и сведения ограниченного доступа и распространения. Поэтому обязательными условия-

² NLP-анализ текстов (обработка естественного языка, Natural Language Processing) — это направление в машинном обучении, которое помогает компьютерам распознавать, анализировать и создавать тексты подобно тому, как это делает человек.

³ OSINT (Open Source Intelligence) — разведка по открытым источникам. Представляет собой комплекс методов, инструментов и мероприятий для сбора и анализа информации из общедоступных источников.

⁴ Мультимодальная идентификация — это процесс установления личности на основе объединения информации из различных источников, таких как текст, изображения, аудио и видео.

ми осуществления такой деятельности становятся соблюдение принципов и условий обработки персональных данных (ст. 5–6 152-ФЗ), режим конфиденциальности (ст. 7 152-ФЗ), организационные меры выполнения обязанностей оператора (ст. 18.1 152-ФЗ) и комплекс мер защиты персональных данных (ст. 19 152-ФЗ), а также меры защиты информации в целом (ст. 16 149-ФЗ) [6; 7].

3. Риск недопустимости результатов из-за отсутствия проверяемости (воспроизводимости) и корректного документирования. Поскольку доказывание не допускает использования результатов ОРД, не отвечающих требованиям УПК РФ (ст. 89) [3], любые аналитические выводы должны сопровождаться: а) описанием источников данных и оснований их получения; б) фиксацией процедур обработки; в) воспроизводимостью результата (лог-файлы⁵, версии моделей, параметры); г) связью с конкретными ОРМ и документированием (ст. 10–11 144-ФЗ) [4].

В научной литературе по цифровой криминалистике подчёркивается необходимость методической прозрачности и проверяемости при использовании цифровых технологий [10–13]. Таким образом, интеллектуальные системы обладают значительным потенциалом повышения эффективности оперативно-розыскного обеспечения противодействия преступлениям против собственности, прежде всего за счёт ускорения обработки больших массивов данных, выявления скрытых связей и поддержки планирования мероприятий. Однако правовая допустимость и практическая результативность внедрения достигаются только при строгом соблюдении: конституционных гарантий (ст. 23–24 Конституции РФ) [1], требований 144-ФЗ к основаниям, условиям, документированию и использованию результатов ОРД (ст. 1–3, 5–11, 20–22) [4], процессуального фильтра допустимости в доказывании (ст. 89 УПК РФ) [3], законодательства о персональных данных и защите информации (ст. 5–7, 18.1, 19 152-ФЗ; ст. 16 149-ФЗ) [6; 7]. Перспективная модель — «интеллектуальные системы как поддержка решения и контроль законности», где алгоритм усиливает аналитические возможности, но не подменяет юридическую оценку и ответственность должностного лица.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
8. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2004. XIV, 848 с.

⁵ Лог-файлы (логи, журналы событий) — это документы, в которых строка за строкой записываются события, происходящие в системе или программе. Каждое событие фиксируется в момент, когда оно произошло.

9. Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: монография: в 3 т. М.: Изд. дом Шумиловой И.И., 2013. Т. 3: Основные положения. Кн. 1: Объект, предмет и система оперативно-разыскной науки. 360 с.
10. Смушкин А. Б. О природе электронной цифровой криминалистики // Lex russica. 2020. Т. 73. № 6 (163). С. 110–121.
11. Тюнис И.О., Анисимова А.М. Искусственный интеллект и цифровые технологии в криминалистике // Закон и право. 2025. № 3. С. 246–251.
12. Никулин Д.В. Искусственный интеллект и цифровизация в криминалистике // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2022. Т. 5. С. 33–36.
13. Себякин А.Г. Искусственный интеллект в криминалистике: система поддержки принятия решений // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10. № 4. Ст. 21.

Pestretsov, M.A. Prospects for the use of intelligent systems in operational investigative support for countering crimes against property // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 496-500.

The article discusses the application of intelligent systems (including machine learning technologies, analytical platforms and decision support systems) in operational investigative support for countering crimes against property. Based on the analysis of the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law «On Operational Investigative Activities», the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the legislation on information and personal data, the legal conditions for the permissibility of digital analytics in the ARD, as well as key restrictions related to the protection of constitutional rights, data confidentiality and requirements for documenting the results are determined. Based on the positions of domestic researchers of operational investigative activities and modern work on the digitalization of criminology, the conclusion is based on the priority of the «human-centered» model: intelligent systems should be used as a tool for informational support and decision support with mandatory departmental control, prosecutorial supervision and judicial review in cases of restriction of constitutional rights.

Keywords: operational investigative activities, operational investigative support, crimes against property, intelligent systems, data analytics, artificial intelligence, evidence, personal data.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (red. ot 29.12.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 20.01.2026) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
3. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ (red. ot 29.12.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 20.01.2026) // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
4. Federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
5. Federal'nyj zakon ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ «O policii» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
6. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ «Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
7. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 152-FZ «O personal'nyh dannyh» // Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tantPlyus».
8. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': uchebnik / pod red. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo, G.K. Sinilova, A.YU. SHumilova. 2-e izd., dop. i pererab. M.: INFRA-M, 2004. XIV, 848 s.
9. SHumilov A.YU. Operativno-razysknaya nauka v Rossijskoj Federacii: monografiya: v 3 t. M.: Izd. dom SHumilovoj I.I., 2013. Т. 3: Osnovnye polozheniya. Кн. 1: Ob"ekt, predmet i sistema operativno-razysknoj nauki. 360 s.
10. Smushkin A. B. O prirode elektronnoj cifrovoj kriminalistiki // Lex russica. 2020. Т. 73. № 6 (163). С. 110–121.
11. Tyunis I.O., Anisimova A.M. Iskusstvennyj intellekt i cifrovye tekhnologii v kriminalistike // Zakon i pravo. 2025. № 3. С. 246–251.
12. Nikulin D.V. Iskusstvennyj intellekt i cifrovizaciya v kriminalistike // Interekspo Geo-Sibir'. 2022. Т. 5. С. 33–36.
13. Sebyakin A.G. Iskusstvennyj intellekt v kriminalistike: sistema podderzhki prinyatiya reshenij // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10. № 4. Ст. 21.

УДК 343.721

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 159.6 УК РФ

Пивнева Л. В.

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина»

В исследовании рассмотрены спорные вопросы применения ст. 159.6 УК РФ, предусматривающей установление уголовной ответственности за мошенничество в сфере компьютерной информации. Установлено, что введение в действие данной нормы закона связано с необходимостью активизации борьбы с мошенниками, осуществляющими противоправные деяния в цифровой среде, вследствие чего этот вид мошенничества законодателем выделен в самостоятельный состав преступления. Однако в результате введения в действие данной нормы у правоведов возникли вопросы относительно верности её месторасположения в структуре Уголовного кодекса России, наименования, а также необходимости квалификации таких преступных деяний именно как мошенничества, а не как тайного хищения чужого имущества. Обозначены проблемы применения ст. 159.6 УК РФ, связанные с определением предмета преступления, элементов объективной стороны, санкций, а также размежеванием схожих составов преступлений. Предложены меры по модернизации данной нормы уголовного закона.

Ключевые слова: мошенничество, компьютерная информация, состав преступления, цифровая валюта, криптовалюта, уголовный закон, Уголовный кодекс РФ, мошеннические действия, преступление, преступник.

Впервые ст. 159.6 УК РФ была введена в действие Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. В тексте пояснительной записки, прилагаемой к данному нормативному правовому акту, указывалось, что мошенничество в России традиционно является одним из самых распространённых преступных посягательств на разные сферы экономической деятельности. Однако действующая в это время редакция ст. 159 УК РФ фактически воспроизводила аналогичную норму уголовного законодательства РСФСР, несмотря на то, что с течением времени и значительной цифровизацией отечественной экономики преступные посягательства этого рода активно проникли в информационно-телекоммуникационную сферу финансовых отношений. Кроме того, в пояснительной записке справедливо указывается, что особой уголовно-правовой реакции государства требует активизация мошенников, осуществляющих противоправные деяния в сфере компьютерной информации, вследствие чего этот вид мошенничества законодателем предлагается выделить в самостоятельный состав преступления [2].

В научной литературе, посвященной периоду разработки и внедрения анализируемой нормы, преобладали оценки, которые можно охарактеризовать как преимущественно одобрительные и оптимистичные. Ряд авторитетных исследователей приходили к консенсусному мнению о том, что включение указанной законодательной новеллы в систему Особенной части УК РФ представляет собой логически обусловленную и прогрессивную меру. Указанное нововведение рассматривалось как закономерный элемент стратегии по адаптации и гармонизации отечественного уголовного законодательства к сложившимся в международной практике правовыми стандартами и модельными подходами, сложившимися в области противодействия преступным посягательствам в сфере информационных технологий [3, с. 70-76]. Уче-

ные указывали на соответствие новой нормы ключевым положениям таких документов, как Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Будапештская конвенция), что должно было способствовать усилению международного сотрудничества в вопросах экстрадиции и правовой помощи.

Одновременно с этим, в научных кругах формировались ожидания, что специальный состав преступления призван стать эффективным инструментом разрешения значительного числа правоприменительных коллизий. Создание отдельной нормы, по мнению экспертов, позволило бы преодолеть те сложности квалификационного характера, которые систематически возникали у правоприменительных органов при оценке деяний, сопряженных с вмешательством в работу компьютерных систем с корыстной целью. Предполагалось, что четкая законодательная фиксация признаков такого деяния устранил необходимость в искусственном и зачастую противоречивом подведении его под общие составы мошенничества (ст. 159 УК РФ) или неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), обеспечив тем самым единообразие судебной практики и повысив степень правовой определенности [4, с. 997-1006]. Таким образом, введение нормы воспринималось как панацея, которая должна была не только заполнить правовой вакуум, но и структурировать процесс квалификации сложных гибридных преступлений, сочетающих признаки посягательств на собственность и на информационную безопасность.

Данная разновидность мошенничества заключается в хищении или приобретении права на чужое имущество путём воздействия на компьютерную информацию (её удаления, ввода, модификации, блокирования) либо вмешательства в работу систем её обработки, хранения, передачи или информационно-телекоммуникационных сетей. Законодательная дефиниция ключевого понятия «компьютерная информация» закреплена в примечании к ст. 272 УК РФ. Согласно данной дефиниции, под компьютерной информацией надлежит понимать сведения (сообщения, данные), объективированные в форме электрических сигналов. Существенным аспектом данного определения является его технологическая нейтральность: правовой режим указанных сведений не детерминирован конкретными видами аппаратных или программных средств, используемых для их фиксации, обработки, хранения или передачи в сетях связи. Таким образом, охраняемым объектом выступает информация в её машинно-ориентированном представлении, вне зависимости от физической природы носителя или особенностей протоколов цифровой коммуникации. Наряду с основным составом, законодатель предусмотрел ряд квалифицирующих признаков, существенно повышающих общественную опасность данного деяния и влияющих на меру ответственности. К ним отнесены признаки, характеризующие способ совершения преступления, а именно его выполнение группой лиц, действовавших по предварительной договорённости, либо устойчивой организованной преступной группой (организацией). Отягчающим обстоятельством признаётся также использование виновным своих особых полномочий, вытекающих из занимаемого служебного положения. Кроме того, квалифицированный состав образует причинение имущественного вреда определённой тяжести: значительного ущерба для гражданина, а также ущерба в крупном и особо крупном размере, определяемых в соответствии с положениями Примечаний к ст. 158 УК РФ.

Федеральным законом от 3.07.2016 г. № 325-ФЗ, вносящим коррективы в УК и УПК РФ, была усилена ответственность за мошенничество в компьютерной сфере, совершенное группой лиц по предварительному сговору или повлекшее значительный ущерб. В частности, верхний предел санкции за данное деяние был повышен с четырех до пяти лет лишения свободы. Кроме того, за совершение такого мошенничества с использованием служебного положения или в крупном размере максимальное наказание увеличилось с пяти до шести лет заключения [5]. Для единообразного толкования и применения указанной нормы в правоприменительной деятельности Пленумом Верховного Суда РФ было принято Постановление от 30.11.2017 г. № 48 (в актуальной редакции) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [6].

Последняя редакция положений ст. 159.6 УК РФ (ч. 3) была осуществлена Федеральным законом от 23.04.2018 г. № 111-ФЗ, где в качестве квалифицирующего признака помимо ранее закреплённых также предусматривалось совершение мошенничества в сфере компьютерной информации с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств [7].

Данным законодательным актом был существенно расширен перечень квалифицирующих признаков состава преступления. Ранее существовавшие признаки дополнялись новыми, отражающими современные реалии цифровых финансовых технологий. В частности, в качестве особо квалифицирующего обстоятельства теперь отдельно указывается совершение мошеннических действий в сфере компьютерной информации с банковского счёта. Параллельно с этим аналогичная норма была введена в отношении электронных денежных средств, которые стали неотъемлемой частью современного платёжного оборота. Эти поправки подчёркивают повышенную общественную опасность подобных деяний, поскольку они непосредственно затрагивают сферу безналичных расчётов, отличаются повышенной латентностью и могут причинить значительный ущерб как гражданам, так и организациям. Таким образом, законодатель отреагировал на новые схемы хищений, активно использующие уязвимости в системах дистанционного банковского обслуживания и платёжных сервисов, ужесточив за них уголовную ответственность.

Однако несмотря на, казалось бы, положительный эффект от введения в действие данной нормы уголовного закона, на практике у правоприменителей возникли сложности, которые значительно ухудшали качество борьбы с, так называемым, компьютерным мошенничеством уголовно-правовыми мерами.

В первую очередь, обратим внимание на широко обсуждаемые с момента введения в действие данной нормы научно-правовым сообществом определённые несоответствия наименования статьи её содержанию, а также спорные вопросы месторасположения указанной нормы в системе правовых предписаний УК России. Так, многие современные исследователи справедливо утверждают, что в указанной норме права, скорее, речь идёт не о традиционном мошенничестве в классическом его понимании, а о другой форме хищения – краже, мотивируя это тем, что при совершении подобных деяний присутствует её главный признак – тайность, в то время как обмана и (или) злоупотребления доверием не происходит [8, с. 387–393; 9, с. 56–65]. Хотя именно конкретный способ совершения преступления в виде обмана и (или) злоупотребления доверием является обязательным признаком любого вида

мошенничества [10, с. 15–19]. Отдельные исследователи отмечают также, что ст. 159.6 УК РФ, по сути, системна размещена в Особенной части кодекса неверно. По их мнению, эта норма регулирует не самостоятельные формы мошенничества, а представляет собой одну из разновидностей тайного хищения имущества. [11, с. 25–31]. Другие исследователи, основываясь на тех же выводах, предлагают переименовать данную статью в «Хищение в сфере компьютерной информации» и «вывести» её из структуры видов мошенничества, подчёркивая тем самым лишь условную связь рассматриваемого состава преступления с мошенническими действиями [12, с. 83; 13, с. 13].

Примечательным представляется тот факт, что уже в содержании официальных законодательных материалов, сопровождающих процесс разработки и принятия соответствующей нормы, прослеживается доктринально значимое разъяснение её природы. В частности, в пояснительной записке к проекту ФЗ от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», которая служит ключевым источником для уяснения целей и мотивов законодателя, дается прямая характеристика специфики криминализируемого деяния. В указанном документе со всей определенностью констатируется, что преступления, подпадающие под действие вновь вводимого состава, реализуются не посредством классических для мошенничества способов воздействия на сознание и волю человека. Речь не идет о злоупотреблении особой доверительностью отношений или о непосредственном введении конкретного физического или юридического лица в заблуждение посредством сообщения ложных сведений либо умолчания об истине. Напротив, механизм причинения имущественного ущерба в данном случае связан исключительно с преодолением защитных барьеров и нарушением нормального функционирования информационных систем.

Так, в пояснительной записке подчеркивается, что хищение или приобретение права на чужое имущество осуществляется через противоправный доступ к компьютерной информации, ее последующие модификацию, блокирование, уничтожение или копирование. Именно эти действия, технические по своей сути, образуют объективную сторону рассматриваемого преступления. Данный законодательный подход позволяет сделать вывод о сознательной идентификации вводимого состава законодателем не с традиционным психологическим обманом, а с особой формой опосредованного противоправного завладения, где орудием преступления выступает сама компьютерная система, чья работа была скомпрометирована. В результате при формальном нахождении нормы в главе о мошенничестве, ее содержательное наполнение дистанцируется от понятийного аппарата, обычно применяемого к данному виду хищений. Фактически, как отмечено в научном комментарии, термины «обман» и «злоупотребление доверием», составляющие видовой признак мошенничества по статье 159 УК РФ, целенаправленно не используются при описании диспозиции специальной статьи, что подчеркивает ее уникальный, гибридный характер, находящийся на стыке посягательств на собственность и на безопасность информации [2]. Это свидетельствует о попытке законодателя создать новую, технологически ориентированную юридическую конструкцию, лишь условно связанную с родовым понятием обмана, что и порождает впоследствии значительные сложности в системном толковании и применении нормы.

Как видим, некое несоответствие в наименовании и содержании нормы, её месте расположения в кодексе наблюдаются. Однако, считаем, что, несмотря на выявленные противоречия, логика в изложении данной нормы прослеживается. Так, полагаем, что в законодательстве, вводя в действие указанный состав преступления, руководствовался, прежде всего, прикладными целями, в связи с этим считаем, что обман в данном случае всё же имеет место быть, но не в традиционном его понимании обман или злоупотребление доверием конкретного человека, а обман техники посредством использования различного вредоносного программного обеспечения, позволяющего получить доступ к конфиденциальной информации, необходимой для совершения хищения чужого имущества или права на чужое имущество. Вследствие этого такого рода обман можно считать не «активным», а «пассивным» по линии «преступник-техника» и только потом «техника-жертва».

Еще одним спорным вопросом правоприменительной практики в сфере информационной безопасности остается вопрос о разграничении сфер действия и потенциальной конкуренции уголовно-правовых норм. В частности, вызывает дискуссии соотношение состава преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ (мошенничество в сфере компьютерной информации), с составами, описанными в ст. 272 (неправомерный доступ к компьютерной информации) и 273 (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ) того же кодекса. Анализ диспозиций указанных статей позволяет выявить существенное сходство в описании объективной стороны деяний, что создает предпосылки для поглощения одних составов другими и порождает коллизии при квалификации.

Так, в соответствии со ст. 272 УК РФ, уголовная ответственность наступает за неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло за собой ее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование. Статья 273 УК РФ криминализует действия по созданию, распространению или использованию вредоносных программ (или иной компьютерной информации), заведомо предназначенных для осуществления несанкционированных актов уничтожения, блокирования, модификации, копирования компьютерной информации или нейтрализации средств ее защиты. Таким образом, законодатель в обоих случаях в качестве ключевых криминообразующих последствий или цели деятельности фиксирует одни и те же операционные воздействия на информационные данные: их блокирование, уничтожение, изменение или несанкционированное копирование. Параллельно ст. 159.6 УК РФ устанавливает ответственность за хищение чужого имущества или приобретение права на таковое путем совершения определенных операций с компьютерной информацией. К таким операциям закон относит удаление, блокирование, ввод, модификацию компьютерной информации, а также любое иное вмешательство в функционирование средств ее обработки, хранения или передачи в информационно-телекоммуникационных сетях. Сопоставление данных законодательных конструкций демонстрирует, что инструментарий, используемый для совершения компьютерного мошенничества (ст. 159.6 УК РФ), в значительной степени совпадает с перечнем деструктивных последствий, указанных в ст. 272 и 273 УК РФ. Фундаментальное различие, однако, заключается в конечной цели противоправной активности. В рамках ст. 272 и 273 УК РФ сами по себе перечисленные воздействия на информацию (либо создание инструментов для такого воз-

действия) образуют самостоятельные оконченные составы преступлений против общественной безопасности в сфере информационных технологий. В то время как в контексте ст. 159.6 УК РФ те же самые действия (блокирование, модификация, удаление и т.д.) носят вспомогательный, инструментальный характер и являются не самоцелью, а способом достижения корыстной цели – изъятия чужого имущества или приобретения права на него.

Из проведенного анализа вытекает закономерный вывод о том, что деяния, описанные в ст. 272 и 273 УК РФ, с объективной стороны нередко представляют собой подготовительный этап или способ совершения более тяжкого преступления – мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). Данное обстоятельство порождает на практике серьезные противоречия в процессе квалификации. Возникает правовая неопределенность: в каких случаях содеянное должно быть оценено как совокупность преступлений (например, создание вредоносной программы и последующее ее использование для хищения), а в каких – действия по неправомерному доступу или использованию вредоносного программного обеспечения поглощаются конечным составом мошенничества. Отсутствие единообразного подхода к разрешению этой конкуренции норм снижает эффективность уголовно-правового регулирования и создает почву для судебных ошибок.

Во-первых, представляется, что дополнительная квалификация рассматриваемого деяния по ст. 272-274 УК РФ, предусмотренная законом (п. 20 Постановления Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48) (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»), является не вполне обоснованной [6]. Это связано с тем, что, как уже указывалось, действия по ст. 272-273 УК РФ фактически составляют этап подготовки к компьютерному мошенничеству, что находит подтверждение в современной судебной практике [14; 15; 16].

Во-вторых, отметим, что, санкции в ст. 272-273 УК РФ более суровые, нежели в ст. 159.6 УК РФ, несмотря на то, что эти преступления являются по факту частью преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ. Вследствие этого возникает закономерный вопрос: почему законодатель усмотрел более жесткое наказание за «часть» преступления, нежели за «целое» преступление? Исследователь Н.А. Лопашенко также справедливо замечает, что в этом случае нормы уголовного закона являются рассогласованными и требуют корректировки, поскольку за основной состав преступления, предусмотренного, например, ст. 272 УК РФ назначается наказание в виде лишения свободы на срок до 2-х лет, а за основной состав ст. 159.6 УК РФ – до 4-х месяцев ареста [17, с. 598–608]. С этим же утверждением солидарные и некоторые другие отечественные исследователи [18, с. 108–111; 19, с. 170].

Как видим, сам факт существования ст. 159.6 УК РФ в действующей редакции встречает множество противоречий не просто в процессе применения нормы на практике, но и в части соответствия данной нормы общему пониманию содержания понятия мошенничество и принятым уголовно-правовой наукой «стандартам» построения норм закона, вследствие чего обнаруживаемые сложности требуют дополнительной законодательной регламентации.

Помимо прочего, выделим ещё одну проблему в сфере применения ст. 159.6 УК РФ на практике, а именно – проблемы с определением предмета преступления данного состава преступления, не отвечающего современным запросам времени. Отметим, что сегодня в цифровом пространстве помимо безналичных денежных средств,

которые чаще всего подвергаются преступному воздействию вследствие совершения мошеннических действий в сфере компьютерной информации, в настоящее время активно используются, так называемые, денежные суррогаты, в числе которых цифровая валюта (криптовалюта). Как справедливо отмечают исследователи, несмотря на совсем определённый юридический статус криптовалюты, логично квалифицировать деятельность по незаконному привлечению такой цифровой валюты в результате осуществления мошеннических действий именно по ст. 159.6 УК РФ, поскольку криптовалюта уже давно для граждан имеет реальную материальную ценность, и посягательства на этот предмет следует квалифицировать соответствующе [20, с. 247–251; 21, с. 77–82]. Кроме того, как верно уточняет Ю.А. Баратов, из-за отсутствия разработанного понятийного аппарата и определения в национальном законодательстве статуса цифровой валюты (криптовалюты), виновные в мошеннических действиях с цифровой валютой лица не подлежат уголовному наказанию, что значительно вредит установлению законности и правопорядка в обществе [22, с. 148–152].

В связи с этим обозначим необходимость расширения предмета преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, путём включения в него новых денежных суррогатов, в том числе цифровой валюты (криптовалюты), как одного из возможных предметов преступного посягательства мошенников в сфере компьютерной информации.

Таким образом, проведенный анализ состава преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ и правоприменительной практики выявил ряд недостатков данной нормы в части определения предмета преступления, элементов объективной стороны, санкций, а также в разграничении со смежными составами.

Для снятия отдельных спорных вопросов правоприменения предлагаем следующие изменения в данной сфере правового регулирования:

- уточнить путём внесения изменений в действующее законодательство предмет преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3, ст. 159.6 УК РФ с включением в него новых денежных суррогатов, существующих в современном виртуальном пространстве в качестве платёжных средств, цифровой валюты (криптовалюты), с установлением для них статуса имущественных прав;
- ликвидировать на законодательном уровне диспропорции санкций, предусмотренные основными составами ст. ст. 272, 273 УК РФ и ст. 159.6 УК РФ, для соблюдения требований справедливости и соразмерности назначения наказаний;
- исключить путём внесения изменений в Постановление Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48 (с доп. и изм.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» дополнительную квалификацию по статьям 272–274 УК РФ применение ст. 159.6 УК РФ во избежание пересечения составов преступлений посредством вхождения признаков одного состава преступления в число признаков другого состава преступления и двукратного назначения наказания за совершение одного и того же деяния.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [электронный документ] URL:

- https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138322/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100035 (дата обращения 21.09.2024) – Текст: электронный.
2. Законопроект № 53700-6 [электронный документ] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700-6> (дата обращения 26.09.2025) – Текст: электронный.
3. Елин, В.М. Мошенничество в сфере компьютерной информации как новый состав преступления // Бизнес-информатика. – 2013. – № 2 (24). – С. 70–76. – Текст: непосредственный.
4. Лысак, Е.А. Проблемы квалификации преступлений в сфере компьютерной информации // Научный журнал КубГАУ. – 2013. – № 90. – С. 997–1006. – Текст: непосредственный.
5. Федеральный закон от 03.07.2016 № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [электронный документ] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200714/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100024 (дата обращения 21.09.2025). – Текст: электронный.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [электронный документ] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения 22.09.2024). – Текст: электронный.
7. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 23.04.2018 № 111-ФЗ [электронный документ] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296451/ (дата обращения 21.09.2024). – Текст: электронный.
8. Скоморохова, М.С. Проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 30. – С. 387–393. – Текст: непосредственный.
9. Корнеева, А.В. Смежные и конкурирующие нормы: вопросы квалификации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2024. – № 4 (117). – С. 56–65. – Текст: непосредственный.
10. Барокко Л.А. К вопросу об особенностях мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий по уголовному законодательству Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 1. – С. 15–19. – Текст: непосредственный.
11. Гладких, В.И. Компьютерное мошенничество: а были ли основания его криминализации? // Российский следователь. – 2014. – № 22. – С. 25–31. – Текст: непосредственный.
12. Простосердов, М. А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2016. – 232 с. – Текст: непосредственный.
13. Мусьял, И.А. Дифференцированные виды мошенничества: теоретические и практические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. – Курск, 2018. – 259 с. – Текст: непосредственный.
14. Приговор № 1-36/2023 1-463/2022 от 26 октября 2023 г. по делу № 1-36/2023, Ковровский городской суд (Владимирская область) [электронный документ] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yKACyWLbR9Zb/> (дата обращения 23.09.2024). – Текст: электронный.
15. Приговор № 1-374/2020 от 23 октября 2020 г. по делу № 1-374/2020, Кировский районный суд г. Ростова-на-Дону (Ростовская область) [электронный документ] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mncw7jMm2Zmn/> (дата обращения 23.09.2024). – Текст: электронный.
16. Приговор № 1-243/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 1-243/2020, Октябрьский городской суд (Республика Башкортостан) [электронный документ] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eLKpELsMEF5w/> (дата обращения 23.09.2025). – Текст: электронный.
17. Лопашенко, Н.А. Компьютерное мошенничество – новое слово в понимании хищения или ошибка законодателя? // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2019. – № 2 (1). – С. 598–609. – Текст: непосредственный.
18. Болсуновская, Л.М. Анализ способов совершения мошенничества в сфере компьютерной информации // Проблемы экономики и юридической практики. – 2015. – № 6. – С. 108–111. – Текст: непосредственный.
19. Фролов, М.Д. Уголовно-правовое и криминологическое противодействие мошенничеству в сфере компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2018. – 211 с. – Текст: непосредственный.
20. Долгиева, М.М. Вопросы уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств в криптовалюте // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2022. – № 479. – С. 247–251. – Текст: непосредственный.
21. Гриб, Д.В. Цифровые финансовые активы как предмет преступлений в сфере информационных технологий по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 2 (58). – С. 77–82. – Текст: непосредственный.
22. Баратов, Ю.А. Квалификация преступлений, совершенных с использованием криптовалюты // Право и управление. – 2023. – № 3. – С. 148–152. – Текст: непосредственный.

Pivneva L.V. Controversial issues of application of article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 2. – S. 501-510.

This study examines the controversial issues of the application of Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for the establishment of criminal liability for fraud in the field of computer information. It has been established that the introduction of this provision of the law is associated with the need to intensify the fight against fraudsters who carry out illegal acts in the digital environment, as a result of which this type of fraud has been singled out by the legislator as an independent crime. However, as a result of the introduction of this norm, legal scholars have questions about the correctness of its location in the structure of the Criminal Code of Russia, its name, as well as the need to qualify such criminal acts as fraud, and not as secret theft of other people's property. The problems of the application of Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation related to the definition of the subject of the crime, elements of the objective side, sanctions, as well as the separation of similar crimes are outlined. Measures have been proposed to modernize this provision of the criminal law.

Keywords: fraud, computer information, corpus delicti, digital currency, cryptocurrency, criminal law, Criminal Code of the Russian Federation, fraudulent actions, crime, criminal.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon ot 29.11.2012 № 207-FZ (red. ot 03.07.2016) «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [jelektronnyj dokument] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138322/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100035 (data obrashhenija 21.09.2024) – Tekst: jelektronnyj.
2. Zakonoproekt № 53700-6 [jelektronnyj dokument] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700-6> (data obrashhenija 26.09.2024) – Tekst: jelektronnyj.
3. Elin, V.M. Moshennichestvo v sfere komp'juternoj informacii kak novyj sostav prestuplenija // Biznes-informatika. – 2013. – № 2 (24). – S. 70–76. – Tekst: neposredstvennyj.
4. Lysak, E.A. Problemy kvalifikacii prestuplenij v sfere komp'juternoj informacii // Nauchnyj zhurnal KubGAU. – 2013. – № 90. – S. 997–1006. – Tekst: neposredstvennyj.
5. Federal'nyj zakon ot 03.07.2016 № 325-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» [jelektronnyj dokument] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200714/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100024 (data obrashhenija 21.09.2024). – Tekst: jelektronnyj.
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 30.11.2017 № 48 (red. ot 15.12.2022) «O sudebnoj praktike po delam o moshennicestve, prisvoenii i rastrate» [jelektronnyj dokument] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (data obrashhenija 22.09.2024). – Tekst: jelektronnyj.
7. Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 23.04.2018 № 111-FZ [jelektronnyj dokument] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296451/ (data obrashhenija 21.09.2024). –
8. Skomorohova, M.S. Problemy kvalifikacii moshennichestva v sfere komp'juternoj informacii // Voprosy rossijskoj justicii. – 2024. – № 30. – S. 387–393. – Tekst: neposredstvennyj.
9. Korneeva, A.V. Smezhnye i konkurirujushhie normy: voprosy kvalifikacii // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. – 2024. – № 4 (117). – S. 56–65. – Tekst: neposredstvennyj.
10. Barokko L.A. K voprosu ob osobennostjah moshennichestva, sovershennogo s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tehnologij po ugolovnomu zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii // Vestnik jekonomicheskoy bezopasnosti. – 2024. – № 1. – S. 15–19. – Tekst: neposredstvennyj.
11. Gladkih, V.I. Komp'juternoe moshennichestvo: a byli li osnovanija ego kriminalizacii? // Rossijskij sledovatel'. – 2014. – № 22. – S. 25–31. – Tekst: neposredstvennyj.
12. Prostoserdiv, M. A. Jekonomicheskie prestuplenija, sovershaemye v kiberprostranstve, i mery protivodejstvija im: dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2016. – 232 s. – Tekst: neposredstvennyj.
13. Mus'jal, I.A. Differencirovannye vidy moshennichestva: teoreticheskie i prakticheskie problemy: dis. ... kand. jurid. nauk. – Kursk, 2018. – 259 s. – Tekst: neposredstvennyj.
14. Prigovor № 1-36/2023 1-463/2022 ot 26 oktjabrja 2023 g. po delu № 1-36/2023, Kovrovskij gorodskoj sud (Vladimirskaja oblast') [jelektronnyj dokument] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/yKACyWLB9Zb/> (data obrashhenija 23.09.2024). – Tekst: jelektronnyj.
15. Prigovor № 1-374/2020 ot 23 oktjabrja 2020 g. po delu № 1-374/2020, Kirovskij rajonnyj sud g. Rostov-na-Donu (Rostovskaja oblast') [jelektronnyj dokument] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mncw7jMm2Zmn/> (data obrashhenija 23.09.2024). – Tekst: jelektronnyj.
16. Prigovor № 1-243/2020 ot 29 ijulja 2020 g. po delu № 1-243/2020, Oktjabr'skij gorodskoj sud (Respublika Bashkortostan) [jelektronnyj dokument] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eLKpELsMEF5w/> (data obrashhenija 23.09.2024). – Tekst: jelektronnyj.

17. Lopashenko, N.A. Komp'yuternoe moshennichestvo – novoe slovo v ponimanii hishhenija ili oshibka zakonodatelja? // Permskij juridicheskij al'manah. Ezhegodnyj nauchnyj zhurnal. – 2019. – № 2 (1). – S. 598–609. – Tekst: neposredstvennyj.
 18. Bolsunovskaja, L.M. Analiz sposobov sovershenija moshennichestva v sfere komp'yuternoj informacii // Problemy jekonomiki i juridicheskoy praktiki. – 2015. – № 6. – S. 108–111. – Tekst: neposredstvennyj.
 19. Frolov, M.D. Ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe protivodejstvie moshennichestvu v sfere komp'yuternoj informacii: dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2018. – 211 s. – Tekst: neposredstvennyj.
 20. Dolgieva, M.M. Voprosy ugovnoj otvetstvennosti za organizaciju dejatel'nosti po privlecheniju denezhnyh sredstv v kriptovaljute // Vestn. Tom. gos. un-ta. – 2022. – № 479. – S. 247–251. – Tekst: neposredstvennyj.
 21. Grib, D.V. Cifrovye finansovyje aktivy kak predmet prestuplenij v sfere informacionnyh tehnologij po zakonodatel'stvu Respubliki Belarus' i Rossijskoj Federacii // Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2022. – № 2 (58). – S. 77–82. – Tekst: neposredstvennyj.
 22. Baratov, Ju.A. Kvalifikacija prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem kriptovaljuty // Pravo i upravlenie. – 2023. – № 3. – S. 148–152. – Tekst: neposredstvennyj.
- .

УДК 343.985

ПОЛУЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ВИД ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО МЕРОПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Пилипенко Д. Ю.

Академия управления МВД России

В статье исследуется получение компьютерной информации (ПКИ) как самостоятельный вид оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ) в условиях цифровизации преступности. На основе правового анализа и обобщения проблем правоприменения выявляются ключевые дефициты: фрагментарность нормативного регулирования, ограниченный доступ к технически значимым данным, отсутствие единых стандартов предоставления цифровых следов, а также риски процессуальной непризнанности информации, полученной с использованием OSINT и аналитических систем. Предлагаются направления совершенствования, ориентированные на стандартизацию состава и формата цифровых данных, законодательное закрепление расширенного перечня технических параметров, разработку ведомственных процедур для работы с OSINT и развитие специализированных компетенций сотрудников.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, компьютерная информация, цифровизация преступности, электронно-цифровые следы, оператор связи, организатор распространения информации, правовое регулирование, OSINT.

Масштабная цифровизация всех сфер жизни привела к формированию новой, гибридной криминальной среды, в которой традиционные составы преступлений тесно переплетаются с высокотехнологичными методами их совершения и сокрытия. Платежные операции, преступные коммуникации, хранение и передача данных, а также координация противоправной деятельности все чаще осуществляются с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), распределенных сетевых сервисов и зашифрованных каналов связи [1; 12]. В этих условиях оперативно-розыскная деятельность (ОРД) неизбежно сталкивается с «цифровым вызовом»: значимая следовая информация локализуется не в материальном мире, а в виде электронно-цифровых следов (ЭЦС) – совокупности данных, генерируемых устройствами, программным обеспечением и сетевыми протоколами в процессе их функционирования. Получение компьютерной информации (ПКИ) как самостоятельное оперативно-розыскное мероприятие (ОРМ) трансформируется из вспомогательного инструмента в системообразующий элемент всей оперативно-розыскной деятельности, определяющий ее результативность в борьбе с современной преступностью.

Вместе с тем организационно-правовая модель реализации данного ОРМ демонстрирует устойчивые системные дисфункции, не соответствующие динамике развития цифровой среды. Эти дисфункции носят комплексный характер и проявляются на стыке правового регулирования, межведомственного взаимодействия, технической оснащенности и кадрового обеспечения. Ключевой парадокс заключается в том, что, обладая формальным правом на получение информации от широкого круга субъектов, правоохранительные органы зачастую не могут извлечь из предоставляемых данных достаточную доказательственную и ориентирующую ценность. Это связано с глубоким разрывом между оперативно-розыскными потребностями в технически насыщенных, машиночитаемых массивах данных и фактическим объемом,

и качеством информации, поступающей от операторов связи, финансовых организаций и интернет-платформ [1; 2; 3; 4].

Правовая основа получения компьютерной информации отличается выраженной фрагментарностью и технологическим отставанием. Регулирование рассредоточено по нескольким отраслям законодательства: об оперативно-розыскной деятельности (задает общие основания), об информации (определяет статус данных), о связи (регламентирует работу с трафиком), о банковской и коммерческой тайне (устанавливает ограничения) [1; 2; 3; 4; 5]. Однако данная совокупность норм не образует целостной системы. Наиболее критичными являются следующие пробелы:

1. Отсутствие технологически нейтральных стандартов данных. Законодательство не содержит минимально обязательного перечня технических параметров (транспортных метаданных), которые операторы связи и организаторы распространения информации обязаны хранить и предоставлять. Это приводит к ситуации, когда в ответ на идентичный по сути запрос из разных регионов или от разных ведомств могут быть предоставлены данные в разном объеме и формате, что делает их несопоставимыми и непригодными для комплексного анализа. Например, параметры сетевой сессии (источник и назначение IP-адресов, порты, временные метки с точностью до миллисекунд, идентификаторы сессии протокола), критические для установления факта связи между абонентами и устройствами, зачастую не фиксируются или не передаются.

2. Неопределенность в отношении данных, полученных из открытых источников (OSINT) и с помощью аналитических систем. Активное использование специального программного обеспечения для мониторинга социальных сетей, анализа больших данных и прогнозного моделирования стало повседневной практикой. Однако правовой статус информации, добытой такими методами, ее допустимость в качестве ориентирующих сведений, а тем более – основания для возбуждения уголовного дела, законодательно не урегулированы. Риск признания таких данных «плодом запрещенного дерева» в рамках уголовного судопроизводства остается высоким, что вынуждает оперативных работников либо избегать перспективных технологий, либо использовать их результаты с существенной правовой осторожностью, снижая эффективность.

3. Ограниченность механизмов ускоренного доступа к данным. Для противодействия высокодинамичным киберпреступлениям, таким как хищения с использованием социальной инженерии (фрод) или DDoS-атаки, ценность информации крайне зависима от времени. Действующие процедуры получения сведений у операторов связи и банков, связанные с оформлением официальных запросов и их согласованием, часто занимают сроки, в течение которых преступники успевают вывести средства и уничтожить цифровые следы. Отсутствие правовых оснований для оперативного, в том числе автоматизированного, взаимодействия в режиме, приближенном к реальному времени, является существенным упущением.

Организационные барьеры тесно переплетены с правовыми и усугубляются децентрализованной моделью работы с цифровыми данными внутри системы МВД России. Функции по получению и первичному анализу компьютерной информации распределены между подразделениями уголовного розыска, по борьбе с экономическими преступлениями и киберпреступностью, а также экспертно-

криминалистическими центрами. При отсутствии единого координационного центра и унифицированных регламентов это приводит к ряду негативных последствий:

- Функциональное дублирование и несогласованность: несколько подразделений могут параллельно направлять запросы по одному и тому же эпизоду разным службам одного и того же оператора связи, что дискредитирует правоохранительные органы в главе коммерческих структур и ведет к задержкам.

- Разрыв в компетенциях: первичный сбор цифровых следов на месте происшествия (изъятие телефона, фиксация данных на компьютере) нередко осуществляется сотрудниками патрульно-постовой службы или участковыми уполномоченными, не обладающими специализированными знаниями в области компьютерной криминалистики. В результате критически важные метаданные могут быть утрачены уже на начальном этапе.

- Неоднородность практик документирования: Отсутствие единых форм протоколов, требований к описанию изъятых цифровых носителей и фиксации их целостности (например, через вычисление хэш-сумм) создает проблемы на стадии передачи материалов в следствие и суд, повышая риск оспаривания допустимости доказательств.

Технические аспекты получения компьютерной информации усложняются в геометрической прогрессии в связи с развитием технологий анонимизации и шифрования. Преступники активно используют:

- VPN-сервисы и прокси-цепи, затрудняющие установление реального IP-адреса и географической локации.

- Мессенджеры со сквозным шифрованием (Telegram, Signal, WhatsApp), делающие перехват и расшифровку содержимого сообщений технически невозможным без доступа к конечным устройствам.

- Криптовалюты и анонимные платежные системы для проведения финансовых операций, слабо поддающихся традиционному банковскому мониторингу.

- Сервисы облачного хранения данных с расположением серверов за пределами российской юрисдикции.

В этих условиях классический запрос к оператору связи о «предоставлении информации о соединениях абонента» часто дает лишь точку входа в сложную, многослойную инфраструктуру, дальнейший анализ которой требует привлечения экспертов, использования специального программного обеспечения и межведомственного, а иногда и международного взаимодействия.

Анализ конкретных источников компьютерной информации выявляет их специфические проблемы.

- Операторы связи (как мобильные, так и фиксированные, интернет-провайдеры) обладают колоссальными массивами метаданных: данные о звонках и SMS (CDR – Call Detail Records), сведения о сессиях передачи данных, идентификаторы абонентского оборудования (IMEI, IMSI), параметры базовых станций, к которым подключалось устройство. Однако на практике в ответах часто присутствует лишь сокращенный набор этих данных (дата, время, номер корреспондента), без технических деталей, необходимых для глубокого анализа маршрутизации и установления серийности действий [3].

- Кредитно-финансовые организации и операторы платежных систем являются хранителями детализированных записей о транзакциях. Однако правоохранительные органы получают, как правило, выписки по счетам, в то время как процессинговые центры хранят гораздо более богатые данные: IP-адреса инициаторов операций, идентификаторы устройств (fingerprinting), историю изменений данных профиля, логи попыток входа. Доступ к этим «глубинным» данным либо сильно ограничен, либо требует отдельной, сложной процедуры санкционирования [4; 5].

- Организаторы распространения информации в сети «Интернет» (социальные сети, мессенджеры, форумы, маркетплейсы) представляют собой наиболее сложный для правового регулирования сегмент. Их инфраструктура часто носит трансграничный характер, а внутренние стандарты хранения и предоставления данных (например, «логи активностей» в Facebook или Telegram) являются коммерческой тайной и не подлежат согласованию с национальными регуляторами. Отсутствие в российском законодательстве императивных требований к таким компаниям в части хранения и структурирования транспортных метаданных приводит к тому, что даже при наличии формального взаимодействия предоставляемые сведения оказываются бесполезными для установления сетевых связей между анонимными аккаунтами.

Совокупное действие указанных факторов – правовая неопределенность, организационная разобщенность, технологическое сопротивление и неполнота данных от источников – формирует порочный круг. Эффективность ОРМ по получению компьютерной информации снижается, что, в свою очередь, приводит к росту латентности цифровой преступности, увеличению сроков расследования и, в конечном счете, подрыву общественного доверия к способности государства обеспечить безопасность в виртуальном пространстве.

Для кардинального повышения результативности получения компьютерной информации необходим переход от реактивной, фрагментарной модели к проактивной, системной и стандартизированной. Этот переход должен охватывать все элементы: от нормативной базы до повседневных практик оперативного сотрудника.

1. Совершенствование правового регулирования. Требуется разработка и принятие специального нормативного акта (или масштабная поправка в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»), который бы:

Четко определил минимально необходимый состав транспортных метаданных, подлежащих обязательному хранению всеми субъектами критической информационной инфраструктуры (операторы связи, крупные интернет-платформы, финансовые организации) и предоставлению по запросам уполномоченных органов. Этот перечень должен быть технологически нейтральным (описывать классы данных, а не конкретные протоколы) и включать параметры, достаточные для однозначной атрибуции сетевого события.

Установил правовой режим работы с OSINT и аналитическими системами. Необходимо закрепить допустимость использования информации из открытых источников в качестве ориентирующей, определить критерии оценки ее достоверности и ввести процедуры обязательной верификации и фиксации происхождения таких данных (скриншоты, записи сессий, данные о времени сбора) для обеспечения их возможной проверяемости в будущем.

Ввел механизмы ускоренного взаимодействия. Целесообразно предусмотреть возможность направления электронных запросов по защищенным каналам с ис-

пользованием квалифицированной электронной подписи, а также регламентировать порядок экстренного предоставления данных в случаях, непосредственно связанных с предотвращением тяжких преступлений или спасением жизни.

2. Организационная и методическая стандартизация. На ведомственном уровне (МВД России) необходимо: создать единый центр компетенций по работе с цифровыми данными, который будет выступать методическим и координационным ядром. В его функции должны входить: разработка и актуализация инструкций, типовых алгоритмов действий, шаблонов запросов; консультирование территориальных органов; ведение централизованного реестра цифровых идентификаторов и признаков серийности, используемых в преступной деятельности. Внедрить унифицированные регламенты для всех этапов работы с компьютерной информацией: от первичного осмотра места происшествия и изъятия цифровых носителей (с обязательным использованием криминалистических инструментов для создания образа памяти и фиксации хэш-сумм) до направления формализованных запросов внешним организациям и передачи данных в следственные органы. Разработать и внедрить модель поэтапного доступа к данным. На первом этапе по упрощенной процедуре (например, на основании запроса оперативного сотрудника) должен предоставляться базовый набор данных (установочные данные абонента, последние транзакции). Для получения углубленных технических сведений (полные логи, детальные метаданные) должен запускаться второй этап, требующий более высокого уровня санкционирования и правового обоснования.

3. Технологическое развитие. Без современных инструментов стандартизация останется на бумаге. Требуется: внедрение ведомственных платформ для автоматизированного взаимодействия с операторами связи инструменты для создания образов памяти мобильных устройств), а также развертывание стационарных лабораторий для углубленного анализа; развитие систем интеллектуального анализа больших данных (Big Data) и машинного обучения для выявления скрытых связей, аномалий в поведении и паттернов, характерных для преступной деятельности, в огромных потоках получаемой компьютерной информации.

4. Кадровое обеспечение. Ключевым звеном остается подготовленный специалист. Необходимо:

Создание специализированных профилей подготовки в ведомственных вузах и на курсах повышения квалификации, сочетающих глубокие правовые знания в области ОРД, информационной безопасности и процессуальных основ доказывания с практическими навыками компьютерной криминалистики, сетевого анализа и работы со специализированным ПО. Внедрение системы сертификации для сотрудников, допускаемых к проведению ОРМ по получению компьютерной информации и работе с цифровыми доказательствами.

Формирование кадрового резерва из числа IT-специалистов для комплектования профильных подразделений киберразведки и цифровой криминалистики.

Таким образом, совершенствование получения компьютерной информации как ОРМ представляет собой сложную, многомерную задачу, требующую системного подхода. Фокус должен сместиться с разовых мер по преодолению возникающих препятствий на построение целостной, гибкой и технологически современной системы. Такая система должна обеспечивать не просто доступ к данным, а гаранти-

рованное получение информации необходимого качества, в требуемые сроки и в формате, обеспечивающем ее дальнейшее процессуальное использование. Только на этой основе можно достичь стратегического паритета с быстро эволюционирующей цифровой преступностью. Таким образом, на основании проведенного исследования сделаны следующие выводы:

и банками. Такие системы должны позволять формировать запросы в машиночитаемом формате (например, XML или JSON по утвержденной XSD-схеме), принимать ответы в том же формате и автоматически загружать их в аналитические базы данных, исключая ручной ввод и связанные с ним ошибки.

Оснащение оперативных подразделений мобильными комплексами для полевого изъятия цифровых данных (криминалистические write-blockers, Получение компьютерной информации представляет собой самостоятельный и системообразующий вид оперативно-розыскного мероприятия в цифровую эпоху. Его уникальный предмет – электронно-цифровые следы – и специфика среды (анонимность, трансграничность, динамичность) требуют формирования отдельного, комплексного организационно-правового режима, выходящего за рамки традиционной регламентации ОРМ.

1. Действующее правовое регулирование данного ОРМ страдает от фрагментарности и технологического отставания. Критическими пробелами являются отсутствие законодательно закреплённого минимального стандарта транспортных метаданных, правовая неопределенность в отношении использования OSINT и аналитических систем, а также недостаток механизмов для оперативного (ускоренного) получения данных при расследовании высокодинамичных киберпреступлений.

2. Организационные барьеры внутри правоохранительной системы, такие как децентрализация функций, разрыв в компетенциях между подразделениями и отсутствие единых регламентов работы с цифровыми следами на всех этапах, усугубляют правовые дефициты и приводят к дублированию, задержкам и потере значимой информации уже на ранних стадиях работы.

3. Взаимодействие с ключевыми источниками компьютерной информации (операторы связи, банки, интернет-платформы) носит несистемный и зачастую формальный характер. Предоставляемые данные часто лишены технической глубины, необходимой для реконструкции полной картины события, что связано как с ограничениями со стороны этих субъектов, так и с неумением правоохранительных органов формулировать детализированные, технически грамотные запросы.

4. Технологии анонимизации, шифрования и использования трансграничных сервисов создают для преступников значительные операционные преимущества, нейтрализующие традиционные методы ОРД. Противодействие этим технологиям требует от правоохранительных органов не только правовых полномочий, но и собственного технологического развития, включая внедрение систем анализа больших данных и инструментов криптоанализа в рамках, разрешенных законом.

5. Стратегическим направлением совершенствования ОРМ по получению компьютерной информации является его всесторонняя стандартизация. Это включает: законодательную стандартизацию состава и формата данных; ведомственную стандартизацию процедур и регламентов; технологическую стандартизацию каналов и форматов межведомственного обмена. Стандартизация выступает основой для

обеспечения сопоставимости, проверяемости и процессуальной пригодности результатов.

6. Развитие кадрового потенциала является критически важным условием успеха. Подготовка специалистов должна носить междисциплинарный характер, сочетая углубленные знания права, криминалистики и информационных технологий. Необходимо создание системы непрерывного обучения и специализированной сертификации для сотрудников, работающих с цифровыми данными.

Комплексная модернизация ОРМ по получению компьютерной информации, объединяющая правовые, организационные, технологические и кадровые аспекты, позволит трансформировать его из проблемного элемента ОРД в ее ключевое конкурентное преимущество. Это обеспечит адекватный ответ на вызовы цифровизации преступности при неукоснительном соблюдении принципов законности, соразмерности и защиты прав личности в цифровой среде.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102037058&vkart=card> (дата обращения: 15.01.2026).
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108264&vkart=card> (дата обращения: 15.01.2026).
3. О связи: Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 28. Ст. 2895. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102066432&vkart=card> (дата обращения: 15.01.2026).
4. О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102156921&vkart=card> (дата обращения: 15.01.2026).
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.07.2021 № 319-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5074. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102176650&vkart=card> (дата обращения: 15.01.2026).
6. Бычков В.В. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2022. 420 с.
7. Комиссаров В.С. Оперативно-розыскные мероприятия: правовые и организационные основы. М.: Норма, 2021. 398 с.
8. Кашепов В.П. Цифровые следы в оперативно-розыскной и следственной деятельности. М.: Проспект, 2023. 315 с.
9. Лапин Е.С. Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий. М.: Академия управления МВД России. 2022. 276 с.
10. Овчинников А.И. Правовое регулирование получения компьютерной информации в ОРД // Юридическая наука и практика. 2023. № 4. С. 45–58.
11. Саркисян Г.Г. Использование информационно-коммуникационных технологий в оперативно-аналитической деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 172–181.
12. Лагуточкин А.В. Сущность, формирование и перспективы использования нейросетевых технологий в оперативно-розыскной деятельности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. № 8 (74). С. 354–365.
13. Холопов А.В. Применение цифровых технологий фиксации аудиовизуальной информации в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. 68 с.

Pilipenko D.Y. About digital conspiracy and its relationship with anonymity on the internet // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 511-518.

The article explores the receipt of computer information as an independent type of operational and search activity in the context of digitalization of crime. On the basis of legal analysis and generalization of law enforcement problems, key deficits are identified: fragmented regulatory regulation, limited access to technically significant data, lack of uniform standards for providing digital traces, as well as the risks of procedural non-recognition of information obtained using OSINT and analytical systems. Directions of improvement are proposed, focused on standardization of the composition and format of digital data, legislative consolidation of the expanded list of technical parameters, development of departmental procedures for working with OSINT and development of specialized competencies of employees.

Keywords: operational and search activities, computer information, digitalization of crime, electronic digital traces, communication operator, organizer of information dissemination, legal regulation, OSINT.

Spisok literatury:

1. Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti: Federal'nyj zakon ot 12.08.1995 № 144-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1995. № 33. St. 3349. Ofic. internet-portal pravovoj informacii. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102037058&vkart=card> (data obrashcheniya: 15.01.2026).
2. Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii: Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 149-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. № 31 (ch. I). St. 3448. Ofic. internet-portal pravovoj informacii. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108264&vkart=card> (data obrashcheniya: 15.01.2026).
3. O svyazi: Federal'nyj zakon ot 07.07.2003 № 126-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2003. № 28. St. 2895. Ofic. internet-portal pravovoj informacii. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102066432&vkart=card> (data obrashcheniya: 15.01.2026).
4. O nacional'noj platezhnoj sisteme: Federal'nyj zakon ot 27.06.2011 № 161-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2011. № 27. St. 3872. Ofic. internet-portal pravovoj informacii. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102156921&vkart=card> (data obrashcheniya: 15.01.2026).
5. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 02.07.2021 № 319-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2021. № 27 (ch. I). St. 5074. Ofic. internet-portal pravovoj informacii. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102176650&vkart=card> (data obrashcheniya: 15.01.2026).
6. Bychkov V.V. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov vnutrennih del: teoriya i praktika. M.: YUrlit-inform, 2022. 420 s.
7. Komissarov V.S. Operativno-rozysknye meropriyatiya: pravovye i organizacionnye osnovy. M.: Norma, 2021. 398 s.
8. Kashpov V.P. Cifrovye sledy v operativno-rozysknoj i sledstvennoj deyatel'nosti. M.: Prospekt, 2023. 315 s.
9. Lapin E.S. Protivodejstvie prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionnyh tekhnologij. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii. 2022. 276 s.
10. Ovchinnikov A.I. Pravovoe regulirovanie polucheniya komp'yuternoj informacii v ORD // YUridicheskaya nauka i praktika. 2023. № 4. S. 45–58.
11. Sarkisyan G.G. Ispol'zovanie informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v operativno-analiticheskoy deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2024. № 4 (72). S. 172–181.
12. Lagutochkin A.V. Sushchnost', formirovanie i perspektivy ispol'zovanie nejrosetevykh tekhnologij v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernad'skogo. YUridicheskie nauki. 2022. № 8 (74). S. 354–365.
13. Holopov A.V. Primenenie cifrovyykh tekhnologij fiksacii audiovizual'noj informacii v ugovnom sudoproizvodstve: uchebnoe posobie. SPb.: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2010. 68 s.

УДК 343.9

**БЕСПИЛОТНЫЕ ВОЗДУШНЫЕ СУДА, КАК ОРУДИЕ И СРЕДСТВО
СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ЭЛЕМЕНТЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Рудик М. В., Торопов С. А.

Крымский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Симферополь, Российская Федерация

В статье рассмотрены уголовно-правовые аспекты применения беспилотных воздушных судов преступниками. Указаны предпочтительные свойства БВС: возможность дистанционного применения, которое может быть ручным и программированным, лёгкость приобретения, незначительные размерные характеристики, которые помогают перемещаться незаметно для окружающих, относительная сложность уничтожения при выявлении. Предложены криминалистические тактические рекомендации по анализу следовой информации при осмотрах мест происшествий по фактам падения БВС на местности. Определены перспективные направления совершенствования подготовки сотрудников правоохранительных органов в целях противодействия БВС. Предложен механизм взаимодействия сотрудников следственных, экспертно-криминалистических и технических подразделений в целях повышения эффективности совместных действий при осмотре мест происшествий.

Ключевые слова: Беспилотное воздушное судно, следователь, специалист, следовая информация, взрыв, потерпевший, дистанционное применение, следственные действия.

Когда заходит речь о внешнем выражении преступления, то зачастую, большинство граждан ассоциируют его с конкретными противоправными деяниями, с помощью которых объект преступления претерпевает тот или иной вред. Однако, помимо обязательных признаков преступления, в отдельных случаях значимость приобретают отдельные факультативные признаки, такие как орудие и средство совершения преступления.

В общем понимании орудие преступления – определенный материальный предмет, при помощи которого становится возможным причинение вреда объекту охраняемых правоотношений. Зачастую, преступник использует определенные предметы, для повышения своей мускульной силы (например, отрезок металлической трубы), либо отдельные механические устройства, способные причинить смерть или иные тяжкие последствия для потерпевшего (огнестрельное либо метательное оружие).

Средством совершения преступления же, зачастую, становятся предметы материального мира, с помощью которых облегчается процесс совершения самого преступного деяния. Так, например, в качестве таковых могут выступать транспортное средство или техническое устройство. В сегодняшнее время все более актуальным становится использование в качестве орудия или средства преступления беспилотных летательных, наземных и водных аппаратов.

Актуальность применения вышеуказанных технических средств в условиях проведения Россией специальной военной операции нельзя недооценивать. То, что до 2022 г. использовалось зачастую в развлекательных целях, с началом СВО приобрело ключевую роль при ведении боевых действий. Так, в ходе проведения специальной военной операции получили распространение так называемые FPV (first person view) дроны. Главной задачей которых стало нанесение огневого поражения как

легкобронированной технике, так и личному составу противника. Помимо этого, вышеуказанные беспилотные системы, нередко применяются и в преступной деятельности, позволяя дистанционно выполнить свой преступный замысел. Согласно сводке Министерства обороны Российской Федерации о ходе проведения специальной военной операции по состоянию на 10.03.2026 г. отмечено, что Вооруженными Силами Российской Федерации сбито 121 335 беспилотных летательных аппарата, что обращает внимание на актуальность рассматриваемых проблем [7].

С точки зрения уголовного права беспилотные системы могут быть и как орудием преступления (начиненный взрывчатый предмет квадрокоптер) так и средством совершения преступления (использование беспилотных водных лодок для доставки наркотических средств или иных запрещенных веществ). Кроме этого, известны случаи, когда БВС использовались преступниками для совершения преступлений против собственности. Например, в 2025 г. сотрудниками полиции задержана группа преступников, которые ранее была причастна к серии хищений, для чего последними были задействованы БВС вертолетного типа для транспортировки украденных товаров с места преступления на специально оборудованный склад. Такой подход позволял им минимизировать риск задержания на местах хищений, поскольку БВС передавали груз напрямую, без участия людей [3].

Повсеместное внедрение искусственного интеллекта, также способствует этому. Можно предположить, что по мере дальнейшей интеллектуализации беспилотных воздушных судов (далее - БВС) при определении способов совершения преступлений, не исключено использование и сетей БВС, способных координировать свои действия, в зависимости от обстановки. Указанные факты говорят о повышенной опасности данных устройств и возможности использования не только в качестве возможных средств доставки взрывных устройств к потенциальной цели, но и в качестве орудия совершения преступлений [6, с. 175-180]. Также следует обратить внимание на возможное использование преступниками роевых технологий, что ведет к атаке большим количеством БВС с возможным распределением ролей при помощи заданных программных параметров по отвлечению противодроновых средств защиты и нанесению последующего поражения. Считаем, что развитие средств защиты от БВС должно учитывать противодействие массированным налетам и эти проблемные вопросы также в дальнейшем требуют научного разрешения.

Чаще всего преступников привлекают в использовании при совершении преступлений следующие технические характеристики БВС: возможность дистанционного применения, которое может быть ручным и программированным, лёгкость приобретения, незначительные размерные характеристики, которые помогают перемещаться незаметно для окружающих, относительная сложность уничтожения при выявлении.

Среди следственных действий, связанных с необходимостью применения специальных знаний относительно конструктивных особенностей БВС, выделяется осмотр места происшествия, проводимый сотрудниками правоохранительных органов. Так, при применении БВС снаряженными взрывчатыми веществами возникает трудность в поиске фрагментов как самого носителя, так и следов взрывчатого вещества. Кроме того, не редки случаи, когда БВС, не осуществил подрыв потенциальной цели, а потерял управление упал возле нее. В указанных случаях БВС может также иметь «детонатор замедления», который служит для отложенного подрыва

устройства. Осмотр места происшествия (далее – ОМП) можно проводить после изучения БВС в месте падения специалистами-взрывотехниками и последующего обезвреживания. Для ускорения процесса осмотра БВС и его фрагментов считаем возможность привлекать кинологов со служебными собаками, которые могут осуществлять поиск взрывчатых веществ по запаховым следам [5, с. 324]. Напоминаем, что запрещается использовать для поисковой работы служебных собак при наличии информации о применении преступниками мин натяжного действия.

Для усиления поражающих свойств при детонации заряда БВС преступники могут снаряжать металлическими шариками, либо другими элементами. Так, 20 февраля и 6 марта при атаке на Севастополь со стороны иностранного государства были обнаружены повреждения жилых домов, повреждены автомобили, при осмотре было выяснено, что в качестве поражающих элементов были использованы округлые металлические элементы [12].

При осмотре БВС (фрагментов) исследуются поверхность на предмет обнаружения заводских клейм, надписей, фрагменты элементов управления могут указывать на разновидность БВС (сервопривода, например, используются в дронах самолётно-го типа). Маркировочные обозначения на обнаруженных двигателях внутреннего сгорания могут свидетельствовать о заимствованных силовых агрегатах транспортных средств. Временами по маркировке силового агрегата можно определить год (месяц) и страну изготовления, марку и модель транспортного средства, страну ввоза. Фрагменты взрывного устройства и маркировочные обозначения могут свидетельствовать о заводском способе изготовления. В случае обнаружения SIM-карт, можно выдвинуть версию о способе управления БВС с помощью сотовых сетей, которую используют для того, чтобы предотвратить подавление средствами радиоэлектронной борьбы (далее – РЭБ). Ранее мы анализировали возможные варианты использования БВС на оптоволоконном соединении, что предоставляет внешнему пилоту значительные преимущества при работе в зоне действия РЭБ [9, с. 279]. Но отмечаем, что оптоволоконном соединении может быть демаскировано место пуска, и при использовании БВС с катушкой преступниками в дальнейшем можно будет определить направление и место пуска.

Учитывая сложность технической конструкции БВС и возможность обнаружения на нем следовой информации на внутренних элементах после предварительного исследования на месте происшествия объект отправляют на комплексное исследование в экспертно-криминалистические подразделения. Следы дактилоскопического и геномного происхождения могут быть обнаружены на внутренних частях корпуса, топливных трубках, источниках питания, микросхемах, поражающих элементах. Вышеуказанные следы могут быть оставлены преступником при сборке БВС, или при его снаряжении (подготовке к полету).

В случае обнаружения фрагментов БВС заводского изготовления можно поставить вопросы относительно принадлежности последних единому целому. При наличии рукописного текста (например, с угрозами) и его обнаружении можно будет в дальнейшем назначить автороведческую и почерковедческую экспертизу после отобрания образцов почерка у исполнителей [4, с. 100-101].

При необходимости осмотра БВС, который сохранил целостность конструкции и может быть подвержен взрыву можно предварительно осуществить пролет и изу-

чить внешние конструктивные особенности последнего с помощью БВС, которые состоят на вооружении правоохранительных органов. Например, Приказом МВД России от 26.12.2024 № 955 «Об утверждении Инструкции по организации использования робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» за департаментом информационных технологий, связи и защиты информации МВД России, там же закреплены задачи по взаимодействию с иными подразделениями, в т.ч. связанных с расследованием преступлений. Соответственно, сотрудники следственных подразделений (дознания) при имеющейся необходимости фиксации, отбора образцов могут оформить заявку на использование робототехнического комплекса или беспилотного воздушного судна и привлечь специалистов-внешних пилотов БВС. На месте с руководителем осмотра согласовывается летное задание и осуществляется полет с фото/видеофиксацией окружающей обстановки и объектов, представляющих интерес [10, с. 684-685].

Нельзя обойти вниманием и включение в программу подготовки правоохранительных органов тематику занятий с практической и теоретической подготовкой последних навыкам управления БВС, а также их конструктивных особенностей. Считаем, что знание элементов конструкции БВС поможет сотрудникам правоохранительных органов при проведении следственных действий (ОМП, обыск), оценке и сборе ориентирующей информации, а также в определении «уязвимых» элементов конструкции для поражения цели.

Для эффективной борьбы с указанными фактами необходим комплексный подход, включающий развитие технических средств обнаружения и нейтрализации дронов, совершенствование правового поля, а также повышение осведомленности граждан и сотрудничество между государственными и частными структурами. В будущем нас ожидает дальнейшее развитие технологий, и вместе с этим возрастет потребность в эффективных решениях для противодействия преступникам, использующим беспилотники. Соответственно, одно из главных направлений развития рассматриваемой проблематики представляется в виде своевременных научных разработок для адаптации к новым реалиям, обеспечивающих безопасность и правопорядок.

Список литературы:

1. Актуальные вопросы развития публичного права / И.В. Бондарчук, Е. В. Евсикова, И. С. Еремина [и др.]. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. 260 с.
2. Игнатов, А. Н. Тактические особенности назначения и производства экспертизы по преступлениям террористического характера и экстремистской направленности в условиях социальной напряженности / А. Н. Игнатов, С. А. Торопов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 4. С. 118-121.
3. Необычное задержание: преступники использовали беспилотники для доставки украденных товаров на склад/<https://usr24.ru/neobychnoe-zaderzhanie-prestupniki-ispolzovali-bespilotniki-dlya-dostavki-ukradennyh-tovarov-na-sklad/> (дата обращения 3.03.2026)
4. Морозов, А. В. Возможности комплексного подхода к исследованию беспилотного воздушного судна как орудия совершения преступления / А. В. Морозов, Д. В. Котельникова // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шиловой. 2025. № 3(72). С. 100-107.
5. Пономарев А.В., Новикова Т.Ю., Торопов С.А. Общие вопросы организации и проведения осмотра места происшествия / Пономарев А.В., Новикова Т.Ю., Торопов С.А. // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9 (172). С. 324-326.
6. Рудик М.В., Торопов С.А. Беспилотные средства доставки взрывчатых веществ как орудие преступления / М.В. Рудик, С.А. Торопов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 3. С. 175-180.

7. Сводка Министерства обороны Российской Федерации о ходе проведения специальной военной операции по состоянию на 10 марта 2026 г. // Официальная страница Министерства обороны Российской Федерации. 2016. URL: <https://vk.com/mil> (дата обращения: 10.03.2026).
8. Торопов, С. А. Перспективы использования искусственного интеллекта и робототехники в деятельности правоохранительных органов / С. А. Торопов, А. В. Пономарев // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: Сборник статей по результатам IV международной научно-практической конференции, Симферополь, 13 декабря 2024 года. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2025. С. 158-163.
9. Торопов, С. А. Использование БВС с оптоволоконным соединением для решения задач следственных подразделений правоохранительных органов / С. А. Торопов, А. В. Пономарев // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: Сборник статей по результатам IV международной научно-практической конференции, Симферополь, 01–04 апреля 2025 года. Симферополь: Издательство «Научный мир», 2025. С. 279-284.
10. Торопов, С. А. Возможности использования БВС при проведении следственных действий / С. А. Торопов, А. В. Пономарев // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией, Симферополь, 15 марта 2024 года. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2024. С. 684-689.
11. Шеховцова, Л. С. Правовые и криминалистические аспекты использования беспилотного воздушного судна при производстве осмотра места происшествия / Л. С. Шеховцова, Ю. Д. Налимов // Криминалистический журнал. 2025. № 2. С. 192-198.
12. Шрапнель и взрывчатка: что известно о налете БВС на Севастополь ночью 6 марта // ФГБУ «Редакция «Российской газеты». 1998-2026. URL: https://rg.ru/2026/03/06/reg-ufu/shrapnel-i-vzryvchatka-chto-izvestno-o-nalete-bpla-na-sevastopol-nochiu-6-marta.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 10.03.2026).

Rudik M.V., Toropov S.A., Unmanned aerial vehicles as a tool and means of committing crimes, elements of forensic characteristics // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 519-524.

This article examines the criminal law aspects of the use of unmanned aerial vehicles by criminals. The preferred properties of UAVs are indicated: the possibility of remote use, which can be manual or programmed, ease of acquisition, insignificant dimensional characteristics that help to move unnoticed by others, and the relative difficulty of destruction when detected. Criminalistic tactical recommendations are proposed for the analysis of trace information during inspections of accident sites based on the facts of a UAV crash on the ground. Promising areas for improving the training of law enforcement officers in order to counter MENA have been identified. The mechanism of interaction of employees of investigative, forensic and technical departments is proposed in order to increase the effectiveness of joint actions during the inspection of accident sites.

Keywords: Unmanned aerial vehicle, investigator, specialist, trace data, explosion, victim, remote use, investigative actions.

Spisok literatury:

1. Actual issues of the development of public law / I.V. Bondarchuk, E. V. Evsikova, I. S. Eremina [et al.]. Simferopol: Limited Liability Company "Publishing House Printing House "Ariall", 2023. 260 p.
2. Ignatov, A. N. Tactical features of the appointment and production of expertise on crimes of a terrorist nature and extremist orientation in conditions of social tension / A. N. Ignatov, S. A. Toropov // Humanities, socio-economic and social sciences. 2022. No. 4. pp. 118-121.
3. Unusual detention: criminals used drones to deliver stolen goods to the warehouse/<https://usr24.ru/neobychnoe-zaderzhanie-prestupniki-ispolzovali-besplotniki-dlya-dostavki-ukradennyh-tovarov-na-sklad/> (date of request 3.03.2026).
4. Morozov, A.V. The possibilities of an integrated approach to the study of an unmanned aircraft as an instrument of committing a crime / A.V. Morozov, D. V. Kotelnikova // Bulletin of the I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3(72). pp. 100-107.
5. Ponomarev A.V., Novikova T.Yu., Toropov S.A. General issues of organizing and conducting an inspection of the scene / Ponomarev A.V., Novikova T.Yu., Toropov S.A. // Eurasian Law Journal. 2022. № 9 (172). pp. 324-326.
6. Rudik M.V., Toropov S.A. Unmanned means of delivering explosives as a crime weapon / M.V. Rudik, S.A. Toropov // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2019. Vol. 5. No. 3. pp. 175-180.
7. Summary of the Ministry of Defense of the Russian Federation on the progress of the special military operation as of March 10, 2026 // Official page of the Ministry of Defense of the Russian Federation. 2016. URL: <https://vk.com/mil> (date of request: 03.03.2026).

8. Toropov, S. A. Prospects of using artificial intelligence and robotics in the activities of law enforcement agencies / S. A. Toropov, A.V. Ponomarev // Protection and protection of rights and legitimate interests in modern law: Collection of articles based on the results of the IV International Scientific and Practical Conference, Simferopol, December 13, 2024. Simferopol: Limited Liability Company "Publishing House Printing House "Arial", 2025. pp. 158-163.
9. Toropov S. A., Ponomarev A.V. The use of BVS with fiber-optic connection for solving the tasks of investigative units of law enforcement agencies / S. A. Toropov, A.V. Ponomarev // Issues of judicial activity and law enforcement in modern conditions: Collection of articles based on the results of the IV International Scientific and Practical Conference, Simferopol, April 01-04, 2025. Simferopol: Scientific World Publishing House, 2025. pp. 279-284.
10. Toropov S. A., Ponomarev A.V. The possibilities of using BVS in conducting investigative actions // Issues of judicial activity and law enforcement in modern conditions: Collection of articles based on the results of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the celebration of the 10th anniversary of the reunification of Crimea with the Russian Federation, Simferopol, March 15, 2024. Simferopol: Publishing House Printing House "Arial", 2024. pp. 684-689.
11. Shekhovtsova, L. S. Legal and criminalistic aspects of the use of an unmanned aircraft during the inspection of the scene / L. S. Shekhovtsova, Yu. D. Nalimov // Criminological journal. 2025. No. 2. pp. 192-198.
12. Shrapnel and explosives: what is known about the UAV raid on Sevastopol on the night of March 6 // FSBI "The editorial office of Rossiyskaya Gazeta. 1998-2026. URL:https://rg.ru/2026/03/06/reg-ufo/shrapnel-i-vzryvchatka-chto-izvestno-o-nalete-bpla-na-sevastopol-nochiu-6-marta.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (date of request: 03.03.2026).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 525-531.

УДК 342.9ф

**МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И
УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Челпанова М. М.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Статья посвящена актуальной проблеме повышения эффективности профилактики правонарушений среди несовершеннолетних через совершенствование межведомственного взаимодействия. Особое внимание уделяется характерным особенностям модели в российской практике, включая ее детальную нормативную регламентацию, распределение ролей между субъектами, критическую важность информационного обмена и комплексного подхода. Делается вывод, что только системная, научно обоснованная и нормативно подкрепленная модель взаимодействия способна превратить разрозненные действия в результативный инструмент профилактики, способствующий формированию законопослушного поведения несовершеннолетних и обеспечению общественной безопасности.

Ключевые слова: подразделение по делам несовершеннолетних, профилактика правонарушений среди несовершеннолетних, «модель взаимодействия», образовательные учреждения, информационное взаимодействие, социальная и психологическая помощь.

Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних в Республике Крым представляет собой сложную систему, которая требует необходимости взаимодействия органов внутренних дел, учреждений образования и иных субъектов. В настоящий момент статистические данные и социологические исследования показывают о сохраняющихся проблемах и недостаточной эффективности взаимодействия. Анализ состояния профилактической деятельности на территории Республики Крым свидетельствует о ряде устойчивых трудностей, например, наблюдаются проблемы в раннем выявлении девиантного поведения, низкий уровень инициативности со стороны образовательных учреждений, формальный характер взаимодействия с образовательными учреждениями и иные проблемы сотрудничества ОВД с учреждениями образования, препятствующих снижению уровня правонарушений среди несовершеннолетних.

Учитывая выявленные проблемы в организации профилактической работы с несовершеннолетними в области взаимодействия, становится необходимость разработки модели сотрудничества, направленной на повышение эффективности профилактики правонарушений (Рис.1).

Важно подчеркнуть, что речь идет не просто о сотрудничестве, а именно о модели. Модель подразумевает наличие определенной структуры, логики, целенаправленности и прогнозируемости. Она отражает оптимальные пути и способы достижения поставленных целей, учитывая особенности деятельности каждого из участников.

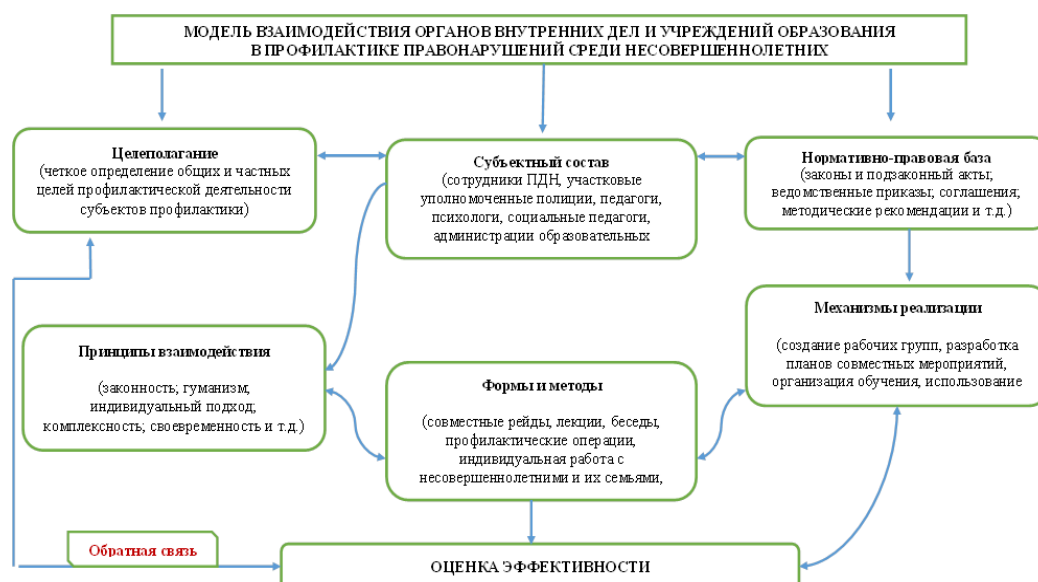

Рис. 1. Модель взаимодействия органов внутренних дел и учреждений образования

Прежде чем углубляться в особенности, необходимо определить саму дефиницию «модель взаимодействия». В контексте нашего исследования, модель взаимодействия органов внутренних дел, а в частности ПДН и учреждений образования Российской Федерации в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних представляет собой систему научно-обоснованных, нормативно закреплённых и практически реализуемых принципов, форм, методов и механизмов сотрудничества субъектов профилактики правонарушений среди несовершеннолетних с целью предупреждения, выявления и пресечения противоправного поведения несовершеннолетних, а также оказания им правовой, социальной и психологической помощи [1, с. 39–41].

При этом, необходимо отметить, что термин «взаимодействие» понимается нами, как сложноорганизованный процесс, характеризующийся взаимосвязью и взаимообусловленностью деятельности субъектов, направленный на решение единых задач. В контексте нашего исследования, приведенное определение приобретает особую значимость, поскольку под единой задачей понимается комплексная профилактика правонарушений среди несовершеннолетних. Это подчеркивает, что речь идет не просто о параллельных действиях, а о целенаправленном, скоординированном и взаимозависимом комплексе мер, где успех каждого участника напрямую связан с эффективностью действий другого.

Как уже было сказано ранее, модель взаимодействия органов внутренних дел и учреждений образования в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних имеет внутреннюю структуру [6, с. 89], основными элементами которой выступают:

1) целеполагание. Четкое определение общих и частных целей профилактической деятельности субъектов профилактики (снижение уровня правонарушений среди несовершеннолетних, повышение правовой грамотности несовершеннолетних, своевременное выявление детей, входящих в «группы риска» и т. д.);

2) четко определенный субъектный состав (сотрудники ПДН, участковые уполномоченные полиции, педагоги, психологи, социальные педагоги, администрации образовательных учреждений и т. д.). В контексте профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, ключевыми субъектами являются сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН), ответственные за выявление и учет детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, проведение индивидуально-профилактической работы с правонарушителями и постановке их на учет, а также привлечение к ответственности в случае совершения несовершеннолетними противоправных деяний, а также участковые уполномоченные полиции, осуществляющие надзор на прикрепленной территории и выявляющие потенциальные факторы риска;

3) нормативно-правовая база. Основой для построения и функционирования любой эффективной модели взаимодействия служит четко выстроенная нормативно-правовая база. Она представляет собой систему взаимосвязанных законов, постановлений, указов, ведомственных приказов и методических рекомендаций, которые детально регламентируют порядок, условия, формы и методы сотрудничества между органами внутренних дел и учреждениями образования;

4) принципы взаимодействия в процессе профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Успешность и эффективность модели взаимодействия органов внутренних дел и учреждений образования напрямую зависят от четкого следования основополагающим принципам, которые определяют общий вектор и этические рамки сотрудничества (например: законность, гуманизм, индивидуальный подход, комплексность, своевременность и т. д.). Следование данным принципам позволяет не только повысить результативность профилактической работы, но и укрепить доверие между подростками, их семьями и представителями правоохранительных органов и образовательной системы;

5) формы и методы. Конкретные виды деятельности, осуществляемые в рамках модели взаимодействия (совместные рейды, лекции, беседы, профилактические операции, индивидуальная работа с несовершеннолетними и их семьями, обмен информацией и т. д.). Важно подчеркнуть, что эффективность данных форм и методов напрямую зависит от их систематичности, скоординированности и соответствия конкретным условиям и потребностям конкретного образовательного учреждения и контингента обучающихся;

6) механизмы реализации. Инструменты, обеспечивающие функционирование модели взаимодействия (создание рабочих групп, разработка планов совместных мероприятий, организация обучения, использование информационных систем и т. д.). Эти механизмы, работая в комплексе, обеспечивают непрерывность, адаптивность и результативность модели взаимодействия, превращая ее из теоретической конструкции в действенный инструмент профилактики. Эти механизмы, работая в комплексе, обеспечивают непрерывность, адаптивность и результативность модели взаимодействия, превращая ее из теоретической конструкции в действенный инструмент профилактики;

7) оценка эффективности. Для того чтобы модель взаимодействия органов внутренних дел и учреждений образования была не только концептуально проработанной, но и действительно результативной, необходима систематическая и объектив-

ная оценка эффективности проводимой профилактической работы. Это позволяет не только измерить достигнутый прогресс, но и выявить наиболее действенные формы и методы, а также определить направления для дальнейшего совершенствования модели. Оценка эффективности основывается на комплексе определенных критериев и показателей, которые могут включать: динамика уровня правонарушений среди несовершеннолетних; статистика повторных правонарушений среди несовершеннолетних; показатели безнадзорности и беспризорности среди несовершеннолетних; уровень правовой грамотности несовершеннолетних; результативность просветительской работы; качество межведомственного взаимодействия; показатели вовлеченности семьи в профилактику правонарушений со стороны несовершеннолетнего и т. д.

Важно подчеркнуть, что оценка должна проводиться не только на основе статистических данных, но и с учетом качественных показателей, таких как изменение поведения и установок самих несовершеннолетних правонарушителей, их социальная адаптация и уровень доверия к представителям правоохранительных органов и образовательной системы.

Стоит отметить, что именно наличие и грамотная реализация всех этих элементов в совокупности позволяют говорить о существовании полноценной модели взаимодействия, способной эффективно решать задачи профилактики правонарушений среди несовершеннолетних.

Продолжая анализ, необходимо сказать о том, что модель взаимодействия ОВД и учреждений образования в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних в Российской Федерации имеет ряд характерных особенностей, обусловленных как спецификой деятельности самих субъектов, так и общими тенденциями развития системы профилактики в стране.

Во-первых, взаимодействие между ОВД и учреждениями образования регламентируется целым комплексом нормативных актов [9, с. 16–20].

Немаловажными выступают другие законодательные акты, формирующие «правовой каркас», в рамках которого осуществляется профилактическая деятельность. Так, Семейный кодекс РФ определяет правовые основы регулирования семейных отношений, обязанности родителей по воспитанию и содержанию детей, а также меры, применяемые к родителям, не исполняющим свои обязанности [10]. Трудовой кодекс РФ имеет значение в контексте трудоустройства несовершеннолетних, предотвращения их эксплуатации и обеспечения безопасных условий труда [11].

Законодательство об образовании устанавливает права и обязанности образовательных учреждений в части создания безопасной и благоприятной среды, а также их роль в раннем выявлении и оказании помощи детям, испытывающим трудности. Кроме того, ведомственные приказы и инструкции, издаваемые МВД России, Министерством просвещения РФ и другими профильными министерствами, детализируют порядок межведомственного взаимодействия, устанавливают конкретные процедуры, формы и сроки осуществления профилактических мероприятий, а также регулируют обмен информацией между субъектами.

Эта многоуровневая система правового регулирования создает необходимую основу для скоординированных и легитимных действий всех участников профилактического процесса.

Во-вторых, основной задачей сотрудников ПДН является выявление и учет несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, проведение профилактических мероприятий, привлечение к ответственности виновных лиц, а также защита прав и интересов несовершеннолетних [8]. В свою очередь, образовательные учреждения выступают в роли «первого эшелона» системы профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. Их роль заключается в раннем выявлении признаков неблагополучия у детей, создании благоприятной образовательной среды, формировании у учащихся правосознания и законопослушного поведения. Наряду с этим, учреждения образования играют ключевую роль в оказании первичной помощи детям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, осуществляя социальное и психолого-педагогическое сопровождение, а в случае необходимости – своевременное информирование и передачу информации соответствующим органам, включая органы внутренних дел, для принятия дальнейших необходимых мер [10].

В-третьих, эффективность модели во многом зависит от комплексности принимаемых мер и информационного взаимодействия между субъектами профилактики. Комплексный подход предполагает одновременное воздействие на различные факторы, способствующие правонарушениям среди несовершеннолетних: социальные (семья, окружение), психологические (индивидуальные особенности личности), педагогические (отношения в школе, успеваемость) и другие.

При этом, информационное взаимодействие является критически важным элементом, обеспечивающим системность и оперативность профилактической работы. Органы образования, благодаря постоянному контакту с детьми, могут своевременно информировать подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН) о случаях прогулов, низкой успеваемости, школьных конфликтах, агрессивном поведении учащихся, а также о любых других признаках, свидетельствующих о возможном неблагополучии или риске вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность. Эта информация позволяет сотрудникам ПДН раньше выявлять детей «группы риска» и семьи, находящиеся в социально опасном положении, и применять к ним соответствующие профилактические меры.

В свою очередь, сотрудники ПДН, обладая информацией о несовершеннолетних, состоящих на учете, их родителях, а также о выявленных склонностях к определенным видам правонарушений, могут предоставлять образовательным учреждениям соответствующую информацию [4, с. 102–105]. Это позволяет педагогам и школьным психологам эффективнее выстраивать индивидуальную работу с такими учащимися и их семьями, прогнозировать возможные риски и заблаговременно принимать меры по их «нейтрализации».

В-четвертых, модель взаимодействия предполагает использование широкого спектра форм и методов:

- совместные профилактические рейды и операции, направленные на выявление несовершеннолетних, находящихся в общественных местах в ночное время без сопровождения взрослых, употребляющих алкоголь или наркотики, а также посещение неблагополучных семей [5];

- лекции, беседы, правовые уроки, проводимые сотрудниками ОВД в образовательных учреждениях по различным темам, связанным с правовой культурой, от-

ветственностью за правонарушения, профилактикой употребления наркотиков и алкоголя и пр. [3, с. 89–90];

– проведение сотрудниками ПДН индивидуальных бесед с несовершеннолетними, состоящими на учете, их родителями (законными представителями), а также с педагогами и психологами [2, с. 28–31];

– организация межведомственных совещаний и создание координационных органов для обсуждения актуальных проблем, выработки совместных решений и планирования профилактической деятельности [7, с. 182–188].

Таким образом, понятие модели взаимодействия органов внутренних дел и учреждений образования в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних охватывает сложную, многоуровневую систему, основанную на четком нормативном регулировании, определенном субъектном составе, руководствующуюся основополагающими принципами и воплощенную в конкретные формы и методы деятельности. Ее наличие и эффективное функционирование через отлаженные механизмы реализации и систему оценки являются залогом успешного противодействия девиантному поведению подрастающего поколения, что, в свою очередь, способствует обеспечению общественной безопасности и защите прав детей. Только при условии скоординированных, системных и научно обоснованных действий, основанных на четкой и эффективно функционирующей модели, органы внутренних дел и учреждения образования смогут добиться значимых результатов в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, способствуя формированию законопослушного и ответственного подрастающего поколения.

Список литературы:

1. Казанцева Е.В. К вопросу о взаимодействии органов внутренних дел с образовательными организациями в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 1. С. 39–41.
2. Кумышева М.К. Деятельность подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 2-2. С. 28–31.
3. Маздогова З.З. Деятельность инспектора по делам несовершеннолетних по взаимодействию с образовательными учреждениями // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 89–90.
4. Марианов А.А., Абдуллаев Г.М. Роль участкового инспектора в профилактике правонарушений несовершеннолетних // Известия ДГПУ. Юридические науки. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 3(28). С. 102–105.
5. Межведомственный профилактический рейд в рамках проведения операции «Ночь» [Электронный ресурс] // Официальный сайт администрации Солнечного муниципального района Хабаровского края. URL: <https://solnechniyadm.khabkrai.ru/events/Novosti/7506>.
6. Муратов А.В. Взаимодействие школы и органов внутренних дел в процессе социальной защиты старшеклассников: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Ярославль, 2003. 181 с.
7. Никитская Е.А., Никитина Е.О. К вопросу о необходимости совершенствования работы субъектов профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних // Наука и школа. 2018. № 5. С. 182–188.
8. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
9. Писаревская Е.А. Правовая регламентация деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел: проблемы и перспективы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3(32). С. 16–20.
10. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
11. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

12. Челпанова М.М. Основные направления совершенствования деятельности подразделений по делам несовершеннолетних // В сборнике: Общество, образование, наука в современных парадигмах развития. Материалы V Национальной научно-практической конференции. Керчь, 2024. С. 470–474.

Chelpanova M.M. A model of interaction between law enforcement agencies and educational institutions in the prevention of juvenile delinquency // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 525-531.

This article addresses the pressing issue of increasing the effectiveness of juvenile delinquency prevention through improved interagency cooperation. Particular attention is paid to the distinctive features of this model in Russian practice, including its detailed regulatory framework, the distribution of roles among actors, and the critical importance of information exchange and a comprehensive approach. It is concluded that only a systemic, scientifically based, and normatively supported model of interaction can transform disparate actions into an effective preventative tool, promoting law-abiding behavior in minors and ensuring public safety.

Key words: juvenile affairs unit, juvenile delinquency prevention, “interaction model”, educational institutions, information interaction, social and psychological assistance.

Spisok literatury:

1. Kazanceva E.V. K voprosu o vzaimodejstvii organov vnutrennih del o obrazovatel'nymi organizatsiyami v sfere profilaktiki pravonarushenij nesovershennoletnih // Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti. 2020. № 1. S. 39–41.
2. Kumysheva M.K. Deyatel'nost' podrazdelenij po delam nesovershennoletnih organov vnutrennih del po preduprezhdeniyu beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2015. № 2-2. S. 28–31
3. Mazdogova Z.Z. Deyatel'nost' inspektora po delam nesovershennoletnih po vzaimodejstviyu s obrazovatel'nymi uchrezhdeniyami // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. № 8. S. 89–90.
4. Marianov A.A., Abdullaev G.M. Rol' uchastkovogo inspektora v profilaktike pravonarushenij nesovershennoletnih // Izvestiya DGPU. Yuridicheskie nauki. Seriya: Obshchestvennye i humanitarnye nauki. 2014. № 3(28). S. 102–105.
5. Mezhdomejstvennyj profilakticheskiy rejdn v ramkah provedeniya operatsii «Noch'» [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sayt administratsii Solnechnogo municipal'nogo rajona Habarovskogo kraja. URL: <https://solnechniyadm.khabkrai.ru/events/Novosti/7506>.
6. Muratov A.V. Vzaimodejstvie shkoly i organov vnutrennih del v processe social'noj zashchity starsheklassnikov: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02. Yarovsk, 2003. 181 s.
7. Nikitskaya E.A., Nikitina E.O. K voprosu o neobходимosti sovershenstvovaniya raboty sub'ektov profilaktiki delinkventnogo povedeniya nesovershennoletnih // Nauka i shkola. 2018. № 5. S. 182–188.
8. Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih [Elektronnyj resurs]: feder. zakon ot 24 iyunya 1999 g. № 120-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant-Plyus».
9. Pisarevskaya E.A. Pravovaya reglamentatsiya deyatel'nosti podrazdelenij po delam nesovershennoletnih organov vnutrennih del: problemy i perspektivy // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 3(32). S. 16–20.
10. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federatsii [Elektronnyj resurs]: feder. zakon ot 29 dek. 1995 g. № 223-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant-Plyus».
11. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federatsii [Elektronnyj resurs]: feder. zakon ot 30 dek. 2001 g. № 197-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant-Plyus».
12. Челпанова М.М. Основные направления совершенствования деятельности подразделений по делам несовершеннолетних // В сборнике: Обществo, образование, наука в современных парадигмах развития. Материалы V Национальной научно-практической конференции. Керчь, 2024. С. 470–474.

СРОЧНО В НОМЕР

УДК: 347.2/3

**ПРАВОВАЯ СУДЬБА ВЕЩЕЙ ИЗЪЯТЫХ ИЗ ОБОРОТА ПО ИТОГАМ
РЕФОРМЫ ВЕЩНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОМ ПРАВОПОРЯДКЕ**

Бальский А. В.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Проведенная в 2013 г. реформа вещного права исключила из Гражданского кодекса РФ категорию вещей, изъятых из оборота. Материалы проекта реформы к Федеральному закону от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ не содержат мотивы и причины такого законодательного решения, что образует серьезный регулятивный пробел в динамике гражданского оборота. В зарубежных правовых категориях вещей, изъятых из оборота, регулируется особым правовым режимом публичных вещей, имеющих существенное правовое отличие от объектов, которые способны к оборотной динамике. Правовому режиму публичных вещей присуща особая правовая природа, иные принципы правового регулирования, особое значение их объекта. При этом, отечественная судебная практика продолжает ошибочно внедрять публичные вещи в гражданский оборот. Как следствие в динамику частных правоотношений способны попасть объекты, которые не предназначены для индивидуального обладания ими. Настоящая работа рассматривает телеологию проведенной реформы, проводится ретроспективный и компаративный анализ категории публичных вещей и перспективы ее развития в российском правовом порядке.

Ключевые слова: публичные вещи, объекты, изъятые из оборота, оборотоспособность, гражданский оборот, реформа вещного права, вещи.

Реформа вещного права, проведенная в 2013 г. Федеральным законом от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ, которая является лишь частью потенциальных цивилистических потрясений, запланированных концепцией развития гражданского законодательства, имеет научно-практические отголоски и в настоящее время.

Поэтапность законотворческой деятельности в области вещного права вполне объяснима с политико-правовой точки зрения, ведь реформируемая область имеет слишком высокую социальную чувствительность.

Все, что связано с правами на вещи, имеет неизбежно острую реакцию со стороны общества, что естественно для человеческой антропологии. Генезис взаимосвязи вещей, личности и общества демонстрирует неотъемлемое влияние первых на культуру, экономико-правовую и духовную сферу последних.

Именно права на вещи, являясь лишь продуктом воображения цивилизованного общества, предоставляют последнему чувство присвоенности, которое так необходимо для психологического сознания индивидов. Такие права являются результатом борьбы личности против общества за собственную индивидуальность и предоставляют независимость, свободу и децентрализацию.

Очерк выше лишь демонстрирует выводы, что вещи, а точнее права на них, и личность являются необходимыми цивилизационными элементами, взаимообусловленно воздействующими друг на друга. Рост человеческого благосостояния связан с увеличением динамики оборота прав. Чем цивилизованнее и многообразнее оборот, тем неизбежнее общество будет наблюдать собственный прогресс.

При этом, сама личностно-вещная антропология не является целью настоящей работы, ее раскрытие можно найти в трудах профессора М. Мосса, профессора К.И. Скловского, но является необходимой опорой для ряда тезисов [6; 10].

Тем не менее, саму возможность индивидуального обладания той или иной вещью, вне зависимости от психоэмоционального отношения к ней личности, определяет общество (община), в развитой цивилизации государство. В очерке профессора Марселя Мосса «О даре» проводится антропологический разбор отношений древних племен к разного рода вещам. Священные вещи, обладающие магическими свойствами, а также предметы, добытые совместными усилиями общины, в индивидуальную собственность не допускались [6, с. 118-119].

Понимание особой природы отдельных вещей было и в римском праве. Вещи, имеющие особую социальную, стратегическую или духовную ценность попадали под действие правового режима *res extra commercium* (вещи, изъятые из оборота). Внимание на неодинаковую способность вещей быть предметом частного права и гражданского оборота обращалось Н.Л. Дювернуа, которым в чтении по гражданскому праву для подтверждения вынесенного тезиса, был проанализирован законодательный массив дореволюционной России [4, с. 6]. Категория *res extra commercium* до реформы вещного права 2013 г. именовалась в отечественном гражданском кодексе категорией вещей, изъятых из оборота. Но судьба этой категории самостоятельного развития в отечественном законодательстве так и не получила.

Наделение вещей особыми свойствами: религиозными, экономическими, политическими, культурными также происходит по воле человеческого воображения. Сами по себе вещи никакой ценности (равно как и цены) не имеют. Ценность является продуктом человеческой активности и только им и способна быть определена. Следовало быть изъятия, адресованные к особым вещам, есть правовая традиция, признававшаяся на всех этапах формирования и развития общества.

Природная «пустота» вещей и наполнение их лишь мыслительным творчеством человека превращают их в конструкцию, которая имеет все признаки юридической фикции. Сама по себе юридическая фикция не является вредным явлением, поскольку ее сущность состоит в упрощении и повышении эффективности правового регулирования. Несомненно, что наполнение вещей ценностью, а затем объектоспособностью, следует именно таким целям.

Главное требование для существования юридической фикции — ее признание обществом и государством. Ведь воображение, благодаря которому ценность известного объекта представляется лишь одним лицом, не имеет никакого противопоставления обществу, а соответственно не несет юридической пользы ни для индивида, ни для публики. Все это дает логическое объяснение существованию разного рода вещей по их юридическому наполнению, ведь не все вещи способны в одинаковой мере быть доступны для частного обладания. Общество, государство посредством изъятия отдельных объектов из оборота, намеревается устранить индивидуальный эгоизм личности в отношении ряда признанных ими объектов ради достижения общего блага, то есть для целей *pro bono publico*. И уже в конфронтации частного интереса (*bono privatum*) против публичного (*bono publico*) первый испытывает абсолютное бессилие.

Объекты, изъятые из оборота справедливо названы профессором Иркутского университета Н.П. Карадже-Искровым «публичными вещами» [5, с. 2]. Этот термин текстуально вполне удачно описывает дуалистическую характеристику таких вещей, ведь в первую очередь они публичные, поскольку служат удовлетворению

публичных интересов и регулируются мажоритарно нормами *jus publicum*, но также они являются вещами в том смысле, как это понимается в виде юридической категории. Проблема публичных вещей, раскрываемая профессором Н.П. Карадже-Искровым, носит полезный теоретический, но не прикладной для современного гражданского и публичного оборота характер. Из современной теоретической базы можно выделить работу А.В. Винницкого «Публичная собственность», но публичные вещи в этом исследовании рассматриваются через призму публичной собственности как административной категории, что упускает из виду ряд потенциальных и реальных цивилистических проблем [2].

В современном отечественном законодательстве традиция, которая по своему развитию в ведущих правовых порядках получила законодательное признание, не имеет четко прослеживаемой телеологии. Если во Франции со времен зарождения лозунга «*Liberté, Égalité, Fraternité*» категория публичных вещей получила свое постепенное развитие, выражающееся в настоящий момент наличием специального законодательного регулирования, а Германией на законодательном уровне и уровне судебной практики признана доктрина *Theorie vom modifizierten Privateigentum*, то российское законодательство ставит объекты, изъятые из оборота в условное подвешенное пространство. С одной стороны, объекты, изъятые из оборота, не могут быть предметом регулирования гражданского права, поскольку его мажоритарная регуляторная цель — стабилизация и обеспечение правовыми инструментами гражданского оборота. Иными словами, правовой режим публичных вещей попросту не имеет регулятивного интереса для частного права.

Гражданский оборот представляет собой собирательное понятие, которое можно рассматривать как подразумеваемое идеальное благо, регулируемое гражданским правом, так и совокупность частных прав в их динамике, в том числе прав на вещи. Понятие гражданского оборота как динамики вещных и обязательственных прав поддерживается профессором К.И. Скловским [10, с. 410].

В этом случае для динамики необходим объект — то благо, которое способно к движению. На данном этапе нас не интересует свобода такого движения, поскольку она может быть, как ограниченной, так и неограниченной. При этом объектом, который способен к динамике, понимается не само пространственное тело, отражаемое в материальном мире, а права на таковые.

Следовательно, объект, который не способен к движению является антагонизмом для гражданского оборота. Эта «движимость» в рассматриваемом случае является идеальной и подразумевается не в форме физического перемещения объекта из владения одного лица в обладание его преемника, а перемещения прав на такой объект.

При этом неограниченность в свободе перемещения прав весьма условное, поскольку основой перемещения прав служит не физическая возможность их передачи, ведь идеальный объект физическому ощущению не подвластен, а признание правовой системой возможности их динамики. Но такое признание есть ни что иное как определение правовой регламентации, что подразумевает собой все же установление некоторых границ, пределов, оснований для их оборота.

Это означает, что в отличие от объектов как реальной материи (вещи в бытовом понимании), которые могут свободно перемещаться в окружающем пространстве из владения одного лица во владение другого, для оборота прав в любом случае необходимо определенное признанное пространство с имеющимися правовыми грани-

цами и началами как субъективного, так и объективного характера. Иными словами, в рамках гражданского оборота происходит не динамика объектов, а прав на них.

Отметить следует, что лицо не способно приобрести право на известное благо не только в силу неспособности вещи быть объектом прав, но и в силу собственной ограниченной дееспособности. Показательным примером может служить иллюстрация про. И.А. Покровского о владении безумца [9, с. 186]. Вручив в фактическое обладание лишенному дееспособности лицу вещь, мы способны говорить о перемещении (движении) вещи в пространстве, но не имеем оснований признавать такое движение динамикой гражданского оборота, ведь безумец не способен приобрести права. Следовательно, динамика в гражданском обороте будет тогда, когда условная вещь, во-первых, признана объектом гражданского оборота, а во-вторых, лицо имеет признанную законом возможность приобрести на такую вещь эффективные для целей оборота права.

Для стабильного гражданского оборота должен быть незатруднителен ответ на вопрос не только о дееспособности лица, но и объектоспособности вещи. В обратном случае, законодательный пробел не должен трактоваться как квалифицированное молчание законодателя, поскольку если такое молчание не приводит к разрешению правовых проблем, его невозможно рассматривать как способ толкования.

Зачастую регуляторная стабильность обеспечивается введением различного рода юридических фикций. Для динамики гражданского оборота, которая затрагивает субъектную сторону, закон исходит из презумпции полной дееспособности любого гражданина, если он не ограничен в ней в установленном законом порядке.

Относительно презумпции вещи для целей оборота законодательство, судебная практика и цивилистика приняла молчание. Такой пробел вызван, как представляется, ненужностью презумпции вещи долгое время, поскольку до 2013 г. каких-либо прямых изъятий гражданский кодекс не предусматривал — объектами (в том числе вещами) признавались свободно оборотоспособные объекты, ограниченные в обороте и изъяты из него.

С принятием реформы отечественная правовая система приняла вызов, вводящий дихотомию, поскольку не все вещи являются объектами гражданских прав. Если отсутствует система норм, которая разграничивает частноправовые вещи и публичные, то создается большая вероятность внедрения последних в гражданский оборот.

Само по себе понятие вещи находится исключительно в области права, ведь ее классическое определение как объекта, имеющего осязаемые пространственные границы, не имеет для права никакой пользы, поскольку относится лишь к хозяйственно-бытовой дефиниции. Проф. К.И. Скловским выражен интересный иллюстративный тезис, раскрывающий заложенную нами мысль, что «вещь» понятие исключительно правовое. Физика использует понятие «тело», экономика понятие «товар», а право понятие «вещь» [11, с. 7].

При этом, категория «вещь» является прежде всего частноправовой конструкцией и представляет собой не лишь объект, имеющий пространственную осязаемость, но и права на который способны к цивилистическому обороту. Для системы же права публичного характерен термин имущество, который раскрывается тем более широко, чем требуют того интересы общества и публичный правопорядок.

Вещи, изъятые из оборота, являются правовой категорией, сущность которой через текстуальное толкование выводить ошибочно. Из оборота изымаются не сами вещи, а права на них. В естественном обороте, который представляется как передача обладания, ряд таких объектов вполне способны к динамике, но такое обладание не влечет за собой возникновение у их держателя частных прав, а зачастую и вовсе уголовно наказуемо. Именно поэтому уяснение смысла предложенной конструкции наиболее полным образом раскрывается через телеологию.

Следовательно, не всякая вещь, являющаяся объектом, имеющим свое реальное отображение в пространстве, имеет регуляторный предметный интерес для частного права. Однако, как указывалось ранее, система исключений из вещей в отечественном правопорядке не развита, более того остается подвешенным сам вопрос о правовой судьбе объектов, исчезнувших из реформируемой статьи Гражданского кодекса, в связи с чем образована неопределенность их природы — применима ли к ним общая теория вещей, каковы способы защиты нарушенных прав на такие объекты и пр. и пр. Такая подвешенность заключается в полном законодательном отстранении от вопроса о сущности изымаемых из гражданского оборота вещей, их правовом режиме, природе и юридической судьбе после принятой реформы.

Телеологический способ познания, являющийся одним из наиболее эффективных инструментов толкования, для достижения целей уяснения природы объекта толкования, должен быть построен на таких материалах, которые доносят до толкователя законотворческие мысли, которыми руководствовался законодатель в процессе создания норм. Например, при подготовке текста проекта Германского Гражданского Уложения вся телеология законодателя запечатлена в 734 протоколах, отражающих ход мыслей и логику правотворческих решений [7, с. 62]. Законотворческий процесс в РФ также характеризуется фиксацией мнений, целей и мыслей законодателя, предшествующих принятию итогового регуляторного акта. Средствами фиксации выступают правовые заключения, пояснительные записки и особые мнения.

Поиск такой информации облегчен благодаря электронной системе обеспечения законодательной деятельности. Возможный ответ на вопрос о телеологии интересующего нас вопроса потенциально может скрываться в сопутствующих материалах к законопроекту № 47538-6/13 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [1].

Однако, изучение материалов не удовлетворит интерес к телеологии. К сожалению, пояснительная записка к названной реформе не содержит каких-либо тезисов относительно дальнейшей судьбы вещей, изъятых из оборота, их правового режима, а также причины вносимых в кодекс исключений. Такое молчание законодателя невозможно рассматривать как квалифицированное, поскольку природа категории объектов, ранее упоминавшихся в гражданском кодексе, в настоящее время находится в правовой невесомости, что приводит к трудноразрешимым не только цивилистическим, но и публично-правовым казусам.

В частности, неизвестность касается и вопроса о возможности субсидиарного применения общих положений о вещах, выработанных цивилистической правовой системой, например, плодах, составных и сложных вещах и пр.

Поскольку телеологическая редукция не приводит к желаемым результатам толкования, следует воспользоваться ретроспективным и компаративным анализом категории вещей, изъятых из оборота для демонстрации истоков проблемы.

Как указывалось ранее, вещи изъятые из оборота были известны римскому праву под наименованием *res extra commercium*. Ссылка на источники римского права является не только способом уяснить природу анализируемого правового явления, но и, соглашаясь с профессором Н.П. Карадже-Искровым, данью уважения римским юристам [5, с. 3]. Проф. Д.Д. Гримм указывал на деление *res extra commercium* в римском праве на три вида: *Res divini juris*, к которым относились *res sacrae*, *res religiosae* и *res sanctae*. Эта группа вещей изъятых из оборота характеризуется тем, что их объединяет некоторое духовное, божественное, религиозное, идеальное благо. *Res naturali jure omnium communes*, что в дословном переводе означает вещи, составляющие общую собственность всех по натуральному праву — вода, воздух, морской берег. А также *Res publicae publico usui destinatae*, представляющие собой группу вещей, которые принадлежат государству или общине и используются в публичных интересах [3, с. 40].

Среди отечественной литературы в ретроспективе необходимо обратить внимание на Курс гражданского права профессора К.П. Победоносцева, который указывал: «Великое множество вещей по русским законам изъято из частного произвола, не подлежит вовсе частному праву, не может быть предметом частного имущества» [8, с. 98]. Не разделяя изъятые из частного произвола вещи на обособленные однородные группы, как-то обращалось римскими юристами, К.П. Победоносцев указывает на: межи и межики, дороги, воды и водяные пути сообщений, крепости, порты и гавани, церковные строения и кладбища [8, с. 98].

Однако их группировка по однородным признакам, выделенными римским правом бесспорно возможна. *Res divini juris* в этом случае составляют церковные строения и кладбища, *Res naturali jure omnium communes* — дороги, воды и водяные пути, а *Res publicae publico usui destinatae* крепости, порты и гавани.

Но не теоретическое отнесение известного объекта к той или иной группе *res extra commercium* и не признаки, их определяющие возводят объект в стан изъятых из оборота, а особое правовое регулирование и публичный акт, не допускающий права на него к частному произволу.

Например, изъятие вод и водных путей в законодательстве Российской империи было основано на ст. 267 Устава сельского хозяйства, а не оборотоспособность прав на межи и межики предвещали ст. 405 и 406 Законов межевых.

Безусловно и в настоящее время в отечественном правовом порядке существуют такие объекты как леса, воды, объекты культурного наследия и фортификационные сооружения, площади и театры, однако их правовой режим, в отсутствие сложного механизма правового регулирования в виде единообразной судебной практики, законодательной системы или понимания их существа в виде современной доктрины, остается в состоянии правовой подвешенности.

Сбор информации о существе правового регулирования названных объектов осуществляется по крупицам среди всей законодательной базы, принуждая вычленять принципы и признаки известной вещи, изъятой из оборота и ставя вопрос о возможности рецепции этих принципов к иным вещам такого рода.

Ретроспективный метод выявления перечня вещей, изъятых из оборота не может привести к удовлетворению современных интересов, поскольку эта категория вещей весьма подвластна динамике социального развития и вещь, как правовая категория,

имеет возможность трансформировать свою правовую сущность из публично-правовой в частноправовую и наоборот. Так, если, *Res naturali jure omnium communes* и *Res publicae publico usui destinatae* могут найти свое признание среди объектов, изъятых из оборота в частном праве, то категория *Res divini juris* не имеет более актуальности среди рассматриваемой категории.

Связано это с изменением роли церкви в частности и религии в целом, как социальных институтов, имеющих влияние на государственность. Поскольку церковь (как институт) в настоящее время отделена от государства, то и церковные здания, и предметы богослужения могут иметь свое отражение в частном обороте, но не свободном, а ограниченном — среди специальных религиозных организаций.

Исключение составляют *res religiosae* и *res sanctae*, признанные объектами культурного наследия Федерального значения в установленном законом порядке, права на которые являются исключительной принадлежностью государства. Например, Исаакиевский собор и Спас на Крови в Санкт-Петербурге или Собор Василия Блаженного в Москве. Данные объекты хоть и передаются в конфессиональное управление, но право федеральной государственной собственности на них сохраняется и неприкосновенно.

Это подтверждает безусловную динамичность правового режима публичных вещей в отношении различного рода объектов. На признание вещи изъятой из оборота влияют экономические, политические и культурные особенности, действующие в актуальный период. Между тем, публичные вещи характерны не только лишь социальными свойствами. Такие свойства выступают не следствием, а причиной их изъятия из оборота. Обобщение всех видов публичных вещей в единое целое с целью сравнения и кристаллизации свойств, которые их объединяют, приводит к тому, что изъятие вещей происходит в силу социальной опасности допуска их в оборот, их существенного значения для укрепления суверенитета и обороноспособности государства, экстремального дефицита при наличии общественно полезных свойств, культурного и коммуникативного назначения.

Однако, порой даже наличие всех названных свойств в одной вещи для позитивного права не является достаточным основанием для ее изъятия. Эффективность изъятия из оборота вещи достигается посредством публичного правового предписания, признающего права на вещи способными лишь к публичному обороту.

Отсутствие единой выработанной концепции публичных вещей и телеологический пробел в цивилистической реформе 2013 г. порождает в практике правовую неопределенность в поставленном вопросе и образует риск попадания нежелательных для гражданского оборота объектов в динамику частно-правовых правоотношений. Первичное решение проблемы видится в принятии системообразующего для настоящего вопроса Постановления Конституционного Суда, в котором будут закреплены основы правового режима публичных вещей, их особенностей, отличительных и общих черты с вещами в частно-правовом смысле.

Список литературы:

1. Проект Федерального закона N 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 9. - Ст. 864.
2. Винницкий, А. В. Публичная собственность: Монография / А. В. Винницкий М.: Статут, 2013. 732 с.
3. Гримм, Д. Д. Лекции по догме римского права (воспроизводится по пятому изданию С.-Петербург, 1916 г.). / Д.Д. Гримм. - Москва: Зерцало, 2003. - 361 с.

4. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 2: Учение о вещах. Учение о юридической сделке / под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова: Зерцало, 2004 г. - 162 с.
5. Караджэ-Искров, Н. П. Публичные вещи. Вып. 1 / Н. П. Караджэ-Искров. - Иркутск : Изд-во Иркутской секции научных работников, 1927. - 79 с.
6. Мосс М., Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс; Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, комментарии А. Б. Гофмана. - М.: КДУ, 2011. - 416 с.
7. Основы цивилистики : учебное пособие / Р. Х. Абдрашитов, В. В. Алейникова, Э. А. Евстигнеев [и др.] ; под ред. А. В. Егорова и Э. А. Евстигнеева. - Москва : Ассоциация выпускников РШЧП, 2020. - 259 с.
8. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М.:Статут, 2002. 800 с.
9. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. - М.: Статут, 2020. — 455 с.
10. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский. - М.: Статут, 2010. - 893 с.
11. Скловский К. И. Сделка и её действие (2-е изд.). Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок) / К. И. Скловский. — М.: Статут, 2015. — 176 с.

Balsky A.V. The legal status of items removed from circulation after the property law reform in the Russian legal system // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 532-539.

The reform of property law carried out in 2013 eliminated from the Civil Code of the Russian Federation the category of things withdrawn from circulation. The materials of the draft reform to Federal Law № 142 - of July 2, 2013 do not contain the motives or reasons for such a legislative decision, which creates a serious regulatory gap in the dynamics of civil circulation. In foreign legal systems, the category of things withdrawn from circulation is governed by a special legal regime of public things, which have significant legal distinctions from objects capable of participating in market turnover. The legal regime of public things is characterized by a special legal nature, different principles of legal regulation, and the particular significance of their object. At the same time, domestic judicial practice continues to erroneously introduce public things into civil circulation. As a result, objects that are not intended for individual possession may enter the dynamics of private legal relations. This paper examines the teleology of the reform, provides a retrospective and comparative analysis of the category of public things, and explores the prospects for its development within the Russian legal order.

Keywords: public things, objects withdrawn from circulation, transferability, civil circulation, property law reform, things.

Spisok literatury:

2. Proekt Federal'nogo zakona N 47538-6 «O vnesenii izmenenii v chasti pervuyu, vtoruyu, tret'yu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, a takzhe v otдел'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. - 2014. - № 9. - St. 864.
3. Vinnitskii, A. V. Publchnaya sobstvennost': Monografiya / A. V. Vinnitskii - M.: Statut, 2013. - 732 s.
4. Grimm, D. D. Lektsii po dogme rimskogo prava (vosproizvoditsya po pyatomu izdaniyu S.-Peterburg, 1916 g.). / D. D. Grimm. - Moskva: Zertsalo, 2003. - 361 s.
5. Dyuvernu N. L. Chteniya po grazhdanskomu pravu. T. 2: Uchenie o veshchakh. Uchenie o yuridicheskoi sdelke / pod redaktsiei i s predisloviem V. A. Tomsinova: Zertsalo, 2004 g. - 162 s.
6. Karadzhe-Iskov, N. P. Publchnye veshchi. Vyp. 1 / N. P. Karadzhe-Iskov. - Irkutsk: Izd-vo Irkutskoi sekti nauchnykh rabotnikov, 1927. - 79 s.
7. Moss M., Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii / M. Moss; Sost., per. s fr., predislovie, vstupit. stat'ya, kommentarii A. B. Gofmana. - M.: KDU, 2011. - 416 s.
8. Osnovy tsivilistiki: uchebnoe posobie / R. Kh. Abdrashitov, V. V. Aleinikova, E. A. Evstigneev [i dr.]; pod red. A. V. Egorova i E. A. Evstigneeva. - Moskva: Assotsiatsiya vypusknikov RShChP, 2020. - 259 s.
9. Pobedonostsev, K. P. Kurs grazhdanskogo prava. Pervaya chast': Votchinnye prava. M.: Statut, 2002. 800 s.
10. Pokrovskii, I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava / I. A. Pokrovskii. - M.: Statut, 2020. — 455 s.
11. Sklovskii, K. I. Sobstvennost' v grazhdanskom prave / K. I. Sklovskii. - M.: Statut, 2010. - 893 s.
12. Sklovskii K. I. Sdelka i ee deistvie (2-e izd.). Kommentarii glavy 9 GK RF (Ponyatie, vidy i forma sdelok. Nedeistvitel'nost' sdelok) / K. I. Sklovskii. — M.: Statut, 2015. — 176 s.

УДК 342

**ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К КОНТРОЛЮ ГЕННО-ИНЖЕНЕРНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АГРАРНОЙ СФЕРЕ: УПРАВЛЕНИЕ ПОТЕНЦИАЛОМ
ГЕНЕТИЧЕСКОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ И НОРМАТИВНАЯ
АДАПТИВНОСТЬ**

Берг Л. Н.

д. ю. н., профессор кафедры ТГП им. С.С. Алексеева УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева

Автор статьи исследует правовые подходы к регулированию генно-инженерной деятельности в сфере аграрного хозяйства России, выявляет и систематизирует механизмы правового контроля генетических модификаций в растениеводстве, животноводстве и сельскохозяйственной микробиологии. Методология предполагает исследование правового воздействия на различные объекты генно-инженерной деятельности с учетом их биологической специфики. Формулируется вывод о необходимости применения адаптивного правового режима, сочетающего взаимосвязанные подходы: процедурный, риск-ориентированный и материально-ограничительный. Каждый применяется дифференцированно в зависимости от сферы аграрного производства и уровня потенциального риска. Положения применимы при разработке механизмов правового управления вероятностными процессами в сфере генно-инженерной деятельности.

Ключевые слова: генно-инженерная деятельность, правовое воздействие, правовое регулирование, адаптивный правовой режим, биоправо, аграрный сектор, генетические модификации.

Введение. Развитие генно-инженерных технологий в аграрной сфере формирует качественно новую ситуацию, в которой объектом правового воздействия становятся не только конкретные хозяйственные процессы, но и вмешательство в генетические механизмы воспроизводства живых организмов. В растениеводстве, животноводстве и сельскохозяйственной микробиологии генетическая модификация используется как инструмент повышения продуктивности, устойчивости к неблагоприятным факторам и оптимизации агроэкологических систем. Однако вместе с технологическим потенциалом возрастает и масштаб правовых рисков, связанных с возможностью распространения модифицированного генетического материала за пределы первоначально контролируемой среды.

В отличие от традиционных объектов правового воздействия, характеризующимися естественными биологическими процессами воспроизводства и передачи генетической информации, генно-инженерная деятельность связана с созданием искусственно сконструированных генетических изменений, способных к дальнейшему самостоятельному распространению. Тем самым объект правового воздействия приобретает двойственную природу, когда с одной стороны, он остается биологическим организмом, подчиняющимся естественным законам воспроизводства, с другой стороны организм содержит результат целенаправленного технологического вмешательства, который может репродуцироваться независимо от намерений субъекта, осуществляющего генно-инженерную деятельность.

В этих условиях право регулирует не только сам факт создания модифицированного организма, но и потенциальный процесс распространения внесенного изменения, последствия которого могут проявляться в отложенной и вероятностной форме.

Современное российское законодательство, прежде всего Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», закрепляет рамочные принципы безопасности, государственного контроля и ответственности. Однако в тексте закона отсутствует прямая типология регулятивных механизмов и теоретическое осмысление их системной

взаимосвязи. Между тем анализ законодательства и правоприменительной практики позволяет выявить устойчивые правовые подходы к контролю генно-инженерной деятельности, различающиеся по степени интенсивности воздействия и по способу реагирования на научную неопределенность. Проблема заключается в том, что в условиях ускоренного развития геномных технологий традиционные представления о стабильности правового режима оказываются недостаточными. Право должно одновременно сохранять устойчивость базовых принципов и обеспечивать гибкость инструментов правового воздействия. Возникает необходимость теоретического осмысления того, каким образом законодатель структурирует научную неопределенность и варьирует интенсивность правового воздействия в зависимости от биологической природы объекта и уровня допустимого риска.

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации правовых подходов к контролю генно-инженерной деятельности в растениеводстве, животноводстве и сельскохозяйственной микробиологии, а также в обосновании их взаимосвязи как элементов единого адаптивного правового режима.

Для достижения поставленной цели предполагается проанализировать особенности объекта правового воздействия в аграрной биотехнологии, раскрыть содержание процедурного, риск-ориентированного и материально-ограничительного правовых подходов, определить критерии их дифференциации в зависимости от потенциала генетического распространения модифицированных организмов, обосновать наличие адаптивного правового режима как структурного признака современного биоправа.

Методология. Исследование основано на сочетании формально-юридического, системного и доктринального методов анализа. Формально-юридический метод позволил выявить нормативную конструкцию Федерального закона № 86-ФЗ и определить место отдельных институтов (контроль, регистрация, ответственность, информационная открытость) в общей структуре правового регулирования. Системный метод применен для установления взаимосвязи законодательства о генно-инженерной деятельности с нормами экологического, ветеринарного и биоэтического регулирования, а также для реконструкции потенциальных правовых подходов, не установленных прямо в тексте НПА. Доктринальный анализ использован для осмысления юридических понятий в контексте биоправа. Методологическая установка исследования исходит из признания того, что генно-инженерная деятельность представляет собой вероятностную биологическую систему, тогда как позитивное право базируется на нормативной определенности. Следовательно, задача правового анализа состоит в выявлении механизмов трансформации научной неопределенности в правовую управляемую конструкцию, опосредованную соответствующим правовым режимом.

Особенности объекта правового воздействия в аграрной сфере. Генно-инженерная деятельность в сфере растениеводства, животноводства и сельскохозяйственной микробиологии характеризуется разной степенью биологической управляемости объектов и неодинаковым уровнем потенциального риска причинения вреда человеку и окружающей среде. Указанные различия имеют принципиальное значение для формирования дифференцированного правового режима.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона № 86-ФЗ объектом регулирования выступают генно-инженерно-модифицированные организмы [1], то есть организмы, отличные от природных и полученные с применением методов генной инженерии, способные к воспроизводству или передаче наследственного генетического материала. Таким образом, правовое значение имеет не только факт модификации, но и способность организма к распространению и воспроизводству, что непосредственно влияет на степень потенциального экологического риска.

Соответственно, в растениеводстве объектом правового воздействия являются генно-инженерно-модифицированные растения, способные к воспроизводству посредством семян и (или) пыльцы. В условиях «открытой системы» в смысле ст. 2 Закона № 86-ФЗ такие организмы могут вступать во взаимодействие с природными популяциями. Констатируем, что основной юридически значимый риск связан с возможностью неконтролируемого распространения модифицированного генетического материала в окружающей среде, что потенциально затрагивает состояние экосистем и биоразнообразие. В силу этого выпуск ГМО в окружающую среду подлежит государственной регистрации и мониторингу воздействия на человека и окружающую среду [2]. Следовательно, специфика растений как биологических объектов правового регулирования обуславливает необходимость усиленного контроля именно на стадии выпуска и последующего экологического мониторинга.

В сфере животноводства генно-инженерная деятельность затрагивает организмы, обладающие высокой степенью физиологической организации и сложной системой поведенческих и репродуктивных характеристик. В правовом смысле это означает, что помимо требований биологической безопасности (ст. 7 Федерального закона от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» (с изменениями и дополнениями) возникают вопросы, связанные с соблюдением принципов гуманного обращения с животными и обеспечением их благополучия в контексте законодательства о ветеринарии [3] и об ответственном обращении с животными [4].

Таким образом, в сфере животноводства правовой режим имеет преимущественно комплексный характер, поскольку к требованиям биобезопасности добавляются нормы ветеринарного и зоозащитного законодательства. Особенности непосредственного объекта воздействия предопределяют более сложную структуру экспертизы и оценки последствий генетической модификации.

Рассматривая сферу сельскохозяйственной микробиологии констатируем, что объектами воздействия здесь выступают микроорганизмы, включая бактерии, вирусы и иные формы, способные к быстрому воспроизводству и передаче генетической информации. С учетом их биологических свойств особое значение приобретает разграничение «замкнутой системы» и «открытой системы» осуществления генно-инженерной деятельности, предусмотренное ст. 2 Федерального закона от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности». В замкнутых условиях при наличии физических и биологических барьеров риск распространения минимизируется. Однако при выпуске в окружающую среду контроль существенно осложняется вследствие высокой динамики микробных популяций и потенциальной возможности горизонтального переноса генетического материала.

Поэтому в данной сфере ключевое значение приобретают меры биологической и физической защиты, предусмотренные законодательством [5], а также усиленный мониторинг воздействия на окружающую среду.

Таким образом, различия биологических характеристик растений, животных и микроорганизмов непосредственно влияют на степень экологического и санитарного риска, что в правовом аспекте обуславливает необходимость дифференцированного подхода к установлению режима допуска, экспертизы, мониторинга и юридической ответственности. Иначе говоря, объект генно-инженерной деятельности в аграрной сфере не является нейтральным с точки зрения права, поскольку его биологическая природа предопределяет объем и интенсивность государственного воздействия. Безусловно, что генно-инженерная деятельность в растениеводстве, животноводстве и микробиологии имеет также разную степень управляемости и уровень риска. Например, в растениеводстве основной риск связан с возможностью горизонтального переноса генов и влиянием на экосистемы. В животноводстве генетические модификации затрагивают высокоорганизованные биологические системы, что дополнительно порождает биоэтические вопросы и проблемы благополучия животных. В сельскохозяйственной микробиологии объектом регулирования являются микроорганизмы, отличающиеся высокой скоростью размножения, способностью к обмену генетическим материалом и трудностью контроля распространения. Различие биологических характеристик относительно объекта правового воздействия предопределяет необходимость дифференцированного правового подхода.

В российской правовой доктрине и действующем российском законодательстве отсутствует прямое установление моделей правовых подходов относительно контроля генно-инженерной деятельности в растениеводстве, животноводстве и сельскохозяйственной микробиологии, однако их теоретическая реконструкция возможна посредством изучения научной литературы [6, с. 32-36; 7] и системного толкования Федерального закона от 05.07.1996 № 86-ФЗ, законодательства об охране окружающей среды [8] и ветеринарного законодательства.

Процедурный подход. В зарубежной доктрине отмечается, что процедурные механизмы позволяют обеспечить адаптивность правовой регламентации в условиях технологической динамики [10, р. 3-4]. В рамках данного подхода закон не устанавливает конкретные научные методики оценки безопасности, а устанавливает юридическую обязанность проведения государственной экспертизы, оценки рисков, экологического и санитарного мониторинга, регистрации и отслеживания продукции.

Соответственно, содержание экспертизы раскрывается в подзаконных нормативных актах, технических регламентах, санитарных правилах и методических рекомендациях [10; 11]. На наш взгляд, преимущество процедурного подхода заключается в его гибкости. Биотехнологии развиваются быстрее законодательства. Если научные методы детально устанавливать в рамках НПА, он неизбежно устареет. По большому счету, только рамочный характер нормативного правового акта позволяет обновлять стандарты без пересмотра базового закона.

Риск-ориентированный подход. Вторая модель строится на классификации деятельности по уровням потенциальной опасности. Чем выше риск, тем более строгий правовой режим применяется. В частности, работы в замкнутых системах под-

лежат одному уровню контроля, выпуск в открытую среду другому виду контроля, коммерческое распространение наиболее строгому виду контролю.

Риск-ориентированный подход позволяет перевести научную неопределенность в юридическую категорию «допустимого риска». Наука оценивает вероятность и масштаб последствий, право устанавливает предел допустимости с учетом общественных интересов. Представляется, что данная модель особенно актуальна для сельскохозяйственной микробиологии, где горизонтальный перенос генов и долгосрочные эко системные эффекты носят вероятностный характер [12, vol. 2].

Материально-ограничительный подход. Материально-ограничительный подход, выраженный в законодательных запретах и ограничениях (в частности, запрет коммерческого выращивания ГМО-культур), выполняет иную функцию. Он не направлен на операциональную гибкость или дифференциацию риска, а выступает ценностным корректором технологической экспансии. Если процедурный и риск-ориентированный подходы допускают вмешательство при соблюдении установленных критериев безопасности, то материально-ограничительный вводит предел допустимости, обусловленный социально-этическими факторами. Следовательно, этот подход обеспечивает третий элемент нормативной адаптивности, такой как способность правовой системы реагировать не только на научные данные, но и на изменение общественной оценки и восприятия относительно новых технологий.

Материально-запретительный подход чаще применяется в сфере животноводства, где наряду с биобезопасностью [13, с. 28-53] учитываются ценностные и этические аспекты. Дифференциация правового воздействия в растениеводстве, животноводстве и сельскохозяйственной микробиологии обусловлена не только биологическими особенностями соответствующих объектов, но и разной степенью предсказуемости последствий их модификации. Соответственно, в каждой сфере формируется собственная комбинация процедурного, риск-ориентированного и материально-ограничительного подходов.

На основе анализа положений доктрины и законодательства полагаем, что в **сфере растениеводства** более эффективна риск-ориентированная модель с дополненным процедурным механизмом допуска, поскольку растения как объекты генно-инженерной деятельности обладают способностью к воспроизводству и распространению через пыльцу и семена, что создает потенциальную возможность неконтролируемого переноса генетического материала в природные популяции. Однако при этом необходимо учитывать, что агротехнические процессы сравнительно хорошо поддаются управлению и контролю. В тоже время, материально-запретительная модель в растениеводстве используется фрагментарно, но в целом система строится на управлении риском, а не на тотальном запрете.

В сфере животноводства предпочтительнее сочетание риск-ориентированной и материально-ограничительной моделей, так как в животноводстве структура правового контроля иная. Здесь биологический риск сочетается с этико-правовыми ограничениями. В отличие от растений, животные являются высокоорганизованными биологическими существами, что усиливает требования к оценке безопасности. Дополнительно включаются нормы ветеринарного законодательства и законодательства об ответственном обращении с животными. В данной сфере риск-ориентированная модель применяется в части оценки биологической безопасности и наследуемости признаков, однако одновременно действует более выраженный

ограничительный подход. В научной литературе подчеркивается, что вмешательство в геном животных неизбежно затрагивает не только вопросы биобезопасности, но и биоэтические основания правового регулирования, поскольку генетические технологии трансформируют представления о допустимых пределах вмешательства в природу живого [14, р. 544–550]. Здесь риск-ориентированная модель проявляется в обязательной экспертизе безопасности, оценке наследуемости признаков и ветеринарном контроле. Однако фактическое ограничение коммерческого использования генетически модифицированных животных свидетельствует о значительном усилении материально-ограничительного элемента.

Касательно сферы **сельскохозяйственной микробиологии** отметим наибольшую степень научной неопределенности и экологической динамики.

Микроорганизмы способны к быстрому воспроизводству и горизонтальному переносу генов, что существенно осложняет прогнозирование долгосрочных последствий их выпуска. В научной доктрине подобный подход связывается с реализацией принципа предосторожности, широко исследованного в экологическом праве [15, с. 99-121]. Федеральный закон от 5 июля 1996 г. N 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» в ст. 2 устанавливает разграничение замкнутой и открытой систем, а также меры биологической и физической защиты. Нормативная конструкция акцентирует внимание на контроле условий осуществления деятельности, а не только на результате. Соответственно правовое воздействие [16, с. 638-649] включает лицензирование работ повышенной опасности, обязательное соблюдение режима замкнутых систем, санитарно-эпидемиологический контроль, длительный мониторинг воздействия. Таким образом, в микробиологии доминирует процедурная модель, направленная на минимизацию риска до стадии фактического выпуска и компенсацию научной неопределенности через усиленный контроль. В каждом отдельном случае, законодатель стремится адаптировать правовое воздействие относительно биологической специфики соответствующего объекта, сохраняя при этом единый базовый принцип, - приоритет защиты человека и окружающей среды.

Таким образом, выявленные в статье правовые подходы образуют не набор разрозненных регулятивных правовых инструментов, а представляют структурно взаимосвязанную логику адаптивного правового режима, где процедурный подход обеспечивает технологическую гибкость, риск-ориентированный подход позволяет проводить дифференциацию правового воздействия по степени неопределенности, материально-ограничительный подход используется с учетом ценностной коррекции допустимости вмешательства. Именно их совокупность позволяет биоправу функционировать в условиях ускоренного развития биотехнологий без постоянного пересмотра базового закона.

Заключение. В отличие от традиционных отраслевых режимов аграрного или экологического правового регулирования, ориентированных преимущественно на предотвращение конкретного вреда или установление обязательных стандартов хозяйственной деятельности, рассматриваемый правовой режим направлен на управление вероятностным процессом. Объектом воздействия здесь выступает не только деятельность субъекта, но и динамика созданного им генетического изменения, способного к воспроизводству и дальнейшему распространению вне рамок первона-

чального технологического акта. Именно эта особенность обуславливает формирование адаптивного правового режима.

Процедурный правовой подход обеспечивает инструментальную гибкость системы, устанавливая на уровне НПА устойчивые принципы безопасности, контроля и ответственности, законодатель одновременно выносит конкретные критерии оценки риска и технологические параметры на уровень подзаконного правового нормирования. Тем самым достигается обновляемость механизмов без утраты нормативного основания. *Риск-ориентированный* подход формирует внутреннюю градацию правового воздействия. Дифференциация замкнутых и открытых систем, усиление контроля при выпуске организмов в окружающую среду, обязательность оценки и мониторинга позволяет варьировать интенсивность правового воздействия в зависимости от масштаба потенциального генетического распространения и уровня неопределенности последствий. *Материально-ограничительный* подход устанавливает ценностные пределы допустимости технологического вмешательства. Законодательный запрет коммерческого выращивания ГМО-культур и разведения генетически модифицированных животных демонстрирует, что правовое воздействие определяется не только научной оценкой риска, но и социально-этическими ориентирами. Тем самым адаптивность правового режима дополняется нормативной способностью реагировать на изменение общественной оценки относительно биотехнологий.

В совокупности данные подходы образуют институциональный ***адаптивный правовой режим***, отличающийся от обычного комплексного режима тем, что его структурообразующим элементом является управление неопределенностью. Если комплексный режим предполагает сочетание норм разных отраслей, то адаптивный правовой режим характеризуется динамической способностью перераспределять интенсивность правового воздействия без изменения фундаментальных принципов.

Соответственно, специфика современного биоправа заключается именно в этой способности институционализировать неопределенность. Биотехнологическая и биоэкономическая трансформация аграрного сектора сопровождается появлением объектов, сочетающих свойства природного и технологического феномена. В условиях биоэкономики, ориентированной на использование генетических ресурсов и биологических инноваций как фактора экономического роста, право не может ограничиться статичным охранительным подходом. Оно должно одновременно обеспечивать развитие и сдерживать потенциально необратимые последствия генетического распространения.

Таким образом, адаптивный характер правового режима генно-инженерной деятельности отражает более широкую трансформацию современного публичного права, заключающуюся в переходе от правового воздействия фиксированных общественных отношений к управлению вероятностными процессами. В этом проявляется системная особенность биоправа как межотраслевого направления правового воздействия, функционирующего на пересечении экологических, аграрных, ветеринарных и биоэтических норм.

Перспективы дальнейшего развития данного режима связаны с необходимостью уточнения критериев допустимого риска, институционального укрепления научной экспертизы и разработки механизмов реагирования на новые технологии геномного редактирования, не вписывающиеся полностью в традиционную модель трансгенеза

и зависят от институциональной координации законодательной и исполнительной власти, а также от степени включенности научного сообщества в процесс нормотворчества. Именно на этих субъектах публичной власти лежит обязанность по уточнению критериев допустимого риска, совершенствованию процедур оценки безопасности и институциональному укреплению экспертных механизмов, не разрушая при этом устойчивость базовых принципов права. Тем самым контроль генно-инженерной деятельности в аграрной сфере следует рассматривать как форму правового управления биоэкономической инновацией, основанную на дифференциации риска, процедурной гибкости и ценностных ограничениях. Именно в этой триаде проявляется специфика современного адаптивного биотехнологического правового режима.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 5 июля 1996 г. N 86-ФЗ "О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности" // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 июля 1996 г. N 28, ст. 3348.
2. Ст. 7 Федерального закона от 5 июля 1996 г. N 86-ФЗ "О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности" // Собрании законодательства Российской Федерации от 8 июля 1996 г. N 28, ст. 3348.
3. Закон РФ от 14 мая 1993 г. N 4979-1 «О ветеринарии» // Текст Закона опубликован в Ведомостях Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 17 июня 1993 г., N 24, ст. 857с учетом изменений, внесенных ФЗ от 29 декабря 2025 г. № 549-ФЗ.
4. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. N 498-ФЗ "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собрании законодательства Российской Федерации от 31 декабря 2018 г. N 53 (часть I) ст. 8424.
5. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 492-ФЗ "О биологической безопасности в Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 января 2021 г. N 1 (часть I) ст. 31.
6. Р.Г. Правовое регулирование в области оборота генно-модифицированных организмов (ГМО) в России и зарубежных государствах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. - 2021. - Т. 25. - №1. - С. 32-66.
7. Правовое регулирование генно-инженерной деятельности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: специальность 12.00.06 / Лякишева Юлия Александровна; Ин-т государства и права РАН. - Москва, 2010. - 28 с.
8. Федеральный закон от 10 января 2002 г. N 7-ФЗ "Об охране окружающей среды" Собрании законодательства Российской Федерации от 14 января 2002 г. N 2 ст. 133 Федеральный закон от 14 марта 1995 г. N 33-ФЗ "Об особо охраняемых природных территориях" // "Российской газете" от 22 марта 1995 г. N 57.
9. Mourby M., Bell J. Biomodifying the "natural": from Adaptive Regulation to Adaptive Societal Governance // Journal of Law and the Biosciences. 2022. Vol. 9, Issue 1. P. 3-4.
10. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 16 сентября 2003 г. № 149 "О проведении микробиологической и молекулярно-генетической экспертизы генетически модифицированных микроорганизмов, используемых в производстве пищевых продуктов" // "Российской газете" от 19 сентября 2003 г. № 187.
11. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 8 ноября 2000 г. N 14 "О порядке проведения санитарно-эпидемиологической экспертизы пищевых продуктов, полученных из генетически модифицированных источников" // Бюллетене нормативных и методических документов госсанэпиднадзора, март 2001 г., № 1.
12. Aminov R.I. Horizontal gene exchange in environmental microbiota // Frontiers in Microbiology. 2011. Vol. 2. Article 158. DOI: 10.3389/fmicb.2011.00158.
13. Лисаченко, А. В. Правовые аспекты геномного обеспечения продовольственной безопасности / А. В. Лисаченко // Lex Genetica. 2024. Т. 3, № 2. С. 38-53.
14. Ormandy E.H., Dale J., Schuppli C.A. Genetic engineering of animals: ethical issues, including welfare concerns // Canadian Veterinary Journal. 2011. Vol. 52. No. 5. P. 544-550.
15. Виноградов В.А., Солдатова Л.В., О значении принципов в экологическом праве и их применении // Право. Журнал Высшей школы экономики, № 5, спецвыпуск 2021. С.99-121.

16. Берг Л. Н. Направления правового воздействия в сфере геномных исследований: российский и международный опыт / Л. Н. Берг, В. Г. Голубцов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 50. С. 638-649.

Berg L. N. Legal approaches to control of genetic engineering activities in agriculture: managing the potential of genetic spread and regulatory adaptability // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 2. – S. 540-548.

The author examines legal approaches to regulating genetic engineering activities in Russian agriculture, identifying and systematizing the mechanisms for legal control of genetic modifications in crop production, livestock farming, and agricultural microbiology. The methodology involves studying the legal impact on various objects of genetic engineering activities, taking into account their biological specifics. The conclusion is drawn regarding the need for an adaptive legal regime combining interrelated approaches: procedural, risk-based, and materially restrictive. Each approach is applied differentially depending on the sector of agricultural production and the level of potential risk. These provisions are applicable to the development of legal mechanisms for the governance of probabilistic processes in the field of genetic engineering.

Keywords: genetic engineering, legal impact, legal regulation, adaptive legal regime, biolaw, agricultural sector, genetic modification.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon ot 5 iyulya 1996 g. N 86-FZ "O gosudarstvennom regulirovanii v oblasti genno-inzhenernoj deyatel'nosti" // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 8 iyulya 1996 g. N 28, st. 3348.
2. St. 7 Federal'nogo zakona ot 5 iyulya 1996 g. N 86-FZ "O gosudarstvennom regulirovanii v oblasti genno-inzhenernoj deyatel'nosti" // Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 8 iyulya 1996 g. N 28, st. 3348.
3. Zakon RF ot 14 maya 1993 g. N 4979-I «O veterinarii» // Tekst Zakona opublikovan v Vedomostyah S"ezda narodnyh deputatov RF i Verhovnogo Soveta RF ot 17 iyunya 1993 g., N 24, st. 857s uchedom izmenenij, vnesennyh FZ ot 29 dekabrya 2025 g. № 549-FZ.
4. Federal'nyj zakon ot 27 dekabrya 2018 g. N 498-FZ "Ob otvetstvennom obrashchenii s zhivotnymi i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii" // Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 31 dekabrya 2018 g. N 53 (chast' I) st. 8424.
5. Federal'nyj zakon ot 30 dekabrya 2020 g. N 492-FZ "O biologicheskoy bezopasnosti v Rossijskoj Federacii" // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 4 yanvarya 2021 g. N 1 (chast' I) st. 31.
6. R.G. Pravovoe regulirovanie v oblasti oborota genno-modificirovannyh organizmov (GMO) v Rossii i zarubezhnyh gosudarstvakh // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. - 2021. - T. 25. - №1. - С. 32-66.
7. Pravovoe regulirovanie genno-inzhenernoj deyatel'nosti: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk: special'nost' 12.00.06 / Lyakisheva Yuliya Aleksandrovna; In-t gosudarstva i prava RAN. - Moskva, 2010. - 28 s.
8. Federal'nyj zakon ot 10 yanvarya 2002 g. N 7-FZ "Ob ohrane okruzhayushchej sredy" // Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 14 yanvarya 2002 g. N 2 st. 133 Federal'nyj zakon ot 14 marta 1995 g. N 33-FZ "Ob osobo ohranyaemyh prirodnyh territoriyah" // "Rossijskoj gazete" ot 22 marta 1995 g. N 57.
9. Mourby M., Bell J. Biomodifying the "natural": from Adaptive Regulation to Adaptive Societal Governance // Journal of Law and the Biosciences. 2022. Vol. 9, Issue 1. P. 3-4.
10. Postanovlenie Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 16 sentyabrya 2003 g. № 149 "O provedenii mikrobiologicheskoy i molekulyarno-geneticheskoy ekspertizy geneticheski modifitsirovannyh mikroorganizmov, ispol'zuemyh v proizvodstve pishchevyh produktov" // "Rossijskoj gazete" ot 19 sentyabrya 2003 g. № 187.
11. Postanovlenie Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 8 noyabrya 2000 g. N 14 "O poryadke provedeniya sanitarno-epidemiologicheskoy ekspertizy pishchevyh produktov, poluchennyh iz geneticheski modifitsirovannyh istochnikov" // Byulletene normativnyh i metodicheskikh dokumentov gossanepidnadzora, mart 2001 g., № 1.
12. Aminov R.I. Horizontal gene exchange in environmental microbiota // Frontiers in Microbiology. 2011. Vol. 2. Article 158. DOI: 10.3389/fmicb.2011.00158.
13. Lisachenko, A. V. Pravovye aspekty genomnogo obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti / A. V. Lisachenko // Lex Genetica. 2024. T. 3. № 2. S. 38-53.
14. Ormandy E.H., Dale J., Schuppli C.A. Genetic engineering of animals: ethical issues, including welfare concerns // Canadian Veterinary Journal. 2011. Vol. 52. No. 5. P. 544–550.
15. Vinogradov V.A., Soldatova L.V., O znachenii principov v ekologicheskoy prave i ih primenenii // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki, № 5, specvypusk 2021. S.99-121.
16. Berg L. N. Napravleniya pravovogo vozdejstviya v sfere genomnyh issledovanij: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt / L. N. Berg, V. G. Golubcov // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2020. № 50. S. 638-649.

УДК 342

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ АНАЛИТИКА: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ФУНКЦИИ¹

Корнев А. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В статье затрагивается законодательная аналитика как разновидность правовой аналитики. В настоящий период данное направление аналитической деятельности имеет хорошие перспективы в контексте правового обеспечения реализации национальных проектов, а также технологического лидерства нашей страны. Рассматриваются общие вопросы законодательства, его совершенствование в настоящий период. В этой связи есть необходимость обратить внимание на содержание законодательной аналитики, а также тех функций, которые она выполняет. Анализ в этом контексте вступает не только как один из методов познания правовой действительности, но и как одно из направлений повышения эффективности деятельности органов законодательной власти.

Ключевые слова: анализ, аналитика, государство, закон, исследование, наука, право, правопорядок, юриспруденция.

Введение. Законодательная аналитика востребована в настоящее время как никогда. Правотворчество – основной канал воздействия государства на общественные отношения. В настоящий период роль правотворчества только возрастает, как, впрочем, и государства. Мы долгое время недооценивали государство как субъект макроуправления и только суровая реальность вернула нас к привычному пониманию этих социальных институтов, их значению в очень сложное, во многом непредсказуемое время.

В ближайшей перспективе закон (в широком смысле – нормативный правовой акт) останется основным источником права в нашей стране. Это совершенно очевидно даже для скептиков. В течение длительного времени нашей науке и практике было свойственно рассматривать государство через призму организации фирмы на рынке, то есть, через его роль в экономике. Отсюда выросли многочисленные заблуждения, которые необходимо преодолевать в настоящее время.

Почему же именно закон останется основным источником (формой) права в ближайшей перспективе. Да потому, что государство как макросубъект всех без исключения отношений усиливает свою роль. Современный мир погрузился в бескомпромиссную борьбу по всем направлениям. Одним нужно сохранить господство с гарантированным потреблением, другим вырваться из нищеты и зависимости. Компромисс в этой ситуации невозможен по определению, как принято говорить в данной ситуации. В этих условиях роль государства возникает по совершенно объективной причине.

Есть и другое обстоятельство, которое вытекает из предыдущего. Речь идет о законодательном обеспечении технологического лидерства страны. Впрочем, как и социогуманитарного. О втором стали говорить, как о задаче второго плана, что представляется совершенно неправильным. Только социосфера (наука и образова-

¹ Статья подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

ние в синтезе с медициной) могут быть «поставщиками» технологий. Данную мысль можно справедливо отнести к аксиоматичной.

Закон в настоящее время лидирует не только в романо-германской правовой системе, но и в других. Даже в Англии, где в последние десятилетия увеличивается число актов, принимаемых органами исполнительной власти, что кардинально меняет наши представления о системе общего права. Сошлемся в этой связи на мнение известного ученого-компаративиста В.И. Лафитского: «Основной источник права Соединенного Королевства – законодательные акты и принятые на их основе акты административных и иных органов. Остальные источники имеют второстепенное либо локальное значение» [1, с. 495].

Давно не покидает ощущение глубокой трансформации системы общего права. В США суды уже достаточно давно руководствуются при отправлении правосудия Конституцией страны и законами. Прецедентное право постепенно утратило свои позиции. В этом можно видеть определенную тенденцию, которая вытекает из логики развития современного мира и усиления роли закона.

Важно понять, почему закон только усиливает свои позиции. Все дело в том, что нормативный правовой акт, особенно закон, является самой *рациональной формой права, ибо представляет собой продукт коллективного разума*.

В этой связи задача состоит в том, чтобы усилить интеллектуальный потенциал всех тех, кто так или иначе причастен к правотворчеству, законодательной деятельности. Если смотреть объективно, то к этому причастны все: как разработчики правовых норм, так и их адресаты.

Законодательная аналитика призвана формировать навыки аналитического мышления, без которых невозможно создавать эффективное законодательство.

Необходимо повышать аналитические компетенции всем тем, кто имеет отношение к правотворчеству на всех уровнях – федеральном, субъектов федерации, органов власти на местах и местного самоуправления. И, конечно, же, законодательная аналитика нужна тем, кто занимается локальным правотворчеством.

Основная часть. Представляется, что российское законодательство переживает очередной этап своего развития, и далеко не последний. Точкой отсчета можно взять период второй половины 80-годов прошлого века, когда наметился путь, названный перестройкой. Но прежде чем характеризовать этот период, хотелось бы уточнить некоторые важные моменты.

Трудно поддержать тезис о самодостаточности права как универсального регулятора общественных отношений. В нашей отечественной литературе стал очень популярным взгляд на право, как на самостоятельный регулятивный феномен, который якобы живет по своим собственным законам. На этот счет написано много работ, проводятся различные конференции, на которых данная позиция все еще поддерживается определенной частью научного сообщества. Практики на эту проблему смотрят несколько проще, поскольку реальность довольно быстро ставит на место любые теоретические измышления.

Вывод из всего этого очень простой, а именно: у права нет и не может быть никаких своих собственных законов бытия. Оно развивается в полном соответствии с теми процессами, которые принято называть социальными тенденциями. Вспоминая классиков, право не может быть выше, чем способ производства материальной жизни, который в конечном счете и детерминирует развитие права. Очень даже мо-

жет быть, что нам придется вновь открывать постулаты исторического материализма. Слишком поспешно мы от него отказались, а вот жизнь нас к нему постоянно возвращает. И это можно расценивать как определенную закономерность. Терри Иглтон, серьезный исследователь научного творчества К. Маркса, констатирует: «В основе учения Маркса лежат два главных тезиса. Первый из них – главенствующая роль экономики в общественной жизни; второй – преемственность и последовательность смены способов производства в истории. Тем не менее...ни одно из этих положений не было нововведением Маркса» [2, с. 45].

Нет особой необходимости говорить об определяющем значении экономики. Об этом написаны многие тысячи, если не миллионы работ. Да и сама жизнь говорит нам об этом лучше всяких теорий. Сложнее с историей. Опять же есть метафорическое положение классиков исторического материализма «Мы знаем только одну единственную науку – науку истории». Есть необходимость сделать акцент не на смене способов производства в истории, а на истории вообще.

В век технологий существует соблазн освободиться от «лишних» предметов в виде истории, философии, этики, гуманитарного знания как такового. Нужны ли они естественным наукам или экономической науке, к примеру? Ф. Хайек, последовательный и убежденный критик любых вариантов социализма, плановой экономики смотрит на проблему очень глубоко и критикует тех, кто считает, что можно изучать науку вне исторического контекста. Дословно: «... считается, что вполне можно усвоить главные результаты научной работы в отрыве от того философского контекста, в котором они изначально были получены. На мой взгляд, сама исходная посылка весьма сомнительна; и даже физики ощущают возрастающую потребность понимать, какими путями их наука пришла к современному состоянию. Я совершенно убежден, что это тем более верно применительно к теории таких гораздо более сложных явлений как сознание и общество, и порой не могу избавиться от мысли, что безжалостная очистка этих дисциплин от всех философских элементов во многих случаях приводила к утрате важнейших идей, в отсутствие которых оставшиеся вызывают много вопросов» [3, с. 565].

Любые явление развиваются, живут, умирают, трансформируются в пространственно-временном континууме. И все они имеют какие-то смыслы в своем основании. Вот что нужно анализировать в первую очередь.

В конце 80-х годов прошлого века мы пытались «подновить» социализм, придать чему «человеческое лицо». Это был период романтических ожиданий. Право (законодательство) в это время приобрело совсем иное звучание. Стали рассуждать о введении хозяйственного расчета, искоренении уравниловки, поощрении законодательными мерами кооперативного движения, малого предпринимательства. Для этого пришлось реанимировать даже такую категорию как «собственность», постепенно приобщая общество и к реанимации «частной собственности». В это время юристы были желанными гостями на телевидении. Их приглашали для того, чтобы они рассказывали нам о том, какую роль играет «собственность», «прибыль», «рынок», в альтернативных плановой, экономиках. Приводили примеры, порой убедительные, о преимуществах рыночного хозяйства. Правда, никто при этом никогда не говорил об истинных причинах благополучия десятка государств из более чем двухсот, которые в рыночные стихии пускались, но особых успехов так и не добились.

Тем не менее, на закон возлагались иные задачи, чем это было принято раньше. Все более-менее понимали, что законодательство зависит от тех процессов, которые происходят в экономической сфере. Трудно было преодолеть «классические» подходы к соотношению права и экономики: право может отставать от развития экономики; право может опережать развитие экономики; и, наконец, право может соответствовать уровню развития экономических отношений.

В этот период еще никто не знал, что примеры успешных экономических модернизаций свидетельствуют о том, что в тех странах, которые добились впечатляющих успехов в проведении экономических реформ, до них проводились правовые реформы. Этот опыт и сегодня не до конца изучен, а в то время это и вовсе никому не было известно.

В период перехода к рыночным отношениям ряд видных советских, а затем российских юристов предлагали довольно странные методы правового регулирования экономических отношений. Считалось, что отечественное законодательство должно преимущественно строиться на запрещающих нормах. В то же время, полагали они, их должно быть мало. Нужно делать ставку не на регулирование, а на саморегулирование. Поскольку в то время практически никто не понимал суть рыночной экономики, в нашей юридической и экономической корпорациях исходили из того, что «рынок сам все урегулирует».

В этот период в России работали тысячи иностранных консультантов. Достаточно сказать, что в западных научных центрах была разработана Программа приватизации более 15.000 государственных предприятий посредством так называемой ваучеризации. Затем последовали залоговые аукционы, через процедуры которых перешли, опять же, в частные руки наиболее рентабельные предприятия. Дж. Стиглиц, лауреат Нобелевской премии по экономике 2001 года констатирует: «Приватизация, как она была навязана России (и слишком многим другим странам из бывшего советского блока), не только не способствовала экономическому успеху страны, но и подорвала доверие к правительству, к демократии и реформам. В результате раздачи богатейших природных ресурсов России до того, как была учреждена система эффективного сбора налогов (природной ренты), люди из узкого круга друзей и приближенных Ельцина сделали миллиардерами, а страна оказалась не в состоянии регулярно платить своим пенсионерам по 15 долл. в месяц» [4, с. 193].

Этим приватизация в России отличается от иных процессов, которые происходили в других странах. Там государство отдавало проблемные предприятия в частные руки, а у нас наоборот, наиболее эффективные, приносящие доходы стране. Причем, эти процессы осуществлялись преимущественно не за законодательной основе, а на уровне иных, чаще всего подзаконных нормативных правовых актов. Сформировался даже термин - «указное право».

Все участники данного процесса, и прежде всего, зарубежные консультанты, которые на «реформах» в России заработали приличные деньги, впоследствии говорили, что экономические преобразования отнюдь не преследовали задачи экономического роста, эффективности производства. В тот период важно было распределить некогда государственную собственность среди строго определенных лиц. Еще одной особенностью экономических реформ в России явилось фактическое сращивание государственного аппарата и экономической элиты, которое в конечном счете, и привело к офшорной модели российской экономики.

К чести западных консультантов стоит отметить, что они в массе своей советовали М.С. Горбачеву законодательно запретить передачу в частную собственность природные ресурсы и наиболее крупные предприятия, которые давали стране валюту. Однако совет не был принят во внимание. Что было дальше, хорошо известно. Правда, ответственность за реализованный впоследствии вариант проведенных экономических преобразований несут другие люди.

Между тем, международный положительный опыт гласит, что государство при помощи права (закона) решает четыре наиболее важные задачи.

Первая задача - устанавливает правовые основы рыночной экономики. Для этой цели разрабатываются и принимаются важнейшие кодифицированные и базовые нормативные правовые акты: Гражданский кодекс, Коммерческий Кодекс, Налоговый кодекс, Законы о банках и банковской деятельности, Законы о предприятиях, О товарных знаках и т.д.

Вторая – государство принимает ряд законодательных мер для создания надежной банковской системы и всячески укрепляет положение национальной валюты. Что касается последней, то она никогда не приобретет устойчивость, если параллельно с ней будет использоваться более обеспеченная иностранная валюта. Деньги – это кровеносная система экономики. Без банков никакая экономика надежно функционировать не сможет. Банковская прибыль складывается из разницы процентов по вкладу и по выдаваемому кредиту. «Деньги должны работать, то есть, приносить другие деньги». Ни один банк не в состоянии выдать все средства одновременно, которые хранят вкладчики. Их значительная часть уже выдана в качестве кредитов. Банки в соответствии с законодательством призваны кредитовать реальный сектор экономики. Кстати говоря, во многих странах законодательно запрещается выводить деньги за рубеж. В том же Китае относительно недавно появились негосударственные банки. В этой стране позаботились о том, чтобы деньги не выводились из китайской экономики помимо государства. Это очень правильный тактический и стратегический ход.

Третья – формирование антимонопольного законодательства и борьба с нечестной конкуренцией. В этой части накоплен огромный положительный опыт, который нужно использовать. От СССР нам достались предприятия-гиганты, транспортные сети и прочее. Тогда о внутренней конкуренции никто не думал. Если закон не будет регулировать эту сферу, то потребитель будет получать товар низкого качества и за большие деньги.

Четвертая – восполнение недостатков рыночной системы с помощью законодательства, преимущественно социального. Этому способствует социальное государство, идея которого получила конституционное закрепление.

Очередной разворот российской законодательной политики произошел в время пандемии, а затем санкций в отношении нашей страны в силу известных обстоятельств. В принципе, такой сценарий был вполне предсказуемым. Пока страна разрушалась во всех смыслах этого слова, наши зарубежные партнеры не предъявляли к нам никаких претензий. Российские геополитические интересы совсем не совпадают с замыслами наших оппонентов. В этих условиях нам пришлось кардинально менять курс, причем, не только внутренний, но и внешний.

События последних лет отчетливо показали ошибочность прежнего экономического тренда, который состоял в обеспечении других экономик невосполнимыми природными ресурсами. В России фактически сложилась ресурсная экономика, которая была ориентирована на продажу углеводородов.

В настоящий период ставится задача обеспечения технологического и социогуманитарного лидерства, обеспечения технологического суверенитета. Высшим политическим руководством страны поставлена задача «создания правовой среды для новых рынков и технологий». Кроме того, необходимо создавать правовые основы для реализации Национальных проектов. В этой части предстоит много сделать, в том числе в законодательной и правоприменительной сфере. Пожалуй, это самая ближайшая перспектива.

Наше законодательство не в полной мере отвечает этим задачам. Необходимо перестраивать весь наш законодательный механизм. В этой связи необходимо создавать «право для технологического лидерства». При этом отдавать приоритет юридическому сопровождению критических и сквозных технологий как наиболее перспективных. Да и само законодательство нужно формировать с использованием ИИ, цифровых технологий, технологий машиночитаемого права. Правда, делать это необходимо взвешенно, по возможности избегая ненужных рисков. К. Шваб считает, что цель любых технологий – благо планеты и ее населения. Правда, в настоящее время отношение к основателю и исполнительному председателю Всемирного экономического форума в Женеве серьезно изменилось, но одна из его посылок по-прежнему сохраняет актуальность: «Для принятия ценностно-ориентированного подхода к технологиям необходимо признать их политическую природу, сделать общественные ценности приоритетом и глубоко задуматься о том, какой вклад вносят организации в формирование ценностей, входящих в создаваемые и используемые нами технологии» [5, с. 262].

К. Шваб высказывает мысли, созвучные Ф. фон Хайеку. Это говорит о непреходящем значении мировоззренческо-ценностной составляющей любой деятельности, особенно в такой сфере, как технологии. Законодатели никогда не должны забывать об этом. В противном случае законодательство в сфере технологий не только будет способствовать промышленному развитию, но и создавать серьезные трудности. Точнее, в мире сформировался способ производства, который Янис Варуфакис очень точно квалифицировал как «Технофеодализм» [6]. Книга очень скоро стала бестселлером. Выдающийся интеллектуал современности Ноам Хомский назвал автора «выдающимся экономистом и политическим аналитиком», а Джеффри Сакс «Фукидидом нашего времени».

В этих целях необходимо и дальше развивать «инновационную юриспруденцию» как наиболее перспективное направление. Нужны прорывные технологии в самом правотворчестве.

Законодательная аналитика, как уже подчеркивалось, является составной частью правовой аналитики. В то же время ее можно и нужно рассматривать как составную часть всего правотворческого процесса, начиная от определения потребности в законе, до его подписания и опубликования. В рамках одной статьи раскрыть все нюансы невозможно. Общество справедливо предъявляет претензии к органам законодательной власти по самым разным основаниям. Представляется, что многих недо-

статков наших законов можно было бы избежать, если бы законодательный процесс был обеспечен аналитическим сопровождением.

Под законодательной аналитикой *можно понимать интеллектуально-волевою деятельность, направленную на выявление объективных потребностей в законе, формирование его содержания с использованием приемов и способов юридической техники, оценки его регулятивного воздействия с опорой на социальные и юридические критерии эффективности, а также систематизацию законодательства.*

Любые дефиниции не отражают всей глубины явления. Однако, это и не нужно. Главное – сосредоточиться на основных моментах. Законов у нас слишком много. «Регулятивные гильотины» пока не дают ожидаемого эффекта. По всей видимости, нужны какие-то кардинальные меры, которые затрагивают основы функционирования всего механизма государства, а также территориальной организации власти. Это серьезная и большая проблема, которая, на мой взгляд, в любом случае будет как-то решаться. Может быть, и в новой конституции России. Пока об этом говорить рано, хотя почему и нет? Мы живем в совершенно новой реальности.

Из определения законодательной аналитики объективно вытекают её функции. Среди таковых можно выделить: прогностическую, гносеологическую, регулятивную и оценочную. Причем, прогностическая и гносеологическая функции «работают» до закона. Данный вид аналитической деятельности нацелен на выявление потребности в законе. Кроме того, необходимо глубоко изучить ту сферу общественных отношений, которую закон будет регулировать. Регулятивная и оценочная функции востребованы после того, как закон начинает собственную «жизнь». Функции законодательной аналитики обеспечивают диалектическую связь между правотворчеством и правореализацией.

И последнее. Законодательство понимают как в широком, так и в узком смысле. В соответствии со ст.4 (п.2) Конституции Российской Федерации, Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. Статья 5 Конституции Российской Федерации наделяет Республику (государство) правом иметь свою конституцию и законодательство; а край, область, город федерального значения, автономную область, автономный округ правом иметь свой устав и законодательство [7, с. 4]. Представляется, что как раз «широкое» понимание законодательства в современный период и есть самая большая проблема, которую нужно решать. Нам не нужны миллионы нормативных правовых актов. Следует в ближайшей перспективе основательно пересмотреть ведомственное правотворчество, законодательные компетенции субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Нужно во главу угла ставить не принципы федерализма, а эффективность правового регулирования инновационного развития Российской Федерации, независимость и суверенитет государства. К сожалению, в рамках действующей конституции страны это сделать будет сложно. Однако рано или поздно этим все равно придется заниматься.

Заключение. Законодательная аналитика – важнейшая часть правотворческой и в некоторой степени, правоприменительной деятельности. Правоприменитель вольно или невольно вынужден выявить логику законодателя, уловить смысл, который он вложил в ту или иную норму, закон.

Есть все основания говорить о том, что законодательная деятельность без аналитики просто невозможна. Еще классики говорили, что законодатель в своей лаборатории подобно естествоиспытателю не может ставить какие-угодно опыты, поскольку связан конкретными жизненными условиями, объективными обстоятельствами, которые он никак не может игнорировать.

Прежде чем формировать, «писать» закон (очень некорректное выражение, которое часто используют), необходимо тщательно изучить ту сферу общественных отношений, которая будет им урегулирована. Анализ по- праву занимает прочное место в системе когнитивных (познавательных) средств любой исследовательской деятельности. Мало собрать необходимый материал, гораздо важнее его проанализировать. Только в этом случае можно подготовить качественный закон, рассчитанный на долгосрочное применение.

Имеет место неопровержимый факт, который состоит в том, что большую часть своего рабочего времени Государственная Дума посвящает внесению поправок в ранее принятые законы. Конечно, поправки необходимы, поскольку «время и закон», как справедливо считали древнекитайские легисты, развиваются неодинаково. Время меняется, а закон стоит на месте. В этом случае все понятно, и никаких поводов для критики нет. Но когда вносятся поправки через неприлично короткое после принятия закона время, то естественным образом возникают вопросы. Может быть и нам стоит перенять опыт некоторых государств, который состоит в том, что в «базовые» законы нельзя вносить поправки в течение определенного количества лет. Нужно сказать, что данная практика заслуживает того, чтобы внимательно к ней присмотреться.

Представляется, что положение дел можно изменить, если развивать законодательную аналитику в качестве составной части правотворческой деятельности. Т. Гоббс красиво и глубоко называл законы «искусственным разумом государства». Как видим, сказано задолго до появления искусственного интеллекта. Можно только приветствовать развитие и применение современных технологий в законодательской деятельности. Тем не менее, следует неизменно стоять на том, чтобы в конечном счете «человек формировал законы и делал это для человека». Нельзя превращать машину в фетиш. Известная доля консерватизма в данном деле не помешает.

Законодательная аналитика является составной частью правовой аналитики, научной юридической деятельности. Значение этого направления трудно переоценить. Если решение или информацию человеку будет в основном давать «машина», то все равно её придется анализировать.

Законодательная аналитика востребована на всех стадиях подготовки законопроекта без исключения. Тем не менее, хотелось бы подчеркнуть, в каких случаях она особенно необходима. Представляется, что без законодательной аналитики просто невозможно сформировать и понимать принципы права, правовые дефиниции и правовые конструкции. Именно на этих «трех китах» стоит юридическая наука, образование, профессия и юридическая, в том числе законодательная, деятельность.

Список литературы:

1. Лафитский В.И. Миры права в теории и практике сравнительного правоведения: в 2 томах. М., «Прспект», 2021, Т. 1, С. 495.
2. Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М., Карьера-Пресс, 2017, С. 45.
3. Хайек Ф. Собрание сочинений: в 19 томах. Москва – Челябинск, Социум, 2020, Т. 15, С. 565.
4. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., «Мысль», 2003, С.193.

5. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. М., Эксмо, 2018, С.262
6. Варуфакис Я. Технофеодализм. М., Ад Маргинем Пресс, 2025.
7. Конституция Российской Федерации. М., «Проспект», 2024, С. 4.

A. V. Kornev. Legislative analytics: concept, content, functions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 549-557.

This article examines legislative analytics as a type of legal analysis. Currently, this area of analytical activity has promising prospects in the context of legal support for the implementation of national projects, as well as our country's technological leadership. General legislative issues and its current development are considered. In this regard, it is necessary to address the content of legislative analytics, as well as the functions it performs. Analysis in this context is not only a method for understanding legal reality but also a means of improving the effectiveness of legislative bodies.

Keywords: analysis, analytics, state, law, research, science, law, legal order, jurisprudence.

Spisok literaturey:

1. Lafitskij V.I. Miry prava v teorii i praktike sravnitel'nogo pravovedeniya: v 2 tomah. М., «Проспект», 2021, Т. 1, S. 495.
2. Iglton T. Pochemu Marks byl prav. М., Kar'era-Press, 2017, S. 45.
3. Hajek F. Sobranie sochinenij: v 19 tomah. Moskva – Chelyabinsk, Socium, 2020, Т. 15, S. 565.
4. Stiglic Dzh. Globalizaciya: trevozhnye tendencii. М., «Mysl'», 2003, S.193.
5. Shvab K. Tekhnologii chetvertoj promyshlennoj revolyucii. М., Eksmo, 2018, S.262
6. Varufakis Ya. Tekhnofeodalizm. М., Ad Marginem Press, 2025.
7. Konstituciya Rossijskoj Federacii. М., «Проспект», 2024, S. 4.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 558-565.

УДК 343.91

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОПОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ СОИСКАТЕЛЯ
УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ЛЕБЕШЕВА ИВАНА
СЕРГЕЕВИЧА НА ТЕМУ «ЛИЧНОСТЬ РЕЦИДИВИСТА, ОТБЫВАЮЩЕГО
НАКАЗАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ» ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.1.4
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Кондратюк С. В.

Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Представлена оценка кандидатской диссертации на тему «Личность рецидивиста, отбывающего наказание в местах лишения свободы» подготовленной Лебешевым Иваном Сергеевичем и защищенной в 2025 г. в диссертационном совете 24.2.336.03, созданном на базе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Проанализирован авторский взгляд на структуру личности рецидивиста, отбывающего наказание в местах лишения свободы. Поддержана научная позиция диссертанта на общественные отношения, возникающие в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, связанные с формированием, проявлением и развитием личности рецидивиста. Подтверждена актуальность диссертационного исследования, обоснована теоретическая и практическая значимость рецензируемой работы, а также репрезентативность использованного эмпирического материала. Применяемые в отечественной пенитенциарной практике карательные меры признаны чрезмерными, требующими более взвешенного подхода и баланса, соответственно мерам социальной и психологической поддержки. Меры по ресоциализации лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, требуют совершенствования.

Ключевые слова: криминология, рецидивные преступления, предупреждение рецидивной преступности, личность рецидивиста, криминальная субкультура.

Диссертационное исследование Лебешева И.С. посвящено актуальной и социально значимой проблеме – изучению личности рецидивиста, отбывающего наказание в местах лишения свободы, и разработке на этой основе мер по предупреждению рецидивной преступности [1]. Актуальность темы не вызывает сомнений, что обусловлено устойчивым ростом доли рецидивистов среди осужденных [2-4], их повышенной общественной опасностью и сохраняющимися трудностями в их ресоциализации [5-7].

Работа выполнена на высоком теоретическом и методическом уровне, структурно выдержана и содержит элементы научной новизны. Автор продемонстрировал глубокие знания в области уголовного права, уголовно-исполнительного права и криминологии, а также умение работать с обширным эмпирическим материалом. Структура работы обусловлена внутренней логикой изложения работы [8]. Работа написана в соответствии с планом, позволившем полностью раскрыть заявленную тему, состоит из введения, трех глав, включающих в себя семь параграфов, заключения, списка использованной литературы, приложений.

Введение диссертационного исследования Лебешева И.С. представляет собой образцово структурированный и содержательный раздел, который не только формально обозначает основные параметры работы, но и служит убедительным обоснованием всей последующей научной аргументации.

Актуальность темы обоснована не просто констатацией существования проблемы рецидивной преступности, а показана через выявление глубокого системного противоречия в современной уголовной политике. Автор фиксирует важный и парадоксальный тренд: на фоне общей гуманизации и снижения общего числа лиц в местах лишения свободы происходит качественное изменение структуры тюремного

населения. Исправительные учреждения превращаются в «резервации» для наиболее криминально зараженных, социально дезадаптированных и многократно судимых лиц. Приводятся убедительные статистические данные, показывающие почти двукратный рост удельного веса рецидивистов (с 32% в 2009 г. до 58,6% в 2023 г.), что трактуется не просто как криминологическая проблема, а как прямая угроза национальной безопасности. Автор справедливо указывает, что рецидивисты формируют костяк криминальной среды, являясь носителями и трансляторами антисоциальных норм.

Особую ценность представляет анализ факторов, способствующих рецидиву. Автор выходит за рамки традиционного объяснения, связанного лишь с личностными деформациями преступника. Указано на системные недостатки в работе самой пенитенциарной системы:

1. Недостаточное изучение личности осужденного администрацией ИУ.
2. Неэффективное использование полученных знаний в профилактике.
3. Слабая ресоциализационная работа и подготовка к освобождению.

Такой комплексный подход к актуальности, связывающий макропроцессы уголовной политики с проблемами пенитенциарной практики, задает высокий научный уровень всему исследованию.

Степень научной разработанности темы проанализирована скрупулезно. Автор демонстрирует знакомство с широким кругом научных школ и трудов ведущих ученых в области криминологии, уголовного и уголовно-исполнительного права (Г.А. Аванесов [9], А.И. Долгова [10], Ю.М. Антонян [11], Н.Ф. Кузнецова [12] и др.). При этом исследователь не ограничивается простым перечислением имен, а четко определяет научную нишу своего исследования: выявление ранее не раскрытых личностных особенностей многократно судимых и устранение пробелов в уголовно-исполнительном праве в сфере противодействия рецидиву. Это показывает, что автор не дублирует существующие наработки, а ставит перед собой задачу восполнить конкретные дефициты научного знания.

Формулировка объекта и предмета исследования отличается точностью и соответствием заявленной теме. Объектом выступают не статичные нормы права, а динамичные общественные отношения, возникающие в процессе исполнения наказания и формирования личности рецидивиста. Предмет исследования сформулирован комплексно и включает не только нормативную базу и характеристики личности, но и причинный комплекс, меры предупреждения, что отражает системный замысел работы.

Цель и задачи исследования сформулированы ясно, конкретно и операционально. Цель – «выявление новых криминологических особенностей личности рецидивиста, отбывающего наказание в виде лишения свободы, а также разработка на основе полученных данных предложений и рекомендаций, направленных на повышение эффективности предупреждения рецидивной преступности» – полностью соответствует актуальности и научной новизне. Задачи, сформулированные в виде пунктов, логически вытекают из цели и последовательно раскрывают путь ее достижения: от раскрытия понятия и типологии через изучение характеристик и детерминант к разработке мер предупреждения. Такой подход обеспечивает целостность и структурную стройность диссертации.

Методологическая основа исследования носит плюралистический характер, что адекватно сложности изучаемого объекта. Выбор диалектического метода в качестве основного позволяет автору анализировать личность рецидивиста и рецидивную преступность в развитии и взаимосвязи с другими социальными процессами. Арсенал частнонаучных методов (статистический, формально-юридический, конкретно-социологический, моделирования) подобран адекватно поставленным задачам и позволяет обеспечить достоверность результатов на разных уровнях исследования – от анализа больших данных до построения индивидуального криминологического портрета.

Нормативная, теоретическая и эмпирическая базы исследования отличаются глубиной и основательностью. Особого внимания заслуживает проявленный соискателем высокий уровень методологического подхода и системности при сборе эмпирических данных. В частности, в работе использованы: результаты анкетирования 425 осужденных-рецидивистов; материалы изучения 947 личных дел многократно судимых лиц, охватывающих 11 регионов РФ, что обеспечивает репрезентативность выборки и учет региональной специфики; данные 206 интервью с сотрудниками УИС, позволившие рассмотреть проблему с позиции практики; сведения ведомственной статистики ФСИН, МВД России и Судебного департамента за 36-летний период (1987-2023 гг.), предоставившие уникальную возможность выявить долговременные тенденции и закономерности.

Такая комплексная эмпирическая база послужила прочным фундаментом для формулирования выводов и практических рекомендаций автора.

В разделе, посвященном научной новизне, Лебешев И.С. не ограничивается перечислением полученных результатов, а раскрывает их сущность и значимость. Ключевыми элементами новизны являются: получение ранее не выявленных данных о личности рецидивиста и закономерностях ее формирования; разработка на их основе научно обоснованных методов профилактики рецидивной преступности; введение в научный оборот и концептуальное развитие понятия «ложного исправления», которое, как убедительно показано в работе, является центральным для осмысления ограниченности традиционных критериев оценки эффективности деятельности УИС.

Положения, выносимые на защиту, носят комплексный характер, охватывают все ключевые элементы предмета исследования – от теоретико-понятийного аппарата до конкретных законодательных и организационно-практических предложений. Они представляют собой логически завершенные результаты проделанного исследования.

Апробация и внедрение результатов подтверждают, что исследование носит прикладной характер. Активное участие автора в научных конференциях различного уровня и наличие 27 публикаций, включая статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России, свидетельствуют о его высокой научной активности и интеграции в профессиональное сообщество. Факт внедрения материалов диссертации в практическую деятельность Управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России подтверждает их востребованность и значительный прикладной потенциал.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в развитии положений учения о личности преступника и в дальнейшем углублении крими-

нологических основ предупреждения преступности. Практическая значимость работы выражается в возможности применения сформулированных автором выводов и предложений:

- в нормотворческой деятельности – при совершенствовании Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»;
- в практической деятельности ФСИН России и МВД России – для оптимизации воспитательной, профилактической и организационно-управленческой работы;
- в учебном процессе – при преподавании учебных дисциплин, в частности, курсов «Криминология», «Уголовное право», «Уголовно-исполнительное право».

Глава 1. «Понятие личности рецидивиста, отбывающего наказание в местах лишения свободы; детерминанты рецидивных преступлений». Параграф 1.1. В данном параграфе автор проводит глубокий теоретический анализ понятий «личность», «личность преступника», «личность осужденного» и «личность рецидивиста». Обоснованно разграничиваются уголовно-правовое и криминологическое понимания рецидива, что позволяет более точно определить специфику изучаемого феномена. Ключевым результатом данного раздела является разработанная автором развернутая типология рецидивистов, включающая семь основных типов: опасные профессиональные преступники («воры в законе»); профессиональные преступники (специализирующиеся, в основном на кражах); привычные рецидивисты; рецидивисты, страдающие зависимостями; рецидивисты с психическими расстройствами; «случайные» рецидивисты; рецидивисты группы риска («отверженные»).

Предложенная типология обладает значительным теоретическим и прикладным потенциалом, поскольку позволяет проводить дифференциацию и индивидуализацию исправительного воздействия в исправительных учреждениях. Использование автором примеров из собственной практической деятельности придает теоретическим положениям убедительность и иллюстративную наглядность.

Параграф 1.2. В данном параграфе представлен комплексный анализ детерминант рецидивной преступности. Автор справедливо дифференцирует причины первичных, рецидивных и пенитенциарных преступлений, что позволяет более глубоко раскрыть механизм воспроизводства криминального поведения. Особую ценность представляет анализ факторов, действующих в местах лишения свободы. К их числу отнесены: влияние тюремной субкультуры; конфликты между осужденными и с администрацией; недостатки в организации надзора, воспитательной и социально-психологической работы. Автор подробно описывает современные криминальные «бизнес-модели», функционирующие в ИУ (в том числе, мошенничество с использованием мобильной связи, нелегальная торговля и иные формы теневой экономики), что свидетельствует о глубоком понимании оперативной обстановки в местах лишения свободы.

Глава 2. «Криминологическая характеристика личности осужденного рецидивиста».

Параграф 2.1. На основе обширных эмпирических данных автор формирует детальный социально-демографический портрет рецидивиста. Установлено, что типичный рецидивист – это мужчина среднего возраста (в среднем – 37,3 лет), не состоящий в браке (67,2 %), со средним общим или средним специальным образова-

нием, не имевший постоянного места работы до осуждения (63%) и совершивший первое преступление в несовершеннолетнем возрасте. Особое внимание уделено выявлению негативных поведенческих особенностей, в том числе практике заключения браков в местах лишения свободы с корыстными целями – для получения передач, свиданий и иных льгот. Анализ отношения рецидивистов к религии, труду и образованию позволяет автору всестороннее дополнить криминологический портрет данной группы осужденных, подчеркнув противоречивость их ценностных ориентаций и социально-психологических установок.

Параграф 2.2. В данном параграфе проведен всесторонний анализ уголовно-правовых и уголовно-исполнительных признаков лиц, совершающих преступления повторно. Особое внимание уделено выявлению типичных социально-криминологических характеристик рецидивистов, структуре совершаемых ими преступлений, а также их особенностям. Исследование показало, что основные мотивы преступной деятельности рецидивистов связаны преимущественно с употреблением алкоголя или наркотических средств (34%), а также с материальными трудностями (25%). Эти данные подтверждают, что криминальное поведение данной категории лиц часто обусловлено сочетанием зависимостей и социально-экономической дезадаптацией. Отмечается, что наиболее высокая вероятность повторного преступления наблюдается в течение первых трех лет после освобождения: именно на этот период приходится около 75% всех рецидивных преступлений. Это свидетельствует о недостаточной эффективности мер постпенитенциарного контроля и социальной реабилитации.

По структуре преступности рецидивистов преобладают преступления против собственности (54 %), что отражает их направленность на получение материальной выгоды и сравнительно низкий уровень криминальной специализации. В уголовно-правовом плане значительная часть рецидивистов имеют 3 и более судимости (62 %), а более 43% осуждены на срок свыше 5 лет.

Половина рецидивистов считает наказание несправедливым и не признает вины.

Автор делает смелый и дискуссионный, но аргументированный вывод о нереальности цели «исправления» в отношении рецидивистов, предлагая заменить ее на более достижимую – «оказание помощи в формировании законопослушного образа жизни».

Глава 3. «Предупреждение рецидивной преступности».

Параграф 3.1. В данном параграфе автор предлагает системный подход к предупреждению рецидива, начиная с общесоциального уровня. Ценность представляет выделение мер экономического, социального, идеологического, духовного, медицинского, политического и правового характера. Практически значимым является предложение о проведении профилактических занятий в школах силами сотрудников МВД России и ФСИН России для наглядной демонстрации последствий преступной деятельности.

Параграф 3.2. В параграфе детально рассмотрены специально-криминологические меры. Наиболее значимыми являются следующие предложения автора: дифференциация численности отрядов в ИУ в зависимости от криминальной зараженности осужденных (до 80 человек для впервые осужденных, до 70 – для рецидивистов); введение особого порядка исчисления срока наказания, исключающего время нахождения в ШИЗО, ПКТ и ЕПКТ из общего срока; лишение злостных

нарушителей при опасном рецидиве права на условно-досрочное освобождение; активное использование потенциала нового Федерального закона «О пробации в Российской Федерации».

Данные предложения носят конкретный, проработанный характер и могут быть положены в основу законопроектной деятельности.

Параграф 3.3. Анализ индивидуальных мер предупреждения является сильной стороной диссертации. Автор вводит и обосновывает важное научное понятие «ложного исправления», которое описывает ситуацию, когда осужденный формально соответствует критериям исправления, но сохраняет преступные намерения. Это явление подкреплено статистикой об отмене условно-досрочного освобождения. Автор предлагает конкретные меры по усилению индивидуальной воспитательной работы, включая установление психологического контакта, проектирование личности осужденного и разработку индивидуальных программ. Ценным является предложение по дополнению ст. 92 УИК РФ правом осужденных на видео переговоры с родственниками для укрепления социально полезных связей.

Несмотря на несомненные достоинства работы, считаю необходимым высказать ряд замечаний, направленных на ее совершенствование.

1. Недостаточная проработанность сравнительно-правового аспекта. Стоит отметить, что в некоторых зарубежных странах успешно функционируют программы ресоциализации бывших осужденных, однако в тексте диссертации отсутствует системный анализ зарубежного опыта пенитенциарной работы с рецидивистами и их постпенитенциарной адаптации (например, моделей пробации в скандинавских странах или США). Такой анализ мог бы обогатить предлагаемые автором меры.

2. Некоторое преувеличение роли карательных мер. В работе справедливо отмечается необходимость ужесточения ответственности для многократно судимых. Однако этот тезис требует более взвешенного подхода и баланса с мерами социальной и психологической поддержки, чтобы не приводить к чрезмерной криминализации и дальнейшей маргинализации данной категории лиц.

3. Требуется уточнения методология анкетирования. В тексте приведены результаты опроса 425 осужденных, но отсутствует развернутая методика формирования выборки, что важно для оценки репрезентативности данных. Не в полной мере раскрыты методы обработки и интерпретации полученных социологических данных.

4. Недостаточная конкретизация мер по ресоциализации. В работе, верно, указано, что ключевой проблемой является недостаточная ресоциализация. Однако предлагаемые меры, особенно в части постпенитенциарного сопровождения, носят достаточно общий характер. Было бы целесообразно более детально расписать механизмы взаимодействия ФСИН России, органов местного самоуправления, НКО и работодателей, включая модели индивидуальных планов ресоциализации.

5. Дискуссионность предложения о неизменности жизненных приоритетов. Автор делает категоричный вывод о том, что жизненные приоритеты и установки рецидивистов остаются неизменными, а исправление невозможно. Этот вывод, хотя и подкреплен эмпирически, нуждается в более дифференцированном подходе. Вероятно, для некоторых типов рецидивистов (например, «случайных» или страдающих зависимостями при условии лечения) программы коррекции могут быть более эффективными.

Высказанные замечания имеют дискуссионный характер и не влияют на общую положительную оценку диссертации.

Вывод: диссертационное исследование Лебешева Ивана Сергеевича «Личность рецидивиста, отбывающего наказание в местах лишения свободы», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук представляет собой завершенную и актуальную научную квалификационную работу, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития уголовно-правовых наук, отвечает требованиям Положения «О присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в актуальной редакции), а ее автор Лебешев Иван Сергеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. «Уголовно-правовые науки (юридические науки)».

Список литературы:

1. Лебешев И.С. Личность рецидивиста, отбывающего наказание в местах лишения свободы: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 5.1.4. / Лебешев И.С.; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»]; Диссовет Д 212.123.XX (24.2.336.03)]. Москва, 2025. 31 с.
2. Кунц Е.В. Организованная преступность как угроза безопасности государства / Е.В. Кунц // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2025. Т. 35, № 6. С. 1108-1114.
3. Сорокун Н.С. О борьбе с рецидивной преступностью на современном этапе / Н.С. Сорокун, Е.З. Сидорова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2(113). С. 259-269.
4. Филиппова О.В. Рецидивная преступность в России: тенденции и закономерности / О.В. Филиппова // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19, № 2. С. 137-147.
5. Курбатова Г.В. Влияние условий содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы РФ на показатели рецидивной преступности / Г.В. Курбатова, Г.З. Цибульская // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 523-525.
6. Меркурьев В.В. Детерминанты рецидивной и повторной преступности / В.В. Меркурьев И.С. Амелина // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 4(77). С. 82-90.
7. Шиханцов Г.Г. Криминологическая характеристика личности рецидивиста / Г.Г. Шиханцов // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2016. Т. 6, № 5. С. 75-80.
8. Лебешев И.С. Личность рецидивиста, отбывающего наказание в местах лишения свободы: диссертация кандидата юридических наук: 5.1.4. / Лебешев И.С.; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»]; Диссовет Д 212.123.XX (24.2.336.03)]. Москва, 2025. 163 с.
9. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под науч. ред. Г.А. Аванесова, Е.А. Антонян; под общ. ред. З.Б. Соктоева, С.В. Иванцова. 8-е изд., перераб. и доп. Москва; ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 447 с.
10. Долгова А.И. Криминология: краткий учебный курс / А.И. Долгова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2025. 368 с.
11. Антонян Ю.М. Криминология: Учебник / Ю.М. Антонян. 3-е изд., пер. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 388 с.
12. Кузнецова Н.Ф. Избранные труды: Сборник / Н.Ф. Кузнецова; Н. Ф. Кузнецова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 832 с.

Kondratyuk S.V. Review of the official opponent on the dissertation of the candidate for the degree of Candidate of Law Ivan Sergeevich Lebeshev on the topic: «The personality of a repeat offender serving a sentence in places of deprivation of liberty», specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences (legal sciences) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 558-565.

The evaluation of the candidate's thesis on the topic «The personality of a repeat offender serving a sentence in places of deprivation of liberty» prepared by Ivan Sergeevich Lebeshev and defended in 2025 in the dissertation council 24.2.336.03, established on the basis of O.E. Kutafin University (MGUA). The author's view on the personality structure of a repeat offender serving a sentence in prison is analyzed. The scientific position of the dissertation researcher on the social relations that arise during the execution of criminal penalties in the form of imprisonment, related to the formation, manifestation and development of the recidivist's personality, is supported. The relevance of the dissertation research is confirmed, the theoretical and practical significance of the peer-reviewed work is substantiated, as well as the representativeness of the empirical ma-

terial used. The punitive measures used in domestic penitentiary practice are considered excessive, requiring a more balanced approach and balance, respectively, measures of social and psychological support. Measures for the re-socialization of persons serving sentences in places of deprivation of liberty require improvement.

Keywords: criminology, recidivism, prevention of recidivism, recidivist's personality, criminal subculture.

Spisok literatury:

1. Lebeshev I.S. Lichnost' recidivista, otbyvayushchego nakazanie v mestah lisheniya svobody: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk: 5.1.4. / Lebeshev I.S.; [Mesto zashchity: FGAOU VO «Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet imeni O. E. Kutafina (MGYUA)»; Dissovet D 212.123.XX (24.2.336.03)]. Moskva, 2025. 31 s.
2. Kunc E.V. Organizovannaya prestupnost' kak ugroza bezopasnosti gosudarstva / E.V. Kunc // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo. 2025. T. 35, № 6. S. 1108-1114.
3. Sorokun N.S. O bor'be s recidivnoj prestupnost'yu na sovremennom etape / N.S. Sorokun, E.Z. Sidorova // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2025. № 2(113). S. 259-269.
4. Filippova O.V. Recidivnaya prestupnost' v Rossii: tendencii i zakonomernosti / O.V. Filippova // Vse-rossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2025. T. 19, № 2. S. 137-147.
5. Kurbatova G.V. Vliyaniye uslovij soderzhaniya v uchrezhdeniyah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy RF na pokazateli recidivnoj prestupnosti / G.V. Kurbatova, G.Z. Cibul'skaya // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. № 7. S. 523-525.
6. Merkur'ev V.V. Determinanty recidivnoj i povtornoj prestupnosti / V.V. Merkur'ev I.S. Amelina // Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta. 2025. № 4(77). S. 82-90.
7. SHihancov G.G. Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti recidivista / G.G. SHihancov // Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni YAnki Kupaly. Seriya 4. Pravovedenie. 2016. T. 6, № 5. S. 75-80.
8. Lebeshev I.S. Lichnost' recidivista, otbyvayushchego nakazanie v mestah lisheniya svobody: dissertaciya kandidata yuridicheskikh nauk: 5.1.4. / Lebeshev I.S.; [Mesto zashchity: FGAOU VO «Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet imeni O. E. Kutafina (MGYUA)»; Dissovet D 212.123.XX (24.2.336.03)]. Moskva, 2025. 163 s.
9. Kriminologiya: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po napravleniyu «YUrisprudenciya» / pod nauch. red. G.A. Avanesova, E.A. Antonyan; pod obshch. red. Z.B. Soktoeva, S.V. Ivancova. 8-e izd., pererab. i dop. Moskva; YUNITI-DANA, 2023. 447 s.
10. Dolgova A.I. Kriminologiya: kratkij uchebnyj kurs / A.I. Dolgova. 4-e izd., pererab. i dop. Moskva: Norma: INFRA-M, 2025. 368 s.
11. Antonyan YU.M. Kriminologiya: Uchebnik / YU.M. Antonyan. 3-e izd., per. i dop. Moskva: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. 388 s.
12. Kuznecova N.F. Izbrannye trudy: Sbornik / N.F. Kuznecova; N. F. Kuznecova. SPb.: YUrid. centr Press, 2003. 832 s.

УДК 349.3

СТАЖ В ПРАВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Кручек И. В.

*Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени
В.М. Лебедева»*

Понятие стаж в юриспруденции используется достаточно давно. В учебной и научной литературе по праву социального обеспечения это уникальное правовое явление глубоко и всесторонне рассматривалось учеными, выработавшими систему знаний о стаже, которая до настоящего времени является теоретической основой для современных исследований в этой области. В пореформенный период, для которого характерна высокая динамика, масштабность и глубина преобразований социального страхования, как ведущей организационно-правовой формы социального обеспечения, возникает необходимость выработки на доктринальном уровне и закреплении в нормах права социального обеспечения общего родового понятия стажа, критериев его классификации, соответствующих современным вызовам и ориентированных на правоприменительную практику. Настоящая статья посвящена исследованию ряда теоретических и практических вопросов, связанных с определением понятия стажа как основания возникновения права на социально-обеспечительные предоставления, условия его предоставления и как фактора, оказывающего влияние на дифференциацию его размера. Автор на основе анализа специальной литературы, нормативных правовых актов и практики их применения обосновывает необходимость и вносит предложения по совершенствованию социально-обеспечительного законодательства.

Ключевые слова: стаж, понятие стажа, трудовой стаж, страховой стаж, исчисление стажа, доказательства страхового стажа, юридический факт, право социального обеспечения, социальное страхование, страховые периоды, нестраховые периоды.

С наличием стажа и его определённой продолжительностью нормы права социального обеспечения с момента выделения его в самостоятельную отрасль и до наших дней связывают как возникновение права, так и дифференциацию размера социально-обеспечительных предоставлений, которые в общественном сознании прочно закрепились как источник существования для основной части нетрудоспособного населения, либо как средство временного замещения утраченного заработка в установленных случаях.

Категория «стаж» достаточно давно исследуется в науке трудового права, а затем и права социального обеспечения. Классические работы М.Л. Захарова, Э.Г. Тучковой, Е.Е. Мачульской создали теоретическую основу для исследования стажа. Однако в последние десятилетия стаж как теоретическая категория, равно как и практические проблемы его исчисления и подтверждения, не привлекали пристального внимания ученых юристов, хотя мы не сумеем найти такую учебную литературу по праву социального обеспечения, которая не содержала бы раздел о стаже.

Для постсоветского этапа развития законодательства о социальном обеспечении характерна высокая динамика изменения и реформирования. Тенденции развития этой отрасли права, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе позволяют с уверенностью предположить, что юридическое значение стажа в праве социального обеспечения будет повышаться. Однако, невзирая на то, что с момента образования права социального обеспечения как самостоятельной отрасли права прошло достаточно много времени, и в рамках этой правовой отрасли сформировалась совокупность качественно однородных правовых норм, регулирующих порядок исчисления и подтверждения различных видов стажа, предусмотренных современным пенсионным законодательством, общее понятие стаж, сформулированное на док-

тринальном уровне [1, с.19], в пенсионном праве отсутствует. В нормах многочисленных пенсионных законов и подзаконных актов сформулированы и закреплены понятия различных видов стажа – страхового, трудового, льготного, выслуги лет, стажа работы в отдельных должностях [2; 3; 4].

Принимая во внимание вышеизложенное, считаем возможным указать на ряд проблем, как теоретического плана, так и практического характера, требующих рассмотрения и разрешения в ближайшей перспективе.

В современной учебной и научной литературе по праву социального обеспечения общая продолжительность периодов трудовой и иной общественно-полезной деятельности вследствие сложившейся исторической традиции, по инерции, все еще именуется трудовым стажем, а совокупность правовых норм, закрепляющих понятие отдельных видов стажа, правила исчисления, и доказательства стажа – институтом трудового стажа [5, с. 135-136; 6, с. 135]. Между тем, трудовой стаж, исходя из норм современного социально-обеспечительного законодательства, утратил свое значение, как один из юридических фактов, порождающих право на социально-обеспечительные предоставления, учитывается только при дифференциации размеров этих предоставлений и в своем прежнем качестве может использоваться лишь при рассмотрении исторической ретроспективы развития отрасли.

Ряд ученых придерживается позиции, согласно которой проблему следует решать в контексте актуальной для права социального обеспечения задачи по совершенствованию понятийного аппарата этой области юридической науки, в том числе посредством проведения научно-правовой экспертизы проектов нормативных правовых актов и подготовки кодекса законодательства о социальном обеспечении [7, с. 18; 8, с. 27-33; 9, с. 5-6;], перспектива работы над которым, надо отметить, даже ориентировочно, все еще не определена. С учетом вышеизложенного считаем своевременным высказанное в научной периодике предложение [10, с. 17] об использовании в учебной литературе по праву социального обеспечения в качестве родового понятия «стаж», а не «трудовой стаж».

В период активного пенсионного реформирования на постсоветском этапе развития отрасли при отсутствии законодательно закрепленного понятия стажа в отдельных статьях социально-обеспечительных законов были закреплены разные понятия страхового стажа [9, с. 5-6], например, страхового стажа в обязательном социальном страховании и страхового стажа в обязательном пенсионном страховании. Согласно ст. 3 закона № 400-ФЗ под страховым стажем понимается суммарная продолжительность периодов работы и (или) иной деятельности, учитываемая при определении права на страховую пенсию и ее размера, за которые начислялись или уплачивались страховые взносы в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации, а также иных периодов, засчитываемых в страховой стаж [2]. Однако, согласно ст. 3 Федерального закона от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» страховой стаж – это суммарная продолжительность времени уплаты страховых взносов [11]. А из смысла п. 1 и абзаца 8 п. 5 ст. 29 закона № 167-ФЗ [12], можно сформулировать следующее понятие страхового стажа – периоды уплаты страховых взносов лицами, добровольно желающими вступить в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию. Очевидно, что мы имеем ситуацию, когда три нормативных правовых акта демонстрируют

два разных подхода к решению вопроса об учете страхового стажа – их нормы закрепляют разные периоды, подлежащие зачету в страховой стаж, предполагают наступление разных последствий, но применяются к одним и тем же категориям гражданам, которые мы в рамках социального страхования как организационно-правовой формы социального обеспечения определяем как общую категорию субъекта-получателя – застрахованное лицо. Надо полагать, что в условиях расширения круга лиц, подлежащих общеобязательному социальному страхованию, в том числе и на условиях добровольного участия, это создает неравенство в пенсионных правах граждан, уплачивавших или уплачивающих взносы в системе общеобязательного пенсионного страхования и может стать, если не причиной, то детерминантой споров при назначении страховой пенсии.

В связи с вышеизложенным, представляется целесообразным в законах №167-ФЗ и №400-ФЗ закрепить единое, общее понятие страхового стажа, приняв за основу ту дефиницию «страховой стаж», которая устанавливается в ст.7 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях».

В контексте исследуемой проблематики стаж рассматривается как юридический факт – условие для получения социально-обеспечительного предоставления в обеих организационно-правовых формах социального обеспечения и в этом качестве – юридического факта в сложном юридическом составе – должен быть закреплён в соответствующей правовой норме. Например, право на страховую пенсию по старости возникает при наличии страхового стажа не менее 15 лет, а для возникновения права на страховые пенсии по инвалидности или по смерти кормильца необходимо лишь факт наличия страхового стажа. И только приступив к исчислению размера пенсии, мы понимаем, что математические формулы расчёта размера страховой пенсии не дадут положительного результата в случае, если продолжительность страхового стажа субъекта – получателя окажется менее, чем один рабочий день. Кроме того ст. 431 НК РФ, устанавливая правила уплаты страховых взносов, закрепляет, что минимальным периодом, который включается в страховой стаж, всегда считается один календарный день. Принимая во внимание вышеизложенное, считаем целесообразным указать в ст.9 закона №400-ФЗ, что условием назначения страховой пенсии по инвалидности является, в том числе, наличие страхового стажа у гражданина, признанного инвалидом, не менее 1 дня.

В соответствии со сложившейся в течение социалистического этапа развития права социального обеспечения РФ традицией, в стаж для назначения пенсии, помимо периодов работы, включается ряд периодов, когда субъект пенсионного права был занят выполнением иных задач и обязанностей, которые мы условно объединим под общим названием общественно-полезная функция. Перечень таких периодов, условия и порядок их зачета в стаж, соответственно трудовой, а затем страховой, в течение советского и постсоветского этапов развития права социального обеспечения неоднократно претерпевали изменения в соответствии с историческими и экономическими вызовами. В современном пенсионном законодательстве перечень этих периодов, называемых «иными» или «нестраховыми», закреплён в ст.12 Закона №400-ФЗ и включает 12 позиций, которые мы в контексте настоящего исследования, с учетом предложенных в научной периодике вариантов их классификации [13, с. 53-54], предлагаем разделить на группы в зависимости от их общественной полезности или необходимости следующим образом: 1) периоды служебной и иной

деятельности, в осуществлении которой нуждается государство; 2) периоды осуществления ухода за лицом, которое в соответствии и в порядке, предусмотренном социально-обеспечительным законодательством, признано нуждающимся в постоянном постороннем уходе, а также период ухода за ребенком первых месяцев жизни; 3) периоды отбывания уголовного наказания в случае последующей реабилитации; 4) периоды, в течение которых трудовая деятельность не представлялась возможной по причинам, независящим от гражданина.

Позволим себе еще раз подчеркнуть, что стаж как юридический факт, является условием для возникновения права субъекта-получателя на ряд страховых или государственных социально-обеспечительных предоставлений. Вместе с тем в целом ряде случаев стаж влияет еще и на размер социально-обеспечительных предоставлений в рамках социального страхования. Таким образом, позиция законодателя, сформированная на пике советского этапа развития социального обеспечения, по-прежнему направлена на реализацию идеи эквивалентности размера периода общественно-полезной деятельности гражданина размеру его пенсии. Считаем необходимым в рамках настоящего исследования обратить внимание на ряд вопросов, при решении которых, как нам представляется, не удалось достичь полного соответствия такого решения основным принципам обязательного соцстрахования.

В соответствии со ст. 1 закона №167-ФЗ часть расходов по выплате пенсий в случае зачета в страховой стаж нестраховых периодов возмещается за счет средств федерального бюджета только в том случае, если таковым является период военной службы по призыву, период ухода за ребенком в возрасте до полутора лет, период ухода за инвалидом первой группы, ребенком-инвалидом или лицом, старше 80 лет, период проживания супругов военнослужащих по контракту по месту службы супруга, где отсутствовала возможность трудоустроиться, период проживания за границей супругов работников, направленных на работу за рубежом, период временного отстранения от работы лица, необоснованно привлеченного к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированного, и период пребывания в добровольческом формировании. Таким образом, иные периоды из числа указанных в ч.1 ст.12 закона №400-ФЗ, не имеют эквивалента приобретенных пенсионных прав в виде пенсионных баллов, что снижает экономическую эффективность решения по зачету их в страховой стаж.

С учетом изложенного представляется, что коэффициент полезного действия принятого законодателем решения не позволяет считать социальные гарантии гражданам, по тем или иным причинам занятым выполнением не трудовых, а иных социально-значимых функций, реализованными в полном объеме в системе пенсионного страхования. Ограничения возраста детей не всегда учитывает реальные жизненные обстоятельства граждан, особенно в многодетных семьях, которые сегодня находятся в приоритете государственной социальной политики, или при уходе за несколькими детьми-инвалидами.

С учетом указанного считаем, что совершенствование законодательства в сфере исчисления страхового стажа требует поиска более гибких путей обеспечения баланса между основными принципами социального страхования – всеобщности и гарантированности – и социальными гарантиями, установленными в соответствии с векторами и приоритетами социальной политики для отдельных категорий граждан.

Таким решением, как представляется, могло бы стать: увеличение общего периода ухода за детьми в возрасте до 3 лет; нормативное закрепление формирования пенсионного балла и его размера за каждый из предусмотренных нормами ч.1 ст. 12 закона №400-ФЗ нестраховых периодов в случае включения такого периода в страховой стаж.

Решение законодателя о включении в число нестраховых периодов получения пособия по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и участия безработного в оплачиваемых общественных работах представляется не обоснованным, так как и в том и в другом случае субъект-получатель находится в трудовых отношениях и подлежит обязательному социальному страхованию [14]. Таким образом, вопрос о решении зачета указанных периодов в страховой стаж должен решаться в соответствии с нормами ст. 11, а не ст. 12 закона №400-ФЗ. Убеждены, что эти периоды следует исключить из текста ч.1 ст. 12 закона №400-ФЗ.

Рассматривая понятие и юридическую природу стажа как элемента механизма правового регулирования, Д.В. Агашев исследует, в том числе, и применяемые Социальным фондом России методики исчисления стажа [15]. Выводы, к которым приходит ученый по определению оптимальной схемы исчисления продолжительности периодов, подлежащих зачету в стаж, безусловно, справедливы с точки зрения теории права социального обеспечения, им чрезвычайно сложно противопоставить какие – либо контраргументы [16, с. 463-466]. Вместе с тем, вызывает опасение, позволит ли предлагаемая методика календарного исчисления стажа органам Социального фонда РФ в случае ее внедрения, пусть даже в масштабах пилотного проекта, скажем так, в производственную эксплуатацию, при назначении пенсий обеспечить соблюдение сроков пенсионных процедур, которые с учетом процессов цифровизации и в соответствии с современными вызовами имеют стойкую тенденцию к сокращению.

Считаем необходимым в контексте настоящего исследования рассмотреть стаж в его второй ипостаси – как правового института, нормы которого призваны регламентировать порядок, условия исчисления и подтверждения периодов трудовой или иной общественно полезной деятельности с учетом исключений, установленных для отдельных видов стажа, выступающих основанием для назначения отдельных видов пенсий при отсутствии требований достижения пенсионного возраста.

Начиная с 2002 г. социально-обеспечительное законодательство единственным доказательством страхового стажа в системе обязательного пенсионного страхования называет информацию единого персонифицированного учета [16], накапливающуюся в электронной базе Социального фонда РФ. Какие-либо иные документы, которые находятся на руках у гражданина, при решении вопроса о праве на страховую пенсию не учитываются и не рассматриваются. Судебная практика имеет достаточно примеров, когда производство по делам об установлении периодов работы для включения в страховой стаж было прекращено именно в силу наличия у истца документов о периоде работы по найму, надлежащим образом оформленных, но выполненных на бумажном носителе, содержание которых не продублировано в системе индивидуального персонифицированного учета [17, 143-144]. В рамках настоящего исследования представляется своевременным изучить ситуацию, кото-

рая, как нам представляется, уже не может рассматриваться как исключение из общепринятого порядка подтверждения страхового стажа.

Для этого следует выделить и исследовать «территориальные особенности» определения права на страховые пенсии, а также порядок подтверждения и исчисления страхового (трудового) стажа на примере новых субъектов РФ. Наряду с Федеральным законом от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», который установил основания возникновения и порядок реализации права граждан РФ на страховые пенсии, отдельное место занимают Федеральный закон от 21.07.2014 № 208-ФЗ «Об особенностях пенсионного обеспечения граждан, Российской Федерации, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее – закон № 208-ФЗ) [18], и Федеральный закон от 17.02.2023 г. №17-ФЗ «Об особенностях пенсионного и дополнительного социального обеспечения граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» (далее – закон № 17-ФЗ) [19] которые устанавливают особенности реализации прав на пенсионное обеспечение граждан РФ, постоянно проживавших на территории вышеуказанных РФ Федерации, в том числе в части порядка включения в страховой (трудовой) стаж периодов работы и иных не страховых периодов на территории Украины и на указанных территориях до изменения их государственно-правового статуса.

К указанным категориям граждан РФ, для которых установлены особенности в порядке подтверждения страхового стажа, в свете последних изменений в пенсионном законодательстве [20] следует добавить граждан РФ, работавших на территории Украины, ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей в период с 01.01.1991 г. по декабрь 2022 г., которые не попали в категории, предусмотренные законом №17-ФЗ по причине отсутствия или нехватки стажа и пенсионных баллов, и им ранее было отказано в назначении страховой пенсии по нормам российского пенсионного законодательства и/или страховая пенсия была назначена без учета стажа и пенсионных баллов за этот период.

Практика применения выше указанных норм, обеспечивая возможность назначения страховой пенсии гражданам РФ, проживавшим в Крыму и Севастополе в период до 18.03.2014 г., после их интеграции в правовое поле РФ, выявила значительные проблемы в части истребования и представления данных о страховом стаже и индивидуальном пенсионном коэффициенте в системе персонифицированного учета для субъектов пенсионного права из числа граждан указанной категории, которые в свете сегодняшних реалий уже не могут рассматриваться как исключительно «крымские» особенности и требуют решения в ближайшей перспективе.

В контексте настоящего исследования считаем необходимым указать на сложности правоприменительной практики при оценке различных видов деятельности для решения вопросов, связанных с исчислением продолжительности страхового стажа, возникающие вследствие изменений государственно-правового статуса территории, где осуществлялась трудовая деятельность.

Часть 1 ст. 1 и ст. 5.1 закона №208-ФЗ, ч. 1 ст. 1, ст. 5 закона №17-ФЗ, устанавливая особенности реализации права на пенсионное обеспечение, рассматривают особенности подтверждения периодов работы до завершения интеграции вновь образо-

ванных субъектов в правовое поле РФ для включения их в страховой стаж, как этап пенсионной процедуры – после обращения гражданина с заявлением о назначении страховой пенсии и в порядке перерасчета размера пенсии.

Диапазон обстоятельств, не зависящих от гражданина, из-за которых утрачиваются данные о значительных периодах его трудовой или иной общественно полезной деятельности, даже в условиях обыденной действительности, достаточно широк, например прекращение деятельности работодателей или их несвоевременная перерегистрация в Едином государственном реестре юридических лиц Российской Федерации. Принимая во внимание отсутствие какой-либо положительной динамики в решении вопроса о налаживании межведомственного взаимодействия компетентных органов двух государств – России и Украины – для разрешения сложившейся правовой ситуации «здесь и сейчас», необходимы неординарные механизмы защиты пенсионных прав застрахованных лиц.

Предложенное в научной литературе беззаявительное исчисление Социальным фондом индивидуального пенсионного коэффициента для граждан указанных категорий предпенсионного возраста и внесение соответствующей информации в систему персонифицированного учета представляется, безусловно, заслуживающим внимания превентивным шагом, направленным на снижение неизбежного «накала» будущей проблемы, однако приходится признать, что, по сути, это решение позволит лишь обеспечить возможность гражданину получить страховую пенсию в будущем по схеме, по существу близкой к той, которая применяется сегодня, т.е. исходя из фиксированной, усредненной величины ИПК, которую, как и в ныне применяющемся механизме расчёта, будут характеризовать как предусматривающую «относительно невысокое значение ИПК» [21, с. 111].

Представляется что оптимальным механизмом может быть нормативное закрепление права граждан представлять документы, в том числе и самостоятельно полученные в органах Пенсионного фонда Украины, содержащие сведения об уплате страховых взносов за интересующие нас периоды работы. Это, безусловно, единственный и безальтернативный способ получения объективных и реальных сведений об объеме пенсионных прав гражданина. Считаем целесообразным разрешить гражданам РФ, постоянно проживавшим по состоянию на 18.03.2014 г. на территории Республики Крым, на территории города федерального значения Севастополя, равно как и на других территориях, принятых в состав РФ и именуемых сегодня «новыми территориями», обращаться с заявлением о подтверждении периодов работы и (или) иной деятельности и заработка, в порядке, установленном ст.5.1 закона №208-ФЗ, и ст. 5 закона №17-ФЗ независимо от достижения пенсионного возраста и обращения за реализацией пенсионных прав.

С учетом вышесказанного, следует признать, что порядок исчисления страхового стажа, установленный подзаконным актом [16], диссонирует с нормами вышеуказанных Федеральных законов, не упоминая об альтернативном способе установления страхового стажа после регистрации гражданина в системе персонифицированного учета – путем обращения граждан, указанных в части 1 ст. 1 закона №208-ФЗ и в части 1 ст. 1 закона № 17-ФЗ, в комиссию по реализации пенсионных прав граждан. По нашему мнению порядок следует дополнить разделом, устанавливающим статус комиссии по реализации пенсионных прав

граждан, и регламентирующим порядок ее создания, работы, принятия и обжалования решений комиссии.

Предлагаемые решения позволят, по нашему мнению, преодолеть противоречие между формальным соблюдением требований к документальному подтверждению стажа и конституционными принципами социальной справедливости, гарантирующими реализацию приобретённых пенсионных прав гражданам РФ.

Список литературы:

1. Агашев Д.В. Некоторые проблемы в совершенствовании понятийного аппарата института стажа в праве социального обеспечения // Социальное и пенсионное право. – 2025. – №1. – С.19 – 23
2. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // СЗ РФ. – 2013. – № 52. – Ст. 6965.
3. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2001. – № 51. – Ст. 483.
4. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. №7-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». // СЗ РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
5. Андреев В.С. Право социального обеспечения в СССР: учебник. М., Юрид. лит, 1980. 312 с.
6. Право социального обеспечения России: учебник для бакалавров / отв. ред. Э.Г. Тучкова. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 448 с.
7. Мачульская Е.Е. Проблемы формирования базовых понятий права социального обеспечения // Социальное и пенсионное право. – 2023. – № 3. – С. 12-18.
8. Маматказин И.Р. Значение понятийного аппарата для выявления сущности и функции социально-обеспечительных выплат // Социальное и пенсионное право. – 2023. – № 3. – С. 27 – 33.
9. Стаж как основание возникновения права на социальное обеспечение: учебное пособие/ М.Н. Бронникова, Л.А. Шемонаева – Самара: Издательство самарского университета. – 2024. – 84с.
10. Агашев Д.В. Стаж как элемент отраслевого механизма правового регулирования в российском праве социального обеспечения // Социальное и пенсионное право. – 2017. – № 2. – С. 15 – 19.
11. Федерального закона от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» // СЗ РФ. – 1999. – № 29. – Ст. 3686
12. Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2001. г. – № 51. – Ст. 4832.
13. Курченко О. С. Влияние иных (нестраховых) периодов на формирование пенсионных прав застрахованного лица // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2023. – Т. 20, № 1. – С. 53-65.
14. Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2023. – № 51. – Ст. 9138.
15. Постановление Правительства РФ от 2 октября 2014 г. № 1015 701 «Об утверждении Правил подсчета и подтверждения страхового стажа для установления страховых пенсий» // СЗ РФ. – 2014. – № 41. – Ст. 5545
16. Агашев Д.В. Стаж в праве социального обеспечения России: некоторые проблемы теории и практики// Российский вестник трудового права. – 2011. – №6. – С. 458-466
17. Агашев Д.В. Проблемы установления отдельных юридических фактов, определяющих право на страховую пенсию по возрасту//Вестник Томского государственного университета. – 2020. – №35. – С.141-154
18. Федеральный закон от 21.07.2014 № 208-ФЗ «Об особенностях пенсионного обеспечения граждан, Российской Федерации, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Официальный интернет-портал правовой информации// СЗ РФ. – 2014. – № 30. – Ст. 4207
19. Федеральный закон от 17.02.2023 года №17-ФЗ «Об особенностях пенсионного и дополнительного социального обеспечения граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // СЗ РФ. – 2023. – № 8. – Ст. 1194.
20. Федеральный закон от 13.12.2024 N 455-ФЗ "Об особенностях пенсионного обеспечения граждан Российской Федерации, имеющих периоды работы на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, о признании утратившей силу части 5 статьи 5.1 Федерального закона "Об особенностях пенсионного обеспечения граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя" и внесении изменений в статьи 6 и 8 Федерального закона "Об особенностях пенсионного и дополнительного социального обеспечения граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области"// СЗ РФ. – 2024. – № 51 – Ст. 7849

21. Агашев, Д. В., Хандога В.В. Некоторые проблемы определения права на страховые пенсии по возрасту жителей Республики Крым и Г. Севастополя в системе пенсионного обеспечения России // Экономика, управление, право и общество: материалы V межрегиональной научно-практической сетевой интернет-конференции, Симферополь, 21 декабря 2020 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2021. – С. 109-112. – С. 111.

Kruchek I. V. Seniority in social security law. current issues of theory and practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 566-575.

The concept of seniority has long been used in jurisprudence. In academic and scientific literature on social security law, this unique legal phenomenon has been deeply and comprehensively examined by scholars, who have developed a system of knowledge on seniority that still forms the theoretical basis for modern research in this area. In the post-reform period, characterized by the rapid, extensive, and profound transformation of social insurance as the leading organizational and legal form of social security, it has become necessary to develop a general, generic concept of seniority at the doctrinal level and enshrine it in social security law, along with criteria for its classification that meet contemporary challenges and are oriented toward law enforcement practice. This article examines a number of theoretical and practical issues related to the definition of length of service as the basis for eligibility for social security benefits, the conditions for its provision, and as a factor influencing the differentiation of its amount. Based on an analysis of specialized literature, regulatory legal acts, and their practical application, the author substantiates the need for and makes proposals for improving social security legislation.

Keywords: length of service, concept of length of service, work experience, insurance experience, calculation of length of service, evidence of insurance experience, legal fact, social security law, social insurance, insurance periods, non-insurance periods.

Spisok literaturey:

1. Agashev D.V. Nekotorye problemy v sovershenstvovanii ponyatiynogo apparata instituta stazha v prave social'nogo obespecheniya // Social'noe i pensionnoe pravo. – 2025. – №1. – С.19 – 23
2. Federal'nyj zakon ot 28 dekabrya 2013 g. № 400-FZ «O strakhovykh pensiyakh» // SZ RF. – 2013. – № 52. – Ст. 6965.
3. Federal'nyj zakon ot 15 dekabrya 2001 g. № 166-FZ «O gosudarstvennom pensionnom obespechenii v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. – 2001. – № 51. – Ст. 483.
4. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2004 g. №7-FZ «O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii». // SZ RF. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
5. Andreev V.S. Pravo social'nogo obespecheniya v SSSR: uchebnik. M., Yurid. lit, 1980. 312 s.
6. Pravo social'nogo obespecheniya Rossii: uchebnik dlya bakalavrov / otv. red. E.H.G. Tuchkova. – 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2017. 448 s.
7. Machul'skaya E.E. Problemy formirovaniya bazovykh ponyatij prava social'nogo obespecheniya // Social'noe i pensionnoe pravo. – 2023. – № 3. – С. 12-18.
8. Mamatkazin I.R. Znachenie ponyatiynogo apparata dlya vyavleniya sushchnosti i funkcii social'no-obespechitel'nykh vyplat // Social'noe i pensionnoe pravo. – 2023. – № 3. – С. 27 – 33.
9. Stazh kak osnovanie vzniknoveniya prava na social'noe obespechenie: uchebnoe posobie/ M.N. Bronnikova, L.A. Shemonaeva – Samara: Izdatel'stvo samarskogo universiteta. – 2024. – 84s.
10. Agashev D.V. Stazh kak ehlement otraslevogo mekhanizma pravovogo regulirovaniya v rossijskom prave social'nogo obespecheniya // Social'noe i pensionnoe pravo. – 2017. – № 2. – С. 15 – 19.
11. Federal'nogo zakona ot 16.07.1999 № 165-FZ «Ob osnovakh obyazatel'nogo social'nogo strakhovaniya» // SZ RF. – 1999. – № 29. – Ст. 3686
12. Federal'nyj zakon ot 15.12.2001 № 167-FZ «Ob obyazatel'nom pensionnom strakhovanii v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. – 2001. g. – № 51. – Ст. 4832.
13. Kurchenko O. S. Vliyanie inykh (nestrakhovykh) periodov na formirovanie pensionnykh prav zastrakhovannogo lica // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2023. – Т. 20, № 1. – С. 53-65.
14. Federal'nyj zakon ot 12.12.2023 № 565-FZ «O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. – 2023. – № 51. – Ст. 9138.
15. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 2 oktyabrya 2014 g. № 1015 701 «Ob utverzhdenii Pravil podscheta i podtverzhdeniya strakhovogo stazha dlya ustanovleniya strakhovykh pensij» // SZ RF. 2014. № 41. Ст. 5545
16. Agashev D.V. Stazh v prave social'nogo obespecheniya Rossii: nekotorye problemy teorii i praktiki// Rossijskij vestnik trudovogo prava. – 2011. – №6. – С. 458-466
17. Agashev D.V. Problemy ustanovleniya otel'nykh yuridicheskikh faktov, opredelayushchikh pravo na strakhovuyu pensiyu po vozrastu//Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. №35. С.141-154
18. Federal'nyj zakon ot 21.07.2014 № 208-FZ «Ob osobennostyakh pensionnogo obespecheniya grazhdan, Rossijskoj Federacii, prozhivayushchikh na territoriyakh Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopol'YA» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii// SZ RF. – 2014. – № 30. – Ст. 4207
19. Federal'nyj zakon ot 17.02.2023 goda №17-FZ «Ob osobennostyakh pensionnogo i dopolnitel'nogo social'nogo obespecheniya grazhdan, prozhivayushchikh na territoriyakh Doneckoj Narodnoj Respubliki,

- Luganskoj Narodnoj Respubliki, Zaporozhskoj oblasti i Khersonskoj oblasti» // SZ RF. 2023. № 8. – St. 1194.
20. Federal'nyj zakon ot 13.12.2024 N 455-FZ "Ob osobennostyakh pensionnogo obespecheniya grazhdan Rossijskoj Federacii, imeyushchikh periody raboty na territoriyakh Ukrainy, Doneckoj Narodnoj Respubliki i Luganskoj Narodnoj Respubliki, o priznanii utrativshej silu chasti 5 stat'i 5.1 Federal'nogo zakona "Ob osobennostyakh pensionnogo obespecheniya grazhdan Rossijskoj Federacii, prozhivayushchikh na territoriyakh Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya" i vnesenii izmenenij v stat'i 6 i 8 Federal'nogo zakona "Ob osobennostyakh pensionnogo i dopolnitel'nogo social'nogo obespecheniya grazhdan, prozhivayushchikh na territoriyakh Doneckoj Narodnoj Respubliki, Luganskoj Narodnoj Respubliki, Zaporozhskoj oblasti i Khersonskoj oblasti"// SZ RF. – 2024. – № 51 – St. 7849
21. Agashev, D. V., Khandoga V.V. Nekotorye problemy opredeleniya prava na strakhovye pensii po vozrastu zhitelej Respubliki Krym i G. Sevastopolya v sisteme pensionnogo obespecheniya Rossii // *Ehkonomika, upravlenie, pravo i obshchestvo: materialy V mezhregional'noj nauchno-prakticheskoy setевой internet-konferencii, Simferopol', 21 dekabrya 2020 goda.* – Simferopol': Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo Tipografiya «AriaL», 2021. – S. 109-112 S. 111.
- .

УДК: 346.27:334.732.2

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ НА ЗАКОНОМЕРНОСТИ КРЕДИТНО-КООПЕРАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Невлев В.В., Соловьева Л.В.

Белгородский университет кооперации, экономики и права

Исследуется влияние внешнего окружения кредитной организации на её конструктивные особенности. Дана краткая ретроспектива развития отечественного кредитования, обоснована сущность проблемы. Определен уровень исторической разработанности заявленной темы в свете современных требований к юридической науке. Приведены дефиниции основных понятий базовой структуры статьи. Выделены главные факторы эффективного управления кредитными кооперативами в условиях неопределённости внешнего мира. Рассмотрены исходные предпосылки организационно-правового формирования конструкции кредитной кооперации. Выявлены особенности взаимодействия компонентов внешней среды при правовой регламентации кредитной модели. Показана регулятивная роль детерминации управления в кредитной деятельности. Обозначены конструктивные аспекты внешнего влияния на правовое регулирование процесса моделирования. Выделена специфика социально-правового воздействия неопределенной среды при выборе групп развития кредитной кооперации. Освещена социально-правовая природа основных факторов внешнего мира при конструировании кооперации. Особо подчеркнута значимость правовых условий для кредитно-кооперативного развития. Проведена дифференциация внешних факторов нормативно-правового регулирования кредитной деятельности. Изучены социально-правовые закономерности кредитной кооперации при конструировании её модели. Дана подробная характеристика всех групп социально-правовой конструкции кооперативного кредитования.

Ключевые слова: российское законодательство, юридическое лицо, кредитная кооперация, правовое регулирование, детерминанты управления, конструкция, социальные условия, внешняя среда, факторы развития, право собственности.

Усиление рыночной конкуренции привело к увеличению экономических проблем развития в отдельных странах. В связи с этим в мире усиливается кооперативное движение. Потому что его принципы солидарности и сотрудничества стали необходимыми условиями сохранения и укрепления сектора экономики. Учитывая, что кооперация и её объединения ведут как социальную, так и разнообразную хозяйственную деятельность, было сформулировано следующее определение. «Кооперативное движение – это массовое социально-экономическое движение, направленное на создание благоприятных условий для развития кооперативных организаций с целью удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей членов кооперации» [17, с.11-12].

Понятие кооперативного движения, так же, как и профсоюзного, политического и любого другого массового движения, обозначает общественную деятельность людей, осуществляемую с конкретной целью. Кооперативное движение России в условиях экономической нестабильности способствует принятию законов о кооперации разных видов, снижению налогов, предоставлению кооперативам экономических и финансовых льгот на федеральном, региональном и местном уровнях.

Исходное обоснование проблемы. Любая кооперативная организация представляет собой открытую систему, целостность, состоящую из многочисленных взаимозависимых частей, тесно переплетающихся с внешним миром. Реализация управленческих решений в кооперации зависит от совокупности так называемых

внутренних и внешних факторов. Остановимся более подробно на втором его виде. «Фактор (от лат. factor – делающий, производящий), причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные его черты» [1, с.1650].

Основной юридической формой организации кооперативной деятельности является кооператив. Сущность кооператива не меняется, если он называется обществом, артелью, товариществом и другие. Кооперативы по своей социально-экономической природе являются одновременно ассоциацией граждан и хозяйственным объединением. Кооперация социально обусловлена, поэтому её функции, деятельность, назначение отвечает потребностям общества и условиям времени.

Различные аспекты кооперации изучали многие ученые. Теоретическую основу статьи образуют научные труды дореволюционных цивилистов и специалистов в области кооперативного права – А.М. Анцифорова, С.В. Бородаевского, Н.П. Гибнера, В.Ф. Тотомианца, М.И. Туган-Барановского, А.В. Чаянова и других. Использовались работы представителей советской и современной российской науки гражданского права – Т.Е. Абовой, И.Н. Буздалова, К.И. Вахитова, В.В. Витрянского, А.П. Климова, И.А. Корякова, А.П. Макаренко, Л.А. Самсонова и других. Сравнивались труды отечественных и зарубежных авторов – С. Бека, Д. Бирчела, Ш. Жида, Я. Макферсона, Е. Метца, М.Х. Мескона и многих других.

Кооперативы не следует относить к некоммерческим или коммерческим организациям. Они занимают самостоятельное место в системе юридических лиц. Хозяйственные (предпринимательские) функции выполняют коммерческие организации, некоммерческие организации преследуют нематериальные цели. В связи с этим деление кооперативов в российском законодательстве на производственные (коммерческие) и потребительские (некоммерческие) не отвечает интересам единого правового обеспечения кооперативных отношений. Установлена трехчленная классификация юридических лиц: коммерческие, некоммерческие и кооперативные. В классификационном ряду такого деления кредитные кооперативы занимают самостоятельное место, поскольку, органически сочетая признаки коммерческих и некоммерческих организаций, они имеют свои присущие кооперативу черты. Важная роль в структуре потребительской кооперации отводится кредитным потребительским кооперативам [17, с.13-14].

Предметом данного исследования являются нормы гражданского права, закрепленные в соответствующих нормативно-правовых актах, процесс их воздействия на общественные отношения в сфере кредитной кооперации; законодательство, регламентирующее отношения в кредитной потребительской кооперации (КПК), практике её конструирования.

Научная новизна обозначенной темы определена постановкой проблем и степенью их разработанности. Работа относится к первым в России комплексным исследованием, посвященным проблематике гражданско-правового регулирования кредитной потребительской кооперации. В статье поставлен ряд задач, не нашедших должного освещения в юридической литературе, предложены пути их решения.

Конкретные элементы новизны выражаются в следующем: сформулированы пути совершенствования структуры гражданского законодательства о потребительской кооперации, предложена новая модель ее дальнейшего развития; обоснована

единая правовая сущность основы для отграничения кооперативов от коммерческих и некоммерческих организаций; обоснованы новые подходы к конструированию права собственности потребительских кооперативов, связанные с возможным существованием двух режимов права собственности – право собственности потребительского кооператива и право собственности членов потребительского кооператива на часть имущества кооператива.

Цивилистические аспекты конструирования и регулирования деятельности кредитных потребительских кооперативов увязаны с новыми тенденциями в мировом кооперативном движении. В таком ракурсе гражданско-правовое положение кредитных кооперативов в России не исследовалось должным образом и связанные с этим возможности не использовались. Избранное направление позволяет определить основные начала гражданско-правового положения кредитной кооперации. В итоге это открывает дополнительные возможности для исследования правового статуса субъектов гражданского права [8, с.177-184].

Методологическую базу статьи составляют общенаучные и частнонаучные методы исследования: сравнительно-правовой, исторический, формально-логический, системно-структурный и другие. Работа строится на критическом анализе теоретического материала и подчинена логике правоприменительного процесса. В исследовании использованы философские категории формы и содержания, общего и отдельного, а также теоретические выводы и положения специалистов в области экономики, истории и теории кооперативного движения, психологии, социологии, общей теории права.

Эмпирическую основу образуют: международные документы, направленные на правовое регулирование кооперативных отношений законодательные и иные правовые акты Российской Федерации, нормативные акты субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, документы Центросоюза Российской Федерации, материалы судебно-арбитражной практики. В работе также используются материалы периодической печати.

Использование указанных методов позволило создать всестороннюю и полную картину генезиса институционального становления конструкции кредитной кооперации, выявить механизм её правового регулирования, определить место кредитных кооперативов как организационно-правовых форм в структуре юридических лиц.

Конструктивные аспекты внешнего влияния на правовую деятельность кредитной организации. Рассмотрим исходные предпосылки влияния внешней среды на социально-правовые особенности конструкции, а следовательно, на регулирование деятельности кредитной потребительской кооперации. Внешняя среда определяет рамки деятельности любого предприятия, в том числе кредитной организации, и существенно влияет на результаты реализации альтернатив. Внешняя среда вообще всегда безгранична, поэтому внешней средой конкретной организации является определённый перечень параметров – потребители, конкуренты, правительственные учреждения, поставщики, финансовые организации, источники трудовых ресурсов и другие.

Внешняя среда, в основном, неопределённая и непредсказуемая, отсюда руководители кредитных организаций стараются сделать её определенной, конкретной и реально управляемой. Хотя это сложно, но необходимо, иначе организация, предприятие обанкротятся. Это может быть только запланированный процесс. На разра-

ботку определенной среды также влияют основные детерминанты управления.

Выделяют такие примерные их виды, которые управляют ситуацией, как:

- 1) взаимосвязанность факторов внешней среды – уровень силы, с которой изменение одного фактора воздействует на другие факторы;
- 2) сложность внешней среды – степень реагирования и вариативности каждого фактора;
- 3) подвижность внешней среды – скорость с которой происходят изменения в окружении кредитной организации;
- 4) неопределенность внешней среды – количество информации и уверенность в этой информации [5, с.130-138].

Кроме основных детерминант управления на успех кредитной организации также воздействуют некие внешние силы, которые формируют влияние и зависимость по отношению к этой организации. В современном сложном мире для эффективного выполнения управленческих решений необходимо знать действие этих внешних переменных. Рассмотрим характеристики внешних факторов и их среды, имеющие важное значение для руководства кредитной организацией.

В управленческой мысли представление о значении внешнего окружения и необходимости учитывать силы, внешние по отношению к организации, появились в конце 50 гг. прошлого века. При этом системный подход к управлению рассматривал организацию как целостную систему, опутанную связями с внешним миром. Ситуационный подход определял наиболее подходящий в данной ситуации метод с помощью внутренних и внешних факторов [4].

Внешняя среда кредитной организации подразделяется на среду прямого воздействия и среду косвенного воздействия. Они обусловлены взаимосвязанностью внешних факторов, бурно изменяющейся средой, сложностью, подвижностью, неопределенностью среды. Их подробная характеристика показана выше, а сейчас остановимся на понятиях технологии и реализации управленческих решений.

Современный американский социолог Чарльз Б. Перроу предложил следующее определение: «Технология – средство преобразования, будь то люди, информация или физические материалы, в искомые продукты и услуги» [5, с.112-114]. Понятие «технология» применительно к реализации любых управленческих и производственных решений. При этом предполагается процесс от зарождения решения до его полной реализации.

Из всех существующих систем классификации типов технологий наибольшей известностью пользуется система британской исследовательницы управления Джован Вудворт. Изучая производственные фирмы, она обнаружила, что все технологии фирм, в том числе кредитно- кооперативных образований, можно разделить на три категории:

- 1) единичное, мелкосерийное или индивидуальное производство – принимается управленческое решение только по одной или малой серии одинаковых изделий;
- 2) массовое или крупносерийное производство – при изготовлении большого количества изделий похожих или одинаковых, большинство потребительских товаров в кооперации изготавливается на базе технологий массового производства;
- 3) непрерывное производство – использует автоматизированное оборудование, которое работает круглые сутки для непрерывного изготовления продуктов в боль-

ших объемах [5, с.115].

Существует другая классификация технологий по Томпсону. Американский социолог и теоретик организаций Джеймс Томпсон разработал не противоречащую первой свою теорию. Он делил технологии на следующие три категории:

1) многозвенные технологии – характеризуются серией последовательных задач, которые должны выполняться поочередно (деятельность кредитной кооперации);

2) посреднические технологии – характеризуются встречами групп людей, являющихся взаимозависимыми (бюро по трудоустройству, работа телефонных станций, банков, кредитных кооперативов);

3) интенсивные технологии – характеризуются применением специальных приемов, навыков или услуг, для этого необходимо произвести определенные изменения в конкретном материале, поступающем в производство (новые законы о кредитной кооперации) [3, с.84-93].

Особую группу среди внешних факторов занимают коммуникативные факторы принятия управленческих решений. Рассмотрим особенности их влияния на правовое регулирование деятельности кредитных организаций. От 50 до 90% времени руководитель на работе тратит на коммуникации. Он занимается этим, чтобы реализовать свои служебные роли в межличностных отношениях, информационном обмене и, особенно, процессах принятия решений. Так как обмен информацией входит во все основные виды управленческой деятельности, поэтому коммуникации называют связывающим звеном.

Поскольку руководитель исполняет три роли (администратор, мотиватор и воспитатель) и осуществляет четыре функции (планирование, организацию, мотивацию и контроль), поэтому, чтобы разработать и реализовать управленческие решения, качество поступающей информации должно влиять на степень реализации целей. Это означает, что при принятии управленческих решений для личных целей или кредитной организации необходимы эффективные коммуникации [18].

Плохие коммуникации – главная сфера проблем в управлении. В международном менеджменте коммуникации всепроникающий и сложный процесс от высшего руководства до всех рангов подчиненных. Необходимо для кредитной кооперации сочетание таких средств коммуникаций, как совещания, служебные записки, телефонные переговоры, формальные отчеты, видеозаписи, беседы с глазу на глаз и другие приемы общения.

Социально-правовая природа основных факторов внешней среды. При рассмотрении влияния внешнего окружения на кредитную организацию важно понимать, что характеристики среды отличны, но в тоже время связаны с её факторами. Характеристики взаимосвязанности, сложности, подвижности и неопределенности определяют факторы как прямого, так и косвенного воздействия. Они носят название основных внешних факторов. В группу факторов прямого воздействия теория кооперации включает следующие условные и реальные первопричины: поставщики, материалы, капитал, трудовые ресурсы, законы и государственные органы, потребители, конкуренты.

С точки зрения системного подхода любая организация – это механизм преобразования входов в выходы. Основные разновидности кооперативных входов – это материалы, оборудование, энергия и рабочая сила. Зависимость между кредитной

организацией и сетью поставщиков, обеспечивающих ввод указанных ресурсов – один из наиболее ярких примеров прямого воздействия среды на финансовые операции и успешную деятельность кредитно-кооперативной организации. Ресурсы могут получаться из разных источников – как из разных стран, так и от одного поставщика [16].

Некоторые кооперативные организации зависят от непрерывного притока материалов. К ним можно отнести кооперативное предприятие, кооперативный магазин розничной торговли, кооперативную перерабатывающую промышленность и другие. Запасы материалов всегда ограничены, в магазинах должны быть свежие товары и продукты. Большую роль в кооперации играет сетевое планирование, которое позволяет точно в срок завозить материалы и увозить продукцию [5].

Для роста и процветания кооперативного предприятия необходимы не только поставщики материалов, но и поставщики капитала. Таких потенциальных инвесторов несколько: банки, займы, акционеры и частные лица, имеющие векселя предприятия или покупающие его облигации. Чем богаче и престижнее кооперативное предприятие, тем легче получать капитал и наоборот. В любом государстве судьба малого бизнеса всегда на грани риска [2].

Важное значение в успешности работы кооперативной организации имеет наличие надёжных трудовых ресурсов. Реализация задач, связанных с достижением поставленных целей, тесно связана с обеспечением рабочей силой нужных специальностей и квалификации. Без людей, способных эффективно использовать сложные технологии, капитал и материалы, кооперативное производство ничего не значит. Развитие ряда отраслей в настоящее время сдерживается нехваткой нужных специалистов – квалифицированных рабочих, менеджеров, управляющих или дешевой рабочей силы [10, с.46-55].

Любая правовая деятельность кредитной кооперации осуществляется согласно законам и субординации с государственными органами. В связи с большим влиянием профсоюзов в рабочей среде были приняты законы о трудовых отношениях. Поэтому трудовое законодательство (у нас это КЗОТ) отразилось на управлении. Многие законы и государственные учреждения также влияют на кредитные организации. В малом бизнесе, включая кредитную кооперацию, имеет большое воздействие правовых ограничений.

Существует множество органов, соблюдающих выполнение законов, оплату налогов. Кроме государственных существует множество региональных законов, требующие приобретение лицензий, обложение налогами, определение места ведения дела и другие. Единственная подлинная цель бизнеса – создавать потребителя. Под этим понимается – выживание и оправдание существования кредитной организации зависит от её способности находить потребителя результатов. Потребитель есть у всех предприятий, учреждений, институтов и других [6, с.25-28].

У любой организации всегда есть конкуренты. Этот внешний фактор нельзя оспаривать. Руководство каждого предприятия четко понимает, если не удовлетворить нужды потребителей так же эффективно, как это делают конкуренты, предприятию долго не продержаться на плаву. Во многих случаях не потребители, а конкуренты определяют, что можно продавать, реализовать и какую цену можно запросить [15].

В группу факторов косвенного воздействия входят психологический процесс, состояние экономики, социокультурные и политические факторы, общественное мнение, международное окружение. Факторы среды косвенного воздействия обычно не влияют на операции организаций так же заметно, как факторы среды прямого или непосредственного воздействия. Одним из главных факторов среди них является психологический процесс. Рейтинг самой работы, начиная с 20 гг. прошлого века, резко падает и увеличивается престиж человеческого фактора. Поэтому психологический климат в коллективе играет важную роль как в организации работы, так и производственного процесса. Поэтому возрастает значение мотивации, межличностных отношений, личности работающего [18].

Следующим косвенным фактором воздействия считается состояние российской и внешней экономики. Руководство должно успеть оценивать, как скажутся на операциях кредитной организации общие изменения состояния экономики. Текущее состояние мировой экономики влияет на стоимость всех вводимых ресурсов и способность потребителей покупать определенные товары и услуги. Знания о мировой экономике всегда необходимы, особенно, если прогнозируется инфляция или экономический спад [9, с.6-13].

Социокультурные факторы также оказывают влияние на процесс кредитования. Любая организация функционирует по меньшей мере в одной культурной среде. Поэтому социокультурные факторы, в которых преобладают установки, жизненные ценности и традиции, влияют на кредитную организацию. К ним относят этичность и морализм всех – и руководителей, и подчиненных рабочих. Сегодня это гибкость управления, человеческий фактор, то есть организация должна угадать и удовлетворить ожидания общества и работающих в учреждении, на предприятии.

Политические факторы отражают общую обстановку как в стране, обществе, так и в отдельных подразделениях. Политическая обстановка имеет особо большое значение для кредитной организации. Её аспекты можно разделить на группы:

1) настроение администрации, законодательных органов и судов в отношении бизнеса кредитной кооперации. Эти настроения влияют на правительство, Думу, законодотворчество.

2) группа особых интересов. Это политическая стабильность, права собственности для иностранцев, установление специальных пошлин на импорт (Калининград – зона свободного действия). При этом политика влияет на бизнес, а бизнес – на политику [7, с.177-181].

Сегодня в условиях демократизации и гуманизации важную роль играет общественное мнение населения. Оно оказывает существенное влияние как на политику, так и на бизнес, экономические отношения. Под влиянием общественного мнения в свое время на Украине прекратили строительство атомной электростанции в Харькове, в США – войну во Вьетнаме, в СССР – войну в Афганистане. Сегодня в России бизнес не называют спекуляцией, а подарок – книгу преподавателю от выпускников, не считают взяткой. Поэтому кредитная организация должна четко реагировать на изменения в отношениях с местным населением и учитывать их в своей работе [13, с.313-319].

На деятельность кредитных организаций оказывает существенное влияние международное окружение. На любую организацию постоянно воздействуют факторы международного уровня, которые отличаются повышенной сложностью. Эко-

номика, культура, законы, политическая стабильность, материальные и трудовые ресурсы в разных странах разные, поэтому установление деловых отношений дело реальное, но чрезмерно трудное и сложное.

Влияние внешней среды на правомочность конструкции кредитной кооперации. Выявленная временная дифференциация внешних факторов нормативно-правового регулирования деятельности кредитной потребительской кооперации определяет необходимость глубокого и всестороннего исследования социально-правовых закономерностей конструирования модели её структуры. Выработка практических рекомендаций по совершенствованию законодательства и правовой деятельности кредитной потребкооперации в современных условиях России требует эффективного методологического инструментария.

Известно, что теоретическое познание закона (позитивного права), не останавливаясь на официальных данных и эмпирическом содержании, а также поисках его объективных основ и качеств, правового смысла природы и сущности неизбежно в конечном результате абстрагируется от познаваемого объекта (закона), конструирует его разумно-смысловую модель (в форме естественного права, идеи права, права) как результат его теоретического и практического изучения [11, с.348-356].

Представленный выше материал позволяет говорить о конструировании модели кредитной кооперации, разработке её структурных элементов, определении основных групп функционирования. Рассмотрим определение понятия «конструкция». Дефиниция следующая: «Конструкция (от лат. – составление, построение) – устройство, взаимное расположение частей, состав какого-либо строения, механизма, системы и другие [1, с.728].

Существует несколько вариантов конструкции кредитной кооперации, зависящей от внешних факторов. На взгляд авторов, наиболее оптимальным является социальный вариант, разработанный Е.П. Федорченко на материалах кафедры теории и истории кооперативного движения (Белгородский университет кооперации, экономики и права – БУКЭП). Остановимся подробно на содержании структурных элементов предлагаемого вида конструкции (таблица 1).

Таблица 1

Внешние факторы развития кредитной кооперации
(конструкция Е.П. Федорченко)

1 группа: Экономические факторы	
Состояние экономики	Темп инфляции
Уровень банковских процентных ставок	Уровень развития рынка государственных ценных бумаг
Состояние банковского сектора	Уровень занятости населения
Уровень развития кредитной кооперации	Прочие экономические факторы
2 группа: Политические факторы	
Политическая стабильность	Налоговая политика
Политика административных органов власти к КПК	Денежно-кредитная политика
	Прочие политические факторы
3 группа: Социально-культурные факторы	
Уровни рождаемости и смертности населения	Средняя продолжительность жизни
Миграция населения	Покупательские привычки
Стиль жизни	Отношение к труду

Социальное благосостояние	Социальная ответственность
4 группа: Научно-технические факторы	
Развитие научных исследований	Создание новых энергоисточников
Развитие компьютерных технологий	Прочие научно-технические факторы
5 группа: Международные факторы	
Усиление глобализации	Международная интеграция
Состояние мировой экономики	Внешнеэкономическая политика
Прочие международные факторы	

Основную ведущую группу конструкции кредитной кооперации составляют экономические факторы. В первую очередь, на кредитную деятельность влияют состояние мировой и российской экономики, уровень развития в мире кооперативного кредитования, темпы изменения западной и отечественной инфляции. Важная доля экономики принадлежит банковскому сектору, а именно его финансовому состоянию. Необходимо, при этом, ориентироваться на уровне банковских процентных ставок и развития рынка государственных ценных бумаг. В любой стране на развитие экономики влияет уровень занятости трудоспособного населения. Могут быть и другие экономические факторы [16].

Политическая обстановка в стране и за рубежом отражается на устойчивости экономической и хозяйственной составляющих кредитной кооперации. Ко второй части группы политических факторов относят политическую стабильность внутри страны и соседних государствах, политику административных органов власти и КПК, деятельность налоговых служб. Не последнее место в этом процессе занимают денежно-кредитные отношения в нашей стране и за рубежом, прочие политические факторы, возникающие в процессе исторических изменений [9, с.6-13].

Большая часть кооперативной конструкции отводится третьей группе социально-культурных факторов. Общая ментальность всего населения и каждого человека в отдельности оказывает существенное влияние на кредитно-кооперативную заинтересованность социума. Общество воспитывает социальную ответственность граждан, уважительное отношение к труду, вырабатывает определенный стиль жизни, способствует повышению социально-экономического благосостояния людей.

Это, соответственно, отражается на средней продолжительности жизни в стране, уровнях рождаемости и смертности, миграции населения в другие страны, различных демографических показателях. Характерным отражением культуры общества служат покупательские привычки, во многом зависящие от материального и социального положения людей, их духовных запросов, общего состояния человека [13, с.313-319].

Следующую группу кредитной конструкции образуют научно-технические факторы. В условиях современного социально-экономического прогресса государств на их дальнейшую позитивную судьбу влияют развитие разносторонних научных исследований и компьютерных технологий, создание новых энергоисточников. Цифровые средства организации руководства кредитной кооперацией значительно облегчают её деятельность, позволяют оперативно решать многие экономические и производственные задачи, помогают конкурировать с предпринимательскими учреждениями в условиях непредсказуемого рынка. Кроме названного со временем будут появляться другие научно-технические факторы [4].

Особое место в конструкции занимают международные факторы. Состояние

мировой экономики оказывает большое влияние как на общий уровень экономического развития в стране, так и на отдельные её звенья, в том числе кредитную кооперацию. Степень её воздействия формирует внешнеэкономическую политику, способствует международной интеграции. Происходит усиление глобализации, не всегда удобной и полезной для отдельных стран. Прочие международные факторы зависят от временных и ситуативных обстоятельств [15]. Подводя итоги анализа данного варианта конструкции, следует отметить, что наилучшие результаты получаются при разумном сочетании традиций и инноваций.

В конструкции Е.П. Федорченко очень подробно отражены все социально-экономические факторы внешней среды, воздействующие на формирование модели кредитной кооперации. К сожалению, в данной конструкции отсутствуют внешние факторы, отражающие юридические составляющие кредитования. Авторами статьи разработана и предложена примерная конструктивная модель, отражающая правовые аспекты этой системы воздействия (таблица 2)

Таблица 2

Правовые факторы развития кредитной кооперации
(конструкция В.В. Невлева)

6 группа: Правовые факторы	
Международное законодательство	Гражданский кодекс РФ
Декларации МКА	Кредитно-кооперативное законодательство
Конституция РФ	Региональные законы
Российское законодательство	Ведомственные акты

В первую подгруппу внешних правовых факторов входят международная законодательство и Декларация МКА. Кредитная кооперация как социально-правовая организация получила распространение во всём мире, подчинена и соблюдает принятые кооперативные законы и акты всей мировой правовой системы. Аксиологические установки Международного кооперативного альянса (МКА) в форме универсальных принципов обязательны для исполнения всеми видами российской кооперации, в том числе и при конструировании кредитных потребительских организаций [12, с.376-384].

Следующая подгруппа, самая значительная, отражает зависимость кредитной кооперации от российской правовой сферы. В неё входят четыре внешних фактора, определяющих государственное отношение к кооперации вообще и кредитной в частности. Конституция РФ – главный юридический документ, согласно которому организован правопорядок жизни в России. Российское законодательство отражает все функции жизнедеятельности государства. Гражданский кодекс РФ определяет права и обязанности граждан и гражданского общества в нашей стране. Кредитно-кооперативное законодательство – юридическая форма выражения взаимосвязей государственной власти и системы кооперативного кредитования [14].

Кроме внешних международных и российских государственных факторов развития кредитной кооперации на неё воздействуют другие правовые условия. Регионы России отличны друг от друга своей ментальностью, экономическими, национальными и географическими особенностями. Кредитная кооперация в них имеет свою специфику, которая может выражаться в региональных законах. Большое значение в деятельности кредитования имеют многочисленные правовые и другие ве-

домственные акты. Они определяют необходимые функциональность и порядок работы [13, с.313-319].

Подводя результаты данного исследования, следует отметить их значимость. Сформулирован и уточнён перечень конструктивных факторов внешней среды кредитного развития, обозначены ценности, на которых они основаны, определена их социально-правовая природа, изложены условия, при которых кредитные кооперативы проводят в жизнь свою правомочность.

Список литературы:

1. Большой Российский энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2006. С. 728, 1650.
2. Вахитов К.И. История потребительской кооперации России: учебник. 3-е изд. М.: Изд-во «Датков и К», 2010. 400с.
3. Жигалов В.Т. Менеджмент: учебное пособие. Ч.1. Белгород: БУПК, 1995. С. 84-93.
4. Кричевский Р.Л. Если вы руководитель. М.: Изд-во «Дело», 1996. 352с.
5. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. Перевод с английского. Под ред. д.э.н. Л.И. Евенко. М.: Изд-во «Дело», 2004. 700с.
6. Невлев В.В. Юридический механизм законодательной защиты кредитной кооперации //Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія «Юриспруденція». Т.1. №12. Одесса, 2014. С. 25-28.
7. Невлев В.В. Историческая рациональность организационно-правовых форм российской кредитной кооперации //Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №3 (224). Вып.35. Белгород, 2016. С.177-181.
8. Невлев В.В. Теории и реалии правового регулирования кооперативной деятельности в нестабильных условиях жизни //Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». Т.43. №1. Белгород, 2018. С.177-184.
9. Невлев В.В. Экономико-правовые компетенции российской потребительской кооперации //Уральский научный вестник. Т.1. №5. Уралск (Казахстан), 2020. С. 6-13.
10. Невлев В.В. Исторические особенности правового регулирования кредитно-кооперативных закономерностей //Вестник Донецкого национального университета. Серия Е. Юридические науки. №2. Донецк, 2022. С. 46-55.
11. Невлев В.В. Социально-правовая трансформация института кредитной кооперации в Российском законодательстве / В.В. Невлев, Л.В. Соловьева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. Т. 8 (74). №2. Симферополь, 2022. С. 348-356.
12. Невлев В.В. Правовое регулирование механизма кредитной деятельности в кооперативном законодательстве //Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. Т. 10 (76). №1. Симферополь, 2024. С. 376-384.
13. Невлев В.В. Влияние российской ментальности на законодательную регламентацию кредитной кооперации //Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». Т.34. Вып.2. Ижевск, 2024. С. 313-319.
14. Невлев В.В. Российская кредитная кооперация: правовое регулирование деятельности: учебное пособие. Белгород: Изд-во БУКЭП, 2016. 104с.
15. Соловьева Л.В. Организационно-правовое становление кредитной кооперации в истории России: монография /Л.В. Соловьева, В.В. Невлев. Белгород: ООО «Эпицентр». 2020. 120с.
16. Соловьева Л.В. Экономико-правовая деятельность кредитных кооперативов: учебное пособие / Л.В. Соловьева, В.В. Невлев. Белгород: ООО «Эпицентр». 2020. 76с.
17. Теплова Л.Е. Основы потребительской кооперации. М.: Изд-во Вита-Пресс, 2005. С. 11-14.
18. Шейнов В.П. Психология и этика делового контакта. Минск: Амалфея, 1996. 384с.

Nevlev V.V., Soloveva L.V. Social-legal Impact of the external Environment on the Patterns of credit cooperative Structures // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 576-587.

The influence of the external environment on the structural characteristics of a credit organization is being studied. A brief retrospective of the development of domestic crediting is provided, and the essence of the

problem is substantiated. The level of historical development of the stated topic is determined in light of modern requirements for legal science. Definitions of key concepts in the basic structure of the article are provided. The main factors for effective management of credit cooperatives under conditions of external uncertainty are highlighted. The initial prerequisites for the organizational and legal formation of credit cooperative structures are examined. The characteristics of the interaction of external environment components in the legal regulation of the credit model are identified. The regulatory role of management determination in credit activities is demonstrated. The constructive aspects of external influence on the legal regulation of the modeling process are outlined. The specifics of the social and legal impact of an uncertain environment when selecting development groups for credit cooperatives are highlighted. The social and legal nature of the main external factors in the construction of cooperatives is highlighted. The significance of legal conditions for the development of credit cooperatives is particularly emphasized. The differentiation of external factors in the regulatory framework for credit activities is conducted. The social and legal patterns of credit cooperatives in the construction of their model are studied. A detailed description of all groups within the social and legal structure of cooperative crediting is provided.

Key words: Russian legislation, legal entity, credit cooperation, legal regulation, management determinants, structure, social conditions, external environment, development factors, property rights.

Spisok literatury

1. Bolshoj Rossijskij entsiklopedicheskij slovar. M.: Bolshaya Rossijskaya entsiklopediya, 2006. S. 728, 1650.
2. Vakhitov K.I. Istoriya potrebitelskoj kooperatsii Rossii: uchebnik. 3-e izd. M.: Izd-vo «Datkov i K», 2010. 400 s.
3. Zhigalov V.T. Menedzhment: uchebnoe posobie. Ch.1. Belgorod: BUPK, 1995. S. 84-93.
4. Krichevskij R. L. Esli vy rukovoditel. M.: Izd-vo «Delo», 1996. 352 s.
5. Meskon M., Albert M., Khedouri F. Osnovy menedzhmenta. Perevod s anglijskogo. Pod red. d.e.n. L.I. Evenko. M.: Izd-vo «Delo», 2004. 700 s.
6. Nevlev V.V. Yuridicheskij mekhanizm zakonodatelnoj zashchity kreditnoj kooperatsii //Naukovij visnik Mizhnarodnogo humanitarnogo universitetu. Seriya «Yurisprudentsiya». T.1. №12. Odessa, 2014. S. 25-28.
7. Nevlev V.V. Istoricheskaya ratsionalnost organizatsionno-pravovykh form rossijskoj kreditnoj kooperatsii // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». №3 (224). Vyp.35. Belgorod, 2016. S. 177-181.
8. Nevlev V.V. Teoriya i realii pravovogo regulirovaniya kooperativnoj deyatel'nosti v nestabilnykh usloviyakh zhizni //Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». T.43. №1. Belgorod, 2018. S. 177-184
9. Nevlev V.V. Ekonomiko-pravovye kompetentsii rossijskoj potrebitelskoj kooperatsii //Uralskij nauchnyi vestnik. T.1. №5. Uralsk (Kazakhstan), 2020. S. 6-13.
10. Nevlev V.V. Istoricheskie osobennosti pravovogo regulirovaniya kreditno-kooperativnykh zakonomernostej // Vestnik Donetskogo natsionalnogo universiteta. Seriya E. Yuridicheskie nauki. №2. Donetsk, 2022. S. 46-55.
11. Nevlev V.V. Sotsialno-pravovaya transformatsiya instituta kreditnoj kooperatsii v Rossijskom zakonodatel'stve / V.V. Nevlev, L.V. Soloveva // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernad'skogo. Yuridicheskie nauki. T. 8 (74). №2. Simferopol, 2022. S. 348-356.
12. Nevlev V.V. Pravovoe regulirovanie mekhanizma kreditnoj deyatel'nosti v kooperativnom zakonodatel'stve // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernad'skogo. Yuridicheskie nauki. T. 10 (76). №1. Simferopol, 2024. S. 376-384.
13. Nevlev V.V. Vliyanie rossijskoj mentalnosti na zakonodatel'nuyu reglamentatsiyu kreditnoj kooperatsii //Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». T.34. Vyp.2. Izhevsk, 2024. S. 313-319.
14. Nevlev V.V. Rossijskaya kreditnaya kooperatsiya: pravovoe regulirovanie deyatel'nosti: uchebnoe posobie. Belgorod: Izd-vo BUKEP, 2016. 104 s.
15. Soloveva L.V. Organizatsionno-pravovoe stanovlenie kreditnoj kooperatsii v istorii Rossii: monografiya /L.V. Soloveva, V.V. Nevlev. Belgorod: OOO «Epitsentr». 2020. 120 s.
16. Soloveva L.V. Ekonomiko-pravovaya deyatel'nost kreditnykh kooperativov: uchebnoe posobie / L.V. Soloveva, V.V. Nevlev. Belgorod: OOO «Epitsentr». 2020. 76 s.
17. Teplova L.E. Osnovy potrebitelskoj kooperatsii. M.: Izd-vo Vita-Press, 2005. S. 11-14.
18. Sheinov V.P. Psikhologiya i etika delovogo kontakta. Minsk: Amalfeya, 1996. 384 s.

УДК 347.2

ОТКАЗ ОТ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ПРИВАТИЗИРОВАННОЕ ЖИЛИЩЕ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Семенова Е. Г.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье исследуется правовая природа отказа от права собственности на приватизированное жилище в контексте действующего законодательства и складывающейся правоприменительной практики. На основе анализа терминологии («деприватизация», «расприватизация», «реприватизация») обосновывается предпочтительность использования термина «деприватизация» для обозначения добровольного отказа собственника (собственников) от права собственности на приватизированное жилище с восстановлением режима жилищного фонда социального использования. Анализируются теоретические подходы к институту деприватизации, его место в системе оснований прекращения вещных прав. Деприватизация квалифицируется как сложный юридический состав, включающий элементы института отказа от вещного права (ст. 236 ГК РФ) и публично-правового механизма передачи имущества в публичную собственность. Устанавливаются пределы осуществления права на отказ от права собственности на приватизированное жилище, обусловленные необходимостью учета не только интересов собственника, но и интересов членов его семьи, особенно несовершеннолетних лиц, требований к объекту как жилому помещению, допускаемому в гражданский оборот.

Ключевые слова: право собственности, отказ от права, жилище, приватизация, деприватизация, пределы осуществления субъективного права.

Проблематика отказа от права собственности традиционно рассматривается в гражданско-правовой доктрине в рамках общего отказа от субъективного гражданского права как способа его прекращения. На уровне законодательства в ст. 236 ГК РФ закрепляется возможность гражданина отказаться от права собственности на принадлежащее ему имущество, однако правовые последствия такого отказа, особенно в сфере недвижимости, являются не всегда очевидными. Особенно это проявляется применительно к приватизированному жилищу, поскольку классическая конструкция отказа приобретает социально обусловленную специфику.

Возможность граждан добровольно отказаться от приватизированного жилища с передачей его в публичную собственность предусмотрена ст. 9.1 Закона РФ от 4 июля 1991 г. № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» (далее – Закон № 1541-1). При этом в научной литературе и судебной практике сложилась разнообразная терминология, обозначающая возврат приватизированного жилища в публичную собственность: используются понятия «деприватизация», «расприватизация», «реприватизация». Однако ни один из указанных терминов не получил законодательного закрепления, что порождает неопределенность и смешение различных правовых ситуаций – от добровольного отказа собственника до признания приватизации незаконной. Научная дискуссия о том, является ли деприватизация самостоятельным основанием прекращения права собственности или лишь формой реализации права на отказ, остается открытой.

Кроме того, проблемы вызывает установление взаимосвязи положений ст. 236 ГК РФ с нормами жилищного законодательства и специальными основаниями прекращения права собственности на жилище, в том числе помимо воли собственника (ст. 29, 32 ЖК РФ).

Актуальность настоящего исследования обусловлена, во-первых, социальной значимой ролью рассматриваемого института, во-вторых, фрагментарностью правового регулирования. Отдельные аспекты отказа от вещных прав на недвижимость, в том числе, отказа от права собственности на приватизированные жилые помещения, рассматриваются на доктринальном уровне. Несмотря на это, недостаточно раскрытыми остаются вопросы, связанные с определением правовой природы отказа, пределами осуществления права на отказ, юридическим составом, порождающим прекращение права собственности на приватизированное жилище.

Ст. 236 ГК РФ закрепляет ключевые положения, которые являются важными для раскрытия правовой природы отказа. Во-первых, установлено, что отказ может быть осуществлен посредством как прямого объявления, так и путем совершения других действий, «определенно свидетельствующих» об устранении собственника от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на него. Во-вторых, предусмотрено, что отказ сам по себе «не влечет прекращения прав и обязанностей собственника в отношении соответствующего имущества до приобретения права собственности на него другим лицом» [1]. Применительно к недвижимости такая модель реализуется через конструкцию бесхозяйной вещи, предусмотренной ст. 225 ГК РФ, когда отказ не предполагает заранее определенного приобретателя или согласия определенных лиц. Однако для приватизированного жилища законодатель установил специальную конструкцию отказа, в соответствии с которой «граждане, приватизировавшие жилые помещения, являющиеся для них единственным местом постоянного проживания, вправе передать принадлежащие им на праве собственности и свободные от обязательств жилые помещения в государственную или муниципальную собственность, а соответствующие органы исполнительной власти, органы местного самоуправления или уполномоченные ими лица обязаны принять их в собственность и заключить с этими гражданами договоры социального найма жилых помещений» (ст. 9.1 Закона № 1541-1) [2]. Таким образом, отказ от права собственности на приватизированное жилище наделяется рядом особенностей, среди которых: адресность отказа (направлен в пользу конкретно-определенного субъекта); обязательность принятия такого отказа субъектом; связь отказа с трансформацией имущественного права в отношении жилища; наличие специальных условий отказа (единственное место проживания, свободное от обязательств). Указанное позволяет говорить об особом механизме отказа от права собственности на приватизированное жилище, отличающемся от общей модели, закрепленной в ст. 236 ГК РФ.

Правовой формой возникновения права собственности на жилище выступает договор безвозмездной передачи жилого помещения (приватизации), опосредующий безвозмездный переход жилища из публичной собственности (государственной или муниципальной) в частную. В результате приватизации происходит трансформация жилищных отношений: статус нанимателя по договору социального найма меняется статусом собственника, при этом члены семьи нанимателя приобретают либо доли в праве собственности, либо сохраняют право пользования жилым помещением при отказе от участия в приватизации. Наряду с указанным особое значение приобретает социальная функция права собственности

на жилище. В доктрине подчеркивается, что жилище как объект собственности обладает специфическим назначением, связанным с удовлетворением базовых жизненных потребностей личности, и поэтому регулирование правомочий собственника в отношении жилья должно учитывать не только интересы самого собственника, но и интересы членов его семьи, соседей и общества в целом [3].

Специфика приватизированного жилища проявляется и в том, что, в отличие от объектов, приобретенных в частную собственность на возмездной основе, передача приватизированного жилища в публичную собственность воспринимается значительной частью доктрины и практики как восстановление прежнего жилищного статуса и формы реализации конституционного права на жилище. Это обстоятельство существенно влияет на оценку допустимых форм отказа от права собственности на приватизированное жилище и последствия такого отказа.

В юридической литературе процесс передачи приватизированного жилища в публичную собственность и перехода собственника в статус нанимателя жилого помещения называют как «деприватизация» [4; 5]. При этом следует сказать, что в отсутствие легального определения некоторые авторы под деприватизацией понимают и средство защиты публичных интересов, направленное на «возврат части переданного в частные руки государственного и муниципального имущества» [6], в том числе приватизированных предприятий [7; 8].

Полагаем, что в данном случае целесообразнее говорить о признании приватизации незаконной, которая осуществляется, как правило, путем признания недействительным договора передачи недвижимости в собственность (договора приватизации) по основаниям, предусмотренным ст. 166–179 ГК РФ. В такой ситуации следует согласиться с Ж.Н. Назаркуловым в том, что «процесс расторжения сделок приватизации и признания их недействительными не связан с основаниями прекращения или приобретения права собственности, а представляет собой действия юридического характера, направленные на защиту нарушенного права государственной собственности» [9]. Судебная практика демонстрирует, что признавать сделку по приватизации жилого помещения недействительной могут и лица, чьи права и интересы были нарушены. Так, например, показательным является пример, когда истцы проживали и были зарегистрированы в жилом помещении, от участия в приватизации не отказывались, но в отношении них не был утвержден договор о передаче жилого помещения в собственность в порядке приватизации [10]. Таким образом, признание приватизации жилища незаконной осуществляется, как правило, путем признания недействительным договора передачи жилища в собственность, при этом происходит оспаривание первоначального основания возникновения права собственности. В отличие от признания сделки приватизации недействительной, при деприватизации прекращается существующее право собственности и возникает новое имущественное право пользования жилым помещением по договору социального найма, а не восстанавливается прежнее имущественное состояние.

В юридической литературе встречается и термин «реприватизация», который чаще связывается с повторной приватизацией объектов, ранее уже участвовавших в приватизационных процедурах [11]. Хотя некоторые авторы под реприватизацией понимают межотраслевую комбинацию юридических фактов, в основе которых находятся гражданско-правовые конструкции недействительности сделок привати-

зации и виндикации [9]. Конституционный Суд РФ в своем определении от 21.12.2004 г. № 425-О, оценивая конституционность ст. 9.1 Закона № 1541-1, которая предоставляет гражданам право отказаться от ранее осуществленной приватизации жилого помещения, прямо использует термин «расприватизация» [12]. На уровне субъектов РФ в ранее действующих административных регламентах по передаче жилых помещений, приватизированных гражданами, в публичную собственность путем заключения соответствующих договоров, также использовался термин «расприватизация» [13]. В настоящее время для обозначения заключения договоров передачи жилых помещения в собственность публичного субъекта используется термин «деприватизация» [14].

По мнению специалистов, расприватизация представляет собой «принудительное прекращение права собственности на жилое помещение в судебном порядке» [15]. В исследованиях Н.В. Шереметьевой деприватизация, расприватизация или реприватизация рассматриваются как синонимы, «обозначающие процесс, обратный приватизации, представляющий собой переход жилого помещения из индивидуального жилищного фонда в жилищный фонд социального использования» [15, с. 57-67]. В данном исследовании представляется обоснованным использование понятия «деприватизация» как наиболее точного и обозначающего осуществление права собственника на отказ от права собственности на приватизированное жилище, сопровождаемое сохранением жилищных прав в отношении такого жилища. В силу особенностей права собственности на приватизированное жилище, когда передача жилых помещений в собственность оформляется договором передачи (ст. 7 Закона № 1541-1), исследователи связывают отказ от права собственности на такое жилище с отказом от договора. В судебной практике деприватизация рассматривается как расторжение договора [16].

Однако с точки зрения общей теории обязательственного права отказ от договора (односторонний отказ от исполнения) и расторжение (изменение) договора относятся к механизмам прекращения или изменения обязательств, а не вещных прав. Принципиальным отличием категорий «отказ от права» и «отказ от договора» является то, что отказ от вещного права осуществляется свободно, а отказ от договора - при определенных обстоятельствах. А именно п. 2 ст. 450 ГК РФ предоставляет субъекту права, возникшего из обязательства, отказаться от него в одностороннем порядке только при существенном нарушении договора другой стороной и при условии, что такой отказ предусмотрен законом или договором [17].

Следовательно, отказ от права собственности на приватизированное жилище нельзя сводить лишь к отказу от договора. Это более сложный юридический состав, включающий в себя: волеизъявление собственника (собственников), направленное на прекращение права собственности на жилище, решение публичного субъекта о принятии имущества в собственность, заключение договора передачи жилища в собственность, а также заключение договора социального найма, обеспечивающее прежнему собственнику (собственникам) и членам его семьи пользование таким жилищем. Такой подход позволяет избежать смешения деприватизации с исключительно отказом от права собственности и одновременно сохранить связь с институтом отказа от права собственности как формой реализации правомочия распоряжения. Одновременно деприватизация не должна рассматриваться как

универсальный механизм прекращения права собственности. Справедливо указывают исследователи, что возможность деприватизации должна быть ограничена, в частности, случаями, когда жилище было первоначально приватизировано, когда отсутствуют обременения и когда прежний собственник реально не способен нести бремя содержания [18].

П.В. Макеев акцентирует внимание на практических последствиях деприватизации, подчеркивая, что ее основное назначение состоит в обеспечении социальной защиты граждан, оказавшихся не в состоянии нести бремя содержания приватизированного жилья [18]. При этом обращается внимание на риск превращения деприватизации в инструмент перераспределения имущественных обязанностей в пользу отдельных лиц за счет публичного собственника и других участников жилищных отношений.

Следует согласиться с тем, что деприватизация не может использоваться в качестве инструмента ухода от исполнения обязательств перед кредиторами, либо как способ уклониться от ответственности за допущенные нарушения (незаконные перепланировки, самовольные реконструкции).

С одной стороны, ст. 9 ГК РФ закрепляет принцип свободного осуществления гражданских прав по усмотрению правообладателя. Собственник вправе распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению, в том числе отказаться от него. С другой стороны, пределы осуществления права определяются ст. 10 ГК РФ и специальными нормами жилищного законодательства: недопустимо осуществление права исключительно с целью причинения вреда другим лицам, злоупотребление правом, нарушение публичных интересов. Применительно к праву собственности дополнительное значение имеет принцип неприкосновенности собственности, а в сфере жилищных отношений — конституционное право на жилище и неприкосновенность жилища, пользование жилищем с учетом соблюдения прав и законных интересов других лиц, требований законодательства (ст. 3, 17 ЖК РФ). Отказ от права собственности на приватизированное жилище не может выходить за рамки указанных общих и специальных пределов. Так, например, Постановлением Правительства Москвы от 10.09.2014 г. № 521-ПП предусмотрены среди прочих следующие основания отказа в деприватизации: наличие ограничений (обременений) в отношении приватизированного жилого помещения; наличие задолженности по оплате за жилое помещение, коммунальные и иные услуги в отношении приватизированного жилого помещения; наличие не утвержденных в установленном законодательством порядке перепланировок приватизированного жилого помещения; изменение состава собственников приватизированного жилого помещения, в том числе изменение их долей и др. (п. 2.10) [14].

В анализируемом определении от 21.12.2004 г. № 425-О Конституционный Суд РФ указал, что заявитель усматривает неконституционность ст. 9.1. ГК РФ в том, что правоприменительные органы относят членов семьи, вселенных после приватизации к «обременениям приватизированного жилища, препятствующим расторжению договора передачи и последующей «расприватизации». Суд, однако, указал, что вопросы правильности толкования понятий «обязательство» и о возможности отнесения его к числу «обременений» не входят в его компетенцию и не являются основанием для признания статьи 9.1 ГК РФ неконституционной [12].

Права членов семьи собственника (в том числе вселенных после приватизации) ввиду их вещной природы нельзя квалифицировать как обязательственные обременения, подобные ипотеке или аренде. Вместе с тем, в договор социального найма, заключаемый после деприватизации, должен предусматривать включение всех членов семьи бывшего собственника, обладавших правом пользования на дату подачи заявления о деприватизации.

Соответственно, права членов семьи, проживающих в приватизированном жилище, не являются препятствием для осуществления права собственника на отказ от приватизированного жилища, но должны быть сохранены на условиях социального найма. Особое значение это имеет для несовершеннолетних, в отношении которых дополнительно действует законодательство об опеке и попечительстве, а также конституционные и международные гарантии о защите прав ребенка. При деприватизации, затрагивающей права таких лиц, осуществление отказа от права собственности должна сопровождаться участием органов опеки и попечительства, проверкой соответствия сделанного выбора интересам несовершеннолетнего, обеспечением сохранения за ними права пользования жилым помещением. Таким образом, отказ от права собственности не может использоваться как средство ухудшения жилищного статуса проживающих в помещении членов семьи собственника, в том числе отказавшихся от участия в приватизации. Отказ не может приводить к фактическому лишению их жилища либо существенному ухудшению жилищных условий без достаточных оснований и гарантий предоставления жилища.

Отказ недопустим, если его реализация направлена на явное злоупотребление правом, то есть на причинение вреда другим участникам гражданских правоотношений или на обход закона. Типичной формой злоупотребления выступают собственников прекращение участия собственника в расходах на содержание общего имущества многоквартирного дома и оплату коммунальных услуг путем отказа от права собственности без проведения процедуры деприватизации.

Особенностью отказа от права собственности является то, что он не освобождает собственника от бремени содержания вещи до момента возникновения права собственности у другого субъекта (абз. 2 ст. 236 ГК РФ). В отношении жилых помещений эта конструкция вызывает дополнительные вопросы, поскольку жилище — особый объект, тесно связанный с конституционным правом на жилище и гарантиями неприкосновенности жилища (статья 25 Конституции РФ). Общая конструкция отказа от права собственности не учитывает специфику жилища, соответственно ее механический перенос на ситуации с приватизированным жилищем без специального регулирования не обеспечивает необходимого уровня защиты жилищных прав граждан. Практика судов, опирающаяся на ст. 210 ГК РФ и разъяснения высших судебных инстанций, исходит из того, что до момента возникновения нового титула собственника обязанность по внесению платы за жилое помещение и коммунальные услуги лежит на прежнем собственнике независимо от заявленного им отказа. Публичный субъект должен обладать возможностью отказать в деприватизации в случаях, когда отказ очевидно преследует цель ухода от исполнения обязанности по содержанию общего

имущества и коммунальных платежей, при условии сохранения за прежним собственником статуса соответственного титульного владельца до урегулирования вопроса.

Исходя из смысла ст. 9.1 Закона № 1541-1 и практики ее применения, представляется, что само по себе наличие нарушений требований к жилищу не исключает возможности деприватизации, но публичный субъект вправе требовать приведения помещения в соответствие с нормами до передачи, либо возложить на собственника обязанности устранить незаконную перепланировку. В ином случае собственнику в оказании услуги деприватизации будет отказано.

Полагаем, что неудовлетворительное техническое состояние жилища не должно восприниматься как абсолютное ограничение права на отказ от права собственности на приватизированное жилище, но может обуславливать специальные условия его передачи в публичную собственность.

Таким образом защищаются публичные интересы, связанные с рациональным использованием жилищного фонда, бюджетными расходами на содержание жилья и капитальный ремонт, а также с общими задачами жилищной политики.

Подводя итог вышеизложенному, принципиально важным является вывод, что порядок осуществления права на отказ от вещного права в отношении приватизированного жилища не может определяться исключительно интересами собственника, должен учитываться баланс справедливых интересов собственника, членов его семьи (бывших членов семьи), кредиторов и публичного субъекта. Отказ от права собственности на приватизированное жилище представляет собой сложный юридический феномен, сочетающий элементы института отказа от вещного права (ст. 236 ГК РФ), жилищно-правовых механизмов деприватизации и защиты жилищного статуса гражданина. Деприватизация, следовательно, должна рассматриваться в качестве особой формы направленного отказа, включенного в сложный юридический состав и требующего специальной законодательной регламентации в рамках жилищного законодательства с четким определением критериев допустимости, процедуры заключения соответствующих договоров и гарантий защиты прав проживающих лиц.

Список литературы:

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Закон РФ от 4 июля 1991 г. № 1541 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» (с измен. и доп.) // Российская газета. – 1993. – № 5.
3. Суслова С.И. Отказ от права собственности на приватизированное жилое помещение // Нотариус. – 2015. – № 1. – С. 37–40.
4. Тучкова О.С. Особенности правовой природы приватизации и деприватизации жилых помещений по законодательству России // Образование и право. – 2017. – № 1. – С. 178–183.
5. Дамбаева И.В. Деприватизация как способ отказа от права собственности на жилое помещение // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 1(152). – С. 197–199.
6. Коновалов А.И. Деприватизация имущества как средство защиты публичных интересов / // Защита прав: проблемы теории и практика реализации : сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11 апреля 2014 года / Верховный суд РФ; Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». – Санкт-Петербург: Издательский дом "Петрополис", 2014. – С. 28–35.
7. Милосердов Н.А. Деприватизация стратегических предприятий - приоритетное направление прокурорской деятельности // Юрист. – 2023. – № 10. – С. 44–50.
8. Мантул Г.А. К вопросу о деприватизации, национализации и исковой давности в России // Власть Закона. – 2024. – № 3(59). – С. 128–135.
9. Назаркулов Ж.Н. Гражданско-правовые основы реприватизации как основания прекращения права собственности // Реформирование правовой модели договорных и внедоговорных обязательств в эпоху

создания национальной цифровой экосистемы: Всероссийская научно-практическая конференция, 15 мая 2025.: сборник научных трудов / [сост. А. В. Тумаков, Н. А. Малышева]. – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. – С. 90-94.

10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 октября 2025 г. по делу № 83-КГ25-2-К1 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/vsrfdoc/IHl5ASTfSZUK/>

11. Салчак В.А. Деприватизация, расприватизация и национализация государственного и муниципального имущества // Современные этнические процессы на территории Центральной Азии: проблемы и перспективы: Сборник материалов II Международной научно- практической конференции, посвященной 25-летию со дня образования исторического факультета Тувинского государственного университета. – Кызыл: Издательство Тувинского государственного университета, 2019.

12. Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. № 425-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Волобуева Юрия Александрович на нарушение его конституционных прав положениями статьи 9.1 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» и пунктом 2 статьи 75 Федерального закона «Об исполнительном производстве» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Правительства Москвы от 6 июня 2007 г. № 463-ПП «Об утверждении Регламента подготовки в режиме «одного окна» Департаментом жилищной политики и жилищного фонда города Москвы договоров передачи жилых помещений в собственность города Москвы (расприватизация)» (утратило силу) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»

14. Постановление Правительства Москвы от 10 сентября 2014 г. № 521-ПП «Об утверждении административных регламентов предоставления государственных услуг города Москвы департаментом городского имущества города Москвы в сфере жилищных отношений» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»

15. Шереметьева Н.В. Отказ от ограниченных вещных прав. Монография. – М., 2022. – 139 с.

16. Банашко В.Ю. Деприватизация как способ отказа от права собственности на жилое помещение // Экономика и социум. – 2015. – № 6 (19). – С. 171-176.

17. Семенова Е.Г. Концептуальная модель правового режима недвижимости как объекта имущественных прав: специальность 12.00.03 "Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право": диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Семенова Екатерина Геннадьевна. – М., 2021. – 404 с.

18. Макеев П.В. Влияние приватизации и деприватизации жилых помещений на объем прав и обязанностей граждан // Жилищное право. – 2010. – № 3. – С. 97-104.

Semenova E.G. Waiver of ownership rights to privatized housing: legal nature and limits of implementation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 588-596.

The article examines the legal nature of the renunciation of ownership of privatized housing in the context of current legislation and emerging law enforcement practice. Based on an analysis of terminology ("deprivatization", "reprivatization", "reprivatization"), the preferable use of the term "deprivatization" is substantiated to denote the voluntary renunciation by the owner (owners) of the right of ownership of privatized housing with the restoration of the regime of the housing stock for social use. The theoretical approaches to the institution of deprivatization, its place in the system of grounds for termination of property rights are analyzed. Deprivatization is qualified as a complex legal structure, including elements of the institution of renunciation of property rights (Article 236 of the Civil Code of the Russian Federation) and a public-law mechanism for transferring property to public ownership. The limits of the exercise of the right to renounce ownership of privatized housing are established, conditioned by the need to take into account not only the interests of the owner, but also the interests of his family members, especially minors, the requirements for the property as residential premises admitted to civil circulation.

Key words: property rights, waiver of rights, housing, privatization, deprivatization, limits of exercise of subjective rights.

Spisok literatury:

1. CHast' pervaya Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ // Sbornik zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Zakon RF ot 4 iyulya 1991 g. № 1541 «O privatizacii zhilishchnogo fonda v Rossijskoj Federacii» (s izmen. i dop.) // Rossijskaya gazeta. – 1993. – № 5.
3. Suslova S.I. Otkaz ot prava sobstvennosti na privatizirovannoe zhiloe pomeshchenie // Notarius. – 2015. – № 1. – С. 37–40.
4. Tuchkova O.S. Osobennosti pravovoj prirody privatizacii i deprivatizacii zhilyh pomeshchenij po zakonodatel'stvu Rossii // Obrazovanie i pravo. – 2017. – № 1. – С. 178-183.

5. Dambaeva I.V. Deprivatizatsiya kak sposob otказа ot prava sobstvennosti na zhiloe pomeshchenie // *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*. – 2021. – № 1(152). – S. 197-199.
6. Kononov A.I. Deprivatizatsiya imushchestva kak sredstvo zashchity publicznyh interesov // *Zashchita prav: problemy teorii i praktika realizatsii* : sbornik statej po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 11 aprelya 2014 goda / Verhovnyj sud RF; Severo-Zapadnyj filial FGBOU VO «Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya». – Sankt-Peterburg: Izdatel'skij dom "Petropolis", 2014. – S. 28-35.
7. Miloserdov N.A. Deprivatizatsiya strategicheskikh predpriyatij - prioritetnoe napravlenie prokurorskoj deyatel'nosti // *YUrist*. – 2023. – № 10. – S. 44-50.
8. Mantul G.A. K voprosu o deprivatizatsii, nacionalizatsii i iskovoj давности v Rossii // *Vlast' Zakona*. – 2024. – № 3(59). – S. 128-135.
9. Nazarkulov ZH.N. Grazhdansko-pravovye osnovy reprivatizatsii kak osnovaniya prekrashcheniya prava sobstvennosti // *Reformirovanie pravovoj modeli dogovornyh i vnedogovornyh obyazatel'stv v epohu sozdaniya nacional'noj cifrovoj ekosistemy: Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya*, 15 maya 2025.: sbornik nauchnyh trudov / [sost. A. V. Tumakov, N. A. Malysheva]. – M.: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.YA. Kikotya, 2025. – S. 90-94.
10. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda RF ot 21 oktyabrya 2025 g. po delu № 83-KG25-2-K1 // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/vsrf/doc/lHl5ASTfSZUK/>
11. Salchak V.A. Deprivatizatsiya, rasprivatizatsiya i nacionalizatsiya gosudarstvennogo i municipal'nogo imushchestva // *Sovremennye etnicheskie processy na territorii Central'noj Azii: problemy i perspektivy: Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno- prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 25-letiyu so dnya obrazovaniya istoricheskogo fakul'teta Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*. – Kyzyl: Izdatel'stvo Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019.
12. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21 dekabrya 2004 g. № 425-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Volobueva YUriya Aleksandrovich na narushenie ego konstitucionnyh prav polozheniyami stat'i 9.1 Zakona Rossijskoj Federatsii «O privatizatsii zhilishchnogo fonda v Rossijskoj Federatsii» i punktom 2 stat'i 75 Federal'nogo zakona «Ob ispolnitel'nom proizvodstve» // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus».
13. Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy ot 6 iyunya 2007 g. № 463-PP «Ob utverzhdenii Reglamenta podgotovki v rezhime «odnogo okna» Departamentom zhilishchnoj politiki i zhilishchnogo fonda goroda Moskvy dogovorov peredachi zhilyh pomeshchenij v sobstvennost' goroda Moskvy (rasprivatizatsiya)» (utratilo silu) // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus»
14. Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy ot 10 sentyabrya 2014 g. № 521-PP «Ob utverzhdenii administrativnyh reglamentov predostavleniya gosudarstvennyh uslug goroda Moskvy departamentom gorodskogo imushchestva goroda Moskvy v sfere zhilishchnyh otnoshenij» // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus»
15. SHERemet'eva N.V. Otkaz ot ogranichennyh veshchnyh prav. Monografiya. – M., 2022. – 139 s.
16. Banashko V.YU. Deprivatizatsiya kak sposob otказа ot prava sobstvennosti na zhiloe pomeshchenie // *Ekonomika i sotsium*. – 2015. – № 6 (19). – S. 171-176.
17. Semenova E.G. Konceptual'naya model' pravovogo rezhima nedvizhimosti kak ob'ekta imushchestvennyh prav: special'nost' 12.00.03 "Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo": dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk / Semenova Ekaterina Gennad'evna. – M., 2021. – 404 s.
18. Makeev P.V. Vliyanie privatizatsii i deprivatizatsii zhilyh pomeshchenij na ob'em prav i obyazannostej grazhdan // *Zhilishchnoe pravo*. – 2010. – № 3. – S. 97-104.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 597-609.

УДК: 342.721 / 343.233 / 343.615.5 / 37.013.28

**ВЛИЯНИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ РОДИТЕЛЕЙ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ЗА
ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ НА ДЕМОГРАФИЮ,
ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА, ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И УВАЖЕНИЯ
К СТАРШИМ**

Токарчук Р. Е.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В работе рассматривается влияние конвенциональных международных правовых институтов, запрещающих телесные наказания детей и обязывающих преследовать за него родителей и преподавателей, на демографию в мире и России, а также качество воспитания ответственных, преданных семье и Отечеству россиян. Установлено, что конвенциональный запрет на телесные наказания детей в семьях и школах, установление за них различной ответственности, привел к: демотивации многодетности, общему нежеланию родителей растить более одного ребенка, ведь это тяжелый, неблагодарный и ответственный труд по воспитанию свободного ребенка без обязательств («фричайлд»); невозможности преподавателей воспитывать «фричайлд» в духе патриотизма, гражданственности и уважения к старшим; общему падению нравственности подрастающих поколений, нежелающих учиться, не уважающих старших, в том числе родителей и преподавателей, отрицающих заслуги своей страны и своего народа, готовых к предательству в собственных интересах. Предлагаются законодательные изменения, направленные на легализацию традиционного воспитательного принуждения, в том числе телесных наказаний, в процессе семейного воспитания и образовательного процесса.

Ключевые слова: воспитательное принуждение, телесные наказания, права ребенка, родитель, преподаватель, воспитание, ребенок, насилие, патриотизм, демография, рождение.

Эпиграф: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына, а кто любит, тот с детства наказывает его». Библия. Книга Притч Соломона. Притч. 13:25 [1]

Телесные наказания для отвращения детей от зла были приняты в мире всегда и везде, вплоть до середины XX в. Они являлись тем крайним средством, которое позволяло сдерживать детей от того, что во взрослом мире называется правонарушениями и преступлениями. Позволяли, вместе со всем институтом поощрений и наказаний, направлять детей к хорошему, отвращая от плохого, воспитывать в них патриотизм, гражданственность и уважение к старшим. Не отказывают в праве родителей и воспитателей применять телесные наказания к детям Библия, Коран [2, с. 52-53] и Тора [3]. Убеленный сединами известный хирург, общественный и государственный деятель, педагог Н.А. Пирогов, признавая общую нежелательность наказаний розгами, допускал их применение в исключительных случаях воспитания учителями и родителями. В частности, он считал неуместным, что «для многих отцов, матерей и учителей высечь ребенка – все равно что высморкаться», но при этом был твердо убежден, что «Розга – предмет немаловажный, и не для одних детей: о ней говорится и в Библии, и в педагогике, и в законоведении. А в жизни ребенка она – из важнейших вещей важнейшая» [4, с. 189].

Вместе с тем, под давлением западной цивилизации с помощью международных правовых институтов, в мире уже несколько десятилетий эффективно продавливается философское положение о том, что «на ребенка никто не имеет права собственности» [5, с. 405]. Фактически навязывается деструктивная идея, что ребенок: не принадлежит родителям, а значит не подлежит воспитанию по образу и подобию их; не является гражданином своей страны, а значит ему противопоказано навязывание патриотизма, гражданственности, уважения к старшим и своей стране.

Какие же последствия для России и других стран мира влечет это деструктивное воздействие на воспитательный процесс поколений, вмешательство в него, под гу-

манными призывами о защите прав детей, в итоге воспитываемых свободными от обязательств (назовем их «фричайлд» – free child, свободный ребенок).

Начиная с 2016 г., когда международная деструктивная идея воспитания свободных детей, без возможности применения в воспитательных целях телесных наказаний, стала особенно навязчиво внедряться в сознание россиян, нами были написаны работы, в которых мы настаивали на декриминализации воспитательного принуждения [6, 7]. Уже тогда мы писали, что реализация новых изменений о побоях с сохранением акцента на преследование семейного насилия может вызвать в России следующие негативные последствия: во-первых, противодействие правоохранителей семейному насилию будет сведено к минимуму, так как привлечь к ответственности родителя за телесное воспитательное наказание, пополнив статистику раскрытий, значительно проще, чем отлавливать домашнего тирана, бьющего без повода, и доказывать его вину; во-вторых, дети, а не родители станут хозяевами положения в семье, воспитание будет невозможно; в-третьих, подобное вмешательство в дела традиционной семьи может спровоцировать ухудшение демографической ситуации в стране [7]. До 2015 г. «воспитательное принуждение» в этом не нуждалось. Острая необходимость исключить случаи привлечения родителей и преподавателей к ответственности за воспитательное принуждение возникла исключительно в связи с навязываемым извне запретом на телесные наказания детей. Услышаны мы не были и то, о чем мы предупреждали, происходит сегодня на наших глазах.

Рассмотрим периоды развития юридического запрета на телесные наказания, эффективнейшее оружие воспитательного принуждения, и примерим его к изменениям коэффициента рождаемости в некоторых странах мира [8], включая РФ.

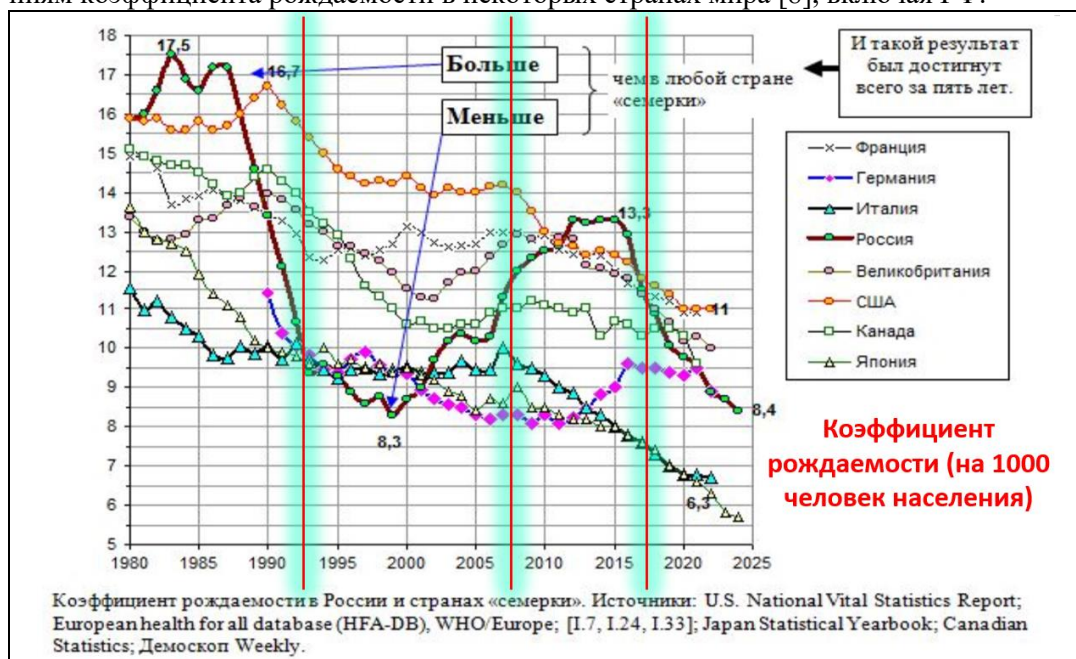

Рис. 1. Коэффициент рождаемости в России и странах «семерки».

Юридическая борьба с воспитательным принуждением в мире под прикрытием защиты прав детей развивалась несколькими периодами [9].

Конвенция о правах ребенка ООН [10] 1990 г. (далее – Конвенция), рекомендации Совета Европы о социальных мерах в отношении насилия в семье 1990 г. и о медико-социальных аспектах насилия в отношении детей 1993 г. С момента дей-

ствия этих документов отмечается падение рождаемости в США, Канаде, Великобритании, Франции, Германии, Японии и России (условно, так как это в первую очередь связано с известными последствиями разрушения СССР). Некоторые из этих стран не ратифицировали (например, США) данные документы, что вовсе не помешало их влиянию, так как под реализацию этих норм создавались серьезные международные органы-контролеры, которые обеспечивали необходимую им агрессивную повестку в прессе и мировой культуре.

В 2004 г. принимается Рекомендация 1666 (2004) Парламентской Ассамблеи Совета Европы об общеевропейском запрете телесных наказаний детей. В 2006 г. Комитет по правам ребенка ООН на 42 сессии [11] рекомендовал странам-участницам «строго запретить телесные наказания в семьях в школах и в других детских учреждениях». Отмечается падение рождаемости в США, Великобритании, Франции, Италии и Японии. В России отмечается рост, связанный с восстановлением веры граждан в будущее России и активными мерами поддержки демографии.

В 2011-2014 появляется новый международный документ, уже не скрывающий своих истинных намерений – Стамбульская конвенция (международное соглашение Совета Европы против насилия в отношении женщин и насилия в семье). На основе этой Конвенции во многих странах в очередной раз агрессивно продвигаются законопроекты «О профилактике семейно-бытового насилия» [12]. Падение рождаемости в России, США, Великобритании, Франции, Италии, Японии, позднее в Канаде и Германии – везде.

Мы не можем утверждать, что эти качели в рождаемости указанных стран были связаны исключительно с влиянием рассматриваемых документов давления, это не так. Оказывали несомненное влияние на рождаемость в России развал СССР, распространяющийся феминизм, который отвлекает женщин от их детородной функции, и другие, менее значительные факторы. При этом совершенно неверно пытаться утверждать, что рассматриваемые юридические документы не влияли на этот процесс. Они напрямую касаются вопроса возможностей воспитания детей по своему образу и подобию в качестве продолжения своего рода, запретительного регулирования этого воспитания, а значит демотивируют деторождение.

Под действием рассматриваемых документов, влияющих на внутригосударственные законодательства, выработаны целые институты по преследованию родителей, воспитателей, преподавателей и тренеров за телесные наказания провинившихся детей. Случаи привлечения к ответственности преподавателей, не готовых мириться с произволом школьников при проведении занятий вызывают общественное негодование и делается вывод, что имеет место «бесправие учителей и безнаказанность школьников» [13].

Родителей и преподавателей повсеместно привлекают к ответственности по статьям 6.1.1. КоАП РФ, 116.1 и 117 УК РФ. Как в таких условиях воспитывать патриотизм, гражданственность и уважение к старшим, непонятно. Уважение к старшим начинается с удара ложкой по лбу, когда ребенок раньше старшего члена семьи лезет в общий котел с пищей, когда он пытается украсть деньги из кошелька родителя. Место за столом и очередь за пищей надо заслужить. Именно с этого начинается уважение к старшим, понимание того, что ты – ребенок, пока-что должен всем. Ребенок должен всем, кто его растит, воспитывает и обучает. Эта обязанность политической запрета естественной родительской власти над ребенком, в том числе телесных наказаний, отрицается. Отрицаются его обязанности перед родителями, обществом и государством. Навязывается позиция о том, что это родители, учителя и государ-

ство обязаны предоставлять все ребенку, обслуживать его, не рассчитывая на возмездие этого долга в каком-либо виде. Российская любовь к своим детям, связанная с желанием ему лучшего будущего, стремлением его научить ответственности, несовместима с концепцией «фричайлд», продвигаемой Конвенцией. В Конвенции 1990 г. была определена обязанность государств-участников: принимать необходимые меры «с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации...» (ст. 19); обеспечивать чтобы «ни один ребенок не был подвергнут пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания» (ст. 37).

Конвенция утвердила вполне гуманные и человеческие постулаты, с которыми нельзя не согласиться. Поэтому к ней присоединилось подавляющее большинство стран. Еще никто не видел подвоха и не понимал, что этот документ может стать источником запрета телесных наказаний провинившихся детей, может повлиять на естественное воспитательное принуждение. Данные нормы были направлены на защиту детей от насилия, в том числе семейно-бытового, но не вторгались в вопрос воспитательного принуждения путем телесных наказаний. Последние продолжали практиковаться в виду их очевидной эффективности для крайних случаев. В условиях тяжелого времени распада СССР и последующего кризисного периода неопределенности, серьезно повлиявшего на демографию нашей страны, действие Конвенции было незаметно, а с возвращением в страну стабильности произошел естественный демографический подъем 2007-2015 годов (рис. 1).

Тот факт, что реализация данной Конвенции не повлияла на воспитательное принуждение детей за проступки в учебных заведениях и семьях России и многих других стран-участниц Конвенции, не остался без внимания Комитета по правам ребенка ООН (далее – Комитет). В 2006 г. на 42 сессии этот Комитет проявил озабоченность тем, что телесные наказания детей являются широко распространенной практикой в семьях, что эта практика не запрещена в школах и детских учреждениях. Соответственно государствам-участникам (несколько десятков раз по тексту замечания Комитета) было рекомендовано: разработать меры, направленные на «более глубокое осознание пагубных последствий телесных наказаний и обеспечить применение альтернативных форм дисциплинарного наказания в семьях» таким образом, «чтобы это не наносило ущерба человеческому достоинству ребенка» и не нарушало положения Конвенции; «строго запретить телесные наказания в семьях в школах и в других детских учреждениях»; в большей степени информировать преподавателей и других работников школ о пагубном воздействии телесных наказаний а также принять другие надлежащие меры «по предупреждению телесных наказаний и полному отказу от них» (пп. 56 и 57, 115, 145, 196, 230, 231, 309 и т.д.) [11].

Как видно из замечаний данного Комитета, воспитательные телесные наказания были нормой во всем мире, применялись в школах, и никакой трагедии не было, пока это не помещало повестке Конвенции «фричайлд»! Борьба с возможностями воспитания государствами-участниками своих детей – следующих поколений своего народа – в духе патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, перешла на новый уровень вмешательства в дела семьи и образования. Институты, обеспечивающие реализацию рассматриваемой Конвенции, продемонстрировали ее истинные цели. Запрет внутригосударственного воспитания детей под красивым предлогом борьбы с семейно-бытовым насилием в отношении детей.

Следующим шагом, направленным на те же цели и вызывающим падение рождаемости в мире стала Стамбульская конвенция (Конвенция Совета Европы о предот-

вращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием), подписанная в 2011 г. и вступившая в силу в 2014. Название конвенции вызывает исключительно положительные эмоции, так как объявляет гуманные цели защиты женщин. Вроде-бы против домашнего насилия – нельзя не согласиться! Но почему-то Россия эту конвенцию не ратифицировала, Турция, подписавшая ее в числе первых, из нее вышла, Польша рассматривает вопрос о ее денонсации. По утверждениям Турецкой стороны, Стамбульская конвенция «была захвачена группой людей, пытающихся нормализовать гомосексуализм». В этой конвенции закреплено требование ее соблюдения без какой-либо дискриминации по признаку пола, сексуальной ориентации, гендерной идентичности [14].

Стамбульская конвенция послужила бульдозером агрессивного проталкивания проекта закона «О предупреждении семейно-бытового насилия» в тех странах, в которых аналогичного закона еще не было [12]. Да, в РФ этот закон не приняли, но Конвенция «фричайлд» осталась в силе и продвигает ее институты, в том числе, повестку Стамбульской Конвенции. Именно после вступления в силу Стамбульской конвенции происходит непонятная, без объективных причин и обсуждения, реформа преследования в России побоев, которая перевела адекватных родителей и преподавателей в статус правонарушителей (ст. 6.1.1 КоАП РФ) и преступников (в ст. 116 УК РФ с июля 2016 г. по февраль 2017 г. был альтернативный признак «в отношении близких лиц») [15].

С этого момента демографические проблемы, и так уже возникшие в странах Европы и в России (рис. 1), были эффективно простимулированы соответствующей законодательной политикой, направленной на «искоренение насилия». Для этого были созданы многочисленные правозащитные организации, которые стали следить за воплощением этой деструктивной идеи в государствах-участниках Конвенции. Этот контроль постоянен, что хорошо видно по работе организации «Глобальная инициатива по прекращению телесных наказаний детей» (Global Initiative to End All Corporal Punishment of Children), которая регулярно анализирует результаты работы Конвенции, строя планы юридической реформы по искоренению телесных наказаний в России [16]. Несмотря на то, что Стамбульская конвенция Россией не ратифицирована, в ней будет расти число гендеров и увеличиваться штат ЛГБТ-сообщества, так как воспитывать в детях традиционные ценности Конвенция «фричайлд», и ее инструменты – статья 6.1.1 КоАП РФ, ст.ст. 116.1 и 117 УК РФ – не позволяют.

Таким образом, Конвенция о правах ребенка была в чьих-то интересах перетолкована и стала оружием массового поражения, убийцей всего, к чему стремится РФ – роста рождаемости и многодетности; воспитания патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Правильно профессор Бойко А.И. называет навязываемую международными институтами идеологию прав и свобод человека, ориентированную на приоритет личного интереса над общественным, – «химерой» [17, с. 11].

Изучение справочников по педагогике и ее понятиям дает представление о том, что вектор на отмену физических наказаний не имеет естественное научное происхождение. Он искусственно навязан и политизирован. В справочниках по педагогике практически отсутствуют упоминание физических наказаний и ученых педагогов, которые бы их отстаивали, считали естественными и необходимыми. Если в этих справочниках упоминаются физические наказания, то только при описании исследователей, которые их категорически не приветствовали и считали, что от них следует отказаться. Имена авторов, которые признавали пользу физических наказа-

ний в справочниках упоминаются, но без указания того, что они признавали физические наказания полезными [18]. При этом, все классики педагогики до середины XX в. сходились во мнении, как это не невероятно сегодня выглядит, что телесные наказания детей – это «единственная достоверно установленная педагогическая истина» [5, с. 6].

Сегодня же, как только ученый или педагог оправдывает отмену физических наказаний в воспитании и обучении, так ему отдаются все лавры, для чего существуют Нобелевский комитет и международные конвенциональные институты, которые делают все, чтобы убрать из воспитания самостоятельных стран телесные наказания. Если же педагог-практик или ученый заявляет, что физические наказания, которые были в образовательном процессе всегда до 20 века, необходимы, так как ученики школ становятся неуправляемыми и сами регулируют школьный порядок, их сразу объявляют изгоями. Так называемому «западу» не надо, чтобы в самостоятельных странах сохранялось традиционное воспитание, сохранялась память предков, дети воспитывались в духе патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

Не отрицая значение и полезность материальной и социальной поддержки многодетности, следует признать, что невозможно одной рукой просить рожать детей больше и стимулировать это финансово, а другой отбирать у родителей право воспитывать детей по своему образу и подобию, превращая эту деятельность в тяжелый, неблагодарный и опасный труд, угрожающий, в случае применения естественных, но исключительных телесных наказаний, ответственностью. Государство может хоть каждой новой семье давать по маленькому коттеджу, но поколение «фричайлд» не будет рожать больше 1-2 детей и не будет растить патриотов, уважающих старших. Старший, лишенный силы и возможности наказывать воспитуемого, не всегда может сам заслужить уважение у ребенка. Слабый человек не имеющий власти (силы) уважения у детей чаще всего не вызывает. Никакие меры по финансовой поддержке семей в Российской Федерации, которые уже применяются без большой пользы десятилетия, не смогут переломить ситуацию, если в силу памяти предков, в целях воспитания в детях патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, этим старшим (родителям, преподавателям) не будет возвращено право, в крайних случаях наказывать детей за такие проступки, которые могут в последующем стать основанием для привлечения взрослого человека к дисциплинарной, гражданской, административной или уголовной ответственности.

Сложившаяся ситуация стала понятна в органах государственной власти Российской Федерации и обществе, не случайно конвенциональным институтам не удалось провалить в России закон «О предупреждении семейно-бытового насилия», а в Конституции РФ в 2020 году появилась ч. 4 ст. 67.1, в которой закреплено, что Россия создает условия, способствующие воспитанию в детях патриотизма, гражданственности и уважения к старшим [19].

Еще более четко обозначены актуальные ориентиры воспитательного процесса в Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г. [20], в которой выявлены угрозы национальной безопасности страны и меры противодействия им. Закреплено, что: под навязчивым давлением западных ценностей разрушительному воздействию подвергаются базовые моральные и культурные нормы, религиозные устои, институт брака, семейные ценности (ст. 85); абсолютизируется свобода личности, осуществляется активная пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма, насаждается культ насилия, потребления и наслаждения, легализуется употребление наркотиков, формируются сообщества, отрицающие естественное продолжение

жизни (ст. 85); традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников (ст. 87).

В сфере достижения целей государственной политики по сбережению народа России и развитию человеческого потенциала, определена необходимость (ст. 33): повышения рождаемости, формирование мотивации к многодетности; обучение и воспитание детей на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей.

В вопросе защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти определены задачи (ст. 93): укрепления института семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, преемственности поколений россиян; реализация государственной информационной политики, направленной на неприятие гражданами навязываемых извне деструктивных идей, стереотипов и моделей поведения; развитие системы образования, обучения и воспитания как основы формирования развитой и социально ответственной личности, стремящейся к духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому совершенству.

Очевидно, что философия «фричайлд», навязываемая Конвенцией, препятствует реализации указанных стратегических задач обеспечения национальной безопасности России. Чего добиваются таким политическим давлением, направленным на отмену «кнута» в воспитании и образовании, так называемое «мировое сообщество»? Во-первых, без воспитательного принуждения государство и общество лишаются преемственности поколений, так как предыдущие поколения теряют возможность передавать последующим свои общегосударственные общественные ценности. Во-вторых, воспитание превращается в тяжелый неблагодарный и опасный для родителя и воспитателя труд, не всегда успешный, так как эффективные физические методы воспитания исключены из образовательного и воспитательного процесса в школах и семье. В-третьих, как результат, все это ведет к вымиранию этого «цивилизованного» общества и народа, представители которого («фричайлд») вступая в брак между мужчиной и женщиной, считая воспитание тяжелым, неблагодарным и опасным трудом, становятся представителями движения «чайлдфри» (запрещено в России) или заводят одного, максимум 2-х детей, что ведет страну к демографической яме и вымиранию этноса (народности).

Исключением становятся общественные группы, в которых еще сильно внутрисемейное влияние на воспитание религий, таких как Ислам. И именно эти народы начинают завоевывать уступаемое «цивилизованными» общностями индивидуумов, пространство, доминировать там, где они появляются, что хорошо видно в современной Европе и Великобритании [8]. Это грозит полным переформатированием населения, культуры и государственности тех стран, в которых запрет телесного наказания стал обязательным и контролируемым.

Если проанализировать коэффициент рождаемости в России и странах «семерки» становится очевидным, что Конвенция 1990 г., рассмотренные заметки 42 сессии Комитета 2006 г., Стамбульская конвенция 2014 г., последующие действия End Corporal Punishment и сегодняшние события привлечения родителей и преподавателей к ответственности за применение воспитательного принуждения, коррелируют с изменениями коэффициента рождаемости в мире – его постепенным или резким снижением после 1990, 2006 и 2015 годов.

Какой родитель в здравом уме будет подвергать себя опасности грозящей ответственности за естественное воспитание ребенка, когда можно вообще обойтись без

детей, что приветствуется современной, навязываемой извне деструктивной модой. Воспитывая 1 или 2 детей (особенно девочек), еще можно рассчитывать, что телесные наказания никогда не пригодятся, но когда в семье одновременно воспитываются 4-10 детей (особенно мальчиков), без полезного телесного воспитательного воздействия никак не обойтись, невозможно на каждого ребенка тратить по 2 часа убеждающих бесед в день, обладающих без реальных наказаний сомнительной эффективностью.

Проведем такую аналогию. Общество людей условно можно поделить на общество взрослых и общество детей, предположим до 14 лет, именно с этого возраста начинается уголовная ответственность за некоторые преступления. Так как эти два общества остаются обществами людей, то в них одинаково, но в разной степени опасности, в силу физической возможности, распространены право сильного, жажда чужой собственности, агрессивный эгоизм, желание унижить или заставить подчиняться другого человека, желание побить того, кто тебе не нравится и т.д.

Во взрослом обществе для этих случаев предусмотрено большое количество регулирующих механизмов, которые поддерживают правопорядок. С одной стороны, есть уголовный закон и КоАП РФ, которые запрещают опасные и вредные деяния под угрозой серьезных наказаний. С другой стороны, каждый сотрудник полиции, другого силового или контролирующего ведомства, имеет закрепленное право в особо опасных случаях применять при охране общественных отношений огнестрельное оружие, которым можно законно причинить смерть нарушителю правопорядка.

В детском же обществе в качестве регулирующих механизмов выступают только родители, воспитатели и преподаватели, которые ранее имели свои инструменты воспитательного принуждения детей, в том числе применения к детям в особо сложных ситуациях неподчинения и нарушения обязанностей, телесных наказаний.

А теперь представим, что будет происходить, если во взрослом обществе запретить сотрудникам силовых ведомств применять огнестрельное оружие вообще, вне зависимости от оснований, ведь убийство и смертная казнь бесчеловечны. Запретить также, как запретили применять телесные наказания в отношении детей вообще, вне зависимости от оснований. Как только такой запрет начнет действовать, сотрудник полиции, применивший для охраны правопорядка свое огнестрельное оружие, будет привлечен к уголовной ответственности за превышение должностных полномочий с применением оружия (ч. 3 ст. 286 УК РФ). Думаю, что то, что будет после этого с таким взрослым обществом никому не надо объяснять. А ведь огнестрельное оружие для сотрудника полиции такая же крайняя мера, как для родителя, преподавателя и воспитателя телесное воздействие и телесные наказания в отношении отказывающегося подчиняться образовательному процессу, общему порядку и правилам безопасности ребенка.

Применение огнестрельного оружия сотрудниками силовых ведомств это крайняя мера, которую применяет, наверное, не более 1 из 50 сотрудников полиции за весь период службы. При этом ни у кого и мысли не возникает это право отнять, оно должно быть, чтобы все участники правопорядка знали, что оно есть и его могут применить, если ты существенно нарушишь соответствующий порядок.

Роль права на применение огнестрельного оружия сотрудником полиции во взрослом обществе в детском обществе всегда играло право родителя, воспитателя и преподавателя, на телесное наказание, безоружное (ладонь) или вооруженное (розги, ремень), которое всегда было настолько естественным, что даже не определялось как обстоятельство, исключающее ответственность [2, 7].

Отмена права на телесные наказания ребенка в воспитательном и образовательном процессе и установление ответственности за него, привело к последствиям, похожим на те, которые бы во взрослом обществе вызвал запрет на ношение и применение огнестрельного оружия сотрудниками силовых ведомств. Этот разрушительный вред в образовательном процессе не так заметен, как он был бы виден во взрослом обществе, он менее разрушителен на этапе взросления ребенка, но его последствия для будущих поколений и нашей страны катастрофичны, что мы и наблюдаем в наше время. Сегодня мы видим влияние этого вреда в уже выросших представителях поколения «фричайлд» [21], а также подростках, которые: шли за предателем Алексеем Навальным; кидают коктейли Молотова в автомобили Росгвардии, трансформаторные будки железной дороги; издеваются под видеозапись над сверстниками, стариками или животными; совершают акты скулшутинга; оскорбляют преподавателей и нападают на них; готовят поджоги и взрывы в отношении военнослужащих и т.п.

Оправдывать запрет телесных наказаний в отношении детей на основании того, что дети часто гибнут от семейно-бытового насилия или причиняется непоправимый вред их физическому или психологическому здоровью, это все равно, что оправдывать запрет на необходимую оборону или крайнюю необходимость во взрослом обществе в связи с тем, что высока статистика убийств, и тяжких телесных повреждений. Это обманная подмена понятий. У противников воспитательных телесных наказаний детей нет и никогда не было никакой объективной статистики о том, что в результате телесного наказания ребенка, ведущего себя неадекватно, любящим родителем или требующим порядка преподавателем, приносило ему какой-либо вред. О том, что это приносило пользу свидетельствует вся история воспитания человечества, а также то обстоятельство, что экономический прогресс Китая, дисциплинированность и образованность китайцев, основаны на требованиях дисциплины в школах, которые строятся на ответственности, которая, в свою очередь, основана на предусмотренных в частных школах наказаниях, в том числе телесных [22; 23].

Таким образом, совершенно очевидно, что международные конвенции, направленные на защиту прав ребенка, превратились для России в орудие «убийства» демографии, патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Как правильно заметил профессор Бойко А.И.: «Наша страна, возглавившая планетарное движение против колониальных порядков прошлого и за многополярный мир, формально продолжает жить в русле идеологических координат, навязанных Западом в конце прошлого века... и азартно прославляемых вплоть до начала СВО» [17, с. 10].

Наших детей, под действием рассмотренных «международных» институтов, превращают в «Иванов, не помнящих родства», потому что ни школа, ни семья, не могут сегодня со всей ответственностью воспитывать наших детей, ведь за применение силы к ребенку, срывающему урок, отказывающемуся покинуть класс и подчиняться порядку, матерящемуся при всех и оскорбляющему родителя или преподавателя, последует ответственность. Только не ребенка, а воспитывающего его родителя или старающегося поддерживать образовательный процесс преподавателя.

Закономерно, что сегодня мы еще более настаиваем на высказанных нами 10 лет назад предложениях о необходимости закрепления в УК РФ и КоАП РФ исключаящего ответственность обстоятельства – «Воспитательное принуждение» [2; 7]. Вместе с тем, зная разницу между применением на практике норм об обстоятельствах исключаяющих преступность деяния уголовного закона и норм о праве со-

трудника полиции на применение огнестрельного оружия, предлагаем, по аналогии, предусмотреть в соответствующих нормативных правовых актах право родителей, воспитателей и преподавателей, на применение телесного воздействия и телесных наказаний в отношении детей, на которых другие меры, а также предупреждение о применении силы не подействовали.

Следовательно, предлагаем:

✓ денонсировать Конвенцию о правах ребенка ООН, ставшую оружием против нашего народа и государства;

✓ внести изменения в Семейный кодекс РФ, предусмотрев в нем право на безвредные телесные наказания при реализации обязанности по воспитанию и развитию своих детей при неэффективности более гуманных мер, после предупреждения о применении наказания, закрепив также обязанности детей: по уважению старших; обучению и развитию; стойкому перенесению связанных с выполнением этих задач тягот, в том числе телесных наказаний за проступки, связанные с грубым невыполнением своих обязанностей;

✓ внести изменения в Федеральный закон «Об образовании в РФ», закрепив в нем, меру дисциплинарного взыскания – безвредные телесные наказания в отношении обучающихся, а также право преподавателей на применение незамедлительных телесных мер воздействия (наказаний) для поддержания порядка на занятиях, при неэффективности иных, более гуманных, мер воздействия, после не достигшего положительного результата предупреждения о применении телесного воздействия или наказания. Более конкретное содержание предлагаемых норм, например, допустимого возраста применения к детям телесных наказаний, их характера, это вопрос технико-юридического характера и заслуживает соответствующего пристального внимания законодателя.

Наши предложения продиктованы требованиями ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ и задачами, поставленными в Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г.

Только в случае незамедлительного применения предлагаемых нами мер возможно добиться мотивации населения к многодетности, выравнивания демографии в РФ, ответственного воспитания граждан своей страны. Но не сразу, к сожалению, поколение уже потеряно, среди нас поколение ФРИЧАЙЛД («ОНИЖЕ ДЕТИ» – «Я ЖЕ МАТЬ»). И переломить эту ситуацию можно рассчитывать только через 10-15 лет.

Список литературы:

- 1.Притчи Соломона 13 глава 25 стих : сайт / Экзегетъ. Библия и толкования. – URL: <https://ekzeget.ru/bible/pritci-solomona/glava-13/stih-25/> (дата обращения 26.02.2026). – Текст : электронный.
- 2.Токарчук Р.Е. Правовые проблемы применения воспитательного принуждения для профилактики деструктивных и радикальных проявлений молодежи / Р.Е. Токарчук. – Текст : непосредственный // Протестная активность несовершеннолетних и молодежи: причины, формы и методы профилактики деструктивных и радикальных проявлений: монография / под ред. С.А. Буткевича. – Симферополь: Полипринт, 2022. – С. 36-57.
- 3.Эффективное Еврейское воспитание 18. Телесное наказание : сайт / Иудаизм и евреи. URL: https://toldot.com/jfamily/children/children_16455.html (дата обращения 26.02.2026). – Текст : электронный.
- 4.Пирогов Н. И. Нужно ли сечь детей и сечь в присутствии других детей? // Историческая и социально-образовательная мысль. – Том 9, №1/2, 2017. – С. 189-192. – URL: <https://s.hist-edu.ru/index.php/hist/article/view/2615> (дата обращения 26.02.2026). – Текст : электронный.
- 5.Кон И.С. Бить или не бить? / С. Кон. – М.: Время, 2012. – 448 с. – Текст : непосредственный.
- 6.Токарчук Р.Е. Воспитательное принуждение – уголовно-наказуемое насилие или допустимая необходимость? // Развитие государственности и права в Республике Крым : реалии и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 5 февр. 2016 г. / под общ. ред. С.А. Буткевича. – Краснодар : Крас-

нодарский университет МВД России, 2016. – С. 288-292. – Текст : непосредственный.

7. Токарчук Р.Е. Вопросы воспитательного принуждения детей родителями в связи с государственными мерами противодействия семейному насилию [Текст] / Р.Е. Токарчук // Библиотека криминалиста. – 2017. – № 2 (31). – С. 49-60. – Текст : непосредственный. – URL: <https://disk.yandex.ru/d/zOziHGCWvIVXDw>.

8. Калабеков И.Г. Рождаемость в России / В кн. Российские реформы в цифрах и фактах : сайт / Обновляемая электронная версия книги. URL: <https://refru.ru/birth55.html> (дата обращения 15.02.2026). – Текст : электронный.

9. Движение за запрет телесных наказаний в семье: истоки, методы, результаты: Аналитический доклад : сайт // Семейная политика.рф: Аналитический центр. Код документа: INT-18-070. Постоянный адрес: familypolicy.ru/rep/int-18-070. URL: <https://www.familypolicy.ru/rep/int-18-070.pdf> (дата обращения 09.02.2026). – Текст : электронный.

10. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) : сайт / СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения 09.02.2026). – Текст : электронный.

11. Комитет по правам ребенка ООН. Замечание общего порядка № 8 (2006): Право ребенка на защиту от телесных наказаний и других жестоких или унижающих достоинство видов наказания (в частности, статья 19: пункт 2 статьи 28 и статья 37) : сайт / Комитет по правам ребенка. 42 сессия. Женева. 15 мая – 2 июня 2006 года. URL: <https://www.refworld.org/ru/legal/general/crc/2007/ru/41020> (дата обращения 09.02.2026). – Текст : электронный.

12. Свидерская А.Ю. Анализ Стамбульской конвенции в аспекте предупреждения сексуального насилия // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 116-124. – Текст : непосредственный.

13. Ворсобиин В. «Клевый препод» не вынес хамства ученика и получил срок: кто прав, а кто виноват в истории молодого учителя из Екатеринбурга : сайт / Комсомольская правда. WWW.KP.RU. Новость от 22 октября 2025 г. URL: <https://www.kp.ru/daily/27732/5159699/> (дата обращения 09.02.2026). – Текст : электронный.

14. Стамбульская конвенция : сайт // Википедия – свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Стамбульская_конвенция (дата обращения 09.02.2026).

15. Токарчук Р.Е., Венедиктов А.А. Проблемы ответственности за побои в действующем законодательстве // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 3 (21). – С. 79-88.

16. Телесные наказания детей в Российской Федерации: отчет : сайт / End Corporal Punishment. URL: <https://endcorporalpunishment.org/reports-on-every-state-and-territory/russian-federation-ru/> (дата обращения 15.02.2026). – Текст : электронный.

17. Бойко А.И. Судьба традиционных духовных ценностей в условиях имущественного расслоения населения, идеологии прав человека, цифровизации и чрезмерной юридизации общества // Вестник юридического факультета ЮФУ. – 2024. – Т. 11, № 2. – С. 9–15. – Текст : непосредственный.

18. Ширшов Е.В. Информация, образование, дидактика, история, методы и технологии обучения. Словарь ключевых понятий и определений: учебное пособие. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2017. – 138 с. – Текст : непосредственный.

19. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) : сайт / СПС КонсультантПлюс. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8 / (дата обращения 15.02.2026). – Текст : электронный.

20. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 : сайт / СПС КонсультантПлюс (Дата обращения: 01.05.2025). – Текст : электронный.

21. В РАО обсудили деструктивное поведение подростков : сайт / Психологическая газета: Профессиональное интернет-издание. Новость от 03.03.2026 г. URL: <https://psy.su/feed/13574/> (Дата обращения: 05.03.2026). – Текст : электронный.

22. Частная школа в Китае решила ввести телесные наказания для учеников : сайт / Эксперт. Новость от 23.02.2025 г. URL: <https://expert.ru/news/vladimir-putin-pozdravil-rossiyan-s-dnem-zashchitnika-otechestva/> (Дата обращения: 05.03.2026). – Текст : электронный.

23. SCMP: школа в Китае планирует ввести телесные наказания для учеников : сайт / ТАСС. Новость от 23.02.2025 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23218473> (Дата обращения: 05.03.2026).

Tokarchuk R.E. The impact of the persecution of parents and teachers for the educational coercion of children on demography, education of patriotism, citizenship and respect for elders // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 597-609.

The paper examines the impact of conventional international legal institutions prohibiting corporal punishment of children and obliging parents and teachers to be persecuted for it on the demographics of the world

and Russia, as well as the quality of education of responsible, devoted to the family and the Fatherland Russians. It has been established that the conventional ban on corporal punishment of children in families and schools, and the establishment of various responsibilities for them, has led to: demotivation of having many children, a general reluctance of parents to raise more than one child, because it is hard, thankless and responsible work to raise a free child without obligations («freechild»); the inability of teachers to educate «freechild» in the spirit of patriotism, citizenship and respect for elders; the general decline in the morals of the younger generations, who do not want to study, do not respect their elders, including parents and teachers, who deny the merits of their country and their people, and are ready to betray their own interests. Proposed legislative changes are aimed at legalizing traditional educational coercion, including corporal punishment, in the process of family upbringing and the educational process.

Keywords: educational coercion, corporal punishment, child's rights, parent, teacher, upbringing, child, violence, patriotism, demography, birth.

Spisok literatury:

1. Pritchi Solomona 13 glava 25 stih : sajt / Ekzeget". Bibliya i tolkovaniya. – URL: <https://ekzeget.ru/bible/pritci-solomona/glava-13/stih-25/> (data obrashcheniya 26.02.2026).
2. Tokarchuk R.E. Pravovye problemy primeneniya vospitatel'nogo prinuzhdeniya dlya profilaktiki destruktivnyh i radikal'nyh proyavlenij molodezhi / R.E. Tokarchuk. – Tekst : neposredstvennyj // Protestnaya aktivnost' nesovershennoletnih i molodezhi: prichiny, formy i metody profilaktiki destruktivnyh i radikal'nyh proyavlenij: monografiya / pod red. S.A. Butkevicha. – Simferopol': Poliprint, 2022. – S. 36-57.
3. Effektivnoe Evrejskoe vospitanie 18. Telesnoe nakazanie : sajt / Iudaizm i evrei. URL: https://toldot.com/jfamily/children/children_16455.html (data obrashcheniya 26.02.2026).
4. Pirogov N. I. Nuzhno li sech' detej i sech' v prisutstvii drugih detej? // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. – Tom 9, №1/2, 2017. – S. 189-192. – URL: <https://s.hist-edu.ru/index.php/hist/article/view/2615> (data obrashcheniya 26.02.2026). – Tekst : elektronnyj.
5. Kon I.S. Bit' ili ne bit'? / S. Kon. – M.: Vremya, 2012. – 448 s. – Tekst : neposredstvennyj.
6. Tokarchuk R.E. Vospitatel'noe prinuzhdenie – ugovovno-nakazuemoe nasilie ili dopustimaya neobhodimost'? // Razvitie gosudarstvennosti i prava v Respublike Krym : realii i perspektivy : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., 5 fevr. 2016 g. / pod obshch. red. S.A. Butkevicha. – Krasnodar : Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2016. – S. 288-292. – Tekst : neposredstvennyj.
7. Tokarchuk R.E. Voprosy vospitatel'nogo prinuzhdeniya detej roditel'nyimi v svyazi s gosudarstvennymi merami protivodejstviya semejnomu nasiliyu [Tekst] / R.E. Tokarchuk // Biblioteka kriminalista. – 2017. – № 2 (31). – S. 49-60. – Tekst : neposredstvennyj. – URL: <https://disk.yandex.ru/d/zOziHGcWylVXDw>.
8. Kalabekov I.G. Rozhdaemost' v Rossii / V kn. Rossijskie reformy v cifrah i faktah : sajt / Obnovlyaemaya elektronnyaya versiya knigi. URL: <https://refru.ru/birth55.html> (data obrashcheniya 15.02.2026).
9. Dvizhenie za zapret telesnyh nakazaniy v sem'e: istoki, metody, rezul'taty: Analiticheskij doklad: sajt // Semejnaya politika.rf: Analiticheskij centr. Kod dokumenta: INT-18-070. Postoyannyj adres: familypolicy.ru/rep/int-18-070. URL: <https://www.familypolicy.ru/rep/int-18-070.pdf> (data obrashcheniya 09.02.2026). – Tekst : elektronnyj.
10. Konvencii o pravah rebenka (odobrena General'noj Assambleej OON 20.11.1989) (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990) : sajt / SPS Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (data obrashcheniya 09.02.2026).
11. Komitet po pravam rebenka OON. Zamechanie obshchego porjadka № 8 (2006): Pravo rebenka na zashchitu ot telesnyh nakazaniy i drugih zhestokih ili unizhayushchih dostoinstvo vidov nakazaniya (v chastnosti, stat'ya 19; punkt 2 stat'i 28 i stat'ya 37) : sajt / Komitet po pravam rebenka. 42 sessiya. Zheneva, 15 maya – 2 iyunya 2006 goda. URL: <https://www.refworld.org/rw/legal/general/crc/2007/ru/41020> (data obrashcheniya 09.02.2026). – Tekst : elektronnyj.
12. Sviderskaya A.Yu. Analiz Stambul'skoj konvencii v aspekte preduprezhdeniya seksual'nogo nasiliya // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. – 2022. – T. 8, № 1. – S. 116-124. – Tekst : neposredstvennyj.
13. Vorsobin V. «Klevyj prepod» ne vynes hamstva uchenika i poluchil srok: kto prav, a kto vinovat v istorii molodogo uchitelya iz Ekaterinburga : sajt / Komsomol'skaya pravda. WWW.KP.RU. Novost' ot 22 oktyabrya 2025 g. URL: <https://www.kp.ru/daily/27732/5159699/> (data obrashcheniya 09.02.2026).
14. Stambul'skaya konvenciya : sajt // Vikipediya – svobodnaya enciklopediya. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Stambul'skaya_konvenciya (data obrashcheniya 09.02.2026). – Tekst : elektronnyj.
15. Tokarchuk R.E., Venediktov A.A. Problemy otvetstvennosti za poboi v dejstvuyushchem zakonodatel'stve // Biblioteka ugovovnogo prava i kriminologii. – 2017. – № 3 (21). – S. 79-88.
16. Telesnye nakazaniya detej v Rossijskoj Federacii: otchet : sajt / End Corporal Punishment. URL: <https://endcorporalpunishment.org/reports-on-every-state-and-territory/russian-federation-ru/> (data obrashcheniya 15.02.2026). – Tekst : elektronnyj.
17. Bojko A.I. Sud'ba tradicionnyh duhovnyh cennostej v usloviyah imushchestvennogo rassloeniya naseleniya, ideologii prav cheloveka, cifrovizacii i chrezmernoj yuridizacii obshchezhitia // Vestnik yuridicheskogo fakul'teta YuFU. – 2024. – T. 11, № 2. – S. 9-15. – Tekst : neposredstvennyj.

18. Shirshov E.V. Informaciya, obrazovanie, didaktika, istoriya, metody i tekhnologii obucheniya. Slovar' klyuchevykh ponyatij i opredelenij: uchebnoe posobie. – M.: Izdatel'skij dom Akademii Estestvoznaniya, 2017. – 138 s. – Tekst : neposredstvennyj.
19. «Konstituciya Rossijskoj Federacii» (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) : sajt / SPS Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/ (data obrashcheniya 15.02.2026). – Tekst : elektronnyj.
20. «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii»: Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 : sajt / SPS Konsul'tantPlyus (Data obrashcheniya: 01.05.2025). – Tekst : elektronnyj.
21. V RAO obsudili destruktivnoe povedenie podrostkov : sajt / Psihologicheskaya gazeta: Professional'noe internet-izdanie. Novost' ot 03.03.2026 g. URL: <https://psy.su/feed/13574/> (Data obrashcheniya: 05.03.2026).
22. Chastnaya shkola v Kitae reshila vvesti telesnye nakazaniya dlya uchenikov : sajt / Ekspert. Novost' ot 23.02.2025 g. URL: <https://expert.ru/news/vladimir-putin-pozdravil-rossiyan-s-dnem-zashchitnika-otechestva/> (Data obrashcheniya: 05.03.2026). – Tekst : elektronnyj.
23. SCMP: shkola v Kitae planiruet vvesti telesnye nakazaniya dlya uchenikov : sajt / TASS. Novost' ot 23.02.2025 g. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23218473> (Data obrashcheniya: 05.03.2026).

УДК 351.74

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, НАПРАВЛЕННОЙ НА
ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ**

Чуносов М. А.

*Евпаторийский институт социальных наук (филиал) Федерального государственного
автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный уни-
верситет имени В. И. Вернадского»*

В статье рассматриваются проблема возмещения вреда, нанесенного преступлением. Показано, что возмещение вреда является существенным элементом в обеспечении правосудия и защиты прав потерпевших. Уточнено, что возмещение вреда, причиненного преступлением, является одним из элементов восстановления нарушенных прав потерпевших. Показано, что возмещение вреда, возникшего вследствие преступления, является комплексным процессом, требующим от потерпевшего инициативности, осведомленности о своих правах и умения их отстаивать. Рассмотрены содержательные характеристики профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел к возмещению вреда. Уточнено понятие профессиональная готовность, под которой понимается личностное образование. Показано, что профессиональная готовность к реализации деятельности по возмещению вреда, должна содержать мотивационный, операционный и эмоционально-волевой компоненты. Отмечено, что компоненты профессиональной готовности должны конкретизироваться в подсистемах «знать» и «уметь». Раскрыто содержание деятельностно-процессуальных и социально-психологических знаний. Охарактеризованы умения, которыми должен владеть сотрудник органов внутренних дел. Сделаны выводы, что эффективная реализация принципа полного возмещения вреда, причиненного преступлением, требует скоординированных усилий сотрудников органов внутренних дел, потерпевшего и лица, причинившего вред.

Ключевые слова: сотрудник органов внутренних дел, профессиональная готовность, знания, умения, возмещение вреда, преступление, потерпевший.

В современной юридической практике возмещение вреда, нанесенного преступлением, формально не входит в перечень задач, определенных уголовным законом. Текущая редакция ст. 2 Уголовного кодекса РФ определяет приоритетные задачи, которые сфокусированы на охране основ конституционного строя России, личных прав и свобод, имущества, общественного спокойствия, экологической стабильности, от противоправных посягательств. [1]. Эти задачи вытекают из конституционно-правовых норм, при этом Статья 52 Конституция РФ гарантирует защиту прав жертв преступлений и злоупотреблений властью, обеспечивая им доступ к правосудию и компенсацию понесенного вреда [2].

Следует подчеркнуть, что в ряде ситуаций возмещение вреда, причиненного преступлением, способствует восстановлению справедливости и снижению социальной напряженности. В виду того значимость данного института трудно переоценить. Стремясь обеспечить честность и охрану интересов пострадавших, законодательство устанавливает процедуру и правила возмещения вреда. Последующее улучшение законодательного регулирования в этой области, а также практическое применение действующих правил, позволит более результативно оберегать права и интересы тех, кто пострадал от криминальных деяний, и содействовать формированию государства, основанного на верховенстве закона, где каждый гражданин ощущает себя в безопасности.

Актуальные проблемы возмещения вреда причиненным преступлением в уголовном процессе исследуют Н.В. Анисимова, А.П. Нагорный, А.В. Равнюшкин, Н.Н. Сенин, Е.В. Смирнова, П.А. Соловьёв, Л.Н. Темиркаяева, С.Ю. Туров,

С.А. Шумаков, Ж.В. Цыренов, Р.Г. Хасаншина, Е.С. Царева и др. Анализ научных источников показал, что проблема возмещения вреда потерпевшему рассматривается в общеправовом контексте, в котором основное внимание обращается на содержательных характеристиках нормативно-правовых документах и общей специфике их использования. Так, Е.В. Смирнова отмечает, что работа по возмещению вреда, причиненного преступлением, является малоэффективной. Автор утверждает, что недостаточная эффективность объясняется личностными аспектами, относящимися как к работе должностных лиц, так и к степени их квалификации. Это определяет необходимость разработки наиболее эффективных моделей процессуальных действий указанных лиц в сфере гарантирования компенсации ущерба от преступных деяний [3]. С.Ю. Туров исследует актуальные вопросы теоретического и методического характера, связанных с реализацией функции уголовного судопроизводства по компенсации ущерба, причиненного преступлением. Автор акцентирует внимание на поиске и создании оптимальных механизмов для повышения результативности деятельности, призванной гарантировать охрану прав и охраняемых законом интересов физических лиц и организаций, пострадавших от преступлений. Следует отметить, что автор опирается на исторический контекст исследуемой проблемы, посредством анализа содержания законодательства в различные периоды жизни России [4]. С.А.Шумаков аргументирует предложения о законодательном закреплении компенсации вреда в качестве одной из целей уголовного права, что создает прочную основу для формирования соответствующего уголовно-правового института [5]. Аналогичной точки зрения придерживается и Ж.В. Циренков, который аргументирует предложения о необходимости расширения полномочий руководителя следственного органа, что должно обеспечить своевременное принятие следователем обеспечительных мер, направленных на возмещение вреда [6]. Р.Г. Хасаншина, анализируя специфику взаимодействия различных сфер при компенсации ущерба пострадавшей стороне, выявляет с одной стороны определённую фрагментарность законодательной базы, с другой стороны, несогласованность действий уполномоченных органов. Автором сделаны выводы о наличии потребности в разработке целостной концепции гражданско-правового инструментария для возмещения вреда потерпевшему [7].

Анализ исследований показал, что проблема возмещения вреда потерпевшему, является одной из насущных проблем юридической науки, а эффективная система возмещения вреда, причиненного преступлением, является одним из элементов восстановления нарушенных прав потерпевших. Авторы преимущественно рассматривают юридические аспекты, правовые механизмы и международный опыт возмещения вреда потерпевшему. Важным аспектом рассматриваемой деятельности является определение субъектов, обязанных возместить вред. Как правило, ответственность несет лицо, совершившее преступление. Однако, в некоторых случаях, ответственность может быть возложена на других лиц, например, на родителей несовершеннолетних преступников, на работодателя, на работодателя, если вред нанесён работнику в ходе выполнения им своих служебных функций, на государство которое компенсирует ущерб, ставший следствием противозаконных действий государственных органов или их представителей. Также порядок действий персонала определяется текущим положением и поведением, как виновного, так и пострадавшего в

инциденте лица. При этом принимается психическое состояние (вменяемость, готовность возместить причиненный вред добровольно, оказывать содействие органу дознания и предварительного, возмещение вреда, возникшего вследствие преступления, является комплексным процессом, требующим от потерпевшего инициативности, осведомленности о своих правах и умения их отстаивать. Процедура возмещения вреда включает в себя несколько этапов, и на каждом из них должностное лицо, будь то следователь или дознаватель, обязано прилагать максимум усилий для их реализации. В свою очередь, оперативное обращение потерпевшего за юридической поддержкой, сбор необходимых доказательств и квалифицированное расследование дела следователями и дознавателями являются гарантией успешной компенсации ущерба и восстановления нарушенных прав.

Для эффективной деятельности по возмещению вреда, причиненного преступлением сотрудник органов внутренних дел должен обладать такими индивидуальными качествами, которые особенно заметны при их эффективном использовании в нестандартных и экстремальных ситуациях, и предполагают развитую саморегуляцию, высокую степень осознанности и усвоения универсальных алгоритмов деятельности. Таким образом, к сотрудникам органов внутренних дел предъявляются высокие требования к профессиональным качествам, к которым относятся и умение применять на практике алгоритмы действий в ситуациях и обстоятельствах, предполагающих применение правовых механизмов возмещения вреда потерпевшему. Таким образом, профессиональная готовность сотрудника органов внутренних дел является целостным личностным образованием, обеспечивающие решение оперативно-служебных задач через практическое применение ранее полученных теоретических знаний и приобретенных навыков.

Мы считаем целесообразным компоненты профессиональной готовности рассматривать в соответствии с научной позицией И.Я. Лернера, через содержательные характеристики категорий «знать» и «уметь». Автор отмечает, что категория «знание» характеризуется в контексте продуктивной деятельности и содержит научные данные и базовые термины, теоретические и практические модели, научные принципы, этические нормы др. В то же время категория «уметь» рассматривается как логическое дополнение усвоенных теоретических знаний и иллюстрируется непосредственным владением алгоритмов практической деятельности и др. [8].

К первой группе нами отнесены правовые компетенции, необходимые для эффективной реализации профессиональных обязанностей: нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность Министерства внутренних дел, разновидности и сущностные особенности конкретных следственных мероприятий; юридические основания для компенсации ущерба пострадавшей стороне; основные формы и методы возмещения причиненного вреда; требования, стадии и порядок осуществления компенсационных выплат; специфика судебного взыскания убытков; фазы судебного разбирательства по делам о возмещении вреда, а также процесс возврата имущества по решению суда.

Вторая группа включает социально-психологические компетенции, необходимые сотруднику правоохранительных органов для результативного восстановления ущерба от преступных деяний. Сюда входят: понимание норм морали и нравственности, действующих в обществе; методы психологической саморегуляции; технологии построения доверительного взаимодействия;

закономерности в поведении граждан, привлекаемых к отдельным следственным процедурам.

В третий блок вошли «умения», которыми должен владеть сотрудник органов внутренних дел при реализации деятельности направленной на возмещение вреда, причинённого преступлением. Сотрудник должен уметь осуществлять планирование отдельных следственных действий, осуществлять криминологический анализ ситуации, применять на практике схемы действий, ориентированные на компенсацию ущерба, в том числе с учетом отдельных категорий граждан: лиц не достигших возраста уголовной ответственности, признанных невменяемыми, являются инвалидами, военнослужащими и др.

В целом эффективное возмещение вреда является важной составляющей принципа справедливости и восстановления нарушенных прав потерпевшего. Возмещение вреда демонстрирует сложность и многогранность данного правового института. Эффективная реализация принципа полного возмещения вреда, причиненного преступлением, требует скоординированных усилий сотрудников органов внутренних дел, а также, что немаловажно, потерпевшего и лица, причинившего вред. Одним из ключевых факторов, влияющих на эффективность возмещения вреда, является активная позиция потерпевшего. Своевременное заявление гражданского иска, предоставление доказательств, подтверждающих размер причиненного вреда, а также участие в следственных действиях, направленных на установление имущества, принадлежащего подозреваемому/обвиняемому, значительно повышают шансы на получение компенсации. В то же время, органам внутренних дел следует акцентировать и разъяснять потерпевшему его права и обязанности, а также оказывать содействие в подготовке необходимых документов. Для достижения этой цели необходимо совершенствование законодательной базы, повышение профессиональной квалификации сотрудников правоохранительных органов, а также активное взаимодействие всех участников уголовного процесса. Особое внимание следует уделять развитию механизмов досудебного урегулирования споров о возмещении вреда, поскольку это может значительно сократить сроки рассмотрения уголовного дела и обеспечить более быстрое восстановление прав потерпевшего.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. – Москва: Проспект, 2022. – 400 с.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 14 марта 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 52.
3. Смирнова, Е.В. Правовое регулирование и вопросы практики возмещение вреда, причинённого преступлением, в уголовном судопроизводстве: специальность 12.00.09: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / Смирнова Елена Васильевна. – Волгоград, 2017. – 30 с.
4. Туров, С.Ю. Возмещение причинённого преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция (теоретико-методологический анализ): специальность 12.00.09: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / Туров Сергей Юрьевич. – Челябинск, 2013. – 32 с.
5. Шумаков, С.А. Уголовно-правовое значение возмещения ущерба, причинённого преступлением: специальность 12.00.06: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / Шумаков Сергей Александрович. – Краснодар, 2022. – 28 с.
6. Цыренов, Ж.В. Обеспечение органами предварительного расследования возмещение вреда причинённого преступлениями: специальность 5.1.4 : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / Цыренов Жаргал Викторович. – Ижевск, 2024. – 27 с.
7. Хасаншина, Р.Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам: специальность 12.00.08: диссертация ... кандидата юридических наук / Хасаншина Регина Гайфулова. – Казань, 2014. – 215 с.

8. Качество знаний учащихся и пути его совершенствования / [И.Я. Лернер, Л.Я. Зорина, Г.И. Батурина и др.]; Под редакцией М.Н. Скаткина, В.В. Краевского. – Москва: Педагогика, 1978. – 208 с.

Chunosov M.A. Professional readiness of employees of internal affairs agencies to carry out activities aimed at compensating for damage caused by a crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 610-614.

This article examines the issue of compensation for damage caused by a crime. It demonstrates that compensation is a vital element in ensuring justice and protecting the rights of victims. It is noted that the issue of compensation for damage to victims is a pressing issue in legal science, and an effective system of compensation for damage caused by a crime is one of the elements of restoring the violated rights of victims. It is shown that compensation for damage caused by a crime is a complex process that requires the victim to be proactive, aware of their rights, and able to defend them. The substantive characteristics of the professional readiness of law enforcement officers to compensate for damage are examined. The concept of professional readiness, understood as personal development, is clarified. It is shown that professional readiness to implement activities to compensate for damage must include motivational, operational, and emotional-volitional components. It is noted that the components of professional readiness should be specified in the "know" and "be able" subsystems. The article explores the content of activity-based, procedural, and socio-psychological knowledge. It also describes the skills required of law enforcement officers to effectively implement compensation for damages. It concludes that effective compensation for damages is an important component of the principle of justice and the restoration of the victim's violated rights.

Keywords: law enforcement officer, professional readiness, knowledge, skills, compensation for damages, crime, victim.

Spisok literatury:

1. Criminal Code of the Russian Federation. Moscow: Prospect, 2022. 400 p.
2. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: with amendments approved during the all-Russian vote on March 14, 2020 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020, No. 11, Article 52.
3. Smirnova, E.V. Legal Regulation and Practical Issues of Compensation for Damage Caused by a Crime in Criminal Proceedings: Specialty 12.00.09: Abstract of the Dissertation ... Candidate of Law / Elena Vasilievna Smirnova. Volgograd, 2017. 30 p.
4. Turov, S.Yu. Compensation for Damage Caused by a Crime as a Criminal-Procedural Function (Theoretical and Methodological Analysis): Specialty 12.00.09: Abstract of a Candidate of Law Dissertation / Sergey Yuryevich Turov. – Chelyabinsk, 2013. – 32 p.
5. Shumakov, S.A. Criminal-Legal Significance of Compensation for Damage Caused by a Crime: Specialty 12.00.06: Abstract of a Candidate of Law Dissertation / Sergey Aleksandrovich Shumakov. – Krasnodar, 2022. – 28 p.
6. Tsyrenov, Zh.V. Ensuring Compensation for Damage Caused by Crimes by Preliminary Investigation Bodies: Specialty 5.1.4: Abstract of a Candidate of Law Dissertation / Zhargal Viktorovich Tsyrenov. – Izhevsk, 2024. – 27 p.
7. Khasanshina, R.G. The Nature and Significance of Compensation for Harm to the Victim in Making Procedural Decisions in Criminal Cases: specialty 12.00.08: dissertation ... of candidate of legal sciences / Khasanshina Regina Gayfulova. – Kazan, 2014. – 215 p.
8. The quality of students' knowledge and ways to improve it / [I.Ya. Lerner, L.Ya. Zorina, G.I. Baturina and others]; Edited by M.N. Skatkina, V.V. Kraevsky. – Moscow: Pedagogy, 1978. – 208 p.

УДК 343.982.9

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МЕТЕОРОЛОГИЯ: СУЩНОСТЬ,
ЗНАЧЕНИЕ И МЕСТО В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИКИ**

Алымов Д. В., Бондарева А. В., Гусеян Г. О.

Юго-Западный государственный университет

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты криминалистической метеорологии как нестандартного, но перспективного направления деятельности следственных органов, направленного на познание объективных закономерностей действительности, связанных с преступным событием. Авторами анализируется влияние погодных условий на совершение преступления: от формирования преступного умысла до создания реальных препятствий расследованию. Сформировано наиболее ёмкое законодательное понятие криминалистической метеорологии, необходимое для дальнейшего процессуального регулирования. Обозначены проблемные аспекты развития криминалистической метеорологии, с учётом законодательной составляющей, развития современных технологий, используемых в криминалистике, научных достижений и опыта практической деятельности правоохранительных органов. Подчёркивается, что на настоящем этапе развития уголовного процесса уже существуют оптимальные и достаточные механизмы реализации направления криминалистической метеорологии. Рассмотрены перспективы развития криминалистической метеорологии не только с позиции уточнения обстановки совершения преступления, но и с позиции формирования более полной доказательственной базы. Сделаны выводы о том, что, благодаря наличию имеющихся специальных технических средств и процессуальных механизмов в деятельности правоохранительных органов, криминалистическая метеорология может быть внедрена в деятельность следственных органов уже в ближайшее время. Определены возможные направления дальнейшего исследования данного института, способствующие углублению понимания сущности криминалистической метеорологии и формированию новых криминалистических методик, рекомендаций и тактических приёмов.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическое прогнозирование, криминалистическая метеорология, обстановка совершения преступления, следы преступления, доказательства, гидрометеорологическая экспертиза, расследование.

Состояние преступности на любом этапе развития государства характеризуется совершенствованием существующих и появлением новых способов, средств и механизмов совершения преступлений. Очевидно, что качество работы правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью напрямую зависит от объективности, полноты и эффективности методов расследования преступлений. Криминалистика, как наука, занимающаяся изучением закономерностей преступных деяний, механизмов их отражения в источниках информации, особенностей деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению всех видов преступлений, должна разрабатывать средства и методы этой деятельности в ответ на совершенствование механизмов преступности [1]. Таким образом, возникает необходимость в разработке и совершенствовании научно-практических аспектов криминалистической деятельности, направленной на учет и систематизацию внешних факторов, оказывающих влияние на механизм и способ совершения преступления, а также сокрытия его следов.

Влияние природных условий на совершение преступлений активно исследуется криминологии. Некоторые авторы, на основании исследований учёных, непосредственно связывают влияние внешних природных факторов или аномалий (сейсмоактивные зоны, электромагнитные бури, стихийные бедствия) на психическое состояние человека, под воздействием которого он совершает уголовно наказуемые деяния [2]. Однако, на наш взгляд, недооценка роли природных условий, оказыва-

ющих влияние как на внутреннее состояние субъекта преступления, так и на внешнюю форму выражения преступного деяния, может негативно сказаться на процессе доказывания и установления значимых для дела обстоятельств. Таким образом, возникает необходимость использования разработанных криминологической наукой знаний о внутренних и внешних факторах, в том числе погодных условий, оказывающих влияние на особенности преступного поведения, и их адаптации к решению криминалистических задач.

Так, например, Т.А. Зорина выражает мнение о том, что с позиции криминологии природные явления и их возможное влияние на личность преступника предсказать достаточно сложно[3]. В данном случае должны учитываться особенности функционирования структуры центральной нервной системы и других систем организма субъекта преступной деятельности, чтобы отнести его к определенному криминальному типу. С позиции криминалистики, на наш взгляд, ситуация складывается иным образом. В данном случае должны учитываться особенности преступного поведения, отражающиеся в виде следов на тех или иных материальных объектах, а также следов воздействия на материальную обстановку, в которой произошло криминальное событие, с учетом внешних факторов, которыми являются соответствующие погодные условия.

Так, субъект преступления может «подобрать удобное для себя» время совершения преступления, например, опираясь на прогноз погоды, или «инсценировать» те или иные природные явления[4].

На наш взгляд, под криминалистической метеорологией следует понимать одно из направлений криминалистики, изучающее закономерности возникновения и изменения следов преступления под влиянием метеорологических условий (погодных явлений или замаскированных под таковые), а также закономерности использования метеорологической информации в процессе доказывания.

Погодные условия могут влиять как на место происшествия в целом, так и на отдельные виды следов:

- физические следы (следы ног, обуви, орудий взлома, повреждений, могут быть искажены под воздействием определённых погодных условий; найденные на криминалистических объектах следы каких-либо микрочастиц могут свидетельствовать об их перемещении, например, при отсутствии ветра на трупе может быть обнаружена пыльца растений, не произрастающих в месте обнаружения трупа и т.д.)[5];

- биологические следы (кровь, слюна, волосы, частицы кожи могут менять консистенцию, цвет, быстрее или медленнее подвергаться естественным процессам в зависимости от воздействия тех или иных погодных условий);

Таким образом, сохранность вещественных доказательств на открытой местности, серьезным образом зависит от метеоусловий.

Приведём несколько практических примеров, когда погодные условия (или преднамеренные отвлекающие действия, замаскированные под погодные условия) стали основной помехой и вели следствие по ложному следу, отличающемуся от истины или вовсе противоположному:

1. На химическом комплексе, производящем этилен, произошёл крупный пожар из-за прорыва трубопровода. Возгорание длилось почти сутки, но было локализовано. На следующий день житель соседнего района подал иск о компенсации, утверждая, что его дом и участок покрыла сажа от пожара, и обвинял завод во вредных

выбросах. Привлечённый судебный метеоролог восстановил погодные условия: сухой антициклон с устойчивым северным ветром. Используя модели атмосферного переноса и радарные данные, эксперт доказал, что продукты горения распространялись строго на юг, в противоположную от заявителя сторону. Низкая высота пламени и минимальное вертикальное движение воздуха исключали попадание сажи к дому истца. Иск был отклонён, подтвердив решающую роль криминалистической метеорологии в разрешении спора.

2. На северном склоне горы были обнаружены человеческие останки с личинками мухи чёрной львинки, что сначала привело к версии об убийстве. Позже было установлено, что эти личинки развиваются только в тёплом климате. Судебный метеоролог, скорректировав данные о температуре для уникального микроклимата холодного склона, установил, что развитие личинок было замедлено. Это позволило точно определить время гибели, которое совпало с исчезновением местной жительницы. В результате версия убийства была исключена в пользу несчастного случая, также демонстрируя решающую роль метеорологии в расследовании[6].

Очевидно, что погодные или климатические условия в заданном месте и в определённое время существенно влияют на формирование следственной версии и, соответственно, на весь ход расследования[7]. Отсутствие сведений о погодных условиях в момент совершения преступления могут вести следствие по ложному следу или вовсе завести в тупик.

Проанализируем существующие на данный момент процессуальные действия и механизмы, на первый взгляд схожие с криминалистической метеорологией. Приказ Министерства Юстиции Российской Федерации от 20.04.2023 № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» устанавливает большое количество экспертиз[8]. Близкой к криминалистической метеорологии является экологическая экспертиза. Однако, ни одна из её разновидностей не преследует цель установления необходимого круга обстоятельств, связанных с влиянием погодных условий в момент совершения преступления на его следы.

Предлагается проведение гидрометеорологической экспертизы в частных экспертных учреждениях на платной основе, нацеленное чаще всего на прогнозирование влияния погодных условий на какое-то событие (например, при выборе площадки для строительства заводов, ТЭЦ, хранилищ опасных веществ и других объектов, чья деятельность может зависеть от климатических условий или оказывать влияние на окружающую среду). В части судебных споров, гидрометеорологическая экспертиза проводится, как правило, в случаях, когда необходимо доказать что ущерб был вызван определёнными метеоусловиями (однако в этом случае чаще всего имеются в виду стихийные бедствия: наводнение, ураган и др.)[9].

Таким образом, для достижения целей уголовного судопроизводства нам видится недостаточным наличие существующих на данный момент экспертиз, связанных с закономерностями влияния погодных условий на то или иное событие, поскольку преследуются иные цели. Деятельность следователя, по своей сути, состоит в по-

стоянной тщательной проверке информации, ставшей ему известной в процессе расследования. Анализ погодных явлений в определённый момент времени в конкретном месте может служить для следователя официальным подтверждением полученной информации и гарантией достоверности доказательств. Кроме того, для отдельных видов преступлений (уличная преступность), необходимо уделять особое внимание погодным условиям как элементу обстановки совершения преступления[10].

Говоря о процессуальной реализации криминалистической метеорологии, на наш взгляд, нет необходимости разрабатывать иной механизм. Практически реализовать это направление возможно с помощью уже существующих процессуальных действий, в том числе, информационно-удостоверительного характера - назначения судебной экспертизы (например, экспертизы механизма преступления), производства следственного эксперимента либо проверки показаний на месте[11]. Эти следственные действия помогут установить особенности механизма и хода преступного события и создать условия для выдвижения и проверки криминалистических версий, связанных с установлением факта использования криминальным элементом особенностей погодных условий для противодействия расследованию преступлений. Однако, с точки зрения правовой основы, необходимо дополнить перечень экспертиз, перечисленных в вышеупомянутом приказе Министерства Юстиции, проводимых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях, гидрометеорологической экспертизой.

Во внедрении нового вида экспертизы мы видим следующие положительные моменты:

1. Проведение гидрометеорологической экспертизы на этапе предварительного расследования позволит следователю получить информацию, имеющую доказательственное значение[12]. Потому как, например, при направлении обычного запроса в Гидрометцентр, следователь получит лишь ориентирующую для себя информацию, и, не имея достаточных профессиональных знаний в области метеорологии, вряд ли сможет грамотно применить результаты запроса в рамках обстоятельств, подлежащих доказыванию.

2. Проведение гидрометеорологической экспертизы вряд ли будет слишком затратным, поскольку её основа будет состоять в сборе данных (метеостанций, карт), обработке и моделировании информации и формировании выводов на их основе. Дополнительных затрат в виде, например, дорогостоящей аппаратуры, не потребуется, поскольку всё необходимое оборудование уже существует для каких-либо собственных первоочерёдных целей (метеостанции, спутники), а для криминалистики необходимо лишь грамотно проанализировать полученные с них данные. Это условие также способствует скорости проведения данного вида экспертизы.

3. Существует теоретическая возможность в последующем внедрить системы искусственного интеллекта для автоматизированного анализа данных в рамках экспертизы и сопоставления полученных экспертных данных с обстоятельствами дела [13].

Вместе с тем, можно выделить и недостатки такого вида экспертиз:

1. Источники информации для проведения гидрометеорологической экспертизы, могут находиться на большом расстоянии от места преступления, а значит, данная

экспертиза будет не эффективна для расследования преступлений, совершённых в отдалённых местах.

2. Отсутствие стандартизированных научных методик и рекомендаций для экспертов данной области. Для успешного функционирования гидрометеорологической экспертизы необходимо разработать новую специальность экспертов или курсы повышения квалификации в области криминалистической метеорологии [14].

3. Необходимо разработать и нормативно закрепить конкретные «погодные параметры», которые будут использоваться в рамках проведения экспертизы (температура воздуха, давление, влажность и т.д.).

4. Следовательно, не обладающему специальными знаниями в области метеорологии, вероятнее всего придётся прибегать к помощи специалиста для постановки чётких вопросов эксперту [15].

Таким образом, криминалистическая метеорология представляет собой достаточно востребованный инструмент криминалистической деятельности в рамках первоначального этапа расследования. Развитие данного направления позволит не только уточнить обстановку совершения преступления, но и расширить доказательственную базу, а также создать условия для выдвижения и проверки криминалистических версий, например, о криминальной инсценировке или учете преступником погодных условий для противодействия расследованию преступлений. Также данное направление откроет возможность прогнозирования поведения преступников в зависимости от погодных условий, что в свою очередь, способствует развитию криминалистического анализа и более эффективному раскрытию преступлений. Внедрение современных технологий и методов анализа данных в эту область сможет существенно повысить эффективность расследований. Дальнейшие исследования в данной области помогут углубить понимание взаимодействия между метеорологическими условиями и преступными событиями, что, в свою очередь, может привести к разработке новых криминалистических методик, рекомендаций и тактических приемов для практического применения в следственной деятельности.

Список литературы:

1. Яблоков, Н.П. Криминалистика: учебник и практикум для вузов / Н.П. Яблоков. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 239 с. [Электронные ресурс]. // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/book/kriminalistika559679?ysclid=mic2ntk5e3653244870>
2. Токтокопиев А.М. Природные катаклизмы и криминальная патопсихология // Вестник ИС НАН КР. 2021. №2 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prirodnye-kataklizmy-i-kriminalnaya-patopsihologiya> (дата обращения: 22.11.2025).
3. Зорина Т. А. Специально-криминологические причины и условия преступлений, совершаемых в условиях природных бедствий и техногенных катастроф // Право и практика. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialno-kriminologicheskie-prichiny-i-usloviya-prestupleniy-sovershaemyh-v-usloviyah-prirodnih-bedstviy-i-tehnogennyh-katastrof> (дата обращения: 22.11.2025).
4. Пак С. Е. Личность преступника как элемент оперативно-розыскной характеристики // Право и государство: теория и практика. 2023. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-kak-element-operativno-rozysknoy-harakteristiki> (дата обращения: 17.12.2025).
5. Карепанов Н.В. Сущность и характерные особенности обнаружения следов преступления // Российское право: образование, практика, наука. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-harakternye-osobennosti-obnaruzheniya-sledov-prestupleniya> (дата обращения: 17.12.2025).
6. Криминальная метеорология или как погода помогает найти преступников? [Электронный ресурс] // Яндекс Погода URL: <https://yandex.ru/pogoda/ru/blog/kriminalnaya-meteorologiya>
7. Блажевич Н. В. Версия и дискуссия в процессе принятия следственных решений как методологическая проблема // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/versiya-i-diskussiya-v-protseste-prinyatiya-sledstvennyh-resheniy-kak-metodologicheskaya-problema> (дата обращения: 17.12.2025).

8. Приказ Министерства юстиции РФ от 28 декабря 2023г. № 404 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» [Электронные ресурсы] // СПС «Гарант» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408223575/>
9. Санкт-Петербургский институт независимой экспертизы и оценки. Гидрометеорологическая экспертиза [Электронные ресурсы] // URL: https://inexpert.ru/uslugi/gidrometeorologicheskajajekspertiza/#anchor_3
10. Гальчун Е. А. Обстановка совершения преступления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obstanovka-soversheniya-prestupleniya> (дата обращения: 23.11.2025).
11. Светличный А.А. Некоторые терминологические проблемы ситуационных экспертных исследований // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-terminologicheskie-problemy-situatsionnyh-ekspertnyh-issledovaniy> (дата обращения: 17.12.2025).
12. Мичурин В.С. Востребованность производства следственных действий до возбуждения уголовного дела // Вестник экономической безопасности. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostrebovannost-proizvodstva-sledstvennyh-deystviy-do-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela> (дата обращения: 17.12.2025).
13. Михаил С.С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-ugolovno-protsessualnom-dokazyvanii> (дата обращения: 17.12.2025).
14. Немира С. В. Проведение экспертизы в уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. 2024. №12 (240). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/provedenie-ekspertizy-v-ugolovnom-protsesse> (дата обращения: 17.12.2025).
15. Вестов Ф.А., Качкова А.Д. Роль следователя в привлечении специалиста при расследовании уголовного дела // Базис. 2024. №1 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sledovatelya-v-privlechenii-spetsialista-pri-rassledovanii-ugolovnogo-dela> (дата обращения: 17.12.2025).

Alymov D.M., Bondareva A.V., Guseyan G.O. Forensic meteorology: essence, significance and place in the forensic system // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 615-621

The article discusses the theoretical and practical aspects of forensic meteorology as a non-standard but promising area of activity for investigative bodies aimed at understanding the objective patterns of reality related to criminal events. The authors analyze the impact of weather conditions on the commission of a crime, from the formation of criminal intent to the creation of real obstacles to investigation. The article highlights the problematic aspects of the development of forensic meteorology, taking into account the advancement of modern technologies used in criminology, scientific achievements, and the practical experience of law enforcement agencies.

Keywords: criminology, forensic forecasting, forensic meteorology, crime scene, crime traces, evidence, hydrometeorological examination, investigation.

Spisok literatury:

1. Yablokov, N.P. Forensic Science: Textbook and Workshop for Universities / N.P. Yablokov. - 3rd ed., revised and enlarged. - Moscow: Yurait Publishing House, 2025. - 239 p. [Electronic resource]. // Educational platform Yurait [website]. - URL: <https://urait.ru/book/kriminalistika559679?ysclid=mic2ntk5e3653244870>
2. Toktosopiev A.M. Natural Disasters and Criminal Pathopsychology // Bulletin of the IS NAS KR. 2021. No. 2 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prirodnye-kataklizmy-i-kriminalnaya-patopsihologiya> (date of access: 22.11.2025).
3. Zorina T. A. Special criminological causes and conditions of crimes committed in the context of natural and man-made disasters // Law and Practice. 2014. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialno-kriminologicheskie-prichiny-i-usloviya-prestupleniy-sovershaemyh-v-usloviyah-prirodnih-bedstviy-i-tehnogennyh-katastrof> (date of access: 22.11.2025).
4. Pak S. E. Personality of the criminal as an element of the operational-search characteristics // Law and state: theory and practice. 2023. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-kak-element-operativno-rozysknoy-harakteristiki> (date of access: 12/17/2025).
5. Karepanov N.V. The nature and characteristic features of detecting traces of a crime // Russian law: education, practice, science. 2023. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-harakternye-osobennosti-obnaruzheniya-sledov-prestupleniya> (date of access: 12/17/2025).
6. Criminal meteorology or how does the weather help find criminals? [Electronic resource] // Yandex Weather URL: <https://yandex.ru/pogoda/ru/blog/kriminalnaya-meteorologiya>
7. Blazhevich N. V. Version and discussion in the process of making investigative decisions as a methodological problem // Legal science and law enforcement practice. 2025. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/versiya-i-diskussiya-v-protsesse-prinyatiya-sledstvennyh-resheniy-kak-metodologicheskaya-problema> (date of access: 12/17/2025).

8. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of December 28, 2023. No. 404 "On Approval of the Instructions for the Organization of the Production of Forensic Examinations in Federal Budgetary Forensic Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation" [Electronic resource] // SPS "Garant" URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408223575/>
9. St. Petersburg Institute of Independent Expertise and Assessment. Hydrometeorological Expertise [Electronic resource] // URL: https://inexpert.ru/uslugi/gidrometeorologicheskajajekspertiza/#anchor_3
10. Galchun E. A. The Environment of the Commission of a Crime // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2022. No. 1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obstanovka-soversheniya-prestupleniya> (date of access: 11/23/2025).
11. Svetlichny A.A. Some terminological problems of situational expert research // Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences. 2024. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-terminologicheskie-problemy-situatsionnyh-ekspertnyh-issledovaniy> (date of access: 12/17/2025).
12. Michurin V.S. Demand for investigative actions before initiating a criminal case // Bulletin of Economic Security. 2023. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vostrebovannost-proizvodstva-sledstvennyh-deystviy-do-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela> (date of access: 12/17/2025).
13. Mikhail S.S., Artificial Intelligence Technologies in Criminal Procedural Proof // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-v-ugolovno-protsessualnom-dokazyvanii> (date of access: 12/17/2025).
14. Nemira S. V. Conducting an examination in criminal proceedings // Law and state: theory and practice. 2024. No. 12 (240). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/provedenie-ekspertizy-v-ugolovnom-protsesse> (date of access: 12/17/2025).
- Vestov F. A., Kachkova A. D. The role of the investigator in involving a specialist in the investigation of a criminal case // Basis. 2024. No. 1 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-sledovatelya-v-privlechenii-spetsialista-pri-rassledovanii-ugolovnogo-dela> (date of access: 17.12.2025).
- .

УДК 340.113.1

ПРАВОВАЯ МЕТАФОРА: ПРИРОДА, ВЗАИМОСВЯЗЬ С ЯЗЫКОМ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ

Ярошук И. А.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

В статье рассматривается актуальная проблема использования метафоры в языке права. Исследуются исторические корни научных концепций метафоры и отмечается растущий интерес к данной теме в современной гуманитарной парадигме. Цель исследования – определить роль метафоры как модели юридического мышления, способствующей пониманию сложных правовых норм. Подчеркивается когнитивный и прагматический потенциал метафор в праве, их способность делать правовые нормы более доступными и убедительными. Особое внимание уделяется типам метафор, используемым в праве. Анализируются различные точки зрения на использование метафор в языке права, констатируется необходимость углубленного изучения этого языкового феномена для эффективной коммуникации законодателя и общества. Подчеркивается, что удачное применение метафор способствует их интегрированию в общее культурное и историческое наследие. Вместе с тем акцентируется внимание на потенциальных опасностях, связанных с использованием метафор в языке права. В заключение предлагаются этапы осмысленного метафорического моделирования в языке права, направленные на улучшение понимания правовых текстов и эффективное правовое регулирование, включая создание когнитивных метафор для инновационных сфер и разработку глоссариев метафор.

Ключевые слова: право, язык права, правовая метафора, виды правовой метафоры, правовое мышление, правоприменение, правовое регулирование, правовые нормы, правовые концепции

Научные концепции метафоры берут свое начало во времена Античности. Несмотря на столь долгую историю, количество исследовательских трудов, посвященных изучению метафоры, в современный период растет в геометрической прогрессии. Данная ситуация подтверждает непрекращающийся научный интерес к данному языковому феномену и нерешенность целого спектра проблем, относящихся к этому, казалось бы, уже традиционному объекту исследования.

Тем не менее, невзирая на обилие публикаций о метафоре, в современной гуманитарной парадигме наблюдается особый интерес к ней со стороны представителей тех научных областей, в формировании языковой материи которых категорически отвергалась роль метафоры. И в этом отношении особо остро стоит вопрос возможности использования метафоры в языке права. И это не случайно, поскольку язык права наделен ведущей функцией в упорядочивании и организации общественных связей и отношений посредством четких лингвистических конструкций, обеспечивающих однозначность в понимании правовых установлений.

Особый институциональный характер языка права, поддерживаемый жесткими требованиями к применению терминологии и языковых единиц в целом, влияет на восприятие и практическое использование законов. Данные специфические особенности наделяют его статусом лингвистического ресурса, формирующего и сохраняющего социальный консенсус.

Четкость и точность юридических формулировок играют ключевую роль в недопущении различных интерпретаций, неясностей в законодательных актах. Поэтому юридический язык выступает в качестве лингвистического инструмента социального конструирования, используемого и государством, и обществом. Благодаря ему законодатель целенаправленно влияет на социальные процессы и общественные отношения. Отсюда следует, что совершенное владение языком и умение им опери-

ровать – необходимое условие для эффективного управления и развития общества в рамках правового поля. Следовательно, специфика функционирования языка права обязывает законодателя не только владеть знаниями о реальных социальных явлениях и отношениях, но и предвидеть их вероятные эволюционные модификации. Это обуславливает понимание права не просто как аналитической сферы, но и как стратегически значимого социального инструмента регулирования общественных отношений.

Язык права представляет собой особый способ структурирования лингвистических знаков и их дальнейшее использование, обеспечивающий четкую и недвусмысленную трансляцию правовых намерений законодателя. Эта жесткая формализация не является произвольной, она продиктована самими потребностями исключения возможной вариативной интерпретации норм, и как результат – юридической неопределенности. Все участники правовых отношений должны понимать юридические предписания одинаково вне зависимости от их субъективных особенностей восприятия.

Юридические нормы оказывают влияние на мышление и побуждения индивидуумов исключительно через вербальные структуры. Язык выступает коммуникативным каналом, транслирующим информацию о сущности правовых установлений и принципов, что обуславливает характер языка права как комплексного и многогранного конструкта, неразрывно связанного с семантическим уровнем права. Язык, представляя собой способ выражения, концентрирует смысл права, используя разнообразие лингвистические элементы – от общеупотребительных слов, представляющих собой лингвистическую основу любого правового текста, до узкоспециализированной юридической терминологии.

Язык права – это многогранная структура, выходящая за рамки простого набора терминов и определений, требующая углубленного анализа и осмысления. Он выполняет функцию посредника между абстрактным правом и конкретными социальными явлениями, акцентируя его значимость в современной юридической науке. Язык права трактуем как охватывающий словарный запас, применяемый в нормативных правовых актах – законодательных актах, указах, постановлениях и т.д., равно как и в документах, содержащих их официальную интерпретацию. Язык права – это вербальный инструмент законодателя, который позволяет ему доносить до общества суть принятых и одобренных государством установлений.

Как специфическая форма идеального бытия право создает собственную систему понятий и значений, которые в своем вербальном оформлении оперируют не только лингвистическими средствами прямого обозначения объектов и явлений. Существенную роль в понимании отвлеченных категорий, характерных для юридической области, играют метафорические конструкции. Например, употребление выражения «буква закона» в своей основе имеет метафорическую природу. Так, утверждение о «слепоте правосудия» представляет собой метафорическое отображение принципа беспристрастности: закрытые глаза у фигуры Фемиды (богини правосудия) символизируют, что справедливость должна вершиться, не взирая на личность, богатство, положение или другие внешние факторы сторон, участвующих в деле, отсюда метафора – правосудие «не видит» этих элементов, и опирается только на факты и закон. Это и есть фундаментальный принцип правовой системы, согласно которому

решения должны приниматься без предвзятости, дискриминации или личной заинтересованности. Подобные и многие другие метафорические конструкции формируют наше представление о праве, оказывают влияние на его толкование и реализацию.

В данном исследовании мы ставим целью определить метафору в качестве одной из основных моделей юридического мышления, дающей возможность трансформировать сложные и отвлеченные правовые нормы в более доступные и знакомые образы, что содействует более глубокому осмыслению и пониманию юридических правовых норм. Более того, метафоры в праве способны быть не только инструментом усиления эффективности восприятия и понимания правовых предписаний, но и средством влияния на чувства и убеждения субъектов права, что может играть решающую роль в ходе принятия решений и структурировании общественного сознания. В контексте правового поля законы и правила зачастую кажутся оторванными от реальности и неопределенными, а метафоры наделяют их конкретикой, понятностью и доступностью для верной интерпретации.

Несмотря на потенциальные сложности, связанные с использованием метафор в праве, задача настоящего исследования состоит в демонстрации их ключевой роли в осуществлении коммуникативной функции права. Метафоры способствуют повышению доступности и понятности правовых норм для различных групп населения. В связи с этим особое значение приобретает тщательный и взвешенный подход к подбору лингвистических средств в праве. Это необходимо для обеспечения не только четкости и ясности правовых положений, но и для стимулирования активной апперцепции и вовлеченности со стороны адресата норм. Следовательно, строгий подход к выбору и использованию метафор в праве является определяющим условием для эффективной коммуникации между законодателем и обществом.

Уровень ясности и конкретности, с которыми воля законодателя передается через языковые средства, напрямую связан с качеством языка, используемого в законодательных актах. Несмотря на стремление к однозначности, язык законодательства, как и любой другой, характеризуется наличием таких лексических свойств слов, как многозначность, омонимия, синонимия и антонимия. Однако частота их применения, а также пределы допустимости в текстах законов существенно отличаются от общепринятых норм. Кроме того, указанные свойства слов в нормативных актах выполняют особую смысловую (семантическую) функцию, отличную от их роли в других языковых сферах и стилях [6]. Метафора в праве репрезентирует значительную смысловую нагрузку и выполняют важную функциональную роль – обеспечивает максимальную экономию языковых средств, что является важным аспектом при создании лаконичных и однозначных правовых норм, позволяя более эффективно использовать языковые ресурсы.

В последнее десятилетие XX века статус метафоры как полноправной языковой единицы лингвистической материи нормативно-правовых актов подвергался жесткой критике, более того, региональное законодательство постулировало положения, запрещающие использование полисемантических слов и выражений, включая метафоры. В научных публикациях большинство исследователей отстаивали строгий подход к языковой селекции, направленной на искоренение метафор из процесса законотворчества.

Однако наряду с указанным подходом выделяется научное направление, противостоящее столь категоричным отрицаниям метафор в праве. Отдельные исследователи, включая А. Ф. Черданцева [10], Н. А. Власенко [2], В. М. Баранова [2] и М. В. Байтееву [1], справедливо подчеркивают, что проблема использования метафор в языке права остается открытой. Солидаризируясь с Н. А. Власенко, утверждаем, что вторичный семиозис в форме метафоры присущ языку права, однако зачастую игнорируется научным сообществом или вовсе отвергается. Так, по словам ученого, требование исключения метафор «не выполнимо, нужно более глубоко знать природу этого логико-языкового феномена и умело им пользоваться и в научно-исследовательских работах, и в правотворчестве» [3, с. 54]. В своем научном исследовании «Современное российское государство. Очерки» Н. А. Власенко широко применял метафоры для более детального анализа определенных аспектов российской государственности. В связи с этим ученый высказал гипотезу о существовании метафорического метода в юриспруденции, подчеркнув значимость его активного использования и совершенствования [4, с. 21–22]. Исследователь отмечает две положительные тенденции: «война» с метафорами завершилась, юридическая наука развернулась лицом к данной проблеме, появились исследования на эту тему, но их немного и глубина темы до сих пор не исчерпана» [3, с. 54].

Следовательно, сложно отрицать факт наличия метафор в нормативных правовых актах. Однако их использование в юридической сфере требует углубленного изучения и осмысления данного языкового феномена с целью раскрытия лингвистического потенциала и предотвращения возможных разногласий.

В языке права метафоры реализуют свой когнитивный и прагматический потенциал. Когнитивная функция метафоры, проявляющаяся в различной степени, была отмечена как российскими исследователями (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, В.Г. Гак, В.П. Москвин, Е.В. Рахилина, Г.Н. Скляревская, В.Н. Телия и др.), так и зарубежными (М. Блэк, Э. Кассирер, Э. Маккормак, Х. Ортега-и-Гассет, П. Рикер, А. Ричарде, Ф. Уилрайт и др.). Эти ученые рассматривают метафору как базовый инструмент познания и формирования представлений о мире, позволяющий охватить самые удаленные области нашего сознания и делающий абстрактные понятия доступными для коммуникации. Важность метафоры сложно выразить более ярко, чем это сделал Х. Ортега-и-Гассет, утверждая, что «огромное здание Вселенной, полное жизни, покоится на маленьком и легком теле метафоры» [7, с. 76–77].

Исследование метафоры непосредственно в языке права даст возможность, как мы считаем, углубить существующие знания о данном языковом феномене и внести ясность в дискуссионные положения относительно возможности использования метафоры в правовом тексте.

При внимательном исследовании нормативно-правовых актов становится очевидным, что язык права и в целом юридическая сфера изобилует метафорами – «противостояние преступности» [9], «правовое поле» (или «информационно-правовое поле»¹), «срок исковой давности»² др. Сформированные за счет метафори-

¹ Указ Президента РФ от 28.06.1993 №966 (ред. от 22.03.2005) «О Концепции правовой информатизации России» // СПС «КонсультантПлюс».

ческого механизма правовые лингвистические конструкции оказывают непосредственное влияние на правоприменение: так, например, до сих пор ведутся дискуссии относительно выбора лексического репрезентанта реакции на преступные действия – борьба или противодействие. Понятие правового государства, вопросы создания которого являются одними из ключевых и обсуждаемых тем в конституционном праве, тоже представляет собой непрямонаминативное по природе словосочетание, использование слова «создание» применительно к организации государственной власти столь же метафорично, как и фраза «борьба с преступностью».

Правовая метафора представляет собой применение образных выражений, уподоблений или переносного смысла, заимствованных из других сфер деятельности, с целью разъяснения, толкования или исследования правовых концепций и феноменов. Данный прием способствует более глубокому осмыслению сложных юридических концепций, облегчая их восприятие и делая более понятными, а также содействует формированию и развитию правового мышления посредством установления связей с общеизвестными для интерпретации образами. Они формируются за счет переноса признаков, качеств или функций из других сфер (таких как природа, механика или социальная жизнь) в правовую область. Благодаря этому возникают выразительные и образные представления о сложных юридических понятиях. Например, правовое регулирование может быть описано как «механизм» или «организм», что подчеркивает взаимодействие его элементов и целостность системы. Метафоры в праве часто отражают представления о праве как о «правовой системе», «правовой конструкции», «правовой стене», «правовой реке», что способствует формированию образов, понятных для юристов и общества.

Основная идея, которой придерживался А. Ф. Черданцев в своих теоретических взглядах на роль метафор в праве, сводится к двум ключевым утверждениям. Во-первых, согласно доктринальной позиции ученого, метафора – это значимое логико-языковое явление в праве и юридической науке, реализующее свой прагматический потенциал, способствующий осмыслению сложных правовых понятий. А во-вторых, А. Ф. Черданцев предостерегал, что использование метафор оправдано только при условии наличия четких и корректных формулировок, призванных обогащать язык права, добавляя выразительность и ясность. А в противном случае, если метафора будет воспринимается как абсолютная истина, это может привести к ошибкам и заблуждениям в научных исследованиях [10, с. 290].

Несомненна ценность метафор в придании большей выразительности и конкретности концепциям и категориям права. Метафорический образ, наделенный функцией визуализации, служит для объединения процессов символического представления правовых концепций и их словесного оформления. В этом контексте задача метафоры как явления – не в замещении прямого значения слова посредством семантической замены, а в передаче информации, которую невозможно выразить другими способами. Для метафоры обычно свойственны колебания в значении между буквальным и переносным смыслами, в метафорическом образе подчеркивается лишь приблизительное соответствие между ними. В языке права из-за частого употребления («источник власти», «подрыв безопасности общества», «смягчение нака-

² ГК РФ Статья 196. Общий срок исковой давности // Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

зания», «политическое убежище») метафор может устанавливаться однозначное соответствие между первоначальным и переносным значением. В таких случаях метафора воспринимается как утратившая свою образность, которая прослеживается лишь в ее происхождении, и приобретающая статус устойчивого выражения. В то же время образность органично вплетается в содержание юридического явления.

Метафора в правовых текстах выполняет роль ключевого когнитивного инструмента, обеспечивающего более доступное понимание и усвоение правовых положений. Благодаря метафорическому мышлению, выходящему за пределы стандартных логических рассуждений, становится возможным перенести знания из знакомой области в незнакомую посредством аналогии, что делает метафору ценным средством в процессе вербальной репрезентации права и правовых явлений. Данный познавательный процесс реализуется на трех основных уровнях.

Во-первых, на концептуальном уровне метафора служит языковым инструментом для формирования новых правовых представлений, используя уже устоявшиеся понятия из известных областей знаний, тем самым предоставляя когнитивные ориентиры для правового мышления.

Во-вторых, на терминологическом уровне метафорический перенос является источником юридических терминов в силу интуитивной ясности, которая обусловлена ассоциациями с привычным опытом («отмывание денег», «корпоративная вуаль», «правовой иммунитет»).

В-третьих, на уровне интерпретации метафора фиксирует пределы осмысления правовых феноменов, в заданном направлении контролируя процесс их восприятия и оценивания.

Несомненна роль метафоры в наименовании не изученных ранее правовых феноменов. В этом плане метафора выполняет ряд принципиальных задач: первичное вербальная репрезентация новых юридических концепций, еще не имеющих своего словесного выражения, и тем более устоявшегося терминологического определения («цифровой след», «смарт-контракт», «киберпреступность»); понимание новых юридических явлений посредством использования известных концептуальных рамок, что значительно облегчает процесс познания; адаптация новых юридических установлений за счет их органичного встраивания в действующую систему права, что снижает эффект их «инородности»; способствование более легкому усвоению новых юридических терминов, поскольку метафоры устанавливают ассоциативную связь между абстрактными понятиями и наглядными, известными образами.

Можно выделить следующие типы метафор, используемые в языке права:

– Органическая метафора – это восприятие юридических институтов в виде подобий биологических организмов, что отражается в таких выражениях, как «ветви власти», «правовая система» или «юридическое лицо». Органистическая мотивировка метафорической номинации уподобляет правовые явления живым организмам, наделяя их характеристиками развития, взаимодействия и функционирования, подобно биологическим системам. Использование подобных метафор позволяет упростить понимание сложных правовых явлений, перенося их в более наглядную и понятную плоскость. Вместо абстрактных образований субъект общества воспринимает правовые реалии как «живые», обладающие собственной динамикой разви-

тия и взаимодействия. Это делает правовую сферу более осязаемой и доступной для осмысления, способствуя более глубокому пониманию со стороны общества.

– Пространственная метафора представляет собой осмысление юридических концепций посредством использования пространственно-временных отношений и категорий, к которым относятся, например, «правовое поле», «сфера регулирования», «пробел в праве». Использование пространственных аналогий для описания правовых конструкций является способом понять и объяснить сложные юридические концепции. Это позволяет представить абстрактные нормы и отношения в более осязаемой и понятной форме. Образы пространства помогают визуализировать границы, пределы и зоны влияния в рамках правовой системы. Так, метафорическое понятие «правовое поле» отражает совокупность действующих правовых норм и принципов, формирующих определенное пространство, в котором субъекты права взаимодействуют между собой. «Сфера регулирования» – это указание на границы применимости конкретных правовых норм к определенным общественным отношениям, а «пробел в праве» определяет отсутствие необходимого законодательного регулирования в конкретной области общественных отношений.

– Представление о праве как о механизме часто выражается посредством так называемой механистической метафоры, когда подразумевается рассмотрение законодательства и его применения в качестве системы, состоящей из взаимосвязанных элементов, что аналогично работе автоматического механизма, машины. Например, метафора «правовые механизмы» подразумевает наличие четко определенных процессов и процедур, направленных на достижение конкретных целей. В данном контексте уместно указать метафору «рычаги управления», указывающую на возможность воздействия на общественные отношения посредством правового регулирования. А понятие «юридические инструменты» акцентирует роль права как средства для решения задач и урегулирования конфликтов, подобно тому, как инструменты используются в механике для выполнения определенных функций. Исходя из сказанного, механистические метафоры способствуют определению права как сложной и в то же время эффективной системы поддержания порядка и справедливости в социуме.

– Информационная метафора, способствующая интерпретации правовых концепций через призму информационных процессов. Это такие понятия, как «правовой сигнал», «нормативное сообщение» и «кодификация».

– Архитектурная метафора позволяет определять право, как строительный объект, используя образы здания, сооружения: «конструкция нормы», «правовой фундамент», «юридическая архитектоника».

Правовая метафора ориентирует реципиента на уже известные гносеологические структуры, чему способствуют следующие аспекты метафоры: повышение уровня доступных обобщений: метафора преобразует сложные юридические понятия в более осязаемые и понятные образы, тем самым упрощая их восприятие; метафорическая номинация стимулирует интуитивное мышление, давая возможность субъекту общества постичь глубину правового феномена, минуя скрупулезный разбор каждого его элемента. Другими словами, интуиция, подпитанная метафорическим образом, помогает мгновенно охватить суть правовой концепции, освобождая от необходимости кропотливого анализа; активизация эмоционального уровня: метафоры, как правило, несут в себе эмоциональный подтекст, благодаря чему правовые тек-

сты «оживают», а правовые понятия становятся легко запоминающимися; удачное применение метафор в праве способствует их культурно-исторической ассимиляции, то есть их интегрированию в общее культурное и историческое наследие. Это возможно благодаря тому, что доступность сложных правовых понятий, вербализуемых посредством метафоры, реализуется за счет того, что метафора, вовлекая языковые мышление в общий культурный для законодателя и субъекта общества контекст, связывает юридические концепции с устоявшимися традиционными ценностями и представлениями, характерными для данного социума.

Несмотря на неоспоримую ценность метафоры в создании когнитивного комфорта, важно понимать потенциальные опасности, которые она таит в себе и которые необходимо учитывать: метафора способна деформировать истинное значение, выделяя определенные стороны правового феномена, но при этом оставляя на заднем плане другие не менее значимые его характеристики, что может иметь в качестве негативных последствий неверные трактовки правовых явлений; перенасыщенность правового текста метафорами способно создать излишнюю эмоциональную нагрузку, что будет препятствовать объективному, рациональному восприятию и пониманию юридических предписаний; метафорические образы, как правило, формируются на основе этнокультурных представлений, что потенциально создает трудности в интерпретации правовых предписаний для представителей иной культурно-национальной среды; частота употребления правовых метафор приводит к их модификации в банальные лексические штампы, теряющие первоначальную выразительность и не создающие изначальный когнитивный эффект.

Таким образом, осмысленное метафорическое моделирование в языке права открывает широкие возможности для улучшения понимания сути правовых текстов в целях эффективного правового регулирования, реализующегося через упорядочение общественных отношений, обеспечение законности и правопорядка, защиты прав и законных интересов граждан через юридические установления. Мы считаем, что ключевыми этапами в этом процессе должны стать следующие. Во-первых, создание базирующихся на когнитивных принципах правовых метафор, используемых для номинации, прежде всего, инновационных сфер правового регулирования, таких как цифровое право, биоэтика, космическое право и др. Во-вторых, разработка глоссариев и словарей метафор, что станет действенным инструментом в руках законодателя и субъектов общества, интерпретируемых правовые нормы.

Список литературы:

1. Байтеева, М. В. Язык и право / М. В. Байтеева. – Казань: Отечество, 2013. – 252 с.
2. Баранов В. М., Власенко Н. А. Метафора в праве: методологическая опасность и перспективы / В. М. Баранов, Н. А. Власенко // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2019. – № 1 (45). – С. 11–19.
3. Власенко Н. А. Метафора как средство правовой экспертологии (на примере постсоветской государственно-правовой реальности) / Н. А. Власенко // Юридическая техника. – 2022. – № 16. – С. 53–62.
4. Власенко Н. А. Современное российское государство. Очерки / Н. А. Власенко. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 152 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Крюкова, Е. А. Язык и стиль законодательных актов: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01; [Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. – Москва, 2003. – 139 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., иен., польск. яз./Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68–81.

8. Указ Президента РФ от 28.06.1993 №966 (ред. от 22.03.2005) «О Концепции правовой информатизации России» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 01.04.2019 №46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография / А. Ф. Черданцев. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 320 с.

Yaroshchuk I. A. Legal metaphor: nature, interconnection with the language of normative acts // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 2. – S. 622-630.

The article addresses the current issue of metaphor usage in legal language. It explores the historical roots of scientific concepts of metaphor and notes the growing interest in this topic within the modern humanitarian paradigm. The research aims to determine the role of metaphor as a model of legal thinking, facilitating the understanding of complex legal norms. The cognitive and pragmatic potential of metaphors in law is emphasized, highlighting their ability to make legal norms more accessible and persuasive. Special attention is paid to the types of metaphors used in law. Various viewpoints on the use of metaphors in legal language are analyzed, and the necessity of in-depth study of this linguistic phenomenon for effective communication between legislators and society is stated. It is stressed that the successful application of metaphors contributes to their integration into the general cultural and historical heritage. At the same time, attention is drawn to the potential dangers associated with the use of metaphors in legal language. In conclusion, stages of thoughtful metaphorical modeling in legal language are proposed, aimed at improving the understanding of legal texts and effective legal regulation, including the creation of cognitive metaphors for innovative areas and the development of metaphor glossaries.

Keywords: law, legal language, legal metaphor, types of legal metaphor, legal thinking, law enforcement, legal regulation, legal norms, legal concepts

Spisok literatury:

1. Bajteeva, M. V. Yazyk i pravo / M. V. Bajteeva. – Kazan': Otechestvo, 2013. – 252 s.
2. Baranov V. M., Vlasenko N. A. Metafora v prave: metodologicheskaya opasnost' i perspektivy / V. M. Baranov, N. A. Vlasenko // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii, 2019. – № 1 (45). – S. 11–19.
3. Vlasenko N. A. Metafora kak sredstvo pravovoy ekspertologii (na primere postsovetsoj gosudarstvenno-pravovoj real'nosti) / N. A. Vlasenko // Yuridicheskaya tekhnika. – 2022. – № 16. – S. 53–62.
4. Vlasenko N. A. Sovremennoe rossijskoe gosudarstvo. Ocherki / N. A. Vlasenko. – M.: Norma: INFRA-M, 2023. – 152 s.
5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 31.07.2025, s izm. ot 25.11.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.08.2025) // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Kryukova, E. A. Yazyk i stil' zakonodatel'ny'x aktov: dissertaciya ... kandidata yuridicheskix nauk: 12.00.01; [Ros. akad. gos. sluzhby pri Prezidente RF]. – Moskva, 2003. – 139 s.
7. Ortega-i-Gasset X. Dve velikie metafory // Teoriya metafory: Sbornik: Per. s ang., fr., nem., jen., pol'sk. yaz./Vstup. st. i sost. N. D. Arutyunovoj; Obshh. red. N. D. Arutyunovoj i M. A. Zhurinskoj. – M.: Progress, 1990. – S. 68–81.
8. Ukaz Prezidenta RF ot 28.06.1993 №966 (red. ot 22.03.2005) «O Konceptii pravovoj informatizacii Rossii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
9. Federal'nyj zakon ot 01.04.2019 №46-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti protivodejstviya organizovannoj prestupnosti» // SPS «Konsul'tantPlyus».
10. Cherdancev, A. F. Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudencii: monografiya / A. F. Cherdancev. – M.: INFRA-M, 2012. – 320 s.

УДК 336.7:004.056

**КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВО В СТРАХОВОМ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ: СИСТЕМНЫЕ ДИСФУНКЦИИ**

Смирнова Е. А., Толочко И. Р.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье проводится комплексный анализ кибермошенничества в страховом предпринимательстве как системного феномена, интегрирующего деструктивный потенциал информационных технологий и специфику страховых отношений. Актуальность исследования обусловлена стремительной эскалацией киберугроз, технологической эволюцией инструментария мошенников и отсутствием адекватных правовых и организационных механизмов защиты страхового сектора. Выявлены и структурированы три группы системных дисфункций: институционально-правовые, организационно-технологические и социально-экономические. Обоснована необходимость перехода от фрагментированной реактивной модели к комплексной проактивной системе противодействия.

Ключевые слова: кибермошенничество, страховое предпринимательство, системные дисфункции, фишинг, социальная инженерия, искусственный интеллект, цифровая грамотность, Банк России.

Цифровая трансформация финансового сектора, выступая драйвером операционной эффективности и клиентоцентричности, одновременно порождает принципиально новые уязвимости, которые активно эксплуатируются криминальными структурами. В системе страхового предпринимательства, традиционно ориентированной на управление рисками, формируется качественно иная категория угроз – кибермошенничество, интегрирующее в себе деструктивный потенциал информационных технологий и специфику страховых отношений. Данный феномен не ограничивается традиционными схемами фальсификации страховых случаев, а приобретает черты высокотехнологичной противоправной деятельности, подрывающей экономическую устойчивость страховых организаций, дестабилизирующей конкурентную среду и снижающей доверие населения к институту страхования как таковому. Актуальность научного осмысления обозначенной проблематики детерминирована несколькими взаимосвязанными факторами.

Во-первых, нарастающая цифровизация страхового дела – массовое распространение дистанционных каналов продаж, автоматизация урегулирования убытков, внедрение телематических устройств и платформ электронного документооборота, что создает расширенное пространство для злоупотреблений, где идентификация страхователя и проверка достоверности представленных сведений существенно затруднены.

Во-вторых, наблюдается технологическая эскалация инструментария мошенников: применение методов социальной инженерии, генерация поддельных медиаматериалов с использованием нейросетей, фишинг, целенаправленные атаки на информационные системы страховщиков свидетельствуют о переходе страхового мошенничества в качественно новую кибернетическую фазу.

В-третьих, существующая система правового и институционального противодействия демонстрирует явную асимметрию между стремительной эволюцией форм криминальной активности и консервативностью механизмов их предупреждения, раскрытия и расследования. Проблема усугубляется отсутствием в российском законодательстве специализированных составов преступлений, охватывающих спе-

цифику кибермошенничества в страховании, а также низкой степенью межведомственной координации между регулятором, правоохранительными органами и участниками страхового рынка.

Несмотря на наличие отдельных исследований, посвященных либо общим вопросам страхового мошенничества, либо киберпреступности в финансовой сфере, комплексный анализ кибермошенничества именно в сегменте страхового предпринимательства как системного феномена, требующего выработки интегрированных правовых, организационных и технологических решений, остается неосуществленным. До настоящего времени не получили должного научного осмысления вопросы экономической природы таких угроз, не сформирована типология кибермошеннических схем в зависимости от этапов страхового процесса, не выработаны методологические подходы к оценке масштабов латентной преступности в данной сфере.

Целью настоящего исследования является выявление и систематизация системных дисфункций противодействия кибермошенничеству в страховом предпринимательстве.

Проблематика кибермошенничества в страховом предпринимательстве находится в фокусе внимания как отечественных, так и зарубежных исследователей, что свидетельствует о признании ее высокой теоретической и практической значимости. Сложившийся массив научной литературы можно структурировать по нескольким ключевым направлениям: правовое регулирование и квалификация противоправных деяний; организационно-технологические аспекты противодействия; анализ зарубежного опыта и перспективы развития страхового рынка в условиях цифровой трансформации. При этом особую ценность для комплексного осмысления проблемы представляют данные регулятора и официальная статистика, позволяющие верифицировать теоретические выводы эмпирическими показателями.

В русле правовой проблематики выполнено исследование ученых С.П. Стащенко и А.В. Токолова, посвященное кибермошенничеству в сфере оборота электронных полисов ОСАГО. Авторами проведен детальный анализ правовых и организационных аспектов совершения подобных преступлений, выявлены пробелы в нормативно-правовом регулировании, а также предложены различные подходы к профилактике данного вида противоправной деятельности. Исследование акцентирует внимание на необходимости совершенствования правоприменительной практики и усиления межведомственного взаимодействия при расследовании таких преступлений [1].

Социально-экономический вектор анализа представлен комплексно, где рассматриваются вызовы, с которыми сталкиваются страховые организации в условиях эскалации кибермошенничества. Авторами предложена оригинальная классификация типов похищаемых данных при кибератаках на финансовый сектор, систематизированы основные виды кибермошенничества в страховой отрасли, а также оценены возможные масштабы ущерба от подобных деяний. Особый интерес представляет выделение трех взаимосвязанных направлений противодействия: технологического (внедрение средств защиты информации), образовательного (повышение цифровой грамотности) и правового (совершенствование законодательных механизмов) [2].

Технологическим аспектам противодействия страховому мошенничеству в условиях цифровой трансформации посвящена работа И.Г. Виноходовой. Исследователь фокусируется на эволюции стратегий и тактик борьбы с мошенничеством, прогно-

зируя риски и угрозы, ожидающие страховой рынок в «цифровом будущем». В качестве перспективных методов противодействия автором предлагаются: совершенствование систем информационного обмена между участниками рынка, внедрение инструментов видеоконтроля при урегулировании убытков, а также обеспечение доступа страховщиков к данным лечебно-профилактических учреждений (в контексте страхования от несчастных случаев и медицинского страхования) [3].

Данные предложения коррелируют с более широкой тенденцией интеграции межведомственных информационных ресурсов в целях повышения прозрачности страховых процессов.

Зарубежный опыт и глобальные тренды развития страхового рынка в условиях обострения киберугроз анализируются в исследовании Е.В. Небольсиной, посвященном рынку киберстрахования США. Автором выделены ключевые факторы, формирующие современный ландшафт данного сегмента страхового рынка, исследованы законодательные инициативы, направленные на пресечение деятельности злоумышленников и создание эффективной инфраструктуры противодействия разработчикам программ-вымогателей. Отдельного внимания заслуживает вывод о возрастании роли альтернативных механизмов передачи киберрисков, а также о нарастающих ограничениях при подписании рисков системного характера на фоне стремительной эволюции киберугроз [4].

Особого внимания заслуживает позиция Ю.Ю. Комлева, который фиксирует принципиальную смену вектора киберпреступной активности. Исследователь обоснованно отмечает, что в современных условиях киберпреступники по всему миру все чаще атакуют не столько вычислительные машины и базы данных финансовых и иных коммерческих структур посредством вирусов-шифровальщиков и внедрения вредоносного программного обеспечения (включая атаки), сколько обычных граждан массовых пользователей цифровых сервисов и сетевых ресурсов с использованием инновационных криминальных приемов. Типичным инструментом, по мнению автора, становится рассылка киберпреступниками фишинговых сообщений (поддельных электронных писем) интернет-пользователям с целью войти в доверие и впоследствии совершить хищение [5]. Данный вывод согласуется с эмпирическими данными регулятора, фиксирующими устойчивый рост числа атак, направленных именно на физических лиц, а не на корпоративную инфраструктуру.

В развитие этого тезиса Н.Ю. Тетерятников акцентирует внимание на фишинге как на одной из наиболее распространенных в России форм киберпреступности. По определению автора, сущность данного явления заключается в получении путем обмана под надуманными предлогами от пользователей денежных переводов либо персональных данных, включая номера банковских карт и иную конфиденциальную информацию, в том числе втайне от самих пользователей [6].

Выделение фишинга в качестве доминирующей формы кибермошенничества подтверждается данными Банка России, согласно которым именно фишинговые атаки составляют значительную долю в структуре выявляемых инцидентов информационной безопасности в финансовом секторе.

Общеметодологические подходы к пониманию трансформации мошенничества в условиях цифровизации представлены в зарубежной литературе. В докладе К. Росси и О. Рибо обосновывается тезис о том, что цифровая трансформация создала бес-

прецедентные возможности для развития инновационных форм мошеннической деятельности, что требует адекватной эволюции аналитических процессов в правоохранительных органах [7].

Данный вывод перекликается с позицией М.В. Ахима, В.Л. Вейдиана и Н.С. Борлеа, которые, исследуя роль технологий в противодействии экономическим и финансовым преступлениям, приходят к двойственному заключению: технологический прогресс одновременно выступает катализатором распространения новых форм преступности и предоставляет широкий арсенал инструментов для их выявления и предотвращения [8].

В этом контексте особый интерес представляет работа Дж. Николлса, А. Куппы и Н.А. Ле-Хака, где анализируется потенциал технологий глубокого обучения в противодействии финансовой киберпреступности. Авторы обосновывают вывод о том, что применение нейросетевых алгоритмов способно произвести революцию в сферах выявления и предотвращения, финансовых киберпреступлений за счет повышения точности и оперативности анализа больших массивов данных [9].

Представленные научные подходы, несмотря на их разнообразие и глубину, демонстрируют фрагментарность осмысления проблемы кибермошенничества именно в страховом предпринимательстве, оставляя за рамками анализа системные дисфункции институционального, правового и технологического характера. Более того, большинство исследований носят либо узкоотраслевой характер, либо рассматривают страховой сектор как частный случай финансовой киберпреступности без учета его институциональной специфики. В этой связи представляется необходимым перейти от обобщения накопленного научного знания к комплексной оценке реального состояния системы противодействия кибермошенничеству в страховании, выявлению ключевых проблем и обоснованию направлений их преодоления.

Переходя от анализа теоретических подходов к оценке реального состояния системы противодействия, необходимо констатировать, что сложившийся механизм защиты страхового рынка от кибермошенничества характеризуется рядом системных дисфункций, требующих неотложного научного осмысления и практического разрешения. Данные дисфункции могут быть структурированы по трем основным измерениям: институционально-правовые, организационно-технические и социально-экономические.

Рассмотрим более подробно каждую дисфункцию.

1. Анализ нормативно-правовой базы, регулирующей противодействие кибермошенничеству в страховой сфере, позволяет выявить существенные пробелы и противоречия, ограничивающие эффективность правоприменительной практики.

Во-первых, в российском законодательстве отсутствует специализированный состав преступления, охватывающий специфику кибермошенничества именно в страховании. Действующие нормы УК (ст. 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации», ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации» и др.) не учитывают особенности страховых отношений, включая специфику формирования электронных полисов, дистанционного урегулирования убытков и использования телематических устройств [10]. Это создает сложности при квалификации деяний, особенно в случаях, где мошеннические действия опосредованы цифровыми технологиями, а прямой ущерб страховой компании или клиенту трудно доказать.

Во-вторых, несмотря на принятие в 2024-2025 годах пакета законодательных актов, направленных на противодействие кибермошенничеству (Федеральные законы № 41-ФЗ, № 58-ФЗ, № 176-ФЗ) [11-13], остается нерешенной проблема межведомственной координации. Расследование кибермошеннических схем в страховании требует одновременной компетенции правоохранительных органов, Банка России, страховых организаций и операторов информационных систем. Действующие регламенты взаимодействия между этими субъектами характеризуются фрагментарностью и недостаточной оперативностью, что позволяет злоумышленникам использовать временной лаг между выявлением инцидента и блокировкой противоправных действий.

В-третьих, согласно ФЗ № 275-ФЗ [14] и введенное Положение Банка России № 851-П [15], при всей его прогрессивности, ориентировано преимущественно на банковский сектор. Страховые организации, не обладающие статусом системно значимых кредитных организаций, зачастую не попадают под действие наиболее жестких требований, что создает асимметрию в уровне защищенности различных сегментов финансового рынка. При этом именно страховщики аккумулируют массивы персональных данных (включая сведения о здоровье, имуществе, доходах), которые представляют повышенный интерес для злоумышленников.

Дополнительным инструментом противодействия встало введение с 1 марта 2025 года механизма самозапрета на выдачу кредитов через портал «Госуслуги». Граждане получили возможность установить в своей кредитной истории запрет на заключение договоров потребительского кредита (займа) с банками, что позволяет предотвратить ситуации оформления кредита под влиянием мошенников.

2. Практика функционирования страховых организаций в условиях эскалации киберугроз выявляет комплекс организационно-технологических проблем, ограничивающих эффективность противодействия. Недостаточный уровень киберзащищенности страховых компаний, особенно средних и малых, остается критическим фактором. Как показывают данные Банка России [16], основными целями кибератак становятся ресурсы государственных корпораций и базы данных, содержащие личные сведения граждан. Страховые организации, многие из которых не обладают достаточными ресурсами для внедрения комплексных систем защиты информации, оказываются уязвимыми для атак с использованием вредоносного программного обеспечения, фишинга и социальной инженерии. При этом требования к сертификации программного обеспечения (не ниже 5-го уровня доверия по приказу ФСТЭК № 76 [17]) и переход на отечественные средства криптографической защиты информации (СКЗИ) требуют значительных финансовых вложений, что для многих страховщиков является серьезным барьером. Проблема идентификации и аутентификации клиентов в дистанционных каналах обслуживания приобретает особую остроту в контексте страхования. Электронное оформление полисов, дистанционное урегулирование убытков, использование мобильных приложений создают возможности для злоумышленников, использующих методы фейков и поддельные документы, сгенерированные с помощью нейросетей. Существующие системы биометрической идентификации не в полной мере адаптированы к выявлению таких искажений, а ответственность за использование скомпрометированных данных остается неурегулированной.

Отсутствие единой информационной платформы обмена данными между страховщиками, правоохранительными органами и регулятором существенно затрудняет выявление и пресечение мошеннических схем. Как справедливо отмечает И.Г. Виноходова, совершенствование информационного обмена является одним из ключевых направлений повышения эффективности противодействия [3]. Однако на сегодняшний день такие механизмы либо отсутствуют, либо функционируют в рамках отдельных инициатив, не имеющих системного характера.

3. Оценка состояния системы противодействия кибермошенничеству невозможна без учета более широких социально-экономических факторов, которые формируют контекст распространения и эволюции угроз. Низкая цифровая грамотность населения остается важнейшим фактором уязвимости. Как подчеркивают Ю.Ю. Комлев и Н.Ю. Тетерятников, фишинг и методы социальной инженерии эксплуатируют именно доверие массового пользователя к цифровым коммуникациям. Несмотря на активную просветительскую работу Банка России, и правоохранительных органов, значительная часть граждан продолжает становиться жертвами мошенников, предоставляя персональные данные и совершая переводы под влиянием психологического воздействия. Особую тревогу вызывает вовлечение несовершеннолетних в преступные схемы в качестве «дропперов» или курьеров, что свидетельствует о трансформации криминальной экосистемы и требует выработки специализированных профилактических мер.

Асимметрия информации между страховщиками и потенциальными страхователями также создает предпосылки для злоупотреблений. В условиях, когда клиент не всегда осознает риски, связанные с передачей персональных данных и использованием цифровых сервисов, страховые организации сталкиваются с проблемой информированного согласия, а также с необходимостью балансировать между удобством сервиса и требованиями безопасности.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что институционально-правовые дисфункции выражаются в отсутствии специализированных составов преступлений, учитывающих специфику кибермошенничества в страховании, фрагментарности межведомственной координации и асимметрии регуляторных требований между банковским и страховым секторами; организационно-технологические проблемы обусловлены недостаточным уровнем киберзащищенности страховых компаний (особенно малых и средних), нерешенными вопросами идентификации клиентов в дистанционных каналах и отсутствием единой платформы обмена данными; социально-экономические вызовы связаны с низкой цифровой грамотностью населения, активным использованием методов социальной инженерии и фишинга, вовлечением несовершеннолетних в преступные схемы, а также крайне низкой долей возмещений через механизмы страхования от мошеннических операций. Совокупность перечисленных дисфункций формирует устойчивую среду для эскалации кибермошенничества, что требует перехода от качественного анализа проблем к количественной оценке реальных масштабов данного явления на территории Российской Федерации.

Список литературы:

1. Стащенко С.П. Кибермошенничество в сфере оборота электронных страховых полисов страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств / С.П. Стащенко, А.В. Толоков А.В. // Вестник Московского университета МВД России. 2024. – № 1. – С. 150-153.
2. Прыткова Е.С. Влияние кибермошенничества на деятельность страховых компаний в России / Е.С.

- Прыткова, О.В. Медяник // [Электронный ресурс]. – URL: https://pureportal.spbu.ru/files/124184911/Prytkova_IES_2024.pdf
3. Виноходова И.Г. Методы противодействия мошенничеству в сфере страхования / И.Г. Виноходова // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. 2020. – №1 – С. 27-32.
4. Небольсина Е.В. Перспективы рынка киберстрахования США под влиянием новых вызовов // Общество: политика, экономика, право. 2024. – № 9. – С. 109–114. <https://doi.org/10.24158/pep.2024.9.12>.
5. Комлев Ю.Ю. Цифровизация и киберпреступность в мире постмодерна / Ю.Ю. Комлев // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII международной научно-практической конференции (2–3 апреля 2020 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н.Н. Цуканов ; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. – Ч. 2. – С. 175-179.
6. Тетерятников Н.Ю. Виртуализация преступности: киберугрозы современности / Н.Ю. Тетерятников // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII международной научно-практической конференции (2–3 апреля 2020 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н.Н. Цуканов ; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. – Ч. 2. – С. 179-181.
7. Rossy, Q. Orienting the development of crime analysis processes in police organisations covering the digital transformations of fraud mechanisms / Q. Rossy, O. Ribaux // European Journal on Criminal Policy and Research. – 2020. [Электронный ресурс]. – URL: https://serval.unil.ch/resource/serval:BIB_D1B9E966E9C6.P001/REF.pdf
8. Achim M. V., Borlea S. N., McGee R. W., Muresan G. M., Safta I. L., Vaidean V. L. Financial Crime: A Literature Review. – 2020. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/366090442_Financial_Crime_A_Literature_Review
9. Nicholls, J. Financial Cybercrime: A Comprehensive Survey of Deep Learning Approaches to Tackle the Evolving Financial Crime Landscape / J. Nicholls, A. Kuppa, N. A. Le-Khac. – 2021. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/356887995_Financial_Cybercrime_A_Comprehensive_Survey_of_Deep_Learning_Approaches_to_Tackle_the_Evolving_Financial_Crime_Landscape
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
11. Федеральный закон «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.04.2025 N 41-ФЗ (ред. от 31.07.2025). – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502182/
12. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 07.04.2025 N 58-ФЗ (ред. от 31.07.2025). – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502581/
13. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 24.06.2025 N 176-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/
14. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 N 275-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482531/
15. Положение Банка России «Об установлении обязательных для кредитных организаций, иностранных банков, осуществляющих деятельность на территории Российской Федерации через свои филиалы, требований к обеспечению защиты информации при осуществлении банковской деятельности в целях противодействия осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента» от 30.01.2025 N 851-П (Зарегистрировано в Минюсте России 06.03.2025 N 81462). – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501055/
16. Банк России. Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при осуществлении переводов денежных средств (III квартал 2025 года). – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_3q_2025/
17. Требования по безопасности информации, устанавливающие уровни доверия к средствам технической защиты информации и средствам обеспечения безопасности информационных технологий (выписка) (утв. приказом ФСТЭК России от 02.06.2020 N 76). – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_367399/

Smirnova E.A., Tolochko I. R. Cyber fraud in the insurance business: systemic dysfunctions // Scien-

tific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 631-639.

The article provides a comprehensive analysis of cyber fraud in the insurance business as a systemic phenomenon integrating the destructive potential of information technologies and the specifics of insurance relations. The relevance of the study is determined by the rapid escalation of cyber threats, the technological evolution of fraudsters' tools, and the lack of adequate legal and organizational mechanisms for protecting the insurance sector. Three groups of systemic dysfunctions are identified and structured: institutional-legal, organizational-technological and socio-economic. The necessity of transition from a fragmented reactive model to a comprehensive proactive counteraction system is substantiated.

Keywords: cyber fraud, insurance business, systemic dysfunctions, phishing, social engineering, artificial intelligence, digital literacy, Bank of Russia.

Spisok literatury:

1. Stashchenko, S.P., Tolokov, A.V. Kibermoshennichestvo v sfere oborota elektronnykh strakhovykh polisov strakhovaniya grazhdanskoj otvetstvennosti vladel'tsev transportnykh sredstv [Cyber fraud in the circulation of electronic insurance policies of civil liability of vehicle owners]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii, 2024, no. 1, pp. 150-153. (In Russian)
2. Prytkova, E.S., Medyanik, O.V. Vliyanie kibermoshennichestva na deyatel'nost' strakhovykh kompanii v Rossii [The impact of cyber fraud on the activities of insurance companies in Russia]. Available at: https://pureportal.spbu.ru/files/124184911/Prytkova_IES_2024.pdf.
3. Vinokhodova, I.G. Metody protivodeistviya moshennichestvu v sfere strakhovaniya [Methods of countering fraud in the insurance sector]. Izvestiya Velikolukskoj gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii, 2020, no. 1, pp. 27-32.
4. Nebolsina, E.V. Perspektivy rynka kiberstrakhovaniya SShA pod vliyaniem novykh vyzovov [Prospects of the US cyber insurance market under the influence of new challenges]. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo, 2024, no. 9, pp. 109-114. DOI: 10.24158/pep.2024.9.12.
5. Komlev, Yu.Yu. Tsifrovizatsiya i kiberprestupnost' v mire postmoderna [Digitalization and cybercrime in the postmodern world]. In: Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki. Materialy XXIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (2–3 aprelya 2020 g.). Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii, 2020, part 2, pp. 175-179.
6. Teteriatnikov, N.Yu. "Virtualizatsiya" prestupnosti: kiberugrozy sovremennosti ["Virtualization" of crime: modern cyber threats]. In: Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki. Materialy XXIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (2–3 aprelya 2020 g.). Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii, 2020, part 2, pp. 179-181.
7. Rossy, Q., Ribaux, O. Orienting the development of crime analysis processes in police organisations covering the digital transformations of fraud mechanisms. European Journal on Criminal Policy and Research, 2020. Available at: https://serval.unil.ch/resource/serval:BIB_D1B9E966E9C6.P001/REF.pdf
8. Achim, M.V., Borlea, S.N., McGee, R.W., Muresan, G.M., Safta, I.L., Vaidean, V.L. Financial Crime: A Literature Review. 2020. Available at: https://www.researchgate.net/publication/366090442_Financial_Crime_A_Literature_Review
9. Nicholls, J., Kuppa, A., Le-Khac, N.A. Financial Cybercrime: A Comprehensive Survey of Deep Learning Approaches to Tackle the Evolving Financial Crime Landscape. 2021. Available at: https://www.researchgate.net/publication/356887995_Financial_Cybercrime_A_Comprehensive_Survey_of_Deep_Learning_Approaches_to_Tackle_the_Evolving_Financial_Crime_Landscape
10. Uголовnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 20.02.2026) [Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 20.02.2026)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
11. Federal'nyi zakon «O sozdanii gosudarstvennoi informatsionnoi sistemy protivodeistviya pravonarusheniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informatsionnykh i kommunikatsionnykh tekhnologii, i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» ot 01.04.2025 N 41-FZ (red. ot 31.07.2025) [Federal Law "On the creation of a state information system for countering offenses committed using information and communication technologies and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" of 01.04.2025 No. 41-FZ (as amended on 31.07.2025)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502182/
12. Federal'nyi zakon «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon "O bezopasnosti kriticheskoi informatsionnoi infrastruktury Rossiiskoi Federatsii"» ot 07.04.2025 N 58-FZ (red. ot 31.07.2025) [Federal Law "On amendments to the Federal Law 'On the security of the critical information infrastructure of the Russian Federation'" of 07.04.2025 No. 58-FZ (as amended on 31.07.2025)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502581/
13. Federal'nyi zakon «O vnesenii izmenenii v stat'yu 187 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» ot 24.06.2025 N 176-FZ [Federal Law "On amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation" of 24.06.2025 No. 176-FZ]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/

14. Federal'nyi zakon «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon "O bankakh i bankovskoi deyatel'nosti" i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» ot 08.08.2024 N 275-FZ (poslednyaya redaktsiya) [Federal Law "On amendments to the Federal Law 'On banks and banking activities' and certain legislative acts of the Russian Federation" of 08.08.2024 No. 275-FZ (latest edition)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482531/
15. Polozhenie Banka Rossii «Ob ustanovlenii obyazatel'nykh dlya kreditnykh organizatsii, inostrannykh bankov, osushchestvlyayushchikh deyatel'nost' na territorii Rossiiskoi Federatsii cherez svoi filialy, trebovaniy k obespecheniyu zashchity informatsii pri osushchestvlenii bankovskoi deyatel'nosti v tselyakh protivodeistviya osushchestvleniyu perevodov denezhnykh sredstv bez soglasiya klienta» ot 30.01.2025 N 851-P (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 06.03.2025 N 81462) [Regulation of the Bank of Russia "On establishing mandatory requirements for credit institutions, foreign banks operating on the territory of the Russian Federation through their branches, to ensure information protection in the implementation of banking activities in order to counter the transfer of funds without client consent" of 30.01.2025 No. 851-P]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501055/
16. Bank Rossii. Obzor otchetnosti ob insidentakh informatsionnoi bezopasnosti pri osushchestvlenii perevodov denezhnykh sredstv (III kvartal 2025 goda) [Bank of Russia. Review of reporting on information security incidents in the implementation of money transfers (III quarter of 2025)]. Available at: https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_3q_2025/
17. Trebovaniya po bezopasnosti informatsii, ustanavlivayushchie urovni doveriya k sredstvam tekhnicheskoi zashchity informatsii i sredstvam obespecheniya bezopasnosti informatsionnykh tekhnologii (vypiska) (utv. prikazom FSTEK Rossii ot 02.06.2020 N 76) [Information security requirements establishing levels of trust for technical information protection means and information technology security means (extract) (approved by order of FSTEC of Russia of 02.06.2020 No. 76)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_367399/

УДК 347.132

К ВОПРОСУ ТРАНСФОРМАЦИИ СТАНДАРТА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В СДЕЛКАХ С НЕДВИЖИМОСТЬЮ

Руденко А.В., Муединов Э.Р.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Статья посвящена комплексному анализу особенностей трансформации стандарта добросовестности приобретателя недвижимого имущества в условиях массового оспаривания сделок лицами пенсионного возраста. Основное внимание уделено изучению проблем, связанных с отсутствием исчерпывающего перечня условий, при наличии которых приобретатель недвижимости будет считаться добросовестным, закрытостью сведений о дееспособности правообладателя в ЕГРН, несовершенством юридической техники составления текста договора и ненадежностью отдельных способов расчета. На основе исследования законодательных актов, судебной практики, доктринальных источников и материалов СМИ делается вывод о необходимости совершенствования законодательства о государственной регистрации недвижимости и обеспечения единообразия в правоприменительной практике судебных органов. Авторами предложены практические рекомендации по усилению правовой позиции добросовестного приобретателя в случае возможных споров.

Ключевые слова: добросовестный приобретатель, сделки с недвижимостью, порок воли, действительность сделки, двусторонняя реституция, мошенничество.

Вопрос о пределах и содержании добросовестности приобретателей недвижимого имущества в последнее время приобрел особую актуальность. Причиной этому стало массовое оспаривание сделок по отчуждению недвижимости пожилыми гражданами по мотивам временной неспособности понимать значение своих действий либо введения их в заблуждение вследствие воздействия мошенников. При этом возврат полученных средств зачастую не происходил, а добросовестные покупатели в таких ситуациях оставались как без жилья, так и без денег.

В марте 2025 года широкую огласку получило резонансное дело заслуженной артистки РФ Долиной Л.А. с требованием к Лурье П.А. об оспаривании сделки по продаже принадлежащей певице квартиры. Она заявила, что оказалась жертвой мошенников и согласилась на сделку, поскольку была введена в заблуждение [1].

Хамовнический районный суд г. Москвы исковые требования Долиной Л.А. о признании сделки недействительной удовлетворил, прекратил право собственности Лурье П.А. на спорную квартиру и признал его за певицей, однако не решил вопрос о возврате покупательнице денежных средств, полученных артисткой по недействительной сделке. В мотивировочной части решения суд согласился с доводами истца и применил ч. 1 ст. 178 ГК РФ («Недействительность сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения») [2].

Как сообщает новостной портал РИА Новости недвижимость, за последние два года количество судебных решений, признающих сделки купли-продажи недействительными как совершенными под влиянием обмана, угрозы, неблагоприятных обстоятельств, увеличилось на 15-20%. На конец октября 2025 года в судах первой инстанции рассматривалось более 10 тысяч дел, фабулы которых технически аналогичны делу Долиной-Лурье, в апелляционных судах – около 8 тысяч апелляционных жалоб на похожие решения судов. По данным Росреестра, за 2024 год признаны не-

действительными более 3 тысяч договоров с участием продавцов пожилого возраста [1].

Масштаб проблемы подтверждается также повышенным вниманием со стороны общественности. Согласно результатам опросов, проведенных Аналитическим центром ВЦИОМ, «87% россиян в той или иной степени наслышаны о «кейсе Долиной». 67% наших сограждан считали несправедливым то, что квартира оставалась отдавшей мошенникам все деньги певице» [3].

«Эффект Долиной» оказал значительные последствия для правоприменительной практики, и вплоть до рассмотрения спорного дела Верховным Судом РФ (далее – ВС РФ) наблюдались лишь единичные случаи, когда суды отклонялись от сложившейся тенденции. Так, Верховный Суд Республики Саха своим определением по делу № 2-1316 отменил ранее принятое решение суда первой инстанции, которым удовлетворялись иски о признании недействительными сделок, совершенных с участием продавца, применив, в частности, механизм назначения повторной психолого-психиатрической экспертизы для оценки состояния продавца в момент совершения сделки [4].

Устоявшаяся на тот период практика была пресечена Судебной коллегией по гражданским делам ВС РФ. Вынесенным по итогам рассмотрения кассационной жалобы определением в удовлетворении исковых требований Долиной Л.А. к Лурье П.А. отказано, право собственности на квартиру было признано за покупателем [5]. Выявленный разворот в судебной практике диктует необходимость изучения обновленных требований, предъявляемых к участникам рынка недвижимости.

Целью данного исследования является выявление особенностей трансформации стандарта добросовестности в сделках с недвижимостью на текущем этапе развития законодательства и судебной практики. Для достижения поставленной цели применены общенаучные методы, такие как анализ и синтез, позволяющие систематизировать информацию, полученную из отобранных источников, формально-юридический метод, посредством которого проходило изучение необходимых правовых актов.

Проблема гражданско-правовой защиты добросовестных приобретателей недвижимости стала предметом исследования многих авторов. Так, Лифантьева А.И. поднимает проблему распределения бремени доказывания добросовестности приобретателя имущества, отмечая, что «в российском гражданском законодательстве нет легального закрепленного требования» о возложении обязанности доказывания на одну из сторон [6, с. 56]. Короткевич В.И. считает, что «практика сформировала слишком высокие требования для признания приобретателя добросовестным, сильно снижая шансы на подтверждение в суде данного факта» [7, с. 119]. Бевзенко Р.С. предлагает дифференцировать требования к стандарту поведения добросовестного приобретателя по принципу его отношения к предпринимательской деятельности, указывая, что «коммерсант должен быть более осмотрительным, так как ему приходится чаще сталкиваться со сделками, отклоняющимися от нормы» [8, с. 131]. Значительный вклад в теоретическую разработку темы вносит Абросимов А.В., детально изучивший специфику реализации принципа добросовестности при заключении договоров о приобретении недвижимого имущества. В частности, автор отмечает: «Нередким обстоятельством, сопутствующим недобросовестному поведению одного лица, является недееспособность другого» [9, с. 120].

Вместе с тем, указанные работы посвящены изучению вопросов добросовестного приобретения в контексте виндикационных требований. Вне сферы рассмотрения по-прежнему остается проблема защиты приобретателя при признании сделок с недвижимостью недействительными вследствие порока воли продавца и применения механизма двусторонней реституции. Научная значимость настоящего исследования обусловлена необходимостью разработки новых подходов к защите прав добросовестного приобретателя в обозначенных случаях и обеспечения стабильности гражданского оборота.

Исходными материалами для статьи послужили нормы отечественного законодательства, включая положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [10-11], Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – ФЗ «О государственной регистрации недвижимости») [12], «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (далее – Основы) [13], судебные постановления, обзоры практики, а также публикации российских СМИ и научные работы по теме исследования.

Комплексное изучение приведенных источников позволяет выявить ряд системных противоречий, требующих детального научного осмысления. В первую очередь стоит отметить, что сегодня отсутствует исчерпывающий перечень условий, при которых покупатель недвижимого имущества будет считаться добросовестным. Действующие стандарты осмотрительности выработаны лишь для выявления порока титула продавца. Как следует из абз. 3 ст. 8.1 ГК РФ, «приобретатель недвижимого имущества, полагавшийся при его приобретении на данные государственного реестра, признается добросовестным (статьи 234 и 302), пока в судебном порядке не доказано, что он знал или должен был знать об отсутствии права на отчуждение этого имущества у лица, от которого ему перешли права на него» [10]. Кроме того, «о добросовестности приобретателя может, в частности, свидетельствовать ознакомление его со всеми правоустанавливающими документами на недвижимость, выяснение оснований возникновения у продавца недвижимого имущества права собственности, непосредственный осмотр приобретаемого имущества», принятие разумных мер по сопоставлению стоимости продаваемого объекта рыночной цене и т.д. (Обзор судебной практики от 01.10.2014) [14]. В.И. Короткевич отмечает, что ввиду открытости данного перечня «суды, в зависимости от ситуации, могут добавлять «от себя» факторы, требующие проверки», чем значительно осложняется процесс признания факта добросовестности [7, с. 119]. Тем не менее осуществление указанных действий не защищает покупателя в ситуациях, когда волеизъявление продавца на совершение сделки искажено под воздействием внешних факторов.

Юридическая оценка поведения приобретателя недвижимости в сделках с пороком воли лица, производящего ее отчуждение, носит разрозненный и зачастую противоречивый характер. Особенно заметно это проявляется в случаях, когда одной из сторон договора выступает предприниматель. По мнению Бевзенко Р.С., установление требования о едином повышенном уровне осмотрительности для всех участников оборота является неоправданным. Автор считает, что в отличие от коммерсанта участие в обороте гражданина, «как правило, ограничивается мелкими бытовыми сделками» [8, с. 131].

Попытки обосновать свою позицию по такому пути предпринимались стороной истца при рассмотрении дела № 2-387/2025 в Хамовническом районном суде г. Москвы. Долина Л.А. указывала, что профессиональный статус ответчика, осуществляющего предпринимательскую деятельность в сфере аренды и управления недвижимым имуществом, обязывал ее проявить внимание на сопутствующие сделке обстоятельства [2]. Приведенный довод был отклонен судом без какой-либо правовой оценки, поскольку регистрация Лурье П.А. носила кратковременный характер и преследовала цели, не связанные со спорным правоотношением. Более того, в рамках производства по кассационной жалобе ответчика Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ направила данный аргумент против самого продавца. В ответ на суждение истца о заблуждении относительно природы совершенных ею сделок ВС РФ отметил наличие у истца статуса индивидуального предпринимателя, а также обладание познаниями и опытом по заключению договоров и контрактов для оформления своей творческой деятельности. При таких условиях она объективно должна была осознавать наличие правовых последствий у каждой совершаемой ею сделки как юридического акта (Определении от 16 декабря 2025 г. № 5-КГ25-174-К2) [5].

Однако в судебной практике встречаются случаи, когда профессиональный опыт на рынке недвижимости становится основанием для предъявления стороне договора чрезмерных, заведомо неисполнимых требований. Так, в решении Чкаловского районного суда города Екатеринбурга от 19 марта 2025 года по делу № 2-1324/2025 установлено, что в спорных правоотношениях ответчик выступил не как обычный покупатель-гражданин, а как руководитель агентства недвижимости (сильная сторона). Суд указал: «с учетом опыта в сфере продаж недвижимости, осведомленности о преступных схемах с жилыми помещениями, времени взаимодействия с истцом ответчик должен был распознать лично и с помощью агентства, что при совершении спорной сделки истец ведет себя несообразно присущим ему личностным качествам, неадекватно ожиданиям обычного покупателя от продажи имущества <...>, руководствуется иными обстоятельствами, чем вовне выражает, проявляет признаки, типичные для жертв мошенничества, заблуждается в действительном положении дел и результатах, которые предполагает. Установив вышеуказанные факты, ответчик <...> должен был принять меры к выведению истца из заблуждения и пресечения возможного мошенничества, по аналогии с действиями других агентств недвижимости в отношении сделок с признаками подозрительности» [15]. Представляется, что более обоснованным является подход, при котором повышенный уровень осмотрительности ставится в зависимость не от статуса предпринимателя, а от конкретной ситуации. В случае если сторона действует в рамках своей профессиональной компетенции и имеет возможность выявить нетипичное для продавца поведение, от нее может требоваться более детальное изучение обстоятельств заключения договора. Однако возложение на нее обязанностей по анализу психоэмоционального состояния гражданина или предотвращению возможного акта мошенничества выходит за пределы перечня разумных действий покупателя и нарушает баланс интересов сторон.

Исходя из изложенного, очевидно отсутствие единообразного подхода судов к определению поведения стороны сделки как добросовестного. В целях устранения

правовой неопределенности считаем необходимым предоставление ВС РФ разъяснений о перечне и характере действий покупателя недвижимого имущества, которые в контексте рассматриваемой проблемы будут свидетельствовать о наличии у него статуса добросовестного приобретателя.

Одним из препятствий для реализации покупателем разумной осмотрительности является то, что он ограничен в получении сведений о психическом здоровье продавца. Согласно ч. 13 ст. 62 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» информация о недееспособности гражданина-правообладателя является конфиденциальной. Получить ее в форме выписки вправе ограниченный круг лиц, в который не входит потенциальный приобретатель по договору. Ознакомление с данными сведениями возможно через нотариуса, который имеет право получить их в порядке, установленном ч. 14 указанной статьи [12].

Безусловно, нотариальная форма сделки нивелирует ряд рисков, вытекающих из подобного рода соглашений. Явным ее преимуществом является предусмотренная ст. 17 Основ имущественная и дисциплинарная ответственность нотариуса [13], которая сводит к минимуму потворство сомнительным схемам продавцов. Вместе с тем, в настоящее время закон не обязывает стороны удостоверить договор продажи недвижимости у нотариуса, достаточно соблюдения простой письменной формы договора с последующей государственной регистрацией перехода права собственности по нему (ст.ст. 550-551 ГК РФ) [11].

На наш взгляд, осуществление приобретателем недвижимого имущества права на получение информации из закрытого перечня с помощью услуг нотариуса нарушает принцип диспозитивности гражданско-правового регулирования. Как отмечает Абросимов И.В.: «в целях повышения информативности реестра, возможности проверки полномочий лица распоряжаться объектом недвижимости необходимо обеспечить большую открытость персональных данных, содержащихся в ЕГРН» [9, с. 120].

Таким образом, представляется целесообразным рассмотреть возможность предоставления доступа к сведениям о дееспособности правообладателя в пределах, необходимых для проявления приобретателем разумной осмотрительности перед заключением сделки. Для этого следует внести соответствующие изменения в ч. 13 ст. 62 ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

Поскольку договор купли-продажи недвижимости может быть заключен в простой письменной форме без участия нотариуса и других лиц, необходимо тщательно прорабатывать его содержательную часть и фиксировать юридически значимые обстоятельства, которые могут повлиять на действительность и исполнимость сделки. В этой связи видится обоснованным включение в текст договора заверений об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ). По мнению Абросимова И.В., они могут «использоваться сторонами в целях недопущения обвинения продавцом приобретателя недвижимого имущества в неразумном и недобросовестном поведении в той части, в которой продавец предоставил заверения, не соответствующие действительности» [9, с. 71].

В частности, стороны могут прописать, что при заключении договора являются полностью дееспособными, понимают значение своих действий, а также последствий заключения такой сделки, не заблуждаются относительно предмета договора и других значимых обстоятельств, получили необходимые и достаточные сведения

для принятия решения заключить договор, действуют добровольно и не находятся под воздействием третьих лиц, включая мошенников.

Важно отметить, что в соответствии с абз. 2 ст. 431.2 ГК РФ признание договора недействительным само по себе не препятствует наступлению неблагоприятных последствий для стороны, давшей недостоверные заверения [10]. К тому же, как следует из абз. 1 п. 34 Постановления Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», «лицо, предоставившее заведомо недостоверное заверение, не может в обоснование освобождения от ответственности ссылаться на то, что полагавшаяся на заверение сторона договора являлась неосмотрительной и сама не выявила его недостоверность (пункт 4 статьи 1 ГК РФ)» [16].

На основании изложенного предлагается детально прорабатывать в тексте договора заверения об обстоятельствах, так как это позволит отразить добросовестные намерения покупателя и предоставит ему дополнительные механизмы защиты в случае оспаривания сделки продавцом.

Отдельного внимания заслуживает проблема избрания способа передачи денежных средств по договору, при котором действия приобретателя будут квалифицированы как добросовестные.

В решении от 29 января 2025 года по делу № 2-8/2025 (2-1607/2024) Советский районный суд города Воронежа пришел к выводу, «что наличие расписки не может являться безусловным и бесспорным доказательством передачи ответчиком истцу денежных средств, при условии, что в момент заключения договора и подписания расписки ФИО4 не осознавала последствия своих действий и не могла руководить ими». В совокупности с иными обстоятельствами дела судом не установлена добросовестность действий покупателя, договор признан недействительным, а денежные средства по нему возвращены не были [17].

Следует отметить, что передача денег с использованием более защищенных инструментов, таких как: индивидуальный банковский сейф, счет эскроу и депозит нотариуса, неспособно в полной мере защитить плательщика. По смыслу ст.ст. 922, 926.1 ГК РФ и ст. 87 Основ у банков и нотариуса отсутствует обязанность по фиксации фактически переданной суммы и проверке ее на соответствие стоимости объекта недвижимости [11, 13].

Учитывая приведенную Лифантьевой А.И. тенденцию к возложению бремени доказывания добросовестности на самого приобретателя имущества [7, с. 56], представляется целесообразным осуществлять оплату таким путем, в котором в наибольшей степени будет выражаться добросовестность поведения покупателя. По нашему мнению, таким признакам отвечает расчет по аккредитиву, при котором банк документирует производимые операции и проверяет основания для списания денежных средств. Указанный способ видится оптимальным не только для покупателя, но и для продавца, поскольку банк заранее резервирует сумму, которую обязуется уплатить плательщик по сделке (п. 1 ст. 867 ГК РФ) [11].

В феврале 2026 года партия «Справедливая Россия» подготовила законопроект о введении ограничения по способам расчетов в сделках с недвижимым имуществом: установлении исключительно безналичной формы [18]. Однако такая мера

вызывает сомнения в части соблюдения принципа автономии воли участников гражданских правоотношений. На наш взгляд, наличие альтернативы выступает дополнительным индикатором осмотрительности покупателя, а выбор более надежного и прозрачного способа расчетов свидетельствует о проявлении им добросовестного поведения.

Проведенное исследование подтверждает гипотезу о том, что стандарт добросовестности в сделках с недвижимостью подвергся значительному изменению. В судебной практике наблюдается ужесточение требований к покупателю по проведению превентивно-протекционных действий до заключения договора. Основная сложность их реализации сводится к ряду выявленных проблем: отсутствием исчерпывающего перечня условий, при наличии которых приобретатель недвижимости будет считаться добросовестным, закрытостью сведений о дееспособности правообладателя в ЕГРН, несовершенством юридической техники составления текста договора и ненадежностью отдельных способов расчета. Выводы о необходимости разъяснения ВС РФ критериев оценки поведения приобретателя как добросовестного, основываются на научных работах Бевзенко Р.С. и Короткевич М.А. Предложения по предоставлению покупателю информации о правосубъектности продавца, указанную в реестре, а также по задействованию сторонами механизма заверений об обстоятельствах коррелирует с позицией Абросимова И.В. Обоснование значимости заблаговременного формирования доказательственной базы путем выбора формы расчетов базируется на разработках Лифантьевой А.И. Между тем в рамках данной работы не освещены проблемные аспекты по обороту нежилых помещений и земельных участков. Изучение специфики стандарта добросовестности в таких сделках открывает возможность для дальнейших исследований по этому направлению.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современных реалиях добросовестность приобретателя перешла из категории презумпции в активную модель правовой защиты. При таком подходе происходит нарушение основных начал гражданского законодательства и стабильности рынка недвижимости. По итогам исследования выявлена необходимость по совершенствованию законодательства о государственной регистрации недвижимости и обеспечению единообразия в правоприменительной практике судебных органов. На текущем этапе предложены рекомендации по усилению правовой позиции добросовестного приобретателя в случае возможных споров. Практическая значимость исследования определяется тем, что сформулированные в статье положения могут быть использованы в качестве основы для последующих научных изысканий, в учебном процессе.

Список литературы:

1. «Эксперты: дело о квартире Ларисы Долиной осложнило сделки на вторичке» // – Доступ с официального сайта РИА Новости недвижимость – URL: <https://realty.ria.ru/20251031/delo-2051811460.html?ysclid=mi9ekv4b37878682830> (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.
2. Решение Хамовнического районного суда города Москвы от 28 марта 2025 года по делу № 2-387/2025 // – Доступ с официального портала судов общей юрисдикции города Москвы – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/cases/docs/content/d608ee90-1090-11f0-9508-75f3d0adcd20> (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.
3. «Чему нас научило «дело Долиной»?» // – Доступ с официального сайта АЦ ВЦИОМ – URL: <https://wciom.ru/expertise/chemu-nas-nauchilo-delo-dolinoi?ysclid=mnjc04wuwi995531264> (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.

4. «Суд впервые отказал пенсионерке, продавшей квартиру мошенникам» // – Доступ с официального сайта РИА Новости – URL: <https://ria.ru/20251117/sud-2055368695.html> (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.
5. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2025 г. № 5-КГ25-174-К2 // – Доступ из справочно-правовой системы ГАРАНТ – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413190525/?ysclid=mnjaqrmgal507821073> (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.
6. Лифантьева А. И. Определение добросовестного приобретателя в российском гражданском праве // Актуальные исследования. 2023. №49 (179). Ч.II. С. 56-59. URL: <https://apni.ru/article/7676-opredelenie-dobrosovestnogo-priobretatelya> (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.
7. Короткевич, В. И. Проблемные аспекты защиты добросовестного приобретателя недвижимого имущества / В. И. Короткевич // Молодой ученый. — 2019. — № 51 (289). — С. 118-120. — URL: <https://moluch.ru/archive/289/65496> (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.
8. Бевзенко, Р.С. Введение в российское право недвижимости. Вып. 3 : Государственная регистрация [Электронное издание] / Р. С. Бевзенко. – Москва : М-Логос, 2021. – 210 с. (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: непосредственный.
9. Абросимов, И.В. Реализация принципов разумности и добросовестности при заключении договоров о приобретении недвижимого имущества : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / И.В. Абросимов ; Финансовый университет при Правительстве РФ. — Москва, 2023. — 187 с. — URL: https://www.fa.ru/upload/iblock/1c6/lr031qopmrks1a44gg9l4859x083pvc9/Abrosimov-112_Dissertatsiya.pdf (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.
10. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) // – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.
11. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 15-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.
12. «О государственной регистрации недвижимости» : Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (последняя редакция) // – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.
13. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 20.02.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.
14. «Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.10.2014) // – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169559/?ysclid=mnt19yjnn696922294 (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.
15. Решение Чкаловского районного суда города Екатеринбурга от 19 марта 2025 года по делу № 2-1324/2025 // Доступ из Интернет-ресурса «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)» – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Q7NnhOQEqNdN/?ysclid=mnug9ck0t9480620354> (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/?ysclid=mnutpxzq7a405912928 (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.

17. Решение Советского районного суда города Воронежа от 29 января 2025 года по делу № 2-8/2025 (2-1607/2024) // Доступ из Интернет-ресурса «Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт)» – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/41WMcSMsmYY4/> (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.

18. «В Госдуме предложили сделать все сделки с недвижимостью безналичными» // – Доступ с официального сайта РИА Новости – URL: <https://ria.ru/20260208/nedvizhimost-2072962492.html?ysclid=mnvgxt28nj518575167> (дата обращения: 03.04.2026) – Текст: электронный.

Rudenko A.V., Muedinov E.R. To the issue of transforming the integrity standard in real estate transactions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 640-649.

The article is devoted to a complex analysis of the characteristics of transformation of the standard of integrity of the acquirer of immovable property in conditions of mass dispute of transactions by persons of retirement age. The main focus is on examining problems related to the lack of a comprehensive list of conditions under which the acquirer of real estate will be considered as good faith, non-disclosure of information about the legal capacity of the right holder in the EGR, The imperfect legal technique of drafting the text of a treaty and the unreliability of individual methods of calculation. Based on a study of legislative acts, judicial practice, doctrinal sources and media materials, it is concluded that there is a need to improve the legislation on state real estate registration and ensure uniformity in the legal practices of the judiciary. The authors propose practical recommendations to strengthen the legal position of a bona fide buyer in case of possible disputes.

Keywords: bona fide acquirer, real estate transactions, fault of will, invalidity of transaction, bilateral restitution, fraud.

Spisok literatury`:

1. «E`ksperty`: delo o kvartire Larisy` Dolinoj oslozhnilo sdelki na vtorichke» // – Dostup s oficial`nogo sajta RIA Novosti nedvizhimost` – URL: <https://realty.ria.ru/20251031/delo-2051811460.html?ysclid=mi9ekv4b37878682830> (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
2. Reshenie Xamovnicheskogo rajonnogo suda goroda Moskvyy` ot 28 marta 2025 goda po delu № 2-387/2025 // – Dostup s oficial`nogo portala sudov obshhej yurisdikcii goroda Moskvyy` – URL: <https://mosgorsud.ru/rs/hamovnicheskij/cases/docs/content/d608ee90-1090-11f0-9508-75f3d0adcd20> (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
3. «Chemu nas nauchilo «delo Dolinoj»?» // – Dostup s oficial`nogo sajta ACz VCIOM – URL: <https://wciom.ru/expertise/chemu-nas-nauchilo-delo-dolinoi?ysclid=mnjc04wuwi995531264> (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
4. «Sud vpervy`e otkazal pensionerke, prodavshej kvartiru moshennikam» // – Dostup s oficial`nogo sajta RIA Novosti – URL: <https://ria.ru/20251117/sud-2055368695.html> (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
5. Opreделение SK po grazhdanskim delam Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 16 dekabrya 2025 g. № 5-KG25-174-K2 // – Dostup iz spravочно-pravovoj sistemy` GARANT – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413190525/?ysclid=mnjaqrmgal507821073> (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
6. Lifant`eva A. I. Opreделение dobrosovestnogo priobretatelya v rossijskom grazhdanskom prave // Aktual`ny`e issledovaniya. 2023. №49 (179). Ch.II. S. 56-59. URL: <https://apni.ru/article/7676-opredelenie-dobrosovestnogo-priobretatelya> (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
7. Korotkevich, V. I. Problemny`e aspekty` zashchity` dobrosovestnogo priobretatelya nedvizhimogo imushchestva / V. I. Korotkevich // Molodoj ucheny`j. — 2019. — № 51 (289). — S. 118-120. — URL: <https://moluch.ru/archive/289/65496> (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
8. Bevzenko, R.S. Vvedenie v rossijskoe pravo nedvizhimosti. Vy`p. 3 : Gosudarstvennaya registraciya [E`lektronnoe izdanie] / R. S. Bevzenko. – Moskva : M-Logos, 2021. – 210 s. (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: neposredstvenny`j.
9. Abrosimov, I.V. Realizaciya principov razumnosti i dobrosovestnosti pri zaklyuchenii dogovorov o priobretenii nedvizhimogo imushchestva : dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskix nauk / I.V. Abrosimov ; Finansovy`j universitet pri Pravitel`stve RF. — Moskva, 2023. — 187 s. — URL:

- https://www.fa.ru/upload/iblock/1c6/lr031qopmrks1a44gq9l4859x083pvc9/Abrosimov-112_Dissertatsiya.pdf (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
10. «Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya)» ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 31.07.2025, s izm. ot 25.03.2026) // – Dostup iz spravочно-pravovoj sistemy` Konsul`tantPlyus – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_5142/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/) (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
11. «Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` vtoraya)» ot 26.01.1996 № 15-FZ (red. ot 24.06.2025, s izm. ot 16.12.2025) // – Dostup iz spravочно-pravovoj sistemy` Konsul`tantPlyus – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_9027/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/) (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
12. «O gosudarstvennoj registracii nedvizhimosti» : Federal`ny`j zakon ot 13.07.2015 № 218-FZ (poslednyaya redakciya) // – Dostup iz spravочно-pravovoj sistemy` Konsul`tantPlyus – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
13. «Osnovy` zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii o notariate» (utv. VS RF 11.02.1993 № 4462-1) (red. ot 20.02.2026) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2025) // – Dostup iz spravочно-pravovoj sistemy` Konsul`tantPlyus – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
14. «Obzor sudebnoj praktiki po delam, svyazanny`m s istrebovaniem zhily`x pomeshhenij ot dobrosovestny`x priobretatelej, po iskam gosudarstvenny`x organov i organov mestnogo samoupravleniya» (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 01.10.2014) // – Dostup iz spravочно-pravovoj sistemy` Konsul`tantPlyus – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169559/?ysclid=mnt19yjnn696922294 (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
15. Reshenie Chkalovskogo rajonnogo suda goroda Ekaterinburga ot 19 marta 2025 goda po delu № 2-1324/2025 // Dostup iz Internet-resursa «Sudebny`e i normativny`e akty` RF (SudAkt)» – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Q7NnhOQEqNdN/?ysclid=mnug9ck0t9480620354> (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
16. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 25.12.2018 № 49 «O nekotory`x voprosax primeneniya obshhix polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o zaklyuchenii i tolkovanii dogovora» // – Dostup iz spravочно-pravovoj sistemy` Konsul`tantPlyus – URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_314779/?ysclid=mnutpxzq7a405912928](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/?ysclid=mnutpxzq7a405912928) (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
17. Reshenie Sovetskogo rajonnogo suda goroda Voronezha ot 29 yanvarya 2025 goda po delu № 2-8/2025 (2-1607/2024) // Dostup iz Internet-resursa «Sudebny`e i normativny`e akty` RF (SudAkt)» – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/41WMcSMsmYY4/> (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
18. «V Gosdume predlozhili sdelat` vse sdelki s nedvizhimost`yu beznalichny`mi» // – Dostup s oficial`nogo sajta RIA Novosti – URL: <https://ria.ru/20260208/nedvizhimost-2072962492.html?ysclid=mnvgxt28nj518575167> (data obrashheniya: 03.04.2026) – Tekst: e`lektronny`j.
- .

УДК 343.611.3

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО
ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ**

Скворцова О.В., Сухова А.И.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье рассматривается институт необходимой обороны как одна из функций правового государства, выраженная в защите прав и законных интересов своих граждан. Поднимается вопрос значения и определения необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния, а также сущности превышения пределов необходимой обороны, её уголовно-правовая регламентация. С помощью анализа уголовного законодательства и изучения теоретической уголовно-правовой базы, судебной практики обозначаются и анализируются показатели, которые необходимо учитывать, разрешая вопрос о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны. Исследование соответствующих положений Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации является основой для анализа нормы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, связанной с регламентацией деяния, предусматривающего ответственность за вред, причиненный в рамках превышения пределов необходимой обороны – убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 Уголовного кодекса Российской Федерации). Рассматриваются теоретические и практические аспекты данного общественно опасного деяния, особенности и проблемы квалификации. На основе всего изученного выделяются существующие проблемы в рамках темы научного исследования и предлагаются некоторые пути урегулирования применения уголовного законодательства, расследования органами предварительного следствия и рассмотрения судами дел, касающихся общественно опасного деяния, выраженного в причинении смерти при превышении пределов необходимой обороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, убийство при превышении пределов необходимой обороны, защита прав и законных интересов, уголовное законодательство.

Российская Федерация (далее – РФ) имеет различные направления деятельности, закрепляющие сущность и назначение функционирования правового социального государства. основополагающие функции имеют законодательную форму выражения в основном законе страны – Конституции РФ. К одним из важнейших аспектов деятельности нашего государства относится обеспечение защиты личности, общества и государства от общественно опасных посягательств. Так, ч. 2 ст. 45 Конституции РФ закрепляет, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» [1]. Содержание данного принципа тесно связано с характеристикой РФ как правового государства, провозгласившего, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», а также «признание, соблюдение и защита прав человека – обязанность государства» [1]. Реализация данной конституционной нормы требует государственной гарантии, которую законодатель регламентирует в различных нормах права.

Уголовный кодекс (далее – УК) РФ также реализует вышеупомянутую функцию государства, закрепляя не только сущность и перечень преступных деяний, но и основания для признания причинения вреда лицам правомерным. К одним из таких оснований относится необходимая оборона. Состоянием необходимой обороны признается «причинение вреда посягающему лицу при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» [2]. Также уголовное законодательство признает необходимой обороной, если не было допущено превышение

ее пределов, «защиту от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» [2]. Таким образом, «уголовно-правовая норма о необходимой обороне, являясь одной из гарантий конституционного положения о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, обеспечивает защиту личности и прав обороняющегося, других лиц, а также защиту охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства» [3].

Так что же обозначает превышение пределов необходимой обороны? В УК РФ прямо не указано обозначение данного действия. Однако ст. 37 УК РФ закрепляет, что «не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения» [2]. Таким образом, исходя от обратного, под превышением пределов необходимой обороны можно обозначить действия, явно не соответствующие характеру и степени общественной опасности посягательства. В Постановлении Пленума Верховного Суда (далее – ПП ВС) РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», закрепляется: «разрешая вопрос о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны, суды должны учитывать: объект посягательства; избранный посягавшим лицом способ достижения результата, тяжесть последствий, которые могли наступить в случае доведения посягательства до конца, наличие необходимости причинения смерти посягавшему лицу или тяжкого вреда его здоровью для предотвращения или пресечения посягательства; место и время посягательства, предшествовавшие посягательству события, неожиданность посягательства, число лиц, посягавших и оборонявшихся, наличие оружия или иных предметов, использованных в качестве оружия; возможность оборонявшегося лица отразить посягательство (его возраст и пол, физическое и психическое состояние и т.п.); иные обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и оборонявшегося лиц» [4].

При наличии соответствующих показателей вышеперечисленных обстоятельств суд имеет возможность квалифицировать содеянное как совершенное общественно опасное деяние при превышении пределов необходимой обороны. И, казалось бы, при всём многообразии вышеперечисленных норм, научных публикаций, вопрос о юридической природе превышения пределов необходимой обороны остаётся открытым, что и обуславливает актуальность нашего исследования в части обозначенных в данной работе аспектов. Переходя к практической части научного исследования, необходимо упомянуть, что в Особенной части УК РФ закреплено лишь два состава преступлений, совершенных с превышением необходимой обороны. Данными составами является ч. 1 ст. 108 УК РФ – убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, ст. 114 УК РФ – причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны. Цель данной научной работы – углубиться в исследование проблемы квалификации убийства при превышении пределов необходимой обороны. А также выделить теоретические и практические проблемы, основанные на анализе уголовно-правовой нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 108 УК РФ, обратить внимание на ошибки в деятельности правоохранительных органов.

Для верной квалификации по ч. 1 ст. 108 УК РФ необходимо установить, что обороняющийся находился в состоянии необходимой обороны, а именно, причинил

смерть посягающему лицу при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства. Однако должен быть установлен факт превышения: нарушение условия, относящегося к защите – совершения действий, явно не соответствующих характеру и степени посягательства [5].

В силу того, что грань между необходимой обороной и преступными действиями достаточно тонкая, возникает проблема верной квалификации, которая заключается в наличии оценочных критериев понимания «превышения пределов необходимой обороны». Хотя и в законодательстве, и в юридической литературе описаны признаки такого превышения, «нет единого толкования о том, что же представляет собой такое превышение» [5]. Так, Д.Н. Тропин квалифицирует превышение пределов необходимой обороны как «умышленные действия, явно несоответствующие характеру и степени общественной опасности посягательства» [6], а И.И. Савельев – как «причинение гораздо большего вреда в сравнении с ожидаемым вредом при совершении общественно опасных действий при нападении» [7].

Анализируя научные работы ученых, можно сделать вывод, что «превышение пределов необходимой обороны связано с чрезмерными защитными действиями» [5]. И действия изначально обороняющегося лица, которые впоследствии привели к смерти изначально нападавшего лица, тому подтверждение. Законодатель как бы закрепляет обязанность оборонявшегося лица самостоятельно оценить свои действия и возможные их последствия в момент защиты. Поэтому возникает вопрос: Как это сделать в момент стресса, когда человеку угрожает опасность, когда нет времени на то, чтобы обдумывать все свои действия, оценить все факторы и дальнейшие риски? В таких условиях приходится действовать быстро и инстинктивно [8]. Поэтому необходимо согласиться с мнением ученых, что необходимо «в совокупности оценивать и сравнивать как эмоциональное состояние обороняющегося, так и уровень его физического развития. Состояние стресса и страха способно спровоцировать бесконтрольную реакцию, неверно оценить степень угрозы и причинить вред больший, чем был предотвращен» [5].

Проблемным аспектом является отграничение привилегированного убийства от простого, что подтверждает практика. Прежде чем перейти к ней необходимо указать статистику количества совершаемых преступлений. Так, за 2024 г. по ч. 1 ст. 108 УК РФ было осуждено 143 чел., а по ч. 1 ст. 105 УК РФ – 4042 [9]. Возникает вопрос: какова доля неправильно квалифицируемых преступлений? В связи с тем, что данные составы являются смежными, часто возникает проблема их разграничения. Приведем в качестве примера Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, которое переквалифицировало преступление с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 108 УК РФ. Изучая данный вопрос, необходимо изложить краткую суть обстоятельств дела. «При проверке показаний на месте было обнаружено, что вечером 10.09.2020 к дому обвиняемого М. приехал потерпевший Д. в состоянии алкогольного опьянения и начал предъявлять претензии отцу обвиняемого М., держа нож. После чего обвиняемый М. выхватил нож, а потерпевший Д., сев за руль своего автомобиля, начал «таранить» ворота, после чего они упали на мать обвиняемого М. Тогда обвиняемый М. взял топор и нанёс им удар по лобовому стеклу автомобиля, в результате чего топор оказался в авто. Затем отец обвиняемого М. открыл дверь машины, но потерпевший Д. сдал назад, зацепив первого и прижав его между колесом и столбом. Затем потерпевший Д. вышел из авто с топором и начал замахиваться в сторону обвиняемого М. и нанёс ему удар в правую бровь, а затем в область шеи. Тогда обвиняемый М., опасаясь за свою жизнь, нанес

ножом удары потерпевшему Д. в область груди, после чего последний сел в машину и уехал, а позже скончался» [10]. Стоит отметить, что приговором суда первой инстанции обвиняемый был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 105 УК РФ, затем апелляционным и кассационным определением решение было оставлено без изменения. И лишь Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ кассационным определением переквалифицировала действия обвиняемого на ч. 1 ст. 108 УК РФ [11].

Важно отметить, что суд первой инстанции не принял во внимание положение, закрепленное в указанном ПП ВС РФ, что «при проверке доводов подсудимого о совершении общественно опасного деяния в состоянии необходимой обороны суд обязан исходить из принципа презумпции невиновности. Бремя доказывания обвинения лежит на стороне обвинения. Все сомнения в наличии состояния необходимой обороны толкуются в пользу обвиняемого» [4]. Таким образом, все имеющиеся сомнения у суда должны были толковаться в пользу обвиняемого, но данное императивное указание было проигнорировано судами предыдущих трех инстанций, в результате чего человек был незаконно лишен свободы более трех лет!

Адвокат Евгений Баладин полагает: «Сложность применения ч. 1 ст. 108 УК РФ связана с оценочным критерием определения пределов необходимой обороны. Чаше всего судьи нехотя применяют ч. 1 ст. 108 УК РФ, так как считают, что убийство должно быть наказано более серьезной санкцией, в то время как ч. 1 ст. 108 УК РФ допускает назначение лишения свободы на срок до двух лет» [10].

Также хотелось бы проанализировать недавний случай, который является актуальным в рамках написания данной научной статьи. В октябре 2025 г. в Новороссийске произошел инцидент, который вызывает спор о пределах необходимой обороны и её превышении. Потерпевший (муж Ю.) в присутствии дочери и внука в состоянии алкогольного опьянения начал конфликтовать с обвиняемой (своей супругой) без наличия на то оснований, после чего, держа в руках нож, угрожал резать обвиняемую (супругу Ю.), замахнувшись на последнюю. Обвиняемая Юлия Ю. отбилась стоящей рядом табуреткой, в результате чего мужчина упал, а у него из головы шла кровь. Обвиняемая Ю. и её дочь вызвали скорую медицинскую помощь, потерпевшего госпитализировали, но спустя несколько дней последний скончался. Следственный комитет РФ квалифицировал содеянное как умышленное причинение тяжкого вреда, повлекшее по неосторожности смерть человека. Данная норма закрепляет санкцию, предусматривающую до 15 лет лишения свободы. Адвокат обвиняемой Ю. считает, что это «классический случай самообороны, так как женщина находилась в психотравмирующей ситуации, защищая себя, дочь и внука от вооруженного мужа» [12]. Сторона защиты считает, что следствие неверно квалифицировало содеянное, и настаивает на переквалификации дела по превышению пределов необходимой обороны [12].

Исходя из описания новостными источниками обстоятельств совершенного, признаки необходимой обороны очевидны. Однако опять возникает вопрос о квалификации. В данном случае обвиняемая защищалась от общественно опасного посягательства, сопряженного с непосредственной угрозой насилием, опасным для жизни обороняющейся. А в соответствии с п. 2 ПП ВС РФ общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося, представляет собой деяние, которое в момент его совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося. Вопрос реальной опасности решается с помощью установления способа совершения посягательства, так как, оценив данный факультатив-

ный признак объективной стороны преступления, становится понятно, создавалась ли реальная опасность для жизни обороняющегося. К таким способам относят применение оружия или предметов, используемых в качестве такового. ПП ВС РФ также раскрывает суть непосредственной угрозы применения насилия, опасного для жизни обороняющегося, которое может выражаться в «демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы» [4]. Из исследуемых обстоятельств дела вытекает использование ножа потерпевшим в момент совершения им общественно опасных действий. То есть в его действиях имелись основания для опасения за жизнь обвиняемой Ю. В таком случае обороняющееся лицо вправе причинить вред посягающему лицу, так как наличие необходимой обороны является фактом в данном деле. Суду необходимо выяснить, имелось ли здесь превышение пределов необходимой обороны. Поэтому в принципе непонятны действия и квалификация следствия.

Анализируя всё вышесказанное, необходимо сделать некоторые выводы. Безусловно, институт необходимой обороны является важнейшим правовым механизмом, позволяющим гражданам защищать свои права и законные интересы от общественно опасных посягательств. Именно институт необходимой обороны является одной из гарантий воплощения конституционного положения о возможности защиты своих прав и свобод не запрещенными законом способами. При превышении закрепленных уголовным законодательством пределов необходимой обороны возникает наличие признаков, характеризующих преступность деяния. Это происходит в силу того, что действия, совершенные в период общественно опасного деяния, явно не соответствуют характеру и степени общественной опасности посягательства.

Кратко изложим некоторые дискуссионные вопросы, возникающие при применении ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Во-первых, ч. 1 ст. 37 УК РФ, закрепляет, что при защите от общественно опасного деяния, сопряженного с насилием, опасным для жизни либо с угрозой применения такого насилия, причинение любого вреда является правомерным [2]. Однако уголовное законодательство предусматривает наличие двух составов, закрепляющих преступность деяний, совершенных при превышении такой защиты. Таким превышением законодатель обозначает пределы необходимой обороны, выходя за которые образуется состав преступления. Положения норм Общей и Особенной частей УК РФ, получается, явно противоречат друг другу. Так, ч. 1 ст. 108 УК РФ закрепляет состав преступления, когда лицо как раз защищается от общественно опасного деяния, сопряженного с насилием, опасным для жизни либо с угрозой такого насилия, но где «защита выходит за пределы степени и характера такого посягательства» [13]. Возникает вопрос правильности закрепления «причинения любого вреда» правомерным в ч. 1 ст. 37 УК РФ, если, как мы видим, у причинённого вреда тоже есть свои «пределы». Учитывая также то, как рассматривалось выше, что границы необходимой обороны являются размытыми, так как зависят от оценочного критерия, определяемого органами следствия и суда.

Во-вторых, мы согласны с точкой зрения М.В. Шутова, что необходимо «усовершенствовать профессионализм следователей, прокуроров, судей в вопросах квалификации преступлений, связанных с превышением пределов необходимой обороны» [14]. Исходя из вышеприведенной практики по таким преступлениям, проблема верной квалификации действительно имеется.

Считаем, что является возможным утвердить Методические рекомендации по расследованию и судебному рассмотрению дел, связанных с превышением пределов

необходимой обороны, а именно, ст. ст. 108, 114 УК РФ. Такие рекомендации обеспечили бы достаточное количество знаний для выполнения необходимых задач в рамках расследования данного вида преступлений, а также утвердили бы единый подход и практику применения. Правоприменителю необходимо помнить, что обороняющийся изначально действует правомерно, защищая свои права и законные интересы.

В-третьих, возникает вопрос относительно субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ. Уголовный закон закрепляет умышленную форму вины при эксцессе обороны, то есть включает прямой и косвенный умыслы при совершении данного вида преступления. Причинение смерти по неосторожности в обстоятельствах необходимой обороны не образует состав преступления, так как обязательным признаком субъективной стороны указанного состава является мотив защиты прав и законных интересов обороняющегося и других. Однако на практике тяжело говорить о наличии умысла на причинение смерти [14]. Лицо в момент защиты стремится лишь спасти себя всеми способами и средствами, не осознавая возможность наступления последствий, выраженных в смерти другого человека. Считаем, что в данном случае необходима тщательная судебная экспертиза, которая бы выявила психическое отношение обороняющегося лица к совершенному деянию, его субъективное восприятие во время совершения защитных действий, причинивших впоследствии смерть другому человеку. Поэтому важно внедрить комплексный подход при расследовании и рассмотрении дел об убийствах, совершенных при превышении пределов необходимой обороны. Необходимо учитывать не только объективные критерии, такие как соразмерность защиты и нападения, но и субъективные – состояние страха, испуга, наличие экстремальной ситуации. И в силу наличия определенной совокупности таких психологических факторов закрепить на законодательном уровне возможность применения их в качестве обстоятельства, исключающего признание действий обороняющегося, приведших к смерти другого человека, превышением пределов необходимой обороны.

Таким образом, институт уголовной ответственности за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны нуждается в законодательном усовершенствовании с помощью теоретической разработки и глубокого изучения данного вопроса, что будет способствовать справедливой и эффективной защите граждан.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.] // КонсультантПлюс : справочная правовая система [Официальный сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон N 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // КонсультантПлюс : справочная правовая система [Официальный сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.
3. Новая жизнь : [сайт]. // Что такое необходимая оборона?. – 2013. // [Официальный сайт] – URL : https://odoevng.ucoz.ru/news/chto_takoe_neobkhodimaja_oborona/2013-11-11-1854 – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.
4. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 27.09.2012 // КонсультантПлюс : справочная правовая система [Официальный сайт]. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/#dst100016 – Режим доступа : свободный. –

5. Джаббарова, Э.Ф. Проблемные аспекты квалификации убийства при превышении пределов необходимой обороны (ч.1 ст.108 УК РФ) // Э.Ф. Джаббарова. – Молодой учёный. – 2022. – №40 (435) // [Электронный ресурс] – URL : <https://moluch.ru/archive/435/95257> – Режим доступа : свободный. –
6. Тропин, Д.Н. О некоторых вопросах применения необходимой обороны // Д.Н. Тропин. – Молодой учёный. – 2016. – №21 (125) // [Электронный ресурс] – URL : <https://moluch.ru/archive/125/34749> – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.
7. Савельев, И.И. Превышение пределов необходимой обороны // И.И. Савельев. – Символ науки. – 2016. – №5 // [Электронный ресурс] – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/prevyshenie-predelov-neobkhodimo-y-oborony/viewer> – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.
8. Даровских, Д.А. Некоторые теоретические аспекты определения превышения пределов необходимой обороны // Д.А. Даровских. – Российский следователь. – 2010. – №3 // [Электронный ресурс] – URL : <https://justicemaker.ru/view-article.php?art=67&id=21> – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.
9. АПИ-пресс : [сайт]. // Судебная статистика РФ. – Санкт-Петербург, 2015-2026. // [Официальный сайт] – URL : <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> – Режим доступа : свободный.
10. Адвокатская газета : [сайт]. – Москва, 2017-2026. // [Официальный сайт] – URL : <https://www.advgazeta.ru/novosti/zashchitnik-dobilas-v-vs-perekvalifikatsii-prestupleniya-s-ubiystva-na-prevyshenie-neobkhodimo-y-oborony/> – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.
11. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2024 № 18-УД23-44-К4 // КонсультантПлюс : справочная правовая система [Официальный сайт]. – URL : <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kolleгии-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05032024-n-18-ud23-44-k4/> – Режим доступа : свободный. –
12. Сайт города-героя Новороссийск : [сайт]. – Новороссийск, 2012-2026. // [Официальный сайт] – URL : <https://gorod-novoross.ru/news.php?id=42877> – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.
13. Коновалова, С.К. Объём вреда, причиняемый при защите от посягательства, как условие правомерности необходимой обороны. Уголовно-правовое регулирование и конституционно-правовой смысл. // С.К. Коновалова. – eLIBRARY – 2019. – №1 // [Электронный ресурс] – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37577338> – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.
14. Шутов, М.В. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: вопросы теории и практики // М.В. Шутов. – Вестник науки. – 2025. – №4 (85) // [Электронный ресурс] – URL : <https://www.xn----8sbempcldcw3bmt.xn--p1ai/article/22125> – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.

Skvortsova O.V., Sukhova A.I. The problems of qualifying a murder committed while exceeding the limits of necessary defense // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 650-657.

The article considers the institution of necessary defense as one of the functions of the rule of law, expressed in the protection of the rights and legitimate interests of its citizens. The question of the meaning and definition of necessary defense as a circumstance precluding criminality of an act, as well as the essence of exceeding the limits of necessary defense, and its criminal law regulation is raised. Through the analysis of criminal legislation and the study of the theoretical criminal legal framework, judicial practice, the indicators that must be taken into account are identified and analyzed, resolving the question of the presence or absence of signs of exceeding the limits of necessary defense. The study of the relevant provisions of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation is the basis for analyzing the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation related to the regulation of an act providing liability for harm caused within the limits of exceeding the limits of necessary defense – murder committed while exceeding the limits of necessary defense (Part 1 of Article 108 of the Criminal Code of the Russian Federation). The theoretical and practical aspects of this socially dangerous act, features and problems of qualification are considered. Based on all that has been studied, the existing problems within the framework of the scientific research topic are highlighted and some ways of regulating the application of criminal legislation, investigation by preliminary investigation bodies and consideration by courts of cases concerning a socially dangerous act, expressed in causing death by exceeding the limits of necessary defense, are proposed.

Keywords: necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, murder when exceeding the limits of necessary defense, protection of rights and legitimate interests, criminal law.

Spisok literatury:

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii [prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 g. s izmeneniyami. odobrennyimi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020 g.] // KonsultantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema [Ofits. sayt]. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ – Rezhim dostupa : svobodnyy. – Tekst : elektronnyy.
2. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii : Federalnyy zakon N 63-FZ ot 13.06.1996 (red. ot 29.12.2025) (s izm. i dop.. vstup. v silu s 20.01.2026) // KonsultantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema [Ofits. sayt]. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ – Rezhim dostupa : svobodnyy. – Tekst :

3. Novaya zhizn : [sayt]. // Chto takoye neobkhodimaya oborona?. – 2013. // [Ofits. sayt] – URL : https://odoevng.ucoz.ru/news/chto_takoe_neobkhodimaya_oborona/2013-11-11-1854 – Rezhim dostupa :
4. «O primeneniі sudami zakonodatel'stva o neobkhodimoy oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii litsa. sovershivshego prestupleniye» : Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii № 19 ot 27.09.2012 // KonsultantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema [Ofits. sayt]. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/#dst100016 – Rezhim dostupa : svobodnyy. –
5. Dzhabbarova, E.F. Problemnyye aspekty kvalifikatsii ubiystva pri prevyshenii predelov neobkhodimoy oborony (ch.1 st.108 UK RF) // E.F. Dzhabbarova. – Molodoy uchenyy. – 2022. – №40 (435) // [Elektronnyy resurs] – URL : <https://moluch.ru/archive/435/95257> – Rezhim dostupa : svobodnyy. – Tekst : elektronnyy.
6. Tropin, D.N. O nekotorykh voprosakh primeneniya neobkhodimoy oborony // D.N. Tropin. – Molodoy uchenyy. – 2016. – №21 (125) // [Elektronnyy resurs] – URL : <https://moluch.ru/archive/125/34749> – Rezhim dostupa : svobodnyy. – Tekst : elektronnyy.
7. Savelyev, I.I. Prevysheniye predelov neobkhodimoy oborony // I.I. Savelyev. – Simvol nauki. – 2016. – №5 // [Elektronnyy resurs] – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/prevyshenie-predelov-neobkhodimoy-oborony/viewer> – Rezhim dostupa : svobodnyy. – Tekst : elektronnyy.
8. Darovskikh, D.A. Nekotoryye teoreticheskiye aspekty opredeleniya prevysheniya predelov neobkhodimoy oborony // D.A. Darovskikh. – Rossiyskiy sledovatel. – 2010. – №3 // [Elektronnyy resurs] – URL : <https://justicemaker.ru/view-article.php?art=67&id=21> – Rezhim dostupa : svobodnyy. – Tekst : elektronnyy.
9. API-press : [sayt]. // Sudebnaya statistika RF. – Sankt-Peterburg, 2015-2026. // [Ofits. sayt] – URL : <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> – Rezhim dostupa : svobodnyy. – Tekst :
10. Advokatskaya gazeta : [sayt]. – Moskva, 2017-2026. // [Ofits. sayt] – URL : <https://www.advgazeta.ru/novosti/zashchitnik-dobilas-v-vs-perekvalifikatsii-prestupleniya-s-ubiystva-na-prevyshenie-neobkhodimoy-oborony/> – Rezhim dostupa : svobodnyy. – Tekst : elektronnyy.
11. Kassatsionnoye opredeleniye Sudebnoy kollegii po ugolovnym delam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 05.03.2024 № 18-UD23-44-K4 // KonsultantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema [Ofits. sayt]. – URL : <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05032024-n-18-ud23-44-k4/> – Rezhim dostupa : svobodnyy. –
12. Sayt goroda-geroya Novorossiysk : [sayt]. – Novorossiysk, 2012-2026. // [Ofits. sayt] – URL : <https://gorod-novoross.ru/news.php?id=42877> – Rezhim dostupa : svobodnyy. – Tekst : elektronnyy.
13. Konovalova, S.K. Obyem vreda, prichinyayemyy pri zashchite ot posyagatel'stva, kak usloviye pravomernosti neobkhodimoy oborony. Ugolovno-pravovoye regulirovaniye i konstitutsionno-pravovoy smysl. // S.K. Konovalova. – eLIBRARY – 2019. – №1 // [Elektronnyy resurs] – URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37577338> – Rezhim dostupa : svobodnyy. – Tekst : elektronnyy.
14. Shutov, M.V. Ugolovnaya otvetstvennost za ubiystvo pri prevyshenii predelov neobkhodimoy oborony: voprosy teorii i praktiki // M.V. Shutov. – Vestnik nauki. – 2025. – №4 (85) // [Elektronnyy resurs] – URL : <https://www.xn----8sbempcldwd3bmt.xn--p1ai/article/22125> – Rezhim dostupa : svobodnyy. – Tekst : elektronnyy.
14. Federal'nyi zakon «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon "O bankakh i bankovskoi deyatel'nosti" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» ot 08.08.2024 N 275-FZ (poslednyaya redaktsiya) [Federal Law "On amendments to the Federal Law 'On banks and banking activities' and certain legislative acts of the Russian Federation" of 08.08.2024 No. 275-FZ (latest edition)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482531/
15. Polozheniye Banka Rossii «Ob ustanovlenii obyazatel'nykh dlya kreditnykh organizatsii, inostrannykh bankov, osushchestvlyayushchikh deyatel'nost' na territorii Rossiiskoi Federatsii cherez svoi filialy, trebovaniy k obespecheniyu zashchity informatsii pri osushchestvlenii bankovskoi deyatel'nosti v tselyakh protivodeystviya osushchestvleniyu perevodov denezhnykh sredstv bez soglasiya klienta» ot 30.01.2025 N 851-P (Zaregistrirvano v Minyuste Rossii 06.03.2025 N 81462) [Regulation of the Bank of Russia "On establishing mandatory requirements for credit institutions, foreign banks operating on the territory of the Russian Federation through their branches, to ensure information protection in the implementation of banking activities in order to counter the transfer of funds without client consent" of 30.01.2025 No. 851-P]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501055/
16. Bank Rossii. Obzor otchetnosti ob intsidentakh informatsionnoi bezopasnosti pri osushchestvlenii perevodov denezhnykh sredstv (III kvartal 2025 goda) [Bank of Russia. Review of reporting on information security incidents in the implementation of money transfers (III quarter of 2025)]. Available at: https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_3q_2025/
17. Trebovaniya po bezopasnosti informatsii, ustanavlivayushchie urovni doveriya k sredstvam tekhnicheskoi zashchity informatsii i sredstv obespecheniya bezopasnosti informatsionnykh tekhnologii (vypiska) (utv. prikazom FSTEK Rossii ot 02.06.2020 N 76) [Information security requirements establishing levels of trust for technical information protection means and information technology security means (extract) (approved by order of FSTEK of Russia of 02.06.2020 No. 76)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_367399/.

УДК 343.1

ПОНЯТИЕ ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Титова К. А. Шенель Н. В., Корчагин А. А.

В статье рассматривается понятие оценки заключения эксперта как элемента процесса доказывания в уголовном судопроизводстве с опорой на УПК РФ (ст. 17, 88) и практику Конституционного Суда РФ. Анализируются критерии оценки экспертного заключения — относимость, допустимость, достоверность и доказательственная значимость — на разных стадиях процесса. Освещаются научные подходы к определению понятия (позиции Т.В. Аверьяновой, П. А. Лупинской и др.) и проблемы практики, в т. ч. недостаточная активность следователей в сборе оправдывающих доказательств. По результатам анкетирования 75 % практических работников отметили потребность в специальных знаниях для оценки экспертных заключений. Автор предлагает меры по оптимизации процесса: предварительную проверку объектов экспертизы, контроль компетентности эксперта, привлечение специалистов и др.

Ключевые слова: оценка эксперта, заключение эксперта, уголовное судопроизводство, судебная экспертиза, специалист, эксперт, доказательства.

Оценка доказательств является важной составляющей в процессе доказывания в уголовном процессе. Она не только позволяет более ярче проявляться состязательному процессу, но и влияет на активность участников уголовного процесса. В этом процессе не допустимы какие-либо нарушения, в том числе и связанные с оценкой заключения эксперта. Оно не только является одним из видов доказательств, подлежит процессуальной оценке, но и оценивается на тех же основаниях и правилах, которые выдвигаются для «других» доказательств (ст. 88 УПК РФ).

Если обратиться к теории уголовного процесса, то можно увидеть тот факт, что отсутствует понятие, которое бы четко определяло «понятие оценки доказательств». Ученые вкладывают разные составляющие в данное определение. Приведем их. Так, Т.В. Аверьянова предлагает понимать «оценку заключения эксперта» как оценку доказательств, которая подвергается логической операции и имеет оценочные суждения» [1, с. 450]. С.А. Зайцева вкладывает в данное понятие, следующее «в стороне не должна оставаться правовая оценка доказательств, поскольку оценочные акты мысли проявляются в конкретных процессуальных действиях» [4, с. 75]. Как представляется нам, что более точное определение, отражающее рассматриваемое понятие, дано П.А. Лупинской. Она предлагает понимать под оценкой доказательств «деятельность, связанную с логическими и мыслительными процессами, которая имеет цель, связанную с тем, чтобы прийти к выводу об относимости, допустимости, достоверности доказательства, а также достаточности для установления тех обстоятельств, которые будут не только входить в предмет доказывания, но и влиять на разрешение дела [9, с. 360]. Теория, а также анализ судебно-следственной практики позволяют сделать вывод, что заключение эксперта связано с традиционной схемой оценивания. Так оно подвергается оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а также доказательственной значимости [7, с. 27]. По нашему мнению, это наиболее удачная модель оценивания и она применима ко всем стадиям уголовного судопроизводства, будь то стадия предварительного расследования или судебного разбирательства. Тем более она может носить разный оценивающий характер в зависимости от стадии.

Считаем, что оценка доказательств — это составной компонент в процессе доказывания, которая заключается в том, что подвергается углубленному изучению субъектами, которые непосредственно связаны с ней, и на ее основе позволяют формировать обоснованные выводы, касающиеся устанавливаемых фактов, отра-

жающиеся в принятии процессуальных действий, решений, которые урегулированы уголовно-процессуальным законом.

Следует отметить, что должностные лица в процессе расследования и судебного разбирательства применяют так называемое «внутреннее убеждение», которое связано с процессом оценивания. Об этом можно встретить упоминание в ст. 17 УПК РФ, где отмечено, что субъекты доказывания оценивают доказательства исходя из своего внутреннего убеждения, но с соблюдением важных критериев, которые нельзя отбрасывать в сторону, это, во-первых, необходимо руководствоваться законом, во-вторых, совестью [10]. П.А. Лупинская размышляя о «внутреннем убеждении» писала, что «даже в этом процессе необходимы несколько составляющих: объективная и субъективная сторона, которые исходят из представленных и исследованных доказательств» [9, с. 360].

Следует отметить тот факт, что в УПК РСФСР (ст. 20) оценка базировалась на следующих компонентах: во-первых, на всесторонности; во-вторых, на полноте; в-третьих, объективности [11]. В настоящее время действующий уголовно-процессуальный закон не содержит таких критериев. В тоже время отдельные статьи продолжают «сохранять» в себе следы «старых» правоотношений. Например, в ч.4 ст. 152 УПК РФ есть упоминание о «полноте и объективности», когда речь идет о расследовании, которое возможно провести по месту нахождения обвиняемого и большинства свидетелей.

В тоже время считаем, что законодатель должен закрепить специальную норму в уголовно-процессуальном законе, вменив в обязанность следователя, дознавателя, собирать доказательства, носящие «оправдывающий характер», а не только подтверждающие виновность того или иного лица. Тем более, что еще Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П обратил на данный момент свое внимание, в частности «субъекты доказывания обязаны принимать в установленных процессуальных формах все зависящие меры к тому, чтобы были получены доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность лица в совершении преступления» [6]. Как верно отмечает В.В. Котов, что «следователи в процессе расследования не всегда «торопятся» собирать доказательства, которые оправдывают обвиняемое лицо, считая, что это больше прерогатива адвоката» [5]. Для того, чтобы улучшить положения дел в данном вопросе, нам видится закрепление в норме закона, а именно в ч.1 ст. 17 УПК РФ следующей формулировки после слов основанному на «всестороннем, полном, объективном исследовании имеющихся в деле», далее по тексту.

Кроме этого, следует отметить, что оценка зависит от того, какой субъект ее производит. Кто эти субъекты оценки доказательств, например, экспертного заключения? В юридической литературе так и продолжают дискуссии по данному вопросу. Существуют разные точки зрения, что связано с особенностями, которые имеются у предмета рассмотрения, а именно экспертного заключения. Оно связано не только с применением научных знаний, но и, что не маловажно, со специальным исследованием. Можно вести речь о его высокой информативности и объективности.

Так в советское время УПК 1922 и 1923 гг (ст.ст.174, 298) разрешал следователю, суду не давать своего согласия по выводам, которые были представлены в заключении эксперта, вплоть до назначения повторных экспертиз. Ученые этого времени ввиду того, что такая норма была закреплена в законе шли по такому пути, что отрицательно относились к возможности оценивать экспертное заключение следователем [14, с. 150]. Чуть позже уже в 50-60-х годах XX века предлагалось чуть противоположная точка зрения, касающаяся оценки заключения эксперта. Поэтому Б.А.

Галкин и Н.Я. Калашникова писали, что «суд должен проверять выводы эксперта и они не должны вступать в какие-либо противоречия с данными, которые имеются в материалах уголовного дела» [3, с. 45]. Что самое интересное, что такие взгляды до сих пор встречаются на страницах юридических изданий современного времени.

А.Р. Белкин считал, что «следователю, суду невозможно в полной степени произвести оценку заключения, они могут сделать это лишь формально, то есть путем проверки на все ли вопросы даны ответы» [2, с. 361].

По-другому считают Е.Р. Россинская, Е. И. Галяшина и А.М. Зинин они отмечают: «Экспертное заключение не всегда имеет «сложный характер» и затрудняет оценку лицу, которое назначило экспертизу. Сложности могут возникать в связи с внедрением новых технологий, касающихся дальнейших современных тенденций, которые затрагивают виды и роды экспертиз и ведут к осложнениям в оценки, с точки зрения, научных составляющих современных экспертиз [8, с. 320]. Полагаем, что это не должно являться сложностью для субъекта оценивания, наоборот у него есть все для того, чтобы такая оценка прошла успешно и решала те задачи, которые свойственны ей.

Для того, чтобы оптимизировать процесс, связанный с оценкой результатов экспертной деятельности необходимо предложить следующее:

1. Вести деятельность, связанную с предварительной оценкой тех объектов, которые были представлены для проведения исследования. Здесь важно учитывать следующие составляющие: во-первых, они должны непосредственно относиться к тем обстоятельствам, которые приведены в постановлении о назначении экспертизы; во-вторых, должны быть допустимы, получены из надлежащего, проверенного источника.

2. Лицо, которое будет проводить то или иное экспертное исследование должно быть компетентно и это должно быть предварительно проверено.

3. Не зависимо от того какая эта экспертиза (первоначальная, повторная и т.д.), все они равны и поэтому должны одинаково оцениваться судом.

4. Должностные лица, которые назначали проведение соответствующей экспертизы должны четко указывать выводы, сделанные экспертом по проведенной экспертизе, а не допускать простые ссылки в своих процессуальных решениях на полученное заключение.

5. Если этого требует ситуация, то привлекать специалиста для более четкой и объективной оценки, касающейся результатов, которые были получены исходя из проведенного исследования.

Анализ судебно-следственной практики, а также проведенное анкетирование на вопрос учитываете ли вы должность эксперта, его ученое звание, в качестве преимущества заключения ответили утвердительно 69%, отрицательно – 21%, затруднились ответить 10 % из числа опрошенных.

Кроме того, стала более положительной тенденция, связанная с оценкой экспертных заключений. Приведем практический пример. В производстве СО Отдела МВД России по Ейскому району находилось уголовное дело № 12345, возбужденное 18.12.2013 в отношении Бережной В.П., по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159.2 УК РФ. В ходе предварительного следствия было установлено, что в договоре займа на строительство жилья в виде строительных материалов № 584 от 21.01.2013, в спецификации товара к договору № 584 от 21.01.2013, в акте приема-передачи строительных материалов от 21.01.2013 имеется подпись от имени Бережной (Портенко) В.П., которая вызывает сомнения в ее подлинности. Перед экспертом были поставлены следующие вопросы: Кем, Бережной (Портенко) В.П., Линник Н.П., или другим лицом выполнена подпись от имени Бережной (Портенко) В.П., расположенная в строке

«Заемщик В.П. Портенко», в договоре займа на строительство жилья в виде строительных материалов № 584 от 21.01.2013 (Том 1 л.д. 148), в спецификации товара к договору № 584 от 21.01.2013 (Том 1 л.д. 147), в акте приема-передачи строительных материалов от 21.01.2013 (Том 1 л.д. 146)? Выводы к которым пришел эксперт: Подписи выполненные от имени Бережной (Портенко) В.П., расположенные в строке «Заемщик В.П. Портенко», в договоре займа на строительство жилья в виде строительных материалов № 584 от 21.01.2013, в спецификации товара к договору № 584 от 21.01.2013, в акте приема-передачи строительных материалов от 21.01.2013, вероятно выполнены одним лицом.

Подписи, выполненные от имени Бережной (Портенко) В.П., расположенные в строке «Заемщик В.П. Портенко», в договоре займа на строительство жилья в виде строительных материалов № 584 от 21.01.2013, в спецификации товара к договору № 584 от 21.01.2013, в акте приема-передачи строительных материалов от 21.01.2013, вероятно выполнены не Бережной (Портенко) В.П., и не Линник (Грищенко) Н.П., а другим лицом. Данные выводы были проанализированы следователем и легли в основу обвинительного заключения [12]. Еще один практический пример. 07.12.2017 года в ходе проведения обыска в жилище расположенном по адресу: ст. Староминская ул. Пушкина 192, по месту проживания Иващенко А.М., были обнаружены и изъяты таблетки, на которых имеется надпись «трамадол». На экспертизу предоставлено: таблетки, в одном опечатанном полимерном пакете-файле, снабженном пояснительной биркой. Упаковка на момент осмотра видимых нарушений целостности не имеет. Перед экспертом поставлены вопросы: Являются ли представленные на экспертизу вещества - в виде таблеток, находящиеся в пакете №1 (изъятые 07.12.2017 г. в ходе проведения обыска) сильнодействующим, психотропным веществом или наркотическим средством, если да, то каким именно, какова их масса? Было проведено исследование и сделаны выводы, десять таблеток белого цвета общей массой 4,97г, находящиеся в пакете №1, изъятые 07.12.2017 г. в ходе проведения обыска, содержат в своем составе сильнодействующие вещество трамадол (трамал) (())-транс-2-[(диметиламино)метил]-1-(м-метоксифенил)циклогексанол). В последствии следователем данные выводы также легли в основу обвинительного заключения [13].

Уголовно-процессуальный закон закрепляет в своих ст. ст. 17, 88 субъектов оценки доказательств. Таковыми лицами являются те, которые отвечают за производство, связанное с расследованием уголовного дела. Они и принимают ответственные процессуальные решения, связанные с результатами оценки.

Участники уголовного процесса, например, подозреваемый, обвиняемый на основании ходатайства вправе признать доказательство недопустимым (ч.3 ст. 88 УПК РФ), а также суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе (ст.234, 235 УПК РФ). Причем участникам, которые подают такое ходатайство, необходимо обосновать свою позицию, тем более, если она связана с нарушением требований норм УПК РФ.

Как показали результаты нашего анкетирования практических работников, на вопрос о том испытывают ли они потребность в специальных знаниях при оценке экспертного заключения, 75% респондентов ответили положительно, 20% такого не испытывали и только 5 % встречали редко. Как видно, что большинство практиков согласились с тем, что потребность в специальных знаниях у них имеется.

Считаем, что было бы правильным и уместно, если практические работники будут привлекать специалистов к оценке. Их помощь будет оказывать не только положительную динамику, развеивать все имеющиеся сомнения, а также продвиге-

нию состязательных начал в уголовном процессе, что позволит более успешно реализовывать права и обязанности участников.

Список литературы

- 1.Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. М.: Норма, 2009. с. 450
- 2.Белкин А.Р. Теория доказательств в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005. с. 361.
- 3.Галкин Б.А., Калашникова Н.Я. Уголовный процесс.М.: Госюриздат, 1950. С. 45.
- 4.Зайцева С.А. Оценка доказательств в российском уголовном процессе: монография. М.: Издательство ПРИОР», 2002. – с. 75.
- 5.Котов В.В. Осмысление и оценка заключения эксперта в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2017. - № 4 (с измен. и допол.): [Электронный ресурс] – электронные данные. – Программа информационной поддержки российской науки и образования // справочные правовые системы КонсультантПлюс: Высшая школа. – 2026. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
- 6.Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П (с измен. и допол.): [Электронный ресурс] – электронные данные. – Программа информационной поддержки российской науки и образования // справочные правовые системы КонсультантПлюс: Высшая школа. – 2026. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
- 7.Семенцов В.А., Белохортов И.И. Оценка доказательств судом первой инстанции по уголовному делу: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. с. 27.
- 8.Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин. М. Норма, 2009. с. 320.
- 9.Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / отв. Ред. П.А. Лупинская. М.: Норма, 2013 . с. 360.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (с измен. и допол.): [Электронный ресурс] – электронные данные. – Программа информационной поддержки российской науки и образования // справочные правовые системы КонсультантПлюс: Высшая школа. – 2026. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
11. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года: [Электронный ресурс] – электронные данные. – Программа информационной поддержки российской науки и образования // справочные правовые системы КонсультантПлюс: Высшая школа. – 2026. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (утратил силу)
12. Уголовное дело № 12345 , находящееся в производстве следователя СО Отдела МВД России по Ейскому району.
13. Уголовное дело №12346, находящееся в производстве следователя СО Отдела МВД России по Ейскому району.
14. Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. Харьков: Юрид. Изд-во Наркомюста УССР, 1930. С. 150.

Titova K. A, Shepel N. V., Korchagin A. A. The concept of evaluating an expert's opinion in criminal proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – S. 658-663.

This article examines the concept of evaluating an expert's opinion as an element of the evidentiary process in criminal proceedings, drawing on Articles 17 and 88 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. The criteria for evaluating an expert's opinion—relevance, admissibility, reliability, and evidentiary value—at different stages of the process are analyzed. The article highlights scientific approaches to defining the concept (the positions of T.V. Averianova, P.A. Lupinskaya, and others) and practical challenges, including the insufficient efforts of investigators to collect exculpatory evidence. According to a survey, 75% of practitioners noted the need for specialized knowledge to evaluate expert opinions. The author proposes measures to optimize the process: preliminary screening of the objects of examination, monitoring the expert's competence, engaging specialists, etc.

Keywords: expert assessment, expert opinion, criminal proceedings, forensic examination, specialist, expert, evidence.

Список литературы:

1. Averianova T.V. Forensic Examination: A Course in General Theory. Moscow: Norma, 2009. p. 450
2. Belkin A.R. Theory of Evidence in Criminal Proceedings. Moscow: Norma, 2005. p. 361.
3. Galkin B.A., Kalashnikova N.Ya. Criminal Procedure. Moscow: Gosyurizdat, 1950. p. 45.
4. Zaitseva S.A. Evaluation of Evidence in Russian Criminal Procedure: A Monograph. Moscow: PRIOR Publishing House, 2002. – p. 75.
5. Kotov V.V. Understanding and Evaluation of an Expert's Conclusion in Criminal Procedure // Criminal Procedure. 2017. - No. 4 (as amended and supplemented): [Electronic resource] – electronic data. – Program of information support of Russian science and education // reference legal systems ConsultantPlus: Higher school. – 2026. – Access mode: <http://www.consultant.ru>.

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 29, 2004 No. 13-P (as amended and supplemented): [Electronic resource] – electronic data. – Program of information support of Russian science and education // reference legal systems ConsultantPlus: Higher school. – 2026. – Access mode: [http //www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
 7. Semenov V.A., Belokhortov I.I. Evaluation of evidence by the court of first instance in a criminal case: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2012. p. 27.
 8. Theory of forensic examination: textbook / E.R. Rossinskaya, E.I. Galyashina, A.M. Zinin. M. Norma, 2009. p. 320.
 9. Criminal Procedure Law of the Russian Federation: textbook / Ed. P.A. Lupinskaya. Moscow: Norma, 2013 . p. 360.
 10. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended and supplemented): [Electronic resource] – electronic data. – Program of information support for Russian science and education // ConsultantPlus legal reference systems: Higher school. – 2026. – Access mode: [http //www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
 11. Criminal Procedure Code of the RSFSR of October 27, 1960: [Electronic resource] – electronic data. – Program of information support for Russian science and education // ConsultantPlus legal reference systems: Higher school. – 2026. – Access mode: [http //www.consultant.ru](http://www.consultant.ru). (no longer in effect)
 12. Criminal Case No. 12345, pending before an investigator of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Yeysk District.
 13. Criminal Case No. 12346, pending before an investigator of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Yeysk District.
 14. Cheltsov-Bebutov, M.A. Soviet Criminal Procedure. Kharkov: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the Ukrainian SSR, 1930. P. 150.
- .

УДК 347.962

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ: РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В ВЫЯВЛЕНИИ И УСТРАНЕНИИ НАРУШЕНИЙ

Коноплев В. В., Басов А. В.

Статья посвящена актуальным вопросам защиты прав детей в условиях чрезвычайных ситуаций природного, техногенного и социально-политического характера, а также роли органов прокуратуры в выявлении и устранении соответствующих нарушений. В статье проведен анализ статистических данных о чрезвычайных ситуациях, зарегистрированных на территории Российской Федерации, включая показатели числа пострадавших, погибших, а также детей, нуждавшихся в эвакуации и госпитализации. На основе обобщения практики прокурорского надзора выделены ключевые направления деятельности прокуратуры в рассматриваемой сфере. Выявлены и систематизированы типичные нарушения, допускаемые в указанных сферах (загромождение эвакуационных выходов, формальный подход к проведению тренировок, отсутствие индивидуальных планов психологического сопровождения, неисправность систем оповещения и др.). В заключении обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования нормативно-правового регулирования и внедрения превентивных, ориентированных механизмов прокурорского реагирования в целях реализации задач Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года.

Ключевые слова: чрезвычайные ситуации, деятельность, прокуратура, права, нарушения, несовершеннолетние, дети.

Современный мир все чаще сталкивается с различными видами чрезвычайных ситуаций. Число и масштаб чрезвычайных ситуаций в мире и России неуклонно растет. По данным ООН в 2023 г. было опубликовано 43 объявления о ЧС в 29 странах, что является самым большим за последние десятилетия, а число пострадавших составило свыше 130 млн человек [1]. В нашей стране уровень опасности и риска возникновения ЧС различного генезиса остается достаточно высоким. Несмотря на снижение количества чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их масштаб, убытки, количество пострадавших ежегодно увеличиваются. Безусловно, на уровне государства, осознаются проблемы, которые несут за собой подобного рода чрезвычайные ситуации [2, с. 217].

В 2024 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 272 чрезвычайных ситуации (далее – ЧС), что на 10,82% ниже показателя предыдущего года (в 2023 г. – 305 ЧС). Структура зарегистрированных ЧС по уровню их характера представлена следующим образом: федерального характера – 9 случаев (в 2023 г. – 3), межрегионального – 2 (в 2023 г. – 1), регионального – 40 (в 2023 г. – 33), межмуниципального – 7 (в 2023 г. – 9), муниципального – 166 (в 2023 г. – 202), локального характера – 48 случаев (в 2023 г. – 57).

Указанные показатели последствий ЧС свидетельствуют о значительном росте масштабов их воздействия. Общее число пострадавших в 2024 г. составило 696 464 человека, что превышает аналогичный показатель 2023 г. (287 595 чел.) в 2,4 раза. Количество погибших увеличилось на 59,35% и достигло 494 человек (в 2023 г. – 310 чел.). При этом количество лиц, спасенных в ходе ликвидации последствий ЧС, возросло в 2,96 раза, составив 21 411 человек (в 2023 г. – 7 229 чел.). Совокупный материальный ущерб от ЧС в 2024 г. оценивается в 70 641 275,249 тыс. руб., что на 9,83% выше показателя 2023 г. (64 318 297,92 тыс. руб.).

Кроме того, в 2024 г. на территории Российской Федерации медицинская эвакуация осуществлялась в отношении 2167 детей; оказана медицинская помощь – 4827 детям; госпитализированы – 12 детей, эвакуированы – 238 детей.

Полученные данные указывают на наличие противоречивой тенденции: несмотря на снижение общего количества зарегистрированных ЧС, наблюдается существенный рост тяжести их социально-экономических последствий, что актуализирует необходимость совершенствования мер, направленных на предупреждение ЧС и систем прогнозирования рисков [3].

Вместе с тем, на протяжении 2022–2026 гг. возросло количество актов техногенного терроризма (удары по объектам критической инфраструктуры беспилотными летательными аппаратами в Курской, Белгородской, Ленинградской, Ростовской областях, террористические атаки на Крымский мост). Также на протяжении последних десятилетий фиксируется рост локальных, ситуативных событий, способных привести к ЧС социально-политического характера (массовым беспорядкам, вооруженному мятежу, блокированию работы органов государственной власти и т.д.). Рост числа ЧС, их масштабы и разнообразие требуют постоянной адаптации систем реагирования, включая правоохранительные органы.

В подобных условиях особую значимость приобретает вопрос оптимизации и повышения эффективности обеспечения прав несовершеннолетних. Растущая сложность и многообразие ЧС подчеркивают необходимость разработки устойчивых механизмов защиты детей, которые остаются наиболее уязвимой категорией населения. Ключевая роль в реализации указанных механизмов принадлежит органам прокуратуры, деятельность которых в условиях ЧС приобретает особую специфику и требует научного осмысления.

Реализация надзорных полномочий в сфере обеспечения безопасности детей в условиях чрезвычайных ситуаций неразрывно связана с достижением целей Стратегии комплексной безопасности детей в РФ на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 17.05.2023 № 358 [4] (далее – Стратегия комплексной безопасности детей). В рамках данного документа прокурорский надзор выступает в качестве ключевого правового механизма нейтрализации угроз, связанных с рисками возникновения ЧС природного и техногенного характера. Системный контроль за соблюдением законодательства в этой сфере напрямую способствует выполнению задач Стратегии комплексной безопасности детей в части снижения уровня детского травматизма и смертности, а также обеспечения защищенности прав и законных интересов несовершеннолетних в условиях повышенного риска, что составляет концептуальную основу настоящего исследования.

Анализ прокурорской деятельности позволяет выделить ключевые направления практики прокурорского надзора и типичные нарушения законодательства в сфере защиты прав детей в условиях ЧС, а также вблизи зон боевых действий.

1) обеспечение права детей на безопасность. Отметим, что в условиях ЧС обеспечение данного права является приоритетной задачей государства. В ЧС защита жизни детей требует оперативных и скоординированных мер, среди которых важное место занимает эвакуация. Организация и эффективное проведение эвакуации занимает центральное место и становится одним из ключевых способов обеспечения защиты жизни и здоровья детей. Однако анализ практики показывает, что организация эвакуации сталкивается с серьезными вызовами, включая: внезапность возникновения ЧС и комплексность существующей опасности относительно личности, общества, государства. Так, например, в ночь с 6 на 7 июля 2012 г. в результате сильных осадков в городах Геленджик, Новороссийск, Крымск, и ряде сельских поселений Краснодарского края были подтоплены 8 тысяч домов, 53 социально значимых объекта, пострадало более 53 тысяч человек. Были нарушены системы связи,

энергоснабжения, железнодорожное и автомобильное сообщение. Полностью разрушены 1653 домовладения. Наиболее сложная обстановка сложилась в г. Крымск, где были подтоплены 7200 домов. Погиб 171 чел., в том числе 5 от поражения электрическим током. Такое быстрое развитие негативных последствий привело к невозможности оперативного проведения эвакуации [5]. С динамичным развитием негативных последствий сталкивались при лесных пожарах в Красноярском, Приморском крае, при весеннем паводке в Оренбургской области (г. Орск), Иркутской области (г. Тулун), Республике Дагестан (г. Махачкала, г. Дербент); дефицит ресурсов. В условиях указанных ЧС одновременно в эвакуации нуждается значительное число детей, что приводит к нехватке транспорта, средств связи и подготовленных специалистов. Все это может вызывать задержки и хаотичные действия, что особенно критично в условиях ограниченного времени [6, с. 67-80].

Прокуратура играет ключевую роль в осуществлении надзора за соблюдением прав детей во время подготовки и проведения эвакуации. Благодаря постоянному мониторингу прокуроры выявляют случаи, когда запланированные эвакуационные меры не могут быть реализованы в полном объеме либо не обеспечивают должной эффективности. Такой превентивный подход позволяет прокурорам не дожидаться наступления «негативных или трагических последствий», а эффективно и своевременно использовать весь комплекс мер прокурорского реагирования в качестве действенного инструмента профилактики.

Обобщение практики прокурорского надзора позволяет выделить типичные нарушения в сфере обеспечения безопасности детей в условиях ЧС, а именно: недостаточная подготовка эвакуационных маршрутов или отсутствие учета потребностей детей; неисправность систем оповещения и управления эвакуацией; недостаточность знаний по оповещению учащихся и сотрудников образовательного учреждения у сотрудников охранной организации, недостаточная слышимость сигнала системы оповещения (эвакуации); размещение (хранение) различных предметов, мебели и имущества на путях эвакуации, в том числе в дверных проемах эвакуационных выходов; формальный подход к проведению практических тренировок по эвакуации. Выявленные случаи нарушений «ложатся» в основу актов прокурорского реагирования, которые направляются уполномоченным должностным лицам.

Реализация мер, связанных с проведением эвакуации обуславливает необходимость размещения детей в пунктах временного размещения. Основные требования к данным местам включают: безопасность (защита от внешних угроз, включая физическую безопасность помещений); обеспечение базовых потребностей, что предусматривает обеспечение водой; обеспечение питанием (продуктами питания); обеспечение коммунально-бытовыми услугами и предметами первой необходимости; медицинское обеспечение; санитарно-эпидемиологическое обеспечение и др.; доступ к образованию: принятие мер для организации учебного процесса [7].

2. Важным направлением работы прокуроров является надзор за исполнением законодательства в сфере оказания психологической помощи и профилактики суицидов среди несовершеннолетних. Органы прокуратуры проводят проверки исполнения программ психологического сопровождения несовершеннолетних, «вовлеченных в последствия боевых действий». Анализ надзорной практики показывает, что данная категория детей требует особого внимания, поскольку психотравмирующие факторы (утрата близких, утрата жилища, вынужденное переселение, вынужденное изменение социальной среды, дистанционное обучение) в отсутствие своевременной коррекции могут привести к суицидальному поведению. Проводимые проверки включают в себя как деятельность образовательных организаций, так и

работу кризисных центров, психолого-медико-педагогических комиссий и органов опеки.

Обобщение практики прокурорского надзора позволяет выделить типичные нарушения, а именно: отсутствие индивидуальных планов психологического сопровождения детей из семей вынужденных переселенцев; формальный подход к заполнению карт психолого-педагогического наблюдения; недостаточная квалификация школьных психологов в вопросах работы с посттравматическим стрессовым расстройством; несвоевременное информирование органов системы профилактики о выявленных случаях суицидальных рисков.

3. Не менее важным направлением деятельности прокуратуры является прокурорский надзор за исполнением законодательства об антитеррористической защите объектов образования, а также о пожарной безопасности [8].

Массовое пребывание детей и подростков на определенной площади, «уязвимость» образовательной инфраструктуры, предъявляют повышенные требования к состоянию инженерно-технических средств охраны, организации пропускного режима и готовности персонала к действиям в условиях ЧС. Типичными нарушениями, выявляемыми прокурорами, являются: отсутствие или неисправность ограждений периметра школ, ненадлежащее осуществление пропускного и внутриобъектового режимов, а также эксплуатация неисправных систем автоматической пожарной сигнализации, отсутствие огнетушителей и загромождение эвакуационных выходов.

Таким образом, в условиях неуклонного роста масштабов и тяжести последствий ЧС защита прав и законных интересов детей приобретает особую актуальность и требует максимально эффективного государственного реагирования. Органы прокуратуры играют ключевую роль в обеспечении прав детей в ЧС, выступая в качестве «превентивного и оперативного механизма» выявления и устранения нарушений законодательства в сфере эвакуации, психологической помощи, антитеррористической и пожарной безопасности образовательных организаций.

Список литературы:

1. УВКБ ООН: Число чрезвычайных гуманитарных ситуаций в 2023 году достигло рекордных показателей за последнее десятилетие // Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. – URL: https://www.unhcr.org/ru/34115-humanitarian_emergencies2023.html (дата обращения 14.03.2026).
2. Басова, Ю. Ю. Актуальные проблемы и перспективы развития деятельности прокуратуры по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях / Ю. Ю. Басова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т.10. – № 3. – С. 215-223.
3. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2024 году». – Москва: МЧС России, 2025. – С. 11-16. – URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/7807> (дата обращения 14.03.2026).
4. Указ Президента Российской Федерации от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447320 (дата обращения 14.03.2026).
5. Наводнение в Крымске // История пожарной охраны и добровольчества. – URL: https://xn--b1ae4ad.xn--p1ai/calendar/2012-7-6_navodnenie-v-krymske (дата обращения 12.05.2025).
6. Басова Ю. Ю. Теоретические, организационные и правовые аспекты обеспечения законности в условиях глобального риска возникновения чрезвычайных ситуаций : монография / Ю. Ю. Басова [под общей ред. А. В. Мелехина]. – Симферополь : Изд-во «Ариал», 2021. – 244 с.
7. ГОСТ Р 22.3.18-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Пункты временного размещения населения, пострадавшего в чрезвычайных ситуациях Общие требования. Приемка в эксплуатацию. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200178018> (дата обращения 12.03.2026); Методические рекомендации по порядку создания пунктов временного размещения пострадавших в чрезвычайных ситуациях. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_367831 (дата обращения 12.03.2026).

8. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.05.2018 № 295 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии терроризму». – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303846/ (дата обращения 12.03.2026).

Konoplev V. V., Basov A. V. current issues of protecting children's rights in emergency situations: the role of the prosecutor's office in identifying and eliminating violations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 664-668.

The article is devoted to topical issues of protecting children's rights in emergency situations of a natural, man-made and socio-political nature, as well as the role of the prosecutor's office in identifying and eliminating relevant violations. The article analyzes statistical data on emergency situations registered on the territory of the Russian Federation, including indicators of the number of injured, dead, as well as children who needed evacuation and hospitalization. Based on the generalization of the practice of prosecutorial supervision, the key areas of the prosecutor's office in this area are highlighted. Typical violations committed in these areas have been identified and systematized (cluttering of evacuation exits, a formal approach to training, lack of individual psychological support plans, malfunction of warning systems, etc.). In conclusion, the author substantiates the need for further improvement of regulatory and legal regulation and the introduction of preventive, risk-oriented mechanisms of prosecutorial response in order to implement the objectives of the Strategy for Integrated Child Safety in the Russian Federation for the period up to 2030.

Keywords: emergencies, activities, prosecutor's office, rights, violations, minors, children.

Spisok literatury:

1. UVKB OON: Chislo chrezvy`chajny`x gumanitarny`x situacij v 2023 godu dostiglo rekordny`x pokazatelej za poslednee desyatiletie // Upravlenie Verxovnogo komissara OON po delam bezhencev. – URL: https://www.unhcr.org/ru/34115-humanitarian_emergencies2023.html (data obrashheniya 14.03.2026).
2. Basova, Yu. Yu. Aktual`ny`e problemy` i perspektivy` razvitiya deyatel`nosti prokuratury` po obespecheniyu zakonnosti v chrezvy`chajny`x situacijax / Yu. Yu. Basova // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – Т.10. – № 3. – С. 215-223.
3. Gosudarstvenny`j doklad «O sostoyanii zashhity` naseleniya i territorij Rossijskoj Federacii ot chrezvy`chajny`x situacij prirodnogo i texnogenного характера v 2024 godu». – Moskva: MChS Rossii, 2025. – С. 11-16. – URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/7807> (data obrashheniya 14.03.2026).
4. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 17.05.2023 № 358 «O Strategii kompleksnoj bezopasnosti detej v Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447320 (data obrashheniya 14.03.2026).
5. Navodnenie v Kry`mske // Istoriya pozharnoj oxrany` i dobrovol`chestva. –URL: https://xn--b1ae4ad.xn--p1ai/calendar/2012-7-6_navodnenie-v-krymske (data obrashheniya 12.05.2025).
6. Basova Yu. Yu. Teoreticheskie, organizacionny`e i pravovy`e aspekty` obespecheniya zakonnosti v usloviyax global`nogo riska vozniknoveniya chrezvy`chajny`x situacij : monografiya / Yu. Yu. Basova [pod obshhej red. A. V. Melexina]. – Simferopol` : Izd-vo «Ariat», 2021. – 244 s.
7. GOST R 22.3.18-2021. Nacional`ny`j standart Rossijskoj Federacii. Bezopasnost` v chrezvy`chajny`x situacijax. Punkty` vremennogo razmeshheniya naseleniya, postradavshego v chrezvy`chajny`x situacijax Obshhie trebovaniya. Priemka v e`kspluataciyu. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200178018> (data obrashheniya 12.03.2026); Metodicheskie rekomendacii po poryadku sozdaniya punktov vremennogo razmeshheniya postradavshix v chrezvy`chajny`x situacijax. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_367831 (data obrashheniya 12.03.2026).
8. Prikaz General`nogo prokurora Rossijskoj Federacii ot 17.05.2018 № 295 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov o protivodejstvii terrorizmu». – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303846/ (data obrashheniya 12.03.2026).

УДК 341

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОЦЕССА НА ФАРЕРСКИХ ОСТРОВАХ

Хрущев Р. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье, на основе краткого исторического экскурса истории Фарерских островов рассматривается процесс становления идеи и начала разработки собственной конституции. Автор выделяет исторические, экономические, культурные, социальные и политические причины желания создания собственной конституции фарерцами. К политико-правовым следует отнести неудовлетворение со стороны местного населения и политического истеблишмента региона предоставленными по акту о самоуправлении 1948 г. Фарерским островам со стороны Дании правами; желании активнее самостоятельно влиять на внутреннюю жизнь; усилить международное сотрудничество; подчеркнуть особый статус островов и их народа, его самобытность, усилить и сбалансировать традиционные институты организации публичной власти; сделать заявку на возможное государственное самоопределение, а также провести анализ возможностей (политических, правовых, организационных, экономических) по достижению суверенитета.

Ключевые слова: Фарерские острова, Дания, конституционный процесс, проект, парламент Фарерских островов (ландстинг), правовой статус.

Фарерские острова, из-за традиционно малой численности населения практически основную часть своей истории входили в состав скандинавских государств.

Изначально, в качестве свободного государства острова оказались в составе Норвегии, а затем были включены в состав датского государства. Когда по Кильскому договору 1814 г. Дания была вынуждена уступить Норвегию Швеции, Фарерские острова, Исландия и Гренландия остались в составе Дании.

Фарерские острова продолжали управляться как зависимая территория, и сохранялась торговая монополия, теперь управляемая из Копенгагена. В международных соглашениях Фарерские острова упоминались как датская колония. В договорах часто использовалась формулировка «датские колонии Гренландия, Исландия и Фарерские острова, включая их» или «датские колонии по другую сторону моря, включающие Фарерские острова, Исландию и Гренландию».

С конца XVII в. фарерские дела находились в ведении Датской канцелярии, где до 1814 г. они принадлежали Норвежскому управлению (Nordefjeldske rentscrivarkontor), после чего были переданы в ведение Норвежского управления (Nordefjeldske rentscrivarkontor).

В октябре 1850 г. правительство Дании представило в Ригсдаге проект избирательного закона для Фарерских островов, согласно которому фарерцы должны были избирать одного члена в Ландстинг и одного члена в Фолькетинг. В Ригсдаге разгорелись дебаты о том, подпадают ли Фарерские острова под действие Конституции и правилен ли выбранный курс действий в отношении фарерцев, однако закон [1, pp. 498-511] был принят. В результате колониальный статус Фарерских островов, не смотря на полностью сохраняющейся контроль всех сфер деятельности со стороны Дании, формально ликвидировался.

В ноябре 1851 г. новоизбранные фарерские члены Фолькетинга представили проект закона о местном самоуправлении на Фарерских островах. На базе данного проекта в 1852 г. принят закон о восстановлении Ландинга (местного парламента) [1, pp. 335-339].

Следующим всплеском для развития местного парламентаризма, государственности и пробы относительно самостоятельного разрешения стоящих перед фарерцами дел стали годы оккупации Дании, когда связь с Коппенгагеном и его государственными институтами оборвалась, а сами острова оказались заняты союзниками по антигитлеровской коалиции. Однако, фарерцы не решились, в отличие от Исландии, на объявление независимости от Дании, а временная форма конституции, принятая в качестве предварительного акта № 1 от 9 мая 1940 г. [2]. С окончанием войны правительство Дании оказалось готово к широким переговорам и уступкам населению островов, вплоть до предоставления независимости. Однако, как оказалось, сами фарерцы были к этому совершенно не готовы, что и подтвердили результат плебисцита 1946 г. [3]. В результате, в 1948 г. принят акт о домашнем самоуправлении Фарерских островов [4], предоставивший фарерцам ограниченное самоуправление.

Социально-экономическое, культурное и политическое развитие фарерских островов в последующие десятилетия, а также происходившее с 1978 г. развитие самоуправления Гренландии создали предпосылки не только к формированию политической нации, накоплению опыта парламентаризма, создания широкого корпуса высокообразованных лиц и многие иные факторы к концу XX – началу XXI вв. создали необходимые предпосылки не только к возможности, но и к потребности в, как минимум – расширении самоуправления, как максимум – к активизации движения к независимости.

Важнейшим шагом в данном направлении стала идея о разработке собственной конституции, нашедшая широкую поддержку как в местном парламенте, так и среди населения островов. Попытка смягчить данные настроения предоставлением более широких прав самоуправлению актом от 26.07.1994 г. и его дополнения в 2009 г. уже не смогли существенно повлиять на начавшийся процесс [5].

На заседании 1 апреля 1993 г. правительство региона [6] приняло решение избрать членов комитета по изучению конституции Республики.

В состав комитета были избраны следующие лица: Кьяртан Хойдал, (директор департамента рыболовства); адвокаты Ханс Тригви Хенриксен, Сьюрд Расмуссен, Бьёрн Хейгум и Аннфинн В. Хансен.

Генеральный прокурор объявил в письме от 14.04.1993 г., что причиной назначения было то, что в тогдашнем коалиционном документе было согласовано, что необходимо провести работу над новым Законом о самоуправлении, который должен был заменить Закон о местном самоуправлении. Было установлено, что для обеспечения выполнения условий для таких изменений необходимо уточнить, какой должна быть наша система внутреннего управления, поскольку нынешняя система правления, по-видимому, недостаточно хорошо работает с той автономией, которой мы обладаем. В круг задач комитета вошли следующие пункты:

- 1) изучить и описать правовую основу Конституции и властей и оценить, насколько это законодательство целесообразно в более длительной форме, включая разделение труда между законодательной и исполнительной ветвями власти;
- 2) описать разницу между правительством в форме коллегии и министерским правительством;

3) разработать проект конституции, основанной на едином кабинете министров, и в этой связи оценить требования, которые такая система предъявляет к количеству мест и его стоимости;

4) описать, какие дополнительные конституционные нормы необходимы, если Фарерские острова получают полную автономию.

Комитет получил доступ ко всей информации по данному вопросу от правительства, и ему был установлен крайний срок для представления заключения — 1 октября 1993 г.

Одним из важных шагов по осмыслению предстоящей работы по конституции стала работа и выводы комитета, назначенного правительством Фарерских островов 1 апреля 1993 г. [7]. Считаем данный труд крайне необходимым, т.к. в нем авторы рассмотрели исторические, правовые и экономические вопросы и аспекты, а также представили новый взгляд на статус и государственно-правовую организацию Фарерских островов.

Начавшаяся работа продолжилась и в последующие годы. Основными причинами длительного и сложного процесса по созданию конституции для Фарерских островов, в первую очередь, видятся: политико-правовой статус данной территории; сложность в создании такого проекта, который бы учитывал весьма непростую специфику экономического, географического и политического положения островов.

Обращаясь к политической компоненте проекта по созданию конституции, укажем, что изначально коалиционное правительство поставило перед собой цель организовать Фарерские острова как государство с суверенитетом в соответствии с единым планом. Формально этот план состоит из двух частей.

Во-первых, заключить международное соглашение между Фарерскими островами и Данией, которое установило бы будущее сотрудничество между странами как двумя государствами с суверенитетом.

Проект такого договора предполагалось представить в парламент, и после его утверждения вынести на референдум для утверждения.

Во-вторых, разработать конституцию для Фарерских островов. Именно для этого и создавался вышеуказанный комитет, который, по завершению своей работы, должен был представить проект в Парламент, а по его утверждению Альтингом вынести на референдум для утверждения.

В Парламентском отчете № 5/1998 содержится предложение об утверждении конституционного статуса Фарерских островов.

2 октября 1998 г. было достигнуто соглашение о том, что правительство подготовит и начнет переговоры с правительством Дании по договору, а также представит парламенту отчет о подготовке для публичного обсуждения до начала переговоров. В комментариях к этому предложению изложены намерения правительства относительно нового договора [8, pp. 174].

Координация работы во время рассмотрения парламентского дела № 5/1998 происходила следующим образом. В мае 1998 г. на заседании Комитета по иностранным делам парламента Исландии губернатор предоставил Комитету материалы и подробно объяснил, как планируется организовать подготовку к внесению поправок в конституцию. Как предполагалось, данный процесс будет организован как единый проект, в рамках которого будут созданы следующие рабочие комитеты:

1) комитет по договорам, который будет изучать и описывать правовые, политические и административные отношения между Фарерскими островами и Данией, вносить предложения по обменным соглашениям и соглашениям о сотрудничестве, а также предложения по контракту;

2) экономический комитет, который будет изучать и описывать экономические и финансовые отношения между Фарерскими островами и Данией, вносить предложения по системам обмена и описывать требования к самодостаточной фарерской экономике;

3) конституционный комитет, который будет разрабатывать конституцию и фарерскую правовую систему.

Кроме того, отдельные советы в центральной администрации должны были описывать и анализировать текущее сотрудничество с Данией; описывать необходимость соглашений о сотрудничестве и требования к законодательству, управлению и финансированию, если Фарерские острова хотят самостоятельно решать все вопросы. Проект и управление предполагалось организовать в рамках администрации губернатора Исландии по вопросам самоуправления.

Также предполагалось, что Конституционный комитет может координировать свою работу с другими комитетами проекта, и будет иметь полное представление обо всей работе по вопросам самоуправления в правительстве. Например, вопрос о ротационных соглашениях, когда вопросы могут быть переданы Дании или другим странам на определенный период времени, должен был обсуждаться в Конституционном комитете в сотрудничестве с другими комитетами.

Как предполагалось, Конституция Фарерских островов должна, среди прочего: устанавливать основные права и обязанности между государством и его гражданами, и определять, как Фарерские острова организуют свою законодательную, исполнительную и судебную власть.

а) Разделение властей. Важным аспектом конституционной работы являло рассмотрение разделения властей между законодательной, исполнительной и судебной властью.

Конституционный комитет публично занимался вопросом конституционного положения на Фарерских островах, но был связан тем фактом, что законодательной властью на Фарерских островах должен быть Закон о местном самоуправлении [8, pp. 175]. В гл. 8 своего заключения Комитет описывает, какие дополнительные конституционные нормы необходимы для обеспечения полной автономии Фарерских островов. Также Комитет считал, что проект Конституции мог быть использован в качестве основы для Фарерской Конституции.

Следовательно, Конституционный комитет мог взять за основу Конституцию и подготовку данного Закона в вопросах базового разделения властей между законодательной и исполнительной ветвями власти, и в то же время мог оценить опыт, накопленный при разработке Конституции, и внести предложения по ее внесению.

б) Права и обязанности. Другим важным аспектом работы Конституционного комитета определялись основные конституционные положения о правах и обязанностях между Фарерским государством и его гражданами.

Так, комитет должен был рассмотреть следующие вопросы: внешняя политика; вопросы обороны, включая ядерные вопросы; референдумы; правила отказа от суверенитета; церкви и государство; права/свободы человека, включая свободу веро-

исповедания, свободу слова и письма, равенство; правовая безопасность; приобретение гражданства; права и обязанности граждан Фарерских островов, включая право на социальную помощь, жилье, работу, собственность, природные ресурсы и коммунальные услуги; государственная задолженность; природные ресурсы и порядок их управления; охрана природы и окружающей среды; культурные вопросы; правила ратификации и внесения поправок в Конституцию.

Комитет обязывался рассмотреть все вопросы с должным учетом истории фарерского права, обычаев и культуры.

с) Юрисдикция. В отличие от действующей Конституции, которая устанавливала разделение полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти, конституция определяет разделение между ними и независимую судебную систему Фарерских островов. Поэтому возникал вопрос, должен ли Конституционный комитет также внести предложения о том, как должна быть устроена правовая система Фарерских островов.

В том числе, как может быть организован Верховный суд Фарерских островов, как могут назначаться судьи и представители независимо от парламента и правительства, а также как должны быть организованы прокуратура, полиция, система уголовного правосудия и тюремная система. Комитет может назначить специальную группу или комитет для работы вне рамок Конституции.

Для обеспечения публичного обсуждения и конструктивного публичного обсуждения Конституции комитету следовало проводить публичные слушания; организовывать их таким образом, чтобы определенные темы были зафиксированы на публичных слушаниях, где будут представлены и обоснованы предложения; запросить рекомендации у различных ассоциаций, специалистов и групп по интересам, имеющих особые связи с различными вопросами, и эти рекомендации могут быть представлены в форме заявок на публичных слушаниях [8, pp. 176].

Стоимость работы по разработке конституции оценивалась примерно в 2 миллиона крон. Эта сумма включала заработную плату председателя и секретаря, пособия для экспертов, пособия на заседания для членов парламента, специальную помощь, такую как ответы экспертов по конституционному праву и отчеты по зарубежным конституциям, а также печать заключения.

На 1998 г. парламента выделил 1 659 мил. крон на самоуправление, включая конституционную работу. В проекте бюджета на 1999 г. правительство предложило 6 мил. крон на самоуправление, в т.ч. и на конституционную работу.

1 декабря 1998 г. Хогни Хойдал, губернатор Исландии, от имени правительства Исландии представил «Предложение к Закону о Конституционном комитете». Документом предусматривалось, не только создание Комитета, то и содержались некоторые установки содержания проекта «положения о разделении властей между законодательной, исполнительной и судебной ветвями, положения об основных правах человека и положения о правах и обязанностях граждан Фарерских островов (§ 1.1). Круг полномочий Комитета должен был определить губернатор (§ 1.2). В свою очередь Комитет, как должен был представить свое заключение по Конституции до 1.06.2000 г. (§ 1.3) и предложение о единой фарерской правовой системе (§ 1.4).

Конституционный комитет предусматривался из одного члена от каждой партии в парламенте, одного государственного министра и 5 лиц с высшим образованием в

области социальных наук (§2.1). Кроме того, премьер-министр назначал представителей правительства в комитет. Члены, представляющие партии в парламенте, являются членами парламента и избирались партиями в парламенте. В свою очередь губернатор избирал 5 представителей с соответствующим образованием в области социальных наук, а также из их числа назначал председателя комитета (§2.2). Также он мог назначить секретаря комитета, который должен был обладать соответствующим образованием в области социальных наук (§2.3).

Учитывая политическую важность создания Комитета, предусматривалось, что партия, потерявшая свое представительство в парламенте, теряла и свое представительство в комитете. Если же партия приходила в парламент во время работы комитета, она имела право назначить в комитет 1-го члена парламента от своей партии.

В случае, когда член комитета покидал парламент во время работы комитета, он покидал комитет, и партия избирала на его место другого. Если представитель же правительства в комитете покидает правительство, то он покидал комитет, и премьер-министр должен был избрать на его место другого (§2.4).

В ходе своей работы Комитет обязывался организовывать регулярные публичные слушания по основным вопросам (§3), а расходы на работу Комитета оплачивало Национальное казначейство (§4).

Безусловно, что вокруг работы по проекту конституции немедленно появился политический ажиотаж, а местные политические силы стремились использовать это в своих целях.

Однако уже очень быстро оказалось, что, по многочисленным причинам, разработка проекта основного закона – чрезвычайно сложна и потребует намного больше времени, нежели изначально предполагалось [9]. Данный процесс на Фарерских островах незавершен и сегодня, прочем, как и в Гренландии [10, с. 7-20].

Список литературы:

1. Lov angaende Rigsdagsvalgene pa Fsreerne af 29 December 1850, Departementstidene nr. 33, 22/5 1851, pp. 498-511. (дата обращения: 11.03.2026).
2. Raul Wallenberg Institute of Human Rights and Humanitarian Law Faculty of Law, University of Lund. – URL: Microsoft Word - Islands.rtf (дата обращения: 11.03.2026).
3. Eingin visti, hvussu lønir skuldu gjaldast út, um fólk valdu loysing í '46. – URL: Eingin visti, hvussu lønir skuldu gjaldast út, um fólk valdu loysing í '46 | Kringvarp Føroya (дата обращения: 11.03.2026).
4. Home Rule Act of the Faroe Islands No. 137 of March 23, 1948. – URL: home-rule-act-of-the-faroe-islands.pdf (дата обращения: 11.03.2026).
5. Nr. 103 26. juli 1994 Løgtingslóg um stýrisskipan Føroya, sum broytt við løgtingslóg nr. 75 frá 25. mai 2009. – URL: STÝRISSKIPANARLÓGIN - Løgtingslóg 103 juli 26 1994 .pdf (дата обращения: 11.03.2026).
6. Avrit av orðaskifti løgtingsins frá 87. fundi 28. juni 1994: 2. viðgerð av uppskoti landsstýrisins til løgtingslóg um stýrisskipan Føroya. – URL: Tingviðgerðin av stýrisskipanarlógini (дата обращения: 11.03.2026).
7. Alit um stýrisskipanarviðurskifti Føroya. Alit frá nevndini, landsstýrið setti 1. apríl 1993, at kanna stýrisskipanarviðurskifti Føroya. Sjúrdur Rasmussen, adv. Annfinn V. Hansen, adv. Bjørn á Heygum, adv. Hans Trygvi Henriksen, adv. ft. Kjartan Hoydal, fiskivinnustjóri. - Tórshavn 1994. – 412 p. – URL: 1993.12 Alit um Stýrisskipan Føroya.pdf (дата обращения: 11.03.2026).
8. GRUNDLÓGARNEVNDIN Frágreiðing um grundlógararbeiðið frá formanninum í grundlógarnevndini til landsstýrismannin í sjálvstýrismálum Latin 31. desember 2001 Løgfrøðiliga kannað og rættað 14. mars 2002. – URL: nu (дата обращения: 11.03.2026).
9. Jógván Durhuus. Føroyska grundlóg til fólkaatkvøðu. – URL: in.fo - fyrst og fremst (дата обращения: 11.03.2026).
10. Змерзлый Б. В., Хрушев Р. С. Проект конституции Гренландии. Содержание и недостатки // Вестник Московского университета. Сер. 26. Государственный аудит. – 2023. – № 3. – С. 7-20.

Khrushchev R.S. The development of the constitutional process in the Faroe islands // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 2. – S. 669-675.

Based on a brief historical overview of the Faroe Islands, this article examines the development of the idea and the initial drafting of their own constitution. The author highlights the historical, economic, cultural, social, and political reasons for the Faroese desire to create their own constitution. Political and legal reasons include dissatisfaction among the local population and the region's political establishment with the rights granted to the Faroe Islands by Denmark under the 1948 Home Rule Act; a desire to more actively influence domestic affairs; strengthen international cooperation; emphasize the special status of the islands and their people, their distinctive character; strengthen and balance traditional institutions of public administration; make a bid for possible state self-determination; and analyze the political, legal, organizational, and economic possibilities for achieving sovereignty.

Keywords: Faroe Islands, Denmark, constitutional process, draft, Faroese Parliament (Landsting), legal status.

УДК 347.79 : 340.1

**ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА
БЕЗОПАСНОСТИ МОРЕПЛАВАНИЯ: ОТ ЧАСТНОГО КОММЕРЧЕСКОГО
РИСКА К ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОМУ ИМПЕРАТИВУ**

Шармоянц А. Н.

Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского

В статье на основе комплексного историко-правового подхода исследуется процесс концептуальной эволюции института безопасности торгового мореплавания на рубеже XIX–XX веков. Проведенный анализ позволяет констатировать, что формированию современной глобальной конвенционной системы предшествовал длительный период доминирования доктрины экономического невмешательства (*laissez-faire*), в рамках которой безопасность судна относилась исключительно к сфере диспозитивного коммерческого риска. Обосновывается тезис о том, что серия масштабных навигационных катастроф начала XX века выступила историческим катализатором, спровоцировавшим беспрецедентную юридизацию инженерных норм. Делается вывод о переходе к новой публично-правовой парадигме, где технический стандарт трансформировался из корпоративной рекомендации в императивный инструмент защиты национального суверенитета.

Ключевые слова: безопасность мореплавания, публичное право, *lex mercatoria*, *laissez-faire*, технические стандарты, государственный суверенитет, юридизация норм, СОЛАС.

Эволюция института безопасности в XIX веке показывает, что на протяжении всего девятнадцатого столетия и вплоть до начала XX века система обеспечения безопасности мореплавания носила ярко выраженный фрагментарный, локально-территориальный характер. В указанный исторический период государственное администрирование концентрировалось не на защите трансокеанского судоходства как такового, а на эшелонированной обороне собственных береговых линий и портовой инфраструктуры от внешних угроз. Эти угрозы имели разную природу. Прибрежная зона и акватория гавани рассматривались национальным законодателем как уязвимый пограничный рубеж, требующий плотного контроля для недопущения проникновения опасности вглубь государственной территории. Само коммерческое судно в этой парадигме выступало лишь объектом строгих портовых проверок по прибытии.

Обобщение исследуемого историко-правового материала дает основания полагать, что наиболее репрезентативным историческим примером конструирования подобного защитного механизма выступает правовая организация мер безопасности торговых портов в Черноморском регионе Российской империи в XIX и начале XX веков [1]. В этот период на южных морских границах страны была целенаправленно сформирована сложная, многоуровневая система специализированных правительственных и ведомственных учреждений. Деятельность этих структур детально регламентировалась сложным массивом законодательства. Данная защитная система органично включала в себя карантинные службы, таможенные, общества морских лоцманов и специализированные подразделения портовой полиции. Каждое из этих ведомств автономно решало собственный узкий спектр задач, однако в своей сово-

купности они формировали единый, непреодолимый административно-правовой контур контроля.

Проецирование данных процессов в плоскость теории права показывает, что функционал указанных береговых служб поэтапно эволюционировал вслед за усложнением характера морских угроз и интенсификацией международной торговли. Изначально доминирующей проблемой для государственного аппарата выступала санитарно-эпидемиологическая безопасность. Карантинные учреждения, систематически создававшиеся на Черном море, функционировали как жесткий медицинский фильтр. Нормативно-правовые акты скрупулезно регламентировали сроки обязательной обсервации, порядок изоляции судовых экипажей и правила очистки импортных грузов, что де-факто превращало карантинные заставы в передовой рубеж государственной обороны. Постепенно, с ростом товарного оборота, фокус государственного внимания сместился на фискальные интересы, что повлекло усиление роли таможенных органов, призванных пресекать контрабанду. Параллельно с этим лоцманские организации обеспечивали безаварийную навигацию в сложных прибрежных фарватерах, а портовая полиция поддерживала правопорядок в гаванях. Таким образом, государство выстроило масштабный бюрократический аппарат, направленный исключительно на защиту суши от угроз, приходящих с моря.

Сравнительно-правовой анализ убедительно доказывает, что как только торговое судно завершало все необходимые портовые формальности и выходило в открытый океан, оно попадало в принципиально иную правовую реальность. Трансокеанское коммерческое судоходство девятнадцатого столетия всецело опиралось на классическую доктрину абсолютной экономической свободы (*laissez-faire*) и регулировалось преимущественно диспозитивными нормами транснациональных торговых обычаев (*lex mercatoria*). В открытом море частный судовладелец выступал практически независимым суверенным актором, а коммерческое судно рассматривалось исключительно как инструмент извлечения максимальной финансовой прибыли. Государственные аппараты ведущих морских держав того времени по факту дистанцировались от императивного вмешательства во внутренние инженерные и эксплуатационные процессы гражданского флота, подразумевая открытое море зоной, свободной от жесткого административного диктата.

Исследование правовой доктрины приводит к выводу, что в рамках указанной исторической модели конструктивная надежность корпуса судна, количество спасательных шлюпок, качество навигационных приборов или наличие современных средств связи не рассматривались как объекты публично-правового регулирования. Безопасность квалифицировалась тогдашней юриспруденцией исключительно как категория частного гражданско-правового деликта и сугубо коммерческого риска. В этой системе корпоративных координат минимизация капитальных затрат на спасательное оборудование выступала абсолютно легитимным и повсеместно распространенным способом повышения рентабельности фрахта. Риск физической гибели судна и находившихся на борту людей нивелировался отработанными инструментами финансового страхования через профильные морские синдикаты. Государство не считало нужным диктовать частному капиталу строгие инженерные спецификации судостроения, видимо ошибочно полагая, что механизмы рыночной саморегуляции сами заставят судовладельцев заботиться о плавучести своих активов.

Анализ современных теоретических подходов свидетельствует о том, что подобный нормативный вакуум, выстроенный на приоритете частного коммерческого интереса, объективно не мог адаптироваться к стремительной индустриализации мирового флота. Ярчайшей исторической иллюстрацией правовой архаики рубежа веков являлись правила Британского министерства торговли (Board of Trade), принятые еще в 1894 году. Нормативная база безнадежно отстала от инженерной мысли. В соответствии с этим нормативным актом, обязательное количество спасательных шлюпок на борту пассажирского или грузового судна рассчитывалось исходя из чистого кубического тоннажа (объема) судна, а не из реальной численности находящихся на нем людей. Более того, шкала законодательных требований обрывалась на судах водоизмещением свыше десяти тысяч тонн. Британский законодатель на протяжении почти двух десятилетий игнорировал интенсивный рост тоннажа и мощности силовых установок судостроения, в результате чего многотоннажные трансокеанские лайнеры абсолютно легально выходили в рейсы, имея на борту спасательные шлюпки лишь для трети или четверти своих пассажиров [2].

В завершении необходимо отметить, что аналогичная институциональная дисфункция и отсутствие государственного надзора наблюдались и в сфере правового регулирования новейших радиотелеграфных технологий. В начале XX века беспроводная радиосвязь концептуализировалась правоприменителями не как обязательный элемент единой публичной системы безопасности навигации и спасания, а преимущественно как диспозитивная коммерческая услуга для состоятельных пассажиров. Судовые радисты являлись наемными сотрудниками частных телеграфных корпораций (таких как компания «Маркони»), подчинялись исключительно внутренним коммерческим инструкциям и не несли публично-правовой обязанности по непрерывному круглосуточному мониторингу радиоэфира на частотах бедствия. Острая конкуренция между корпорациями приводила к тому, что радисты отказывались принимать сообщения с судов, оснащенных аппаратурой фирм-конкурентов. Подобное положение дел демонстрировало высшую степень торжества гражданско-правовой автономии воли над публичным интересом [3].

Таким образом, демонтаж устоявшейся доктрины абсолютной коммерческой автономии на море произошел не в результате академических дискуссий, а под давлением череды трагических обстоятельств, таких как гибель пароходов «Каморта» (SS Camorta) и «Генерал Слокам» (PS General Slocum), которые подсветили проблемы в сфере безопасности гражданского флота. Но ключевым переломным моментом в этом вопросе стало трагическое событие, превзошедшее по масштабу и количеству жертв все предыдущие, крушение «Титаника» весной 1912 года [4]. Все эти трагические события со всей очевидностью показали, что частный капитал в погоне за прибылью, в условиях жесткой конкуренции, не способен к эффективному саморегулированию такой важной сферы, как обеспечение физической безопасности людей. Череда этих трагических событий вызвала широкий общественный резонанс и сформировала мощный социальный и политический запрос на государственное вмешательство в сферу, которая многие годы считалась закрытой зоной исключительных корпоративных интересов.

Опираясь на результаты исследования, представляется возможным утверждать, что мировое сообщество под давлением обстоятельств было вынуждено экстренно приступить к выработке универсальных императивных сводов правил. Государства

пошли по пути радикальной унификации разрозненных внутригосударственных актов. Фундаментальным итогом этой интеграционной работы стало принятие первой Международной конвенции по охране человеческой жизни на море (СОЛАС, с англ. – «SOLAS», International Convention for the Safety of Life at Sea) в 1914 году, которая впоследствии получила свое развитие в редакции 1929 года [5]. Принятие данного документа запустило необратимый процесс масштабной юридизации, в результате которого сухие инженерные формулы, требования к конструированию водонепроницаемых отсеков, расчеты остойчивости и обязательное наличие мест в спасательных шлюпках для каждого человека перестали носить диспозитивный характер, а превратились в обязательные предписания. Отныне, правила, направленные на сохранение жизней людей, были возведены в ранг бескомпромиссных международно-правовых императивов. Внутри национальных правовых систем имплементация этих требований легла на плечи государственных специализированных ведомств, лоцманских и маячных служб, что означало окончательное утверждение публично-правового контроля над технической безопасностью морского судоходства.

Рассмотрев процесс онтологической перестройки правового регулирования института безопасней на гражданском транспорте, через переход от сугубо технических корпоративных нормативов в плоскость императивного права государств, мы приходим к неочевидным на первый взгляд масштабным сдвигам в геополитике. Внедрение государствами конвенциональных стандартов снабдило прибрежные страны безупречным инструментом административного давления. Компетенция портовых властей, с такими властными инструментами, перешагнула границы национального флота и стала распространяться на любое иностранное судно, бросившее якорь в его территориальных водах. Таким образом, дефицит спасательных шлюпок или, скажем, неисправность радиооборудования переставали быть частным риском судовладельца, а превратились в законный повод для принудительного удержания транспорта у причальной стенки. Все это де-факто превратило сухой инженерный стандарт в административный барьер, защищающий национальную экономику и акваторию от недобросовестной конкуренции со стороны владельцев, готовых пожертвовать безопасностью ради выгоды. Аналогичную роль, в современном мире, можно отнести и к нормам экологической безопасности.

Одновременно с этим, способность государства построить, сертифицировать и вывести в Мировой океан флот, полностью отвечающий передовым требованиям безопасности, стала маркером его технологической мощи и высокого политического статуса на международной арене.

В завершении необходимо отметить, что ретроспективный взгляд на проблематику свидетельствует о том, что рубеж XIX–XX веков стал периодом кардинального и необратимого пересмотра концептуальных основ правового регулирования морского судоходства. Когда формировалась современная система безопасности мореплавания, государства последовательно отказывались последовательно отказывались от либеральной доктрины экономического невмешательства (*laissez-faire*) в пользу прямого государственного администрирования. Обеспечение технической безопасности мореплавания навсегда утратило статус факультативной категории частного коммерческого риска судовладельца, органично интегрировавшись в фун-

даментальную охранительную структуру императивного публичного права. Кроме того, обобщение исследуемого историко-правового материала дает основания полагать, что масштабные навигационные трагедии трансокеанских лайнеров выполнили функцию мощного исторического катализатора, разрушившего нормативный вакуум в открытом море. Под давлением социальной и политической необходимости охрана человеческой жизни на море окончательно вышла из юрисдикции коммерческих страховых синдикатов. Принятие первых международных морских конвенций ознаменовало собой уникальный феномен масштабной юридикации, в результате которого узкопрофильные технические и инженерные нормативы трансформировались в общеобязательные, гарантированные государственным принуждением правовые предписания. В целом, исследование правовой доктрины приводит к обоснованному выводу о том, что способность государства эффективно имплементировать конвенционные требования и осуществлять строгий административный надзор за техническим состоянием национального и иностранного флота окончательно закрепились в правоприменительной практике как неотъемлемый атрибут публичной власти. Технический стандарт безопасности судоходства преодолел узкие рамки отраслевой транспортной специфики, превратившись в важнейший международно-правовой институт, с помощью которого суверенные государства реализуют защиту своих национальных интересов и укрепляют политический статус в глобальном морском пространстве.

Список литературы

1. Legal organization of sales ports safety measures in the black sea region of Russia in the 19th and early 20th centuries / Sharmoyants A.N., Klimenko E.P., Zmerzly B.V., Ivashenko E.S., Nikitina A.P. Humanities and Social Sciences Reviews. 2019. Т. 7. № 4. С. 800-804.
2. Английский закон «О торговом мореплавании» от 25 августа 1894 года. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1903. – 440 с. – Текст : непосредственный.
3. Шармоянц, А. Н. Международные радиотелеграфные конференции в правовом регулировании радиосвязи на море в первой половине XX века в СССР / А. Н. Шармоянц. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70), № 4. – С. 360–367.
4. Garantizar la seguridad del envío al inicio del siglo XX / A. Sharmoyants, E. Klimenko, A. Nikitina [и др.] // Revista Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. – 2019. – Año VI, № 3. – URL: <https://www.dilemascontemporaneoseducacionpoliticayvalores.com/index.php/dilemas/article/view/1817> (дата обращения: 01.05.2026). – Текст : электронный.
5. Международная Конвенция по охране человеческой жизни на море (1929) от 31.05.1929. – Текст : электронный // Викитека : [сайт]. – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Международная_Конвенция_по_охране_человеческой_жизни_на_море_\(1929\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Международная_Конвенция_по_охране_человеческой_жизни_на_море_(1929)) (дата обращения: 01.05.2026).

Sharmoyants A. Ontological transformation of the merchant shipping safety institution: from private commercial risk to a public-law imperative // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2026. – Т. 12 (78). № 2. – С. 647-653.

Utilizing a comprehensive historical and legal approach, the article examines the conceptual evolution of the merchant shipping safety institution at the turn of the 19th–20th centuries. The analysis reveals that the formation of the modern global conventional framework was preceded by a prolonged dominance of the economic non-intervention doctrine (*laissez-faire*), within which ship safety belonged exclusively to the realm of dispositive commercial risk. This thesis demonstrates how a series of large-scale navigational disasters in the early 20th century acted as a historical catalyst – triggering an unprecedented juridification of engineering

norms. Hence follows the transition to a new public law paradigm, where the technical standard transformed from a corporate recommendation into an existential instrument for protecting national sovereignty.

Keywords: merchant shipping safety, public law, lex mercatoria, laissez-faire, technical standards, state sovereignty, juridification of norms, SOLAS.

References

1. Legal organization of sales ports safety measures in the black sea region of Russia in the 19th and early 20th centuries / Sharmoiants A.N., Klimenko E.P., Zmerzly B.V., Ivashenko E.S., Nikitina A.P. Humanities and Social Sciences Reviews. 2019. T. 7. No 4. S. 800–804.
2. Angliyskiy zakon «O trgovom moreplavanii» ot 25 avgusta 1894 goda. – Sankt-Peterburg : [b. i.], 1903. – 440 s. – Tekst : neposredstvennyy.
3. Sharmoiants, A. N. Mezhdunarodnye radiotelegrafnye konferentsii v pravovom regulirovanii radiosvyazi na more v pervoy polovine XX veka v SSSR / A. N. Sharmoiants. – Tekst : neposredstvennyy // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2018. – T. 4 (70), No 4. – S. 360–367.
4. Garantizar la seguridad del envío al inicio del siglo XX / A. Sharmoiants, E. Klimenko, A. Nikitina [et al.] // Revista Dilemas contemporáneos: educación, política y valores. – 2019. – Año VI, No 3. – URL: <https://www.dilemascontemporaneoseduccionpoliticayvalores.com/index.php/dilemas/article/view/1817> (data obrashcheniya: 01.05.2026). – Tekst : elektronnyy.
5. Mezhdunarodnaya Konventsia po okhrane chelovecheskoy zhizni na more (1929) ot 31.05.1929. – Tekst : elektronnyy // Vikiteka : [sayt]. – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Mezhdunarodnaya_Konventsia_po_okhrane_chelovecheskoy_zhizni_na_more_\(1929\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Mezhdunarodnaya_Konventsia_po_okhrane_chelovecheskoy_zhizni_na_more_(1929)) (data obrashcheniya: 01.05.2026).

Статья поступила в редакцию 01.05.2026

НАШИ АВТОРЫ

Абасов Г. Г.	д.ю.н., доц., зав. к-ры теории и истории государства и права Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Аврамов С. О.	адъюнкт адъюнктуры и докторантуры научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации
Адыгезалова Г. Э.	д.ю.н., доц., зав. Каф. Теории и истории г-ва и права, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Апкаев Д. М.	старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юрид. ф-та Владимирского института ФСИН России
Апаев И. Х.	к.ю.н., старший преподаватель к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
Алымов Д. В.	к.ю.н., доц. к-ры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Ахтаева Э. А.	старший преподаватель к-ры таможенного дела Грозненского государственного нефтяного технического университета имени М. Д. Миллионщикова
Ахъядов Э. Саид-Мохмадович	асистент к-ры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова
Баграмян С. Л.	преп. к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Бальский А. В.	аспирант к-ры гражданского и трудового права Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Басов А. В.	д.ю.н., проф., зав. к-ры государственно-правовых дисциплин Крымского юридического и-та (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Бахриева З. Р.	к.ю.н., доц., доц. к-ры гражданского права филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»
Берг Л. Н.	д. ю. н., профессор кафедры ТГП им. С.С. Алексеева УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева
Билинченко Б. Е.	аспирант к-ры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университет
Бойко К. В.	аппарат полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе
Бокий А. А.	к.ю.н., доц., полковник полиции, нач. к-ры физической под-

	<i>готовки и спорта Крымского филиала университета МВД России</i>
Бондарчук И. В.	<i>к.ю.н., доц., заместитель руководителя Севастопольского филиала ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»; руководитель секретариата Аппарата Государственного Совета Республики Крым, доц. к-ры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУ ВО «РГУП им. В. М. Лебедева»</i>
Бондарева А. В.	<i>студент юридического ф-та ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»</i>
Бубнова Ю. Г.	<i>к.ю.н., доц. к-ры административно-правовых дисциплин юрид. ф-та Федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»</i>
Буткевич С. А.	<i>нач. к-ры конституционного и гражданского права Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, к.ю.н., доц.</i>
Венедиктов А. А.	<i>аспирант к-ры истории и теории г-ва и права. Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского</i>
Вичева А. А.	<i>старший преподаватель к-ры конституционного и гражданского права Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Волченко О. Ю.	<i>к.ю.н., доц. к-ры процессуального права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, адвокат Московской академии коллегии адвокатов</i>
Воробьева О. А.	<i>к.пед.н., доц. Департамента частного права. Тольятинский государственный университет</i>
Галкин А. Г.	<i>к.ю.н., доц., доц. к-ры теории и истории государства и права юридического ф-та ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина</i>
Гатиятуллина Э. М.	<i>аспирант УВО «Университет управления «ТИСБИ»; заместитель руководителя Правового департамента ФГАУ НИИ «ВОСХОД»</i>
Голосков Л. В.	<i>ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского отдела Московской академии им. Сухарева Следственного комитета</i>
Гончаров А. А.	<i>к.ю.н., адъюкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя</i>

Грищенко Т. А.	докторант научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, к.ю.н., доц.
Гундериц Г. А.	к.т.н., доц. к-ры уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве, Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
Гусеян Г. О.	студент юридического ф-та ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Дадашов М. М.	доц. к-ры информационного права и юриспруденции. Грозненский государственный нефтяной технический университет имени М. Д. Миллионщикова
Деревянская Т.П.	к.ю.н., старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Еремеев И. И.	курсант 4 курса Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Заброда Д. Г.	к.ю.н., доц., проф. к-р административного права и административной деятельности ОВД. Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
Зинченко Д. С.	адъюнкт ф-та подготовки научно-педагогических кадров по к-ре криминологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
Зоз В. А.	старший преподаватель к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Зубкова И. А.	адъюнкт 1 курса очной формы обучения Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина»
Иванов А. И.	старший преподаватель департамента частного права Института права ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»
Каляшин А. А.	к.ю.н., доц. к-ры конституционного и муниципального права Владимирского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Карая А. В.	Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; старший преподаватель к-ры предпринимательского и экологического права
Карчевская Н. И.	к.ю.н., доц. к-ры публичного и частного права факультета (командного) Военной ордена Жукова академии войск

	<i>национальной гвардии РФ</i>
Кашкаров А. А.	<i>д.ю.н., проф., нач. к-ры уголовного права и оперативно-розыскной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД</i>
Киян М. Ш.	<i>к.ю.н., доц., доц. к-ры теории и истории права и государства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»</i>
Коваленко Н. Е.	<i>младший научный сотрудник юридического института, преподаватель ФГБОУ ВО Алтайский государственный университет. Барнаул</i>
Козырева А. Б.	<i>к.ю.н., доц., зам. Зав. К-ры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина</i>
Кокина М. Н.	<i>соискатель к-ры теории государства и права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина»</i>
Кондратюк С. В.	<i>к.ю.н., доц., Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации</i>
Коноплев В. В.	<i>д.ю.н., проф., проф. к-ры гражданского и предпринимательского права юрид. ф-та Таврической академии КФУ им. В. И. Вернадского</i>
Коноплева А. А.	<i>заместитель начальника к-ры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД</i>
Корнев А. В.	<i>д.ю.н., проф., зав. к-ры теории государства и права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)</i>
Корчагин А. А.	<i>д.ю.н., доц., доц. к-ры уголовного процесса Кубанского государственного университета имени И. Т. Трубилина</i>
Крайнова Н. А.	<i>д.ю.н., доц. зав. каф. «Уголовное право и процесс» Севастопольского государственного университета</i>
Кручек И. В.	<i>старший преподаватель кафедры гражданского права Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»</i>
Куксов В. А.	<i>адъюнкт ф-та подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского ордена Почета университета МВД России имени В. Я. Кикотя</i>
Лагутчокин А. В.	<i>к.ю.н., доц., заместитель начальника к-ры уголовного права и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Латышева Е. В.	<i>д.и.н., проф., зав. к-ры управления документами, архивами и организации работы с молодежью, исторического ф-та, Института «Таврическая академия», ФГАОУ ВО</i>

	<i>«КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Ляшенко Т. Т.	<i>врио заместителя начальника к-ры огневой подготовки Санкт-Петербургского университета МВД России, подполковник полиции</i>
Мойса М. А.	<i>студент 1-го курса юридического ф-та ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция</i>
Муединов Э. Р	<i>Обучающийся 4-го курса бакалавриата юрид. ф-та Института «Таврическая академия» Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Мурадян Р. П.	<i>доц. к-ры «Трудовое право, судебная и прокурорская деятельность» Севастопольского государственного университета</i>
Мутигуллин А. В.	<i>к.ю.н., преп. к-ры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии РФ</i>
Невлев В.В.	<i>к. ю. н., доц., профессор РАЕ, доц. к-ры теории и истории государства и права АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»</i>
Новокишинов Д.В.	<i>Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции, начальник кафедры отраслевых и юридических дисциплин факультета (командного), г. Санкт-Петербург</i>
Орлов П. П.	<i>межмуниципальное отделение МВД России «Моршанский» (г. Моршанск, Тамбовская обл.), к.ю.н.</i>
Омелина О. С.	<i>преподаватель к-ры обеспечения безопасности на объектах транспорта Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина»</i>
Пасечник О. С.	<i>Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; к.ю.н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права</i>
Пестрецов М. А.	<i>к.ю.н., доц., доц. к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя</i>
Петренко В. В.	<i>специалитет, 5 курс. ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»</i>
Потапов И. Н.	<i>к.ю.н., доц. к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя</i>

Позднякова Е. В.	к.ю.н., доц., зав. к-ры административного и трудового права. Юго-Западный государственный университет, г. Курск
Пивнева Л. В.	ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет». ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина». Аспирант кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», майор полиции, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
Пилипенко Д.Ю.	адъюнкт 3 факультета Академии управления МВД России
Радюшнова Н.В.	к.ю.н., доц. к-ры предпринимательского и энергетического права Санкт-Петербургского государственного экономического университета
Римский А. А.	д.фил.н., проф. к-ры государственно-правовых дисциплин «Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина; проф. к-ры философии и теологии «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Руденко А. В.	к.ю.н., доц. заведующий к-ры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУ ВО «РГУП им. В. И. Лебедева»
Руденко А.В.	старший преподаватель к-ры гражданского и трудового права юрид. ф-та Института «Таврическая академия» Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского
Рудик М. В.	Крымский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева
Самойлова В. В.	к.ю.н., доц., доц. к-ры публичного права и правового положения личности Института правоведения РГГУ
Семенова Е. Г.	д.ю.н., доц., проф. к-ры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
Семенуха Т. Б.	к.ю.н., старший научный сотрудник ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Севастопольский филиал)
Сильванович Ю.Н.	Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. Ассистент к-ры истории и теории государства и права

Скворцова О. В.	к.ю.н., доц. к-ры уголовного права и процесса юрид. ф-та Института «Таврическая академия» Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского
Соловьева Л.В.	д. э.н., проф., проф. к-ры экономики АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
Старов Д. А.	магистрант 1 курса Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»
Стрельникова И. Ю.	к.ю.н., доц. зав. к-ры теории истории права и государства Крымского филиала ФГБОУ ВО «РГУП им. В. И. Лебедева»
Смирнова Е. А.	к.э.н., доц. к-ры финансов и кредита ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Сухова А. И.	обучающаяся 2-го курса магистратуры юрид. ф-та Института «Таврическая академия» Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского
Тепсуев М. С.	к.и.н., доц., доц. к-ры права Чеченского государственного педагогического университет
Титова К. А.	к.ю.н., заместитель начальника к-ры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России
Токарчук Р. Е.	к.ю.н., заместитель начальника к-ры тактико-специальной подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Толочко И. Р.	магистрант 2 курса Института экономики и управления ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» по направлению Финансы и кредит
Торопов С. А.	Крымский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева
Филонов А. В.	д.ю.н., доц., Крымский филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева
Филонова А. А.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юрид. ф-та Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Хаджиев У. К.	старший преподаватель к-ры таможенного дела ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М. Д. Миллионщикова
Ходжалиев С. А.	д.ю.н., доц., проф. к-ры уголовного права, процесса и национальной безопасности ЧГУ им. А. А. Кадырова
Ходусов А. А.	к.ю.н., доц. зав. кафедры уголовно-правовых дисциплин ОЧУ ВО Международный юридический институт

Хутько Т. В.	к.ю.н., доц. кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
Цеплина Т. Д.	аспирант к-ры конституционного права, Юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Цындра В. Н.	к.ю.н., доц., нач. к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Челпанова М. М.	к. экон. н., доц., полковник полиции, нач. к-ры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Чередниченко С.Р.	Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; аспирант к-ры истории и теории государства и права
Чуносков М. А.	к.псих.н., доц., доц. к-ры начального, дошкольного и психолого-педагогического образования Евпаторийского института социальных наук (филиал) ФГАЛУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»
Шаганова О. М.	к.ю.н., проф. Барнаульского юридического и-та МВД России
Шармоянц А.Н.	к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права юрид. ф-та Института «Таврическая академия» Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского
Шахрай С. М.	д.ю.н., проф., Заслуженный юрист РФ, директор Института правоведения Российского государственного гуманитарного университета, научный руководитель центра сравнительного государствоведения Института Китая и современной Азии Российской академии наук
Шепель Н. В.	к.ю.н., доц., доц. к-ры уголовного процесса Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
Шипунов А. И.	аспирант к-ры истории и теории г-ва и права юридического ф-та Крымского федерального у-та им. В. И. Вернадского
Яловенко Т. В.	к.ю.н., доц. Волгоградской академии МВД России
Яковлев М. В.	к.ю.н., нач. к-ры государственно-правовых дисциплин научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации
Ярошук И. А.	к.фил.н., доц. к-ры судебной экспертизы и криминалистики Юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Адыгезалова Г. Э. Судебная аналитика как часть правовой аналитики: современное состояние, функции, вызовы.....	3
Апкаев Д. М. Генезис и эволюция пенитенциарной субкультуры в России.....	8
Арсентьева С. С., Савченко А. Н. Вернуться к нравственным началам правосудия.....	18
Бойко К. В. Органы исполнительной власти города федерального значения Севастополя в механизме государственного управления: история и современность.....	24
Бондарчук И. В. Российский законодательный процесс: эмпирический анализ федеральных законов в ноябре-декабре 2025 г.....	36
Бондарчук И. В., Руденко А. В., Стрельникова И. Ю. Вопросу развития государства и права: теория, история и практика: обзор IV всероссийской научно-практической конференции.....	43
Биличенко Б. Е. Продовольственная безопасность в первых организационно-правовых актах советской власти.....	49
Бутов С. В., Яковлев М. В., Аврамов С. О. Интегральная модель социально-правовых индикаторов в системе противодействия экстремизму: теоретико-методологические основания.....	58
Венедиктов А. А. Эволюция правового статуса и правового регулирования деятельности датской народной церкви в Гренландии.....	67
Воробьёва О. А., Петренко В. В. Проблема правосубъектности искусственного интеллекта: от теоретических концепций к юридическим реалиям.....	75
Волченко О. Ю. Обеспечение законности как генеральная миссия адвокатуры и ее организационно-правовое обеспечение.....	87
Голосков Л. В. Историко-правовой анализ эволюции взглядов В. И. Ленина на террор.....	93
Гончаров А. А. Теоретическое обоснование возможности внедрения иммерсивных технологий в педагогический процесс занятий по оперативно-розыскной деятельности в образовательных организациях МВД России.....	102
Дадашов М. М., Ахтаева Э. А., Ахъядов Э. Саид-Мохмадович Право, как форма культурной самоорганизации общества: ценностно-цивилизационное измерение.....	113
Заброда Д. Г. Правовая основа функционирования участковых пунктов полиции.....	122
Иванов А. И. Теоретико-правовой аспект применения правовой нормы и способ ее изложения в нормативно-правовых актах.....	135

Каляшин А. В., Бубнова Ю. Г.	
Служба в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (события, фактическое положение и основные тенденции развития).....	146
Карая А. В., Чередниченко С. Р.	
Эволюция философско-правовых концепций генезиса пенитенциарной системы Царства Польского.....	156
Киян М. Ш., Хутько Т. В.	
Судья в советской России: историко-правовой анализ формирования судейского корпуса (1917-1953 гг.).....	172
Коваленко Н. Е.	
Оценка субъективного права в трудах Дюги Л.....	183
Козырева А. Б.	
Источники права и инновационное развитие.....	189
Корнев А. В.	
Правовой инжиниринг: понятие, содержание, формы.....	196
Крайнова Н. А., Радошинова Н. В.	
Международный военный трибунал для стран Дальнего Востока – взгляд в прошлое.....	204
Лагуточкин А. В.	
Конспирация в оперативно-розыскной деятельности: ретроспективный анализ, цифровая трансформация и новые вызовы.....	210
Мутигуллин А. В., Карчевская Н. И.	
Нормативное регулирование в демократическом обществе (историко-правовой аспект).....	219
Пасечник О. С., Чередниченко С. Р.	
Влияние системы наказаний в уголовных кодексах Европы эпохи просвещенного абсолютизма и ранних буржуазных реформ на Польшу.....	228
Позднякова Е. Ю.	
Классификация угроз национальной безопасности.....	237
Римский А. В., Яловенко Т. В.	
Эволюция правового понимания «чрезвычайно ситуации»: от классических угроз к гибридным войнам и специальным военным операциям.....	249
Семенуха Т. Б.	
Правовые последствия передачи Крымской области в состав УССР 1954 г. и социально-культурные права народов полуострова: исторический анализ и их реализация в государственной политике XXI в.....	258
Филонова А. А.	
Организационно-правовые механизмы становления санитарно-курортного дела в первые годы советской власти (1917-1919 гг.).....	266
Филонов А. В., Заброда Д. Г.	
К вопросу о генезисе гражданского общества в правовом поле: история и современность.....	274
Цепилина Т. Д.	
Формализация самостоятельности в конституциях государств постсоветского региона.....	290

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Абасов Г. Г.	Конституционно-правовой статус прокуратуры Крыма в период с 1991 по 2021 г.....	299
Бокий А. Н.	Особенности ведомственного нормативного регулирования подготовки сотрудников ОВД к действиям, связанным с обезоруживанием при угрозе огнестрельным оружием.....	304
Вичева А. А.	Современные тенденции правового регулирования профилактики правонарушений в Республике Крым.....	310
Гатиятуллина Э. М.	Защита прав человека в цифровую эпоху: особенности правового регулирования цифровых представлений личности.....	316
Грищенко Т. А.	Митинг и забастовка как формы обеспечения конституционных прав трудовых мигрантов в контексте новой концепции публичных мероприятий.....	324
Гундериш Г. А., Латышева Е. В.	Защищенность информационных ресурсов как составляющая информационной безопасности в органах прокуратуры.....	331
Зубкова И. А.	Презюмированный юридический факт как элемент механизма правового регулирования в административном праве.....	336
Климова Д. В.	Эволюция конституционно-правового статуса иностранных граждан в условиях цифровизации миграционного контроля.....	344
Кокина М. Н.	Конституционализм: статистика и динамика концепта.....	352
Ляшенко Т. Т.	Конституционное право на мирные собрания: правовое содержание и проблемы совершенствования в условиях цифровизации.....	359
Омелина О. С.	Административная ответственность за поиск экстремистских материалов: анализ правоприменения.....	367
Руденко А. В.	К дискуссии о месте административного судопроизводства.....	372
Сильванович Ю. Н.	Конституционные поправки об ответственном обращении с животными: о последствиях и перспективах проводимых реформ.....	382
Старов Д. А., Бахриева З. Р.	Ответственность за причинение вреда в сфере оказания услуг общественного питания: анализ судебной практики.....	391
Ходусов А. А.	Уголовно-правовые риски применения автоматизированных систем в распределении социальных благ.....	401
Цындра В. Н.	Актуализация исследования государственной политики в области исполнения административных наказаний в Российской Федерации.....	406

Шахрай С. М.

Можно ли защитить естественные права и свободы личности в мире
искусственного интеллекта.....414

Шипунов А. И.

Конституционно-правовые гарантии территориальной целостности
Российской Федерации.....418

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Апаев И. Х., Потапов И. Н.

Взаимодействие с кредитными организациями и субъектами ст. 7
Федерального закона от 07.08.2001 №115-ФЗ при документировании
легализации доходов от торговли людьми.....423

Баграмян С. Л.

Некоторые особенности экспертно-криминалистического
обеспечения организации расследования преступлений,
предусмотренных ст. 243.2 УК РФ.....429

Деревянская Т. П., Шаганова О. М.

О содержании мотивов политической, идеологической, национальной или
религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной
группы как признака составов преступлений против личности 440

Зинченко Д. С.

Совершаемый с использованием информационно-коммуникаций незаконный
сбыт наркотиков, традиционных технологий, как вид преступной деятельности
и элемент системы незаконного оборота наркотиков: анализ доктрины, нацио-
нального законодательства и международных норм.....449

Зоз В. А., Куксов В. А.

Критерии публичности в цифровой среде как объект оперативно-розыскной
проверки по статье 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации.....460

Кашкаров А. А.

Предложения по уточнению уголовно-правового
понятия «должностное лицо».....464

Коноплева А. А., Еремеев И. И.

Религиозный экстремизм в современном российском обществе: новые
границы старой проблемы.....469

Мурадян Р. П.

К вопросу о категоризации угрозы убийством.....477

Новокишенов Д. В.

Направления и особенности уголовной политики в условиях проведения
специальной военной операции.....482

Орлов П. П.

Потребление как питательная среда коррупции.....489

Пестрецов М. А.

Перспективы применения интеллектуальных систем в оперативно-розыскном
обеспечении противодействия преступлениям против собственности.....496

Пивнева Л. В.

Спорные вопросы применения ст. 159.6 УК РФ.....501

Пилипенко Д. Ю.

Получение компьютерной информации как вид оперативно-розыскного мероприятия в условиях цифровизации преступности.....511

Рудик М. В., Торопов С. А.

Беспилотные воздушные суда, как орудие и средство совершения преступлений, элементы криминалистической характеристики.....519

Челпанова М. М.

Модель взаимодействия органов внутренних дел и учреждений образования в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних.....525

СРОЧНО В НОМЕР

Бальский А. В.

Правовая судьба вещей изъятых из оборота по итогам реформы вещного права в российском правопорядке.....532

Берг Л. Н.

Правовые подходы к контролю генно-инженерной деятельности в аграрной сфере: управление потенциалом генетического распространения и нормативная адаптивность.....540

Корнев А. В.

Законодательная аналитика: понятие, содержание, функции.....549

Кондратюк С. В.

Отзыв официального оппонента на диссертацию соискателя ученой степени кандидата юридических наук Лебешева Ивана Сергеевича на тему «личность рецидивиста, отбывающего наказание в местах лишения свободы» по специальности 5.1.4. уголовно-правовые науки (юридические науки).....558

Кручек И. В.

Стаж в праве социального обеспечения. Актуальные проблемы теории и практики.....566

Невлев В.В., Соловьева Л.В.

Социально-правовое воздействие внешней среды на закономерности кредитно-кооперативной конструкции.....576

Семенова Е. Г.

Отказ от права собственности на приватизированное жилище: правовая природа и пределы осуществления.....588

Токарчук Р. Е.

Влияние преследования родителей и преподавателей за воспитательное принуждение детей на демографию, воспитание патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.....597

Чуносков М. А.

Профессиональная готовность сотрудников органов внутренних дел к деятельности, направленной на возмещение вреда, причиненного преступлением....609

Алымов Д. В., Бондарева А. В., Гусеян Г.О.

Криминалистическая метеорология: сущность, значение и место в системе криминалистики.....615

Ярошук И. А.

Правовая метафора: природа, взаимосвязь с языком нормативных актов.....	622
Смирнова Е. А., Толочко И. Р.	
Кибермошенничество в страховом предпринимательстве: системные дисфункции.....	631
Руденко А.В., Муединов Э.Р.	
К вопросу трансформации стандарта добросовестности в сделках с недвижимостью.....	640
Скворцова О. В., Сухова А. И.	
Проблемы квалификации убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны.....	650
Титова К. А., Шепель Н. В., Корчагин А. А.	
Понятие оценки заключения эксперта в уголовном судопроизводстве.....	658
Коноплев В. В., Басов А. В.	
Актуальные вопросы защиты прав детей в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций: роль прокуратуры в выявлении и устранении нарушений.....	664
Хрущев Р. С.	
Становление конституционного процесса на Фарерских островах.....	669
Шармоянц А. Н.	
Онтологическая трансформация института безопасности мореплавания: от частного коммерческого риска к публично-правовому императиву.....	676